

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯЖСКАЯ
ПРАВДА

Варяг

Место
для битвы

Князь

Annotation

Десятый век. Становление Руси. Время легенд. Время героев. Это не фантастика. Это подлинный мир Истории. Мир жестокий, чужой и завораживающе прекрасный. Таким увидели бы его вы, если бы смогли заглянуть в прошлое. Варяг Сергей Духарев не собирался заглядывать в прошлое. Просто однажды он проснулся там, в десятом веке, в мире, где у чужака только два варианта будущего: или раб или покойник. Сергей нашел третий путь. Место для битвы Последний год княжения великого князя Игоря. Сергей Духарев – командир летучего отряда варягов-разведчиков в Диком Поле. Хазары, печенеги, ромеи – все хотят сделать эти ковыльные степи своими. Они – чтобы разбойничать, другие – чтобы торговать, третьи... Третьим, ромеям, все равно, кто будет владеть Степью. Лишь бы этот «кто-то» не угрожал Византии. Поэтому ромеи платят золотом, чтобы стравить русов и печенегов, венгров и хазар. Это выгодно кесарям, ведь это золото все равно вернется в Византию... если не потеряется по дороге. Воин не выбирает: сражаться ему или нет. Он будет биться, потому что война – это его жизнь, его предназначение. Но место для битвы настоящий воин выбирает сам. Князь Сергей Духарев – воевода и наставник молодого князя Святослава, князя-воина, покорившего великую Хазарию и Булгарское царство, расширившего пределы Киевского княжества от Каспия до Черного моря. Равного ему полководца не рождалось со времен повелителя гуннов Атиллы...

- [Александр Мазин](#)
 -
 - [Варяг](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая,](#)
 - [Глава вторая,](#)
 - [Глава третья,](#)
 - [Глава четвертая,](#)
 - [Глава пятая,](#)
 - [Глава шестая,](#)
 - [Глава седьмая,](#)
 - [Глава восьмая,](#)
 - [Глава девятая,](#)

- [Глава десятая,](#)
- [Глава одиннадцатая,](#)
- [Глава двенадцатая,](#)
- [Глава тринадцатая,](#)
- [Глава четырнадцатая,](#)
- [Глава пятнадцатая,](#)
- [Глава шестнадцатая,](#)
- [Глава семнадцатая,](#)
- [Глава восемнадцатая,](#)
- [Глава девятнадцатая,](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая,](#)
- [Глава двадцать вторая,](#)
- [Глава двадцать третья,](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая,](#)
- [Глава двадцать седьмая,](#)
- [Глава двадцать восьмая,](#)
- [Глава двадцать девятая,](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая,](#)
 - [Глава седьмая,](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая,](#)
 - [Глава одиннадцатая,](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая,](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)

- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая,](#)
- [Глава двадцать седьмая](#)
- [Чсть третья](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья,](#)
 - [Глава четвертая,](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая,](#)
 - [Глава седьмая,](#)
 - [Глава восьмая,](#)
 - [Глава девятая,](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая,](#)
 - [Глава тринадцатая,](#)
 - [Глава четырнадцатая,](#)
 - [История Вещего Олега в версии варяга Устаха](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая,](#)
 - [Глава семнадцатая,](#)
 - [Глава восемнадцатая,](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая,](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая,](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
- [Послесловие от автора,](#)
- [Место для битвы](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая,](#)

- [Глава третья,](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая,](#)
- [Глава двенадцатая,](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая,](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [Глава двадцать седьмая](#)
- [Глава двадцать восьмая](#)
- [Глава двадцать девятая,](#)
- [Глава тридцатая](#)
- [Глава тридцать первая](#)
- [Глава тридцать вторая](#)
- [Глава тридцать третья](#)
- [Глава тридцать четвертая](#)
- [Глава тридцать пятая,](#)
- [Глава тридцать шестая,](#)
- [Глава тридцать седьмая](#)
- [Глава тридцать восьмая](#)
- [Глава тридцать девятая](#)
- [Глава сороковая](#)
- [Глава сорок первая](#)

- [Глава сорок вторая](#)
- [Глава сорок третья](#)
- [Глава сорок четвертая](#)
- [Глава сорок пятая](#)
- [Глава сорок шестая](#)
- [Глава сорок седьмая,](#)
- [Глава сорок восьмая,](#)
- [Глава сорок девятая](#)
- [Глава пятидесятая](#)
- [Глава пятьдесят первая](#)
- [Глава пятьдесят вторая](#)
- [Глава пятьдесят третья](#)
- [Глава пятьдесят четвертая](#)
- [Глава пятьдесят пятая](#)
- [Князь](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая,](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая,](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая,](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая,](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая,](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)

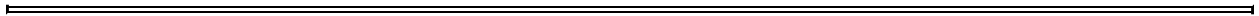
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая,](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая,](#)
- [Глава пятнадцатая,](#)
- [Глава шестнадцатая,](#)
- [Глава семнадцатая,](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава первая,](#)
 - [Глава вторая,](#)
 - [Глава третья,](#)
 - [Глава четвертая,](#)
 - [Глава пятая,](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая,](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая,](#)
 - [Глава двенадцатая,](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

Александр Мазин

Варяжская правда: Варяг. Место для битвы. Князь

© А. Мазин, 2007

© ООО Астрель-СПб, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Варяг

Часть первая

Кулак как орудие выживания

Глава первая, ***в которой бывший десантник Серега Духарев наивно полагает, что стал объектом веселой мужской шутки***

«Эх, сейчас бы кружечку пива, – подумал Серега Духарев, не разлепляя глаз. – Всего одну кружечку, и – как рукой...»

Сквозь вполне знакомую головную боль (нажрался вчера, надо полагать, знатно!) постепенно пробивались и другие ощущения: тупая боль в спине, поганый привкус во рту, цвирканье птичек...

«Мать моя... – подумал Серега. – Чего это они расчирикались среди зимы? И почему спине неуютно?»

Любопытство подвигло Духарева к разлеплению одного глаза...

...после чего он тут же разлепил и второй и тупо уставился вверх.

Потолка над головой не было. Вместо него телебомкались под ветерком резные дубовые листья. Этот же ветерок, нежный, как девичья ладошка, оглаживал небритую физиономию Духарева.

«Все, – подумал он обреченно. – Крыша тютю!»

И сел.

Неприятные ощущения в спине тут же объяснились: желуди.

Серега с кряхтением поднялся во весь свой стодевяностотрехсантиметровый рост, сорвал дубовый листочек, пожевал задумчиво...

«Может, я умер? – подумал Серега. – Может, я в раю?»

Сомнительно. С таким характером, как у него, даже в ад без пропуска не пустят.

«И где ж я вчера квасил? – подумал Серега. – Или не вчера?»

Судя по погоде, с момента, к которому относились последние воспоминания Духарева, минуло минимум полгода.

«А может, я в Австралии?»

Думать было лениво. По крайней мере – без бутылки пива. А лучше – двух.

Последним воспоминанием Сереги была поездка в Москву. С друзьями Вовкой и Димкой. Димка вез в столицу какую-то текстильную

лабуду на продажу, а Серегу с Димкой взял вроде бы за компанию. Ну и для охраны тоже. Может, это Вовка? Вовка – еще тот приколист. Вполне мог напоить и сунуть в самолет на Австралию или какую-нибудь Бразилию. А там договориться с аборигенами, промаксать, чтобы сволокли в лесок и запечатлели, как Духарев очухивается среди австралийских лесов!

– Эй! – гаркнул Серега. – Хорош дурить!

Единственный результат – возмущенная сорока, сорвавшаяся с соседнего дерева.

Интересно, есть ли в Австралии дубы? И сороки...

– Я пить хочу! – громко заявил Духарев, подумал немного и добавил: – И выпить.

На этот раз его даже сорока не поддержала.

Духарев сплюнул на травку, облегчил душу простым русским словом и побрел куда глаза глядят.

К счастью, глядели они в нужную сторону, и спустя некоторое время он набрел на озерцо в четверть километра шириной. Вода в озерце выглядела чистой. Такой и оказалась. Серега напился (плюнув на дизентерийные и прочие палочки), умылся, слегка ожил, побрел дальше и вскоре наткнулся на густой малинник. В самой середке малинника шуровал какой-то мужик.

– Здорово! – крикнул, подходя, Духарев. – Слышь, где это я, а?

Мужик выпрямился... и оказался вовсе не мужиком, а бурым мохнатым мишкой со слюнявой клыкастой мордой.

Серега в прямом смысле этого слова ошеломился. То есть он понимал, что надо валить. И очень быстро, но... Не мог.

Зато мог мишка. Ух он и дернул – только ошметки кустов в стороны разлетелись!

Духарев перевел дух.

– Во! – сказал он больше для самоуспокоения. – Человек – это сила!

И принялся за малину. Не пропадать же добру.

От ягод в желудке не потяжелело, но дурной вкус во рту сменился приятным. Духарев покинул малинник и пошарил дальше. Направление выбрал – чтобы солнце в затылок светило. Настроение улучшилось: тепло, воздух чистый, деревья большие... Знать бы еще, где и куда идешь.

Часика через полтора Духарев вышел на дорогу.

Вдоль дороги тянулись две закаменевшие колеи. Слишком узкие для автомобильного колеса, но Серега, обрадованный близостью цивилизации, не придавал сей узости значения. Настроение поднялось еще на пару пунктов, даже голова, кажись, болеть стала поменьше.

– Я пока что молодой бог! И наверно, у меня опыта нет! – громко запел Духарев, безжалостно перевирая и слова, и мелодию. – Ты, девочка моя!..

Они появились внезапно. Словно из-под земли выскочили.

Человек шесть. Все низкорослые, в коже с ног до головы, бородатые и с палками-рогульками. На рожах – черным и красным – широкие полосы и зигзаги. Приколисты, одним словом.

Духарев остановился. А что еще делать, если дорогу загородили?

«Что еще за, на хрен, австралийские волосатые панки?» – подумал он.

– Хау-ду-ю-ду, мужики! – сказал он. – Какие проблемы?

Панк постарше и повыше (видно, главный) перекинул свою рогульку в левую руку, а правую протянул Духареву. Но не с целью поздороваться, а с характерным движением пальцев: мол, давай, что есть ценного.

– Не пойдет, – покачал головой Духарев.

Не очень-то он испугался. Самый крупный панк макушкой и до подбородка Духареву не доставал, а палки им не помогут. Уж в чем, в чем, а «насчет подраться» Серега был крут. Обучен. Да и силушкой Бог не обидел.

– Ну-ка! – гаркнул Духарев, шагнув вперед. – С дороги, мать вашу!

Сосед главного панка тут же ткнул Серегу рогулькой в грудь.

Ну, пеняйте на себя, волосатые!

Духарев перехватил палку, рванул – и панк шлепнулся на дорогу. Второго, сунувшегося сбоку, Серега встретил таким классным мавашей, что от соприкосновения с духаревским ботинком панк воспарил птичкой и планировал метра три...

На этом все кончилось.

В затылке Духарева взорвалась маленькая, но вполне термоядерная бомба, и он выпал из странной действительности. А когда впал в нее обратно, то обнаружил, что распластан на дороге и пришпилен к ней, как бабочка-махаон, угодившая в лапы садиста-энтомолога. Четверо панков придавили рогульками Духареву руки-ноги, а пятый прижал рогатку к горлу. Положение из разряда «отпрыгался».

Старший панк быстро обшмонал Духарева, но почему-то карманов не проверил, а вот пояс ощупал с большим вниманием. Беглого внимания панка удостоился ножик в пластмассовом чехле-рыбке. Однако когда китайское лезвие легко согнулось в его пальцах, панк с заметным пренебрежением бросил ножик на землю.

– И зачем дрался, дурачок? – спросил он.

Речь была непривычно цокающая: «Зацем дрался, дурацок?» – но

безусловно русская.

– Денег нет, – продолжал между тем разочарованный панк. – Одежка дрянь, – он пренебрежительно дернул линялую джинсину, – обувь – дрянь, – пинок обутой в кожаный сапожок по десантной бутсе Сереги, – оружия нету, даже ножа правильного нету. Что за человек? Зачем дрался?

Панк выпрямился.

– На, дурачок! – На живот Духарева упала монетка. И уже своим: – Пошли, что ли.

И странная компания растворилась в лесу так же неожиданно, как и возникла.

А Серега Духарев остался валяться на дороге, в пыли, с монеткой на пузе. И чувствовал он себя без всякого преувеличения, как обосранный.

Минутки через две лежать в пыли ему надоело, и он сел. Поднял дареную монетку – металлический кружок из зеленого металла с неровными краями. Как ребенок ножницами из бумаги вырезал. На одной стороне монетки была изображена палочка с перекладиной, вроде виселицы. На другой нечто, отдаленно напоминающее мышь. Опять-таки в детском изображении.

Духарев встал, пощупал затылок: крови в волосах нет, одна пыль. И на том спасибо. Бивали его и сильней. Намного. Серега потрогал золотую цепочку на шее, по странной случайности не замеченную грабителями, и подумал, что говорили «панки» по-русски, значит, не в Австралии он, а дома. Наверняка где-нибудь в замшелой глубинке, зато в России-матушке. Уже хорошо.

Серега сунул монетку в карман (сувенир!) и побрел дальше.

Глава вторая,

в которой почти ничего не происходит, зато у Духарева появляется ощущение, что у кого-то поехал шифер: или у него самого, или у всего окружающего мироздания

Позади послышался скрип и топот. Серегу нагонял экипаж странного вида: разболтанная телега, влекомая сивой лошадкой. По обе стороны телеги, держась за борта, трусили двое мужичков-боровичков, бородатых, низеньких и коренастых. Завидев Духарева, мужички тут же влезли в телегу и продемонстрировали ему пару топоров.

Духарев набычился, но, памятуя о «панках», сошел с дороги. Получить топором по башке не улыбалось. Телега прогрохотала мимо, но шагов через

двадцать остановилась.

– Эй, паря! – окликнули его. – Куда ноги несут?

– Никуда! – буркнул Духарев, тоже останавливаясь. – Денег у меня нету!

Мужички захихикали, потом один махнул рукой:

– Давай к нам!

Духарев помотал головой.

– Не бойся, дурень! – крикнул второй мужик. Борода у него была рыжая, а у первого – желтая. Вот и все различие. – Не бойсь! Мы не тати. Сала хочешь?

Духарев подошел, запрыгнул на телегу. Второй мужик так же молча протянул ему шмат соленого сала и черную лепешку, крепостью соревнующуюся с кирпичом.

Первый свистнул, и лошаденка потрусила дальше.

– Тя как кличут? – спросил рыжебородый.

– Сергей.

– Диковинное имя. Ты че, хузарин?

– Тю, Голомята! Какой хузарин? Вишь, как сало трескает! – вмешался желтобородый.

– Ну, всяко бывает, – отозвался рыжий. – Я вот Голомята. А умник этот – Терщок. Мы купца Горазда людишки. Вольные, не холопы! Сам чей?

– Ничей, – Серега энергично работал челюстями.

– А где ж такие лбы растут? – ехидно осведомился Терщок. – Ты, часом, не дедки Водяного внук?

– Нет, – кратко ответил Духарев.

– А че смурной такой да пужливый? Обидел кто?

– А вам такие, с мордами размалеванными, не попадались?

Оба мужичка захихикали.

– Попадались, – сказал Терщок. – То Перши Лебеды ватажка.

И снова захихикали.

– Что смешного? – буркнул Серега. Показалось ему: бородачи над ним издеваются.

– Нас не трогают, – пояснил Терщок. – Перша к Гораздовой средненькой сватается. Завсегда привет передает.

– Токо Горазд все одно девку не отдаст, – сказал Голомята. – Перша богатый, да и Горазд не побирушка. За гридня отдаст, за ватажника – ни в жисть.

– Перша ране гриднем у ослецкого воеводы был, – поведал Терщок. – Да воевода выгнал: умничал много.

«У кого-то из нас крыша точно поехала! – отстраненно подумал Духарев. – А может, и не поехала? Может, это староверы какие-нибудь или, там, духоборы? А почему, собственно, нет? Вон эти, которые Кришну харят, еще и не в таких прикидах ходят!»

– Че-т, одежда на тебе чудная, Серегей, – желтобородый Трещок пощупал духаревскую рубаху. – Тонка больно. Холстина, чай, ненашенская?

– Нет, – буркнул Серега.

– А все ж, откель сам будешь, паря? – Желтобородого снедало любопытство.

– Издалека, – отрезал Духарев.

Трещок шевельнул плечами: дело твое – и заговорил уже с Голомятой.

К их беседе Серега прислушиваться не стал: все равно непонятно, о чем речь.

Телега катилась не быстрее пешехода и рессорами оборудована не была. Духарев привык к другим скоростям, но уж лучше трястись на телеге, чем лежать под ногами у еще какого-нибудь Перши.

Серега попытался осмыслить происшедшее. Происшедшее не осмысливалось. Нет, Духарев, конечно, не доктор философских наук, но башка у него варит, это все признавали. Хотя бы потому, что Серега дважды, причем честно, без взятки, поступал в универ. А что вылетал потом, так это не по глупости, а... по другим причинам. Правда, бабки зарабатывать головой у Духарева пока как-то не получалось. Да и не требовалось. Отслужил Серега в десантуре, куда, с разрядом по биатлону, он попал, считай, автоматом. В армии, правда, умение стрелять пригодилось меньше, чем умение бегать. А в зоне боевых действий он провел всего восемь дней. Хватило выше крыши. Получил касательное по черепушке – и десять месяцев прокантовался в госпиталях. Люди в белых халатах все никак не могли решить: съехал у него шифер или нет? Нормально отслужил, короче. Повезло.

Дорога вильнула и вывернулась на опушку. Теперь слева зеленел луг, а пониже, за камышами, блестела речка. На речке чернели лодочки. Мирная такая картинка.

Впереди Серега увидел высокий черный забор. Из-за забора поднимался дымок и доносился мерный звон. Будто кто-то лупил ломиком по рельсе. Телега миновала черные ворота, подпрыгнула на досках, перекрывших небольшой ручей, и покатила дальше.

Спутники Духарева перестали болтать. Трещок задремал, а Голомята кривым ножом выстругивал лошадку, занимался, так сказать, народным

промыслом. Живая лошадка бежала сама по себе.

Спустя некоторое время впереди открылся холм, а на холме – городок. Поселок сельского типа: деревянные домики с черными крышами, на макушке холма – дома покрупней. Что-то типа монастыря, только почему-то без крестов. Еще Серегу прикололо, что вокруг поселка – высоченный забор. Опасливо живут староверы.

– Слышь, Голомята, а речка ваша как называется?

Мужик отложил лошадку, ответил обстоятельно:

– Речка наша Сулейкой зовется. А впадает в Двину, что к граду Полоцку течет. Бывал?

Серега помотал головой.

– Откуда ж ты идешь, паря? – удивился Голомята. – Лицом ты вроде наш, из кривичей, а говор мне незнакомый. – И добавил с важностью: – Дивно это мне, бывалому...

Пока Голомята неспешно рассуждал о местных диалектах, Духарев безуспешно пытался соединить реальность с невозможностью. В географии Серега спецом не был, но где течет река Двина, знал прекрасно. И где город Полоцк стоит – тоже знал. Он еще мог поверить, что в какой-нибудь дикой Сибири есть места, не тронутые цивилизацией. Но не по эту сторону Уральских гор! Ни машин, ни линий электропередач...

Серега потрогал затылок. Шишка. Вполне реальная и довольно болезненная. Какой там сон! Значит, шифер все-таки поехал?

Повозка подкатилась к воротам. У ворот голый лохматый парень точил топор.

– Здорово! – крикнул ему Голомята.

– Здорово, – флегматично ответил парень.

Качок. Даже не качок – боец. Мускулатура у парня – не накачанное мясо, а реальная железная мышца. Как у покойника Брюса Ли.

Голомята покопался в сумке, выудил монетку, бросил парню. Тот поймал.

– Как съездили? – спросил он.

– Не в убытке.

– А это кто с вами?

Серега не сразу понял, что речь – о нем.

– По дороге прибился. Его Перша ободрал.

Парень отложил топор, встал.

– Ох доиграется Перша! – посулил он, оглядел Духарева, констатировал: – А ниче парниша! Здоровый. Не пропадет. Кличут как?

– Серегей! – вместо Духарева ответил Голомята.

– Ишь ты! – удивился парень. – Чего умеешь, Серегей?
– Зубы выбивать, – мрачно ответил Духарев.
Парень ему не понравился. Наглый, как тамбовский бычок.
Парень, впрочем, не обиделся. Или намека не понял.
– Коли так, Голомята, вези его наверх. Может, сгодится в княжьи люди?

– Дело, – согласился Голомята. – Свезу.

И хлестнул лошаденку.

Трещок так и не проснулся.

Дорога шла узкая, между заборов. По обе стороны – деревянные тротуары. Лошаденка топала не спеша, гоняла хвостом мух. Все вокруг было такое настоящее... слишком настоящее для самого крутого глюка...

Серега почесал стриженую макушку, поскрипел мозгами... и принял все как есть. Ничему не удивляться, не возмущаться. И не борзеть. По крайней мере, пока ситуация не прояснится. А пока рассматривать ее как приближенную к боевой. Провоевал Духарев совсем немного, но успел усвоить накрепко: главное – выжить. Те, кто удивляется, возмущается и умничает, возвращаются домой за казенный счет, под номером «200». Не борзеть. Однако и клювом не щелкать.

Глава третья, в которой выясняется, кто крут, а кто – не очень

Улочка виляла, как уклейка, но упорно карабкалась вверх, пока не добралась до местного рынка.

Тут было шумно, толкался разный местный народ, и выглядел этот народ настолько чуждо для глаз питерского парня Сереги Духарева, что тот совсем растерялся.

– Слазь, – скомандовал Голомята. – Тебе туда! – Он махнул рукой вправо, где между домами видно было пустое пространство. А за ним – высокий забор.

– Спасибо, – Серега соскочил с телеги.

– Удачи, паря! Не робей!

Трещок так и не проснулся.

Духарев пошел в указанную сторону и минут через пять оказался у архитектурного ансамбля, который украшал вершину холма.

Первым внимание привлекал могучий забор: ряд толстых, тесно пригнанных, заостренных сверху кольев, обмазанных какой-то сизой

дряню. Кое-где над частоколом возвышались деревянные же башенки, а в одном месте ограда вытягивалась кишкой и сходилась к воротам. Над воротами тоже возвышались башенки, а сами ворота выглядели весьма солидно: высокие, окованные железом. Под старину. Впрочем, тут все было – под старину. А и в самом деле – может, это какой богатенький новорус в историю балуется? Была вроде такая мода?

Створки были приоткрыты, поэтому Духарев решил, что можно войти без стука.

По ту сторону ворот оказался довольно узкий коридор, мощный булыжником. Камни мостовой были подогнаны очень тщательно, а вот забор изнутри выглядел совсем непрезентабельно: какие-то лесенки, балки... Как будто его еще не достроили.

Никем не остановленный, Духарев миновал узкий проход и оказался на просторном, тоже мощеном дворе, с колодцем и несколькими строениями. Жемчужиной этого деревянного зодчества, вне всяких сомнений, можно было назвать особнячок в два этажа с башенками и красной крышей. Симпатичный особнячок, стильный. За особнячком высилась каланча высотой метров десять, с крохотными окошками. Предположение насчет играющего в «историю» новоруса еще более укрепилось.

По двору задумчиво бродила свинья, и явно маялся от безделья белоголовый парень лет двадцати, прикинутый, по местной моде, в яркосиние сапожки, которые время от времени ласково поглаживал. Видно, нравилась ему собственная обувь.

На Серегу парень глянул, но вскользь. Без малейшего интереса. Свинья же Духареву вообще внимания не уделила.

Пока он топтался у входа и размышлял о том, что предпринять, за спиной раздалась ругань, чья-то рука довольно бесцеремонно отпихнула Духарева в сторону, и мимо протопали трое. Вернее, двое – в куртках с нашитыми железками, при мечах – проволокли третьего, босого, в длинной серой рубахе и перепачканных в грязи штанах с завязочками внизу.

Белоголовый парень встрепенулся.

– Поймали? – обрадовался он.

И пронзительно свистнул.

Свинья, безуспешно пытавшаяся выворотить одну из булыжин, укоризненно поглядела на белоголового.

Резные красные двери особнячка распахнулись, и на крыльцо вывалило сразу человек десять. Духарев с легкостью выделил главного: коренастого мужика лет под сорок, с вислыми усищами и стрижкой «а-ля

запорожский казак». Только прикинут мужик был не в пример лучше, чем братва на известной картине Репина.

– Ага, – буркнул «запорожец». – Этот?

– Он, батька, не сумлевайся! – заверил один из тех, кто приволок босоногого.

– Мужики его, слышь, прям с бабы стащили! Ну а тут и мы!

– Ага. – «Запорожец» подумал немного. – Что ж ты, злодей, чужих баб топчешь? – спросил он.

Мужик не ответил.

Вислоусый махнул рукой. Двое тут же заломили мужику руки так, что он рухнул на колени. Белоголовый закинул руку за спину и вдруг выдернул из-за плеча длинный меч. Встал над мужиком, откинул тому волосы с шеи и с короткого замаха играючи отсек склоненную голову. Отрубленная голова мячиком покатилась по булыжнику, встала на ровный обрубок шеи и остановилась. Фонтан крови, бывший из обезглавленного, иссяк. А в животе Духарева образовалась противная холодная пустота. Гипотеза о богатом любителе старины растаяла, как мороженое на горячем асфальте.

Белоголовый вытер меч о рубаху убитого, оглядел придирчиво сапоги: не брызнуло ли? Кивнул удовлетворенно – чистые! – и отправил меч обратно за спину, в ножны.

Вислоусый обратил внимание на Духарева.

– Кто таков? – спросил он.

Сергея расправил плечи. Шире, чем у него, здесь плеч не было.

– На работу возьмешь? – спросил он. «Запорожец» нахмурил брови, не понял.

– Дратся за тебя хочу, – пояснил Духарев. – Как эти. – Он кивнул на мужиков с оружием.

– В гридни? – Вислоусый нахмурился еще больше. – А где ж зброя твоя?

– Нет у меня зброи! – нагло заявил Сергей. – Без нее возьмешь?

Как ни странно, его дерзость «запорожцу» понравилась.

– Ничего, – помягчел он. – Всяко бывает. Ладно... Мороз!

– Чего, Скольд? – спросил белоголовый.

– Проверь молодца.

Белоголовый пригладил бесцветные усики, усмехнулся, поискал глазами, нашел какой-то шест, легко переломил пополам, одну половинку бросил Сергею, своей помахал в воздухе:

– Давай, братко!

Давай так давай. Духарев махнул обломком, целя белоголовому по

ногам...

Оп-па!

Жердина как-то непонятно вырвалась из рук, а белоголовый, оказавшись рядом, больно ткнул Серегу палкой в живот. Духарев разъярился и пробил белоголовому между глаз, однако тот, ловкая, ухитрился нырнуть... и тут-то его ждало духаревское колено! Зубы белоголового звонко ляснули, но в следующее мгновение Серега оторвался от земли, полетел через голову белоголового и грянулся оземь всеми своими килограммами. Нет, упал он грамотно, только руку немного ушиб. Тут же вскочил на ноги, перекатом... И услышал, как гогочут парни. Над ним, кстати, гогочут. Белоголовый, ухмыляясь, встряхнул палкой и изобразил, будто меч в ножны вкладывает. Остальные заржали еще громче. Обидно, однако.

– Нет, паря, – сказал с усмешкой «запорожец» Скольд. – Не возьму я ты в гридни. Иди-ка ты лучше к скоморохам, на торгу народ веселить.

Повернулся и пошел в особнячок. Остальные – за ним.

Останки казненного уже куда-то уволокли. Как и голову. Скособоченный дедок сыпал кровавую лужу песочком, а красный песок лопаткой собирал в корзину.

Серега Духарев вздохнул, повернулся и вышел вон. Спасибо, хоть голову на плечах оставили!

Глава четвертая,

в которой Серега Духарев принимает участие в местных боях без правил и даже почти выигрывает приз

Поскольку идти было некуда и в желудке бурчало, опечаленный Серега отправился на рынок. Из местной валюты у него имелся «сувенирный» грошик. Да еще несколько российских рублей мелочью завалялось в карманах. Может, какой-нибудь местный валютчик... Нет, вряд ли.

«Хорошо хоть лето, – подумал Духарев. – Тепло».

И едва не вступил в теплую навозную кучу. Выругался. Проходившая мимо женщина звонко рассмеялась. Духарев глянул на нее мрачно, и она засмеялась еще громче. Крепкая бабенка, щеки – как яблоки, грудь... хм-м... в общем, не маленькая. Тут Духарев вспомнил, как срубили голову мужику, и быстренько отвернулся. Может, за разглядывание чужих женщин тоже полагается что-то нехорошее?

Рынок был самый натуральный. Местный народец торговал всякой

всячиной. Жратвой, барахлом, живностью.

Сергеа двинул между рядов. Торгаши им особо не интересовались. Он уже понял, что по местным понятиям вид у него не шибко крутой. Безденежный вид, одним словом.

– Молодец добрый, красивый, скушай калачик!

Тетка, поперек себя шире, в высокой, обшитой бисером шапке и металлических висюльках на непомерной груди, протягивала ему витую булку.

Сергеа сглотнул слюну. Угощение сердобольных попутчиков уже давно переварилось.

– Сколько? – спросил он.

– Грошик, молодец! Ах какой калачик! Нынче они мне особо удались!

Сергеа порылся в кармане, нашарил российский рупь:

– Пойдет?

Тетка оглядела монету.

– Это где ж такие красивые чеканят? – удивилась она. – Конечно, сгодится, молодец! Кушай на здоровье! – Тетка сунула Сергее калач и потопала вперевалочку, но быстро-быстро.

– «Переплатил», – подумал Сергеа и вгрызся в булку.

Булка оказалась пресноватой, хотя вполне съедобной. На вид и запах лучше, чем на вкус.

Сергеа брел между рядами, приглядываясь. Торговали тряпьем, довольно тусклым, какими-то железками. А вот кожа была хороша! И меха. Похоже, сплошь натуральные. В холщовых мешках возились поросята. Мемекала привязанная к колышку коза.

Целый ряд занимали торговцы овощами. Капуста, репка, морковь.

«А картоха где?» – подумал Сергеа.

Может, неурожай у них тут? Сомнительно.

Морды у всех – что у торгашей, что у покупателей – как на подбор: гладкие, румяные, народ почти сплошь блондинистый. И ни одной «кавказской» физиономии.

«Куда ж я все-таки попал?» – опять вылезла загнанная было в подкорку мысль.

«Цыть!» – прикрикнул на нее Сергеа, и мысль убралась обратно в подсознание.

– А ну кто смелый да не боязливый! – раздался звонкий крик. – А ну кто – попытать силушку богатырскую!

Сергеа обернулся на голос, подошел поближе.

На свободном месте образовался кружок из любопытствующих

аборигенов.

Посреди кружка топтался босой детина в серой подпоясанной шнуром рубахе с засученными рукавами. Чуть подальше стояла палатка, а у палатки колотил в бубен тощий парнишка. Он и кричал.

Детина топтался в пыли, тряс связанными в хвост волосами, густой бородищей, хлопывал себя по бедрам. Шея детины наводила на мысль об африканских буйволах. Толстая и грязная.

– Кто Сычка-силачка осилит, тому денег пять кун да котел медный! – надрывался тощий парнишка. – Выходи, не бойсь, силушке молодецкой удивись!

Сергея присмотрелся к «силачку». Детина был примерно его веса, чуток поприместей. Зато лапы – как совковые лопаты.

Местный народец обступил борцовский пятачок, но Сергей, с высоты своего роста, мог без проблем озирая окрестности. Среди зрителей обнаружилось несколько вполне привлекательных девичьих мордашек. Особенно одна Духареву приглянулась: черненькая, шейка тоненькая, глазенки – как спелые турецкие сливы. Этаким темным ирис среди местных пышных георгинов.

Зазывала опять разразился воплями. Голос у него был зычный и довольно противный.

Еще утром Сергей, из лихости, может, и вылез бы на пятачок, похвалился удалью. Но здешние крутые ребята успели научить его скромности. Если этот бычара окажется так же ловок, как белоголовый Мороз, Духареву опять придется жрать пыль. По новой опозориться не хотелось. Тем более на виду у черноглазки.

Между тем на утоптаный пятачок выбрался соискатель, крепкий мужик в черной рубахе. Отстегнул пояс с ножом, стащил сапоги, закатал рукава, плюнул на ладони...

Сошлись. Без особой ловкости: сгребли друг дружку, потискали, детина изловчился, напрягся, сдавил противника, хакнул и шваркнул оземь. Мужик в черной рубахе плюхнулся всей спиной, как опрокинутая тумбочка, но поднялся сам, кряхтя, застегнул пояс, забрал сапоги и свалил. Застеснялся, должно быть.

Победитель, бахвалясь, напрягал мускулы, тряс волосатыми кулачищами.

Сергей с удовольствием разглядывал черноволосую малышку и подумывал – как бы это поделикатней с ней познакомиться.

Зазывале надоело драть глотку. Теперь он просто выстукивал марш на доньшке призового котелка и обменивался репликами с публикой.

Минут через десять появился еще претендент на призовой фонд. Помоложе. Проделал ту же операцию: скинул ремень, сапоги, поплевал на ладошки. Но сгрести себя не дал, увернулся и смачно треснул Сычка по роже. Тот в долгу не остался, размахнулся и влепил парню кулачищем в грудь. Парень охнул, но не умер и даже не упал, а с молодецким возгласом заехал детине по уху. Сычок даже не качнулся, только ухо порозовело. Кулачищем размером с боксерскую перчатку звезданул претендента в лоб, и на этом поединок практически закончился. Претендент «поплыл», Сычок сцапал противника за грудки, поднял и шваркнул оземь в уже виденной Духаревым манере.

Два-ноль.

Могуч, спору нет. Но в общем-то ничего особенного. Хорошо держит удар, кое-какие навыки уличной драки, но движется абсолютно неграмотно, атакует бесхитростно, как молодой бычок.

«А! – залихватски подумал Духарев. – Была не была!»

Поймал взгляд черноглазки, подмигнул и полез в круг.

Зрители одобрительно заворчали.

Ремень Серега снимать не стал. Чтоб джинсы не потерять. Просто разулся, прошелся по теплой земле.

Сычок глядел на него с любопытством.

– Ну, давай! – кивнул ему Серега. – Поехали!

Тот медлить не стал, сразу полез хватать. Серега смахнул его руки, зашел сзади, врезал пяткой под колено. Детина тут же плюхнулся на задницу.

«Ну это же совсем другое дело!» – подумал Духарев.

Детина встал. Он был удивлен. Снова попытался сграбастать Духарева. Тот перехватил руку и швырнул местного удальца через бедро. Тут же отметил, что упал его соперник совсем не так, как давешние кандидаты в чемпионы. Не мерзлой тушкой, а грамотно, упруго.

Третий заход. Противник применил хитрость, сделал вид, что собирается схватить, а сам левой рукой попытался заехать Духареву по роже. Счас! Разбежался! Из-под такого замаха Серега ползком уйти успеет! Нырок – и очень конкретный прямой в челюсть. Ай, молодец!

Детина принял удар с крестьянской простотой, но устоял. Правда, глазки затуманились.

Серега гуманно дал противнику чуток отдышаться, а когда тот отвел кулачище в могучем замахе, Духарев пробил серией: в нос, в солнечное сплетение и в челюсть. Иппон! Детина закатил глазки и рухнул.

Кто-то из зрителей одобрительно вякнул, но большинство – молчали.

«Что-то не так?» – насторожился Духарев, наткнулся взглядом на знакомую рожу: один из тех стражников, что приволокли мужика.

Вояка поймал Серегин взгляд, усмехнулся, повернулся и пошел прочь.

У Духарева отлегло от сердца.

Детина завозился на земле, встал. Из носа его текла кровь.

Сереге вспомнил про приз и подошел к тощему пареньку.

– Котел оставь себе, – сказал он. – А деньги я возьму.

– Обойдешься! – сердито буркнул парень. – Денежки в откуп пойдут.

– Какой еще откуп? – удивился и рассердился Духарев.

Детина подошел, встал рядом. На Духарева он глядел с интересом бультерьера, обнаружившего новую разновидность кошки.

– За кровь! – отрезал парнишка и показал на разбитый нос детины.

– Ну ни хрена себе! – рывкнул Сереге, чуя, что его кидают.

Кидалова Сереге не любил. Очень не любил! Просто зверел сразу...

– Ну-ка, гони бабки, козел! – гаркнул он. – Живо! Пока башку не оторвал!

Детина шумно вздохнул. Паренек сунул руку за пазуху...

Беньк! Что-то хряснуло по многострадальной духаревской головушке, и Сереге выпал в осадок.

Глава пятая,

в которой говорится о местных законах, судопроизводстве, правах граждан и бесправии всех остальных

Свет сочился из щелястой стены. В свете плясали пылинки. Сереге лежал на чем-то твердом, и мягкая ручка ласково ворошила его волосы.

– Б-блин!

Ничего себе – ласково! Больно, однако!

– Терпи, молодец, терпи! Попечет – перестанет! – проговорил нежный голосок. – И головой не верти, мешаешь.

Сереге скосил глаза. Она. Та самая. Черноглазая.

– Привет, – сказал Духарев. – Меня Серегой зовут.

Немного иначе он представлял себе их знакомство.

– Лежи тихо, Серегой, – попросила девушка.

– Лежи, не дергайся, – вступил мальчишеский ломкий тенор. – Ранка пустяшная. Пожалел тебя Чифаня.

– Угу, – буркнул Духарев. – Я б его тоже пожалел. Раза три по почкам.

– Все, – сказала девушка, и Сереге сел. Потрогал голову. На макушке –

липкая тряпочка. Серега понюхал испачканные пальцы.

– Это что?

– Мед, – ответила девушка.

Или девочка.

Такая лапушка! Шейка нежная, пальчики тонкие, ресницы – веера, кожа бархатная, губки... Нет слов!

Под его взглядом девочка смутилась, отчего понравилась Духареву еще больше.

Серега огляделся. Так себе сарайчик. Пол земляной, присыпанный сеном, на веревках – пучки трав. Духарев снова посмотрел на девушку, решил: ей лет шестнадцать, не больше. А пацан – еще моложе. Нахальный такой пацан, вихрастый, в веснушках. Волосы цвета соломы, еще светлей, чем у Духарева, на девушку абсолютно не похож.

– Спасибо, милая, за заботу! – поблагодарил Серега. – Как тебя, красавица, зовут?

Девушка еще больше смутилась.

– Сладислава.

Пацан хихикнул.

– Сладой ее кличут, – сообщил он и снова хихикнул. – А меня – Мышом. А ты, значит, Серегой?

– Сергей! – Духарев подчеркнул ударение на последнем слог.

– Ну, я и говорю, Серегей, – кивнул пацан. – А сестренку мою не дразни. Она хорошая.

Духарев не очень понял, что мальчишка имеет в виду, но спорить не стал.

– Говоришь, пожалел меня твой Чифаня? Вместо денег по башке саданул! Чем это он, кстати?

– Да вот этим же! – Парнишка извлек местное оружие.

Духарев пригляделся. Нехитрая штука. Шар сантиметров пяти в диаметре с грубой железной петлей. Сквозь петлю продет ремешок. Просто, но эффективно.

– Чего уставился? Битки не видел?

– Представь, не видел! – заявил Духарев.

– И откуда ж ты такой дурной взялся? – вздохнул мальчишка. – Битки не видел, ножик твой... токо рыбу чистить.

– Дался вам мой ножик! – сердито буркнул Духарев. – А взялся я оттуда же, откуда все, понял? А Чифаню твоего я еще поймаю.

– А чего его ловить? – удивился пацан. – Он завсегда здесь, на торжке. Токо ты с ним лучше не ссорся. Он тебе худого не сделал.

– Да ну?

– А че? Откуп за кровь взять – его право. Да и плата – малая. Скольд мог и больше присудить. А стукнул тебя – тоже по праву. Тихонько, чтоб не зашибить. А мог бы и до смерти. Ты ж, как я вижу, одинец. Родичей нет, головничество спрашивать некому. Был бы ты княжий человек, тутошний свободный или хотя холоп чей, Скольд бы за тебя виру князю назначил. А ты – чужой. Так выходит – пришиб бы тя Чифаня – и остался по Правде чист!

– Хорошая у вас правда! – усмехнулся Духарев.

– Хорошая, – кивнул пацан.

– А если бы, скажем, я его убил?

– Платил бы виру и головное, до двадцати гривен серебра – сколько посадник скажет. Или князь, если по случаю заедет. Но лучше б тебе не платить, а сразу из городка бежать. У Чифани родня сильная, кожемяки. – Мальчишка покачал головой. – Прибьют. А отобьешься – опять платить.

– А им, значит, можно?

– А им – чего? Они твою кровь за кровь родича невозбранно брать могут. В своем праве.

– А если у меня денег нет?

– Продадут в холопы. Или в яму – пока не заплатишь.

– М-да, – только и мог сказать Серега.

Закончики здесь еще те!

– Ты – чужак безродный, так? – развивал тему пацан.

– Выходит, что так, – согласился Духарев.

– Не купец, не воин, не ведун, не волох... – перечислял парнишка.

– Нет.

– Значит, ты никто, Серегей, и звать тя никак. И цена тебе – грошик дырявый.

– Зачем тогда подобрали меня? – желчно осведомился Духарев.

– Да вот она попросила, – пацан кивнул на сестру. – Не то на что ты нам сдался?

– Глупый ты! – сердито бросила девушка. – Не чужой он нам! Я это еще на Торжке поняла. Сердцем. А теперь точно знаю, что брат он нам. И не болтай!

Теперь настала Серегина очередь удивляться.

– И откуда же ты это знаешь? – спросил он, улыбаясь ласково.

Вместо ответа девушка сунула руку под вырез рубашки и вытянула маленький крестик на тонкой золотой цепочке. И вихрастый Мыш тоже полез за пазуху и вытащил такой же желтый крестик.

Сергея открыл рот... и закрыл. Как бы чего сдуру не ляпнуть!

– Ты наш брат во Христе, – торжественно произнесла девушка. – Господь же велел братьям в беде помогать!

И добавила что-то по-гречески. Что по-гречески, Духарев догадался только потому, что прошлым летом провел пару приятных недель на греческом побережье.

– Матушка наша во младенчестве крещена, и батюшка наш крещеный... – девушка вздохнула, – был. И нас крестил. Еще в Доростоле.

Глава шестая, в которой Сергей Духарев совершенно неожиданно становится кровным братом

– Батюшка наш – из болгар, а мамка наша родами померла, – сообщил Мыш.

– Он ее не помнит, – сказала Слава. – Маленький был. А теперь вот мы и вовсе вдвоем, и иной родни у нас нет. И братьев-христиан здесь тоже нет. Только в Киеве.

– Той зимой варяг с князем приезжал. На полудне, – сказал Мыш. – Тот христианской веры. Но ты – не варяг. И не нурман. Слышь, Сергеей, а давай мы с тобой побратаемся? – Пацан необычайно оживился. – Тебя ж так и так убьют...

– Это почему же? – возмутился Духарев.

– Да обычаю не знаешь! – отмахнулся Мыш. – И бестолковый. Тебе без разницы, а мне за тебя виру дадут!

– Так сестра твоя говорит: мы и так братья.

– Не-е! Это мы по-христиански – братья. А по Правде – чужие. Ну, побратаемся? Я с Чифаней погутаю – он видаком будет и Сычку скажет. Сычок, козшно, дурень, да глаза и у него есть. По рукам?

Духарев усмехнулся:

– По рукам. Беги за своим Чифаней.

– Прямо сразу? – удивился пацан. – А и верно! Чего нам тянуть? Вдруг ты сидишь и убьют! – И пулей вылетел на улицу.

– Шальной, – улыбнулась Слава. – А ты, Сергеей, правильно решил. Мыш – он хороший. И слову верный, хоть и малец еще.

– А может, я не из-за него, а из-за тебя? – улыбнулся Духарев. – Может, я такой красивой девушки, как ты, еще не встречал?

Ресницы Славы вдруг задрожали.

– Не дразни меня, Серегей, – проговорила она отвернувшись. – Нехорошо это. Стыдно тебе!

«А что я такого сказал? – изумился Духарев. – Может, по здешним правилам девушек хвалить нельзя?»

Следующие полчаса прошли в грустном молчании.

От нечего делать Духарев разглядывал сарайчик. Ничего особенного, если не считать отсутствия железных деталек. Гвозди, штырьки, крючки – все сплошь деревянное. Рядом, прислоненное к стене, стояло какое-то приспособление, вроде доски с «сережками» на изогнутой ручке, «хвост» которой был отломан. На доске с большим тщанием были вырезаны фигурки: всадник, странное животное вроде верблюда, но с человеческой головой, башенка... Целая картинка, одним словом.

– Это чего? – поинтересовался Серега.

– Прялка, – с удивлением ответила Слада. Поглядела на Духарева, который вертел «прялку», пытаясь сообразить, как это можно использовать. – Сломанная.

В сарайчик вихрем ворвался Мыш.

– Договорился! – крикнул он. – Пошли! – И, ухватив Серегу за рукав, потянул наружу.

Сарайчик располагался на краю рынка. В ряду таких же скромных строений.

За дверью ждал тощий парень, съездивший Духарева по чайнику. Над парнем нависал переминавшийся с ноги на ногу квадратный грабастый Сычок.

Солнце уже висело над самыми верхушками деревьев по ту сторону реки. Вечер. Рынок опустел.

– Двинулись! – нетерпеливо потребовал Мыш и чуть ли не бегом устремился вниз по деревянному тротуару.

Духарев вопросительно взглянул на Чифаню.

– Мы на тебя обиды не держим, – сказал тот. – Не бойся.

«Однако!» – подумал Духарев, но спорить не стал, двинулся за Мышом. Чифаня не отставал. Замыкал шествие Сычок, под ногами которого доски тротуара жалобно поскрипывали. Нет, ошибся Серега, этот здоровяк его килограммов на пятнадцать потяжелее будет.

Компания вышла из городка через уже знакомые Духареву ворота. Сейчас при них сидел уже другой сторож: бородатый улыбчивый дядя лет сорока. Сторож поздоровался с Чифаней и Сычком, видно, не прочь был поболтать, но Чифаня отмахнулся: мол, спешим.

Шли не очень долго. Сначала – мимо зеленеющих полей, потом –

лесом, на горку. Поднялись по утоптанной тропинке, затем по каменистому склону, вдоль ручейка – до плоского камня с загадочными значками. Из-под камня выбивался родник, который наполнял выложенную камешками ямку. Над ямкой толклись мошки. Вода, вытекавшая из ямки, и давала начало ручью.

Серегины спутники остановились. Зачерпнули ладонями воду, выпили. Серега – тоже. Вода пахла сероводородом, но пить можно.

Поднялись повыше. На взгорке, широко раскинув крученые ветви, стоял дуб. Вокруг дуба имелась невысокая ограда из черных камней, а внутри, сбоку от могучего ствола, – врытый в землю столб с грубо вырезанной мордой. Рот истукана был в темно-коричневых потеках.

Мыш остановился. На веснушчатой физиономии – невероятная торжественность. Вынул из-за пазухи деревянную посудину типа миски. Ручки у посуды были резные – повернутые друг к другу лосиные головы, сделанные, надо отметить, с большим искусством. Мыш вручил посудину Сычку. Тот соскочил с обрывчика, зачерпнул воды, ловко, как обезьяна, вскарабкался обратно и поставил чашку на землю.

Чифаня извлек здоровенный тесак, передал Мышу.

Тот засучил рукав.

– На! – он протянул тесак Сереге.

Духарев, сообразив, аккуратно чиркнул по тощему предплечью мальчишки, тоже засучил рукав и передал нож. Через несколько секунд вода в чашке замутилась от смешавшейся крови.

Мыш поднял чашу, сделал глоток, протянул Духареву. Тот тоже отпил. Делов-то, еще и не такое пивали. Мыш выплеснул остаток на утоптанную землю. Жидкость моментально впиталась в песчаную почву.

Серега бросил взгляд на Чифаню... и неожиданно осознал, что это совсем не детская игра, а нечто действительно важное. И что этот малец, с которым он познакомился час назад, чья белобрысая макушка не дотягивает до Серегиного плеча, в глазах вполне взрослых Чифани и Сычка действительно стал Серегиным братом.

Повинуясь наитию, Духарев расстегнул рубашку, стянул через голову золотую цепочку и протянул пацану.

Тот на миг замешкался, потом сообразил, снял собственный крест и передал Сереге. Затем потянулся к нему, а когда Духарев наклонился, пацан обнял его и прошептал ему на ухо:

– Имя мне – Момчил.

– А мое – Дух.

Ничего лучше собственной кликухи Сереге в голову не пришло.

Духарев разомкнул объятия, поглядел на пацаненка и понял, что ему хорошо. Братьев у него раньше не было. И не думал, что когда-нибудь будут.

– Славно! – громко и торжественно произнес Чифаня.

Духарев ощутил, что отношение парня к нему тоже изменилось. Потеплело.

– Славно! – пробасил Сычок. – Айда мед пить!

Глава седьмая, ***где повествуется о том, как Серега Духарев чуть не угодил в рабство***

Парусиновый навес над головами. Толстые чурбаки вместо стульев. Вместо столов – еще более толстые чурбаки, на которые уложены широченные доски. Степенные мужики с деревянными кружками глянули на вновь пришедших, кто-то поздоровался. Сереге обстановка сразу напомнила знакомый пивняк в Питере.

«Интересно, какое здесь пиво? – подумал Духарев. – И где представительницы прекрасного пола? Или у них – как в Азии?»

– Садись, – сказал Мыш. – Я сейчас.

Серега опустил на чурбак. Рядом плюхнулся Сычок. Чифаня отошел к другой компании.

Серега приглядывался к местным жителям. Внешность у аборигенов разнообразием не отличалась: коренастые, волосатые, скуластые. Правда, у одних – патлы до плеч, а другие, например, трое мужиков в обшитых бляхами куртках, стрижены покороче, скобкой. Но бородаты все поголовно.

Серега потрогал подбородок: щетинка еще только пробивалась. Его бритая морда в здешнюю моду явно не вписывается.

Вернулся Мыш, приволок бурдюк литров на шесть и четыре кружки, вырезанные каждая из цельного куска дерева. Ручки у кружек, изукрашенные по здешнему обычаю резьбой – переплетающимися змейками.

Мыш наполнил кружки, позвал Чифаню. Сычок алчно облапил свою кружку, но не пил, ждал, преданно глядя на Чифаню.

– За вас, братья! – строго сказал Чифаня, плеснул чуток на земляной пол, после чего с достоинством выпил.

Остальные медлить не стали. Сычок, как и Чифаня, тоже плеснул на землю, а Мыш – нет. И Серега – не стал.

«Надо будет спросить, что за обычай такой», – подумал он.

Это было не пиво. Сладковатое пойло, пряное от трав, слабенькое, как джин-тоник.

– Чифаня, я кушать хочу! – заявил Сычок, теребя рыжеватую бороду.

Чифаня вытащил кожаный мешочек, вытряс на стол содержимое: кусочки светлого металла, вероятно, серебра, монетки разные, даже парочка золотых. Чифаня выбрал из серебряных кусочков самый маленький, дал Сычку:

– Отдай Белке. Пусть накидает каши, сколько не жалко.

Кашу Сычок притащил в большущем котелке, литров на пять. У Сереги немедленно забурчало в животе. Трое его приятелей достали ложки... У Духарева ложки, ясное дело, не было.

– Удивительный ты человек, Серегей, – вздохнул Чифаня. – Даже ложки у ты нет.

– Я ему вырежу, – с готовностью заявил Мыш. – А пока моей поест.

Чифаня пожал плечами и зачерпнул кашу.

Каша напоминала перловку. Соли маловато, зато много сала. В первый раз за сегодняшний день Серега наелся от пуза.

Стемнело. На дворе кто-то разжег костер. Налетели комары. Никто, кроме Духарева, не обращал на них внимания. Бурдюк опустел, и Чифаня отправил Сычка за новой порцией.

Чифаня и Мыш обсуждали какого-то Шубку. Шубка этот зимой намеревался идти на некие Черные Мхи. Охотиться, как понял Духарев. Чифаня думал пойти с ним, но опасался. Все знают: два года тому на Черных Мхах лесная нечисть побилла охотничью ватажку. Мыш же утверждал, что побилла ватажников не нечисть, а лихие людишки. Меха, добытых в зимнике, не нашли, а нечисти меха – без надобности. Она сама мохнатая.

Чифаня возражал: Мыш по-людски рассуждает, а нелюдь потому и нелюдь, что понять ее невозможно.

О нелюди и нечисти друзья говорили так, как Серегины питерские кореша под водочку толковали, скажем, об американцах. Дескать, по-русски не понимают, потому хрен поймешь, чего им надо. Одно ясно – ничего хорошего не жди.

Под навесом появилась новая компания. Человек десять, и тоже одни мужики. Возглавлял ее рослый, немного огрузневший мужчина со шрамом на лбу, коротко стриженными волосами и лопатообразной бородой. На поясе у него красовался не нож, как у большинства здешних, а настоящий меч с самоцветом на оголовье. Золотая цепь на шее в полкило весом,

золотые браслеты. Местная крутизна, одним словом. Остальные перед ним явно лебезили. В одном из этих, лебезящих, Серега опознал знакомого – Голомяту. Голомята тоже узнал Духарева, помахал рукой.

Новая компания заняла целый стол, а через некоторое время от нее отделился парнишка, подошел к Духареву:

– Слышь, чужак, тебя Горазд зовет.

Серега вопросительно поглядел на Мыша, а тот в свою очередь – на Чифаню. Чифаня же пожал тощими плечами; мол, иди или не иди – дело твое.

Духарев решил подойти. Хоть позвали его, мягко говоря, неуважительно, но Голомята обошелся с Духаревым по-человечески. Нехорошо после этого его хозяину отказывать.

Сергей остановился в паре шагов от стола, который был явно побогаче, чем тот, за которым он сидел. И блюдами, и напитками.

Горазд – густая борода, челка с проседью, плечи минимум на пятьдесят четвертый размер – повернулся к Духареву, но не поднялся, остался сидеть, упершись ладонями в широко расставленные колени. Шаровары у Горазда, похоже, были из натурального шелка, красные, того же цвета, что и камень в оголовье положенного на лавку меча. Золотая цепь грузно свисала с купцовой шеи. Мощная цепка – машину буксировать можно.

– Сам откуда? – спросил купец.

Голос – бас. Сочный, глубокий.

– Издалека, – уклончиво ответил Духарев.

Лицо у Горазда – жесткое, глаза темно-серые, цвета апрельской Невы. Серега мог их хорошо разглядеть, потому что посреди стола горела толстая белая свеча.

Купец молчал, и тусовка его тоже. Духарев чувствовал: для Горазда он – вещь. Сейчас вещь оценят и либо купят, либо отпихнут пинком, как перестоялый гриб. И все же была в купце некая привлекательность. Харизма. Серега осознал, что ходить под началом такого сильного человека ему было бы лестно.

– Что, побил тебя Скольдов оплечник? – произнес купец.

Духарев счел за лучшее промолчать.

– То-то, – удовлетворился его молчанием купец. – Служить ко мне пойдешь?

– А что делать? – спросил Духарев.

– Да все! – весело отвечал Горазд. – Что скажу – делать. Ты тута чужой, чего нам с тобой рядиться? Иди по-хорошему, зря обижать не стану.

Не такой я хозяин! Хоть у кого спроси!

– Да, да! – оживились его шестерки. – Горазд – хорош! Горазд – добрый хозяин! Горазд...

– Без ряду не ходи! – пискнул появившийся сбоку Мыш.

– Кыш, землеройка! – добродушно проговорил Горазд.

– Не иди к нему в холопы, Серегей! – звонко крикнул Мыш. – Не иди!

– Да я в холопы и не собираюсь! – Духарев даже удивился. – Разве он меня в холопы зовет?

– А куда ж еще! – возмутился Мыш. – Служить без ряду – значит, в полные холопы! А-а-а! Да ты ж наших законов не разумеешь!

– Ну-ка уберите этого пискуна, – распорядился Горазд. – Да надавайте по шеем, чтоб в большой разговор не лез.

Однако команду купца его подручным выполнить не удалось. Духарев перехватил двоих сунувшихся, бить не стал; одного оттолкнул так, что тот впился спиной в столб, второму захватил кисть на болевой.

– Уй-уй-уй! – завопил подручный, и на выручку ему сунулись сразу четверо.

– Ша! – рыкнул Горазд, и купцовы люди остановились, а тот, кому Духарев руку выкрутил, перестал орать, только морщился.

– Отпусти его, – приказал купец, и Духарев подчинился.

– Много себе позволяешь, чужак, – проворчал Горазд. – Захочу – так тебя возьму.

– Не возьмешь! – запальчиво выкрикнул Мыш. – Он брат мне!

– Не свисти! – усмехнулся Горазд. – Голомята! Чужак те че о брате говорил?

– Не-а! – потряс лохматой бородой Голомята.

– Не брат!

Это сказал подошедший Чифаня.

«Предатель!» – подумал Духарев, но поторопился с выводами.

– Не родной брат, побратим! – продолжал Чифаня. – Я тому видок! Мыш по отчине – из княжких людей, вольный. И Серегея ты под себя взять не сможешь, коли он против. А не то – пусть Скольд рассудит!

– Во! Пусть Скольд! – поддержал Чифаню Сычок. И встал рядом с Духаревым. За их спинами маленький Мыш совсем потерялся.

– Обойдемся без Скольда, – буркнул купец.

Серега видел: Горазд раздосадован. И еще он видел, что народ в «закусочной» притих: все внимательно слушают их спор. Купец глянул из-под насупленных бровей, потом скосил глаза на лежащий на лавке меч.

«Схватит – я ему врежу!» – подумал Духарев. – И будь что будет!»

Горазд меч не тронул.

– Ладно, – проворчал он. – Припомнится.

Мыш потянул Серегу за рукав: пошли.

Духарев зуб дал бы: не будь вокруг других людей, Горазд так просто не сдался бы. Показал бы силу.

– Нехорошо вышло, – сказал Чифаня, когда они вернулись за свой стол. – Горазд на обиду памятливей.

– Да чего он тебе сделает! – запальчиво крикнул Мыш.

– Мне – ничего. А вам с Сереем – может. Пошли спать, что ли?

Глава восьмая,

в которой Серега Духарев размышляет о мистическом

В соломе шуршало, в стенах скреблось и поскрипывало. Зудели комары. Снаружи, где-то на реке, орали лягушки. Ночь. Летняя ночь. Обычная летняя ночь. Только вот Серега отчетливо помнил, что его предыдущая ночь была зимней. И мелкий снег вихрился перед лобовым стеклом, неприятно снижая видимость. И никаких комаров.

Серега загадал: «Вот сейчас мигну – и снова окажусь в салоне Вовчиковой тачки!»

Не получилось. Все та же темная избенка, комары и лягухи. Спит на лавке, завернувшись в холстину, славная девочка Слада. Посапывает на соломенном тюфяке Мыш. А Сереге не спится, хотя день у него был длинный-предлинный и запутанный, как чужой сон. Ну, уже не совсем чужой. И точно не сон.

«А может, лежу я сейчас в дурдоме на коечке...» – мечтательно подумал он.

Был у Сереги школьный кореш, тоже Серега, и прикалывался на всякой мистике. И гнал всякие телеги типа, что все, что мы видим, – лабуда и дым. К примеру, идет навстречу девчушка на каблучках, с загорелым животиком, а вовсе это не животик, да и не девчушка, а просто *нечто*, на которое навесили ярлычок: клевая девочка. И по этому ярлычку ты собираешь всю картинку. А как это все на самом деле, видят только грудные младенцы. Потому что их еще не приучили «собирать картинки». И ежели этот «способ сборки» поменять, то вполне окажется, что не город вокруг, а красная пустыня, а ты не двуногое прямоходящее и пивопьющее, а какой-нибудь хвостатый ящер о шести головах.

По молодости Серега эти темы слушал с интересом. Не то чтобы

верил, но... любопытно. Но экспериментировать не тянуло. И правильно. Вон тезка экспериментировал – и доигрался. То ли кислоты пережрал, то ли грибочков, но шифер у него съехал капитально, вторая группа инвалидности. Тем не менее в идеи одноклассника духаревская тема укладывалась. А возможен был и совсем простой вариант: никакой такой «прежней жизни» у Сереги не было, а просто здешние молодцы дали ему крепко по башке, и память у Духарева отшибло, да и навеялось ему, что жил он когда-то в Питере, учился в универе, бегал на лыжах... Или, к примеру, вселился в Духарева нехороший бес... В общем, идей было много, но все – «кислотные».

«Буду-ка я лучше спать», – сказал себе Серега.

И уснул.

Глава девятая, в которой не происходит ничего существенного

Проснулся Серега оттого, что Мыш пощекотал ему пятку.

– Ну здоров ты спать! – заявил названный брат. – Солнышко уж без малого на самую маковку забралось.

Серега сел, пощупал затылок; нормалек. Почти не больно.

И тут же дернулся: прямо по его ноге ползла змея!

ТЬфу ты, пропасть! Обычный уж!

Серега смахнул его на пол.

– Эй, ты что! Не обижай! – сердито проговорил Мыш.

Подхватил ужа и отнес к миске с молоком. Как кошку.

– А Слада где? – спросил Духарев.

– Да в лавке, где ж ей быть, – пожал плечами Мыш и похвастался: – А я по рыбку ходил. Во! – Паренек махнул связкой окуньков и лещей. – Будет на жаренку!

– А искупаться в вашей речке можно? – осторожно спросил Духарев.

– Да почему ж нельзя? – удивился Мыш. – Пошли!

В воде отражались синее небо и зеленая листва. Мыш быстренько скинул с себя все, кувыркнулся в траве, вызвав переполох в племени кузнечиков, вскочил...

– Ух ты! – воскликнул он, восхищенно взирая на Духарева.

Серега решил было, что причина восторга – его атлетическая фигура, но оказалось, что фигура ни при чем. Предмет, потрясший воображение названного брата, – Серегины ярко-алые трусы-плавки с вышитым орлом на

кармашке.

Мыш с огромным уважением пощупал тонкую ткань.

– Это кто ж те спрял такое? – поинтересовался он.

– Да я откуда знаю? – ответил Духарев. – В фришопе купил. Здесь глубоко? – Он кивнул на текущую двумя метрами ниже воду.

Вместо ответа Мыш разбежался и сиганул вниз.

– Давай! – заорал он снизу.

Сергея отошел на пяток шагов, разогнался, взметнулся вверх ласточкой, описал идеальную дугу и чисто, как нож, вошел в теплую воду. Песчаное дно ударило по подставленным рукам, течение мягко потянуло за собой. Сергей вынырнул и пошел поперек струи мощным кролем, наслаждаясь собственной силой, скользящей вдоль кожи водой и тем, что Мыш наверняка глазеет на него и, очень может быть, восхищается им самим, а не турецкими плавками.

Оказалось, что наблюдает за ним не только названный брат. Когда Сергей достиг противоположного берега, до которого было всего ничего, меньше сотни метров, то обнаружил деревянные мостки, а на мостках – трех аборигенок, занимавшихся постирушками.

Ради Серегоного заплыва они сделали перерыв и глядели теперь с любопытством на его стриженую голову.

Аборигенки были – как куклы барби. Не по внешнему виду, а по сходству между собой: пшеничноволосые, скуластые, веснушчатые и фигуристые. Одна, видимо, побойчее, выпрямилась, не озаботившись, впрочем, освободить подол юбки, завязанный узлом намного выше колен.

– Ай да молодец! – воскликнула она, подбоченясь. – Я б такого потискала в дажьбожьё ночь!

Икры у аборигенки были загорелые, а ляжки белые, как молоко.

Сергей приветливо махнул рукой, повернулся и обратно поплыл уже не кролем, а баттерфляем. Что, по его мнению, смотрелось еще круче и при духаревской ширине плеч на противоположный пол действовало, как прямое попадание в БТР: взрыв, огонь и полная гибель. Не то чтобы ему очень хотелось понравиться этим сочным бабенкам: с точки зрения Духарева, Слада была куда симпатичней; но Сергей любил произвести впечатление.

Метрах в двадцати от своего берега Сергей нырнул, а вынырнул уже прямо под Мышом, подхватил мальчишку за ноги и подкинул вверх.

– Ну ты, Сергей, ну ты плавать! – фыркая и отплевываясь, крикнул названный братишка.

Сергей достиг берега и вытянулся на теплом песочке. Мыш плюхнулся

рядышком.

– Слышь, Серегей, – спросил он. – А ты, часом, не нурман?

– С чего ты взял? – удивился Духарев.

– У нас так не плавают.

– Как – так?

– Да как ты. Нурманы, рассказывают, у тюленей плавать учатся. Рассказывают, нурман может полный день плыть, да не в такой воде, а в ихнем море. А там вода хол-ло-одна!

– Нет, – покачал головой Серега. – В холодной я не могу.

Он вскочил на ноги и быстро и гибко раскрутился в атакующей связке, тройном развороте с хлесткими ударами рук и ног, а закончил высоким прыжковым «ван-даммовским» уро-маваши, малоэффективным в реальном бою с равным противником, но весьма зрелищным.

– Это у тебя че за танец? – поинтересовался Мыш.

– Это не танец, – слегка обиделся Духарев. – Это боевое искусство!

– Чаво?

– Боевое. Искусство! – Серега ребром ладони срубил древесный сучок.

Но эта демонстрация резкости на Мыша не произвела впечатления.

– В бою зброя нужна, – авторитетно заявил он. – Кулачком шелом не прошибешь.

Духарев спорить не стал. Он знал, что были воины, способные пробить «пустой» рукой и доспех, и грудную клетку. Но Серега, неплохо бившийся и на татами, и на улице, вполне мог перебить противнику ключицу ударом сюто, а вот срубить, как Ояма, рог у быка даже и пробовать не стал бы. Так что в отношении Духарева Мыш был абсолютно прав. Ну и ладно! Танец так танец!

Глава десятая, ***где выясняется, что Мыш никогда не видел летучего змея***

Прошло три дня. Будучи под неусыпным присмотром Мыша, Серега, полный лох в местных понятиях, тем не менее успешно избегал неприятностей. И знакомился со своей новой средой обитания. Главным образом, с той частью этой среды, где обитал Серегин названный братишка.

Первым делом Духарева ознакомили с «недвижимостью», которой владели его новые родственники: одноэтажной избенкой с примыкающим сарайчиком, хлевом емкостью примерно в полторы коровы и двором шагов десять в поперечнике. В хлеву обитали две козы. Еще в собственности

новой Серегиной семьи оказалась лавка на рынке, который у аборигенов именовался Торжком. Кстати, сам поселок тоже именовался Торжком, вернее, Малым Торжком, потому что был еще и Большой – на Двине, немного повыше места, где в нее впадала здешняя речка Сулейка. Имелись у Мыша со Сладой и земельные владения за пределами городка – огород примерно в пять соток.

Возможно, Мыш рассчитывал, что его новоприобретенный братец будет полезен в хозяйственных делах, но тут парнишку ожидало разочарование. Не то чтобы у Духарева руки из задницы росли. Мог он и дрова поколоть, и стенку из кирпича сложить, и гвоздь в стену вогнать за два удара, но только в здешнем плотницком и строительном деле гвоздями почти не пользовались, кирпичей не делали, а печи клали из тесаных камней, что было искусством очень уважаемым, но Сереге совершенно неизвестным. А уж к земледелию Духарев был абсолютно не годен: ни мотыгой, ни тяпкой не владел совершенно, равно как и не способен был даже отличить сорняк от петрушки. И, соответственно, был абсолютно бесполезен в сборе целебных растений.

Поверить в то, что такой здоровенный облом, как Серега, по жизни ни хрена не умеет, Мышу было трудно, поэтому пацан на время от Духарева отступился, но продолжал размышлять, куда бы приспособить двухсаженного братца, чтобы хоть жрачку свою окупал. Не то чтобы Мышу было жаль кормить брата, но в его белобрысой головке как-то не укладывалось понятие безделья. Духарев тоже размышлял над тем, куда приложить мускулистые руки, но отыскать неквалифицированную работу было непросто. Пару раз Серега помог приезжим купцам перекидать мешки, но профессия грузчика здесь считалась неподобающей для свободного человека и оплачивалась довольно скудно. Свободному человеку полагалось пахать, ремесленничать, торговать или воевать. Ничего из этого списка популярных профессий Духареву не подходило. В ученики же его наверняка никто не взял бы. Хорош ученик – на голову выше мастера!

Основной доход Слады и Мыша проистекал от продажи всяческих лекарственных трав и корней, а также мелких лекарских услуг, оказываемых Сладой населению. Когда умер их отец, Торжок остался без настоящего лекаря. Был знахарь-коновал, лечивший равно людей и скотину, была бабка-повитуха. Зашить рану или вправить сустав, в принципе, мог любой Скольдов гридень. Серьезную медицинскую помощь – вроде лечения трахомы или грыжи – мог оказать какой-нибудь волох, жрец местного бога с тем же именем. Волохи время от времени навещали

Торжок. Но в их отсутствие больного приходилось доставлять на Волохово капище, до которого пешком два дня идти.

К Сладе больные обращались не очень охотно. Во-первых, чужая. В Торжке родни нет. Во-вторых, девка. Была бы замужняя да рожалая, доверяли бы больше, – поведал Сереге Мыш.

– Только кто ж ее замуж возьмет, безродную? Была бы еще красива, тогда другое дело. А так... – Мыш разочарованно махнул рукой и еще энергичнее заработал ножом.

Духарев, который почти с восхищением наблюдал, как из липовой чурочки рождается ложка, только головой покачал, в очередной раз услышав о том, что Мыш считает сестру дурнушкой.

Клочок серой тряпки, флажком вьющийся на ветру, напомнил Духареву одну детскую забаву.

– Мыш, ты змея когда-нибудь пускал?

– Куда? – спросил Мыш.

– В воздух.

– Ах вот ты про какого! – пробормотал парнишка. – Ты, Серегей, это... Ну, мы, ясно, христиане, но про Горюныча лучше не болтай. Накличешь!

Духарев засмеялся:

– Не бойсь, пацан! Сейчас я тебе покажу.

Клок старой тряпки, шесть прутьев, конопляная бечевка. Стянуть, укрепить, выгнуть «спинку», чтоб лучше ловился ветер...

Мыш, не забывая стругать, с любопытством наблюдал.

Готово! В довершение Духарев угольком нарисовал на ткани круглый глаз, сильным движением метнул поделку вверх, дернул бечевку, и змей, трепыхнувшись пару раз, поймал ветер и начал уверенно карабкаться ввысь.

Мыш глядел с открытым ртом. Недоделанная ложка валялась на земле.

Серега свободной рукой хлопнул мальчишку по плечу:

– Держи!

Змей трепетал на ветру метрах в десяти. Духарев еще немножко стравил бечевку.

– Держи, говорю!

Мыш не очень уверенно перехватил поводок... И едва не упустил.

– Ой! – пискнул он. – Чуть не улетел!

– Не улетит, – успокоил Духарев. – Если отпустишь – он свалится.

Мыш дергал бечеву – змей наверху приплясывал, ныряя носом и снова поднимаясь. Мыш даже повизгивал от восторга.

– А как его обратно достать? – крикнул он.

– Сейчас, – Серега перехватил бечеву, выбрал ее, подхватил потерявшую опору игрушку.

– Серегей, слышь, а давай Чифане покажем? – с надеждой предложил Мыш.

– Давай покажем, почему бы и нет?

Глава одиннадцатая, ***в которой Серега Духарев снова выходит на местное татами***

На рынке текла обычная рыночная жизнь. Серега уже знал, что большая часть продавцов и покупателей – не торжковские. Земледельцы из окрестных огнищ, отвоеванных у леса клочков земли, промысловики. Торговля шла вяло. Мыш ему уже объяснил, что главный торг бывает ранней весной, когда составляются караваны на юг, а речка Сулейка мало что не запружена свежесработанными челнами. Или осенью, после сбора урожая, когда всего много и возвращаются с заморскими товарами широкие купеческие лодьи. Хотя, говорил Мыш, лучшие купцы, те, что ходят «гостями» под княжьей рукой в дальние края, не ждут, когда вскроются реки, а тянутся через болотистые леса, зимниками, к югу, в Киев. Когда князь киевский пойдет торговать булгарам да ромеям собранную зимой дань, «гости» пристроятся к нему. А княжит нынче в Киеве Игорь, сказал Мыш. Но это не такой сильный князь, каким был князь Олег. И Скольд, торжковский наместник, так говорит, хотя по смерти Олега новому князю клятву давал. А Скольд – муж великий, потому что это с ним отец Мыша в Торжок пришел.

За пару дней необычные одежды местного народа Сереге примелькались, и ему уже не казалось, что он – на маскараде. А вот на него люди поглядывали. Не из-за одежды. Одежка у него была – аккурат по меркам здешних нищих. Или рабов-холопов. Всякий тутошний знал, как должно одеваться уважающему себя человеку. По прикиду определяли социальный статус и меру достатка. Мыш уже не раз намекал, что готов раскошелиться на приличную одежду для названного брата. Серега отказывался. Он считал, что не к лицу ему принимать подарки у юной девушки и мальчишки. Тем более что отдариться ему пока нечем. Так и ходил «оборванцем». Правда, когда «оборванец» в сажень ростом да почти полсажени в плечах – его особо не дразнят.

– Ай люд честной! Кто тут молодец удалой! Кто Сычка-силачка осилит, тому денег пять кун да котел медный! – зычно провозгласил

Чифаня. – Выходи, не бойсь, силушке молодецкой удивись!

Сегодня вокруг снова толпился народ. Вчера Сычок с Чифаней оказались вне общественного интереса. Публику сманили два бродячих скомороха. Но попозже скоморохов зазвали в Детинец и так там напоили, что поутру скоморохам не то что плясать – ходить не хотелось.

– А вот кто смелый-небоязливый! Выходи смеряться силой! – гаркнул Чифаня, и тут же какой-то мужичок из пришлых, подбадриваемый зрителями, полез распоясываться да разуваться.

Сычок повозился с ним немного, хотя (Серега это видел) мог бы скрутить и кинуть на счет раз. Силища у Сычка была невероятная. Но Сычок очень редко боролся в полную силу. Ему Чифаня не разрешал. Во-первых, чтоб не зашиб кого. А во-вторых – не отпугнул возможных соперников.

– Во! – Мыш толкнул Духарева локтем. – Хабар идет!

К ним приближалась компания из полудюжины мужчин. Возглавлял ее средних лет – бородища до пояса – купчина. А среди его людей выделялся пузатый, пудов на восемь, бугай, чья бородища уже была расчесана надвое и аккуратно подвязана. Рожа у пузатого была абсолютно дебильная.

– Древляни! – азартно проговорил Мыш. – Счас в заклад бороться станут!

Это была основа Чифаниного бизнеса. Когда какой-нибудь богатеи выставлял своего борца против Сычка.

«Надо бы ему идею тотализатора предложить», – подумал Духарев.

Сговорились. Древлянин выложил три витые серебряные гривны. Чифаня – столько же по весу, но слитками.

Сошлись...

И Серега мгновенно определил, что Сычку этого кабана не завалить при всей своей немереной силище. Обхватить его Сычок просто не мог; такую, с позволения сказать, талию вдвоем не обнять. Подсечь или кинуть противника, который килограммов на пятьдесят тяжелее тебя, можно, но трудно. В данном случае у Сычка явно не хватало квалификации. Сычок попробовал кулачную технику: врезал борову в грудь, затем в живот и, увидев, что противник оба удара совершенно проигнорировал, влепил древлянину в лоб. На лбу осталось красное пятно. Больше – никакого результата. А потом толстяк врезал сам, с размаху, да попал прямо в солнечное сплетение, поскольку Сычок не потрудился ни сблизить, ни уклониться. Серега увидел, как набрякло болью и удивлением лицо Чифаниного ставленника. А толстяк широко размахнулся, даже слегка подпрыгнул – и достал Сычка в висок.

Иппон!

В толпе заорали. Чифаня возмущенно закричал. Купец тоже завопил, но противоположное по значению. Толстяк глупо ухмылялся и ждал. Когда Сычок поднялся на колено, древлянский борец попросту хряснул его по макушке, и Сычок рухнул.

Духарев подался вперед: он так и не познакомился с местными правилами, и если по этим правилам толстяк может добивать проигравшего, то Серега ему этого не позволит. По крайней мере, постарается. Сычок встал с Серегой рядом, когда возник конфликт с Гораздом. Поэтому Духареву насрать, что там у них за правила. Калечить кореша он не даст!

К счастью, толстяк больше бить не стал: прохаживался, выпятив бочкообразную грудь.

Серега протолкался к самой площадке. Мыш вцепился в ремень названного брата, чтобы не оттерли.

Чифаня и древлянин орали друг на друга. Суть сводилась к тому, считать ли удар в висок запрещенным или нет. Купец кричал: раз не сговаривались, значит – нет.

Чифаня орал: эдак и по детородным органам, выходит, можно бить, если не сговаривались?

Голос у Чифани был звонкий. У купца – раскатистый бас. Язык у обоих подвешен будь здоров. Хороший дуэт, одним словом. Толпа вокруг густела.

Поорав минут пять, спорщики сошлись на том, что поединок следует повторить. Сычок к этому времени поднялся, но глаза у него были мутные. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: этого бойца следует снять с соревнований. Тем не менее Сычок собирался драться.

Духарев положил ладонь на Чифанино плечо.

– Чего? – недовольно спросил тот.

– Прекращай. Он проиграет, – уверенно сказал Серега.

Чифаня замотал головой.

– Тогда давай я встану.

Чифаня сначала презрительно скривился, потом – вспомнил.

– Ну что ж, давай, – согласился он.

Серега начал разуваться, а Чифаня отошел проинформировать противника о замене.

Противник не согласился. Вернее, согласился, но потребовал удвоить ставку. Причем в одностороннем порядке, мол, Чифанин борец уже проиграл. Еще пять минут крика – и ставки удвоили обе стороны.

– Что мне нельзя с ним делать? – быстро спросил Серега у Мыша.
– Как это – нельзя? – опешил тот.
– Ну, нос ему разбивать нельзя, это я уже знаю. Что еще?
– А-а-а... Руку или ногу ломать нельзя. За это – три гривны. Пальцы ломать можно. Зубы выбивать нельзя. Тоже три гривны. Но это ты не бойсь, как выйдет. На кону – больше. За бороду не хватай. За причинное место. Еще плевать в лицо нельзя. Песок в глаза сыпать...
Чифаня, сговорившись, подошел, заглянул снизу в Серегины глаза.
– Смотри! – сказал. – Не сдюжишь – будешь мне три гривны должен.
– Я тебе и так должен, – усмехнулся Духарев. – Не бойсь, братан! Я его завалю.

Толстяка смена противника нисколько не смутила, равно как и то, что Серега был на полголовы выше. Семенящим шажком древлянин подобрался к Духареву и, подпрыгнув, попытался врезать Сереге по морде. Должно быть, у толстяка это был коронный номер.

Но Духарева целостность собственной физиономии весьма заботила, поэтому от летящего кулака он уклонился и мощно пробил в могучее пузо. Ощущение было такое, словно кулак угодил в боксерский мешок, обернутый ватой. Толстяк слегка покачнулся и вцепился в Серегин рукав. Духарев блоком смахнул захват, но рукав при этом порвался.

«Вот сука!» – озлобился Сергей, откачнулся назад, пропуская перед собой еще один молодецкий мах, и влепил, уже совсем не стесняясь, в полный контакт, с «волной», прямо в «солнышко». Раздался чмокающий звук. Рот толстяка открылся буквой «о». Есть попадание! Несмотря на могучее сложение борца-сумоиста, по-сумоистски держать удар «кабана» не учили. Дать возможность противнику отдышаться было бы гуманно, но Духарев никогда не считал себя гуманистом. В лоб бить можно – и Серега пробил в лоб. Как по деревяшке. И звук такой же. Деревяшки Серега ломал кулаком. Кость оказалась крепче, но глаза толстяка сошлись к переносице, и «кабан», покачнувшись туда-сюда, рухнул пятак в пыль.

– Все, – удовлетворенно произнес Серега. – Снимай шкуру, пока теплая.

Глава двенадцатая,
где оказывается, что Серега Духарев заработал на хлеб с
маслом, а Чифаня понятия не имеет о том, что такое
тотализатор

– Твое, – Чифаня вручил Сереге три гривны, три широких обруча из серебряной проволоки.

– Да не надо мне... – пробормотал Духарев, но Чифаня даже и спорить не стал. Повернулся и пошел.

– Ну и что теперь с этим делать? – спросил Серега у Мыша.

Спросил в общем риторически, но оказалось, что у Мыша есть вполне конкретные мысли по использованию выигрыша.

– Одну на шею повесь, – распорядился он. – Пусть видят: ты человек свободный и не побирушка. Вторую дай сюда, это нам на хозяйство. А на третью пойдем тебе сапожки справим. Это ж срам один, что у тебя на ногах.

Сапожки из серого сафьяна скроили у Сереги на глазах, по мерке. Были сапожки совершенно одинаковые, что на левую, что на правую. Двое подмастерьев тут же принялись дырявить и стягивать выкройки кожаными ремешками, промазывая швы белым вонючим клеем. Сапожник забрал у Сереги обруч-гривну, выдав взамен пригоршню серебра: монет и обрезков, по весу, в три четверти гривны. Еще две четверти Серега будет должен отдать при получении обуви. Ни расписок, ни квитанций Духареву не выдали. Все – на честном слове.

Среди монет одна особенно заинтересовала Серегу, поскольку надпись на ней была сделана арабской вязью. Духарев показал монетку Мышу, но тот, повертев ее в руках, не заинтересовался. Серебро как серебро.

– Пошли, может, Чифаню поищем? – предложил Сергей.

– А чего искать? – удивился Мыш. – Они домой пошли. Полдничать.

Кожевенный квартал удивил Духарева нездешней силы вонищей. Словно в родной Дерптский переулок вернулся. Мыш тоже сморщил нос, процедил:

– Кожемяки...

Родной дом Чифани стоял за крепким забором. Солидные дубовые ворота им не отперли, только махонькую калиточку. Во дворе воняло еще пуще, чем на улице. Тощий парень в ошейнике наподобие собачьего спросил:

– Чего надоть?

– Чифаню позови! – скомандовал Мыш.

Парень нехотя повернулся и поплелся к дому. Мыт догнал его и довольно сильно пнул под зад. Парень, к удивлению Сереги, вместо того чтобы повернуться и отвесить сопляку затрещину, припустил рысцой.

– Червяк ленивый! – буркнул Мыш.

– А что это у него на шее за украшение? – спросил Духарев.

– Ярмо холопское, что ж еще? – проворчал недовольный Мыш.
– Это если бы я к Горазду в холопы попал, на меня такое же надели бы? – осведомился Серега.

– Не, не такое. Железное. Ты ж не рожденный холоп, можешь и откупиться.

Два мохнатых пса с рычанием тянули в разные стороны обгрызенную рыбину. Наконец запас прочности у рыбины иссяк, и псы покатились в разные стороны – каждый со своим куском. Клычищи у псов были очень солидные. Оставалось надеяться, что собачки не заинтересуются посторонними, проникшими на их территорию.

Мыш достал нож и недоделанную ложку.

Наконец появились Чифаня с Сычком, работа была завершена, а ложка вручена Сереге. Торжественно. Еще один шаг в духаревской адаптации. Вероятно, здесь человек без ложки – все равно что новорус – без спутниковой «трубки».

– А вы не спешили! – заметил Духарев.

– А что, в твоём роду пристойно уйти с общей трапезы? – укоризненно произнес Чифаня.

– У меня в роду не принято, чтоб голодный гость во дворе топтался! – парировал Духарев.

– Гость ты иль нет – не мне решать, – возразил Чифаня.

Серега поймал укоризненный взгляд Мыша и решил тему больше не развивать.

– Пошли куда-нибудь, где перекусить можно. И поговорить заодно.

Постоялый двор под городскими воротами отличался от того, где у Сереги вышел конфликт с Гораздом. Длинный зал с низким закопченным потолком, длинный стол – во всю длину помещения.

Запах чего-то кислого смешивался с запахом дыма и жареного мяса. Народу было много, но места на лавках пока хватало.

– Будь здоров! – молодой парень с только пробивающимися усами приветственно махнул рукой. Не Чифане или Мышу, что характерно, а Сереге.

– И тебе того же! – откликнулся Духарев.

Парень – из тех, что были с древлянским купцом.

Разместились. Мыш сбегал к печи, приволок горшок с кашей и кувшин со сладеньким пойлом.

– Слушай, а там мужики случайно не пиво пьют? – спросил Духарев.

– Какие мужики? – удивился Мыш.

– Да вон те!

– Ты что, умом тронулся? – воскликнул названный братишка. – Свободных людей мужиками назвать!

– А что плохого? – удивился Духарев.

– А то! Это ж все равно как за бороду дернуть!

– А в этом что плохого? – снова удивился Серега.

Мыш только головой покрутил от такого непонимания жизни.

– Погоди, – вмешался Чифаня. – У них же в роду совсем другие обычаи.

– Назвать свободного мужа мужиком, – произнес он, поворачиваясь к Духареву, – это, ясное дело, лучше, чем бабой, но слово все равно стыдное. На него не только свободный, даже закуп может обидеться.

– Да что в нем плохого? – никак не мог врубиться Серега.

– Ну... – Чифаня пошевелил пальцами. – Мужик – это почти как муж, только... это... маленький. Понял?

– Вроде бы, – кивнул Духарев. – А с бородой что?

– А с бородой, Серегей, я те так скажу: чужую вовсе не трогай, а ежели твою кто тронет – бей как умеешь. Хоть кровь пусти. Никто с тебя виры не потребует. Понял?

– Вполне, – подтвердил Сергей. – А теперь скажи мне: вон те мужи, они случайно не пиво пьют?

– Пиво, – подтвердил Чифаня.

– А здесь его подают?

– Да ну его! – вмешался Мыш. – Горечь одна!

– Вон там, – показал Чифаня, – бочонок. Скажи хозяину – он те нальет. Токо нам не бери. Мы его не любим.

Пиво, впрочем, оказалось очень даже ничего. Вкусное. Под него и каша веселей пошла. Мыш с Серегой умяли ее в две минуты, а Сычок с Чифаней тем временем оприходовали бурдючок.

– Эй, ты ложку так не клади! – заметил Мыш. – Нынче богов кормить не время!

Серега безропотно забрал инструмент, облизал и спрятал в карман. Это действие ни у кого нареканий не вызвало.

– Поел? – спросил Чифаня.

– Вполне.

– Тогда говори, зачем звал?

– Скажу, – согласился Духарев. – Но сначала ты мне расскажешь, почему вы с Сычком борьбой развлекаетесь. Вы же не скоморошьего племени, верно?

– Верно, – Чифаня вздохнул. – Тут вишь какое дело... Не способен я к

родовому ремеслу. Здоровьем не вышел. А в дармовых нахлебниках жить не хочу. Я и придумал. Старшие мне Сычка вот отдали. Он – из Нового города, там на кулачках драться да бороться выучился. Да и силушка при нем. Бывает, конечно, и его побьют, как вот сегодня. Да редко. А чтоб случайный какой смерд Сычка заломал – такого не было! – гордо завершил Чифаня.

– Значит, не для удовольствия ваша борьба, а для заработка? – еще раз уточнил Духарев.

– Ясно, для заработка.

– Тогда слушай, как этот заработок увеличить, – заявил Серега и изложил невинным торжковцам систему ставок.

Вначале Чифаня усомнился: чего это вдруг народ начнет об заклад биться не за своих, а непонятно за кого. Или, к примеру, если и так ясно, кто победит. Духарев объяснял терпеливо, что человек по природе своей азартен, что спорить можно не только на победу, а на то, что кто-то из борцов устоит на ногах какое-то определенное время. Кроме того, если минимальная ставка – куна и если десять ставят на Сычка, например, а двое против, то ставящие против могут проиграть всего лишь куну, а выиграть целых пять.

– А какая моя выгода? – усомнился Сычок.

– А такая, что из каждых десяти поставленных кун – одна твоя. За труды.

В общем, говорили они долго, приговорили еще пару кувшинчиков с медом и изрядное количество пива. Последнее – исключительно Духарев. Договорились. Чифаня обещал подыскать второго борца и договориться с местным рыночным людом, чтобы делали ставки для разгона. А Мыш – организовать рекламу силами местной молодежи.

Уже изрядно окосевшие, друзья выбрались на свежий воздух, облегчились... и тут Мыш вспомнил о змее. Надо же, совсем забыл, для чего они с Серегой Чифаню искали!

Игрушку собрали. Серега дал Мышу конец веревки: беги! Мыш вприпрыжку поскакал к воротам, Духарев подкинул змея, и тот взмыл в воздух. Сычок загоготал от восторга, а у Чифани даже челюсть отвисла. Змей забрался повыше, его подхватил верховой ветер, бечева натянулась струной.

Мыш промчался через ворота, прибежал обратно. Он был счастлив.

– Занятно, – сказали у Сереги за спиной.

Духарев оглянулся и увидел гридня, который побил его в Детинце. Белоголового.

– Сам придумал? – спросил белоголовый.

Духарев покачал головой.

Гридень свистнул, поманил Мыша:

– Покажи-ка.

Мыш осторожно опустил змея. Белоголовый зажал его между ладонями, оглядел.

– Понятно, – сказал он. – Полезная вещь. Если в яркий цвет покрасить – не хуже дыма будет, – задумчиво проговорил он. – Добро! – вернул змея Мышу и зашагал прочь.

– Ни здрасте, ни до свиданья! – сердито сказал Серега.

– Да ты что! – воскликнул Мыш. – Это ж Мороз! Он же двух нурманов зарубил! Ему ж сам Скольд...

– Ладно, проехали, – буркнул Серега. – Со змеем побаловались, что теперь?

– Может, еще медком побалуемся? – с надеждой спросил Сычок.

Глава тринадцатая, в которой Серега Духарев становится основоположником коммерческого спорта в городище Малый Торжок

Чифаня сработал по высшему разряду. Во-первых, нашел Сычку достойного противника – Ишку-утра, холопа со двора Жердяя, старшины гончарного конца. Во-вторых, раззадорил самого Жердяя, и тот самолично явился на рынок вместе со своими родичами и челядью. В-третьих, Чифаня дал несколько кун Мышу, а тот, в свою очередь, раздал малышне, чтобы те кричали на своих и чужих дворах про будущий кулачный поединок... Короче, когда солнце коснулось верхушек деревьев, и, стало быть, наступил назначенный для схватки час, чуть ли не пол-Торжка уже теснилось на рыночной площади. Наиболее шустрые залезли на крыши лавочек, прилавки, навесы над рядами. В результате один навес, не выдержав, рухнул. Никто, к счастью, не покалечился.

Почетные места – на принесенных лавках – были отданы старшине Жердяю и деду Чифани, костлявому высокому старику с желтой бородой, глазами философа и молодым именем – Любим. На почетное место усадили также старшин кузнецов и плотников и богатого огнищанина с того берега реки.

Дед Чифани и старшина гончаров, как водится, заложились. Каждый – на своего борца. Когда Чифаня предложил всему честному люду сделать

ставки, его сначала не поняли. Чифаня разъяснил смысл предложения еще два раза, а затем по знаку Мыша несколько подговоренных заранее парней полезли вперед с деньгами. Их ставки были оговорены и проплачены. Деньги принял Духарев и громогласно объявил расклад: на Сычка – одна куна, на Ишку – три. Публика не въехала. Чифаня растолковал: ежели победит Сычок, тот, кто ставит на него куну, – получит три, а ежели Яшка, то поставивший на него получит треть своей ставки. Но десятую долю победителю в любом случае придется отдать организаторам турнира.

Кто-то заорал: несправедливо! Почему это за Сычка – втрое, а за Ишку, считай, ничего? Но кто-то более расторопный уже полез ставить на Сычка. Через полчаса ругани и столпотворения Духарев, делавший пометки на берестяном листке, огласил новые результаты. Одиннадцать против одного на Сычка. Теперь заорали ставившие на бойца кожевников. Жердьяй и Чифанин дед, с удовольствием поглядывавшие на растущую кучку серебра (старшине гончаров тоже была обещана доля), при первых же признаках беспорядка дали знак, и плечистые родичи сомкнулись вокруг организаторов представления. Наиболее рьяных возмутителей уgomонила рыночная охрана, Скольдовы отроки. Опытный Духарев уговорил Чифаню отстегнуть им заранее и посулить дать еще в случае успеха предприятия. Чифаня, у которого глотка была натренирована ежедневной практикой, вскоре сумел переорать крикунов и еще раз растолковал простое правило. Поставленные на кон деньги будут поделены между всеми, кто ставил на победителя. В соответствии с личными ставками. Разобрались. Серега опять начал принимать деньги, причем обнаружил, что среди тех, кто ставил теперь на Ишку, оказалось немало уже поставивших на Сычка.

«Какой славный народ!» – подумал Духарев, торопливо царапая бересту. Просто записать ставку и имя оказалось недостаточно. Одних только Малов в списке оказалось шестеро. Приходилось вносить особые приметы; «рыжий», «рыжий маленький», «рыжий, маленький, без половины уха»...

– А я и не знал, что ты грамоте учен! – с уважением проговорил Мыш.

Духарев глянул на брата удивленно: взялся бы он иначе принимать ставки у тучи незнакомого народа!

В общем, когда подготовительная часть закончилась, солнце уже скрылось за лесом.

Начали.

Широкий белобрысый Сычок против такого же широкого чернявого Ишки.

Сегодня днем Серега попытался втолковать обоим: не торопитесь. Дайте людям полюбоваться зрелищем. Идея, понятная любому здешнему скомороху. Но у этих двух дурачков все наставления вылетели из головы, едва они встали друг против друга. Налетели, сцепились и стали давить друг из друга масло. Какое там зрелище – одно медвежье пыхтение. Публика орала. Каждый считал своим долгом подбодрить своего борца. Сычок изловчился, присел, подхватил угра под колено и бросил. Вернее, угр упал, а Сычок свалился на него. Побарахтались в пыли, встали. Разочарованный исходом силовой борьбы Сычок перешел к кулачной: размахнулся – аж позвоночник скрипнул – и влепил Ишке в скулу. Звук – будто резиновой дубинкой по деревяшке. Угр ухнул, схватил Сычка за рубаху и влепил ему башкой в подбородок. Подпрыгивавший рядом с Духаревым Мыш в азарте шлепнул Серегу по спине. Духарев восторга названного брата не разделял. С его точки зрения, это не борьба, а позор один. Уж Сычок мог бы работать поинтереснее. Опыт есть, да и Серега успел показать ему пару-тройку приемов.

Бац-шмяк... Угр ухитрился вцепиться Сычку в шею и теперь просто и незамысловато душил противника. Впрочем, душить Сычка была не такая уж и простая работенка. С его-то шеищей. Руки у угра были длиннее, чем у Сычка, зато у последнего длиннее были ноги, и Сычок принялся лупить пяткой по голени противника. Ишке это не понравилось, он отвлекся, и Сычку удалось оторвать его пальцы от собственного горла. Р-раз... И он наконец применил то, что ему показывал Серега: передняя подножка с одновременным толчком в грудь. Угр полетел на спину, Сычок подпрыгнул и приземлился пятками Ишке на живот. Пробил. Угр раззявил рот – зубов у него был явный дефицит – и безуспешно пытался вдохнуть. Вряд ли этому способствовало то, что Сычок уселся ему на грудь и, оскалившись, сдавил глотку угра железными пальцами кожемяки.

Пятки Ишки забарабанили по земле...

Духарев вскочил с места и бросился выручать угра...

Но раньше него поспел Чифанин дед.

– Сычок, кабанье семя! А НУ ОТПУСТИ ЕГО! – взревел Любим, на миг перекрыв вой и ор толпы.

От хозяйского голоса увлекшийся победитель аж подпрыгнул, коlobком скатился с угра, выпрямился и уставился на старшину взглядом нашкодившего пса.

Глава четырнадцатая,

в которой в очередной раз доказывается, что напиться можно чем угодно, даже слабым домашним пивом. Главное – выпить побольше

Серегу Духарева пригласили к чужому столу. Его и Мыша. Старейшина Любим лично снизошел. Без поклона, правда, как только что звал гончарного старшину, но уважительно. Как сообщил позже Чифаня, Духарев поразил деда быстротой, с которой просчитал и распределил выигрыши между полусотней счастливых. А ведь кое-кто не поленился и перепроверить Серегины расчеты по местной системе. Быстро, сказал тоже! Серега, пока считал, изматерился про себя. Ему бы паршивенький китайский калькулятор! Но деда Любима, выходит, он и без калькулятора очаровал. Вероятно, изрядная куча серебра тоже способствовала очарованию. Богатый город – Малый Торжок. И народ разошелся воодушевленный. Выигравшие – прибылью, проигравшие – надеждой на отыгрыш. Было объявлено, что через три дня состоится следующий чемпионат. И участвовать в нем будут уже не двое, а четверо. Третий борец будет от кузнецов, а четвертым сам вызвался пришлый – молодой купец Тишка. Последняя кандидатура вызвала у Духарева сомнения, но Чифаня и Сычок уверили его, что недостаток веса кандидата вполне компенсируется происхождением (новгородец) и профессией. Купец, по здешним понятиям, всегда воин. Иной купец княжьего отрока стоит. А то и гридня. Участие же представителя высших сословий поднимает престиж чемпионата.

В общем, все довольны – и отлично. Пошли ужинать.

Ужинать? Ха! Вечерняя трапеза в доме Любима – это что-то! Длиннющий стол, за которым уместилось человек сорок. Мужчин. Женщинам полагалось прислуживать, а есть – когда мужчины наедятся. Впрочем, засидевшихся можно и поторопить.

Кушали из одной миски – на двоих. Чинно. Перед каждой переменной Любим особой ложкой отстегивал пайку «предкам» – кидал в открытую печь, где горел огонь. В «столовой» было жарко, дымно и поначалу относительно тихо. Ели молча. Даже не ели – вкушали. Это уже потом, наевшись и подвыпив, кожемяки оживились и загалдели.

Серегу дед Любим посадил поближе, рассчитывая потом расспросить. Любознательный оказался дедушка. И властный. Домочадцев своих держал в ежовых рукавицах. Сыновья, здоровенные, с проседью уже мужики, отцу в рот смотрели. О прочих и говорить нечего.

Конечно, правды деду Серега рассказывать не стал. Правду он и

Мышу рассказать не решился. Наплел про затерянное в горах племя, про страны заморские... В общем, в лучших традициях отечественной фантастики. Потом уж и сам не помнил, что врал. Кто-то шепнул Любиму, что гость неравнодушен к пиву, и приставленная к Сереге девчонка без усталости подливала в его кружку. Скорее всего, дед Духареву не поверил: пара-тройка заданных старшиной вопросов показала, что старик в местной географии разбирается неплохо, а «странник» Серегей – ни в зуб ногой.

Короче, отужинав, взяли с собой пива да меда и удалой компанией потащились на реку. Городские ворота оказались закрыты, но за кувшинчик пива сторожевой отрок отпер им калиточку и пообещал впустить обратно – еще за один кувшинчик.

– Во! – заявил Чифаня, когда они отошли подальше. – Сразу видать, что Скольда в кремле нету!

Домой братья вернулись затемно, пьяные и веселые. Серега порывался петь песни типа «Вновь по выжженной земле иду, гермошлем защелкнув на ходу, мой „фантом“...» и так далее. Братан Мыш тянул тоже что-то неподобающее про «милку задасту да титясту». Ввалились в избу, что-то перевернули, запалили свечу, разбудили Сладу. Серега спьяну полез к ней обниматься. Девушка вывернулась молча и яростно. От этого молчаливого отпора Духарев сразу отрезвел, пробормотал:

– Прости, Сладушка, дурака пьяного! Я ж... Ничего плохого, слово!

Девушка только глазами сверкнула, так же молча загасила свечу. Серега услышал, как она улеглась: скрип досок, шуршание, шорох одеяла. Духарев постоял в темноте, покачался с носка на пятку... Слада, сонная, сердитая, желанная до невозможности, стояла у него перед глазами... «Ну ты, урод, даже и не думай!» – приказал он сам себе, вышел во двор и сунул голову в бочку с водой. Следом за ним выполз Мыш и принялся блевать в компостную яму. «Не дело это, такому мальцу пить!» – сердито подумал Духарев. И вспомнил, как лет восемь назад в одной деревушке к их столу подошла восьмилетняя девчонка и попросила портвейна. Серега ужаснулся было, но его местная подруга, девчонкина сестра, сказала: «Налей!» Он, на автомате, налил, девчонка выхлестала залпом двести граммов дрянного портвейна и ушла играть в куклы. И не блевала, это точно.

«Куда ж это я все-таки угодил?» – подумал Серега.

Этот вопрос он задавал себе каждый вечер. Но утром – никогда. Серега Духарев воевал совсем немного, однако, пока воевал, успел усвоить очень многое. Например: живи, пока живется, и, если можешь, получай от этого удовольствие. Хотя бы от того, что – живой. Иначе – абзац.

«Куда же я все-таки угодил?» – спросил себя Серега и поплелся в

сарай, на сеновал. Спать.

Глава пятнадцатая,
в которой внешний вид Сереги Духарева наконец-то
приводится в соответствие со здешними нормами

Денег, заработанных вчера, новой семье Сереги хватило бы на годовой прокорм. Так подсчитал Мыш. И еще оставалось. Вот с этим «оставалось» они отправились на рынок. Спустя час Серега перестал выглядеть оборванцем. По местным меркам. Ему купили удобные свободные штаны со шнурочком и крючками, на которые можно было повесить, к примеру, кошель. Это, видно, для того, чтобы постороннему человеку удобней было его снять, ведь из кармана тащить – не всегда сподручно. Да и не додумались до карманов местные портняжки. Мыш, впрочем, объяснил брату: понимающие люди носят кошель не снаружи, а изнутри, в штанах. За веревочкой-гашником. Толково. Жаль – доставать неудобно. Еще Сереге купили рубаху с замысловатой красной вышивкой. Вышивка, как выяснилось, не просто украшение, а оберег, которому предназначено защищать Серегу от стрелы и огня. А вот от борца да кулачного бойца нужен особый оберег, заявил торговец, который, как выяснилось, присутствовал и на вчерашнем ристалище (проиграл половину нурманской марки), и в первый день, когда Серега побил Сычка. Особый оберег у торговца, ясное дело, имелся. И стоил пустячок. Полгривны. Учитывая, что гривна и марка были примерно в одном весе – граммов двести серебра, торговец, вероятно, решил компенсировать вчерашний проигрыш. Не вышло.

– Вот мой оберег! – заявил Духарев, показав кулак.

Кулак у Сереги был поменьше, чем, например, у Сычка. Но зато пользоваться им Духарев умел не в пример лучше. Торговец это знал и больше не настаивал.

Вышли из лавочки вполне довольные. Особенно Мыш, который торговался отчаянно и на каждой вещи ухитрялся скинуть самое малое треть стоимости.

С рынка отправились за город, к кузнецу. Мыш заявил, что дешевле купить прямо в кузне, чем на торжке. Тем более кузнец, или, как говорил Мыш, – коваль, – дружил когда-то с Мышовым отцом.

Кузнечный двор был тот, мимо которого Серега проезжал в первый день с Гораздовыми приказчиками. Кузнец, мускулистый мужик в

прожженном фартуке, особого восторга не выразил. Флегматично кивнул, выбрал заготовку, махнул Духареву, чтоб стал к мехам. Серега сначала не понял, как с этой штуковиной обращаться, помог Мыш. Заготовку раскалили, затем принялись обстукивать молотами: мастер – средним, а подмастерье, широкогрудый и длиннорукий, как горилла, – насаженной на рукоять чушкой в полпуда весом. Грохот, искры... Ничего интересного. Серега вышел во двор, где еще двое подмастерьев подковывали коня. Один держал ногу, второй загонял гвозди прямо в живое копыто. Серега раньше никогда не видел, как подковывают лошадей, на миг представил, как ему самому в кость вбивают железный гвоздище... Но коню, похоже, было не больно. Хозяин держал животное за узду и успокаивающе охлопывал.

Лязг молотков стих. Кузнец вышел во двор, вынес, держа в клещах, новенький нож, сунул в бочку с водой, подождал, вытянул, оглядел, кивнул удовлетворенно.

Через полчаса Сереге был вручен уже насаженный на рукоять, вполне приличный нож длиной сантиметров тридцать. У основания клинка имелось крохотное клеймо – кружок с рожками.

Серега махнул пару раз обновкой – вроде нормально. Держать удобно. Работать ножом Духарева учили. Не так чтобы очень, но порезать жилы не очень крутому противнику он мог бы. И попасть в столб с десяти шагов – тоже. Столб имелся. Серега метнул. Попал, не опозорился.

Мыш расплатился, и они отправились обратно в городок. Нож Духарев нес в руке.

– Ножны Чифаня даст, – заявил Мыш.

Прожив на новом месте почти неделю, Духарев уже неплохо ориентировался. Правда, только на левом берегу. На правом, в выселках, он еще не бывал. Только когда плавал от берега к берегу.

Малый Торжок занимал стратегически удобную позицию. На холме. В этом был наверняка еще один плюс. Во время весенних разливов Сулейка не подмывала городских стен.

Городок был сплошь деревянный – от внешних стен до детинца-кремля. В стене – двое ворот. Главные и поменьше. Пройти весь городок из конца в конец можно было минут за пятнадцать. А состоял он именно из «концов». По ремеслам. А концы, в свою очередь, – из дворов, тоже огороженных и по сути – крепостей, только маленьких.

Большой крепостью был кремль. Он, как узнал Духарев, мог при необходимости вместить всех жителей города и выселок. Вместить-то мог, но пришлось бы тесниться. Впрочем, это мало кого смущало. Жить захочешь – потеснишься! Общественные припасы тоже хранились в

кремле. На случай осады – и у княжьего наместника под присмотром!

Городские площади – вечевая и рыночная – располагались в непосредственной близости от кремля. И это Серега тоже оценил: ежели кто вознамерится штурмовать деревянные стены, то укрыться от разных острых предметов, коими наверняка начнут швыряться защитники, штурмующему будет довольно трудно.

Кроме дворов ремесленных имелись еще дворы купеческие. Например, двор Горазда располагался вплотную к рынку. Солидный двор. Тын – не ниже городских стен. Были еще дворы гостевые и одинцовые. Вроде того, что у новых Чифаниных родичей.

Вообще-то пришлые селились отдельно. На выселках. Чтобы поставить или купить двор внутри стен, требовалось одобрение городского старшины и разрешение наместника. Последний мог обойтись и без народного одобрения, но тогда пришелец селился уже в самом Детинце.

Законы и порядки Малого Торжка Серега выводывал очень настырно и старался хорошенько запомнить. Незнание «понятий» не освобождает от ответственности, но зато способствует освобождению от имущества, свободы и жизни.

Поспрошав прохожих (здесь все знали всех), Мыш отыскал Чифаню с неразлучным Сычком, и все четверо отправились в Любимову лавку. Чифаня собственноручно подобрал чехол для ножа и повесил его на Серегин пояс: единственную, если не считать плавок, вещь, оставшуюся у него из прежней жизни.

– Дар! – солидно сказал Чифаня.

Лавочник-закуп, торговавший кожевенным товаром, не возражал. Чифаня был – из старших родовичей и мог распоряжаться родовым имуществом. Во всяком случае, на уровне чехла для ножа.

Разобравшись с вооружением, в складчину купили копченой свинины, лепех, огурчиков, квасу (Сычок намекал на что-нибудь покрепче, но ему не вняли) – и отправились на реку. Серега ощущал себя будто в отпуске. Для полного удовольствия не хватало только девочек.

Чтобы утрясти обед, Духарев слегка погонял Сычка, обучая разным приемчикам. Мозгов у Сычка было немного, но с остальным дела обстояли неплохо. А уж удар он держал – загляденье. И это – без всякой техники, исключительно на здоровье.

«Я из него сделаю чемпиона! – твердо решил Духарев. – По крайней мере – местного масштаба».

**Глава шестнадцатая,
в которой Серега Духарев лично участвует в собственном
шоу, а чуть позже делает два полезных вывода**

Ишку-угра Сычок опять завалил. И кузнеца, такую человекообразную машину с немереной мускулатурой, – тоже. Подбил ногу выученным у Сереги приемом, уселся сверху и взял на болевой. Кузнец взвыл и запросил пощады. Не будь у кузнеца такой могучей мышцы, не умеющий соразмерять силу Сычок вообще порвал бы сопернику связки. Третий противник, из купцов, по предложению Духарева сначала боролся с Ишкой и управился с ним на удивление легко. Раз-два – и угр уже воткнулся мордой в землю. С Сычком купчина провозился дольше, но потом исхитрился и кинул Сычка через себя. Классически – с упором стопы в живот. Картинка была замечательная: Сычок был килограммов на двадцать тяжелее худощавого и подвижного купчины. Кинул, перевернулся проворно и наступил пяткой на Сычково горло. Наступил и убрал ногу. Но оспаривать его победу никто не стал. Видно же, что пожалел лежащего.

Народ был в восторге. Эта публика, в отличие от публики древнеримской, а также – и от многих Серегиных соотечественников, кровожадностью не отличалась.

Духарев отсчитал победителю премиальные.

– Устал? – спросил он.

– Есть маленько, – признал купчина.

Красивый малый: глаза синие, волосы темно-русые, а борода – светлая.

– А завтра со мной бороться будешь?

– Гривна, – ни секунды не помедлил купчина. – А повалю тебя – две.

– По рукам! – согласился Духарев.

И оповестил Чифаню, чтоб тот, в свою очередь, оповестил народ.

Вообще-то Духарев не рассчитывал, что их шоу будет неизменно собирать аншлаг. И был приятно удивлен, когда и по третьему разу набежала изрядная толпа. Нет, конечно, далеко не все ставили значительные суммы, да и вообще ставили не все. Многие просто пришли поглядеть зрелище.

«Мы у них теперь будем вместо вечернего сериала», – подумал Духарев.

На этот раз ставки собирал сам Чифаня. Он же дал команду начинать.

Купчина атаковать не торопился. Правильная тактика. Серега был для

него темной лошадкой.

Сергеа попробовал его «развести»: имитировал атаку и тут же подался назад, провоцируя на нападение, – но купчина не «развелся».

Пришлось атаковать по-настоящему, хотя и сам Духарев немного осторожничал. Повредить противнику организм сверх необходимого – не самый лучший вариант.

Купчина из-под атаки ушел. Очень грамотно и четко. Духарев не мог не восхищаться: ни одного лишнего движения, уклоны ровно настолько, насколько требуется. Ни сантиметром больше. А вот контратака у купчины явно хромала. Резкие, но легко видимые удары по ногам, захваты слабые, удары проносные, расхлябанные. Великолепный бросок, которым купчина метнул через себя Сычка, с Сергеем не прошел бы никогда. Тот просто не позволил бы себя схватить. Лягался купчина сильно и больно. Но почему-то целил всегда по ногам, так что предугадать его движения было несложно.

Убедившись, что держать удары противника – сущие пустяки, Духарев обнаглел, плюнул на защиту, оберегая только голову и все, что ниже пояса, – начал финтить и в конце концов достал купчину длинным, пробитым из-под руки май-гери. В последний момент противник попытался заблокировать летящую в живот Сергину ногу, но блок, быстрый и резкий, почему-то пошел сбоку, Серега влепил прямо в «солнышко», и поединок закончился.

Только позже, анализируя весьма интересный поединок, Духарев понял, почему техника противника выглядела одновременно и искусной, и ограниченной. Словно бы чего-то ей не хватало. В общем, Серега понял, чего ей не хватало. Оружия. Будь у купчины даже не меч, а банальная палка – и финальный удар Духарева принес бы ему не победу, а разбитую голень.

«Ну, будь у него палка, я бы тоже иначе работал!» – успокоил себя Серега.

– Эй! – толкнул Духарева Сычок. – Ты че пригорюнился? Айда мед пить!

– Я – пиво, – машинально отозвался Серега.

– Пей что душа желает! – радостно заявил Сычок. – Куны есть!

– С вами алкоголиком станешь, – усмехнулся Духарев.

– Алкоголяк – это кто? – заинтересовался Сычок.

– На тебя похож! – ответил Духарев.

– Да будет тебе! – Сычок самодовольно ухмыльнулся. – Ты тоже на морду красен!

Духарев не сразу сообразил, что красивый и красный – для Сычка

синонимы.

В общем, они отправились на полюбившийся постоянный двор и опять напились.

Но до этого Серега успел сделать два полезных вывода. Первый: до настоящего, по здешним меркам, бойца ему далеко, но в кулачных боях, именно из-за привычки народа к оружию, у Духарева преимущество. Это как с обученным солдатом, который на татами раз за разом пропускает удар в печень. Потому что привык: правый бок прикрыт прикладом автомата. Второй: в тех случаях, когда противник Сычку не по зубам, Сереге имеет смысл выходить самому. Два полезных вывода и одна идея: а кто, собственно, сказал, что противник должен быть один? Пусть их будет двое. Или больше. Серега любил и умел работать с группой. А зрелище от этого только выиграет.

**Глава семнадцатая,
в которой выясняется, что Серега Духарев еще помнит кое-
что из классики**

Слада ухватом вынула из печи горшок. Вкусный запах тушеного с овощами мяса достиг Серегиного носа и вызвал неудержимое слюноотделение. Солнце, воздух и вода вызывают здоровый аппетит и кардинально снимают синдром абстиненции, в просторечии именуемый похмельем.

Слада поставила на стол три деревянные миски. Дома они с Мышом не соблюдали здешнее правило: женщины едят после мужчин. И пищу в огонь – божкам – не бросали.

– Кирие элейсон... – нестройно затянули Мыш со Сладой.

– Отче наш, иже еси... – по-русски вторил им Серега единственную молитву, которую помнил.

Помолившись, принялись за еду.

– Вкусно! – похвалил Серега.

– На здоровье, – Слада держалась с Сергеем очень вежливо, но какой-то кусочек теплоты, который возник между ними вначале, пропал.

Духареву от этого было грустно. Девушка ему очень нравилась, может, даже больше, чем просто нравилась. Но он совершенно не знал, как к ней подойти, как сказать, чтобы поняла: она Сереге очень даже небезразлична. Раньше у Духарева никогда таких проблем не было. Ну, по крайней мере, с тех пор, как сошли со щек подростковые прыщи. Когда какой-нибудь там

Горазд называл Серегу чужаком, тот воспринимал это спокойно, потому что при этом чужаком себя вовсе не чувствовал. А вот со Сладой... Это было – как пропасть. Хуже, чем другой язык. Это как если ты киваешь головой в знак согласия, а для другого кивок означает «нет». Серега помнил еще с занятий по психологии, что у каждого народа своя «дистанция близости». Одни чувствуют себя неуютно, если собеседник оказывается на расстоянии полутора метров, а другие – ближе вытянутой руки.

Едва Серега приближался к Сладе ближе этих самых полутора метров, как она тут же отходила назад. И что с этим делать, Духарев понятия не имел.

– Слада, а ты свой-то язык помнишь? – спросил он.

– Как это – свой? – влез Мыш.

– Болгарский.

– Булгарский, – поправил Мыш.

– Пускай, – не стал спорить Духарев. – Так вы можете говорить по-булгарски или уже забыли?

Мыш засмеялся, а Слада спокойно ответила:

– Мы и говорим по-булгарски.

Мыш поглядел на Духарева и захихикал.

Серега подобрал отвисшую челюсть.

– А я на каком языке говорю? – спросил он, чувствуя себя полным идиотом.

– На нашем, ясное дело! – ответил Мыш. – Ну, говор у тебя нездешний, ну так и у нас нездешний, дык когда мурома какой-нито говорить начинает, так его и совсем не поймешь. А ты... К нам нурманы Князевы той зимой прибежали, так у них выговор похожий, но ты лучше говоришь. Видно, что смалу по-нашему болтать выучился. А по-нурмански можешь?

– Нет, – покачал головой Серега.

– А еще по какому-нибудь?

– It was many and many a years ago,
In a kingdom by the sea,
That a maiden there lived whom you may know
By the name of Annabe Lee; —
Than to love and be loved by me...^[1] —

прочитал Духарев.

Почему именно это стихотворение пришло ему на ум, Серега не смог бы ответить. Пришло, и все тут.

- Это ты по-каковски? – заинтересовался Мыш.
- По-английски.
- А как это по-нашему будет?
- С тех пор пролетели года и года.

У моря, где край земли,
Вы, может быть, девушку знали тогда
По имени Аннабель Ли, —
Друг другу сердца отдав навсегда,
Мы расстаться на миг не могли... [\[2\]](#)
– А дальше? – жадно спросила Слада.

Серега хотел сказать, что не помнит: читать стихи вслух он не любил. Но лишь глянул в сияющие глазенки и продолжил:

– Мы были как дети, она и я,
У моря, где край земли,
В то давнее, давнее время, когда
Жила здесь Аннабель Ли, —
И ангелы неба смотреть на нас
Без зависти не могли.

И вот почему из тучи тогда,
У моря, где край земли,
Ветер холодный смертьюдохнул
На прекрасную Аннабель Ли.
И богатый сородич пришел за ней,
И ее схоронили вдали,
В пышной гробнице ее схоронил,
У моря, где край земли.
Да! Ангелы неба смотреть на нас
Без зависти не могли —
И вот (все это знали тогда
У моря, где край земли)
Ветер дунул из туч ночных,
Сгубил мою Аннабель Ли.

Но самые мудрые никогда
Любить так, как мы, не могли,
Сильнее любить не могли.
И ангелы неба не смели тогда,
И демоны недр земли
Разделить, разлучить душу мою
И душу Аннабель Ли.

Сиянье луны навевает мне сны
О прекрасной Аннабель Ли.
Если всходит звезда, в ней мерцает всегда
Взор прекрасной Аннабель Ли.
Бьет ночной прибой – и я рядом с тобой,
С моею душой и женой дорогой, —
Там, в гробнице, где край земли,
Там, у моря, где край земли!

В глазах Слады блестели слезы.
«Не зря все-таки я в универе учился!» – подумал Духарев.
– А мы раньше тож у моря жили! – заявил Мыш. – Ну, не я то есть, а
бабка наш. Слышь, Серегей, а ты про витязей истории знаешь?
– Знаю, – кивнул Духарев.
– Расскажи!
– Не сейчас, вечером, – сказал Серега.
Слада встала и начала убирать со стола. На Сергея она по-прежнему
старалась не смотреть, но сейчас это его уже не огорчало. Теперь-то он
знал, как растопить лед.

**Глава восемнадцатая,
в которой у Слады появляется жених, а Серега Духарев
совершенно неожиданно для себя принимает жизненно
важное решение**

Мир, в который инкарнировался, переместился или... ну, в общем, как-
то угодил Серега, понемногу обретал знакомые черты. Исторические.
Где-то на севере стоял Новгород – родной город Сычка. Где-то на юге

– стольный град Киев, в котором мазу держал некий Игорь, который, говорили, княжил послабже, чем его предшественник Олег. В Киеве бывали многие, в частности Слада и Мыш. Мыш, правда, по младости лет почти ничего не помнил, а Слада утверждала, что город хороший, красивый, побольше самого Полоцка, не говоря уже о Малом Торжке. И земли на юге добрые, родят хорошо, если с дождями задержек нет. Одно плохо: степняки время от времени наезжают: дани требуют, а то и просто жгут, режут да в полон тащат. Но это дело обычное. Вон две осени тому нурманы, что шли вниз, от волока, пристали в Торжке, да и решили, волчья порода, пожить. Хорошо, Скольд с дружиной в кремле сидел, а нурманов было всего полтора десятка. Только грабить по дворам начали, Скольд со своими и ударил. Ну и народ, конечно, помог. Побили нурманов. А нурманы, кстати, в Киев шли, отметил Мыш, Игорю киевскому служить.

Олег, Игорь, Киевская Русь... Знакомые слова. Правда, из истории Серега мало что помнил. То есть помнил, что есть такое «Слово о полку Игореве», где вроде этого, а может, и не этого Игоря побили хазары... Или не хазары. Нет, хазары, это про Олега. Чего-то там «...сбирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам...» А потом его еще змея укусила. «Злая гадюка кусила его, и принял он смерть от коня своего». Интересно, правда это или байка?

– Мыш, а Олег, который в Киеве княжил, как он умер, не знаешь?

– Как же не знаю! – самодовольно отозвался Мыш. – Стрелой его побили. В поле.

Понятно. Либо история про коня и змею – из фантазии летописцев, либо это не тот Олег и, соответственно, не тот Игорь, а значит, знаниям Духарева о здешнем будущем – грош цена. Хотя им и так и так грош цена. Ничего он не помнит. 1242 год. Ледовое побоище вроде? Новгород, Александр Невский. Святой. Литпамятники. «Слово о полку Игореве». Это, может, и в тему, но от знаменитого «Слова» в памяти – одно название. А Игоря, кажется, древляне убили. Или не Игоря? А Владимир Русь крестил. Тысячу лет назад. То есть еще не крестил. Значит, тысячный год еще впереди.

«Вот и определились с хронологией, – мысленно усмехнулся Духарев. – Что тут поделаешь? Раз не гожусь в пророки, буду осваивать другую специальность».

С другой специальностью, то есть с квалифицированным мордобитием на радость кредитоспособной публике, все обстояло замечательно. Новый Торжок был бойким местом. Вниз по Сулейке, от волока в Двину, постоянно шли лодьи. А по дорогам, тоже сходящимся к Торжку, торопясь

использовать сухое время года, ползли возы с добычей лесовиков, со всем тем, что не успели отправить до весны, когда здешняя земля превращалась в сплошную непроходимую топь. Часть добычи скупали торжковские купцы, часть – пришлые. Учетная доля отходила князю. За этим присматривали Скольдовы приказные. Лесодобытчики закупали снаряжение на зиму. Но в любом случае в руках торжковских оставалась немалая толика серебра: азиатских дихремов, ромейских монет с профилями императоров, рубленых славянских кун, витых гривен, резанов – совсем крохотных огрызков всего лишь по несколько граммов весом. К некоторому удивлению Духарева, выяснилось, что ни молодой, только что вокняжившийся полоцкий князь Роговолт, ни киевский Игорь монет не чеканили. Серебро все брали по весу. Еще учитывали качество. Те, кто в этом разбирался. Золото было в ходу только у самых знатных. Расплачиваться золотом, скажем, за наконечники для стрел или лисьи шкурки никому в голову не приходило. И на кон тоже ставили в основном серебро, иногда – ценные вещи по цене, что, впрочем, Серегу, Чифаню и остальных вполне устраивало. Кстати, наживались они в основном на пришлых. Торговые гости, скажем, из Плескова ставили своего борца и, соответственно, ставили тоже на него. Если пришлый борец оказывался Сычку не по силам (такое случалось все реже, но все-таки случалось), ставки удваивались, и в круг выходил Духарев. Серега же, вполне изучивший здешнюю народную манеру: «Дави сильнее, бей размашистей, авось попадешь!» – «делал» соперников играючи. Именно играючи, то есть давал возможность противнику помахать кулачищами и даже создать иллюзию близкой победы. И заваливал соперника быстро и аккуратно. Эффектные броски и прочее он оставлял Сычку. Такая «экономная» техника частично скрывала Серегины возможности и создавала у зрителя ощущение, что победа Духарева – случайна. А значит, можно рискнуть и поставить против него еще раз, особенно если против Серегы выступали двое или трое одновременно. Труднее всего было, когда против Духарева становился не какой-нибудь кузнечный подмастерье, с пудовыми кулачищами, а соблазнившийся вой^[3] из торговой дружины или даже сам купец, обиженный тем, что его ставленника вываляли в пыли. Эти ребятки бились совсем по-другому, но и их было заваливать не так уж трудно. Привычка к оружию делала их ущербными к рукопашной. Некоторые даже настаивали, чтобы им разрешили пользоваться дубинкой или шестом. Дескать, это ж не меч, а так, пустяковина. Вот в том же Новгороде, когда концы стенка на стенку идут, дубинка или там кистень деревянный не возбраняются. Новгородец Сычок готов был пойти на уступки, но Духарев

был тверд. Никаких предметов. И установка себя оправдывала. За все это время Серега не только ни одной травмы не получил, но и даже маломальски сильного удара не пропустил. Главное – не дать себя схватить. Какой-нибудь кожемяка с пальцами, как клещи, запросто мог кусок мяса из бока вырвать.

Дела шли хорошо. Бочонок в семейном подполе понемногу наполнялся серебришком. Слада ходила торговать в свою лавочку в самоцветных бусах, которые стоили дороже всех трав и зелий в лавочке, вместе взятых.

Серега бы и золотом Мышову сестренку украсил, но Мыш отсоветовал. Не по званию ей золото носить.

Вследствие ли бус или еще по какой причине, но у Слады вдруг объявился жених. И не кто-нибудь, а старый приятель Сереги Трещок. Причем с девушкой Гораздов подручник даже разговаривать не стал, а заявился к «старшему в роду», то есть Духареву.

Наслышанный о Серегиных вкусах, Трещок приволок бочонок, который они на пару с Духаревым в процессе разговора и приговорили. Набравшийся Трещок, у которого и по трезвяни язык был, что помело, бесхитростно выложил свои расчеты. Рассчитывал же он взять с родичей Слады хорошее приданое, поскольку «сами ж видите; девка что ни лицом, ни телом не вышла», а он, Трещок, – мужчина видный. Может, и родит от него девка что-нибудь приличное. Тут Трещок самодовольно погладил бороду и приосанился. У Сереги появилось большое желание взять «видного мужчину» за бороденку и выкинуть за ворота. Но Духарев сдержался, решил дальше послушать. И очень скоро узнал, что внешность да худородность невесты жениха, конечно, смущают, но он готов с этим смириться, поскольку работница Слада не ленивая, да и лекарка. А для мужских утех и рожания крепких отпрысков у Трещка ведомая, то бишь главная жена имеется. Так что пусть Серегей не думает, что Трещок такой глупый. Ну, сколько Духарев отстегнет, чтобы с ним, Трецком, правильным купецким пацаном, породниться?

Наивная самоуверенность Трещка обескураживала. Духарев даже слегка растерялся. Трещок продолжал трещать, а Серега думал, как бы его, убогого, выставить, не зашибив.

Надумал.

– Значит, – произнес он, – ты думаешь, что мне с тобой породниться – честь?

– А то! – гордо подтвердил Трещок.

– А я думаю: это тебе со мной породниться – великая честь!

– Чаво? – от удивления Трещок даже протрезвел немного.

– Того! – отрезал Духарев. – Приданого я не дам. Хочешь Сладу в жены взять да мне родичем стать – плати пятьдесят гривен. Тогда бери.

Дар речи Трещок сумел восстановить только через пару минут. Наверное, это был рекорд молчания для бодрствующего Трещка.

– Ты это... ума лишился? – тихо спросил Гораздов подручный.

Сергея пожал плечами:

– Я сказал – ты слышал.

– Ага... Слышал.

Трещок подобрал с лавки шапку, поглядел на Духарева с жалостью, как на душевнобольного:

– Бывай здоров, Сергей!

И ушел.

– Эх ты! – в сердцах бросил Духареву Мыш, который подслушивал под окном. – Зачем справного жениха прогнал? Кто ж ее, непригожу да безродну, теперя замуж возьмет?

– Я, – сказал Сергей.

Глава девятнадцатая,
в которой Серее Духареву неоднократно предлагается
связать себя брачными узами, Чифаня приобретает
транспортное средство, а в заключение ставится под
сомнение славянское происхождение Духарева

– Я, – еще раз, спокойнее, повторил Духарев. – Или вашим законом это не дозволено?

– По Правде? Нет, по Правде можно. Токо глупо это.

– Почему – глупо?

– Смыслу нет, – Мыш поглядел на названного брата снизу вверх, но – покровительственно. – Ты ж так и так наш родич. Вот ежели бы она была не сестра, а жена моя, а меня убили, – тогда ты б ее взял. По чести. А так – чего? Хошь жениться? – Мыш оживился. – Так я те вмиг невесту найду! Хошь – из Чифаниных сестер кого сговорим? Любиму ты по сердцу. Ну, по рукам?

– Ты лучше заткнись, Мыш, – тоскливо проговорил Духарев. – А то ведь не удержусь, врежу тебе пониже спины!

– Нет, ну ты дурной, что ли? – Мыш постучал себя по лбу. – Ну на что тебе на Сладке жениться?

– По-твоему, я хуже этого рыжего хвастуна? – набычился Духарев.

– Не, не хуже!

– Так в чем же дело? Или она – не твоя сестра?

– Сестра, – согласился Мыш. – Но ты-то – мой побратим!

Заявлено было так, словно этим все сказано.

– Все! – отрезал Серега. – Я решил. А ты... В общем. Сладе пока не говори, – заключил он. – Сам скажу, когда... когда... В общем, когда надо будет.

– Нет, правду сказал Трещок: ты точно ума лишился! – объявил Мыш. – Или его у ты и не было, ума-то? – и отскочил раньше, чем Духарев вознамерился отвесить ему подзатыльник.

Чифаня купил коня. Верхового. За две гривны. Просто так. Это считалось роскошью. Купить коня не для рабочей надобности, а для удовольствия. Конечно, собственные лошади были у многих. У огнищан. У купцов. У гридней. Хотя гридни коней покупали редко. Брали жеребенка подходящих кровей и приучали. К себе, к бою. К такому коню чужому человеку и подойти было рискованно: забьет.

Чифаня приобрел себе обычного серого в яблоках небольшого коника со смешным, обрезанным почти под луковицу хвостом. Кличка у животного была Шалун. Но продавец уверял, что конек необычайно спокойный.

И тут Серега обнаружил довольно странную вещь: отсутствие стремян. Серега, конечно, на крутого лошадника не тянул: так, катался пару раз в Сосновке для развлечения, но отсутствия стремян не заметить не мог. Все остальное: седло, уздечка, подпруга – имелось. А стремян не было. При том, что у других наездников Духарев стремяна видел. Правда, далеко не у всех.

Чтобы усесться в седло, Чифане пришлось использовать помощь Сычка. Всадник из Чифани был – так себе. Сидел в седле примерно как... сам Духарев. Но вид у Любимова внука был гордый донельзя. Тем не менее он разрешил и друзьям прокатиться.

Мыш воспользовался приглашением немедленно, однако, оказавшись в седле, проявил, скажем так, осторожность. Проехался шагом от одних городских ворот до других и обратно и не без облегчения слез. Серега, хотя и вспрыгнул в седло без посторонней помощи, тоже в галоп пускать конька не стал. И дал себе зарок: поучиться при возможности верховой езде. Конь, конечно, не автомобиль, но тоже средство передвижения. Для начинающего Шалун был конем идеальным. Послушным, спокойным. Любимый аллюр у него был: пощипывать травку.

Из четверых приятелей лучшим наездником оказался Сычок.

Обмывать приобретение отправились не на постоянный двор, а к Белке. Ее заведение имело то преимущество, что располагалось на открытом воздухе, а следовательно, хозяин мог, не вставая из-за стола, созерцать у коновязи свое четвероногое приобретение.

Белка, рыжая бабища – минимум пятьдесят восьмой размер по кормовым обводам – лично подплыла осведомиться, довольны ли гости. При этом поглядывала на Серегу так многозначительно, что у Духарева возникли самые серьезные опасения на свой счет.

– А Белка-т на нашего Серегея глаз положила! – отметил Чифаня, когда хозяйка отплыла по хозяйственным надобностям.

– Ты давай, Серегей, не теряйся! – деловито сказал Сычок. – Баба справна, все при ей. Вдова, да не нища. Слы, Мыш, а давай мы его женим!

– А ты у него самого спроси! – фыркнул Мыш. – Хочет он жениться к Белке?

– А чево? – удивился новгородец. – Серегей! Ты глянь, какая баба! – Сычок, раскинув руки, обозначил Белкины габариты. – Ну не молодушка, зато пива твоего любимого у ней – хоть залейся. Ну и нам, конечно, чего-нибудь перепадет. Женись, Серегей! Тут и думать нечего!

– Вот сам и женись! – отрезал Сергей. – На бочке с медом твоим любимым!

– Да она ж за меня не пойдет! – совершенно серьезно возразил Сычок. – Я ж Любимов закуп.

– Так откупись, – посоветовал Духарев. – Занять?

– Да есть у меня! – отмахнулся Сычок. – Че я, дурной, откупаться? Меня ж Любим враз со двора погонит. Так, Чифаня?

– Это точно, – согласился Любимов внук.

– А тебе она не откажет, – продолжал напирать новгородец, которому идея халявной выпивки понравилась необычайно. – Ты парень видный!

Тут он был прав. Теперь Серегу уже никто не счел бы голытьбой. Прикинут он даже получше Чифани, ростом и плечами и раньше был не обижен, да и лицом, по местным меркам, вполне стал пригож, когда оброс светлой бородкой и сменил питерский синевато-зеленоватый цвет физиономии на здоровый торжковский румянец.

Сычок между тем продолжал описывать несравненные преимущества женитьбы на хозяйке харчевни. Когда он по третьему кругу принялся восхвалять достоинства здешних подвалов, Серега не выдержал.

– Все! Достал! – зарычал он. – Еще слово – и в глаз, понял?

Сычок моментально заткнулся, поглядев опасно на Серегин сжатый

кулак.

С кулаком этим Сычок был знаком достаточно близко и продолжать знакомство в условиях приятного отдыха совершенно не желал.

Через некоторое время к ним за стол подседа компания Чифаниных приятелей во главе с пушным добытчиком Шубкой. Шубка активно сколачивал ватажку, чтобы, как только подморозит, двинуться в некие Черные Мхи – на охотничий промысел. Собственно, ватажку он уже почти собрал. Осталась мелочь – раздобыть денег на припасы и снаряжение. Будущие ватажники – парни бравые, но, увы, в основном пришлые, безденежные. Сейчас половина этих парней трудилась на Чифанина деда – за кормежку и мелкую – не разбогатеешь – поденную плату. Промысловый инвентарь тоже можно было взять у Чифанина деда, в кредит, но – за третью долю. А третью долю Шубке и остальным было жалко. Вот ежели бы сам Чифаня с ними пошел, глядишь, Любим сделал бы скидку. По мере уменьшения количества меда планы ватажки становились все грандиознее.

Чифаня слушал и помалкивал. Присматривался.

Через некоторое время Духарев и Чифаня отошли от стола по естественной надобности, а на обратном пути Серега спросил приятеля:

- Чифань, помнишь, как ты меня в тот первый день ошарашил?
- Биткой, что ли? Ну, помню.
- Она у тебя с собой?
- Она всегда со мной.
- А врежь-ка мне еще раз!
- Что, всерьез? – удивился Чифаня.
- Ага!

Чифаня молча сунул руку за пазуху, кистень свистнул... и шарик оказался в ладони Духарева. Как он и предполагал, это оказалось совсем не трудно. Не сложнее, чем поймать на лету теннисный мяч.

– А еще?

Чифаня крутнул шар на цепочке, выбросил руку... И Духарев опять поймал битку. На этот раз он заметил, что Любимов внук его щадит: придерживает руку.

- Да не жалея ты меня! – воскликнул он сердито.
- Ага, не жалея! А зашибу – виру кто будет платить?

Чифаня огляделся. На лавке, рядом с одним из его приятелей, лежала войлочная шапка, вроде тех, что надевали под шлемы здешние ратники.

– На-ка, надень! – потребовал Чифаня.

Серега нахлобучил войлочный колпак.

Чифаня отошел на шаг, размахнулся и ударил. Длинно, с вывертом... И

с тем же результатом.

Минут десять Чифаня так и эдак пытался достать Духарева, но попал только один раз, по ребрам. Больно, но вполне терпимо.

– Все, – заявил он. И сунул кистень за пазуху.

Сергеа повернулся к столу... и обнаружил, что вся компания глядит на них, пооткрывав рты.

– Слышь, Серегей, – проговорил Сычок. – А ты, часом, не нурман?

Глава двадцатая

Без названия, но зато с эпиграфом

*Маленький человечек
На узком карнизе башни.*

*Он засыпает вечером.
Видит во сне нестрашное.*

*А раз бояться нечего,
Можно и покапризничать...*

*Маленький человечек
Спит на узком карнизе.*

Автор

Сергею снился Дом. То есть не его комнатуха в коммуналке на Дербрах с видом на трамвайные пути. Просто Питер. Маленькая кафешка на Рижском проспекте, в которой они планомерно и систематически надирались с бывшим мастером спорта по биатлону, а теперь солдатом удачи Пашей Влакисом. Паша был старше Сереги на три года, и особой дружбы между ними не водилось. Больше того, Серегу уже выперли из универа, и армия ждала его, широко распахнув гноящиеся «горячими точками» объятия. Следовательно, будущий салабон Серега Духарев и профессиональный наемник Паша Влакис могли этак через полгодика сойтись по разные стороны «передка» в терпеливой снайперской дуэли. И победа в этой дуэли наверняка принадлежала бы Паше, а не Сереге, поскольку Паша стал профи еще в Молдове, а стрелял всегда лучше, чем Духарев.

Об этом не говорили. О войне сначала вообще не говорили, потому что

Паша сразу заявил: не будем. Но после литровой бутылки «Смирнова» разговор все-таки сполз на острую тему.

– Главное – не выеживайся! – Влакис глядел на Серегу налившимися кровью глазами. Он был пьянее Духарева, но заметно это было лишь по легкому прибалтийскому акценту, прорезавшемуся в его речи. – Сиди тише, зарывайся глубже. Вперед не лезь. *Никогда*. Тебе платят бабки за кровь.

Влакис забыл, что Духареву никто платить не собирается. Серегину кровь государство получит на халяву.

– Тебе платят бабки – вот и все. Какой-то козел наваривает грины на крови и платит тебе, чтобы ты жрал говнище вместо него. И ты жрешь. Потому что тебе платят. Но если ты при этом громко чмокаешь и просишь добавки, то ты – полный... Короче, давай! За жизнь! Чтобы она, сука, нас не динамила! – Они выпили, закусили горелыми котлетками – им было все равно, чем закусывать, – и Влакис продолжал: – Там, бля, так: чемпионов нет. Чемпионы в Думе заседают. А кто в броне жарится, тот всегда в ауте, понял? Попал в говно – не чирикай, понял?

– Понял, – сказал Серега.

– Молодец, – похвалил Паша. – Ты, главное, не выеживайся. И вперед не лезь. Назад тоже не лезь. В середке держись. Но не в куче. Один. По одному «градом» утюжить не будут. То есть первое – выжить! Понял?

– А второе?

– Выжить!

– А третье?

– Выжить! Не сдохнуть! И первое, и сто, бля, девяностое! Выпьем!

Выпили.

– Слушай, Паша, а на хрена тебе все это надо? – спросил Духарев. – Ты что, иначе не можешь деньги зарабатывать?

– Могу! – Влакис энергично кивнул. – Не, не могу! Не в смысле бабок! По фиг, дым! Это, блин... Короче, Серый, живем раз, понял! И жить надо остро! С кайфом! Чтобы впереди все горело, а сзади, то есть позади, – все рыдало! А ты идешь, блин, остро! В кайф! Потому что живой, бля! Потому что вокруг все дымится и кишки на проволоке, но не ты горишь, и кишки – не твои, понял! А ты живой! Ты, бля, сидишь в чужом говнище по яйца, и все у тебя трясется, как у психа, а ты, бля, сигаретку шмалишь – и такой кайф, понял! Не, Серый, ты не поймешь! Короче, выпьем!

Как ни странно, но Серега понял. Не то чтобы въехал, но башкой уразумел. И выводы сделал. Свои. Нет, кайфа от сидения в говне или от чужих кишок на колючке он ловить не научился. Но принцип понял. Будешь страдать: как же это я так залетел? Как же это: меня – и убить

хотят? Угодил в болото – не хлопай крыльями. Но и клювом не щелкай. Тогда выберешься. И грязь отмоешь. И если пуля не в башке застряла, а только по затылку чиркнула, то это тоже пруха. Но еще лучше башку под пули вовсе не подставлять. Все же человек, а не змей Горыныч. Одна она у человека, башка-то!

Почему Сереге приснился Паша Влакис, которого он и не видел с тех пор ни разу? Кто ж это знает? Но проснулся Серега до петухов. Сна не было.

Серега вышел во двор, постоял, поглядел на белые игольчатые звезды, подышал чистым воздухом. Двор, забор, за забором – чужой странный город. За городом – река. На реке рыба плещет и лягушки квакают. Река – настоящая, это точно. Да и город, наверное, тоже настоящий. Наверное...

Серега медленно пересек двор, открыл калитку. За калиткой не было ничего. Пустая тьма...

Серега постоял немного, держась за столб, затем осторожно закрыл калитку, повернулся и пошел в дом.

Досыпать.

Глава двадцать первая, из которой можно кое-что узнать о сексуальных традициях Нового Торжка

Серега взял у Мыша холстину и вытер взмокшую грудь. Зрители понемногу расходились. Те, кто ставил на Духарева, толпились вокруг Чифани. Таких было много: Серега стал признанным лидером. Против него закладывались только пришлые да еще такие, кто надеялся за грош получить гривну.

Круглощекая босоногая бабенка в кике^[4] с «рожками» протянула ему кувшинчик с квасом. Серега опростал его в три глотка.

– Спасибо, родная!

Бабенка загадочно улыбнулась, взяла его за руку и потянула за собой. Серега противиться не стал: ему было любопытно.

Любознательность Духарева была удовлетворена очень скоро. Бабенка увлекла его в какой-то сарайчик, сняла головной убор, под которым оказалась белая коса толщиной почти с Серегино запястье. Бабенка нежно улыбнулась и завалилась на спину, на сено, задирая юбки. Моды на нижнее белье в Торжке не водилось.

– А голову мне не отрубят? – осведомился Духарев.

– Дурачок! – Бабенка облизнулась. – Все видели, как я те испить дала! Ну давай же, давай!

Сергеа поглядел на раскинутые округлые ножки с грязными пятками, подумал: наверное, не стоит...

«Стоит, стоит! – не согласился Серегин организм. – Еще как стоит!»

Бабенка расшнуровала лиф, чтобы Духарев мог убедиться, что и сверху у нее тоже кругло, бело и аппетитно.

Процесс снятия штанов никогда не занимал у Серегеи много времени.

– Ах! – воскликнула сочная блондиночка, увидав алые плавки.

– Ох! – выдохнула бабенка, когда он эти плавки снял.

Дальнейшее протекало в молчании, если не считать длинного глухого стоны, испущенного инициативной красоткой, когда Серега проскочил первый этап дистанции.

Стоило ему привстать, как красавица проворно вышуршалась из-под него, сладенько потянулась, подтерлась подолом и принялась зашнуровываться.

– Эй! – удивился Серега. – Ты что, спешишь?

– А чего? – в свою очередь удивилась пышечка.

– А повторить?

Блондиночка нахмурила лобик, потом сообразила, расплылась в улыбке, снова расшнуровала лиф и завалилась на спинку.

– Нет уж, – заявил Серега. – Вариант: банкир-секретарша мы уже отработали. Давай теперь подойдем к делу ответственно.

Бабенка явно ничего не поняла, но, когда Серега взялся извлекать ее из одежек, противиться не стала. Одежду Духарев аккуратно разложил на соломе, чтоб не так колко было, хотя на этой самой одежде было столько плохо обработанного металла, что на подстилку она годилась с большой натяжкой. На шейке у блондиночки обнаружили аж три шнурка и тяжелая серебряная гривна. Гривну Сереге удалось снять, а при попытке освободить ее от прочих украшений: стилизованного медного петушка, мешочка с неизвестным содержимым и золотого полумесяца с мизинец длиной – бабенка выразила бурный протест. Серега настаивать не стал, разложил милку на рабочем месте и принялся обрабатывать по всем правилам.

Блондиночка сначала похихикивала, но очень скоро хихиканье сменилось вздохами, постаныванием и прочими более подобающими процессу звуками. Несмотря на явную новизну ощущений, нежная красотка завелась быстро и круто и активно попыталась перейти к основной части шоу. Но Духарев торопить события не позволил и

приступил к кульминации, только когда гладкокожая любительница приятных ощущений начала рычать и повизгивать. Но и в финальной фазе Серега любил разнообразие, а потому когда, после дюжины описанных классиками эротической литературы позиций, он наконец совершил то, ради чего природа и наделила мужчин и женщин сексуальностью, блондиночка совершенно охрипла.

Духарев, впрочем, тоже изрядно устал, повалился на солому и подумал, что было бы совсем недурно выкурить сигаретку. Вообще-то Серега не курил, но была у него невинная привычка: потрахавшись, выпить бутылочку светлого пивка и подымить стрельнутой у подружки какой-нибудь «кэмэл-лайт».

Пока Духарев мечтал, блондиночка немного оклемалась и принялась со всей тщательностью вылизывать ему живот... и ниже. Причем именно вылизывать, а не... нечто большее. Серега не протестовал. В конце концов, он заслужил.

Одевала его блондиночка тоже собственноручно. Красные плавки попыталась заначить, но Серега не позволил. Где он другие возьмет?

Расставались они очень мило. Красотка, густо краснея, потупившись и с разными нежными словами типа «мой бычок», Духарев – сдержанно, поглаживая мягкую спинку.

Смущение красотки закончилось, когда она отперла дверь сарайчика и обнаружила добрую дюжину малолеток, не успевших отлипнуть от щелей в стенках.

«А я-то решил, что она выдохлась», – подумал Серега, не без восхищения наблюдая, как бабенка, взбивая пыль, размахивая подвернувшейся хворостиной, мчит за улепетывающей со всех ног любознательной молодежью.

«Делу время, потехе час», – подумал Духарев и отправился разыскивать Мыша, чтобы предложить названому братцу пообедать.

По пути Серега вспомнил о Сладе, о том, что городок маленький и велика вероятность, что о Серегиных «подвигах» могут рассказать и Мышовой сестренке. Почему-то от этой мысли замечательное настроение у Духарева стало чуточку менее замечательным.

Глава двадцать вторая,

в которой подтверждается старое правило: если дела идут хорошо – жди неприятностей, если дела идут очень хорошо – жди больших неприятностей

Лафа кончилась. В город вернулся Скольд.
От Чифани примчался заполошенный пацаненок.
«Княжий наместник зовет!»

Пошли.

Чифаня, один, без Сычка, ждал у Детинцовых врат.

– Что стряслось? – спросил Духарев.

– Посыл ко мне прибежал от Скольда, – мрачно сообщил Чифаня. – Желает, мол, наместник, чтоб явились пред его очи устроители неподобающих игрищ.

– И что теперь? – глуповато спросил Серега.

– Поглядим, – буркнул Чифаня, отводя глаза. – Может, и обойдется...

«Бойтся, – подумал Серега. – Мог бы сказать: во что ты меня втянул? Не скажет. Гордый».

Деревянные стены Детинца уже примелькались Духареву, стали такими же знакомыми, как месяц назад – площадь перед метро «Балтийская». А вот внутри он с того, первого, раза больше не бывал.

Ворота, так же как и в тот раз, были приотворены. Их никто не охранял, в отличие от городских. Понятно почему. Большой вражеский отряд незаметно не подберется, а малого Скольдовой дружине бояться стыдно.

Ворота не охранялись, но на крылечке сидел незнакомый гридень: зрелый мужик с обвязанной серебряной нитью косой. Раз с косой – значит, с юга. Северяне кос не плели, а варяги и вовсе стриглись коротко, чтоб шлем носить сподручнее да живность всякая не заводилась.

– Кто такие? – не потрудившись встать, спросил гридень.

Друзья назвались.

Гридень кивнул, поднялся, свистнул.

Появился отрок. Молодой. Лет шестнадцати, но уже опоясанный мечом.

– Этих двоих – к батьке, – распорядился гридень. И Мышу: – А ты куда? За тебя никто не говорил.

– Я – с ними! – пискнул было Мыш, но гридень поймал его за шкуру. – Сказано – стой! А вы че ждете? Пинка под зад?

Серега удержался от того, чтобы выразить свое мнение о Скольдовом воине вслух. И так ясно, что подарков им дарить не станут. И не стоит прямо с порога нарываться на скандал. Тем более что оперативность, с которой княжий наместник осуществлял наказание виновных, Духарев видел собственными глазами.

Отрок, в отличие от южанина, Чифане был знаком. Поэтому он

рискнул спросить:

– Сам – как?

– Увидишь! – посулил отрок.

По его физиономии чувствовалось: приятного зрелища Чифане ждать не стоит.

Увидев, куда их привели, Чифаня, судя по всему, окончательно пал духом.

Длинный зал, хорошо освещенный, с высоченными стрельчатыми окнами. Свежий ветерок невозбранно гулял по обширному помещению. Летом это было приятно, а зимой, наверное, не очень.

«О чем я думаю! – одернул себя Духарев. – Да нас, похоже, сейчас судить будут!»

Собравшиеся в зале действительно напоминали трибунал.

Скольд, князев наместник, в блестящей броне, восседающий на высоком кресле. По правую руку от него – аскетического вида старик с гладкой белой бородой, увешанный всякими фенечками и прибабасами, с посохом, в колоритной шапке с желтыми оленьими рогами – тяжелый, должно быть, головной уборчик. Дед – наверняка жрец кого-то из местных богов. Скорее всего, Волоха. По левую руку от Скольда расположился городской старшина, тоже дедушка, заслуженный, из «гостей». «Гостями» же здесь называли купцов, что ходили дальше прочих. В Царьград, например. Очень важный дедушка и очень сердитый. Серега не ко времени вспомнил, как слышал от Мыша: дедушка этот трижды, через домочадцев, ставил на проигравших и влетел, вероятно, на приличные бабки.

«Надо было ему презент сделать!» – подумал Серега, но эта мысль явно припозднилась. Поздно пить боржом, когда почки отвалились.

Среди прочих важных персон Духарев углядел знакомого огнищанина, старшину деревянных дел мастеров (этот глядел с сочувствием) и... старого приятеля Горазда.

– Слыхал я, – начал наместник, – затеяли вы люд честной обирать по ромейскому обычаю?

– Почему по ромейскому? – удивился Духарев.

– Молчи! – прошипел Чифаня.

Наместник вроде и не услышал реплики.

– Людей обирать да в игры играть, что лишь в священных местах да во славу великих пращуров играть положено, – продолжал Скольд. – А дело это худое и большую беду кличет. Признаете вину свою?

– Да, – тихо проговорил Чифаня.

– Нет! – громогласно заявил Сергей.

– Чужак, он и есть чужак! – фыркнул Горазд. – Его это умысел! И богов отчих наших он хулил...

– Это как же, интересно, я их хулил? – возмутился Духарев столь явным поклепом.

– Да всеми деяниями своими непотребными! – усмехнулся Горазд.

– В огонь кощуна! – грохнул посохом длиннобородый.

Ни хрена себе! Он что, всерьез?

Сергеа покосился на Чифаню. Тот стоял бледный и несчастный.

– Кто еще слово молвит? – грозно спросил Скольд.

– Я! – произнес старейшина плотников.

Сергеа глянул на него с надеждой. Напрасно.

– Чужаку – смерть, – сухо сказал старейшина. – А за Любимова внука я так скажу. Соблазнил его чужак, потому негоже убивать парня. И Любима обидим: то ж родич его. Наказать нужно. Дюжину плетей дать – и ладно.

– Дюжину? – скривился городской старшина.

– Да не сдюжит он боле! – настаивал «деревянный» мастер. – Вишь – хлипкий! К работе родовичей не годный. Потому и к дурному пристал.

– Верно, – поддержал плотника огнищанин, которого Сергеа пару раз видел на Любимовом подворье. – Дюжины хватит. А чужака Перуну отдать!

– Пускай, – согласился городской старшина. – Но хищенное обкраденным возвернуть следует.

– Сначала – вира князю! – строго произнес Скольд.

«Да это же они наше имущество делят!» – сообразил Сергеа.

– Чужака Перуну отдать не годится! – возразил Горазд. – Он – не добыча воинская и не рода нашего. Чужак, я слыхал, белому богу поклоняется. Так? – Он обращался не к Духареву, а к Чифане.

– Так, – упавшим голосом подтвердил тот.

– Вот! Сей дар не утолит Перуна, а осквернит! – объявил Горазд.

– Огонь все очистит! – бухнул посохом фенькастый жрец. – В огонь кощуна!

«Ах ты пердун рогатый!» – подумал Сергеа. Поглядел на окна. Выскочить можно... Если стрела не догонит. А если не догонит – то дальше что? Куда бежать? И к кому? И где гарантия, что эти не решат на Мыше со Сладой отыгаться? За родича.

– Что Перуну угодно – мне решать, волох! – осадил дедушку Скольд. – Говори дальше, Горазд.

– Я вскорости в Киев на лодьях побегу, – сказал купец. – Чужака возьму и вместе с прочей челядью продам. Они за своих единоверцев

добрый выкуп дают. А не дадут – так продам, но это вряд ли. Ихний он. Там в те ж игры играют. Остах, ты к ромеям ходил: правду я говорю?

– Правду, – неохотно согласился городской старшина.

– А я говорю – в огонь кощуна! Иль кровь ему на священном месте отворить! – закричал жрец, вскакивая. – Накличешь беду, воин!

– Может, себе его возьмешь? – спокойно спросил Скольд.

– Мой господин крови не радуется. – Дед тут же успокоился и сел на место.

– Это мы знаем, – сказал один из княжьих воев. – Твой господин иное любит, да мы слышали, чужак и в этом не промах.

Присутствующие заухмылялись. Напряжение в зале чуточку спало.

Сереха, который все это время лихорадочно думал, как вывернуться из ситуации, кажется, отыскал лазейку.

«Была не была! – подумал он. – Терять мне нечего. Сожгут, зарежут или в рабство продадут. Хрен редьки не слаще!»

– А можно мне сказать? – крикнул он.

– Твоя вина установлена! – отрезал Скольд.

– А я не о моей вине говорить хочу!

– О чьей же?

– О твоей! – дерзко бросил Духарев.

В зале на несколько мгновений стало совсем тихо.

– Что ты сказал? – грозно сдвинув брови, осведомился наместник.

– Ты слышал! – с вызовом заявил Сергей. – Дашь мне говорить или как?

И как в их первую встречу, уловил в глазах воина нечто вроде одобрения: любил Скольд отвагу.

Горазд шевельнулся, порываясь что-то сказать, но не рискнул.

– Говори! – сурово произнес наместник.

– Помнишь ли ты, грозный в битве любимец великого Перуна, как я к тебе пришел однажды проситься в гридни? – спросил Сереха.

«Грозный в битве» и прочее пришло ему на ум только потому, что он понятия не имел, как следует обращаться к военному вождю. А уж про Перуна он ввернул, чтобы опровергнуть Гораздово обвинение в богохульстве.

– Помню, – кивнул наместник, не догадываясь, куда клонит Духарев. – Только какой из тебя гридень! Смех один!

– А что ты мне сказал, бесстрашный сеятель вражьих погостов, помнишь?

– Ну речет! – вполголоса произнес один из княжьих воев другому. –

Чистый нурман!

– Что я тебе сказал? – нахмурился Скольд, пытаюсь вспомнить, что он такое наговорил чужаку. Нет, не вспомнить. Только ему и дел, что разговоры свои со всякими бродягами запоминать!

– А сказал ты мне так, гроза недобрых гостей... – Духарев сделал торжественную паузу: – «Иди-ка ты лучше на торгу народ веселить!» Не помнишь?

– А-а-а... – Лоб Скольда разгладился: он тоже вспомнил. – Да, я так сказал.

– И от слов своих не отказываешься?

– Я от своих слов не отрекаюсь, чужак! – Наместник снова грозно сдвинул брови. – Дальше говори, если есть что сказать.

– А я все сказал, – Серега изобразил крайнюю наивность. – Ты велел – я и пошел. На торг. Народ веселить.

Купец Горазд задрал бородищу и стукнул себя по колену: до него дошло.

До Скольда дошло мгновением позже, а Серега тем же невинным голосом продолжал:

– Вот я и веселил, как умел. А что кому-то не шибко весело было, так и это нормально. Веселых-то все равно больше. Можно хоть у народа спросить?

– Выходит, это я тебе велел непотребные игрища затевать? – осведомился Скольд.

– Выходит, ты, – ответил на чисто риторический вопрос Серега. – А уж если я что не так сделал – моя вина, это признаю! И виру заплачу, какую скажешь, без базара, то есть сколько назначишь – столько и заплачу!

Он очень надеялся, что сумма не окажется запредельной.

В зале повисла напряженная тишина. Серега гордо выпрямился. Собственная логика показалась ему безупречной. И не ему одному.

– Заплатишь, – грозно произнес наместник. – И немало. А теперь ступай отсюда! – Скольд наклонил голову, но Духареву показалось, что губы Скольда, спрятанные густыми усами, кривятся в улыбке. Нет, классный мужик этот Скольд!

– Выдр, убери его с глаз моих! – бросил наместник.

– Ступай! – отрок подтолкнул Серегу. – Слыхал, чего велено?

А виру наместник назначил, точно, немалую. Ободрал как липку. Чифане еще и у деда занять пришлось. Вот такие дела.

Глава двадцать третья, в которой друзья строят планы на будущее

В общем, бизнесмен из Сереги не вышел. Ни там, ни здесь.

Кучка резаного серебра, пара-тройка заморских монет, одежда да нож в дареном чехле.

Вечером, как обычно, друзья собрались на постоялом дворе.

– Эх-хо! – горевал Чифаня. – Скоро ж летние Дажьбоговы празднества! Народу съедется – тьма.

– Брось, – махнул рукой Мыш. – На празднике княжьи гридни биться будут да волохи чудеса чудесничать. Куда уж нам!

– Не скажи, Мышка! – возражал Чифаня. – На воев заклад не поставишь, а мы...

– Сычок, а как ты, новгородец, к Любиму в закупы угодил? – спросил Духарев.

– Как, как... Обычно! – Сычок отхлебнул меду, закусил румяным крендельком. – Подрядился купчине одному служить. Приехали сюда, расторговались. Я долю свою взял... Ну и погулял маленько... До заморозков. Че делать? Пошел к Любиму и продался. А Любим меня к Чифане приставил. Грит, внук у него умом востр, да телом слаб. Гляди, чтоб не обидели. Ну я и гляжу.

– По своим не скучаешь? – спросил Духарев. Он знал, как трепетно местный люд относится к родичам.

– Скучаю, как не скучать, – согласился Сычок.

– А по дому?

– А че по нем скучать? – удивился Сычок. – Я – пятый сын. Век буду под старшими ходить да спину гнуть со света до ночи. Вот кабы меня Любим к чанам приставил – может, и скучал бы, что не на свою кровь тружусь. А так... Мне моя жисть нравится!

– А дальше – что? – не унимался Духарев. – Теперь, когда Скольд нам на торгу бороться запретил, что теперь делать станешь?

– То пусть Чифаня думает! – отмахнулся Сычок. – Он умный. Небось уже и надумал чего-нибудь.

Сычок оказался прав. Чифаня надумал. Податься из городка. Сразу после Дажьбоговых празднеств. Конь у них есть. Повозку, с верхом, он уже на своем подворье присмотрел. Ломаную, но починить можно. Если отправиться, пока дороги сухие, на прокорм да зимовку заработать можно. Скоморохи ж зарабатывают. Если Мыш с Серегой захотят – пускай

присоединяются.

– Хотим! – тут же заявил Мыш.

– А Слада как же? – спросил Духарев.

– Так мы ж вернемся! – сказал он. – Побродяжничаем малость, а к урожаю – домой. Так, Чифаня?

– Можно и так. Поглядим, – солидно ответил Любимов внук.

– Это дело верное! – с энтузиазмом произнес Мыш. – Всяко лучше, чем с Шубкой на Черные Мхи идти!

Сергеа вышел во двор, по надобности, заодно поглядел на небо. Солнышко уже спряталось.

Вернувшись под крышу, он быстренько дохлебал пиво и встал.

– Счастливо, братки, я вас покидаю! – сообщил он. – У меня тут дельце одно.

– Знаем, знаем! Дельце с тельцем! Гы-гы-гы! – сострил Сычок.

Шутка, впрочем, была не его – Чифанина. Но Чифаня пошутил однажды, а Сычок уже раз десять.

Сергеа вернулся домой с первой звездой. Мыш был уже дома. После того как княжий наместник «закрыв» их «фирму», кореша не оставались за столом до полночи.

Брат и сестра сидели в дворике. Мыш – просто так, а Слада плела лечебный браслетик из собачьей шерсти. Темнота ей не мешала.

– Как потетешкался? – с ухмылочкой осведомился Мыш.

Сергеа пихнул его в бок: болтай меньше.

Духарев еще не сделал Сладе официального, так сказать, предложения. И его отношения с юной девушкой были совершенно целомудренны: они даже не поцеловались ни разу. И все-таки...

– Мыш говорит: вы на заработки собрались? – спросила Слада.

– Есть такая идея, – без особой охоты подтвердил Духарев. – После ваших праздников.

– Это не наши праздники! – строго и важно поправила Слада. – Это буйство еллинское, дикое, христианам неподобающее.

– Ха! – воскликнул Мыш. – Это ромеям нельзя, а нам можно! Ты сама как, будешь травы в Сварожью ночь собирать?

– Так то травы, – смутилась Слада. – Про травы в книге ничего не написано.

– В какой книге? – заинтересовался Духарев.

– Мудрого святого Прокопия всеобщем лечебнике, – ответила Слада и повторила то же самое по-гречески, чего Серега, разумеется, не понял.

– У тебя есть эта книга?

– Нет, – огорченно ответила Слада. – Мы ее продали. Но я наизусть все помню, так что это ничего. А про травы там ничего не сказано. Зато про жертвы кровавые да игры похотливые – сказано: великий грех. А пастыря, чтоб исповедовал да прощение от Господа Христа даровал, – нет.

– А я слышал: в Киеве храм Господень строить будут! – вмешался Мыш. – Князь позволяет.

– А сам князь – не христианин? – заинтересовался Духарев.

– Да ты че! – воскликнул Мыш. – Князь же воевода, первый Перунов жрец! Как ему христианином быть можно?

– А гридню можно?

– Среди княжьих варягов, из тех, что ромеям служили, многие – истинной веры! – вмешалась Слада.

– Значит, гридню можно! – сделал вывод Мыш. – Да тебе что, Серегей? Ты ж гриднем не будешь?

– Это почему? – слегка обиделся Духарев, который еще не оставил надежды примкнуть к воинскому сословию.

– Потому. А вот я мог бы, кабы меня Скольд в детские взял. Будь батька наш – из дружины, он бы меня точно взял. А ты, Серегей, уже не годишься. Старый. Поздно тебе ратному делу учиться. А я бы...

– Пошли спать! – решительно заявила Слада. – Мне до свету вставать. И тебя, Мыш, тоже подниму. Пойдешь репу полоть.

– Ну... – протянул Мыш, которому такая перспектива радости не доставила.

До сих пор он отлынивал от сельскохозяйственных работ под предлогом занятости. Но после запрета «тотализатора» оправдываться стало нечем.

Серегу тоже с утра ждала работа. Такая же неквалифицированная, как прополка. Чифаня «подписал» его и Сычка на строительные работы. Плотник из Духарева был никакой, зато спина здоровая, а бревна таскать можно и без специальной квалификации.

Глава двадцать четвертая

Канун Дажьбогова праздника

– А кто найдет папоротников цвет, тому все тайное откроется: клады, схоронки, дива лесные. А сам он невидим станет для людей и духов и даже самой Морены-Смерти... – Мыш закатил глаза и всей своей веснушчатой мордашкой изобразил ужас и восхищение. – А цветет он, папоротник то

есть, единожды в тыщу лет и токо одну ночь. Такую, как седнишняя.

Мыш и Серега сидели на берегу Сулейки с удочками. А в соседней роще вовсю кипела подготовка к празднику. Практически все население Малого Торжка, исключая разве младенцев да совсем ветхих старцев, готовилось к трехсуточному непрерывному веселью.

За три дня до этого Скольд собрал всех вольных мужчин, способных носить оружие, и увел вместе с дружиной на Перунов холм.

Духарева, как иноверца, не пригласили, чем он был, честно говоря, огорчен. Перуновы игры почитались тайными, сокрытыми от женщин и чужих. Вообще по старине полагалось, что каждый род творит их самостоятельно от прочих. Но в последнее время эта традиция претерпела изменения. Хотя бы потому, что первый воин Торжка и, следовательно, первый Перунов жрец был пришлым варягом, а не коренным кривичем. По Перуновой Правде любой мог оспорить право Скольда, скрестив с варягом оружие пред его, Перуна, идолом. Кровь проигравшего считалась жертвенной, но ни один из торжковских исконных родовичей, даже совсем глупый и самонадеянный, не был самонадеян и глуп настолько, чтобы не знать совершенно точно, чьей именно кровью вымажут после поединка усы и губы идола. Только среди Скольдовых гридней были достойные противники княжьему наместнику. Но гридень никогда не пойдет против «батьки».

В общем, пришлый варяг Скольд успешно насаждал принятую на юге традицию: за несколько дней до Дажьбоговых празднеств устраивал для будущего возможного ополчения военные сборы. Поселяне-кривичи относились к этому «новшеству» с большим неодобрением, поскольку предпочли бы вместо этого работать на своих полях. Вероятность же нападения врагов в полоцком княжестве была существенно ниже, чем на киевских землях, где до Великого Поля – рукой подать. Но «район» здешний был «промышленный», а не сельскохозяйственный, и Скольд мог не прислушиваться к недовольному ворчанию огнищан.

Зато к нему прислушивался Духарев и поэтому был неплохо осведомлен о том, что происходит на «тайных Перуновых Играх». Однако ж пойти к наместнику и попросить разрешения присоединиться к местным «партизанам»^[5] не рискнул. Потому что именно этого требовал волох на княжьем суде. А Скольд вполне мог внять просьбе христианина и взять его с собой... вместо одного из пяти рабов, которых назначили в жертву языческому богу. К роли же великомученика Духарев пока не считал себя готовым.

Перьевой поплавок заплясал, и Серега проворно подсек и вытащил из

воды рыбешку с мизинец длиной.

Мыш издевательски захихикал.

Серега отцепил малька и выкинул обратно.

– Это не рыбалка, а позор один, – сказал он. – Пошли лучше туда! – Он махнул в сторону рощи.

– Иди, – отозвался Мыш. И добавил завистливо: – Тебе можно! Тебе Сладка ничего не сделает. А мне за еллински забавы голову оторвет.

– И ночью тоже будешь дома сидеть? – спросил Духарев.

– Не, ночью Слада уйдет травы собирать, я и сбегу. Буду папоротников цвет искать! – Мыш оживился. – Я уж и овражек один присмотрел! А то айда со мной! А то че я один, что ли, бессмертным стану?

– Спасибо, я лучше в другой раз. Ты лучше со мной каким-нибудь кладом поделишься, – Серега изо всех сил старался не улыбаться.

– Ну, ясное дело, поделюсь, – деловито ответил Мыш. – Токо сначала надо дом поправить, крышу перестелить. А еще я лодью купить хочу. Ты как, Серегей, не против? Купим лодью, будем гостями к ромеям плавать. Годится?

– Отличная идея, – согласился Духарев. – Удочку тебе оставить?

– Оставь.

В рощу Духарев не пошел, а пошел он в город. Ворота были открыты, более того, воин-привратник, обычно располагавшийся поблизости, на сей раз отсутствовал. И сам городок опустел. Непривычно голые рыночные ряды, безлюдные тротуары, улочки, отданные в безраздельное пользование свиньям и курам.

Серега миновал лавку гончарного старшины Жердяя. Двери в лавке – нараспашку, внутри – никого. Заходи и бери, что нравится. Но в Торжке воров не водилось. Почему-то. Точнее, Серега никогда не слышал о том, чтобы кого-то наказывали за воровство. В городе. За пределами городских стен тебя могли обобрать запросто. Сумеешь доказать, что ограбили, и указать обидчика: с него взыщут по полной программе: украденное, моральную компенсацию, штраф в пользу князя... Еще и спину плетью отрихтуют. Так что молодцы типа встреченного Серегой в первый здешний день Перши Лебеды в городе не показывались. В лесу же, если разбойнички особо не зарывались и не свирепствовали, их не трогали. Серега подозревал: Скольдовым ребятишкам попросту лень шариться по здешним болотам. Захотели бы – нашли.

На соседнем дворе опять лаялись. Жили там два женатых брата-близнеца. Бондари. Пришлые с юга. Жены у обоих – тоже как близнецы: толстые, рыжие и горластые. Но люди хорошие.

Сергея распахнул калитку, подумал: надо бы собаку завести. Как-то это неправильно: двор без собаки.

Духарев подошел к колодцу, вытянул ведро, попил. Подумал немного, стянул рубаху и опростал ведро на голову. К луже тут же сбежались куры: купаться.

Слада была дома. Натягивала веревочки в сарае: для трав.

– День добрый, Сергей!

Духарев поморгал, привыкая к сумраку после яркого солнца.

Слада спрыгнула с лесенки, потащила ее к противоположной стене. Конец бечевки она держала в зубах.

– погоди! – Сергей присел на корточки. – становись мне на плечи.

Слада подумала немного, скинула башмачки и вскарабкалась на предложенную «подставку». Сергей медленно выпрямился.

– Как там наверху? – поинтересовался он.

– Хорошо!

С вестибулярным аппаратом у девочки явно все в порядке.

– Привязала! – крикнула она сверху, и Сергей плавно двинулся к противоположной стене, придерживая Сладу за лодыжки, чувствуя мышцами, как она балансирует, удерживая равновесие.

– Нравится?

– Ага!

Сергею тоже нравилось ощущать, как упираются в плечи эти смуглые маленькие ножки, нравилось чувствовать тяжесть... Хотя какая там тяжесть! Килограммов сорок пять от силы.

В сарае вкусно пахло сеном.

– Все! – звонко крикнула Слада. – Ой! – Сергей присел слишком резко, девушка потеряла равновесие, но Духарев ее не уронил. Его ладони скользнули по ногам девушки, он обнял ее бедра, удержал...

М-да. Несколько смущенный, Духарев поставил ее на землю. Нижнее белье здесь еще не придумали.

Слада поглядела на него снизу, запрокинув голову. Кажется, она рассердилась.

– Ты нарочно, да? – выкрикнула она.

– Вообще-то нет, – Сергей усмехнулся. Сердитая, она нравилась ему ничуть не меньше. – А даже если и нарочно, что с того?

– А то, что я тебе не эти... К которым ты бегаешь! Которые только и думают... Я...

Сергей присел на корточки. Теперь уже он смотрел на нее снизу вверх.

– Я тебе... – по инерции повторила Слада.

– А я знаю, – спокойно и серьезно произнес Духарев.

Он подхватил ее на руки, отнес в угол, под окошко, где было сложено прошлогоднее сено, посадил на вязанки.

– Ничего ты не знаешь! – заявила Слада. – Ты думаешь, отец наш был – просто лекарь, да?

– Мне не важно, кто был твой отец. – Сережа взял ее ножку – меньше его ладони – поцеловал, щекоча усами. – Мне важно, что ты – моя царевна!

Слада молчала, но не пыталась освободиться.

Сергей ласкал ее ножки, целовал светлые, почти не загоревшие коленки.

– Ты – самая лучшая! Самая красивая!

Он заглянул ей в глаза.

– Ты правда так думаешь? – прошептала Слада.

– Да!

– А все говорят, что я уродка. Черная, тощая...

– Они дураки!

– Папа тоже говорил, что я красивая... Больше никто.

– И я.

– И ты. Ты тоже красивый. Только очень большой. И странный. К тебе привыкнуть надо.

– Ты привыкнешь.

– Да. Ты не думай, что я сержусь на тебя из-за этих... К которым ты вечерами ходишь...

– Знаешь, малышка, мужчине иногда надо...

– Знаю, – Слада оттолкнула его руку, соскочила вниз, развязала шнурок, на котором держались Серегины штаны...

Духарев настолько опешил от неожиданности, что с полминуты стоял столбом.

– Эй! – наконец воскликнул Сергей, пораженный ее уверенными действиями. – Эй! Кто это тебя научил?

От его окрика Слада вздрогнула, быстро убрала руки, даже спрятала их за спину.

– Это нельзя, да? – девушка глядела на него испуганными огромными глазами.

Наверное, что-то такое отразилось на физиономии Духарева, потому что Слада вдруг попятилась и остановилась, только упершись спиной в стену.

– Прости меня, Серегей, – прошептала она. – Я не знала...

Духарев увидел, как щеки ее покрываются румянцем.

Испуганная, совершенно невинная мордашка.
Сергеа подтянул штаны.
– Разве я сказал: нельзя, – негромко произнес он. – Я спросил: кто тебя научил?
– Шорох, – Слада опустила глаза.
Однако!
– Что еще за Шорох?
– Я за ним ходила, – чуть слышно проговорила девушка. – Он в отроках у Скольда был, потом к купцам нанялся, а тех нурманы побили. Шороху руки и ноги посекли да на дороге бросили. Его купцы витебские подобрали и домой привезли. Я за ним ходила, раны у него плохо заживали, особенно шуйцы^[6] культяшка.
– А что с ним теперь? – зачем-то спросил Духарев.
– Умер. От огневицы. Три лета тому.
– Да... – только и сказал Серега.
Мог ли он осуждать калеку за то, что тот использовал малолетку для того, что в УК РСФСР квалифицировано как развратные действия?
Да какие, на хрен, развратные действия! Духарев представил себя без рук, без ног...
Сергеа шагнул вперед, осторожно опустил ладони на хрупкие плечи.
«Что за ночь! – подумал он. – Что это будет за ночь – после такого дня! А-а! Гори все синим пламенем!»
– Сладка! – сказал он. – Выходи за меня замуж!

Глава двадцать пятая

Плохая ночь

Это было круто! Они бились на кургане, при свете костров, высоких – в человеческий рост. Голые по пояс, босые, без шлемов, без щитов, зато у каждого – по два меча. Лучшие клинки Скольда: Мороз, Ольдар, Жорх и Полич, южанин, скрутивший косу в узел, чтоб не мешала.

Это было круто! Курган над рекой. Внизу – безмолвная толпа, а наверху – огромный, как Ростральная колонна, черный идол на фоне неба. И высокое пламя, ровно рвущееся вверх, а между его языками – красные быстрые блестящие тела и еще более быстрые и блистающие – клинки.

Треск пламени, чистый звон металла, шелест рвущегося воздуха, глухие удары ног – по утопанной земле. Запах дыма, людей, воды и земли. Открытые рты, тяжелое дыхание...

Кто-то из бьющихся закричал тонко и пронзительно:

– И-и-и!..

Пламя взметнулось выше.

Общая дрожь прошла по толпе. Волна жара.

Сергея обнял прижавшихся к нему Мыша и Сладу, почувствовал, как их колотит. Вдохнул медленно и еще медленнее выдохнул. Дикое возбуждение сотен людей, скованное, не находящее выхода, физически осязаемое... Толпа, балансирующая на грани безумия...

Духарев изо всех сил старался обособиться. Не чувствовать, а наблюдать. Следить за поединщиками наверху, изучать их технику... Уму непостижимо, как эти парни ухитряются не развалить друг друга пополам! Это походило на дикую пляску... или на показательные выступления. Но каждый прыжок лишь на миг опережал шелестящий полет клинка.

В стоячем ночном воздухе плыл запах сотен человеческих напряженных тел.

Сергея выдохнул через стиснутые зубы. Он наконец понял, чего хочет. Быть там, на кургане, над рекой, над людьми, между жарких, пожирающих сучья костров. Чтобы волнами прокатывалась по телу Сила и трепетал отблеск пламени на острие клинка и на блестящей от пота коже...

Такое острое, нестерпимое желание невозможного...

Сергея так сжал челюсти, что слезы навернулись на глаза.

– Сергеей... – Прохладная ладошка Слады легла на его запястье. – Давай уйдем, Сергеей.

– Уйдем, – согласился Духарев и стал протискиваться назад. Впрочем, они стояли с самого края. – Мыш?

– Я остаюсь! – заявил его малолетний побратим.

И полез на дерево, где уже сидели несколько мальчишек. Сергей и Слада пошли по тропе вдоль реки. Звуки языческого праздника остались позади, постепенно затихли. Лишь однажды над рекой прозвенел высокий пронзительный крик. Слада перекрестилась и забормотала молитву. Сергею тоже стало как-то неприятно. Он вдруг осознал, что это не его ночь и не его праздник.

– Давай искупаемся? – предложил он.

Слада быстро замотала головой и даже сошла с тропы, словно он собирался столкнуть ее в речку.

– Тогда я сам, – Духарев дернул завязки рубахи. Темная теплая вода, подсвеченная луной, манила его... Как женщина.

– Нет! – Слада вцепилась ему в руку.

– Да что с тобой? – воскликнул Сергей, не делая, Впрочем, попытки

освободиться. – Вспотел я! Сполоснуться хочу!

Нет, вовсе не поэтому Духареву так хотелось в воду, но Серега намеренно назвал самую обыденную причину.

– Нет! – Слада изо всех силенок тянула его прочь от берега. – Сейчас нельзя, Серегей! Там... Опасно!

– Ладно, ладно... – Духарев позволил увлечь себя подальше от реки. Когда ее уже нельзя было разглядеть между стволами, Слада немного успокоилась, остановилась. Серега уселся на пенек, притянул ее к себе, попытался заглянуть в лицо девушки. Не смог. Он вообще-то отлично видел ночью, но в лесу было намного темнее, чем у реки. Лунный свет не проникал сквозь плотные кроны.

– Что ты дрожишь, Сладушка? – прошептал он.

– Плохая ночь...

– Что ты! – Сергей, преодолев слабое сопротивление девушки, усадил ее на колени. – Чудная ночь! Сладкая, как ты!

Притянув ее к себе, маленькую, горячую, трепещущую, как испуганная птичка, он целовал ее губы, щеки, глаза, жилку на тонкой шейке...

– Серегей, не надо, не надо... – шептала девушка, отталкивая его руки, отворачивая лицо.

– Сладушка, Слада... Хорошая моя... Ну что ты боишься? Я же люблю тебя, глупышка...

Сергей поставил ее на ноги, встал на колени, развязал тесемки юбки...

Слада больше не протестовала, перебирала пальчиками его отросшие волосы...

Бедра у нее были узкие, как у девочки-подростка, а талия такая тоненькая, что двумя пальцами можно обхватить.

Расстегнутый Серегин пояс тяжело упал на землю.

Крохотные сосочки, как ягодки, отвердели под его языком. Мягко-мягко Сергей опустил девушку на траву...

Внезапно расслабленные ее руки с силой уперлись Сереге в грудь.

Духарев мгновенно остановился. Нет, не потому, что не смог бы преодолеть сопротивление, а потому, что сразу почувствовал, что это уже не то «нет», которое означает – «да». Как всякий опытный мужчина, он умел улавливать эту разницу и никогда, даже совсем пьяный, не преступал границы между настойчивостью и насилием.

– Сереге-ей! – голос девушки сорвался. В нем был настоящий страх.

Духарев мгновенно развернулся, увидел темную широкую, как капот грузовика, фигуру, нависшую над ними...

Рука автоматически нашарила пояс, нащупала рукоять ножа.

– Что надо? – хрипло произнес Духарев.

Поза, на корточках, не выглядела угрожающей, но из нее он мог атаковать так же стремительно, как из любой высокой стойки.

– Мне... Ее...

Голос был гулкий, как из бочки. Страшный.

Темная фигура качнулась вперед.

Духарев распрямился пружиной, врезал с левой в пах...

И за миг до того, как костяшки его пальцев соприкоснулись с врагом, осознал, что бьет не туда. Потому что в сложении противника была чудовищная неправильность. Потому что, будучи раза в полтора шире Духарева и длиною торса ничуть Сереге не уступая, враг был значительно ниже ростом.

Кулак Духарева врезался в живот противника. Ощущение было такое, слово Серега ударил в макивару. А враг даже не покачнулся. Духарев уловил движение снизу, к горлу, отклонился назад... Недостаточно. Невероятно длинная клешня все равно достала его. Духарев успел прижать подбородок к груди, уберечь горло. Шершавые пальцы ударили его в подбородок, обхватили... и сомкнулись на шее!

Инстинктивный ужас пробился сквозь панцирь холодного бойцовского опыта. Но не ослабил, а просто отпустил тормоза. Мощно, от бедра, Серега ударил правой, ножом – в непробиваемый живот и ощутил, как клинок, преодолевая сопротивление, погружается в плотное тело. Клещи на шее ослабли, Духарев невероятным усилием, одновременно разворачиваясь, привычно уходя от возможного удара в пах, выдернул нож и – раз-два – полоснул изнутри по длинным ручищам, вывернулся, отпрыгнул вбок, ни на секунду не забывая, что за спиной у него – Слада.

Приземистая туша врага медленно разворачивалась к нему. Духарев замер в низкой стойке, высоко держа нож, уравнивая дыхание... Дыхание... Серега слышал себя, слышал, как неровно, нервно дышит Слада... Его враг не дышал!

Блин! Только сейчас Духарев осознал, что запаха крови он тоже не чувствует. А ведь брюхо у врага пробито, а из располосованных вен кровь должна так и хлестать!

Слада что-то проговорила по-гречески. Громко и отчетливо. Ее светлая фигурка как будто светилась в темноте.

Тварь так же неторопливо повернулась к ней.

Серега таращился во мрак, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, кроме неясного силуэта.

Силуэт сместился, шагнул к Сладе. Это движение привело Духарева в такую ярость, что он, не думая, ринулся вперед. Прыжок, мощный ки-ай^[7], короткий полет... И промах.

Сергеа промахнулся, приземлился, заскользил по траве, удерживая равновесие... А враг уже убегал, громко топоча, с хрустом ломая кустарник. Всего несколько секунд – и топот и хруст растворились в ночной тишине.

Духарев потрогал лезвие ножа. Сухое. Не слабо.

Сергеа, переводя дыхание, подошел к Сладе. Отвел ладошки, которыми она зажала уши.

– Ты права, маленькая, – сказал он. – Это плохая ночь. Давай одеваться, детка. Кстати, кто это был?

– Нежить, – чуть слышно проговорила Слада. – Пойдем домой, Серегей, хорошо?

– О чем речь, – напряжение понемногу отпускало Духарева, уходило, сменяясь радостным чувством победы. – Нет, ты слышала, как он ломанул? – со смешком спросил Духарев.

– Он крика испугался... – проговорила Слада, обматывая и завязывая юбку. – Ты так кричал... Как волох!

– Я могу, – самодовольно заявил Духарев.

Внутри него шевельнулась мыслишка, что все могло кончиться совсем скверно...

Но не кончилось же! И Серега прогнал зазорную мыслишку прочь. Но выводы сделал.

«Дурак ты, Дух! – сказал он сам себе. – Разомлел, как будто в каком-нибудь Репине за пансионатом на лужайке. А здесь, блин, медведи по лесам гуляют, и такие вот йети, и еще черт-те что! Хорошо хоть, дурак, Сладку послушался – купаться не полез. А то оторвал бы яйца какой-нибудь местный водяной!»

И опять прихлынуло неприятное чувство, что он здесь – чужой. И совсем не так крут, как хочет казаться. И в понятиях местных не разбирается, и вообще...

«Ничего, – успокоил он себя. – Какие наши годы! Прорвемся!»

Он застегнул пояс, и они пошли обратно. Сначала – к реке, потом по тропке вдоль берега.

На кургане догорали костры. С его верхушки сорвалось огненное колесо, покатилося вниз, подпрыгивая, разбрасывая искры. Рядом с колесом прыгали и верещали крохотные человечьи фигурки. Колесо сорвалось с берега и ухнуло в реку. Фигурки с плеском и смехом

посыпались следом. Эти совсем не боялись. Наверное, для них это была хорошая ночь. Замечательная!

Курган они обогнули стороной. И священную рощу, где стояли идолы, тоже обошли по краю. Пару раз на них выбегали голые веселые люди с факелами, кричали что-то жизнерадостно и исчезали между деревьями. Каждый раз Слада крестилась и бормотала молитву. Ей было страшно.

Обойдя рощу, они снова спустились к берегу и у самой воды наткнулись на огромный шевелящийся ком из переплетенных мужских и женских тел. Серега приостановился, но Слада решительно потянула его прочь.

В городе не было никого. Даже собак.

В молчании Серега и Слада поднялись вверх, к дому. У калитки Слада отпустила Серегину руку, отошла в сторону и присела над канавкой. Серега тоже сделал пару шагов и развязал гашник. С точки зрения отправления надобностей, здешняя женская одежда была удобнее, чем мужская.

Спать пошли не в дом, а на сеновал.

Сладина головка уютно лежала на Серегиной руке.

– Слад, слушай... А как Мыш? Его никто не обидит?

– Нет, – сонно ответила девушка. – Он – с мальчишками.

– Ничего себе защита! – Серега вспомнил, как сдавили шею клешни уroda.

– Их пращурьы оберегут, – пробормотала Слада. – А Мыш – с ними. Спи, Серегей, спи...

**Глава двадцать шестая,
в которой Серега Духарев изготавливает страшное оружие,
перенятое японскими ниндзя у китайцев, а теми – у дикарей
Суматры, или – наоборот, но очень скоро убеждается, что, к
сожалению, в существующих условиях оно оказывается не
более эффективным, чем ТТ без патронов**

Трубка получилась хоть куда. Серега тщательно удалил перегородки, отполировал стебель изнутри. Стрелку изготовил из стальной иглы, насаженной на деревянный цилиндрок. Цилиндрок для плотности обмотал шерстяной ниткой. Набрал воздуха, прицелился... Бум! Прямо в точку!

После получасовой практики Серега наловчился попадать в мишень сантиметрового диаметра с расстояния в двадцать шагов четыре раза из пяти. Очень довольный, отправился на поиски Мыша. Похвастаться.

Мыша он нашел в лавке. Слада припахала его растирать какие-то зернышки. Сама она занималась изготовлением «бактерицидного лейкопластыря по-малоторжковски»: натирала мазью льняные лоскутки и развешивала внутри кожаной коробки, чтобы уберечь от мух.

Увидев Серегу, Мыш оживился и отложил ступку.

– Это у тебя чего?

Духарев показал: всадил три стрелки в доньшко деревянной тарелки.

– Дай попробовать! – потребовал Мыш.

Попробовал.

– Мыш, ты что, закончил? – поинтересовалась Слада.

Ее брат погрустнел, вернул трубку.

– Чифаня был, – сообщил он. – Сказал: через три дня уходим. Слышь, Сергей... – Он опять оживился, отложил ступку. – А давай во Фришоп пойдем!

– Куда?!

– Во Фришоп, – деловито повторил Мыш. – Ну, где ты твои эти, красные, купил.

– Хорошая у тебя память, – усмехнулся Духарев. – Только ничего не выйдет. Нет больше фришопа.

– Пожгли, что ли? Кто?

– Таможенники.

– Не слыхал. Должно быть, далеко отсель?

– Ох далеко! – Серега подмигнул. – Сладушка, а скажи мне, у тебя яда какого-нибудь быстродействующего нет?

– Зачем тебе?

– А вот для этого, – Серега показал на стрелку. – Чтобы попал – и наповал.

– Нет.

Серегина идея Сладе явно пришлась не по душе.

– Я слыхал, меряне ядом стрелы мажут! – сообщил Мыш.

– А какое-нибудь снотворное? – не отставал Духарев. – Быстродействующее?

– Снотворное? Сонное зелье, что ли? – Слада задумалась, но додумать не успела, потому что в лавку заглянул мужичок в шитой красным рубахе.

Физиономия – как блин. Мерянин. Легок на помине.

– Девка-знахарка тута? – поинтересовался он.

– А тебе чего? – спросил Мыш. – И сам – кто будешь?

– Дык на Пнищах кабан огнищанина погрыз, – сказал мужик. – Я закуп евойный. – Глянул на Сладу: – Ты, что ль, знахарка будешь?

– Я, – кивнула Слада.
– Пойдешь? Иль мне до волохов идтить?
– Сильно погрыз? – деловито спросила Слада.
– Жилу порвал. Пойдешь?
– Пойду, – сказала Слада.
– Ну тады бывай.
– Эй! – крикнул Мыш. – А не проводишь?
– На что? – махнул мужичок. – Дойдет. Ить, дорога утоптана.
– Пускай идет, – сказал Духарев. – Я провожу. Далеко эти Пнищи?
– Да не, – ответил Мыш. – Шесть верст от развилки. Идите. А я в лавке посижу. Трубу мне свою оставишь?
– Оставлю, – Серега поднялся.
Слада быстро собрала свою лекарскую суму.
– Огнищанин – эт добре! – заметил Мыш. – Кун десять даст. А то и целую гривну.
Тут он был прав: огнищанин – не простой пахарь. Для Слады такое приглашение – удача. Ну не все же ей чирьи лечить!

**Глава двадцать седьмая,
в которой спокойная полоса в жизни Сереги Духарева
заканчивается большими неприятностями**

До развилки дошли быстро. Слада молчала, обдумывала, должно быть, будущую работу. Серега тоже был болтать не настроен. Шагал, по сторонам поглядывал.

Идти было легко. Теплый ветер обдувал лицо и шею. Воздух был так вкусен и легок, что от этой чистой легкости просто летать хотелось.

Последние дни погода была замечательная. Солнышко светило вовсю. Надо полагать, Дажьбог остался доволен своими почитателями.

Утомленный трехсуточной праздничной каруселью, весь Малый Торжок лежал в лежку. И гости города, и его постоянные обитатели. Слада и Духарев были, вероятно, единственными взрослыми жителями городка, способными к прямохождению после Дажьбоговых игрищ. В лавку то и дело прибегала посланная старшими ребятя: за укрепляющими снадобьями. Трехдневное отсутствие покупателей окупилось сторицей. Впрочем, и эти, праздничные, дни «семейство» Сереги не бездельничало. С раннего утра Слада с Мышом отправлялись в лес. На заготовки. Но возвращались всегда до темноты. Сереге же нашлось мужское дело. Косить

и возить сено для коз. Телегу и лошадь дали соседи. Лошадь, преклонных лет гнедая кобыла, в управлении оказалась проста, как трамвай. Нагрузил телегу, скомандовал: «Домой!» – и ложись на сено да спи. Через час проснешься у соседских ворот.

В общем, Серега мог бы сказать, что жизнь его наладилась. Правда, он мог бы назвать такую жизнь скучноватой. Если бы не Слада.

Сбоку от дороги лежало сломанное ветром дерево. На стволе сидел мужчина. Лица не разглядеть, но и издали видно, как блестит на солнце начищенная броня. Духарев не сбавил шага, только быстро глянул на Сладу и встретил ее вопросительный взгляд. Девушка тоже заметила мужчину и ждала, какое решение примет Духарев.

Серега решил продолжать путь. Через полсотни шагов он разглядел, что мужчина – не один. На обочине, на корточках, сидели двое. А еще через сотню шагов Серега признал сидевшего: Горазд.

Нехорошее чувство шевельнулось внутри, но Духарев не хотел выглядеть трусом. Ни в глазах купца, ни тем более в глазах Слады. Наверное, это было глупо.

– Здорово, чужак, – Горазд поднялся, заступая дорогу. – Далеко собрался?

По обе стороны от него встали двое бойцов. Тоже в бронях, но вместо боевого оружия – дубинки. Морды у обоих деловито-сосредоточенные.

Серега быстро оглянулся. Так и есть: сзади выступили из чащи еще четверо.

«Уважают», – без особой гордости подумал Духарев.

Он уже понял, что сделал глупость.

Наклонившись к Сладиному ушку, шепнул:

– Скажу «назад» – беги в город. Поняла?

«Только бы не спорила!»

Но девушка была не так воспитана, чтобы спорить с мужчиной, старшим. Она просто кивнула.

– Здорово, купец, – Духарев шагнул вперед, отметив боковым зрением, как поползли следом тени тех, кто позади.

Солнце светило Сереге в спину, и это было хорошо.

– Ну, говори, что надо, – буркнул Духарев.

Горазд не отступил.

– Больно ты дерзок, чужак, – спокойно сказал он. – Но я тя обломаю. Берите его. И девку тож.

– Ах ты козел сраный! – зарычал Духарев, бросившись вперед. Молодцы по бокам Горазда вскинули дубинки, а те, что сзади, бросились к

Серге... Но это был лишь обманный маневр.

Духарев стремительно развернулся, приседая... и один из нападавших, подшибленный, полетел на обочину, второго Серега подсек под колено, и тот плюхнулся на задницу. Двое других быстро затормозили и завертели дубинками...

– А ну назад! – заревел Духарев во всю мочь. У него на поясе висел кинжал, но поначалу Серега о нем просто забыл.

Слада сорвалась с места и помчалась по дороге. Один из нападавших бросился было за ней, но его остановил окрик Горазда.

Двое сбитых Духаревым с ног поднялись. Один прихрамывал, второй потирал ягодицы. Серега подхватил оброненную одним из них дубинку.

– Драться хочешь? – почти мирно спросил Горазд. – Ну, давай драться. Дай-ка мне... – Он забрал дубинку у одного из своих. – Ну? Дерись!

Серега, которому терять было нечего, широко размахнулся и нацелился подшибить купцу голень, поскольку бить по голове, прикрытой шлемом, или по защищенному железом туловищу Духарев полагал бессмысленным.

Дубинка свистнула. Горазд поймал ее своей на полпути – и оружие едва не вырвалось из Серегойной ладони. Тут же последовал ответный удар, Серега отшатнулся – и конец Гораздовой дубинки свистнул в сантиметре от Серегойной груди. А купец тут же прыгнул вверх, едва не угодив Духареву в пах. Серега успел выбросить вниз ладонь. Больно, однако!

Горазд, с виду неповоротливый, оказался куда как проворен. Дубинка так и свистела. Серега уже и не пробовал размахивать собственной. И за кинжал хвататься тоже не рисковал. Вдруг противник решит пустить в ход меч? Короткий клинок играет против длинного только в умелых руках. То есть не в Серегойных. Поэтому Духарев просто прижал палку к предплечью, чтобы в крайнем случае можно было поставить блок, не рискуя сломать руку. Но в основном Серега не отбивал, а уклонялся. Через две минуты он уже дышал, как паровоз, схлопотал один раз по бедру, другой раз по ребрам и, более всего, по голени при неудачной попытке лягнуть противника в пах. Этого Духареву было достаточно, чтобы понять: ловить нечего. Надо делать ноги. Оставалось только надеяться, что за это время Слада успела отбежать подальше.

– Хватай! – крикнул Духарев и метнул свою дубинку в лицо Горазду.

А сам повернулся, отшвырнул плечом зазевавшегося парня и припустил со всех ног.

Горазд смахнул брошенную палку небрежным движением собственной и сделал знак одному из своих. Тот перехватил дубинку наподобие копья,

откинулся назад – и с силой метнул вслед Духареву.

Удар пришелся в левую лопатку и швырнул Серегу на дорогу. Духарев не воткнулся физиономией в твердую землю только потому, что успел, на рефлексе, выбросить вперед руки. Оглушенный, он тем не менее ухитрился довольно быстро вскочить на ноги, получил еще один удар, по шее, затем под колено – и свалился опять. На него тут же навалились, растянули, сунули жердь в рукава рубахи, прикрутили Серегини руки к палке, спутали ноги, затем подхватили и привели в вертикальное положение. Процесс «стреноживания» занял меньше минуты. Чувствовалось, у ребят хорошая практика.

– Так-то, чужак! – Горазд похлопал Серегу по животу. – Это те не на кулачках биться!

Сказано было без малейшего гнева, просто с удовлетворением от хорошо выполненной работы.

Глава двадцать восьмая, в которой выясняется, что прилежный холоп ложится спать сытым

– Я тя ромеям продам, – говорит Горазд.

Купец сидит на краю телеги, свесив ноги. Броню он снял, кожаную поддевку и рубаху тоже. Жарища! Солнце палит вовсю. Душный болотный дух: справа – заболоченный берег озера, слева – лиственный лес. Старый.

Горазд почесывает грудь. Тупые ногти скрипят по жесткому волосу. Сложение у купца богатырское. На животе, правда, порядочный слой сала, но плечи и руки – сплошные переплетения мышц и жил. Пожалуй, на чемпионате по армреслингу у Горазда были бы серьезные шансы на победу.

– Ромеи таких любят. Здоровых. Будешь в ихнем цирке бороться.

– Не буду! – мрачно заявляет Серега.

Руки его связаны за спиной, на ногах – веревка полуметровой длины. Нормального шага не сделать, приходится семенить. И семенить быстро, поскольку еще одна веревка одним концом привязана к телеге, а другим – к Серегиней шее. Отстанешь или споткнешься – и потащит по дороге волоком. Петля не затяжная, но приятного мало. Серега уже попробовал. Конечно, его подняли, поставили на ноги, но не сразу. Дали, так сказать, ощутить все прелести кандидата в висельники. Спина болит, нога болит, бок... И пить хочется. Серега облизывает сухие губы...

– Будешь, – говорит Горазд. – Ты упрямый, но не дурак. Тебе же

лучше. А то посадят на галеру – там и сдохнешь. Или в рудники. А так, может, и выкупишься. Тем боле ты с ромеями одному богу кланяешься. Слушай, что я говорю, чужак, и не спорь. Я тебе добра желаю.

Добряк нашелся!

– Пожалел волк кобылу, – бурчит Духарев. – Пошел ты!

– Напрасно серчаешь, – возражает купец. – Какое мне уважение от богов будет, если со мной всякий чужак да пришлый, навроде болгарова отродья, прекословить начнет? Тебя продам, да и болгарят тож продам. За девку степняки гривен пять дать могут. – Купец говорил неторопливо, рассудительно. – Пять, а то и поболее, поелику девка в болячках людских понимает. А что чернява да худа, так у них свои бабы такие ж.

Сергеа угрюмо молчал.

– Мы – кривичи, – разглагольствовал Горазд. – Это наша земля от пращуров. А всякие там варяги, меряни да древляни здесь корню не имеют.

– Ты это Скольду скажи, – проворчал Духарев. – Или этому, который в Полоцке. Роговолду.

Горазд пожал плечами.

– Князь Игорь со своей русью придет да уйдет, – заявил он. – А Роговолд полоцкий вообще из-за моря пришел, да тож как пришел, так и уйдет. А мы, кривичи, всегда будем.

Сергеа вступать в дискуссии по национальному вопросу не стал. У него были более насущные проблемы: водички бы попить. Да отлить. Да смыться, если получится.

На следующий день Духарев решил: надо менять тактику. Если за ним будут приглядывать так же качественно, как этой ночью, ни за что ему не удрать. Поэтому весь следующий день он демонстрировал упадок духа, с Гораздом больше не спорил, а к вечеру стал даже и поддакивать. И немедленно получил послабление: утром с его ног сняли веревки. Хотя, может быть, дело было не в поведении Духарева, а в том, что Горазд решил поспешить. В этот день Сергеа отшагал в общей сложности километров сорок. А к вечеру караван из четырех телег, шести всадников, одного разговорчивого купца и одного неразговорчивого кандидата в галерники выехал на речной берег. Река была настоящая, не чета Сулейке. Гораздов поезд уже поджидали. В песчаной бухточке стояли два суденышка, каждое – метров по пятнадцать в длину. Гораздовы лодьи.

Серегу развязали и заставили перетаскивать груз с подвод на корабли. Духарев упрямитесь не стал, работал усердно, не отставая от Гораздовых парней. Попытки удрать он тоже не сделал, поскольку место было открытое, а на удобном бугорочке разместился наблюдатель, в руках у

которого имелся лук, а тул со стрелами был расстегнут. Духарев совсем недавно имел возможность убедиться, что такой вот стрелок способен снять бегущего зайца. Серега же был намного крупнее самого крупного зайца, а бегал значительно медленнее.

Весь груз был переправлен к заходу солнца. Поужинали лепешками и жареной олениной. В еде Духарева не ограничивали, а расщедлившийся Горазд охотно угощал Серегу пивом. Духарев заглотал литра три и даже слегка опьянел. Но сделал вид, что не слегка, а в полный рост окосел.

После ужина пустые телеги и лошадей отправили обратно в сопровождении четырех Гораздовых удалцов, остальные погрузились на корабли, отчалили от берега и встали на якорь посреди реки.

Духареву связали руки, уложили на корме и оставили в покое, решив: куда он денется посреди реки, пьяный и связанный?

Ночь выдалась безлунная, удачная ночь, одним словом. Хмель из Серегиной головы выветрился мгновенно. Да и что ему несколько литров слабенького домашнего пива?

На носу лодьи маячил силуэт караульного. Очень скоро сторож, тоже приложившийся к пиву, начал клевать носом. Но Серега не спешил. Дождался, пока совсем стемнело, встал, на корточках проследовал на корму и очень аккуратно перевалился через борт. Плеск разбудил дремавшего караульщика. Разбудил – но не обеспокоил. Подумаешь – рыба играет! А Духарев вынырнул, перевернулся на спину и тихонько поплыл к противоположному берегу. Спустя минут двадцать он выбрался на бережок, перетер веревки об острый камушек, вскарабкался наверх, оставляя, вполне сознательно, заметные следы. Стянул с себя сапоги, мокрую одежду, отжал, свернул в тючок, перевязал гашником от штанов, пропустил ремень через подвязанные рукава, приспособил на спину... А затем по кривому деревцу сполз обратно к реке, ухватился за длинную ветку и снова оказался в воде. С развязанными руками да без сапог плыть в тепленькой водичке – чистое удовольствие. Серега плыл почти час, стараясь держаться ближе к середине, где течение сильнее. Подустав, свернул к берегу, углядел темнеющую ветку и вылез из воды, не касаясь ногами песка.

Обнаружив пропажу раба, Горазд наверняка огорчится и захочет вернуть «собственность», а среди купцовых парней наверняка найдется пара-тройка хороших следопытов. Духарев вовсе не собирался облегчать им жизнь. Теперь его и с собачками не вдруг отыщешь.

Темень в лесу была абсолютная, и разумней было бы подождать рассвета, но тут на Духарева с невероятной силой наехали оголодавшие комары. Пришлось натянуть на себя мокрое и двинуться дальше. Впрочем,

через некоторое время Сергей наткнулся на светлую тропку, и идти сразу стало веселее. Он даже припустил рысцой и согрелся.

Тропка оказалась так себе. Очень скоро под ногами зачавкало. Выбирая между комарами и болотом, Серега однозначно выбрал комаров, поэтому вернулся назад, вскарабкался на дерево потолще, кое-как привязался к ветке и задремал. Вокруг ухал, шуршал и звенел незнакомый лес, но Духарева это не пугало. Зверья он не боялся. Лето, жарчки у всех – от пуза. Ни один самый отморозенный хищник не станет при таком раскладе связываться с человеком. А комары... Бывало и похуже.

Мысль, пришедшая Сереге перед сном, вопреки обыкновению, была не «Как же я сюда попал?», а «Как там мои?» Чем обернется сегодняшний эпизод для Мыша со Сладой? Отважный Мыш несомненно пойдет к Скольду требовать справедливости. Но чем он докажет вину Горазда? Только показаниями Слады. А если Скольд сочтет ее свидетельство недостаточным? Тогда жалоба, по местным законам, автоматически превращается в навет, и доказать свою правоту можно только с оружием в руках: пусть боги укажут правого и сильнейшего. Именно с оружием, а не на кулачках. А кто из тех, кто по-настоящему умеет рубиться, встанет за пришедшего Мыша против думного советчика Горазда?

«Только тронь их, кабан толстый, и я тебе печенку вырежу!» – посулил он мысленно купцу.

К сожалению, Серега отлично понимал: даже услышь его Горазд – вряд ли испугается. Грозить расправой купцу, который запросто нашинкует Духарева на дольки, – пустая похвальба.

«Господи! – взмолился Духарев. – Если уж Ты не дал мне прихватить с собой „калаш“, научи меня биться по-здешнему. А я уж постараюсь Тебя не подвести! Помоги, Господи, а за базар я отвечу. Ты знаешь!»

Трудно сказать, дошла ли до Бога эта странная молитва, вознесенная в ночном лесу человеком, прикорнувшим в развилке ветвей. Но это было последнее, что думал Духарев, перед тем как уснуть.

Глава двадцать девятая, из которой можно узнать, что «свободный» – еще не значит «сытый»

Утро принесло Духареву ноющую боль в отлежанных частях организма. Его нынешняя постель была далека от идеала.

Серега отвязался, кряхтя, сполз на землю, облегчился и одновременно

прикинул свои возможности.

Возможности были невелики. То есть примерно такие же, как в первый день его пребывания в этом прикольном мире.

Правда, у него было немного денег: кошель слуги Горазда отобрали, но потайной карман в штанах не обнаружили. Одежка у Сереги теперь – местная, значит, слово «чужак» уже не вышито большими буквами на заднем кармане его джинсов... А нацарапано маленькими буквами на лбу. Не трудно догадаться, что для здешнего люда всякий незнакомец – чужак. А следовательно – или опасность, или добыча.

Надо пробираться обратно в Торжок. Теоретически городок должен быть где-то в пределах досягаемости. Теоретически. А практически Серега даже не знал, в каком направлении двигаться. И куда, например, текла река, по которой он плыл ночью. К Торжку или наоборот? Куда идти и чем питаться по дороге – неясно. Ножа нет, спичек нет, нет карты, компаса, рыболовных крючков... В общем, ничего нет, а кушать уже хочется. И пить тоже.

Узкая тропка убегала, петляя, между деревьев. Где-то позади осталась река... И молодцы Горазда, которые, зуб давая, всюду ищут беглеца. Нет, назад идти пока не стоит.

Восходящее солнце угадывалось справа, слева энергично трудился дятел. Серега отыскал подходящую ветку, отломил, ободрал, получилась дубинка. Или посох. Теперь – в путь.

Болото он обошел. Заморил червячка черникой и сыроежками. Повстречал лису и ежика. Предпочел бы Колобка. К полудню опять наткнулся на болото. Может, то же самое. Опять перекусил черникой. Встретил гадюку. Змея, конечно, тоже еда, но Серега еще не настолько изголодался, чтобы есть гадюку. Да еще сырую. От змей, лягушек, улиток, червей и прочей экзотической пищи он пока воздержится. Сырым Духарев слопал бы, скажем, утиные яйца. Но хотя утки ему попадались, даже с крохотными утятами, ни одна из них почему-то не пригласила Серегу в гости, а сам найти гнездо он был не в состоянии.

К болоту Серега выходил еще дважды, хотя каждый раз поворачивал на сто восемьдесят градусов и кругами точно не шел, поскольку направление по общеизвестным приметам держал точно. К вечеру Духареву подфартило: он нашел скелет. Правда, без закопанного под ним клада, зато с ржавым ножом, застрявшим в позвоночнике. Неплохой удар был у убийцы: нож пробил насквозь толстый грудной позвонок и вышел на пару сантиметров наружу. Кроме ножа при покойнике имелись клочки истлевшей одежды и обгрызенная зверьми кожаная сумка. Мысленно

извинившись перед усопшим, Серега раздавил позвонок каблуком и забрал нож.

Еще через час Духарев набрел на ручеек с хорошей водой и песчаным дном. Водой поужинал, а песочком вычистил найденный нож, вполне приличную штукину с двадцатисантиметровым клинком, кое-где иззубренным, но вполне годным к эксплуатации, если подточить о камушек. Ручеек впадал в небольшое озерцо с заболоченными берегами. В озере плавали утки.

Последние светлые часы Духарев истратил на изготовление лука. Тетивой послужил шнур от штанов, которые, чтобы не спадали, пришлось завязать сбоку узлом. Стрелы Серега изготовил из сухих тростинок, которые расщепил спереди, а в расщепах закрепил пластинки кремня. Лег спать удовлетворенный. Пустоту в желудке питала надежда на завтрашнюю охоту.

С охотой вышел облом. Глупые утки подпускали совсем близко. Серега даже два раза ухитрился попасть, но его импровизированные стрелы не причиняли птицам существенного ущерба. Так, вышибали пару перьев. Поскольку взрослые птицы оказались неуязвимы, Духарев попробовал подстрелить утят. Но те представляли собой слишком маленькие мишени для такого стрелометателя, как Серега. Раньше, чем кончился запас стрел, порвалась «тетива». Серега обругал ее нехорошими словами, связал и вернул на законное место: поддерживать штаны. А «лук» выбросил и попытался охотиться совсем по-первобытному – камнями. Вот тут его ждал успех. Духарев подбил селезня. Правда, не потому, что был очень метким, а потому, что селезень был полный дурак и, в отличие от уток, предыдущие неудачные броски игнорировал.

Оглушенного селезня Серега с немалым трудом вытащил из воды, свернул ему шею, частично оципал и попробовал съесть. Для его зубов это оказалось крайне трудной задачей, хотя вообще-то для коренного питерца зубы у Сереги были вполне приличные. Ощущение было такое, словно жуешь подметку, армированную толстой леской. Хотя Духарев допускал, что качественная подметка все-таки жестче. Теоретически. Питаться подметками ему как-то не доводилось.

Селезневу ногу он все-таки доел. Вечером. Остальное на следующее утро пришлось выбросить: мясо стало ощутимо пованивать. Выбросить и вернуться к прежней ягодно-грибной диете.

А еще через день Серега вышел к дубу.

Часть вторая

Подходящий материал для изготовления клинка

Глава первая

Священный дуб и его обитатели

Дуб был невероятно огромен. Метров шесть или семь в диаметре. Мощные перекрученные корни на полметра выпирали из земли. Вместо нижних ветвей из неохватного ствола торчали обломанные сучья. С них бородами свисал серый мох.

Сереге присел на корень.

«Да уж, – подумал он. – Теперь я точно заблудился».

И вдруг увидел в стволе, в буграх и желваках коры, удивительно ровную щель. Серега невольно проследил ее взглядом и обнаружил, что примерно на высоте полутора метров щель загибается на девяносто градусов. И внизу, что характерно, тоже.

Заинтригованный Духарев встал, вытащил нож и сунул его в щель.

Такого кощунства не позволил бы себе никто: ни кривич, ни мерянин, ни даже самый отмороженный клявшийся Одином нурман. Запустить железо в тело священного дуба!

Но Серега понятия не имел, что дуб – священный.

Поэтому он не только запихнул нож, но и поковырял внутри... просто так. И кусок дуба отвалился!

То есть не совсем отвалился, а откинулся вбок и повис на ремнях, обнаружив за собой пустоту.

Как поступил бы в таком случае любой абориген? Правильно! Дунул бы от сомнительного места со всех ног. Самый жадный и бесстрашный и то попятился бы: вдруг выскочит из ствола неуловимое для глаза лесное лихо и вырвет глотку? Серега о такой, вполне реальной, возможности даже не подозревал, поэтому не побежал и даже не попятился, а с большим интересом заглянул в дупло.

Сначала он не разглядел ничего, но потом...

Е-мое! Вот это апартаменты!

За толстой живой стенкой обнаружилась целая комната. Стол, стулья (вернее, чурбаки, прикрытые сверху мохнатыми шкурами), полукруглый стеллаж, глиняные горшки, ларь...

На «стенах» тоже висели шкуры. Серега откинул одну, пощупал: под шкурой – сухая глина. Серега наклонился и шагнул внутрь.

Сверху сочился свет. Вроде потолок?

Потолок, да не совсем! Ничего себе! Квартирка-то многоэтажная!

Серега полез вверх по приставной лестнице.

На «втором этаже» оказалась «спальня». Здесь было уже совсем светло, потому что в стволе присутствовало «окно».

Вдоль стены – широкая лежанка. А на лежанке – живой горноста́й. Очень красивый и очень сердитый. Увидав незваного гостя, горноста́й противно заверещал.

– Да ладно тебе! – сказал ему Духарев. – Не нужна мне твоя шубка!

И заметил на полу глиняную чашку с кусочками сырого мяса.

– Твое? – спросил он горноста́я. – А хозяин где?

Зверек глядел на него черными глазами-бусинками. На вопрос, само собой, не ответил.

«Окно» было естественным. Дупло сантиметров тридцать в поперечнике. Это снаружи, внутри – шире. Тактически «окно» располагалось очень удачно: подходы к «дому» просматривались прекрасно. Учитывая толщину стен и относительную слабость местного оружия, выковырять засевшего в дубе стрелка очень непросто. Разве что огнем...

На полу лежала пыльная медвежья шкура. Метрах в трех над головой густо висели связки шкурок. Горностаевых среди них Духарев не разглядел. Еще одной примечательной деталью был повешенный над лежанкой меч. Серега снял его, вытянул из кожаных ножен узкий почти метровый клинок, отточенный с обеих сторон, но только до середины. Ближе к рукояти клинок был намеренно затуплен, а у самого эфеса украшен свирепыми зубцами. Клевая вещь.

Серега вздохнул, сунул меч в ножны и повесил на место. Во-первых, чужое, во-вторых, даже дубинкой Духареву было сподручней орудовать, чем длинным боевым клинком. Рубиться на мечах – все равно что из тяжелого револьвера навскидку бить. Это только кажется, что просто: навел да нажал на спуск. А на деле: из шести выстрелов пять – в «молоко», а шестой – в ворону на дереве. Это если в мишень стрелять. А если в вооруженного противника, так, скорее всего, и на спуск нажать не успеешь, а твои мозги уже в стенку полетят. В общем, повесил Серега дорогую вещь на прежнее место и...

– А вот это ты верно решил, – проскрипел за спиной голос. – Поворотись-ка, паря, да погляди на меня.

Духарев послушно обернулся.

Перед ним стоял совершенно седой старик, одетый, несмотря на лето, в теплую меховую одежду. На плече старика сидел горноста́й, другой, не тот, что расположился на кровати, а в руках деда наличествовал взведенный заряженный арбалет, именуемый здешним народом – самострел. И этот самый самострел был очень красноречиво направлен Сереге в живот.

– Зачем пришел, дурень? – спросил старик.

Слова он выговаривал не очень внятно: через коричневое от загара лицо пролегла страшная борозда: серый рубец от уха, голой полосой протянувшийся через бороду, к подбородку. За разорванной губой проглядывала пустота: зубов в этом месте не было. Серега скосил глаза вниз и увидел, что одной ступни у деда нет и опирается он коленом на деревянную раскоряку. Как он сумел без ноги, беззвучно, подняться наверх и застать Серегу врасплох? Уму непостижимо! Серега прикинул, сумеет ли в броске перехватить самострел. Решил: рискованно. Слишком тесно. А старик, скорей всего, только *выглядит* немощным.

Дед качнул перехваченной кожаным ремешком головой.

– Даже и не помышляй! – угадал он Серегины прикидки. – Так чего тебе надо, репка-сурепка? Зачем ко мне влез?

Наконечник, который глядел Духареву в район пупка, был двойной, зазубренный. Такой вынуть можно только с потрохами вместе. Вынутые потроха Серега видел. Это было неприятное зрелище, хотя потроха были не его, а совсем другого человека. И все, чего хотел тот человек, – десять кубов обезболивающего в вену. Или – ножом по горлу. Только побыстрее.

Вряд ли собственные внутренности понравятся Сереге больше, чем чужие. А обезболивающего тут нет. И искусственного сердца с почками. А как работают местные хирурги, он уже видел. Строго по анекдоту.

Доктор: «Ампутация левой ноги!»

Фельдшер топориком – тюк!

Доктор: «Ампутация правой руки!»

Тюк!

Доктор: «Ампутация левой руки!»

Тюк!

«Я сказал – левой!»

Тюк!

«Я сказал – руки!»

Тюк!

Вот и у дедушки с местной медициной явно были проблемки!

– Что, язык проглотил? – сердито рявкнул ему старик. – Пошто

священное место испоганил?

– Я ничего не трогал, – осторожно проговорил Духарев. Раздвоенный наконечник действовал на Серегу гипнотизирующе. – Не крал и не поганил... Дверь надо запирать! – буркнул он.

– Чего-о? – старик задрал лохматую бровь.

– А того! – Серега фыркнул и уселся на пол. Да пошел этот дед!.. Захочет стрельнуть – все равно стрельнет.

Старик не выстрелил, тоже уселся, на край лежанки. Глядел на Духарева стылými немигающими глазами. Молчал. Горностай у него на плече завернулся в пушистый хвост и тоже таращился на Серегу. Второй – тоже.

– Заблудился я, – сказал Духарев. – Что ж теперь, меня убивать? Ну не лесной я человек!

– Что не лесной – это я вижу. – Дед усмехнулся.

Усмешка у него была... Как у старого рваного волчары. От такой усмешки мужские семенные органы сразу хотят в животе спрятаться.

– А вот кто ты есть – не вижу. А должен бы.

– Почему? – заинтересовался Духарев.

– Потому что ведун, – ответил дед неожиданно мягко.

– Ведун – это как?

– Так! – Старик покачал головой и опустил самострел. – Грех тебя убивать, убогого! – пояснил он.

Серега не шевельнулся. Он нутром чуял: и без самострела старик смертельно опасен.

– А может, ты и не убогий, – рассуждал дед. – Морда у тебя вроде тутошняя, но токо – на простой погляд. А внутри, вовсе чужинская. То ли ты ума лишенный, то ли – духом схваченный. А может, ты сам – дух? – старик пытливо глядел на Серегу.

– Звали меня и Духом, – сказал Сергей.

Хрен знает, может, к духам дедушка более снисходителен?

– Не врешь, – констатировал старик. – Звали. Токо ты не дух. И не кромешник... А похож! – Дед мелко захихикал, и сразу стало заметно, что лет ему – не меньше шестидесяти.

– Можно я уйду? – попросил Серега. – Я тебе плохого не сделал? Твоего не взял. Я, можно сказать, твой гость!

– У-ху-ху! – развеселился старик. – Какой ты гость, репка-сурепка? А взял бы вот хоть его... – Кивок на меч. – Стал бы я с тобой ласы точить? Со злодеями у меня разговору нет. Со злодеями вот он беседует! – Старик похлопал по самострелу. – Ну-тко амулет свой покажь!

Сергея нехотя (кто его знает, как здешние ведуны к христианам относятся?) вытянул наружу крестик.

Пронесло. Хвататься за самострел дед не стал.

– Видал такие, – кивнул он. – У ромеев. Но ты не ромей, поговору слышу. И не болгарин.

– Да я вообще не отсюда! – честно признался Духарев.

– Звать тебя как?

– Сергей.

– Сергей... – Старик, первый из здешних, произнес его имя правильно, несмотря на порванный рот и отсутствие зубов. – Сергей... – будто попробовал на вкус. – Потому и ко мне влез, не испужался... – Дед не спрашивал, рассуждал сам с собой.

Старик посидел с полминуты молча, хмурясь и шевеля бровями, потом глянул своими стылыми, цвета грязного льда глазами на тоже притихшего Серегу.

– Вот что, Сергей-Не-Отсюда, поживи-ко ты у меня!

– Да я... – замялся Духарев.

– Боишься, что ли? – задрал бровь дед.

– Боюсь! – не стал кривить душой Духарев. Что толку, если этот одноногий дедушка и так видит его насквозь?

– А вот он – нет, – усмехнулся старик, погладив горностаю.

Как ни странно, но этот аргумент для Духарева оказался решающим. И он остался.

Глава вторая

Что такое «ведун»

Деда звали Рёрах. Почти как знаменитого художника. Был дед – из варягов, да вдобавок ведун. Не колдун, не волох-жрец, а именно ведун. То есть умел абсолютно безошибочно определять, когда человек говорит правду, а когда лапшу на уши вешает. Одноногий детектор лжи, одним словом. Еще старик умел предугадывать чужие действия, но об этом Серега узнал позже. Свои особые способности старик относил за счет отсутствия конечности. Идея была проста. Ежели тебе что-то оттяпали, то это что-то оказывается в «том» мире, «за кромкой», как выражался ведун. И, соответственно, бывший хозяин потерянной части тела приобретал связь с потусторонним миром и получал возможность скачивать оттуда кое-какую информацию. А поскольку в том мире все вещи выглядят в своем истинном

виде, то ведун мог интуитивно отличать истину от параши. По крайней мере, так это понял Духарев. А чем он сам приглянулся ведуну, тот выложил Сереге прямо и незамысловато.

– Я б ты убил, – добродушно сообщил он, – да кто знает, чего из ты выйдет?

И пояснил:

– Ты, паря, вроде как живой, а вроде как немножко чужеватый. Мертвечинкой от тебя пахнет.

– Да я просто не мылся давно! – подавляя некоторую внутреннюю дрожь, попытался отшутиться Духарев.

– А нет! – Дедок поднял узловатый палец. – Того запаха не смоешь. Или у ты живой запах, и тады любой мертвец ты за поприще учует. Или ты – оттудова, – старик потыкал пальцем через плечо. – Тады ты всяк чуйный, ведун ли, волох, да хоть знахарь толковый завсегда узнает и, коли силы хватит, обратно за кромку спихнет, потому как неча мертвякам по белому свету шастать! – Старик решительно рубанул ладонью и продолжал: – А коли ты и живой, и мертвый, как я, к примеру, то ты и туда не загнать, и оттуда не вытянуть.

– А убить – можно? – живо заинтересовался Духарев.

– Можно, – кивнул ведун. – Меня, к примеру, ежели по вые секануть, – Рёрах похлопал по морщинистой коричневой шее, – так и помру. И ты помрешь, ежели те стрелу в печенку загнать. Да чуется мне, что по той стреле оттуда к нам такое пролезть может, что на моей культяпке не ускакать.

– Врешь ты все, дед! – не слишком вежливо заявил Духарев. Было у него стойкое ощущение, что дедок над ним попросту издевается. – Ты скажи лучше, это твой меч там, в дубе, висит или подарил кто?

– Мой, – подтвердил Рёрах, пошевелив палкой в костре. – А тебе что за дело, репка-сурепка?

– Хороший меч.

– Хороший, – согласился варяг.

– И пользоваться им ты, наверное, тоже умеешь? – О варягах Серега знал не много, но достаточно, чтобы понять: эти ребята – местная воинская элита.

– Умею, – не стал оспаривать старик. – Токо это дело прошлое.

Всем своим видом старик показывал, что обсуждать эту тему не намерен. Но Духарев так просто отступать не собирался.

– Нет, я, конечно, понимаю, что ты уже не молодой, – с напускным сочувствием проговорил он. – Сила ушла, опять же...

Варяг глядел на него с интересом, ожидая, до чего Серега может договориться. Развлекался варяг, одним словом.

– Я, конечно, понимаю, что как настоящий воин ты уже биться не можешь...

– Это почему? – поднял дед мохнатую бровь.

– Ну я ж говорю: старый, ноги нет...

«Ох я сейчас дотреплюсь! – подумал он. – Мало не покажется!»

– Ноги нет, верно, – согласился ведун. – И старый, тоже верно. – Варяг ухмыльнулся. Ухмылка не сделала его симпатичнее. – Верно, старый. Так и меч тож не новый... Ну, может, еще что хочешь сказать?

– Хочу, – признал Духарев. – Слушай, дедушка, то есть Рёрах! – поправился Духарев. – Ежели у тебя найдется немного свободного времени, ну, как-нибудь на днях... Поучи меня биться, а? Я б тебе отслужил... как-нибудь.

Ведун поглядел на него, прищурился.

Серега даже взмок от волнения.

– Вижу, – сказал варяг. – Хочешь. Да сможешь ли?

– Смогу! Смогу! – горячо произнес Духарев. – Землю рыть буду! Все, что скажешь... Ты только попробуй!

Старик задумался.

Серега ждал напряженно, не сводя с него глаз. Чувствовал: вот его шанс! Может, последний...

– Добро, – наконец произнес Рёрах. – Попробуем. Завтра.

Глава третья

Проблемы обработки железа, изготовленного сыродутной плавкой

– Это жердина, – сказал дед. – Ею можно болото щупать, плот толкать, а можно и по башке дать. Потому как она, жердина, своего ума не имеет. Понятно?

– Вполне, – кивнул Духарев.

Они стояли на солнечной полянке примерно в километре от священного дуба. В руках варяга находилась упомянутая выше жердина. В руках Духарева имелась точно такая же: трехметровый упругий шест, затупленный с обоих концов.

– Тады вдарь меня! – потребовал дед.

Серега перехватил палку поудобнее, примерился и ударил, но не

просто, а с вывертом. Одним концом показал, другим, снизу, хлестанул по дедову протезу.

Клац!

Деревяшка по деревяшке. Но не по протезу, а по дедовой жердине, которую варяг, не хитря, просто воткнул в землю.

– Во! – сказал он. – Можно треснуть, а можно в выгребной яме поковырять. Вроде как ты сейчас. Ну, чего стал? Бей!

Следующие несколько минут Духарев с воодушевлением изображал ветряную мельницу, а старик – столб с большим количеством жестких выступов. И сколько Серега ни махал крыльями, натыкался он исключительно на эти выступы. Все ладони отбил, запыхался...

– Притомился? – сочувственно спросил Рёрах. – Экий ты неуклюжий, паря. Никак те до меня, старого да слабого, не достать. Совсем руки с ногами перепутал!

– Да мне эта оглобля только мешает! – в сердцах воскликнул Духарев.

– Попробуй без нее, – предложил старик.

Серега положил шест на траву. И сразу почувствовал себя увереннее. Все же он – матерый, битый рукопашник. А тут – замшелый дедушка, без ноги к тому же. Не зашибить бы только...

Серега медленно двинулся по дуге, находясь вне досягаемости дедова шеста. Мягко, уверенно, чувствуя на этот раз и дистанцию, и противника. И как только дед, поворачиваясь вслед за ним, перенес тяжесть со здоровой ноги на протез, Серега рванулся вперед, но не дуром попер, а с полным контролем, уловил быстрое движение шеста сбоку, нырнул...

Дыхание у него восстановилось минуты через полторы.

Непонятно каким образом дедова палка поменяла направление, обогнула выброшенную в блоке руку и воткнулась Духареву в живот. Да не просто воткнулась, а поддела Серегу, оторвала его весьма увесистое тело от земли... Тому, кто никогда не повисал в воздухе, упираясь диафрагмой в затупленную, но тем не менее довольно острую и твердую палку, трудно представить всю глубину ощущений того, кто на этой палке повисал!

– Вот так оно и выходит, репка-сурепка! – Кривая тень варяга упала на Серегину побагровевшую физиономию. – А кабы я тя копьем саданул, а?

– Замаялся бы его из меня вытаскивать... – прохрипел Духарев и сел, осторожно вдыхая воздух и борясь с подступившей к горлу тошнотой.

– То верно, – в голосе Рёрах прозвучало одобрение. – Тока у меня удар, вишь, на броню поставлен. Сквозь броню дальше хребта не вошло б. Крутнул да вытащил. Поднимайся, репка-сурепка. Да дальше слушай.

Серега с кряхтением выпрямился, потер брюхо. Синяк точно будет. Да

в первый раз, что ли?

– Ты, репка-сурепка, матерьял не самый поганый, – сказал дед. – Дышишь правильно, ногами землю чуешь, тулово держишь как надо... Ты уже не руда – крица^[8]. Но ковать ты еще и ковать. А теперь слушай меня. Вот жердина. Она дурная. А зброя – умная. Зброе волю дать надобно. Слушать ее, чуять. Когда за ней тянуться, когда к себе тянуть. Оно как рука твоя, только сильнее. Ну-ка руками подвигай, помаши!

Сергея послушно «подвигал» руками. В технике «вин-чун». С «тенью».

– Ай молодец! – Варяг даже засмеялся, так ему понравилось. – Молодец! А теперь гляди!

Варяг шагнул назад и завертел шестом. Кисти его так и мелькали. Но еще быстрее мелькал шест. Так быстро, что у внешнего наблюдателя, то есть Духарева, возникало полное ощущение, что это не руки крутят шест, а шест сам, совершенно самостоятельно вертится и катается по телу варяга, таская за собой его руки, которые и тянутся за ним как будто нехотя. Сергей помнил, как бились на кургане Скольдовы гридни. Это было потрясающе. Но то, что Духарев видел сейчас, на самом деле было еще круче. Потому что делал это не молодой крепкий парень, а разменявший седьмой десяток дедушка. Потому что каждое движение варяга было предельно экономно. Потому что это была высшая, высочайшая школа мастерства. Сергей достаточно долго и достаточно серьезно занимался боевыми искусствами, чтобы увидеть именно это, а не просто безногого старика, ловко вертящего палку. В общем, Духарев въехал. И варяг въехал, что Сергей въехал. И варягу это понравилось. Но...

Но дальше умственного понимания дело не пошло. Шест в руках Духарева упорно оставался «жердиной». Рёрах гонял его несколько дней. И так и эдак. И хвалил, и лупил. И давал вместо шеста настоящее копье-сулицу. Даже меч собирался дать, но в последний момент передумал, не без основания опасаясь, что косорукий ученик отрубит себе что-нибудь жизненно важное.

Сергей прекрасно понимал, что от него требуется. Но объяснить это своему телу не мог. Его тело было приучено к тому, что руки свободны. Эту свободу не очень стеснял кастет или нож. Но тяжелая длинная палка кардинально меняла все. Вместо того чтобы стать «продолжением» руки, она становилась довеском, ломающим безукоризненный баланс духаревского тела. Может, Сергиным кистям и предплечьям не хватало силы, может быть, ему было не перешагнуть через барьер привычки... Короче, несколько дней упорных усилий не принесли Духареву ничего,

кроме кровавых мозолей на ладонях. На ладони плевать. Огрубеют. За дело обидно!

Глава четвертая

Лесная «учебка»

Пропитание Рёрах добывал охотой. Бил птицу, зверя. Из своего арбалета-самострела стрелой с широким наконечником-срезом попадал в утку за восемьдесят шагов. А из лука, тяжелого, с «рогами» из самых настоящих лакированных рогов, – и того лучше. Всаживал на одном дыхании восемь стрел в соломенную мишень шагов за сто. Сереге стрелять пока не давал. Единственное, чему научил: натягивать на лук толстую вощеную тетиву. Это оказалось не таким уж легким упражнением. Освобожденный от тетивы лук выгибался наружу, «рога» выворачивались из рук. С Духарева семь потов сошло, пока он научился хитрым приемом «укрощать» непокорный инструмент. Это Духарев, который играючи жал от груди сотку! Стрелять из лука наставник Сереге пока не позволял. Из самострела – пожалуйста. А лук ему разрешалось только держать да оттягивать тетиву к уху. Еще то развлечение, потому что тянуть приходилось так, что мышцы хрустели. Тут не то что удержать и прицелиться, натянуть и то проблемно. Рёрах, впрочем, при стрельбе натянутым лук и не держал. Выдернул стрелу из тула, наложил – отпустил, выдернул следующую. Ф-фыр-р-ф-фыр-р... Щелк! Щелк! И стрелы уже летят, чуть ли не гуськом, да не просто летят, а еще и попадают куда надо. И стрелы какие! Идеально прямые, с ровными одинаковыми перышками, вставленными под одинаковым углом, чтобы придать летящей стреле вращение, помеченные для удобства в соответствии с наконечником. А уж сам лук! Не оружие, а скрипка Страдивари! Каждый изгиб идеален, каждый узор! Отпущенная тетива гудит сочным басом. Кайф!

Серега понимал, почему варяг охотится с самострелом. Бить уток из такого чуда – все равно что на беккеровском рояле «чижика-пыжика» барабанить.

Стрелять из самострела Серега научился довольно ловко. Биатлонист все-таки. Как только наловчился угадывать превышение и правильно давать поправку на ветер, стал попадать не многим хуже дедушки варяга. И селезней больше не бил. Зубов у дедушки осталось не так уж много. Часть выбили, часть сама выпала. Перышки у уточки не такие яркие, как у самца, зато мясо нежней.

В общем, кормил его старик доброй мужской едой – дичью. Да с травками, корешками, ягодками. Иной раз – ухой с тетеревом баловал или поросеночком с грибами. Готовил дедушка на костре так, как иная хозяйка на плите не сделает. Хотя и продукты сплошь натуральные. Никакой химии. Мясо – парное, мед – лесной, земляника – прямо с полянки. Вот только с хлебом была некоторая напряженка. Вместо хлеба дедушка время от времени замачивал в котелке сырое зерно, а через пару дней они это зерно кушали большими ложками. Ничего, под запеченного поросенка нормально всасывалось.

Короче, кормил Рёрах Серегу – от пуза. Но и гонял с утра до ночи. Учил сразу всему. Как по лесу ходить, как стрелу вырезать, чтоб наконечник не попортить, и как этот самый наконечник должен быть насажен на легкое древко. Учил ползти и по деревьям лазать. Вот уж никогда не думал Духарев, что залезть на березку – целая наука. Оказалось: да, наука. Влезть тихо и быстро, затаиться, чтобы снизу не разглядеть. Или наоборот, того, кто наверху затаился, вскарабкавшись тихонечко, тихонечко же и резать. Болоту учил. В краю, где болот больше, чем сухого места, – очень полезная наука. Учил огонь добыть кремнем или теркой-лучком. Это же позор, сказал варяг, в сухую погоду мужчине сырого селезня жрать. Тут же и выяснилось, что старик обнаружил Серегу значительно раньше, чем тот залез в дуб. Это как раз было дело нехитрое. Духарев наследил и на шумел как истинный горожанин. Как испуганная корова в антикварном салоне.

Единственное, чему варяг не стал учить Серегу, – плавать.

Глянул разок – и кивнул. Годится. Показал только, как из тростника дыхательную трубку делать.

В общем, обучение шло активно и разнообразно. Но система ощущалась. Очевидно, Духарев был не первым, кого старый варяг натаскивал в «жнецы полей смерти». Не первым и не десятым. И Серега честно старался. Во-первых, потому что учиться умел и любил, во-вторых, потому что очень хотелось перестать быть лохом, которого любой разбойник может в пыли вывалить. Крутым хотелось стать. Чтобы чувство собственного достоинства находилось в равновесии с возможностями это достоинство отстоять. Стараться-то Серега старался, да выходило не очень. Кое в чем он тупил. И в это «кое-что», что особенно обидно, входило самое главное: работа с оружием.

Следует признать, что Серегиному наставнику тоже была огорчительна ученикова «тупость». Но старый варяг попусту огорчаться не привык, а привык устранять причины огорчения. Радикально. Поэтому

одним прекрасным утром он нацепил на конец своей деревяшки плетенный из прутьев щиток, нагрузил Серегу здоровом мешком с припасами, и они отправились в путь.

Глава пятая

Сильное место

Шли три дня. В основном по болоту. Этакий марш-бросок с полной выкладкой. Рёрах впереди, шлепая привязанной к костылю плетенкой. Было непривычно видеть старика без неизменного горностая на плече. Но оба зверька остались дома. Почему остались, варяг, разумеется, Сереге не объяснил. Тот, впрочем, и не спрашивал. Время от времени старик щупал топь череном рогатины. У Сереги была точно такая же рогатина, но он нес ее на плече. Чтобы не ухнуть в трясину, ему было достаточно идти след в след варягу. Шли с восхода до заката, и быстро. Особенно если учесть «рельеф местности». На третий день у старика разболелись поясница и суставы. Пришлось устроить дневку на болотном островке. Полечиться. Лечился дед просто. Сварил какой-то травы. Поймал гадюку, нацедил из нее яду. Добавил яд в отвар. Не весь. Малость оставил для ученика. Добрая душа. Велел Сереге снять рубаху и царапнул сучком Серегину спину. «В правильных местах», как он изволил выразиться. «Продезинфицировал» царапины гадючьим ядом, садист старый! Ощущения были – в полный рост. Но никакого снисхождения к Серегиным страданиям проявлено не было. «Обработав» ученика, варяг снял рубаху, подставил солнышку густо исчерченную шрамами спину и велел втирать в нее загустевший отвар. К вечеру Рёраху стало намного лучше. А Сереге – совсем худо. Спина и руки распухли, температура прыгнула, пошли какие-то глюки на военную тему: то мертвый чечен с оскаленной черной рожей, то двое ребят из его отделения, которых в первый день накрыло гранатой... После «войны» поперло всякое говно из «прежней» жизни. Пьяные бомжи вперемешку с толстомордыми политиками, еще какие-то бляди... В редкие минуты яви, разлепив глаза, Серега видел Рёраху, полуголового, поскольку в варягову меховую одежду был завернут Духарев, совавшего в зубы Сереге чашку с горячей жидкостью. Духарев пил – и снова проваливался в бред, и в бреду думал: может, это и есть явь? Может, он валяется в какой-нибудь питерской вонючей луже, пьяный, избитый, невменяемый, а Рёрах и весь этот древнерусский цирк – его предсмертный глюк...

А утром все прошло. То есть не «древнерусский цирк», а горячка.

Проснулся Серега с вполне нормальной температурой и приличным самочувствием. Слабость, конечно, была, и спина болела, но это мелочи.

Рядышком, на войлоке, спал варяг. На его спине, в ее холмах и распадах, паслись стада комаров. Серега поломал комарам кайф, накрыв варяга курткой.

Зря. Рёрах сразу проснулся и скомандовал: развести костер и заняться завтраком.

После завтрака старик отдыхал, а Серега работал: метал топорики в сухую ольху. С одной руки, с двух, со спины, лежа... Из всех положений попадал одинаково редко. Запыхался и взмок, поскольку за топориками приходилось бегать.

Часика через два варяг позволил ему передохнуть, попить кипятку с брусничными листьями.

Спина уже почти не болела.

– Рёрах, ты зачем меня ядом травил? – решился спросить Духарев.

– Обратно пойдем – еще раз смажем, – флегматично ответил старый палач. Минуты через две добавил: – Второй раз легче будет.

– Я счастлив! – желчно отозвался Духарев. – А без первого мне еще легче было бы, кстати.

– Не легче, – покачал головой варяг. – Воин боли не боится, железа не боится, воды и земли не боится. И отравы тоже. Привыкнуть должен.

– Угу, – пробормотал Серега.

Это, выходит, ему иммунитет к яду прививали. Спасибо, что не к отрубанию головы!

Еще через три дня вышли к речке. Сварганили небольшой плотик – не для себя, для вещей, переплыли на другой берег. Сухой, что приятно. На берегу и заночевали. А утром наконец пришли к цели.

– Это сильное место, – чтобы сесть на землю, Рёрах оперся на древко сулицы. Не похоже, чтобы «сильное место» прибавило ему сил. Угонял дедушку форсированный марш-бросок.

– В каком смысле – сильное? – Духарев оглядел заросшую клевером поляну. Ничего примечательного, кроме почерневшего от времени столба, врытого в холмик метровой высоты. И столбик, и пригорок совершенно терялись в тени великолепного, не менее семи охватов, высоченного дуба. Ну, дубов и там, откуда они пришли, хватало. И потолще найти можно.

Рёрах прислонился спиной к стволу, вытянул покалеченную ногу, а здоровую поджал под себя.

– Сильное. Ты почувствуешь. Попробуй.

– Ладно, – легко согласился Духарев.

Он аккуратно положил на траву рогатину, снял обувь, вышел на середину полянки, остановился. Трава еще не просохла от росы. Солнышко грело щеку, деловито гудели шмели.

Сергея согнул ноги в коленях, вытянул руки, прикрыл глаза и сосредоточил мысли в нижней половине живота.

Никаких дополнительных ощущений не возникло, но стоять было легко и приятно. Сергей чувствовал, что может так простоять подольше, чем в своей комнате на Дербях. И даже дольше, чем в зале.

Духарев медленно вдохнул носом, выдохнул еще медленнее через сжатые зубы. Длинный вдох, короткий выдох – активность, короткий вдох, длинный выдох – самопогружение. Сергей «почувствовал» землю ногами. Огромный теплый шар – под собой. Упругий шар, к которому «липнут» стопы. Сергей сосредоточился на этом ощущении и медленно вдохнул «из земли», представляя...

Представить он ничего не успел. Земля под ним дернулась, как живая волосатая спина, колени разогнулись, и Сергей оказался вдруг лежащим на траве. Он совсем не ушибся, но вставать почему-то не хотелось. Все было – в кайф. Здоровенный шмель опустился ему на щеку, мазнул лапками и тут же взлетел.

Дребезжащее хихиканье вытолкнуло Духарева из расслабухи.

Сергей мгновенно подскочил, уставился на старого вояку.

– Как ты это сделал? – сердито спросил Духарев.

– Я? – Варяг фыркнул. – Я-то при чем? Сказано же: сильное место.

– И что оно еще может? – озадаченно спросил Сергей.

– Оно – не может. Оно – поможет! – отозвался Рёрах, слегка раздраженный Сергиной непонятливостью. – Ты не стой, делай чего-нибудь!

Сергей спорить не стал, подхватил рогатину, завертел ею, как показывал старик. Рогатина слушалась не в пример лучше, чем обычно. Как будто ожила. Так и вертелась сама по себе, Сергей ее только пальцами придерживал. Но через несколько минут это ему все равно наскучило. Хотелось самому прыгать и вертеться.

Духарев положил рогатину в траву, разбежался, выпрыгнул повыше и пробил аж три йоко, третий – с лихим «ки-ай», переполошившим птичью братию. Классно получалось. Сергей попрыгал еще, пронзая и разрывая воздух мощными прыжковыми ударами. Ноги были – как на пружинках. Разбежавшись, Духарев прошелся колесом, ни с того ни с сего вдруг крутанул сальто вперед. Надо же! Никогда не получалось! Какой из него, почти двухметрового дылды, гимнаст? А ведь может! Сергей попробовал

крутануть сальто назад. И это вышло. И еще раз. И еще.

– Дед! – крикнул он в восторге. – А мне нравится, дед!

– Это не штука, – ехидно отозвался варяг. – Главное – чтоб ты, дурная голова, *тут* понравился!

– Это как? – не понял Серега.

– А ты подумай, – посоветовал Рёрах. – Может, и сообразишь. А пока не сообразишь, отсель не уйдешь. Хоть три дни думай, хоть все десять.

– Ну ты шутишь! – Духарев усмехнулся. – А пить-есть что я, по-твоему, буду?

– Росу попьешь, – старик ухмылялся во весь дырявый рот. – Роса от хворей шибко помогает. А оголодаешь, клевер пощиплешь. Он сладкий.

И тут до Сереги дошло, что дед не шутит, а говорит на полном серьезе.

«Соображал» Духарев аж до полудня. И после полудня. И еще полночи соображал, и от таких мыслительных усилий не на шутку утомился и уснул, где сидел: на пригорке под столбом.

А когда проснулся утречком, то спокойненько отправился к ручью: водички попить. Серега «въехал».

Глава шестая,

где сначала говорится о богах и прочих высоких материях, а потом Сереге предоставляется возможность вывалиться в грязи

– Вот небо, – сказал Рёрах. – Там Перун гневный и Дажьбог светлоокий. Там Стрибог рождает ветра и дождь со снегом. Там великие воины скачут на крылатых конях.

А вот земля. В земле Мокошь живет, корни гладит. Корни питает. Женская сила – от земли. И мужская сила – от земли. Все живое живет на земле, кормится от земли, а тянется к небу. Землю и небо вода вяжет. Вода – жизнь. Через воду земля силу пьет. И отдает – тоже через воду. Земля водой от огня бережется, но огнем из земли крепость вытягивается. Вот гляди, – варяг потянул к себе рогатину. – Вот дерево, – он погладил черен, – живая крепость, легкая. А вот железко, – Рёрах щелкнул по наконечнику, отозвавшемуся тусклым звоном. – Мертвая крепость. А вместе – жизнь.

– Не понял, – проговорил Духарев. – Им же убивают.

– Что врагу смерть, то тебе жизнь, – варяг поглядел на него снисходительно, как на ребенка. – Воину нужна сила. Сила от земли. Воину нужна доблесть. Дobleсть от неба. Попроси Мокошь дать силу – и она даст.

Не поделишься силой с Перуном, и Перун отнимет все. Без доблести сила обратно в землю уходит. А Перун кровь любит.

– Это я уже знаю, – буркнул Духарев.

Он ничего не имел против «сильных мест», но насчет Перуна и прочих имел вполне твердое мнение. Единственное, какое следует иметь православному христианину. Даже такому плохонькому, как Духарев.

– Связанному горло перерезать – невелика доблесть, – сказал он.

Варяг захихикал.

– Молодец, – похвалил он. – Правильно понимаешь, даром что кривич с лица. Глупый человек вырезает из живого дерева мертвую рожу, мажет ей губы рабьей кровью и думает: вот я молниерукому угодил! Потому что дурак! – гаркнул Рёрах. – Доблесть – к доблести. Храбрость – к храбрости. Храбрый воин врага рушит, вражьей кровью умывается, битвой дышит – и храбрее становится. И доблесть его – Перунова пища. И Перунов дар. Это как из малого желудя могучий дуб вырастает. Но чтоб дуб вырос, земля нужна. Сила земная, от Мокоши. – Варяг помолчал минуту. Серега ждал.

– Силе я тебя научу, – наконец продолжил Рёрах. – Без силы от храбрости проку нет. Зарежут ты и не заметят, что храбр. Доблести же – не научишь. Это ты сам должен. И говорить мы о том боле не станем. Все.

– А о чем станем? – поинтересовался Серега.

– А вообще седни говорить ни о чем не станем. Иди-ка гадюку мне излови.

– Опять поясница болит? – озаботился Духарев.

– Не болит, – варяг неприятно усмехнулся. – У меня не болит. А у тебя – будет.

Несмотря на мрачный прогноз, худшие ожидания Духарева не подтвердились. Второй сеанс «иммунизации» прошел значительно легче, чем первый. Без бреда и почти без жара.

На обратном пути варяг решил научить Духарева «болоту». Система обучения у Рёреха была, как всегда, проста и эффективна. Он просто махнул рукой, указывая направление, и велел Сереге идти первым. Минуты через полторы варяг уже выуживал Духарева из трясины. Выудил.

В этот день они прошли не много. Зато Серега раз тридцать окунался в вонючую жижу.

На второй день варяг предупредил, что больше вытаскивать не будет. И нарушил обещание только один раз. Первый. И то не сразу, а когда Серегу уже по ноздри в трясину затянуло.

В этот день они прошли еще меньше.

На третий день варяг снизошел до объяснений. Суть их сводилась к

тому, что иная кочка только *выглядит* кочкой. И что если опора выдерживает нажим черена, то это еще не значит, что она выдержит такую оглоблю, как Духарев...

Короче, обратно они шли не три, а полных семь дней. Причем три из этих семи дней почти непрерывно лил дождь. Зато на седьмой день Духарев уже топал довольно бойко и не провалился ни разу. Правда, с полудня они шли уже не по болоту, а по твердой, хотя и довольно мокрой земле.

Глава седьмая,
в которой Серега Духарев узнает много интересного,
например: почему старый варяг поселился в дубовом дупле

Вечера были самой приятной частью суток. Даже если ночью планировался не сон, а очередная тренировка, сразу после заката Рёрах и Сергей уходили на озеро, на песчаный мыс, где почти всегда дул ветерок, сносивший комаров. Серега высекал искру, разводил костер – он научился это делать в считанные минуты – жарил мясо или варил похлебку. Ужинали вчетвером: два человека и два горноста. Затем разговаривали. Вернее, старик говорил, а Духарев слушал. Иногда спрашивал – и варяг отвечал. Иногда.

Однажды к числу слушателей присоединилась русалка. То есть не то чтобы присоединилась, а выглянула из воды неподалеку. Рёрах, пользуясь воинской «азбукой для глухонемых», которую в свое время заставил вызубрить ученика, обратил Серегино внимание на «гостью», и Духарев несколько раз, исподтишка, на нее поглядывал. Разглядел, надо сказать, совсем немного; темную грудку похожих на водоросли волос, синевато-белые пятнышки глаз... Но даже это небольшое на некоторое время отвредило Духарева от ночных заплывов. Потом, правда, всезнающий Рёрах объяснил ему, что русалки боятся людей куда больше, чем люди – русалок. За исключением нескольких ночей в году. А иные водные обитатели, которых действительно следует опасаться, плевать хотели на какого-то там Серегу Духарева. Опять же никакая нежить не рискнет покуситься на человека, которому благоволят боги. Варяг, правда, уточнил, что по поводу Белого Христа, которому поклоняется Серега, ничего определенного сказать он не может, но ежели, например, человеку покровительствует тот же Волох, то ни леший, ни водяной, ни иная лесная нежить покуситься на человека не посмеет. Что же до здешнего божественного пантеона, то разобраться в нем

оказалось не просто, но кое-что Духарев все-таки просек. Например, что есть – небо, а есть – Небеса. И есть свет, в частности свет солнца, которым «заведует» бог по имени Хоре. А есть Свет, с которым все более сложно, поскольку распоряжаются им коллегиально Стрибог, Дажьбог, Род и Перун. Причем первый, судя по всему, – и есть этот Свет, а последний, по мнению Рёреха, среди прочих единственный, с кем следует реально считаться, поскольку Перун-молниерукий и есть Небесный Воин, а следовательно, рангом повыше остальных. Но и с остальными ссориться не стоит. Серьезные ребята. Да и с мелкими племенными божками тоже препираться не стоит без должной причины. Особенно если пребываешь на их территории. Но это не значит, что уважающему себя воину пристало прогибаться перед каким-нибудь Радегастом. Да воину вообще прогибаться не пристало! Даже и перед самим Перуном. Не любит Перун согнутые выи. Перерубленные – другое дело!

Вообще мир, в котором жил Рёрах, а теперь, естественно, и Духарев, был густо населен всевозможными невозможными существами. К большинству из них варяг относился примерно так же, как домашняя хозяйка – к тараканам. То есть: гонять надо, но все равно обратно придут.

Сереге до попадания сюда относился ко всякой мистике с обычным скептицизмом здорового неглупого мужика. Но кое-какие события, в частности тварюга, с которой он схватился в Дажьбогову ночь, существенно повлияли на его мировоззрение. К силам же, о каких толковал варяг, Серега относился практично. Примерно как к своей оставшейся в Питере потрепанной «восьмерке»: капризна, прожорлива, склонна ломаться и портить воздух, но ведь ездит же!

Короче говоря, русалки с лешими стояли в самом конце списка опасностей, угрожавших человеку в этом славном мире.

Духарев не спрашивал, как варяг потерял ногу. Он полагал, что вспоминать об этом тому не очень-то приятно. Еще Серега обратил внимание на то, что подошва уцелевшей ноги варяга покрыта сплошными рубцами. И как-то, в простоте душевной, поинтересовался, откуда они взялись. И варяг, тоже попросту, объяснил, откуда берутся такие рубцы.

Рёрах и его (!) дружина как-то взяли на щит один городок. Не здесь, далеко на Дунае. Штурм обошелся дорого, поскольку городок был крепкий. Но взяли. И добыча того стоила. Правда, десятую долю пришлось отдать киевскому князю. Тому, которого Олегом звали. Но это справедливо. Олег был сильный князь, мог и все забрать, а взял только десятую долю, а у тех, кто к нему в дружину пошел бы, вообще ничего, сказал, не возьмет. Но никто не перешел.

А когда возвращались, уже здесь, на Двине, налетел на них плесковский воевода. Тот, что нынешней киевской княжне Ольге был ближний родич, а у Олега-князя в большом почете был, и потому закон для воеводы не писан. Услыхал он, видно, что Рёрах с ватажкой большую добычу домой везут, и решил поживиться.

Рёраховских побили. Их было меньше, да каждый второй ранен, а у плесковского воеводы в дружине – три руки нурманов. Нурманы же биться всегда горазды, а когда золотом пахнет – в особенности. Без нурманов воевода напасть бы не рискнул. Рёрахова дружина – матерая. Все в железных бронях, ромейских, в бою взятых, щиты крепкие, мечи да секиры – лучшего железа. Из пятнадцати нурманов только шесть уцелели. А плесковских – половина. А Рёраховы, кто остались, – все полегли. Зато он сам и с ним еще четверо сумели уйти на большой лодье. Вместе с добычей. Ушли-то они ушли – по ночному времени. Да понимали – не надолго. В три пары рук – двое из-за ран грести не могли – от погони лодью не уведешь. Рёрах решил так: добычу спрятать, чтоб врагу не досталась, а дружинникам разойтись на четыре стороны. Сам же он остался в лодье, повел ее под парусом вниз по Двине, потянув за собой погоню.

Рёрах, конечно, догнали. Хотел он в реку прыгнуть – в доспехах враз на дно ушел бы. Не прыгнул. Решил в бою смерть принять.

Но погибнуть с мечом в руке варягу не дали. Подошли с двух бортов, набросили сети, взяли живым. И нурманам отдали, чтоб те признали: где добыча спрятана? Нурманы же пытаться умеют...

Тут старик прервал рассказ для того, чтобы обратить внимание ученика на важность этого самого искусства: языки развязывать. И примерно полчаса разъяснял, как, где и чем следует жечь и резать, чтобы добиться максимального эффекта, и какие увечья наиболее результативно ломают упорство пытаемого. Особо предупредил о нежелательности нанесения ран, «несовместимых с жизнью», а равно – о необходимости наладить психологический контакт с допрашиваемым. Иной раз страх действует надежней боли. Главное же – завоевать доверие пытаемого. Измученный человек подобен ребенку, то есть склонен искать защиты и поддержки. Даже у палача. Если время позволяет, сломать можно почти любого, авторитетно заявил варяг. Даже того, кто боли не боится, а радуется. Или пытаемый все расскажет – или умом тронется.

Говорил старик с большим знанием дела, и чувствовалась за его словами богатая практика. Духарева никто не рискнул бы назвать особо чувствительным, но не один раз в течение этого занимательного урока к его горлу подступала тошнота.

После вводной лекции по палаческому делу Рёрах вернулся к собственной истории. Выяснилось, что у нурманов времени было не очень много. Кроме того, палачи были молоды и получали удовольствие от самого процесса. И наконец, последнее: опять-таки по молодости, нурманы не могли себе представить, что человек с сожженными до костей подошвами способен ходить. А Рёрах смог.

Нурманы допрашивали его посменно. Двое пытаются, остальные другими делами занимаются. Рёрах дождался ночи, он убил тех двоих, что его пытали. Причем сделал это так, что никого в лагере не побеспокоил. Правда, «работали» с варягом не в самом лагере, а на отшибе. Чтобы вопли пытаемого не мешали здоровому сну воинов.

Прикончив палачей, варяг доковылял до лагеря, зарезал часового, украл коня и ускакал, оставив плесковского воеводу с носом. У воеводы были хорошие псы-следопыты, но под утро зарядил дождь, смывший следы.

Примерно в полдень следующего дня варяг слез с коня, чтобы попить, – и потерял сознание. Когда очнулся – коня не было, и Рёрах решил, что пришло его время умирать. Ходить он уже не мог, даже ползти не мог. Лежал на берегу ручья и говорил с богами, которые подошли совсем близко. И наверно боги решили, что варягу еще рано умирать. Поэтому боги привели к Рёраху не волка, а волоха.

К этому времени душа варяга уже стояла на кромке и глядела в Ирий.

Волох вернул душу обратно. Правда, Та Сторона взяла с Рёреха выкуп. Та нога, которой варяг заступил за кромку, почернела и стала ногой мертвеца. Волох отрезал ее и отдал миру мертвых. После этого Рёрах выздоровел, а волох, который жил в священном дубе, научил варяга ведовству и ушел, оставив Рёреха хранить священное место. А перед этим сказал, что открывается это место лишь тому, кто не от сего мира. Например, такому, каким был сам Рёрах, когда умирал у ручья. Сначала старик надеялся, что Духарев – именно таков и он сможет передать ему свою участь и уйти к людям, потому что даже мудрому трудно жить без людей. Но теперь старик видит, что Духарев – не тот, кто станет хранителем. По крайней мере – сейчас не тот. И это ему, Рёраху, весьма огорчительно.

На этой «оптимистической» ноте варяг завершил беседу, велел ученику залить костер и отправляться спать, потому что завтра его, ученика, ждет трудный день. А он, Рёрах, позаботится, чтобы этот день был не просто трудным, а *очень* трудным.

Глава восьмая

О скрадывании

– Ты по траве ходишь, а не в траве, – недовольно проговорил Рёрах. – Даже я на своей култышке лучше хожу.

– Я стараюсь! – возразил Духарев. – Мне кажется, у меня уже лучше получается, разве нет?

– В скрадывании не бывает лучше, хуже, – проворчал варяг. – Вот скрадываешь ты оленька. Не услышал, не унюхал – он твой. Услыхал: шасть – и нет его. И без разницы: листом ли старым ты зашуршал или в било грохнул. Олешка-то – нету! Или другой случай. Увидал тебя чудин. И шапка ему твоя понравилась. И подобрался к тебе чудин, стрелку наложил – и фыр-р! – полетела твоя смерть! – Рёрах резко взмахнул рукой. Горноста́й на плече варяга недовольно зашипел. – Цыть, – сказал ему старик.

– Услыхал ты чуди́на, – продолжал урок Рёрах, – пропала его стрела. И сам он пропал. Не услышал: носить чуждину твою шапку. Вон в траве кто бежит? – внезапно спросил варяг.

Серега поглядел в указанном направлении, но никакого движения не заметил. О чем и сообщил.

– Ты б еще почесался сперва, а потом башку повернул, – недовольно бросил старик. – Бурундучок это был. А была б мышка, или ящерка, или змея – я б знал, что то ящерка, мышка иль змея. Хоть в траве не видно. Глаз на траву глядит, только траву и видит. А умное сердце воина видит, что под травой. Сердце слышит, когда выпь крикнула, а когда враг врагу выпьем криком знак подал. Или когда змея шуршит-ползет, а когда – чудин. Понял, репка-сурепка?

– Понять-то понял, – буркнул Духарев. – Да что толку? Вспомни, как ты меня оружие чувствовать учил. Пока на ту полянку не привел – все без толку. А понимать я тебя понимал прекрасно. Вот я иду... – Серега сделал несколько шагов, ставя ногу, как учил варяг, стараясь не ступать, а притрагиваться к земле подошвами. На его взгляд, получалось совсем неплохо, но Рёрах скривился:

– По мертвой глине ходишь, а не по живой земле. Ох, показал бы я тебе, кабы не деревяшка моя... Хотя, погоди! Пошли!

Он прытко захромал по тропе. Духарев – следом.

Шагов через триста варяг показал: стой! На буковой ветке сидела тетерка. Рёрах осторожно снял горноста́я с плеча, поднял, показал ему

птицу. Затем так же осторожно опустил зверька на землю. Мохнатое длинное тельце скрылось в траве, вынырнуло у соседнего дерева. Горноста́й стремительно взбежал по стволу, меховой струйкой протек по горизонтальной ветке, прыгнул, оттолкнувшись всеми четырьмя лапками... Тетерка оглушительно хлопнула крыльями, сорвалась... Поздно! Комок из бьющихся перьев и шелковистого меха рухнул в траву. Рёре́х не спеша двинулся к месту падения. Когда он подошел, тетерка уже не трепыхалась. Горноста́й оторвал от ее горла окровавленную мордочку и победно заверещал. Хвастался.

– Ну? – спросил варяг. – Уразумел?

К сожалению, Сергей не мог ответить ему утвердительно.

Ничего, научится. Палкой, мечом и копьем он уже орудовал неплохо. Это и Рёре́х признавал. И ножи кидал, и топорики, даже с обеих рук. Правда, при двойных бросках один, как правило, выходил «в молоко». Вогнать два топорика в столб так, чтобы между ними остался просвет шириной точно в ладонь, как это умел Рёре́х, Сере́ге пока не светило. Значит, надо тренироваться.

Вечерами у Духаре́ва теперь был дополнительный урок: изготовление разных приспособлений для отработки силы удара. В основном, грубых щитов, ростовых и поменьше. Щит подвешивался на глубоко врытый в землю столб. Иногда варяг головешкой малевал на щите контур человека и точно указывал, в какое место должно воткнуться копьё.

Бились они и друг с другом. Серге́а натягивал толстую стеганую куртку и шлем, подбитый войлоком. Пользоваться щитом в поединке ему Рёре́х обычно не разрешал, хотя сам всегда брал небольшой овальный щит. Впрочем, орудовать щитом, большим и малым, уводить, отражать удары, бить краем при необходимости Серге́а уже умел. Вообще, Рёре́х Духаре́ва хвалил: молодец, стараешься, растешь. Но в поединках со стариком Серге́а неизменно проигрывал. Если иногда Духаре́ву и удавалось достать учителя, то лишь потому, что на протезе особо не попрыгаешь. А вот Серге́е прыгать приходилось постоянно. А что бывает, когда человек интенсивно бежит и прыгает летним днем в зимнем прикиде?

Правильно! Семь потов с него сходит. И весь завязавшийся в сытой жизни жирок. И приобретает идеальная боевая форма.

В свое время Духаре́в восхитился, глянув на торс гридня, охранявшего торжковские ворота. Теперь у него самого торс был не хуже, если не лучше. И сальто крутануть он мог не только на «силовой» полянке, но и на обычной лужайке.

Тем не менее Серге́а понимал: до уровня настоящего воина, такого, как

калека-варяг, ему еще учиться и учиться. А лето между тем уже заканчивалось.

Глава девятая

Посетители

На жесткой старой шкуре были разложены рядом стрелы. Отдельно – Рёрехов лук со спущенной тетивой. Тот, что похуже.

– Натяни, – велел варяг.

Духарев упер один из концов в землю, ухватился, поднатягся и набросил петлю. Перехватил за середину. Напряженный, лук даже стал как будто легче. Серега поднял его на вытянутой руке, зацепил тетиву, медленно оттянул к уху, чувствуя, как приятно, мощно твердеют мускулы, словно в них перетекает упругая сила лука. Напряг – подержал (тридцать медленных вдохов-выдохов) – отпустил плавно. Повторил то же, но уже с роговым кольцом на большом пальце правой и перчаткой на левой руке. Спустил тетиву, звонко щелкнувшую по толстой коже. Положил лук на шкуру. Руки не дрожали.

– Назови, – потребовал Рёрах, и Серега послушно перечислил части оружия:

– Рукоять, спинка, живот, плечи...

Наставник кивнул. Взял с рогожки одну стрелу, с граненым узким наконечником.

– Бронебойная, – тут же сказал Духарев. – Против панциря, против доспеха пластинчатого, литого...

Варяг взял следующую, длинную, почти метровую, с наконечником острым и круглым...

– Бронебойная, против кольчужного плетения! – отбарабанил Духарев. – Наконечник черешковой крепки.

– Назови.

– Черешком крепят или прочно, на клей, или мягко, чтоб при тяге за древко древко выходило, а наконечник оставался в ране. Берестой обертывают для легкости полета.

– А эта бороздка – зачем?

– Для яда. Зазубрина же служит для затруднения вымания, – Духарев повторял слово в слово, память у него была хорошая.

– Зачем?

– Чтобы кровью яд не вымыло.

Рёрах взял следующую.

– Срез, – тут же доложил Духарев. – Против бездоспешного, против зверя, против лошади всадника, только лошадь бить – позор.

Именно так говорил варяг, и сейчас он удовлетворенно кивнул, отложил срез, стрелу с широким плоским наконечником, взял другую, двурогую, ту самую, какая была у него в самостреле, когда они с Духаревым в первый раз увидели друг друга.

– Охотничья, – сообщил Серега. – Для водоплавающей птицы...

Контрольная длилась почти час. Варяг дотошно выспрашивал каждую детальку. Почему одна стрела короче, другая длиннее. Как подобрать перья для хвостовика, какой стрелой бить и куда. Для чего иные стрелы делают со свистулькой, как сделать стрелу зажигательную и такую, чтобы горела, обозначая свой полет. Потом опять вернулись к луку. Серега спускал пустую тетиву, имитируя выстрел на дальность, выстрел бесшумный, выстрел с упреждением сильного ветра...

Наставник был удовлетворен.

– Добро, – сказал он. – Завтра возьмем стрелы, что ты сам делал. Будем учиться, как их в дело пускать. – И добавил, понизив голос: – А сейчас замри и слушай.

Серега послушно замер... И буквально в то же мгновение отчетливо услышал дыхание. Двух... нет, трех человек. Примерно в двадцати шагах от них в темноте прятались какие-то люди. Серега в изумлении уставился на варяга. Тот медленно опустил и поднял веки.

Серега подумал, что они у костра – как на ладони. Но варяг ничего не предпринимал, поэтому Духарев тоже решил от действий воздержаться.

Прошло несколько минут. Засада безмолвствовала. То есть звуки оттуда доносились: вздохи, посапывание, скрип кожи, похрустывание, как будто стоящий человек перенес тяжесть с носка на пятку. Духарев даже удивился, насколько он теперь чуткий. Чуткий-то – чуткий, а подкравшихся прохлопал.

– Ну! – неожиданно громко и резко произнес варяг. – Выходите или убирайтесь. Или этим пощупать?

В правой руке старика обнаружился метательный топорик. Собственно, как сообразил Духарев, топорик уже давно был в руке варяга, только это как-то... не афишировалось.

За кустами кашляли, задышали чаще, потом отчетливо захрустел валежник, и на полянку выбрались точно трое: заросшие до глаз мужики в кожаных шапках, таких же штанах, с короткими охотничьими луками. Не кривичи. На меряй похожи. Встали по ту сторону костра, переминаясь с

ноги на ногу. Духарев, отрабатывая выученное, держал в поле зрения всех троих сразу, фиксировал положение рук, прикидывал, как перехватить, если кто попробует схватиться за нож...

– Так пришли или дело есть? – строго спросил варяг.

– Дело, – сказал один из троих, и по его голосу Серега определил: трусит. И тут же заметил, что остальные тоже боятся, хотя изо всех сил стараются не подать виду.

– Присядьте, – негромко произнес варяг, и все трое разом опустились на землю и замерли, скрестив ноги.

– Дай им пить, – приказал варяг, и Серега подхватил котелок.

Трое, как по команде, извлекли деревянные чашки.

Духарев налил в эти чашки, довольно, кстати, грязные, остывшего травяного чайку.

И увидел, как ночные гости расслабились, глаза утратили настороженное выражение. Угостили хоть водой – значит, убивать не станут. Сразу, по крайней мере. Соображают ребятишки. Хотя на их месте Духарев от варяга в кустах таиться бы не стал. С деда стало бы: метнул бы копьёцо в эти кусты на всякий случай, и, можно не сомневаться, кое-кому резко бы поплохело.

– Ну? – повелительно произнес варяг.

– Ты, это, ведун, верно-ть?

– Говори.

– Мы, это...

И тут другой мужик вдруг быстро залопотал на языке, которого Духарев не понимал. Остальные шумно запротестовали. На том же языке.

– Цыть! – рявкнул Рёрах грозно, и дискуссия прекратилась.

– Говорить будешь ты, репка-сурепка! – Варяг ткнул пальцем в первого. – А ты, Сергей, возьми дубинку: ежели кто еще рот откроет – хряпни по макушке. Ну, слушаю!

– Князь к нам приходил. Игорь киевский. Дань брал. Шкурки брал, воск. Мы дали.

– Дали и дали, – кивнул Рёрах. – Он – князь.

– Дык мы ж Новгороду даем! – воскликнул бородач.

– Так не давали бы.

– Да как же не дать? – удивился бородач. – У киевлян щиты крепки, мечи остры! Побьют!

– Так новгородским скажите.

– Сказали ж!

– И что же?

– Бают: не давайте. У вас, бают, кусты густы, луки туги, стрелки востры, ядом мазаны. Бейте, грят, киевлян, как белок бьете.

– Ну и бейте.

– Дык боязно.

– Тогда дайте.

– Мы ж новгородским даем.

– Так не давайте.

«Какой разнообразный и содержательный разговор получается», – подумал Духарев.

– Дык побьют.

– Ну, ну... – Варяг повернулся к Сереге: – Что скажешь?

– Да ясно все, – буркнул Духарев. – Если они Новгороду платят, значит, Новгород с Киевом должен разбираться. А если – Киеву, то Киев – с Новгородом. Пусть между собой решают, кто кому платить должен.

– Во-во! – оживились бородачи. – Верно!

– Верно-то верно, – Рёрах поскреб шрам. – Да не будут они меж собой решать. Ссориться им не с руки. А эти вот... – он кивнул на пришельцев, – и два раза могут дать, не помрут. Можете?

– Ну, можем, – мрачно ответил бородач.

– А все ж это не совсем по справедливости, – задумчиво проговорил варяг. – Ладно! Сколь от вас до Белоозера? Далеко?

– Не близко. Лесами дней шесть бежать.

– А сюда сколько шли?

– Тож шесть дней.

– Так до меня же дальше!

– Да мы ж водой шли! – сказал бородач с удивлением, оттого что ведун не понимает такую простую вещь.

– А до Белоозера водой нельзя?

– Когда как.

– Понятно. Значит, слушай меня, репка-сурепка. Пойдете на Белоозеро. Там городок стоит. Городок тот держит Ольбард-князь. Обскажете ему свои беды. Обещайте честно и щедро дань ему слать – он вас под себя возьмет.

– Ага... – Бородач поскрипел мозгами, осмысляя. – А, это... Выходит, еще и этому Ольбарду давать?

– Не еще ему, а только ему! – поправил варяг.

– Не-е! – мужик замахал руками. – Все они одинаковы! Меха берут, а как помочь – их нету! Бона...

– Сергей, тресни его по маковке, – приказал Рёрах.

Духарев замахнулся – мужик испуганно прикрыл голову.

– Ольбард поможет, – сказал варяг. – Скажете: я вас прислал. Рёрах-ведун.

– А Киев с Новгородом его послушают? – спросил бородач, опасливо покосившись на палку в руках Духарева.

– Послушают. Его проще послушать. Дружина целей будет. Подарки где?

– Да в лодке, – сказал бородач.

В глазах у него проступила легкая печаль оттого, что халява не прокатила.

– Так несите сюда! – велел Рёрах. – Или мне на деревяшке за ними скакать?

Бородачи молча поднялись и канули в темноте.

– Варенье у них доброе, – мечтательно проговорил Рёрах. – Клюковка, орешки с медом...

– Слушай, – неуверенно проговорил Духарев. – А ты уверен, что этот Ольбард не обдерет их, как остальные? Ему-то какой смысл с Киевом и Новгородом ссориться?

– Потому что я попросил, – варяг шевельнул костлявыми плечами.

– А вдруг он тебя не послушается?

– Послушается.

– Уверен?

– Ясное дело. Он же мой племянник.

Глава десятая, в которой Серега прогуливается по лесу и размышляет о том о сем

Серега бежал по лесу. Это был очередной урок, который задал ему Рёрах. Просто бежать по лесу. Просто бежать по лесу ночью, в полной темноте. Просто бежать по лесу в полной темноте до маленького, метров сто в поперечнике, озерца, обойти его кругом (притом что один конец озерца упирается в болото), а затем вернуться обратно к дубу. Всего-то километров семь в один конец. Пустяковое дело.

– Пустяковое дело, – сказал Рёрах. – Вот кабы ты леший устерег да кружить начал, так нет тут лешего.

– Почему? – механически поинтересовался Духарев.

– Да прогнал его волох. Поссорились они.

– Понятно, – пробормотал Серега.

Ну ясно же тебе сказали: обычное дело! Ну поссорились леший с волохом, и волох лешего прогнал. Ну нормальные разборки. Повторяем для тупых: волох, реально, лешего покруче будет, вот и прогнал. А без лешего по ночному лесу шастать – ну просто нечего делать. То есть даже смешно об этом говорить. Семь кэмэ в одну сторону, почетный круг через болото, и семь кэмэ обратно. Пустяки, в общем. Любому волку или там медведю дошкольного возраста, лет четырех-пяти то есть от роду, – как два пальца. А Серега Духарев, он, блин, три курса универа прошел, причем два раза. Ему это ваще – лег-ко!

В общем, бежал Серега прямо и зигзагами и думал о приятном. Например, о том, что месяц, хоть и узенький да между крон почти не проглядывающий, но все-таки светит. А зайдет, так звезды же останутся. Хорошо ведь, когда небо чистое. Вона – Большая Медведица, именуемая по-здешнему Лосихой. А вона – Малая, которую Рёрах Олененком зовет. А были бы тучи да дождик, так вообще ни хрена видно не было бы. И не слышно тоже ни хрена, кроме грома и шуршания капель. Хотя и в дожде приятное найти можно. Молния, например. Молния очень ярко светит. Потом, правда, уже совсем ни хрена не разглядишь, пока глаза опять к темноте не привыкнут.

Вот такие мысли возникали у бегущего Сереги Духарева, пока ноги его приминали опавшую листву, обнося своего хозяина вокруг стволов, по тропке, которая не столько виделась, сколько чувствовалась, угадывалась подошвами.

Правду сказать, урок был не такой уж трудный. Ходил Серега к тому озеру и с дедом, и сам один разок был. На болотистом конце куликов бил. Куликов там много.

В общем, ничего особенного. А если заплутает, так спать ляжет. А утром по собственному следу – обратно. А след Серега предусмотрительно оставлял заметный. Где веточку обломит, где носком старую листву взрыхлит. Бояться нечего. Кого бояться, зверей? Так на что у Духарева сулица на руке лежит? Ежели рысь какая прыгнет – пусть пеняет на себя. Одну рысь Серега уже убил. Правда, днем. Волков не убивал, но волки – звери умные, с человеком связываться не станут. И медведь. Рёрах обещал: как снег выпадет – пойдут мишку брать. Мишка, сказал варяг, зверь полезный. Жир, шкура, мясо, все в дело идет от мишки-то.

В отличие от других лесовиков, Рёрах мишку мишкой звать не боялся. Иногда величал еще бером, но это было не прозвище вроде «хозяина» или «медведя», а просто другой диалект. Коли услышит зверь да придет – пусть

на себя опять-таки пеняет. Рёрах – ведун. Его врасплох не возьмешь. А интересно, он, Серега, может стать ведуном или нет? Если, как утверждает варяг, какая-то Серегина часть осталась вне этого мира, может, Серега тоже ведун? Интересно, какая это часть? И как там ей живется? А может, где-то в сумрачном Питере такой же Серега Духарев потягивает пивко с корешами или коктейльчик с пузырьками в каком-нибудь клубе с накрашенной девчушкой и ловит законный кайф, пока его неудачливый двойник упирается, чешет по лесу хрен знает куда...

«А ведь тебе это нравится! – сказал себе Серега. – Тебе ведь это по кайфу, мужик! Вот так вот бежать с настоящим копьём на согнутой руке по настоящему лесу! И ни хрена не бояться, потому что знаешь, что точно не пропадешь. Потому что это круче, намного круче, чем сосать пузырьки через соломку и прикидывать, сколько бабок останется к утру в тощем лопатнике. Потому что если я, Серега Духарев, не обломаюсь (а вот хрен я обломаюсь!) и вытяну из деда всю его дедову науку, то буду я в этом мире – король. Буду свежее мясо жрать и воду пить, хрустальную от чистоты, и даже к меду их дрянному привыкну, наверное, потому что не бывает, чтоб все – из шоколада. И девчонки у меня будут самые лучшие, а друзья – самые верные. И если я и уступлю кому, то не какому-нибудь засаленному хмырю с натыренными баксами, а тому, кто по-настоящему круче. Вроде того же Рёрах».

Вот о чем думал Серега, когда бежал по ночному лесу. Ему было – по кайфу. И он больше не задавал себе вопрос: «Почему я здесь? И зачем?»

Не задавал. Но вопрос – остался.

Глава одиннадцатая, в которой Серега Духарев осваивает очередную воинскую игрушку

Рёрах порылся в ларе и извлек из него внушительных размеров топор с серповидным лезвием.

– Нурманская секира, – сказал он. – Неси на лужайку.

Рукоять у секиры была длинная, в двух местах обмотанная шершавой кожей. Лезвие широкое, с заостренным и вытянутым верхним концом. По нижнему краю был сделан глубокий вырез, вероятно, для облегчения оружия.

На лужайке дед отобрал секиру. Помахал ею в воздухе.

– С мечом видишь разницу? – спросил он.

– Замах другой, – тут же ответил Духарев.

– Молодец, – похвалил варяг. – Секира с плеча рубит. В одну руку. В две руки. Колет так... – Рёрах перехватил рукоять и ударил верхним, заостренным концом почти как копьем. – Щит на столб зацепи.

Серега поспешно закрепил на столбе один из изготовленных вчера «щитов».

Секира в руках варяга описала дугу. Верхний край полумесяца с хрустом прорубил ребро щита. Рывок к себе – и щит слетел со столба под ноги Рёрах. Варяг наступил на него деревяшкой, дернул, освобождая оружие.

– Секира рубит все, – сказал он. – Ежели умеючи. Секира – сокрушитель мечей. Ни один меч не вынесет ее прямого удара. Запомни это. Клинок – только против древка. Секиру можно принять на щит. Добрый щит выдержит. Раза три-четыре. Не больше, если рубить умеючи. Или меньше, если не умеючи – отбивать. Повесь-ка новый!

Духарев поспешно зацепил еще одну свою поделку.

– Рубят так, – показал варяг. – Или так. А если хочешь достать врага через щит – то так.

На втором ударе духаревское творение плотницкого искусства рассыпалось, и он повесил следующее, а Рёрах продолжил:

– Если ударить всей силой сюда, в середку, напротив руки, да не лезом, а обушком, то иной раз рука от боли немеет и щита удержать не может. Без щита против секиры устоять трудно. Но можно. Ты – быстрый и шустрый. Ты сможешь, если умеючи. Лови! – Он неожиданно бросил секиру в Духарева. Как копье. И она продырявила бы Серегу не хуже копья, если б тот не уклонился и не перехватил ее за рукоять, поймав, как ловил копья. Только секира была существенно тяжелее.

Рёрах взял щит. Не из тех, что мастерил Духарев, а лучший из трех, сделанных самим варягом, обитый грубой кожей, со стальным ободом вдоль края и стальным же выпуклым диском в середине.

– Руби! – велел он.

Серега рубанул старательно, но по краю не попал. Старик резко вывернул щит и отшиб секиру в сторону с такой силой, что она увлекла за собой Духарева, полностью открыв для встречного удара.

Варяг поморщился.

– Еще бей! – скомандовал он. – Хват пошире, а то мотает тебя, как девкину косу.

Минут десять Духарев сосредоточенно рубил, а варяг – парировал.

Потом они поменялись. Вернее, дед взял секиру, а Серега другой щит,

потяжелее и без стальной оторочки. Первый же удар, снизу, подбросил Серегин щит вверх, и его край впилился в Серегину челюсть.

Очухался он уже без щита, сидя посреди полянки.

Серегин помотал головой. Глупого вопроса: «Что это было?» он не задал. И так ясно. Пощупал челюсть: рассечена, борода слиплась от крови. Но зубы – на месте. Правильно варяг ему щита с железной окантовкой не дал.

– Может, тебе под зад утиных яичек подложить? – раздался насмешливый скрипучий голос Рёреха. – Глядишь, птенчиков высидишь!

Духарев вздохнул тяжело и поднялся.

Безжалостный варяг немедленно повторил коварный удар, но Серегин уже не попался. Некоторое время они кружились по полянке. Рёрах рубил, Духарев отбивал. Потом варяг ударил по ногам. Духарев, вместо того чтобы отбить, чисто рефлекторно подпрыгнул – и оказался на травке. На обратном движении варяг ухитрился подцепить его под колено нижним вырезом секиры.

После этого они опять поменялись.

Духарев постепенно осваивался, приспосабливался к новому оружию. Оно даже стало ему нравиться... Но меч все равно лучше!

Глава двенадцатая

«Мы идем в Смоленск!»

Когда листья на кленах тронуло багрянцем, Рёрах решил отправиться в город Смоленск. Вернее, на смоленскую ярмарку.

Духарев узнал об этом, когда, вернувшись к вечеру с подстреленным поросенком, обнаружил, что дед сбрил бороду и патлы. Теперь с подбородка его, вместо седой с прожелтью ботвы, свешивались до груди толстые усищи, такие же седые, естественно. А от спутанной гривы остался казацкий чуб примерно такой же толщины, что и усы. Серегин вспомнил «запорожца» Скольда и решил: усищи и оседелец – что-то типа местной стрижки для крутых. Очень довольный, варяг поглядывал на себя в серебряное зеркало (Духарев понятия не имел, что у дедушки вообще имеется зеркало) и самодовольно ухмылялся. Должно быть, полагал себя писанным красавцем. С точки зрения Духарева Рёрехову внешность могли исправить только очень хороший хирург-косметолог и большие темные очки. Но ни хирурга, ни очков в здешних лесах не смог бы добыть даже лучший из охотников.

Впрочем, и добытый Духаревым кабанчик удостоился благосклонного взгляда.

– Прожарь мясо хорошенько да посоли, – распорядился дед. – С собой возьмем.

– Куда опять? – обреченно спросил Духарев.

Дальний поход с наставником – последнее, о чем Серега стал бы мечтать. Зловредный варяг непременно приготавливал для таких случаев какую-нибудь особенную пакость. Последний такой вояж Серега проделал в свежесодранной лосиной шкуре. То есть свежесодранной она была только сначала, а потом ее не назвал бы свежей даже самый непривередливый любитель тухлятины.

– В Смоленск пойдем, – сообщил Рёрах. – Коней покупать будем.

– Коней? – недоверчиво спросил Духарев. – А зачем нам кони?

– Ездят на них, – ухмыльнулся варяг. – Садятся на спину и едут. Не знал?

Серега тяжело вздохнул и отправился разводить костер. Он ничего не имел против верховой езды, но мог догадываться, во что превратит это занятие изошренный ум старика. Достаточно вспомнить, как дедушка ухитрился извратить обычный бег трусцой. А ведь бегал Серега куда лучше, чем держался в седле.

Отправились на рассвете. Старик нес на плечах блестящую от жира кольчугу, за спиной – меч в ножнах и тщательно упакованный лук. «Расконсервация» и перевод лука в режим «походного хранения» заняла у Сереги часа четыре. Разумеется, под неусыпным присмотром хозяина лука. При этом в туповатое (по мнению наставника) сознание ученика в сотый раз вкладывалась мысль, что лук – оружие нежное и хрупкое. И внимания требует несравненно большего, чем, например, меч. И ежели мастер-лучник может истратить целый год на изготовление этого великолепного инструмента для порчи человеческих организмов, то ленивый или неумелый парень вроде Духарева может испоганить сие совершенное оружие значительно быстрее. А лук, даже на самую малость потерявший форму или упругость, станет пригоден исключительно для охоты на зайцев. И то, если заяц подпустит к себе на пятьдесят шагов. В то время как из этого шедевра добрый стрелок без проблем попадет в грудь врага на расстоянии «перестрела», то есть двух-двух с половиной сотен метров, и стрела эту грудь продырявит. Если, конечно, не встретит препятствия в виде не менее доброго панциря. Однако обычную кольчугу хорошая стрела с нужным наконечником пробьет и на таком расстоянии. Духарев, который полагал и точный выстрел из карабина на такую дистанцию – удачным, мог

бы усомниться в словах наставника. Если бы наставник в заключение не решил испробовать лук, избрав в качестве мишени рыжую белку на противоположном берегу озера.

Через озеро (почти двести метров шириной) Серега перебирался вплавь. Рыжую белку он нашел легко, а вот стрелу, пробившую зверька навывлет, искал почти полчаса и обнаружил метрах в сорока от мертвой белки.

Стрелу Рёрах отправил в колчан, белку отдал горностаям, а Духарева обругал: почему так долго копался?

Итак, дед нес на себе кольчугу и оружие, а Серега – все остальное. Килограммов сорок пять. Правда, всего три перехода. Потом ученик с наставником пришли в какое-то село, где старик купил лодочку типа байдарки, только из коры. Остойчивостью лодочка могла уверенно соревноваться с яхтой, к которой вместо киля приделали большой кусок пенопласта. Дно лодочки можно было пробить пальцем, зато веса в ней было – всего ничего.

Почетная обязанность грести, естественно, досталась Духареву. Время от времени Рёрах разнообразил эту монотонную работу полезными советами и сожалениями по поводу того, что из этой лодочки никак нельзя сделать ни драккар, ни боевую лодью, ни даже южный насад, пригодный, по мнению варяга, лишь для плавания по спокойным речкам. Воин же, который не умеет сутки напролет ворочать настоящее корабельное весло, не воин, а недоразумение. Вроде вот Сереги Духарева.

А Серега Духарев в это время, выбиваясь из сил, гнал хлипкий и вертлявый челнок против течения.

Зато еще через пару дней они, сушей, перебрались через водораздел и спустились к одному из притоков Днепра.

Теперь течение играло на их стороне, а старик несколько раз, не доверяя ученику, на порожистых участках самолично брался за второе весло. В общем, правильно не доверял: Серега бы их точно выкупал.

Глава тринадцатая

Ярмарка

В собственно Смоленск они не пошли.

– Нечего там делать! – заявил варяг.

По некоторым элементам варягова недовольного бурчания по поводу «спесивых нурманов» Серега сделал вывод, что в городе у Рёрах есть

знакомые, которых он предпочел бы не видеть.

Так что Духарев лишь издали полюбовался на белые стены города и поплелся вслед за варягом к заставленному шатрами полю. На ярмарку.

Торжковский рынок отдыхал в сравнении с этим буйством свободного предпринимательства. Если бы не Рёрах, Серега в этой толпе просто потерялся бы. Или дал кому-нибудь по морде, поскольку каждый лоточник норовил схватить за рукав, а от воплей зазывал просто в ушах звенело. Вот уж точно – навязчивая реклама!

Правда, за рукав хватали только Духарева. Варяга тронуть никто не смел. От него попросту шарахались. Длинноусый, чубатый, бритоголовый, в блестящей кольчуге, с мрачным прищуром и изуродованной рожей, Рёрах внушал такое уважение, что ему тут же уступали дорогу даже оружные воины.

Лошадьми торговали на южной окраине ярмарки. Покупателей здесь было существенно меньше. У загородок с годовалыми жеребятами стояли несколько отроков и гридень с пегими усами, взглянувший на Рёреха с интересом.

У Серегина наставника гридень интереса не вызвал. Жеребята тоже. Он уверенно проследовал дальше, приглядываясь, прицениваясь, даже принохиваясь, пока не остановился перед мужиком, продававшим двух не слишком крупных лошадок светло-серой масти с подрезанными хвостами.

В лошадях Серега разбирался достаточно, чтобы уверенно отличить жеребца от кобылы. Поэтому интерес Духарева сосредоточился на лошади. Раньше подобных ему Сергей не встречал. Здесь. В Питере-то подобные попадались на каждом шагу. Лицо «кавказской национальности». Черные волосы, черные, щеткой, усищи под горбатым носом.

Рёрах коротко поздоровался с продавцом. Не по-русски. Тот ответил. Тоже по-своему.

Внимание варяга переключилось на лошадей, и им он уделил значительно больше времени: щупал, охлопывал, изучал зубы.

Остался доволен.

– Сколь хочешь за пару? – спросил он.

– Хорошие кони, – сказал черноусый. – Овсом вскормлены.

– Вижу.

– К седлу приучены, послушны, не норовисты... Девять гривен.

У Духарева отпала челюсть. Нормальная цена на взрослую лошадь колебалась от одной до трех гривен серебром. А эти даже ростом поменьше, чем прочие.

– Без изъяну коньки! – сказал черноусый.

Рёрах молчал.

Черноусый хотел еще что-то сообщить, но передумал. Ждал.

– Кобыла не пуглива? – наконец спросил варяг.

– Есть немного, – ответил лошажник, преисполняясь еще большим уважением к покупателю.

Варяг подошел к жеребчику.

– Подсади, – сказал он.

Черноусый помог ему взобраться на неоседланного коня.

Рёрах взял поводья.

– Побудь с ним, – велел он Духареву, шевельнул коленями, щелкнул языком – и конь с места взял ровной рысью.

– Ой молодец! – похвалил черноусый.

По-русски он говорил без акцента.

– Хочешь? – он кивнул на кобылу.

Духарев покачал головой.

Рёрах вернулся минут через десять. Неловко сполз на здоровую ногу, дал коню купленную, видно, по пути морковку и похромал к кобыле.

Ее пробовал тоже минут десять, вернувшись, спросил черноусого:

– С седлом продаешь?

– Нет, – качнул головой тот.

Варяг повернулся к Сереге.

– Дай ему семь гривен, – сказал он.

Черноусый открыл было рот... и закрыл.

Сергей вручил торговцу деньги, тот передал Духареву лошадей.

– Не много дал? – позже спросил он варяга. – Вон хоть те и покрупнее, а стоят дешевле.

Рёрах фыркнул, но тем не менее снизошел до объяснения.

– Те, – сказал он, – хоть и крупнее, да на подножном корму и сене росли. А наших хузарин зерном подкармливал, потому и ценит дороже. Зато им четырех лет нет, а уже в полной силе. И выезжены. А что мелки, так им корму меньше надо, а повыносливей крупных будут. Я эту породу знаю.

Поехали покупать седла. То есть варяг ехал на кобыле, а жеребчика Духарев вел на поводу и по указанию Рёрах угощал морковкой. К себе приучал.

У седельника они провели почти час. Варяг придирчиво изучал товар и наконец выбрал два седла. Довольно потертых.

– На новом, необмятом ляги сотрешь, – сказал он ученику.

Кроме седел, купили еще большие перекидные сумки и охапку разных

ремней с пряжками и без. Ремни старик сунул в одну из сумок. Туда же спрятал и стремяна.

– Они те токо посадку испортят, – буркнул он. Сделав, что планировалось, Рёрах немедленно двинулся в обратный путь. Задержался только, чтобы поесть.

Сереге был огорчен. Он уже Бог знает сколько времени не видел людей... И женщин. Пока жил в лесу, об этом как-то не думалось. Да и до женщин ли, когда тебя вумат затрахал одноногий свирепый дедок? Но стоило глазу увидеть знакомые выпуклости и изгибы...

Варяг, сучок корявый, Серегиным намекам не внял.

«У самого, небось, с этим делом уже лет двадцать – никаких проблем!» – злобно размышлял Духарев.

В трактире им принесли кучу всякой снеди – в дорогу. Еще подали горячей похлебки, горшок тушеных овощей. Сереге умял все. Соскучился он по овощам. В лесу все мясо да мясо.

За длинным столом они сидели, считай, одни, ни слева, ни справа никто не подсаживался. Словно вокруг варяга была обозначена черта, за которую заступать не смели.

Уезжали верхом, по хорошей дороге, поначалу довольно оживленной. Однажды им навстречу попался отряд из дюжины воинов. Молодые, крепкие парни, кто – с бородой, кто брит, шли налегке, сгрузив поклажу, в том числе и брони, на нескольких вьючных лошадей, которых вели в поводу двое мужчин невоинственного вида. Рабы. Один из воинов, что нес на плече здоровенный боевой топор, неожиданно шагнул в сторону и заступил дорогу Рёраху. Сереге напрягся, а варяг и бровью не повел. И даже не подумал придержать кобылку. Парень оглушительно свистнул, хузарская лошадка, испугавшись, едва не вскинулась на дыбы, но Рёрах осадил ее, прикрикнул...

– Хаг! – сердито рявкнул на свистуна другой воин.

Свистун захохотал, отпрыгнул в сторону. Тот, кто кричал, подскочил к нему, грубо схватил за руку и показал на Рёрахову деревяшку.

Свистун сразу перестал ржать, приложил кулак к груди и наклонил голову. Рёрах тоже чуть заметно кивнул. Духарев расслабился.

– Это кто? – спросил он, когда они разминулись.

– Нурманы, – буркнул Рёрах.

Глава четырнадцатая

Лошадь – друг человека

Своего жеребчика Серега назвал Пеплом. По масти. И ладили они просто прекрасно. Не без помощи варяга, разумеется. Держаться в седле Духарев научился довольно быстро. Даже и без стремян. Но оказалось, что для всадника умение не вывалиться из седла – необходимое, но не главное. Задачей номер один было поддержание четвероногого друга в рабочем состоянии. Для этого коня надо было регулярно кормить, поить, чистить, не перегружать сверх меры, а меру эту можно было определить только опытом. Конь мог заболеть, повредить ногу или спину, сожрать что-нибудь не то. Сообщить об этом хозяину животное, естественно, не могло и в этом было сродни автомобилю. Вот только заменить поврежденную деталь было невозможно. Да и жаль животину: ей же больно. Таковы были азы всадницкой науки. Кроме этого, воин, намеревавшийся биться в седле, должен был научиться с седла же рубить и колоть, отбиваться и уворачиваться, стрелять на скаку из лука (желательно попадая в цель), перепрыгивать через препятствия и не ломать при этом костей – ни своих, ни животного. Еще нужно было уметь пересекать водные преграды, мгновенно останавливаться (но так, чтобы лошади не было больно), мгновенно бросать коня вскачь, разворачиваться... Короче, много чего было нужно, чтобы в дороге или после окончания боя конь остался цел и не сменил хозяина. Все это требовало нешуточного упорства. Пепел оказался коньком понятливым... Если ему понятно объяснять. Варяг умел. И учил Серегу, попутно школя собственную кобылку. Очень скоро Серега понял, почему варяг взял себе эту лошаду, а ему отдал Пепла. Жеребец был значительно толковее и спокойнее. Уже через несколько недель он стал понимать и выполнять голосовые команды и никогда не устраивал сцен, вроде битья задом и попыток укусить хозяина. Кобылка же – пыталась. Но с варягом такие номера не проходили. Зато Пепел был добряк, что для начинающего всадника – плюс, а для боевого коня – минус. Однако к зиме, под мудрым руководством варяга, удалось внушить жеребцу кое-какие понятия о том, когда и кого можно и даже должно ошарашить копытом по макушке. Впрочем, если у Духарева и возникала мысль, что после приобретения лошадей занятия его сведутся к одной верховой езде, то он быстро убедился в ее ошибочности. Уроки, преподаваемые варягом, были интенсивны и разнообразны. И их в равной мере нельзя было назвать ни приятными, ни спокойными. Единственное исключение – строительство конюшни.

Глава пятнадцатая,

в которой Серега Духарев заглядывает в омут и обнаруживает у себя дар ясновидения

– Пей! – Рёрах протянул Духареву деревянную фляжку.

Серега понюхал... М-да! Оставалось надеяться, что вкус лучше запаха. Духарев зажмурился и, стараясь не дышать, втянул содержимое фляжки. Вкус был не лучше. Хуже. Вяжущее, как неспелая хурма, и жгучее, как чилийский перец. Серегу аж передернуло.

– Это что, гнилой мухомор или настойка бледной поганки? – кривясь, сострил Духарев.

– Нет, – совершенно серьезно ответил варяг. – Это другие грибы. *Не плевать!* – рыкнул он грозно, увидев, что Серега собирается сплюнуть. – Давай полезай на ветку, сядь туда, в развилку, и смотри в воду.

– А чего там?

– Омут. Лезь!

Серега вспрыгнул на толстую ветку, пробежал по ней, наслаждаясь собственной ловкостью, до развилки, сел верхом.

– Не так! – рявкнул варяг. – Скрести ноги!

Духарев послушно поменял позу. Под ним была ровная черная вода с зелеными рисками ила.

– Просто сидеть и смотреть? – спросил Серега.

– Да. И думай о том, кто думает о тебе. Это все.

Не оборачиваясь, Духарев следил, как уходит варяг. Слушал, как мнет траву деревяшка, как поскрипывает кожа. По звуку он чувствовал расстояние и направление так хорошо, что мог бы навскидку, с разворота послать стрелу... От которой наставник, впрочем, увернулся бы.

Во рту и горле все онемело. Экую дрянь он выпил, честное слово!

Серега поглядел вниз. Черная, как смола, вода, гладкая. Без единой рябинки. Над ухом раздалось ликующее зудение комара. Скоро слетится целая орава. На прощальный осенний пир. Серега не обращал на комаров внимания. Его всерьез прикололо, что лесные звуки как будто стали намного отчетливей. Ну точно! Это началось, когда уходил Рёрах, только Духареву тогда это показалось естественным. Оказывается, не совсем. Раньше такого не было. Чтобы он различал каждый насекомий цвирк, шелест каждого куста... Нет, такого с ним точно не было. То ли он вдруг страшно окрутел, то ли дело в варяговом зелье. Последнее более вероятно.

«Кто же обо мне думает? – подумал Духарев. – Родители? (Надо же, вспомнил!) Нет, родители – это вряд ли. Папаша думает только о марках и

конкурентах-филателистах, а мать шляется со своими онанистами-евангелистами и учит, как Бога любить. По-американски. Нет, хорошо, что Серега – поздний ребенок, и нет у него младших сестер-братьев, с такими-то родителями. Хотя, в сущности, их ли это вина? Не поперли бы папку с работы, и не превратилось бы хобби в призвание. И не дал бы он маме в это говно влезть...»

«Можно подумать, ты – замечательный сын...» – сказал он сам себе самокритично.

«Так кто же обо мне думает?» – вернул себя Духарев к теме занятия.

Тут же понял – кто. И попытался увидеть в черном зеркале. Сначала, конечно, не увидел ничего. А потом поверхность воды вроде как поплыла вверх («Или это я падаю?» – успел подумать Серега.), встала у ног, под самой развилкой, и он увидел. Четко. Как на экране монитора. Сразу обоих. Сладу и Мыша. В лавочке. Серега подумал, что надо бы удивиться, но почему-то не удивился. Только смотрел, как Мыш, сосредоточенно, высунув кончик языка, шьет что-то кожаное, а Слада перебирает крупу на струганом столе и, кажется, что-то напевает. Но звука не было. У Сладиных босых ног вертелся пятнистый щен размером с крупную крысу и примерно такого же вида и цвета.

«Надо же, – подумал Духарев. – Где они такого ублюдка нашли?»

У Сереги запершило в горле. То ли от нежности, то ли от дедова зелья. Захотелось сгрести обоих, расцеловать Сладу, потискать Мыша... Захотелось прыгнуть с ветки... туда. Только Серега не мог. Ног не чувствовал. И еще вертелась где-то на задворках сознания мыслишка, что *туда прыгать – нельзя.*

Слада закончила с крупой, щенок напрудил на пол, и его выгнали.

«Слада, Сладушка!» – мысленно позвал Серега. Он ужасно захотел, чтобы она повернулась, захотел заглянуть ей в глаза... И она повернулась к нему. Или он сам как-то ухитрился... Ее нежное лицо вдруг стало совсем близко, черные загнутые ресницы почти касались Серегиных бровей, он видел каждый волосок...

Но Слада-то его не видела.

Внутри Духарева что-то оборвалось... И Мыш со Сладой пропали. Вместо них появился завернутый в меха мужик примерно Серегиных лет, который лежал на спине, на какой-то деревянной решетке. Кожа у лежащего была очень бледная – до подбородка. От подбородка до переносицы – загорелая до черноты, а выше – снова бледная. Этого человека Духарев точно видел в первый раз в жизни. Мгновением позже лежащего заслонила чья-то спина, а еще через секунду хозяин этой спины

обернулся... и встретился взглядом с Духаревым. В какой-то миг Сереге показалось, что этот человек тоже его видит. Наверное, так и было, потому что тот мотнул головой, словно отгоняя наваждение...

Серегина голова моталась из стороны в сторону, потому что Рёрах методично лупил его по морде: слева, справа, слева, справа...

– Х-хорош... – выдавил Духарев, и поднятая для очередной оплеухи ладонь замерла.

Сереге лежал на песочке, варяг стоял над ним на коленях, и физиономия у него была, мягко говоря, озабоченная. Это у Рёрах, который даже из трясины вытаскивал Серегу в последний момент и с ехидной усмешечкой.

– Ты чего? – удивленно спросил Духарев.

Но тревога уже сошла с лица варяга.

– Выкарабкался, значит, – проворчал он обычным голосом. – Сядь, чего разлегся!

Сереге сел и сразу почувствовал, как накатилась слабость. И голова заболела.

– Видишь как? – спросил Рёрах.

– Мутно, – ответил Сереге.

– В глазах не двоится? Тени видишь?

– А чего бы мне их не видеть? – удивился Духарев.

– Где видишь?

– Да вот! – Сереге, крайне удивленный, показал на собственную тень на песке.

– Я про *другие* тени спрашиваю! – рявкнул варяг. – Видишь – нет?

Сереге потер лоб. Соображалось плохо – башка буквально раскалывалась.

– Нет, – проговорил он. – Других теней не вижу, только обыкновенные.

– Ага, – сказано было таким тоном, что не понять: хорошо или плохо то, что Духарев не видит этих самых «других теней».

– В седле усидишь? – спросил Рёрах.

– А может, я тут останусь? – пробормотал Духарев.

Мысль о том, как отзовется на тряску его несчастная голова, не принесла радости. Оно, конечно, воин должен стойко переносить боль, но совсем не обязательно при этом быть мазохистом.

Вместо ответа варяг взял Серегу за бородку, запрокинул ему голову, заглянул в зрачки.

– Нет, – отрезал он. – Здесь не останешься.

Ухватил Духарева ладонью за затылок и вдавил железный палец

Серге в лоб. Чуть повыше бровей. Боль, только что бывшая просто нестерпимой, превысила всякие пределы – Серега не удержался, застонал. Но вырваться и не пытался. И правильно. Достигнув максимума, боль внезапно исчезла. Совсем. Обернулась в звенящую пустоту.

– Как ты это сделал? – восхитился Духарев. – Научи!

Варяг отрицательно покачал головой.

– Вставай и пошли, – сказал он. – Не знаю, как ты, репка-сурепка, а я проголодался.

Глава шестнадцатая

Туманные тропы предназначения

Этот же эксперимент они повторили еще два раза. Недель через шесть, на том же самом месте, но уже ночью, безлунной и безветренной. Серега сидел и глядел, а Рёрах стоял над ним, держа в руке факел. А третий, последний раз – уже зимой и опять там же, над омутом, но на сей раз Духареву пришлось изрядно потрудиться, чтобы прорубить лед, и сидел он уже не на ветке, а на толстом войлоке.

Слады и Мыша он больше не видел. Один раз, совсем недолго, видел того незнакомого человека, уже не завернутого в меха, а нормально (поместному) одетого, с заметным усилием ворочающего большое и, вероятно, тяжелое весло. Еще Серега видел какую-то молодую женщину, очень сердитую и тоже незнакомую. Прочие образы были совсем смутными, особенно – по третьему разу. Хотя именно к третьему «глядению» Рёрах поставил Серге совершенно конкретную задачу. Думать, за каким таким хреном он, Духарев, явился сюда из мира духов или из какого там он мира явился...

Нельзя сказать, что Серге ответ на этот вопрос был безразличен. Сам он уже раз триста задавал его себе. Особенно когда от перегрузки или еще по какой причине не мог сразу заснуть. Иногда Духареву представлялось некое inferнальное существо, выдергивающее его, Сергу, из катящейся по трассе машины и зашвыривающее в сей дивный мир. Дабы он, Духарев, изменил его к лучшему: наказывал зло, освобождал царевен и творил добрые дела. Правда, образы, возникавшие у Серги в сознании, больше напоминали всякие фантастические фильмы, а могущественное существо подозрительно смахивало на дедушку варяга. Ах, мечты, мечты... Нельзя сказать, что неведение относительно своего «великого предназначения» очень огорчало Сергу. Где-то в глубине души Духарев был уверен, что

рано или поздно все и так станет известно и торопить события – чревато. Потому что единственное действительно неоспоримое доказательство существования посмертного бытия человек может получить только в одном случае. Более того, всякий человек получит его наверняка. Когда помрет. Экспериментировать же в этой области Духареву как-то не хотелось.

Пожалуй, Рёреха вопрос о предназначении Духарева волновал значительно сильнее, чем самого Духарева. Потому что варягу страшно надоело жить в лесу и хранить священное место, как велел ему когда-то волох. Дедушка все еще лелеял надежду, что Духарев – тот самый кадр, которому можно будет передать бессрочную вахту. То, что Серега – крещеный и, следовательно, не очень-то близок по духу местным божествам, конечно, смущало. Но с другой стороны, Духарев проявлял недюжинные способности во всех науках, в коих натаскивал его варяг. А науки эти, издревле, от варяговых пращуров, да и не только варяговых, но и прочих славянских, что полян, что ильмян, – считались вотчинами исконных местных богов, в особенности же – воинственного и кровожадного Перуна. О Христе же варяг имел понятие самое поверхностное и считал его почему-то покровителем богатства. Логика его была проста. Кто поклоняется Перуну – тот здоров насчет подраться. А кто поклоняется Христу, у того карманы полны золота. Вот те же ромеи: грабят их, грабят, а богатства их все прибывают. Потому что христиане. Спорить с ним Духарев даже и не пытался. Ему ли, символ собственной веры помнившему через слово, наставлять закоренелого язычника. Пусть лучше язычник Серегу научит грибную шляпку копьём подхватывать. В галопе.

Язычник учил. Честно. А когда понял, что Духарев воинскую науку освоил вполне прилично, а можно ли его брать в ведуны – своими силами не выяснить, Рёрах решил прибегнуть к помощи специалистов. Но это случилось позже.

Глава семнадцатая

Медвежья охота

Мишку они выследили еще осенью, до снега. Выслеживали аккуратно. Не потому, что боялись. Не медведица с медвежатами, чай, а здоровенный лесной хозяин. Такой зря рисковать не станет, предпочтет убраться с человеческой дороги. Вот то-то и оно. Уйдет – и ищи его потом. А так – вот он. Хороший мишка. Жирный. Такой как осенью заляжет – так до самой весны проспит.

По указанию наставника Серега наблюдал за зверем очень внимательно. Как ест, как двигается, как купается. Днем наблюдал, а вечером слушал варягов байки про варяжских воинов, что у могучего мишки воинскому делу учились. А иные даже сами медведем перекидывались при необходимости. Сила зверя, помноженная на человеческий ум и отвагу (сам-то мишка трусоват), вершили чудеса. Тем более что такого оборотня сталь не берет, а только особое, с наговором, оружие.

Серега в байки насчет оборотней не очень-то верил, тем более что Рёрах честно признался, что таких, перекидывающихся, сам он не видел, а только байки слышал. А вот к «звериной» технике относился серьезно. Еще с «той», цивилизованной жизни. «Школа богомола», «Школа обезьяны»...

Один из варяговых горностаев взобрался на Серегину плечо. Только так их Духарев и различал: один признал нового человека, второй – нет.

Несмотря на немалый рост, Духарев предпочел бы «школу горностаев» «школе медведя». Рядом со стремительным, обтекаемым, как пуля, зверьком Топтыгин выглядел неуклюжим увальнем.

Медведь перестал есть обычную пищу, зато жрал траву, какую-то глину... в общем, малосъедобные вещи. Постился по-своему, по-медвежьи.

– Скоро ляжет, – определил Рёрах. И точно. Мишка еще несколько дней пошатался по лесу, помечая территорию, а потом забрался в берлогу под вывороченной старой березой и больше не объявлялся.

– Всегда тут спит, – заметил варяг.

– Зачем тогда мы его пасли? – осведомился Серега, который предпочел бы не за мишкой ходить, а лишний раз с мечом или копьем поработать.

– Надо – вот и пасли, – отрезал варяг. – Больше сюда не ходи. Пускай спит до времени.

За мишкой пошли после третьего снега. Точнее сказать, после зарядившего на целую неделю снегопада. Пошли на лыжах, коротких и широких, подбитых снизу остистым мехом. На голове у Духарева красовался шлем, похожий на строительную каску: формой и натянутыми изнутри кожаными ремешками. Правда, в отличие от каски, шлем был довольно тяжелый, да еще «украшенный» прицепленной к краям кольчужной бармицей. На плечах у Сереги, под курткой из лосиной шкуры, наличествовал пластинчатый панцирь. Вообще-то его полагалось надеть не под, а поверх куртки, но он и так еле налез. Вооружен был Духарев крепкой рогатиной с упором и узким топором на длинной рукояти. Серега предпочел бы меч, но Рёрах велел взять топор. Что ж, ему виднее. Сам варяг ничего, кроме лука, не взял.

– Может, добуду кого, – заметил он. – А мишка твой. Сам и завалишь.

Если бы Серега не знал точно, где медвежья берлога, так и не нашел бы. «Вентиляционная» дырка в снегу оказалась прикрыта молоденькой елочкой. Заметить слабый парок, выходящий из отверстия, было практически невозможно.

– И что теперь? – спросил Духарев.

– Палку подлинней сруби да пошуруй внутри, – сказал Рёрах. – Вот он и вылезет.

Серега послушно вырубил шест, сунул его в сугроб и принялся шуровать.

Из берлоги раздалось недовольное ворчание. Серега выпустил шест и поспешно схватил воткнутую в снег рогатину.

– Еще шебурши! – недовольно буркнул стоящий поодаль Рёрах. – Это он во сне бурчит.

Серега снова взялся за палку.

Рычание стало громче...

– Счас полезет! – крикнул варяг.

Когда его наставник сказал «полезет», Серега именно так себе это и представил: из сугроба медленно вылезает недовольный мишка. Представление это было правильно только в одном. Мишка действительно оказался недоволен. А точнее сказать: очень недоволен! Просто в бешенстве. И то, что произошло в следующий миг, меньше всего соответствовало ленивому слову «полезет».

Сугроб внезапно взорвался. Как будто гранату внизу рванули. И в этом снежном гейзере как-то сразу материализовался стоящий на задних лапах здоровенный медведь.

Мгновение назад его и в помине не было – и вот он уже здесь и летит на Серегу, размахивая лапищами. А лапищи эти машут уже над Серегиной головой. Удивительно, что Духарев успел отбросить шест и схватить рогатину. Но он успел – и дальше, на рефлекс, всадил ее в мохнатую мишкину тушу...

Тр-ресь! – рогатина с хрустом переломилась, Серега полетел в сторону, а мишка пронесся мимо, с шумом упал на четыре лапы, развернулся со скоростью фигуриста, снова встал на задние лапы и, ревя, попер на глупого человечешку.

Серега, однако, успел вскочить на ноги и даже высвободить из петли топор.

Первый удар он нанес мишке прямо в морду... И мишка смахнул этот удар небрежным движением лапы, а второй лапой треснул Духарева по

голове. Серега успел присесть, и медвежьи когти, лязгнув, вскользь проехали по шлему. Духарев отпрыгнул вбок, пропуская зверя мимо, и, широко размахнувшись, двумя руками всадил топор в бурую свалывшуюся шерсть медвежьей спины. Он услышал громкий хруст и тут же – рев такой силы, что захотелось присесть и заткнуть уши руками. Но он этого не сделал, а выпустил рукоять безнадежно застрявшего топора и шарахнулся в сторону. Медведь на мгновение потерял его из виду, и этого мгновения хватило, чтобы Серега успел вынуть из чехла нож.

А зверь уже снова шел на него, прорываясь сквозь мягкий белый снег, обильно пачкая его кровью, но не проявляя ровно никаких признаков слабости.

Духарев отступал, сжимая в руке нож, но сама мысль о том, что эдакую махину можно остановить двадцатисантиметровым ножиком, казалась столь же забавной, как попытка детской лопаткой остановить самосвал.

Внезапно, сквозь медвежий рев, до Серегоного слуха донесся громкий шлепок – и он увидел, как шкура на мишкиной груди лопнула и из длинного меха сам собой вылез красный цветок.

Медведь рыкнул как-то по-особому, удивленно, повалился на бок, и Духарев увидел варяга, сжимающего лук с наложенной стрелой.

Не опуская лука, Рёрах прохромал по окровавленной траншее в снегу – к медвежьей туше, остановился в трех шагах, оглядел ее и вернул стрелу в колчан.

– Готов, – удовлетворенно сообщил он. – Как он тебе, Сергей? Хорош?

– Нет слов, – подавляя дрожь, ответил Духарев.

Снял шлем и поглядел на оставшиеся на металле следы когтей.

– Сам цел? – спросил варяг.

– Вроде бы...

Удивительно, но царапины остались только на шлеме. Серегу зверь не задел ни разу.

– Тогда давай живо за лошадами, – распорядился Рёрах, вынимая из единственного сапога кривой нож. – А я пока мишкой займусь.

Глава восемнадцатая

Стрельба по живым мишеням

Неожиданно ударил мороз. Да такой, что у деревьев стволы трещали, градусов тридцать. Что особенно поразило Серегу, так это то, как быстро,

едва ли не за одну ночь их лошадки от ушей до копыт обросли мохнатой шерстью. Люди на такое были не способны, поэтому время занятий на свежем воздухе пришлось ограничить, а тренировки с луком и вовсе отложить. Внутри священного дуба, на гранитном камне с естественным углублением посередине, теперь все время горел костерок, над которым, следуя указаниям варяга, Серега установил некое подобие шатра. Материалом для шатра послужила ткань, вымазанная глиной. Конус заканчивался толстой кишкой из той же ткани, выставленной в дупло на «втором этаже». Такая отопительная система, с точки зрения Духарева, была довольно-таки пожароопасна, и дыму от нее было изрядно, но грела нормально. К ночи камень прилично нагревался, а в углублении накапливался изрядный слой углей, на которых можно было и котелок вскипятить, и медвежатину поджарить. Как-то раз варяг развлек ученика фокусом: зачерпнул этих, еще красных углей голой рукой и с полминуты пересыпал с ладони на ладонь. Затем объяснил, как он это делает и что чувствует, а потом предложил Духареву сделать то же самое. Серега отказался. Он видел, что на руках Рёреха не осталось ожогов. Он понимал все объяснения. Теоретически. Практически же – опасался.

– Как же тебе тогда ноги сожгли? – поинтересовался Духарев.

Рёрах только головой покачал, словно удивляясь скудоумию своего ученика, который не видит разницы между дружеским хлопком и ударом секиры по хребтине.

Спали они наверху, где воздух был почище и угарный газ не скапливался.

Морозы стояли четыре дня, потом потеплело, и варяг повел Серегу на расстрел.

Натурально.

Поставил Духарева посреди заснеженной полянки в тридцати шагах от себя и принялся лупить стрелами. Хорошо хоть тупыми, без наконечников. Бил, конечно, не в полную силу, но даже сквозь куртку мало не казалось. Серега сначала пытался, аки японский ниндзя, эти стрелы ловить. Но стрелы не копья. Проворный варяг ухитрялся выпускать их пачками, штуки по три в секунду, и поймать Серега успевал от силы одну. Остальные, будь на них жала и бей варяг в полную силу, продырявили бы Духарева, как шампур – цыпленка. Так что хватать стрелы ручками Серега бросил, а просто отмахивался рукавицами, как медведь – от пчел. Так и развлекались. А когда колчан варяга пустел, расстреливаемый получал передышку, то есть бегал туда-сюда, собирая стрелы. Как только у Сереги наметился прогресс, Рёрах тут же усложнил задачу. Обмотал концы стрел меховыми

обрезками и стал бить в полную силу. Вот тут Сереге жить стало непросто. Теперь он уже не столько отбивал, сколько уворачивался. Но одна из трех стрел непременно ставила Духареву новый синяк. Садист-наставник был доволен. И после обеда, в виде поощрения, разрешил Сереге использовать меч. Вот это было совсем другое дело! Полчаса – и весь учебный арсенал варяга был приведен в негодность. Для последнего испытания варяг не пожалел двух настоящих, боевых стрел. И наконечники не защитил. Серега отбил обе!

Рёрах был очень доволен. Духарев был доволен еще больше. Он чувствовал, что его тело превратилось в послушный и эффективный механизм, наделенный к тому же самостоятельной волей. Нет, слово «механизм» здесь было не совсем уместно. Скорее, тело стало подобно обученному коню, которому нужно только скомандовать «вперед» и слегка хлопнуть пятками. А уж конь сам разберется, с какой ноги шагнуть и куда ее поставить.

На следующий день Серега с Рёрахом играли в прятки. То есть варяг прятался, а Серега должен был его выследить, обнаружить и не дать себя застрелить. Казалось бы, элементарная задача, учитывая выпавший снежок и неполное количество ног у прячущегося. Но из дюжины попыток Духарев сумел благополучно закончить только две. И то потому, что успевал отреагировать на скрип тетивы и нырнуть в сугроб.

Глава девятнадцатая

В пути

В день, когда Серега и Рёрах отправились на капище, тоже снегу навалило – по грудь. Но день выбрал варяг, руководствуясь собственными соображениями.

– Погода устоится. К празднику поспеем.

О каком празднике шла речь, уточнять не стал. А уж насчет погоды он никогда не ошибался. В синоптиках ему бы цены не было.

Лошадки фыркали паром. Нелегко им идти по глубокому и рыхлому снегу. На лыжах Серега за день прошел бы столько, сколько они отмерили за три. Один прошел бы, без Рёрах. Но без Рёрах волохи, может, и разговаривать с Духаревым не станут. Да и хрен бы Серега по собственной инициативе поперся за сто верст к этим колдунам. Не доверял им Серега. Очень хорошо помнил, как в Скольдовом кремле такой вот сивобородый придурак с оленьими рогами на башке орал, стуча по полу палкой:

«В огонь кощуна!»

Духарева то есть.

Но в Серегину башку, еще в соплячьи годы, было прочно вбито:

Пункт первый. «Сэнсэй всегда прав».

Пункт второй. «Сэнсэй никогда не ошибается».

Пункт третий. «Если сэнсэй ошибается, смотри пункт первый».

Кто научил Серегу мечом орудовать? Рёрах.

Выходит, кто такой Рёрах? Сэнсэй.

Сказал Рёрах: идем к волохам? Сказал.

Не согласен? Смотри пункт первый.

Пепел шел первым, прокладывая путь. Время от времени Духарев давал ему передышку: вставал на лыжи и бежал впереди. Заодно к следам приглядывался. Следов было много; больше всего птичьих и заячьих. Попадались, впрочем, и лисьи. И волчьи. Может, кто-то из тех волков отметился, что уже вторые сутки за ними тащатся. Наглые зверюги до невозможности. Вчера, когда поднимались на холм, Серега их видел. И даже хотел стрелой угостить, чтоб не наглели. Варяг не позволил. И в результате эти твари всю ночь вертелись поблизости и лошадей нервировали. А с рассветом пропали.

– Лось! – внезапно произнес Рёрах, останавливая кобылку.

Глубокий след шел поперек их пути.

Пепел тоже остановился. Духарев соскочил в сугроб.

Варяг с седла рассматривал след, потом снял с головы шапку, почесал затылок и изрек:

– Сергей, сбегай возьми его.

Вот те раз – тещины блинки! Сэнсэй сказал! Иди и возьми. Не с полки пирожок, а животину под тонну весом. Которая мало того, что прет по снегу, как «Буран», так еще копытом волчью башку с удара проламывает.

– У нас же есть мясо, дед! – запротестовал Духарев.

– У нас, может, и есть, да до капища уже близко, и негоже к волохам без подарка идти, – наставительно изрек варяг.

– Да я за ним неделю гнаться буду, – тоскливо, понимая, что уже не отвертеться, проговорил Серега. – И то не факт, что догоню. А догоню, как я буду такую тушу тащить? На горбу.

– На волокушке, – спокойно ответил Рёрах. – Не шуми. Ты его быстро возьмешь, он молодой и устал.

– Откуда ты знаешь?

– На след погляди.

Серега поглядел. Ну ямы и ямы.

– След малый, и вишь, как копыто ставит, – Рёрах, наклонившись с седла, показал острием рогатины. – Вишь?

Сергея смотрел. Но не видел. Наука чтения следов давалась ему не в пример труднее, чем фехтовальная техника.

– Ладно, – буркнул он и принялся отвязывать лыжи.

Верхами по снегу за лосем гоняться бессмысленно.

Экипировавшись, Духарев закинул повод на дедово седло.

– Бей охотничьим срезом, – наставительно произнес варяг. – В шею бей. Жилу порвешь – не уйдет. – Как будто Духарев раньше лосей не бил.

– Понял, не дурак, – проворчал Сергей, толкнулся и побежал, легко подминая снег.

Одна приятная новость: до места базирования волохов уже недалеко. Хотя, если вдуматься, куда спешить? Здоровая и интересная жизнь, нормальные мужские развлечения. Что бы он сейчас в Питере делал? Гонял в чужой тачке по слякоти, считал бабки, шмыгал носом, перемогая очередной вирус... Ну, еще сидел бы с корешами в кафе и водку кушал. Да предложи он Димке или Вовану с луком на лося поохотиться, они от восторга икру черную метать начнут. Нет, нечего Духареву на судьбу пенять! Вот только без девочек скучновато. Еще месяц-другой – и Сергей дедову горностаиху трахнет, честное слово!

Глава двадцатая

Лось

Сэнсэй, как всегда, оказался прав. И часа не прошло, как Духарев углядел между стволами темно-серый бок.

Сергей воткнул в землю рогатину, очень осторожно стянул налуч. Тетиву он поставил загодя. Откинув крышечку с колчана, Духарев по перу определил ту стрелу, которая с широким наконечником без зазубрин: охотничий срез. Вытянул, наложил. Ветерок холодил Сергею в правую щеку, поэтому он принял влево, тихонько, по дуге, заходя с подветренной стороны.

Лось, точно, оказался небольшой, безрогий. Рылся в снегу, выщипывал из-под сугроба свой лосиный хавчик.

Сергей подобрался к нему шагов на тридцать, пристроился за деревом, выпрямился...

Над головой заорала сорока.

«Ах ты падла!» – подумал Духарев.

Лосек вскинул горбоносую морду, понюхал, ушами пошевелил, поглядел в Серегину сторону... Серега приник к стволу...

Не углядел его зверюга, снова уткнулся в снег. Духарев медленно натянул тетиву...

Щелчок! Тетива мощно хлестнула по рукавице и загудела. Лось подпрыгнул... И чуточку припоздал. Стрела успела раньше. Вошла на ладонь ниже того места, куда целил Духарев, но вошла вроде хорошо. В горло.

Лось захрапел и большими прыжками кинулся прочь. Серега – за ним. Лосиная кровь ярко выделялась на снегу, так что даже такому хреновому следопыту, как Духарев, потерять след было мудрено.

Метров через пятьсот Серега увидел свою стрелу. Может, сама выпала, может, сохатый копытом скovyрнул. Стрела была попорчена, но наконечник, весь в алой крови, целый. Духарев стрелу подобрал.

Между тем прыжки зверя становились короче, а крови, до земли проплавливающей снег, – больше.

И пятнадцати минут не прошло, как Серега снова увидел зверя.

Лось лежал на снегу, голову еще держал, но она упорно клонилась книзу. Вокруг лежки все алело от крови.

Серега, не сбавляя шага, двинулся к зверю. Лось вскинул голову... и вскочил!

За те пару секунд, когда разъяренный сохатый летел на него, Духарев успел остро пожалеть о том, что оставил рогатину. А меч свой, в ножнах, к седлу притороченный, он вообще как наяву увидел. Громадная зверюга неслась на Серегу с каким-то утробным ревом... Духарев отпрыгнул (на лыжах!) в сторону, шарахнулся за дерево. Лось живым снарядом пронесся мимо... и уткнулся оскаленной мордой в сугроб.

Когда Серега, очень осторожно, подошел к нему, лось был еще жив. Но глаз его уже подернулся смертной мутой.

– Извини, бродяга, – сказал Духарев, ощущая смутную вину. – Так надо.

Чиркнул ножом по мохнатому горлу. Свистящий звук, лось дернулся и затих. Теперь он не выглядел огромным.

Серега вынул топорик, поискал взглядом что-нибудь хвойное, не нашел. Пришлось вязать волокушу из голых веток. Взгромоздив на нее тушу, Серега впрягся и пустился в обратный путь по собственной лыжне. По дороге подобрал рогатину.

Уже начало темнеть, когда навстречу ему выехал Рёрах.

Заночевали, где встретились.

Сергеа свалил два сухих дерева, варяг ловко расщепил их клиньями, уложил углом, комлями в костер. Лошадей привязали внутри, насыпали в мешки зерна. Сами поужинали лосиным языком и печенкой. Печенку, по требованию Рёреха, съели сырой.

Взошла луна. С луной опять пришли волки. На запах крови. Серые, поджарые, тонконогие, с виду совсем не страшные, но в действительности куда более опасные, чем какой-нибудь огромный домашний ньюф. Лошади забеспокоились, но привязаны они были качественно. Рёрах прикрикнул на них строго. Волки крутились совсем близко, нагло глядели на огонь. Огня они не боялись, боялись людей. Серега вытянул из налуча лук, но только наложил стрелу, как самый наглый зверь, усевшийся буквально в двадцати шагах, тут же вскочил и серой тенью метнулся прочь.

– Пустое, – проворчал старый вояка. – Они не полезут. Вишь, брюхи набиты.

С точки зрения Сереги, «брюхи» у волков были довольно тощие, но деду виднее.

Рёрах сгреб костровые угли в сторону. Кинул на теплое место старую медвежью шкуру.

– Давай спать, – распорядился он. – Если что – лошади разбудят.

Серге сначала было стремно спать, когда совсем рядом тусуется волчья стая, но усталость взяла свое: уснул. Проснулся от холода – огонь уполз дальше по сухим стволам. Волки ушли. Духарев встал, еще раз сгреб уже почти остывшие угли, перетащил шкуру вместе с дедом, улегся рядом и спал до самого света.

Утром, позавтракав, смастерили из пары запасных лыж сани, привязали к ним лосиную тушу. Тащить ее пришлось Пеплу. Сам Духарев, чтобы облегчить коню жизнь, пошел рядом. Так было даже приятнее, чем стирать ляжки в седле.

«Надо бы у дедушки стремяна попросить», – в который раз подумал Духарев.

Себе. Варягу стремяна были без надобности. Он и с искалеченной ногой сжимал конские бока будто клещами. Серега так не мог. Старый вояка рассказывал: когда он еще маленьким был, отец давал ему круглую чурку, которую надо было держать между коленями. Сначала деревяшку, потом камень. После такой тренировки можно было без всяких стремян и конем управлять, и стрелять из лука на всем скаку. Правда, драться на мечах соплеменники Рёреха, он сам это признавал, предпочитали, стоя на собственных ногах.

Глава двадцать первая

Волохова обитель

К Волохову капищу добрались к полудню следующего дня.

На заросшем лесом холме стоял кругом невысокий тын. На тыне, желтыми «украшениями» – черепа. Медвежьи, волчьи, человечесь, «демократично», вперемежку.

Старый вояка сполз с седла, толкнулся в ворота.

Ответом ему было злобное рычание. Не собачье, медвежье.

– Эгей! – гаркнул варяг. – Гостей привечать будем или как?

Мишка за тыном заревел еще свирепее.

– Не слышат, – заметил Духарев.

Он с большим интересом наблюдал, как исполненный сознания собственной важности варяг выйдет из ситуации.

Варяг из ситуации вышел достойно. Вскарабкался обратно в седло, откашлялся, приставил ладони к губам... и испустил леденящий душу вой такой силы, что конь под Духаревым шарахнулся, а варягова лошадка аж присела от ужаса.

На медведя по ту сторону забора могучий звук тоже, вероятно, произвел впечатление. Потому что рычать мишка больше не осмеливался.

Варяг глотнул из фляжки – промочил горло.

Ворота с натужным скрипом приоткрылись. За воротами обнаружился придурковатого вида парень, босой, в ветхой дерюжке, и скрюченная бабка с клюкой, плотно упакованная в меха.

Въехали. Парень запер ворота. Вокруг всадников завертели кудлатые крупные псы. Собственно, их больше занимали не всадники, а лосиная туша. Варяг наехал на них. Один из обиженных его грубостью псов попытался цапнуть варягову кобылку, но схлопотал от ее наездника древком по морде и с визгом удрал. Остальных разогнала бабка, орудующая своей палкой с нестарческой лихостью.

– Никак сам Рёрах-ведун пожаловал! – проскрипела она.

Из огромной конуры выглянул мишка. Закосолапил к ним, гремя цепью. Серега взялся было за рогатину, но прикинул, что длины цепи до них не хватит, и успокоился.

– Где все? – спросил варяг, спешиваясь.

Духарев последовал его примеру.

– Дык праздник! – удивилась бабка. – Где народ – там и волохи. На требище. Здеся токо я, старая, да вон дурень. А это кто с тобой?

– Ученик.

– Ой как! И никак из кривичей? – Бабка прищурилась... И вдруг свирепо замахнулась клюкой: – Сгинь! Сгинь! Кыш отседа, злая сила!

Сергеа еле успел увернуться – едва палкой по голове не схлопотал.

– Взбесилась, ведьма старая? – поинтересовался он.

– Хорошо ты, Шорка, гостей привечаешь! – захохотал варяг.

– От таких гостей мясо слезет с костей! – сварливо проскрипела старуха, описывая клюкой замысловатые кривые. Пальцы ее свободной руки при этом сплетались и расплетались, образуя хитрые фигуры.

Справа от них мишка мощно скреб землю. Видно, рассчитывал подтянуть ее к себе вместе с лосиной тушей.

Старуха вдруг села на снег и часто задышала.

– Че, не выходит? – ехидно поинтересовался варяг. – Ты, старая, лучше подумай малость: стану ль я с кромешником по лесу раскатывать?

– Дык видно ж! – обиженно заявила старуха и надсадно раскашлялась.

– Да что тебе видно, осине корявой! – в сердцах буркнул Рёрах. – Давай в дом веда да кашей корми. А дурню своему вели баню растопить, понятно?

– Чего ж непонятного. – Бабка, кряхтя, поднялась со снега, отряхнулась. – Обычай знаю. Токо ежели ты кромешника привел, Медогар ты в барсука обернет. Не, не в барсука, в росомаху. Она к твоей природе ближе будет! – Старуха хихикнула и заковыляла в дом. А Рёрах с Сергеем двинулись к конюшне. Судя по тому, как хорошо варяг ориентировался на здешнем подворье, был он тут далеко не впервые.

Глава двадцать вторая

Банька

Рёрах и Духарев валялись на деревянных лавках, завернувшись в льняные простыни, поочередно черпали ковшом из кадушки холодный ядреный квас (Сергеа предпочел бы пиво, но и квасок был хорош) и вели неспешные речи на банные темы. Начали с веничков (Рёрах отдавал предпочтение можжевельным и дубовым), а затем как-то незаметно перешли на сакральное. До сих пор Сергеа считал, что хорошенько попариться полезно для здоровья и приятно для организма, ну и, разумеется, пивка попить в хорошей компании, поболтать о том о сем... И тут Духарев с крайним удивлением узнал, что варяг придает простому «помыться-попариться» ну просто мистическое значение, а парную

рассматривает едва ли не как вход в преисподнюю. И каждому элементарному действию, вроде «поддать парку», придается некий особенный символический смысл. Вот бы удивились Серегины питерские кореша!

Варяг поучал, Серега слушал вполуха, расслаблялся и думал о том, что не худо бы пожрать, но вставать лениво. Рёрах отпарил его очень качественно. Ежели человек может в две руки мечами махать, так неужто с вениками не управится? Но Духарев тоже в грязь лицом не ударил и так прошелся по дубленой варяговой шкуре, что у того даже многочисленные шрамы побагровели.

– ...Не слушаешь! – констатировал Рёрах, с презрением глядя на ученика. – А зря. Только и будет в тебе умения, что железом рубить да весло vorочать. Никогда те с таким понятием своим хирдом не водить!

Варяг уселся, взял свой протез, собираясь приспособить на место.

– Чем водить? – удивился Духарев.

– Хирдом, дурная голова. Так нурманы ватажку воинскую называют.

– Так я ж не нурман, – резонно заметил Духарев.

Тук! – деревянное основание протеза больно хлопнуло Серегу по макушке.

Духарев подскочил, потирая ушибленное место, с опаской поглядел на наставника.

Варяг ухмыльнулся.

– Однако, кость, – заметил он. – Я думал: деревьяха.

– Шутки у тебя... – пробормотал Духарев и потянулся за одеждой. – Кормить нас будут?

– А ты понюхай, – предложил варяг.

Серега понюхал, но нос его не уловил ничего съестного.

– Горе с тобой, – сказал варяг. – Мясом жареным пахнет. Не иначе лосенка твоего пекут.

– Тогда хорошо, – кивнул Серега и нацепил цепочку с крестиком.

– Ты б его лучше спрятал, – посоветовал варяг. – Мне-то без разницы, но многие тут вас, христиан, не любят.

– Да? – переспросил Духарев. – Ну так это их трудности.

– А если сам Волох обидится?

Серега поглядел на варяга: серьезно говорит или так, испытывает?

Изуродованное лицо старика было непоницаемо.

– Ну, не знаю, – Духарев пожал плечами. – Если я крест сниму, я ж христианином быть не перестану. Неужели твой Волох без крестика во мне христианина не признает? А уж с людьми я как-нибудь разберусь. Твоими

науками.

– Даже не вздумай! – строго сказал варяг. – Только попробуй здесь кровь пролить, дурень тупоголовый!

– А что будет?

– Смерть тебе будет! – отрезал Рёрах. – Волох только одну кровавую жертву принять может, а за иное – по башке да под лед.

– Ага... Понял, – пробормотал Серега. А через некоторое время спросил: – Рёрах, а о какой кровавой жертве ты говорил?

Варяг ухмыльнулся:

– Придет время – узнаешь. Если повезет.

Глава двадцать третья

Карнавал по-волоховски

Они вернулись, когда белое зимнее солнышко прошло три четверти своего дневного пути. Ввалились во двор шумной толпой, с воплями, ревом, улюлюканьем. Их было так много, что на подворье сразу стало тесно, а перепуганный мишка смылся в свою здоровенную будку и выглядывал оттуда с большой опаской. Гремели барабаны, трещали трещотки, гудели, свистели и мычали дудки, бренчали и звякали бубны, успешно соперничая с зычными глотками.

Признаться, Духарев, вышедший во двор вместе с наставником, даже слегка обалдел, увидев эдакое нашествие невиданных зверей. Он на какое-то время решил, что это нахлынула армия лесной нечисти: всяких там леших и кикимор, о которых так занимательно рассказывал Рёрах. И только приглядевшись, убедился, что это не лешие, не гориллы и даже не медведи, а просто толпа людей, обряженных в меха и шкуры, навесивших на себя всякие финтифлюшки и размахивающих совершенно уж невообразимыми предметами. Например, один здоровенный мужик в оленьей шкуре был счастливым обладателем загнутого мамонтового бивня килограммов на сорок, не меньше. Мужик приплясывал и вертелся. Выставляя бивень перед собой, мужик активно изображал из себя секс-символ.

«Если он уронит его на ногу, экстаз ему обеспечен!» – подумал Духарев. И тут его внимание переключилось на более интересные персонажи. Например, на нечто очень и очень аппетитное, с круглой розовой попкой и другими интересными детальками, не менее увлекательными. Это «нечто» вертелось и подпрыгивало перед самым крыльцом с такой быстротой, что меховая одежда разлеталась в стороны.

Время от времени нечто приостанавливалось в очень пикантной позе, в которой под меховым прикрытием оказывалось то, что обычно доступно взгляду, а то, что, как правило, спрятано от посторонних глаз, наоборот, щедро подставлялось нежарким солнечным лучам и куда более горячему и пылкому взору Сереги Духарева. Истосковавшийся организм Сереги немедленно отреагировал, причем не ограничился слюноотделением и повлажневшими ладошками.

– Иди, попляши, попляши! – гаркнул варяг, сопроводив слова энергичным толчком в спину, от которого Духарев слетел с крыльца, воткнулся во что-то меховое, обхватил это что-то и убедился, что под мехом спряталась парочка гладеньких и теплых зверьков...

– И-и-и-и! – ликующе взвизгнула их счастливая обладательница, длинные светлые волосы которой смешались с кудлатым париком из конского волоса, взвизгнула, уткнулась головой в утоптаный снег и дернула Духарева за то, что Серега абы кому дергать не позволял. От неожиданности Духарев выпустил блондиночку, та перекувыркнулась через голову – мелькнули голые ляжки и то, что между ними, – и, еще раз взвизгнув, смешалась с прочими танцорами. Серега слегка опешил, но толпа уже захлестнула его, завертела. Кто-то сунул Духареву в руку желтый бычий рог, кто-то нахлобучил на макушку нечто вроде огромного вороньего гнезда. Все вокруг бренчало и трещало, выло и визжало.

«Ах ты мать твою! – подумал Духарев. – Гулять так гулять!» Испустил могучий клик «боевого динозавра» и завертелся, запрыгал еще шибче прочих, поскольку был сыт, свеж и силен.

Эт-то было кла-ассно! Супер! Улет!

Серега был весел и пьян в дугу, хотя даже кружки пива не выпил. Он неистовствовал, как нажравшийся «эксти» дискофил. Но он был круче! Он был такой крутой, что земля под ногами была, как батут, а руки – как лопасти турбины. Бычий рог он где-то потерял – ну и хрен с ним. Серега хватал тех, кто подворачивался под руку, и швырял вверх. Некоторых потом ловил, некоторых ловить забывал, но они все равно падали на мягкую кучу-малу, которая образовалась вокруг. А потом в эту кучу затянули и Серегу, и как-то так вышло, что уже через секунду Духарев оказался без штанов и прочего и ворочался, голый, на жестком меху, пока не подмял под себя какую-то ведьмочку с размалевой черным и красным мордочкой... А затем ведьмочка красно-черная куда-то сгинула, и Серега окунулся в прелести рыженькой, как лисенок...

– Значит, это твой ученик. – Медогар, большой волох, здоровенный, почти Серегиного роста, с бородищей, заплетенной в косы, и такими

блестящими живыми глазами, что впору шестнадцатилетней девчонке, а не сидящему мужчине.

– Мой, – кивнул Рёрах.

– Хорош, – отметил волох и подмигнул Духареву. – Слышал я, Шорка ты палкой со двора гнала?

Серега оглянулся на варяга. Рёрах только ухмыльнулся.

– Было дело, – признал Духарев.

– За что – знаешь?

Серега пожал плечами.

– Может, головкой слабая? – предположил он.

– Ишь каков! – сказал не то с одобрением, не то с осуждением Медогар, обернувшись к Рёраху. – Что ты хочешь для него, ведун?

– Хочу знать, – строго произнес варяг.

– Ты – ведун, – заметил волох.

– Я не вижу, – с ощутимым недовольством сказал Рёрах.

– Что дашь?

– А чего тебе надо?

Медогар усмехнулся и снова подмигнул Духареву.

– Моему твой ученик люб, – сказал волох. – Не полон он здесь. Как ты. А жизни в нем – поболее, чем у тебя.

– Я старый, – бесстрастно произнес Рёрах.

– Поболее, чем у молодых, хоть и не наш он, – заметил Медогар. – Равных ему я днесь не видал. Что скажешь?

– Я *вижу*, – с упором ответил Рёрах. – Что ты хочешь?

– Крови его хочу.

«Ну вот, приехали!» – забеспокоился Духарев.

– Мало тебе той крови? – Варяг усмехнулся.

Он и не думал протестовать: похоже, вампиры устремления волоха не вызвали у Рёрах протеста.

– Чистой крови хочу! – заявил волох. – Дашь – попрошу *моего* приподнять завесу. Не дашь... – Волох нахмурился.

– Что тогда? – с ухмылкой осведомился варяг. Грозный взгляд волоха его несколько не испугал.

– Тогда будете гостями у нас три дня. А потом идите своей дорогой. Вражды между нами нет.

– Добро, – кивнул Рёрах. – Будет тебе чистая кровь. Он у меня парень крепкий.

Глава двадцать четвертая

Жертвоприношение

Все попытки Духарева вызнать что-то о предстоящей процедуре разбивались о глухую стену молчания. Варяг, услышав вопрос, демонстративно отворачивался. У Сереги даже появилась мысль: свалить, пока еще не поздно. Но он не очень-то представлял, как это сделать. Оружия у него не было. Гостеприимный дом, где их с Рёрехом разместили, представлял из себя один большой сарай со столами, лавками, тремя печами и целой прорвой всякого народу. Рёрах был единственным варягом в этом разномастном сборище. Но воины тут были, хоть и не варяги, и без оружия, но вполне узнаваемые. Если бы Серега твердо решил удрать, может, ему это и удалось бы. Но он, как учили, сначала прикидывал и присматривался: не бежать же в одной рубашке да на своих двоих. Эдак, по зимнему времени, и лыжи отбросить можно. В общем, пока Духарев прикидывал, да приглядывался, да, совершенно уж ни к чему, пытался угадать, с кем из этих веселых девчонок да бабенок он успел перепихнуться на шкурах под зимним солнышком, время ушло. В гостевом доме появились три внушительных волоха в волчьих шкурах и решительно двинулись сквозь толчею к Сереге Духареву.

– Пошли, – скомандовал тот, что постарше, с бородой и волосами чистейшего белого цвета.

– Иди, – сказал Рёрах.

И Серега пошел.

Повели его в баню.

– Да я мытый! – попытался протестовать Духарев, но протест был отклонен. Единственное, что смог сделать Серега, это стянуть с шеи крестик и спрятать его в кармашек сапога. На всякий случай.

После бани Духареву был устроен медицинский осмотр. В медкомиссию вошли три волоха и бабка Шорка. Обследовали его тщательно: обстукали, общупали, даже обнюхали, убедились, что ни паршой, ни геморроем Духарев не страдает, дотошно изучили каждый шрам и потертость... Особое недовольство вызвало состояние Серегиных зубов. А ведь он, наивный, считал, что зубы у него отличные. Всего полдюжины пломб.

В общем, складывалось такое ощущение, что его собираются в космос отправить, а не кровь пустить. Хотя, может, Медогар велел подчиненным удостовериться, что Серегина кровь действительно чистая.

Последней в дело вступила Шорка. Попрыгала около голого Духарева эдаким колченогим гномом, пощипала что-то из воздуха вокруг Сереги и под конец изловчилась и тюкнула его палкой по затылку. Духарев с огромным удовольствием отобрал бы у нее палку и поломал об колено. Лучше – об бабкино. Но не посмел. Уж с больно важным видом наблюдали волохи за Шоркиными манипуляциями: кивали, обменивались непонятными замечаниями. Один к одному: комиссия патологоанатомов, наблюдающая за проводящим вскрытие коллегой.

Когда Серегу в чем мать родила вывели во двор, там уже начало темнеть. У крыльца стояли крытые сани с упряжкой... из двух лосей. Серегу сунули внутрь, дали заячье одеяло, чтоб не замерз, зашнуровали вход – и тронулись.

Окна в повозке отсутствовали, но, судя по звукам, эскорт у Духарева был не маленький.

Ехали долго, Серега даже вздремнуть успел.

Возок остановился, заднюю стенку расшнуровали, и Серега вылез на свет. Вернее, во тьму, потому что была ночь.

Вокруг было много людей и почти столько же факелов. У трех опекающих Духарева волохов факелов не было.

Сереге жестами показали, куда идти, и он пошел, очень надеясь, что идти недалеко. К долгим переходам босиком по снегу Духарев был не приучен.

Серегины надежды отчасти оправдались. Пару минут они карабкались на поросшую соснами горку, а потом остановились... У входа в пещеру.

«Так, – подумал изрядно подмерзший Духарев. – Сначала в „моржи“, потом в спелеологи».

– Да иду я! – недовольно сказал Серега подтолкнувшему его в спину волоху.

Тот скроил недовольную рожу и приложил палец к губам. Дескать, подопытному говорить не положено.

Под землей было теплей, но не настолько, чтобы удалось согреться. Большая часть эскорта осталась снаружи, но когда Серега, спускавшийся вслед за двумя волохами по узкому коридору, оглянулся, то увидел позади длинную цепочку огней – и получил палкой по шее: не оборачивайся.

Целью путешествия оказалась низкая пещера с озерцом в центре. В пещере пованивало. Вроде бы тухлыми яйцами. Сереге дали понять, что ему следует влезть в озеро.

«Накаркал! – подумал Духарев. – Посвящение в „моржи-спелеологи“».

Его ждал приятный сюрприз. Вода оказалась горячей. Градусов сорок

пять. Воняло, кстати, именно от воды.

Сопровождающие выстроились вокруг и по знаку волоха, который «пас» Духарева, занялись вокальными вариациями на звериную тему: завыли, заревели, загоготали... В общем, как Серегины питерские кореша после пятичасовой пьянки: громко, заунывно, слов не понять... Зато дружно!

Выпить дали только Духареву. Волох-опекун время от времени совал Сереге в рот горлышко кожаного бурдюка. Внутри бурдюка был нелюбимый Духаревым мед, так густо насыщенный травами, что горечь полностью забила сладость.

Бурдюк был здоровый, литров на пять, и когда Серегу наконец извлекли из «ванны», от этих пяти литров не осталось и половины, а подземный мир вокруг Сереги кружился и качался, как после полутора бутылок водки.

«И с чего это я так окосел?» – подумал Серега.

Но настроение было оптимистичное.

Два волоха взяли Духарева под белые руки и повели дальше. В следующую пещеру, пошире и повыше первой.

Главным украшением этого помещения был здоровенный идол ржаво-красного цвета. Идол изображал сидящего дядьку, наклонившегося вперед, упиравшегося ладонями в колени растопыренных ног. Рожа у дядьки была грубая и малопривлекательная, борода струилась по груди и животу до самых первичных половых признаков, которые резчик изобразил с куда большим тщанием, чем идолову физиономию.

– А! – сказал идолу веселый Духарев. – Здорово, дед! Ты кто такой? – И с пьяной фамильярностью полез похлопать деревянного дядьку по мужским достоинствам.

– Не смей! – Резной посох уперся в живот, и Серега увидел Медогара.

– И ты тут? – удивился Духарев. – А ты что здесь делаешь?

Серегу подхватили и оттянули назад. Он не возражал.

– Нормально, пацаны, – пробормотал он. – Я вас всех люблю...

Четверо волохов принесли откуда-то квадратный помост и разместили меж пяток идола. Помост представлял из себя дощатую платформу, закрепленную на четырех столбиках. Поверх платформы был расстелен белый войлок, а на войлоке... привязанная за руки и за ноги, лежала на спине маленькая девчушка лет одиннадцати.

Серега с полминуты глазел на нее, изо всех сил пытаясь сосредоточиться, потом повернулся к Медогару.

– Слушай, – сказал он. – Ее-то зачем принесли? Ты вроде мне кровь

пускать собрался, я так понял?

Медогар покачал головой:

– Она – твоя, человек с половиной души. Она дана тебе, чтобы ты взял ее и смешал свое семя с ее чистой кровью.

До Сереги дошло не сразу. Но когда дошло, половина хмеля тут же выветрилась из башки.

– Ты что, дед, охренел? – спросил он. – Ей же еще года три минимум в куклы играть.

– Она готова, – не пытаясь скрыть нетерпения, произнес Медогар. – Приступай!

– Да пошел ты в жопу, козел бородатый! – разъярился Духарев. – Я не садист, понял! И детей не поганю! Понял, козлина?

Наверное, главный волох не ожидал от Сереги такого фортеля, потому что он был настолько обескуражен, что на несколько секунд утратил дар речи.

Но его подчиненные действовали решительнее. На горло Сереге накинута удавку, рванули в разные стороны...

– Нет! – взревел Медогар. – НЕ СМЕТЬ! ОТПУСТИТЬ ЕГО!

Ремни ослабели, и Духарев сорвал с шеи петлю.

Он оглянулся, прикидывая, как половчее выхватить у кого-нибудь посох...

Медогар шагнул вперед и положил ладонь на грудь Духарева.

– Я понял тебя, – произнес он без гнева. – Твои помыслы достойны уважения, но ты ошибаешься. Это чистое дитя богов уже уронило первую кровь. Поверь, она жаждет близости с тобой! Это – честь для вас обоих! Присмотрись к ней... – Он взял Серегу за локоть и подвел к помосту.

Наверное, волох был прав: малышка созрела для взрослых игр. Наверное, она была симпатичная: беленькая, кожа гладкая, животик...

Наверное, зря он возмутился. У них свои обычаи, и это все-таки лучше, чем перерезанное горло.

– А можно ее хотя бы отвязать? – попросил Духарев.

– Нельзя, – спокойно ответил Медогар. – Возьми ее.

Серега присел на корточки, положил ладонь на влажное бедро и почувствовал, как малышка дрожит. Личико у нее было маленькое, круглое, губы – влажные, ротик приоткрыт...

– Я, наверно, не смогу... – пробормотал Серега.

– Сможешь, – настойчиво проговорил Медогар. – Мы знаем, как ты силен. Если ты не сможешь – он разгневается. Большая беда будет. Всем.

– Да не могу я... – сердито сказал Духарев. – Не понимаешь, что ли?

Это твоя идея! Придумай что-нибудь!

Медогар нахмурился... Но через мгновение лоб его разгладился. Он подозвал одного из волохов, пошептал ему на ухо. Тот поспешно удалился.

Ждать пришлось почти час. За это время Серега успел допить бурдючок, а волохи – дважды сменить факелы.

Посланный наконец вернулся. И привел с собой рыженькую.

Рыженькая, очень смущенная, быстренько разделась.

– Помнишь ее? – улыбнулся Медогар.

Серега помнил. Не лицо, конечно. Лица он тогда не разглядел, но все остальное помнил отлично.

– Ну это же совсем другое дело! – Духарев расплылся в улыбке. – С ней – хоть до утра!

Медогар покачал головой.

– Она поможет тебе обрести силу, – сказал он. – Но семя твое достанется не ей. Она не девственна.

– Вот блин! – пробурчал Серега. – Как вы меня достали со своими правилами!

Он справился. С помощью рыженькой. Но осадок остался крайне паскудный. Обидно! Такой хороший день испортили!

Настроение Духарева не улучшилось, когда, пообщавшись с Медогаром, Рёрах сообщил подопечному, что тот – большой прушник. Не умеет главный волох читать в людских душах – гореть бы сейчас обездушенному Серегину телу в очистительном пламени. За оскорбление божества не-действием.

Впрочем, общими результатами ночного «жертвоприношения» варяг остался доволен. Поскольку Медогар подтвердил свое обещание. Через пару дней, когда Духарев полностью восстановит силы, его снова отправят в «астральное путешествие». И с помощью волоха-человека и Волоха-бога выяснят, для чего он, Серега Духарев, явился на эту многогрешную языческую землю.

Глава двадцать пятая

Гулять так гулять!

А праздник все продолжался. День сменяла ночь, ночь сменял день... Еще в сумерках санный поезд: собачьи упряжки, сопровождаемые гурьбой лыжников, уносились на капище – к Хорсу, Дажьбогу, «светлому» Волоху и прочим «дневным» богам. Там язычники встречали солнце, ели, пили

(Сергеа подозревал, что и в еде, и в питье – изрядная примесь наркоты), затем катились обратно, уже в личинах, размалеванные, под бубны и дудки, с плясками вваливались на подворье, и уже через полчаса шкуры валялись на снегу, а разгоряченные тела мужчин и женщин содрогались в древнейшем из танцев. Самых выносливых хватало часа на полтора. Неплохой результат, учитывая предыдущие нагрузки. Потом был расслабон под ясным небом, под лучами Хорса, чей светлый лик за все это время ни разу не затмила тучка. Деловитые, облаченные в меха жрецы перешагивали через голые тела, раздавали и собирали чаши с горячим медом, иных, совсем утомленных, поили с рук. Тех же, кто вычерпался до доньшка, поднимали и уносили в дом. Насладившись групповушкой и позагорав, народ отправлялся обедать. После обеда наступал тихий час, вернее, несколько часов, после которых веселье возобновлялось с новой силой. В программу входили катания с гор, состязания в беге, борьба (без оружия) и всевозможные игры. В играх Серега с большой охотой принимал участие, но к победе не стремился. Дух соперничества в нем как-то ослабел, что особенно чувствовалось, если Серега присоединялся к веселью пораньше и успевал до обеда и на шкурах накувыркаться, и позагорать с кайфом. Никогда раньше он не думал, что можно загорать зимой. Оказывается, можно, и совсем не холодно.

С темнотой большая часть народа перемещалась под крышу, а меньшая часть отправлялась служить Волоху-темному. Непосвященные к этому ритуалу не допускались. Они могли подождать снаружи, что было, разумеется, не так интересно, как послушать пение сказочника или поиграть в угадайку.

Они все были как дети. Безусые юнцы, розовощекие девчонки и пышногрудые тети с бородатymi дядями. Мальчишка-подмастерье и плечистый воин, чьи руки испещрены шрамами, формально были равны и наравне участвовали во всех играх. А вот у Рёреха и, соответственно, у его ученика статус был особый. Прямо скажем, привилегированный. Например, понравилась варягу некая розовотелая девица, подозвал варяг волоха, показал на девицу мозолистым пальцем – а вечером указанная девица, весьма польщенная, оказалась у Рёреха в постели. Серега подозревал, что он имеет такие же права, но не опускался до того, чтобы по столь деликатному поводу обращаться к жрецам. Ему и так не отказывали.

Где-то на пятый день их пребывания у волохов Серега все же спросил у наставника, на каких правах они здесь находятся.

– Ты – на сорочьих, – ухмыльнулся варяг.

– А ты?

– А я... – Рёрах на мгновение задумался, потом нашел подходящее сравнение. – Император ромеев нанимает северных воинов, чтобы охраняли его от врагов. Этим воинам не обязательно любить императора, и поклоняться его богам тоже не обязательно, хотя и не запрещается. Воины служат императору, и он дает им деньги, пищу, женщин и позволяет развлекаться по собственному обычаю... Если они достойно несут свою службу. Я почитаю Волоха и служу ему, но я не раб ему и не жрец. Все понял, репка-сурепка?

Сергеа кивнул. Его такой подход тоже устраивал. Он тоже не раб языческого бога и поклоны бить ему не намерен. Но если выпал случай повеселиться, так почему бы и нет?

Однако все хорошее, равно как и плохое, рано или поздно заканчивается. В первую очередь это относится к праздникам.

Как-то вышел Сергеа Духарев на крылечко и увидел, как выводят из конюшни лошадок, разбирают сложенные штабелем розвальни. Увидел, как деловито суется вчерашние сотрапезники, а недавние подружки, смыв с бровей чернь, чистят снегом шкуры и сворачивают их рулончиками, прежде чем уложить в сани. И понял Сергеа – празднику конец. Началась обычная жизнь, и в этой жизни Сергеа им уже не нужен. Четверо гридней, может, из Полоцка, может, из Витебска или еще откуда, оседлали застоявшихся лошадок, шикуюя, разом взлетели в седла. Один наклонился, вручил волоху-привратнику мешочек. Деньги, вероятно. Другой засвистел и пустил коня вскачь, обгоняя сани и пеших. Остальные пустились за ним. Звонкий девичий голос что-то крикнул им вслед.

Сергеа неприкаянно бродил по двору. На него обращали внимания не больше, чем на обленившихся кудлатых псов. Кто-то толкнул его в поясницу. Духарев обернулся. Мишка. Такой же неприкаянный. Сергеа почесал ему лоб. Мишка печально вздохнул.

– Серегей!

К Духареву спешил волох.

– Идем, Серегей! Медогар кличет.

**Глава двадцать шестая,
в которой Сергеа Духарев снова глядит в воду и узнает
довольно неприятные новости**

– Будут тебе видения, – наставлял Медогар. – Будут тебе картины от тех, кто любит тя, кого ты любишь, кто думает о тебе в этот час или

помнит. Но ты картинами не прельщайся! Гони их прочь и тянись в самое нутро, пока двойня своего не увидишь. А уж его хватай и держи. Он оборачиваться будет: может, змеей, может, волком иль огнем, но ты не бойся. Зла он тебе не сделает, потому что он – это ты. Держи его крепко, а как устанет он оборачиваться, то просить будет: отпусти меня. А ты ему и скажи, не голосом, сердцем скажи: «Кто ты есть, и от кого твоя силушка?» И слушай его, но уже не сердцем, потому что сердце он обманет, а разумом мертвым слушай...

А зелье уже действовало. Чувства обострились, мир стал четче и объемней, проник внутрь, стал частью Сереги. И Духарев тоже стал частью мира. Легко.

– Гляди, – велел волох, нажимая на Серегин затылок и наклоняя его голову книзу, к поверхности прозрачной талой воды. В воде плавали редкие льдинки, а сквозь нее просматривалось неровное дно медного таза. – Гляди!

Серегу потянуло книзу, нос его едва не коснулся воды...

Волох одобрительно зацокал языком. Совсем по-беличьи. Рёрах ухмыльнулся. Серега не видел, но слышал, как старый варяг самодовольно кривит рваную губу...

– Ты гляди, гляди, молодец! – внезапно ударил в ухо голос Медогара, и Серега обнаружил, что уже довольно долго сидит не шевелясь, наслаждаясь своим состоянием...

Опомнившись, Духарев посмотрел в таз. Тонкие льдинки растаяли. Вода была гладкой, темной. Теперь в ней отражался огонь лучины и, смутно, – Серегино лицо. Может, это и есть двойнь, о котором говорил Медогар?

Духарев потянулся к отражению, к воде, под нее, ощутил, как эта талая влага незримо связана со всей влагой мира. С ее источниками, реками, морями... У нее не было дна, и в эту бездонность всегда уходила жизнь. И приходила тоже из нее.

«Сейчас, – подумал Серега. – Я сделаю, что велено. Только разок погляжу, как они там».

Одной мысли было достаточно, чтобы Сергей увидел Сладу. И увидел не дома, не в лавке, а в совсем незнакомом месте, какой-то захлавленной комнатухе без окон. Впрочем, занималась Слада делом привычным: растирала что-то в ступке. Минуту спустя дверь в каморку-чуланчик открылась. Слада подняла голову, и Духарев понял, что она недавно плакала. Слада встала, сделала шажок. Маленький. Ноги ее были скованы цепью!

Вошедший протянул руку, девушка вручила ему небольшой пакетик. Человек повернулся и вышел. Но в самый последний момент Духарев узнал его и вспомнил: один из приказчиков Горазда...

Сильный толчок, резкий запах, резанувший ноздри.

Духарев дернулся, отстранился, сморщился от вонючего дыма. Волох тут же загасил чадающее пламя, передал железную чашку варягу, взял другую, с питьем, влил Духареву в рот какую-то дрянь, затем крепко взял Серегу за уши и целую минуту мял их довольно жестоко.

Когда остатки транса выветрились из Духарева, а осталась только слабость и сердцебиение, волох оставил его истерзанные уши и развернул Серегу к варягу.

– Ты что сделал, репка-сурепка? – рыкнул Рёрах, приблизив к Серегиным глазам изуродованное лицо. – Я тя для чего сюда привел? Корень твоего духа искать я тебя привел! А ты, недоумок, что сделал?

– Не кричи, – пробормотал Духарев.

Язык шевелился трудно.

– Не кричи, – прошептал он. – Завтра еще раз сделаем. – И услышал короткий смешок Медогара.

– Совсем дурной, – сказал Рёрах, обращаясь уже к волоху.

– Он не знает, – отозвался жрец. – Ты ему не сказал. Завтра нельзя, Серегей. До нового месяца нельзя. Кто часто за край глядит, того туда и утянет.

– Тогда все, – Духарев встал. Его пошатывало. – Рёрах, мне надо ехать.

– Надо? – мохнатая бровь поползла вверх.

– Извини, дед! Надо! Оседлай мне Пепла. У родичей моих беда.

– Обождут, – отрезал варяг.

– Что говоришь, ведун! – воскликнул Медогар. – Что говоришь! Род – это свято!

– Да куда он такой поедет? – фыркнул варяг. – Свалится в сугроб по дороге!

По тому, как отрывисто говорил Рёрах, Духарев сообразил: дед смущен волоховым упреком. Потому что поначалу и вовсе не собирался отпускать Серегу по родственным делам.

Чихал он на проблемы духаревских родичей.

Но сейчас он был прав. Не усидеть Сереге в седле.

– Завтра и отправимся, – решительно заявил варяг. – Ты, Медогар, вот что: спать его в бане положи. Беззащитен он ныне. И девку подошли. Греть.

– Девку не надо, – возразил Духарев. – Сам согреюсь.

Волох и ведун переглянулись. И усмехнулись совершенно одинаково.

Мнение Духарева их интересовало не больше, чем мнение цепного дворового мишки. А может, и еще меньше.

– Я с ним посижу, – сказал Медогар. – Обороню. Не тревожься, ведун.

Снилась Сереге девочка на белом войлоке. Между деревянных колен идола. Серега склонился над ней, поцеловал и увидел, что это не та девочка, а его Слада. И рассердился Серега, потому что никому не разрешал приковывать ее цепями. И схватил он ближнюю цепь, и разорвал ее, как бумажную бечевку, а когда схватил вторую, то его самого схватила чужая рука. И пальцы у этой руки были из дерева: каждый – толще Серегиного запястья. Сжались эти пальцы – и захрустела кость.

Но Серега не сдался. Кинул свободную руку за спину, выдернул меч и отсек схваченную руку...

– Ой, злые ему сны снятся... – пробормотала девка, отирая пот с Серегиного лба.

– Не злые... – обронил Медогар. – Вещие.

Глава двадцать седьмая

В путь!

Старый варяг за базар отвечал конкретно. Ровно на третий день они покинули капище и отправились в обратный путь.

Еще через пять дней прибыли «домой», то есть к священному дубу. По пути Серега намекнул было, что желает побыстрее вернуться в Новый Торжок и накостылять кому следует. Предложил даже Рёреху составить ему компанию.

Насчет «побыстрее» варяг высказался в том смысле, что самая быстрая собака – это не та, которая первой кусает медведя, а та, которая после этого еще может кусаться. А насчет «составить» компанию заявил, что с таким пустячным делом Духарев и сам разберется, а если не разберется, так земля ему пухом.

Серега дулся на Рёреха весь обратный путь, но когда они оказались «дома», очень скоро обижаться перестал, поскольку по возвращении старый варяг со всей серьезностью занялся экипировкой Духарева. И снарядил его в дорогу так качественно, как сам Серега никогда бы себя не снарядил. Отдал Духареву Пепла! Вручил тугой мешочек, набитый иноземными серебряными монетами...

И еще подарил свой меч. Тот, что висел у деда в «спальне».

Подобной щедрости Серега от варяга даже и не ждал. Меч, равно как и

деньги, был из воинской добычи, привезенной с юга Рёреховой ватажкой. Добычи, на которую позарился жадный плесковский воевода, но которая ему так и не досталась. А сработан меч, по словам варяга, был даже и не у ромеев, а еще дальше, и в хорошей руке мог посечь или пробить даже ромеями сработанный панцирь или без вреда принять на тупую часть клинка вражий меч. Перебить такую сталь мог разве что тяжелый нурманский топор, каким с удара разваливают щит. Но отбивать дорогим подарком топоры Серега не собирался. Равно как и без толку рубить кольчуги и панцири. Еще бы Сереге дедушкин лук... Но варяг не предложил, а Духарев попросить не решился. И так старик одарил его сверх всякой меры.

Последний вечер, проведенный Духаревым в старом дубе, был посвящен картографии. Варяг вычертил на кусках бересты фрагменты местности, потом сложил их вместе, и получилась довольно внятная карта, включавшая в себя территорию от Новгорода до Смоленска и от Суздаля до Полоцка и Изборска. Здесь были все главные тракты и все озера и реки, большие и малые. Даже и без тайных троп – неплохое подспорье для путешественника. Серега прикинул, что понадобится не так уж много времени, чтобы добраться до Малого Торжка.

Утром следующего дня Духарев отправился в путь. Варяг проводил его до смоленского тракта.

– Я вернусь, – пообещал Серега.

Рёрах пожал плечами, мол, дело твое, повернул лошадку и уехал, а Серега целую минуту глядел вслед, ощущая, как будет ему не хватать этого замечательного деда...

Пепел нетерпеливо фыркнул, Духарев встряхнулся, поморгал, прогоняя из глаз влагу, и послал жеребца вперед. Впервые с того момента, как Духарев увидел над собой резную дубовую листву нового мира, у Сереги появилась конкретная цель. Конкретное дело. Доброе дело и ощущение силы, достаточной, чтобы это дело свершить... Что еще нужно человеку, чтобы почувствовать себя мужчиной? Да ничего!

Чсть третья

Варяг

Глава первая

Старые знакомые...

Мохнатые ноги Пепла весело топали по накатанному санями зимнику. До городка оставалось всего километров десять. Серега с удовольствием узнавал местность. Именно по этой дорожке он топал, прикидывая, куда его занесло. Память услужливо показывала картинки, оставалось только сделать поправку на зимний сезон.

Из ноздрей Пепла вырывались клубки пара. Вчера на постоялом дворе Серега купил полмешка овса. Осталась четверть. И от варяговых, данных в дорогу, денег – тоже осталась четверть. Но Серегу это мало беспокоило. Из-за уха у него торчала рукоять меча, за который дали бы столько серебра, что для него не кошель – мешок нужен. Но Духарев меча не продаст. Да и ни к чему. Денег он заработает, не проблема. По дороге Серегу уже дважды пытались нанять охранником. Еще бы! Благодаря росту и сложению Духарев смотрелся очень даже внушительно. А меч, да еще такой длинный, что сподручней носить на спине, а не на поясе, однозначно определял его профессию – воин. Не гридень, конечно, даже не дружинный отрок (у тех не только меч, но доспехи и прочая военная снасть), но конный и оружный. Идеальный кандидат в караванные охранники.

Было бы по пути, может, Серега и подрядился бы. Но оба санных поезда двигались на юг...

Задумавшись, Духарев расслабился. Выражаясь военным языком, утратил бдительность. Решил, что он такой важный и грозный, что все вокруг должны три раза приседать от почтения. Лоханулся, короче. Забыл, что не по Михайловскому парку катается, а меч – не сотовый телефон. Могут и отобрать.

Удалец сиганул на него прямо с ветки. Сидел тихо, а прыгнул лихо. Кабы не стремяна, полетел бы Духарев на утопанный снежок. И взяли бы его нежным и тепленьким. Но стремя выдержало, и подпруга не лопнула. Пепел гневно заржал, вскинулся на дыбы... Серега, опять чудом, не вылетел из седла – ведь на шее у него висел «грузик» килограммов под семьдесят. Духарев вцепился в гриву, разбойнички, выскочившие на дорогу,

шарахнулись от молотящих воздух копыт. Пепел под двойной ношей едва не опрокинулся, попятился, но удержался, тяжело осел на передние ноги и рванул галопом, только оснеженные ветки замелькали.

– Стой! – рявкнул Духарев.

И жеребец встал. Нет, не зря Рёрах наставлял приучать коня к голосу. Руки-ноги могут быть и заняты. Так и вышло. Руками Серега в этот момент отрывал от себя нежданного попутчика, всерьез вознамерившегося Духарева задушить. Но у Сереги были другие планы, и через секунду «прыгун» взмахнул конечностями и полетел в сугроб. Приятели «прыгуна», пустившиеся было за ускользающей добычей, разом остановились. Пешему за конным гнаться – пустой номер.

Но Серега убежать не стал. Он был сердит. В первую очередь – из-за собственной оплошности. Развернув Пепла, он поглядел на лесных хулиганов, остановившихся шагах в двадцати. Увидел, что оружия дистанционного боя при них нет, а есть деревянные рогульки очень знакомого вида. И рожи у хулиганов раскрашены очень даже знакомо.

Неудачливый прыгун тем временем выкарабкался из сугроба и припустил к своим.

Серега усмехнулся. И спрыгнул на землю.

Приласкав Пепла, он закинул повод на луку седла и не спеша двинулся к старым знакомцам. Те же убежать не спешили, напротив, разошлись полукругом, изготовились. Шестеро на одного – обнадеживающий расклад. Это потому, что они еще не видели Серегу в деле. Или наоборот: видели – и вспомнили? В таком случае шаловливых мальчиков ждал небольшой сюрприз.

Двое разбойничков, что стояли в середке, попятись. А те, что по краям, – нет. Маневр был очевиден, как мухомор на полянке. Серега сделал вид, что купился, а когда снежок заскрипел под ногами подбиравшихся со спины удалцов, оглядываться не стал, просто выдернул клинок да и закрутил двумя слившимися воронками. Шажок назад – один хитрец прыснул в сторону, другой, напротив, сунулся вперед, понадеявшись, что его рогулька длинней клинка.

И рогулька стала на метр короче.

– Ай-яа-яй! – укоризненно произнес Духарев. – Ехал я спокойно, никого не трогал, не обижал, а вы что же?

Голос его был ровен и спокоен, хотя меч летал вокруг стрекозиным крылом.

– Ехал – и езжай, – так же спокойно отозвался один из разбойников.

Все шестеро держались от Сереги на порядочном расстоянии.

Наверняка прикидывали, как, в случае чего, сделать ноги.

– Кто из вас Перша Лебеда? – спросил Духарев.

– Я, – чуть помедлив, признался тот, что говорил.

– Я тебе кое-что должен, – сообщил Духарев. – Надо вернуть.

– Давай, – ледяным голосом ответил Лебеда.

Нет, не соврал Гораздов приказчик: очень похоже, что был когда-то гриднем Перша Лебеда. Кто знает, может, он и сейчас со своей палкой стоит Серегиного клинка?

Духарев опустил меч, воткнул в снег. Под пристальными взглядами разбойников развязал кошель, выудил серебряный резан.

– Брал медью – возвращаю серебром, – сказал он и швырнул резан Лебеде под ноги.

Лебеда поглядел на резан, почти неотличимый от снега.

– Я тебя не знаю, – произнес он с легким замешательством. – Кто ты?

– Меньше знаешь – дольше живешь! – с важностью изрек Духарев.

Повернулся к разбойникам спиной и двинулся к коню. Если бы попытались напасть, он бы услышал. Но ватажка нападать не стала.

Глава вторая

...И старые друзья

Малый Торжок утонул в снегу. Сугробы поднимались до половины стен. Белая гора, белые крыши, белая шапка на кремлевской башне. А внизу – белая лента замерзшей Сулейки, исчерченная узкими полосками от лыж и широкими – от саней. У берегов чернели вмерзшие в лед причалы.

– Кто таков? – Скольдов отрок, стражник у ворот, встал на пути Духарева, предупреждая подняв сулицу. Заметил, значит, меч за спиной.

– Не признал, Выдр? – Духарев соскочил с коня, мотнул головой, стряхивая снег с отросших кудрей.

– Серегей? – не очень уверенно спросил отрок.

– Я, – подтвердил Духарев.

– Ишь как оно! – Отрок оглядел Духарева и его жеребца с явным одобрением. – Степной коник, я чай?

– Хузарский.

Отрок опустил копье, потянулся к конской морде.

Пепел тут же прижал уши и нацелился куснуть, но Выдр убрал руку и засмеялся.

– Добрый коник, – произнес он с удовольствием. – Откуда?

- На смоленской ярмарке взял, – ответил Духарев.
- Много отдал?
- Четыре гривны.
- Не дешево... – покивал Выдр. – Отдашь мне за пять?

Сергея погладил Пепла. Тот ткнулся в ладонь мягкими губами. Морковку искал.

- И за десять не отдам, – сказал Духарев. – Он теперь мой.
- Да я так спросил, – не особо огорчился отрок. – Мало ли...
- Войти-то мне можно?
- Входи, – Выдр отодвинулся, уступая дорогу, и Духарев, ведя Пепла в поводу, двинулся наверх, к родному дому.

Дом стоял пуст. Ни утвари, ни живности – ничего. Холодная печь, стылая изба. В хлеву даже сена нет. Во дворе – ничего. Только ведро у колодца. Сергей ждал худого, но в самое худое верить не хотелось. И до самого конца не хотелось верить в то, что привиделось.

Сергея отвел жеребца в хлев, снял сумки, расседлал, подсыпал овса. Когда вышел, увидел соседку. Поздоровались.

– Ить ты зря тут располагаешься, – заметила женщина. – Это теперь не ваше.

- А чье? – нахмурился Духарев.
- Гораздово.
- А мои где?
- У него ж.
- Это как так? – мрачно спросил Сергей.

Женщина смутилась.

– Ты лучше дружка своего расспроси, – посоветовала она. – Чифаню.

Чифаню Духарев отыскал в Любимовой лавке. Чифаня резал пояс. Тут же был и Сычок.

– Здорово!

– Здравствуй! – Чифаня даже улыбнулся сначала, но тут же помрачнел. А вот Сычок обрадовался искренне, сгреб Сергею в охапку, стиснул по медвежьим. Духарев еле высвободился.

– О! У тебя меч! – закричал новгородец. Глаза его заблестели. – Покажь!

Духарев закинул руку, привычно выдернул длинный клинок. Аккуратно, чтоб не задеть низкую балку.

– Ух ты! – восхитился Сычок. – Эк ты наловчился!

Сергея не удержался, похвастал: вертанул меч двойной петлей. Сычок отшатнулся. Любою отшатнется, когда перед глазами с шорохом рвет воздух смертоносное лезвие. Любою, кроме воина. Духарев понял это – и

устыдился. Бросил меч обратно в ножны.

– Чифаня, – сказал он. – Где мои?

– Горазд взял, – не поднимая глаз от работы, произнес внук Любима.

– Как?

– За навет.

– Да он... – воскликнул Сычок.

– Помолчи, – зло, не по-приятельски, а по-хозяйски оборвал его Чифаня. – Я говорю. Когда ты пропал, Серегей, Слада сказала: на вас Горазд со своими людьми напал.

– Верно сказала, – подтвердил Духарев.

Чифаня пожал плечами: теперь-то какая разница?

– Горазда в городе не было, – продолжал он. – Только к зиме вернулся. Князь полоцкий за данью приехал, и Горазд с ним. Мыш пошел на Горазда жаловаться. Я ему говорил: глупость, но он не послушался, дурачок! Пошел. А у него один видак, да и то девка. А у Горазда – полная дюжина. И гневом Перуна он поклялся: нет тебя у него, и никому он тебя не продал.

– Не соврал, – кивнул Духарев. – Я от него сбежал.

– Надо было тебе в город вернуться, – сказал Чифаня. – А так... В общем, перед Перуном с Гораздом не Мышу биться. И заступников у него не нашлось. А князь полоцкий с Гораздом дружен, вот и присудил: за лжу на княжьем суде с Мыша виру в двадцать гривен. И Горазду за навет – десять. Сроку дал – два дня.

А у Мыша всего – девять гривен нашлось. Хотел дом продать – никто не купил. Горазд – муж большой, советник, с князьями дружен, Скольд его слушает. Кто с ним ссориться станет из-за девки и мальчишки? Не добыл Мыш денег. Виру за него Горазд заплатил, а их со Сладой к себе холопами взял... Да ты не думай! – быстро проговорил он. – Горазд их не забижал! Чего ему! Он же их продать хочет весной, в Киеве или еще где. Ты плохого не думай!

– Я плохого не думаю, – процедил Духарев. – Я только хорошее думаю. Например, об одном нашем знакомце, который для друга двадцать гривен пожалел!

Чифаня побледнел, но смолчал.

– Или скажешь, что не смог бы набрать два десятка гривен? – язвительно спросил Духарев.

– Это большие деньги, – не поднимая глаз, проговорил Чифаня. – Но я бы набрал.

– И что же тебе помешало? – осведомился Серега.

– Дед запретил! – отрезал Чифаня.

Все, разговор окончен.

Сергея повернулся и вышел вон.

Уже за рынком его догнал Сычок:

– Сергей! Стой! Да стой ты!

– Что нужно? – холодно спросил Духарев.

– Ты куда?

– К Горазду.

– Не ходи. Его в городе нет. Он с князем в Полоцк уехал. И твоих забрал.

– Значит, и мне в Полоцк, – отрезал Сергей.

– Ага... Понятно... – Сычок не отставал, тащился за Духаревым. – Слышь, Сергей... Ну зачем ты так? С Чифаней? – выдавил новгородец. – Он знаешь как горевал! Да не может же он старшего в роду послушаться! Да никто не сможет! Вот ты бы смог?

– Я бы смог, – сухо ответил Духарев и ушел, оставив Сычка застывшим посреди улицы с разинутым ртом.

За время его отсутствия в Мышовом доме кое-что изменилось. Во дворе, помимо следов Сереги и Пепла, появились еще чьи-то. Некто в больших валенках прошел через двор, заглянул в дом, а затем в хлев.

Духарев подошел к хлеву. За стенкой что-то бубнил мужской голос. Хотя следы, определенно, одного человека.

Сергея сильным толчком распахнул дверь...

Ба! Старый знакомец! Трещок!

Духарев недобро усмехнулся и шагнул внутрь.

Гораздов приказчик повернулся на звук.

– Ага, – сказал он совершенно спокойно. – Вернулся. Конь-то твой?

– Мой, – признал Духарев.

– Так себе конь, мелковат, – авторитетно изрек Трещок. – Гривны за полторы зачтется.

– Это ты о чем? – От Трецковой важности Серега даже слегка опешил.

– Брат твой Горазду двадцать гривен должен, – деловито объяснил Трещок. – Конь этот в уплату пойдет. В счет долга.

– А еще что скажешь? – с нехорошей улыбкой поинтересовался Духарев.

– Ты тож со мной пойдешь. – Серegiной усмешки Трещок не заметил, а если и заметил, то не понял, что она означает.

– Седло тож возьми, – продолжал он. – Седло старое, но на полгривны... Э-э-э! Ты чего это? – воскликнул он, увидав в Серegiной руке меч. – Ты чего это? – Трещок потянулся к ножу.

– Давай! – поощрил его Духарев. – Рискни слабым здоровьем!

Трещок попятился.

– Ты ж это... Биться не умеешь? – не очень уверенно проговорил он.

Пепел фыркнул. Очень уместно.

– Ты так думаешь? – ухмыльнулся Духарев... и вдруг коротко полоснул мечом. Трещок отпрянул, но недостаточно быстро. Отточенное жало клинка вспорол его полушубок от плеча до бедра. Только полушубок. Духарев пока не собирался его потрошить.

– Значит, не умею? – осведомился он, подсовывая ледяной клинок под бороду Трещка и дотрагиваясь до его горла. – Уверен?

– Н-нет...

– Жить хочешь?

– Тебе виру платить надобно будет... – пробормотал Трещок. – И головное...

– Я спросил: жить хочешь? Или – нет?

– Хочу!

– Где Горазд?

– В П-полоцк поехал.

– Мои – с ним?

Трещок покосился на уходящий под бороду клинок.

– Д-да!

– Из Полоцка до оттепели вернутся?

– Н-нет!

– Почему?! – рявкнул Духарев.

– Из Полоцка Горазд сразу в Киев пойдет! – быстро проговорил Трещок. – Сначала – к Днепру, а как вскрыется – на лодьи и вниз, к Киеву.

– Молодец, – похвалил Духарев. – Живи пока.

Он убрал меч в ножны.

Трещок вздохнул с облегчением. Поглядел, как Духарев седлает Пепла.

– Значит, со мной не пойдешь? – спросил Гораздов приказчик через некоторое время. – А ежели я гридням пожалуюсь?

– Не пожалуешься, – не оборачиваясь, ответил Духарев.

– Это почему же? – запальчиво спросил Трещок.

– А вот поэтому! – Духарев мгновенно развернулся и ударил наглеца кулаком в висок. Тот упал физиономией прямо в свежее Пеплово «яблоко». Духарев брезгливо перевернул приказчика носком сапога. Готов. Минимум полчаса проваляется.

Сергеа вывел Пепла (жеребец аккуратно переступил через лежащего) во двор, прыгнул в седло.

– Далеко собрался? – крикнул вслед всаднику Выдр.

– В Полоцк! – крикнул в ответ Серега.

Отрок поглядел, как уходит уверенной рысью серый жеребец, вздохнул и вернулся на свое бревнышко. Караулить.

Глава третья,

в которой Сереге представляется возможность на собственном опыте убедиться, что бывают случаи, когда хороший меч эффективней хороших законов

Санний путь сначала вел вдоль берега, а потом свернул вниз и сполз с берега на лед. Белая гладкая дорога. Слишком просторная для одинокого всадника. Ну не то чтобы Духарев был на ней таким уж одиноким... Вот побежал от берега к берегу лыжник, вот Серега обогнал санки, а вот навстречу – трое мужиков волочат здоровенную медвежью тушу.

– Эй! – окликнули Серегу. – Лошадку не одолжишь?

– Не могу, спешу! – отозвался Духарев.

Пепел, учуяв медвежий дух, заржал, шарахнулся.

– Тих-хо! – прикрикнул на него Серега, поддернув поводья.

Справа показался черный высокий тын. Городок. С высокого берега скатывались на санях ребятишки. Визжали, хохотали... Серега поглядел на них, и ему почему-то взгрустнулось.

Он тронул каблуками Пепла, и понятливый конь перешел с шага на ровную рысь.

«Все-таки как красиво у нас на Руси», – подумал Духарев, хотя и знал, что скажи он это вслух при любом кривиче – и тот наверняка возмутится, а потом начнет толковать глупому чужаку, что русь – это там, в Киеве, дружина княжья, да старшие мужи, да варяги, да нурманы... В общем, русь – это княжье, а тут земля вольная.

Духарев усмехнулся: вольная-то вольная, а дань князю платят. И киевскому, и полоцкому.

– Молодец! Эй, молодец! – с берега, спотыкаясь и оскальзываясь, бежала баба.

Сначала Серега хотел крикнуть ей обычное: «Спешу!», но что-то его удержало. Может, то, что чесала баба к нему слишком уж заполошенно. И одета была как-то слишком легко, не по сезону.

– Стой, – скомандовал Духарев, и конь послушно остановился.

Баба подбежала, бухнулась ничком в снег, прямо под копыта брезгливо

попятившегося Пепла.

– Ой, человек добрый! Ой спаси-помоги! – заголосила баба, запрокидывая вверх красное зареванное лицо. – Ой, защити, родимый, ради Хорса светлого! Оборони от убийцев-насильников, добрый человек!

«А ведь не шутит тетка!» – подумал Серега. Он спрыгнул на снег.

– Вставай! – скомандовал нарочито грубо. – Хорош выть! Поехали!

Сообразив, что дело сладилось, баба тут же умолкла, уставилась на Духарева снизу вверх с такой искренней надеждой, что у Сереги от взгляда ее что-то в груди предательски екнуло.

– Полезай! – рыкнул он, буквально забрасывая женщину на спину Пепла, хлопнул коня, и тот пошел вперед, а Духарев побежал рядом, держась за седло.

– Ой быстрее, родной, ой быстрее! – забормотала тетка.

– Ша! – оборвал ее Духарев. – Ну-ка говори толком, что у тебя стряслось.

И баба зачастила с пулеметной скоростью.

Серега понимал через два слова на третье. Общую суть. Суть же сводилась к тому, что муж у бабы – кузнец, причем живут они от мужнина рода отдельно. Сами, да две дочки, да сын, да холоп... Короче, семьей живут, а не родом, а родичи у них в трех поприщах, в городе Витебске.

И был у них недавно князь полоцкий Роговолт. То есть не то чтобы был, проезжал мимо с дружиной и дань взял. Сколько причиталось. Еще муж двух коней княжских подковал. Задаром.

А сегодня вот заявилися четверо. При оружии. Сказали: тоже люди княжьи. За данью. Да только не княжьи они, а лихие люди. Мужа прибили, холопа вообще убили до смерти. Говорят: кажи, где серебро-злато закопано, а не то железом жечь станем да дочек насильничать. А дочкам-то десять да восемь годков! Тут баба заревела и едва не вывалилась из седла.

Духарев прикрикнул на нее, и баба замолкла. Перепугалась, что бросит.

А между тем покрыли они уже с полкилометра.

– Далеко еще? – спросил Духарев.

– Да еще два раза по столько! – всхлипнула баба.

– След твой?

– Мой, – баба еще раз всхлипнула.

След был мощный. Баба на стрессе ломилась по сугробам, будто бульдозер.

– Слезай, – скомандовал Духарев.

Баба в ужасе вцепилась в седло.

– Да не бойся ты! Я один поеду, побыстрей. А ты уж как-нибудь ногами дойдешь. Дойдешь?

– Дойду, – всхлипнула баба и сползла с коня.

Духарев глянул на нее, быстро стянул куртку, бросил бабе:

– Накинь, простудишься!

Он не вспрыгнул, как обычно, в седло, а воспользовался стремянем. Устал. Пепел тоже устал, и, жалея, Духарев пустил рысью, а не бросил его в галоп. Однако ж не успел он проехать и полста шагов, как увидел, что между деревьями кто-то бежит. Серега придержал коня, на всякий случай приготовился.

Бежали двое. Топали друг за дружкой по пробитой в сугробе тропе. Один – оружный, с секирой на поясе, второй – только с ножом. Первый зыркнул на всадника. Морда раскрасневшаяся, борода взлохмачена.

– Прочь! – гаркнул на бегу.

Серега подал Пепла, уступая дорогу.

Второй протопал, даже не взглянув.

Серега развернул Пепла, тронул каблуками, скомандовал:

– Шагом.

– Вон она! – заревел один из бегунов. – Вон, вон! Ах ты стервь! Волчье семя! Ах ты!..

Баба истошно завизжала.

Духарев ударил каблуками в конские бока, отпустил поводья. Пепел с ходу взял в галоп, вмиг нагнал увлеченных преследователей. Серега привстал на коротких стремянах, откинулся назад и рубанул не наклоняясь, длинно и мощно, точно как рубил с седла воткнутые в землю ветки. Клинок упал – и взлетел, роняя алые брызги. Снесенная голова подпрыгнула и нырнула в сугроб. Густая кровь ударила в два фонтана, а безголовое туловище еще продолжало бег, еще тянуло вперед жадные руки...

Второй – он уже хватался за Серегину куртку на перепуганной бабе – почуял нехорошее или услышал глухие удары копыт, выпустил бабу, обернулся, рука его метнулась к поясу, где топор... Но Пепел уже летел на него грудью, разбойник явно не успевал поднять оружие. Он шарахнулся в сторону, уворачиваясь, так, чтобы оказаться слева от всадника, выиграть мгновение, поставить под удар застывшую с разъявленным ртом бабу...

Но Серега ему этого мгновения не дал. Жестоко осаженный Пепел обиженно заржал, развернулся влево, повинувшись воле всадника...

Разбойник только и успел, что вскинуть левую руку в отчаянной попытке уберечь голову. Попытке отчаянной и смешной. Лучше было б ему броситься на снег, под копыта... Клинок начисто отсек руку, полоснул

жалом по груди, разрывая одежду и мышцы, отбрасывая разбойника назад, опрокидывая... Но второй, последний удар настиг его раньше. Клинок, догоняя, упал между плечом и шеей, разрубил стеганую ткань, мышцу, ключицу, увяз, рванув вниз руку всадника. Серега мощным движением кисти крутанул меч, вырвал, взмахнул еще раз. Яркие капли полетели в снег, на рассевающую в снегу бабу, на Серегину куртку...

Упавший задержался, щедро орошая снег собственной дымящейся кровью, захрипел и умер.

Духарев развернул жеребца движением колен, принял к его гриве, шепнул в мохнатое ухо:

– Прости, мой хороший... Марш! – И Пепел, забыв обиду и усталость, рванулся вперед.

Через несколько минут всадник с запятнанным кровью мечом вынесся к распахнутой калитке, проскочил сквозь нее, впритирку, вылетел на широкое подворье.

Серега, еще на скаку, прыгнул с седла, мельком отметил раскинувшееся в снегу мертвое тело, услышал голоса, не из избы – из кузницы, в три прыжка одолел расстояние до дверей и ворвался внутрь.

Их было пятеро. Кузнец, прикрученный к столу, подтянутому к самому горну, две девочки и два негодяя. Одна из девочек плакала, вторая, младшая, даже плакать не могла от ужаса, потому что один из негодяев до самой шейки задрал ее рубаху, а второй держал у втянутого, бледного до синевы живота раскаленный железный прут...

При виде Духарева первый негодяй выпустил девочку, которая тихо осела на земляной пол, а второй, не раздумывая, метнул в Серегу прут.

Духарев присел, и прут вылетел во двор и зашипел, остывая в снегу.

Метнувший прут глянул туда, где стояли прислоненные к стене копыя, сообразил, что до Сереги вдвое ближе, чем до оружия, подхватил первое попавшееся – тяжелые железные клещи. Тот, что держал девочку, окинул Духарева грозным взглядом.

– Пошел прочь, смерд! – раздувая ноздри, рявкнул он. – Мы – княжьего посадника смоленского гриди!

– А мне по ...! – негромко, яростно произнес Серега.

Его меч описал в воздухе полудугу – смолянин или кто он там был, пригнулся, уклоняясь от удара в голову... И получил в пах.

Завизжал, как свинья.

Второй (в отваге ему не откажешь!) налетел на Духарева, размахивая клещами, – и остановился, выпучив глаза.

Жало меча выглянуло у него из спины. Негодяй силился что-то сказать,

но не мог. Серега физически чувствовал, как теплеет у разбойника внутри стальной клинок... И как от этого клинка растекается леденящий смертный холод по внутренностям разбойника...

Выражение его глаз постепенно изменялось. Ярость уходила. Вместо ярости проступало некое понимание, глубина...

Серега вынул у него из рук клещи и положил на стол. И с каким-то алчным вниманием наблюдал, как смерть медленно завладевает жизнью... Наконец опомнившись, Духарев толкнул умирающего назад, и тот упал навзничь. Серега взялся за рукоять двумя руками, наступил сапогом на живот разбойника, с усилием вытянул меч, повернулся ко второму... Тот перестал визжать, жадно уставился на Серегин меч.

«Добей!» – просил его взгляд.

– Сам сдохнешь, – буркнул Духарев и принялся отвязывать кузнеца.

Глава четвертая, в которой Серега стал значительно богаче, но к цели приблизился ненамного

Убитых зарыли в лесу. Со всем тщанием, поскольку они и впрямь носили княжьи золотые гривны, хоть были люди не Игоря киевского, а его смоленского посадника. Земля здесь, у самого торгового пути в Киев, еще считалась полоцкой, и кузнец, которого звали Чернокаш, мог бы пожаловаться Роговолту, тем более что тот совсем недавно получил свое. Но проку от этого было бы – пшик. Скорее всего, посадник смоленский отбрехался бы: мол, не мои людишки. А уж учинять розыск на своей территории точно не разрешил бы. Справедливость можно было восстановить только в одном случае: если бы вымогатели приехали в Витебск или Полоцк, а там Чернокаш опознал бы их и приволок на суд князю. Он бы, может, и приволок. Особенно в Витебске, где у него родня. Только пошли бы разбойники в Витебск? Как бы не так! А вот раскройся, что Серега зарубил княжьих «налоговых полицейских», виру ему выставят – по полной программе. По сорок гривен с головы, не менее. И даже разбираться не станут, поскольку по Правде так и выходит, а на такие деньги можно десяток гридней в бронь одеть.

В общем, зарыли поганцев основательно, хоть и пришлось попотеть, разбивая мерзлую землю. Зарыли, кровь да следы затерли, одежду сожгли, железо – в переплавку, две золотые гривны Чернокаш исплющил и разрубил на мелкие части. То же и с украшениями. Все ценное вручил

Духареву, отчего тот сразу же ощутил себя богачом, поскольку серебра-злата у насильников оказалось немало. Кузнец еще и от себя порывался добавить. Он вообще не знал, как Духареву угодить. Хотел Пепла подковать, но Серега воспротивился, так как Рёрах говорил: если по камням не гонять, лошадям без подков лучше. К печали Чернокаша, никакой готовой брони для Духарева у него не было. На разбойниках были обшитые железом куртки, но шили эти куртки не на Серегины плечи. Единственное, что Духарев согласился взять, – небольшой кулачный щит с коротким торчем^[9]. В общем, всерьез опечалился кузнец, что не может как следует отдарить спасителя. Он даже жену свою ему в постель намеревался уложить, да, к облегчению Духарева, бедная баба от переживаний слегла.

В общем, уехал Духарев на следующее утро с тугим кошельком, набитыми до отказа седельными сумками, мешком отменного овса для Пепла и подробными рекомендациями, как добираться до Полоцка, у кого остановиться в Витебске (у родичей кузнеца, разумеется!), с кем в Полоцке говорить о своих делах. В суть этих дел Духарев кузнеца вкратце посвятил, и тот очень советовал силу не применять, прав не качать, а просто выкупить своих, да и дело с концом. Благо, денег на это у Духарева точно хватит.

Серега спорить не стал. Но и выкупать у Горазда ребят не собирался. Нечего ворюгу поощрять! Приедет Серега в Полоцк и потребует пересмотра дела. Теперь-то есть кому за ребятишек заступиться! Пусть мечи решат, кто прав. Серега был уверен: теперь он Горазду не по зубам. Ну, почти уверен...

Однако вышло так, что до Полоцка Серега на этот раз так и не доехал.

Глава пятая

Приятные новости

Придорожный трактир был, по местным меркам, никак не ниже, чем четырехзвездочный. Во дворе разместилось с дюжину саней. При них маялся сторож, мрачный бородатый парнище в шлеме, смахивающем на ночной горшок. На Серегу сторож глянул вполне равнодушно.

«Сани – это хорошо», – подумал Духарев.

Он уже давно решил пристать к какому-нибудь купцу. Одиноким всадник внушает романтикам больших дорог разные нехорошие мысли. Серега был уверен в себе, но к чему рисковать понапрасну?

Первым делом следовало заняться конем. Поэтому, вручив пару

резанов хозяину заведения и распорядившись насчет ужина, Серега повел своего жеребца на конюшню. Чистить Пепла Серега считал собственной привилегией. За процедурой внимательно наблюдал белобрысый парень с вороватой мордой, хозяйский конюх. Выглядел конюх недовольным. Очевидно, решил, что пришлый вой мог бы и ему доверить уход за жеребцом. Ну, и отстегнуть немного за услуги.

– Балуешь ты его, – пробурчал конюх, отнаблюдав всю процедуру с начала и до конца, когда Духарев заботливо прикрыл коня попоной и сыпанул в ясли полведра овса. – Он и так круглый, че его овсом кормить? Вона эти сено жрут – и ниче! А тож не клячи, войсковые лошадки. Да покрупней твоего будут! – Парень махнул рукой туда, где стояли лошади, вероятно, принадлежавшие тем, кто охранял отдыхавший во дворе санный поезд.

Серега не удостоил конюха ответом. Но, выйдя из конюшни, не отправился ужинать, а постоял снаружи с полминуты и вернулся.

Как он и предполагал, белобрысый был слишком глуп, чтобы ждать возвращения хозяина коня, и преспокойно пересыпал овес из яслей в холщовый мешок.

Духарев бесшумно приблизился и крепко взял воришку за ухо. Тот взвизгнул и тут же притих, когда Серега поднес к его носу любовно отточенный нож.

Рука конюха ослабела, и содержимое мешка высыпалось обратно в ясли.

– А у нас за воровство ухо режут, – ласково проговорил Духарев. – А у вас?

Парень побледнел.

– Тебе какое дороже, левое или правое? – тем же задушевным голосом поинтересовался Серега.

– А... И... Пожалей, господин! – в ужасе забормотал конюх. – Я больше не буду, Хорсом светлым клянусь! Не надо ухо, господин! Пожалей! Я, ей-ей, больше не буду!

– Как думаешь, не врет? – спросил Духарев, обращаясь к Пеплу.

Жеребец фыркнул.

– Врет, значит? – Серега усмехнулся и покрепче сжал мягкое ухо.

– Нет, нет, господин! – завопил конюх, хватая Духарева за руку. – Да ни в жисть, да чтоб мне лопнуть, да чтоб у меня мужество отсохло!

Пепел, которого вопли конюха раздражали, запрядал ушами и мотнул головой.

– А теперь, значит, не врет? – с напускным удивлением проговорил

Духарев. – Ну тогда ладно.

Он отпустил ухо. Белобрысый тут же ощупал его, чтобы убедиться: на месте ли?

– Что ж ты мне сначала врал? – укоризненно спросил Серега.

– Да я... Да... А это он тебе сказал? А он – *кто*?

И без того круглые выкаченные глаза конюха еще больше округлились и выкатились.

– Меньше знаешь – дольше живешь, – наставительно произнес Духарев и пошел к выходу.

– То-то я гляжу, ты его овсом-то... – крикнул ему вслед конюх.

Что бы там ни надумалось в белобрысой башке, а теперь за Пепла можно быть спокойным. Теперь можно и самому перекусить. Да и с купцом заедем побеседовать.

Купец кушал. Это был очень серьезный процесс. Челюсти купца работали, как электрическая мясорубка, борода лоснилась от жира. Даже мясистые волосатые уши принимали участие в этом процессе.

Вокруг вился восхищенный хозяин, подкладывал, подливал.

Серега уселся напротив.

– Куда путь держишь, уважаемый?

– А тебе что за дело? – пробурчал купец.

Серега усмехнулся, вытянул длинные ноги, устраиваясь удобней, спросил напрямик:

– Возьмешь охранником?

Купец исподлобья зыркнул на Духарева.

– На броню, что, не заработал? – не переставая жевать, осведомился он.

– Мне броня ни к чему, – нагло ответил Духарев. – У меня меч есть. И руки.

– Покажи, – сказал купец.

– Руки?

– Меч!

Духарев усмехнулся и вытянул даренный варягом клинок. Поднес к жующей морде, услышал, как за спиной повскакивали с мест купцовы охранники.

Их хозяин махнул рукой: все в порядке.

– Знатный меч, – признал он. – Люди мне не нужны. Но совет дам. Здесь три дня назад купец ночевал. У него товаров много и челяди тоже. В Киев идет. Такому хороший боец лишним не будет. Догонишь: скажи, что Осянник ты послал. Это я Осянник. Запомнишь?

– Запомню, – кивнул Духарев. В Киев – это не по пути. – А как его зовут? – спросил он на всякий случай.

– Купца-то? Гораздом кличут. Горазд из Нового Торжка. Слыхал? Вот это номер!

– Слыхал, – после паузы ответил Духарев. – Я сам из Торжка.

– Ну тады точно возьмет, – кивнул купчина и еще энергичней принялся за еду.

«Это я возьму, – подумал Духарев. – И пусть попробует не отдать!»

Удача определенно не обошла Серегу вниманием.

Глава шестая,

в которой Серега узнает кое-что о местных локальных конфликтах и еще кое о чем, касающемся его самого

На ночь глядя Духарев в погоню не кинулся. Утро вечера мудренее. Тем более что к вечеру погода испортилась. Зима, видно, решила повеселиться напоследок. Именно напоследок, потому что, по Серегиным прикидкам, на дворе стоял если не апрель, то уж март точно.

Снаружи выюжило, но в большом трактирном зале было тепло и пахло дымком. А еще съестным. И, к сожалению, человеком. Причем человеком, не злоупотребляющим мылом и мочалкой.

Серега пристроился неподалеку от очага, спиной к стене – лицом в дверям, заказал кувшин пива и потреблял его неспешно, почти не участвуя в разговоре, который вели его соседи, четверо купцовых охранников. Пятый только что ушел караулить сани. Остальным это удовольствие еще предстояло, и разговор, естественно, вертелся вокруг этой самой начинающейся метели и, традиционно, нынешней погоды. Беседующие сошлись на том, что зима в этом году очень уж долгая, но это и хорошо, потому что плесковский воевода, сын прежнего, посаженного еще при Олеге, тоже алчный и прожорливый, как росوماха, да еще подзуживаемый своими нурманами, совсем оборзел и взялся брать с проезжающих по Ловати дорожный сбор. Словно это не тракт торговый, а его вотчина. Сын, как и отец, не боялся никого и ничего, потому еще, что Ольга, жена киевского князя, – его названная сестра. Не брал воевода только с новгородских и, по слухам, новгородским же отстегивал долю с собранного. Услыхав об этом, многие задерживали поезда, выжидали, чтобы не платить глупую пошлину, а обобранные тем временем пожаловались полоцкому князю, потому что киевскому – бесполезно.

Игорь – не Олег. Да и ссориться с Новгородом ему не с руки, а Плесков – это, считай, новгородский пригород. А вот Роговолт, у которого с Новгородом и так вечные дразги, а земля бедна, торговлей только и кормится, Роговолт воеводу приструнил: побил в поле крепко. Так, что воевода в городок свой сбежал, за стенами заперся да заслал к новгородским: помогите! Как же, разбежались!

Роговолт Плескова жечь не стал. Но обещал пожечь, если воевода не уgomонится. А все знают: полоцкий князь хоть годами молод, но в сече лют, а в слове тверд.

Сергеа слушал и мотал на отросший ус. Рано или поздно ему придется примкнуть к кому-то из здешних политических лидеров. И тут важно было не ошибиться. А для этого следовало знать, что представляет собой каждый из вождей. Как ни странно, несмотря на отсутствие средств массовой информации (а может быть, как раз благодаря их отсутствию?), здешний народ – по крайней мере значительная часть его – был совсем неплохо осведомлен. Конечно, свежие новости доходили медленнее: тому же санному поезду мог потребоваться чуть ли не месяц, чтобы добраться от Новгорода до Смоленска. Гонец с запасной лошастью преодолевал то же расстояние значительно быстрее, но зато во время распутицы дороги превращались в болота, и требовались крылья, чтобы попасть даже из Витебска в Полоцк. Крылья или лодка. Но тем не менее власть киевского князя на далеком севере была отнюдь не формальной. Что Олег, что Игорь не ленились периодически навещать даже дальнюю Ладогу, лично собирать причитающуюся дань, а заодно контролировать деятельность собственных наместников. Поэтому и на Двине, и на Ильмене Игоря знали не понаслышке. Не говоря уже о собственных, местных правителях вроде Роговолта.

К утру погода прояснилась, так что с рассветом Духарев оседлал Пепла и отправился в путь. Дорогу присыпало снегом. Широкие копыта жеребца оставляли на пушистом искрящемся покрывале аккуратные оттиски. Единственные следы, если не считать птичьих «крестиков» или заячьих «пунктиров». Под неглубоким слоем свежего снега лежала крепкая, укатанная санями дорога. Пепел бежал веселой рысью и примерно за два часа покрыл полное поприще – расстояние дневного перехода. После этого по взаимному соглашению всадник и конь сделали небольшой привал и позавтракали. Собственно, для Пепла это был уже не завтрак, а полдник. Перекусив, Духарев решил размять ноги и отвязал лыжи. Следующий отрезок пути Пепел бежал налегке.

К полудню Сергеа обогнал небольшой санный поезд. Охранники с

подозрением покосились на одинокого всадника.

Неожиданно Пепел по собственному почину прибавил ходу. Минут пять Серега дивился этой инициативе, потом тоже учуял дымок, а еще через некоторое время впереди показался постоянный двор.

Пепел изогнул шею, скосил выпуклый глаз на хозяина.

– Без базара, – ответил ему Духарев. – Мы оба заработали приличный обед.

Долго рассиживаться Серега не стал. Перекусил, выяснил, что нужно, – и в путь. Тем более что хозяин сообщил приятную новость: купец Горазд останавливался здесь в позапрошлую ночь. Значит, если сохранить взятый темп, вполне реально догнать его до завтрашнего вечера.

И тут дорога преподнесла Духареву сюрприз. Развилочку. Зрительная память у Сереги была неплохая, и Рёреховы схемки он в свое время разглядывал очень внимательно. Ну не было в этом месте никакой развилки! Серега помнил: справа, километрах в сорока, – излучина двинского притока. Если идти по нему вверх – дойдешь до волока к Днепру. А зимник шел напрямик, срезая, через схваченную морозом топь. Один зимник, а не два.

Духарев спешил, прошелся туда-сюда. Пепел – за ним, как привязанный, тычась губами в ухо.

Вот черт! Обе дороги – как близнецы. Одинаково накатаны, одинаково широки. «Слева лес, справа лес, посреди – головорез!» – придумалась смешная строчка.

«Это я – головорез, – подумал Духарев. – Головорез на распутье. Как в анекдоте. Приходит Илья Муромец к развилке. А там надпись: „Налево пойдешь – мертвым будешь; направо пойдешь – коня потеряешь; прямо пойдешь – педерастом станешь!“ Завелся Илюха: „Это кто ж меня, падла, опустить хочет?“ Вскочил на коня, поскакал прямо. Видит: Змей Горыныч о трех головах, из речки воду пьет. Подскакал Илюха, Горыныч и опомниться не успел – двух голов уже нету. А третья к Илюхе поворачивается и говорит: „Ну, и кто ты после этого?“»

Рассказанный самому себе анекдот слегка развеселил Серегу. Он еще раз поглядел на две дороги, на следы саней, на неглубокие отпечатки копыт, на желтые пятна, на втоптаные в снег клочки сена... И неожиданно увидел, по какому из двух путей прошел санный поезд Горазда. То есть не то чтобы увидел... Теперь он это просто знал. Но это знание было сродни тому, что он видел в черной воде омута, опившись Рёреховой отравой.

Одним прыжком Серега взлетел в седло. Пихнул жеребца каблуками. Пепел недовольно фыркнул и взял легким галопом.

— Я знаю правду, — он сказал, —
Сдержите бег коней!
Нам не пройти за перевал,
Здесь горы нас сильнее!

Я знаю правду, — он сказал. —
Пройдет немного дней:
Нас встретит стрел визжащий вал
И зарево огней...

Это была песенка, кажется, из какого-то фильма. Серега запел ее, как всегда, громко и, как всегда, фальшиво, но слушатель у него был один, и этот слушатель в музыке не разбирался, хотя уши у него были почти как у легендарного Мидаса.

Глава седьмая, ***в которой Серега настигает-таки караван Горазда***

Когда на дороге стали попадаться еще «дымящиеся» конские «яблоки», Серега свернул в лес. Там Духарев спешился и надел лыжи. Пепел очень осторожно ступал по снежной корке. Серега уверенно скользил впереди, ныряя под тяжелые от снега ветки. В общем-то, это была довольно приятная прогулка. Дома Духарев тоже любил по зимнему времени нацепить лыжи и прогуляться по лесу где-нибудь в окрестностях Репина или Комарова. На заливчик сбегать под бледным солнышком.

Сознание Сергея как будто раздвоилось. С одной стороны, это был тот самый веселый парень Серега Духарев, который жил в оттяжку, никого не обижал, если его не обижали, не искал проблем и не создавал их без надобности, катился по жизни, как футбольный мяч по полю: легко и естественно. Пока не остановят. А остановят — отскочит упруго и летит со свистом — только держись!.. В заданном направлении. Это с одной стороны. А вот с другой...

С другой же, человек, который подминал лыжами снег впереди невысокого мохнатого жеребца, ничего общего с тем, бесшабашным и немного безбашенным, Серегой Духаревым не имел. Потому что человек этот не просто и незамысловато бежал по лесу, а «держал» при этом все, что происходило в радиусе минимум ста метров, замечая и беличий

прыжок слева, и окровавленные клочки заячьей шкурки справа. Он слышал каждый звук и фиксировал каждое движение на этом участке леса. Это был воин, который поставил себе цель. Он был – оперенная стрела с тяжелым стальным наконечником. Стрела, летящая в цель. И при этом он был человек, который видел и то, как такая стрела пробивает матерого медведя. И легко мог «увидеть» (первый, беззаботный, Духарев такого даже представить не мог), как эта же стрела входит ему в спину и выходит из груди. Навылет...

Сергеа чувствовал это «раздвоение», но еще не вполне осознавал, почему так происходит. Он просто не врубался пока, что опытный варяг работал не только (и даже не столько) с Серегиным телом, обучая Серегины руки и ноги воинской пляске, сколько – с сознанием. С этой аморфной, неопределенной массой желаний и побуждений, с густой массой, похожей на пересыщенный раствор. Мастер-варяг не мог за десяток месяцев выпарить воду и отполировать кристалл, зато он сумел вложить в этот раствор крохотное зернышко, твердый центр, на который теперь сам собой наращивался слой за слоем, превращая вязкую податливую рапу^[10] в твердые и острые кристаллические грани.

Превращение уже шло, медленное, необратимое, хотя Духарев еще понятия об этом не имел, а если бы знал да еще имел возможность выбирать, то, скорее всего, пожелал бы остаться прежним веселым и бесшабашным Серегой. Вот только старый варяжский вождь-ведун был настоящим мастером и лишь единожды предоставил ученику выбор. Когда спросил: «Ты и впрямь этого хочешь?» Больше Рёрах не спрашивал. Честно ли это? Трудно сказать. С другой стороны, хузарин, вырастивший коня, который шел у Сереге на поводу, и вовсе не поинтересовался, хочет ли веселый жеребенок стать боевым конем, или предпочитает свободно носиться по степи. Правда, хузарин с самого начала знал предназначение жеребенка, а кем предназначено стать Сереге Духареву, не знал ни он сам, ни его одноногий наставник. Возможно, в обоих известных Сереге мирах никто не знал об этом, и в книге его судьбы оставалось еще достаточно незаполненных листов... Разве кузнец, выковавший наконечник стрелы, может точно знать, кого поразит эта стрела? Впрочем, кузнец может хотя бы догадываться...

Саный поезд растянулся почти на четверть версты. Более двух дюжин саней, длинный унылый хвост челядников, за которыми приглядывали двое специально назначенных воев. Один из челядников – в цепях. Вероятно, тот, кто способен рискнуть и податься в бега, предпочтя холод, голод и волков невольничьему рынку.

«Рядом с ним мог быть и я», – подумал Духарев.

Раньше. Теперь-то – вряд ли.

В печальной череде рабов женщин было раза в два больше, чем мужчин.

Сладу Серега узнал сразу. Сердце у него сжалось: такая она была маленькая и печальная.

А Мыш, как всегда, ухитрился устроиться козырно: сидел на третьих от хвоста санях и погонял лошадок.

Поезд медленно тянулся мимо притаившегося Духарева. Пепла Серега предусмотрительно укрыл в зарослях.

Замыкал караван высокий воин в островерхом шлеме, с длинными усищами, выкрашенными в синий цвет. Варяг. В седле воин сидел твердо, посадка его была схожа с Рёреховой. И тоже – без стремян.

Рядом с ним бежала маленькая лохматая собачонка, но насчет собачонки Серега не тревожился, поскольку загодя учел направление ветра.

Головой замыкающий варяг попусту не вертел, но, сразу видно, обступивший дорогу лес «держал» четко: спугни какую-нибудь глупую сороку или урони с ветки чуток снега – вмиг окажешься в поле зрения варяга. Да даже и без всяких сорок... Едва синеусый поравнялся с деревом, где укрывался Духарев, – и увенчанная острым шлемом голова как бы сама собой повернулась в Серегину сторону.

Между всадником и Духаревым было добрых пятьдесят метров, деревья, чьи ветки припорошены снегом, кустарник. Куртка на Духареве – светлая, шапка – тоже. Бдительный варяг ну просто никак не мог его разглядеть. И тем не менее Духарев ощутил, как будто от синеусого к нему тянется некая ниточка... И поспешно выбросил из головы все мысли и мысленно же превратился в спящее зимнее дерево...

Варяг проехал мимо, скрылся за стволами. Серега вздохнул с облегчением. И подумал: «С этим парнем могут возникнуть трудности».

Но выбора у Духарева все равно не было. Поэтому он тихим свистом подозвал Пепла, проверил лыжи и двинулся параллельно дороге. Пепла он вел в поводу. Наст был прочный, но все равно не выдержал бы коня, если бы в седле сидел всадник. Хуже того, ледяная корка могла поранить ноги жеребца.

Они опять обогнали караван, но еще около километра двигались между деревьями, а когда выбрались на дорогу, Серега не поленился и замел следы. Он вовсе не хотел насторожить внимательного варяга. По дороге они легко отмахали еще километров пятнадцать – до следующего постоянного двора.

Горазд, видно, неплохо знал дорогу, поэтому, по прикидкам Духарева, санный поезд должен был достичь этого места как раз к вечеру.

Вот и замечательно. Когда солнце коснется верхушек деревьев, Серега, уверенный в себе и отдохнувший, оставит Пепла в здешней конюшне, а сам не спеша отправится навстречу каравану.

И – прочь сомнения!

Глава восьмая, где наконец выясняется, кто круче

Все вышло так, как Серега и рассчитал. Когда Духарев услышал звуки приближающегося санного поезда, уже начало смеркаться. Это было то самое время, которое так ценил Рёрах. Время, когда, по мнению старого варяга, тот, кто одновременно принадлежал обоим мирам, Темному и Светлому, обретал особенную силу, потому что мог черпать из обоих Миров, находясь как бы на их грани. А те, кто принадлежал только одному миру, живых или мертвых, наоборот, слабели и теряли возможность укреплять силу равно от Земли и от Неба.

Была ли это правда или просто самовнушение, но Духарев действительно чувствовал в сумерках (безразлично, вечерних или утренних) необычайный подъем. Даже сейчас, когда его отделяли от наставника многие километры лесов и болот.

Духарев тщательно проверил амуницию: если в решающий момент на сапоге развяжется шнурок, это может стоить ноги. Все оказалось в порядке. Выяснив это, Серега укрылся в тени старой сосны и ждал, пока из-за поворота не покажется голова санного поезда, а тогда просто вышел на зимник и остановился точно посередине дороги.

Двое верховых, ехавших в голове каравана, завидев Серегу, заступившего путь, мигом спешили, схватились за оружие и завертели головами, озираясь. Думали: сейчас стрелы посыплются.

Духарев внутренне усмехнулся. Наивные ребята! Будь в лесу засада, их уже давно настигали бы стрелами. Обычные вои-ополченцы. Им известно, с какой стороны братья за копьё, но перехватить его в полете и, крутанув вокруг кисти, отправить обратно – уже не их уровень.

Духарев, однако, знал, что среди охранников каравана есть парни покруче этой парочки.

А караван продолжал вытягиваться из-за поворота.

Первые сани остановились, когда между ними и Духаревым осталось

шагов пятнадцать.

Всадники держались у головных саней. Над лошадиными мордами клубился пар. Негустой – мороз спал градусов до пяти. Чувствовалось: скоро весна.

Вторые сани тоже остановились. С них соскочил кряжистый мужик в черной лисьей шубе. Горазд.

Духарев поглядел дальше, в хвост каравана, где теснилась Гораздова челядь, но своих не разглядел. Темновато. Впрочем, Серега точно знал, что Мыш со Сладой – там.

Горазд вразвалочку обошел первые сани, встал напротив Духарева. Еще двое оружных подтянулись вперед. Один из них – тот самый варяг с синими усами. Подскакал, плавно осадил коня, легко соскочил на укатанный снег. За оружие, в отличие от прочих, варяг хвататься не стал, и Духарев это оценил.

– Узнал? – спросил Серега, сделав шаг навстречу Горазду.

– Узнал, – купец не удержался, метнул взгляд на заснеженные елки. Тоже, как передовые, боялся жалящей стрелы? Неужели у него под шубой и доспеха нет?

– Не бойся, – усмехнулся Духарев. – Я один.

– Ага... – Горазд не очень-то поверил. – А чего надо?

– Отдавай моих – и езжай своей дорогой, – спокойно произнес Духарев.

Горазд еще раз поглядел наверх – понизу зимний лес просматривался хорошо. Поглядел – ничего не заметил. Снег на хвое лежал ровно. И внизу – никаких следов.

– Отдавай, значит, говоришь? – Теперь и Горазд усмехнулся. – А не то что будет?

– А не то – сам возьму!

Тут купец окончательно уверился, что Духарев в самом деле один. И сделал единственно возможный вывод: совсем чужак обнахалился. Или, что скорее, умом тронулся.

– Вижу, ты зброю надыбал, – произнес Горазд с иронией. – Украл? Или мертвеца ободрал?

– Я – не ты, Горазд! – отрезал Духарев. – Я чужого не хапаю.

– ...Значит, оружием разжился, – продолжал купец, словно и не заметив Серegiной реплики. – Токо оно тебе ни к чему. Ты ж биться не умеешь!

– Может, и не умею, – не стал спорить Духарев. – Да правда на моей стороне. Горазд! – Он покосился на варяга и произнес торжественно: –

Вызываю тебя, Горазд, на оружный бой! До крови! Одолеешь – все мое твоим станет. Я одолею – возьму свое. А ежели сам боишься, – добавил он пренебрежительно, – настоящего бойца выставь. Вон хоть его! – Серега кивнул на синеусого. Этот и еще один воин, совсем молодой, розовощекий, но уже с варяжскими отвислыми усиками на типично славянской скуластой физиономии, были в Гораздовой ватажке самыми опасными. Оба они глядели на Духарева очень внимательно и за мечи хвататься не спешили. Зато стояли так, чтобы удобно было напасть на Серегу одновременно и с разных сторон.

Горазд засмеялся. Он помнил, каким был Духарев летом. Купец точно знал, что за неполный год из кулачного драчуна воина не вырастишь.

– Засиделся я в санях, – громко заявил Горазд. – Разомну косточки!

Он скинул шубу на руки ближнего. Под шубой оказалась пластинчатая броня с рукавами по локоть, надетая поверх меховой куртки.

«И не жарко ему?» – подумал Духарев.

Горазду подали круглый щит с выпуклой тарелкой умбона^[11] посередине и булаву, которую он прицепил к поясу справа. Купец притопнул, выдернул меч, провернул над головой, разминая кисть. Дружинники его разошлись, освобождая место, а остальные: домочадцы, сбившиеся кучей челядники – наоборот, придвинулись. Тут Духарев наконец-то углядел Мыша, вскарабкавшегося на сани, чтобы лучше видеть. Заметив радость и испуг, одновременно проступившие на физиономии мальчишки, когда тот признал Духарева, Серега ему подмигнул: не бойсь, прорвемся.

Абсолютной уверенности в победе у него не было: Серега ведь еще никогда не сражался по-настоящему. С готовым к бою, хорошо вооруженным бойцом. Разбойники, которых он побил несколько дней назад, – не в счет. Не застань их Духарев врасплох, еще неизвестно, кто кого побил бы!

Духарев подхватил со спины маленький кулачный щит и одновременно правой рукой выдернул из ножен дареный клинок. Завертел им в воздухе так, что сталь размазалась блестящим веером.

Горазда это не впечатлило. Он сам мог бы вертеть не хуже. Бегать за более молодым противником он не собирался, поэтому спокойно стоял. Ждал, пока Серега начнет сам.

Духарев сделал пробный выпад – Горазд не удостоил выпад вниманием: ясно, что не достает. Серега повторил движение еще раз, а на третий метнулся вперед. Целя мечом под нижний край щита. Горазд с легкостью отшиб клинок, рубанул в ответ, длинно, наискось. Серега ушел.

Он внимательно наблюдал за противником, оценивал каждую мелочь. Мечом купец орудовал неплохо, а вот щит держал жестко, с наклоном вперед. Щит был Горазду явно не по руке. Слишком тяжел. Зато – большой и крепкий. Такой рубить – только меч портить. Еще одна трудность была в том, что Серега не хотел убивать купца. Горазда следовало свалить аккуратно, а то еще вмешаются варяги, и тогда Духареву придется круто.

Если не взять силой, значит, надо брать хитростью. Чем-нибудь совершенно неожиданным. Серега с минуту покрутился вокруг Горазда, пробуя его так и эдак. Купец отмахивался с большой ловкостью. Он уже понял, что имеет дело не с тем лохом, которого побил летом. Видел, что мастерство его противника существенно возросло. Только еще не знал, *насколько существенно.*

Атака, встречный выпад Горазда – Духарев отшатнулся, споткнулся на ровном снегу и упал на спину. Купец подскочил, намереваясь добить. Щит Горазд держал низко, с прежним наклоном вперед, и Духарев, выгнувшись, упершись лопатками, изо всех сил ударил в этот щит двумя ногами как раз в тот момент, когда купец откинулся назад, замахиваясь мечом. От неожиданного удара щит подпрыгнул, край его угодил купцу по зубам, а сам купец, весивший в доспехе никак не меньше центнера, пушинкой отлетел назад, мимо светлоусого дружинника, и влетел спиной в придорожный сугроб. Меч, правда, не выпустил, но Духарев не дал ему опомниться, подскочил, прижал подошвой Гораздову руку с мечом, придавил собственным клинком Гораздову жилистую шею, не забывая, впрочем, держать боковым зрением варягов: вдруг решат заступиться за хозяина?

– Твоя взяла, – прохрипел Горазд окровавленным ртом. – Заберешь своих.

Серега убрал ногу и меч, отступил назад. Купцу подали руку, он поднялся, ощупал языком передние зубы, убедился, что на месте.

– Хитростью взял, – сказал он ворчливо.

Духарев увидел, как заухмылялись варяги. Для них это звучало как похвала.

Горазд подумал немного. Еще раз ощупал языком зубы и неожиданно предложил:

– А давай-ка ко мне служить!

– Ага, – усмехнулся Серега. – Опять в полные холопы?

– Не-е, – мотнул головой купец. – По ряду. Платить буду, кормить... Доспех дам хороший!

«Не обманет, – подумал Духарев. – Свидетелей сколько! Непонятно

только, зачем я ему? Своих дружинников не меньше дюжины!»

– Три куны в день, – заметив его колебания, сказал купец. – Соглашайся!

– Проси мехами по ослецкой цене, – деловито проговорил возникший под Серегиным локтем Мыш.

– Мехами, – повторил Духарев. – По ослецкой цене.

– Ну, землеройка... – прошипел Горазд, глядя на Мыша... и вдруг махнул рукой: – А-а-а, будь по-твоему, Серегей!

«Смотри-ка, – подумал Духарев, – оказывается, ты знаешь, как меня зовут!»

– А ты, землеройка, давай расти, – продолжал он, глядя на Мыша. – Дорастешь брату до плеча – в приказчики возьму. Толк из тебя будет.

Глава девятая, в которой Серега, помимо всего прочего, узнает, почему в Полоцке больше нет церкви

Духарев сговорился с Гораздом, и тот уступил ему, до Смоленска, гнедого мерина. Для Слады. Вообще-то купец оказался вовсе не таким дерьмом, как раньше думал Серега. По местным меркам – совершенно правильный мужик. Если что плохо лежит – подберет. Если кто должен – взыщет. Да и кто сказал, что в рабах у Горазда хуже, чем в армейской учебке? Кормежка точно лучше. А иному человеку в холопах даже уютнее, чем на свободе. Думать не надо, распорядок жизни устоявшийся... Как в армии. А кому не нравится – всегда найдет выход. Вот Серега же нашел, верно? А если Горазд пакости Духареву и ребятам строил, так не из врожденной подлости, а из соображений престижа. Слыханное ли это дело, чтоб ему, лучшему мужу, торговому гостю, княжему советчику Горазду, противоречил какой-то бродяга? Спустить такое – потерять лицо. Это как если в кабаке у тебя какой-то ханурик нагло бабу увел. Тут уж хочешь не хочешь, а надо власть показать. Иначе собственные кореша уважать перестанут. А когда выяснилось, что Серега вовсе не ханурик, а человек вполне авторитетный: меч у него добрый, конь хузарский, да еще вышколен по-варяжски... Короче, не бомж бесполезный, а серьезный воин. Вот тут ситуация существенно изменилась, и оказалось, что никаких претензий у Горазда к Духареву нет. Два авторитета забили стрелочку, перетерли по понятиям – и пришли к выводу, что полезней дружить, чем разборки затевать. Строго по понятиям здешнего рабовладельческого общества.

Сергеа склонен был Горазду верить. Так было проще. Кроме того, купец, похоже, очень сомневался, что внезапно обнаружившиеся воинские навыки Духарева обретены за минувшие полгода с хвостиком. А склонен был Горазд предполагать, что навыки эти Серега имел уже в первую их встречу, но по некоторым причинам решил их скрыть. И мастерский побег Духарева с лодьи – тому подтверждение. Причины же такой скрытности, по мнению Горазда, могли состоять в том, что Серега явился, скажем, негласным соглядатаем от князя Игоря, а скорее даже не от него, а еще более вероятно – от княгини Ольги, пользовавшейся у киевской (да и не только киевской) старшины едва ли не большим уважением, чем ее корыстный и не очень дальновидный муж. А раз так, то с Духаревым следовало не ссориться, а дружить. Единственное, что позволил Горазд, это слегка укорить Серегу за его «рукопашные подвиги». Прилично ли воину ничемно махать кулаками, как какому-то смерду, если ему подвластна благородная сталь? Духарев возразил: мол, есть случаи, когда умение врезать между глаз или провести бросок очень даже не лишнее. Например, когда оружие потеряно или сломалось. Горазд только усмехнулся. В умелых руках оружие не ломается, разве что щит порубят, но это дело обычное. А уж потерять его... Это даже не смешно.

Сергеа продолжать спор не стал. Мери́на для Сла́ды Горазд отдал, ну а думать он может – что заблагорассудится.

«Хоть глечиком^[12] кличь, только в печь не тычь», – как говаривал Мыш.

Слада мерину обрадовалась. Впрочем, с момента возвращения под широкое крыло Духарева славная девочка радовалась любому пустяку, а главное – возможности быть рядом с Серегой. Надо сказать, что и Серега в сиянии ее глаз чувствовал себя ну совершенно счастливым. Но виду особо не подавал. Воин должен быть сух и суров. Хотя вряд ли он был настолько хорошим актером, чтобы обмануть свою умницу-невесту.

А наездницей Слада оказалась совсем неплохой. Особенно когда отобрала у брата меховые штаны и села верхом по-мужски. Держаться в седле ее научил отец. Это было давно, но, как понял Духарев, ездить верхом – это как на велосипеде кататься. Навыки остаются пожизненно.

Сергеа и Слада ехали замыкающими, за последними санями. Раньше это «почетное» место принадлежало, попеременно, Драю, светлоусому воину-плесковичу, косящему под варяга, и, надо признать, не только внешне, и настоящему варягу, Устаху. Эти двое, которых и Серега сразу выделил среди прочих, в Гораздовой дружине считались лучшими. Держались усачи соответственно положению, но к Духареву отнеслись

уважительно. Видно было: Серегино мастерство оценено, и оценено достаточно высоко. Отнеслись уважительно, но в друзья не набивались. Духарев тоже пока только присматривался. Для общения ему хватало Слады.

– Это хорошо, что мы в Киев едем, – застенчиво проговорила Слада. – В Киеве храм нашей веры есть.

– А в Полоцке нет?

– Был, – Слада вздохнула. – Папа говорил: в Полоцке было много христиан. И наших, восточной веры, и тех, кто служит по обычаю Рима. Их всех убили. Тамошний кениг принес их в жертву своим богам, а храм сжег. Это было еще до того, как Олег стал княжить в Киеве. Олег потом убил того кенига. Не потому, что тот замучил наших братьев, а потому, что хотел взять под себя Полоцк.

– Однако... – пробормотал Духарев. – А я думал: здешние язычники христиан не обижают.

– Язычники знают, что Христос против насилия, и думают, что наш Бог слабее их идолов. Сильного из наших они могут убить, слабого обратят в холопы. Мы, христиане, все безродные. А если кто из сильного рода захочет креститься, родовичи ему не дают. А кто не послушается, того убьют или изгоем объявят. А изгой для всякого – легкая добыча.

– Даже воин?

– Воинов среди нас мало, – вздохнула Слада. – В Киеве есть. Из варягов, что у ромеев при императоре стражу несли. А так воины никогда в истинную веру не обращаются. Они Перуну служат. Им кровь проливать весело, а не в смирении жить. И женщин они любят, а по нашей вере больше одной жены иметь нельзя. – Она озабоченно глянула на Духарева. – Ты не забыл, Серегей? Это ведь грех!

– Не согрешишь – не покаешься! – усмехнулся Духарев, но, заметив, как задрожали Сладины ресницы, немедленно подъехал к ней вплотную, взял за руку: – Ты и только ты! – проговорил Серега, заглядывая ей в глаза. – Других мне не надо!

Девушка несмело улыбнулась. Может, даже поверила, потому что Духарев сказал то, что думал. По крайней мере, в этот момент.

– Скажи, а варяги, которые стали христианами... В Киеве их не обижают?

– Папа говорил: на Горе их не любят. Но одно дело – мы с Мышом, а другое – князь русы. Таких тронуть побоятся. Да варяг – он и есть варяг. Он всех богов чтит, каких важными считает. Хоть Христа, хоть нурманского Одина.

Это Серега уже слышал от Рёреха. «У каждой земли или моря свои боги, – говорил он. – Кто знает, кто тебя по ту сторону Кромки примет? Там пути темные. Может, в Валхаллу, а может – к твоему Христу».

«А что бы ты предпочел?» – спросил тогда Духарев.

«Ирий, – не раздумывая ответил Рёрах. – В Валхалле мне скучно будет. Что я, мальчишка – день-деньской есть-пить да на мечях биться! А про ваше посмертье я ничего не знаю».

Глава десятая

Новые друзья

Серега Духарев легко сходилась с людьми. Легко. И почти никогда не грузил других своими проблемами. Правда, и другие как-то не рвались рассказывать ему о своих бедах. То есть, если кому-то требовалась пара крепких рук и спина пятьдесят четвертого размера, другое дело. Такими трудностями с ним делились охотно, и Духарев редко отказывал, если дело касалось, скажем, перевозки мебели или объяснения каким-нибудь слишком упорным молодым людям правил поведения в обществе. Иное дело – проблемы действительно личные. Например, у жены любовник завелся или с работы вот-вот выпрут. Те, кто знал Духарева достаточно давно, помнили, как он, без единого печального вздоха, перешел от учебы в универе к армейской жизни, ухитрился побывать на войне, в госпитале, вернуться, снова поступить, на этот раз уже не на матмех, а на жур, вылететь, опять-таки без всяких трагических заламываний рук, – с того же третьего курса, сменить полдюжины работ... И при этом внешне ни на йоту не измениться. Ну вот и пожалуйся такому, что начальник-сука второй месяц бабок не платит, а он, вместо того чтобы посочувствовать и сообщить, что у него такие же проблемы, немедленно предложит: «Не платит? Пошли, дадим ему в грызло!» Вот поэтому у Сереги Духарева было море приятелей, табунок любовниц – и ни одного настоящего друга. Не то чтобы вообще никогда не было. Были двое школьных приятелей, с которыми Серега вместе болтался по стройкам и занимался рукопашкой. И еще один, Сенька, – по спорту. Более успешный, чем Духарев, поскольку не разбрасывался на разное, Сенька четко шел по выбранному спортивному профилю – от медали к медали – до призера Европы.

Целых трое, но...

Сенька-биатлонист канул где-то в Канаде, а одноклассники – в земле. Одного убили в Чечне, второй на зоне отравился какой-то дрянью. Три

минус три...

Такая вот была у Духарева проблема. Собственно, он ее проблемой не считал, полагая, что так и должно быть. А чего? Или ему не с кем в кабаке посидеть или по летнему времени на байдарочках сплавиться? Да его, Сереги, компании куча народу обрадуется.

Вот тут он был прав. Повеселиться в клубе или пробежаться по Карельскому перешейку – лучше Духарева не найти. А ежели девочек снять, так Сереге в этом вообще равных нет.

Вот и вышло, что ничего действительно настоящего у Сереги-то и не было. Ни друзей, ни любви, ни дела-работы. Однако понимать это Духарев начал только здесь. Когда уловил разницу между приятелем Чифаней и другом Мышом. Между девушкой Сладой, которая глядит на него сияющими глазами, Сладой, которую он *не осмеливается* тронуть, и какой-нибудь молоденькой бабенкой из Торжка, с которой барахтался на сеновале.

Да, Серега начинал кое-что понимать и, понимая, присматривался к другим, к варягам и воям Гораздовой ватажки, к понурым челядникам, к тому, как полочанин Зубок разговаривает со своей молодой женой Неленей, к самому Горазду, у которого тоже не было друзей, равных, из числа нынешних спутников. Но при этом Серега чувствовал, что вообще у купца настоящие друзья есть. Может быть, в Полоцке или Киеве...

В общем, Серега присматривался к своим спутникам, а те, в свою очередь, присматривались к нему.

Когда сидишь у одного костра да еще и ешь из одного котла – общение налаживается быстро. Полугодом раньше Серега просто отметил бы, что компания подобралась неплохая. И все. Теперь же он глядел чуть поглубже и видел немного больше. Он видел, что в паре двух лучших воинов, Драя и Устаха, первый взирает на второго с тем восхищением, с каким младший брат-второклассник глядит на старшего – восьмиклассника. Он видел, что из семерых воев, что рангом пониже варягов, некоторые повязаны между собой настоящей дружбой, например Теша с Зубком, кривичи из Полоцка. И их дружбе ничуть не мешает, что Зубок недавно женился и взял жену с собой. Полочане, кстати, охотнее других общались с Серегой и Сладой, звали садиться рядом с собой за стол, норовили положить в миску лучший кусок, что, как уже знал Духарев, было здесь таким же проявлением симпатии, как и там, в прежней жизни, – угостить кружкой пива.

Вообще-то, как узнал Духарев, и до Серегиного появления в Гораздовой ватажке Сладу и Мыша привечали не как иных рабов-челядников. Может, оттого, что остальные холопы, за исключением одной женщины, были из других племен. Может, оттого, что Слада – лекарка.

Лекарка... Вроде бы и не такая важная профессия в мире здоровых людей. С одной стороны. А с другой... Попробуй-ка себе представить мир, где нет не только больниц-поликлиник, но и аптек, в которых можно купить простейший анальгин или йод. Где некому ни вколоть пенициллин, ни даже наклеить на ссадину бактерицидный лейкопластырь. Где пустяковая ранка, промытая болотной водой, может гноиться неделями... Если рядом не окажется целителя. А от раны серьезной можно и вовсе помереть на месте, если не знать, как остановить кровь. Конечно, каждый более или менее опытный воин мог прижечь, наложить жгут, зашить хотя бы вкривь и вкось, заткнуть колотую рану паутиной, смоченной в собачьей слюне... Конечно, любой раненый или болящий предпочел бы помощь не юной девушки, а седобородого волоха, знающего не только травы-настои, но и заговоры, способные и кровь остановить, и злую силу от раны отвести. Но никакой волох не станет сопровождать купеческий караван. Разве что по собственной надобности. Короче, любой из этих людей понимал, что в любой момент его здоровье, а то и жизнь могут оказаться во власти юной черноволосой болгарки. Трудно этого не понимать, когда даже Серега врубился с ходу, что Гораздова ватажка – не столько торговая, сколько воинская дружина. Сплоченный военный отряд, передвигающийся по потенциально враждебной территории.

По местным масштабам это была довольно сильная команда. Кроме наемных охранников в ватажку входили еще девять приказчиков, родичей и домочадцев Горазда, которые трудились не за плату, а за стол, кров и положенную долю прибыли. Эти тоже умели в случае чего помахать топорами или стрелой попасть чуть пониже шапки. А самого Горазда можно было по уровню мастерства причислить даже не к воям, а к воинам, элитным бойцам вроде варягов. В общем, вместе с Серегой ватажка насчитывала теперь два десятка бойцов. И я представляла слишком зубастую добычу для обычных разбойников. И правильно, поскольку Горазд вез на торг одной мягкой рухляди – двое саней. А ведь за иную шкурку ромеи серебром по весу дают. А за доброго горностаю или черного соболя – так и золотом. А еще мед, воск, моржовую кость, купленную у северян, большой мешок необработанного янтаря, купленного еще у кого-то... И рабов.

Что человек может быть товаром, для Духарева было не такой уж новостью. Видел он рабов и в более цивилизованном мире, причем не только в Чечне, но и в как бы «европейском» Питере. Однако помня о том, как он сам попал в этот мир, Серега поначалу поглядывал на челядников Горазда с интересом: а ну как (чем черт не шутит!) окажется среди них

такой же кочевник-междумирок, как он сам? Только менее удачливый. Но очень скоро Духарев присматриваться перестал. Не было среди челяди никаких междумирных кочевников, а были здешние неудачники, большей частью сломленные люди, из воинской добычи тех же нурманов. Здешний же человек, чудин ли, вятич или кривич, будучи выдернут из своего рода, из привычного окружения, вырван с кровью, унижен и потоптан, уподоблялся выпавшему из гнезда птенцу. Безвольное, покорное существо. Был лишь один чудин, который, предоставь его самому себе, мог бы сбежать в лес и даже добраться домой, если только дом его и хоть кто-то из родичей уцелел после свирепого нурманского набега. Потому на чудина надели цепи и присматривали за ним не в пример строже, чем за какой-нибудь купленной у тех же нурманов запуганной рабыней. Вообще-то, такой социальный порядок Сереге не слишком-то нравился. Не дело это, когда безответного раба палкой по голове лупят, чтоб ногами быстрее шевелил, а рабыню, если Горазд разрешит, можно пользоваться хоть всем кругом. Не порядок это, а какой-то бандитский беспредел. Но когда Серега поделился своими мыслями с Тешей, тот обиделся.

– Все знают, что мы, словене, с челядью по-доброму обходимся! – запротестовал молодой кривич. – Ты б видел, что с полоняниками нурманы творят! Зато и нурманский полон – самый спокойный! – тут же сделал Теша неожиданный вывод. – Сколь челяди ни водили – от нурманских рабов никакого озорства.

– И много ты таких вот, – Духарев кивнул на понурую череду невольников, – в Киев водил?

– Да по четвертому разу уж! – не без гордости ответил Теша.

– А если тебя самого нурманы схватят и вот такому же, как Горазд, продадут? – осведомился Духарев.

– Того не будет! – твердо ответил Теша.

– Почему ты так думаешь?

– Перун не позволит. А если случится... – Теша малость помрачнел. – Нурманы воев в холопы не берут. Могут в ватажку свою, хирд, взять, если ты им почему-то понравился, ну там бился крепко или некого за весло посадить. Но это редко бывает. Чаще если захватят воя или гридня живьем, то мучат до смерти. Так что, ежели что, нурманам в полон лучше не попадать. И своих не отдавать. Лучше их самому убить... – Тут обычно веселый Теша стал совсем мрачен. Вероятно, его мнение основывалось на фактах, а не общих предположениях.

Ночевала ватажка, как правило, на постоянных дворах, но иногда и в самом лесу. Шатров не ставили. Прогревали землю огнем и ночевали,

завернувшись в шкуры. Челядь – по-овечьи сбившись в кучу, остальные – кому как нравится. Костры жгли всю ночь. Для тепла. Даже самая голодная волчья стая не рискнула бы напасть на такую толпу людей. Но, по требованию Устаха, кроме костровых выставляли и дозорных. Больше для порядка, чем по необходимости.

Беда пришла в одну из таких «лесных» ночей. Пришла не от природы, а от человека. Беда, в очередной раз круто изменившая жизнь Сереги Духарева.

Глава одиннадцатая

Нурманы

Они вышли прямо к кострам. Четверо. Серега даже не успел удивиться, каким образом они обошли дозорного. Из темноты появились еще двое, волоча Тешу. Дотащили, бросили в освещенный огнем круг.

Кто-то из женщин сдавленно вскрикнул.

Теша, ударившись оземь, застонал, попытался ползти. Прямо в костер.

К нему подскочил Зубок, удержал.

Шестеро словно и не заметили этого. Рослые, самый высокий – с Духарева ростом. В полных бронях, с закинутыми за спину щитами. Мечи – у каждого. И сулицы. У двоих еще – боевые топоры, широкие, с «бородками».

– Нурманы... – прошептал Мыш.

Слада, всхлипнув, подалась назад, соскользнула с бревна и спряталась за спину Сереги.

Нурманы неторопливо приблизились. Один из них опустил на корточки у огня, снял рукавицу, содрал сосульки со светлых усов, бросил в пламя. Молча. Кривичи тоже молчали, поглядывали на Горазда.

Купец сделал знак: одна из молодых челядниц налила в чашу горячий сладкий медовый вар, поднесла тому, что присел на корточки. Тот, не обращая внимания, демонстративно глядел на огонь. Внезапно один из его спутников грубо схватил женщину, та вскрикнула, уронила чашу. Нурман грубо, спиной, притянул ее к себе, укусил за шею. Женщина вскрикнула, попыталась вырваться. Нурман захохотал, сдавил ее, укусил еще раз, затем отшвырнул в сугроб.

Серега увидел, как заходили желваки у сидящего справа от Горазда Устаха.

Но никто из кривичей опять ничего не сделал. И Серега тоже. Хотя

ему очень хотелось.

Непонятки. Конечно, пришельцы в броне и при оружии, а Гораздовы – кто в чем есть. Но нурманов всего шестеро, а Гораздовых – почти два десятка. Втрое против нурманов. Чего ж эти вотановы ублюдки борзеют? И почему им позволяют борзеть?

– Мыш, – шепнул Духарев. – Мой меч.

«Учил же Рёрах меня, дурака: не клади оружие дальше протянутой руки!» – сердясь сам на себя, подумал Серега.

– Ты че, Серегей... – испуганным шепотом начал Мыш.

– Живо! – прошипел Духарев.

Мыш скатился с бревна и, пригибаясь, как будто ждал стрелы, кинулся к тюкам. Двое нурманов схватились за сулицы, но, разглядев, что это только мальчишка, остановились.

Их вожак все так же сидел у костра, глядел в пламя. Как будто вокруг – никого. На спину его поверх рыбьей чешуи доспеха была наброшена волчья шкура. Белая, с темной полосой по хребту.

Хищные глаза нурманов посверкивали в круглых прорезях шлемов.

Мыш подбежал, сунул Сереге меч в ножнах и сразу присел, прячась за Серегину широкую спину.

Нурманы это видели. Тут же один из чужаков – на нем тоже была волчья шкура, только не белая, а серая – обогнул костер и уселся на бревно рядом с Духаревым. Глянул на него нагло и вызывающе, ухмыльнулся. Воняло от нурмана, как от бомжа.

И сразу еще двое сошли с мест. Один быстрым движением выхватил нож, отмахнул от подвешенной кабаньей туши красную полоску, вытянул из-за пазухи мешочек с солью, сыпанул и стал жрать сырое мясо. Второй плюхнулся на бревно рядом с Зубковой женой, Неленей, скинул шлем, встряхнул спутанными волосами и вдруг ухватил Неленю за пшеничные косы, запрокидывая молодой женщине голову...

Зубок, вскрикнув, бросился к ней...

Нож нурмана, евшего мясо, свистнул в воздухе и ударил Зубка между лопаток. Брони на Зубке не было, и нож вошел почти на ладонь. Кривич споткнулся, широко раскрыл рот... Беззвучно, как рыба... И упал.

Над поляной прокатился дружный вздох.

Мгновением позже дико вскрикнула Неленя, нурман зажал ей ладонью рот и засмеялся, когда женщина попыталась укусить его ладонь.

– Зачем? – глухо произнес Горазд.

Предводитель отвернулся от огня – к Горазду. На нем был пластинчатый панцирь без рукавов и нашейника. Из-под панциря торчали

рукава кольчужной рубахи.

– Виру стребуешь, словенин? – негромко поинтересовался он. – Или, может, – кровь за кровь возьмешь?

Говорил он по-своему, но Горазд понял. Да все поняли, даже те, кто не знал языка.

– Князь возьмет, – совсем тихо ответил купец.

– Если узнает. – Нурман глядел на Горазда, а Горазд – в утоптаный снег.

Нурман сдвинул на затылок шлем. Лицо у него было строгое и спокойное. Красивое мужественное лицо вождя-воина.

Его товарищ тем временем давил пальцами лицо Нелени. Женщина уже не кричала, подвывала на одной ноте, как собачонка. Нурман распахнул на ней полушубок...

«Эта сука нас провоцирует! – подумал Серега. – Ну ладно же!»

Он сжал рукоять меча, нажал большим пальцем, и клинок, щелкнув, выдвинулся из ножен. Тотчас сидящий около Духарева нурман небрежным движением обнял Серегу за шею, царапнул горло железными бляшками, нашитыми на раструб рукавицы. Его шлем был тоже сдвинут на затылок. Нурман выдохнул прямо Сереге в лицо, ухмыльнулся-оскалился, полностью уверенный в своем превосходстве рыжебородый наглец...

Духарев ударил его локтем, снизу вверх, в нос. меховой рукав куртки, конечно, смягчил удар, но голова нурмана мотнулась назад, и хватка на шее Сергиной ослабла.

Духарев, разворачиваясь, врезал нурману по зубам оголовьем меча, с удовольствием услышал хруст и перекатом ушел назад, одновременно стряхивая с меча ножны.

Брошенная в него сулица с шелестом вспорола снег. Серега встал на ноги, увидел, как Мышь лаской метнулся к упавшему нурману, скорее почувствовал, чем заметил еще одну сулицу, прыгнул и выхватил ее из воздуха буквально в метре от Мышовой спины, развернулся, увидел оскаленную пасть бросившего копье нурмана и метнул сулицу обратно. Нурман присел, и сулица прошла мимо.

Боковым зрением Духарев увидел, как Устах опускает меч на затылок схватившего Неленю разбойника, перескочил через костер и из верхней позиции рубанул нурманского вожака, схватившегося с Гораздом.

Нурман затылком угадал опасность, отскочил, и меч впустую звякнул по панцирю, отхватив клоч волчьей шкуры.

Нурман вертанулся волчком. Жало его меча прочертило параллельную земле линию в сантиметре от Сергиной куртки, упало вниз, и Серега, не

отдерни он ногу, – остался бы калекой.

Свист... Серега инстинктивно присел – и клинок другого нурмана пропел у Духарева над макушкой. Приседая, Серега боковым зрением увидел набегающего третьего, взлетающий топор...

Духарев кувыркнулся ему навстречу, с кувырка оттолкнулся-ударил нурмана ногами в грудь – и тот исчез из поля зрения. А Серега кувыркнулся обратно – меч второго разбойника с маху врубился в мерзлую землю там, где только что был Духарев, – кувыркнулся и встал: нос к носу с нурманским вожаком.

Вот это было зрелище! В общем-то довольно красивое лицо нурмана перекосила страшная гримаса. Из оскаленного рта на бороду обильно стекала слюна, расширенные зрачки, красные белки глаз...

Даже если Серега и собирался испугаться, то не успел. Горазд с криканьем рубанул нурмана по спине.

Может, у купца с возрастом ослабел поставленный удар. Может, двойная, на совесть выкованная броня нурмана оказалась тверже кривичского клинка... В общем, панцирь выдержал, а брошенный ударом нурман налетел на Духарева.

Встретить его мечом Серега по близости дистанции не мог, поэтому и ударил с левой, в кадык, ощутив, как вминается внутрь хрящ. В шее нурмана что-то хрустнуло, и вождь разбойников тяжело рухнул навзничь. Купец замахнулся, но один из противников Сереги вихрем пронесся мимо Духарева и успел подставить под удар щит.

Третий, тот, что с топором, уже давно был на ногах и рубился с тремя кривичами.

Серега быстро огляделся. Из шести нурманов в состоянии активности остались только трое. Вооруженный топором – раз. Тот, что бился с Гораздом (теперь уже не только с Гораздом, а еще и с Драем), – два. И еще третий, что рубился сейчас аж с четырьмя. Правда, сразу было видно, что из этих четырех реально опасен для нурмана только Устах, прочие всего лишь путаются под ногами.

Серега остановился буквально на пару мгновений – перевести дух... И за этот ничтожный промежуток времени нурман с топором ухитрился разрубить бедро одному, развалить голову вместе со шлемом второму и отсечь правую кисть третьему кривичу. Третьего он тут же и прикончил бы, но Духарев опомнился и бросился на выручку.

Нурман бился классно! Он подхватил щит одного из кривичей и встречал им Серегин клинок так ловко, словно Духарев только по щиту и целил. Здоровенный топор нурмана летал, как бабочка, разбойник наседа,

давил, страшно рычал, норовил прижать к какому-нибудь дереву. Но Духарев тоже не вчера родился, и напугать его рыком было трудновато. Да и бегать спиной вперед он не любил, поэтому пропускал нурмана мимо себя, заставляя разворачиваться и терять напор. Но всякий раз, когда клинок бесполезно скользил по наплечнику или отлетал назад, отброшенный щитом, у Сереги возникало отвратительное ощущение бессилия, невозможности уязвить противника.

Лунный свет пробивался между крон, отражался от снега, изрезанного четкими черными тенями ветвей. Хруст снега, звон металла, тяжелое дыхание...

«Когда ж ты, медведь, выдохнешься?» – думал Духарев, уворачиваясь и ускользая.

Но выдыхался он сам. Бились они уже не на утоптанной поляне, а в лесу, по колено в снегу, что существенно помогало нурману. Духарев был быстрее, и реакция у него была лучше, но опыт нурмана сводил эти преимущества на нет. Серегу поддерживала только мысль о том, что он в любой момент может прекратить бой и ретироваться. Вряд ли тяжеловооруженный противник сумеет его догнать...

И только Духарев подумал о том, чтобы смыться, как нурманов топор чиркнул его по ноге.

Чутьочку задел, самым кончиком, но меховые штаны вспорол и мышцу на добрый сантиметр в глубину – тоже.

Боли Серега не почувствовал, зато теплую струйку, побежавшую по ноге, – ощутил. Сознание его сработало с потрясающей быстротой. Миг – и он уже валится на бок. Нурман, который знал, что попал, который учуял кровь, но оценить в темноте, насколько опасна рана словенина, не мог, – действовал привычно. Отшвырнул щит, хватил топор двумя руками и нанес удар, отразить который можно разве что танковой броней.

Но Серега и не собирался его отражать. Он просто откатился в сторону и ткнул мечом снизу вверх. Целил он в пах, под железную панцирную юбку, но в пах не попал, а полоснул остро отточенным лезвием изнутри по ляжке. Довольно глубоко полоснул, а отдергивая меч назад, резанул по второй ляжке, еще глубже, – быстро перекатился по снегу, вскочил.

Нурман, опустив топор, глядел вниз, туда, где его кровь черными каплями плавила снег. Духарев ждал.

Наконец нурман поднял голову, издал странный звук – будто всхлипнул... И с места, двумя ногами, – прыгнул на Серегу. Топор с шумом прошел сверху вниз – Духарев уклонился влево, увидел совсем рядом всклокоченную бороду, придавленную ремешком шлема, – и коротким

движением, из-за уха, всадил острие меча прямо под этот ремешок. Воткнул, одновременно поворачиваясь, обходя нурмана сзади, уходя от возможного (последнего!) удара, сразу выдергивая меч из пробитой трахеи...

Нурман забулькал, сделал шаг вперед – и повалился в снег.

«Я его убил», – подумал Духарев.

Эта мысль его особенно не взволновала. Он обтер клинок снегом, слепил большой плотный снежок, сунул в разрез, оставленный в штанах топором нурмана, и заковылял к лагерю.

Глава двенадцатая, в которой кулачные навыки Сереги Духарева получают заслуженное признание

Рана Сереги оказалась пустяковой, но крови он потерял много. В общем, по собственной глупости. Надо было сразу жгут наложить и перевязать, а Духарев ограничился снегом, да еще взялся помогать Сладе обрабатывать раненых... В общем, пока она сама не увидела, что у Сереги штанина мокнет от крови...

Легкие ранения, кроме Духарева, получили трое. Устах, Теша и кривич из челядников, которому отсекали пол-уха. Еще один кривич пострадал серьезнее: лишился руки. Погибли четверо. Серега считал: повезло. Он помнил, как его последний противник, нурман с топором, в считанные мгновения расправился с тремя. Горазд и Драй вдвоем завалили одного нурмана, самого молодого, а потом – вместе с Устахом – еще одного, последнего. Можно сказать: едва-едва одолели. Да и то лишь потому, что нурманы в самом начале схватки потеряли троих. Теперь Серега полагал, что понимает, отчего Горазд и остальные так не хотели начинать драку.

Однако очень скоро выяснилось, что понимать-то он понимает, но не до конца.

Серегину рану Слада зашила, прилепила сверху нашлепку из мха, забинтовала туго и отправилась помогать другим, оставив суженого отдыхать на бревнышке. Помощь пострадавшим оказывалась примерно такая же, как и Духареву. Зашить-перевязать. Малоприятная процедура, учитывая отсутствие обезболивающего. Особенно круто обошлись с потерявшим кисть – прижгли культю раскаленным железом. А парня, которому нурман вспорол живот, даже и лечить не стали, просто перерезали горло. Ясно, что не жилец.

Убитых сложили вместе: своих и врагов. Горазд отправил челядников рубить лесины: мертвых следовало как можно скорее предать огню, чтобы их призраки не докучали живым. Теша, правда, хотел, чтобы убитых нурманов не сожгли, а зарыли в землю. В отместку за убитого друга, Зубка. Но остальные сочли это слишком жестоким. Одно дело – надругаться над телом, другое – над духом. Тем более что закопанный в землю дух рано или поздно вырвется и начнет мстить. Нет уж, пусть летят нурмановы духи в свою Валхаллу, изолют там брагу забвения и не вспоминают более о своих земных убийцах.

Все вокруг суетились, складывали костер, обдирали убитых врагов, собирали в дорогу своих мертвых... Все трудились, даже легкораненные, только Духарев сидел один-одинешенек, голову повесив, прислушивался к боли в ноге и предавался грустным мыслям. Вот, дескать, он уже и бился вместе с ватажниками, и не хуже прочих бился, а все равно как чужой.

От этих «плодотворных» размышлений его оторвал скрип снега.

Сергеа поднял голову. Перед ним стоял Горазд.

А за спиной Горазда выстроилась вся ватажка: воины, слуги, челядники, чуть дальше – женщины. Отдельно от остальных – Слада. Из-за плеча девушки выглядывала довольная мордочка Мыша.

Горазд ждал.

Сергеа понял, чего ждет купец, и поднялся, поморщившись от боли в раненой ноге.

Тут Горазд Сергеу по-настоящему удивил. Поклонился низко, в пояс, как Скольду и то не кланялся.

– Прости меня, витязь Сергей, за непочтенные слова, кои говорил тебе прежде! Не знал я, каков ты! Смеялся над кулачным твоим уменьем! Прости!

– Да ладно, пустое, – пробормотал смущенный Сергеа. – Ну о чем тут говорить...

– Прощаешь ли ты меня? – пробасил купец.

– Ну конечно! – воскликнул Духарев. – Слушай, можно, я сяду, нога болит.

И, не дожидаясь ответа, опустился на бревно.

Горазд и остальные остались стоять.

– Ты спас мою жизнь и имение мое. Ты спас всех нас, – продолжал Горазд торжественно. – Я должник твой.

– Ты меня нанял, – напомнил Духарев, но Горазд пропустил его слова мимо ушей. – Мы все кланяемся тебе, Сергей-витязь! – Купец поклонился еще раз, и все остальные, от Устаха до последней девки-челядницы,

последовали его примеру. Даже чудин, с которого так и не сняли цепей, и тот согнул спину.

Сергея совсем смутился и снова встал.

Вперед вышли Драй, Голомята и двое кривичей, чьих имен Сергей не помнил. По знаку Горазда они расстелили на снегу оленью шкуру, а на шкуру сложили серебряными кучками кольчуги и панцири, отдельно – шлемы. Отдельно от шлемов – мечи, кинжалы, луки и прочее. Одежду и кошельки положили прямо на снег. Без того почтения, какое оказывали оружию.

От Духарева чего-то ждали. Чего?

Может, чтобы он примерил доспехи? Или разделил имущество на всех?

У Сергея не было ни сил, ни желания догадываться. Поэтому он изобразил головокружение (очень естественно, потому что голова у него действительно кружилась), оперся на бревно и прикрыл глаза.

Драй сунулся помочь, но его опередил Мыш.

– Тебе худо, Сергей? – озабоченно спросил названный брат.

– Есть немного, – пробормотал Духарев. Горазд махнул рукой, и через три секунды рядом с Сергеем остались только Мыш и Слада. И трофейное имущество осталось.

Слада поднесла к Сергеевым губам чашку с горячим медом. Сергей покорно отпил, хотя успел уже возненавидеть эту сладкую бурду.

– Мыш, – негромко спросил он. – Что мне со всем этим делать?

– Оделить тех, кто лучше бился, – Мыш даже удивился вопросу.

– А почему я, а не Горазд, не Устах?

– Так он же сказал, что ты теперь старший. Без тебя нас всех посекали бы. Кабы ты обоих волколюдов не побил, нурманы б уже с нас живьем шкуру драли.

– Каких еще волколюдов?

– Да этих же, ну! – Мыш напрягся, вспоминая нужное слово. Вспомнил: – Бересерков! Или нет? Бересерки, это которые в Медведев перекидываются...

– Слушай, Мыш, – сказал Духарев. – Давай по порядку. Я, правда, ничего не понимаю в этих делах.

– Ври больше! – усмехнулся Мыш. – Все видели, как ты одному ка-ак врезал! А главному волчаре! Да он как упал, так и помер. Драй ему потом на всякий случай поленом башку разбить не смог!

– А почему поленом? – удивился Духарев.

– Дык волколюд же!

Понемногу Серега докопался до сути происшедшего.

Горазд с ватажниками своими испугался не просто нурманов. То есть нурманов тоже боялись, но куда меньше, чем берсерков-волколюдов. Считалось, что даже один берсерк способен укокошить полдюжины обычных ратников, поскольку бьет так быстро, что глазу не видно, а сам никакого железа не боится, хоть мечом его руби, хоть стрелой бей. А завалить волколюда можно только голой рукой или отрезанной медвежьей лапой. Что Серега нынче и доказал, повергнув наземь аж двух волколюдов. Один, правда, может, и не сильный волколюд был, потому что Мыш ему, оглушенному, горло перерезал и кровь побежала сразу, как у человека. Правда, нож, которым Мыш нурмана резал, – его же, нурмана, нож. Может, поэтому нурман и поддался. А может, это потому, что Сергей своим молодецким ударом из оборотня колдовство выбил. Но второй, главный, точно был сильный волколюд, авторитетно заявил Мыш. Горазд его не шутя мечом рубанул – и ниче. А Духарев один раз кулачищем приложил – и берсерк откинулся. Вот поэтому Горазд и извинялся. Мол, смеялся над Серегиным умением на кулачках биться, а выходит, это не просто для смердов потеха, а самая что ни на есть антиберсерковская боевая техника. Горазд – он крутой. Но справедливый. Наверняка теперь Духареву долю в товаре даст. И это правильно. Не будь Сереги, нурманы бы все забрали. А людей перебили всех, чтоб некому было на них князю жалобиться. И то, если б просто побили, а то ведь они, нурманы, а особенно волколюды, нет бы просто убить, так сначала мучают долго. От человеческой муки у них, говорят, сила прибывает. А уж что они с бабами творят...

Серега почувствовал, как напряглась сидящая по его левую руку Слада.

Он обнял девушку, прижал к себе: не бойся, милая! Никто тебя не обидит, пока я жив. А убить меня теперь ой как не просто!

Поговорив о садистских наклонностях нурманов, Мыш счел информационную часть беседы законченной и перешел к теме более животрепещущей. К дележу имущества.

Как выяснилось, Мыш совершенно точно знал, кому и что следует дать.

Во-первых, самому Духареву по праву победителя принадлежит все, что найдено на телах обоих берсерков и того нурмана, которого Серега зарубил в лесу. То, что главаря разбойников вроде бы добил Драй, а второго – Мыш, значения не имело. Беспомощного может и баба добить, так что ж ей, бабе, меч со щитом отдавать? Да она его и не подымет, боевой щит-то! Хотя он, Мыш, очень рассчитывает, что Серега отдаст ему нурманов боевой

нож и пояс с серебряными бляшками. Драю можно отдать доспехи разбойника, которого они с Гораздом осилили. Меч Горазду отдать. А с третьим, которого уже вдвоем с Устахом побили, пусть сами решают, кому что.

Самое ценное, понял Духарев, его панцири. Он взял со шкуры тот, что раньше принадлежал вожаку нурманов.

Изнутри панцирь состоял из переплетенных кожаных ремней, к которым ремешками более тонкими крепились разных размеров стальные пластинки. Пластинки были выпуклые и упругие, а друг на друга ложились внахлест, как рыба чешуя. На самых крупных был выбит значок – клеймо мастера, вероятно. О высоком качестве брони говорило хотя бы то, что молодецкий удар Горазда всего лишь помял несколько чешуй. Еще в защитный комплект «волколюда» входила кольчуга с короткими рукавами. Серега прикинул, что такая двойная «шкура» способна выдержать и удар топором, и даже попадание «бронбойной» стрелы, выпущенной из мощного лука. Панцирь был достаточно широк, чтобы Серега мог носить его поверх тулупчика. Кольчуга – поуже. Но кольчуг было еще четыре, и одна – вполне подходящего размера. Еще Серега приглядел себе удобный шлем со стрелочкой, которую по желанию можно было опускать и поднимать, и красивые позолоченные наручи с чеканкой, явно нездешней работы.

– Забирай свой нож, – сказал Духарев Мышу. – И позови Устаха с Гораздом. Будем имущество делить.

Утром Устах нашел дополнительные трофеи – нурманские вещмешки, в которых, впрочем, ничего особенно ценного не оказалось.

А еще Серега, отчасти из озорства, отхватил кусок волчьей шкуры, которую носил на плечах нурманский вождь, и попросил Сладу пришить серый клочок к трофейному панцирю. Наподобие эполета. Мальчишество, конечно. Ватажники по поводу этого «украшения» ничего не сказали. Раньше, может, и намекнули бы, что нехорошо дразнить навий, бросать вызов мстительному духу волколюда. «Объяснили» бы то, что «знает» любой кривичский мальчишка. Но теперь все, включая Горазда и Устаха, считали Духарева экспертом по берсеркам. Раз Серега рискнул бросить «вызов» судьбе, привлекая возможных мстителей за убитого нурмана, значит, так и надо.

Серега же об этих «тонких сакральных материях» понятия не имел. Впрочем, сказали бы ему, все равно не срезал бы «серый» погон с плеча. Несмотря на все, что с ним произошло, Духарев никак не мог научиться принимать всерьез эти самые сакральные материи. И правильно. Неверие и

неведение – тоже защита. Впрочем, в данном случае эта защита не сработала. Впрочем, может, и не в незримых силах дело, а в обычной случайности?

Глава тринадцатая,
в которой Серегу Духарева производят в высшее воинское сословие

Неленя не долго плакала по Зубку. Трех дней не прошло, а она уже прилепилась к Драю. Серега ее не осуждал: молодая красивая женщина без родичей и заступников – вроде брошенного на дорогу кошелька. Кто первым подберет – тот и молодец. Правда, он ожидал, что молодица выберет мужнина друга Тешу, но, с другой стороны, в табели о рангах Драй стоял на уровень выше, а парень неплохой, хотя, по сути, мальчишка. Недавно он копировал каждый жест Устаха, а теперь нашел еще один образец – в лице Духарева. Почтительно попросил показать удар, каким Серега разбил горло нурману, еще более почтительно попросил побиться с ним на палках. Сереге и самому было интересно пофехтовать, поэтому он поработал сначала с Драем, а потом и с Устахом. Драя он сделал без особого труда, а вот с Устахом оказался почти на равных. Не будь у Сереги преимущества в быстроте, росте и силе, синеусый воин разделал бы соперника под орех. Оба, Серега и Устах, получили от поединка огромное удовольствие.

– Сразу видать, что тебя варяг учил! – одобрительно заметил синеусый воин.

Серега тоже заметил «общность школы», основанной не столько на силе, сколько на быстроте, ловкости и выносливости. Правда, и силу не следовало сбрасывать со счетов.

Заодно Серега решил преподать пару уроков своему названому братцу. И тут же столкнулся с проблемой. Выяснилось, что сам Духарев понятия не имеет о «базовой технике» фехтования. Практичный Рёрех эту часть попросту опустил, построив обучение на тех «рукопашных» навыках, которые уже были у Духарева. Пришлось Сереге обратиться за помощью к Устаху.

Синеусый варяг помог. Не без удивления. Его можно было понять. Не так уж часто встречаешься с писателем, который не знает букв, а изъясняется исключительно готовыми фразами.

Мыш, вопреки ожиданиям Духарева, оказался парнишкой способным,

и Устах даже укорил Серегу в том, что пацана не отдали в детские годиков пять-шесть назад. Тогда к настоящему времени из Мыша вышел бы уже вполне боеспособный отрок, а не тощее белобрысое убожество, каким побратим Сереги и является сейчас. Серега в ответ возразил, что Мыш стал его братом меньше года назад и, следовательно, он, Духарев, раньше не имел возможности принять участия в его судьбе.

Устах взял упрек назад.

А спустя два дня у них с Серегой произошел серьезный, можно сказать, глобальный разговор.

Они сидели у костра. Духарев, Слада, Устах, Драй с Неленей, Теша и пара воев-кривичей, молодых.

– Я – варяг по крови, – сказал Устах. – Драй – варяг по жизни. Кто из нас лучший?

– Ты, – не раздумывая, ответил Серега.

– Почему?

– Бьешься крепче.

Драй засмеялся.

– Подкинь, – уронил Устах, и кто-то из молодых подбросил в огонь сучьев. Пламя оживилось.

– Крепче, – согласился Устах. – А с тобой?

– Ну... Меня ты тоже достать можешь, – уклончиво ответил Духарев.

– Могу, – согласился Устах. – Два раза против пяти.

– Ты лучше бьешься, – не согласился Духарев. – Просто я быстрее.

Это тоже было правдой. Устах владел оружием намного лучше, Духарев учился у него, а Устаху у Сереги учиться было нечему.

– Понимаешь, к чему я клоню? – спросил Устах.

Духарев покачал головой.

– Скажи ему, Драй.

– На словенской земле, – сказал новгородец, – от моря Северного до Дикого Поля только нурманы и варяги – лучшие воины. Тебя кто пляске битвы учил, варяг иль нурман?

– Варяг, – ответил Духарев.

– Ну так?

– Я понял, – сказал Серега. – Что от меня требуется?

– Эй, молодница, воды горячей подай! – скомандовал Устах Нелене.

Он порылся в сумке, вытащил и бросил в котелок щепоть сушеной травы. В воздухе густо запахло мятой.

– Бороду смочи, – велел варяг, вытягивая из чехла нож. – Угу. А теперь чуток наклонись.

Лезвие, остротой вполне соперничающее с бритвой «Жиллет», пришлось по Серегиным щекам, и светлая бородка осыпалась на подставленную рогожку. Минута, не больше – и от светлой поросли остались только сбегаящие книзу усы. Конечно, не такие роскошные, как у Устаха, в косички не заплеть, но вполне приличные.

– А голову? – спросил Духарев, вспомнив Скольда.

Драй и Устах засмеялись.

– Пока так походишь, – сказал Устах. – Голову лучшие мужи бреют.

Серега пощупал свисающие по сторонам подбородка усы.

– Ну что? – спросил он. – Это все?

Он помнил, как они братались с Мышом, помнил Волохово капище и ожидал неких особенных обрядов, клятв... А тут – просто как в парикмахерской.

Устах смахнул волосы с рогожки в огонь, пробормотал что-то и поднялся.

– Не все, – произнес он. – Пойдем. Прогуляемся.

Они отошли от костров, в темноту. Под ногами похрустывал снег. Где-то жалобно и тонко провыл волк. Но никто из его братьев не отозвался.

Устах остановился.

– Слушай, – произнес он негромко. – И запоминай. Наш устав простой, но кто его преступит – умрет. Мы, варяги, сыновья моря. Потому на море мы никогда друг против друга не встаем. А на твердой земле, бывает, под разными знаменами ходим. Бывает, вожди наши меж собой бьются. Это ведь жизнь. В жизни и брат брата погубить может. Ты вот – христианин, я – первым Перуна почитаю. Схлестнутся наши боги, начнут спорить, кто выше, так и мы с тобой железом играть начнем. Варяг против варяга. Но есть у нас своя Правда. И ты эту Правду знать и исполнять должен. А отступишь – тебя любой из нас, как пса бешеного, убить может. И виру князю иль наместнику с воеводой платить не станет, коли наместник, князь иль воевода – тоже варяг. А коли не варяг... Все одно платить не станет! – Устах засмеялся, но тут же посерьезнел.

– Вижу, – проговорил он, – ждешь ты, что я клятву с тебя возьму? Не жди. Клятву с тебя вождь возьмет, когда под свою руку примет. А коли ты, и без клятв, от варяжской Правды отступишь, мы, люди, тебя к ответу призовем не хуже сильных богов. А теперь слушай ее, Правду! – Устах положил руку на плечо Духарева. – Слушай и внимай. Первое: варяг никогда не приведет беду на землю своих пращуров! Внял?

– Да, – кивнул Духарев. – А где эта земля, Устах?

Глава четырнадцатая, ***в которой Серега узнает кое-что полезное о политике и*** ***выслушивает еще одну версию гибели Вещего Олега***

Превращение Сереги в варяга ватажкой Горазда было принято одобрительно, а Мыш вообще был в восторге. Единственный, кому пришелся не по душе новый имидж Духарева, был сам Горазд.

– Был ты наш, кривич, а стал – кто?

– Стал варяг! – отрезал как будто выросший из-под земли Устах. – Иль ты хочешь что плохое о варягах сказать? Говори!

Горазд поглядел на своего собственного наемника... Сплюнул, толкнул коня пятками и ускакал вперед. Устах дернул крашеный ус.

– Горазд – муж добрый, только... – варяг ухмыльнулся, – ...кривич. Втемяшилось ему, что его родовичи – из славян лучшие. – Устах согнул палец крючком, постучал по ладони.

– Да ему просто долю князю платить жалко! – возразил Духарев и тоже ухмыльнулся, поскольку не забыл, какие темы толкал купец, когда Духарев, связанный, бежал за его повозкой. Что-то он тогда не называл Серегу «нашим» и «кривичем», а называл чужаком и определял не в национальные герои, а в ромейские рабы.

– Кривич, не кривич, а посулят Горазду цену хорошую, он половину своих родичей продаст!

– Ты не прав, Серегей, – покачал головой Устах. – Есть у Горазда челядники-кривичи, да, но чтоб он их на торг ставил, я не слыхал. А что Горазд долю княжью платить не хочет, так тут ты прав. И он – прав. При Олеге с ромеями торговать выгодней было. Боялись его крепко, и рота у ромеев с Олегом была одна. А с Игорем – уже другая. Олег их бил, а Игорь так, пощипал немного. А с гостей, таких как наш Горазд, берет против Олега вдвое. Эх, какой князь был! – Устах вздохнул. – Велик был, мудр... а погиб глупо.

– Почему глупо? – спросил Духарев. – Я слыхал, его в степях подстрелили.

– Так говорят, – вздохнул Устах. – Но ты теперь варяг, тебе правду скажу. Ее немногие знают, только те, кто с Олегом тогда ходил. Мой отец – из Олеговых русов. Он мне и рассказал.

Варяг придержал коня, который все порывался обогнать Серегиного Пепла, и продолжил, немного понизив голос:

– Олег тогда к хузарскому хакану ходил...

История Вещего Олега в версии варяга Устаха

...Олег-князь тогда к хузарскому хакану ходил. О дорогах договариваться: кто и где их держать будет. Ране хузары все пути держали да на нашу Русь глядели гневно, что дань теперь поляне да прочие не им, а нам платят. Но когда самого хакана печенеги щипать стали, не до старых ему обид стало. А ведь сказал ему волох еще в Киеве: не ходи, сгибнешь. За коня смерть получишь. А конь у Олега хорош был. Таких с восхода везут, а у ромеев продают за серебро по весу. Олег его от ромеев и привез. Волох сказал: смерть примешь; да рази такого, как Олег, Ирием застращаешь. Сказал: я сам ведун, сам знаю, где моя гибель бродит. Может, и знал.

С хаканом у них хорошо сладилось. Ну, Олег на радостях ему своего коня и подарил. Может, вспомнил волоховы слова, потому и отдал. И хакан его отдал щедро: привел к наложницам своим, из тех, с кем еще не возлежал: «Выбирай, говорит, какая глянется!»

Олег и выбрал. А девка, змея, его ночью и убила. Наши утром в шатер вошли, Олег мертвый лежит, синий весь, и девка – мертвая: жилы вскрыла. Так вот никто и не узнал, за что она его убила.

– Может, ее специально хакан научил? – предположил Серега.

Устах покачал головой:

– Хакану-то зачем? Хакану с Киевом дружить хорошо. У хузар печенежские орды – что рогатина в боку. Не до нас им. Ну, бывало, бились они и с Олегом, но ясно же, что чем друг у друга стада да табуны угонять, куда веселей ромеев за мошну щупать. Да и бились чаще по наущению тех же ромеев. А Киеву со Степью ссориться тоже не с руки. Уйдет князь с русью в поход иль в набег – а степняки уже под киевскими стенами. И девка та – ромейкой была. Вот и смекай.

Серега подумал и спросил:

– А Игорь, он тоже с хазарами дружит?

– Игорь? Нет, – Устах качнул головой. – Игорь ни с кем не дружит.

– Почему?

– Жаден слишком. Вот слыхал, как он на ромеев первый раз ходил? Как побили его? А почему побили, слыхал? Потому что с малой дружиною шел! А почему с малой? Да чтоб добычей не делиться! Олег войско по всей своей земле набирал. А Игорь, даже когда по второму разу на Царь-город ходил да понял уже, что одними гриднями ромеев не повоюешь, и тут извернулся. Печенегов в союзники взял. Волков степных удумал на сворку взять. Ну и купили их ромей. Всех. Что печенегов, что дружину Игореву.

Посулили им малую дань – они и согласились. Оно ведь как: каков князь, такова и дружина. Лучше, говорят, малая дань без боя, чем большая сеча. В сече-то неизвестно, кто победит. А тут еще печенеги, того и гляди, в спину ударят за ромейское золото.

Вот Свенельд, воевода княжий, тот – молодец. И силой не обижен, и к своим щедр. У него отроки в шелках ходят, а у Игоря гридни – в холстине. Иной раз и не поймешь: гридь или разбойник с тракта.

«Вот это точно!» – подумал Духарев, вспомнив тех, кто грабил кузнеца.

– Значит, – сказал он, – больше всех от смерти Олега получил Игорь? Устах поскреб затылок.

– А ведь точно, – согласился он. – Стол в Киеве он получил. Только Игорь хоть и жаден, аки нурман, а все ж варяг по крови. Олег его в Киев на руках внес. Не мог он Олега сгубить! Да и повадка это не наша, а ромейская.

– Тебе видней, – согласился Духарев.

И вдруг со всей отчетливостью, как в тот раз, на распутье, понял: он прав. Он, а не Устах. Кто бы ни осуществил убийство, но сделано это с подачи нынешнего киевского князя. Типичная заказуха.

Эта уверенность-знание (второй раз!) потрясла Серегу больше, чем сам открывшийся факт. Да и что в этом факте неожиданного? Это здешним парням, с их благоговейным отношением к родичам и обязательствам, факт сей кажется психологически невероятным. Но Серега – выходец из общества с совершенно другой моралью. Из общества, где «князьями» становятся именно те люди, которые легко забывают о родстве и обязательствах, когда речь заходит о деньгах или власти.

И как же поступить самому Духареву? С одной стороны, знание психологии киевского князя может стать неплохим подспорьем, если Серега поступит к нему на службу. С другой стороны... Это там, откуда Серега ушел, у него не было выбора: один говнюк стоит другого. А здесь, слава Богу, выбор пока еще есть.

Глава пятнадцатая

Смоленск

Наконец наступила весна. В смысле, потеплело и снег потек водой. Горазд заторопился. Понятное дело. Еще чуть-чуть – и гладкий санный путь превратится в болотную жижу. К счастью, до Смоленска оставалось

меньше двух переходов, но Горазд все равно ворчал недовольно: мол, всегда приходил заблаговременно, а тут... Кого купец винил в опоздании, было непонятно.

Спешили все, не только Горазд. Их дважды обогнали караваны с более легким грузом и без медлительных челядников. Пытались обогнать и по третьему разу: перед самым постоянным двором какой-то молодой новгородский купчина вознамерился. Рассчитывал, вероятно, занять места получше.

Горазд что-то недовольно буркнул Устаху, синеусый варяг кивнул Духареву: составь компанию.

Новгородского купца, который, встав на сани, начал было что-то говорить, Устах проигнорировал. Подъехал к старшему охраннику чужого поезда, не нурману, не варягу, а обычному вою, хоть и в хорошем доспехе, уронил:

– Слезь с хвоста.

Повернул коня и отбыл.

Сергеа, чуть задержавшись, не без удовольствия глядел на то, как борются в чужом охраннике противоречивые чувства, подмигнул бедняге, поскольку заранее знал, какое чувство победит, – и последовал за Устахом.

Через пару минут передние сани новгородцев, уже поравнявшиеся с уныло бредущей челядью, встали. И простояли достаточно, чтобы замыкающий Горазда перестал их не только видеть, но и слышать.

Предосторожность Горазда оказалась весьма нелишней. Постоялый двор был небольшой, вдобавок здесь уже разместился один поезд, так что обгони новгородцы торжковских – ночевать последним на улице. А так на свежем воздухе расположились новгородцы. Что ж, и в такой ночевке имелись свои плюсы. Серега, например, никак не мог привыкнуть к местной системе отопления, к густой копоти и хлопьям сажи на потолке, и, если приходилось ночевать в общем зале, старался лечь поближе к двери.

– Черный ворон, что ты вьешься

Над моею головой?

Ты добычи не добьешься,

Черный ворон, я не твой... —

вполголоса затянул Теша.

«Ворону» ватажников научил Духарев. Песня всем понравилась. Даже Устах высказался в том смысле, что правильная, реальная песня. Правда,

музыкальный слух, да и память тоже у Сереги чуток прихрамывали, но поскольку никто из присутствующих не слышал оригинала, то и критики в адрес Духарева не было. Вообще-то здешний народ попеть любил, только все песни были какие-то... заунывные. На одной ноте.

Ватажка Горазда собралась за одним длинным столом. Те, кто поавторитетней, – ближе к середке, остальные – по краям. Диковатый чудин и еще пара челядников, которым не хватило места, – на присыпанном соломой земляном полу.

Теша умолк, потому что Горазд начал рассказывать о степняках. Тема была актуальная. Половина людей из ватажки на юге никогда не бывали и о кочевых племенах знали только всякие байки, типа того, что степняки умываются пылью, а к сбруе привешивают засушенные головы врагов.

– Что есть главное свойство кочевника? – неспешно толковал купец. – То, что возникает он как бы ниоткуда и никто не знает, какой он силы и чего от него ожидать. Иной раз даже и непонятно, человек ли он или полунежить.

«Ну прямо вылитый я!» – подумал Духарев.

– Отошел ты, Теша, к примеру, по нужде... – Горазд усмехнулся. – Только пристроился, а тут степняк. Ты и облегчиться не успеешь, а у тебя уже стрела между ушами торчит. А то и вовсе хватить тебя арканом – и поскакал. А ты следом, наподобие свиной туши.

– Ну, аркан можно и ножом секануть, – не сдавался Теша.

– Угу, – Горазд погладил бороду. – Гузку свою секани, проще будет. Он же тебе аркан не на язык накинёт. Если убить захочет, то на шею, а если живым взять – на тулово. Так, чтоб и руки прихватить.

– Да я выдерусь! – самонадеянно заявил Теша.

– Вот он, – Горазд кивнул на Духарева, – может, и выдерется. А ты, как за лошадиным хвостом полстрелища проволокешься, вообще забудешь, кто ты есть!

– Так что ж делать?

– Одному не ходить! – рявкнул Горазд. – Зброю из рук не выпускать! Ушами слушать, носом нюхать, всякое подозрительное место взглядом держать. Верно я говорю, Устах?

Варяг кивнул, но добавил:

– Степь велика. Можно дни ехать – и никого не встретить. А вот у порогов, где волок, степняки всегда сидят. И ежели видят, что вас немного, нападут непременно.

– А бьются как? – спросил кто-то. – Крепко?

– Из луков бьют хорошо, – ответил варяг. – А в сече – так себе. Если их

врасплох взять, побить можно. А так, они чуть что – по полю рассыплются, и ищи-свищи.

– А можно их – врасплох? – жадно спросил Мыш.

Его тут же щелкнули по лбу: не лезь в старшие разговоры. Но Устах ответил.

– Брали и врасплох, – сказал варяг. – Побить любого можно, хоть кочевника, хоть нурмана, хоть самого крепкого воеводу. Если умеючи. Олег бил. Свенельд и ныне бьет... А хитрый ромей, к примеру, сам не бьет, а других натравливает.

– Умно! – одобрил Голомята и хлебнул меду из чужой кружки. Как бы по ошибке.

– Может, и умно, – отозвался Горазд. – Да только кто мощной вместо клинка воюет, у того когда-нибудь мощну и отберут.

«И это купец!» – подумал Духарев не без восхищения.

Нет, ему определенно нравились эти ребята. И их идеология. И вообще...

Он наклонился и поцеловал Сладу в теплую макушку.

– Спать не хочешь? – спросил он вполголоса.

– Немножко.

– Пошли. Я тебе на ночь сказку расскажу.

– Какую?

– Стра-ашную! – Серега округлил глаза. – Про Дракулу!

– Ох! – Черные глаза блеснули.

Слада ужасно любила страшные истории, которых у Сереги был немереный запас. И в здешнем мире, где не было ни книгопечатания, ни видео, у Духарева был эксклюзив на самые фантастические истории.

Вопреки Серегиным ожиданиям, отметка, оставленная нурманским топором на его ноге, затянулась поразительно быстро. Зато погода окончательно испортилась. Еще с ночи зарядил дождь, а к Смоленску подъехали уже после полудня, мокрые и сердитые. Челядники стучали зубами и бежали рысцой, чтобы согреться. Воины, конечно, не мерзли, но и им дождь – одни неприятности. Вода беспощадно губит лучшее оружие, особенно луки.

В воротах уже стояли трое саней. Люди смоленского воеводы шмонали сани с большим усердием. Определяли размер пошлыны. Хозяева саней стояли кучкой, мокли и терпели. Серега представил, как смоленские стражники будут до вечера потрошить поезд Горазда, и ему очень захотелось выпотрошить самих стражников. Тем более что заправлял ими молодой нурман с очень паскудной улыбочкой.

Однако обошлось. У Горазда оказалась гостевая льгота и особая княжья гривна в подтверждение того, что все подати с купца будут взяты в Киеве. И только в Киеве.

Смоленск утопал в грязи. Здесь не было деревянных тротуаров, как в Малом Торжке. Растаявший в одночасье снег и проливной дождь превратили улицы в ледяную жижу по колено глубиной. К счастью, идти пришлось недолго. Постоялый двор, с хозяином которого у Горазда была договоренность, располагался недалеко от ворот. Гораздова ватажка оккупировала пространство около печи. Не чинясь, и вольные, и холопы скинули мокрую одежду и завернулись в льняные полотна, принесенные хозяином гостиницы. Всех напоили горячим медом, который на этот раз даже Серега выпил с удовольствием. Хозяйские слуги принесли три корзины с живыми гусями. Гуси были придиристо изучены, найдены достаточно жирными, одобрены и унесены на смерть. Через четверть часа они уже румянились над огнем, распространяя сногшибательный запах.

Ущемленные ватажкой прочие купцы-постояльцы, которым тоже хотелось устроиться поближе к огню, убаюканные мирным видом новых гостей, взялись отпускать весьма неприличные замечания по поводу статей женщин. А также высказывать определенные сомнения по поводу мужских достоинств составляющих ватажку мужчин. Поскольку большая часть замечаний касалась красавицы Нелени, то Драй в конце концов вышел из терпения, взял меч, отбросил простыню, чтобы не мешалась, и встал перед юмористами. Отсутствие одежды смущало его не больше, чем даму на пляже – отсутствие бальных туфелек. Золотая гривна, определяющая статус воина, полдюжины оберегов и, главное, меч – вот то, что нужно варягу, чтобы чувствовать себя прикинутым по лучшей моде. Тряпки – это мелочь.

Голосом, холодным, как болотная слякоть, Драй предложил сомневающимся убедиться, что мужские атрибуты у него присутствуют, а затем предложил свою помощь, если кто-то из присутствующих желает определиться евнухом при дворе царьградского кесаря. Купцы не пожелали. Возможно, они были не робкого десятка. Возможно, будь Драй один, они бы повели себя более энергично. Но три варяга – это слишком много даже для очень воинственных торговцев. Шутки прекратились. Возможно, после пары корчаг меда и дюжины кувшинов пива новые и старые гости даже подружились бы, но вновь прибывшие слишком устали для застолья и сразу после трапезы разбрелись по своим углам. Серега, правда, прежде чем подняться вместе со Сладой и Мышом в предоставленную им комнату, не поленился зайти на конюшню, проведать Пепла.

Когда он вернулся, Мыш и его сестра уже сопели в четыре дырочки. Сереге спать еще не хотелось, поэтому он отправился в гости к Устаху. У того уже сидел Драй. Варяги развлекались, передвигая деревянные фигурки по разделенному на клетки полю. Не без удивления Духарев признал в игре шахматы.

Драй проиграл, и Устах предложил Сереге сыграть с ним партию. Духарев отказался. В шахматы он последний раз играл лет в десять. А тут еще и правила, небось, другие.

Варяги поменялись фигурами и сыграли еще раз.

Дождь кончился.

Драй опять проиграл, и Устах послал молодого кривича, с которым делил комнату, за Гораздом. А Серега ушел спать.

Глава шестнадцатая, в которой Серега Духарев знакомится с городом Смоленском, вернее, с его окрестностями

Когда Духарев проснулся, Слады в комнате не было, а Мыш сидел на коврике и терпеливо ждал, когда его названный брат соизволит продрать глаза. Как выяснилось, ждал он не просто так.

– Слышь, Серегей, ты Сладку не передумал в жены брать? – осведомился он.

Духарев сел, поморгал, отгоняя сон.

– Нет, – ответил он. – А чего это ты вдруг озаботился?

– А того, что я ей единственный родич! – заявил Мыш. – Ну если тебя не считать, а тебя сейчас считать нельзя, потому что ты – жених. Ну что, берешь Сладку женой?

– Беру, – сказал Духарев. – Только не наезжай.

– Главной женой? – уточнил дотошный Мыш.

– Самой главной!

– По рукам! – Мыш подставил ладонь, по которой Духарев хлопнул с большим удовольствием. С еще большим удовольствием он отвесил бы пацану подзатыльник. Разве можно наваливаться с такими вопросами на только проснувшегося человека?

Мыш потер ладошку.

– Меня Сладка послала, – простодушно сообщил он. – За тебя беспокоится. Говорит: ты муж сильный, тебе каждый день женщина нужна.

– Ну уж и каждый день... – пробормотал заочно польщенный Духарев.

– Так что надоть вам побыстрей пожениться, говорит, не то загуляешь, – деловито продолжал Мыш. – Согласен?

– Ой загуляю! – мечтательно проговорил Духарев. – Весь Смоленск перетрахую!

– Чего весь Смоленск? – не понял Мыш.

– Согласен, говорю! Что от меня требуется?

– Откупа я с тебя брать не буду, – сообщил Мыш. – Ты ж в роду старший. Выходит, сам себе и заплатишь. Ну и с приданым то ж самое.

– Да я не о том, – махнул рукой Духарев. – Как у вас свадьбы-то играют?

– Мы ж христиане, – сказал он. – Нам играть не положено. Да ты не беспокойся. Я Сладке скажу, она все устроит. Она с утра на Торжок ходила, узнавала, где тут братьев наших Христовых найти можно. Коли ты согласен, так она узнает, что да как. Ну а ежели никто из здешних вас поженить не сможет, тогда до Киева ждать придется. Ты как, дотерпишь? А то давай я с Гораздом поговорю: он тебе до Киева челядинку любую даст, на какую покажешь. Неча тебе деньги зря на смольнянских девок тратить! – решительно заявил он.

– Ах ты наш бережливый! – ласково проговорил Духарев, и наученный опытом Мыш быстренько прикрыл ладонями уши.

– Я же токо о нас и забочусь! – обиженно пропищал он.

В дверь постучали.

– Серегей! – раздался голос Устаха. – Айда коней пробежим! Как?

– Иду! – крикнул Духарев.

– Сладке скажи – к обеду вернусь, – велел он Мышу.

– Да хоть к ужину! – отмахнулся пацан. – Ты токо денег на баб не трать.

И ловко увернулся от оплеухи.

«Пожалуй, воин из него выйдет, – подумал Серега. – Проворен».

– Кончай прыгать, – сказал он. – Кольчугу мне подай, братишка.

Чешуйчатый панцирь Серега надевать не стал. Не на битву ехать. Кольчуга, шлем, меч, пара ножей... Обычная «оснастка» воина-варяга на мирной прогулке. Серега поглядел на себя в бронзовое зеркало, опустил вниз стрелку шлема – хорош! Вот только усы коротковаты.

Во дворе уже ждал Устах. Хозяйский холоп держал в поводу двух жеребцов. С опаской держал: варяжские кони – звери. Вон, это даже дворовые псы понимают, держатся на безопасном отдалении.

– Долго собираешься, – укорил Устах.

Упруго оттолкнулся и вмиг оказался в седле. Серега повторил его

движение, но у него получилось куда менее грациозно.

Синеусый варяг припал к шее коня, шепнул ему что-то на ухо. Жеребец с места взял в галоп, помчался через двор, с каждым прыжком наращивая ход. Дворовой, собравшийся отпереть ворота, шарахнулся в сторону, конь Устаха мощно оттолкнулся и перелетел через верхнюю перекладину – выше человеческого роста, – даже не поджимая ног, с запасом.

Серее очень хотелось повторить прыжок, но он не рискнул, подождал, пока слуга откроет ворота.

Из города они выехали бок о бок, шагом проехали по раскисшей дороге, свернули с нее, срезая петлю, на еще более раскисший луг, затем вверх, по пологому склону, и как только копыта животных перестали по бабки утопать в грязи, оба, не сговариваясь, отдали поводья, и кони понеслись наперегонки, расплескивая копытами мягкий дерн. Пепел выиграл гонку. Вынесся на плоскую вершину, опередив соперника корпуса на два. Он бы скакал и дальше, вниз, но Серега остановил его.

Днепр разбух от талой воды, помутнел. Городу, стоящему на высоком правом берегу, половодье пока не угрожало, но низкий левый берег уже скрылся под водой. Скоро река поднимется еще выше, «запрет» притоки, и тогда вешние воды зальют прибрежные рощи. И каменные зубы порогов.

Серее смотрел на еще не разлившуюся реку и как будто видел эти необозримые пространства почти неподвижной воды, торчащие из нее верхушки деревьев. Он знал, что когда-нибудь увидит воочию это половодье. И еще он знал, что случится это не так скоро...

Духарев очнулся, встряхнул головой.

Устах, чтобы не нарушить состояния товарища, спешил поодаль. Серее уже не раз замечал, насколько чуток синеусый варяг и насколько деликатен. На первый взгляд, совершенно неуместное свойство для человека, чья профессия – убивать людей. Но это только на первый взгляд. Именно чуткость, чутье, интуиция дают возможность вовремя применить силу и сохранить жизнь. Интуиция, умение угадать чужие мысли и намерения, опередить... Или не побеспокоить, если речь идет не о враге, а о друге. Это было не столько свойство души, сколько естественная необходимость. Иначе узкие палубы боевых варяжских лодий или нурманских драккаров стали бы слишком тесными для многочисленных дружин. Грубые, невожатанные в словах и поступках, постоянно ссорящиеся между собой викинги «обитают» только в голливудских фильмах. В реальной жизни такие туповатые ублюдки перерезали бы друг друга на третьей неделе плавания... На радость прочим морским народам.

Конечно, Духарев, который никогда не плавал месяцами, под квадратным парусом, по северным морям, об этом понятия не имел. Но отмечал необычайную тактичность Устаха, его уважение к чужому праву на уединение. Отмечал и учился. Правда, деликатность Устаха распространялась только на друзей, равных. Эмоциям всех остальных людей Устах уделял не больше внимания, чем скрипу тележного колеса. Скрипит – смажем. Плохо крутится – сменим.

Днепр... Серега подумал, что раньше, в той жизни, он никогда не видел Днепра. Только Днепрогэс на фотографиях. В той жизни он и подумать не мог, что будет сидеть в седле и глядеть с вершины холма на весеннюю реку. А за спиной у него будет меч и рядом – самый настоящий варяг, один из тех, о ком преподаватель истории в универе, помнится, говорил, что они вообще выдумка. Устах бы ему объяснил, какая он выдумка. Да нет, не стал бы синеусый воин обижать хилого книгочея. Посмеялся бы и продал теоретика за четверть гривны Горазду.

Внезапно Сереге представилось, как он, в нынешнем прикиде, входит в смешной кабачок с сетками под потолком, где они отмечали последний Вовкин день рождения. А что, он ведь смотрелся бы там вполне органично. Получше, чем бандюки в гастуках. А интересно, что было бы, если б он вместо деревянных высыпал на стойку серебро?

Ментов бы вызвали, вот что. И отобрали бы у Сереги меч и прочее. И сунули бы в обезьянник. И сидел бы он, пока кто-нибудь из корешей не приехал и не отслонявил «выкуп».

«Нет уж, пацаны! – мысленно сказал Серега тем, кто приложил руку или крыло к его „перемещению“. – Не надо меня назад! Мне тут больше нравится! Тут воздух свежий!» Есть, конечно, и минусы. Вроде отсутствия туалетной бумаги, горячего душа и развитой медицины. Зато...

Пепел переступил под Серегой, покосился на всадника: что, так и будем стоять?

– Ты умница, – шепнул ему Духарев с нежностью. Откинулся в седле и испустил душераздирающий визг, приведший в ужас воронью стаю в соседней роще.

Жеребец Устаха перестал щипать траву, поглядел на Серегу осуждающе.

– А знаешь, – сказал Духарев варягу, – кажется мне: не поеду я в Киев. По крайней мере, этой весной.

– Там видно будет, – философски ответил Устах, взбираясь в седло.

Смоленск лежал под ними, как нарисованный. Белые стены, опоясанные черным валом, деревянные причалы – почти вровень с

поднявшейся водой, лодки и лодьи, крашенные, новые, и старые, уже потемневшие. Иные уже просели под тяжестью груза, но не отплывали. Серега знал: купцы ждут, когда вода поднимется еще выше и зальет пороги. У причалов без всякого порядка громоздились сараи, за сараями, ниже по течению – верфи. Мимо них, вверх по течению, подталкиваемая длинными веслами, как гигантский жук, ползла боевая лодья. На грязно-белом, почти обвисшем парусе был грубо намалеван красный изломанный крест-свастика.

Устах уже спустился с холма.

– Вперед, – скомандовал Духарев Пеплу, и через несколько минут он и синеусый варяг ехали рядом.

Дорога совсем раскисла. Теперь Серега понимал, почему Горазд так торопился. Задержись они на сутки, и груз пришлось бы навьючивать на лошадей: сани увязли бы в грязище.

Из пригородов тянуло дымом. Где-то близко звенело железо. Кузня, как всегда, – на отшибе.

От дороги ответвилась вверх, на днепровскую кручу, широкая тропа. Устах уверенно свернул на нее. Тропа была нехоженная, покрытая плотной снежной коркой. На обочинах вылезали из лежалого снега, как грибы, столбики из уложенных друг на друга камней. На каждом из верхних булыжников были вырезаны разные знаки. Чаще всего – крест «андреевский». Похожие «монументы» Духарев видел у Волохова капища. Только там само капище еще было огорожено невысоким каменным валом, а здесь ограды не было. Тропа просто вывела наверх, в дубовую рощу. Все деревья тут были старые, подрост тщательно вычищен. Тут и там между деревьями чернели огромные кострища. В них без труда можно было разглядеть кости. Человеческие. Ага! Вот он, родимый!

Широченные плечи, бычья выпуклая грудь, разделенная натрое борода, выкаченные глазищи... Перун.

Устах спешился. Поклонился с достоинством, вынул из кошелька золотое колечко, вложил в раззявленный рот идола.

Серега тоже спрыгнул на землю, тоже поклонился, чтоб не обижать варяга, конечно, а не потому, что собирался молиться этой деревяшке. Но место и впрямь было мощное. Серега даже ощутил, как побежали по спине знакомые мурашки и захотелось выкрикнуть что-то... грозное.

Яростный черный лик языческого бога был обращен к реке. Такую мелочь, как люди, он словно и не замечал.

– Дай ему что-нибудь, – сказал Устах. – Ты – варяг. Твой Христос не обидится.

Сергеа достал из кошелька смятую в комок половинку шейной серебряной гривны, сунул в черную пасть идола. Звякнуло. Внутри идол был пуст.

Устах поклонился еще раз.

– Мы еще вернемся, молниерукий, – пообещал он. – Я и он.

Как и следовало ожидать, идол не ответил.

Глава семнадцатая, ***в которой знакомство с городом Смоленском продолжается***

После обеда Горазд отправился торговать лодьи. С собой он взял пару приказчиков, Мыша и Устаха. Последнего – не в качестве охраны, а в роли консультанта. Урожденный варяг превосходно разбирался в судах. Устах, в свою очередь, предложил Сергее составить им компанию. Духарев возражать не стал. На постоялом дворе ему делать было совершенно нечего. Слада все еще была где-то в городе, почему бы не пойти поглядеть на кораблики.

Смоленские улицы были узки и извилисты. В иных местах всадникам приходилось ехать гуськом, и места оставалось ровно столько, чтобы не раздавить прижавшегося к забору прохожего, который, разминувшись с полудюжиной весело топающих лошадок, оказывался по уши в грязи.

Со стороны реки земляной вал вдоль стены был повыше, чем в других местах. Вероятно, он выполнял еще и функцию дамбы. Через вал был перекинут широкий деревянный мостик. От мостика дорога круто спускалась вниз, к реке.

На берегу было довольно оживленно. Как на ярмарке.

Мыш соскочил на землю, передал повод одному из приказчиков и растворился в толпе. Остальные медленно двинулись вдоль высоких причалов.

У одного из них Серега углядел боевую лодью, что пришла утром. Сейчас парус ее был свернут. Носовая фигура, то ли собачья, то ли лошадиная голова, грозно взидала на людишек алыми самоцветами глаз. Из широкой пасти торчали полуметровой длины клычищи. Моржовые бивни, вероятно.

Духарев слегка потянул поводья, разворачивая Пепла. И в самый последний момент успел увидеть над бортом обветренное квадратное лицо с толстыми синими усищами.

Пепел трусил вдоль причалов – ему поспешно уступали дорогу, а

перед мысленным взором Духарева стояла, будто на экране монитора, суровая варяжская физиономия с мощной бульдожьей челюстью и черными бровями под скобкой светло-русой челки. Довольно несимпатичная физиономия, если вдуматься. Но Духареву она почему-то понравилась. Может, потому что варяг?

Лодьи Устах забраковал. Сказал: до Киева дойдут, но не дальше. Корабельщик возмутился, что никого не удивило, и сбавил цену. Но Горазд все равно от сделки отказался. Из этого Серега мог сделать вывод, что купец подумывает о том, чтобы плыть дальше на юг. Духарев был в общем не против, но не мог отделаться от утреннего ощущения, что его это путешествие не касается. Ну и ладно.

На обратном пути Устах встретил приятеля, из южан, коренастого молодца с рыжими, как медь, косами, такой же бородищей и брюхом истинного любителя пива. Молодец оказался зодчим и, точно, большим любителем ячменного напитка. Поэтому Устах и Духарев передали коней Гораздовым ребятам, чтоб те отвели их на постоянный двор, а затем варяги вместе с рыжим отправились в соответствующее заведение, где перекусили жареной зайчатинной, не забывая и о жидкости. Еще один бурдючок захватили с собой и двинулись на рынок, где, как водится, концентрировалась вся светская жизнь города. За исключением тех случаев, когда устраивали ярмарку.

На рынке обнаружили скоморохи. В количестве аж трех конкурирующих бригад, причем каждая бригада старалась создавать как можно больше шума, дабы затмить конкурентов. Сначала Серегу заинтересовала та, что владела дрессированным мышкой. Мишка был самый настоящий, здоровенный, полностью укомплектованный когтями и клыками. Сквозь ноздри мишки было продето стальное кольцо. Страшный зверюга приплясывал вместе с фиглярами и даже боролся с жилистым дядькой в пестрых штанах. Духарев тоже хотел побороться с мышкой, поскольку зверь, хоть и крупный, не показался ему опасным, а наоборот – вялым и добродушным, как большая плюшевая игрушка. Устах и его приятель принялись Серегу отговаривать: дескать, не к лицу воину приплясывать по-скоморошьи. И общаться с этими тоже не стоит, поскольку глаза отведут да и сопрут что-нибудь.

Отговорили. Купили еще выпивки. Серега проникся сознанием собственной важности, никого не задира, с женщинами не заигрывал и даже не стал вмешиваться, когда рыжий зодчий повздорил с каким-то поддатым мужиком и между ними произошла небольшая потасовка. А не вмешался Серега потому, что не вмешался Устах. Как узнал Серега

впоследствии, варяг, даже будучи совершенно пьян, железно контролировал свою агрессивность. Это было частью своеобразного «кодекса воина». И это было правильно. Обученный боец мог нашинковать столько необученного народу, что страшно представить.

Южанин, впрочем, мужичка отдубасил.

На постоянный двор Серега вернулся уже в сумерках. Один. Устах пошел по бабам.

**Глава восемнадцатая,
в которой у Сереги Духарева появляются основания
предполагать, что его пребывание в этом славном мире
может внезапно оборваться...**

Вопреки ожиданиям, Серега утром чувствовал себя превосходно. Но проснулся, разумеется, куда позже, чем Слада с Мышом. Его названные родичи просыпались раньше жаворонков. Серега подумал немного и выпрыгнул во двор прямо из окна, благо высота всего метра два с мелочью.

На заднем дворе стояла большая бочка с талой водой. Из этой бочки поили живность, но Серега решил, что живность не отравится, разделся и полез в холодную воду.

Кайф!

Когда он вылез из купели на солнышко, то обнаружил, что стал предметом пристального внимания местной молодежи.

– Ха! – заявил мальчишка года на два помладше Мыша, показывая пальцем. – Ты такой большой, а он у тебя такой мелкий.

– Тебя сюда окунуть, – Серега похлопал по бочке, – так вообще ничего не останется.

Юный критик был посрамлен, а его приятели: пацаненок лет восьми и две девчушки примерно того же возраста – взирали на голого мужика с большим интересом, причем интерес базировался не на том, что Серега голый (эка невидаль!), а на том, что ростом Духарев – под притолоку. Варяг, опять-таки.

Серега решил, что должен уйти красиво. И ушел красиво: подпрыгнул, зацепился за наличник, перехватился, подтянулся и нырнул обратно в окошко.

Аплодисментов не было, только восхищенное: «О-о-о!»

Одевшись, как подобает уважаемому воину, Серега спустился вниз и позавтракал в гордом одиночестве.

Гораздовы сани стояли рядом, накрытые рогожками. С одних саней рогожка была снята. Один из Гораздовых приказчиков перебирал меха.

– Твоя лекарка просила тебе сказать, чтоб не уходил, – сообщил он Духареву.

– А где она? – спросил Серега.

– Да в сараюхе, – приказчик махнул рукой.

В сарайчике поместили Гораздовых рабов. Не слишком комфортно, но, бесспорно, лучше, чем на снегу в лесу.

Слада занималась женщиной из челядниц, у которой внезапно обнаружился жар. Рядом возвышался озабоченный Горазд.

Серега не стал мешать, подождал, пока Слада закончит.

– Простыла, – наконец вынесла вердикт юная лекарка. – Вели поить ее горячим молоком с медом да кутать получше. Через два дня поправится.

Горазд вздохнул с облегчением:

– Думаешь, Морена ее не тронула?

Слада чуть заметно поморщилась при упоминании языческой богини.

– Нет. И отселять ее не надо. Это не та хворь, что на других переползает.

Это заявление было воспринято с удовольствием не только Гораздом, но и прочими челядниками. Видимо, они полагали, что даже жизнь раба лучше смерти от мора.

– Серегей! – Увидев Духарева, Слада вспыхнула улыбкой, но тут же снова стала серьезна. – Ты мог бы пойти со мной?

Духарев вопросительно поглядел на Горазда.

Купец покачал головой.

– Мы в городе, – пробасил он. – Делай, что хочешь.

Слада подхватила Духарева за рукав, потянула наружу.

– Я договорилась, – сообщила она. – В Смоленске нет священника, но я нашла брата, который знает, как совершать обряды. Ты согласен? – Она глянула на Духарева снизу вверх, беспокоясь.

Серега пожал плечами. Он не вдавался в тонкости. Если Слада считает, что есть человек, который может их обвенчать, то какие проблемы? Пусть венчает.

– Иисус услышит наши молитвы, – с надеждой в голосе проговорила девушка. – Иисус милосерден. Подожди меня, я возьму, что нужно.

Через четверть часа они покинули постоялый двор и отправились к городским воротам. По просьбе Слады Серега перевесил меч на пояс, а на плечи накинул темный кожаный плащ, чтобы прикрыть блеск панциря. На взгляд Духарева эта маскировка не имела смысла, но спорить со Сладой из-

за такой мелочи он не стал.

Брат во Христе обитал в пригороде.

Вообще-то проживание вне городских стен считалось непрестижным. Нетрудно догадаться, почему. Зато в пригородах строились просторней.

Дом смоленского христианина располагался на грязной улочке, спускавшейся к берегу Днепра. Но сам домик выглядел чисто и опрятно. Его соломенная крыша выглядывала из-за высоченного забора. Над крышей поднимался дымок.

– Это здесь, Серегей, – сказала Сладислава, останавливаясь перед калиточкой, такой узкой, что Духарев мог пройти в нее только боком.

– Он не священник, – еще раз повторила девушка. – Но он знает обряды.

Кажется, она все еще колебалась.

– Все путем, – сказал Духарев. – Сказано же: браки совершаются на небесах. А раз так, то от человека не многое зависит.

Сказал – и неожиданно понял, что совершенно уверен в правдивости этих слов. Как знать, может, Серега и оказался здесь, в этом мире, потому, что где-то там, в божественной канцелярии, решили: этот верзила будет подходящим мужем для маленькой болгарской девушки Сладиславы.

Слада постучала.

Ответом ей был звонкий собачий лай.

– Замолчи, Горлан! – раздался спустя некоторое время женский голос. – Кто это?

– Я, Сладислава.

Калитка распахнулась.

– Мир вам, – полная женщина средних лет улыбнулась Сладе. На Серегу же, воина с варяжскими усами, поглядела настороженно, даже с некоторой опаской.

– Мир и вам, и дому вашему, – негромко ответила Слада.

Они вошли во двор, и женщина поспешно заперла калитку.

Черный лохматый пес уставился на Духарева и злобно зарычал. Не нравился ему Серега.

Слада и женщина троекратно поцеловались. Затем хозяйка повернулась к Сереге, и тот, наклонившись, тоже трижды прикоснулся к ее щекам. От женщины пахло свежееиспеченным хлебом.

– Пожалуйста в дом, брат и сестра, – пригласила хозяйка.

Если чтобы пройти через калитку, Серега повернулся боком, то чтобы войти в дом, ему пришлось пригнуться.

Хозяин был похож на свою жену: такой же невысокий, толстенький и

тоже пахнувший свежим хлебом.

– Марк, – представился он и тут же повернулся к Сладе: – Пойдем, сестра!

И все трое удалились, оставив Серегу в одиночестве. Он не скучал, потому что обдумывал мысль, пришедшую ему в голову у калитки. А что, идея не хуже прочих! Решили там, наверху, что им со Сладой следует стать мужем и женой, какой-нибудь архангел щелкнул пальцами – и Серега Духарев оказался за тысячу лет от спутниковой связи и унитазов с программным управлением. И выходит довольно складно. Достаточно вспомнить, как они встретились. И что было потом.

«Ладно, – подумал практичный Духарев. – Допустим, это правда. Вот мы сейчас обвенчаемся – и что дальше?»

А вдруг тот же архангел еще раз щелкнет пальцами – и они окажутся в его комнатухе на Дербрах?

«Ну уж на фиг! – решил Духарев. – Не хочу!»

В одиночестве Серега провел около получаса. Затем появилась хозяйка и позвала его в соседнюю комнату. Там уже горели свечи, на возвышении стояло большое серебряное распятие. На чистой холстине лежали кольца.

Хозяйка накрыла голову Слады белой тряпицей, положила сверху венки.

– Пригнись! – велела она Духареву и украсила вторым венком его макушку. – Встаньте рядом!

Ладошка Слады нырнула в Серегину руку.

Мужчина произнес нараспев по-гречески. Слада и хозяйка согласно ответили. Тоже по-гречески. Серега промолчал.

Мужчина продолжал что-то говорить, его жена вложила в руки жениха и невесты зажженные свечи.

Серега пару раз присутствовал при венчании, но не очень помнил, что делал и говорил священник, поэтому определить, насколько этот обряд отличается от современного ему православного, Духарев не смог бы.

Венчающий их что-то спросил у него по-гречески.

– Да, – механически ответил Серега, поскольку примерно представлял, о чем его могут спрашивать.

Никакого душевного подъема он не ощущал.

Он глядел на завешенную тканью бревенчатую стену и с ужасом осознавал, что сквозь серую с голубой вышивкой ткань проступают знакомые тусклые обои, салатная, истыканная ножом дверь и приклеенная жвачкой гавайская девушка под ядовито-синим небом. Он чуял, как сочится сквозь щели запах подгоревшего масла и стирального порошка, слышал,

как за окном матерятся мужики у ступенек в рюмочную. А за стеной, у соседей, ссорятся Луис с Альбертой.

Сергея быстро закрыл глаза, но видение от этого стало еще явственнее. Хуже того, он увидел маленькую испуганную Сладу на краю скрипучей, многократно облитой вином и спермой тахты. Он увидел, как она вздрагивает от трамвайного грохота, ощутил, как вползает в форточку гарь выхлопных труб, горелой резины... А ему надо тащиться на склад, потому что он обещал Вовчику разгрузить фуру, а Вовчик, в свою очередь, обещал дать за помощь пару сотен... И потом они будут пить пиво в подвальчике на Фурштадтской, а Слада будет по-прежнему сидеть на тахте, вздрагивать от каждого звука и...

Сергея открыл глаза и крепче сжал руку своей невесты.

Слада глянула на него снизу счастливыми глазами. Духарев мысленно стиснул зубы и улыбнулся ей совершенно беззаботно. А брат во Христе, толстячок со стриженными под горшок соломенными волосами, в рубаше, изукрашенной узорами-оберегами, поднял руки и торжественно провозгласил что-то по-гречески.

И Слада засмеялась, ухватила Сергея за плечи и потянула вниз, чтобы он ее поцеловал.

В общем, их обвенчали, нарекли мужем и женой и отпустили с миром.

Но только когда они вышли из узенькой калитки на улицу, темный страх отпустил Сергея. Незримая сила не перенесла их к туманным, покрытым копотью берегам Невы, на грязные питерские улицы.

Здесьние улочки тоже были грязными, и копоты тоже хватало, но это была правильная грязь и правильная копоть. И здесь Духарев был не муравей в муравейнике, пусть и крупный, но вынужденный мельтешить и суетиться, чтобы быть, как все. Здесь он был варяг, которому суетиться не пристало. И быть, как все, вовсе не обязательно. И не нужно с завистью глядеть на чужие «мерсы», заедая пиво несвежими чипсами. Здесь вообще нет чипсов, и пиво, надо признать, похуже. Зато ни в одной здесьней харчевне ему не посмеют предложить *несвежий* продукт. И главное, здесь его жене никогда не придется ждать его возвращения у телевизора в занюханной коммуналке или тащиться с сумками по темным подворотням, где любой ублюдок...

– Сергей, они тебе не понравились?

– Что? – Духарев с трудом вынырнул из собственных мыслей.

– Марк и Текла, они тебе не понравились?

– Я им не понравился, – Сергей перепрыгнул через лужу, которую Слада аккуратно обошла по краю.

– Почему ты так думаешь? – спросила девушка.
– Их пес. Собаки чувствуют эмоции хозяев.
– Чувствуют – что?
– Эмоции. Это...
– Я поняла. Я немного знаю латынь. Серегей, что ты чувствуешь?
– В смысле?
– У тебя когда-нибудь была жена?
– Нет, – Духарев улыбнулся. – Ты первая.
Слада обняла его за талию, глаза ее сияли.
– Что ты хочешь, Серегей?
– Для начала, чтобы ты звала меня Сережей.
– Серешей?
– Попробуй еще раз. Се-ре-жа!
– Се-ре-жа! Так?
– Отлично. Для начала. А теперь мы пойдем куда-нибудь, где нам не станут мешать.
– Я знаю такое место! – решительно заявила Слада. – Пошли!

Глава девятнадцатая

Без названия

Комната оказалась совсем небольшой, с толстыми красных тонов коврами на стенах и дощатым, вымытым до белизны полом. Пахло благовониями, а в углу стоял большой кувшин с клюквенным морсом.

Серега уселся на низенькую лежанку, вытянул ноги.
– Тебе здесь нравится? – спросила Слада с беспокойством.
– Вполне прилично. Только вот хозяин...
– Он хузарин, – пояснила Слада. – Ему можно верить. Хузары держат такие дома... для мужчин.
– Ага... А если бы я пришел один?
– Тебе предложили бы выбрать женщину.
– А ты откуда знаешь? – Изображая гнев, Серега нахмурил брови.
– Да это все знают! – Девушка рассмеялась. – Ты подумал: может, я из тех женщин, которых предлагают мужчинам, да? Хочешь узнать, так ли это? Сейчас узнаешь! – Слада присела и взялась за шнуровку сапога.
– Ты с ума сошла! – воскликнул Духарев, отдергивая ногу.
Слада обиделась.
– Я же твоя жена! – Она чуть не плакала. – Я *должна* снимать с тебя

сапоги!

– Снимай, – согласился Серега, смирившись.

Пока она расшнуровывала сапоги, Духарев глядел сверху на круглую черную, как смоль, головенку и думал, что он совсем не так представлял свою свадьбу. Совсем не так...

Слада закинула руки, вынула деревянные заколки, встряхнула головой. Блестящие волосы рассыпались по узкой спине, закрыв ее целиком, до молочно-белых ягодиц. Девушка привстала на носочки, задернула кисеей овальное оконце, повернулась...

– Почему ты так смотришь? – спросила она, краснея. – Я – худая, да?

– Ты глупая! – улыбнулся Духарев.

Он поднялся, шагнул к ней, обнял, наклонившись, вдохнул травяной запах ее волос, ощутил теплые груди, прижавшиеся к его животу, почувствовал, как ее пальчики развязывают узелок гашника, помогают освободиться от штанов... Подхватив ее на руки, Сергей осторожно опустил ее на ложе.

– Положи руки под голову, закрой глаза и не шевелись.

Слада чуть заметно кивнула.

Опустившись на колени рядом с ложем, Серега начал медленный танец пальцев и губ по изгибам этого юного тела. Он прикасался к нему с той жадной нежностью, какая возникает, если желание сердца опережает желание тела. Он скользил по ней сверху вниз, чувствуя, как она вздрагивает, как подается навстречу его рукам, губам и языку. Она не открывала глаз, она старалась не шевелиться, но он чувствовал ее желание и разжигал его, зная, что ее страсть будет жарче, яростней, ослепительней, чем у любой из женщин, с которыми он предавался любовным играм на капище Волоха. Потому что тем женщинам было все равно, кому подставить лоно, а Сладе нужен только он, и нет на земле, этой или той, которую он покинул, нигде нет женщины, более желанной ему, чем та, что стала его женой...

Тонкие пальцы коснулись его затылка.

– Сережа...

Голос был не чистым и звонким, а хриплым и прерывистым, словно ей не хватало воздуха.

Он услышал, но осознал не сразу, а только через несколько секунд. И понял, что только этого слова ему не хватало...

Это было потрясающе. Нет, «потрясающе» – бледное и жалкое слово. Никогда и ни с кем у Сереги не было такого ошеломляющего кайфа. Как будто кто-то схватил целое звездное небо и встряхнул, как огромный

ковер, – и все звезды осыпались вниз и промчались сквозь них, взбив их тела в слепящую звездную пену, смешав верх и низ, смешав пальцы, губы, мышцы... все!

Сергеа валялся на одеяле, а одеяло валялось на полу, но он не мог припомнить, как свалился с ложа на пол. Серега лежал и как будто заново учился ощущать свое тело. «Вот это моя рука, – думал он. – А вот это моя нога...» И шевелил ногой с удивлением, потому что это действительно была его нога... А ведь несколько минут назад...

Наверное, у Духарева было очень удивленное и, пожалуй, довольно глупое лицо, потому что Слада проползла вверх по Серегиной груди (именно так, потому что грудь была широкая, а Слада – маленькая), заглянула ему в глаза (попыталась заглянуть, потому что глаза Духарева были закрыты) и спросила тревожно:

– Я все сделала хорошо? Тебе было хорошо со мной?

– А как ты думаешь? – не открывая глаз, спросил Серега.

– Я не знаю... – Голос девушки дрогнул. – Ты же мой первый мужчина... Ты кричал.

– Ты тоже. – Он еле заметно улыбнулся. Ему было так хорошо, что даже мышцами лица двигать не хотелось.

– Да... – прошептала она. – Мне было... хорошо. Сначала немножко больно, а потом... Ты тоже кричал поэтому? Так и должно быть?

– Да. – Серега поднял руку, вялую и какую-то странно легкую, и опустил ее на спину Слады, в ложбинку поясничного изгиба. – Нет, маленькая волшебница, так не должно быть... Так не бывает... – Он почувствовал, как ее спинка напряглась, а ладошки уперлись в Серегины плечи. – Так не бывает, моя хорошая... Мне... Нам с тобой просто повезло.

– Я не понимаю... – жалобно проговорила девушка.

Серегина рука медленно заскользила по ее телу, по холмику ягодичы, во влажную впадинку между бедер...

– Там, – проговорил он. – Там, у тебя внутри, за этими мягкими губками, кто-то живет... Кто-то особенный... Особенная... Ты... Знаешь, это смешно, но мне теперь было бы скучно с другими женщинами... После тебя.

– Это хорошо, – тихо сказала Слада. – Я не хочу, чтобы у тебя были другие жены. Мы – христиане... Я вообще не хочу, чтобы у тебя были другие женщины! – решительно заявила она. – Я сама буду заботиться о тебе, любить тебя, рожать тебе сильных сыновей. Я... Наш отец не всегда был врачом! Он женился на моей маме, а его семья... они хотели, чтобы он женился на другой... Поэтому он ушел от них. Но ты не думай, что он

низкой крови...

– Если твоя мать была похожа на тебя, я его понимаю, – перебил ее Духарев.

– Она была похожа на меня... Мне было очень плохо, когда она умерла. – Девушка вздрогнула, и Серега крепче прижал ее к себе. – Я умру, если тебя убьют!

– Я люблю тебя, – сказал он. – И я не дам себя убить. Обещаю!

Глава двадцатая, в которой Серега Духарев встречает кровного врага

На рынок они пошли впятером: Устах, Драй, Неленя и Серега со Сладой. Мыш к ним не присоединился, хотя в прежние времена никогда не отказался бы от такого развлечения. Названный брат Сереги теперь корешился с Гораздом. Купеческие хитрости осваивал. Горазд не возражал, наоборот – поощрял. У Мыша оказался прирожденный дар добывать полезную для торговли информацию.

Увидев, что Слада по-новому переплела волосы и спрятала их под головной убор, Устах подмигнул Сереге.

«Надо бы ребятам праздник устроить, – подумал Духарев. – А то выйдет, что я собственную свадьбу замылил».

– Горазд две лодьи купил, – сообщил Драй. – У того корабельщика, которого ты, Устах, присоветовал. Малые лодьи, на дюжину весел.

– Сколько у него теперь кораблей? – спросил Серега.

– Теперь – семь.

– Хорошее число, – одобрил Устах. – И что малые – хорошо. Легче мимо порогов волочь. А море нынче спокойное будет.

– Откуда знаешь?

– Волох сказал.

– Да что волох в море понимает? – возразил Драй. – Море – это Имирова вотчина, а не Волохова.

– Имирова вотчина – моря северные, – с надменностью опытного моряка, разговаривающего с салагой, изрек Устах. – У теплых морей свои боги. А про волоха зря говоришь. Бабка-ведунья, вон, тоже громами не повелевает, а дождь всегда точно предскажет.

На рынок пришли вместе, но бродили вместе недолго. Драй перемигнулся с Неленей, и они ускользнули по своим личным делам. Как подозревал Серега, в тот самый домик, где они со Сладой провели

прошлые день и ночь. Затем и Устах от них отделился.

– Пойду налуч пригляжу, – сказал он. – Мой потерялся.

И у Сереги было дело – договориться с оружейником, чтоб пришел на постоянный двор поглядеть Серегины трофеи, взятые с нурманов. Пускай глянет, приценится.

Хотя продавать их сам Духарев не собирался. Предполагал доверить это дело Мышу. Все-таки привычка к магазинам и фиксированным ценам глубоко въелась в его сознание. Не умел он торговаться. То есть поспорить насчет стоимости он мог, но по-настоящему поднять цену так, чтобы покупатель выложил больше, чем собирался, и сам не понял, как его на это раскрутили... Такого Серега совсем не умел.

Впрочем, была одна покупка, которую он намеревался сделать без помощи Мыша. Причем немедленно. А именно – сделать жене свадебный подарок. Жена, в общем-то, и не возражала. Но сначала захотела посетить ряды, где торговали тканями. Она же теперь – мужняя жена. Следовательно, одеваться по-девичьи ей уже не пристало. Серега не спорил и в детали не вдавался. Надо – купим. Че у нас, денег нет, что ли?

Купили. Еще купили корзинку, чтобы складывать приобретения.

Украшения, золотые, серебряные, камни-самоцветы, обереги, даже диковинные павлиньи перья – все это продавалось на двух длинных рядах, располагавшихся сразу за «текстильными», так что далеко идти не пришлось.

Вдоль ювелирных рядов расхаживал стражник, молодой отрок в высоком коническом шлеме. Шуганул оборванца, которому здешний товар явно не по карману, хлопнул по спине парня, заспорившего слишком громко с одним из продавцов. Присматривал, одним словом.

Серега долго присматриваться не стал, выхватил взглядом бусы из ярко-красных камешков, указал продавцу.

– Гранатовое монисто! – торговец пересыпал алые бусины из ладони в ладонь. – Как раз к белому личику твоей милани, воин! Всего-то две гривны...

– На две гривны коня купить можно, – усмехнулся Серега.

Он не знал, сколько по-настоящему стоят камни, но ничуть не сомневался, что купец загнул раза в два. Однако гранаты действительно смотрелись бы на Сладе совсем неплохо.

– Их везли издалека, воин, из-за моря ромейского, по шелковому пути из страны синов... – Торговец глядел не на Духарева, а на Сладу: молодушка попросит – и мужчина не откажет.

– Да неужели? – удивился Серега. – Значит, сначала на восход везли, а

потом обратно? Что, там покупателей не нашлось?

Купец смутился. Насчет Китая он, конечно, приврал. Гранаты он купил у угров. За четверть гривны.

– Гляди, Хайнар, узнаешь ли ты эту бронь? – неожиданно пророкотал за спиной Духарева мужской бас.

– Да, я узнаю ее, Свейни, – откликнулся другой голос. – Это бронь моего брата Виглафа.

Бугристая от мозолей ладонь легла на шею Духарева.

– Эй, словенин, где ты взял этот панцирь?

Сергеа развернулся, одновременно смахивая чужую руку.

Нурманов было двое. Один рыжий, второй блондин, светловолосый и светлобородый.

И физиономия блондина была определенно знакома Духареву. Потому что белокурый нурман был очень похож на своего брата Виглафа. Волколюда.

– А-а-а... – протянул рыжий, увидев Серегины усы. – Это не славянин, это свежевылупившийся варяг, обрядившийся в славянские портки. – Тебя спросили, откуда у тебя эта бронь, варяг? Ты выиграл ее в кости? Только не ври, что взял ее в бою!

Духарев молчал, разглядывая нурманов, определяя, насколько они опасны, какова вероятность, что ему удастся справиться с обоими?

Не слишком большая вероятность. Нурманы выглядели очень серьезными ребятами.

Кто-то из покупателей остановился, любопытствуя. Потом еще один. И еще...

Сергеа глянул поверх голов, выискивая Устаха, но товарища поблизости не просматривалось.

– Почему я должен тебе отвечать? – поинтересовался Духарев.

– Потому что ты – бродяга-варяг, а я – сотник смоленского воеводы, – усмехнулся светлобородый. – Иди, отроч, мы сами разберемся, – бросил он подоспевшему рыночному стражнику.

Стражник тут же развернулся и отвалил. Вероятно, нурман не врал насчет «сотника».

Сергеа глянул через плечо: Слады рядом уже не было. Вот это хорошо.

– Что молчишь, варяг? Язык проглотил от страха? – спросил рыжий. И добавил что-то по-нурмански. Оба северянина засмеялись.

– Ты правда хочешь знать, как мне достался этот доспех? – спокойно спросил Духарев. – Или тебе просто потребовалось почесать свой блудливый язык о мои *славянские* сапоги?

– Нет! – ухмыльнулся рыжий. – Я думал остричь твои крысиные усики на кисточку для сумки, но теперь вижу, что они не годятся. Слишком воняют крысиным пометом. Ты уверен, что успеешь отыскать крысиную нору, варяг, чтобы спрятаться, если я рассержусь?

– Пощади, – сказал Серега. – Если ты рассердишься – я умру от смеха.

Он тянул время, надеясь на появление Устаха... Пока не сообразил, что вероятность того, что помощь подоспеет не к нему, а к сотнику смоленской дружины, существенно выше.

– Ты хочешь узнать, как мне досталась эта броня, нурман? – произнес Духарев. – Тогда взгляни вот сюда! – и показал на свое плечо, где был пришит погоном клочок волчьего меха.

Рыжий начал было что-то говорить, что-то обидное, но Хайнар остановил его одним движением руки.

– Я тебя правильно понял, варяг? – спросил он.

Глядя прямо в эти синие, как озерная вода, глаза, Серега кивнул.

– Как твое имя, варяг? – спросил нурман.

– Сергей.

– Не слыхал... – задумчиво проговорил Хайнар. – Ты одиночка, или у тебя есть вождь?

– У меня нет вождя, – ответил Духарев. – Хочешь предложить мне служить в твоей команде?

– Нет, – качнул головой нурман. – Нет, варяг. Ты убил моего двоюродного брата Виглафа, поэтому я убью тебя.

– погоди, нурман! – сквозь толпу зевак протиснулся Устах и встал рядом с Духаревым. – погоди! Ты что, требуешь верегольд за брата?

– Ты его друг? – спросил Хайнар. – Ты тоже убивал моего брата Виглафа?

– Твой брат был не один, – негромко произнес Устах. – Их было шестеро.

– Верю, – кивнул нурман.

– Они напали первыми, – еще тише проговорил Устах.

– Верю, – вторично кивнул Хайнар.

– Ты ищешь нашей смерти как человек смоленского воеводы или как родич убитого? – На этот раз Устах говорил в полный голос, он явно чего-то добивался. Серега не понимал его игры, но доверял варягу и не вмешивался.

Нурман ответил не сразу.

– Как родич, – наконец ответил он.

– Ты говоришь это при свидетелях?

– Да! – твердо ответил Хайнар.
– Мы пойдем на перекресток? – спросил Устах.
– Зачем? – шевельнул плечами нурман. – Это не хольмганг... Это месть! – И, выхватив меч, без предупреждения нанес удар, целя в Серегину открытую шею.

Духарев не ожидал нападения, но натренированный организм ожидал его всегда и успел отреагировать, поэтому меч лишь скользнул по плечу, срезав с него клочок волчьей шкуры.

Слева от Духарева со звоном столкнулись клинки Устаха и рыжего Свейни.

Толпа отпрянула назад: никто не хотел угодить под случайный удар меча. Торговец драгоценностями поспешно ссыпал камни в мешочек.

Хайнар ударил снова – и Духарев опять не успел выхватить меч. Уклоняясь, он спиной упал на прилавок, перекувырнулся через него, сбив с ног торговца. Меч нурмана разрубил доски. Оставшиеся драгоценности полетели на мостовую. Хайнар с места, толкнувшись двумя ногами, перепрыгнул через прилавок, но Серега, тем же манером, перекувырнулся через второй барьер и пнул прилавок навстречу нурману. Тот подпрыгнул, задел ногами размотавшийся рулон льняной ткани, мгновенно выпутался, но Серега уже выдернул из-за головы собственный меч и следующий удар принял на толстое основание клинка. На мече нурмана образовалась зазубрина, и его хозяин тут же изменил манеру боя. Теперь они с Духаревым топтались друг против друга и приглядывались. Серега прекрасно понимал, что перед ним – опытный боец, намного опытней его самого...

Хайнар тоже не хотел рисковать. Хайнар считал высоченного варяга серьезным противником. Несерьезный не одолел бы Виглафа. Одного парированного удара Хайнару хватило, чтобы выяснить, что враг сильнее физически. Он видел, что варяг моложе, у него длиннее руки, да и меч тоже... Зато он, Хайнар, побеждал в десятках поединков, а всем известно, что сила побежденного переходит к победителю. Еще Хайнар подумал, что поспешил. На то, чтобы разбудить священную ярость Одина, опытному воину требовалось совсем немного времени, но вряд ли молодой варяг даст Хайнару даже лишнее мгновение.

Хайнар слышал, как за его спиной бьются рыжий Свейни со вторым варягом. Слух говорил ему, что варяг, как и Свейни, опытен и осторожен. Как только Хайнар покончит с убийцей брата, он поможет Свейни.

Хайнар сделал отвлекающее движение, перехватил меч двумя руками и обрушил сокрушительный удар на голову варяга. Тот отпрыгнул влево.

Меч Хайнара, изменив направление, небесной молнией полетел за врагом, увлекая за собой Хайнара, в последний миг Хайнар отпустил правую руку, удлинняя удар, ощутил, как священная ярость наполняет его... И тут же Хайнар почувствовал, как клинок разрубает тело. Хайнар услышал вопль, учуял запах крови, зарычал по-медвежьи... И увидел, что варяг цел, а на мостовой валяется какая-то славянская баба.

Кровь пролилась, но то была не кровь врага, и дух Одина покинул Хайнара. Но сила не покинула викинга. Его меч взлетел, отбивая, смахивая вражеский клинок, метнулся вперед, словно отравленный язык Фафнира. Варяг не успел уклониться – острое со скрежетом скользнуло по панцирю Виглафа. Панцирь выдержал.

«Отличная бронь, – подумал Хайнар. – Я буду носить ее».

Варяг отступал. Он оказался простоват: ловился почти на каждый обманный жест Хайнара. Простоват, доверчив, но очень быстр. Хайнар никак не успевал его достать, еще и потому, что длина атаки у варяга была на две пяди больше. Поэтому варяг и отступал, все время увеличивая дистанцию. Это было неглупо с его стороны, но неудобно для Хайнара, который большинство своих противников убил именно встречным ударом.

Лицо варяга покраснело. Кажется, он очень сердит. Но все равно отступает, великаново отродье! Хайнар снова ощутил прилив священной ярости, зарычал и рванулся вперед...

Этот псих зарубил женщину! Развалил почти пополам, как мясник – свиную тушу. Серега поверить не мог, что это случайность. Он же видел, как виртуозно нурман управляется с мечом. Козел! Нурман и есть нурман. Ему лишь бы убивать!

Духарев был зол, но самоконтроля не потерял. И не мог не восхищаться нурмановой тактикой. Как этот негодяй виртуозно его разводит. И не только движением клинка: шажком, жестом, поворотом бедра. То притворно открывается, то показывает атаку справа, атакует слева... как бы! И все-таки справа. Если бы нурман двигался чуть быстрее, Серега уже валялся бы на мостовой. Но нурман только один раз показал настоящую скорость... Когда зарубил женщину. Или он придурок. Или это была демонстрация. Для Духарева. Типа: я с тобой играю и прикончу, когда захочу.

Ну это мы поглядим! За несколько минут боя Духарев выучился очень-очень многому.

И перестал ловиться на нурмановы финты. Ну, почти перестал...

Глаза нурмана начали наливаться кровью. Как перед тем, когда он зарубил женщину. Серега очень хорошо запомнил... Сначала у нурмана

покраснели глаза, потом рванулся, замахиваясь, извернулся, почти достал Духарева (и достал бы, если бы Серега не ушел в очень низкую, рукопашных традиций стойку), зарычал и зарубил женщину. И еще была крохотная пауза. Когда нурман разворачивался, держа меч над головой. Тогда Серега не успел воспользоваться этой паузой...

Хайнар взмахнул мечом, варяг не стал уклоняться, вскинул свой клинок, тоже двумя руками, парируя... И Хайнар с наскока ударил его ногой в колено. Это был очень хороший прием. Хайнар благодаря ему дважды одерживал победу. Этот удар не калечит, он даже не приносит настоящей боли, зато противник теряет равновесие...

Серега выбросил меч вверх, готовясь принять удар и поворотом отбросить клинок противника, скорее почувствовал, чем увидел, движение ноги нурмана, рефлекторно ушел с линии атаки, так же рефлекторно ударил противника под колено опорной ноги и сразу же отскочил вбок, рубанул сверху падающего нурмана, нет, уже перекатывающегося через голову нурмана по спине, понял, что не успевает и промахнется, и тут...

Нога Хайнара, не та, которой он бил, а та, на которой он стоял, неожиданно сложилась в колене, и потерявший равновесие викинг упал на спину. Он не выпустил меча, тут же вскочил, перекатом... и увидел, как его меч падает на мостовую. Услышал, как он звенит, ударившись о камни, хотя обе руки Хайнара по-прежнему крепко сжимают рукоять. Только это уже не руки Хайнара, а просто мертвые обрубки. Но пока в них еще не свернулась его, Хайнара, кровь...

Нурман выбросил вперед меч настолько быстро, что будь Серега не сбоку от противника, а напротив, это был бы его последний бой. Но Серега стоял сбоку, и этот бой стал последним для нурмана. Обе его руки угодили под летящий сверху клинок, перерубивший их так легко, что Духарев даже не почувствовал толчка. Он ошеломленно проследил плавное падение нурманова меча (даже успел удивиться – отрубленные руки нурмана так и не отпустили рукояти) ...и тут нурман внезапно подпрыгнул и с огромной силой пнул Серегу в грудь. Духарев, который совсем не ожидал подобного от искалеченного врага, не успел среагировать и впилился спиной в прилавок. Нурман с ревом налетел на Серегу, Духарев оттолкнулся лопатками от прилавка и двумя руками всадил меч, снизу вверх, в живот нурмана. Нурман всей тяжестью повис на клинке, захрипел, оседая, булькая кровавой пеной...

Черт его возьми! Нурман улыбался!

Хайнар почувствовал, как холодное железо прорезает его кишки, вспарывает диафрагму, легкое, проходит между ребрами и вылезает из

спины, натягивая кольчугу.

– О-о-дин... – прохрипел Хайнар. – Я иду...

Он умер счастливым. В бою, с мечом в руках.

Кровь нурмана тонкой струйкой ползла через гарду, вниз, по рукояти. Ладони Духарева стали липкими. Он выпустил меч, и мертвое тело рухнуло на мостовую. Серега наклонился, подобрал хвост размотавшегося белого полотна.

Торговец тканью (Серега запомнил его лицо) стоял в первых рядах «зрителей», возбужденных настоящей схваткой, но достаточно благоразумных, чтобы не подходить слишком близко.

– Можно? – спросил Духарев.

Торговец закивал, и Серега вытер руки, а затем – рукоять меча. Ухватился покрепче и вытащил клинок из тела нурмана. Усилие болью отдалось в спине. Крепко все-таки он приложился о прилавок.

Звон стали напомнил Духареву, что есть еще и второй нурман. С окровавленным мечом в руке он, разбежавшись, перепрыгнул через торговый ряд, соскочил на мостовую. Двое смолян, случайно оказавшихся у него на пути, шарахнулись в стороны. Свейни, увидев Духарева, сделал отчаянную попытку пробить оборону Устаха, но варяг без труда отбил выпад, сам нанес удар, от которого рыжий нурман успешно уклонился, и оба опять закружились, выжидая и выискивая слабинку в обороне противника. Но одним своим появлением Серега дал дополнительное преимущество варягу, который по-прежнему мог двигаться свободно, в то время как нурман старался держаться подальше от второго врага. Задача почти неосуществимая: Устах был не менее проворен, чем рыжий, а Духарев – еще проворнее варяга.

– Брось меч! – крикнул Серега.

Нурман в ответ только засмеялся.

Устах подвинулся в сторону. Теперь они с Духаревым с двух сторон приближались к Свейни. Нурман отступал. Отступал, но не убегал.

Серега боковым зрением держал Устаха. И, уловив начало атаки, напал на нурмана практически одновременно с варягом.

Рыжий отбилсЯ. Они атаковали снова, и нурман снова отбилсЯ. Он отлично защищалсЯ, но уже не мог позволить себе ответного выпада. И Духарев, и Устах сражались не в полную силу. Они сознательно изматывали противника. Нурман наверняка это понимал, но что он мог сделать? Пот струился по его лицу, дыхание сделалось частым и прерывистым. Еще немного и...

Круг зрителей внезапно раздалсЯ в стороны, и на поле появились

новые игроки. Городская стража. Добрая дюжина воинов в полном вооружении.

Они мгновенно оттеснили варягов от Свейни и взяли их в кольцо. Устах и Духарев тут же встали спина к спине – против оцетинившихся копьями, прикрытых щитами стражников.

– Сложить оружие! – раздался повелительный окрик.

Серее очень не хотелось биться с одним мечом, без шлема, без щита, против сомкнутого строя копейщиков. Даже если он разорвет этот строй, завалит одного-двух – остальные насадят его на жала. Эти ребятки – не ополченцы, а профи. Эк они ловко взяли их в кольцо! Может, если удастся отобрать щит...

– Ох-хой! – зычно выкрикнул Устах. – Братья-варяги! Кто слышит меня! Помощи!

К немалому удивлению Духарева, два из четырнадцати щитов тут же опустились, и Серега увидел загорелые длинноусые физиономии.

– Чего орешь? – буркнул один. – Чего хочешь?

– Правды хочу, брат-варяг! – крикнул Устах.

Еще один щит опустился, но на этот раз за ним обнаружились не варяжские усы, а бритая нурманская рожа.

– Иень! – гаркнул нурман. – Хорош болтать! А вы... Считаю до трех. Раз!..

– Вот, Иень! – без насмешки, грустно проговорил Устах. – Убей брата, раз нурман велит.

– Два!..

Иень выругался, адресуясь главным образом к «братьям-варягам», но вышел из строя и присоединился к Серее и Устаху.

– Иень! – грозно выкрикнул нурман. – Ты присягнул!

– Я варяг! – мрачно отозвался воин.

Второй варяг, колебавшийся, после этих слов тоже покинул строй. Теперь их щиты прикрывали Духарева и Устаха.

В строю образовались две бреши, одну из которых тут же заткнул Свейни, вторую...

А во вторую ввалились сразу четверо варягов!

– Кто звал? – гаркнул один из них, с квадратной фигурой, с квадратной физиономией и синими, как у Устаха, усами.

– Я! – отозвался Устах.

– Мы пришли! – с достоинством произнес синеусый.

Это был тот самый варяг, которого Духарев видел на борту лодьи с крылатым псом.

Нурман, уже собравшийся сказать: «Три!», вместо этого выкрикнул злобно:

– Вы будете наказаны! Я – большой десятник смоленского посадника Фрелафа!

– Ишь ты, баранья шишка! – нагло ухмыльнулся синеусый. – А я – сотник князя полоцкого Роговолта! Посыл от князя к воеводе Свенельду. Ты мне не указ! – И продолжал насмешливо: – Я видел там дохлого нурмана. Кто его завалил? Ты? – Он обращался к Устаху.

– Я, – ответил Духарев. – Он назвался здешним сотником, – добавил Серега, потому что ему показалось: нехорошо говорить об убитом воине так пренебрежительно, и еще потому, что он считал себя обязанным предупредить нежданного заступника. – Я благодарю тебя за помощь, брат, но, может, тебе не стоит вмешиваться? Смоленский посадник...

– Смоленский посадник пусть вылизет жопу моей кобылы! – пренебрежительно отозвался синеусый. – Я – Гудым.

– Я – Сергей, – Духарев слегка поклонился.

– Я видел тебя, – негромко произнес Гудым. – На пристани. У тебя степной конь.

– И я видел тебя, – отозвался Духарев. – На твоём корабле.

– «Перунов пес» – его имя! – в полный голос произнес Гудым. – Клянусь светлым оком Хорса, он сожрал не одну нурманскую акулу! Ха-ха! Поучим нашей правде нурманских шавок! Любо, братья?

– Любо! – гаркнули мощные глотки.

Мечи спутников Гудыма с шелестом выскользнули из подбитых бархатом ножен.

Тут десятник-нурман не выдержал, перекинул копье в левую руку, схватил дудку и пронзительно засвистел.

– Ах вот как! – закричал Гудым. – Ну гляди, нурман! – И свистнул, в два пальца, по-особому, с переливом, еще погромче писка десятниковой дудки.

Среди стражников возникло некое движение. Кажется, они отступали?

Устах хлопнул Серегу по плечу. Он широко улыбался. На его лице не осталось и следа прежней озабоченности.

Только теперь Духарев начал понимать, что его личный конфликт перерастает в нечто, уже совсем не личное.

Глава двадцать первая

Правосудие по-варяжски

Они пришли к смоленскому кремлю двумя колоннами. В голове одной из них, слева – Устах, справа – Гудым, – шел Серега Духарев. В голове второй шестеро на двух щитах несли тело Хайнара. Одним из шестерых был Свейни.

Нурманы и варяги. Варягов было человек сорок. Больше половины – полоцкие. Воины Гудыма. Среди нурманов пришлых было всего несколько человек. Остальные – старшие гридни смоленского посадника. Начальные люди. Но те их подчиненные, что были здесь, гридни и отроки, шагали отдельно. То были славяне или из иных племен, воины, но не варяжского братства. За ними тянулся хвост вольных смолян, мужчин и даже женщин. Особым почетом пользовались человек двадцать: те, что присутствовали при встрече Духарева и Хайнара. Видаки. Свидетели.

Посадник смоленский уже ждал их на площади перед воротами Детинца. Снаружи.

За спиной и по обе стороны его выстроились дружинники. Не менее трех сотен. Все оружные.

Колонны остановились. Остановилась и толпа смолян, грозная своей численностью.

Посадник шагнул вперед. Солнечный блик отразился от зеркала его брони.

– Зачем пришли? – зычно спросил он.

Наверняка ему уже доложили о происшедшем, иначе с чего бы это он вывел на площадь облаченную для сечи дружину.

– Искать Правды! – звонко выкрикнул Свейни.

– Говори! – приказал посадник.

– Не твоей правды! – выкрикнул Гудым раньше, чем Свейни успел что-то сказать. – Не твоей правды, нурман!

По рядам воинов за спиной посадника прокатилась легкая волна: словно каждый поудобнее перехватил щит.

«Нам крездец!» – с каким-то веселым отчаянием подумал Серега, глядя на сверкающие начищенным железом шеренги.

Он плохо знал варягов. А вот посадник знал их хорошо. И еще лучше помнил, что посадивший его на смоленское правление Игорь – тоже варяг. Хоть и не очень любивший, когда ему напоминали об этом.

Посадник мрачно поглядел на Гудыма и махнул рукой одному из своих лучших мужей. Тот вышел вперед, стянул с головы шлем, встряхнул головой, расправляя косы, – чтобы все видели: он не нурман, не варяг, а родом и обетами – из южных славян.

– Я – Мятлик Большое Ухо, если кто меня не знает, – сухо произнес

он. – Я тебе гож, Гудым?

– Гож, – кивнул полочанин.

– Тогда говори свои обиды.

Свейни набрал воздуха, собираясь запротестовать, но не посмел, придавленный тяжелым взглядом посадника.

– Я не обиду хочу искать, а Правду. – Сотник полоцкого князя снял с головы шлем. Его чуб тоже был синим, как и усы, и свисал на ухо поперек бритого черепа. – Пусть видаки говорят.

Всю дорогу к кремлю они с Устахом что-то обсуждали вполголоса. Серегу к обсуждению не привлекали.

Из толпы вытолкнули свидетелей. Их было много. В том числе – продавец камней, так и не продавший гранатового ожерелья.

Процедура снятия показаний была отработана. Свидетели поклялись богами говорить по правде и без поиска корысти. Затем, по очереди, с небольшими вариациями, повторили одно и то же: сотник Хайнар и гридень Свейни сами начали дерзкий разговор с Духаревым, к которому чуть позже присоединился Устах. Нурман обвинял варяга в обиде (в какой именно – тут мнения свидетелей разошлись), а затем без предупреждения напал на Духарева, даже не дав ему обнажить оружие. Но убить варяга сразу нурману не удалось, а наоборот, варяг сумел достать меч и убил нурмана. Но до этого нурман убил свободную женщину, водимую жену мастера-корабельщика Чутки.

К окончанию опроса свидетелей общественное мнение было полностью на стороне Духарева, и даже сам посадник угрюмо и неодобрительно поглядывал на своих нурманов.

– Кто еще хочет сказать? – спросил Мятлик Большое Ухо.

– Я! – тотчас выкрикнул Свейни.

– О чем ты хочешь сказать?

– О том, почему Хайнар был вправе убить варяга Серегея.

– Говори!

– Варяг Серегей убил брата Хайнара Виглафа.

– Виглафа-ульфхеднара? – Это спросил не Мятлик, а сам смоленский посадник.

– Да! Хайнар с хирдманами шел к тебе, ярл! – Он сказал это на своем языке, но Серега, как ни странно, понял.

Мятлик Большое Ухо повернулся и с укором поглядел на своего старшего. Посадник коснулся ладонью губ: «Молчу».

– Варяг Серегей! – громко произнес Мятлик.

Серега вышел вперед. Вместе с ним вышел и Устах.

– Ты говоришь перед богами. Не лги!
– Он помнит, – вместо Духарева ответил Устах.
– Ты сказал сотнику Хайнару, что убил его брата?
– Нет, – честно ответил Серега.
– Ты знаешь, кто сказал сотнику Хайнару, что ты убил Виглафа?
– Нет, – так же честно ответил Духарев, не понимая, к чему ведет Мятлик, но пытаясь уловить, куда тянет судья. Серега уже сталкивался с местным судопроизводством и понимал, чем может обернуться лишнее слово.

– Кто может рассказать мне о том, как сотник Хайнар узнал о том, что убит его брат?

– Я! – ответил Свейни.
– Говори.
– На этом варяге – бронь Виглафа.
– Варяг Серегей, сказал ли ты сотнику Хайнару, что убил Виглафа и снял с него бронь?

– Нет, – ответил Духарев и опять не солгал.
– Свейни! Слышал ли ты, как варяг Серегей говорил о том, что убил Виглафа-оборотня? – спросил Мятлик, подчеркнув последнее слово.

Свейни скривил губы, а со стороны нурманов раздался сдержанный ропот.

«А ведь южанин меня выгораживает!» – наконец сообразил Серега.
– Не говорил! – сердито выкрикнул Свейни. – Но признал!
– Как же именно варяг Серегей признал, что убил Виглафа? – с плохо скрываемой иронией спросил Мятлик.

– У варяга Серегея на плече был лоскут волчьей шкуры! – заявил Свейни. – Все знают, что Виглаф носил волчью шкуру.

– Я не вижу этого лоскута, – заметил Мятлик. – Кто-нибудь его видит? В толпе смолян засмеялись.

– Он был, – мрачно объявил Свейни. – Хайнар срубил его ударом меча. Первым ударом, – уточнил рыжий.

– Ты признаешь это, варяг Серегей?
– Да, – подтвердил Духарев. Главное, не сболтнуть лишнего. – Я признаю, что у меня на плече был лоскут волчьей шкуры. И то, что нурман Хайнар без предупреждения напал на меня и сорвал этот лоскут ударом меча. Вообще-то нурман Хайнар целил в мою шею, – уточнил Серега. – Но я увернулся.

– У изборского воеводы на шапке – волчий хвост, – громко сказал Гудым. – Жаль, Хайнар не знал об этом. Воевода совсем старый, Хайнар

мог бы убить его в *честном* бою!

– Пес! – прошипел разъяренный Свейни.

Гудым захохотал. Если нурман хотел оскорбить полочанина, то он выбрал не то слово.

– Тих-хо! – рявкнул Мятлик. – Свейни, были ли у *сотника* Хайнара *доказательства* того, что варяг Серегей убил Виглафа?

– Он был уверен в этом! – четко ответил рыжий нурман, бросив на Духарева яростный взгляд.

– В таком случае, почему он не предложил варягу Серегею скрестить мечи на перекрестье дорог? – Мятлик нахмурил кустистые брови. – Почему он не захотел, чтобы боги указали, кто из них прав?

Свейни молчал.

– Можно мне сказать? – прервал молчание голос Устаха.

– Говори, варяг!

– Я предложил ему: пусть рассудят боги! Хайнар отказался, но... – Устах сделал паузу, поглядел сначала на Мятлика, потом на Фрелафа. – Он отказался, но прежде того объявил, что будет поступать не как человек посадника смоленского, а по собственному почину и по праву мести.

Толпа загудела.

– Кто еще это слышал? – Мятлик повернулся к кучке свидетелей.

– Я! Я!.. – откликнулось сразу несколько голосов.

Судья обратил взгляд к жалобщику-нурману:

– Это так, Свейни?

– Так, – неохотно подтвердил тот.

Лицо смоленского посадника, доселе мрачневшее с каждым сказанным словом все больше и больше, чуточку прояснилось.

– Кто еще хочет сказать, что не сказано? – зычно поинтересовался Мятлик Большое Ухо.

Желающих не нашлось.

– Хочет ли кто, аки сотник Хайнар, объявить вину варяга Серегея и искать правды по воле богов?

Желающих опять не оказалось. Но многие поглядели туда, где лежало на щите тело названного сотника, который уже нашел, что искал.

– Приговор! – провозгласил Мятлик.

Все притихли.

– Властью, данной мне моим господином от князя киевского Игоря, – размеренно проговорил Мятлик Большое Ухо. – Повелеваю!

На площади стало еще тише. Каждый ждал. Все глядели на судью, только Гудым и Духарев глядели на смоленского посадника. Серега – из

любопытства, а Гудым – потому что ждал: не возьмет ли Фрелаф обратно отданное Мятлику право суда?

Наверное, того же ждал и Мятлик, поскольку огласил приговор не сразу, а после длинной паузы:

– Повелеваю! Не признавать за сотником Хайнаром право мести, поскольку вина варяга Серегея не показана ни людьми, ни богами.

Нурманы недовольно заворчали, но судья не обращал на них внимания.

– Признать за варягом Серегеем право на убийство Хайнара, искавшего его смерти вопреки Правде, и считать с этого времени Хайнара не сотником и человеком смоленского посадника, а просто человеком Хайнаром. По его собственному волеизъявлению.

Недовольное ворчание перешло в гневный ропот. Мятлик повысил голос.

– Назначить виру князю за человека Хайнара, в одну гривну, которую следует истратить на погребение Хайнара, если у него не отыщется родичей...

Нурманы, окружившие тело человека Хайнара, возмущенно завопили, но на этот раз уже сам посадник смоленский вмешался, гаркнул:

– Тихо!

Ропот смолк, а Мятлик продолжил:

– Доспехи и оружие человека Хайнара следует передать варягу Серегею по праву победителя. Прочее имущество – родичам Хайнара, если таковые объявятся. С них же причитается вира в десять гривен за убийство свободной женщины и головное в восемь гривен мастеру-корабельщику Чутке за убийство его водимой жены. Это все. Что скажете, люди смоленские?

Народ одобрительно завопил. Варяги злорадно поглядывали на хмурых нурманов.

За спиной нурмана-посадника неподвижной стеной стояли дружинники. Серега пытался разглядеть, как отнеслись к приговору они, но шлемы дружинников были сдвинуты по-боевому, а у иных даже кольчужная сетка на лицо опущена. Видеть же сквозь железо Духарев не умел.

Толпа начала рассасываться.

Прошло совсем немного времени, и на площади остались только варяги, нурманы и оружные воины посадника.

Серегея чувствовал: все чего-то ждут.

Ждали, что скажет Фрелаф. Суд и Правда – для народа. Для дружины

приговор – приказ старшего. Хотя старший, не следующий Правде, очень скоро остается без дружины.

– Ты, ты и ты! – произнес посадник негромко, поочередно указав на Серегея, Устаха и Гудыма. – Идите за мной!

Повернулся и вошел в кремлевские ворота.

– Пойдем? – настороженно спросил Устах.

– Не бойсь, – успокоил Гудым. – Не тронет. Не захочет Роговолта со Свенельдом под стенами увидеть. А Мятлик-то каков! За сотника Хайнара по Правде виру в восемьдесят гривен надо брать. А за человека Хайнара – как за смерда: сколько судья назначит. И Серегея обелил. Скажи-ка, как брат, ты убил ульфхеднара Виглафа?

– Да, – подтвердил Духарев.

– Кулаком, – добавил Устах.

– То есть Виглаф и впрямь оказался волколюд, – Гудым кивнул. – А признал бы вину, Серегей, если бы Мятлик тебя прямо спросил?

Духарев пожал плечами.

– Может быть. – И поинтересовался: – А почему он, кстати, не спрашивал прямо?

– Как можно? – усмехнулся Гудым. – А если ты не убивал Виглафа? Он – судья. Его слово – как замковый камень [\[13\]](#), а Мятлик не воевода, а такой же сотник, как Хайнар. Если вина твоя не будет доказана, ты вправе вызвать его на перекрестье дорог, чтобы кровью смыть обиду. Никто не знал наверняка, что ты убил Виглафа, но все видели убитого тобой Хайнара. Значит, или боги на твоей стороне, или рука твоя оказалась слишком тяжела даже для Хайнара. Здесь трое родичей его, но никто не решился бросить тебе вызов. Ладно, пойдем. Воевода Фрелаф показал себя достойным воеводой. Не заставим его ждать!

Глава двадцать вторая,
в которой Серега Духарев сначала лишается вида на
жительство в городе Смоленске, потом имеет личную беседу
с посадником Фрелафом и, наконец, получает приглашение на
постоянную работу

Серега думал, что они пойдут втроем, но с ними отправилась вся варяжская ватага. Правда, в сам кремль вошли только те, кого звали, и еще один варяг, десятник из Фрелафовой дружины.

Фрелаф принял их один. Даже без охраны. Храбрость показывал. Или

доверие?

– Доволен, Гудым? – буркнул посадник. – Замутил мне дружину? Суду моему не поверил!

– Ты нурман, – сказал полоцкий сотник.

– Когда я вас, варягов, обижал? – сердито спросил посадник.

– Ты – нет, – спокойно ответил Гудым. – А нурманы твои на землях моего князя безобразничают.

– Это где же?

– Да хоть под Витебском.

– Это мои земли! – сердито возразил Фрелаф.

Гудым пожал плечами.

– Не мне с тобой спорить, – сказал он. – Я своему князю служу. Для меня это земли Полоцка.

– Может, и Смоленск уже не мой?

– Смоленск твой, – признал Гудым.

– Ну, успокоил! – буркнул посадник.

Снаружи раздался звучный шлепок. Затем – хохот стражи.

Фрелаф поморщился. Взял с пояса короткий метательный нож с кольцом вместо рукояти, повертел в руке...

– Слушай меня, Гудым! – произнес посадник негромко и веско. – Даю тебе срок до завтрашнего вечера. Лед с реки сошел. Садись в свою лодью и убирайся в Полоцк. Хватит тебе моих лучших дружинников друг на друга натравливать! И этих, – жест в сторону Духарева и Устаха, – с собой заberi. Родичи Хайнара, что у меня в дружине, их все равно живыми не оставят.

– Сдается мне, ты за своих гридней беспокоишься, а не за моих братьев, – заметил Гудым.

– Я тебе волю свою сказал, – отрезал посадник. – Теперь идите. А ты, – острое метательного ножа обратилось к Духареву. – Ты останься.

Трое варягов вышли. Посадников отрок закрыл за ними двери, а сам остался снаружи.

Духарев ждал. Посадник играл ножом, не поднимая глаз. Молчание затянулось, Серега не решался нарушить его первым.

– Есть у меня к тебе просьба, варяг, – наконец произнес посадник.

Голос его прозвучал неожиданно мягко и как бы с натугой. Совсем не так он разговаривал с Гудымом.

– Ты вправе мне отказать, поскольку просьба эта не принесет тебе выгоды. – Фрелаф еще немного помолчал, потом продолжил: – И скажу тебе прямо: будь ты нурман, я не стал бы тебя об этом просить... – Он

опять замолчал.

Духарев ждал.

– Мятлик отдал тебе зброю и доспех Хайнара, – после паузы проговорил Фрелаф. – Откажись от них.

– Почему? – Духарев смотрел прямо в глаза посадника. Он хотел, чтобы Фрелаф понял: это не дерзость, а просто желание узнать причину.

– Хайнар был моим сотником, – сказал посадник. – Я любил его, варяг, и хочу, чтобы его предали огню в его собственном облачении и с его собственным мечом. Что скажешь?

– Согласен, – лаконично ответил Духарев.

У него была собственная броня и собственный меч. И не было ни малейшего желания ссориться с могущественным правителем Смоленска.

– Благодарю тебя, варяг, – негромко произнес посадник. – Теперь можешь идти.

Варяги ждали Духарева во дворе. Молошныe гридни, что несли стражу у дверей, поглядывали на них настороженно.

– Что он хотел? – спросил Устах, когда Серега вышел из терема.

Духарев ответил.

– И что ты?

– Да пусть забирает! – Серега махнул рукой. – Не обеднеем!

– Ха! – Гудым хлопнул Духарева по спине. – Ты – варяг! Иди ко мне в дружину, Серегей!

– Устах? – Духарев повернулся к товарищу.

Тот шевельнул облитыми кольчужной сталью плечами:

– Я уже ответил: да.

– Я не один, – уточнил Сергей. – И своих здесь не оставлю.

– У меня большая лодья, – заметил Гудым. – Ты видел.

– Значит, и для моего коня место найдется? – поинтересовался Духарев.

– Ты – варяг! – Гудым глядел на Серегу с явным удовольствием.

– Найдется?

– Я же сказал: у меня большая лодья!

– Что я должен делать? – спросил Духарев.

– Что? – Полоцкий сотник, не понимая, поглядел на Серегу.

– Он – настоящий муж, но плохо знает обычаи, – с усмешкой пояснил Гудыму Устах. – Мы принесем клятву, Серегей, и разопьем братину, не смешивая крови. Если ты пожелаешь уйти – ты уйдешь. Но только во время мира. Верно, Гудым?

– А как же иначе? – удивился полочанин. – Мы все – варяги.

Уже когда они покинули кремль, Серега не выдержал и шепнул Устаху:
– Помнишь, я говорил тебе, что не поплыву в Киев? Ты, кажется, сомневался?
– Зачем ты это говоришь? – спросил синеусый варяг, останавливаясь и глядя на Духарева с внезапным интересом.
– Да просто так, – сказал Серега и засмеялся. – Просто чтобы запомнилось.

Глава двадцать третья

Сборы

В гостиницу Духарев вернулся только в полдень следующего дня. Поцеловал Сладу, спросил:

– Все в порядке?

– Да, все хорошо.

Никаких вопросов типа: где был, с кем, почему не ночевал дома уже на вторую ночь после свадьбы?

– Собирайся, Сладушка. Мы уходим.

Слада кивнула. Она не спрашивала, куда и зачем. Муж скажет, если надо.

Сборы не заняли много времени. Немного одежды, сумка со снадобьями и лекарскими инструментами, свернутые, упакованные в вощеную ткань пергаменты, оставшиеся Сладе от отца. Она собралась быстрее, чем Духарев набил своим барахлом седельную сумку. Во второй сумке, упакованное с большим тщанием, хранилось оружие. Трофейная броня, колчан со стрелами. Лук он так и не купил. Не нашел на Торжке ничего подходящего.

– Где Мыш?

– У Горазда. Сергей... – Слада запнулась.

– Да, моя хорошая?

– Не зови его с нами.

Духарев поглядел на нее очень внимательно, потом кивнул.

Комната Горазда была раз в десять просторней, чем та, в которой жили Сергей и Слада с Мышом.

Парнишка действительно был здесь. И еще Годомята, Трещок и третий, смоленский приказчик Горазда, с которым Сергей был не знаком. Ну и сам купец, конечно.

– Я не иду с вами в Киев, – с порога сказал Духарев. – Прости, Горазд!

– Не виновать себя, – прогудел купец, поднимаясь ему навстречу. – Я все знаю. Передай от меня добрые слова Роговолту. По зиме приходи за своей долей. Или я сам привезу... Коли жив буду.

Он замолчал, и Духарев тоже молчал.

– Ну че, Горазд, я пошел собираться? – проговорил в наступившей тишине Мыш.

Купец и Духарев одновременно посмотрели на мальчишку.

– Оставь его мне!

– Ты можешь остаться с Гораздом! – сказали они тоже одновременно, и оба засмеялись.

– Но... – Мыш колебался. – Ты не берешь меня с собой, брат?

Духарев подошел к нему, наклонился, шепнул в самое ухо:

– Если ты сам хочешь, иди с ним, Момчил. Так правильно. Ты хочешь?

– Хочу... – смущенно проговорил парнишка. – Но... кто будет учить меня биться?

– Драй. Я попрошу его. – Сергей выпрямился и перевел взгляд на купца. – Я доверяю тебе своего брата, Горазд, – произнес он со значением.

– Не беспокойся, – пробасил тот. – Я сделаю из него доброго купца.

– Такого, как ты? – улыбнулся Духарев.

– Не такого толстого, – ухмыльнулся Горазд.

«Как я мог ненавидеть этого человека?» – подумал Серега.

– Горазд! – это сказала Слада, которая все это время тихонько стояла у двери.

– Да, женщина?

– Позволь спросить?

– Спрашивай.

– Вы пойдете в Киев... И дальше?

– Может быть.

Слада кивнула.

– Можно мне попрощаться с братом, Сергей?

– Ну конечно!

– погоди! – сказал Горазд, и Духарев взглянул на него удивленно.

– Я не пил меда на вашей свадьбе, – усмехнулся купец.

– Так уж вышло, – смущенно проговорил Сергей. – Но мы еще выпьем с тобой и меда, и пива... Обещаю!

– Непременно, – кивнул купец. – Но это будет не скоро. А сейчас я хочу сделать свадебный подарок твоей жене. Ты позволишь?

Не дожидаясь ответа, он открыл один из коробов и достал оттуда холщовый мешочек.

– Подставь ладошки, молодница! – сказал он. – Роди мужу столько красных сыновей, сколько здесь камушков!

И положил в руки Слады гранатовое ожерелье. То самое.

Мыш и Слада стояли посреди пустой комнаты. Брат и сестра, которые еще никогда не расставались.

– Если вы пойдете дальше Киева... – глядя в сторону, проговорила Слада. – Если вы пойдете дальше и если, да не допустит этого Господь, с вами случится беда, скажи людям, что ты Момчил, из Радов Скопельских.

– И что будет? – тихо спросил брат.

– Не знаю, – теперь Слада смотрела на него, и глаза ее стали блестящими от влаги.

– Рады Скопельские – наши родичи?

– Да.

– А Скопель – это где? – Мыш оживился, даже забыл, что прощается с сестрой, может быть, надолго, может быть, очень надолго.

– Скопле. Это город. Там родился наш батюшка. Там его помнят... наверное. Момчил...

– Да, Сладислава?

– Возвращайся...

Глава двадцать четвертая

Когда-нибудь...

Их провожала целая толпа. Кроме Гораздовой ватажки, почти в полном составе. Мятлик Большое Ухо с отрядом отборных гридней, – Фрелаф послал приглядеть, чтоб опять не возникло каких-нибудь эксцессов. Еще шестеро смоленских варягов, тоже из Фрелафовой дружины, но явившихся по собственному почину: мало ли что? Ну, разумеется, еще толпа зевак, которым было любопытно поглядеть на того, кто зарубил самого Хайнара и, по слухам, единолично прикончил дюжину (некоторые утверждали, что не дюжину, а всего десяток) нурманских волколюдов.

Процессия спустилась к Днепру, к причалам.

Людья полочан стояла отдельно от прочих. По бортам ее висели круглые красные щиты. Деревянная конская голова с медвежьими клыками грозно глядела на причал с закругленного носа.

Сереге спешился, вынул из седла Сладу, передал повод мерина Мышу.

– До свиданья, брат!

– До свиданья!

Устах уже вел своего коня по сходням на борт лодьи.

Попрощались.

Сергей ласково похлопал Пепла по шее и потянул за собой. Жеребец фыркнул недоверчиво, но пошел, громко стуча копытами по неструганым доскам.

Слада быстро поцеловала Мыша.

– Помни, что я сказала, – шепнула она.

Когда она спрыгнула с борта на палубу, сам сотник Гудым подал ей руку.

Слада смутилась. В Полоцке были другие обычаи, чем в Новом Торжке и даже близком Витебске.

– Добро пожаловать, молодница! Как звать тебя?

– Сладислава! – ответил за Сладу подошедший Сергей.

Сотник поклонился. Слада ответила тем же. Три десятка лиц, на каждом – длинные варяжские усы, – повернулись к ней.

– Мы рады тебе, Сладислава! – торжественно провозгласил Гудым. – Если, конечно... ты умеешь готовить!

Громовой хохот прокатился над палубой. Слада шагнула вперед, решительно взяла сотника за левую руку, перевернула ладонью вниз. На тыльной стороне, ближе к запястью, краснел глубокий рваный рубец. Даже неопытному Духареву было ясно, что рана нехорошая.

– Лучше бы я увидела его неделю назад, – громко сказала Слада.

– Пустяшная царапина, – пренебрежительно отозвался Гудым. – Такие мелочи не беспокоят воина.

– Даже если воин может остаться без руки? – сердито спросила Слада.

Это могло выглядеть забавно: огромный варяг, которого отчитывает девушка, чьи глаза на уровне его грудной бляхи. Но на этот раз никто не смеялся.

– Ты не говорил, что твоя жена – лекарка. У нас найдется дело для нее, – сказал Гудым Духареву. – Как удачно я подоспел к тебе вчера на торгу, брат-варяг.

– Ты еще не раз это повторишь, – сказал Устах. – Клянусь усами Перуна!

А Серега Духарев глядел на белые стены Смоленска, на темно-синюю днепровскую воду, по которой медленно плыли редкие ноздреватые льдины. Плыли вниз, мимо неведомых городов со знакомыми названиями, мимо лесов, через степи, к Черному морю, которое сейчас называют Ромейским, но (он помнил) через какую-нибудь сотню лет будут называть – Русским. Льдины не доплывут до моря, а он, Серега Духарев, доплывет.

Когда-нибудь. Обязательно.

Послесловие от автора, не обязательное для чтения, но по-своему интересное

История – занятнейшая вещь, друзья мои, дамы и господа. Особенно для писателя. Прежде всего потому, что сама историческая наука оставляет невероятный простор для воображения и вместе с тем создает некие узловые точки, совершенно определенные и реальные. Например, если при раскопках городища десятого-одиннадцатого века где-нибудь в Белоруссии обнаруживается арабская монета, датированная примерно тем же временем, мы можем только *предполагать*, как она туда попала. И рассматривать разные версии, за исключением лишь той (если у нас хоть немного мозгов), что монету подкинули сами археологи, дабы обдурить честной народ. Итак, есть арабская монетка. И что теперь с ней делать? Ученому сложнее, чем писателю. Выдвигая научную версию, должно ее обосновать. И доказать. Например, назвать место, где можно найти еще одну монетку. Если ее там найдут, значит, гипотеза верна. А вот если не найдут... Тоже ничего страшного. Подождем. История – не классическая физика.

Есть такая притча. Некий царь призвал трех мудрецов и попросил объяснить следующий факт: почему, если в кувшин, доверху наполненный водой, опустить рыбу, то вода не выливается. Двое мудрецов представили подробнейшее обоснование. Третий опустил в кувшин рыбу. И вода вылилась.

Историческая наука очень редко может следовать примеру третьего мудреца. В руках историков крайне редко оказываются одновременно и кувшин, и вода, и рыба. Поэтому девяносто процентов исторических концепций противоречат друг другу. То есть ряд весьма серьезных ученых на основании известных (*известных!*) данных уверенно считает варягов скандинавами. Другие, тоже авторитетные, полагают их германцами, третьи... Третьи утверждают, что никаких варягов вообще не было. Писатель вправе выбирать любую из гипотез. Например, ту, в которой варягов предполагают одним из славянских племен, обосновавшихся на севере. Лично мне она наиболее симпатична, не противоречит ни фактам, ни логике, и я очень сомневаюсь, что она будет обоснованно опровергнута до изобретения машины времени. А если и появятся доказательства того,

что я не прав... Ну что ж, значит, я ошибался. В конце концов, и ученые ошибаются. А писатели, исходя исключительно из логики и анализа имеющихся фактов, делают правильные выводы, которые в ученном мозгу просто не укладываются. Даже когда появляются неопровержимые доказательства. Вроде останков динозавра с внутренними органами, сохранившимися достаточно, чтобы установить, что сердце у динозавра было четырехкамерным. А четырехкамерное сердце, как мы учили в школе, имеется только у теплокровных, зверей и птиц. И все теории о холоднокровных и чешуйчатых гигантских рептилиях, вымерших от похолодания, можно выбросить в мусоропровод. И очень хорошо, что создатели этих теорий, профессора и академики, увенчанные лаврами светила палеонтологии потерпят только моральный ущерб, а все звания, должности и регалии сохранят, хотя научные труды их оказались пустышкой. Если бы вместе с ложными теориями выбрасывали на свалку и их создателей, мы с вами никогда и не узнали бы о том, что были когда-то динозавры с четырехкамерным сердцем. Ну разве что из фантастических произведений. Вот автор этих строк в одном из своих фантастических романов лет семь назад «создал» теплокровных, да еще и мохнатых ящеров, руководствуясь исключительно логикой и кое-какими фактами, вроде того, что кости таза у некоторых динозавров более напоминают птичьи, а не ящеричьи. Клянусь, у меня не было тайного плана потрясти основы тогдашней палеонтологии. Я просто включил интересное предположение в книгу. Хотя узнать, что ты был прав, – крайне приятно. Даже писателю-фантасту, который хочет и в фантастике оставаться реалистом.

Однако вернемся к нашей арабской монетке. Монетке, неясным пока путем попавшей на территорию Полоцкого княжества. Будучи писателем, а не ученым, я имею право не ограничиваться жалкой монеткой. Я, писатель, могу вполне обоснованно предположить, что тем же путем на ту же территорию могла попасть не только монетка, но и, скажем, арабское оружие, которое качеством металла так же отличалось от оружия, которое ковали франки или скандинавы, как клинок настоящего швейцарского ножа от куска кровельной жести. Поэтому эпизод в американском фильме «Тринадцатый воин», когда массивный северный меч перековывается в тонкую кривую саблю, у понимающего человека вызывает улыбку. Но то американцы. Они охотно жертвуют достоверностью ради Зрелища. Мне же хотелось создать именно достоверный мир нашего прошлого, сделать именно исторический, а не фантастический или «альтернативный» роман. То есть, если вдруг я захочу вооружить героя саблей, то должен найти не

противоречащий фактам способ дать герою настоящий булатный клинок. И я или найду такой способ, или у героя не будет сабли. То есть все должно быть реалистично. «Ага! – скажете вы. – А почему тогда герой мало того, что непонятно как попал в древнерусскую реальность, еще и говорит на тамошнем языке?» Что касается «попадания», то я пока ничего отвечать не буду. Это пока секрет. А вот насчет языка, да, вы правы. Язык тогда был другой и отличался от современного русского, как русский, ну, скажем, от болгарского. Но если бы Мыш, Рёрах и все остальные тамошние изъяснялись, скажем, по-церковнославянски (чисто технически я мог бы сделать так), стала бы моя книга от этого более интересной?.. Вот именно! Я писатель, а не ученый. Мне хотелось, чтобы меня читали легко и с удовольствием. Мне хотелось показать мир десятого века таким, каким он мне видится, и показать его глазами нашего современника. Причем не в виде полунучного исторического произведения, а в жанре развлекательном, приключенческом и немножко романтическом. И я это сделал. Все. Продолжение следует...

Место для битвы

Глава первая

Удачное утро для варяжской охоты

Высокая трава раздвинулась, и на полянку проскользнул Понятко, разведчик-следопыт из Серегина десятка.

Половая лошадка разведчика тут же встрепенулась и сделала попытку подняться на ноги.

Кто-то из воинов успел схватить ее за ноздри и прижать к земле. Ковыль был достаточно высок, чтобы скрыть не только лошадь, но даже и всадника, если тот пригнется к холке. Но слух у степняков острый. Лучше не рисковать.

– Три больших десятка, двое дозорных, остальные спят, – шепотом доложил разведчик. – Собачек нет.

И поглядел на своего десятника: доволен ли?

Серегин одобрительно кивнул, и Понятко расплылся в улыбке.

Классный парень. Умница. И следы распутывать мастер, а как часовых снимает! Не захрипит, не булькнет. Залюбуешься!

Значит, три больших десятка... Серегин почесал взопревшую под доспехом грудь. Большой десяток, это обычно человек двенадцать-пятнадцать. Итого сабель сорок, не меньше. А варягов – двадцать три. Вполовину меньше. Но для рукопашной – более чем достаточно. Парни у Серегина – один к одному. Молодцы. Варяги, одним словом. Против сорока степнячьих сабель – и десятка добрых варяжских мечей хватит. Но... Есть одно «но». И «но» это заключается в том, что помимо сабель у степняков обычно имеются луки. И луками степняки пользуются не хуже варягов, а, как это ни печально, лучше. И если степняки успеют взяться за эти самые луки, тогда будет худо.

Духарев поглядел на Устаха. Лучший Серегин друг и второй десятник в отряде был обуреваем теми же мыслями.

– Кто они, печенег? – спросил Духарев. Он был почти уверен, что услышит – «да». Но Понятко мотнул головой:

– Хузары. Дикие.

И поглядел на «своих» хузар, Машега с Рагухом: как отреагируют?

Лицо у Машега стало, как у девушки, откусившей яблоко и неожиданно обнаружившей переполовиненного червяка.

Понятко тихонько засмеялся. На него цыкнули. Духарев знал, что для большинства его варягов что «черный хузарин», что печенег – без разницы.

Одно слово – степняки. Те, что, налетев, бьют, грабят, уводят в полон мирный люд... А потому и их самих бить да грабить – милое дело. Если силушки хватит. Но для тех, у кого соображения побольше, а уж тем более для кровных хузар – разница была ощутимая. А для последних – еще и обидная.

Сергея Духарев из чужих рассказов да из собственного опыта составил для себя примерную картину местной геополитики и понимал ситуацию так.

После того как печенежские орды подмяли под себя изрядный кусок хузарского хаканата, очень многие из бывших данников нынешнего хакана Йосыпа и даже его собственные подданные из черных хузар-язычников примкнули к победителям, увеличив и без того многочисленные печенежские полчища. Наиболее отмороженные сколачивали собственные шайки и, на собственный риск или заручившись поддержкой того или иного большого хана, нагло безобразничали на торговых путях.

Таких разбойничьих шаяк численностью до полусотни стрелков каждая в степях Приднепровья было что блох на бродячей собаке. Иногда шайки объединялись, иногда резали друг друга. Они роились около трактов и волоков, как мухи у навозных куч. Раньше, когда Итильский хаканат был в настоящей силе, такого не было. Но хакановы хузары в этих краях уже вчистую проиграли печенегам, и теперь главной силой, способной противостоять степнякам, стала княжья русь: варяги, славянские вои, служивые нурманы, свеи и прочие. Им же теперь приходилось оберегать торговые пути к ромеям, чтобы кочевые полчища не отрезали их от тех же ромеев, как это уже случилось с Хузарским хаканатом.

Воевать с печенегами было трудно. Степные орды находились в постоянном движении. Погрузят имущество на повозки да коней – и ищи их по всей степи. За несколько дней печенежское кочевье, с женщинами, детьми, стариками, и то уходило на сотню километров. А уж воинам-степнякам отмахать за день километров шестьдесят – сущие пустяки.

Отчасти поэтому нынешний киевский князь даже и не пытался потеснить степняков. Насколько было известно Духареву, Игорь лишь единожды, да и то лет двадцать назад, ходил против печенегов. Пытался наказать хана, пограбившего киевские земли. Толку от этого вышло – ноль. С тех пор Игорь решил, что со степняками проще дружить. И дружил. Например, недавно ходил с ними на ромеев. Ромеи откупились от Игоря, а Игорь, соответственно, – от союзников. После чего русь отправилась домой, а печенеги – грабить болгар.

С большими ордами и впрямь лучше было не связываться, но прижать

всякую мелочь – не так уж трудно. Однако это, как оказалось, не совсем совпадало с интересами самого киевского князя, который предпочитал получать с купцов за право присоединиться к княжьему каравану.

Впрочем, не все рассуждали, как Игорь. Иного мнения придерживался, к примеру, княжий (формально, а по сути – свой собственный) воевода Свенельд. А еще – полоцкий князь Роговолт, которому не улыбалось торговать под жадной рукой киевского князя. И в этом Роговолта поддерживали даже упрямые новгородцы. Не только словами.

Поэтому вот уже второй год топтали степные травы небольшие летучие отряды славян – выискивали степных разбойников. Малых числом – били. На банды посильней наводили Свенельдову дружину. Если же наталкивались на большую орду, держались подальше. Такая вольная охота на степняков считалась делом опасным. Славянам, особенно тем, что с севера, воевать в степи еще надо было научиться, а для кочевников Дикое Поле – родной дом. Поди сыщи их раньше, чем тебя самого отыщет печенежская стрела, которая за пятьдесят шагов навывлет щит пробивает. В общем, опасное дело. Но прибыльное. Иной раз не только пояса, но даже и седельные сумы разбойников были набиты серебром.

Устах и Серега командовали одним из таких вольных отрядов. Ватажка их считалась варяжской, хотя из прирожденных варягов в ней был один Устах. Остальные – сборная солянка. Поляне, кривичи, прусс, свей. Особняком – Рагух и Машег. Двое хузар, оваряженных Свенельдом, – «подарок» киевского воеводы перспективному десятнику Серегею: очень не хотелось воеводе, чтобы Духарев стал кормом стервятников. Двое хузар благородной крови, воинов в ...надцатом поколении, знавших все тонкости и хитрости степной войны, – это неоценимый дар.

Вообще-то вначале хузар было четверо. Еще двоих Свенельд отдал в десяток Устаху. Но эти были попроще, и судьба им не улыбалась. Одного в первой же стычке посекли «черные» угры, второму печенежья стрела разбила локоть, и его с купеческой ладьей отправили в Киев.

Собранный с бору по сосенке, отряд тем не менее получился крепкий. Правда, частые жестокие стычки с Дикой степью изрядно проредили храбрую ватажку. Храбрую-то храбрую, но вот насчет побудительных мотивов своего разномастного воинства Духарев не обольщался. Парни лезли в драку не за идею, отечество или поруганную честь родичей (хотя были, конечно, и такие), а исключительно ради того самого серебришка, что побрякивало в разбойничьих кошельках. Но старших младшие уважали крепко, и на этом уважении держалось единство воинской ватаги. На этом да еще на понимании варяжского славного братства. Не то перегрызлась бы

разноплеменная компания на счет «раз».

– Дикие хузары... – Устах поглядел на Машега, тот брезгливо скривил рот. Варяжские усы его были не усами, а насмешкой. По три волосины. Но лицом не смугл, а светел, ничуть не похож на большинство плосколицых кочевников, которых княжья русь пренебрежительно называла копчеными. Это потому что сам Машег был из «белых» хузар, поклонявшихся Единому. Из воинской элиты. А элита эта, ясное дело, в постель предпочитала класть не уродливых простолюдинок, а писанных красавиц. Обычно заморских. Потому стриженные под горшок волосы хузарина были светлыми, а глаза – синими. И этими синими глазами Машег взирал на хузар низших, «черных», язычников с презрительным высокомерием. Как волк – на деревенских собак. Иудейская вера, впрочем, не мешала Машегу вкладывать время от времени золото в черный языческий Перунов рот. Вера – верой, а обычай – обычаем. Тем более если обычай – варяжский.

– Откуда они пришли? – спросил Духарев.

– Вроде с волока, – не очень уверенно ответил Понятко. – Я далеко не бегал, точно не скажу, но точно, что от Днепра.

Воины оживились. Если разбойник от реки скачет, значит, или спугнул кто, или – с добычей.

– Бьем? – Тусклые обычно глаза древлянина Шуйки заблестели от жадности.

Духарев с Устахом переглянулись: в общем все было ясно.

– Бьем, – сказал Духарев. – Какие могут быть вопросы? Только на этот раз мы – зачинщиками! – ревниво добавил он.

– Да ладно уж! – Устах ухмыльнулся. – Только Понятку мне дай. И Машега.

– Машег, ты как? – для порядка спросил Духарев.

Он знал, что хузары предпочитали держаться вместе, но понимал, что во второй группе тоже должен быть мастер-стрелок.

– Пойду, – отозвался Машег. – Если Понятко меня петть заставлять не будет.

Они с Поняткой были приятели, а шутка была старая, потому никто не засмеялся.

– Клёст, Свей с лошадьми, – распорядился Устах. – Остальные проверьтесь: чтоб не звякать там, не кашлять и не пердеть.

Через несколько минут вторая группа гуськом втянулась в густую траву, чьи стебли в сумраке казались совсем черными.

Духарев выждал положенное время и, сделав знак своим, тоже нырнул

в траву, в щель, оставленную возвращавшимся разведчиком. За Серегой бесшумно проскользнул Рагух, за хузарином – лучший из Серегиного десятка, Гололоб. За Гололобом – семеро оставшихся. План ночной атаки был просчитан до мелочей и не раз опробован в деле.

Сергей скользил, пригибаясь, между высоких стеблей. Он двигался почти бесшумно, аккуратно раздвигая траву. Серые утренние сумерки – хорошее время. Его, Серегина, время.

Когда ветерок донес кислый запах разбойничьей стоянки, Духарев подал знак: «Стой!» – и сам замер. Медленно потянул носом («взял», как сказал бы Рёрах) воздух. Потом еще раз.

Пахло травой, людьми, лошадьми, мясной похлебкой, должно быть, старой, потому что дымом не пахло: степняки огня не разводили. А ведь здесь, в низине, трава еще не растеряла влагу, и пожара можно было не опасаться. Это позже, когда солнце основательно высушит степь, случайной искры будет достаточно, чтобы понеслась по Дикой Степи огненная волна.

Духарев однажды видел такой пожар и помнил, как они обходили раскинувшееся на сотни стрелищ^[14] серое пепелище, которому лежать мертвым до первого дождя. А дождь этот, может статься, выпадет аж через месяц. Всему живому в огне – смерть, а под хороший ветер пал мчит вдвое быстрее лошади. И даже если поднявшийся от твоей искры огонь и обойдет тебя стороной, богини степей не простят жестокости. Найдут как отомстить.

Не то чтобы варяг Серегей (не говоря уже о христианине из Питера Духареве) боялся степных божков. Но «дедушка» Рёрах, который городского неуклюжего кобеля Серегу оборотил в стремительного и смертельно опасного волчару, дразнить языческих божков не советовал. Тем более на их территории.

Однако, кроме опасности пожара, была еще одна существенная причина не разводить костров. Запах дыма. Те, кто не желал афишировать свое присутствие в степных просторах, вынуждены были обходиться без огня. И разбойники, и охотники в степи попусту костров старались не жечь, а если жечь, то непременно со всеми предосторожностями.

Значит, костра степняки не жгли. Тихарились. Ну и ладно.

Приложив ладони раковинами к ушам и медленно поворачивая голову, Сергей прислушался. Человеческого дыхания он не услышал, зато услышал лошадей, пасшихся вокруг лагеря. Степняки, по обыкновению, отпустили их подкормиться. Но между варягами и лагерем не было ни одной, иначе пришлось бы обходить. Хузарские кони обучены не признавать чужих и

поднимать тревогу.

Духарев выждал еще немного. Устаху, который будет огибать лагерь по большой дуге, нужно время, чтобы занять боевую позицию.

Прошло полчаса. В лагере степняков ничего не изменилось, только один раз визгливый голос спросонья забормотал по-хузарски.

Сергей вопросительно поглядел на Рагуха, но тот мотнул головой. Ничего важного.

Духарев ждал. Его десяток тоже ждал: кто – сидя на корточках, кто – на земле. Ждать в неподвижности они могли часами. Терпение воина превосходит даже терпение охотника.

Сергей очень хорошо знал каждого из своих парней. Знал, кто и что может, знал, как к кому подойти, чтобы сделал сверх возможного.

Любому духаревскому соотечественнику из того, прежнего мира эти парни показались бы стандартными, как игрушечные солдатики. Одинаковые шлемы, у кого – с прорезями для глаз, у кого – со стрелками-наносниками, одинаковые куртки с нашитыми бляшками, заправленные в сапожки штаны из прочной ткани, с кожаными нашлепками на коленях и в паху, мечи в ножнах – за спиной (подражание своему десятнику), луки, ножи... Обычный прикид для степной «охоты». Щиты и стальные доспехи имелись у всех, но остались на стоянке. Сейчас главное – легкость и быстрота.

Время вышло. Сергей поднял два пальца. С ним пойдут двое. Кто эти двое, знали все. То же было бы, если бы он показал три или четыре пальца.

Лагерь степняков – вытоптанное пятно шагов сто в поперечнике. На поляне в кажущемся беспорядке разбросаны упряжь, седельные сумы. Несколько больших мешков кучей свалены посередине. Хозяева всего этого барахла вповалку спят вокруг. Оружие под боком, но тетивы у всех, кроме часовых, спущены. Это хорошо.

Сторожей было двое, и их следовало обезвредить быстро и аккуратно. На этот случай у Сереги имелась своя персональная примочка. Ноу хау.

Сергея осторожно развязал кожаный мешочек и извлек из него жирного живого слепня. Слепень злобно загудел, но это его не спасло. Крохотная деревянная игла с коричневым от яда жалом проткнула его насквозь. Жить слепню осталось чуть больше минуты. Этого достаточно. Та же печальная участь постигла и второго слепня.

Духарев отцепил от ножен ровную тростниковую трубку, из тех, что использовались славянами для «подводного плавания». Серега, однако,

несколько расширил сферу ее применения.

Духарев приложил полый тростник к губам, просунул между стеблями. Первый слепень отправился в последнее путешествие...

С той стороны изготовившиеся к бою Устаховы молодцы наверняка опознали хлопок. Но ни часовых, ни спящих этот незнакомый звук не встревожил. А вот звук спущенной тетивы или характерный удар попавшего в цель швыркового ножа поднял бы на ноги всех.

Часовой шлепнул себя по шее, поглядел на раздавленного слепня, отбросил его брезгливо, потер «укушенное» место... «Жало» осталось в ранке.

До второго часового было подальше, метров двадцать, но Серега и на этот раз не промахнулся.

Яд начинал действовать через две-три минуты. Это был хороший яд, Духарев отдал за него чародейке, «служанке» Мокоши, полную гривну. Попадая в кровь, яд сначала вызывал сонливость, потом слабость, а затем смерть. Состояния сменяли друг друга так быстро, что отравленный не успевал заподозрить что-то неладное.

И тут, впервые, произошла осечка.

Часовой, ближний, неожиданно поднялся. Второй, повернувшись, поглядел на него, но первый махнул рукой: все нормально.

Возможно, у него просто затекли ноги. Проблема состояла в том, что сидящий со скрещенными ногами степняк, засыпая, так и остается сидеть. А вот тот, кто стоит на ногах...

Второй вырубился раньше. Серега увидел, как он клюнул носом...

И тут колени у первого подогнулись...

Гололоб, опередив своего десятника, метнулся вперед, бесшумно, подхватил падающее тело, бережно опустил на землю. Хузарин успел глянуть на варяга мутнеющими глазами, но подать голос уже не мог.

Все остальное заняло не больше минуты. Варяги ворвались в лагерь, как степные волки – в овечий загон. Брызги крови и ошметки плоти, вопли, визг, рев...

Духарев прыгнул сразу в середину лагеря, к сложенным кучей мешкам, хлестнул веером сразу на три стороны, перебросил меч в левую руку, достал четвертого. Пятый успел откатиться, ухватился за лук... Топорик Гололоба проломил облепленный сальными волосами затылок. Кто-то из степняков свистнул с переливом, зовя коня. Перекрывая свист, над степью задрожал тоскливый злобный волчий вой. И тут же завyli, вперелив, по-волчьи, все варяги. От этого страшного звука шарахнулись прочь непугливые хузарские кони, а на их хозяев, тех, что успели

схватиться за оружие, навалилась внезапная немощь, и что-то ослабло внутри. Лишь немногим удалось преодолеть отнимающий силы звук. Наконец зазвенела сталь. Но не степнякам тягаться с варягами в искусстве клинковой игры, тем более – на твердой земле. В одном месте, правда, нескольким хузарам удалось сбиться в кучу, оцетиниться пиками. Такой пикой степной всадник на скаку подхватывает брошенное в траву кольцо. Но пешими хузары не продержались и минуты. Устах и еще четверо варягов налетели с разных сторон, посекали и пики, и тех, кто их держал, и тех, кто под прикрытием уже нацеливал смертоносные луки... Быстро, очень быстро... Вот кто-то из степняков метнулся прочь, в спасительные травы... и полетел ничком, когда стрела Рагуха ударила ему под лопатку.

Машег и Рагух в сечу не лезли. Били на выбор, неторопливо, насмерть.

Минута, может, чуть больше – и всё закончилось. Для разбойников. Для варягов же, как выяснилось чуть позже, всё только началось.

Глава вторая, в которой выясняется, что даже удача может оказаться чересчур большой

Победители неторопливо осматривали тела, срезали и снимали все, что казалось ценным. Раненых добивали. В воздухе висела тяжелая вонь крови, боли, пота, выпущенных внутренностей. К воню Сергею уже давно принюхался. Притерпелся, как к свербящей под доспехами коже. Ну чешется – и ладно. Главное, чтобы вши-блохи не завелись. Естественная брезгливость цивилизованного человека, конечно, не исчезает совсем, но привычка натягивается на нее сверху, как перчатки патологоанатома. Правда, были вещи, к которым Сергею было притерпеться трудно. Но одно дело – изнасилованные или брошенные в костер дети, и совсем другое – порубленные в схватке разбойнички. Одним словом, как говаривали классики: труп врага пахнет очень даже приятно.

Подтянулись Свей и Клёст, пригнали коней.

Рагух и Машег сели на своих лошадок, пустились ловить разбойничьих. Поймают, конечно, не многих. Дюжины две. Но и эти пригодятся – трофеи везти.

Сергей мертвых не обдирал. Не командирское это дело. Без него справятся. Обдирать – не убивать.

А все-таки ловко у них стало получаться! Сорок восемь разбойничков – наповал, а у Сергея в десятке только одного поцарапало, да и то легонько. Конечно, резать спящих – неспортивно. Но это только в рыцарских романчиках все чисто-благородно. А по жизни чистая работа как раз такая: чтобы вокруг в живописном беспорядке валялись чужие трупы, а твои друзья стояли вокруг на собственных ногах. Вот картина, от которой становится тепло на сердце у всякого вождя. А он, Сергей Духарев, теперь, как ни крути, а вождь. Хоть под рукой у него не тысячи, а всего дюжина.

Короче, Духарев был собой стратегом вполне доволен. В открытой сшибке со степняками легла бы половина его парней. Это в лучшем случае.

О худшем даже и говорить не хочется. Это они, варяги, с побежденными обращаются по-доброму: ножом по горлу. Не смерть, а чистое милосердие. А к степнякам в руки живьем попадать не стоит. За неполных два года Духарев в здешних краях насмотрелся всякого. Иной раз на то, что остается от угодивших в плен к тем же копченым-печенегам, не

стоит даже смотреть. Лучше уж – к нурманам, чем к этим. Вон красавец валяется – на шее два ожерелья. Одно – золотое, второе – из сушеных пальцев. Притом не мужских, а женских. Или детских. Обдиравший разбойника Щербина, полочанин из Устахова десятка, угрюмый, битый громила, и тот передернулся лицом, сплюнул, разрезал шнурок и положил страшное украшение на землю...

– Серегей! – За два года Устах так и не научился правильно выговаривать имя Духарева. – Поди сюда, глянь!

Серега подошел. Глянул. Ёш твою мать!

Устах стоял у развязанного кожаного мешка. И был этот мешок доверху наполнен серебряными чашами. И не какими-нибудь, а дорогой ромейской работы, с чернью и чеканкой. Иные – даже с эмалью.

Духарев присвистнул. Повезло, однако! На один такой мешок боевую лодью построить можно. Да что там лодью – корабль морской, а то и два! Серега потянулся к другому узлу, поменьше, распутал шнурок... Ну вообще! Мешок, размером с баранью голову, был под завязку набит серебряными монетами: греческими, арабскими... Друзья переглянулись.

Третий мешок они вскрыли вместе. И он тоже оказался набит монетами. Только золотыми.

Они поглядели друг на друга. Губы Устаха растянула глуповатая улыбка, совершенно неуместная на суровом, обветренном лице синеусого варяга. Но Серега тут же поймал себя на том, что лыбится так же глупо. Как влюбленный шестиклассник, которого подружка неожиданно чмокнула в щечку.

– Ах ты мохнатая Волохова гузня! – пробормотал Устах. – Скажи мне, брат, это морок или вправду золото?

Духарев зачерпнул тяжеленькие монеты ладонью – как пшеничное зерно, взял одну, прикусил...

– Высшей пробы!

Это было богатство. Огромное. Причем – для всех ватажников. Даже если в остальных мешках солома с глиной, что маловероятно.

«Черт! – подумал Духарев. – Что ж я с этим делать-то буду? Такие деньжищи!»

Очевидно, в голове Устаха роились такие же мысли. Но синеусый варяг был более практичен.

– Чусок! – окликнул Устах своего помощника.

Чусок, самый старый в ватажке – пятый десяток пошел, горбоносый, чернявый, как ромей, и такой же хитрый, подошел к десятнику.

– Глянь.

Воин глянул, глаза его блеснули алчно, мозолистая рука сама потянулась к рыжему металлу. Но Чусок тут же взял эмоции под контроль, ограничился одной монеткой.

– Ромейская, – хрипло проговорил он, вертя красноватый диск корявыми пальцами. – Романовой чеканки. Вишь, морда его! – Черный ноготь чиркнул по императорскому профилю. А это что? – Чусок взял одну из чаш, любовался узором. – Товар отборный! – И тут до его лицу пробежала тень. Чусок положил чашу обратно, поскреб щетинистый подбородок, повернулся, поглядел на посеченных степняков...

– Я вот чего думаю, – произнес он неторопливо, – больно мало их для... такого. Это ж какой товар! И деньжищи какие! Такое без доброго присмотра степью никакие купцы не повезут. Маловато этих было для такого дела...

– Какие купцы, Чусок? – фыркнул Устах. – Это ж дикие хузары!

Он еще не понимал. А Серега уже въехал, и нехороший холодок возник где-то у него внутри.

– Может, их больше было? – рассуждал Устах. – Может, за это дело побили многих?

– Может, и побили. Или они побили. А может... – Чусок подергал оттянувшую мочку, золотую серьгу с солнечным знаком.

Духарев тем временем нетерпеливо распутывал следующий мешок... Так, серебро! А этот, поменьше... Черт! Опять золото!

Радость от привалившей удачи растаяла, как мороженое во рту дикаря. Только вместо сладости остался совсем другой привкус...

Устах и Чусок наблюдали за Серегой с большим вниманием.

Так, еще серебро, и еще, а здесь – посуда драгоценная... Блин!

«А ведь это жопа, – подумал Серега. – Надо же, как вляпались!»

Нечто подобное, вероятно, испытал бы вокзальный воришка, ловко стыривший чемоданчик и вдруг обнаруживший, что тот доверху набит пакетиками с героином.

Духарев не мог себе представить, чтобы такое охраняла кучка задрипанных разбойников. При таком товаре естественно виделись закованные в сталь грозные шеренги всадников, сторожкие дозоры, опытные, доверенные сотники...

Очевидно, у Серегиных соратников перед глазами возникла сходная картинка.

– А может... – пробормотал Чусок.

– Что? – быстро спросил Устах, которому тоже открылась вторая,

смертоносная сторона медальки.

– Может, тайно везли?

– Ромеи?

– А кто же еще?

Это могло быть правдой. Такое было вполне в обычаях Восточной Римской империи. Тайком подкинуть золотишко одному из возможных противников, чтобы тот не к имперским валам шел, а вцепился в загривок другому опасному для ромеев соседу.

– Думаешь, даром^[15] кому? – спросил Устах.

– Угу. Даром. Или откупом.

– Похоже, что так, – согласился Устах. – Значит, от кого – мы догадываемся. А вот кому?

Кандидатов, учитывая сумму, было не так уж много. Печенеги. Вернее, кто-то из больших печенежских ханов. Гонорар за внеочередной рейд по славянским землям? Или ущемление хвоста другому большому хану, своему сородичу? Вполне вероятно. Итак, печенеги – это раз.

Хакан хузарский. Это два. Но сомнительно. Йосыпу хузарскому нынче не до империи. Своих проблем – выше крыши.

И наконец, три – хакан русский^[16]. Он же великий князь Киевский Игорь свет Рюрикович. Вот это возможно. Год тому назад Игорь как раз на ромеев и ходил. Те откупились, но большого богатства киевский князь тогда не привез. Тем не менее в этом году великий князь за добавкой не пошел. Да, Игорь – кандидат реальный.

Следующий вопрос: за что полагается такой существенный взнос в личную казну? Ну, это не вопрос даже. Ежику понятно: ромейское золото служит исключительно для пользы ромеям. Следовательно, во вред всем остальным... Следовательно, все остальные спят и видят это золотишко перехватить. Так что даже тайная миссия должна быть обставлена очень серьезно. И тот, кому предназначается золото, обязательно должен быть в курсе и тоже позаботиться о соблюдении правил безопасности. И дикие хузары при таком куше выглядят примерно как пацаны с рогатками в качестве охранников коммерческого банка. Следовательно, здесь что-то нечисто. Следовательно, ничего хорошего от этой немереной добычи ждать не приходится. И очень, очень вероятно, что настоящий хозяин имущества обретается где-то поблизости. Следовательно...

– Следовательно, мы влипли, – констатировал Духарев. – Эй! Братья-варяги! Идите-ка все сюда!

Через пару секунд две дюжины варягов уже толпились вокруг

немереной добычи. Гоготали, лупили друг друга по спинам, щупали драгоценный металл, пускали слюни...

– Значит, так, ребята, – негромко, но веско произнес Духарев. – Слушай меня!

«Ребятки» тут же оставили в покое золотишко и обратили восторженные лица к командиру. Общеизвестно, что преданность воинов напрямую зависит от удачливости военачальника. В эту минуту рейтинг Духарева поднимался аж до заоблачных высот. Сергею предстояло опустить его на землю.

– Я не знаю, – сказал он, – как это все попало вот к ним. – Жест в сторону покойников. – Но я знаю твердо: у этого богатства есть настоящий хозяин. Вот этого мешочка... – Духарев поднял мешок с золотом, тянувший на полпуда, – хватит, чтобы год кормить дружину в три сотни клинков. И будь я хозяином этого мешка, я бы не хотел, чтобы ему было без меня одиноко. И присматривал бы за ним не хуже, чем евнух болгарского царя за его новой наложницей.

– А мы его поделим! – задорно выкрикнул Мисюрок, совсем молодой парень из Серегина десятка. – И присмотрим вместе!

Бац! Деревянная лопата, которую Устах называл своей ладонью, шлепнула Мисюрка по затылку так, что у парня шлем съехал на глаза.

– У этого золота есть хозяин, – продолжал Духарев. – И я не уверен, что нам он по зубам. Но, с другой стороны, и мы все имеем некоторое право на эти деньги. Мы ведь взяли его в бою, верно?

Ватажка дружно подтвердила: да, верно.

– Может, нам следует подождать хозяина и спокойно отдать ему деньги: может, и нам что перепадет? – задал коварный вопрос Духарев.

– Перепадет, – мрачно проворчал Щербина. – Секирой по загривку.

– А хозяин-то кто? – поинтересовался неугомонный Мисюрок.

– Это земля большого хана Куркутэ, – заметил Чусок. – Может, и деньги его?

– Может, – не стал оспаривать Духарев.

Понятко звонко рассмеялся.

– Чтобы Волк поделился добычей? – воскликнул он. – Скорее мой гнедой жеребенка принесет!

– А что ты предлагаешь? – Духарев усмехнулся.

Понятко был молод, но храбр и неглуп. Потому пользовался в ватажке не меньшим уважением, чем Гололоб или тот же Чусок.

– Взять добычу и бежать со всех ног! – Понятко снова засмеялся. – Авось не догонят!

– Кто думает по-другому? – спросил Духарев.

Ватажка ответила одобрителем ворчанием.

– Ясно, – кивнул Сергей. Поглядел на небо: до восхода осталось недолго.

Он минуту задумался, планируя дальнейшие действия. Остальные терпеливо ждали.

– Значит, так, – решил Духарев. – Ты, Понятко, сейчас возьмешь Мисюрка, пару заводных – и махом – вдоль хузарского следа. Далеко не ходите. Как солнце выглянет – сразу назад! По седлам!

Хотел еще добавить, чтоб поосторожней, но сообразил, что в этом нет необходимости.

– Устах! – Духарев повернулся к другу. – Отсюда до берега стрелищ двадцать?

– Тридцать.

– Тем лучше. Слепим ложный след. Заодно коней напоим. Распорядишься?

– Угу. – Серегину идею он ухватил с ходу. Чем больше следов поведет с места побоища, тем сложнее будет возможным преследователям Днепровский берег здесь – не то что у Хортицы, пологий. И течение ровное. Можно переправиться? Можно. Вот пусть преследователь и гадает: переправили добычу на тот берег или нет.

– Клёст, Чекан, Шуйка! – гаркнул Устах. – Взяли лошадей – и к Днепру. Туда – широко гоните, обратно – цепочкой. Да на берегу не валандайтесь! Наполнили бурдюки – и назад. Свей, Морош, что стоите, разинув рты? Ждете, пока муха влетит? Ну-ка, давайте с мертвяками заканчивайте! Чусок, возьми кого-нибудь и пересыпайте это в переметные сумы. – Варяг небрежно пихнул ногой мешок с золотом. – На мешках, вишь, пометки сделаны. Да в сумках везти сподручней будет.

– А делить? – заикнулся было Морош.

– Печенеги тебя поделят! – посулил Устах. – Частей на шесть. Шевелись давай!

Пока синеусый варяг организовывал производственный процесс, Серега старательно шевелил мозгами: что бы такое сотворить для окончательного запутывания возможных преследователей?

Его размышление прервало появление хузар. Лихо осадив коня в шаг от Духарева, Машег швырнул к Серегиным ногам труп еще одного разбойника.

– Ну и что дальше? – спросил Духарев, поглядев на свежего покойника.

Ничего особенного. Плоская, дочерна загорелая морда, раззявленная пасть с обломками зубов...

– А то, – сердито бросил Машег, – что их двое было. Один ушел!

Вот это было скверно, но ругать хузар Духарев не стал. Видно, что и так расстроены неудачей.

– Там у них табунок был, – сказал Рагух. – Голов на двести. И этих двое. Как нас увидели – сразу бежать. Этого Машег достал, а второй утек. Да и пусть бежит. Одним больше, одним меньше... Может, поймают его кто да кишки и выпустит!

– Вот именно! – буркнул Духарев. – Вы лучше вон туда гляньте! – Он показал на Чуска, пересыпающего монеты из мешка в седельную сумку.

– О-о-о! – Рахуг даже забыл закрыть рот.

Тронув коня, он подъехал поближе.

– Что зыришь? Давай помогай! – сказал ему Чусок.

В отличие от соплеменника, Машег с места не сдвинулся.

– Это золото, да, Серегей?

– Золото. И серебро. И утварь.

– Больно много.

Машег – синеглазый красавец, воин в ...надцатом поколении, кровь хаканов, немерено колен благородных предков, но голова у хузарина варила – дай Бог всякому!

– В том-то и дело, – хмуро бросил Серега.

– Это ничего! – Машег блеснул зубами. – Много золота не бывает!

– Зато бывает, что вокруг этого золота много трупов, – заметил Духарев. – Не хотелось бы к ним присоединиться.

Хузарин встрепнулся – понял.

– Поеду-ка я поищу этого пастуха, – сказал он.

– Нет! – отрезал Духарев. – Хрен с ним. Некогда. Надо ноги уносить.

Он вкратце изложил Машегу возможные варианты происхождения золота и свои мысли по поводу ближайшего будущего.

Чусок тем временем закончил перегрузку и занялся дележкой того, что ободрали с мертвых тел. Дело нетрудное, доля каждого известна, если командиры решили бы кого поощрить особо, сказали бы.

К уже предложенным вариантам предполагаемой судьбы серебра-золота Машег прибавил еще один: дикие хузары золота сами не везли и силой не добывали, а были в сговоре с теми, кто вез. Или с теми, кому везли. Имитировали ограбление – и ищи ветра в Диком Поле! Если этот вариант соответствовал истине, то число осведомленных о деньгах,

соответственно, увеличивалось, а шансы варягов выкрутиться – уменьшались.

К сожалению, к даме по имени Истина именно Машег оказался ближе всех.

Глава третья, в которой десятник варяжский Сергей применяет хитрость, именуемую «два зайца»

Понятко и Гололоб прошли по разбойничьему следу до днепровского берега и еще версты две – вдоль реки. Тут след прервался. Вернее, ушел в воду. Понятко пошарил в камышах и обнаружил вспоротую бычью шкуру. Такие шкуры использовали для переправы: набивали сеном, зашивали – и вперед. Держало неплохо, Духарев сам пробовал.

На тот берег парни переправляться не стали, повернули коней и поскакали обратно. Позитивной можно было считать информацию о том, что на этом берегу степняков никто не преследовал. Но в этом Сергей и так был почти уверен: если бы у разбойников на хвосте висели сердитые дядьки, хузары не были бы такими беспечными. Хотя кто их, поганных, поймет? С них станется: зарежут пару-тройку пленников, божков своих в крови выкупают – и считают, что дело в шляпе, ни один враг не отыщет. И надо признать, были случаи, когда не отыскивали. Стало быть, методика работала.

Однако варяги, хоть тоже язычники, к подобным приемам не прибегали, а уж христианину такое и вовсе не пристало. Поэтому Духарев решил сбить погоню более реальной уловкой.

– Я думаю, нам надо разделиться, – сказал он Устаху.

Выслушав Серегины аргументы, Устах признал, что мысль неглупая. Но взять половину добычи и возглавить второй отряд отказался наотрез. Обосновал отказ следующим образом:

– Мне это не нравится!

Все. Точка. Спорить с синеусым после того, как он объявил свое решение, – только время попусту тратить.

Сообща решили: выделить во второй отряд по три человека из каждого десятка. Старшим будет Чусок. Он опытен, и парни его уважают. Позвали Чуска, изложили новый план.

Чусок, подумав, согласился, но сказал, что доли добычи не возьмет. Возьмет пуда полтора серебра, гривен на сто, чтоб, если что, ребятам не обидно было.

Под «если что» подразумевалось: если славные парни Духарев, Устах и остальные пойдут на подпитку вороньего племени.

Царапая ножиками на коже перевернутой сумки, набросали схему движения отвлекающего отряда: подняться вверх по течению Днепра до обжитых мест, там свернуть на восход и краем степи идти к Донцу, точнее, к острожку Крице, возведенному на излучине Донца.

Решили, что второй отряд заберет всех лишних коней и увезет тела разбойников. Тела эти, по хузарскому обычаю, следовало зарыть в землю, но Серега предложил поступить проще: привязав камни, утопить трупы в Днепре. Прямо у берега, на радость ракам и прочей живности. Это тоже был обманный ход. Замаскировать место побоища не получится, так пусть те, кто пойдет по ложному следу, схавают еще одну обманку. Тот, кто найдет под бережком утопленных, должен сообразить так: кто топил – тот и убил. А кто убил – у того и денежки. А Чусок с парнями пойдут не таясь, без особой спешки, да не в степь, а землями киевских данников. Если хозяин богатства, печенег или иной чужак, сунется на киевские земли – вполне может схлопотать по чавке. А если хозяин – сам киевский князь? Тогда еще лучше. Ну догонит он Чуска – и что дальше? Тот охотно признает, что побил черных хузар. Служба у него такая – разбойников бить. Да вот беда: и разбойники побили многих – вот и решили возвращаться. Золото? Да не было никакого золота! Вот лошадок степных взяли. Не хочет ли светлый князь лошадок прикупить? Хорошие лошадки-то!

Зная Чуска, можно не сомневаться: врать он будет не хуже скомороха.

А тем временем основной отряд уже потеряется в Дикой Степи. «Ищи ветра в поле» – это как раз о ней и сказано.

Когда набравшее жар солнце повисло над ковыльными метлами, оба отряда двинулись, каждый в свою сторону. Еще раньше в степь умчались разведчики.

Духарев ехал во главе отряда на заводной лошади из трофейных. Лошадка эта попыталась поначалу качать права, кусаться и совершать другие не предусмотренные походным распорядком телодвижения. Но Серега быстренько втолковал ей, что такое хорошо, а что такое – больно, и консенсус был найден. Следом, обремененная переметными сумами, трусила Серегина первая заводная, а слева, налегке, легким галопом – Пепел. Боевого, выученного коня Духарев старался не обременять. Если что, жеребец должен быть злым и свежим.

Справа от Сергея, тоже на заводной, ехал Гололоб, а за ним тянулась цепочка выучных. Не охотничий отряд, а купеческий караван. Ехали то шагом, то легким галопом, не медля, но без особой необходимости коней не изнуряя. Расчет был такой: через пару дней выйти на тракт, что вел через

степь к побережью Азовского – по-здешнему Сурожского – моря. Сергей запланировал так: выйти на Сурож, сбыть лишних коней, купить лодью или насад, выплыть к донскому устью, оттуда – к Донцу, подняться вверх до Крицы, объединиться с остальными и идти в северские земли. Это был путь отнюдь не самый близкий, левой задней ногой – через правое ухо. Зато возможную погоню запутает, да и по воде плыть, хоть и против течения, варягам привычно и от разбойничьих шаек безопасно. Таковы были планы, но Духарев очень сомневался, что реализуются они так же гладко, как составились. Это только с виду степь кажется пустынной и бескрайней. А если собрать вместе всех шарящихся по ней любителей приключений и чужого имущества – такая толпа получится, не дай Бог!

Если бы Духареву каким-то образом удалось раздобыть вертолет и поднять его над Диким Полем или, еще лучше, глянуть на степь глазами парящего в бледном небе ястреба, он увидел бы много интересного. В первую очередь, он увидел бы широкую ленту многоводного Днепра и медленно ползущие по ней широкие насады, лодки, струги и прочие торговые плавсредства. Это было обычно и неинтересно. А вот узкие, похожие на быстрых хищных многоножек боевые лодьи, чьи паруса были раскрашены в цвета киевского князя Игоря, снующие от берега к берегу, перевоза крохотных, если смотреть из-под облаков, лошадок и человечков, наверняка заинтересовали бы Духарева.

Но еще больше его заинтересовали бы «плывущие» по степному «мory» крохотные фигурки в войлочных шапках и серых тягилях.

Печенег. Причем только мужчины. Воины. Вернее, разбойники.

Было их немного, зато путь их лежал в сторону Днепра и неминуемо должен был пересечься с путем варягов.

Это был не единственный воинский отряд печенегов в ближней степи. Еще один отряд ехал вдоль небольшой речки, бегущей к Сурожскому морю, но эти шли на север, и вероятность их встречи с варягами была исчезающе мала. Зато третий отряд, численность которого раз в десять превышала численность поредевшей варяжской ватажки, двигался на юго-восток. Столкнуться с варягами этот отряд не мог, зато оставленный ими след должен был пересечь обязательно. И если этот след интересует печенегов...

Но у Сереги Духарева не было ни вертолета, ни крыльев ястреба. Поэтому он мог рассчитывать только на глаза своих дозорных и собственную интуицию. До сих пор этого хватало. Поскольку он еще жив.

Глава четвертая

Стычка

Меньше стало ковыльных метел, больше обычного разнотравья. Трава измельчала – не доставала и до конского брюха. Теперь всаднику открывались приятные глазу просторы: синева неба и зеленые пологие холмы, грядой уходящие к востоку. На одном Духарев разглядел крохотных наездников – своих дозорных.

Здесь, в степи, Серега чувствовал себя не то чтобы одиноким... Незначительным. Слишком много места вокруг. Слишком мало людей. В этих пространствах теряется даже многотысячная орда. Что уж говорить о маленьком отряде? А вот Сладе степь нравилась...

Подумав о жене, Серега вспомнил, как они позапрошлым летом приехали в Полоцк. Как толпился у причала народ, как радовались жены, встречая мужей живыми и веселыми. Вспомнил, как они втроем, Устах, Духарев и маленькая Слада, потерявшаяся между двумя здоровенными варягами, сошли на берег, где их никто не встречал. Сошли и остановились, не зная, куда дальше, чужие среди веселой толпы полочан. А потом из толпы возник сотник Гудым, широкий, громогласный, в обнимку с женой и дочерью, не сводившими с сотника восторженных глаз...

И сразу все вокруг стали своими, и кипящий водоворот толпы, до этого чужой, тоже стал своим, включил в себя троих пришельцев и понес куда-то, то есть не куда-то, а в большой Гудымов дом, шумный от обилия домочадцев и челяди. А затем баня, общая трапеза и наконец торжественный поход к Детинцу, варяги и просто гридни, торжественные представления и – сам полоцкий князь Роговолт, неожиданно молодой, немногим старше Духарева, невысокий, с толстыми синими усами и еще более синими глазами на темном от загара лице. Как они с Духаревым с первого взгляда понравились друг другу, а Устах с полоцким князем оказались даже дальними родичами. Потом – пир, чаши по кругу, много пива, меда и хвостовства. Серега сначала собирался вообще о своих «подвигах» помалкивать, но хитрый Гудым заставил-таки Духарева выложить историю своей схватки с Хайнаром. И Серега неожиданно увлекся, вскочил, стал показывать, как бил Хайнар, как он парировал, атаковал... И слушатели оказались благодарные, понимающие. Все они были воины, профи, для которых не было ничего выше и важнее битвы, и

схватка с нурманом из неаппетитной кровавой карусели неожиданно превратилась в прекрасный своим утонченным искусством поединок. А потом слово взял Устах и принялся совсем уж неумеренно расхваливать Серегу, живописуя, как он голыми руками справился с двумя вооруженными ульфхеднарами^[17], а потом, раненый, с одним мечом, без щита, зарезал третьего нурмана. И слушатели восхищенно орали, потому что здесь были только варяги и те, кто хотел ими стать. И не было ни одного спесивого нурмана! И Серегу заставили показать, как именно он бил волколудов. И Духарев показал. И еще расколол кулаком деревянный поднос. И никто не смеялся над его «простонародным» способом борьбы, а кто-то из гридней побился об заклад, что тоже развалит кулаком доску. И не развалил, а только ушиб руку, и Серега, смеясь, позвал гридня в гости, потому что жена у Сереги лекарка и вылечить расшибленные пальцы ей раз плюнуть. А Гудым немедленно продемонстрировал вылеченную Сладой руку, разумеется, невероятно преувеличив тяжесть раны, доведя ее чуть ли не до огневицы...

И еще Духарев обратил внимание, что молодой князь почти ничего не говорит и почти не пьет, но слушает очень внимательно.

А когда на небе выпали звезды, а полоцкая дружина наелась, напилась, накричалась и тоже выпала во двор охладиться, князь подозвал Гудыма, чтобы сотник привел к нему нового дружинника. И сказал князь, что хочет он что-то сделать для такого славного воина, но одарить его зброей не может, поскольку видит, что зброя у Серегея-варяга отменная. Да и серебра у такого славного воина наверняка вдосталь (Сергей кивнул не без гордости), а потому он, Роговолт, дарит Сереге землю внутри городских стен, чтобы тот построил на ней добрый дом и жил там своим родом, с женами и наложницами, и растил сыновей, которых, ясное дело, у такого молодца будет великое множество.

Духарев поблагодарил искренне и не стал тогда «огорчать» князя сообщением о своем христианстве и естественных ограничениях, налагаемых оным на количество жен.

Князь узнал об этом позже, когда собирался поставить Духарева десятником. Узнал и десятником Серегу не поставил. То немного, что полоцкий князь ведал о последователях ромейского Бога, не внушало Роговолту доверия. То есть своего расположения князь Духарева не лишил, но поручить человеку «с дефектом» своих людей не рискнул.

Десятником Серегу поставил уже Свенельд. У воеводы были на Духарева серьезные планы, а религиозными проблемами победитель уличей не заморачивался. Ему служили и христиане, и иудеи-хузары, и

поклонники «светлых небес» из степных племен. Кого из божеств считать своим главным покровителем – личное дело гридня. Лишь бы он был толковым воином, не хулил Перуна и правильно понимал Правду.

Духарев Перуна не хулил, но в кровавых оргиях участия не принимал. Не одобрял, но помалкивал. Что делать, если все твои друзья – язычники. Если ни один праздник без крови не обходится. Что говорить о боге воинов Перуне, если даже скотий^[18] бог Волох, которого многие славяне держали в покровителях, тоже человечьими жертвами не брезговал, хотя в последнее время служители его старались приносить ему не девственниц, а девственность. Однако ж при любых неурядицах те же смерды готовы были отдать собственных дочерей, лишь бы не было неурожая. Духарев одобрить это не мог, но понять – вполне. Жили тут не каждый сам по себе, а родами. Индивидуальность, личность не имела значения. Только как часть целого. И если для выживания целого надо отдать богу часть, дочь или сына, – отдавали. Был бы род жив, а дети новые родятся. Голодная зима больше погубит, чем серп жреца. Голод был реальностью и для пахарей-полян, и для охотников-кривичей. Каждый третий год был неурожайным. И хорошо, если только третий.

В этом отношении обитатели Азовского побережья, к которому сейчас двигались варяги, были в привилегированном положении. Пусть засуха сожжет поля, пусть падет скот – рыба в мелком Сурожском море не переведется. Хоть сетями лови, хоть руками. Зимой тут даже овец рыбой подкармливали.

Кабы еще степняков диких к ногтю прижать, был бы тут просто рай.

Вспугнутые лошадьми, взлетели из травы тетерева. Паривший над степью ястреб тут же ринулся вниз, ударил метко...

Кто-то из варягов заклекотал по-птичьи, поздравляя небесного охотника с удачей.

Другой, более практичный, метнул стрелу – и жирный степной тетерев тяжело рухнул в траву. Стрелок, древлянин Шуйка, перенятый Свенельдом из гридней древлянского князя Мала, пустил коня вскачь, свесился с седла и с ходу подхватил сбитую птицу.

– Добре! – зычно поощрил его Устах, и следующую стайку так густо закидали стрелами, будто то были не птички, а печенежская конница.

– Из тетерева уха хороша! – мечтательно произнес Гололоб. – Ежели с корешками да на рыбьей юшке...

– Ша! – Духарев привстал на стременах. Он увидел, как один из разъездов, правый, достигнув вершины холма, внезапно повернул вспять и галопом понесся обратно.

– Стой! – рявкнул Сергей.

Он наблюдал за вторым разъездом.

Так и есть! Взлетев на гряде, двое дозорных тоже развернули коней и понеслись обратно. Один даже, на ходу, переметнулся из седла в седло – на свежую лошадь. Второй на скаку, будто играя, подбросил лук: раз, другой. Условный знак. Две дюжины верховых. Или немного больше. Если это не передовой отряд, то управиться можно. Но всё равно невезуха! И пятнадцати верст не проехали, а уже наравались!

Варяги, остановившись, глядели на своих. Ждали команды. Биться или бежать?

На гребне показались крохотные фигурки – вражеские всадники. Рассыпаясь веером, они помчались вниз.

Дозорные опережали их шагов на четыреста.

Устах подъехал к Сергею, хлопнул по рукояти меча.

Духарев кивнул.

– Разберись! – выкрикнул синеусый.

Варяги тут же изготовились к бою: сменили лошадей, разъехались широко в стороны, проверили луки, сдвинули колчаны поудобнее...

Духарев пересел на Пепла. Почувствовав на спине тяжесть хозяина, жеребец тихонько заржал. Серега коленями послал его вперед, вынул из колчана сразу три стрелы с узкими гранеными наконечниками...

Один из дозорных начал отставать: преследователи обрадованно заверещали. Сразу трое степняков скакали плотной группой, понемногу настигая...

На свою голову!

Дозорный (кто – не разглядеть, но наверняка кто-то из хузар) развернулся в седле и метнул стрелу вверх. Мгновением позже один из вражеских коней взвился на дыбы и опрокинулся. Наездник успел соскочить. А преследуемый тут же прибавил и ушел вперед. Вслед ему полетели стрелы, но попадали в траву, не достав цели.

Сергей тянул сколько мог: очень уж не хотелось драться. Может, увидав остальных варягов и сообразив, что расклад почти равный, степняки струсят?

– Ну, копченые ублюдки, – пробормотал он, – давайте поворачивайте!

Не повернули. То ли они увлеклись, то ли – от избытка наглости – сочли варягов легкой добычей. Что ж, пеняйте на себя!

Духарев набрал в грудь побольше воздуха – пронзительно засвистел и бросил Пепла в галоп.

Все варяжские кони разом рванулись вперед, в полную силу. Всадники

припали к холкам.

Тугой воздух бил в лицо. Серега наклонил голову пониже, чтобы ветер задувал под ворот и охлаждал спину. Ковыльные метлы хлестали по сапогам, глухо били в землю копыта, толкая вперед и вверх могучее тело жеребца, подбрасывая привставшего в стременах всадника. Это была не просто скорость. Как будто мощь коня перетекала в человеческие мускулы. Восторг, азарт, кайф!

Но нынче Серега не имел права растворять мозги в кайфах. Он обязан был думать. За себя и за своих бойцов. Обязан был четко осознавать происходящее, предугадывать возможную опасность: вдруг дозорный ошибся, и врагов намного больше? Вдруг сейчас вывалит из-за холмов целая сотня степняков – и что тогда?

А тогда надо сунуть ярость, азарт, сладкое предвкушение битвы куда подальше, развернуться на сто восемьдесят и, как выражается Понятко, «тикать во все четыре копыта». И позаботиться, чтобы все его парни тоже развернулись и удирали, как припеченные. И тот, кто думает, что для этого достаточно разок свистнуть, – глубоко ошибается. Попробуй заверни того же Мисюрка, когда у того перед дракой крышу начисто сносит и в пустой башке ничего не остается, кроме этой самой будущей драки! Боевая ярость мозги отшибает почище сушеных мухоморов. В первую очередь чувство самосохранения.

Нет, никто больше не выскочил из-за холмов. Но еще не факт, что там никого нет. Степную повадку: цапнуть, отбежать – и заманить в засаду – Серега уже изучил во всех подробностях. Кровью за науку плачено. Поэтому летит Серегино тело в бой, пластается над степью вместе с бешеным конем, с трудом удерживая рвущийся из груди крик предвкушения битвы, а сознание – оно где-то сбоку, замечает, отслеживает, прокачивает ситуацию через мозговой компьютер, как бы минуя кипящее адреналином тело...

Нападающие скатились с холма. Уши резанул пронзительный визг. Так не визжит даже распаленный жеребец перед дракой. Так мерзко верещат только копченые!

Кто-то из варягов ответил низким турьим ревом, кто-то завыл по-волчьи...

Серега вдыхал острый запах конского пота, теплый ветер раздувал усы, облизывал щеки...

Дозорные – они уже были ближе к своим, чем к степнякам, – резко повернули коней почти под прямым углом, натянули луки...

Ф-фыр-р! Ф-фыр-р!...

Ушли в небо красноперые стрелы... Один из печенегов вылетел из седла, еще один...

Остальные перестали визжать, приникли к конским холкам, рассыпались в стороны. И вот уже они один за другим поднимаются над лошадиными спинами, вскидывают луки... В воздухе зарябило от стрел, но оба отряда, вернее, две растянувшиеся цепочки всадников продолжали сближаться.

...Сергея видит, как ближайший к нему всадник, на полном скаку, встав почти во весь рост, посылает стрелу за стрелой. Духарев слышит, как эти стрелы рвут воздух совсем близко, но ни одна не задевает ни его, ни Пепла.

Когда печенег сует руку в колчан, Духарев тут же привстает на стременах и, почти не целясь, одну за другой, выпускает три стрелы.

Мимо. Зато степняк после первого же выстрела съеживается, припадает к гриве... А кони летят навстречу друг другу, стремительно сближаясь...

Духарев торопливо сует в чехол лук, вытягивает меч, бьет пятками жеребца. Быстрее, еще быстрее...

А его противник, наконец сообразив, что рукопашная – не его профиль, резко осаживает коня.

Хлесткий удар тетивы.

Пепел прыгнул в сторону, не дожидаясь команды всадника, и тут же снова прыгнул вперед. Обученный для боя конь дорогого стоит – две стрелы ушли в «молоко». Третью Духарев лихо отшиб мечом. Нервы у степняка не выдержали. Он рывком развернул лошадь, уже в повороте выстрелил еще раз – опять промахнулся, хлестнул свою лошадку... Но Пепел, разогнавшийся, уже ее достал, и Сергей, привстав на коротких стременах, смахнул печенежью голову в войлочной шапке. Легко, словно лозу срубил. И тут же оглянулся, выискивая нового врага.

Враг, как мгновенно выяснилось, тоже его искал.

У затылка, едва не чиркнув по шлему, пропела стрела.

Духарев резко осадил, и следующая стрела прошла перед мордой Пепла. Разворот... Вот ты где, голубчик!

Ухмыляясь во весь рот – с тридцати шагов степняк муху к кизяку пришил, – печенег выпустил еще одну стрелу. Духарев не глазами, шестым чувством уловил, куда целит враг, резко наклонился – и смерть прошла над головой.

Вот наглец! В лицо метит!

Прижавшись щекой к жесткой гриве, Духарев мчался вперед. Пары секунд ему хватило, чтобы оценить противника и понять, что тот, отменный стрелок, не станет бить в коня, уверенный, что непременно достанет всадника. Ну, поглядим!

Духарев так плотно приник к Пеплу, что только стальной шлем виднелся между ушами жеребца. Да еще рука с мечом, занесенная для удара.

Стрела ударила в основание клинка с такой силой, что Серегину руку отбросило назад. Печенег закинул руку, выдергивая из колчана новую стрелу, но Духарев уже был рядом. Меч взлетел и опустился. Полетели в траву две половинки лука, которым степняк (наивный!) попытался отбить булатный клинок. Меч с хрустом просек пропитанный солью тягилай. Конь печенега шарахнулся, его хозяин вывалился из седла и остался лежать, судорожно дергая конечностями. Духарев уже забыл о нем, выискивая новых врагов.

Но их не было.

Около дюжины оставшихся в живых печенегов рассыпались по степи, спасаясь бегством. Примерно столько же варягов скакали за ними. Преследовали.

«А вот это совершенно лишнее!» – подумал Духарев и высвистел сигнал: «Все ко мне!»

Печенег и убегая может метнуть стрелу. И попасть, что характерно.

Свист хорошо слышен в степи. Варяги один за другим прекратили преследование. Все, кроме одного. Этот на скаку выпустил стрелу – и удирающий печенег свалился. Его конь тут же остановился, готовясь защищать хозяина, но стрелок (это был Машег) отложил обдиранье трупа на потом и галопом пустился на зов. Понятие дисциплины было не чуждо благородным хузарам, хотя иногда трактовалось ими весьма вольно.

Съехались.

– Рагух, что за холмами? – первым делом спросил Духарев.

– Других не видал. – Хузарин правильно понял вопрос.

Убегающие печенеги превратились в черные точки. Вряд ли они вернутся. Не было случая на Серегиной памяти, чтобы разбойничья шайка вернулась, получив по чавке. Разве что с подмогой.

Сергей спрыгнул на траву, приласкал Пепла. Огляделся, пересчитал своих и помрачнел.

Подъехал Устах, тоже спешил.

– Цел?

– Как видишь.

– Надо бы наверх подняться, глянуть, как оно там.

– Я поднимусь, – кивнул Духарев, свистом подозвал заводную, взобрался в седло. Тело уже расслабилось, но сердце колотилось быстро-быстро. Обычное дело после боя.

Уцелевшие варяги съезжались к командирам.

– Устах, раненые – на тебе. Машег, Гололоб – со мной! – скомандовал Сергей. И направил лошадь к ближнему холму.

Глава пятая

Неожиданная «находка»

На вершине холма стоял обгрызенный ветрами каменный истукан. Рагух сплюнул метко, попав истукану в выпуклый пористый глаз. Удостоился неодобрительного взгляда со стороны Гололоба. Ухмыльнулся.

По ту сторону холмов лежали еще холмы. Трава – как шелковистая шерсть на спинах исполинских зверей.

Гололоба прозвали Гололобом потому, что надо лбом у него не волосы росли, а бугрился широкий шрам от ожога. В дальнем походе плеснули со стены кипящим маслом. Повезло, что в глаза не попало. Если не считать этого малого дефекта, Гололоб был муж хоть куда. Силач, красавец, воин отменный. Но с хузарами постоянно пикировался. Не то чтобы Гололоб их недолюбливал, скорее – дух соревнования.

– Ты руку перевяжи, кровь капает. – Рагух показал на Гололобово предплечье.

– Ах ты, песий бог! – Гололоб поддернул рукав. – Не заметил!

И полез здоровой рукой в седельную суму за льном.

– А ну покажи! – забеспокоился Духарев.

– Нет, пустяки. Стрелой царапнуло. – Гололоб плеснул из фляги на рану (антисептика, блин!) и одной рукой умело намотал льняной лоскут.

Истукан взирал на людей с мрачным терпением; дескать, когда ваши косточки истлеют, я все еще буду тут стоять.

«Да, – подумал Серега, – место хорошее. Все видно и отовсюду видно». Такие места обычно выбирали для погребальных курганов. Очень возможно, что в ногах идола покоится прах древнего вождя. Тем не менее идола никто не трогал. И старых курганов, кстати, никто из нынешних степняков не потрошил. Даже самые отмороженные воздерживались от грабежа чужих могил. Это потом, лет через тысячу, прикатят сюда «цивилизованные» археологи, ученые, мать их так, срежут макушку бульдозером, выпотрошат могилку, разложат косточки по коробочкам с надписями, свезут на музейный склад. А то и пепельницу сварганит какой-нибудь весельчак из бурого черепа древнего вождя. И будут многоученные кореша археолога, за партией в преф, пихать в череп окурки да скрученные шкурки от воблы. И обзывать дикарями тех же печенегов, которые, дескать, кумыс пили из вражеских черепов. Ну да, пили. И детей поили. Но при этом, надо отметить, врагов убивали собственноручно и чаши из черепов

делали не для их посмертного унижения, а совсем наоборот. Чтобы доблесть вражескую наследовать. Дикари, ясное дело! У них, наверное, и граненых стаканов не было. Вот и пили из чего ни попадя. А вот плевательницу из черепашки сделать – слабо?

– Глянь, Серегей, там вроде рощица? – отвлек Духарева от мрачных размышлений Гололоб.

– Река там, – уточнил Машег.

– Откуда знаешь?

– А ты на зелень погляди!

Гололоб спорить не стал: Машег лучше знает, он в степи родился.

– Поедем глянем?

– А что на нее глядеть? – удивился хузарин. – Вода есть – и хорошо. Там и заночуем. Так, Серегей?

Духарев кивнул.

– Поехали обратно, – сказал он. – Вроде все чисто.

– Ну-ка, стой! – неожиданно проговорил Машег. – Вроде пачинаки^[19]?

Сергей прищурился, ага, точно! Два всадника! Правда, на таком расстоянии определить их племенную принадлежность Духареву было не по силам. Зато он углядел что-то светлое (мешок, что ли?), волочащееся по траве...

– Да пес с ними, с копчеными! – проворчал Гололоб. – Нехай бегут!

– А что это за ними тащится? – спросил Сергей.

Машег тоже прищурился...

– Полоняника волокут! – заявил он уверенно.

– А ну-ка...

Духарев пихнул каблуками лошадь и поскакал вниз по склону. Машег тут же его обогнал, полетел впереди, все более увеличивая разрыв. Конь у него был лучше Серегиного, да и наездником хузарин тоже был лучше, чем Духарев, лишь несколько лет назад впервые севший в седло.

Гололоб поравнялся с командиром, но гнать сломя голову не стал. Скорее шакал волка загрызет, чем Машег не управится с двумя печенегам.

Степняки заметили погоню. Тот, который волочил пленника, моментально перерезал веревку, и оба печенега припустили галопом. Хузарин тоже наддал.

– Машег! – взревел Духарев. – Брось их!

Хузарин услышал, придержал коня. Но скорее всего, не от дисциплинированности, а просто потому, что решил поберечь силы.

Пленник печенегов лежал, неловко подобрав под себя связанные руки

и уткнувшись лицом в землю. Смуглая спина изодрана и посечена травой, длинные черные с проседью волосы спутаны и подпалены.

Варяги спешили.

Гололоб неделикатно, носком сапога, поддел лежащего и перевернул на бок. Тот застонал, попытался открыть глаза, но не смог. Лицо его выглядело так, словно над ним минут десять работал боксер-профессионал.

– На болгарина похож, – авторитетно заявил Гололоб.

Духарев хмыкнул. Больше всего бедолага был похож на сырую отбивную.

– Парс! – возразил Машег, разогнул пальцы связанного и показал у него на ладони красное пятно: то ли краску, то ли татуировку.

– Добить, командир? – деловито осведомился Гололоб.

– Уверен, что мы для этого его у печенегов отбивали? – иронически осведомился Духарев.

Гололоб пожал плечами.

– Дак он же не из наших! – сказал он с полной уверенностью, что это достаточный довод, чтобы прикончить пленника. – Да и не отбивали мы его...

Пленник зашевелился.

Сергеа молча отстегнул фляжку и поднес к губам связанного.

Тот присосался к горлышку, как теленок к вымени. Разом выдул половину. Вдохнул, снова попытался разлепить веки, не смог.

– Благодарю тебя, добрый человек, – прошептал он по-славянски.

– Мы – варяги, – сказал ему Духарев. – Мы тебя не бросим, не бойся!

Гололоб хмыкнул. Машег пробормотал что-то по поводу мягкосердых почитателей Христа.

Поступок командира оба не одобрили. Их гуманизм в отношении чужаков не распространялся дальше «прибить, чтоб не мучился». И это было правильно. По местным традициям. А Сергее вдруг очень захотелось помочь незнакомому бедолаге. Может, потому, что он еще не изжил до конца старую мораль, может, потому, что Духареву просто надоело убивать. Захотелось, наоборот, подарить кому-то жизнь. Не из христианского человеколюбия. Просто так.

Кривой засапожный нож легко перерезал ремни, Духарев подхватил незнакомца на руки и уложил поперек седла. Бедняга скрипнул зубами, но удержался, не застонал.

В стычке с печенегами варяги потеряли двоих. И еще трое были серьезно ранены. Легко раненных, вроде Гололоба, было с полдюжины, но

легкие раны значения не имели.

Двое из Устахова десятка уже копали яму под костерок. Устах, признанный в ватажке костоправ, раскладывал инструменты.

Впрочем, один из «серьезных», раненный в шею Мисюрок, ухитрился «помочь себе сам». Вырвал стрелу, продырявившую мышцу, и, вместо того чтобы заняться раной, снова полез в драку. В результате потерял столько крови, что еле на ногах стоял.

– Ты что, нурман? Берсерк? – отругал его Духарев. – Горячка начнется – что с тобой делать? Герой! Без тебя не управились бы, да?

Мисюрок криво ухмылялся. Полагал он себя именно героем, а не недоумком. Еще бы! В гусярских сказах настоящие герои именно так и поступают. Сольют пару литров крови – и дальше скачут. А потом такие вот сопляки, даже не перевязав раны, снова кидаются в бой... и через пять минут валятся под копыта коней.

– И кто тебя только учил, дурня! – ворчал Сергей, накладывая повязку.

– Десятник черниговский Дутка! – не без гордости ответил парень.

– Знаешь такого?

– Встречал, – буркнул Духарев.

В Чернигове они с Устахом гостевали в прошлом году и составили о тамошней дружине не слишком высокое мнение. Сомнительно, что в приличного бойца Мисюрок вырос в Чернигове. Скорее уж – когда в отроках у Свенельда ходил.

Устах обрабатывал бок второго раненого.

– Подержи-ка его, – попросил он Духарева, но раненый, его звали Вур, даже обиделся.

– Ты давай режь, старшой! – закричал он сердито. – Что я тебе, девка? Вытерплю!

– Как знаешь. – Устах зажег масло, прокалил в огне нож и хитрое приспособление для вытягивания стрел, похожее на кривую ложку.

Разрез Вур перенес бестрепетно, но когда Устах полез ложкой в рану, дернулся в сторону. Духарев вмиг придавил его руки к земле...

– Я сам! – прохрипел раненый. – Не держи меня!

И точно, больше не дрогнул, только скрежетал зубами да поминал нехорошими словами печенегов, степь и своего лекаря-мучителя.

Устах на ругань не реагировал, аккуратно вытянул наконечник, оглядел – не отравлен ли? – отложил в сторону. Наклонившись над раной, из которой обильно струилась кровь, принялся, обмакнул палец, лизнул...

– Вроде требуху не порвало, – пробормотал он и принялся пучками запихивать в рану покрытый плесенью мох. Мох выглядел отвратительно,

но собран и «приготовлен» был по рецепту Серегиной жены и пользовался у варягов заслуженным доверием.

У второго раненого печенежская стрела продырявила плечо, перешибла кость и вышла с другой стороны, упершись в кольчужный рукав. Вытащить ее было просто. Устах отломил наконечник, смазал древко маслом да и выдернул. Сложнее оказалось «составить» кость. Бедного парня держали вчетвером, а он бился и кричал, позабыв, что он – варяг, которому непристало даже жаловаться на боль.

Управились. Закрепили руку в лубке.

– Другой раз я его не возьму, – сказал Устах, вытирая окровавленные руки.

Парень был из его десятка.

Духарев кивнул, соглашаясь. Жаль, конечно, бился бедолага неплохо.

Мимоходом подумал: «А сам я? Вытерпел бы или тоже орал и вырывался?»

Года два назад, точно, орал бы. А теперь? Теперь бы, наверное, терпел. Во-первых, положение, как говорится, обязывает. Во-вторых – еще и рёреховская выучка имеется. Старый варяг сам боли вообще не замечал и ученика своего великовозрастного тоже кое-каким упражнениям научил. Правда, упражнения – всего лишь упражнения. Проверить, как это все сработает, когда у тебя в кишках начнут пальцами рыться, случая пока не выпало. Надо признать, Серега по этому поводу не особо печалился.

Последним осмотрели найденыша. Оказалось, не такой уж он покалеченный. Так, «повреждения мягких тканей», как любил выражаться спортивный врач в Серегиной «той» жизни, обследуя, скажем, раздувшуюся после доброго пинка мошонку.

После обработки чужеземец даже ухитрился разлепить один глаз. Но – помалкивал. Его, впрочем, и не допрашивали. Успеется.

Обоих убитых завернули в попоны и погрузили на лошадей. Печенегами пусть зверье подкормится, а своих полагалось предать огню. Но – степь. Дым на сотню верст просматривается. Однако у Сереги появилась полезная мыслишка. Если речка окажется достаточно глубокая...

Глава шестая

Ночь у неведомой реки

До реки добрались уже на закате. Речушка оказалась не такая уж мелкая, чистая, с каменистым дном и купами лохматых верб вдоль низких берегов. Раненым в тени поставили шатер, прикрыли вход шелковым пологом, чтоб насекомые не досаждали. Для погибших связали квадратный плот, тела обложили ветками. Вместо медвежьей лапы, что клали по славянскому обычаю, дали покойным луки со стрелами да по длинному ножу. В ноги погибшим бросили двух связанных печенегов, взятых живыми и не добитых на месте именно для этой цели. По варяжскому обычаю, они должны были «сопровождать» уходящих за Кромку, чтобы видели духи: истинные воины в Ирий идут. Печенегам перевязали раны и дали воды: чтоб дотянули до рассвета.

Пока остальные готовили в смертный путь погибших братьев, Духарев и хузары, которым языческие церемонии отправлять было не положено по вере, занимались делами менее возвышенными – стряпали.

После ужина, по заведенному Сергеем обычаю, сели в кружок, провели «разбор полетов». Сошлись на том, что ошибок не было. А что потеряли троих против четырнадцати побитых печенегов, так это очень даже хороший результат. Особенно если вспомнить, к примеру, какой была их первая стычка с печенегами у хортицких порогов. Вот когда была мясорубка!

Из восьми варягов (один – в дозоре, один – на страже у павших, трое раненых – в шатре), сидевших сейчас на песочке у костерка, ту схватку помнили все, кроме хузар, которые пришли в ватажку позже. Все восемь там были, все выжили, и все потом долго еще удивлялись, что выжили.

Сергея тоже помнил ту стычку очень хорошо. И слава Богу, что мог помнить, а не лег там, у хортицких порогов...

* * *

Месяца не прошло, как они пришли из Полоцка. Три больших десятка, сорок человек, считая сотника.

Пришли они по слову князя Роговолта, но вызвались все сами. Серега тоже был добровольцем. Заскучал он в Полоцке. Для выходца из мира ТВ и

компьютеров жизнь провинциального гридня скучновата. Тем более что и политиком, и воином Роговолт был умелым, с соседями жил если и не в большой дружбе, то уж уважением пользовался. Так что никто на Полоцк хищного клюва не разевал. А при таком раскладе жизнь гридня довольно однообразна. Тренировки, охота, пиры. Для женатых – еще и хозяйство. Двор, дом, челядь и прочее. Хозяйством, впрочем, ведала Сладислава, чему Серега был откровенно рад.

К списку развлечений дружины относились также недалекие походы: посещение соседей, полюдые. Сбор налогов и демонстрация силы одновременно. И суд, конечно. Князь, тиуны, старшие бояре занимались решением социальных проблем, а дружина осуществляла, так сказать, силовую поддержку.

Выглядело это следующим образом.

На рыночной площади какого-нибудь городка выбиралось местечко, где навозу поменьше. На нем устанавливался деревянный княжий трон, который возили с собой специально для этой цели. Пониже, на скамеечках, рассаживались ближние бояре, а дружина, в полном боевом, выстраивалась вокруг. И начинался княжий суд.

Звучало круто, но на деле... На деле это обычно выглядело куда более прозаично.

Допустим, голова вольной охотничьей ватажки Шкуродер взял у огнищанина Пупырки-Жадюги снасть и припас в размере... (долгое и подробное перечисление) под треть будущей добычи, которая составила... (подробное перечисление). И вот, по заявлению кредитора, вышеуказанный Шкуродер, нехороший человек, сволочь поганая, представил только четверть.

«Сам ты сволочь поганая, нехороший человек и жаба мелкая, болотная! – степенно отвечает Шкуродер. – Всё мы тебе, пасти ненасытной, пиявке, опарышу трупному, отдали! А тебе все мало! – (Князю.) – Хочет он, чтоб мы по миру пошли, чтоб дети наши...»

«Ах ты, блоха собачья, червяк навозный, помет сорочий! – с достоинством перебивает кредитор. – Как же это всё отдали, если...»

Засим следует еще длинное перечисление, что именно отдали ватажники с указанными расценками, дефектами поставленной продукции и уничижительными эпитетами в адрес поставщиков.

На что незамедлительно следует ответная речь Шкуродера, в которой подробно перечисляется отданное Пупырке, но оценивается отданное существенно выше, дефектов значительно меньше, а вот эпитетов, сопровождающих имя почтенного кредитора, существенно больше.

Вспоминаются и недопоставки продуктов и снаряжения со стороны Пупырки, а также дефекты этого снаряжения, по мнению ватажного головы, вызвавшие уменьшение добычи и напрямую связанные с происхождением Пупырки от дохлой щучки, совокупившейся со свиным пометом, изрыгнутым в чистую реку вышеупомянутым Пупыркой.

Когда стороны созревают до того, чтобы от словесных действий перейти к рукоприкладству, следует грозная реплика князя, и тяжущиеся стороны моментально перестают осыпать друг друга бранью, а их сторонники, соответственно, перестают засучивать рукава. А если не перестают, то пара-тройка княжских отроков, выполняющих функции судебных приставов, быстренько навешивает буянам тренделей, оттаскивает их за ноги куда-нибудь в теник – и суд продолжается.

Начинается опрос видаков. То бишь свидетелей. И опрос этот вполне может затянуться часов на десять, поскольку считается, что чем больше у судящегося свидетелей, тем лучше, а диспут по поводу какого-нибудь мотка гнилой пеньковой веревки ценой меньше мелкого резана может длиться бесконечно.

Поначалу Духарев удивлялся терпению князя, молча выслушивающему диспут о том, как сказывается удар палкой, полученный забредшей в чужой огород (по другой версии – просто прогуливавшейся по улице) свиньей, на стоимостях и вкусовых качествах окорока, изготовленного из этой свиньи двумя месяцами позже. Но потом Серега сообразил, что князь не столько слушает доводы, сколько изучает тяжущихся и общественную реакцию на их слова. А заодно определяет обеспеченность местных жителей и психологическую обстановку в городке. И слушает очень внимательно, поскольку в горячке дискуссии выбалтывается информация, которую в ином случае диспутанты держали бы при себе.

Решались же сами споры, как правило, не по показаниям свидетелей, а на основании личного знакомства князя с характерами сутяжников.

– Ты, Пупырка, три лета тому у ватажников тож лишнего требовал, – строго напоминал князь. – Довольно тебе.

И вопрос был решен. Так сказать, по прецеденту.

Если же судья с биографиями спорщиков был знаком слабо, а доводы с обеих сторон были примерно одинаковыми по громоздкости, призывался местный тиун, или староста. За кого поручится – тот и прав.

У Роговолта было чему поучиться. Если бы Духарев метил в княжьи тиуны, он, несомненно, внимал бы князьему суду с жадным вниманием.

Но Серега, который даже ведение собственного хозяйства переложил

на хрупкие плечи жены, от подобных споров впадал в ступор, как лягушка – от мороза.

Были, конечно, и другие судебные дела. Попроще. Например, убийства. Тут расклад был четкий. Труп, свидетели, преступник, признание преступника. Если все присутствовало, князь определял головное (родственникам пострадавшего) и виру (себе). Если не хватало какой-нибудь детали, допустим, преступника, то виру выплачивала община или конец, на территории которого произошло убийство. При таком раскладе, то есть когда простые граждане были кровно, кошельком, заинтересованы в поимке убийцы, у того было совсем мало шансов сбежать. А если он все-таки сбегал, то ловили его всем миром и с большим энтузиазмом. Дружина в этом участвовала, только если убийца оказывался слишком крут для непрофессионалов. Например, заезжий рубака-свей. Но такой случай Духарев наблюдал всего один раз, и то поставленный перед князем свей мгновенно повинился и заплатил, сколько сказали.

В общем, тоска.

Конечно, пиры и охота скрашивали жизнь бедных воинов. Охоту, однако, Серега любил не всякую. Вот медведя взять – это по нему! Но любой серьезный зверь считался «княжьим», и его обычно заваливал сам Роговолт, прочие – не лезь! А три часа гонять за каким-нибудь перепуганным оленем – извините! Что же до пиров... Кушали гридни, конечно, вкусно и сытно. И скоморохи их развлекали, и гусяры. Но скоморошья шуточки, от которых катались от хохота дружинники, были, на взгляд Сереги, довольно тупыми, а откровенная лесть по отношению к князю – вообще тошнотворна. Тех же скоморохов если и смотреть, то не в хоромах, а на рынке. Когда они не жопу князю лизали, а пародии на него корчили. Но скоморохи – это еще ничего. Вот гусяры-сказители – это вообще полный облом. Припрется какой-нибудь одноглазый дедушка да как затянет сипло, на одной ноте, под монотонный трень-брень, да как попрет словесным поносом...

Прерывать гусяра считалось дурным тоном. Тем более что народ это был злопамятный и запросто мог обкакать обидчика... в тереме другого князя. К тому же половина гусяров – чьи-нибудь соглядатаи.

Посему занудного певца воспитанные полоцкие дружинники редко выкидывали с крыльца. Чаше хвалили и подносили чашу за чашей. Надерется и уснет. И не будет мешать дружинникам самим петь любимые песни.

На памяти Духарева только один гусяр обладал музыкальным слухом и голосом и ушел не только с полным брюхом, но и с полным кошельком.

Была у Сереги еще одна проблема. Посерьезней. Девки. Те самые, которые на дружинных пирах обязательно присутствовали и у которых Духарев вызывал естественный здоровый интерес. И надо признать, при всей любви Сереги к жене интерес этот бывал не только односторонним. Но – увы! Все содеянное мужем на стороне непременно доходило до Сладиславы. Нет, никаких сцен она мужу не устраивала и ни словом не попрекнула. Только огорчалась. А огорчать ее Духарев совсем не хотел, но...

В общем, когда поступило предложение двинуть на юг, Духарев не без радости согласился. Но согласился бы он в любом случае, поскольку на юг, десятником, уходил Устах, а не поддержать в опасном деле лучшего друга Серега просто не мог. Вот они и пошли.

Глава седьмая

Ночь у неведомой реки (продолжение)

Пришло их от Роговолта сорок человек. И еще шесть десятков дал Свенельд. И велел, чтобы шли вдоль берега до Хортицкого волока, а ежели кто попадется из степняков – били без пощады.

Духареву воевода великого князя Киевского, а теперь и сам князь уличский и древлянский Свенельд сразу понравился. Правильный мужик. Одного замеса с Роговолтом полоцким. Варяг, опять же.

Правда, в немалой Свенельдовой дружине варягов было немного. Да и опытных воинов тоже было немного. Нелегко дались примучивание уличей и расширение подданных Киеву территорий. Служили Свенельду в основном парни молодые, отроки, самых разных племен, не шибко опытные, но азартные, и – всадники. А это в степи – половина успеха.

В полоцкой же дружине варягов больше половины, а из остальных большая часть – опытные гридни. Но наездники из полочан – не очень. Даже среди варягов, поскольку природных варягов, синеусых, было всего четверо, считая вождя. Те же, кто вошел в Перуново братство по клятве, а не по рождению, с коня, конечно, не падали, но пронырнуть в галопе под лошадиным брюхом, уходя от стрел... Нет, такого они не осилили бы.

Поначалу Сереге новая служба показалась развлечением. Степняков он видел только на торжках, и они не казались ему такими уж опасными противниками. В сравнении с теми же нурманами – вообще задохлики. И ненависти к степнякам он тоже не испытывал. Слышал, конечно, о сожженных селах, зарезанных купцах, о замученных да угнанных в полон... Но полагал, что это обычное дело. По нынешнему времени. С другой стороны, сама служба казалась нужной и почетной. Охрана границ государства, защита мирного населения... Ну и добыча, опять-таки, предвидится. Свенельд, муж государственный (как показалось Духареву), внятно поставил им задачу. Сказал, что верит в них и надеется на их доблесть. Не забыл напомнить о том, чтобы заглядывали в кошель побитых разбойников: наверняка там сыщется дюжина-другая ромейских монет. Короче, воодушевил.

От Киева шли весело. Правым, степным берегом. Правда, степь тут была еще не степь: рощи, перелески. Не такой густоты, как на севере, но зато иным дубам лет по триста, не меньше. Богатые места. Зверь, птица, рыбу руками ловить можно... Одним словом, с удовольствием шли. Аж до

самого славного острова Хортицы. Не встречая никаких степных разбойников.

Как теперь понимал Духарев, большинство степняков загодя уходили с пути сильного отряда. И дозорных не трогали, чтоб не настораживать. Много раз славяне натыкались на теплые еще следы, угадывали, что степняки уходили в спешке, – и исполнялись уверенности: «Ишь как нас боятся!» И потеряли бдительность.

С Духарева, впрочем, в те времена был невелик спрос, поскольку ходил он тогда даже не в десятниках, а лучшим гриднем в десятке Устаха.

Большая вина лежала на вожде, сотнике. Природный варяг, опытный воин, бившийся на море и на суше, степи он совсем не знал, хотя и ходил в молодости с Олегом на юг щипать ромеев.

Степняки же не просто бежали с их дороги. Скорее, отступали, попутно присматриваясь. По ночам сторожевые псы не раз и не два поднимали тревогу. Поначалу. Потом перестали. И скорее всего, потому, что печенежские лазутчики наловчились обманывать собак: заходить с подветренной стороны, отшибать чем-нибудь едкий человеческий запах...

Это Сергей понимал сейчас. Тогда он вместе с остальными и в ус не дул, полагая, что перед их «непомерной» силой все чужое бежит в ужасе.

Взяли их до рассвета. Удобный лысый пригорок на днепровском берегу, где славяне расположились на ночь, был бы очень хорош, если, к примеру, пришлось бы отбивать атаку нурманов или наскок белоголовых карел. Но в данном случае пригорок оказался ловушкой.

Часовых, у костров, срезали первыми выстрелами.

Лавина степняков с визгом и воем захлестнула беспечный лагерь. Выплеснутая из кожаных ведер вода с шипением хлынула в костры. Славян кололи, секли, топтали копытами. Белые рубахи и белые тела ратников Свенельда выдавали их даже в слабом свете звезд. Отроки вскакивали, заполошенно размахивая мечами, – и падали от точных ударов невидимых всадников.

В этой, первой атаке Духарев уцелел только потому, что умел биться в темноте, вслепую. И еще благодаря самообладанию.

Разбуженный визгом, криками и конским топотом, он не вскочил всполошенно, а, наоборот, прижался к земле. Сработал в нем какой-то глубинный прежний рефлекс человека, слышавшего грохот автоматных очередей: не бежать, вслепую рубя мечом, а вжаться, распластаться и тихонечко, ползком, от бугорка к бугорку...

И Серега пополз. Медленно, волоча за собой сверток с амуницией.

Совсем рядом лупили вплотную землю копыта. Слышался то взвизг стали, то влажный хрупающий звук разрубленной плоти, то короткий сиплый вскрик... И сразу с другой стороны – дикое ржание раненой лошади, злобный гортанный возглас...

Темная тень заслонила звезды, пронеслась сверху, обдав острым духом лошадиного пота, тяжело ухнули копыта, комочки земли осыпали Серегину голову... Удар, вопль...

«Копьем», – машинально отметило сознание. Натренированное, оно вычленяло звуки, запахи, сотрясения почвы... Бой кипел рядом, в двадцати шагах. Не бой, а бойня. Серега мог бы вскочить, ударить снизу в конское брюхо, полоснуть по ноге всадника... Но в этой каше его сразу сшибли бы и затоптали. Не то чтобы он испугался... Просто чувствовал, что это не его бой. Бой по чужим правилам.

Воин же, как учил его старый битый варяг Рёрах, должен сам выбирать место для битвы. Если не хочет умереть на чужом.

Когда Серега отполз достаточно далеко, то рискнул привстать и натянуть доспехи. Он делал это медленно. Частично из осторожности: не привлечь внимания; частично, может, потому, что понимал: облачившись, придется идти туда, в кровавую кашу, где вертелись черные всадники и мелькали белые пятна – свои.

Время как будто замедлилось, звуки удалились...

– И-и-и-ё-ё! – Печенег вылетел прямо на него, ударил, промахнулся, поднял коня, норовя затоптать.

Духарев моментально отпрыгнул, перехватил левой рукой печенегово копье, рванул, но хитрый степняк выпустил оружие и умчался, вмиг растворившись во тьме.

Сергей сплюнул на ладони, вырвал пласт дерна, окунул руки в землю и размазал грязь по лицу. Подхватил оружие... Как раз вовремя. Еще один всадник, черная тень, пронесся мимо... Н-на!

Трофейное копье вышибло печенега из седла, конь умчался, а всадник... Духарев не стал разбираться, что с ним. Он уже бежал обратно, в лагерь.

Под ногами что-то блеснуло. Сергей наклонился, подхватил на бегу оброненный кем-то меч, с двумя клинками врезался в свалку... И тут же услышал зычный голос Устаха, созывающего своих. Через мгновение они уже стояли спина к спине. А еще через мгновение к ним присоединились другие, и сразу стало повеселей, но степняки, почуяв, что резня вот-вот превратится в битву, тотчас покинули поле боя.

В общем, в этой, первой атаке славяне потеряли больше тридцати человек. И всех лошадей. Перебив пастухов, степняки угнали табун в степь.

Серге никак не хотелось верить, что он потерял Пепла. Целый час он бродил в темноте, звал, свистел... Напрасно.

А когда начало светать, им всем стало не до коней.

До рассвета, конечно, никто из славян не уснул. Перевязывали раны, оценивали потери... И думали, что все уже кончилось.

Не тут-то было!

Едва ночную тьму сменили предрассветные сумерки, степняки появились вновь.

И началась кровавая карусель.

Юркие всадники замельтешили в высокой траве, градом посыпались стрелы.

Славяне пытались отстреливаться – у них были хорошие луки, особенно у варягов, но так вышло, что внизу, где скакали печенеги, было темнее, чем наверху, где залегли славяне. А степняки били навесом – и очень метко. У Свенельдовых воинов были большие овальные щиты. Ими кое-как прикрылись, собрались вместе, выстояли. Ударить в славянский строй печенеги не рискнули. Вернее, не захотели. У них был другой план.

Во второй атаке погиб вождь-сотник. И пять десятников из семи. И каждый второй из выживших в первой атаке.

Уже никто не верил, что печенеги ушли. Славяне разделились. Человек десять остались в лагере, остальные решили спуститься к Днепру, за водой. И послать за помощью на остров, в святилище Хорса. Или хотя бы переправить туда раненых.

Напрасная надежда. Как только большой отряд спустился к берегу, на лагерь тут же обрушились печенеги. Наверное, их было не очень много, с самого начала не очень много – около полусотни. Но этой полусотни вполне хватило.

Один из двух уцелевших десятников, Свенельдов гридень, услышав крики, тут же кликнул своих и ринулся на помощь. Второй десятник, Устах, не сдвинулся с места.

И, глядя на него, остались на месте восемь полоцких варягов и с полдюжины славян. В том числе несколько Свенельдовых.

– Им не поможешь, – мрачно заявил Устах.

С ним никто не стал спорить. Крики на высоком берегу не смолкали, но звона оружия уже не слышалось.

Устах поглядел на Духарева. Серега уступал другу опытом, но зато

соображалка у него работала лучше.

– В воду и в камыши, – сразу заявил Сергей. – Досидим до ночи – и на остров.

– А почему не сейчас? – спросил кто-то из молодых.

– Потому что ты – дурак, – спокойно ответил Устах. – Головой думай.

Степняки появились на берегу спустя несколько минут. За это время уцелевшие славяне успели спрятаться между стеблей рогоза.

Печенеги выпустили наугад с полдюжины стрел, но в воду не полезли. Там все преимущества стрелков-всадников сводились к нулю. Там один Духарев мог бы играючи порубить на мясной салат дюжину степняков.

Уцелевшие просидели в камышах до темноты... Слушая вопли истязаемых печенегами товарищей.

У Духарева было большое искушение добраться до палачей, но он понимал: печенеги наверняка оставили часовых. Стоит только сунуться – и тут же схлопочешь стрелу. В лучшем случае. Живой, он еще успеет отомстить. Мертвый – вряд ли.

Когда стемнело, беглецы сложили боевое железо в перевернутые щиты и поплыли к Хортице.

Добрались не все, недосчитались двоих полян. Может, те утонули, а может, унесло течением.

Спустя две недели к острову подошли лодыи киевских купцов с большой охраной. У купцов, скинувшись, варяги купили малую лодью, узкую лодку с косым парусом и четырьмя парами весел.

Еще через две недели они бесславно вернулись в Киев, а оттуда верхами пришли к Свенельду.

Воевода, естественно, гибели отряда не обрадовался, но выживших корить не стал. А сделал соответствующие выводы. Теперь старшим он назначил Устаха, дал тому еще два десятка молодых воинов.

И четверых «оваряженных» хузар.

Для обучения степной науке.

И за эти полтора года варяги кое-чему научились. Например, не гибнуть по-дурацки. Но война есть война. Без потерь не бывает.

Глава восьмая

Ночь у неведомой реки. Совет

На песчаном берегу горел маленький костерок. Вокруг, кружком, сидели варяги. Лениво отмахивались от комаров, ждали, что скажут старшие.

На перевернутом щите стояла деревянная братина с ручками в форме лосиных голов. В братине темнел хмельной мед, хранимый именно на такой случай.

Духарев палкой поворошил костерок, проводил взглядом взлетевший сноп искр.

– Что ж, братья, – произнес он неторопливо. – Давайте думу думать, что делать будем. Есть кому что сказать?

Все тут же поглядели на Понятку. По традиции первое слово после старшего принадлежало младшему. Понятко же – самый молодой. Да и за словом за пазуху обычно не лазил. Но сейчас с речью не торопился.

Неподалеку коротко взлаяла собачонка. На зверя, не на человека.

Понятко взял братину обеими руками, отпил.

– Что делать... – медленно, с достоинством произнес он. – Мало нас. Не убереем добытого. Еще одна такая схватка – и мы биты. Все врагу достанется.

– Ну, значит, и достанется, – флегматично отозвался Рагух. – Мертвым золото без надобности.

Устах и варяги постарше поглядели на хузарина неодобрительно: обычай нарушает.

– Дай! – Древлянин Шуйка почти выхватил чашу из рук Понятки.

– Точно хузарин сказал! – выкрикнул он. – Коли степняки наедут – и так и так погибель. А пронесет лихо – будем все на угрских иноходцах красоваться! В лучшую зброю облачимся! Хоромы построим князьи! По пять жен заведем! Пировать станем денно и ночью! Мое слово: поделить все, а там – будь что будет! Лично я слово даю Перуну ноги кровью омыть, а рот набить золотом!

И Волоху – золотом! Пусть даст удачу! – Шуйка вскочил в азарте, расплескав мед. – Слышите меня, боги? Мое слово – крепкое!

– Сядь! Чего разорался? – сердито бросил древлянину Гололоб. – По воде звук далеко идет. Хочешь, чтоб тебя, окромя Перуна, еще и степняк услышал?

Шуйка сел, и Гололоб отобрал у него братину.

– Я против, чтоб злато с собой везти! – заявил он. – Степняк злато чует. Без злата безопасней.

– Ты что ж, братишка, выбросить его предлагаешь? – въедливо осведомился Рагух.

– Почему выбросить? Зароем в приметном месте. Вон хотя бы под взгорком, где истукан каменный. Как, братья?

И поглядел на своего десятника.

Духарев молчал. Ждал, как остальные отреагируют.

– Я свою долю зарывать не стану! – отрезал Щербина. – Может, тебе, Гололоб, деньги и не нужны, а у меня жена да сын с дочерью. Это что ж, я им даже гостинца не привезу?

– Щербина дело говорит! – поддержал Рагух.

– Надо же, – вполголоса сказал Устах Сергею. – Шуйка мой да Щербина, главные хузаровы нелюбезники, с твоим Рахугом одним голосом поют. А еще говорят, что злато людей рознит!

– Доли ваши! – сердито сказал Гололоб. – Хотите – забирайте. Только ежели отымут, так это уж ваша, а не моя забота. Я за вашу жадность биться не стану!

– Ты мне покажи того, кто у меня отымет! – тут же ощерился Рахуг. – Я его прям в брюхо стрелой попотчую!

«Дотрепались! – подумал Духарев. – Мое, ваше... Братчина, блин!»

Да уж, привалила удача!

Вспомнился Духареву Рёрах, учитель. Как ходил тот с дружиной в дальние земли, и удачно ходил: везли из набега столько, что аж из корабельных ларей сыпалось. А чем кончилось? Из всей дружины уцелели четверо. Да сам вождь, покалеченный пытками. И добыча, в землю зарытая.

Если кому и повезло от этого исхода, так это Сереге. Меч у него за спиной – из того клада. А главное: не обезножил бы после нурманских пыток Рёрах, не стал бы из военного вождя лесным ведуном. И не встретил бы его Серега Духарев, беглец бестолковый. И не стал бы Серега тем, кем стал. И все, что есть у него ценного: меч, доспех, уважение, жена, дом в граде Полоцке, конь ратный, – все силой да доблестью добыто, а не на рынке куплено. Конь, правда, сначала был именно куплен. На смоленской ярмарке. Но это сначала, а потом...

– Я своего не отдам! – ярился Рагух. – Мое – это мое! Все уразумели?

Машег похлопал его по спине, сказал что-то по-своему.

Понятко, способный к языкам, знавший и по-хузарски, и по-

печенежски, оскорбительно засмеялся.

Рагух глянул на него злобно, сжал кулаки, приподнялся.

– А ну сядь, – негромко произнес Духарев, глядя на него в упор.

Хузарин тут же опустился на землю. Будто под коленки толкнули.

Духарев взял братину.

– Нечего попусту языками молоть, – веско сказал он. – Одной стрелой десятерых не побьешь, а сто гривен в пояс не спрячешь. Даже если в степи нас не перехватят, куда мы с таким богатством пойдём?

– Да хоть куда! – выкрикнул Шуйка.

И схлопотал по затылку.

– Цыть! – грозно сказал Устах. – Ты свое сказал.

– Ладно, деньги, – продолжал Духарев. – А утварь? Куда ты ее денешь? На киевский торг выставишь – так ее любой зоркий глаз опознает. И нас же в лихоимстве обвинит.

– А если к нам? – предложил Машег. – В Итиль. А еще лучше – в Саркел. Наши купцы такой товар с руками оторвут! Довезти бы только.

– Вот именно. – Сергей поставил братину на колени. – Далеко до вас. И степью.

– Да я один от Волги до Днепра ходил! – запальчиво воскликнул Рагух. – Не верите, да?

– Верим, – сказал Устах. – Только ты как ходил: с добычей или пустой?

Рагух промолчал.

– Вот-вот, – продолжал синеусый варяг. – Злато притягивает. Это верно Гололоб сказал. Когда у тебя сумы пусты, а всего имения, что конь да колчан со стрелами, кому ты нужен? Так, Рагух?

Хузарин опять промолчал.

Зато подал голос Шуйка:

– Слушай, Серегей, что-то я не понял про лихоимство! Это что ж, если воин добычу на базар выносит, а ему говорят, что он ее добыл не честью, а подло, так это ж – судное дело!

– Умник! – Понятко хлопнул древлянина по спине. – А судит кто? Игорь-князь!

– А мы – Свенельдовы люди! – сердито возразил Шуйка. – Воевода вступится – князь уступит.

– Может, и уступит, – кивнул Сергей. – За исключением одного случая...

– Какого? – тупо спросил Шуйка.

– Если этот товар не Игорю предназначен, дурная голова! – гаркнул Понятко.

Над костром повисло молчание. Ссориться с великим князем киевским никому не хотелось. Но и отдавать добычу тоже совсем не хотелось. Тем более такую. С таким богатством каждый из варягов мог получить практически все, чего захотел. Кроме разве что княжьего стола. Но набрать свою дружину и сесть княжым посадником в каком-нибудь городке – вполне. Или купить боевой корабль и двинуть навстречу приключениям, если на месте сидеть не захочется. Зарыть в землю такое будущее?..

Но, с другой стороны, ни один из варягов не был лишен здравого смысла. И понимал, насколько мал шанс довести эту кучу драгметаллов до безопасного места.

В общем, все молчали. Ждали, что скажет тот, кого они полагали самым удачливым в ватажке. Серегей...

– Значит, так, – заявил Духарев. – Все, кто хотел, свое слово сказали. А сделаем мы так. Золото и утварь с собой не повезем. Сомневаюсь я, что сумеем довести. До Киева или до Саркела – все едино. Так что злато и утварь зароем здесь и место приметим. Серебро поделим, и каждый из своей доли переметную суму наполнит. Сколько это выйдет, Устах?

– Да гривен по сто, не меньше, – ответил синеусый.

– Тоже ведь деньги немалые, – заметил Духарев. – На вено^[20] тебе, Шуйка, хватит. И на доспех тоже. И Щербине на пряники-мониста. Что же до злата... Будем живы да в силе – вернемся и заберем. А умрем, так мертвым оно без надобности. Так, Рахуг?

– У меня тоже родичи есть! – буркнул хузарин.

– Знаю, – кивнул Сергей. – Думаешь, что твоим родичам больше по вкусу придется: ты со ста гривнами или твое сушеное ухо у печенег на сбреу?

Кое-кто из варягов засмеялся, хотя ничего смешного в сказанном не было.

– Твоя правда, – кивнул Рахуг. – Быть посему.

– Все согласны? – Сергей оглядел товарищей.

Если у кого-то и были возражения, то он оставил их при себе. Духарев неплохо знал своих людей, но и они за это время успели узнать своего командира достаточно хорошо, чтобы не обманываться насчет «согласны – не согласны». Когда десятник Сергей таким образом выдвигает челюсть да глядит исподлобья, лучше ему не перечить. Поскольку десятник кулачищем своим с удара волколodu-берсерку шею сломать может. Прецеденты были. Так что лучше язык за зубами держать. Глядишь, и зубы целее будут.

Собственно, Духарев именно такой реакции и ожидал.

Если чье мнение и интересовало Серегу, так только мнение Устаха. Но Духарев знал, что синеусый варяг с ним полностью согласен.

Серега поднял братину и через огонь протянул другу.

Устах принял, отпил:

– Быть посему, – повторил он слова Рахуга. И добавил: – Зароем – и Перунову клятву принесем! Чтоб языками не трепать.

Синеусый варяг осушил чашу, выплеснул в костер последние капли.

– Шуйка, – велел, – поди дозорного позови. И Чирка. Он с павшими сидит. Пусть подойдут ненадолго.

Через несколько минут тринадцать варягов собрались в шатре, где от такого количества народу сразу стало тесно. Устах торжественно сообщил раненым, что решил круг. Зажгли малый огонь, выложили круг обнаженными мечами, встали меж клинков (раненых поддерживали товарищи), соединили руки и произнесли слова клятвы. Все: и христианин Духарев, и иудеи хузары. Вера верой, а братство – братством.

Приметой выбрали каменного истукана. Отсчитали сто двойных шагов вниз по склону. Наметили место, подняли дерн, вырыли яму, закидали мешки. Лишнюю землю увезли и выбросили в реку. Дерн с травой положили аккуратно, речной водичкой полили, чтоб трава не подсохла.

«Интересно, – сумрачно размышлял Духарев, когда, закончив дело, они возвращались в лагерь, – придет ли кто из нас за этим кладом? Или отроет его какой-нибудь археолог лет через тысячу?»

На какой-то совсем коротенький миг ему даже захотелось вернуться обратно, в свой век. И стать таким археологом. Там, в мире самолетов и кругосветных круизов, он нашел бы, как с кайфом истратить подобное богатство. А здесь? Это просто засада какая-то, когда у тебя есть все, что можно купить. А то, чего нет, – и купить невозможно.

Глава девятая

Русы

– Господин, мы их потеряли, – голос у гридня дрогнул. Он застыл, не поднимая глаз выше золоченого стремени, и не мог видеть, как ладонь всадника ласкает витую рукоять булавы. Один удар – и светлый затылок (шлем гридень держал в руках) превратится в кровавую кашу. Но всадник сдержался. Он умел смирять гнев. Вместо того чтобы ударить, он тоже снял шлем, погладил бритую загорелую голову, расправил влажный от пота чуб. Не выше уха у всадника – узкая полоса – шрам. И рука, расправлявшая поседевший чуб, тоже испещрена шрамами. Ее хозяин не любил рисковать попусту, но если уж выходило драться, то за щитами дружины не прятался.

Сейчас дружина стояла поодаль. Рядом был только один, лучший.

– Сказывал я те, батька: не хитри с хитрованами! – проворчал он.

– А ты? С одного лиса две шубы не снять. Ты своего Скарпи слушай больше – с сумой по миру пойдешь!

Варяжские усы говорившего были с густой проседью, а на концах крашены синим. Так же, как и у того, кого он называл батькой.

– Молчи, Асмуд! – бросил старший.

Жеребец под ним заплясал, чуя настроение хозяина. Гнедая кобыла Асмуда недовольно покосилась на белого жеребца.

– Встань да говори толком! – прошипел всадник. – Лиса сбежала с нашим золотом?

– Не знаю. – Гридень медленно распрямился. – Их не было в уговоренном месте. Они ушли. След оборвался в Днепр...

– Переправились? – отрывисто спросил всадник.

– Скарпи сказал...

Высокий нурман в золоченых доспехах спрыгнул на песок, пошатнулся... Оказавшийся рядом разведчик-гридь сунулся поддержать, но нурман сердито его оттолкнул.

– Не девка, – грубо сказал он. – Не свалюсь.

И пошел к воде.

Наверху громко переговаривались по-нурмански хирдманы Скарпи, личная дружина княжьего боярина.

Славяне-разведчики, обнаружившие след, помалкивали.

Примерно в полутора стрелищах от берега стояли на якорях две

большие боевые лоды под полосатыми парусами. Там тоже интересовались происходящим на берегу, но нурмана в золоченых доспехах за высоким рогозом с кораблей видно не было.

Скарпи долго разглядывал примятые камыши. Потом повернулся, хватаясь за торчащие из земли корни, вскарабкался по сыпучему склону, толкнулся от подставленных под ногу ладоней и уселся в седло.

– Зови корабли, – бросил он одному из хирдманов.

Тот дважды отрывисто дунул в рог. Гнусавый низкий рев всполошил птиц. Захлопали тысячи крыльев. Разведчики, в большинстве – из охотников-полян, проводили улетающую дичь тоскливыми взглядами.

Лоды снялись с якорей, развернулись к берегу...

– Хрунгельв, я оставляю тебе две сотни, десятерых следопытов и дюжину собак, – сказал нурман в золоченых доспехах тому, кто трубил в рог. – Разделитесь. Одни пусть идут вверх по течению, а другие – вниз. Но за оба отряда отвечаешь ты.

– А ты? – спросил Хрунгельв.

– А я переправлюсь на тот берег и сделаю то же самое. У этих черных крыс нет лодок. Далеко по воде они не уйдут. След будет.

Гридень перевел дух.

– Ну! – сердито поторопил всадник. – Продолжай!

– След мы нашли, – торопливо проговорил гридень. – На этой стороне и совсем близко. Только волки уже порвали лису.

– Какие еще волки? – взъярился всадник.

– Побили их, батька. На правом берегу, повыше Рачьего острова. Вся трава – в крови. И мешков не было. И хузар там тоже не было.

– Трава в крови! – фыркнул Трувор. – Сбежали они, шакалья порода!

– Не сбежали, – буркнул гридень. – Мы их нашли...

Полуденное солнышко до песка пробивало мелководье. Скарпи не понадобилось спускаться с береговой кручи, чтобы увидеть то, что под водой. Зрелище объединенных раками тел – не самое приятное. Но Скарпи, который своего первого врага уложил в четырнадцать лет, а к семнадцати уже потерял счет тем, кого убил, вид трупов не взволновал. Его интересовало другое.

– Вытащить и пересчитать, – распорядился он. – Определить, скольких не хватает. Пустить погоню по следу...

– По которому? – флегматично поинтересовался Хрунгельв. – Их три.

Скарпи задумался...

– Скарпи решил: главный – тот, что в степь уходит. В степи потеряться легче. Остальные – чтоб глаз отвести, – сообщил гридень. – Так, батька, он и велел тебе передать.

– А почему он знает, что они на тот берег не ушли? – вмешался Асмуд. – Может, их насады на реке ждали?

– Скарпи на тот берег тоже послал, – ответил гридень. – След искать. И Днепром... Он одну лодью вниз послал, а вторую вверх, к волоку. А еще тебе велел передать, батька, чтоб ты с дружиной прямо к чумацкому тракту шел. Ежели что – он сразу знать даст. А ежели ты решишь с лодьями и насадами в Царьград идти – ничего. Скарпи сам найдет злодеев и злато ромейское вернет.

– Ха! – воскликнул Асмуд, сын Стемида. – Нурман? Вернет! Только сначала ополовинит!

Гридень потупился. Он сам был нурман, а ославленному варягом Скарпи приходился племянником. По чести он должен был тут же вызвать Асмуда на поединок, но поскольку то был не просто варяг, а сам боярин Асмуд, то гридень предпочел промолчать. Если дядя найдет нужным, он сам защитит свою честь.

Старший же всадник Асмуда не слушал. Он размышлял.

К ромеям он, конечно, не пойдет. Ромеи вероломны. К ним если идти, то с настоящей силой. Ежели ромеи силу видят – они сами дают, и брать не надо. Малая дружина в тысячу воинов – это не сила. Тем более что дань ромеи уже отправили. Потребуешь еще – решат, что дешевле кого другого купить. И натравить на Киев. Ромеями не доблестные правят – торгоши. Хотя, надо признать, есть у них и полководцы. Но правят все равно торгоши. Потому и неплох был план Скарпи.

Приползут недобитые ромеи из тайного посольства к кесарю, доложат, что побили их степняки и дань, что русам да пацинакам причиталась, забрали.

А большому хану Куркурэ он сам пожалуется, дескать, забрали хузары наше золото! И пусть храбрый хан от обиды наедет на хузар! Пусть задержатся – а Киев тем временем еще кусочек сурожского берега под себя возьмет. И ромеи пусть с печенегамы решают, кто дань схитил. А русы что? Русам обещано? Обещано. Значит, собери снова – и отдай. А не то придут и сами возьмут!

От этих приятных мыслей всадник пришел в хорошее настроение и произнес уже не так мрачно:

– Передай Скарпи, я иду к тракту. А он пусть ищет. Не найдет –

головой ответит за потерянное богатство. Отправляйся!

Гридня подали свежих коней, и он ускакал.

«Ничего! Скарпи найдет! Он золота не упустит, не та порода. Такое богатство! Да и делить ее придется только с малой дружиной. А Волку [\[21\]](#) вообще шиш!» – Он злорадно ухмыльнулся, вспомнив, сколько пришлось отдать печенегам из прошлогоднего ромейского выкупа.

Ухмыльнулся и тут же помрачнел, вспомнив, и эта дань ромейская пока что не у него в руках, а неизвестно где. А как хорошо все было задумано! Да и сделано хорошо. Кто ж знал, что у диких хузар достанет ума, чтобы угадать, какую судьбу им назначили русы?

Глава десятая

Соляной тракт

Утром варяги свершили погребальный обряд: перерезали глотки пленникам, подожгли плоты и оттолкнули от берега. Рассвет – хорошее время для такого дела: умершие не сойдутся с дороги, притянет их не луна синяя, а Хорс-Солнышко.

Бледный, почти невидимый огонь, серый прозрачный дым... Некоторые видели, как на призрачных крылатых конях улетают в Ирий души героев.

Духарев призраков не видел, да и не высматривал особо. Не до того. Мучило Серегу дурное предчувствие. Нервность нездоровая. Когда за каждой полынной метелкой мерещится соглядатай, а за каждым пригорком – вражья конница. И еще в спину как будто кто-то пялится: так и хочется оглянуться. А ведь это не чащоба – степь. Простор от горизонта до горизонта. А давит так, словно в каменном мешке сидишь. Хотелось рвануть галопом: бежать, бежать, пока не поздно...

Но ехали они теперь медленно. Из раненых только Мисюрок смог сесть на коня. Остальным пришлось мастерить носилки – кожаные гамаки на жердях, уложенных на лошадиные спины. Кони с таким грузом могли идти только шагом.

Подобранный Серегой чужак за ночь отлежался, встал. Духарев распорядился выдать ему лошадь и трофейную печенежскую одежду. Оружия не давать. Мало что у чужака на уме?

Одежку чужак сразу надевать не стал: выполоскал в речке. И сам умылся. Чистоплотный. От завтрака отказался, немедленно вызвав подозрение Устаха. У многих народов так: с врагом вместе не едят. А с кем поел – того убивать нельзя. Боги не одобряют. Велено было Шуйке за чужаком приглядывать. И если что – не церемониться. Чужак, впрочем, повода для подозрений больше не давал. Тащился в хвосте, дремал, уронив поводья. Надо бы его потрясти: кто, откуда, как попал в плен? Принцип «враг твоего врага – твой друг» в степи не срабатывал. Тут все – против всех. И только твой клинок – за тебя.

Километров через двадцать речушка свернула к северу, варяги перешли ее вброд, и опять потянулся однообразный степной пейзаж: пологие холмы, прикрытые травами.

Миновали стадо могучих степных туров. Длиннорогие быки с

горбатыми холками подняли головы и проводили всадников недоверчивыми взглядами.

– Э-эх! – громко вздохнул Понятко. – Какая охота!

Духарев слышал, что степные туры еще сильнее лесных, чью мощь он уже испробовал на собственных ребрах, но за все это время ему так ни разу и не пришлось поохотиться на степных быков.

– Ай да сокол молодой
Над горой летал.
Ай да белу лебедицу
Молодой искал.
Стал он с горки да на горушку
Перелетывать,
Да звал лебедушку-красуню
В муравушке поиграть...

– затыкнул Понятко.

У парня был звонкий и ясный голос. Ежели так случится, что в бою покалечат, может, гусяром станет. Певун с таким голосом на княжьем пиру – желанный гость. Тем более варяг...

Солнце припекало, снизу поднимался густой запах трав. Не зря поляне этот месяц травнем зовут. Варяги-северяне поснимали доспехи и стеганные подкольчужники, оставшись кто в белой льняной рубахе, кто вообще без ничего. Рассудили: ежели что – дозорные упредят. Машег (Рахуг был в передовом дозоре) поглядел на разоблачившихся с усмешкой, процедил что-то обидное. Для него градусов тридцать – это еще не жара, а так, тепленько.

Духарев тоже броню снимать не стал. С одной стороны, пример выдержки для подчиненных, с другой – все то же неясное беспокойство.

Ехал, слушал, как весельчак Понятко беседует с Машегом. О женщинах. Вернее, о том, как это печально, когда их нет. И чем их, в принципе, можно заменить. Вот те же печенеги, к примеру, они вместо баб...

Понятко, у которого всегда имелась наготове соответствующая история, рассказал, как его дальний родич был в полоне у печенегов-гилеев. Вот позвал однажды родича хан и сказал, что у его, хана, наложницы родился сын. И у сына того глаза сини. А сини глаза во всей округе только у Поняткова родича. Посему, выходит, согрешил славянин с

хановой наложницей, и за то выходит ему, славянину, наказание: бить сильно, а мужские достоинства отрезать напроочь.

Родич Понятки, естественно, огорчился и задумался. А подумав, сообразил и сказал вот что: не у тебя ли, хан, в табуне родился недавно жеребенок с черной гривой?

– Было дело, – согласился хан.

– А ведь у кобыл твоих и жеребцов, у всех гривы желтые да сивые! – показал удивление родич. – Как же так?

Хан подумал немного, погладил черную бородку и молвил:

– Добро. О сыне моем боле говорить не будем. Но и ты гляди: о жеребенке никому ни слова!

Машег посмеялся вежливо, а потом сказал, что у них похожую байку рассказывают про славянского тиуна и ромея. Только там не кобыла, а коза была.

Внезапно один из дозорных, достигнув очередного взгорка, резво повернул назад. Воины встрепенулись было, но увидели, что дозорный, это был Сирка Чекан из Устахова десятка, машет пустыми руками: опасности нет.

– Ну что? – спросил Устах, когда дозорный подлетел к нему и осадил потного жеребца.

Сирка Чекан, рыжий, весь в веснушках, прибился прошлой весной. Никто в дружине его не знал, но кто и откуда – не спрашивали. Видно, что варяг, видно, что жизнью бит. Бит, да не сломан, так что к делу годится.

– Ну что?

– Дорога там, – шепелявя из-за дефицита передних зубов, сообщил дозорный.

– Соляной тракт, – сказал Машег, подъезжая к старшим.

– Куда ведет?

– К Сурожу.

– К городу?

Хузарин мотнул головой.

– К лиману, к варницам. Но к городу отвороток есть. Городок старинный, небольшой.

– Чей он? Как называется? – спросил Духарев.

– Называется Таган. По-нашему. Раньше наш городок был.

– А теперь?

– А теперь – не знаю. Его хакан Олег под себя взял и с нами договорился, чтоб соль брать по малой цене, сколько надо. А кому сейчас дань платят – не знаю. Придем – спросим.

- А печенеги там есть, как думаешь?
- Может, и есть, – ответил Машег. – Это не беда. В Саркеле тоже печенеги есть. Наемные. И угры.
- Значит, по тракту пойдем? – спросил Сергей.
- Лучше – по тракту, – ответил Машег. – На тракте спокойней.
- Почему? – Духарев эту часть Дикого Поля знал слабо. В прошлый сезон они один раз ходили от Орла^[22] по Донцу почти что до упомянутого Машегом хазарского города Саркела, но обратно возвращались тем же путем и к Днепру шли не напрямик, а вдоль северских земель, высматривая для Свенельда места, где удобно ладить укрепленные городки.
- На тракте меньше грабят.
- Да ну? – Духарев скептически поднял бровь.
- Вдоль тракта истуканы языческие издревле поставлены. Кто степных богов боится, – Машег сплюнул, – тот на тракте лютовать не будет. Ну, может, возьмет немножко.
- Печенеги – тоже их боятся?
- Не знаю. У них свои демоны. – Хузарин снова сплюнул, затем добавил после паузы: – Ране этот тракт наши дозоры стерегли. Их-то поболее стереглись, чем кумиров деревянных.

Машег уже несколько лет служил Свенельду, поскольку был воином из рода воинов, в ...надцатом поколении, и не воевать не мог. Хузарский же хакан Йосып своих воинов не жаловал. Предпочитал по-ромейски нанимать за золото чужеземцев, которым доверял больше. Машег служил Свенельду, оваряжился, но всё равно считал себя именно хузарином и никак не мог привыкнуть к тому, что княжья русь и печенеги так потеснили его народ. А ведь совсем недавно Хузарский хаканат держал под собой и всю землю от Волги до берегов Греческого моря, и Сурожское море, и Степь – до самого Днепра. И те же поляне безропотно платили им дань... Потом с востока пришел хан Бече^[23], с запада – варяги...

- Поедем трактом, – подумав, решил Духарев.
- Машег, – через некоторое время спросил хузарина Понятко, – а печенеги – они каким богам кланяются?
- Те, что там, – Машег махнул рукой, – в Аллу верят. И в Мохаммеда-пророка. Хоть ложно верят, так хоть в Бога истинного. А те, что у нас, у тех вера черная, в демонов. – Машег скривился и сделал отвращающий жест. – Они своих демонов человеческой кровью кормят^[24].

Понятко кивнул. Одобрительно кивнул, поскольку, как любой варяг, повелителем считал Перуна, а Перун кровушку человеческую тоже очень

одобряет.

Хузарин скривился еще больше, поглядел на Духарева, словно ища поддержки, но Сергей о специфике печенежской веры понятия не имел, что же касается жертвоприношений, то тех же пленных так и так прирезать пришлось бы. И если при этом кто-то хочет возглашать: «Тебе, Перун, воин Небесный», – то пусть возглашает. Хотя если Перун действительно воин, а не мясник, то ему должны быть больше по вкусу битвы, а не казни.

Не дождавшись поддержки, Машег махнул рукой, пихнул коня пятками и умчался.

**Глава одиннадцатая,
особая, в которой повествуется о том, как Духарев
с Устахом прошлой осенью славно потрудились в
княжестве Черниговском, и еще кое о чем весьма
замечательном**

На дороге пустили коней рысью. По голой земле идти легче, чем по разнотравью. Сменили сторожевые разъезды. Духарев верхом на заводной, прихватив Пепла, сам поехал в дозор. Обогнав отряд шагов на семьсот, оглянулся. Издали казалось – варягов много. Над дорогой поднималось густое желтое облако пыли. Такое заметно издалека – это минус. Зато за пылью сразу не разглядишь, что лишь на десятке лошадей – наездники.

Сергей потянулся к фляжке, промочил горло. Встряхнул, определяя, сколько осталось. Когда он выезжал из Киева, в серебряной, обернутой толстым войлоком фляжке плескалось разбавленное водой белое хузарское вино. Убыль вина пополнялась из увесистого поначалу бурдюка, но с каждой неделей воды во фляжке становилось все больше, а вина – все меньше. Из-под копыт порскнула стайка перепелов. Лошадь под Духаревым шарахнулась.

– Тих-хо! – прикрикнул Сергей и движением колен вернул лошадку на прежний маршрут.

Он уже далеко обогнал своих. Ветер дул в лицо, относя за спину запахи и звуки, оставляя только стрекот насекомых, сдвоенный стук копыт и душный аромат зацветающей степи. По белесому небу ползли редкие прозрачные облака. Дикая Степь.

«А я ведь уже три года здесь», – подумал Сергей.

Прошрое, вернее, будущее: двадцатый век, телевизоры, компьютеры и «мерседесы» с «боингами» – где это все? Нет, Серега не жалел. Наоборот, теперь ему казалось, что до того, как попасть сюда, он и не жил по-настоящему, так, плыл в сонном тумане, жевал безвкусные котлетки, потраховал вялых и синеватых, как мороженые куры, потаскушек...

Серега посмотрел на свои загорелые руки, исчерченные светлыми полосками шрамов, потрепал лошадь по жесткой гриве. Взревновавший Пепел тут же пихнулся мордой: а меня? Духарев приласкал и его, поглядел на ладони. Да, эти ладони мало годились для ласки. Оружие и – особенно –

тяжелое весло накатали на них такие бугры мозолей, что ими гвозди можно забивать вместо молотка. Настоящие рабочие руки, хм... работника ножа и топора. Вернее, меча и рогатины, поскольку топору Духарев безусловно предпочитал прямой клинок, а нож... Ну, нож – это не оружие, по местным понятиям, так, сало стругать.

Пепел, не отставая, опять сунулся мягкими губами, уложил тяжелую башку на шею Серегиной лошади. Та тихонько заржала. Решила, видно, что жеребец к ней подбивает клинья.

Сергея вспомнил, как он горевал, потеряв коня в давней сече у Хортицы. И как чудом отыскал его той же осенью. А еще говорят всякие придурки, что Бога нет!

* * *

Той осенью Сергей с Устахом заехали в Чернигов. Собственно, путь их лежал мимо Чернигова в Любеч. В Любече друзей ждала торговая лодья. С ее хозяином, добрым приятелем Духарева, купцом Гораздом, было еще по весне сговорено, что возьмет он обоих варягов на обратном пути. А чего ж не взять? Заморский товар – легкий: шелка – не мука. А две пары варяжских рук будут очень кстати и на воде, и на волоках.

От Переяславля до Любеча – рукой подать. Даже осенью верхами за несколько дней дойти можно. Но Духарев с Устахом не торопились. Был у них, перед отъездом, доверительный разговор с самим Свенельдом. И тайное поручение.

«Я, – сказал Свенельд, – даю это дело вам, а не своим дружинным, потому как родичей у вас в наших краях нет и своих интересов тоже. А люди вы опытные. Хочу я, чтоб ехали вы в Любеч непременно через город Чернигов, а в Чернигове погостили бы денек-другой да и пригляделись к делам тамошним. Может, увидите что... занятное».

Тут воевода сделал многозначительную паузу. Не любивший недомолвок Устах тут же спросил напрямик:

– И что ж нам в Чернигове искать, княже?

– А не знаю! – ответил Свенельд с той же подкупающей прямоотой.

Слывший на киевской Горе опытным и изворотливым политиком воевода со своими гриднями не хитрил никогда. За то и любила его дружина. И еще за ум, щедрость и личную храбрость. Ну, и за удачливость, конечно.

– С Рунольтом черниговским мы не в дружбе и не в ссоре, – продолжал

победитель уличей. – И господин его не я, а великий князь киевский...

Тут воевода слегка склонил голову, как бы признавая старшинство Игоря. Слишком многие открыто ставили на воеводу – против князя киевского. Особенно после того, как Свенельд, отговорившись местными проблемами, отказался идти с Игорем на Царьград. И Игорь в отместку даже не включил его имя в договор, заключенный с императором ромеев. Ближники Игоря открыто подзуживали князя. И богатая Гора тоже исподволь пыталась натравить великого князя на удачливого воеводу, получившего в удел древлянские и примученные уличские земли. Но открыто порицать Свенельда Гора не осмеливалась. Кое-кто из больших киевских бояр был в крепкой дружбе с воеводой. И еще сторону Свенельда держала сама великая княгиня. А Ольгу на Горе уважали. Поэтому до открытой вражды дело не дошло, а Свенельд постоянно подчеркивал, что не ставит себя вровень с великим князем и остается по-прежнему воеводой киевским. Правда, данью уличской и древлянской делиться не собирался и не скрывал, что намерен по возможности расширять собственный удел. Ведь именно на таких условиях варяжский воевода принял службу у великого князя.

Но на черниговские земли уличский покоритель никогда не претендовал. Так в чем же дело?

Воевода объяснил, в чем.

– Больно много этим летом через мои земли из Чернигова полона прошло, братья-варяги, – сказал он.

Устах с Серегой удивленно переглянулись. Эка невидаль – полон! Нормальный предмет экспорта. В здешнем мире, где постоянно кто-то на кого-то нападает. Обычное дело при таком великом князе. А где война, там и пленники. Рабы на продажу. В иные «урожайные» на брань годы за раба три ногаты дают. Как за овцу.

– Ну-ну, – угадал их мысли воевода. – Все не так просто. Кабы то весь была, чудь да всех понемножку – тогда я б не удивился. А то ведь древляне, да поляне, да сиверяне, да радимичи. Да половина – девки молодые, и не военная добыча, а челядинки.

– Ну и что? – пожал плечами Устах. – Ну продают смерды дочерей. Обычное дело.

– Обычное, – согласился Свенельд. – В плохие лета. А нынче неурожая не было. Зато жаловались мне недавно: набежали, мол, на село люди оружные. Скотину не тронули, а вот девок шестерых увели.

– Степняки?

– То-то и оно, что нет. Бронь, говорят, почти как у моих гридней.

– Гридни? – Устах презрительно скривил губы. – Из-за шести девок мараться даже нурманы не станут.

– Из-за шести, может, и нет, – воевода прищурился. – А из-за ста шестидесяти? Мои люди купцов, что полон последний везли, аккуратно поспрошали: откуда челядь? Оказалось, почти всех брали в Чернигове на торгу. А сами купцы – киевские. Мои люди вызнали: возят они полон в Степь, да недалеко возят. За лето раз шесть обернулись. Вот и занятно мне: почему это киевские купцы, что ране вели торг с ромеями да булгарами и вместе с Игорем в Царьград гостями хаживали, ныне из Чернигова сиверскими землями в Степь ходят? И откуда та челядь, что они в Чернигове покупают?

– А сами девки что говорят? – ляпнул Духарев.

Устах и воевода изумленно поглядели на него, и Серега прикусил язык. Забыл он особенности местного менталитета. Кого интересуют слова рабыни?

Между тем Серега не раз имел возможность убедиться, что именно эти самые челядинки, особенно из тех, что приближены к власти имущим, являются хранителями ценнейшей информации. В первую очередь потому, что относятся к ним – как к мебели. Но переубеждать варягов Духарев не стал. Бесполезно.

– Не может быть, – продолжал между тем Свенельд, – чтобы без войны столько челяди на восход уходило. Зато, слышал я, в черниговских землях разбойнички озоруют. Только что ж это за разбойнички, что на открытом торгу, у дружины на виду, в княжьем городе хищенным торгуют? А?

До Устаха еще не дошло, а Серега уже все понял. Поскольку в прежней жизни, где вроде бы рабства не существовало, с подобным бизнесом имел несчастье столкнуться.

– Мафия, что ли? – поинтересовался он.

Конечно, его не поняли. Пришлось пояснить, что он имеет в виду преступный сговор разбойников как таковых и разбойников из числа представителей власти.

Свенельд поглядел на Серегу с явным одобрением.

– Похоже, – согласился он. – Вот и проведайте, что да как.

Духарев открыл рот, чтобы согласиться, но его перебил Устах.

– А нам-то что за дело до черниговских, княже? – заявил синеусый варяг. – Пусть Рунольт черниговский сам и разбирается.

– А если он всем этим и заправляет? – предположил Духарев.

Устах пожал плечами.

– Он – в своем праве, – твердо сказал варяг. – Кому из черниговских не по нраву, как Рунольт судит, – пускай великому князю челом бьет. А ежели говорят на его гридней, что на чужих землях озоруют, так надо их сперва уличить. Мало ли что смерды болтают! Пусть выйдут да и объявят обиду, как по Правде положено! А без того выходит не Слово, а пустословие. Смерду соврать – что псу лапу задрать! Это что ж, мне из-за каких-то сиверянских девок, смердок, с черниговским князем ссориться?

– Но надо же что-то делать! – возразил другу Духарев. – Ну и что ж, что смерды. Это же наш народ...

– Кто, сиверяне, что ли? Нам, варягам? – ухмыльнулся Устах.

Духарев осекся. Опять он в чужой монастырь – со своим уставом...

Но Свенельд иронию Устаха не поддержал, напротив, поглядел на Духарева с еще большим вниманием и сказал:

– Ты, Устах, как и я, – природный варяг. А Серегей? А сколько тех, кто Перуном клянется, усы синит? То-то! Мы эти земли под себя взяли. Всё, что по эту сторону от степи, – наше. Хоть полянские земли, хоть сиверские, хоть уличские. Наши! И земли. И смерды.

– Не потому ль ты, княже, за уличей три года с уграми воевал? – усмехнулся Устах.

– Потому, – без улыбки ответил Свенельд. – Есть мы – и есть Степь. Что под нас не пойдет – под Степь ляжет. И своих Степи отдавать никак нельзя.

– Это девок-то? – не унимался Устах. – Да кто их считает?

– Я, – сказал Свенельд. – Девки, варяг, мужчин рожают. И смердов, и воинов. Таких, как ты.

* * *

Князь черниговский Рунольт оказался природным варягом. Старый, постарше Свенельда. Еще с Игорем в первый ромейский поход ходил, когда их на море ромей огнем пожгли. Видно, был Рунольт некогда воином знатным. Теперь же самым выдающимся у князя было брюхо. С хороший пивной бочонок.

Звался Рунольт князем, но по сути был не князем, а посадником. Большую часть с полюдья не в свою казну клал, а отправлял в Киев, Игорю.

Приезжих варягов черниговский князь принял ласково. Узнав, что идут они в Любеч, тут же предупредил: на дороге не спокойно. Завелась на проезжем тракте шаечка. Вроде бы из сиверян. Грабят проезжих, девок

воруют по селам, продают волжским булгарам.

Выходит, князь в курсе? И непохоже, чтоб сам замешан. Иначе вряд ли стал гостям подобную информацию с ходу сливать. Или стал бы? Специально, чтоб проверить?

Сергея с показным безразличием поинтересовался: откуда сведения? Оказалось – из первых рук. Был, как выяснилось, к Рунольту от татей перебежчик: обещался вывести к ватажной схоронке, да не успел. Зарезался. Прямо в Детинце.

По тону чувствовалось, что в версию самоубийства Рунольт не очень-то верит. Разумней предполагать, что перебежчика просто прикончили. Должно быть, был в ватажке у убийцы родич или близкий друг. А то и побратим. Может, тоже из чьих-то гридней. Такое случалось. Уйдет ледащий гридень из одной дружины, а к другой не прибьется. Или не возьмут по дурному характеру. Вот и объявляется в окрестностях разбойничий. Да не из смердов непутевых, а знающие воинское дело и хитрости. И причиняют местной власти изрядную головную боль.

Только непохоже, чтоб у князя черниговского из-за разбойников особенно болела голова. А что до убийцы, то ежику понятно, что это свой, из дружины. Чужого в Детинец не пустили бы. Ну а свой, ясное дело, дороже, чем какой-то тать-перебежчик. Да еще за убийство виру князю киевскому платить. А самоубийство и налогом не облагается, и розыск учинять не надо.

Ситуация, знакомая Духареву еще по прежнему миру. «Покончил жизнь самоубийством, дважды выстрелив себе в затылок». Не анекдот, выдержка из протокола.

Своей заинтересованности в теме Устах и Духарев ничем не выдали. А вдруг посадник простодушен только с виду?

– Мы – не девки селянские, чтоб разбойников шутаться! – высокомерно заявил Устах.

– Эт-точно! – поддержал Духарев. – Пусть рискнут здоровьем! Наедут – хоть разомнемся.

– Хорошо бы! – с надеждой вздохнул посадник. – А то у меня никак до них руки не дотянутся.

Глядя на князя черниговского, в это легко верилось. Через такой живот не то что до разбойников – до мужских принадлежностей не дотянешься.

Пока посадник неторопливо беседовал с гостями, дело близилось к вечеру. К ужину то есть. Не пригласить к трапезе полоцких варягов – обидеть и их, и славного князя Роговолта. Впрочем, и без этого гостей позвали бы к столу. По обычаю.

Осень – время богатое. Урожай собран, всего в избытке. И дичи, и хлебов мягких, и меда сладкого да пива горького, хмельного – это уж исключительно для Духарева, который так и не сумел полюбить слабую сладковатую медовуху.

Старших дружинников у посадника было девятеро. Причем пятеро – под стать своему батьке, заплыли жиром. Но остальные выглядели вполне воинственно. Два свея, нурман и угр. Верховодил нурман. Его звали Бьярни-Беспалый. Один мизинец у нурмана отсутствовал. Пустяк. Сеча – не игра на рояле. Вполне можно обойтись и без мизинца. Духареву Бьярни сразу не понравился. Взаимно. Но задираться нурман не стал. Только метал грозные взгляды. Пускай. Устах уже успел обронить, просто так, к слову, что его друг и есть тот самый варяг Серегей, что зарубил на смоленском рынке сотника Хайнара. От Чернигова до Смоленска – не близко, но молва летит далеко. И редкий рассказчик удержится от того, чтобы приукрасить историю. И выходило в итоге, что герой не просто ловок на мечях рубиться, а голыми руками головы волколюдам отвинчивает. Ни Устах, ни Серега от драки не бегали, но славы драчунов не искали. В отличие от тех же нурманов. А опыт показывал: пара-тройка слов об «убийце ульфхеднаров» в сочетании с богатырским обликом Духарева – и боевой дух задир волшебным образом улетучивается.

Несмотря на малое содержание алкоголя в напитках, накушались прилично. И, конечно, потянуло дружинную братву на веселье. Тотчас, словно по волшебству, появился дедок-гусяр, а отроков-виночерпиев сменили молодые игривые девки. Дедка, впрочем, выгнали, едва он загундосил о славе покойного князя Олега. Нет, против Олега дружина черниговская ничего не имела, наоборот. Но уж больно у дедка оказался голосок противный.

Угр, под боком у которого опрометчиво разместился дедок, взял гнусавого «барда» за шкуру и на вытянутой руке, как нашкодившего щенка, вынес за порог. Дедок не противился, висел покорно, а отпущенный, тут же встряхнулся и засеменил на кухню подкормиться.

Под столом разодрались собаки. Их пинками выгнали наружу и с большим удовольствием наблюдали грызню. Победитель получил кусок оленины. Проигравший – свиную рульку.

Время от времени Духарев ловил на себе пристальный взгляд Бьярни. Решил: плевать.

Один из свеев, бычара, весь в веснушках, пристал к Духареву: покажи, мол, на мне, как это голыми руками волколюдов убивают?

– А виру за тебя кто платить будет? – осведомился Серега.
– Так я ж не ульфхеднар! – совершенно серьезно возразил свей. – Придурок!

– Ты скорее берсерк^[25], – сыронизировал Духарев.
Свей надулся от гордости и некоторое время молчал. Но потом опять начал донимать. Дурак, но упорный.

Наконец Духарев плюнул, вылез из-за стола.

Дружинники сразу оживились. Это вам по собачья драка, это поинтереснее.

– Ну, давай, – сказал Духарев, и свей тут же полез на него грабками. Чисто медвежьи манеры. Устраивать шоу Серега не стал. Влепил пяткой с разворота в веснушчатый свойский нос.

Свей сел на задницу. Потрогал носяру. (Во крепок мужик! Другой воспарил бы птичкой и минуты три лежал в отключке!) Потрогал, поглядел на ладонь: красная. И закрытый перелом со смещением, что тоже легко определяется визуально.

– Га! – сказал швед. – Кровь!

Встал, вытянул тесак и полез по новой.

Духарев покосился на князя. Рунольт пьяно лыбился... А Бьярни, жопа нурманская, лыбился совсем не пьяно. Зуб можно дать: свей пристал к Сереге с его подначки. Серегин меч лежал близко, на лавке. С мечом Духарев вмиг вышиб бы ножик у пьяного свей. Однако меч – оружие боевое, в честной драке не разрешенное. Нож – другое дело. И нож у Духарева имелся. Даже два. Но резать дурака не хотелось. И чтоб самому шкуру попортили – тоже не хотелось. Лавкой, что ли, его треснуть? Надо что-то резкое сделать. Такое, чтоб у остальных черниговских братков желание подраться на кулачках напрочь отшибло. Значит, никакого джентльменства!

Духарев ухватил со стола корчагу, замахнулся... Простодушный свей вскинул руку – перехватить... и получил такого пинка по висюлькам, что его синие глаза стали белыми и выпучились не хуже лягушачьих. Нет, правильно говорят, что главное отличие боевого самбо от спортивного в том, что в боевом проведение любого приема начинается с удара по яйцам. Духарев поставил корчагу на стол, без малейших усилий вынул нож из руки противника (не забыл при этом легонько порезаться) и очень бережно усадил свей на лавку. Кликнул ближайшую девицу. Дал задание. Нет, не ублажить свей традиционным образом. В ближайшее время сексуальные игры бедняге противопоказаны. А показано ему сидеть на кадушке и купать пострадавший орган в холодной водичке. Серега его «утешил»: через пару

дней легче будет. А через месяц, глядишь, уже и на бабу можно, если осторожненько. Сам же Духарев демонстративно вытер кровь с поцарапанной ладони и поймал одобрительный взгляд Устаха. Теперь никто не предъявит Сереге претензий за разбитый нос. Он ведь тоже кровь, хм... пролил. Ну что, есть еще желающие испытать на себе антиберсерочью технику и проверить гузном крепость варяжского сапога?

Желающих не было. Даже Бьярни скромно отвел глаза.

Решив разрядить обстановку, Серега сдернул со стены сулицу и перешиб ребром ладони ясеновое древко. Что, в общем-то, было непросто, поскольку вышеупомянутое древко – не какая-нибудь ручка от швабры, ею даже удар меча отвести можно, если умеючи.

Гриди оценили: заорали восторженно. Обстановка разрядилась. Кто-то тут же, как водится, попытался повторить – и ушиб руку. Второй своей, уложив обломок древка между колен, азартно колотил по нему ладонью. Заросшей мозолями ладони ничего не сделалось, а вот на коленях образовались кровоподтеки. Которые своей с гордостью продемонстрировал.

Приняли еще. Голоса стали громче, настроение – лучше.

– А чего! – зычно воскликнул князь Рунольт. – А не добыть ли нам завтра кабанчика! На выселках та-акого вепрюгу видали!

Предложение имело успех. С полоцких гостей взяли строгое обещание: завтра – вместе на кабанью охоту. Что, лодья в Любече ждет? Подождет пару дней, не утонет.

Гости для виду поотнекивались немного – и согласились.

Все срасталось в лучшем виде.

* * *

– Квасу дай, – лениво попросил Духарев.

Девка торопливо скатилась с ложа, черпнула ковшиком. Двумя руками поднесла посудину князьему гостю... И тут же шмыгнула обратно, мужчине под бочок.

Серега с удовольствием напился холодного квасу и снова улегся, вытянувшись поперек кровати, положив голову на теплый девкин живот. Да... Пуховые перины под льняными простынками – это не травка под попоной. А живой женский животик – это вам не седло.

Лихая оказалась девка. С виду тихонькая, скромница. А когда Серега взялся ее обрабатывать со всей искушенностью начала третьего тысячелетия, постельная подружка визжала и орала, как дюжина

завидевших купца печенегов. Духарев же чувствовал себя таким секс-демоном. Хотя понимал, что среди прочих здешних мужиков выделяется не потому, что немерено крут потрахаться, а потому, что никто из здешних, особенно воинов, бабским удовольствием не заморочивается. Бабе полагается радоваться уже от того, что герой баталий соизволил на нее взгромоздиться. Вот женщины, многие, были довольно искусны. Особенно те, кого привозили с востока. Но ценились они только... ценителями. И в стандарт местной красоты не вписывались. Мелки, чернявы, ни косы пшеничной, в руку толщиной, ни сисек четвертьпудовых, ни голоса зычного. Впрочем, теремные девки, вполне соответствующие местным понятиям, тоже дело знали. Собственно, для этого их и держали при гридницах. Надо сказать, что их блядская по сути профессия не считалась позорной. Многих потом и в младшие жены брали. Свой кадр, проверенный.

Умиротворенная девка перебирала пальчиками Серегины желтые кудри и что-то говорила.

Духарев в ее речи не вслушивался, полагая, что обычная болтовня. Пока не уловил случайно «нурман» и «убить». Тут Серега включился, словно поисковая система, «поймавшая» ключевое слово.

– Ну-ка, ну-ка... – проворчал он. – Повтори, еще разок, малышка!

Девка запнулась, перестала перебирать пальчиками... Но тут же протараторила бойко:

– Ой не ездил бы ты, витязь, завтра на охоту-ть!

– Это почему же?

– Я ж и говорю: Бьярка-нурман убить ты задумал.

– Откуда ты это знаешь? – Духарев взял в ладони румяное девкино личико.

– Птичка начирикала!

– Ой, не верти, моя радость! – строго произнес Духарев. – Начала песенку – так заканчивай. Не то я и рассердиться могу.

– Ай я глупая, – искренне запечалилась девка. – Пожалела молодца, а молодец...

– Ша! – оборвал причитания Духарев. – Я тебя разве обидел?

– Н-нет, – не слишком уверенно ответила подружка.

– Так говори, не бойся. Дальше моих ушей не уйдет. Слово варяга!

– Дружка моя слыхала, Бьярка с угром своим говорил, мол, завтра варяги с князем лесовать пойдут. И ладно будет, коли большой варяг с охоты не вернется. Еще сказал, за мертвого варяга кое-кто серебра насыплет – сколь в большой шлем войдет!

– Ишь ты! – удивился Духарев. – Неслабая премия.
– Чёй-то они задумали нехорошее, – наморщив лобик, сделала вывод девка.

– Да уж, – согласился Духарев. – А что это ты, красавица моя, обо мне так заботишься?

– А полюбился ты мне! – дерзко заявила девка. – И вот ей! – она погладила между ног. – А Бьярка... Он злой! И с татями дубравными знается! Вот!

– Ну-ка, ну-ка! – еще больше заинтересовался Духарев. – Уж не этих ли татей серебро за мою голову?

Девка испуганно прижала пальцы к губам.

Перепугалась не на шутку!

Духарев обнял ее, погладил по теплой нежной спинке.

– Не трясись, – проговорил он тихо. – Я ж сказал: дальше меня не уйдет.

– Ага... – обиженно протянула девка. – Вы-т уедете, а нурман меня замучит! Иль степнякам продаст!

– Шутишь?

– Как же! Я первая, что ль?

– Так ты разве не Князева? – удивился Духарев.

– Князева. Только князь, он против Бьярки слова не скажет. Бьярка к нему от Киева приставлен.

– Сколько ты всего знаешь! – похвалил Духарев.

– Дак мы ж... Нас же никто... Мы ж вроде вот как эта изложница^[26]. От нас тайны не прячут. Только и защитить нас некому-у-у!

Девка всхлипнула.

Сергея обнял ее покрепче.

– Если нурман и впрямь с разбойниками якшается, я его прищучу! – пообещал он. – Никакой киевский князь ему не поможет! А тебя с собой увезу, в Полоцк!

– Наложницей? – оживилась девка.

– Вольной. И денег дам.

– Сколько?

– Три гривны.

Сумма была немалая, но если выяснится, что девушка действительно спасла его жизнь...

– А почему в наложницы не возьмешь? – девка улыбнулась кокетливо. – Иль я тебе не понравилась?

– Жена не позволит, – честно ответил Духарев. – Ну, договорились?

– Угу. Слушай меня, витязь...

Устах спал. Рядом, свернувшись калачиком, спала блондиночка – светлая головка на широкой Устаховой груди. Запереть дверь на щеколду варяг не потрудился.

Духарев, переступив порог, помедлил немного... И разглядел, как рука Устаха медленно подползает к рукояти меча...

– Спокойно, – сказал Сергей. – Это я.

– А-а-а...

Устах не спросил, чего ради Духарев разбудил его среди ночи. Раз будил – значит, есть причина. Спихнул блондиночку, которая так и не проснулась, начал одеваться.

– Пошли ко мне, – сказал Духарев. – Есть новости.

Девка из «нумера» уже испарилась. Как ей и велено.

– Короче, так, – сказал Духарев. – Заправляют тут двое. Вожак разбойный и Бьярни. Один – тут, другой – в лесу, но и сюда наведываться не стесняется. Сам – из гридней. Не черниговский, но со здешними – накоротке.

– Откуда узнал?

– Оперативная информация.

– Чего-о?!

– Девка поведала.

– А-а-а... – Устах расслабился, на глазах теряя интерес. – Поверил девке!

– Поверил. И ты согласишься.

Надо, блин, ломать замшелые стереотипы.

– Брось, – лениво сказал Устах. – Обидел нурман девку, она и соврала. Слышала, что мы с ними – на мечях, вот и наплела всякого.

– Наплела, значит? А не хочешь ли ты узнать, как зовут главного разбойничка?

– Ну?

– Свейни!

– И что с того?

– А ты припомни Смоленск. Как того десятника звали, нурмана, приятеля Хайнарова, с которым ты бился?

– Свейни, – ответил Устах. – Ну и что? Я тебе еще троих Свейни могу назвать. И все, заметь, нурманы^[27]!

– Допустим, – Духарев ухмыльнулся. – Но, как я уже сказал, этот

Свейни имеет наглость лично заявляться в здешний Детинец.

– В смелости ему не откажешь, – одобрил Устах. – И что же Рунольт, так его и привечает?

– А что Рунольт? На лбу ведь не написано, что разбойник. Так что особой смелости тут нет. Половина здешней дружины, сам же видел, обленилась просто позорно. А остальные, как я понимаю, в доле. Пляшут под дудку Бьярни. А нашего смоленского знакомого девка описала очень точно. Просто как живой перед глазами встал.

– Все равно не верю! – упрямо заявил Устах. – Чтобы из десятников княжских – в разбойники? Не верю! Что приезжал сюда – может быть, а остальное...

– За мою голову между прочим, хорошие деньги посулили! Полный шелом серебра!

– Тоже от девки узнал?

– Так, – рассердился Духарев. – Устах, ты мне друг?

– Друг, конечно!

– Тогда поверь. Не девке, мне поверь: завтра, когда мы будем охотиться на кабана, кое-кто будет охотиться на нас. И мы с тобой, я и ты, должны быть начеку!

– Я всегда начеку, – флегматично ответил Устах. – Ты лучше выпипись. Проку больше будет, чем бабью болтовню слушать. Не все бабы такие, как твоя Слада.

– Ага, – заметил Духарев. – Все-таки вспомнил, что и у женщин бывают мозги?

– Бывают. – Устах зевнул. – Только не у девок теремных. – Ладно, ты как хочешь, а я спать пошел, – и двинулся к дверям.

– Завтра увидим, кто прав! – крикнул вслед Духарев.

Вот ведь упрямец! Даже его своим неверием заразил!

* * *

Конечно, до киевского или даже полоцкого охотничьего великолепия черниговскому Рунольту было далеко. Но воздух так же звенел от собачьего лая, алели флажки, рычали рога доезжачих, горячили коней охотники в легких круглых шлемах. Собачки у Рунольта были разномастные, в основном гончие. Еще – четверка тяжелых лохматых волкодавов в стальных ошейниках и несколько борзых, которых можно было бы и не брать. От борзых в чащобе проку ноль.

Ехали сначала трактом, потом свернули на скошенные поля.

У леса остановились.

Князь черниговский, уже промочивший горло, восседал на могучем жеребце, зычно раздавал команды загонщикам, определял, кому куда встать.

Два самых перспективных места были отданы гостям.

Серее очень не хотелось отделяться от Устаха, но протестовать тоже было нельзя. Еще не хватало, чтобы в трусости обвинили.

В напарники Серее князь определил лучшего своего боярина, Бьярни. Скорее всего, по просьбе самого нурмана.

«Ну и ладно, – утешил себя Духарев. – Хоть на виду будет».

Он стал достаточно самоуверен, чтобы не сомневаться, что сделает нурмана один на один. Но, блин, у Бьярни железный козырь в рукаве. Разбойнички. А это, если все же поверить ночной подружке, точняк, еще один крутой боец-нурман. И неизвестно сколько подручных. С другой стороны, Бьярни вряд ли рискнет просто так прикончить гостя-варяга. Это ж надо какое-то оправдание придумать. Списать на разбойников? Спросят: а сам ты где был? А если отбился, то почему не отбился варяг? И где побитые тати? Это ведь только слабоумный поверит, что какие-то, блин, разбойники напали на лучших гридней – и ушли без потерь. И кто, интересно же, рискнет Роговолта полоцкого или Свенельда-воеводу в слабости ума подозревать?

Духарев пробирался сквозь чащобу вслед за Бьярни и прикидывал, откуда ожидать подлянки. Наверное, впервые он пожалел, что не в Диком Поле, где все – на виду.

Нет, к бою он был готов. Полный доспех, меч, лук, в колчане всего пять охотничьих срезов. Остальные – боевые, бронебойные. Не на зверя – на человека.

Пригибаясь к гриве коня, чтобы не задеть низкие ветви, Духарев боролся с искушением всадить одну граненую стрелочку в бармицу Бьярниного шлема. Только нехорошо это. Да и нурман наверняка начеку. У хорошего воина затылок чуист, как нос гончей. Но Серее тоже клювом не щелкал: принюхивался, прислушивался, вычленял из звуков безопасных, вроде отдаленного лая гончих и перестука дятлов, признаки возможной опасности, напрягал интуицию... Однако явной опасности не обнаруживал.

Выехали на небольшую полянку, всю усыпанную боровиками.

– Здесь, – коротко бросил Бьярни, спрыгивая на землю и привязывая коня.

Серее тоже спешил, огляделся.

Слева пованивало болотце. Справа – бурелом. Впереди – заросли; путаница ветвей, в которой звериная тропа – как собачий лаз. В траве Духарев заметил черные ошметки сети. Видно, здесь не раз ставили тенета, в которые загоняли зверя. Но сеть – это не так интересно. Вот принять на копье двухсоткилограммового секача – это по-мужски!

Бьярни прошелся взад-вперед, нещадно давя сапогами бурые шляпки. Боровики его не интересовали. На грибы пусть смерды охотятся. Нервничает? Или просто ноги разминает?

Сергея прислонил к стволу тяжелую рогатину, перевесил из-за спины на бедро меч и уселся на пенек. Пока еще гончие поднимут зверя, пока пригонят сюда...

Но ждать пришлось совсем недолго. Собачий лай звенел еще далеко, а Серегино ухо уже уловило глухой тяжелый топот.

– Секач, похоже, – негромко произнес Бьярни. – Не собаки подняли – сам уходит. Опытный.

И впился в Серегу испытующим взглядом. Духарев кивнул. Узнать по собачьему лаю, идут ли псы по следу или просто брешут, Духарев не умел. Не говоря уже о том, чтобы определить, кого именно гонит свора. С другой стороны, зачем нурману врать?

– Сам возьмешь? – спросил Бьярни.

Духарев кивнул, и нурман тут же отошел назад, за деревья. Будь рядом Устах – встал бы сбоку, с рогатиной наготове. Мало ли... Вдруг хрустнет древко рогатины или нога заскользит по мокрой траве?

Ничего. Обойдемся! Кабана Серега уже брал пару раз. Причем в одиночку.

Топот приближался.

Бегущий вепрь – это живой таран. Удержать его – навык нужен и сила. Но удержать можно. Духарев поплевал на ладони, встал прямо на тропе, уперся каблуком в выпирающий корень, приготовился. Ветерок дул в лицо. Глазенки у секача мелкие. Сразу не разглядит. Может, притормозит даже, от неожиданности. Главное – к себе не подпускать. Кабаний клык режет почище кривого засапожного ножа.

Зверь приближался. Тяжелый мерный топот. Здоровенный кабанище, должно быть... Духарев ощутил, как приятно бурлит внутри азарт. Вот это житуха, мать ее!..

Страшный рев оглушил Сергея. Огромная рыжая голова неожиданно вынырнула из зарослей, разметав ветки. Серега еще успел удивиться, почему это кабанья морда – не на уровне бедра, а существенно выше, еще успел вздернуть рогатину, поставленную на удар по приземистому зверю...

И тут голова резко нырнула вниз, Духарев увидел корень шершавого, как древесная кора, рога, рванулся в сторону, уходя от прямого удара, но его уже зацепило, под страшный звук лопающихся кольчужных колец, вскинуло вверх со страшной силой, будто бампером грузовика снизу ударило.

Сергея уронил копьё, кувыркнулся в воздухе, попытался кое-как сгруппироваться и грохнулся на бок. Внутри что-то екнуло, словно оборвалось. Рыжая громада надвинулась сверху. Изогнутый, чуть ли не с руку длиной, рогшибанул Духарева сбоку, но Сергей успел в последний миг ухватиться за него и не дать черному острию поддеть себя под ребро. А земля опять ушла вниз, мелкнула рыжая, к колтунам, спина пошире лошадиной – и Сергей влетел прямо в бурелом, успев только прикрыть лицо от острых сучьев. По шлему ударило, словно великанской палицей. В глазах потемнело. На какое-то время Сергей отключился... И очнулся, почувствовав, как его выволакивают из зарослей. Могучий зверь, как-то ухитрившись зацепить рогом подол кольчуги, сопя вытягивал Сергея из бурелома. Явно с самыми нехорошими намерениями.

Духарев изо всех сил вцепился в трухлявый ствол, впервые пожалев, что у него такая крепкая кольчужка.

Сука нурман! Знал же наверняка, что это не кабан, а тур. Турище, мать его! Бычара! Его бы в Испанию, к тореадорам, буйвола рыжего... И мокрое место останется и от тореадора, и от всей камарильи! Это, блин, не хилых бычков шпаккой тыкать... Меч, блин, где же меч?

Меч за спиной не ощущался, но тут Сергей вспомнил, что перевесил его на бедро... Только толку – ноль.

«Что ж ты ко мне пристал, дурное животное? Что я тебе такого сделал?»

Но турище знай себе сопел и тянул, Духарев цеплялся из последних сил и вдруг – хряп – гнилая древесина подалась под пальцами, острый сучок полоснул по щеке, тур ревнул, мотнул башкой – и Духарев опять взлетел ногами кверху и опять плюхнулся спиной на что-то твердое. Кабы не броня, давно бы кости переломал.

Ах ты, погань рыжая!

Бычара неторопливо, враскорячку трусил к Сергею. Уверен, блин, что не смоется человек. И прав ведь, паршивец! Нету у Сергея сил ни драться, ни бежать к ближайшему дереву. Только ворочаться, как придавленный червяк. В пору нурмана на выручку звать. И позвал бы, но ведь не придет. Захотел бы – уже спешил бы на помощь. Ну нет, бычара, я тебе не червяк!

Сергея разъярился. Может, именно из-за этой наглой уверенности умной скотины: хана человечку!

Рубануть мечом в лежащем положении почти невозможно. Особенно так, чтобы повредить эту машину мышц. Зато кольнуть – вполне. И Сергей ширнул зверюгу острием прямо в черную сопатку!

Ого! Вот это звук! Не нравится, да?

Тур отпрянул. Из порванной ноздри капала кровь... И тут Духарев увидел, что из турьего бока торчит обломок стрелы. И красный потек на шерсти – свежий.

Обдумывать это было некогда. Тур взрыл землю раздвоенным копытом и, опустив башку, понесся вперед. Сергей откатился влево – он заметил, что тур бьет именно слева. Успел! Рог вспахал землю, слово лемех плуга.

Тур остановился. Удивился, гад!

Духарев услышал, как бьется и ржет лошадь. Серегина. Нурманской не было. Смылся, что ли?

Бык тоже услышал ржание и вдруг сорвался с места и ринулся на несчастное животное. Длинные рога вошли в лошадиное брюхо. Лошадь закричала почти по-человечьи. Тур рывком освободил рога и ударил снова. Совсем ошалел.

Сергей, скрипнув зубами, поднялся и заковылял к деревьям. Дышать было больно. Наверное, ребро сломано...

Два десятка метров оказались невероятно огромным расстоянием. Сергей споткнулся и чуть не упал. Оперся на меч, отдыхая... И в последний миг услышал за спиной drobный топот...

Выпучив глаза, весь перепачканный в крови тур летел на него.

Откуда силы взялись! Он так лихо отпрыгнул в сторону, что бык промахнулся.

Затормозив всеми четырьмя, тур тут же развернулся...

Где-то под солнечным сплетением у Сергея как будто открылась дверца. В голове прояснилось, колени перестали дрожать.

– Пошел вон, дурак! – заорал Духарев, выбросив в крике дурную ярость.

Конечно, тур не ушел. Конечно, он тут же бросился на Сергея. Но Сергей уже был готов. В общем-то, это не труднее, чем уйти от удара секирой. Уход в сторону с разворотом, полосующий удар... Тур споткнулся и рухнул, ткнувшись рогами в дерн. Сергей не бросился его добивать, ждал. Тур медленно поднялся. Передняя нога его подгибалась. Клинок подрезал связки. Но тур все равно захромал в атаку. Настоящий воин!

Сергей снова пропустил потерявшего прыть зверя мимо себя,

перехватил меч двумя руками, словно копье, и, держа плоскость клинка вертикально, изо всех сил вогнал его между турьих ребер. Тур издал короткое жалобное мычание – совсем как корова – и завалился. Алая кровь потекла из открытой пасти. Коричневый, выпуклый, еще живой глаз глядел на Духарева печально и обиженно.

Сергеа взялся за рукоять своего меча, потянул, но вытянуть не сумел. Силы стремительно уходили.

За спиной раздался смех.

Духарев обернулся.

Бьярни.

– А крепок ты, варяг, – похвалил нурман. – Думал, бык тебя стопчет.

– Не стоптал, как видишь, – буркнул Духарев, пытаясь скрыть накотившую слабость. Еще раз дернул меч...

– Застрыл? – сочувственно произнес Бьярни.

И отстегнул от пояса секиру. Намерения его читались совсем легко.

Духарев перескочил через турью тушу. Вышло совсем неловко, едва не упал.

Нурман обидно засмеялся. Серега попятился.

Где-то здесь должна валяться рогатина...

Чертов нурман угадал его мысль. Перемахнул легко через турью тушу, поиграл топором.

– Нечестный бой, – хрипло проговорил Духарев.

Голова у него кружилась.

– Ага! – с удовольствием подтвердил нурман. – Тебя Свенельд послал?

Духарев молчал.

– Я и сам знаю, что Свенельд, – процедил Бьярни. – А охотник из тебя – дрянь. Тура с кабаном перепутал, да?

– Я его завалил! – хмуро бросил Духарев.

Потянуть время, может, полегче станет?

– Ага, – согласился нурман. – Ты – тура, а я – тебя. А что еще Свенельд про нас узнал? – Он наступал на Духарева, Серега отступал. Такая вот игра. В одни ворота...

– Многое, – сказал Духарев, сделав еще один шаг назад.

– Так что же? – Бьярни, играя, перекинул секиру из руки в руку. – Скажешь что интересное, варяг, и я тебя сразу убью. Или ты хочешь – по частям? Сначала ноги обрубить, потом руки? Как хочешь?

– По частям, – сказал Духарев. – Хочу я, нурман, пожить подольше... Бей!!!

С оглушительным криком Духарев прыгнул вперед, пытаясь

перехватить секиру. Но нурман не купился. И сам бросок вышел гнилой. Бьярни ударил Сергея рукоятью в бок. Туда, где турий рог порвал кольчугу. Духарева скрутила черная боль. Он перестал видеть и слышать, скрючился... Но понимал, что нурман сейчас рубанет. И ждал этого удара...

Но удара не было.

Вместо этого сильные руки бережно обняли Сергея, поддержали...

«Этого не может быть», – подумал Духарев.

Нурман совершенно точно собирался его убить. В таких вещах ошибиться невозможно.

Между тем нурман так же бережно помог Сергею выпрямиться. В глазах прояснилось, и Духарев увидел... Устаха!

А нурман?

А нурман валялся ничком рядом с турьей тушей, и из спины его торчала вошедшая на пол-лопасти рогатина.

– Слабый удар... – прохрипел Духарев, наконец осознавая, что пока живой и, скорее всего, поживет еще немного.

– Тур глубже не бьет, – деловито ответил друг.

Тур... Тур?

– Устах... Стрела...

– Какая стрела?

– В быке... Должен быть еще один...

– Посиди пока, – Устах аккуратно опустил Серегу на траву.

Духарев тут же отрубился.

Пришел в себя от боли.

Устах аккуратно обследовал Серегин бок.

– Вроде бы целы, – сказал он не очень уверенно. – Болит сильно?

– Жить можно, – ответил Духарев. – Но трудно. Второй?

– Никого нет, – покачал головой Устах. – С чего ты взял, что был второй?

– Тур. Кто-то загнал его сюда. И всадил стрелу, чтобы зверь сразу на меня кинулся.

– Стрелу я видел, – сказал Устах. – А насчет стрелка... Не уверен. Выпей-ка! – Он протянул Сереге его собственную флягу: с зеленым тмутараканским вином. – И давай думай, что Рунольту врать. У тебя складней получится.

Рунольту наврали то же, что, видимо, собирался ему наврать покойник-нурман. Мол, выскочил тур да и убодил славного Бьярни. И гостя-варяга едва-едва не пришиб.

Версия не оспаривалась. Незвестный свидетель, выпустивший в тура стрелу (которую, кстати, Серега лично извлек и выкинул), заявления свидетелей не опротестовал. Даже если это был один из гридней, ему ничего не оставалось, как молчать в тряпочку.

Тура скушали. Бьярни-десятника с положенными почестями сожгли. За этими важными событиями почти незамеченной прошла случайная смерть теремной девки, оскользнувшейся на лесенке. По странному совпадению, той самой девки, что была с Духаревым в предшествующую охоте ночь.

Серега в случайности не верил и за девку обиделся. Обиженный, он лежал под верблюжьим одеялом в горнице черниговского детинца и демонстративно болел. Все в Детинце были уверены, что помятый туром варяг даже по нужде и то еле встает. Сам Рунольт-князь посетил болящего и провел у Серегина одра часа два. Сначала травил байки из времен собственной молодости. Потом перешел к кулинарным рецептам. Проявил большое знание предмета. Поведал, что держит повара-булгарина, знатока болгарской, ромейской и хузарской кухни. Сам князь предпочитал ромейскую. Есть у Рунольта знакомый купец. Каждый год привозит с востока пряности и прочее. Рунольт непременно велит повару приготовить для раненого варяга что-нибудь особенное. От собственных разговоров князь проголодался. И удалился покушать. Перед уходом Сергей попросил его отправить отрока в Любеч. Передать кормчему Гораздовой лодьи, что Серегей-витязь серьезно поранен на охоте и просит подождать, пока поправится. Рунольт обещал, что гонец будет послан незамедлительно.

Между тем тяжесть Серегиних ран была существенно преувеличена. По его же инициативе и не без дальней цели. Может, рискнет кто – и попробует добить тяжело раненного?

Миновали сутки. Ничего не произошло.

За время вынужденного безделья Серега старательно проанализировал ситуацию. Связь разбойников и покойного Бьярни была очевидна. Так же очевидна была непричастность князя. Предприимчивость князя распространялась исключительно на область гастрономии. И надо признать, что человек он был хоть и недалекий, но честный. И за Правду стоял крепко. Беда в том, что при нынешних делах в княжестве надо было не стоять с разинутым клювом, а двигаться. Причем шустро. Из гридней Рунольта к шустрому передвижению были способны Бьярни и его дружки:

два свея и угр. Может, еще кто-то из молодежи, отроков. Но их пока можно в расчет не принимать. Один из свеев временно утратил проворство: лечил опухшую гузку. Его тоже вычеркиваем, тем более он вряд ли посвящен в детали операции, поскольку глуповат. Остается второй свей и угр. Бедная девка упоминала угра. Свей, вероятнее всего, тоже при делах. Но угр замешан в афере без всяких вероятий. Значит, с него и следует начать.

Угра звали Бердяком. Это был здоровенный рябой мужчина с наглой рожей и черной бородищей. Единственный, кстати, из старших гридней, не заглянувший к «болящему» с выражением сочувствия.

Поэтому Серега решил сам его навестить. И взять у него небольшое интервью. Круг вопросов Серега определил заранее. А чтобы беседа шла гладко, пригласил за компанию Устаха. У его друга был настоящий талант за каких-нибудь полчаса делать разговорчивыми самых отъявленных молчунов.

* * *

Крепкий сон – серьезный недостаток для воина. Бывает так: уснешь... а проснуться уже не удастся.

В этом отношении Бердяку повезло.

Он проснулся.

Правда, не по собственной инициативе, а разбуженный неприятным прикосновением холодного железа к теплему горлу.

– Кричать не нужно, – благожелательно посоветовал Духарев. – Будет бо-бо.

И пошевелил ножом под бородой угра.

Припасенным фитильком Устах зажег изложницу.

Пусть собеседники как следует разглядят друг друга.

Разглядели. Рябое лицо угра тут же покрылось бисеринками пота.

– Чего надо? – хрипло спросил он.

Серега еще немного пошевелил лезвием, чтобы черниговский гридень прочувствовал, какое оно острое, и осведомился добродушно:

– Девку ты убил?

– Какую еще девку? – просипел Бердяк.

Из зарослей его бороды выползла любопытная вошка, но, почуяв нехорошее, тут же спряталась.

– Он не понимает, – обратился Серега к Устаху. – Дурной? Или память

плохая?

– Да что ты с ним возишься? – буркнул Устах, чья роль была оговорена заранее. – Режь его – и пошли.

– Вы не можете меня зарезать! – нервно проговорил угр. – Князю ответите!

– Это Рунольту, что ли? – усмехнулся Духарев. – Ну ты меня развеселил!

– Игорю киевскому! – агрессивно прохрипел угр. – Я – его ближник, понятно?

– Шавка ты, а не ближник! – фыркнул Духарев. – У князя киевского большие бояре в ближниках, а не глупый черниговский гридень. Но такого, как ты, даже князевы бояре в службу не возьмут. Кому ты нужен, дурачина!

– А вот нужен, раз взяли! – возмущенно заявил Бердяк.

– Ладно тебе брехать, – лениво, с издевкой протянул Серега.

– Я правду говорю!

– Ну-ну. И как же зовут твоего боярина? Холоп при княжьей конюшне?

– Про Скарпи слышал? – купился на подначку Бердяк.

Духарев поглядел на Устаха.

– Верно, – подтвердил тот. – Есть такой. Великого князя ближний боярин.

– Значит, ты, угр, за Рунольтом для Скарпи доглядываешь? – строго спросил Духарев.

Бердяк сообразил, что сболтнул лишнее, и прикусил язык.

Но это молчание как раз и подтверждало, что угр упомянул киевского боярина не ради красного словца.

– Значит, Скарпи, – Духарев кольнул угра ножом. Тот дернулся, но сопротивляться не рискнул.

– Так что, Бердяк, – повторил Серега первый вопрос. – Ты убил девку?

– Ну я, – буркнул угр.

В сравнении с первым признанием смерть девки казалась ему незначительной.

– А почему?

– Надо было.

– Бывает, бывает, – кивнул Серега. – Это я понимаю. Девки, они такие. Сболтнет чего – беды не оберешься. Эта, небось, тоже язык распустила? – поинтересовался Духарев сочувственно.

– Сболтнула, дура, что ты ее с собой заберешь, – проворчал угр.

– А убивать зачем? – с деланным недоумением поинтересовался Духарев. – Продать – и все дела. Не сообразил?

– Я и говорил – продать! – запальчиво заявил Бердяк. – А Фарланд: убить – и край!

Фарландом звали второго свея. Если считать первым того, кого вздул Духарев.

– Значит, Фарланд... – спокойно произнес Духарев. – Фарланд приказал – ты убил. Выходит, Фарланд теперь старший? Или старший – Свейни?

Бердяк сообразил, что опять сболтнул лишнего. И сейчас морщил лоб, пытаясь угадать, что еще знает страшный варяг.

– Ну давай, не запинаясь, – подбодрил его Серега. – Что, Фарланд у вас теперь старший?

Бердяк забежал глазами, завозился, поискал справа... наивный. Меч его уже давно отдыхал в дальнем углу светелки.

– Резать его! – Устах навис над Бердяком. Концы отсиненных усов едва не кололи глаза упрямого угра.

– Не посмеете! – Бердяк упорно отказывался верить в серьезность намерений варягов.

Пришлось кое-что ему растолковать.

– Нас тут нет, – сказал Духарев. – Я нынче лежу в постели, слабый и болящий. И друг мой тоже лежит в постели. И девка ему бок греет. Нет нас тут. И не было. А что горло у тебя перерезано, так сам ты его и перерезал. Нож твой? Твой. В чьей руке его найдут? В твоей. А почему зарезался? Да кто тебя знает. Может, по Бьярни печалился? Может, по девке, которую пришиб?

– Ах ты... – Угр попытался приподняться, но лезвие приникло к кадыку, и угр сник. Перехватить Серегину руку он даже не пытался. Соображал он туго, однако скумекал, что от варяговой руки до его горла ближе, чем угровой лапе – до Серегиного запястья.

Лежал Бердяк-угр, переваривал сказанное.

«Да, братила, – посочувствовал ему Духарев, – супротив детективных хитростей выходца из двадцатого века простодушный подход века десятого не катит».

– Если хочешь жить – выход у тебя один, – заметил Серега. – Рассказать нам все, что знаешь.

Тут Бердяк решил поупрямиться. Или сообразил, что нежелательных свидетелей не оставляют в живых.

– Да иди ты к лешему!

Серега увидел, как глаза угра медленно заволакивает ярость.

Еще миг – и он рванется навстречу смерти.

Буц! Набитый песком мешок опустился на голову Бердяка, и угр отключился.

Получить добровольное признание Духарев особо и не рассчитывал. Угр и так наболтал больше, чем ожидалось. Серега поглядел на Устаха – Устах был доволен!

– Упертые – они молчуны! – сказал специалист по жестким методам допроса. – А этот, вишь, разговорчивый! Обратаем!

И принялся за дело.

Очнулся Бердяк уже плотно упакованным: одна голова ворочалась. Попытался заорать – оказалось: никак. Трудно кричать, когда во рту шерстяная рукавица.

– Он твой, Устах, – сказал Духарев. – Только шкуру ему не порти. – И отвернулся к окну.

За Серегиной спиной слышались стоны, мычание, что-то хрустело, скрипела кровать...

Длилось это не очень долго. Устах оказался прав: угр сломался быстро. Когда варяг окликнул Духарева, грозного княжьего гридня Бердяка уже не было. Был захлебывающийся слюной, плавающий в холодном поту мужик, готовый выложить все, чтобы избежать боли.

В который уже раз, поглядев на подобное зрелище, Духарев подумал: «А я? Выдержал бы?»

Определенный ответ можно было бы получить только одним способом. Но что-то не хотелось.

Кляп выдернули, и угр «запел».

Инициатором идеи оказался тот самый киевский боярин Скарпи. Черниговские земли были выбраны потому, что здесь у Скарпи был надежный человек, Бьярни, который, пользуясь поддержкой Киева, вертел Рунольтом как хотел. Разбойничья шайка была собрана тоже не из черного люда, а исключительно из опытных воинов. Не славян. Командовал грабителями самый настоящий десятник-нурман. Было ли имя Свейни его настоящим именем, угр не ведал. Дюжина воинов-профи, да еще при попустительстве дружины, творила в княжестве все, что хотела. Сопротивлявшихся огнищан и смердов приканчивали. Жалобщиков к князю – убивали с показательной жестокостью. Вряд ли кому удалось бы добраться до Киева, но и там у разбойников было качественное прикрытие: боярин Скарпи. Этот же Скарпи наладил контакты со Степью. Он же подыскал подходящих для дела купцов. Так что сам князь Игорь, скорее всего, понятия не имел об этом «доходном предприятии». А «предприятие» и впрямь выходило очень доходным. За одну только пригожую девку

степняки платили гривны три-четыре. Впрочем, одними черниговскими землями разбойники не ограничивались: совершали рейды и в другие области. Тут к ним присоединялись и доверенные черниговские гридни. Творить беспредел над перепуганными смердами было легко и весело. И денежно. Лишь один раз, когда наезжали на радимичей, сели им на хвост дружинники смоленского посадника. Но и тут вывернулись. Часть ушла, а часть назвались воинами черниговского князя, преследующими тех самых разбойников. Смоляне поверили. Стали ловить вместе. Ясно, не поймали.

Кляп опять вернулся на место. Устах выволок из-под кровати небольшой сундучок с хитрым ромейским замком. Ключ от замка, на солидной золотой цепи, был еще раньше обнаружен на шее Бердяка.

Ага! Серебришко-золотишко!

Сергеа зачерпнул пару горстей: себе и Устаху. Остальное не тронул. Косить под грабителей ему не казалось удачным.

Угр зажевал кляп: желал что-то поведать.

– Все забирайте! Я молчать буду! – пообещал он.

Но глазенки так и бегали. Понятно, жить хочется. Как всем. Как тем смердам, которых разбойнички порешили, чтоб не мешали дочек отбирать.

Оба варяга поняли друг друга без слов.

Духарев впихнул большие пальцы под горло угра, пережимая артерии. Пара минут – и клиент обмяк. Вырубился.

Устах тем временем выпутал левую руку угра, взял принадлежащий Бердяку нож и аккуратно, вдоль, вспорол вену.

Вот и все.

Устах чистым кусочком простыни стер подсохшую кровь, вытекшую из проколотого уха покойника. Больше никаких следов насилия на теле угра не имелось. Пара царапин на горле – не в счет.

Довершая картину, Духарев высыпал содержимое сундучка на пол. Пусть первый, кто войдет, сначала денежки увидит. Учитывая, каковы здешние дружинники, куча драгметаллов должна произвести на них куда большее впечатление, чем труп кореша. Тем более что это уже не первое «самоубийство» в Детинце. Был прецедент.

– До Скарпи нам не дотянуться? – спросил Духарев, когда они уже улеглись, чтобы урвать хоть полночи сна.

– До Скарпи даже Свенельду не дотянуться, – отозвался Устах.

Ему, как старшему годами, досталось полноценное ложе. Сергеа удовольствовался медвежьей шкурой на полу. К себе он не пошел. Вместе – безопасней.

– Значит, сделаем что можем, – философски заметил Духарев.

И они сделали.

* * *

На следующий день, не дожидаясь неизбежного после обнаружения «самоубийцы» переполоха, друзья тихонько упаковались, оседлали лошадок и покинули гостеприимный городок Чернигов. Отроки при воротах препятствий им не чинили, напротив, пожелали, чтоб дорога – скатертью.

Тем не менее далеко по дороге варяги не уехали. Пристроили лошадей в распадке, а сами вернулись и спрятались в сарайчике неподалеку от западных ворот. Никто их не потревожил, кроме блох. А часика эдак через два из ворот рысцой выехал славный гридень черниговский Фарланд и попылил через огороды к дальнему лесу.

Друзья быстренько сбегали за лошадьми и сели славному гридню на хвост.

Выследить свей оказалось делом нехитрым, поскольку тот чесал по лесной тропе прямо к цели, не заморачиваясь такой мелочью, как запутывание следов.

Повихляв километров десять по молодому лесу, тропа вывела варягов на крутой речной бережок.

Здесь, на живописной круче над Десной, стояла крепкая изба с конюшней и невысоким заборчиком. На лугу паслись стреноженные лошади, в одной из которых легко опознавалась Фарландова.

Здесь же, на лугу, играли в догонялки две кренделехвостые собачонки. Еще одна шавка дрыхла под забором.

Кому принадлежала избушка, можно было догадаться без особых умственных усилий.

Разбойничьи лаечки не выглядели бдительными сторожами, тем не менее варяги не поленились обогнуть усадьбу, зайти с подветренной стороны и залечь на бугорке, в зарослях малины.

Через часок из дому в голом виде вывалили двое его обитателей и отправились купать лошадей. Место было удобное: сверху к реке сползал желтый песчаный язык. Тут же лежали кверху днищами две узкие лодки.

Все три шавки увязались за людьми, но подобраться поближе варяги не рискнули. Впрочем, информацию о численности противника они получили, когда обитатели избы вместе с черниговским гостем выбрались во двор пообедать.

Разбойников оказалось четверо.

Смоленского десятника Свейни среди них не было.

Узнав, что требовалось, друзья со всей осторожностью покинули наблюдательный пункт, отъехали километра на три и затаились у тропы.

Духарев был уверен, что возвращаться Фарланд будет тем же путем.

В ожидании «клиента» варяги перекусили пирогом с печенкой, запивая его родниковой водичкой. Затем Духарев отправился вздремнуть, а Устах встал на стражу.

Они успели дважды поменяться, прежде чем, уже на закате, появился Фарланд. Беспечный свей рысил, как через свой собственный двор: кольчуга в сумке, голова не покрыта.

Духарев неторопливо выехал из чащи, остановился.

Фарланд сразу все понял, цапнул рукоять меча...

Но над его головой уже парил печенежский аркан.

– Пошел!

Конь Устаха рванул в галоп, и свей бескрылой птичкой-пингвином вылетел из седла.

Духарев перехватил его лошадь.

Устах проскакал мимо, волоча за собой цеплявшегося за аркан свей. Топот копыт удалился и снова приблизился: варяг вернулся. Когда он остановился около Сереги, гридень Фарланд уже не пытался уцепиться за стянувший горло волосяной аркан. Потому что был мертв.

Устах аккуратно свернул аркан и приторочил к седлу. Вдвоем с Духаревым они подняли покойничка и заправили его ногу в стремя. Длинное стремя, не укороченное, как у варягов и степняков.

Духарев хлестнул лошадь по крупу, и животное, кося испуганным глазом, припустило домой. Труп волочился по земле, отсчитывая мертвой головой все корешки и камешки.

– Ну? – спросил Устах.

– Хочешь сказать: их всего четверо?

– Ну!

– Ну так поехали! – ухмыльнулся Серега.

– Возможности две, – рассуждал Духарев, покачиваясь в седле. – Ударить с ходу или подкрасться незаметно.

– Собачки, – напомнил Устах, ехавший сзади.

– А если чесноком натереться? Или барсучьим жиром?

– Ты сначала барсука схить, – посоветовал друг.

– Да, понятно. Значит, с ходу? А если запрутся?

– Пошумим – выбегут!
– Да, скорее всего. Наглые.
– А кого им бояться? Смердов, что ли? Это же не наши кривичи-охотники. Здесь народ тихий.
– Тоже верно. Значит, решено? С ходу.
– Не с ходу, а сначала оглядеться надо, – возразил Устах. – Давай прибавим, а то стемнеет.

Из открытого продуха^[28] курился дымок. Кушать готовили господа разбойнички.

По этому поводу все три пустолайки, вместо того чтобы, как положено, охранять территорию, вертелись у крыльца.

Дверь открылась. Появился мужик с двумя кожаными ведрами. Безоружный, только нож на поясе.

Одна из собачек увязалась за ним, остальные попытались проникнуть внутрь, но были с позором изгнаны.

– Берем? – спросил Серега.

– Угу. Когда возвращаться будет.

Показался разбойник с полными ведрами. Взобрался по песчаному языку, перехватил ведра в одну руку, пописал сверху, попутно наслаждаясь закатом. Закат и впрямь был красивый. Для некоторых – последний...

Шавки с брехом кинулись к всадникам – и порскнули в стороны, подальше от лошадиных копыт.

Любитель заката уронил ведра, заорал истошным голосом. Одной рукой придержал портки, другой выхватил нож. Герой! Лучше бы в речку прыгнул. Пронесшийся мимо Устах выбросил руку с мечом – и «герой» полетел с откоса.

Духарев махнул через забор и лихо, прямо с седла сиганул на крыльцо. Почти месяц этот приемчик осваивал. Освоил. Но сейчас едва не грохнулся – из-под ноги с визгом метнулась собачонка.

В доме царила идиллия. Один разбойничек лежал на лавке и считал мух, второй, «вооруженный» большой деревянной ложкой, кухарничал. Третий топориком рубил дровишки. Появление Духарева восторгов не вызвало: топорик немедленно полетел ему в лоб. Серега пригнулся, чтобы не мешать красивому полету.

В укоризну разбойничкам следует отметить, что они не стали спрашивать гостя, кто да откуда, а, похватав что подвернулось, невежливо, скопом кинулись на него. Решили, видно, что раз неожиданный гость один-одинешенек...

Последнее, впрочем, для них не имело ровно никакого значения. Когда, минутой позже, в избу ворвался Устах, веселье уже закончилось. Варягу осталось только хмыкнуть и вытереть подвернувшимся рушником меч.

Трупы погрузили в лодку и отправили вниз по реке.

Поужинали разбойничьей похлебкой. Собачек тоже не обидели. Лаечка – не боевой пес. Кто ее кормит – того и любит.

Плохо было одно: в запале всех разбойников побили насмерть. А лучше было б хоть одного живьем взять. Да поинтересоваться, когда вернутся его дружки.

* * *

В избе они прожили еще три дня. Два – как на курорте: никто не беспокоит, погода отличная, третий – хуже. Во-первых, зарядил дождь, во-вторых, из Чернигова появился гость. Тот самый свей, которого Серега на пиру маленько попинал.

Приехал болезный, ну прям как к себе домой. Примотал поводья к столбу и ввалился в избу без стука.

Ну и удивился же он, увидав новых квартирантов! Целую минуту стоял, сопли жевал да рот открывал-закрывал, как первогодок, пойманный за дробкой на устав караульной службы.

Варяги дали ему возможность наудивляться сполна, но когда свей сделал попытку удрать, попытку эту безжалостно пресекли.

Далее имела место небольшая приватная беседа, в результате которой была получена следующая информация: в черниговском Детинце маленько обеспокоены. Сам князь Рунольт пробудился от многолетней дремы и лично опросил каждого из своих дружинников: что же такое происходит? Сначала тур приканчивает Бьярни. Потом ни с того ни с сего режет вены Бердяк. И в довершение лошадь приволакивает Фарланда с разбитой башкой. Ну, допустим, тур есть тур. С ним шутки плохи. Ну, допустим, угр всегда был с придурью, а Фарланд – неважным наездником. Каждая смерть в отдельности не вызывала подозрений. Но три подряд!

Не выяснив ничего путного у дружины, Рунольт послал за жрецами: может, кто из богов на братву обиделся? Оказалось, да. Обиделись. Причем все сразу. И все с трогательным единодушием желают внеплановых подарков.

Рунольт, лентяй, но отнюдь не дурак, от такой жадности озверел, жрецов выгнал взашей. Вспомнив, что сам – верховный жрец, собственноручно зарезал трех стареньких рабов у Перунова идола. Засим разослал дружинников искать по лесам настоящего ведуна. Вот в рамках этих поисков и решил свей наведаться в разбойничью избушку. И выяснить, что дальше делать? А то он, несмотря на присягу, хоть сейчас готов разобраться с этим жирным варягом Рунольтом! Вот ведь жадюга: воспользовался княжьим правом и присвоил себе имущество всех троих погибших. А это ж такая прорва денег! Рази ж какой-то Рунольт имеет больше прав на наследство, чем старый кореш и поделеньник усопших?

Варяги ему пособолезновали. Устах даже настолько расчувствовался, что оставил бедняге второе ухо. Только вот беда, вошканье князя черниговского их совсем не интересовало, а ничего путного по поводу своих пока еще живых корешей, отсутствующих разбойников, свей сообщить как раз и не смог. Грабитель уехали, это понятно. А когда вернутся – только они сами и ведают.

Смертельно обиженного свей Устах «подарил» Перуну. С просьбой поспособствовать им, а не черниговским безобразникам. Варяг полагал, что даже один сочный, пусть даже непутевый гридень на весах перетянет трех чахлах холопов, прирезанных Рунольтом. Серега не возражал. Не видел оснований препятствовать другу в отправлении религиозных «надобностей», тем более что свей так и так следовало прикончить.

Внял ли Перун его просьбе или нет, сказать трудно. Но в полдень следующего дня прикормленные собачки залились лаем, встречая появившихся на опушке всадников.

Разбойников было семеро, и возвращались они не порожняком. За последним, на веревочке, тянулись гуськом пленницы. Вид у них был унылый.

Зато сами разбойнички выглядели отлично. Морды румяные, кони сытые, доспех так и горит на солнце.

Передовые уверенно въехали во двор.

– Эй! – гаркнул один, вскинув руку. – Что не встречаете?

Ответ последовал немедленно. В форме тяжелой бронебойной стрелы, пробившей кольчужную сетку у него под мышкой.

К сожалению, второй, Серегин, выстрел был не столь удачен. Стрела лишь оцарапала панцырь^[29].

Разбойники моментально посыпались с коней и присели по ту сторону

забора. Связанные пленницы от рывка попадали на землю и заголосили.

– Пепел... – пробормотал Серега, опуская лук.

– Ты чего? – изумился Устах.

– Там Пепел!

– Вот те раз! – удивился друг. – И верно, Пепел!

Несколько лошадей, оказавшихся внутри ограды, метались по двору, а серый боевой конек Духарева, потерянный четыре месяца назад у днепровских порогов, спокойно стоял в проеме ворот и даже ухом не вел.

В окно влетела стрела и с хрустом ударила в противоположную стену. Разбойнички опомнились. Но мечущиеся лошади мешали им стрелять точно так же, впрочем, как и варягам.

– Облачайся, – сказал Духарев. – От перестрелки толку не будет.

Но еще одну стрелу выпустил. Чтобы ребятишки не думали, что в доме спят.

Устах надел доспехи и занял место у другого окна. Но не стрелял.

Лошади подуспокоились. Стало слышно, как рыдают пленницы.

Разбойники не спешили атаковать. Засели за забором, переговаривались негромко.

– Что-то скучно, – заметил Духарев.

– Скучно, – согласился Устах.

– Пойдем, что ли, разомнемся?

– Можно, – синеусый варяг отложил лук, поднял удлиненный щит, бычьей кожи, с красивыми бронзовыми заклепками.

Вдвоем они появились в дверях.

Единственная стрела ударила в щит Духарева и застряла в нем, мелко вибрируя.

– Ну что, биться будем или по кустам сидеть? – зычно выкрикнул Устах.

Плечо к плечу они спустились с крыльца. Щиты держали низко, оберегая ноги.

Разбойники, впрочем, стрелять не стали.

– Это что ж, вы сам-двое? – осведомились из-за забора.

– А ты что же, до двух считать не умеешь? – весело спросил Духарев.

Шестеро разбойников, как по команде, вынырнули из-за ограды и гурьбой устремились к варягам мимо Пепла, по-прежнему стоявшего в воротах с независимым видом.

Опередивший других разбойник вскинул щит, намереваясь врезаться с разбега, но варяги расступились. Бегун пролетел между ними и споткнулся об Устахов клинок. Все, отбегался.

Щиты вновь сомкнулись. Духарев и Устах одновременно шагнули вперед. Сергей сильным ударом отшиб в сторону щит второго разбойника и уколол его в бедро. Разбойник отшатнулся, налетев на того, кто бежал сзади, потерял равновесие... Устах, с широкого замаха, хлестнул мечом. Брызнули пластинки панцыря, разбойника отнесло в сторону. Третий безобразник широко открыл рот. Может, голосом пугнуть решил? Только вместо крика изо рта выплеснулась кровь. Варяжский клинок прорвал броню и крепко попортил парню легкие. Серега повернул меч и рывком выдернул из раны, одновременно выбрасывая щит навстречу чужому топору. Не очень удачно. Тяжелый топор просек край Серегина щита. Хорошо, только край.

– Здорово, Свейни! – крикнул Духарев, отвечая проворному нурману косым ударом понизу.

Бывший десятник смоленский ушел прыжком. В новой атаке на Духарева навалились уже двое.

Ловкий нурман махнул топором, но применил хитрость: зацепил Серегин щит выемкой секиры и изо всех сил рванул на себя. Таким маневром он рассчитывал сбить варяга с ног или хотя бы «распечатать», подставив под удар напарника.

Только Серега в ловушку не попался. Щит легко соскользнул с его руки. Не рассчитывавший на такую легкость Свейни едва не грохнулся на спину, а второй разбойник, уже замахнувшийся во всю ширь, домахнуть не успел. Духарев с двух рук полоснул его по животу. Кольчуга лопнула под булатным клинком, и разбойник с воем повалился на траву. Духарев перепрыгнул через него и обрушился на Свейни. Тот прикрылся щитом. Противники закружили, выжидая удачного момента. Первым его углядел Духарев. Он взмахнул мечом, а когда нурман поднял щит, Духарев подпрыгнул, оттолкнулся ногой от нурманова щита... и в два прыжка оказался там, где Устах отчаянно отбивался сразу от троих. Взмах – и еще одна лихая голова спрыгнула с плеч. Взмах – и разбойник, уже отпробовавший сегодня варяжского меча, забился на земле, орошая ее кровью, хлещущей из обрубка ноги.

Духарев уловил за спиной топот и резко отпрыгнул в сторону. Свейни проскочил мимо. Серега ударил его вдогон, по спине, но броня у нурмана была хороша. Не поддавалась, только звон пошел.

Однако мало вожаку разбойничков не показалось. Когда нурман развернулся навстречу Сереге, рот его кривился: больно все-таки! Соболезнований от варяга он не дождался. Клинок Духарева запорхал в воздухе, заставив нурмана проявить все свои способности, чтобы

немедленно не отправиться в Валхаллу. А поскольку орудовать мечом легче, чем боевым топором и щитом одновременно, то через пару минут нурман уже дышал, как больная лошадь.

Любому воину хорошо известно, что выносливость нередко побеждает мастерство.

Сообразив, что его берут измором, Свейни швырнул щит в ноги Духарева и нанес варягу такой удар топором, отразить который невозможно.

Зато от него можно было уклониться, что Серега и сделал.

А Устах тем временем прикончил своего последнего противника, и вот уже они опять стоят вдвоем против бывшего десятника. Как когда-то на рыночной площади города Смоленска.

Только тут не было стражи, которая могла прийти на помощь нурману. И пощада ему тоже не светила. Да он ее и не просил. Бился яростно и умер не с проклятьем, а с именем Одина на кровавых губах.

Пока Устах милосердно добивал раненых, Серега обнимался с Пеплом. Жеребец, вспомнивший хозяина, тоже радовался. И намекал, что не худо бы отметить встречу чем-нибудь вкусненьким.

Девятерых девчонок, оказавшихся сиверянками, варяги распутали, накормили, успокоили как могли.

Любивший прихвастнуть Духарев порывался самолично отвести их в Чернигов, но Устах воспротивился. Он считал, что афишировать свое участие в этом деле – глупость. Иметь в личных врагах ближнего боярина киевского князя – сомнительное удовольствие для двух простых варягов. Свенельд и Роговолт должны быть в курсе происшедшего. А больше никто.

Тем не менее бросить похищенных девочек, самой старшей из которых едва минуло пятнадцать, Сереге просто совесть не позволила. И предложение Устаха отвезти их в Любеч и там продать оптом какому-нибудь доверенному купцу Духарев тоже отверг. Временами им овладевал гуманизм, совершенно не свойственный здешним порядкам и традициям.

Устах в конце концов махнул рукой: делай что хочешь! И Серега отвел девчонок в ближайшую деревеньку. Отыскал старосту, сунул горсть серебра и, ничего не объясняя, велел доставить девочек домой. Доставит, куда денется. А вот если кто попросит старосту описать Духарева, вряд ли узнает что-нибудь путное. Для этих затюканных южных смердов все нурманы-варяги – на одно лицо.

А доспехи разбойничьи они, уже в Полоцке, продали Горазду. Неплохие бабки выручили.

* * *

И у Сергея, и у Устаха было достаточно мозгов, чтобы не хвастать о том, как они ловко управились с черниговскими разбойниками. По приезде в Полоцк доложили о событиях Роговолту, но того больше волновали погибшие в Степи собственные дружинники, чем какие-то черниговские тати. А Свенельду вообще пришлось ждать полгода, чтобы узнать «из первых рук» о происшедшем в соседнем княжестве.

Духарев и Устах приплыли к нему в Родню и были тотчас вызваны к воеводе.

Отчитались. Реакция Свенельда оказалась весьма неожиданной.

– Гром Перуна! – воскликнул победитель уличей, когда Духарев закончил. – Я не пущу тебя в Степь!

– Это почему же? – ошетинился Духарев.

Устах помалкивал. Перечить грозному воеводе, даже не выяснив его мотивов, Серегин друг считал неразумным.

– Потому что нечего тебе попусту гонять по степи. Ты мне и здесь пригодишься.

– Как это попусту? – возмутился Сергей.

– Может, князь уличский полагает, что ты не так хорош в степной войне, как, например, я? – с усмешкой предположил Устах.

Духарев фыркнул. Устах сумел достаточно деликатно обратить Серегино внимание на то, что воевода собирается «не пустить в Степь» не их двоих, а одного Сергея.

– Я полагаю, что твой друг слишком хорош для степной войны, – заявил воевода. – У меня довольно умелых на руку гридней. И не так много тех, кто так же ловко использует и ум, десятник Устах! – Он повернулся к Духареву. – Ты, Серегей, мыслишь не так, как я. И не так, как мои бояре. Но ты попадаешь в цель, и вижу я: будет от тебя немалая польза.

И прежде, чем Духарев успел переварить услышанное, воевода спросил напрямик:

– Будешь служить мне?

Серега ответил не сразу. Переход дружинника от одного батьки к другому не был редким явлением. Но обычно на то была серьезная причина. Беготня из дружины в дружину здешней воинской кастой не

поощрялась.

– Я уже присягнул Роговолту, – напомнил Духарев.

– Я попрошу за тебя. Он мне не откажет! – заявил Свенельд.

– В Полоцке – мой дом...

– Продай! – тут же отреагировал воевода. – Я двор подарю тебе в Киеве.

Вот это было уже серьезное предложение. Слада примет любое решение мужа, но тут Серега даже не сомневался в полном одобрении жены. Ха! В Полоцке и трех дюжин христиан не наберется. И если исключить Серегу и его семью, всё люди мелкие. А в Киеве – храм! В Киеве крепкая община, где не только челядь, нищие да пришлые, а немало и богатых, что с ромеями торгуют, есть и дружинники, и люди уважаемые. Там такой беды не выйдет, как год назад в Витебске, когда они сына крестить ездили. И если с Серегой что случится, Сладу обидеть не дадут за то лишь, что христианка.

С другой стороны, в Полоцке ее и так не позволят обидеть: хоть христианка, хоть нет. В Полоцке они – уже свои. Там все – под князем, и если князю люб – значит, и всем полочанам. А Киев... Тут постоянные разборки. Как в вольном Новгороде. Но ильменьские повздорят – дубинками помашут, пару голов разобьют – и опять «мир, дружба, жвачка»! А в Киеве, блин... Нурманов – полон Детинец. Каждый норовит в три горла жрать. А князь – еще почище нурманов. Да еще Скарпи этот...

– Думаю, что в Киеве многие меня не очень любят, – сказал Сергей.

– Меня тоже, – мгновенно парировал Свенельд. – Многие, но не все. Скажу тебе, варяг: в твоём Полоцке мне было бы скучно. Что там у вас происходит? Да ничего! Раз в год с плесковичами схлестнетесь или жмудь дикая нагрянет! Вот и все события. А здесь – весь мир многоязыкий рядом. Здесь сильному любо, варяг! Покажешь себя – через год сотником станешь!

Но Сергей еще колебался. Нет, он отлично понимал, что Свенельд прав. Нынче здесь, на юге, закладывалась основа будущего государства. Воевода об этом только догадывался, но Духарев-то знал точно!

И все-таки он колебался. Может быть, он был еще не готов...

– Всё! Я слово сказал! – объявил Свенельд. – Идешь ко мне в дружину?

Серега поглядел на Устаха – друг отвернулся. Правильно, это должно быть его собственное решение. «Если ум молчит – прислушайся к голосу сердца». Ум-то как раз говорил «да». А сердце...

– Можно, я подумаю? – попросил Сергей.

– Сколько? – мрачно спросил воевода. Он сделал предложение, на

которое даже полный дурак должен ответить «да». А этот полоцкий умник говорит: «Я подумаю».

– До... – Серега запнулся... Затем сказал твердо: – До осени. А пока я бы хотел вместе с ним, – кивок в сторону Устаха, – в Степь.

Свенельд поморщился.

Сереге показалось: сейчас воевода пошлет его к нехорошей матери.

Не послал.

– Добро, – сказал он. – В Дикое Поле. Десятником. До осени. Если живой будешь.

Но прежде Дикого Поля Серега, вместе со Свенельдом, все-таки сплавал в Киев.

* * *

За год стольный град на днепровских кручах еще более разросся, расползся вширь от белых городских стен. Лодок и лодий у берега было множество, места у пристаней не нашлось, и Свенельдову кормчему пришлось вытолкнуть лодью прямо на белый песок, между рыбачьими посудинами. А приди они на пару недель раньше, до того как ушел вниз по Днепру княжий караван и присоединившиеся к нему торговые гости, и этого малого места не отыскалось бы.

Оповещенные загодя воеводины люди встретили лодью. Дружине подали коней. Духареву коня не досталось. Но о нем тоже не забыли. Свенельдов челядник, шустрый малый, отвел Серегу на один из воеводиных дворов, распорядился насчет завтрака и пожелал приятного отдыха.

Долго отдыхать Сереге не пришлось. Прискакал посыл от Свенельда.

Воевода желал видеть полоцкого варяга Серегея. Немедленно.

Для Духарева оседлали кобылку, и он, вслед за посыльным, отправился наверх, на Гору.

У крепких ворот оцетинились копьями дружинники в полной броне.

– К воеводе, – небрежно бросил посыл, и копия опустились.

– Это чьи? – вполголоса спросил Духарев. – Княжьи?

– Княгинины, – ответил посыльный.

У крыльца тоже стояла стража. Но эти, видно, были уже предупреждены и сразу расступились.

Посыльный сам проводил Духарева наверх.
У этих дверей стояли отроки Свенельда. Серегу они знали.
– Заходи, – сказали ему. – Тебя ждут.

Великой княгине Ольге давно минуло сорок, но ее все еще можно было назвать красивой. Но точнее было бы назвать величественной. А взгляд у нее был – как прикосновение холодной стали.

Ходили слухи, будто она – побочная дочь славного Олега. Не то с чего бы тот повенчал со своим преемником никому не известную девчонку из Плескова? Ну да, потом из сопливой малолетки выросла настоящая красавица, но мог ли об этом догадываться старый князь? Хотя, может, и мог. Не зря же варяги и славяне звали князя Вещим, а нурманы, по созвучию, – Хельги, Святым. Что, собственно, тоже означало – Вещий.

На столе перед великой княгиней киевской стояла золотая ваза с фруктами – виноградом и персиками. Серега знал, что фрукты тут – редкость. Дорогая редкость. Персиков он здесь вообще никогда не видел.

– Здравствуй, варяг.

Киевские князья, и Олег, и Игорь, держали для охотничьей забавы пятнистых пардусов: длинноногих гепардов и мускулистых тяжелых леопардов с широкими когтистыми лапами.

Голос у княгини – как прикосновение такой лапы: веский, низкий, мягкий... Но чувствовалось, что втянутые когти могут в любой момент...

– Здравствуй, княгиня!

Сергей поклонился. Ниже, чем обычно.

Но шлема не снял.

Честно говоря, он просто не знал, каковы правила общения с великими княгинями.

Ольга разглядывала его с интересом. Но в этом интересе не было ничего личного. И ничего женского. Так смотрят на меч. Прицениваясь.

Пауза затянулась. Молчание нарушил Свенельд.

– Расскажи княгине, варяг, что вы с другом сотворили в Чернигове! – пробасил воевода. – И не торопись. Время у нас есть.

Духарев в третий раз изложил события прошлой осени. Но на этот раз воевода не единожды перебивал его, уточняя некоторые детали и заостряя внимание на собственной логике Сергея. Духарев сообразил, что воевода хочет не только ознакомить княгиню с черниговской историей, но и продемонстрировать ей самого Сергея. Серега был не против. Эти двое были действительно сильными мира сего. От них исходил столь мощный запах Власти, что даже такой сильный князь, как Роговолт, превращался

рядом с ними в фигуру второго ранга. Стоило немного постараться, чтобы понравиться таким персонам.

Духарев закончил.

– Угощайся, – княгиня указала на вазу.

Сергея взял персик, надкусил. Персик оказался так себе. Недозрелый.

Ольга внимательно наблюдала за ним.

– Ты уже пробовал эти плоды? – спросила она.

– Да, – сказал Духарев.

– Где?

– Э-э-э... Далеко отсюда.

Лишь одному человеку в этом мире было известно, откуда явился Сергей. Наставнику Рёреху. И посвящать еще кого-то в свою личную историю Духарев не собирался. Не потому, что боялся – не поверят. Здешние как раз поверят, никаких проблем. Но зачем лишний раз объявлять, что ты – чужой? Сергей – варяг. По варяжскому закону воин, вступивший в военное братство, как бы рождается заново. Он может сохранить свое прошлое, а может и «забыть» его. И в этом случае выспрашивать варяга о том, кем он был раньше, считается нетактичным. «Закон признаешь? Перуна уважаешь? В сече крепок?» Остальное – твое личное дело.

Прирожденный варяг Свенельд это правило знал. Дочь варяга и жена варяга княгиня Ольга – тоже. Конечно, ей было любопытно, но развивать тему она не стала. Вместо этого сделала неожиданный вывод:

– Хочешь своего Скарпи заиметь, воевода?

Услышав имя «Скарпи», Сергей нахмурился... А Свенельд ухмыльнулся.

– Хочу, – признал он. – Ты поняла.

– У твоего гридня не нурманская хитрость, – заметила княгиня. – Он мыслит как ромей.

– Ты так полагаешь? – воевода с сомнением поглядел на Сергея.

Ольга поглядела на персиковую косточку и не удержалась, спросила:

– Ты служил ромеям, варяг Сергей?

– Нет! – твердо ответил Духарев.

– Бою его варяг учил, это точно! – добавил Свенельд. – Ты все еще считаешь, что великому князю незачем знать о воровстве своего боярина?

– Мой муж не отдаст Скарпи, – ответила Ольга. – Скарпи ему нужен.

– Чтобы противостоять тебе?

– И тебе.

– Но закон, Правда нарушена?

– Ну и что? – Княгиня полюбовалась изумрудом на одном из своих перстней. – Мой муж и так знает, что Скарпи – нурман. И закон нурмана: «Бери все, до чего можешь дотянуться», – он тоже знает. Ничего нового ты ему не расскажешь.

– Значит, великий князь нам поверит!

– Ну конечно! Только одно дело – поверить, а совсем другое – признать это прилюдно. Прилюдно он скажет, что твой варяг лжет. – Она уронила руку на колено. – А что ты сможешь сказать ему, варяг?

– Я скажу: пусть боги рассудят, кто прав! – тотчас ответил Духарев.

Княгиня вновь перевела взгляд на Свенельда.

– Твой варяг настолько хорош? – спросила она.

– Не уверен, – с сомнением ответил воевода.

– Я надеюсь, ты не думаешь, что богов действительно беспокоит такая мелочь, как ваш спор? – вновь обратив взгляд на Духарева, осведомилась Ольга.

– Нет, я так не думаю, – мрачно сказал Духарев.

– Скарпи – отличный боец, – заметила княгиня. – И он – ближний боярин князя. Ты ему не ровня.

– По Правде он должен ответить, – возразил Сергей.

– Это верно, – подтвердил воевода. – Может, рискнуть?

– Не стоит. Я знаю своего мужа. Если он сочтет, что его боярину не победить, он не разрешит тому биться. По Правде Скарпи не обязан биться сам. Он может выставить бойца. И, учитывая важность решения, я даже знаю, кто будет этим бойцом.

– Кто?

– Асмуд. Я же сказала, что знаю своего мужа.

– А-а-а... Тогда нет смысла.

Духарев вопросительно поглядел на воеводу. Для него «Асмуд» было всего лишь именем.

Но великие не снисзошли до объяснений.

– Значит, забудем, – резюмировал Свенельд.

– Да, – кивнула княгиня. И, обращаясь к Духареву: – Ты мне понравился, варяг. Но ты слишком высоко себя ставишь для того, чье время брить голову еще не пришло^[30].

– Оно придет, – сказал Свенельд. – Если его не найдет печенежья стрела этим летом.

Княгиня тонко улыбнулась.

– Мнится мне, что печенежья стрела – не единственное, что ему угрожает. Ты ступай, варяг. Пусть Перун сделает твой меч непобедимым –

и мы еще увидимся!

Сергея поклонился низко, а когда разогнулся, Свенельд и Ольга уже о нем забыли. Они глядели друг на друга, и глядели так, что Сергей понял то, о чем лучше не говорить вслух, чтобы не накликать большую беду.

Поэтому он тихонько вышел из светлицы и тихонько закрыл за собой дверь.

Напоследок Свенельд сделал Духареву воистину княжеский подарок: отдал ему в десяток Машега и Рахуга. Но оценил этот подарок Сергей только тогда, когда увидел «белых» хузар в деле. Вот тогда он и понял, что воевода действительно желает заполучить Духарева в свою дружину. Отдать таких воинов простому десятнику – все равно что прикрепить к какому-нибудь отделению пехоты, возглавляемому сержантом-срочником, персональный вертолет огневой поддержки. Такое могло случиться только в одном случае: если этот сержант существенно ценней вертолета. А поскольку высокая «ценность» благородных хузар была очевидна, то Сергей немедленно возгордился. И было с чего.

Глава двенадцатая, в которой снова – соляной тракт. Чумаки

Оп-па! Сергей привстал на коротких стременах, прикрылся ладонью от солнышка... Точно, пыль! А поскольку пыль сама по себе так высоко поднимается редко, то, определенно, кто-то катит навстречу.

Серега повернул лошадь, порысил вниз, поднял две скрещенные руки: стой.

Увидели. Остановились. Знаками Духарев показал: двое – ко мне, остальным – ждать. Соскочил с лошадки, размял ноги, заодно проверил амуницию. В порядке амуниция: ножны гладкие, стрела из колчана сама выскакивает. Может, стоит ребятам уйти с дороги в Степь? Так ведь табун все равно в траву не положишь. Черт с ним, с табуном! Но – раненые?

Пока он раздумывал, подскакали товарищи. Машег и Гололоб.

– Чего там? – с показной ленцой осведомился Гололоб. – Опять степняки?

– Кто-то едет, – Сергей взобрался на Пепла, а заводную хлопнул по крупу, чтобы отошла.

Машег уже взлетел на взгорбок, не останавливаясь, поскакал вниз. С макушки наблюдать лучше, но и сам наблюдатель заметнее.

Духарев и Гололоб нагнали его через минуту.

– Вozy идут, – спокойно сказал Машег.

Серега прищурился: ни хрена не видать. Как глазастый хузарин ухитрился определить, что – возы? По пыли, что ли?

– По пыли, – подтвердил Машег. – Верховые по-другому пылят.

Нельзя сказать, что встреча с торговым караваном не сулила никакой опасности. Иной купец, что путешествует с сильной охраной, при случае не откажется присвоить имущество более слабого коллеги. Или присоединить к своей челяди еще десяток рабов.

– Проверить надо, – сказал Гололоб.

– Проверим, – согласился Машег и пустил коня легким галопом.

Боевой конь у хузарина был знатный, поджарый, мускулистый, зад широкий, а голова – махонькая, аккуратная. В скачке этот конь с легкостью доставал Пепла.

Правда, у Пепла и всадник был килограммов на тридцать тяжелей.

Машег оказался прав. Действительно, возы.

И никакой охраны. Человек двадцать смердов, дюжина тяжело

груженных телег. Соль.

На всадников чумаки^[31] поглядели настороженно, но поздоровались.

Сергей с Машегом отъехали в сторону, предоставив говорить Гололобу. У высоченного Духарева был уж очень грозный вид. А Машег, наоборот, был с виду совсем не страшен. Хотя для понимающего человека хватило бы разок взглянуть на выгнутый наружу лук хузарина, чтобы усомниться в его безобидности.

Минут через пять Гололоб подъехал к своим, а чумацкие возы поскрипели дальше.

«Ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знаем!» – передразнил солевозов Гололоб.

– Думаешь, врут? – предположил Духарев.

– Может, и врут. А может, и впрямь этой дорогой теперь никто, кроме них, не ездит. И баб с ними нету, – добавил он с огорчением.

Машег засмеялся.

– Поскачу к нашим, – сказал Гололоб. – Скажу: можно двигаться.

Он развернул коня, обогнал возы, перевалил через пригорок. Поднятая пыль повисла в неподвижном воздухе. Духарев и хузарин остались вдвоем.

– Что-то мне в этой ситуации не нравится... – пробормотал Сергей.

– Ты о чем, старшой?

– Не нравится мне что-то, а что – понять не могу.

– Они нас видели, – флегматично произнес Машег.

– Ну не убивать же их теперь?

– Можно и убить. Догнать?

Светлые, широко посаженные глаза его на загорелом лице – как прозрачные лужицы. Кивни Духарев – и через пару минут возчики будут мертвы.

– Мы не нурманы, – сказал Сергей.

Машег неотрывно глядел вслед возчикам. Если бы выбор предоставили ему, он бы не колебался.

Но Духарев так не мог. Хотя и понимал: оставить чумаков в живых – значит, рискнуть жизнями своих друзей. И все равно он не мог убивать людей просто из осторожности. Даже в этом мире, где жизнь смерда стоила столько же, сколько хорошая лошадь. Или вообще несколько. Один щелчок тетивы, один взмах меча... И все – по Правде, черт возьми!

– Поехали, – отрывисто бросил Духарев. – Чему быть, того не миновать!

Глава тринадцатая

Сон

Устах отобрал у чумаков телегу. Возможно, это была ошибка. Такая же, как то, что возчиков оставили в живых. Но телега была нужна для раненых. Волон, правда, отдали хозяевам. Вместо них запрягли пару лошадей. Потеряли больше часа, пока переделывали упряжь.

Вопреки ожиданиям, раненный в бок Вур чувствовал себя неплохо, а вот парню с продырявленным плечом становилось все хуже. Из-за него пришлось остановиться на ночлег до захода солнца и развести костер. Устах поил его целебным настоем и дал макового отвару, чтобы уменьшить боль.

А спасенный парс к вечеру совсем ожил. Бормотал что-то по-своему, а потом взял да сунул руки в огонь. И продержал в пламени почти десять ударов сердца. Видевшие это Понятко и Шуйка так и ахнули. Понятко схватил ладонь парса. Множество подживших царапин, алое пятно татуировки посередине... И никаких следов ожога.

– А еще так сможешь?

Парс криво улыбнулся и снова сунул руку в костер.

– Как ты это делаешь? – жадно спросил Понятко.

– Ты не поймешь, – сказал парс.

– Глянь-ка, – сказал Сереге Устах. – Что там твой полонянин творит?

Они присели на корточки у огня.

– Ну-ка, еще! – потребовал Устах.

Парс в третий раз коснулся огня.

– Видел я, как на углях пляшут, – заметил Устах. – Такого еще не видал. Что ж ты, чародей, печенегам так просто дался?

– Так вышло, – спокойно ответил парс. – Я не чародей.

– А кто?

– Ясновидец. Ведун по-вашему.

– Ведун, ведун, а степнякам попался! – засмеялся Шуйка.

– Язык придержи, – одернул Устах.

– Не слушай его, – сказал варяг, обращаясь к парсу. – Молодой, дурной.

Серега пододвинул к себе чье-то седло. Не умел он долго – на корточках.

Парс через огонь глядел на него. Морда ободрана, одежда с чужого

плеча, суший бомж. Но взгляд – как у рыси.

– Что уставился? – с нарочитой грубостью бросил Духарев.

Ведуны, колдуны... Что чувствуют они в нем такого, что одни сразу заискивать начинают, а другие посохом огреть норовят.

Парс вместо ответа еле заметно подмигнул подбитым глазом. Мол, мы-то с тобой знаем...

Духарев на людях выпрашивать его не стал. Еще наболтает лишнего. А командир должен об авторитете заботиться. И о деле.

– В карауле сегодня Чекан, Гололоб, Рахуг и Щербина, – распорядился он. – Всё. Костер гасить и спать.

И ушел, не дожидаясь выполнения команды. Хороший командир и мысли не допускает, что его распоряжения пропустят мимо ушей.

К середине ночи раненному в плечо стало совсем худо. Он бредил, выкрикивал незнакомые имена, звал родовичей. От его криков Серега просыпался раз шесть. Вдобавок и снился ему какой-то кошмар. Голый человек, привязанный к четырем вбитым в землю кольям. Вокруг – черные тени в печенежских шапках. Серега видел все как будто сверху. И очень отчетливо. Распятый на земле был избит. На безволосой груди – сизая татуировка: две когтистые птичьи лапы. Какого он роду-племени – Серега во сне определить не мог. Ясно только, что не славянин и не из скандинавов.

Привязанного пытали. Без особых изысков – раскаленным железом. Пытуемого Серега видел очень ясно, а вот палачи выглядели смутными тенями. У них были отрывистые угрожающие голоса. Привязанный сначала не говорил ничего. Только вопил, когда жгли. Серега видел, как он извивается, как дергаются птичьи лапы на блестящей от пота груди. Не только видел, но даже обонял вонь паленого мяса... Тот, кого мучили, внезапно разразился длинной торопливой речью. Серега не понял ни слова, но понял, что человек сломался. И точно. Мучить его сразу перестали. Тени-палачи расступились.

Вот этого Серега видел так же отчетливо, как и голого. Широкоплечий, смуглый, увешанный золотом. Черная борода главы палачей был заплетена в тонкую косицу. Но даже с этим сомнительным украшением он выглядел властно и устрашающе. Пленник, трясаясь и поскуливая, произнес короткую речь. Серега, не понимая смысла, тем не менее ощущал, что голый говорит о нем, Духареве. Серега протянул длинную-длинную руку, взял пленника за горло... Но восковые пальцы не сжимались, и пленник продолжал говорить.

Властному речь понравилась. Пленника освободили, мазали ожоги каким-то вонючим жиром. Пленник кричал...

Сергея проснулся, сел. Дурной сон все еще стоял перед глазами, Духарев помотал головой, отгоняя кошмар, огляделся...

Светало. Раненый перестал кричать, бормотал что-то жалобное. Рядом с ним сидел Устах.

Что-то мелькнуло в траве. Собачонка. Мышей ловит, бездельница! Вокруг лагеря паслись кони. Трава была влажной от выпавшей росы. Сергей смочил ладони, провел по лицу. Затем подошел у Устаху, присел рядом на корточки:

– Как?

Вместо ответа его друг размотал повязку. Края раны почернели, от нее шел дурной запах.

Устах провел указательным пальцем по горлу.

– Дай ему день, – попросил Духарев. – Может, выправится?

Синеусый варяг кивнул.

– Поднимай бойцов, – сказал Сергей. – Тронемся пораньше. Как-то мне... беспокойно.

«Рассказать ему сон? Ладно, еще успеется».

Выяснилось, что ночью парс смылся. Сергей напустился на часовых: кто прохлопал?

Но за караульных вступился Машег, напомнил:

– Он же чародей. Глаза отвел. Пускай. На что он нам?

– Да, – поддержал хузарина Устах. – Сбег – и хорошо. Без него спокойней.

Сергей так не считал. У него имелись к сбежавшему кое-какие вопросы. Но и друзья были в чем-то правы. По крайней мере, он их понимал.

Позавтракали наскоро, собрали коней, двинулись. По утреннему холодку ехать было – одно удовольствие.

Духарев с Машегом ускакали далеко вперед. Холмы кончились. Степь до самого горизонта была ровная, как море в тихую погоду. Ровная и безлюдная. И степь, и дорога. Сергей расслабился. Наслаждался спокойствием, ровным движением коня, размышлял... В общем, из дозорного стал путешественником. С Машегом такое можно себе позволить. Хузарин зорче и опытней.

– Сергей, у тебя жена из каких болгар, волжских или дунайских? – спросил Машег.

– Из дунайских.
– Хорошего рода?
– Да.
– Тогда ничего, – кивнул хузарин.
– В какого смысле – ничего?
– У вас, христиан, одна жена. Законных сыновей только она рожает. Коль благородной крови женщина, значит, и сыновей родит добрых.
– Одного уже родила, – Серега невольно улыбнулся. – А у тебя, Машег, сыновья есть?
– Есть. Шестеро. Законных.
– Сколько-сколько?
Хузарин засмеялся:
– Мы, Серегей, народ избранный. Нам можно и больше одной жены иметь. Мой первенец родился, когда мне шестнадцать зим миновало. А первого врага я убил в двенадцать! – добавил он с гордостью.
Однако!
– И кто это был?
– Разбойник. Мы с братьями в волжских протоках уток били, а тут они. Я его стрелой убил, – добавил Машег не без гордости. – В глаз.
– А вас сколько было? – спросил Духарев.
– Два брата и я. Но братья – старше. Большой меня тогда на два года старше был.
– А разбойников сколько?
– Пятеро, – и уточнил с огорчением: – Один ушел. Там тростник. Сыскать трудно. Отец после нас сильно ругал.
– Ага... Понятно.
Трое пацанов, старшему из которых – четырнадцать, нечаянно наскочили на пятерых вооруженных дядек – и получили от батяни выговор, что один из дядек ухитрился смыться. Суровая, однако, семейка.
– А где теперь твои братья?
– Там! – Машег показал пальцем в небо.
Некоторое время ехали молча, потом хузарин спросил:
– Ты ведь не из кривичей, Серегей?
– Нет.
– А из каких ты славян? Какого рода?
– Я варяг.
– Это ясно, – отмахнулся Машег. – Я спросил: какого ты рода?
– Мой род – далеко, – сухо ответил Духарев.
– Ты – изгой?

Духарев покачал головой.

– А как твой род зовется?

– Русские, – машинально ответил Духарев.

Зря.

– Чьи? – удивился Машег. – Княжьей руси данники, что ли?

– Нет. Просто слово похожее.

«И кто меня за язык дергал?» – подумал Серега.

– Мой народ живет очень далеко отсюда.

– За варяжским морем?

– Еще дальше.

– Там, где всегда лед?

– Нет. Но зимы у нас суровые.

– А христиан у вас много?

– Много.

Внезапно Серега сообразил, что Машег спрашивает не просто так, а с некоей целью.

– А почему это тебя вдруг заинтересовало? – спросил Духарев.

– Парс сказал: ты не от мира сего, Серегей. Сказал: ты, может, и не человек вовсе.

Вот поганец!

– И ты поверил? – спросил Серега, стараясь, чтобы вопрос прозвучал иронически.

– Ну... Я подумал: может, ты – ангел? – немного смущенно признался Машег.

– Кто?!

– Ангел. В Книге сказано: прежде сходили ангелы к людям.

– И я, что же, похож на ангела? – ухмыльнулся Духарев.

– Может быть, – твердо ответил хузарин.

– Интересно, чем же я, простой варяжский десятник, похож на ангела?

Теперь засмеялся Машег:

– Как ты смешно сказал: простой варяжский десятник!

Серега не понял, в чем тут юмор, но промолчал.

– Наверное, ты не ангел, – неторопливо произнес Машег.

– Это уж точно! – поддакнул Духарев, но хузарин его реплику проигнорировал и продолжал:

– Но ты не такой, каким хочешь выглядеть. И ты – разный. Иногда умудрен, как старец, а иногда, прости, глуп, как мальчишка. Устах еще говорил: ты ведун. Как ваш прежний великий князь.

– Мой учитель был – ведун, – уточнил Сергей. – Он – не я. Может

быть, чему-то он меня и научил... Но я не ведун, ты ошибаешься. И не ангел.

– Может быть, – согласился хузарин. – Но ведовство – это не наука. Это малый дар пророчества. Хотя и не одаренным свыше могут сниться вещие сны.

– Могут, – согласился Духарев.

Кстати, о снах...

– Машег, тебе никогда не встречалась такая татуировка – вроде двух орлиных лап? – спросил Духарев.

– Не орла, грифа. Где видел?

– Да... видел, – уклончиво ответил Духарев.

– А-а-а, Серегей! – Машег подмигнул. – Я знаю, где ты видел. У диких хузар, что мы побили, да?

– Да, – не стал спорить Духарев. – Она что-то означает?

– Тьфу! – Машег презрительно сплюнул. – Тавро злого духа! Не бойся, нам с тобой он не напакостит!

И добавил что-то по-своему, сопроводив отгоняющим зло жестом.

Серега тоже на всякий случай перекрестился, хотя до сих пор никаких неприятностей от злых духов не знал.

Зато он знал совершенно точно, что ни на одном из убитых хузар он этой татуировки не видел. Только во сне.

Какой из этого вывод?

Обычный. Жди неприятностей.

Тем не менее в этот день они никого не встретили, и вообще сутки прошли без происшествий. И следующие тоже. Если не считать того, что раненный в плечо умер.

Один умер, зато двое других окрепли достаточно, чтобы полный день удерживаться в седле. Чумацкую телегу варяги оставили на дороге. Может, хозяева ее и подберут на обратном пути.

В этот день варяги прошли больше, чем за два предыдущих. А на следующий день выяснилось, что их преследуют.

Глава четырнадцатая

Печенеги

Погоню обнаружил Понятко. Часа за два до вечерней остановки Духарев отправил его прогуляться по их собственным следам. Обычная варяжская практика, заимствованная, кстати, у четвероногих хищников. Если опасаясь погони, сделай петлю и вернись на свой старый след. Можешь получить приличный шанс взглянуть на спины преследователей. Степь, конечно, не лес, в степи не спрячешься, но идея та же.

После походного дня Понятко предпочел бы лежать на травке, жевать орехи в меду и поддразнивать, например, Щербину, совсем шуток не понимавшего, что и придавало занятию настоящий вкус. Но старшой сказал: надо. И Понятко не протестовал. Старшой сказал: дело серьезное. Такое абы кому не доверишь. Либо хузарам, либо ему, Понятке. А это значит, что он, Понятко, может даже с хузарами потягаться. Если не с Машегом, то уж с Рахугом точно. Есть чем гордиться. А ведь Понятко в ватажке – самый молодой. То есть все думают, что самый молодой – Мисюрок. А на самом деле Понятко на год моложе. Просто Мисюрка в Свенельдову дружину отроком взяли, а Понятко – из детских. Отец его у Олега гриднем был, погиб в походе. Мать умерла родами. Понятку дружина воспитала. В шестнадцать лет гриднем стал. И варягом. Свенельд ему лично золотую гривну на шею надел. И подбородок побрил бы, да брить было нечего. Но разве только по усам длинным варяг узнается? Понятко со Свенельдом уличей воевал, с уграми бился, которые своих данников уступать не хотели. Бился честно, за то и воеводой отмечен. И этим горд. Очень уважал Понятко Свенельда. Считал его первым среди воинов. И многие с ним согласились бы. А вот вторым после воеводы Понятко ставил своего десятника, Серегея. Не за владение оружием. Кое в чем, например в стрельбе из лука, Понятко своему десятнику ничуть не уступал. И не за храбрость. В Свенельдовой дружине трусов не было. Был у Серегея редкий дар: чутье на правильное. И разум. И понимание. И еще доброта. Хотя многие считали слабостью не то что доброту, но даже отсутствие жестокости. Но Понятко, выросший без отца-матери, хоть не под забором, в тепле мужского братства, но – сиротой, доброту ценил. И даже подумывал, не стать ли ему христианином, поскольку искренне полагал, что доброта в десятнике – от его веры. Удерживало Понятку то, что христианский обычай запрещал больше одной жены иметь. И ни одной наложницы. Понятко еще

не женился, но женщин любил разных. И хотел дом иметь такой, чтоб в нем было много женщин. И все – его. Правда, знал Понятко христиан (последователей ромейской и болгарской веры в Киеве было немало), которые блудили почище почитателей Волоха. Но молодой воин полагал, что эти христиане рискуют лишиться покровительства своего Христа. Хоть он, говорят, и добрый, и всепрощающий... Понятко охотно поговорил бы с Серегеем о его вере. Но десятник о своей вере не говорил никогда. В отличие от тех же хузар, которые постоянно подчеркивали: их Бог сильнее прочих. Как же! Сильнее? Тогда почему их хакан воинов себе из магометан набирает? Понятко как-то спросил об этом Машега – тот аж почернел. И отошел молча. Больше Понятко об этом речь не заводил. Спор спором, а по больному бить нельзя. Не враги же, свои, дружина.

Размышляя о разном, Понятко ни на миг не забывал обшаривать взглядом горизонт.

Пыль он заметил, когда отъехал от своих верст на десять. Пыли было много, и Понятко рисковать не стал: отъехал от дороги на пару стрелищ, уложил в траву лошадей и стал ждать. Была надежда, что это не воинский отряд, а мирный караван. Надежда не оправдалась. Печенеги.

Копченые шли нагло, без дозоров, растянувшись на полное стрелище. Сильный отряд. Сколько – в точности определить трудно: у каждого – заводная лошадь, а то и две. Но никак не меньше сотни копий. Варяга не заметили. И собаки степняков его не учуяли, потому что залег Понятко по-умному, с подветренной стороны.

Двигались вороги не то чтобы очень быстро, но – рысью. И видно по передовым, что не просто прогуливаются, а четко идут по следу, оставленному варягами.

Но солнце уже садилось, так что, скорее всего, до варяжского лагеря им сегодня не добраться. Поэтому Понятко не стал мучить и без того утомленных коней, а выждал, пока степняки отойдут подальше, и пристроился им в хвост. Ехал открыто, по дороге. Разведчик не без основания полагал, что поднятая печенегами пыль скроет его от случайных взглядов.

Так и вышло.

Солнце еще не спряталось, когда степняки остановились на ночлег. Но Понятко и тут не стал торопиться. Дождался темноты, аккуратно, под ветер, подполз к печенежскому стану и долго слушал, о чем говорят. По-печенежски Понятко разумел так-сяк, но уловил, что печенеги идут за «кузарами», у которых «много-много золота».

Почему варягов сочли хузарами, разведчик не понял. Но «много-много

золота» – это точно про них.

Выяснив главное, Понятко так же аккуратно отполз обратно. Даже в полной темноте он никогда не сбивался с направления.

Возвращался разведчик долго, поскольку предпочел объехать печенежский лагерь по большой дуге. Ночь была светлая, и лучше было состорожничать, чем навести степняков на своих: преследователей от преследуемых отделяло неполное поприще^[32].

Когда, по представлениям Понятки, до своих оставалось всего ничего, разведчик рискнул и вполголоса затянул песню. Он рассчитывал, что его услышит кто-нибудь из ночных дозорных и не даст проскочить мимо лагеря. И, опять-таки, стрелой бить не станет, что тоже немаловажно.

Расчет оправдался. Песенку еще издали услышал Рагух и подал разведчику знак: мы тут.

Узнав, какие новости привез Понятко, хузарин тут же разбудил Серегу. Разведчик доложил обстановку, слопал вместе с костями печеную перепелку и улегся на Серегино место раньше, чем оно успело остыть. Через секунду он уже спал. А вот с Духарева сон как ветром сдуло.

Серега разбудил Устаха.

Друг выслушал новости, поскреб отросшую щетину на щеках...

– Ничего, – буркнул он. – Оторвемся.

Вообще-то в его словах был резон. Оторваться от погони они могли. Сменных лошадей в достатке, а выносливости варягам не занимать. Отливать с седла они за этот год научились не хуже прирожденных степняков. С другой стороны, степь только кажется одинаково ровной. В иных местах трава погуще, в иных – почва камениста: не подкованные лошади могут ноги сбить. Есть в Диком Поле балки, овраги, холмы, реки и безводные пятна. Кто хорошо знает степь, может выбрать дорогу полегче. Или покороче. Преследователи, скорее всего, знали местность досконально. А вот варяги – нет. Даже для опытных хузар эта степь была чужой. Придется идти по тракту. Лошадям легче, заблудиться невозможно, и с водой проблем не будет. Но будучи самой удобной, рассчитанной на колесный транспорт, дорогой, соляной тракт вряд ли был дорогой самой короткой.

Все эти соображения Духарев высказал Устаху. Тому возразить было нечего. Но синеусый варяг все равно был настроен более оптимистично.

– Мало ли что там Понятке слышалось, – заявил он. – Да он двух слов по-печенежьи связать не может. «Хузары, золото...» Они только об этом и болтают. С чего он взял, что это наши хузары и наше золото? Может, они не за нашим золотом, а просто так идут. Может, они сами отстанут.

– Проснись! – сердито сказал Духарев. – Копченые идут по нашему следу. По нашему следу, за нашим золотом!

– Ты знаешь что-то, о чем не знаю я? – моментально сообразил Устах.

– Не то чтобы знаю, но могу предположить.

Сереге пересказал другу свой кошмарный сон и заодно – то, что сообщил Машег про татуировку.

– Да-а... – протянул Устах.

К предчувствиям и видениям Духарева синеусый варяг относился даже серьезнее, чем сам Сергей. Оба уже имели возможность убедиться: дыма без огня не бывает.

– Коли так, то они точно не отстанут. Что думаешь, Рахуг? – обратился он к слушавшему их разговор хузарину.

– Думаю, это тот разбойник, что с лошадьми был. Тот, который утек. Про татуировку Машег верно сказал. Я, правда, на тех побитых ее не видал...

– Я видел, – вмешался Устах. – Точно, две лапки на грудях.

– Значит, так, – решил Духарев, – надо братву поднимать. Потолкуем кругом. Посовещаться надо.

– Всех поднимать? – спросил хузарин. – И раненых?

– Всех. Только Понятку не трогай. Пускай поспит немножко.

Их осталось двенадцать.

Шестеро – от Серегина десятка. Он сам, двое хузар, Гололоб, Мисюрок, практически оправившийся от раны, да отсыпавшийся неподалеку Понятко.

От Устахова десятка тоже осталось полдюжины. Щербина, Шуйка, Клест – прусс, получивший свое прозвище из-за неправильного прикуса (впрочем, это был его единственный физический дефект), Сирка Чекан и Вур, который из-за ранения пока мог считаться разве что за половину бойца.

Обгрызенный месяц взирал с небес на потрепанное воинство.

– Опять делиться будем? – спросил Гололоб.

– Нет, – ответил Духарев. – Мы поступим иначе.

Никто не спросил: как? Сереге слышал дыхание своих парней и знал, что они возбуждены, но при этом внимательны и сосредоточены. Парни терпеливо ждали, пока вожак разродится спасительным предложением.

Сереге мог бы высказаться, а затем устроить дискуссию – и каждый, кому есть, что сказать, непременно это сделает, даже если его мнение идет вразрез с точкой зрения всех остальных. Но Духарев мог и просто отдать

приказ – без всяких дискуссий, – и приказ этот будет выполнен в точности. И никто не усомнится в его правильности.

Такая «детская» доверчивость иногда раздражала Серегу, потому что абсолютное доверие от порядочного человека требует абсолютной ответственности. Но с другой стороны, Сергей понимал (как приятно для самолюбия!), что это не доверие вообще, а доверие лично к нему, Духареву. Опыт показывал, что в отрыве от вожака, за которым надлежало следовать, его варяги не превращались в беспомощных потеряшек, а моментально брали инициативу на себя и действовали грамотно и эффективно. Эффективно в смысле: убивать других и не давать убить себя.

– Делиться мы больше не будем, – повторил Сергей. – Но позволить копченым ловить нас без помех – нельзя. Ведь могут и поймать. Лично мне этого не хотелось бы. Поэтому есть такое предложение: я и еще двое добровольцев возьмем самых быстрых лошадок и устроим печенегам веселую жизнь. А остальные тем временем попробуют добраться до Тагана и разжиться корабликом. А если в Тагане сильная дружина – то и поддержкой. А дальше – по обстоятельствам. Что скажете, братья?

– Мне не нравится, – тут же возразил Устах. – В лесу это было бы верным делом. Но здесь Дикое Поле. А мы – лесовики. Сам знаешь – в степи со степняками нам тягаться трудно.

– Верно, – согласился Духарев. – Поэтому я возьму с собой тех, кто в степи – дома. Рагух, Машег, вы как? Пойдете?

– Пойдем, – без колебаний откликнулся Рагух.

– Пойдем, – присоединился к нему Машег. – Мысль правильная. Мы пойдем. Но без тебя, Серегей!

– Не понял? – процедил Духарев.

– Ты сильный варяг, Серегей. И удачливый. Но большой. Лошадям тяжело будет, – пояснил хузарин. – А чтобы печенегов подразнить – и двоих хватило бы. Тут числа не надо.

– Вдвоем, что ли, пойдете? – спросил Духарев.

– Нельзя вдвоем, – очень серьезно сказал Рагух. – Два – плохое число.

– А три – хорошее, – поддержал соплеменника Машег. – И третий нам тоже нужен будет. За лошадьми присмотреть, отвлечь, знак подать. Третий обязательно нужен. Пусть с нами Шуйка пойдет. Так, Рахуг?

– Шуйка годится, – кивнул второй хузарин. – Шуйка легкий. И стреляет лучше, чем ты, Серегей, хоть и лук неправильно держит. Пойдешь, Шуйка? Только заводных я тебе сам выберу, а то вы, древляне, в лошадях понимаете, как нурман – в верблюдах. Так пойдешь, Шуйка? Что молчишь?

– Да ты ж мне слова сказать не даешь! – сердито ответил Шуйка. – Ясное дело, пойду! Но если будешь подначивать...

– Не буду, – заверил Машег. – Только лошадей тебе выберу – и боле ни слова.

– Решено, – одобрил Духарев. – Но только так, парни: долго на копченных не наседайте. Как горячо станет – сразу уходите.

– Не бойся! – уверенно произнес Машег. – Мы их разок обидим – и сразу побежим. И пусть меня степные демоны сожрут, если после такой обиды поганцы за нами не увяжутся!

– А потом?

– Оторвемся! – уверенно сказал Машег. – Ужели шакалы могут волка заполевать?

Сереге нахмурился. Абсолютную уверенность благородного хузарина в своем превосходстве над любым другим степняком Духарев не разделял. Но выбирать не приходилось. Печенегов следует отвлечь, и никто не сделает этого лучше, чем хузары.

– Ладно, – нехотя согласился он. – Будем считать, что оторветесь. Встретимся где? В Тагане?

– Раньше! – заверил Машег. – Мы вас сами догоним. Вы только по дороге идите. На дороге-то не потеряетесь?

– Да уж как-нибудь, – буркнул Духарев. – Устах, что скажешь?

– Пусть идут, – проворчал второй предводитель ватажки.

Устаху совсем не улыбалось остаться без проводников в незнакомой степи. Но с другой стороны, если по тракту идти – не собьешься. Вероятность того, что по этому тракту, навстречу им, может идти еще кто-нибудь нехороший, ни он, ни Сереге пока не рассматривали. Все предусмотреть невозможно, поэтому проблемы следует решать по мере возникновения.

Хузары и Шуйка отправились седлаться. Остальные варяги тоже разошлись. Кто – перекусить, кто – доспать часок до рассвета.

– Вот они сейчас обойдут половцев, выруют наше добро – и видали мы их! – вполголоса сказал Щербина Устаху.

– С ума спятил? – буркнул синеусый варяг.

– Так хузары же. И древлянин с ними заодно, такой жадный! – убежденно заявил Щербина. – Потому они Серегея и не схотели брать. Серегей бы им своровать не дал.

– Ты, Щербина, лучше уйди, – пробормотал Устах. – Не то я те сейчас и последние зубы вышибу.

То, что Машег предпочел Сереге Шуйку, Духарева все-таки задело. Он, конечно, понимал, что хузарин прав. Но очень хотелось самому отвесить степнякам плюху. Чтобы мало не показалось. Чтобы осознали копченые: варяги – не зайцы. Глупость, конечно. Духарев оставался крутым бойцом даже на этой плоской, как сковородка, земле. Настолько крутым, чтобы спокойно бросить вызов двум-трем степнякам сразу. Но никак не дюжине.

Духарев засвистел по-особому, сзывая лошадей. Первым, как всегда прибежал Пепел. Заводные особо не торопились. Тем не менее каждый из троих получил по вялой морковке. Сергей оседлал их по очереди, закинул переметные сумы, прицепил оружие, повел к придорожному колодцу. Вчера его вычерпали почти до дна, но за ночь вода снова набралась. Сергей опустил вниз кожаное ведро, вытянул, наполнил фляги, затем напоил лошадей. Связал поводья, достал из сумки кус вяленого мяса, гранитной крепости лепешку и принялся завтракать. Черное небо постепенно серело, звезды гасли. К колодцу подходили варяги, поили лошадей. Своих, приученных приходить на зов. «Трофейных», хузарских и печенежских, отгоняли. Эти получают воду в последнюю очередь, не то опять разбредутся – и собирай их по всей степи.

Когда край солнца показался над горизонтом, маленький отряд уже был готов выступить, а трое охотников, хузары и Шуйка, – давно уехали.

«А все-таки, что бы там ни говорил Машег, а Шуйки я лучше!» – подумал Сергей. Никак он не мог забыть, что его отнесли к разряду балласта.

Возможно, Сереге было бы легче, если бы он узнал, что препочтение Машега связано не с тем, что Шуйка лучше, а как раз наоборот. Хузарин был далеко не глуп и понимал, что состязаться в конной игре со степняками, которых сажали в седло раньше, чем они научатся ходить, – задача почти непосильная как для Шуйки, так и для Сергея. Хузарам-то, скорее всего, удастся уйти. А вот тот, кого они возьмут с собой, чтобы соблюсти священное число «три», вряд ли вернется назад. Машег, конечно, сделает все для того, чтобы уцелел и Шуйка. Но Шуйкой он все-таки мог пожертвовать, а Сергеем – нет. Во-первых, потому что поклялся Свенельду сделать все, чтобы десятник вернулся из Дикой Степи живым, во-вторых – из-за самого Сергея, которого хузарин за это время успел полюбить и охотно назвал бы братом, будь тот иудеем, а не христианином.

Глава пятнадцатая

Налет

Хузары подобрались к печенежскому стану, когда у степняков уже объявили побудку. Большая часть печенегов уже была на ногах, ленивых поднимали пинками более энергичные товарищи. Дозорных еще не выслали, но часовые уже утратили бдительность...

Машег и Рагух (Шуйку оставили в десяти стрелищах с запасными лошадьми) подползли к вражескому лагерю шагов на двести. С разных сторон. Машег пронзительно свистнул, Рагух – тоже. Хузары привстали, мгновенно выпустили по три стрелы и бросились прочь. Их кони, уложенные в траву подальше от лагеря, услышав свист, вскочили и понеслись к хозяевам.

Двое степняков были убиты, еще один корчился на земле. Печенеги в лагере невероятно оживились. Кто-то углядел бегущего Рагуха, заорал, но хузарин уже взлетел в седло и рванул галопом. Через несколько мгновений он догнал Машега, и оба поскакали прочь. Им вдогонку полетели стрелы. С нулевым результатом.

Подгоняемые разъяренным вожаком, печенеги хватали коней, прыгали в седла, кто успел оседлать, кто не успел – охлюпкой. Хузары не одолели и полуверсты, а ватага из нескольких дюжин всадников уже во весь опор неслась за ними.

Машег и Рагух скакали рядом. Они не очень-то гнали, позволяя печенегам понемногу сокращать расстояние. Степняки же лошадей не жалели. Только бы сократить разрыв шагов до трехсот – и они тут же забросают стрелами дерзких налетчиков...

Вдруг печенеги пронзительно завизжали: это возник из высокой травы Шуйка с заводными. Самые азартные степняки еще сильнее нахлестывали лошадей.

Хузары тоже прибавили, но так, чтобы разрыв между преследователями и преследуемыми продолжал сокращаться. Кто-то из печенегов бросил поводья, натянул лук... Стрела ушла в сторону, а стрелка обогнали другие.

Шуйка с заводными уходил легким галопом. Хузары достали его, на ходу перепрыгнули в седла свежих коней.

Погоня растянулась. Полдюжины самых притких всадников-степняков

шагов на пятьдесят оторвались от остальных. Они настигали. Четыреста шагов, триста пятьдесят...

Некоторые, привстав на стременах, метнули стрелы. Мимо.

Из полудюжины лидеров выделились двое самых быстрых. Эти не торопились стрелять, зато упорно сокращали расстояние. Один из степняков заранее готовил аркан...

Машег ловко развернулся в седле, натянул лук. Печенег с арканом пригнулся, стрела пропела над ним, прошла справа от второго – и почти на излете попала в грудь одного из скакавших позади. Будь на печенеге кольчуга или хотя бы защитная куртка – он бы остался жив. Но он слишком спешил отправиться в погоню.

Остальные опять завопили и открыли ответную стрельбу...

– Не стрелять! – взвыл степняк с арканом, когда одна из таких стрел прошла в опасной близости от его уха.

Второй тоже взялся за аркан. Эти двое оторвались от своих почти на две сотни шагов. Но спины беглецов так заманчиво маячили впереди!

Не сговариваясь, оба понукали коней, выжимая из них все, на что те были способны. Еще немного и...

Машег и Рагух обернулись разом, вскинули луки...

Оба печенега тут же бросили коней в стороны...

Стрела Рагуха попала в печенежского коня. Животное споткнулось, всадника выкинуло из седла. Машег подбил печенега влет, как куропатку. Второй преследователь, плюнув на намерение взять врагов живьем, схватился за лук... Машег неожиданно осадил лошадь, и печенег промахнулся. Но конь его продолжал лететь галопом и вынес всадника прямо на Рагуха, который тоже осадил лошадь, развернул ее боком, натянул лук, вполсилы, больше и не требовалось. Стрела попала степняку чуть пониже уха, и печенег уткнулся носом в гриву, конь его проскакал мимо остановившихся хузар.

Рагух и Машег вновь натянули луки. Две стрелы пропели над степью, и в Диком Поле стало еще двумя всадниками меньше.

А погоня еще больше растянулась. Основная группа преследователей отстала шагов на пятьсот. В опасной близости были только трое. Эти трое выстрелили практически одновременно. Все – в Рагуха. Одна стрела прошла мимо, вторая чиркнула по панцирю хузарина, третья воткнулась в круп коня. Животное взвилось на дыбы – Рагух уронил стрелу, вцепился в конскую гриву...

За него ответил Машег. Щелк – и ближайшего степняка вышибло из седла. Щелк – и вторая стрела продырявила бедро печенега, потник и на

пол-ладони вошла в бок лошади. Животному это, ясное дело, не понравилось – и всадник с диким воплем полетел на землю. Третий степняк, увидав, что страшный хузарин готовит новую стрелу, моментально сообразил, чем это пахнет, стрельнул не глядя и пустился наутек.

Машег послал коня по дуге, мимо убитого печенега, выхватил, свесившись, у него из тула пучок стрел. Рагух тем временем справился с лошадей, и оба хузарины помчались догонять Шуйку.

Глава шестнадцатая

Албатан

Его звали Албатан, и был он из меньших, племенных ханов народа цапон. Это был его второй набег. То есть в набеги он ходил каждый год с тринадцати лет. Но вел отряд второй раз. В прошлом году духи оказались не слишком благосклонны. Дальние родичи звали Албатана вместе с русами идти на ромеев. Албатан не пошел. Решил: пока русь наехала на ромеев, он без помех может пройти по землям русов. Так и сделал. Хорошую добычу взял. Но по дороге варяги хана Свенельда переняли степняков. Еле ушли. И добычу пришлось бросить. Хорошо, на обратной дороге наткнулись на касожских купцов, а не то вообще с пустыми руками домой вернулись бы. Стыдно!

В прошлогоднем набеге Албатан потерял двадцать восемь воинов. Пятую часть мужчин рода, способных натянуть лук. Шестерых касогов взяли в плен. С пятерыми повеселились, а шестого, главного, отдали сородичам за выкуп.

Неудачный был год.

Но в этот раз Албатану повезло.

Его воины поймали хузарина. Из тех, что служили большому хану Куркутэ. Земли Куркутэ – в двух днях пути от земель народа цапон. Куркутэ – сильный хан. Ходил с русским хаканом на ромеев. Те откупились данью, но ее пришлось поделить с русами. Куркутэ своей доли мало показалось, однако с русами он биться не стал, а повел своих на болгар. Побил их и богатую добычу взял. Сильный хан Куркутэ. Но Албатану не господин. Здесь – Дикая Степь.

Хороший вождь в первую голову о своих родовичах печется. В походе у воина трудов много, а удовольствий мало. Поэтому Албатан разрешил своим поразвлечься с пленником. Но предупредил, чтоб заодно выяснили, откуда и от кого бежал без памяти.

А когда пленник заговорил, Албатан понял, что хузарин принес печенегам удачу. Рассказал хузарин, что больше не служит Куркутэ, а передался хану из русов по имени Скапэ. Прознал Скапэ о посольстве ромейском, что много золота и серебра при себе везет. Выведал хитрый рус, где хранят богатство ромеи, как стерегут, когда из лодок своих выходят, чтобы волоком пороги обойти. Стража при ромеях была сильная, но в большинстве наемная. Были в ней у Скапэ свои люди. И свои у Скапэ

воины были, очень хорошие. С такими он и сам мог бы ромеев ограбить. Только не хотел Скапэ, чтобы узнал ромейский большой хан, кто взял на нем добычу. Потому позвал в помощь прикормленных хузар.

Хитрый рус все обдумал и все с вожакom хузарским обговорил. Долю в добыче обещал и помощь в набеге.

Ночью, на волоке, когда умаявшиеся за день ромеи крепко спали, верные Скапэ люди из наемников сами тихонько вырезали часовых.

И тогда на лагерь, как буря, налетели прикормленные хузары. Разметали сонных ромеев. Побили многих, сорвали шатер ромейского вождя, похватали мешки и умчались. Сразу послать погоню ромеи не смогли. Притаившиеся у лагеря русы забросали их из темноты хузарскими стрелами, а потом сели на свои лодки и ушли в условленное место, где должны были с хузарами встретиться.

Только вождь диких хузар умно поступил. В условленное место встречи не пошел. У Скапэ-хана воинов много, а чести совсем нет. Не захочет он долю отдавать. А чтоб тайну сохранить, перебьет союзников. Да и золото отдавать жалко. Немножко можно отдать, да. Если большую часть себе оставить. А немножко себе оставить, когда все золото уже у тебя, такое очень обидно.

Ход мыслей хузарского вожака Албатан одобрил. Сам поступил бы так же.

Вспомнил хузарский вожак, что были они данниками Куркутэ. Если отдать Волку часть золота, Волк не даст своих данников русам. А серебра и золота, что они у ромеев взяли, было столько, что на десяти конях не увезти. Простил бы их Куркутэ за такой дар – он золото любит.

Была еще одна причина у Куркутэ простить своих бывших данников. Золото, которое везли ромеи, предназначалось не только русскому хакану, но и печенежскому Волку. Таким образом, хитрый Скапэ руками диких хузар ограбил не только ромеев, но и большого хана Куркутэ. Вот сведения, стоившие половины добытого золота. Рядовой разбойник об этом, конечно, не знал, но вожак мог догадываться...

Не пошли хузары на условленное место, а переплыли Днепр и хотели в степь уйти.

Но тут случилась беда. Налетели внезапно на диких хузар страшные люди. В лагере всех побили. Пленник уцелел потому, что ночью табун пас. И конь у него был хорош: ускакал.

Албатан поинтересовался: знал ли пленник тех, кто их побил?

Услышав ответ, очень удивился хан. Даже переспросил: верно ли? Откуда здесь, в Приднепровье, белые хузары хакана Йосыпа? Все же

знают: договорился старый Йосып с русами, что эта земля за ними.

Но пленник настаивал, и Албатан поверил. Дикий хузарин не посмел бы ему солгать. После того, как с хузарином люди Албатана развлеклись.

Хузарин принес хану удачу.

Поэтому Албатан оставил пленника в живых. На время.

Сейчас боги уже не улыбались. Но хан знал, как вернуть их расположение.

Родовой бог Албатана ездил в плетеном коробе вместе с иными реликвиями, доставшимися Албатану от предков. Давным-давно бога вырезал из дерева кама^[33] самого великого Улцапона. Бог был черный и липкий.

Пленника, с выпученными от ужаса глазами, приволокли к хану.

– Видишь? – спросил Албатан, кивнув на уложенные в ряд тела. – Их убили твои родичи.

Хузарин быстро заговорил, путая печенежскую и собственную речь. Албатан не стал утруждать себя пониманием этого лепета.

– Отпустите его, – приказал он воинам и вынул узкую саблю, сработанную мастерами из Синда.

Хузарин попятился было, но остановился. Глаза у него стали – как у овцы.

Албатан пару раз встряхнул кистью, затем ударил.

Воины восхищенно зацокали. Клинок развалил хузарину грудную клетку: прошел через ключицу, ребра, сердце, легкие, наискось рассек чрево и вылетел на свободу. Албатан стряхнул с дымчатого лезвия кровь и вложил в ножны раньше, чем тело хузарина рухнуло на землю. Один из воинов, нагнувшись над трупом, вырвал теплую печень, другой тесаком обрубил мертвецу большие пальцы: чтобы там, в подземном мире, хузарину уже нечем было натягивать тетиву. Там он будет рабом, а не воином.

Албатан взял бога и опустил его в разверстое нутро.

Воины замерли в благоговении.

Когда Албатан вынул бога, тот был липким и красным от удовольствия. Хан вернул его в короб и вытер руку о штаны.

Утреннее нападение стоило жизни нескольким воинам, но зато Албатан кое-что узнал. Он узнал о слабости тех, кого преследовал. Будь они сильны – вот тогда была бы настоящая беда. Убитый хузарин говорил: их побили так же. Налетели утром, внезапно – и порезали спящих. А

гнались за ним непонятные люди. По одежке – славяне, а повадка хузарская. Хузары народу цапон враги. И славяне враги. Но славяне и хузары меж собой тоже не друзья, а враги. Непонятно! Зато ясно, что пленный не соврал. Сказал точно: одеты славянами, а повадка хузарская. Стреляют отменно, и луки у них хороши.

Албатан думал, но не медлил. Он знал, что дальше соляной тракт делает петлю, сворачивая к реке, и три дневных перехода дорога идет вдоль берега, петляя вместе с речушкой. Албатан отрядил три больших десятка воинов на лучших конях и послал напрямик через степь. Пусть бегут день и ночь, как волки за тарпанами. Пусть обгонят и нападут. Если окажется, что противник все-таки сильнее, – пусть отступят. И снова нападут. Пусть держат тарпана, рвут его за бока, уворачиваясь от копыт, пока не подоспеет вожак и не взрежет добыче пах.

Но одним отрядом Албатан не ограничился. Выделил еще людей и отправил за теми, кто нападал утром. Албатан подумал: может, они не захотят уйти? Слишком хорошо у них вышло сегодня. Слишком легко. Албатан подумал: может, они еще вернутся. Ночью. Или – следующим утром. Если те, кто поскачет по следу, увидят, что след поворачивает назад, пусть охотники разделятся. Одни пойдут дальше по следу, другие – наперерез. И узнают враги, что воины цапон умеют скрадывать не хуже хузар – лучше!

Глава семнадцатая

Преследование

Машег повел разведчиков «тропой лиса». Сначала на север, потом обратно, прямо по собственному «утреннему» следу. А верст через шесть повернул под прямым углом – к восходу. Теперь разведчики, двигаясь прямо, могли догнать своих. Но Машег не стал рисковать и заложил еще одну петлю длиной в десяток верст, дважды пересекавшую старый, «ночной» след, оставленный разведчиками, когда они в темноте подбирались к печенежскому лагерю. Замкнув петлю, Машег проехал по ее дуге еще немного, до «ночного» следа, намотал еще одну петельку поменьше. И еще одну. Но и после этого хузарин не поехал прямо, а вернулся на «ночной» след, где разведчики и залегли.

Машег мог относиться к печенегам презрительно, но знал, что любой степняк-охотник сумеет распутать «лисьи» петли. Поэтому решил приметить еще одну хитрость. Последнюю.

Разведчикам не пришлось долго ждать. Очень скоро они увидели, как в полутора стрелищах по «утреннему» следу прошел печенежский отряд численностью примерно в два больших десятка.

Печенеги не очень торопились. Терпения им не занимать, а в такой «волчьей» охоте исход зависит не от скорости, а от упорства. Именно так волчья стая травит стремительного тарпана. Неторопливо, упорно, разделяясь и сокращая путь, если жертва сворачивает с прямого пути, и вновь соединяясь, когда тарпан бежит по прямой. Рано или поздно хитрость и выносливость побеждают быстроту.

Но хузарин – не тарпан. Он тоже умеет хитрить. Машег подождал, пока печенеги скроются за холмами, затем поднял своих и повел по широкому следу, оставленному погоней.

Когда они достигли места, где Машег свернул на восток, то обнаружили, что преследователи разделились. Одна группа продолжала двигаться на север, вторая свернула навстречу солнцу, «выиграв» у хузар дюжину верст. Это было не страшно. Больше степняки делиться не станут. Хузары преподали им слишком хороший урок. Печенеги не рискнут выступить против них без серьезного численного преимущества.

Еще несколько верст – и разведчики опять сошли с тропы. Укрылись за старым курганом, приготовились.

Ждали недолго. Отряд, дошедший до «тупика», возвращался галопом.

Печенеги проскакали в половине стрелища от залегших разведчиков. Но те стрелять не стали. Вот если бы печенеги были повнимательней и обнаружили их, тогда пришлось бы драться. Но степняки, «вытянувшие пустышку», слишком торопились соединиться со своими.

Когда топот копыт стих, разведчики поднялись и двинулись на север. Закладывая петли, они потеряли полдня. Но Машег не сомневался, что, распутывая следы, печенеги истратят еще больше времени. Если вообще сумеют их распутать. А разведчики тем временем спокойно выедут на дорогу и до темноты пройдут еще верст двадцать.

Заночевали, свернув с дороги, у речки. Машег предпочел бы идти и ночью, чтобы уж наверняка оторваться от погони (имея по паре заводных, разведчики могли себе это позволить), но Шуйка совсем выдохся. Древлянин, хоть и был такой же невысокий и тонкокостный, как печенеги, но родился все же не в степи, а в лесу и спать в седле не умел. Нет так нет. Трава у реки густая и сочная, а отдохнувшие сытые лошади бегут веселей. Наверстают потерянное.

Дозорного не выставляли, зато встали чуть свет. Перекусили, скормили коням остатки овса, чтоб резвее бежали, – и тронулись.

Ехали по дороге – так быстрее. В высокой траве коней рысью не пустишь: только шагом или галопом. На первом же взгорке Машег встал на седло, огляделся... и увидел позади пыль. Правда, далеко.

Это было неприятно. Неужели степняки так быстро разобрались с Машеговыми хитростями? Или это кто-то другой, случайный?

Подождать и поглядеть, кто? Рискованно. А если это все-таки печенеги, то можно ли при таком раскладе догонять своих? Не лучше ли взять в сторону и увести погоню?

Право решать принадлежало Машегу. Он – старший. Машег решил так: с дороги сойти, пересечь вброд речку и дальше идти противоположным, более высоким берегом. И не особенно торопиться. Пусть преследователи подойдут поближе.

Так и сделали.

К полудню пыльный столб был виден уже совсем хорошо, и стало понятно, что это не какие-нибудь купцы с товарами. Те идут медленнее.

Это было плохое известие. Зато было и хорошее. Впереди замаячила рощица. Небольшая, но достаточная, чтобы укрыться лучше, чем в траве.

Когда солнце перевалило через зенит, разведчики въехали в тень деревьев.

Ручеек, образованный бьющим из земли ключом, стекал в реку.

Наполнили фляги, смочили губы. Перед боем нельзя пить больше пары глотков.

– Ждем, – решил Машег.

Шуйка вскарабкался на дерево – и тут же очень проворно съехал вниз.

– Худое дело, – сообщил он. – Идут двумя отрядами. Один – по дороге пылит, второй точь-в-точь по нашему следу. С собачками.

– Много их? – в один голос спросили хузары.

– Десятка по два.

Много. И прятаться при таком раскладе не имело смысла.

– Может, тут засядем? – предложил Шуйка, которому эта рощица представлялась более надежной, чем голая степь.

– Нет, – покачал головой Машег. – Не устоим.

– А может... я один? – не очень уверенно предложил древлянин. – Собачек побью – вы и оторветесь.

– А ты?

– А я... Как-нибудь. Не боись: живым не дамся!

Хузары переглянулись. Ни Рахуг, ни Машег не смогли бы вот так вот по собственному почину принять смерть.

Машег подумал немного...

Без Шуйки они с Рахугом точно бы ушли. Раньше он так бы и поступил. Машег – хузарин чистой крови, Шуйка – безродный славянин, никто. Но теперь они все – варяги. А варяги без крайней нужды своих не бросают.

– Насчет собачек – мысль верная, – согласился Машег. – А поступим так: подпустим поближе, псов побьем. И пацанаков, тьфу, печенегов побьем, сколь успеем. И уходим от дороги прочь. Здесь тракт петлю делает, а мы срежем. И этих собьем, и наших опередим.

– А оторвемся? – с сомнением спросил Шуйка.

– Оторвемся! Кони отдохнули, степь тут холмистая. Оторвемся, ничего. Лезь, Шуйка, на дерево и говори, как там чего.

Древлянин вскарабкался наверх.

– Идут, – сообщил он. – Те, что на тракте, вперед ушли, а эти идут!

– Как думаешь, уйдем? – вполголоса, по-хузарски спросил Рахуг.

– Бог знает, – сказал Машег.

– Ты, если что... О моих позаботься! – попросил Рахуг.

– А ты – о моих.

Оба они – из знатных, но ослабевших родов. Старинные роды, те, что пришли из Персии, те, что давали хакану воинов, уменьшались год от года. А те, что пришли от ромеев и жили торговлей, – те множились. За них

воевало золото, на которое нанимали иноверцев: язычников, мусульман. Хакан Йосып сам был из таких. Может, потому и скачут теперь печенеги там, где недавно рос хузарский виноград?

– Ой-ой! – вскрикнул наверху Шуйка.

– Чего там? – забеспокоился Рахуг.

– Степняки сошли с дороги. С другой стороны забежать хотят.

– Слезай, – скомандовал Машег. – Возьми коней и жди на северной опушке.

Он вытянул лук из налуча. Налуч у Машега – богат. Но лук еще богаче. Клеенный из лучшей древесины трех сортов, усиленный по спинке верблюжьими жилами, костью, защищенный от сырости толстым слоем гладкого черного лака. Отличный лук, одним словом. Многие враги Машега подтвердили бы это... Если бы мертвые умели говорить.

Машег присел на колено, выложил перед собой полдюжины стрел – чтоб брать удобней.

Печенеги, зашедшие со стороны восхода, громко переговаривались. Второй отряд, сторожась, шагом приближался к западной опушке рощи. Собак, поджарых степных гончаков, держали на поводках, луки – наготове. Машег видел напряженные лица врагов, сощуренные глаза, пытавшиеся высмотреть противника в густой листве. Он мог всадить стрелу в любого, хоть в узкую щелку глаза. Печенеги, скорее всего, догадывались об этом, поскольку уже точно знали: преследуемые здесь, в роще. Машег чувствовал их страх и неуверенность. Второй отряд наверняка вел себя так же. Будь Машег их командиром, он велел бы воинам спешиться и подбираться, прикрываясь лошадьми, а еще лучше – ползком. Но это была варяжская, а не степная повадка.

Машег ждал: сейчас они по сигналу завизжат, бросятся все разом, лупя наугад по всякому подозрительному шевелению. Колючий кустарник на опушке их задержит...

«Эх, – подумал Машег, – будь нас хотя бы дюжина – побили бы пацинаков, как сусликов!»

Тут один из степняков не выдержал – спустил пса.

Черно-белый пятнистый гончак с хриплым рычанием рванулся вперед.

Машег и Рахуг одновременно обнажили сабли...

Если пес обучен как следует, он не станет нападать на человека. Но этого гончака, видно, учили на беглых рабах. Вместо того чтобы остановиться и голосом позвать хозяина, полудикий зверь с разбегу прыгнул на Машега.

Хузарин, привстав, отклонился, изогнутый клинок мелькнул, пес упал

на четыре лапы, но, споткнувшись, покатился по траве да так и остался лежать.

Машег вернул саблю в ножны, бросил быстрый взгляд на Рахуга. Товарищ его уже накладывал стрелу.

Второго пса не было видно за высокой травой. Но там, где он был, трава волновалась. Кроме того, именно туда убегал черный ремень поводка.

Тетива щелкнула о рукавицу – и пронзительный визг подтвердил, что Рахуг не промахнулся.

Дальше события раскручивались с молниеносной быстротой.

Оба хузарина с невероятной скоростью выпустили с дюжину стрел, вскочили и, петляя между деревьями, помчались к северной опушке. А печенеги, как только засвистели стрелы, привычно рассыпались веером, вскидывая луки. Степняки совершенно точно засекли места, откуда стреляли. И закидали рощу градом стрел. Но хузар там уже не было. Несколько секунд промедления сделали ответную стрельбу бессмысленной.

Увидев хузар, Шуйка сразу пустил коней вперед. Машег и Рахуг на ходу прыгнули в седла, и разведчики вылетели из рощи. Заводные лошади скакали следом, а печенеги...

Конечно, степняки заметили разведчиков, но опять с опозданием, когда те уже ушли слишком далеко для прицельного выстрела.

Оба отряда тут же пустились в погоню, но у разведчиков кони были свежее, и расстояние между преследуемыми и преследователями продолжало увеличиваться.

Впереди невысокой грядой тянулись холмы. Когда разведчики добрались до склона, степняки отставали от них почти на три стрелища.

Печенеги скакали двумя группами, держась друг от друга примерно в четверти версты. Так борзые гонят петляющего зайца. Но Машег не петлял, а уверенно направил коня между двумя холмами. Степнякам придется выбрать: или скакать напрямик, через холмы, или обогнуть их. В любом случае, они потеряют время.

Жеребец Машега был резвее, поэтому он первым взлетел по пологому склону и...

Машег осадил коня так резко, что тот присел на задние ноги.

Впереди, в каких-нибудь трех сотнях шагов, рассыпавшись цепью, навстречу разведчикам двигался еще один печенежский отряд.

Вероятно, появление всадника было для степняков такой же неожиданностью. Или они не сразу поняли, что перед ними – враг. Поэтому хузарин успел развернуть коня и бросить его вниз по склону раньше, чем

на него посыпались стрелы.

– Печенеги! – закричал он своим и, бросив поводья заводных, погнал жеребца поперек склона.

Степняки по ту сторону холмов завопили. Им откликнулись те, кто преследовал.

Рахуг, сообразив, что происходит, развернулся, но поскакал в другую сторону, на запад.

Шуйка замешкался, не зная, какое направление выбрать, наконец сообразил и последовал за Машегом.

– Брось! – закричал ему хузарин. – Брось заводных, Шуйка!

То ли ветер отнес его слова, то ли древлянин не разобрал, о чем кричит хузарин.

Шуйка запоздал. Печенеги из третьего отряда обогнули холм с севера. Шуйка взял правее, но справа к нему тоже скакали враги.

Шуйка подтянул к себе заводного коня, на ходу перепрыгнул на него, но сделал это недостаточно ловко, конь споткнулся и едва не упал. Печенеги с двух сторон неслись к древлянину.

Машег, оглянувшись, увидел, как его товарища берут в клещи, понял, что тот не успевает. Хузарин придержал коня, вытянул лук и принялся выпускать стрелу за стрелой, но расстояние было слишком велико даже для такого стрелка, как Машег: только одна его стрела попала в цель: воткнулась в шею печенежской лошади.

Шуйка гнал беспощадно, понукал коня... И все равно не успевал!

Несколько степняков поднялись на стремянах, натягивая луки. Первая стрела ударила Шуйку в плечо. Древлянин удержался, но вторая стрела подсекла коня, и Шуйка вылетел из седла.

Степняки, привстав на стремянах, мчались к нему. Они больше не стреляли, рассчитывая взять варяга живым. Двое или трое уже разматывали арканы...

Машег тщательно прицелился, но выстрелить не успел. Печенеги уже подскакали к лежащему в траве древлянину, заслонили его...

Машег вернул стрелу в колчан. У него их оставалось совсем мало.

Шуйка, оглушенный, приподнялся, глянул на оскаленные лошадиные морды... и, выхватив из сапога кривой нож, полоснул себя по горлу раньше, чем ему успели помешать. Машег склонил голову: достойная смерть. И тут же выпрямился, привстал на стремянах, высматривая Рахуга. Не высмотрел.

Зато печенеги, вертевшиеся вокруг Шуйки, опомнились и бросились к хузарину.

Машег наклонился к уху коня, шепнул: «Давай, родной», – и отдал поводья.

Жеребец птицей рванулся вперед.

Через полчаса печенегі поняли, что хузарина им не догнать, и прекратили погоню.

Вечером Машега догнала одна из заводных. Это была двойная удача: к ее седлу был приторочен бурдюк с водой. И еще одна, отдельная удача – кое для кого, попавшегося на глаза хузарину утром следующего дня и только благодаря заводной оставленного в живых. Своего боевого коня Машег ни за что не стал бы обременять дополнительным грузом.

Глава восемнадцатая

Мышеловка под названием «Дикое Поле»

Дозоров варяги больше не высылали. Их осталось слишком мало, чтобы это имело смысл. Теперь они просто ехали по дороге, время от времени меняя коней.

Около полудня Понятко углядел впереди, слева от дороги, одинокого всадника. О чем и сообщил своему десятнику. Всадник скакал к ним.

– Стой! – скомандовал Духарев.

Тот, кто в одиночку уверенно и открыто скачет к группе воинов, вряд ли окажется врагом.

Нехорошее предчувствие овладело Сергеем. Он, щурясь, пытался разглядеть поподробнее крохотную фигурку, но расстояние было слишком велико. Всадник с заводной лошастью – вот все, что он видел.

Но у других были глаза получше.

– Это один из наших хузар! – уверенно заявил Понятко.

Варяги молча ждали.

Наконец тот же Понятко сумел разглядеть лицо всадника:

– Машег!

Черт! А остальные?

Стыдно сказать, но Сергей, услышав имя, даже обрадовался. Машег был ему намного ближе, чем Рахуг и Шуйка.

«Не смей думать, что они погибли! – суеверно приказал себе Духарев. – Они могли просто разделиться, в конце концов!»

– Кого-то везет, – проговорил Понятко.

Поперек седла лошади, которую Машег тянул на поводу, лежал человек. Связанный. Значит, не свой, пленник.

Хузарин подскакал, спешил. Ноги его великолепного жеребца дрожали от усталости.

– Поводите их, кто-нибудь, – попросил Машег.

– Мисюрок! – скомандовал Духарев.

Парень с явным неудовольствием (ему тоже хотелось услышать, что произошло) принял поводья.

Мимоходом ухватил пленника за пыльные волосы, заглянул в лицо, ухмыльнулся.

Машег отстегнул флягу, встряхнул: пуста. Устах молча протянул ему свою.

- А где остальные? – спросил нетерпеливый Сирка.
- Машег вернул флягу, сделал пару шагов – его покачивало.
- Остальные – там, – хузарин показал на небо.

Сергей выслушал рассказ Машега достаточно спокойно. Он видел, что хузарин не винит себя в смерти Шуйки. И Рахуга, которому, скорее всего, тоже не удалось уйти. Машег действительно не виноват. Не будь его конь так хорош, Машег тоже был бы мертв. И некому было бы принести злую весть.

«Нам повезло!» – с ожесточением думал Сергей.

И это тоже было правильно. Машег, единственный из них, знал Степь не хуже печенегов. Погибни он – и у варягов не оставалось никаких шансов. Совсем никаких. Противник оказался слишком умным и сильным. И отряд, который перехватил разведчиков, вряд ли был послан именно за разведчиками. Не наткнись на них хузары с Шуйкой, степняки через сутки-двое перерезали бы путь Духареву и остальным. Погоня за разведчиками стоила печенегам нескольких часов.

- Бывает и хуже! – подвел итог Духарев. – Ты кого привез?
- Старый знакомец, – хузарин распутал веревки, рывком стянул пленника с коня и бросил на траву.
- Ха! – воскликнул Сирка. – Попался, волчья сыть!
- Еду, гляжу: что-то знакомое в траве мельтешит! – сказал Машег.
- На что он нам? – недовольно проворчал Устах. – Прирезал бы – и всех делов.

У ног варягов, пыхтя и ворочая покрасневшими глазами, лежал сбежавший парс.

- Серегей хотел с ним говорить, – пояснил хузарин. – Правильно?
- Правильно, – кивнул Духарев. – Машег, ты как, из седла не выпадешь?

Хузарин одарил командира даже не возмущенным – удивленным взглядом.

– Тогда возьми свежую лошадь – и двинулись! – распорядился Духарев. – Этого возьмем с собой. Гололоб, Щербина, грузите его!

Парс что-то забормотал.

- Стойте! – Серега наклонился к нему.
- Я сам поеду, – просипел парс. – Не надо... Как барана... Я не сбегу. Огнем клянусь...

– Хорошо, – согласился Духарев, взял парса за штаны и за шкуру и рывком водворил в седло. Не очень-то и тяжелый.

– Гололоб, приглядывай за ним. А ты, парс, учти, что за нами печенег и идут. Угадай с двух раз, что они с тобой сделают, если поймают?

Парс счел за лучшее промолчать.

– Все, братья, по коням – и побежали! – сказал Духарев.

Да, теперь им оставалось только убежать. Вдевтером-то.

На душе у Сереги было хреново. Даже пойманный Машегом парс не улучшил настроения. И погибших ребят жалко. Есть, правда, слабый шанс, что Рахуг все-таки ушел... Проклятое золото! Серега охотно отдал бы его, чтобы оказаться сейчас дома, в Полоцке. Или хотя бы километров на триста севернее, где растут деревья, и где можно запутать врага по-лесному, спрятаться в чаще и проскочить в те края, где найдется управа на сотню степных разбойников. А может, еще и обойдется? Может, в Тагане стоит сильный отряд? Может, отыщется там небольшое крепкое судно для богатых варягов? Главное: убраться с этой плоской разделочной доски, которая называется Дикое Поле! Удержать запас дистанции, выигранный хузарским налетом на степняков.

Вокруг было много места и много света. Под Серегой был крепкий конь, и силы в руках тоже было достаточно. Но чувство, которое испытывал Духарев, было сродни тому, что испытывает мышь, изо всех сил бегущая к выходу из мышеловки и видящая, как неотвратно падает вниз дверца-дощечка. Короче, Серега испытывал самый настоящий страх. Он спиной чувствовал, как неуклонно сокращается расстояние между ними и преследователями. И хуже того, он постоянно ожидал, что и впереди, у блеклого горизонта, в любой момент могут появиться крохотные, совсем не страшные издали, темные фигурки.

И тогда варягам останется только одно: драться. И умереть.

А умирать почему-то совсем не хотелось. Умирать было глупо.

«Дурак я! – подумал Сергей. – Надо было соглашаться на предложение Свенельда! Так нет же! Захотелось напоследок испытать степной вольницы! Вот и испытал. В полный рост испытал. Великая свобода удирающего от борзых зайца».

Серега словно бы увидел этого самого зайца, скачущего длинными прыжками, заложив уши, и рыже-белых, узких, как боевые топоры, настигающих борзых. Щелк! – Серый комочек метнулся в сторону, увернулся... Прямо в зубы второй борзой. Пронзительный визг, подброшенное вверх, мельтешащее лапками тельце. Рычание, хруст – лапки дернулись в последний раз, выпуклые глазки помутнели...

Нет, не бело-рыжие длинноногие борзые, а низкорослые всадники с опаленными солнцем коричневыми плоскими лицами. Отряды, идущие

параллельными курсами, обгоняя, отсекая...

«Господи! – взмолился Духарев. – Дай нам хотя бы маленький шанс!
Неужели я больше тебе не нужен здесь?»

Глава девятнадцатая

Великий князь киевский и его дружина

Войско двигалось по степной дороге. Ровные шеренги по четверо в ряд. Десяток за десятком, сотня за сотней. Все – конные, даже тяжелые, светлородые нурманы, которые предпочитали в бою опираться на собственные ноги, – тоже верхами. Без коня степь слишком просторна для человека.

Воины шли плотно, не боясь нападения. Далеко разосланные дозоры из коренных степняков заранее предупредят о возможной атаке. Если какой-нибудь безумец рискнет атаковать дружину русского хакана Игоря.

Сам хакан ехал впереди. По правую руку – варяг Асмуд, по левую – нурман Скарпи. Ближние. Почетно место рядом с князем. Хорошо еще и тем, что не надо глотать пыль, поднимаемую войском.

Дорога петляла, огибая холмы. Ее прокладывали не для ехавших налегке всадников, а для тех, кто идет с грузом. Повторяя изгибы тракта, изгибалась грозная змея княжьего войска.

Игорь глядел на холмы. Вершины иных были увенчаны каменными истуканами, другие – просто грудой камней. Могильные курганы древних воинов. Здесь, в степи, воевали всегда. Народы приходили и уходили. Одних вытесняли чужие копыта, другие уходили сами. Богатые земли. Земля богатая, вон как травы вымахали! Посадить сюда черный люд – большую дань получать можно... Не посадишь. Налетят степняки: заберут зерно, посевы потравят, людишек угонят.

– Что за шум там, впереди? – спросил князь.

Асмуд поманил гридня, показал рукой: сбегай, узнай, кого там дозорные прихватили?

Гридень сбегал.

– Чумаки! – сообщил он. – Счас освободят дорогу!

Когда голова колонны поравнялась со смердами, их возы уже стояли сбоку, в траве.

Коренастые мужики в пыльных, выбеленных солнцем и солью рубахах мрачно глядели на грозные ряды воинов из-под широких соломенных шляп.

Великий князь поглядел сверху на смердов... и внезапно остановил коня.

Волна прокатилась по сверкающим шеренгам. Лес копий качнулся и

замер. Колонна встала.

– Старший кто? – спросил князь.

Чумаки поглядели друг на друга, затем один вышел вперед, содрал с головы шапку.

– Ну я, – сказал он.

– Откуда волы лишние?

– Дык... Воз же у нас забрали, – ответил смерд, потупившись.

– Кто?

– Вои, – мужик пошевелил дорожную пыль босой ногой. – Должно, варяги... Усы вон такие, как у тебя.

– С йими еще хузар был! – вмешался другой чумака. – Точно!

Старший глянул на него недовольно.

– Варяги, хузар, а воз вот забрали!

– И вы отдали? – с усмешкой спросил князь.

– Дык... Попробуй не отдай! – Смерд в сердцах сплюнул.

– Много их было?

– Ну... Столько! – Чумака растопырил пальцы. – Или чуток поболе.

Конные.

– А воз им зачем?

– Да ранены у них. Допрежь их меж лошадаками везли. На возу-то сподручней.

– Давно это было?

– Дык, дни три тому. А может, четыре.

– Четыре, – сказал другой чумака. – Три дня тому то печенези шли.

– Что за печенези? Много?

– Много, – подтвердил чумака.

– Может, орда? – вполголоса предположил Асмуд.

– Как много? – спросил он. – Больше, чем нас? С кибитками?

– Не, – сказал чумака. – Вас поболе будет. А кибиток с йими нету. Вои одни. Быстро шли.

– Нас не тронули! – со значением вставил старший.

– Мы тоже не тронем! – успокоил князь. – Лови! – Он швырнул к ногам мужика серебряный резан и дал знак: тронулись.

Мужик подобрал подачку, отскочил с дороги.

Войско на рысях прошло мимо.

– Чё дал? – спросил его второй и закашлялся от поднятой копытами пыли.

Старший разжал ладонь.

– А-а-а... – протянул он пренебрежительно.

Резан был совсем махонький. С ноготь.

– Думаешь, они, батька? – спросил Асмуд. – Так вот прямо дорогой и идут?

– Почему бы им не идти дорогой? – отозвался князь. – А вот печенеги откуда взялись?

– Золото пахнет! – сказал Скарпи и рассмеялся. – Их не может быть много. Это земля Куркутэ. А Куркутэ где? У болгар! Побьем, батька! Не думай!

– А я вот думаю! – сердито перебил князь. – И знаешь, о чем?

– О чем, батька?

– О том, чуют ли эти самые печенеги золото или точно о нем знают! И что будет, если те варяги и хузары, что взяли у чумаков воз, и впрямь везут наше золото. И что будет, если степняки переймут их раньше нас!

Глава двадцатая

Парс, астрология, демоны и мрачные предсказания

– Мой дом – там, где я сам, – сказал парс, облизывая ложку. – А родина? Родина далеко.

Он протянул ложку Мисюрку, но тот мотнул головой: оставь себе. После парса он этой ложкой есть не станет.

– Не так уж далеко твоя родина, – возразил Машег.

На чистом войлоке перед хузарином были разложены стрелы. Машег занимался их сортировкой. На самых надежных делал особую пометку самой естественной краской: собственной кровью.

– Не так уж далеко, – сказал он. – Мои пращуры откуда пришли, потвоему?

– Не спорю, – согласился парс. – Многие ваши до сих пор Ахурамазду почитают и огненные знаки на теле носят.

– Не только огненные. – Машег отложил очередную стрелу, повернулся к Духареву: – Помнишь, Серегей, ты про птичьи лапы говорил? То знак смерти.

– Да-да, – подтвердил парс. – Лапы стервятника. Или голова его.

– Фу! – поморщился Гололоб. – Шоб я на себе ворону поганую рисовал? Ну огонь, это я еще понимаю...

– Это одно и то же, – заметил Машег и усмехнулся. – По нашему обычаю мертвых в землю кладут, по вашему – огню отдают, а они, – он кивнул на парса, – трупы так бросают, падальщикам.

– Чё, прям так из избы и выкидывают? – изумленно воскликнул Понятно.

– Нет, – сказал парс. – Для этого есть здания особые, башни.

– Ой плохо тебе будет! – сочувственно проговорил Понятко.

– Что ты имеешь в виду?

– Где ж мы тебе эти самые башни отыщем? Уж не обессудь, придется тебя так кинуть. Как думаешь, найдут тя падальщики без башни? Не проворонят? – и захохотал, довольный. Сострил и скаламбурил.

Парс поглядел на Понятку, решая: рассердиться или нет? Решил, не стоит. Все же варяги обращались с ним пристойно. Не били. И даже накормили. Правда, отдельно. Как чужого.

– Ты лучше скажи: зачем от нас сбежал? – спросил его Духарев. – Чего испугался?

Парс ответил не сразу, но все-таки ответил.

– Увидел кое-что, – нехотя проговорил он.

– И что же?

Парс устремил на Духарева свои черные блестящие, как мокрые маслины, глаза.

– Я, – сказал он, – провидец. И великий звездочет. Я гляжу на человека – и вижу, под какой звездой он родился, какие знаки небесные им правят. Вот на него смотрю, – он показал на Гололоба, – и вижу, каков он нравом, и судьбу его вижу.

– И какая же моя судьба? – заинтересовался Гололоб.

– Дурная, – сухо ответил парс. – В дни сии лучше б тебе в спокойном месте сидеть. Или кровь твоя прольется вскорости.

– Ха! – воскликнул Гололоб. – Эка невидаль! Мало, что ли, крови моей на сырую землю пролилось? Вона, последняя рана еще не зажила! Ты лучше скажи: живой я буду или помру?

– Этого я не вижу, – парс покачал головой.

– А про меня? – жадно спросил Понятко.

– Тебе легче, – сказал парс. Твой знак – быстрый, воздушный. Ты уцелеешь. Скорее всего.

– Ну-у! – разочарованно протянул Понятко. – Все у тебя так... – он покрутил растопыренными пальцами. – Бабка-гадалка и то точнее скажет, что с человеком будет.

– А я не то, что будет, предсказываю, – уточнил парс. – Я говорю о том, что возможно будет.

– Это ты правильно толкуешь, – неожиданно поддержал чужака Машег. – Судьба человека – в руке Божьей. Вызнавать ее – дурно. А вот подсказать, что лучше, – можно.

– Хочешь, тебе подскажу? – предложил парс.

– Давай. Только про кровь не надо.

– Про кровь и не буду. Ждет тебя встреча скорая. Будет у тебя друг новый. Близкий друг. Скоро! И знак его – меч и мед.

– Меч – это хорошо! – вставил Понятко. – Лишний меч нам не помешает. А мед мы выпьем!

Хузарин промолчал: он обдумывал сказанное.

– Ладно, – подал голос Духарев. – Что ты предсказатель, мы уже поняли. Не поняли только, почему ты от нас удрал.

– Я звездочет, – еще раз повторил парс. – Я гляжу на человека – и

вижу.

– И это мы уже слышали, – поморщился Сергей. – Давай выкладывай, чего ты испугался?

– Тебя, – мрачно изрек парс.

По ухмылкам варягов видно было: заявление парса им понравилось. Когда твоего вожака боится даже чужеземный колдун – это приятно.

Духарев их восторгов не разделял.

– И что же ты во мне такого увидал? – неприятно усмехнувшись, спросил он.

– О тебе звезды молчат.

– Ха! – воскликнул Устах и хлопнул парса по спине так, что тот чуть не опрокинулся в костерок. – Потому что он сам – ведун!

– Он прав? – спросил Духарев парса.

Тот покачал головой. Его ободранная физиономия мучительно искажилась.

– Звезды тебя не знают, – выдавил он.

Сначала Серега не въехал. Да, собственно, никто из варягов не въехал. Разве что у Машега мелькнула в глазах искра понимания. А потом...

– Давай-ка отойдем, – сказал Духарев, вставая.

На лицах кое-кого из его спутников проступило разочарование.

Они выбрались из овражка и отошли шагов на сто. Серега оглянулся, автоматически отметил, что огня не видно и дымом почти не пахнет.

Варяжская собачонка скатилась откуда-то сверху, тявкнула на парса, ткнулась Сереге в ноги.

– Свой, свой, – успокоил Духарев. – Сторожить!

Собачонка еще раз тявкнула и прошебуршала обратно.

Вдалеке тонко взвыл волк. Или шакал. Пасущиеся кони подняли головы, насторожились. Но сразу успокоились. Зверь далеко, а люди близко.

– Ну что там звезды? – проговорил Сергей. – Как это – они меня не знают?

– Человек рождается под звездами, – сказал парс. – Он рождается – и звезды видят его. Они ставят... оставляют отметки на нем. Одни из них благоприятствуют ему, другие враждебны. Ученый звездочет, зная, когда и где рожден человек, может расчитать человека и всю его жизнь. Веришь?

– Допустим, – Духарев и в прежнее время признавал, что в астрологии что-то есть. – Но что-то я не заметил, чтобы ты высчитывал, когда делал свои предсказания моим ребятам, – произнес Сергей.

– Я не просто ученый! – с важностью произнес парс. – Я великий

звездочет! Звезды сами говорят со мной!

«Псих?» – подумал Духарев.

– Увы мне, великим мира сего недоступно понимание по-настоящему великого! – вздохнул парс. – Им желательно видеть красивые картинки да свитки с исчислениями...

– Ближе к делу, – перебил его Серега. – Почему ты сказал, что меня звезды не знают? И что это значит?

– Не гневись на меня, демон! – быстро проговорил парс. – Я буду молчать!

– С чего ты взял, что я демон? – опешил Духарев.

– Звезды не знают тебя, ибо ты не рожден под ними! – напыщенно произнес парс. – Посему ты демон.

– Да? – Серега ухмыльнулся. – А может, я бог?

– Воистину, ты шутник, демон! Будь ты бог, воплощенный в человеке, тело твое все равно было бы рождено женщиной под этими звездами.

– Ты что же, видишь, что я демон? – осведомился Духарев.

Он с огорчением начал понимать, что полезная информация, которую он получит от парса, скорее всего, не будет больше той, которую он получил от бабки-колдуньи, набросившейся на Серегу с палкой.

– Я вижу, что ты не рожден под этими звездами, – сказал парс. – А мне доподлинно известно из...

Беда с этими учеными! Что здесь, что в мире передовых технологий у них одни и те же заморочки. Набьют голову знаниями и готовы с ходу выдавать решения на все вопросы. И лишь немногим приходит в голову, что много знаний – это еще не всезнание.

– Плевать мне, что тебе известно! – перебил он ученого парса. – Я. Не. Демон! – произнес он раздельно. – Прими это как данность. Как я понял, обо мне ты ничего не можешь сказать?

– Нет, но...

– Стоп! А о моих воинах?

– Не многие из них переживут это лето, – мрачно произнес парс.

– Кто? – спросил Сергей.

– Не знаю. Беда над ними всеми. И над всей вашей землей. Этот год принесет перемены, а перемены – это всегда смерть многих. Может, и мне тоже, – грустно проговорил парс. – Скоро.

– Хочешь, я отпущу тебя? – Серегу вдруг пробило на милосердие. – Прямо сейчас?

Глава двадцать первая

Немного прошлого

Прошлой зимой Серега со Сладой и трехмесячным сыном решили съездить в Витебск. Сына крестить. В Витебске, как сказали Сладе, жил сейчас болгарский священник, а в крохотной полоцкой общине священника не было.

Ехать предполагалось с комфортом. Серега попросил у знакомого купца большие крытые сани, взял из княжских конюшен трех коней. Князя в городе не было: уехал в Торопец с малой дружиной. Распоряжался в Детинце Гудым, старший сотник, Серегин непосредственный начальник. Когда Духарев попросился сгонять в Витебск, Гудым возражать не стал. Время тихое, бездельное. Практичный сотник не просто отпустил Духарева – превратил отпуск в командировку, а вольного варяга – в официального гонца: дал два письма. Одно – лично витебскому посаднику, другое – для князя. Последнее тоже следовало отдать посаднику, чтоб тот отправил его дальше со своим человеком. Но этим дело не ограничилось. Гудым вызвал Устаха, велел взять десяток отроков и сопровождать Серегея до Витебска и обратно. Проверить, все ли спокойно на дороге.

Так что повезли Серегина сына словно княжича: на тройке да с охраной из настоящих княжских дружинников.

Конечно, никто на них по дороге не напал. Может, и шалили на тракте лихие люди, но чтобы налететь на дюжину дружинников, надо быть не просто лихим, а абсолютно безбашенным. Если по уму, то следовало вперед послать тройку с одним юным отроком – в качестве живца. А остальным идти следом, на хорошем отдалении. Но использовать в качестве живца свою семью Серега бы все равно не позволил.

Приехали. Посадник, тоже варяг, принял ласково. С Серегой и Устахом он был и раньше знаком. Серега вручил письма, представил посаднику жену (дитя оставили в возке, с девкой-челядинкой), сказал, что – лекарка. Если кому нужно... Оказалось, болящих в Детинце нет. Зато зимует в городе старый волох, так что с медициной в городе все путем. Ну и отлично.

Посадник распорядился, чтоб гостей поселили в Детинце, вечером обещал пир. В их честь. С пирами, правда, дело обстояло так: был бы повод...

Серега с Устахом остались у посадника: беседовать, а Слада с сыном и

челядинкой, тоже христианкой, отправились на поиски общины и заезжего болгарского священника. Духарев не возражал. Пускай прогуляются – погода стояла отличная: солнышко, легкий морозец. Что их могут обидеть, Духарев даже мысли не допускал. Серега не сомневался, что порядок в городе – железный.

У посадника друзья варяги просидели долго. Новостями обменялись, вспомнили прошлое... Медку попили. Надо ж перед пиром... разогреться.

В общем, вышел Серега из терема такой жизнерадостный, что не сразу и заметил, что его за меховушку дергают.

Оказалось, пацаненок.

– Ты Сергей – варяг?

– Я, – признал Духарев.

– Посыл я, – пискнуло создание. – Сказано: коль не хошь, чтоб жену твою с дитем на торгу продали, беги живо на Качалкино подворье.

– Чего?!

– Того, что весть я тебе передал! Ногата мне за то обещана! Дашь?

Серега полез в кошель, бросил кусочек серебра, который тут же исчез в варежке.

– Ой!

Пока пацаненок ловил серебро, поймали его самого. Теперь он, взятый за шкурку, раскачивался в полуметре от земли.

– Слыхал шутку? – спросил Духарев у Устаха.

– Кто пропустил постреленка? – строго спросил синеусый варяг.

– Я, – признался один из витебских отроков. – Он сказал: посыл от жены к полоцкому гостю. Соврал?

– Сейчас узнаем, – произнес Духарев.

Пацаненок у него в руке перестал сучить ногами, глядел сердито.

– Кто тебя послал?

– Да женка твоя! Отпусти, больно!

– Насчет больно, это ты врешь, – заметил Духарев. – Какая она видом?

– Чё, не знаешь, какова твоя женка? – удивился пацан.

– Я-то знаю, а вот ты?

– Маленька така, чернява...

– Верно. И кто же это ее продавать вздумал?

– Щуса-купца сын. Он всю ихню обчину прибрал. Бает: в ей одни егойны челядинцы! – зачастил мальчишка. – А еще болгар приبلудный, чужак, да женка твоя. Да еще человек несколько, десятков или поболее.

– И как же это купецкий сын такую прорву народа обратал? – осведомился Духарев, уже начиная сомневаться, что происходящее –

розыгрыш.

– Так со Щусом крепки робяты пришли, а те все не гожи, роботы да пришлецы, да изгой.

– Так... – медленно протянул Духарев, опуская пацаненка на землю.

– Где – покажешь?

– А что дашь? – деловито спросил тот.

– Не обижу!

– Тады беги за мной!

– Серегей, подожди! – крикнул вслед другу Устах, но Духарев только рукой махнул.

– Что за шум? – на крыльцо вышел сам витебский посадник.

– Мальчонка к полоцкому варягу прибег, – тут же доложил отрок, пропустивший пацаненка к терему. – Грит, женку варяга на торгу продать хотят!

Посадник захохотал.

Смеялся долго. Потом обтер выступившие слезы, буркнул: «Ну шутники!» – и ушел в терем.

– Скажи-ка мне, малый, есть у вас в городе Щус-купец? – негромко спросил Устах у смущенного отрока.

– Может, и есть, – пожал плечами тот. – Я сам-то из Торопца, здешних плохо знаю.

– А кто знает?

– Да вот он! – отрок показал на молодого парня у ворот.

Устах кивнул и зашагал через площадь. Утоптанный снег поскрипывал под его меховыми сапогами...

– Ты еще полайся – я тя вона чем приласкаю! – хмурый парень в меховой телогрейке показал кулак маленькой женщине с младенцем на руках.

– Только попробуй! – ничуть не испугалась женщина. – Муж мой тебе руки по локоть обрубит!

– Ой-ой! Ужли такой грозный? – спросил другой парень, толстый, с белесыми, как у карела, бровями и ресницами, и ущипнул за грудь перепуганную соседку маленькой женщины.

Та взвизгнула.

– Небось муж твой – тоже из ваших? – ухмыльнулся парень, оглядывая презрительно сбившихся вместе мужчин и женщин. Если не считать женщины с младенцем и тощего седого мужчины в черном, все они тряслись от страха. Парню это нравилось.

Их было четверо, плечистых, кряжистых, с тяжелыми дубинками, охранявших дюжины полторы загнанных в угол людишек, даже не пытавшихся сопротивляться.

– Да, из наших! – с вызовом бросила маленькая женщина.

Щеки ее порозовели, глаза блестели от гнева.

– Ягодка! – ухмыльнулся парень. – А дай-ко я попробую, какова ты на щуп. Крытка, возьми у нее дитенка!

– Не смей! – выкрикнула женщина, подавшись назад. – Люди! Помогите!

В большом чадном зале харчевни раздались смешки. Симпатии посетителей были явно на стороне парней.

– А ты бога своего попроси! – крикнул кто-то.

Толстый парень неожиданно с силой хлопнул женщину по лбу, а второй быстро выхватил у нее ребенка. Женщина кинулась к нему, но толстый перехватил ее, стиснул. Женщина вскрикнула, меховая шапка ее упала на пол.

Никто и не думал за нее вступиться.

Во всей харчевне только один человек, сама хозяйка, Качалка, наблюдала за происходящим без одобрения. Черный священник был ее постояльцем и платил серебром. Зато и таскались к нему всякие холопы да изгои...

– Потерпим же, дети мои, – негромко сказал мужчина в черном. – Аки святые великомученики претерпели...

Женщина затихла, глядя на запеленутого в меховую муфту младенца. Парень в телогрейке, делая вид, что сейчас уронит на земляной пол, раскачивал его на ладони. А младенцу нравилось...

– Не балуй, не балуй, – бормотал толстый, тиская женщину. – Не то дрогнет у Крытки ручка – и детё твое насмерть ушибется.

– Эй, паря, не теряйся! – крикнули ему из-за стола, где пятеро местных, воев по виду, приканчивали уже дюжинный кувшин медовухи. – Задирай хрестянке подол да вали на лавку! Чай не девка, в цене не потеряет!

Внезапно кто-то заслонил дверной проем. Длинная тень упала поперек зала. Высоченный воин шагнул вперед и замер, пока глаза его, после яркого солнца, привыкали к чадному сумраку харчевни.

На него глянули мельком: воин и воин, ничего особого. В дальнем углу разыгрывалось представление повеселей скоморошских игр.

И шелест вынутого из ножен меча тоже никто не услышал. Только дебелия Качалка, увидев клинок, успела сказать:

– Эй, варяг, ты чего?..

Парень в телогрейке все еще раскачивал младенца, когда тусклая молния прошла поперек его руки.

И рука эта со стуком упала на пол.

Младенца скользнувший вперед варяг успел подхватить свободной рукой.

Клинок варяга мотнулся вперед и кольнул в затылок толстого парня. Как будто совсем легонько – но толстый почему-то сразу отпустил женщину и стал заваливаться назад.

Варяг развернулся и окинул харчевню бешеным взглядом. В левой руке – младенец, в правой – меч...

Парень в телогрейке наклонился, поднял отсеченную руку и попытался приставить к хлещущему кровью обрубку...

Все еще могло бы обойтись... Двое оставшихся парней застыли...

Но тут один из насосавшихся медовухи, обиженный прервавшим развлечение вмешательством, дико заорал: «Бей!» – и, подхватив с лавки топор, швырнул его в варяга.

Воин пригнулся, и топор треснул в стену.

Приятели «топорника» повскакивали с мест, хватаясь за оружие, парни с дубинками, вместо того чтобы бежать со всех ног, решили вступить в бой...

И умерли первыми, даже не успев поднять дубинок.

Варяг вспрыгнул на ближайший стол. Из тех, кто за ним сидел, только один сообразил нырнуть под столешницу. Остальные разлетелись в облаке кровавых брызг.

– Стража! Стража! Убивают! – истошно заорал кто-то, выскакивая во двор.

Варяг спрыгнул со стола прямо в группу упившихся медовухи...

Минуты не прошло, а в харчевне из живых остались только забившиеся в угол христиане, пара-тройка притаившихся под лавками и хозяйка харчевни, с остановившимся взглядом и открытым ртом.

Кто-то снаружи сунулся в дверь, увидел кровавые ошметки и страшную фигуру – и мигом вылетел обратно.

– Серегей! – Слада бросилась к мужу (тощий священник попытался ее удержать, но не успел). – Серегей!

Духарев опустил меч, медленно выдохнул.

Из-под лавки высунулась нога в валенке. Сергей не стал ее рубить, просто пнул – и нога поджалась обратно.

– Успокойся, успокойся, – тихонько говорила Слада, глядя его руку. –

Все уже, все...

Когда-то он сам ей так говорил...

Четверка стражников ворвалась в харчевню с оружием наголо. Гридень и три отрока. Один отрок, мальчишка лет шестнадцати, поскользнулся в луже крови, наступил ногой на груды кишок, вывалившихся из распоротого живота «топорника», увидел, во что угодил сапогом, побледнел и едва сдержал рвоту. Молодой еще, непривычный.

– Ах ты, лешево семя... – пробормотал гридень, озирая учиненную в харчевне бойню. Тут его взгляд наткнулся на Духарева.

Вид у Сереги был странный и страшный одновременно. Забрызганный кровью громила; в одной руке – здоровенный меч, в другой – младенец, завернутый в меховую муфту, тоже в кровавых брызгах.

Молодой отрок шагнул в сторону, и свет из дверей упал на Серегу.

– Варяг... – пробормотал гридень. И громче: – Варяг! Ты, это, бросай меч! По-хорошему бросай!

Витебский дружинник если и видел Духарева раньше, то сейчас не признал и принял Серегу за вольного варяга, поскольку на нем не было знаков принадлежности к дружине Роговолта.

Сергей медленно покачал головой.

Гридень поглядел на своих... Ой как ему не хотелось бросать юнцов на настоящего варяга, но долг есть долг, и он негромко скомандовал:

– Берем...

В иное время Серега оценил бы его отвагу, но сейчас, увидев, как стражники подняли щиты и изготовились, Духарев ощутил только вновь поднимающуюся ярость.

Не глядя, он передал Сладе сына и шагнул вперед...

Скорее всего, Серега порубил бы и гридня, и троих отроков и навеки рассорился с витебской дружиной...

– А ну, что тут такое делается? – раздался голос Устаха.

Синеусый варяг в сопровождении нескольких полоцких дружинников появился в харчевне.

На нем был значок десятника Роговолтовой дружины, и стражники моментально расступились.

– Ага! – изрек Серегин друг и ухмыльнулся. – Знакомый вид. Требуха, кровища – и гридь Серегей посередке. Нет чтоб меня дожидаться!

Звнящая струна в Серегиной груди ослабла, гнев разом вышел и растворился.

– Да тут и делов-то – всего ничего, – проворчал он, стряхивая с меча красную влагу.

Стражники поглядели на варягов с откровенным ужасом.

Один отважный гридень, вспомнив, что находится «при исполнении», гордо выставил подбородок:

– Мы...

– Ну-ка, самого молодого – за посадником! – перебил его Устах.

Поглядел брезгливо на вспоротое чрево «топорника» и добавил:

– Пошли-ка во двор, Серегей! Уж очень здесь воняет!

Сереге тогда не выставили никаких официальных обвинений. Наоборот, посадник даже принес ему формальные извинения: Серега, варяг, дружинник князя, был в своем праве, когда вступился за свою семью. А все те, кого он порубил на постоялом дворе, наоборот, вышли преступниками, посягнувшими на честь достойной женщины и понесшими заслуженное наказание. И никакой кровной мести от родовичей погибших быть не могло. Да и кто решился бы объявить кровную месть князьему варягу. Так что все утряслось. И пир состоялся. И почтенный купец Щур выплатил шестьдесят гривен компенсации. Почти разорился, но был очень счастлив, что варяг простил, не вызвал купцова сына на смертный бой.

Больше того, история о варяге, который вмиг нашинковал и тех, кто обидел его семью, и тех, кто допустил, чтобы его близких обидели, – стала в княжестве общеизвестна и получила полное одобрение полноправных граждан. Правду всем миром надобно защищать, а не только князю да дружине. В общем, приступ почти берсерковой ярости обратился только на пользу Серегину авторитету, а полоцкий князь, по обычаю получавший виру за убитых и в спорных случаях самолично устанавливавший ее размер, требовал с Духарева за полный воз покойников одну гривну. Символически. А доверие его к Сереге только возросло: до сего момента Роговолт не раз замечал у своего гридня не подобающий дружиннику гуманизм и человеколюбие, полагал это следствием духаревского вероисповедания и, естественно, не одобрял. А когда «утесненный в праве» Духарев, как подобает любимцу Перуна, истинному варягу, порубил на капусту, не разбирая, и правых, и виноватых и доказал, что вполне «нормален», князь был вполне удовлетворен.

Об ущемлении прав остальных членов христианской общины не упоминалось. Потому что, как верно заметил мальчишка-посыл, были то сплошь рабы да изгой. Не было у них никаких прав по Правде. Так что и ущемлять было нечего. Княжий дружинник забрал семью и отправился в Детинец пировать, а его братья во Христе забились по щелям. Кто радуясь, а кто и печалась, что не пришлось принять мученическую смерть и сменить

тяжкую жизнь на вечное блаженство.

На следующий день болгарский священник крестил Серегина сына Артемием. Он был очень опечален случившимся, этот священник.

– Большой грех ты совершил, сын мой, – сказал он. – Но я тебе отпущу. Ибо не ведал ты, что творишь. Ты воин, и доля твоя – убивать. Но, ради Христа, проливай лишь ту кровь, какую пролить необходимо. И щади тех, коих можешь пощадить. Иди, сын мой, и не греши более!

Еще через день полочане уехали домой. Позже Серега узнал, что после их отъезда посадник велел взять болгарина и еще восьмерых христиан, на которых ему указали как на первых в общине, и утопить в двинской проруби.

Когда Духарев услышал об этом, он сначала рассвирепел, а потом плюнул и выкинул все из головы. Плетью обуха не перешибешь.

Но насчет «меньшей крови» Серега не забыл.

– Хочешь уйти – уходи, – сказал он парсу. – Возьми коня и убирайся.

– Ты добр, – с иронией проговорил парс. – Я проведу с вами эту ночь. Можно?

– Как хочешь, – Духарев повернулся к нему спиной и пошел к своим. Теперь парс не сбежит. Он осторожен, но... любопытен.

Глава двадцать вторая

Таган

Утром парс тоже уходить не захотел, ехал тихонько в хвосте, стараясь лишний раз варягам на глаза не попадаться. Если бы не Серега, его бы уже давно прирезали. На всякий случай.

До цели, сурожского городка Тагана, оставалось совсем немного.

Вскоре они увидели море.

– Солеварни у них стоят в лимане, а сам городишко – закатнее, – объяснял Машег. – Там море глубже, и лодьям приставать удобней.

– А народу много? – спросил Духарев.

– В смысле, воинов? Чего не знаю, того не знаю, – ответил Машег.

– Я там бывал семь лет назад – там уже ваши стояли. Совсем малая дружина. Копий пятнадцать, так, за порядком следить. Но могли и большую поставить. Это уж от того зависит, как с печенегами сталкивались. Ежели они дань и им, и Киеву платят, тогда большой дружины не нужно.

– А разбойники?

– А что разбойники? Это против орды не устоять, а так... У них же стены есть. И море. Они там рыбой промышляют: у каждого лодка. И не всякий разбойник на них напасть рискнет. Куркутэ – хан сердитый.

– Я слышал, Игорь туда своих посылал, – вмешался Понятко. – Сколько – не знаю. Но не столько, чтоб от орды отбиться, это точно.

– А от тех, кто за нами идет?

– Если запереться – можно попробовать, – подумав, сказал Устах. – Их дюжины две, да мы. Попробовать можно, если стены крепкие.

– Но там же не только дружина, там ещё люди живут, – напомнил Духарев.

– Живут, – сказал Машег и засмеялся.

– Что ты смеешься? На стенах вполне могут помочь!

– Серегей! Думаешь, чернь таганская против степняков встанет? Ты чумаков видал? А в Тагане вообще оседлые живут. Такие одного печенега увидят – убегут без памяти. Хоть их дюжина, хоть дюжина дюжин.

– Ну, это ты загнул, – фыркнул Духарев.

Презрение кочевника к оседлым – дело известное. А городок – не чистое поле.

– Так или иначе, а нам в этом Тагане осаду держать ни к чему! – подвел итог Устах. – Сторгуем лодью, возьмем воды поболее и поплывем на

полночь. Пусть-ка берегом за нами идут, а, Машег?

– Пусть идут! – хузарин ухмыльнулся.

– Что тут забавного? – не понял Духарев. – Думаешь, мы на лодье иль насаде, даже на хорошем ветру, обгоним всадника двуоконь?

– А хоть и не обгоним. Там берегом самое малое на шесть поприщ – ни ключа, ни колодца.

– А-а-а...

– А вот что мне не нравится, так этот дымок, – пробормотал Устах.

Из-под ладони он пристально изучал линию горизонта.

– Какой дымок? – спросил Духарев, щурясь от солнца. – Не вижу.

Когда-то Серега полагал, что у него превосходное зрение: по две единицы в каждом глазу. Мастер спорта по биатлону как-никак. Но по здешним воинским меркам зоркость его считалась – так себе. Средненькой.

– Я тож вижу, – подтвердил Понятко. – Чтой-то там горит, не иначе.

Варяги переглянулись. Неужто пожар?

Все трое поглядели на хузарина.

– Не бойсь, – успокоил тот. – Гляньте туда!

Три головы повернулись в указанном направлении. Примерно в двух сотнях шагов от дороги пасся табун тарпанов, диких степных лошадок.

– Ну и чё? – спросил Понятко.

– Эти бегучий огонь всегда чуют, – пояснил хузарин. – Раз травку щиплют, значит, не степь занялась, а что-то другое.

– Может, городок горит? – предположил Духарев.

– Может, – согласился Устах. – Наддадим?

– А смысл?

– Может, помощь требуется? Только что ведь занялось.

– Откуда ты знаешь? – спросил Духарев.

– Я б раньше заметил. Ну?

– Какая от нас помощь? – фыркнул хузарин. – Неполный десяток...

Оба поглядели на Духарева. Сергей подумал, оглянулся назад...

Вообще-то Машег был прав. Их всего девять. С другой стороны...

Он остановился, развернулся. Отставшие воины подтянулись к вожакам.

– Там дым, – сказал Духарев, махнув в сторону горизонта. – Возможно, это горит Таган-городок. Смените лошадей, пойдем быстро.

Это был приказ.

– Ты! – бросил Сергей к парсу, скромно остановившемуся поодаль. – Уходи!

Щербина скорчил рожу, показал, будто режет горло. Остальным

освобождение чужака тоже не понравилось, но Серега передумывать не собирался.

– Давай, давай, двигай! – крикнул он.

Парс развернул лошадку и поехал прочь.

– Копченым не попадись! – крикнул ему вслед Понятко. – Закоптят на колбасу!

– Какая из него колбаса! – фыркнул Мисюрок. – Мослы на похлебку!

– Всё, тронулись! – скомандовал Духарев и повел свой маленький отряд навстречу приключениям. И даже не вспомнил о знаменитом мальчике с гаечкой вместо пупка. Том самом, у которого из-за любопытства попка отвалилась. Что поделаешь, такой характер!

Городок Таган стоял там, где земля широким мысом выдавалась в море. Со стороны суши его окружал земляной вал. Над валом поднимался черный копотный дым. Здешние дома строили из глины, крыли соломой. Соломенные крыши вспыхивали, как порох. Но город еще не горел. Горела укрепленная башня у самого моря. Городские ворота были распахнуты. Не разбиты, а просто распахнуты. Не похоже, что их брали с боем. И трупов у ворот не было.

Черный дым поднимался над башней, пачкая синий прозрачный воздух.

– К бою, – скомандовал Духарев.

Варяги проверились. Мисюрок вынул из сумы пегого песика, сбросил на землю:

– Гуляй!

Песик тут же ушмыгнул в траву. После драки он их найдет. Если будет – кого.

– Ну-у-у... – протянул Серега, глядя на узкую улочку, лежавшую за воротами. – Ну-у-у... Айда!

Варяги разом сорвались с места, влетели в ворота и понеслись между домами без окон, между глиняными заборами. Поворот, еще один...

И навстречу им, с визгом, вылетели печенеги. Не меньше дюжины.

Сшиблись мгновенно. Сергей левой рукой перехватил скользкую от крови печенежью пику, рубанул с правой, уклонился от сабли, сам ударить не успел – Пепел прянул в сторону, и третий степняк тоже не достал, пронесся мимо... Прямо под удар Устаха. На узкой улочке, в рукопашной, степнякам пришлось туго, несмотря на численный перевес. Машег и Понятко, заменивший Рагуха (с Рагуховым же, хузарским, запасным луком, оставшимся в общем припасе) в уже отработанной боевой схеме,

врукопашную не полезли, били стрелами. Остальные прикрывали их клинками. В одном варягам повезло: колчаны печенегов были практически опустошены.

Духарев просек еще одну кожаную шапку, левой рукой перехватил сулипу, которую хозяин метнул в кого-то еще, – и вогнал ее в шею степняка, вознамерившегося попортить пикой спину Сирки Чекана, пока сам Сирка зажатый в левой руке боевым кистенем радикально изменял внешность другого печенега.

На Серегу тут же налетели двое. Он поймал основанием клинка сабельку противника справа. Противник слева, выпучив глаза, встал в полный рост на коротких стременах и вознамерился полоснуть по Серегиной шее. Духарев пригнулся – и клинок печенега переломился, ударившись о наверхие Серегиного шлема.

Печенег затряс ушибленной рукой... И взвыл. Пепел цапнул его за бедро.

А противник справа уже валился с седла. Черенок стрелы торчал у него из-под мышки.

Поднятая копытами мелкая белая пыль лезла в глаза, щекотала ноздри.

Укушенный куда-то пропал, его сменил здоровенный степняк, вооруженный длинным копьем. Кровь на наконечнике была совсем свежая, и это привело Духарева в ярость. Он поднял Пепла на дыбы и рубанул сверху, в полную силу. Степняк прикрылся щитом, но легкий печенежский щит против варяжского меча не тянул. Дарёный клинок просек щит, как картон, прорубил запястье и смел печенега под копыта...

Духарев бросил Пепла вперед... И обнаружил, что впереди – никого. Серега вырвался из мясорубки боя. Собственно, и схватка почти закончилась. Налетевшие сгоряча степняки слишком поздно осознали свою ошибку. Те, кто еще был жив, человека четыре, попытались прорваться к воротам. Но к этому времени улочку уже запрудили заводные кони варягов. Несколько раз щелкнули хузарские луки – и дело сделано.

Но впереди, у горячей башни, судя по доносившимся оттуда звукам, разборки еще продолжались.

Важный гусак вышел из разбитых ворот чьего-то двора, поглядел на трупы, неодобрительно гоготнул и вразвалочку двинул через улицу.

– Гололоб! Мисюрок! Со мной, – выкрикнул Сергей и послал Пепла в галоп.

Гусак захлопал крыльями и взлетел на забор. Пролетавший мимо Мисюрок выбросил левую руку, сцапал гусака, ввернул ему шею и запихнул птицу в сумку, где раньше сидел пес.

– Мальчишка, – проворчал Устах, непонятно, одобряя или осуждая. Огляделся. Так, Машег. Понятно. Чекан. Вир? Виру опять не повезло. На этот раз – навсегда. Храбрый варяг лежал ничком. Кольчуга у него на спине была разорвана, ярко-алая кровь булькала и пузырилась в широкой ране. Устах спрыгнул с коня, нагнулся.

– Прощай, брат, – шепнул он и перерезал раненому горло.

Шагах в десяти, у забора, лежал Щербина. Ему последняя помощь не требовалась. Мертв.

Устах вздохнул и полез на коня. Возможно, у них еще будет время, чтобы воздать положенное телам друзей. Хочется надеяться...

Издали донесся знакомый рык. Серегей!

Мимо пронесся Машег, за ним – Понятко. На помощь своему командиру. Устах замешкался. Он устал. И биться, и вообще... Кровь, кровь... Такое случается с самыми бывалыми... Иногда.

– Старшой... – Сирка Чекан тронул стальную сетку на плече синеусого варяга. – Ты цел, старшой?

– Цел, – буркнул Устах.

– Ну так ты чего? Наши ж там! Побьют же!

– Да, – стряхивая оцепенение, сказал Устах. – Да! – и ударил коня каблуками.

Серега, а следом за ним Мисюрок с Гололобом, вылетели на открытое место. Площадь. Наверное, здесь был городской рынок, но сейчас ни рядов, ни палаток тут не осталось. Обломки, ошметки и трупы. Много трупов. Степняки, дружинники... Но больше местных, таганцев.

Площадь спускалась вниз, к пристани, а над пристанью нависала сторожевая башня. Башня горела. Горели и пришвартованные у берега суда. И причалы. Синеvu моря уродовали черные разводы. А метрах в сорока от берега стоял большой корабль с красным узким корпусом. Чужой. Таких Духарев еще не видел. Но счел, что еще успеет его разглядеть. Сейчас были дела поважнее.

Башня горела. Пылала деревянная надстройка. Стена со стороны моря тоже была объята пламенем, но внутри башни кое-кто уцелел. И сражался. Вход в башню был перегорожен двумя высокими щитами. Больше не требовалось – вход был узкий. Снаружи толклось человек десять спешившихся степняков. Вообще-то их было больше, но у остальных нашлось занятие поинтересней. Например, один степняк прямо посреди площади насиловал какую-то несчастную. Еще двое топтались рядом и так увлеклись зрелищем, что не сразу отреагировали на стук копыт. Серега

достал обоих одним красивым ударом, а секундой позже та же участь постигла насильника. Гололоб, перегнувшись в седле, кольнул его пикой под левую лопатку. Печенег, подпрыгивавший до этого весьма резво, подпрыгнул последний раз, значительно выше, чем раньше, и покатился по земле. Бедняжка, которую он мучил, осталась лежать неподвижно, с раскинутыми ногами. Юбка ее была задрана на голову и завязана узлом. Живот и бедра – в крови.

Подлетев к башне, Духарев прыгнул в самую гущу степняков. В его левой руке был небольшой круглый щит и короткая сулица. В правой – меч, которым Серега, еще в прыжке, достал ближнего печенега. Упав на спружинившие ноги, Духарев молодецким ударом порвал слабую кольчужку степняка, который кричал громче всех. Печенег уронил оружие, прижал ладони к распоротому животу и завопил еще громче. А Серегин меч тем временем описал эффектную дугу – и голова третьего печенега подпрыгнула вверх, освободившись от уз туловища. Фонтан крови аж сразу троих – и Духарева заметили.

Сразу стало совсем тесно. Степняки, низкорослые, ловкие и яростные, насели на варяга, как псы – на мышку. Они умели биться кучей, скопом. С полминуты Духарев только и мог, что отмахиваться, прикрывая ноги, голову и лицо и уклоняясь от прямых ударов. Скользящие тычки копий и касательные удары сабель он игнорировал, привычно полагаясь на прочность доспехов. Вот щит у Духарева был слабоват. Зато удобен. А печенежская сабля – не нурманский топор. Да и куча, к счастью, не строй, а всего лишь куча.

Полминуты яростной атаки – и напор ослаб. Степняки были обескуражены неуязвимостью великана-варяга. Обескуражены и смущены. Духарев именно этого и ждал. Он знал печенежскую повадку: наскок – отскок. И немедленно перешел в наступление. Тычок сулицы – и зазевавшийся степняк остался без глаза. Шипящий полет клинка – звон переломившейся сабли – вопль – хруст. Ударом ноги Духарев опрокинул умирающего, перепрыгнул через него, уйдя от целящей по ноге сабли, развернулся и остановил бросившегося в атаку степняка самым эффективным способом: воткнув ему меч в живот.

Тут парни, что защищали башню, наконец сообразили, что пора переходить к активным действиям. Выскочили, развернулись грамотным строем. Правда, в строю их оказалось всего четверо, зато явились они очень вовремя. Не потому, что Духареву было не управиться с четырьмя пешими степняками, а потому что на помощь им уже спешили сородичи, и первая стрела пропела у Серегина уха и расщепилась о мостовую.

Последний пеший степняк повалился наземь, получив копьем в пах. Строй защитников башни разомкнулся, пропустил Серегу внутрь и снова сомкнулся. Несколько стрел гулко ударили в высокие щиты. Одна даже пробила край, но застряла в жесткой бычьей коже.

– Отходим? – рявкнул светлородый воин в нурманском шлеме.

Сергей бросил взгляд на площадь, но никого из своих не увидел: только целую свору конных степняков с луками.

Оставалось надеяться, что свои успели скрыться. И Пепла не видно...

Светлородый хлопнул Духарева по плечу:

– В башню, варяг, живо! – И Серега нырнул в узкий проход.

В нос ему тут жешибануло гарью, а лицо обдало жаром.

Один из отступающих замешкался, приоткрылся – и печенежья стрела пробил ему щеку, вышибла зубы и выскочила из другой щеки. Рана была не смертельная, но воин от боли и неожиданности не удержал щит – и полдюжины стрел прошили его тело.

Светлородый яростно выругался.

Воин был совсем молодой, но уже с поясом гридня. Не помог и пояс...

Нурман ухватил убитого за ноги, отволоч к стене. К двум другим мертвецам.

Серега перекинул налуч с запасным луком (первый был приторочен к седлу Пепла), накинуд тетиву, сдвинул на бедро тул со стрелами... Черт! Чей-то меткий удар разрубил кожаный колчан, и теперь почти все его содержимое годилось только на растопку. Из тридцати стрел уцелели только две.

– Варяг!

Духарев повернулся.

Светлородый. Лицо – в разводах копотид, пота, пыли и крови, но сразу видно, что нурман.

– Ты откуда взялся, варяг?

– Да вот ехал мимо с друзьями! – Сергей ухмыльнулся.

Его физиономия была в такой же «маске», что и у нурмана, а усы – такие же грязные, как нурманова борода.

– Решил заглянуть... на огонек! Ты не против?

Нурман тоже ухмыльнулся: белые зубы блеснули на закопченном лице.

– А друзья, что же, побрезговали нашим гостеприимством?

Серега пожал плечами:

– На подворье у вас... тесно очень.

– Тесно, – согласился нурман. – А вас – много?

– Было бы много – так и на подворье сразу бы свободней стало, –

отозвался Духарев. – Ладно, хорош лясы точить. С припасом у вас как? Стрелы есть?

– Были. Там, – Нурман указал наверх.

Высокий потолок был сложен из камня, аркой. На второй уровень вела лестница. Вернее, теперь уже не вела. Ее обломки валялись на земляном полу, а из квадратной дыры сыпалась вниз тлеющая труха.

– Не против, если я возьму у него? – Духарев наклонился к убитому, у которого в колчане еще оставались стрелы.

– Возьми, – кивнул нурман, собрался было отойти, но снова повернулся к Духареву, сказал сумрачно: – Бери все, что хочешь, варяг. Скоро и тебе, и нам уже ничего будет не надобно.

– Это еще поглядим, – возразил Духарев. – Надеюсь, мои предки еще годик-другой обойдутся без меня. Да и твои – без тебя.

– Я умру сегодня, – четко произнес нурман и пошел к своим.

– Это дело твое, – пробормотал Серега. – Лично я пока умирать не собираюсь.

По обе стороны от входа поднимались к бойницам сложенные из кирпича лестницы. Духарев прикинул, откуда лучше обзор, решил, что слева, – и полез наверх по узким ступенькам.

Глава двадцать третья

В горящей башне

Прошло около двух часов. За это время Серега сумел убедить печенегов, что нагло гарцевать перед башней – вредно для здоровья. Теперь полдесятка их, спешенных, топтались у самой стены, в «мертвой» зоне, остальные лежали тихо и скромно. Живые – на крышах ближайших домиков, мертвые – там, где их достали Серегины стрелы. Поначалу степняки пытались подавить одинокого стрелка массированным огнем, но из этого ничего не вышло. Слишком хорошая позиция была у Духарева, да и реакция отменная. Так что все влетевшие в каменную щель стрелы шли исключительно на пополнение Серегоного боекомплекта. Плотный обстрел хорош перед атакой. Но атаковать степняки больше не рисковали. Духарев подозревал, что большая часть их сейчас шарится по городку, а башню «держит» горстка стрелков. Но даже если и так, все равно делать вылазку – чистое самоубийство.

По крайней мере, до темноты.

В теперешней же ситуации был один большой плюс: притаившиеся где-то в городке Устах с ребятами. И один большой минус: у Сереги оставались только три стрелы. Три отличные стрелы с острыми шилоподобными наконечниками, одинаково хорошо прошивающими и кольчугу, и тегилай, и жесткую кожу. Выдержать такой удар могла доска^[34] цельного нагрудника, зеркало или наборный пластинчатый панцырь вроде того, что носил Духарев. Подобных доспехов у печенегов не было, так что в случае попадания «мишень» можно было сразу вычеркивать из списка. Но три – это не тридцать.

Эх, будь у Сереги побольше стрел, он бы устроил степнякам веселую жизнь. Подпалить соломенную крышу – раз плюнуть. Подпалить – и бить все, что зашевелится...

Но пока огонь «играл» на стороне врага. Из дыры в потолке сыпались уголья, обращенная к морю стена башни исходила жаром. Из щелей между каменными блоками сыпалась черная пыль.

И жарница – как в хорошей сауне. Только в сауне не сидят в воинском прикиде.

Сергей глотнул из фляги. Вода в ней тоже нагрелась. В Азии говорят: в жару надо пить горячий чай, а не холодную воду. Какая разница? Все равно выпитое тут же выходит испариной! Эх, сейчас бы бутылочку светлого

пива прямо из холодильника! А лучше три! И самому – в холодильник!

Зашуршало. По лесенке поднимался нурман.

Влез, пристроился рядом, выглянул осторожно.

Нурмана звали Халли.

– Жарко, – сообщил он свежую новость.

– Считай, что ты в бане, – отозвался Духарев.

Баня бы нурману не помешала. Воняло от него хуже, чем от мокрого козла.

Халли сплюнул.

– То ваш словенский обычай, – буркнул он.

Серёга ухмыльнулся. В народе говорят: «Полянин моется из ведра, кривич – из бочки, варяг – в речке, а нурман – пивом изнутри».

Но развивать тему Серёга не стал.

– Копченые-то где? – спросил Халли. – Не вижу. Отошли, что ли?

– На крышах лежат, – ответил Духарев. – Мне не достать.

Нурман покосился наверх, где еще утром располагался «второй этаж» башни, а теперь имела место большая куча тлеющих углей. Да, оттуда все крыши были бы – как на ладони. Но теперь бывшая деревянная надстройка годилась разве что для того, чтобы приготовить очень большой шашлык.

– А твои – что? – спросил нурман.

Сергей пожал плечами.

Среди валявшихся на площади трупов его варягов не было. Значит, и Гололоб, и Мисюрок успели вовремя слинять.

– Может, ушли?

Духарев покачал головой.

Хотелось верить, что Серёгина команда притаилась где-то в городке и прикидывается, как выручить командира. Бросить-то они его не бросят, Духарев не сомневался. А вот живы ли?..

– За каким хреном вы их в город пустили? – спросил Духарев. – Заперли бы ворота и отбивались всем миром.

– Да... – Нурман вытер лоб влажным грязным рукавом. Лоб его не стал от этого ни суше, ни чище. – Я оплошал. На бляху понадеялся.

– Какую бляху?

– Ханскую. Давай уж все по порядку расскажу...

Киевский князь поставил Халли командовать дружиной из одиннадцати гридней и шестнадцати отроков позапрошлой весной. По договору с хузарским хаканом. А от печенегов была у Халли золотая бляха

со значком большого хана Куркутэ. Князь дал. Халли показывал бляху степнякам, прежде чем впустить в город. До сегодняшнего дня бляха срабатывала.

Ромейская галера, красный корабль, который Серега видел у берега, пришла в Таган вчера. Это была первая боевая галера, посетившая Таган. До этого бывали только торговцы.

Ромеи вели себя вежливо. Сделали подарки Халли и старшине, попросили разрешения взять воду, провиант. Пытались купить рабов – у них половину гребцов выкосила какая-то болезнь. Но рабов на продажу в городке не было. Полон сюда не везли, а чтобы отдать в галерники собственного холопа, надо уж распоследней сволочью быть.

А утречком прискакали печенеги. С полсотни. Халли показал им бляху, и степняки заверили, что будут вести себя мирно. Большая часть отправилась на базар. Покупали что нужно, выспрашивали торговцев про каких-то хузар с большими деньгами, потом пообщались с ромеями. Будь у степняков пленники, продали бы за хорошую сумму, но полона у печенегов на этот раз не было...

Халли подвело то, что за год он слишком привык полагаться на бляху. И на договора, что Киев заключил с Царьградом.

Печенеги напали внезапно. Все люди Халли, которые в этот момент оказались вне башни, были побиты в момент. А вот башня оказалась степнякам не по зубам. Дружинники затворились внутри, понимая, что их слишком мало, чтобы помочь горожанам. Да и наплевать, честно говоря, было Халли на чернь.

Ромеи получили гребцов, печенеги – золото ромеев и небедный городок на разграбление. Остатки же дружины русов могли отсиживаться в башне хоть месяц. Запасов хватало, а главное – в башне был колодец.

Халли прикидывал: галера уйдет, степняки – тоже. И тогда он даст знать князю о бесчинстве. А князь, в свою очередь, предъявит счет и кесарю, и хану.

Вероятно, о том же подумали и печенеги. А может, решили, что в башне спрятаны несметные сокровища.

Поэтому грабеж степняки отложили на потом, а вместо этого пригнали к дверям башни нескольких мастеровых с топорами. Люди Халли попытались пустить в ход луки, но стрелков, равных печенегам, среди них не осталось, поэтому попытка обернулась новыми потерями.

Дверь в конце концов развалилась, и степняки ринулись в узкий проход, образованный двумя поднимающимися к бойницам лестницами... И защитники в два счета вышибли их обратно.

Степняки истыкали стрелами щиты дружинников, но без толку.

И тогда в игру вступили ромеи.

Проклятая галера подошла поближе, несколько раз плюнула огнем...

Результат Духарев видел.

Халли, рассудив, что лучше погибнуть в бою, чем поджариться живьем, вывел своих наружу, но печенеги, естественно, в честную схватку вступать не стали, а принялись бить с седел...

Понятие «погибнуть в бою» Халли представлял себе несколько иначе, поэтому отступил обратно в башню. Печенеги, решив, что пятеро уцелевших – это не противник, сделали еще одну попытку ворваться внутрь. Их отбили, а защитников осталось четверо.

Степняки оставили у башни небольшой отряд, чтобы не дать защитникам ускользнуть, и занялись более увлекательным делом: грабежом.

Вот тут и появились варяги.

Глава двадцать четвертая, в которой описывается частный случай отмороженности, который называется отвагой

– Значит, печенегов было с полсотни? – спросил Духарев.

– Около того.

– А ромеев?

– Ромеев примерно столько же, но они драться не будут, – проворчал Халли. – За них золото дерется.

– А если мы печенегов побьем, тогда как?

Нурман засмеялся. Если это хриплое карканье можно назвать смехом.

Сергей покосился на него, но промолчал.

– Ты вот что, варяг, – строго произнес нурман. – Если меня раньше убьют – я тебе свою жену поручаю. Убей ее! Чтоб этим не досталась.

– Жену? – удивился Духарев. – Шутишь?

Он даже башню оглядел, поискал, где можно спрятать женщину.

– Вон она! – Халли ткнул вниз грязным пальцем.

Прямо под ними, прикрывшись щитами, стояли двое дружинников в шишаках и усеянных бляшками куртках. До Сереги не сразу дошло, что нурман имеет в виду одного... тьфу!.. одну из них.

Женщин в доспехах Духарев еще не встречал.

И дело было даже не в том, что полный доспех, да щит, да прочее весили килограммов тридцать, а то и больше, а в том, что все это не просто носить надо, а еще и уметь со всем этим железом управляться. А научиться этому можно было только в дружине или у конкретного мастера, вроде Рёреха. Насколько Сергей разбирался в местном менталитете, ни один нормальный воин не возьмет в ученики женщину, даже не женщину, а маленькую девочку, поскольку обучение обычно начинали лет в семь-восемь, а то и раньше.

– Это не я, – буркнул Халли, угадав, о чем думает Сергей. – Это ее отец в ратном деле наставлял. Сыновей у него не было, вот что. И нечего паяться, понял? У тебя жена есть, варяг?

– Есть, – кивнул Духарев. – В Полоцке оставил.

Это прозвучало укором нурману, и тот стал еще мрачнее.

– Ты, варяг, думай что хочешь, – проворчал он, – а просьбу мою исполни. Ежели меня убьют, позаботься о ней, как о своей позаботился бы.

Ну, обещаешь?

– Да, – ответил Духарев. – Позабочусь. Если тебя убьют.

– Ты Перуном своим поклянись! – потребовал Халли. – Поклянись, что примешь ее на свою честь, как собственную жену! Когда меня убьют...

Сергей развернулся к нему...

Кто-то из печенегов, видно, поймал движение и выпустил стрелу. Духарев дернулся в сторону, но стрела в бойницу не попала, расщепилась о стену.

– Слушай, нурман! – процедил Сергей. – Я тебе обещал? Обещал. Мало тебе моего слова?

– Ладно, ладно, – Халли успокаивающе поднял ладони. – Хватит и этого. Варяжское слово крепкое, то мне ведомо.

– Вот именно! – Духарев не глядел на него, наблюдал за крышами.

Нурман посидел еще немного, затем полез вниз. Ясно было, что поднимался он именно ради этой просьбы.

Нелегко нурману просить о чем-то варяга. Да еще чужого варяга. Да еще – зарезать собственную жену.

Сергея его понимал. Но не сочувствовал. Не будь нурман таким хреновым командиром, не оказался бы в такой заднице. А сколько народу из-за него побил!

«А я? – подумал Духарев. – Чем я лучше? Привел ребят в мышеловку. Объехали бы стороной – все бы обошлось».

Обошлось бы. Вот только надолго ли?

Среди печенегов наметилось какое-то шевеление. Похоже, смена караула. По поводу обеда, вероятно. А Духареву есть совсем не хотелось. От жары, наверное. И аппетит пропал, и некое разжижение мозгов наступило. То ли в сон клонит, то ли еще куда-то...

Так, в башне тоже смена стражи. Халли занял место одного из бойцов, а боец отошел в сторонку... и присел на корточки. Так-так-так! Теперь мы точно знаем, кто тут боец, а кто... боячка!

Вероятно, от жары, мысли Сергея зашкалило в область иронической фантастики.

В сложившейся ситуации тут же отыскиались положительные моменты. Например, будь у печенегов гранатомет... С другой стороны, будь у Духарева рация, а километрах в шестидесяти – небольшой аэродром... Мысленно представив, как пара вертушек поливает крыши из всех стволов, Серега получил даже некоторое удовольствие.

На площадку опять забрался Халли. Выглянул осторожно.

- Тихо?
- Угу.
- Твоих не видать?
- Пока нет.
- Воды хочешь?
- У меня еще есть.
- На. Холодная, из колодца! – нурман протянул Духареву собственную

флягу.

Духарев машинально взял, глотнул. Кайф! Действительно, холодная...

И тут он сообразил. И уставился на Халли.

Прозрачно-голубые глаза нурмана глядели очень серьезно. Еще бы! Нурман. Дал. Варягу. Свою. Воду.

– Спасибо! – Духарев протянул флягу хозяину, и тот тоже отпил, завершая обряд.

То есть все совсем серьезно. И теперь, по их нурманскому обычаю, Халли уже не имеет права выпустить Сергею кишки только на том основании, что нурману приглянулся Серегин доспех.

– Слушай, – сказал Духарев. – А ромеи не могут перетащить свою огнеметную машину на сушу?

– А кто их знает, это отродье Локи? – пожал плечами нурман. – Если могут, то мы обязательно об этом узнаем! – Он засмеялся. Потом предложил: – Спустись вниз, Серегей, – там прохладней. А я посторожу сверху.

– А как у тебя с этим? – спросил Духарев, похлопав по спинке лука.

– Зайца подстрелю, – сказал Халли, но в голосе его не было уверенности. Стрельба из лука никогда не была сильной стороной нурманов. Сулицу метнуть – это да! А лук...

– Лучше я сам, – сказал Сергей. – Стрел, видишь, почти не осталось.

Тут нурман оживился.

– Сейчас я добуду тебе стрелы! – заявил он и, топоча сапогами, сбежал вниз.

«Черт! – подумал Духарев. – Сейчас учудит что-нибудь!»

И точно.

Спустя пару минут Халли протиснулся между своими и выбрался наружу. В одной руке – меч, в другой – даже не щит, а какой-то мешок паршивый.

– Эй, копченые! – взревел нурман по-славянски. – Кто – на честный бой!

Печенеги отреагировали мгновенно и именно так, как мог

предположить любой, кто их хоть чуточку знал: тут же осыпали наивного храбреца стрелами.

Сергей со своего места не мог видеть, что происходит прямо под ним. И большинство тех, кто стрелял, тоже были вне его сектора. Зато он очень отчетливо слышал звяканье, с каким стрелы бьются о железо. И еще – глухие удары – когда наконечники вонзаются в то, что помягче металла и дерева.

«Отморозок!» – сердито подумал он и тут увидел, что какой-то особо храбрый печенег на крыше, встав на колено, натягивает лук.

«Храбрец» успел-таки выстрелить, но только один раз. Последний. Серегина стрела воткнулась степняку в грудь и, вероятно, попала в кость, потому что печенега опрокинуло на спину. Нормальный вариант. Это только в американских вестернах подстреленный негодяй картинно наклоняется вперед и так же картинно падает с крыши. Реально же, что пуля, что стрела лупят будь здоров. Серега не раз видел, как пущенная из хорошего лука стрела выносит всадника из седла.

А стрельба между тем закончилась.

– Эге-гей! – очень довольный Халли пританцовывал уже внутри башни и тряс истыканным стрелами мешком. Вот тебе и отморозок! Молодец, нурман!

Через пару минут Халли уже карабкался наверх, к Духареву.

– Ну, варяг? Вот так вот, варяг! Как тебе, а? – Он высыпал под ноги Сергею целую охапку стрел. Доволен, как ребенок, первый раз проехавший на велосипеде.

– У тебя кровь на ноге, – заметил Духарев, перебирая стрелы. Те, которые считал ненадежными, он откладывал отдельно.

– Кровь? Да, кровь. Я же не берсерк, – пренебрежительно отозвался Халли. – Пустяк. Уже не течет.

Печенеги совсем притихли. Гридни, вернее, один гридень и одна нурманка, тоже расслабились: сидели на земле, подперев щиты копьями. Будь это его воины, Сергей за такую халатность в несении караульной службы дал бы хороший втык. Первая же стрела опрокинет подобную конструкцию на раз. А вторая прикончит «конструктора».

Но здесь командовал Халли. И степняки больше не стреляли. Пляска смерти, которую только что откаблучил нурман, вероятно, произвела на них впечатление.

В общем, жить можно. Если бы не жара.

– Слушай, Халли, в колодце воды много?

– Нам хватит.

– А ополоснуться?

– Хо! – оживился нурман. – Холодной водичкой? Давай! Ты предложил – ты первый.

На этот раз Духарев не стал спрашивать, хорошо ли нурман владеет луком. Быстренько сбежал вниз, быстренько скинул с себя все, зачерпнул ведро – и горстями, горстями... Вот это был кайф!

Сергея не сразу заметил, что стал объектом пристального внимания. Нурманка и не представленный Духареву гридень пялились на него с нескрываемой завистью.

Духарев подмигнул нурманке, чумазой не меньше, чем ее муж, натянул рубаху, портки, подкольчужник и вылил на себя еще одно ведро. Доспехи не проржавеют. Один умелец в Переяславле покрыл Серегины панцырь и кольчугу хитрым оружейным лаком.

После «купания» вновь возродился аппетит.

– Снедь у вас где? – спросил он.

Гридень кивнул на кожаную сумку. В сумке оказались вяленая рыба, яйца и относительно свежие лепешки.

Набрав продуктов питания, Духарев полез на свой боевой пост.

– Вторая смена, – сказал он нурману.

Халли спустился вниз. И устроил яростную выволочку расслабившимся подчиненным. Затем добавил еще кое-что по-нурмански, персонально для жены. Что именно, Сергей не понял, поскольку так и не научился толком разговаривать на языке нурманов. Способности к языкам у Духарева всегда были посредственными. Его знания старонорвежского ограничивались сотней слов, половина которых была оскорбительного содержания.

Из ответа нурманки он тоже не понял ничего, кроме дюжины ругательств, адресованных, вне сомнения, мужу. Халли прорычал в ответ нечто совсем неуважительное об отце нурманки. Та не осталась в долгу.

«Мать вашу! – сердито подумал Духарев. – Вот только семейного скандала нам здесь не хватает!»

Но гнев его улетучился, когда он вспомнил свою Сладу. Вот его жена никогда не устраивала сцен. Ну, почти никогда. И никогда не спорила, если видела, что Сергей уже принял решение. Хотя (это Духарев должен был признать) и он почти никогда ничего не предпринимал, не посоветовавшись со Сладой. Такой обычай среди варягов не поощрялся, но даже Серегины друзья, включая и самого полоцкого воеводу Гудыма, не гнушались при случае поговорить с Серегиной женой.

А внизу перепалка разгоралась. Голосок у нурманки оказался зычный,

под стать мужнину, разве что позвончее. Интересно, что думают печенеги, слыша эти вопли?

Внезапно раздался глухой удар, и звонкий голосок нурманки оборвался на полуслове.

Сергей глянул вниз, опасаясь, что дискуссию прервала печенежская стрела. Но все оказалось благополучней. Нурманка, согнувшись, ловила ртом воздух, а Халли, отобрав у нее щит, занял место у входа. Тяжелая у него, однако, рука, если вспомнить, что на нурманке – пластинчатый панцырь.

Женщина отдышалась, но выражать протест не стала, а отошла к колодцу и начала снимать доспехи.

Наверное, Духареву следовало наблюдать за печенегами, а не за раздевающейся женщиной. Тем не менее он продолжал глазеть на нурманку. И там было на что поглазеть, особенно когда женщина скинула рубаху и мужские полотняные штаны. Будь волосы нурманки распущены, они прикрыли бы большую часть прелестей, но ее белокурая грива была собрана в косу, которую нурманка уложила вокруг головы – неплохая, кстати, амортизация под шлем. У южан, наверное, научилась.

Женщина наклонилась, чтобы умыться. Поза донельзя пикантная. Духаревский организм тут же напомнил хозяину, что тот уже и забыл, какова на ощупь женская попка.

Духарев поспешно отвернулся к бойнице. Но через минуту не выдержал и опять поглядел вниз.

Нурманка, пользуясь котелком, поливала белый, как свежее молоко, живот. И смотрела на Духарева. Поймав его взгляд, улыбнулась, потерла ладошкой между ног и сделала некий жест, при виде которого Серега тут же отвернулся. Хотя, возможно, это была просто шутка.

Охлажденное колодезной водой серое вещество мозга заработало намного лучше и вновь подбросило идею, которую, возможно, не все жители Тагана одобрили бы. Но самому Сергею идея показалась достаточно интересной.

– Халли! – крикнул он. – Принеси мне масло, тряпку и горящий уголек!

Через минуту нурман доставил требуемое.

– Что ты задумал?

– Видишь вон тот большой дом? Это что? – спросил Духарев.

– Постоялый двор. А чего?

– А того, что на его крыше копченые.

– Ну и что?

– А то, что я хочу их еще немного подкоптить, – Духарев выбрал стрелу с поврежденным наконечником, плотно намотал на него лоскут, окунул в масло.

– А город мой не загорится? – встревожился нурман.

– Это не твой город, – ухмыльнулся Духарев. – Это даже не мой город. Это теперь их город! Не бойся! Ветер с заката. Искры на площадь полетят. Ну, поехали!

Он запалил стрелу, подождал, пока она разгорится, и, вполсилы натянув лук, отправил «подарочек».

Стрела нырнула прямо в солому и там пропала. Заметили ли печенег, что стрела – с начинкой? Вряд ли. Солнышко слишком яркое. К тому же степняки, похоже, утратили бдительность, задремали на солнцепеке.

Пару минут ничего не происходило, и Духарев даже начал думать, что стрела погасла. Зато на третьей минуте он уже не думал ни о чем. Потому что пришло время действовать.

Крыша вспыхнула на счет «раз-два-три». Вмиг. Двух печенегов тотчас охватило пламя. Они завизжали так громко, как не визжали, даже атакуя врага.

Еще двое вскочили и бросились с крыши. Одного Духарев подбил еще наверху. Второй успел сигануть вниз, но неудачно. Повредил, бедолага, ножку.

Духарев всадил ему в бок стрелу, чтоб не мучился. Печенег потрепыхался немного и затих. Зато оживились другие: в бойницу и в дверной проем полетели стрелы.

Одну Серега поймал свободной рукой, еще парочка влетела внутрь, остальные побились о стены.

Через полминуты обстрел прекратился, Духарев быстренько выглянул, засек одного из стрелков и отправил в него пойманную стрелу. Не попал. Зато увидел кое-что интересное. Вернее, кое-кого. Машега.

Глава двадцать пятая

Уличный бой по-варяжски

Выбеленный глиняный забор высотой в полтора человеческих роста был обращен к площади. Забор украшали безыскусные рисунки неприличного содержания. У забора лежал труп пожилого мужчины, при жизни брившего голову. Сейчас эта голова лежала отдельно, и ее с большим интересом обнюхивала пожилая рыжая собака с побитой лишаем шкурой. Время от времени собака с опаской косилась на забор. Она помнила, что по ту сторону обитает сторожевой пес, с которым лучше не связываться.

Рыжая шавка могла не опасаться, поскольку ее неприятель лежал по ту сторону забора, во дворе, с разрубленным позвоночником.

Когда в этот двор вошли варяги, пес был еще жив. Двигаться он уже не мог, но чуть слышно зарычал, когда, поднимаясь в дом, Устах перешагнул через тело его хозяина.

Варягов привлек забор. Он был достаточно высок, чтобы спрятать лошадей. В доме все было перевернуто, но не было никого. Это тоже было хорошо. Раз печенег уже побывали здесь, то можно было не опасаться их скорого появления.

Осмотревшись, незваные гости решили, что место подходящее. Варягов было четверо. Трое: Понятко, Устах и Машег – уютно устроились наверху. Четвертого, Сирку, оставили во дворе, при лошадях.

Дом стоял очень удобно: из чердачного окна просматривались и площадь, и башня, и пристань. Из трех пирсов два обгорели основательно, третий – чуть-чуть. Под присмотром пары степняков несколько местных жителей заливали водой тлеющие доски. К этому пирсу сейчас неторопливо приближалась красная ромейская галера.

Остатки таганской стражи, засевшие в башне, ромеев не беспокоили, хотя обращенная к морю стена уже не полыхала, как раньше, а только сочилась черным вонючим дымом.

– Он там не испечется? – обеспокоился Понятко.

– Если до сих пор не испекся, то вряд ли, – ответил Устах. – Наверху уже прогорело, да и ромейская дрянь тоже почти... Ишь ты, куда это они их?

Человек шесть печенегов гнали через площадь кучку пленников: десятка три мужчин и нескольких женщин. Ни детей, ни стариков.

– Ромеям ведут! – догадался Понятко.
– Побить? – предложил Машег, поглаживая лук.
– Нет, – остановил его Устах. – Ромеи возьмут рабов и уйдут. Если их не трогать, они мешаться не станут.
– Ох-хо! – вздохнул Понятко – Вот бы ихний корабль захватить!
– Размечтался, – проворчал Устах. – Там воинов не меньше полусотни.
И драться они умеют.

– Откуда знаешь? Воевал у них, что ли? – заинтересовался Понятко.
– Было дело.

Устах уже прикинул, как следует поступить.

Степняков в городе осталось не так уж много. Часть занимается грабежом, часть – пленниками. Остальные стерегут засевших в башне. О варягах ни те, ни другие не знают, поскольку встретивший их отряд варяги вырезали полностью. За противником – серьезное численное превосходство. Но если бить печенегов поодиночке – есть надежда на удачу!

– Куркутэ будет сердиться. Этот город ему дань платит, – неожиданно произнес Машег.

– С чего ты взял? – недовольный тем, что его отвлекли от размышлений, проворчал Устах.

– Печенегов впустили – значит, не боялись.

– Может, это его люди и есть? – возразил Понятко.

– Нет, – качнул головой хузарин. – Это не его племя, это цапон. И те, кто за нами гонятся, тоже цапон.

– Как ты их различаешь? – удивился Понятко.

– По одежке. По стрелам. А из какого кто рода, можно по татуировке узнать. Но я и так могу сказать: и те, и эти из одного рода.

– Продолжай! – поощрил его Устах.

– Будь я их ханом, – сказал Машег, – я бы так сделал. Сам дорогой шел бы, вдоль реки, как мы шли, а самых быстрых напрямик послал. Это быстрее.

– А почему мы напрямик не пошли?

– Лошадям пить нужно, – пояснил Машег. – Я тут колодцев не знаю.

– А они знают?

– Выходит, знают, раз дошли. Ай, что делает!

Понятко и Устах, отвлекшиеся было, тут же повернулись к окошку.

И уставились на пляшущего под стрелами нурмана.

– Лихо! – с восхищением проговорил Машег.

– Глупо, – проворчал Устах.

– Ты бы смог? – уколол хузарин.
– Так? Смог бы. Только зачем? Я не нурман, чтоб попусту хвастать!
– Не попусту! У них стрел мало! – догадался Понятко.
– Сейчас подстрелят, – неожиданно произнес Машег. – Он правую ногу не бережет!

Как в воду глядел! Несколько мгновений – и штанина нурмана окрасилась кровью.

Но стрела всего лишь чиркнула по мускулистой ляжке.

– Пахари! – презрительно уронил Машег.

Нурман благополучно скрылся в башне.

Ромеи спустили трап. С корабля сбежали несколько воинов в блестящих сплошных панцырях. Двое помогли спуститься еще одному человеку, слишком толстому, чтобы самолично принимать участие в битвах. Этот толстый вступил в оживленную дискуссию со степняками. Пленники понурясь, стояли поодаль.

Неожиданно Машег хлопнул Устаха по плечу.

– Ай молодец! – воскликнул он.

– Кто молодец? – удивился Устах, который смотрел на пристань и потому не видел, как Сергей выпустил горящую стрелу.

– Вниз, вниз! – закричал хузарин, вскочил и прыгнул в люк, даже не воспользовавшись лестницей.

Понятко и Устах, не задавая лишних вопросов, бросились за ним.

Четверо варягов выскочили на улочку как раз в тот момент, когда запылала подожженная Духаревым крыша.

Печенеги завопили. Четверо степняков выбежали на площадь и принялись быстро-быстро выпускать стрелы в сторону башни.

Они, разумеется, не видели за своей спиной варягов.

Машег и Понятко вскинули луки одновременно, но Машег успел выпустить три стрелы, а Понятко – только две. Все пять попали в цель, хотя достаточно было и четырех. С сорока шагов стрела с граненым наконечником не то что куртку из дубленой кожи – стальной панцырь прошьет.

– Разбежались! – скомандовал Устах.

Он и Чекан кинулись во двор напротив, проскочили его насквозь, перепрыгивая через толпившихся во дворе овец, перемахнули через забор и оказались в соседнем дворе. Как раз вовремя, чтобы встретить попрыгавших с крыши (а ну как тоже подожгут!) печенегов. Два варяга прошли через захваченных врасплох степняков, как сквозь пустое место – мелькнули несколько раз, крест-накрест, длинные клинки – и не успевшие

даже выхватить сабель печенеги отправились к предкам.

Варяги обогнули дом...

Стрела степняка угодила в стену мазанки и прошила ее насквозь. Вторая стрела ударила в шлем Чекана с такой силой, что ремешок лопнул. Степняк высоко привстал на стремянах и выпустил третью стрелу, пришили Сирку к стене.

Устах петухом взлетел на забор, оказавшись даже выше сидящего в седле печенега. Меч опустился, разрубил степняка почти до седла и застрял. Лошадь печенега рванулась в сторону. Устах потерял равновесие, выпустил рукоять и упал обратно во двор. Аккуратно упал, не расшибся. Подбежал к Сирке, понял, что тот мертв, но время для оплакивания друга было неподходящее. Устах подхватил меч убитого, пинком вышиб калитку, выскочил на улочку.

Их заметили!

Переваливаясь на кривых ногах, размахивая саблями, через площадь бежали степняки. Те, что конвоировали рабов к кораблю ромеев.

Один, углядев варяга, притормозил, схватился за лук... Стрела ударила его в живот, опрокинув на мостовую.

Не дожидаясь, пока по нему начнут бить из луков, Устах перебежал через улочку, влетел в соседний двор.

Если бы он помедлил еще мгновение, то увидел бы, как из опаленной башни с ревом вырвался храбрый нурман и, раскручивая здоровенный меч, помчался прямо на печенегов. Следом за отважным Халли бросилось в бой его немногочисленное войско.

Глава двадцать шестая

Уличный бой по-варяжски (продолжение)

Духарев действовал более спокойно, чем безбашенный нурман. На крышах могли еще оставаться печенег, поэтому Серега выждал несколько секунд – не начнут ли они стрелять по движущимся мишеням? Стрелков оказалось двое. Один выстрелил, уменьшив команду Халли на одну боевую единицу. Второй выстрелить не успел. Потому что Сергей успел раньше, подбив обоих.

Теперь можно было выбираться на свежий воздух. Духарев сбежал по ступенькам, подхватил чей-то щит, засвистел, подзывая Пепла. Его конь – умница, чужим не дастся!

Точно! Вот и он! Духарев отбросил щит, прыгнул в седло. Пепел рванул с места. Над головой Духарева пропела стрела. Пепел пошел ровным галопом. Духарев движением колен пустил его по кругу. Давайте, ребята! Поиграем! Уронив поводья, Сергей натянул лук, но печенег уже хрипел на земле. Понятко поднял левую руку: поприветствовал, так сказать, командира.

Халли и оставшийся в живых дружинник (или дружинница?) грамотно, спина к спине, рубились с превосходящими числом степняками. Еще одна схватка кипела на самом причале, где стояла (подошла-таки!) галера ромеев. Ладно, сами управятся! Духарев бросил коня в одну из улочек и сразу же ему под ноги выкатился мальчишка.

– Тама! Тама! – заверещал он, маша ручонкой.

Духарев прямо с седла прыгнул во двор.

Во дворе обнаружилось сразу двое печенегов. Один – на крыльце, с сапогом на коленях, второй – на корточках, у стены дома.

Первый, совсем молодой и оттого совсем глупый, вскочил, уронив сапог, подхватил копье и отважно кинулся на врага. Гадивший под стеной был чуть поумнее, заорал соплеменнику: «Беги!» – и, не подтерев задницы – до того ли? – быстренько натянул штаны. Решение верное, – со спущенными штанами воевать затруднительно, – но запоздалое.

Сергей перехватил копье молодого левой рукой, крутанул вокруг себя. Молодой мелкими шажками просеменил через двор, снес собачью будку, размазал животом большую коровью лепешку и закончил движение, протаранив головой глиняный забор.

Мгновением раньше его старшего товарища пришилило к стене

мазанки брошенное Духаревым копье.

Мальчонка аж взвизгнул от восторга, но соображения от радости не потерял, завопил: «В хате! В хате тож!» – подхватил каменюку больше собственной головы и, ухнув, уронил на затылок оглушенного юнца.

«Крак!» – сказал затылок.

Духарев влетел в мазанку, и ему открылась совершенно дивная картина: полдюжины совершенно голых девиц разного возраста и пара деловитых степняков, один из которых заскорузлым пальцем проверял у ближайшей голышки наличие девственной плевы. Второй печенег глядел на это зрелище и пускал слюни.

Духарев мог его понять: сам не первую неделю по степи болтался. Мог, но не захотел. Голова печенега спрыгнула с плеч, Сергей ловко уклонился от алого фонтана, подскочил ко второму печенегу. Тот вытащил палец из сокровенного места и тупо уставился на нежданного гостя.

Тут одна из девиц дико завизжала и вцепилась в печенегову сальную косицу.

Степняк от неожиданности опрокинулся на спину, и Духарев с чувством исполняемого долга влепил ему в пах острым носком сапога. Печенег взвыл и свернулся калачиком. Рыжая девчонка с обаятельными веснушками и пикантной родинкой на ягодице невежливо отпихнула Духарева и, размахнувшись, с хрустом врезала кочергой по печенеговой спине.

– Отлично! – одобрил Духарев. – Он ваш, девушки!

И выбежал во двор.

Честно говоря, у него не было ни малейшего желания смотреть, что эти юные дамы сделают с гнусным дядькой.

Духарев вскарабкался на забор, скомандовал Пеплу: «Смирно!» – и встал на седло.

Та-ак... Халли с напарником рубились успешно. Результат – парадохлых печенегов – налицо. Нет, уже три. Здоровенный меч нурмана отхватил печенегу плечо. Сергей уже давно обратил внимание: если нурманское оружие вмешивается в жизнедеятельность чужого организма, то вмешательство настолько радикально, что медицинская помощь уже не требуется, а сама жизнедеятельность быстро прекращается.

А вот на пристани стычка завершилась победой противника. Ромеи загоняли на галеру таганский полон. Некоторых, не способных или не желающих передвигаться, втаскивали на веревках.

Духарев слышал стук копыт на соседней улице и мигом опустил в седло. Стоя на конской спине, удобно озирая окрестности. Или исполнять

роль мишени. А вот сражаться затруднительно.

Пепел сам рванулся вперед... И из-за угла, навстречу ему, вылетели аж два степняка. Оба – с луками наготове. И с горячим желанием сделать в Духареве отверстия, не предусмотренные генотипом. Но события развивались слишком быстро, и Духарев оказался между печенегами раньше, чем их мечты превратились в быль. Оказавшийся по правую руку степняк уронил лук и нырнул под живот лошади, счастливо избежав встречи с варяжским клинком. Левый всадник оказался не столь проворен, Духарев зацепил его свободной рукой, с хрустом, как сорняк из грядки, выдернул из седла и поволок за собой. Степняк заорал дурным голосом. Еще бы! Заорешь тут, если тебя волокут за скачущей галопом лошадей да еще – за вывихнутую руку!

Духарев смилостивился и отпустил беднягу. На большой, твердый камень у чьих-то ворот.

Засим Духарев развернулся и обнаружил, что второй печенег летит на него со своей кривой сабелькой. Щас! Разогнался!

Пепел рванулся навстречу... И печенег сдрейфил. Спину показать не рискнул – попытался сигануть верхами через забор, но лошадка его зацепилась копытами и рухнула вместе со всадником. Дворовая живность прыснула в стороны. Лошадь жалобно заржала, но поднялась. Ее хозяин – нет.

Над площадью, перекрывая прочие звуки, прокатился яростный рык нурмана.

Когда он стих, Духарева окликнули по имени.

Машег.

– Я убил восьмерых! – гордо сообщил хузарин.

– Где наши?

– Понятко – там, – хузарин махнул луком.

Об остальных он ничего не знал.

– Что будем делать, старшой?

Духарев развернул коня.

– Прикрой меня! – попросил он и поскакал вдоль улицы.

Галера уже отваливала от пирса, на ходу втягивая трап. Ромеи, очевидно, решили не рисковать и не ввязываться в драку.

Это было типично для имперцев: не рисковать. Духарев мог этому только порадоваться. Захватить такой корабль – не по их скромным силам. Уходят – и слава Богу!

Ромеи отчалили, но о печенегам этого сказать было нельзя. К тем, которые дрались с Халли, подоспела подмога. Теперь на нурмана наседали

четверо пеших, а еще трое, верхами, крутились поблизости, вертя пиками. Нурман отмахивался, прижавшись спиной к стене длинного склада. Он остался один. Его жена лежала навзничь шагах в десяти. Шлем слетел с ее головы, размотавшаяся коса – в пыли, лицо окровавлено. Судя по тактике степняков, они намеревались взять Халли живым.

За миг до того, как Духарев появился на площади, из соседней улочки выскочили еще трое печенегов. Двое тут же осадили коней, а третий, наоборот, прибавил, подлетел к дому, у которого кипела драчка, но с другой стороны. Не останавливая коня, степняк ловко встал на седло, а с седла прыгнул прямо на крышу.

– Машег! Сбей его! – рявкнул Духарев.

Двое печенегов обернулись на его крик, схватились за оружие. Духарев срубил одного, второй успел натянуть лук, Сергей поднял Пепла на дыбы, лошадь степняка шарахнулась, и стрела прошла мимо.

Печенег завопил, привлекая внимание товарищей. Для их здоровья было бы полезнее, если бы он смолчал.

Воспользовавшись тем, что враги отвлеклись, Халли совершил великолепный прыжок, сшиб одного из пеших и прорубил бок ближнего всадника. И отскочил раньше, чем кто-либо из степняков зашел ему за спину.

Последний всадник, привстав, метнул пику. Нурман принял на щит, но бросок был очень силен, а щит изрядно порублен. Пика пробила его насквозь и проткнула левую руку нурмана. А печенег выдернул из чехла лук.

Духарев бросил Пепла в сторону, но степняк не обманулся. Противник приближался, и печенег ждал, намереваясь бить наверняка.

И дождался.

Машег вылетел из улочки следом за Сергеем, тут же вскинул лук и выстрелил.

Стрела свистнула у самого уха Духарева и ударила в грудь степняка.

Сергей вихрем проскакал мимо, махнул мечом – и один из противников Халли укоротился на полголовы.

– Халли! Сверху! – закричал Духарев.

Нурман запрокинул голову, увидел свесившегося с края крыши печенегу, подпрыгнул и ткнул степняка в лицо.

Но другой печенег, изловчившись, достал-таки нурмана, полоснув саблей по уже раненной ноге.

Халли устоял! Он сумел отбить следующий удар. Но тут с крыши на него свалился раненый степняк, и нурман упал.

Духарев уже был рядом. Его меч свалил более храброго печенега. Менее храбрый пустился наутек, обогнул дом и попытался спрятаться внутри, нырнув в окно. Духарев замахнулся, намереваясь разрубить степняку поясницу, но тут обнаружил, что печенег зацепился налучем и застрял. Меч Сергея плашмя опустился на тощую мозолистую задницу. Печенег завизжал и задрогал ногами.

Духарев быстро огляделся, увидел Машега и выбежавшего из-за горящего дома Гололоба. Печенегов, намеревающихся драться, на площади не наблюдалось.

Духарев вложил меч в ножны и соскочил наземь. Ухватив печенега за ремень, он выдернул его из окошка, взял за шиворот и хряснул о стену. Степняк сразу перестал дергаться. Сергей обрезал с печенегова лука тетиву и с ее помощью быстро и качественно упаковал пленника, для надежности прикрутив руки к ногам. Закончив, подошел к Халли.

Нурман сидел на земле, привалившись к стене широкой спиной, вцепившись окровавленными руками в скользкую от крови рукоять. И лужа крови расползалась от него, застывая на солнце яркой блестящей пленкой. Дьявол! Нурман умирал!

– Ну? – прохрипел он. – Кто был прав, варяг? Я был прав!

– Ты, – согласился Сергей.

Подошел к его жене, поглядел на лицо в маске пыли и крови, зачем-то поднял из пыли косу, положил на не по-женски окольчуженную грудь.

– Она... тоже? – В груди у Халли булькнуло, он закашлялся, но усилием придавил кашель. – Сожги ее... Со мной... С оружием...

– Да, – обещал Сергей. – Да!

– Да... – Пленка смерти уже затягивала глаза Халли, толстые пальцы в последний раз сжались на рукояти. – Од-один! – выдохнул он кровавой пеной. – Од-один! Я иду-у!

И умер. С прямой спиной. С мечом в руке. Непобежденный.

«Герой, – мрачно подумал Духарев. – Город просрал, людей своих просрал, зато – в Валхалле!»

Подошел Машег, встал рядом, маленький, стройный, как мальчишка. Стащил с головы железную шапку, сказал:

– Вира убили. И Щербину.

Сергей опомнился. Обтер пальцы о штаны, вложил в рот, свистнул, сзывая своих.

Гололоб и Устах уже были тут. У Гололоба левая рука замотана окровавленной тряпкой.

– Чекан – всё, – сказал Устах.

– Мисюрка тож, – Гололоб провел пальцем по шее.

– А Понятко?

– Вон Понятка! Вона едет! – обрадованно воскликнул Машег.

Молодой варяг подскакал лихо, спрыгнул. На спине его коня, поперек, словно овца, висел связанный печенег.

А на площадь тем временем (и откуда взялись?) стал выбираться местный народ: мужчины, женщины, малышня.

– Ты чего мокрый? – спросил Гололоб костлявого длинного парня, явного славянина, судя по физиономии.

– От этих в море сбег, – парень махнул в сторону моря, где шла, забирая к югу, красная ромейская галера.

– А чего не дрался?

– Я дрался! – возмутился парень. – Я тех ромеев...

– Помолчи! – оборвал его Духарев. – Гололоб, Понятко, займитесь погибшими! Разберитесь с народом, может, где недобитые степняки остались, надо все дома обыскать. Живых – мне. Трупы – на площадь. Дрова тоже на площадь. Устах, Машег, берите пленных и за мной, к башне.

В башне, он помнил, оставалось довольно осыпавшихся сверху углей. По дороге Духарев захватил пару сломанных печенежских копий с широкими наконечниками. Пусть печенежское железо развязывает печенежские языки. Поглядел на солнце, прикинул время... Может, здесь, в городе, и заночевать? Ладно, там видно будет.

У башни сообразительный Машег уже нагреб в щит раскаленных углей, Серега погрузил в них наконечники копий.

Печенеги, уложенные рядком, надменно глядели в небо. Они знали, что их ждет, но собирались держаться достойно.

– Так, – сказал Духарев. – А ну кыш отсюда все!

Зрители, в основном бабы и малышня (мужчин припахали Гололоб с Поняткой), неохотно отошли. Устах с удивлением взглянул на друга. Он не понимал, зачем лишать народ развлечения. Но зачатки прежней морали еще не до конца выветрились из Сергея. Будь они с Устахом вдвоем, он охотно передоверил бы другу «грязную» работу. Ничего! Попадись Серега копченым, они бы точно церемониться не стали. И ему следует научиться без эмоций выжимать у врагов информацию здешними методами. А вот делать это на глазах у таганских детишек совсем не обязательно.

Глава двадцать седьмая

Плоды победы

Запах горелой плоти, ставший привычным, как запах бензина для автомобилиста, трупы, шевелящиеся в пламени...

Души воинов, в огне и дыму улетающие в Ирий. Или в Валхаллу. Или еще куда-то...

На обнаженных мечах варягов горит солнце. Губы Машега шевелятся беззвучно. Может, молится Единому, просит прощения за языческое действо?

Духарев у Бога прощения не просит. Он вообще о Боге не думает. Их осталось пятеро. Вот о чем думает Духарев. И еще о том, что вызнали у пленных. О пленном хузарине, о хане Албатане, что возит в сумке собственного бога, не боится в степи никого и никогда не отступает. О сотне степняков, что идут за ханом. О том, что золото – действительно Игореву, раз названо имя Скапэ-Скарпи, а значит, где-то в бескрайней степи рыщут отряды киевлян и тоже очень хотят встретиться с теми, кто увел у них из-под носа добычу.

Еще Серега думал о том, что дальше опять придется идти сушей, а не водой, как рассчитывали, потому что в Тагане не нашлось ни одного судна размером больше рыбацкой лодки. И еще о том, что между нижним Доном, куда предлагает идти Машег, потому что там живут его родичи, и Таганом – сотни километров степи, по которой кочуют печенеги и прочий разбойный люд. А если им все-таки повезет и удастся проскочить между степными бандами и вернуться домой, то еще неизвестно, удастся ли сохранить в тайне, кто именно присвоил ромейское золото. А если правда раскроется, то захочет ли Свенельд, даже за долю в добыче, выступить против великого князя?

Впрочем, о последнем можно пока не беспокоиться. До эпизода «Лиса и колобок» надо еще дожить. Пока на очереди разборка с серым волком.

Пламя опало. Мечи исчезли в ножнах.

Машег, казавшийся совсем маленьким рядом с высоченным Духаревым, прикоснулся к плечу Сергея.

– Ты не думай, командир, – сказал хузарин. – Степь большая, прорвемся.

– Да, – Духарев мотнул головой, отгоняя мрачные мысли и усталость, огляделся. С десятков местных болтались по площади. Кто-то возился

внутри башни. У ее необгоревшей стены грудой валялась добыча, взятая на печенегах. Никто из таганцев на нее не покушался.

– Иди сюда! – скомандовал Духарев одному из местных, седобородому, но вполне крепкому мужику, выглядевшему посерьезнее остальных.

Седобородый подошел, поклонился с достоинством.

– Ты кто? – спросил Духарев.

– Мачар, староста плотницкий, – степенно ответил дед. – Мы благодарим вас, варяги! Ежели есть в чем у вас нужда – скажи. Все дадим, коли есть!

Он еще раз поклонился, широкий, приземистый, лысоватый, немного печальный.

Есть от чего печалиться. Многих побили степняки. И еще ромеи...

Но могло быть хуже, значительно хуже, если бы не подоспели варяги.

– Устах! – позвал Духарев. – Скажи, что нам надо...

– Значит, так, – деловито произнес синеусый. – Зерна для коней – это во-первых...

Почти все трофеи варяги оставили жителям. Себе взяли запас стрел, кое-что из одежды и упряжи. Денег не взяли – своим серебром сумки до отказа набиты. Серега даже хотел оставить долю таганцам, на восстановление городка, но Машег отговорил.

Неразумно. Лишний след.

Машег нашел в городке соплеменника, из мелких купцов. Бедняга чудом спасся и даже ухитрился остаться неограбленным. На радостях купчик сделал благородному соплеменнику княжеский дар: пергамент-карту, где условными значками было показано все, что надобно путешественнику.

Духарев, чувствовавший ответственность за освобожденный городок, собрал остатки городской старшины – полдюжины дедов. Тех, кто помоложе, побили печенеги.

В будущее деды смотрели философски: чему быть, того не миновать. Городок и раньше был защищен так себе, а теперь, после гибели дружины, оставался вообще беспомощным: даже запирается в стенах не имело смысла.

Нисколько не сомневаясь, что хан Албатан очень скоро нагрянет в Таган, Сергей наставлял дедов валить все на варягов и ромеев. Он вручил Мачару взятую с тела Халли золотую бляху Куркутэ. Авось поможет.

Старшины сначала попробовали уговорить Серегу остаться. Вместо побитой дружины. Но когда узнали, что печенежский хан идет именно за

ним и ведет за собой больше сотни воинов, уговаривать перестали. Обещали держаться предложенной Духаревым линии. Собственно, это было в их же интересах.

Над городом висел бабий плач.

Но, как выяснилось, не только плач.

Вернувшись на подворье, где временно обустроились варяги, Сергей, едва войдя, обнаружил в большом корыте, из которого поили скот, плещущегося в теплой водичке Понятку. В компании двух юных нимф, черненькой и беленькой.

– Иди к нам, старшой! – гостеприимно пригласил Понятко.

Духарев с сомнением поглядел на корыто.

– Тесновато не будет? – усмехнулся он.

– В тесноте, да не в обиде!

Нимфы захихикали.

– Ладно, ладно... – проворчал Духарев, проходя мимо.

Он уже смыл с себя кровь, пыль и копоть, выкупавшись в море. Но сполоснуться в пресной водичке тоже не помешало бы. Сначала, однако, – позаботиться о друге.

Духарев прошел на конюшню.

Пепел, вычищенный, с расчесанной гривой, лакомился отборным зерном.

Увидев хозяина, радостно заржал, ткнулся губами в ухо.

– Не беспокойся, варяг, – сказал ему старший из конюхов. – Умаслим ваших лошадок.

Духарев кивнул, поглядел на конюха, спросил:

– Булгарин?

– Булгарин.

– Холоп? Вольный?

– Был холоп. Нынче вольный.

– Про Радов Скопельских не слыхал?

Конюх покачал головой.

– Я, – сказал, – из волжских, а те, должно, нет?

– Нет, – подтвердил Духарев. – Из дунайских.

– Ну вот. Я ж слышу: имя не наше. Ты иди, господин. Там те в бадье воды согрели. Ну и это...

– Что – это?

Конюх ухмыльнулся.

– Увидишь! – сказал он.

Глава двадцать восьмая

Плоды победы (продолжение)

Духарев увидел.

Их было аж шестеро. Можно сказать, старые знакомые. Серега признал их, хотя на сей раз девицы были одеты. Те самые девицы, которым он отдал подшибленного печенег.

– Кушать хочешь, господин? – спросила рыженькая.

– Я поел.

– Ты полезай сюда, – рыженькая кивнула на бадью. – Мы те вина принесем. Иль ты вина не пьешь?

– Пью, – сказал Духарев, раздеваясь.

Все, кроме рыженькой, деликатно отвернулись.

– А то полезай со мной, – предложил Духарев, вспомнив родинку на ягодице.

– Ой-ой! – рыженькая засмеялась. – Я по жеребью третья.

– По какому жеребью? – удивился Духарев, с удовольствием погружаясь в теплую воду.

– А мы жеребий бросали, – пояснила рыженькая. – Кому первому с тобой быть. И первая – вот она, Вилька! – Рыженькая толкнула беленькую девчонку с курносым носиком. – Иди, Вилька! Муж тя зовет!

Невысокая худенькая Вилька стянула через голову юбку, рубаху и решительно полезла в бадью, наткнулась ножкой на то, что являлось исключительно мужской принадлежностью, ойкнула. Глаза у нее стали очень круглыми и очень глупыми, более того, она постаралась отодвинуться от Духарева подальше, что в тесноватой бадье было абсолютно невозможно.

– Я так понимаю, детка, что мужчин у тебя раньше не было? – осведомился Духарев.

Вилька так энергично замотала головой, что Серега обеспокоился: не оторвется ли? Больно шейка тоненькая.

– А ты уверена, что хочешь именно меня?

На этот раз последовали не менее энергичные кивки и попытка обнять Духарева... Но стараясь при этом не задеть, хм... некоторые отдельные части мужского организма.

– И что же, прямо здесь? – усмехнулся Сергей.

Новые кивки, но менее уверенные. Ну что за напасть такая! Сначала

черт-те сколько болтаешься по степи в исключительно мужской компании, а потом вместо нормального полноценного траха – этакий, с позволения сказать, лягушонок.

Сергеа взял «лягушонка» за хрупкие бедрашки... И почувствовал себя Голиафом, по которому промахнулся будущий царь Давид. Вот он, Голиаф, ручищи-елдище-бородачица – и subtilный мальчишка-подпасок, от чьей храбрости уже ничего не осталось. Поступить с таким по-мужски – сам себя потом уважать не будешь. А тут еще целая кодла «зрителей»!

– А ну вылазь! – скомандовал Духарев.

Малышка затрясла головой и вцепилась в Сергея изо всех сил. Даже руку поцарапала.

– Уймись, – фыркнул Духарев. – Просто поищем местечко поудобнее.

Они вылезли из бадьи. Остальные соплячки-«невесты» глазели на Сергея, как лошадики на перспективного жеребчика.

Две рыжие и три чернявые. Одна даже чем-то напоминала Серегину Сладу. Будь у Духарева возможность не обидно бортануть остальных, он ограничился бы именно ею. Ну, еще, может быть, первой бойкой рыжушкой... С другой стороны, если они здесь все сплошь девичьи... А не слабо Сергею управиться аж с шестью девственницами? Вызов, однако! А если добавить к этому то, что Сергей устал, как берсерк после драки, что на брюхе у него синячище с блюдца размером, что дергает в ушибленном непонятно когда колене, а ребра слева болят еще с позавчерашнего... И вместо приятного развлечения ему предстоит процедура массовой дефлорации... Никакого романтизма, одним словом.

Все это Сергей думал, пока ковылял через двор, таща под мышкой тучок с одежкой и зброей и глядя на мокрую белую попку девушки Вильки.

Сергей вошел в сени, и все шестеро «невест» ломанулись следом.

– Так! – сказал он, поворачиваясь и опуская тучок с имуществом на подвернувшийся бочонок. – Общая команда: стой!

Девушки смущенно остановились, замерли у крыльца, преданно глядя снизу вверх. Очаровашки! Нет, ну какой все-таки у здешних характер отходчивый. Часа три назад печенежского ублюдка скопом гасили, хотя до этого вряд ли убивали кого-то крупнее петуха. И – как с куста! Стоят девчушки-лапушки, глазки сияют, губки – бантиками.

Духарев пошарил в свертке, извлек портки, натянул, завязал шнурок.

Вот так лучше. И аудитория не отвлекается на посторонние, преждевременно возбужденные предметы.

– Слушай приказ! – строго произнес Духарев, взирая на них с высоты

крыльца и собственного роста. – Всем вымыться и надеть чистые рубахи!

Подумал немного и добавил:

– Принесите шкуру медвежью... Хотя откуда у вас тут медведи? Овечьих, только чистых, понятно?

Одна из девиц фыркнула, но Духарев поглядел на нее строго:

– Я вам не печенег, чтобы на бараньем дерьме спать, понятно? Масла греческого принесите, холстов чистых... – Обвел «невест» придирчивым взглядом: никто не усмехается? Вроде нет.

Что еще? По славянской традиции, бывало, молодоженам под окна жеребца с кобылой ставили. Для лучшей заводки. Может, порадовать Пепла? Нет, не стоит, пусть отдыхает. Он потом, после случки, дня два квельый.

– Цветов принесите свежих... – распорядился Серега. – И что-то, помню, о вине говорили? Тоже несите. Да побольше! Вопросы есть? Исполнять!

Девчушки сорвались с мест и умчались.

Серега спустился с крылечка. Солнце приятно грело влажную кожу. По двору бродили гуси и куры. На заборе, сложенном из серого известняка, сидел пестрый петух... А с площади тянуло гарью и горелым мясом погребального костра.

Серега вздохнул, наклонился, пощупал колено: болит, стервь!

За спиной у него гаденько захихикали.

Духарев мигом развернулся и обнаружил в сенях ветхую старушонку, идеально смотревшуюся бы в роли Бабы-Яги в каком-нибудь детском фильме времен прошлой Серегиной жизни. В этой жизни персонаж типа Бабы Яги в списках лесной нечисти тоже числился. Но имел совершенно другой имидж – этакое свирепого зомби.

– Ты откуда взялась? – недовольно спросил Духарев.

– Ить, живу я тут! – Бабка сошкандыбала с крыльца и оказалась ростом чуть повыше Серегиного колена. – А ты вишь каков, варяг! Не ведала!

– Чего не ведала? – удивился Духарев.

– Девок-то прогнал.

– Ну... Они еще вернутся, я думаю, – сказал Серега, поглядел в сени: интересно, кто там еще?

– А то ж! Ясно, вернутся! – подтвердила бабка. – Однак ты, варяг, не прост!

– Ты о чем, старая? – спросил Духарев.

А сам подумал: «Не дай Бог, окажется ведьма! Объявит меня

кромешником и начнет клюкой своей махать!» – и на всякий случай отодвинулся.

– Да о том же! Я вашего брата-жеребца знаю! Увидал девку, завалил и ну пежить! Знаю-знаю! Саму тем потчевали. А такой великан, как ты, небось, все нутро прободит! Застоялась кровь-то?

– Если ты думаешь, бабка, что я только и мечтаю, что перепробовать за раз полдюжины девок, ты глубоко ошибаешься! – Духарев понял, что гнать клюкой его не будут, и успокоился. По нему, так лучше печенег с луком, чем безумная старуха с клюкой. С печенегом, ей-богу, проще: чик – и нет печенег.

– Мне бы и одной хватило, – сказал Сергей. – Да не девку пугливую, а...

– ...молодку горячую! – подхватила старуха и снова захихикала. – Знаю, знаю, варяг. Хочешь, помогу?

Духарев очень хотел сказать: хочу. Но это было бы нечестно по отношению к «невестам». Когда они придут со всем необходимым... А его нет. Свинство получится.

– Нельзя, бабушка. Девушки обидятся.

Старуха опять захихикала.

– Обидятся, точно! – подтвердила она.

– Лучше б себя для мужей поберегли, – заметил Духарев.

– Да ты что? – старуха замахала артритной лапкой. – Йим от такого богатства, как ты, сына понести – великая радость. Да с таким сыном – у-у-у! Такого сына в род получить – великое дело!

«Так! – подумал Серега. – Понятненько. Значит, не просто дефлорировать, а еще и оплодотворить. Причем конкретно. Чтобы, значит, парень был, а не девка. Ясненько. Пустячок!»

– Зельишко у меня есть, – старушонка хитро сморщилась. – Прах. Его абу привозят. Может – из Синда. Может – из Хинда. От зельишка того старый мой, бывалоча, как молодой козел скакал.

– Я еще не старый, – буркнул Духарев.

– Кто ж говорит, что ты старый? – удивилась старуха. – А есть у меня и другое зельишко. В вино молодое бросишь щепотку – и любая, хоть баба, хоть девка, – вмиг огнем вспыхивает да бежит, как шальная, пока это самое не получит, что у ты в портках шевелится. Дать?

Духарев поразмыслил малость...

– Давай, – сказал он. – Оба.

Глава двадцать девятая, в которой герой, после трудов ратных и иных, более приятных, видит чрезвычайно странный сон

Несмотря на зельишко и весьма долгое воздержание, с шестой девицей произошёл облом. Возможно, будь последняя девица-красавица не столь невинной, последнее, хм-м... осеменение тоже удалось бы. Но дева лежала сущим кулем. Симпатичным, приятно пахнущим и на ощупь тоже приятным, но... тихим. Пискнула легонько, когда Серега проник в тайное местечко, но после этого терпеливо лежала, прикрыв глазенки, минуток двадцать, пока одноразовый муж трудился, скрипя утомленными суставами. Затем начала чуть слышно постанывать. Но совсем даже не от возбуждения, а потому что подобная механическая процедура для недавней девственницы, скажем прямо, малоприятна. Вдобавок у «секс-машины» нестерпимо разнылся ушибленный в схватке локоть, и пришлось могучему мужу в прямом смысле возлечь на несчастную девушку. Двух минут не прошло, как мужу стало ясно, что полупридушенная центнером костей и мышц малышка вот-вот вообще отрубится. И «секс-машина» дала задний ход, а именно: сползла с бедняжки и, перевернувшись на спину, замерла в блаженном покое. Забавно, что при этом основной ее агрегат продолжал гордо алеть над обессиленным телом.

Шестая по счету «невеста» минутку полежала рядом, переводя дух, потом решительно вскарабкалась на поверженного представителя сильного пола и принялась неумело играть боевой флейтой. Духарев не чувствовал в себе достаточных сил, чтобы руководить этой игрой, поглаживал лениво нежные сисечки с крохотными сосочками и сам не заметил, как задремал. И сон ему приснился совсем не эротический, а донельзя странный и загадочный...

Это была гора. Склон горы. Осыпь из довольно крупных камней, по которым было не так трудно карабкаться вверх, то подтягиваясь, то перепрыгивая с одного валуна на другой. Ниже осыпи кудрявилась густая зелень, от которой почему-то поднимался влажный грибной дух, словно ранней осенью где-нибудь на Карельском перешейке. Но это точно был не север, а самый натуральный юг. И небо было южное, и солнце шпарило с невероятной силой. Злое было солнце, чужое, яростное.

Сергея был не один. Справа от него упорно, побряхтывая, лез наверх Устах. А впереди – еще двое. Легкий ловкий Машег и некрупный незнакомый парень в нурманских доспехах. Машег время от времени помогал этому парню: то плечо подставит, то, вскарабкавшись выше, руку подаст.

«Чего это он?» – удивился Духарев странной заботливости хузарина. Больше он ничему не удивлялся, только упорно лез наверх, смахивая ручьями текущий пот. Не удивительно: в полной выкладке на такой жарнице. Но пить, как ни странно, не хотелось.

Потом осыпь исчезла, и они вчетвером оказались уже наверху, в узкой долинке, спускавшейся к маленькому озерцу.

Духарев наконец увидел лицо четвертого. Это оказалась почему-то погибшая жена сотника Халли. Без каких-либо ран, только довольно грязная. Впрочем, сам Сергей вряд ли был чище.

– Вода! – выдохнул Машег, и все четверо, позвякивая амуницией, рысцой устремились вниз.

Откуда он выпрыгнул, непонятно. Трава была слишком короткой. Странный некрупный зверь с невероятной быстротой метнулся к нурманке. Когти скрежетнули по кольчуге, женщина взвизгнула и отшвырнула зверя прямо на Устах. Но Устах был урожденным варягом, и меч возникал у него в руке раньше, чем голова успевала об этом подумать.

Хлесткий рубящий удар отшвырнул тварь в сторону. Зверя юзом протащило по траве прямо под ноги Машегу. Хузарин рубанул саблей. Мощно, с оттягом. Непонятный зверь опрокинулся на спину, быстро-быстро забил задними лапами. Но кровь из него так и хлестала, и минуты не прошло, как тварь затихла.

– Ну ничего себе здесь ящерки! – пробормотал Устах, покачивая головой.

Сергей наклонился над убитым зверем. Н-да...

Гладкое коричневое тело с россыпью желтых пятен. Мощные задние лапы с длинными кривыми когтями, маленькие передние... Крупная круглая голова, пасть с таким арсеналом, что любая акула позавидует. М-да... У их ног лежал прекрасно знакомый Сергею по фильмам и рисункам самый настоящий тиранозавр. Только совсем небольшой. Размером с ротвейлера...

Глава тридцатая

Зомби

Дверь тихонько стукнула, и от этого звука Серега проснулся.

В избе определенно кто-то был. И этот кто-то – совершенно точно не одна из вчерашних девчонок. Потому что пахло от незваного гостя не сладкой девочкой, а кожей, дымом и мокрым железом.

Точно, железом! Духарев услышал слабый металлический шелест. Очень знакомый. Такой звук, когда поворачиваешься, издает панцырь из стальной чешуи. Черт! Серега видел только светлую каемку вокруг двери. Что за дурная привычка делать стены без окон! А в Серегойной голове уже включился анализатор. Двигается скрытно, значит – чужак. Оружный. Опытный, поскольку носит дорогую броню. Кто? Степняк? У степняков стальной панцырь – редкость. Только у самых лучших. Какой-нибудь уцелевший печенежский батыр? Или вожак скрытно подошедшего ночью еще одного отряда? Дурацкая беспечность: варяги, понадеявшись на местных, не выставили дозорных. Расслабились, блин, победители!

Притворяясь спящим, Сергей попытался вспомнить, куда положил меч. Кажется, на лавку. На ту, что ближе, или ту, что дальше? Нужно вспомнить, потому что возможность сделать бросок будет только одна.

«На лавку я его положил или нет?»

Неизвестный сделал шаг и, вероятно, повернулся, потому что металлический звяк повторился. Ага, вот он! Сергей наконец разглядел смутный силуэт.

А может, это не печенег? Тогда – кто? Кто ты, мать твою?..

Человек сделал еще один шаг...

«Куда же я все-таки положил меч? – подумал Духарев. – Варяг, блин! Десятник! А! Где наша не пропадала!»

Толкнувшись спиной, Сергей гибким рывком перекатился на корточки и, разгибаясь, мощно и резко толкнул незваного гостя ладонями в живот. Ладони ощутили твердый холодный металл, а незнакомец хрюкнул, полетел спиной в дверь, распахнул ее и вывалился в сени. Свет наконец проник в комнату, Сергей углядел меч (не на лавке, а на стене), сорвал, стряхнул ножны, рванул в перед...

Ах ты, мать!..

В узких сенях, на земляном полу, лежала, нет, уже не лежала, а поднималась неловко, неуклюже, как механическая кукла, одетая в броню

женщина. Она пучила на Серегу помутневшие глаза... И не дышала! Еще бы ей дышать, если ее сожгли вчера на погребальном костре!

Духарев сам с шумом выдохнул воздух, попятился.

Женщина, убитая жена Халли, оперлась на колено...

Приехали! Призрак! Ох, не в добрый час Серега вчера Бабу Ягу вспоминал!

Черт! Призрак же должен быть бесплотным! Хрен там, бесплотным! Ладони Духарева еще помнили твердость панцыря и упругое ощущение плоти под ним!

Призрак – или зомби, или хрен знает что – медленно поднимался. Бледно-синий, жуткий... Духарев отшатнулся назад и уперся спиной в закрывшуюся дверь. Пальцы его плотней обхватили шершавую рукоять...

Призрак распрямился... и шумно втянул воздух. И щеки его, то есть ее, начали понемногу розоветь.

– Ума лишился? – сипло, с заметным нурманским акцентом, проговорил «призрак».

– Ты мертвая? – задал идиотский вопрос Духарев.

– С чего ты взял? – нурманка восстановила дыхание и тут же надменно выпятила губу.

– Но тебя же вчера убили. И сожгли! – пробормотал Духарев.

Нурманка поглядела на него, как на полного придурка... И вдруг начала хохотать.

И никак не могла остановиться.

– Эй! Прекрати! – потребовал возмущенный Духарев.

Нурманка зажала рот ладонью, еще с полминуты тряслась от хохота, потом успокоилась. Все-таки красивая баба. Даже синяк на щеке и бурый рубец поперек лба не особо ее портят.

Нурманка сказала что-то по-своему и опять хихикнула.

– Что, не понял?

– Я говорю: может, ты от того ум потерял, что пережеребился? – произнесла она насмешливо.

– Что за глупости! – Духарев сообразил, что все еще держит меч наготове, и опустил его. – Значит, ты живая?

– Ты огорчен? – нурманка одарила его иронической улыбкой. – Хочешь меня потрогать? Или – отпахтать? Неужто не наскакался?

Тут Духарев вспомнил, что он – голый, и с некоторым удивлением обнаружил...

– Подожди здесь! – сердито сказал он. – В комнату не заходи, понятно!

– Да уж не зайду, – пробормотала нурманка, задирая кольчугу и

поддевку и растирая живот. – Эдак ты мне все нутро отшибешь.

– Извини! – крикнул Духарев, поспешно одеваясь.

Тут в сени влетел Машег:

– Серегей!

– Чего? – Духарев выскочил, проворно застегивая ремень. – Печенег?

– Где? – вскрикнул хузарин, озираясь.

– Нет, ну надо же! – проговорила нурманка, упирая руки в бедра. – Слыхала я, что вы, варяги, дурковаты. Но чтобы настолько...

Духарев поглядел на Машега, Машег – на Духарева. Потом оба – на нурманку.

– Ты откуда взялась? – спросил хузарин. – Тебя же убили!

– Руку дай! – нурманка задрала панцырь и рубаху, схватила хузарина за запястье, прижала его ладонь к своему животу. – Ну? – спросила она. – Теплый?

– О! – протянул Машег. – Оч-чень! – и быстро пригнулся, уворачиваясь от затрешины.

– Эй-эй! – воскликнул он. – Ты же сама!..

– Стоп! – скомандовал Духарев, перехватывая новый удар. – Прекрати, сказано! – рывкнул он, с силой сжимая запястье женщины.

– Отпусти, медведь! – завизжала она, свободной рукой нашаривая на поясе нож.

Духарев выпустил ее и быстренько покинул сени. Машег уже был во дворе.

– Слышу, у тебя шум... – сказал хузарин. – Вот и прибежал. Вот шальная баба!

– Ты молчи, задохлик! – огрызнулась нурманка.

Хузарин не обиделся, а ухмыльнулся.

– А животик у тебя... те-е-еплый! – протянул он и подмигнул нурманке.

– Жеребцы! – буркнула женщина. – Небось, тоже полдюжины девок ночью перепортил, а все мало!

– Завидуешь? – усмехнулся Машег.

– Тебе, что ли?

– Девкам!

– Чего? С таким коротышкой?

– Коротышкой? – Машег ухмыльнулся еще шире. – Ты, баба, погляди сначала, а потом уж языком болтай. Показать?

– Машег! – рывкнул Духарев. – Прекрати! И ты, – он повернулся в нурманке, – тоже посовестись! У тебя мужа вчера убили, или ты забыла?

Не жалко?

– Ну убили, ну и что с того? – сварливо отозвалась женщина. – Он там в Валхалле пирует, а меня тут бросил!

– Вообще-то он меня попросил за тобой приглядеть, – сказал Сергей.

– Слыхала я. Ты уж приглядел... – нурманка скривилась. – Ручищами под дых!

– А мне вот интересно, – встрял Машег. – Как же это ты жива, если мы с Сергеем тебя мертвой видели. И я лично видел, как тебя Понятко с Гололобом на костер клали.

– Клали! – раздался веселый голос.

Понятко, проигнорировав калитку, перемахнул через забор.

– Клали да сняли! Бабка здешняя, знахарка, на нее глянула и сказала, что живая. Вот и сняли. Ошеломили ты знатно, нурманка, да не до смерти. Бабке ногату подари, не забудь!

– Вот еще! – фыркнула нурманка. – Вошла бы в огонь с мужем – ныне тож была б в Валхалле, а не тут, с вами!

– Баб в Валхаллу не пускают! – уверенно заявил Понятко. – Мне Свей точно говорил: туда только мужей!

– А про валькирий твой свей слыхал? – подбоченилась нурманка. – Иль я хуже?

– Ты лучше! – осклабился Машег.

Духарев одарил хузарина мрачным взглядом. Вот только взбалмошной нурманки им не хватало для полного счастья.

– Зовут тебя как? – буркнул он.

– Элда! – с вызовом.

Она стояла посреди двора и глядела на окруживших ее варягов с таким видом, словно готова была драться со всеми сразу.

А варяги-то веселились!

Вот только веселиться им было не с чего.

– Значит, так, Элда, слушай и запоминай, – произнес Духарев строго. – Ты идешь с нами.

Нурманка недовольно выпятила губу.

– Ты идешь с нами, – жестко повторил Сергей. – Потому что еще до полудня здесь будут печенег. Или хочешь остаться?

– Не хочу. – Нурманка все еще злилась, но соображения не утратила.

– Тогда иди собирайся. Надеюсь, твои вещи поместятся в две переметные сумы?

– Поместятся, – мрачно сказала нурманка. – Мое – на мне. Остальное сгорело.

– Понятно. Тогда возьми у местных, что требуется. Ты за них билась, так что имеешь право. И будь здесь раньше, чем солнце поднимется выше башни. Не придешь – уйдем без тебя. Искать тебя по городку мы не станем. Понятно?

– Я приду, – ответила нурманка.

– Коня не ищи, коня мы тебе дадим, – обещал Духарев. – Упряжь и прочее – тоже. Ты верхом как, умеешь?

– Да уж не хуже тебя! – Нурманка гордо развернулась и пошла со двора.

– Вечно ты, Серегей, всякую негодь подбираешь! – сказал Понятко.

– То парса этого, то нурманку омуженную! Тьфу!

– Дурачок ты! – Хузарин хлопнул парня по спине. – Кто тебя только Поняткой прозвал? Ты в бабах разбираешься, как кривич – в верблюдах.

Понятко попытался возразить, но Машег не дал.

– Молчи! Ах, какая баба! – восхищенно произнес он, обращаясь исключительно к Духареву. – Горяча, как молодая кобылица! Хоть сейчас четвертой женой ее взял бы!

– Почему четвертой? – спросил обиженный Понятко.

– Три у меня уже есть, мальчик!

– Серегей, можно, я ему башку снесу? – осведомился Понятко.

– Можно, – разрешил Духарев. – Только не здесь, а когда дома будем. А сейчас слазай-ка на башню. Погляди, что в степи творится.

По информации, полученной от пленника, Серега знал, что основной отряд печенегов двигался по дороге. Можно было надеяться, что варяги опережали их минимум на сутки. Если степняки не появились вчера вечером, значит, придут в Таган сегодня. Но не с рассветом, а попозже, так как ночных переходов без особой нужды хан не делает. Вообще, то, что род Албатана кочевал не в Приднепровье, а по ту сторону Дона, было большим плюсом. Значит, на подкрепление хан рассчитывать не мог. А сотня всадников – не орда. Достаточно варягам добраться до какой-нибудь крепостицы с мало-мальски приличным гарнизоном – и Албатану придется убраться.

А вот как быть с Игорем? Против великого князя киевского, хоть и не любимого народом, простой десятник, изгой^[35] Серега Духарев – пыль под копытами.

Был бы на месте Игоря предшественник его Олег или тот же Свенельд, Духарев даже и раздумывать не стал бы. Приехал бы, повинился, рассказал, где золото спрятано. Глядишь, и доля перепала бы от немереного богатства.

Но Игорь есть Игорь. О его скупости и недоверчивости байки ходят. Игорь выслушает внимательно. А потом на каленое железо поставит: говори, злодей, сколько утаил и где спрятал?

Прецеденты были.

Может, к хузарам уйти, как Машег советует? Но ведь и там та же история может повториться: хакан Йосып такой же жадюга, как и киевский князь. И в Итиле за варягов даже заступиться будет некому. При всем уважении Духарева, Машег по силе и влиянию в собственной стране никак не может сравниться со Свенельдом... И княгиней Ольгой.

Ладно, перезимуем.

Духарев изловил мальчика и отправил за старшиной Мачаром.

Старшина ждать себя не заставил.

Сергей велел ему обеспечить эвакуацию населения. Пусть все, кто может, бегут из города. Причем прямо сейчас. Хотя в море на лодках, хоть в степи сусликами зарываются. Потому что очень скоро придут сюда печенеги и непременно будут вымещать обиды на таганцах. Но кто-то обязательно должен остаться и рассказать о варягах. Тогда есть шанс, что степняки с таганцами возиться не будут, времени пожалеют.

– Я сам останусь, – сказал Мачар. – Меня пусть режут, может, домишки пожалеют.

Спорить с ним было бессмысленно. Упрямый старик. Сереге он нравился. Может, даже и породнились они вчера: рыжая оторва Мачаровой внучкой оказалась.

– Тогда так, – решил Духарев. – Придут, будешь все на нас валить. И не забудь сказать, что ушли недавно. И куда ушли, тоже скажи.

– Я им совру, – сказал Мачар.

– А вот этого не надо! Узнают – вернутся, и худо вам будет. А так, может, и тебя обидеть не успеют – за нами поспешат. Но народ пусть все равно уходит, ясно?

– Угу, – согласился дед.

Духарев отошел от него, утирая пот со лба. Жарища! Ну и денек будет, если с утра такая температурка!

Глава тридцать первая

Сурожская степь

Собрались в положенный срок. Две дюжины вьючных лошадей, цепочкой, да шестеро всадников с табунком заводных. Кони, вычищенные, сытые, отдохнувшие. Варяги – в выстиранной одежде, с гладко выбритыми подбородками. Орлы!

«Угу, – подумал Духарев. – Только мы теперь больше на караван смахиваем, чем на воинский отряд».

Перед тем как тронуться, Духарев с Машегом и Устахом добрый час прикидывали: куда путь держать, тыкали в карту пальцами.

Устах тянул за то, чтоб выйти обратно к Днепру. Печенеги – что? Печенеги на хвосте висят. Варяги – петлю, и они – тоже петлю. Оторвемся.

Машег звал к Дону, к устью. Там плавни, рукава и болотца, сотни островков. Там в тростниках – дикая птица и жирная рыба. Там новичку в пору заблудиться даже и на лодке. Но он, Машег, знает там каждый островок. Это его земля, исконная. Там он точно степняков со следа собьет. И князь с русью туда не сунутся, и помочь кому найдется: тамошние обитатели испокон под машеговыми предками ходят. Может, и насад большой для варягов отыщется. Тогда можно хоть вверх по Дону идти, в Саркел, а можно и по Донцу, как раньше собирались. Лучше, конечно, в Саркел. В Белой Крепости их уж точно никто не тронет. Там гарнизон сильный, одних наемных печенегов – сотни три. И там Машега тоже уважают. И тоже родичи найдутся, и друзья. Там их даже сам хакан Игорь тронуть не посмеет, потому что это будет уже война.

Сергеа склонялся к предложению Машега. Чужой народ, хузары, не вызывали у него таких опасений, как у Устаха. Серега ведь и сам был совсем недавно – чужой. И Машегу он доверял. И главное, до донского устья, во-первых, ближе, чем до Днепра, во-вторых, нет опасности наткнуться на тех, кто идет по варяжскому следу. Чуял он: не одни лишь печенеги Албатана висят на хвосте. Еще кто-то есть. Это – как пристальный взгляд со спины. Не видишь – кто, но затылком чувствуешь: смотрит.

– К Дону идем, – сказал Духарев, поглядел на друга; станет возражать?

Устах кивнул. Ему тоже были видны преимущества «хузарского» варианта.

Пока старшие совещались, Понятко искал собачонку. Не нашел, хотя и привлек к поискам десятков таганских пацанят. Плохо. И без собачки плохо, и примета нехорошая. Пацанята тут же предложили ему подыскать подходящего пса, но Понятко покачал головой. Хорошего сторожа специально натаскивать надо. Иной раз полгода уйдет, пока выучишь. Да и то не всякого щенка.

Провожать варягов вышли едва ли не все жители Тагана – человек двести. Духаревские «невесты» липли к стремянам: глаза блестят влагой, на шейках блестит подаренное «женихом» серебро. Серебро, впрочем, блестело не только на них. Остальные варяги тоже не поскупились: отдарились за ласку. И провожали их чуть ли не со слезами.

Только у стремени Элды никто не ронял слез. Не было у нурманки друзей-подруг среди горожан. Ее друзья-воины и муж-богатырь вчера истаяли дымом в светлом небе.

Нурманка сидела в седле прямо, глядела надменно, пряча за гордостью горечь. Она, единственная, парилась в доспехах, но терпела и жару, пот и зуд ради грозного высокомерия.

Наконец тронулись. Сергей напомнил еще раз, на прощанье: уходите, люди! Застанут печенег – будет беда!

Духарев послал Понятку вперед: на всякий случай. Сам ехал впереди с Машегом.

Устах и Гололоб гнали вьючных.

Миновали желтые поля, где местные выращивали сурожь – рожь пополам с пшеницей. Более неприхотливая рожь поднималась над пшеницей, оберегала ее от зноя. Сурожь тут возделывали повсеместно. Надо полагать, и море звали Сурожским из-за этого.

Элда некоторое время ехала в стороне, потом пристроилась слева от Духарева.

– Броню сними, – сказал ей Сергей. – Жарко сегодня. Успеешь облачиться, если что.

Нурманка фыркнула. Однако минуток через сорок решилась: взялась снимать панцырь, но запуталась в ремнях и едва не свалилась с лошади. Машег тут же оказался рядом, поддержал, помог разоблачиться. Сам он был в одной лишь свободной рубахе из тускло-серого шелка. А вот нижняя рубаха Элды под стеганой поддевкой промокла насквозь и липла к роскошному, по крайней мере, с точки зрения хузарина, телу. Но Машег воздержался от комплиментов фигуре нурманки, предусмотрительно

похвалил лишь качество ее панцыря. Похвала была принята благосклонно, хузарин и нурманка поехали рядом. Духарев поглядывал на них и тихо радовался. С женщинами, подобными Элде, он не любил строить долговременных отношений. Проблем больше, чем удовольствия. А просто перепихнуться и забыть... Нехорошо выйдет. Все-таки он обещал Халли присмотреть за его женой. Вряд ли нурман вкладывал в понятие «позаботиться» мимолетную связь. А стоит только дать повод и... Нет уж, пусть нурманской красавицей занимается Машег. В том, что хузарин сумеет очаровать Элду, Духарев не сомневался. Вообще-то, у хузар рожи примерно как у печенегов: плоские, скуластые, будто блюдца, вылепленные не шибко умелым гончаром. Но белые хузары – дело иное. Их предки веками брали в жены лучших красавиц, мадьярок, славянок, ромеек, арабов. Потому-то у смуглого Машега глаза серые, а кость хоть и тонкая, да крепкая, как у арабского коня. Ростом не очень, зато аристократически красив, куда красивей лицом, чем сам Серега.

Пересекли русло маленькой речушки. Воды в ней было – хомячку по пояс, но по берегам весело зеленели деревца, и трава поднималась выше и гуще, чем в открытой степи, поскольку дождя не было давненько – и не предвиделось, судя по безоблачному небу.

Духарев поглядел на это самое небо, прикинул время, скомандовал:
– Привал!

Коней расседлывать не стали: мало ли? Зато сами с удовольствием избавились от военной «сбруи».

Серега скинул сапожки и с кайфом прошелся по желтоватой водичке. Подумал: не окунуться ли? Что за жизнь такая: вчера только мылся, а сегодня опять – как запаренная лошадь! Хотя это, вероятно, дело привычки. Вон, те же печенеги вообще не моются. Разве что случайно: например, во время переправы.

Тут Духарев услышал рядом с собой плеск, обернулся и... обнаружил Элду. В первозданной красе дочери Евы. И вынужден был признать, что сложена нурманка – как надо. Никаких культистских мужеподобных мышц. Отличная спортивная фигурка: плоский живот, тонкая талия, округлые бедра, ноги вполне приличной длины. И бюст тоже приличный – упругость даже глазами чувствуется. Если к этому прибавить белокурые пушистые волосы и синие глаза...

– Чего уставился? – не без вызова спросила Элда. – Нравлюсь?

– Да как тебе сказать... – промямлил Духарев.

Вот вчера зрелище обнаженной женщины вскипятило Серегина гормоны – не удержался бы... А после прошлой ночи... Не то чтобы совсем

ничего, но существенно полегче.

Нурманка явно ожидала более эмоциональной реакции: фыркнула презрительно, опустила на корточки, придерживая косу левой рукой, и шумно помочилась.

Духарев сделал вид, что не заметил.

«Ползет шифер у бабы, – подумал он. – И есть от чего».

На песочек рядышком неожиданно прыгнул Машег.

Элда от неожиданности ахнула, рефлекторно прикрылась руками... и тут же густо покраснела.

– Дурень! – бросила она Машегу, опуская руки.

Стыдилась она явно не наготы, а того, что отреагировала по-бабьи, а не по-воински.

«Да, – подумал Духарев. – Хоть и учил ее отец – а недоучил».

Любой сопливый отрок на ее месте, испугавшись, не прикрываться бы стал, а к оружию дернулся.

– Ах! – проговорил Машег, обольстительно улыбаясь. – Никогда не видел кожу столь дивной белизны! Позволишь ли ты, подобная прекрасной валькирии, скромному воину окунуться в омывшие тебя воды и смыть пот с измученного тела?

– Мойся, – проворчала нурманка. – Река общая.

– Благодарю! – Машег начал проворно раздеваться, а Духарев, пряча усмешку, полез на берег.

Если уж правоверный хузарин назвал валькирий прекрасными, а не бесами и суккубами, как обычно, значит, он всерьез положил на нурманку глаз.

Уже поднявшись на берег, Духарев услышал звонкий голос Элды.

Духарев еще раз усмехнулся и принялся натягивать сапоги.

«Что-то Понятко не возвращается, – подумал он. – Уж пора бы».

Устах и Гололоб развьючивали коней.

– Место хорошее. Пускай отдохнут, – сказал Сереге его друг. – После нагоним, когда жара спадет.

– Добро, – не стал спорить Духарев.

Место и впрямь было неплохое.

А вот внешний вид Гололоба Духареву не понравился. Рана у гридня пустяковая, но крови он вчера потерял порядочно, и даже загар его не мог скрыть бледности.

– Сядь, отдохни! – велел ему Сергей и сам взялся помогать Устаху.

– Слышь, Серегей, ты кабаньи следы в грязи видел? – спросил

синеусый варяг.

– Видел, – подтвердил Духарев. – А что?

– Добыть надо молодого кабанчика. Сделаешь?

– Запросто.

Здесьнее зверье людей не очень-то боялось.

– Только зачем? У нас же полно мяса. Да и Машег вепрятины не ест.

– Печенка нужна. Гололобу. Лучше, конечно, медвежья, но и свинная

сойдет.

«Точно!» – подумал Сергей.

Как он сам не сообразил.

– Сделаю, – пообещал он. – Только Понятку дождусь.

И сел точить меч.

Он как раз успел довести дело до конца, когда прискакал Понятко. И только глянув на него, Серега сразу понял, что охоту придется отложить.

– Ну, что там? – не ожидая ничего хорошего, осведомился Духарев.

– Орда! – выдохнул Понятко. – Орда идет!

Глава тридцать вторая

Хан Албатан

Всадники Албатана ворвались в Таган через четыре часа после того, как уехали варяги. Почти все уцелевшие жители успели покинуть городок. На рыбачьих лодочках, на всем, что хоть как-то держалось на воде. Главное – пересидеть. Большой варяг сказал: степняки придут, но вскорости уйдут. Не бойтесь!

Не встретив сопротивления, печенеги рассыпались по улочкам, пронеслись вихрем по городку и встретились на площади у обгорелой башни, где и обнаружили аккуратно уложенные трупы сородичей из передового отряда.

Здесь же, на площади, парились на солнцепеке несколько таганских дедов во главе с Мачаром.

На выцветшей рубахе старосты солнцем горела золотая бляха.

Печенеги завертелись вокруг стариков бешеной каруселью... Но не тронули. Ждали хана.

Албатан подъехал, мрачный и злой. Он видел, что город покинут. Он видел, что его воинов побили. Видел он и погребальные пепелища. Ему подали кусок пергамента, взятый с груди убитого печенег. На пергаменте, кровью, был нарисован ухмыляющийся конный варяг. Варяг гнал кнутом маленьких человечков верхом на собаках. В человечках без труда можно было признать печенегов. Под рисунком имелась и надпись, но Албатан не умел читать. И никто из его воинов – тоже.

Албатан швырнул пергамент под копыта коня, подъехал вплотную к седобородому таганцу, поддел кончиком сабли золотую бляху, поглядел сверху на старика. У того лоб блестел от пота, но сам он не дрогнул.

Албатану это понравилось. Ему захотелось содрать со старика кожу. Медленно. Чтобы узнать, насколько тот терпелив.

– Варяги? Давно? – спросил хан на языке булгар, который понимали и славяне, и угры, и даже хузары.

– С рассветом, – хрипло ответил староста.

– Куда?

– Туда! – показал Мачар.

– Сколько их?

Старик показал шесть пальцев.

Мачар мог бы обмануть, но высокий варяг велел ему говорить только

правду.

Албатан поглядел на остовы сгоревших кораблей, потом дальше, на синюю плоскость моря. Зоркие глаза его, конечно, видели россыпь лодочек вдали. Но кони по воде не поскачут. Можно сжечь город, да что толку? А шарить по дворам некогда. Варяги уйдут.

– Юкгуль! Останешься здесь. Похорони наших. Не задерживайся.

– А этих, что? – спросил десятник, кивнув на стариков.

– Эти тебе помогут. Не захотят – убей.

Албатан развернул коня.

Печенеги спешно покидали Таган. Ничего не разорив и никого не тронув, как и говорил большой варяг.

Осталась только похоронная команда. Но и эти никого не убили и ничего не сожгли. Только десятник Юкгуль, улучив момент, когда никто из своих не видел, отобрал у Мачара и спрятал в сапоге золотую бляху.

Глава тридцать третья

Орда

Они не успели. Промчались вдоль речного русла, не жалея коней, но все равно не успели. Осталось только спуститься в попавшийся по дороге овражек и глядеть издали, как неторопливо накатывается из степи живая лавина.

Это было величественное зрелище. Медленно ползли по травяному морю высокие арбы, перед ними, рассыпавшись, родами, семьями, ехали кочевники: мужчины, женщины, дети...

В степи ребенка сажают в седло раньше, чем он научится ходить. Духарев видел однажды, как гостивший в Переяславле степняк сел на коня, чтобы проехать тридцать шагов.

За арбами и кибитками сотни пастухов гнали бесчисленные табуны лошадей, отары овец. Даже издали было слышно, как визжат, схватываясь, жеребцы, гортанно кричат погонщики. Шум, поднимаемый кочевьем, опережая его, катился над степью. Дрожала земля под сотнями тысяч копыт. Все живое поспешно убиралось с дороги.

Орда вышла к речке. Можно было не сомневаться, что воды в ней поубавится.

Некоторые кочевники скакали в стороне от основного потока, но это были не дозорные, а охотники. Ордынцы никого не боялись. Их было много. Тысячи. И каждый мужчина – воин.

– На Таган пойдут? – обеспокоился Духарев.

– Нет! – уверенно ответил Машег. – По реке. Здесь вода и трава хорошая. Таган – не на их земле. Туда не пойдут.

– Да? – удивился Сергей. – А я думал: орды ходят где хотят.

Машег покачал головой:

– У каждого племени – своя земля. По эту сторону реки – земли народа гила. Это не гила, это цур. Сильное племя. Но Куркутэ тоже сильный. Узнает – обидится. Гила и цур – в мире.

– А этот, Албатан?

Машег пожал плечами.

– Цапон за Доном кочует, – сказал он. – Если попадутся этим – могут и побить. Как хан решит.

Орда приближалась. Медленно.

– Может, рискнем? Проскочим? – предложил Понятко.

Устах и Машег одновременно покачали головами.

– А если просто так подойти? – предложил Гололоб. – Отдадим часть серебра...

– Часть? – Машег захихикал, и Гололоб смутился.

Ясно, что глупость сказал.

– Как думаешь, на наш берег перейдут? – спросил Духарев.

– Конечно, – ответил хузарин. – Эту речушку суслик перепрыгнет. Надо отходить, Серегей!

– Назад нельзя! – запротестовал Гололоб. – Там же этот, Альбатон!

– Албатан, – поправил Машег. – Что будем делать?

Все поглядели на Духарева.

– Рискнем, а? Проскочим? – снова предложил Понятко.

– Один раз уже проскочили, – буркнул Серега и мрачно глянул в сторону речки. – Ладно, двинулись. Ждать будем – вообще пропадем.

Первые печенег уже выехали на противоположный берег.

Гуськом, повторяя петли оврага, цепочка варягов двинулась прочь. Через некоторое время, удалившись достаточно далеко, чтобы не слышать шума орды, варяги высунули носы из оврага...

И сразу увидели впереди слева несколько игрушечных фигурок. Всадники.

«Сто против одного, что это Албатановы парни!» – подумал Духарев.

– Они нас не видят, – спокойно произнес Машег. – Но их мало. Будем биться?

– Это дозор, – сказал Духарев. – Уходим!

И они побежали.

Когда Серега Духарев еще учился в школе, ему прочили большое будущее. Все, кроме учителя физики. Хотя и по физике у Сереги тоже были твердые пять очков.

«Способный, да, – соглашался физик, бородатый дядька, водивший их по выходным в походы под Комарово и громко распевавший песни горожан-отпускников, именуемые почему-то бардовскими. – Способный, но ленивый».

С физиком не соглашался никто. Учился Серега прекрасно, сделал первый разряд по биатлону, участвовал во всяких олимпиадах. Назвать такого парня ленивым мог только душевнобольной, полагали взрослые. Но Серега знал, что физик прав. Все, что делал Духарев, он делал исключительно ради удовольствия. Не важно, пер он вперед по трассе, палил в тире или читал Писарева. Удовольствие или предвкушение

удовольствия делали приятными и физические, и умственные усилия. Как только этот стимул пропадал или появлялась какая-либо другая, более привлекательная цель, Серега даже и не пытался заставить себя делать что-либо в менее интересном направлении. Какой смысл? Так он дважды вылетал из универа. Первый раз – из-за веселой жизни, раскручивавшейся вне учебных аудиторий. Второй раз – вдруг осознав, что от желанной цели его отделяют годы, не сулящие ничего, кроме упорных усилий ради довольно неопределенного будущего. А ведь это было уже после армии. Армии, где Духарев вынужденно научился делать то, что не хочется. Правда, это был немного другой Серега Духарев. Не тот, который жил, а тот, который выживал. Первый, способный, но ленивый, не совершал никаких действий, если у него не было желания их совершать. Второй не совершал ничего сверх необходимого. И когда появлялся второй, первый тут же тушевался и уходил на второй план, как шпаненок-семиклассник при появлении старшего брата-спецназовца.

А теперь кроме этих двух, появился еще и третий. Личность этого третьего, уже не бойца, а воина, заложил еще старый Рёрах. Прошло два года, и этот третий вырос и сформировался настолько, что в нужный момент брал лидерство и легко задвигал второго.

Овраг протянулся еще на версту, а потом плавно сошел на нет... И варяги увидели прямо перед собой тот самый разъезд печенегов. На этот раз их, несомненно, заметили!

Численность с обеих сторон была примерно одинакова, и оба отряда без раздумий устремились навстречу друг другу. Варяги даже не успели пересечь на боевых коней.

Печенеги визжали во все горло, привлекая своих.

Варягам ждать помощи было неоткуда.

Машег и Понятко, опередив остальных, уже с двухсот шагов принялись метать стрелы. До рукопашной не дошло. Четверо печенегов полетели в траву, двое, развернув коней, резво понеслись прочь.

А с холма уже скатывались главные силы Албатана. Теперь варяги развернули лошадей и пустились наутек. К несчастью, конь Гололоба угодил ногой в сусличью нору и упал. Всадник полетел через его голову и остался лежать. Машег и Духарев одновременно осадили коней. Лошадь Гололоба билась в траве, пытаясь подняться. Животному это не удавалось, а вот человек с трудом, но поднялся. Правая рука его висела плетью.

Печенежья стрела пропела в воздухе и нырнула в зеленую щетку травы, не долетев.

Духарев подскакал к Гололобу, подхватил и, крикнув от усилия, перекинул через холку коня. Тот всхрапнул и даже как будто просел под двойной ношей, но, повинуясь всаднику, пошел галопом. Машег скакал рядом, придерживая своего жеребца. Расстояние между ними и печенегами сокращалось, но медленнее, чем ожидал Духарев. Жеребец под ним хрипел, но держал хороший темп. Сергей знал, что животное протянет еще несколько минут, не больше. Он засвистел, призывая Пепла.

Серая волна степняков скатилась с холма. Духарев слышал визг всадников и топот сотен копыт. Печенеги настигали, но медленно, очень медленно, и у Сергея появилась надежда, что они все-таки оторвутся... И в этот момент его конь пал...

Глава тридцать четвертая

Албатан. Удачное утро для печенежской охоты

Передовые разьезды Албатана выехали к речке позже варягов. И тут же помчались назад. Встреча с чужим кланом не сулила им ничего хорошего. Но хана новость обрадовала. Он был уверен, что преследуемые тоже не сунутся под колеса и копыта кочевья. Тем более – с таким кушем в переметных сумах. Теперь-то Албатан точно знал, что деньги, о которых говорил пленный хузарин, – существуют. Старик-таганец не скрыл, что больше десятка варяжских коней навьючены лишь парой небольших переметных сумок каждый, таких тяжелых, словно набиты камнями или железом.

О, Албатан знал, что там не камни!

При мысли о золоте, которое везет дюжина вьючных лошадей, хан испытывал большее вожделение, чем испытал двадцать зим тому назад, когда, еще мальчишкой, вошел в брачный шатер к своей первой жене.

Узнав о чужой орде, Албатан засмеялся, удивив своих воинов. И велел повернуть на запад.

Множество разьездов рассыпалось по степи. Передовые растянулись дугой, подобно волчьей стае, загоняющей тарпана.

Албатан рассчитал точно. Преследуемые выскочили из распадка прямо на его воинов.

Хан скакал впереди, но не первым. Хотя его конь был проворней, и Албатан легко мог обогнать своих воинов. Нет, хан не позволял азарту погони овладеть им. И строго велел своим не увлекаться, держаться вместе. Он не забыл, какую хитрость применили враги во время первого нападения, и не желал падать дважды в одну и ту же яму. Больше не будет одиночных перестрелок. Как только расстояние станет подходящим для выстрела, в воздух разом поднимутся сотни печенежских стрел. Пока же Албатан разрешил бить только лучшим стрелкам и целить не в наездников, а в коней. Хану очень хотелось захватить варягов живьем. Во-первых, чтобы узнать, не зарыли ли они часть золота, во-вторых – чтобы порадовать бога, которого он возил в сумке. Бог заслужил много радости, поскольку принес Албатану удачу. И продолжал помогать. В этом хан был уверен. Разве не упала лошадь одного из преследуемых? Разве у его друзей не появилась глупая мысль выручить неумелого наездника?

Сам Албатан никогда бы не стал рисковать своей жизнью и тем более

золотом ради одного-единственного воина. Воистину эти варяги – глупцы.

У хана было превосходное зрение. Он видел, как скачет перегруженный конь, и знал, что он вот-вот свалится. У Албатана было сильное искушение дать волю собственному жеребцу... Но хан прогнал искушение. Варяги и так почти у него в руках. Нет, торопиться не следует. Албатан еще раз убедился в этом, когда увидел в открывшейся низинке сбившихся вместе выючных лошадей и с ними нескольких всадников. Эти глупцы, вместо того чтобы бежать с деньгами, ждали. А один даже поскакал к отставшим, увлекая за собой заводную лошадь. И еще один конь сорвался с места и поскакал.

И тут лошадь, несущая двоих, внезапно перешла с галопа на вихляющийся шаг и еще через мгновение медленно осела на бок.

Гололоб упал на сломанную руку, вскрикнул и потерял сознание.

Сергея не сумел его поддержать, но сам соскочил аккуратно.

Машег завертелся рядом.

– Беги! – крикнул ему Духарев, но хузарин только засмеялся. Он поднял лук, прищурился, выискивая самого проворного, но печенег скакали не по обычаю, а единой массой, и Машег послал стрелу наугад. Вероятно, он не промахнулся, но одна или даже десять стрел не остановили бы сотню всадников.

Духаревский Пепел подлетел к хозяину, опередив на двадцать прыжков Понятку с заводной. Подлетел и стал как вкопанный, раздувая ноздри и глядя на накатывающуюся живую волну.

Варяги были уже в пределах досягаемости хорошего стрелка, но степняки не стреляли. Зато начали растягиваться вширь.

«Живьем хотят взять! – весело подумал Машег. – Ну, ну, попытайтесь!»

Еще он подумал о том, что надо бы успеть прервать жизнь Элды раньше, чем прервется его собственная. Женщине, с которой позабавится сотня печенегов, не позавидуешь. Мужчине, впрочем, тоже.

Духарев на приближающихся врагов даже не взглянул.

Поднатужившись, он вытащил Гололоба из-под павшей лошади и хлопнул по сломанной руке. Как он и предполагал, Гололоб, потерявший сознание от боли, от боли же очнулся.

Сергей поднял его на ноги.

– Держись, варяг! – крикнул он и хлестнул Гололоба по щеке.

Мутные от боли глаза немного прояснились.

Подскакавший Понятко спрыгнул с седла. Вместе с Сергеем они кое-

как взгромозили Гололоба на лошадь.

– Бери его и скачите туда! – Духарев махнул рукой на юго-восток.

– Понял! – Лучший – и последний – разведчик Серегиного десятка подхватил повод несущей Гололоба лошади и поскакал прочь.

Сергей вскочил на Пепла. Жеребец прыгнул вперед и тут же шарахнулся в сторону, услышав взвизг стрелы. Печенеги наконец начали стрелять, но то были одиночные стрелы, и все они ложились низко и мимо, потому что стрелки боялись задеть всадников.

Духарев повернулся, поглядел назад. Печенеги были уже так близко, что можно было разглядеть отдельные лица, разъявленные в вопле рты.

«Эх! – подумал Духарев. – Будь у меня хоть пара дюжин стрелков, я бы вам дал просрать!»

Конечно, он понимал: будь их две дюжины, а не двое – печенеги тут же рассыпались. Это же степь – места хватает.

Среди свирепых рож степняков Сереге вдруг бросилась в глаза одна, знакомая. Ну точно! Тот самый, из сна. Который командовал допросом пленника-хузарина. Вожак!

Мелькнула шальная мысль: если я его завалю, вдруг остальные отстанут?

Духарев выхватил из колчана стрелу, крикнул:

– Машег! Глянь на копченого с волчьим хвостом на шапке!

– Да у них половина с волчьими хвостами! – крикнул в ответ хузарин.

Спущенная тетива хлестнула по наручу. Серегина стрела ушла вверх. Через несколько мгновений один из степняков дернулся в седле: стрела прошила ему плечо. Другой степняк, не тот, в кого целил Духарев. Вторая стрела тоже не попала в цель.

– Видишь, ну? – закричал Духарев.

– Вижу! – Хузарин сообразил, в кого метит Сергей.

Щелк!

Машегова, оперенная перьями цапли, особая, с голосом, стрела взмыла ввысь и...

Печенежский вожак махнул круглым щитом и отшиб визжащую смерть не хуже, чем это сделал бы варяг. И тут же потерялся среди своих воинов.

Между тем расстояние, отделявшее преследователей от преследуемых, снова начало увеличиваться.

Устах, увидев это, уже скакал прочь, гоня перед собой остальных лошадей. Элда ему помогала. Не слишком умело.

Когда Машег с Сергеем поравнялись с ними, табунок поскакал

проворней. Но печенегии шли за ними, не отставая.

За Поняткой и Гололобом погони не было.

Хузарин вдруг ловко развернулся в седле задом наперед.

Конь его, ничуть этим не смущенный, продолжал идти ровным галопом, не отставая от остальных и не обгоняя, хотя мог бы.

А Машег поднял лук... И показал себя. Сравнить его с обычным стрелком – все равно что сравнить пулемет с винтовкой Мосина. Туго набитый колчан опустел за минуту. Тетива стучала, как взбесившийся метроном. Это было нечто невообразимое. Один... Один (!) воин заставил рассеяться целую сотню врагов! Нет, печенегии не повернули назад, просто рассыпались в стороны. И самую малость сбавили темп, сообразив, что в первую очередь вылетают из седла те, кто впереди. Расстояние между ними и варягами увеличилось.

Машег засмеялся и сильным толчком вернулся в нормальное положение. Он был очень доволен. Не в последнюю очередь оттого, что поймал восхищенный взгляд Элды.

Устах вытянул из своего колчана толстый пук стрел и протянул опустошившему свой сак хузарину. Машег взял, но использовать их сразу не стал. Печенегии вытянулись дугой и отставали шагов на четыреста. Чтобы на такой дистанции, на скаку снять одинокого всадника, даже Машегу потребовалось бы очень много стрел.

Глава тридцать пятая, в которой Серега Духарев неожиданно узнает о том, что его считают мудрым

Они уходили на запад, меняя аллюр с галопа на шаг и снова с шага на галоп. Скакали до первых звезд, хотя еще на закате миновали пересохшее русло маленькой речушки. Песок на дне был влажный – под ним оставалась вода. Это было хорошее место для ночлега, но варяги не могли остановиться на виду у преследователей.

А вот печенегі остановились. Но не все. Часть продолжала погоню.

– Может, оставить им пару мешков с серебром? – предложил Устах.

Синеусый варяг устал от дневной жары и долгой скачки. Он то и дело прикладывался к фляге. Но позволял себе не более глотка: воду приходилось экономить.

– Рассыпать серебро по траве – пусть пособирают? – предложил Устах.

– Нет, – коротко ответил Духарев.

Он тоже вымотался. В их компании только Машег казался бодрым. И по мере сил подбадривал остальных. Особенно Элду. А нурманка держалась куда лучше, чем рассчитывал Духарев. Скакала наравне с мужчинами. Вот только менять коней на ходу не умела, приходилось останавливаться. Хузарин неизменно оказывался рядом, подставлял под сапожок сцепленные руки, придерживал стремя. Еще раньше он подобрал для женщины лошадей с самой ровной рысью. Поначалу нурманка от помощи гордо отказывалась, но потом смирилась. К вечеру ее не привычные к долгой езде мышцы настолько одеревенели, что Машег буквально вынимал ее из седла. Но Элда не жаловалась, и варяги это оценили.

Когда на небе высыпали звезды, преследователи повернули назад. Преследуемые рискнули сделать только короткий привал.

– Машег, сколько нам примерно до тракта? – спросил Духарев.

Хузарин подумал немного:

– До ближайшего колодца – стрелищ семьдесят-восемьдесят, – уверенно ответил он.

Рожденный в степи, хузарин железно «держал» направление.

Теперь задумался Сергей.

Возвращаться на тракт было рискованно.

Духарев прислушался к своим ощущениям: когда нет иного выхода, стоит довериться интуиции.

Но интуиция молчала.

– Идем на тракт! – решил Сергей, и они снова полезли в седла.

Примерно через час под копыта коней легла ровная твердая дорога. Еще через полчаса Духарев скомандовал:

– Стой!

Впереди, отражая лунный свет, белел плоский камень, прикрывающий горло колодца.

Вдвоем с Устахом они отодвинули камень. В черной яме серебром блеснула вода.

Теперь можно было устраиваться на ночлег.

Первым нести стражу выпало Духареву. Элда и Устах моментально уснули, а вот Машег лечь не торопился. Сидел на свернутом войлоке, глядел на звезды. Духарев-командир бодрствования хузарина не одобрял. Если по расписанию бойцу положено спать – должен спать, а не на звезды пялиться. Но Духареву-дозорному общество товарища было приятно.

Как ни странно, несмотря на тяжелый день, Серега не чувствовал себя вымотавшимся. Когда уходили от погони, он впал в некое дремотное состояние: полусон-полубодрствование. Темп отряду задавал Машег, и как только лошади переходили на шаг, Серега тут же растворялся в жаре и мерном покачивании конской спины. Тело само предпринимало нужные усилия, чтобы не вывалиться из седла. И эти усилия были минимальны. Это было вроде экономного дыхания в поединке. Этот неожиданный подарок организма Серега в полной мере оценил только сейчас. И очень сильно подозревал, что Машег тоже владеет подобным искусством, иначе как он ухитряется оставаться бодрым после целого дня в седле? Да еще в полном доспехе и под палящим солнцем.

Духарев уже собрался спросить его об этом, но Машег сам задал ему вопрос.

– Вот скажи, Серегей, – тихо проговорил он. – Ты видишь будущее, когда захочешь или когда на тебя от Бога нисходит?

– Скорее второе.

– Жалко, – хузарин вздохнул. – А то я бы тебя попросил посмотреть кое-что... Про нас. В будущем.

– Ты думаешь, я бы сам не посмотрел, если бы мог? – отозвался Серега.

Машег снова вздохнул. Часто он вздыхает. Раньше за ним подобного не замечалось. Что-то с благородным хузарином не то...

– Давай, выкладывай, – подбодрил его Духарев. – Что там у тебя?

– Да, понимаешь... Это касается Элды...

Еще один вздох.

– Да? А мне показалось, у вас все ладится.

– Да, в общем, – Машег опять вздохнул. – Ладится, да. Но, понимаешь, я сначала ее не понимал. Думал: красивая баба, страстная...

– А разве нет?

– Да... Да, все так. Только... Она другая. Не такая, как я думал поначалу.

– Ну, брат, ты даешь! – сказал Сергей. – Много у тебя было женщин, которые оказывались такими, какими казались?

Машег не ответил.

Прошла минута, другая...

Между небом и землей лежала душно-теплая ночь. Степь была словно огромный зверь. Она дышала, и у ее дыхания был свой, особый, неповторимый запах. Земля казалась живой под сухой шерстью травы. А все, что на ней: люди, звери – вроде насекомых на бычьей спине. Земля была теплой, а звездное небо, наоборот, холодным и пугающим. В такие минуты Серега понимал, почему небесные боги кочевников свирепее и мстительнее богов земных. И для него, кочевника не только пространств, но и времени, эти холодные небеса были еще более пугающими. Как там говорил парс? «Звезды тебя не знают». Чужие звезды...

Машег что-то сказал, и Духарев очнулся.

– ...У меня, Серегей, было много разных женщин, – говорил хузарин. – Всяких... Но все не такие, как она. А Элда... Ей трудно было, Серегей. С мужчинами трудно, а с женщинами – еще труднее. Ее биться учили – как мужа. А у нее душа нежная, словно птенец перепелки.

Машег еще раз вздохнул и добавил:

– Я думаю, ее мне Бог послал, Серегей!

– Или тебя – ей? – заметил Духарев.

– Или меня – ей, – повторил Машег. И добавил после паузы: – Сердце у меня болит, Серегей. Что с нами будет? Что будет с ней? Страх во мне теперь, брат. Раньше такого не было. Раньше у меня не было Элды – только Бог был и честь родовая. Ни Бога, ни честь отнять нельзя, Серегей. А ее – можно. Раньше я смеялся в глаза смерти. Бог сотворил нас смертными. Мы должны умирать. Иначе как бы мы возвращались к своему Творцу? Смешно избраннику Господа бояться Небесного Отца! А теперь я боюсь, Серегей! Боюсь умереть... Я уйду, а что тогда станет с ней? Что сотворит с ней этот мир, когда я уйду? Навсегда уйду, Серегей! Ты мудр, подскажи,

как мне с этим жить?

– Я – мудр? – изумился Духарев, но Машег словно не услышал.

– Подскажи, Серегей! Не умею я так, со страхом внутри. Он силу мою точит. Стыдно мне! Отец мой не ведал страха. И дед. Боюсь я и того, что кровь свою опозорю! Честь моя. Бог мой... и она. Когда я спрашиваю у души своей: что ей дороже? «Она!» – отвечает душа. И это правда! Стыдно мне, Серегей! Мы с тобой от одного Бога, Серегей! И одна у нас Первая заповедь: возлюби Господа более себя самого! Ужель я предаю Бога моего? Скажи мне!

Серега придвинулся ближе, обнял хузарина, как обнял бы младшего брата.

– Ты ее любишь, – сказал он. – Любовь – от Бога. И ты любишь в ней Бога, Машег. Чего тут стыдиться? И бояться не надо. Не вечно же она будет делить с тобой жизнь воина! Мы выкарабкаемся, привезешь ее домой, там она будет в большей безопасности. И твой страх уйдет.

– Нет, – качнул головой хузарин. – Нет, Серегей, не сможет она у меня дома жить, по нашему уставу, с женами моими, с матерью. У нас обычаи строгие. Не станет она – по-нашему. Другая она. Не станет. И не сможет.

– Тогда посели ее у нас: в Переяславле, в Киеве...

– Может быть... – задумчиво произнес хузарин. – Но знаешь, чего я хочу?

– Да?

– Пусть она со мной будет. Всегда. И здесь, в поле. Научу ее из лука стрелять, с конем дружить научу. Станет воительницей не хуже Мисюрка.

– Мисюрок мертв, – напомнил Духарев.

– Значит, она будет лучше.

– Хорошо, – не стал спорить Сергей. – Но тогда я не понимаю, в чем трудность? Будет она воительницей. Будет с тобой рядом драться. Ну и отлично!

– Да, – вздохнул хузарин. – Этого я и боюсь. А если меня убьют? Если она тем же печенегам добычей станет? Вот она говорит: муж ее прежний оборонить не сумел. Он мог ее с собой в Валхаллу взять, но не взял. А я? Моя душа к Богу истинному уйдет. А ее? Что будет с ней? Боюсь я, Серегей!

– Так, – сказал Серега. – Ты сам же сказал: Бог ее тебе дал. Верно?

– Верно.

– Разве Бог дает что-то просто так?

– Нет, наверное...

– Значит, встретились вы не случайно. И отсюда вывод: чему быть,

того не миновать. Живи, радуйся, но не забывай, сколько у тебя врагов. И Бог вас не оставит!

– Но она язычница, Серегей!

– А это уже твои трудности! – Серега убрал руку с плеча хузарина, потянулся, хрустнув суставами. – Уговори ее стать иудейкой, – сказал он. – Женщинам, как я понимаю, это проще. И резать ничего не надо! – Серега засмеялся.

В ночной степи его смех прозвучал почти кощунственно.

– Уговорить ее будет нелегко, – задумчиво произнес Машег.

– А кто сказал, что будет легко? Сама-то она как к тебе относится?

– Говорит: я лучший мужчина, чем ее бывший муж.

– Да? И когда это вы успели?

– Вчера. На речке.

– Ну ты крут! – восхитился Духарев.

– Да не в этом дело! – отмахнулся хузарин. – Вчера она моей больше от обиды стала. На тебя она обижена была. Ты мужу ее обещал принять как жену, а не принял. Вот она от обиды – со мной.

– И что, она по-прежнему считает, что я должен взять ее в жены? – Серега даже испугался.

– Уже нет, – восстановил его спокойствие хузарин. – Во-первых, я ей объяснил, что ты – христианин. Одна жена у тебя уже есть, а второй – не положено. А во-вторых, я сказал... – Машег хихикнул, – ...что я – лучший воин, чем ты, потому что лучше меня я в степи воина не встречал. Она нурманка, Серегей. Дикарка. Сила для нее – превыше всего.

– Это верно, – согласился Духарев. – От скромности ты не умрешь, – Серега усмехнулся.

– А это так и есть, – спокойно ответил хузарин. – Лучшего воина я в степи не встречал. Встречу – сразу узнаю.

– Интересно, как?

– Он меня убьет.

Глава тридцать шестая, в которой Серега в очередной раз видит скверный сон

Когда пришла Серегина очередь отдыхать, он завернулся в попону, лег на бочок, положил под голову седло, расслабился, очень надеясь, что ему приснится что-нибудь «вещное», полезное.

Вместо этого ему приснился Питер. А может, даже и не Питер, потому что место было совсем незнакомое, из окна открывался вид на замызганные пятиэтажки, пахло пылью и мазутом.

Серега сидел за широким столом; справа – компьютер и факс, слева – пепельница и здоровый рыхловатый мужик с папиросой в зубах. Сергей тоже затыкнулся и стряхнул пепел. Жест был привычный.

«Я же не курю!» – подумал он с удивлением.

Рыхловатый глянул на часы, сказал:

– Счас придут. Он любит так: чтоб минута в минуту.

Сергей раздавил в пепельнице сигарету и тоже поглядел на часы. Без двух шесть.

Часы были тяжелые позолоченные, или, возможно, сплошь золотые, на пальце – золотой литой перстень, а на запястье – цепочка. Похожая на ту, что носил Духарев-варяг, только эта, из сна, была полегче, и работа поглубже – серийный продукт.

С монитора весело скалились две голые сисястые девки. В обнимку. Краски были настолько яркими, словно бы и не сон это, а явь. Но Серега, как ни странно, точно знал, что спит.

За дверью раздались шаги, и наручные часы Духарева немедленно запиликали, отмечая очередной час.

Вошедших было трое. Вошли, не здороваясь. Двое тут же направились к столу. Один, сдвинув пепельницу, уселся на край, второй развернул стул и взгромоздился верхом, сложив на спинке мускулистые разноцветно татуированные руки. Третий, в больших зеркальных очках, расположился поодаль, в углу, в кресле рядом с кадкой, в которой умирала волосатая пальма.

– Короче, – буркнул тот, что сел на стул. – Вы наварили на нашем поле сорок восемь штук. Их надо отдать. И штраф – еще двадцать. Сроку вам – неделя.

Духарев пробарабанил пальцами по столу.

– И только-то? – произнес он. – А потом?

– А потом вали отсюда на хер! – гаркнул тот, что расположился на столе.

– Мы не сможем столько заплатить, – сказал рыхлый. – Может, штук тридцать-тридцать пять... Больше у нас нет...

Духарев недовольно покосился на него. Этот здоровый мужик явно трусил, даже вспотел от страха. Ну и сидел бы, не открывая пасть.

– Нет, ты, типа, не понял? – деланно удивился тот, что на столе.

– Тебе конкретно сказано, а ты, типа, не понял? А если я тебе сейчас – по ушам? – Он наклонился вперед, навис над рыхлым. Тот подался назад, втянул голову в широкие плечи...

– Это я не понял, – медленно проговорил Духарев. – У нас разговор – или как?

Он уперся взглядом в глаза того, что сидел на стуле.

«Я тебя сделаю!» – говорил этот взгляд.

Татуированный не выдержал, покосился на мужика в зеркальных очках. Тот молчал.

– Разговор, – сказал татуированный. – Пока разговор.

Второй, на столе, тут же откатнулся назад, но продолжал с угрозой смотреть на рыхлого. Духарева он как будто не замечал.

– Мы предьяву сделали, – сказал тот, что на стуле. – Вам сказано, когда и сколько. Счетчиков не будет. Не заплатите через неделю сколько сказано, отдадите все. И яйца в придачу.

– Я испуган, – спокойно сказал Духарев. – Видишь, как у меня руки дрожат? – он положил на стол здоровенные кулаки.

– Ах ты... – начал было тот, что на столе, но осекся, когда открыл рот татуированный.

– Не хочешь платить, не юли, так и скажи, – теперь он обращался непосредственно к Духареву.

– Не хочу, – подтвердил Сергей. – Это наши деньги, нами заработанные, до последнего бакса. Где ты был полгода назад, когда мы поднимали эту тему? Пришел бы и сказал: это мое, я сам буду делать? Почему не пришел?

– Не твоё дело!

– Да ну? А я тебе скажу! Потому что сами бы вы шиш с маслом подняли бы!

– Значит, ты платить не будешь? – злобно прошипел татуированный.

– Я тебе сказал: это мои деньги! – с холодной яростью ответил

Духарев. – Хочешь пятьдесят штук – иди и заработай!

– Нет, я этому лоху сейчас все мозги вышибу! – заорал тот, что сидел на столе, выхватывая ствол и размахивая им у Духарева перед носом.

Сергея брезгливо отпихнул ствол.

– Сейчас, – буркнул он. – Прямо из лицензированного ствола.

– Он меня не знает! – злобно процедил обладатель пистолета. Но размахивать оружием перестал.

– Не пятьдесят, – уточнил татуированный. – Шестьдесят восемь. Через неделю. Но можно – раньше. Лучше – раньше.

– А за базар? – возмутился тот, что на столе. – За базар еще пять штук! Духарев встал. Теперь уже он возвышался над всеми.

– А ну слезь со стола! – скомандовал он. – И спрячь волыну, пока не бабахнула.

Бандит слез со стола, сунул пистолет в кобуру... и вдруг схватил компьютерный блок и швырнул на пол. Монитор щелкнул и погас.

Бандит с вызовом поглядел на Духарева, Духарев ухмыльнулся.

– Арендовано, – сказал он. – И застраховано. Всё. Так что бомбы кидать не надо: не мое имущество. Вам пришлют счет. – Сергей с вызовом поглядел на того, что в углу. Зеркальные слепые очки раздражали.

– Лучше бы вам от меня отстать, – сказал Духарев. – Денег все равно не будет, а проблемы будут, это я обещаю!

Человек в зеркальных очках медленно поднялся. На нем был дорогой, отлично сшитый костюм и со вкусом подобранный галстук. Но лицо того красноватого оттенка, какой появляется у бомжей к началу лета.

– Нет, господин бизнесмен, – сказал он. – Я от тебя не отстану.

И снял очки.

И Сергей ощутил холодок страха. Впервые за весь этот диковатый сон.

У человека в отлично сшитом костюме было лицо Албатана.

Глава тридцать седьмая

Ловушка

Сергей проснулся. Сна – как не бывало. Вокруг шумно паслись кони, скрежетали цикады, ухала какая-то птица.

«Тиха украинская ночь...» – вспомнились слова классика. Значит, тиха. Ну-ну...

Духарев прижал ухо к земле. Земля молчала. Это хорошо. Серега пошарил рядом: меч на месте. Это тоже хорошо. А что плохо?

У груды тюков шевельнулся темный силуэт Машега.

– Спи, рано еще, – шепотом произнес хузарин.

– Спи ты, – прошептал в ответ Сергей. – Я покараулю, выспался.

Хузарин не заставил себя уговаривать: развернул войлок и тут же отрубился.

Духарев поглядел вверх. Звезд было много, и все они были знакомы. Для большинства из них он знал только местные имена. В прежнем своем мире он не интересовался астрономией. Мог опознать разве что ковш Большой Медведицы, именуемой здесь Лосихой, хранительницей Небес, – прошу не путать с обычным небом, где плывут облака и летают птицы!

Черное небо не было плоским. Оно было огромной воронкой, и звезды были искрами в ее толще. Серега глядел в это небо до того, как уснул. Сейчас, проснувшись, он изменился. Но небо осталось таким же. Стоило запрокинуть голову – и бесконечный черный омут тут же начинал мощно тянуть вверх. Оставаясь с ним один на один, человек переставал осознавать себя человеком. Так можно было стать богом. Или сойти с ума...

Сергей не без усилия вынырнул из звездной пучины. Или, скорее, она сама отпустила его. Чернота утратила абсолютную глубину. Звезды потускнели...

Духарев снова окунулся в знакомые звуки: хрупанье травы, перемалываемой лошадиными зубами, писк пойманной мыши, дыхание спящих друзей...

Серега ощутил укол вины. Ему следовало нести стражу, а не нырять в звездный океан.

Но ощущение тут же ушло, когда Духарев шевельнул плечами и даже удивился, каким легким, отдохнувшим стало тело. словно не было двухнедельной гонки, схваток, изматывающего беспокойства... Несколько часов сна явно не хватило бы на подобное восстановление сил. Сначала –

бодрость после многочасовой скачки. Теперь – абсолютная бодрость после трех часов сна. Будто таблетку фенамина заглотил. С чего бы такое?

Размышляя над этим, Духарев чисто механически наклонился, прижал ухо к земле...

И в следующий миг ему стало не до самокопания.

Под мокрой от росы травой, в твердом теле земли ощущалась знакомая грозная дрожь. Погоня!

– Подъем, – негромко произнес Духарев, и Устах с Машегом, которым не помешал заснуть даже оглушительный скрежет цикад, тут же проснулись от тихого голоса Сергея.

– Они идут, – поделился новостью Духарев.

Устах кивнул, окунул лицо в траву и растер ладонями влагу: умылся.

А Машег тотчас приник к земле...

– По тракту идут, – сообщил он с явным беспокойством.

И положил руку на плечо спящей нурманки.

– Элда! Печенег!

Женщина проснулась, потерла кулачками глаза, встала, отошла в сторонку...

Устах с хаканьем вскидывал на спины коней тяжелые сумы. Духарев предложил ему кусок зачерствевшего пирога, но синеусый варяг мотнул головой: успеется.

Элда треснула своего коня в брюхо, затянула подпругу, но Машег тут же вмешался, отпустил ремень на пару дырочек, пояснил:

– Ему тоже дышать надо.

Нурманка спорить не стала, забросила седло на заводного...

Тьма таяла. Где-то на востоке, еще далеко, уже поднимался к горизонту алый шар солнца. Подгоняя его, залилась трелью птица.

Духарев обулся, подумав, натянул и кольчугу, вынул из кожаного чехла панцырь, приспособил поверх седельной сумы, чтобы в случае чего надеть побыстрей.

Машег в последний раз припал к земле, поцокал языком: близко.

– Марш, – негромко скомандовал Духарев, и они тронулись. Первыми – Машег и Элда. За ними – Сергей. За Сергеем – вереница вьючных. Устах – замыкающим.

Спустя полчаса, когда дорога начала мягко изгибаться вокруг пологого холма, за спинами варягов вынырнул из-за края земли красный край солнца. Почти сразу же они увидели, как движется по желто-зеленому морю редкая цепочка всадников. Двигается им навстречу!

И тут же сзади раздался предупреждающий крик Устаха.

Сергей оглянулся и увидел точно такую же цепочку позади. И справа. Духарев выругался. Хитрый степняк обвел их вокруг пальца!

Не дожидаясь команды, Элда развернулась и нацелилась двинуть вверх по склону, но Машег поймал узду ее коня.

– Серегей?

Духарев поглядел на пологий склон... И покачал головой. Слишком похоже на ловушку.

Подъехал Устах, сгрудились вокруг кони...

Сергей прикидывал. Между теми, кто справа, и теми, кто впереди, оставался приличный просвет. Успеем или не успеем?

Собственно, выбирать было не из чего, и он махнул рукой:

– Туда!

Кони сорвались в галоп.

Устах и Сергей на скаку натягивали панцыри, Машег скакал позади Элды, время от времени подхлестывая ее коня.

Сначала они скакали по дороге. И когда уже можно было видеть, что враги впереди придерживают коней и готовятся взяться за луки, Духарев свистнул, и маленький отряд резко свернул вправо и понесся на прорыв.

Печенеги тут же устремились на перехват. Запели стрелы. Только одна попала в цель, пробив горло последней выючной. Устах вовремя успел рассечь повод. Раненая лошадь осталась биться на земле, но остальные продолжали отчаянную скачку. Печенеги перестали стрелять.

Кони варягов были свежее, и всадники уже не жалели их, потому что быстрота решала все. Трава хлестала по мелькающим ногам коней. Летела белая пена...

Они вырвались из ловушки!

Печенеги разом испустили леденящий душу визг, но от этого прыти у варяжских коней не убавилось.

Элда, ликуя, взглянула на скачущего рядом Машега, но, взглянув, сразу перестала радоваться. Хузарин, подхватив повод ее заводной лошади, не сбавляя темпа, умело подводил ее к коню нурманки.

– Прыгай! – закричал он. – Ну! Давай же!

Элда приподнялась в седле. Внизу стремительно неслась земля. Лошадиные спины раскачивались, как скамьи драккара в штормовую ночь. Элда, которая, не моргнув глазом, сбежала бы на берег по гребному веслу, зажмурилась...

– Прыгай! – пронзительно выкрикнул Машег.

Конь Элды, весь в мыле, тянул из последних...

– Прыгай!

Элда, взвизгнув не хуже печенег, как в омут, бросилась на соседнее седло. Железные пальцы Машега не позволили заводной прыгнуть в сторону. Нурманка выпрямилась, ловя стремяна.

– Получилось! У меня получилось! – закричала она. – Ой! Щит!

Ее прежний конь, избавившись от всадника, сразу перешел на шаг и отстал.

– Брось! – Машег хлестнул ее лошадь по крупу. – Вперед!

Они вырвались, но бешеная скачка продолжалась. Один отряд печенегов висел у них на хвосте, другой неся по дороге, заметно опережая, а третий скакал справа, отжимая варягов к тракту...

Враги были совсем близко, но луков не трогали. Они видели, что варягов только четверо, и вознамерились, так же как и вчера, взять их живьем.

«И, черт возьми, у них это может получиться!» – подумал Духарев.

Он знал, насколько ловко кочевники владеют арканами.

«Значит, будем драться!» – с ожесточением сказал он себе и потянул из чехла лук.

Увидев это, Машег тут же схватился за свой. И успел выпустить первую стрелу, опередив Духарева.

Степняк из правой группы, выбитый из седла, покатился по траве.

– Нет! – выкрикнул Сергей и выстрелил в одного из тех, что скакали по тракту.

Эти были дальше, но Духарев все равно попал в цель и ощутил мгновенную радость от удачного выстрела.

У Сергея начал складываться план. Совершенно отчаянный план. Такой же отчаянный, как их положение...

– Машег, туда!

Хузарин оскалился и одну за другой выпустил целых три стрелы. Только одна прошла мимо цели.

Печенеги на тракте привычно рассыпались и, разумеется, потеряли темп. Но сзади уже поспедал четвертый отряд...

– Прорываемся! – закричал Духарев, выпустив еще две стрелы. Мимо!

Он резко свистнул, подзывая Пепла, перемахнул в седло боевого коня и выхватил меч.

Замыкающий Устах лупил клинком плашмя выючных лошадей, гоня их вперед.

Машег, почти не целясь, одну за другой метал стрелы...

Печенеги (их оставалось человек восемь) кинулись в стороны, копыта жеребца ударили в утопанный грунт тракта. Слева удирал печенег. На

расстоянии нескольких метров – подпрыгивающая от скачки спина, железные бляшки на выгоревшей коже... Пепел наддал, сам. Серега привстал – взмах: меч свистнул, степняк пригнулся, но самый кончик клинка все же задел его шапку, разрубил ухо... Печенег завизжал... Духарев спиной уловил движение позади, пригнулся, припал к гриве коня, в точности как только что – печенег. Вовремя. Волосяная змея аркана прошла над головой, впустую хлестнула по тыльнику шлема. Еще один аркан взлетел над Элдой, но Машег успел сбить его правой рукой... И новая петля упала на него самого, захлестнув шею и левое плечо.

Печенег заорал и мгновенно осадил коня. Но Машег был не худшим наездником. Его конь тоже встал, и сплетенная из конского волоса змея тут же провисла, а подоспевший сзади Устах, крикнув, с хрустом вогнал клинок в печенегово плечо...

Сбоку выскочил степняк, кинулся наперерез Духареву, целясь ударить конем, как тараном. Пепел ловко развернулся, вскинулся на дыбы. Лошадь печенега шарахнулась, копыто жеребца въехало в грудь степняка, сбив в пыль и лошадь, и всадника...

Но темп был потерян. Варягов взяли в кольцо. Одна только Элда вырвалась и неслась теперь по свободному тракту.

Машег, скинувший петлю аркана, увидев подругу, уносящуюся прочь, радостно засмеялся, отправил лук за спину (колчан его был пуст) и взялся на гибкую саблю.

Глава тридцать восьмая

Охота по-печенежски. Финал

Трое варягов съехались вместе.

Несколько степняков метнули арканы. Пустой номер. Змеиные петли были обрублены с ленивой небрежностью.

Ах, какое это было утро! Свежее, ясное, прозрачное! Чистый голос жаворонка, нежные, почти прозрачные облака. Золото солнца в небе и на полированной стали, игра мышц под лоснящимися шкурами коней. Ах, какое это было утро!

– Ну что, братья, будем умирать? – весело спросил Устах.

Белые зубы блеснули под синими толстыми усами.

– Ага! – так же весело отозвался Машег и еще раз глянул на дорогу, где пылила, уменьшаясь, одинокая всадница.

– Будем! – подтвердил Духарев. – Но, клянусь всеми степными богами, этим тоже мало не покажется!

Печенеги – их было человек двадцать – стояли кольцом. Один, самый храбрый, толкнул коня вперед.

Серегин меч, будто живой, обернулся вокруг запястья и снова вернулся в ладонь. Печенег отпрянул.

Печенеги, окружив их, нападать не спешили. Жаворонок пел. Носились кругами по степи навьюченные серебром лошади. О них не беспокоились. Победители всегда успеют их поймать.

Подоспел основной отряд.

Албатан, вожак, выехал вперед. Породистый конь, золоченая кольчуга, пушистый волчий хвост вокруг стальной круглой шапки. Духарев разглядывал скуластое коричневое лицо, ставшее таким знакомым, пытаясь угадать, в чем же слабость печенежского хана.

– Один на один? – предложил Сергей, поигрывая клинком. – Или ты трусишь, степная собака?

Хан мотнул головой. Понял.

– Я волк! – оскалился он. – Ты – собака! Сдавайся – и я оставлю тебе жизнь! Я даже оставлю тебе глаза и яйца! – Албатан осклабился еще шире. – Будешь подавать мне кумыс и чистить моих лошадей! Это хорошо для тебя, славянин!

Сказано было по-печенежски, но и Серега его понял.

– Где твои глаза, хан воров! – крикнул Духарев. – Я варяг!

– Мы – варяги! – поправил Устах.

– Мы – варяги! – звонко воскликнул Машег на языке печенегов. – Сын шакала, отродье свиньи! Где ты видел варягов, которые подают кумыс?

– Я их увижу! – пообещал хан, поигрывая гибким клинком, близнецом того, который сжимал Машег. – Я...

И, резко повернувшись, поглядел на запад. Оттуда, понукая коня, карьером летел всадник. Всадница! Элда!

Синие глаза хузарина расширились.

– Нет... – прошептал он, опуская саблю. – Нет... Зачем...

И тут он уловил, что к топоту лошади Элды примешивается отчетливый гул множества копыт...

– Хитрый пес! – процедил Духарев.

И тут же сообразил, что не прав. Если это очередная ловушка Албатана, то почему на его смуглой роже такая растерянность?

В правой руке у Сергея был меч, но левая была свободна и колчан открыт. Выхватив из него длинную стрелу с граненым наконечником, Духарев, будто дротик, с силой метнул ее в лицо хана.

В последний миг степняк успел отвернуть лицо, и стрела, нацеленная в глаз, попала двумя вершками ниже. Тяжелый наконечник порвал щеку и распорол язык Албатана.

Его соплеменники не успели отомстить. Их лица разом обернулись к западу, и тут же две сотни пяток ударили в тугие конские бока. А из-за поворота, там, где желтый степной тракт огибал мохнатую тушу холма, оцетинясь стальными перьями копий, вынеслись слаженные ряды всадников. Солнце разбрызгалось по островерхим шлемам, от топота копыт задрожала земля...

И печенеги – уже не вооруженный отряд, а перепуганная разбойничья шайка – бросив добычу и будущих пленников, сломя голову кинулись наутек.

И одним из первых, выдернув и швырнув в пыль варяжскую стрелу, скакал хитроумный Албатан, младший, хотя и не последний хан одного из пяти родов племени цапон. Скакал, не щадя и без того усталого коня. Скакал – и очень, очень печалился, что он – всего лишь младший хан, а не могучий глава клана. И за спиной у него всего лишь сотня всадников.

Элда подскакала к варягам и спряталась за ними. Варяги не побежали, подобно печенегам. Они устали бегать. Тем более – от своих.

– Русь! – громко сказал Машег и вложил в ножны саблю.

– Киевский князь с дружиной! – уточнил Духарев.

– С малой дружиной! – внес окончательную ясность Устах и тоже

сунул меч в ножны.

Они посторонились, когда первая сотня поравнялась с ними и понеслась дальше, за уходящими степняками, не уделив внимания четверым всадникам.

– Пустое! – крикнул Машег, закашлялся и сплюнул желтую от пыли слюну. – Не догонят!

Печенеги рассыпались по степи, некоторые отстреливались.

Вторая сотня преследовать степняков не стала. Зато варягов тут же взяли в оцетинившееся копьями кольцо.

Духарев не стал бить себя в грудь и кричать, что они – свои. И так видно, что не печенеги. Положив руки на холку Пепла, Сергей терпеливо ждал, когда появится тот, кто вправе принимать решения. По Правде. Поскольку великий князь киевский все же не самодержавный властитель. И даже здесь, в Диком Поле, у варягов есть определенные права. Хотя Духарев и помнил, что главное право дает все-таки сила. Да и насчет правдолюбия киевского князя Духарев тоже не питал иллюзий. Если, как подозревал Сергей, они перехватили куш у великого князя, тот церемониться не станет. И все-таки княжья русь – это лучше, чем печенеги. Намного лучше!

Глава тридцать девятая

Великий князь киевский Игорь Рюрикович. Свои и чужие

Их не стали вязать. И оружие не отобрали. Зато приставили стражу. Дюжину гридней с десятником. Отборную команду из одних нурманов.

Варягов отвели в лощинку, принесли воду, пищу. А коней увели.

– О них позаботятся, – сказал нурман-десятник. – А вам князь велел ждать тут.

Не то чтобы варягов особо охраняли – присматривали. Хотите бежать – бегите. Ежику понятно: пеших, их отловят моментально. И спросят: почему сбежали? Знаете за собой вину?

Устах недовольно ворчал. Почему их, варягов, опекают нурманы? Они что, пленники? Или князь киевский совсем опеченежился, что не отличает своих от чужих? Игоревы гридни только ухмылялись. Безличная брань на вороту не виснет. Пока варяги ругались, дружинники князя ловили по степи их вьючных коней. И наверняка уже знали, что лежит в переметных суммах. Серега одному был рад: что в суммах нет ни утвари, ни золота. Серебра много, да, но не настолько много, чтобы сумма показалась невероятной. Добыча и есть добыча. Где взяли – то наше дело! Где взяли, там больше нет.

Устах ругался, Духарев отмалчивался, Машег и Элда ворковали, как голубки. Плевать они хотели на свое печальное положение. Нурманы поглядывали на парочку с мерзкими ухмылочками. Элда шлема не снимала – кос не видать. И не угадаешь, что баба. Вот и стражи думали, что Элда – молоденький безусый отрок. А уж про хузар чего только не болтали в Киеве. Хуже только про печенегов байки рассказывали.

Отрок, посыл от Игоря, прибежал ближе к полудню.

– Пошли, варяги! – скомандовал нурман-десятник. – Великий князь желает на вас взглянуть.

Великий князь киевский, хакан тмутараканский, сын славного Рюрика и воспитанник Олега Вещего, действительно выглядел повелителем. Глядя ему в глаза, Серега никогда бы не рискнул назвать его слабым правителем. Грузный, широкоплечий, в алом плаще и красных сапогах (насмешка над византийским кесарем?), князь Игорь восседал на белом жеребце,

неподвижный и внушительный, словно воплощенная Власть. Одесную князя – незнакомый, немолодой уже варяг с синими усищами. Ошую – громадина-нурман с ледяными глазами, весь в золоте – от зеркала шлема до оторочки на сапогах. Скарпи. Тот самый.

Позади ближних бояр, вразброд, но тоже верхами, расположились лучшие князьи дружинники. Варягов немного, значительно больше скандинавов: нурман, свеев.

– Стой! – скомандовал нурман-десятник, и Серега остановился. Устах справа, Машег – слева. Совсем как бояре рядом с князем. Только не верхами, а пешие. И за спиной Духарева не тысяча отборных дружинников, а одна лишь Элда.

Игоревы гридни сомкнулись в сплошную линию, щит к щиту.

– Добро тебе, княже киевский! – с дерзкой усмешкой произнес Духарев.

Он был на добрую ладонь выше рослых княжьих гридней, тоже смотрелся внушительно и знал об этом.

– Назовись, человек! – вместо князя жестко бросил Скарпи.

– Я тебе не «человек»^[36], нурман, а десятник князя полоцкого, славного Роговолта Сергей! – с достоинством ответил Духарев. Кроме достоинства он ничего не мог противопоставить откровенному превосходству силы.

– И что же ты, Роговолтов гридь, делаешь на нашей земле? – скривил губы боярин Скарпи.

– Ты об этом всех спрашиваешь, нурман? – так же презрительно осведомился Духарев. – И великого хана Куркутэ? И разбойников? Или разбойников ты спрашивать не привык, нурман?

Ноздри Скарпи дрогнули: боярин изволит гневаться?

– Не дерзи мне, варяг!

– И в чем же моя дерзость, нурман? – ухмыльнулся Духарев. – В том, что я собаку называю собакой, нурмана – нурманом?

Тут Скарпи не выдержал, подал коня вперед, наехал его грудью на Духарева. Зря. Серега не испугался, шагнул в сторону, крепко взялся за тяжелую от золота узду, придержал жеребца. Скарпи очень хотелось ударить его, он даже ногу из стремени вынул, но, наткнувшись на взгляд Сергея, удержался. Он прочитал в этом взгляде, что Серега не намерен стерпеть оскорбление, как низший от высшего. И он ничуть не боится грозного боярина.

Скарпи был далеко не глуп и решил, что у него еще будет возможность заставить варяга пожалеть о собственной наглости. И боярин подал коня

назад.

– Значит, ты утверждаешь, что ты – не разбойник? – спросил Скарпи.

– Я... Мы служим воеводе киевскому Свенельду, – ответил Духарев. – Ты можешь спросить у него, почему мы тут.

– Тебя спрашивает от этом киевский князь, гридь!

Духарев, подчеркнуто игнорируя Скарпи, посмотрел на Игоря.

Тот величественно кивнул.

– Мы здесь охотимся, – сказал Духарев. – На разбойников.

– И многих вы уполевали, вчетвером? – с издевкой спросил Скарпи.

– Многих, нурман. Нас было не четверо, а больше. Мы сражаемся, нурман. В сражениях иногда убивают. Тебе, нурман, наверное, об этом рассказывали?

Но Скарпи больше не собирался реагировать на оскорбления.

– Значит, вас было больше, когда вы резали черных хузар у Рачьего острова? – поинтересовался он.

– Да, – подтвердил Духарев. – Нас было больше. И мы резали многих: и черных хузар, и печенегов, и прочих. Может, и тех, о которых ты говоришь. Разве всех припомнишь?

– Тех ты точно запомнил, варяг! – жестко произнес Скарпи. – Потому что именно там ты набил серебром свои переметные сумы. – Но там было не только серебро, варяг! Где остальное?

– Все, что мы добыли сталью и кровью, – наше! – резко ответил Духарев.

– Наше! – поддержал его Устах. – Так по Правде! Только посмей отнять у нас наше серебро, нурман! И даю тебе слово: от Новгорода до Киева все будут знать, что боярин великого князя – разбойник и хищник, а дружина великого князя киевского – грабители почище печенегов. Только попробуй отнять законную добычу у свободного варяга, нурман!

– Клянусь громом Перуна! – подхватил Духарев. – Всякий воин нашей земли узнает, что лучшая дружина великого князя не трогает разбойников Дикой Степи, а грабит тех, кто их бьет! Пусть знают правду!

– Пусть знают! – эхом отозвался Устах.

– Так будет! – звонко выкрикнул Машег.

Произнося свою обличительную речь, Серега глядел не на Скарпи, а на великого князя. Собственно, именно ему и адресовались будущие обвинения. Но Духарев не мог не заметить, что синеусый справа от Игоря хмурится и поглаживает рукоять меча. Ничего! Если этот боярин – варяг не только обличьем, ему придется сказать свое слово. Ему или князю.

– Мы испуганы, – произнес Скарпи и засмеялся. – Это гридь дерзок и

неблагодарен, – сказал он, поворачиваясь к князю. – Он уже забыл, что мы спасли его шкуру. Из одной только благодарности он должен высыпать украденное к копытам твоего коня, батька!

– Так ты уверен, что это он? – спросил князь.

– Уверен, батька! Дай его мне – и еще до заката мы узнаем, где он спрятал золото! Ты видишь: он болтлив. Стоит припечь ему пятки – и он станет еще болтливее.

– Ты слышишь, что говорит мой боярин, варяг? – медленно цедя слова, произнес князь Игорь. – Ты взял золото, не ведая, кому оно принадлежит. Отдай его – и очистишься от вины.

«Может, так и сделать?» – подумал Духарев.

Но, черт подери, с этим золотом что-то не так. Нурманские подлые штучки...

Серёга посмотрел на Скарпи. Нурман ухмылялся. То ли он был уверен, что Духарев скажет: нет. То ли знал, что дерзких варягов в любом случае пустят в расход. Зачем князю лишние свидетели?

Духарев повернулся к Устаху. Друг чуть заметно качнул головой.

Он тоже не доверял Игорю.

– Если бы у меня было это золото – и я отдал его тебе, княже, что было бы?

– Ты очистишься от вины, – сказал киевский князь.

Какой хитрый оборот. Не «сохранишь жизнь», не «получишь свободу», а «очистишься от вины». Хитро! Даже доли не предлагает.

– Нет, княже, если бы было у меня твое золото и я отдал его после угроз твоего боярина, что сказали бы люди? Варяг испугался пыток! И у меня не осталось бы ни золота, ни чести. Зачем тогда жизнь?

Синеусый боярин одобрительно крикнул. Князь покосился на него недовольно, но боярин-варяг только накрутил на палец ус. Тем же манером, каким это делал Рёрах, Серегин наставник, когда желал скрыть улыбку.

– Значит, золото у тебя? – спросил князь.

– Если я скажу «нет», разве ты мне поверишь? – усмехнулся Духарев.

Он тоже умел играть словами. Кроме того, это помогало обуздать страх. Игра и есть игра.

– Когда пытаться тебя буду не я, а он, – князь кивнул на Скарпи, – ты разучишься говорить «нет». Мой боярин умеет развязывать языки. Ты в этом скоро убедишься. Но будет уже поздно.

– Пытать? – Духарев усмехнулся, хотя ему стало совсем невесело. – Я варяг, княже. Если я не говорю тебе, почему ты думаешь, что я скажу огню или железу?

– Это пустые слова, – вмешался Скарпи. – Позволь, батька, я займусь им!

Губы нурмана алчно искривились.

«Он уже видит, как режет меня на куски!» – подумал Духарев.

Удивительно, но Сергей все еще не испытывал никакого страха. Наверное, потому, что не чувствовал себя во власти княжьего ближника.

– Ты еще не отнял наши мечи, нурманская лисица! – рыкнул Устах, но Сергей поднял руку, и его друг умолк.

Силы слишком неравны. И Сергей помнил историю Рёреха. Тот тоже хотел умереть с честью, а угодил в лапы к палачам.

«Если враг сильнее, покажи ему свое мужество!» – вспомнил Духарев слова своего наставника.

Мысль интересная, но как это осуществить?

То, что Серега сделал потом, трудно было назвать плодом размышлений. Скорее это было наитие, озарение.

Глядя князю прямо в глаза, Духарев закатал рукав, вынул из ножен узкий, отточенный для бритья нож.

Ему не препятствовали. Нож – не оружие против доспешного умелого воина, а если варяг, испугавшись пытки, захочет перерезать себе глотку... Что ж, значит, он ее перережет.

Острый кончик ножа коснулся предплечья, легко прорезав кожу. Боли не было. Никакой. У Сереги возникло ощущение, будто он заключен в некий прозрачный шар – все лишние звуки остались снаружи.

Нож медленно погружался в мякоть руки. Серега улыбнулся. Он не испытывал боли, потому что не хотел испытывать боль. И князь видел это. И Скарпи тоже видел. Но отнеслись они к происходящему по-разному.

В глазах Игоря мелькнуло уважение. Нурман же был разочарован и поспешно придумывал, чем еще можно зацепить варяга.

Узкий клинок все глубже окунался в плоть. Боли все не было, а было такое чувство, какое бывает иногда в первые секунды после перелома. Когда глаза видят торчащую из разорванной кожи кость, а боль как будто выключена.

Острый кончик ножа проткнул кожу и выглянул с другой стороны. Серега опустил глаза, поглядел на покрасневший стальной клювик, и его неожиданно пронзило острое чувство нереальности происходящего. Истоптанная трава под ногами поблекла, посерела, слиплась и превратилась в аккуратные плитки мостовой.

Глава сороковая

«Не хочу!»

Сергея стоял, широко расставив ноги в тупоносых, глянцево-черных туфлях. На нем были черные свободные штаны, перехваченные ремнем. На ремне, в чехле с золотой цепочкой покоилось махонькое тельце сотового телефона.

Сергея поднял голову и увидел, что стоит на углу Литейного и улицы Некрасова, а мимо, опасливо огибая его, движется человеческий поток. Сергею настолько поразило неожиданное разнообразие лиц, одежды, искусственная яркость красок, что он снова опустил глаза... И обнаружил, что ноги его стали намного толще, а под белой тонкой рубашкой круглился солидный живот.

– Серый! Эй! Ты чё?

Духарев не сразу понял, что обращаются к нему. Он повернулся и увидел большую красивую машину, в которой сидели двое очень похожих друг на друга мужчин. Абсолютно ему, Духареву, незнакомых.

– Давай, Серый, садись, не тяни муму! – один из мужчин похлопал по кожаному сиденью.

Духарев сел.

– Трогай, Петюня! – скомандовал мужчина. – Ну чё, Серый, вижу, кредита не будет. Чё теперь?

– Теперь? – тупо повторил Духарев, пытаясь вникнуть в происходящее.

– Не, ты, бля, конкретно тормозишь! – удивился мужчина. – Кто, бля, хозяин – ты или я? Ты чё, Серый! Ты думай, бля, где реально четыреста штук взять!

– Четыреста штук... баксов? – еще тупее переспросил Духарев.

– Нет, карбованцев! – фыркнул собеседник. И вдруг озабочился: – Серый, ты в норме?

– Я? – грустно спросил Духарев.

Мужчина поглядел на него... и вдруг обнял его за плечи мясистой дланью.

– Да ладно. Серый, чё ты? Ну нет и нет! Ну хер с ней, с этой горячкой! Ну не голые же будем! Бабок еще наварим! Вторая фирма однозначно наша! Петюня, ты куда рулишь, ёш твою мать! Ты к «Европейской» давай! – И Сергею: – Все нормально, братан! Ща похаваем, заквасим, лялек

арендуем! Расслабимся, братан! Чё у нас, денег нет!

Сергеа поглядел на гладкую рожу «братана», потом на туго обтянутое рубахой собственное брюхо...

«...! – подумал он. – ... матери!»

– Останови! – крикнул он.

Водитель мгновенно ударил по тормозам. Сзади тоже завизжали тормоза. Машина нырнула вправо и остановилась у обочины.

Духарев вышел, поглядел на такую знакомую «Невскую перспективу».

«В жопу! – подумал он. – Не мое! Не хочу!»

И все опять потекло, поплыло, и не стало ни Невского, ни толпы...

Под ногами опять была умятая сапогами трава, вокруг – Игоревы гридни, а перед глазами – Серегино предплечье, продырявленное ножом.

Очень медленно, плавно Духарев потянул нож обратно. Обтер лезвие льняным лоскутом, потом, тем же лоскутом, перевязал рану. Крови было немного, но ее хватило, чтоб показать: Духарев не ульфхеднар и не берсерк. Обычный человек. Варяг.

– Варяг! – одобрительно каркнул боярин одесную князя.

– Как и ты! – сказал ему Устах. – Но я слышал: русь уже забыла варяжскую Правду!

Ближний боярин князя насупил брови, готовя гневный ответ, но Игорь остановил его.

– Сколько тебе лет? – спросил великий князь киевский.

– Двадцать восемь, – ответил удивленный Духарев.

Легкая тень легла на лицо Игоря. Словно облачко набежало.

Князь умолк и молчал довольно долго. Все ждали...

Глава сорок первая

Варяжская правда

«Двадцать восемь... – думал великий князь. – Двадцать восемь было моему Олегу^[37]...»

Великий князь киевский не очень-то любил своего первенца, пока тот был жив. Сын напоминал ему о том, чье имя носил, Олеге Вещем. Казалось, сын Игоря унаследовал не только имя, но и удачу того, в честь которого был назван. Игорь позволил сыну княжить в Тмутаракани, что, помимо прочего, давало право на титул хакана. Тмутаракань, небольшой лоскут земли вокруг пролива, связавшего Сурожское и Русское море, богатая Тмутаракань, сильная и вольная, ключ Крыма, кость в горле Хузарского царства, шип в боку ромейской Таврии. Русский хаканат, которому, в силу своего положения, нужен был правитель сильный и умный, умеющий ладить с разноплеменным населением и полувраждебным окружением. Игорь не без ревности наблюдал, как первенец его, молодой сокол, входит в силу, и близится день, когда сын станет сильнее отца. Игорь боялся этого дня, но сейчас, когда Олега уже нет в живых, великий князь, вспоминая сына, искренне сожалел о его смерти.

Игорь очнулся от мрачных мыслей. Если Скарпи прав и этот варяг действительно перехватил ромейское золото, надо заставить его это золото вернуть. Как это сделать, если попытка бесполезна? Надо понять, что он есть, этот гордый полоцкий гридень. Кто его товарищи, чем и кем он дорожит, каковы его чаянья?

Товарищи... Природный варяг, хузарин из благородных и мальчишка-отрок с нежным девичьим лицом. Природный варяг наверняка тоже знает, где золото. Но будет молчать. Князь очень хорошо знал эту породу. Именно на таких опирался Олег Вещий. То были люди надежные, но неудобные, потому что ставили свою Правду выше княжьей власти. Стоило такому воину решить, что князь поступает не так, как следует, – и повиновение варяга кончалось. Нурманы, наемники, были куда удобнее. Ничуть не худшие воины, они служили, пока князь им платил, и благополучие их зависело только от князя. У нурманов, свеев, данов не было опоры на его земле. Их язык был чужим славянскому племени. А варяги, даже природные, были одной крови с теми же полянами, древлянами, кривичами. Беда в том, что уходили они из дружины киевского князя не в

дальние земли, а к другим князьям: Роговолту, Свенельду...

– Ты служишь Свенельду, верно? – спросил великий князь.

– Да, – подтвердил Сергей.

– Свенельд – мой воевода. Ты должен повиноваться мне.

– Вассал твоего вассала – не твой вассал^[38], – возразил Духарев.

– Что? – не понял князь.

– Я не служу тебе, – отчеканил Духарев. – Я служу Роговолту полоцкому. А Роговолт, князь полоцкий, послал меня служить не Свенельду, киевскому воеводе, а Свенельду – князю уличскому и древлянскому.

Говорить такое великому князю киевскому было не слишком умно, но внутри Духарева постепенно нарастала ярость. Гордость, блин! Гордыня. Ни к чему хорошему не приведет. Серега это понимал, однако остановиться уже не мог.

Духарев знал о трениях, возникших в последние годы между Игорем и Свенельдом. И Игорь, по мнению Сереги, вел себя вовсе уж непорядочно. Предложил воеводе своими силами примучить уличей, пообещав, что дань с них, да еще и с древлян упрямых пойдет лично Свенельду. Это было нелегко, поскольку угры не имели никакого желания отдавать своих данников, но Свенельд довел дело до конца. А когда воевода и его дружина упорством и собственной кровью заплатили за победу, киевский князь заявил, что новые земли добыты для него, и он сам будет собирать с них дань.

Свенельд, естественно, обиделся. Причем настолько, что в прошлом году даже отказался идти с князем на ромеев. И из дружины его никто не пошел.

Но на прямой конфликт с Игорем Свенельд не отваживался. Говорили, что из-за жены Игоря, княгини Ольги. Говорили, естественно, шепотом. Были у князя уши, способные слышать шепот? Может, и были. Сереге слышать шепот было не обязательно. Кое-что он своими глазами видел. И вообще, ему ли бояться Игоря? Что тот ему сможет сделать? Убить? Ах, как страшно! Да его уже два года постоянно пытаются убить!

– Значит, ты служишь не мне, а моему воеводе Свенельду? – негромко осведомился князь.

– Да! – отрезал Духарев. – Ему. Роговолту. И Правде!

– А я, по-твоему, выходит, Правду рушу? – совершенно спокойно поинтересовался великий князь.

Он реагировал совсем не так, как ожидал Духарев. Это спокойствие было хуже, чем гнев.

«Варяг есть варяг, – подумал Игорь. – Упрямство, гордость. Варяг Серегей... Я о нем уже слышал. Надо вспомнить, от кого?»

Отрок (этот не в счет), два варяга и хузарин. Благородный хузарин... Который ничем не лучше варяга. Та же гордость, высокомерие и упрямство. Игорь не раз встречался с хузарским хаканом Йосыпом, Игорь знал хузар и ладил с ними. Но не с такими. У хакана Йосыпа были схожие проблемы. Родовитая хузарская знать для него, все равно что варяги – для киевского князя. Йосып тоже предпочитал опираться на наемников, чужих по крови и вере и потому верных хозяину, а не обычаю. Отважные и гордые хороши, когда царство расширяется. Именно варяги отняли у Хузарии ее данников, но сейчас, когда надо не расширять, а удерживать, наемники надежнее. Так и у хузар, и у ромеев. Игорь расширять не собирался. Ему хватало земель. Не хватало денег.

– Значит, я, по-твоему, рушу Правду? – спокойно спросил великий князь.

– Пусть там, – Духарев показал на небо, – разберут, кто из нас прав.

Это была еще большая наглость: поставить себя на одну доску с великим князем киевским. Серега откровенно нарывался. И, черт возьми, он был в своем праве! Он варяг, но и Игорь, будь он хоть трижды великий, тоже варяг!

– Перун, – мрачно произнес Духарев. – Пусть он нас рассудит.

– Значит, ты хочешь Правды? – вкрадчиво произнес Игорь.

– Хочу! – последовал твердый ответ.

– И хочешь, чтобы Перун рассудил, кто из нас прав?

– Да!

– И если Перун будет на моей стороне, ты ответишь на мой вопрос?

– Да! – подтвердил Духарев, подумав: «Если меня прикончат в поединке, отвечать будет некому!»

Но князь был достаточно умен.

– Или ты, или твои друзья, так?

– Так, – нехотя подтвердил Духарев.

– Так, – после короткой паузы подтвердили Устах и Машег.

– Добро! – кивнул князь. – Ты будешь биться пред Перуном с моим

витязем. И будет так, как рассудит наш бог. Все слышали?

Слышали все. Ритуал был соблюден, и теперь...

– Асмуд! – властно произнес князь.

– Я, батька! – тут же откликнулся ближний боярин.

– Постоишь за меня пред судом божьим?

– Мне? С ним? – в голосе княжьего варяга прозвучало удивление.

Глава сорок вторая

Асмуд, сын Стемида

Асмуд. Серега уже слышал это имя. Из уст княгини Ольги. Когда Духарев предлагал, так же как сейчас, через поединок призвать к ответу боярина Скарпи.

«Я знаю, кого выставит мой муж», – сказала тогда княгиня.

«Кого?» – спросил Свенельд.

«Асмуда».

И вопрос был снят. С точки зрения воеводы, против Асмуда у Сереги шансов не было.

«Кажется, я вляпался», – подумал Сергей.

Обидно, что Асмудом оказался тот самый боярин-варяг, который поглядывал на Духарева с явной симпатией. Даже если Свенельд ошибался и Серега окажется сильнее – что хорошего в том, чтобы убить единственного союзника во вражеском стане?

«Может, он не станет со мной драться?» – с надеждой подумал Духарев.

– Ты отказываешься? – с неменьшим удивлением спросил князь.

– Ровня ли он мне, батька? – проворчал боярин. – Гриденъ храбрый, не спорю, но, может, поищешь кого... попроще?

– Не ровня, говоришь? – Игорь прищурился. – А не тот ли ты Серегей-варяг, что как-то убил в Смоленске Хайнара-сотника?

Вспомнил!

– Тот, – подтвердил Духарев.

«Сейчас предъяву сделает», – подумал он.

Но князь поступил иначе.

– Видишь, Асмуд, этот гридь не так уж прост, как ты думаешь. Ну?

– Добро, – без охоты согласился боярин. – Я встану. Только... Слушай меня, варяг! Может, решим без боя? Не хочу я тебя убивать.

– А я – тебя, – отозвался Духарев. – Но откуда ты знаешь, что именно я буду убит?

Боярин усмехнулся.

– Ты храбр, – сказал он. – Только еще не было такого, чтобы Асмуд, сын Стемида, собрался кого-то убить – и не убил.

И то, как он это сказал, очень не понравилось Духареву. А еще меньше понравилось, как мягко и почти бесшумно соскочил с седла этот

немолоденький, в тяжелых доспехах витязь, ростом почти не уступающий Сергею. И тигриная походочка Асмуда Духареву тоже совсем не понравилась.

Дружина раздалась, освобождая место. Асмуд вытянул меч, а из притороченного к седлу кожаного чехла – двуручную нурманскую секиру. Провернул в руке легко, словно метательный топорик.

Духарев, который собирался было попросить у Устаха большой щит, тут же отказался от этой мысли.

Что-то знакомое было в манере этого княжьего боярина. В том, как он управлялся с оружием. Что-то очень похожее... на Рёреха! А Духарев еще не забыл, как ловко орудовал одноногий старик тяжелой секирой. Такое забудешь! Получше управлялся, чем любой нурман, так что тяжелый неуклюжий щит становился скорее помехой, чем защитой. А у этого буйвола и ноги целы, и силища невероятная, сразу видно. Нет, тут нужен не щит, а...

Духарев шагнул к Элде – и взял у нее легкое метательное копье-сулицу. Услышал удивленный возглас кого-то из дружинников. Кажется, он и киевского витязя сумел немножко удивить. Но не смутить.

Духарев проверился: все ли на месте, все ли в порядке? Если среди боя вдруг развяжется шнурок на сапоге – это будет неприятно.

Асмуд ждал. Он тоже оценивал, изучал, искал слабинку, планировал, как вести бой, чего опасаться. Такому бойцу достаточно понаблюдать, как противник вынимает меч, чтобы прикинуть, как тот будет этим мечом шуровать.

– Руби ему ноги, Асмуд! – громко сказал Скарпи. – Панцырь не порть. Я его у тебя куплю. Хороший панцырь!

Киевский варяг реплику проигнорировал, глянул вопросительно на Духарева: «Готов?»

– Готов, – сказал Сергей и потянул из-за спины меч.

Бросок киевлянина был стремителен. Одним длинным прыжком он покрыл разделявшее их расстояние. Меч метнулся к Серегиному лицу в прямом выпаде, а топор обрушился наискось, сбоку. Это был мощный ход: взять и прикончить противника первым же ударом. Духарев чисто инстинктивно откинулся назад – от летящего в глаза жала, уловил движение топора – оттолкнулся двумя ногами, упал на спину, перекатился и метнул сулицу в ногу набегающего противника.

Асмуд отбил ее лопастью топора, но Духарев выиграл свои полсекунды, успел выпрямиться и встретить киевлянина как надо: штопорообразным выпадом сверху, с двух рук. Не достал, конечно. Асмуд

отклонился, сбил Серегин клинок плоской стороной собственного, махнул секирой. Но Духарев опять оказался сбоку, ударил снова. Мечи скрестились, киевлянин нажал, связывая чужой клинок, Духарев подался, но в тот момент, когда Асмуд замахнулся секирой, Сергей упер ладонь в основание клинка и с силой толкнул вперед. Киевлянин был сильнее, но Духарев держал меч двумя руками, а его противник – одной... Конечно, боярин не потерял равновесия, он просто поддался, поворачиваясь. Но пустить в ход топор опять не сумел. Пользуясь тем, что они стояли почти вплотную друг к другу, Сергей врезал каблуком по ступне противника. Асмуд охнул: сапожки из мягкой кожи – неважная защита. Но тут же попытался ударить в подмышку Сергея окованной железом рукоятью секиры.

Удар вышел слабый, скорее толчок, но дистанция между бойцами восстановилась, и Асмуд немедленно этим воспользовался. В следующие полминуты Духареву потребовалось все его проворство, чтобы уцелеть под градом могучих ударов, падающих буквально со всех сторон. У Сереги возникло ощущение, что он сражается с огромным вентилятором, чьи лопасти вдобавок различной длины и вихлятся абсолютно хаотически.

Отбился кое-как. И получил передышку. Потому что его противник решил, что пора передохнуть. Воодушевленный, Сергей сам обрушился на киевлянина. Поначалу ему удалось потеснить Асмуда, но тот с пугающей быстротой освоил Серегину манеру боя и уже через полминуты отмахивался от атак с небрежной легкостью. Как будто знал заранее все духаревские трюки.

И Серега понемногу начал осознавать, что столкнулся с противником, чей рейтинг минимум на порядок выше. И то, что он, Духарев, моложе, быстрее и выносливее, не принесет победы, а только даст возможность продержаться лишнюю минуту, когда киевлянин решит перейти к активным действиям.

Однако Асмуд почему-то не торопился. И даже решил побеседовать.

– Откуда он у тебя? – спросил киевлянин, на какое-то мгновение зажав Серегин клинок между своим мечом и лопастью секиры.

Духарев отскочил, выдернув клинок.

– Подарок наставника! – пропыхтел он, пытаясь угадать выражение лица Асмуда под опущенной стрелкой шлема.

– Того, кто учил тебя бою? – последовал новый вопрос.

Духарев остановился.

– Да, – ответил он.

Больше не атакуя, он замер в напряжении, готовый отразить нападение

противника.

Если боярин готовит какой-то подвох... То на хрена это ему нужно? Серега очень хорошо осознавал, что победить Асмуда у него столько же шансов, сколько у бегуна-перворазрядника – обогнать мастера спорта. Шанс, конечно, есть. Скажем, если у мастера вдруг случится приступ аппендицита...

Но Асмуд тоже не спешил атаковать.

– А кто был твой наставник? – спросил Асмуд.

– Он был варяг, – ответил Духарев. – Был и есть, я надеюсь.

Вокруг возник недовольный ропот.

– Эй, Асмуд! – крикнул насмешливо Скарпи. – Ты еще долго? Я хочу получить свой панцырь!

Витязь и бровью не повел.

– Был и есть... – повторил он. – Как его имя?

– А зачем тебе? – Духарев неожиданно рассердился. Что за глупая игра? Или киевлянин дает ему возможность признать поражение и добровольно отдать золото? Не выйдет! Золото Серега отдал бы, но сдаваться – нет уж! Он помнил, что по Правде его жизнь после этого будет принадлежать победителю. Причем даже не Асмуду, а Игорю, потому что витязь бился не за себя, а за своего князя.

Подумав об этом, Духарев рассердился, а рассердившись, обрушился на боярина с неожиданной яростью.

Безрезультатно. Асмуд только оборонялся, но оборонялся столь мастерски, что достать боярина за этой защитой было так же невозможно, как выковырять экипаж танка перочинным ножом.

Серега запыхался, а Асмуд столь же невозмутимо повторил вопрос:

– Так как его имя?

«Какой смысл скрывать?» – подумал Духарев.

– Рёрах!

– Ага, – сказал витязь. – Ты его родич?

– Нет.

– Но ты говоришь: он жив?

– Надеюсь. Позапрошлой весной точно был жив. Сомневаюсь, что нашелся придурок, который рискнул бы покушаться на его жизнь! – сердито произнес Духарев. – Ты что же, его знал?

И выпучил глаза от удивления.

Боярин Асмуд спокойно вложил меч в ножны и откинул на затылок шлем.

– Да, – ответил он. – Я его знал. Добрая весть, варяг. Я помню этот

меч. Он из последней нашей добычи. Я думал, мой вождь Рёрах погиб. Он был и моим наставником, парень. Я чувствую в тебе его руку. Я не могу погубить его творение. Ты можешь стать неплохим бойцом, и твоя слава будет его славой. Так же, как и моя!

Духарев, ошарашенный, даже не нашелся, что ответить.

– Прости, батька! – боярин повернулся к князю. – Я не могу с ним биться, ты понимаешь. Не может правая рука отрубить левую.

«Варяг – он и есть варяг, – мрачно подумал Игорь. – Даже лучшие из них...»

Великий князь киевский не сказал ничего, вмешался Скарпи.

– А как же мой панцырь? – насмешливо спросил он. – Или ты растратил свою силу, варяг, и больше не хочешь побеждать?

– А ты сам попробуй, – предложил Асмуд. Он наступил на сцепленные руки дружинников и опустил в седло. – Попробуй, боярин. Может, тебе не будет нужды покупать его доспех?

– Батька? – Скарпи вопросительно взглянул на Игоря.

Предложение Асмуда нурману явно понравилось. А ведь Скарпи видел, как бьется Духарев. Неужели он решил, что справится? У Сереги возникло нехорошее подозрение, что он – вовсе не такой замечательный боец, каким себя мнит. По крайней мере, в сравнении с боярской элитой.

– Позволишь, батька? – златолюбивый нурман поглядел на Игоря.

Но князь покачал головой.

– Рёрах... – пробормотал он. – Я помню его. Говоришь, он жив?

– Жив, – подтвердил Духарев.

– И кому служит?

– Богам.

Князь спокойно кивнул, а вот Асмуд нахмурился.

– Верно ли ты сказал, что Рёрах стал волохом? – отдельно спросил он.

Фактически это следовало понимать как «Ты лжешь!» Но сказать так напрямую, прилюдно Асмуд не мог. По варяжской Правде за подобным следовал немедленный вызов. Раз уж он пощадил Серегу, то не для того, чтобы прикончить через десять минут.

Князь киевский тоже недовольно нахмурился. Потому что его перебили. Бросил недовольный взгляд на своего боярина, но тот даже и не думал о том, что проявил неуважение. А вот Скарпи довольно ухмыльнулся.

И Духареву стало ясно, что слухи о том, что князем вертят его ближники, не просто слухи.

– Нет, – возразил он Асмуду. – Я сказал, что он служит богам. Но он не

волох. Он – ведун. Так вышло.

Боярин кивнул.

– Ведун – это хорошо, – заметил Игорь. Но губы его еле заметно кривились. Вспомнил еще одного ведуна. Олега.

– А будет ли он служить и мне? – спросил киевский князь.

– Я спрошу его... Если выйдет, – ответил Сергей. – Но думаю, он откажется. Он калека, княже.

– Жаль, – спокойно сказал князь. – Лучше погибнуть в бою, чем жить калекой.

– Лучше, – согласился Духарев. – Но искалечили его не в бою. Его пытали нурманы, – тут он посмотрел на Скарпи.

Нурман ухмыльнулся.

– Кто? – жестко спросил Асмуд, снова перебив князя.

– Правильней спросить: чьи? – сказал Духарев. – Нурманы плесковского воеводы. Но это уже не важно. Он их убил. Они, княже, забыли, что даже искалеченный варяг способен прикончить пару-тройку здоровых нурманов.

– Ха-ха! – Асмуд хлопнул себя по ляжке. – Вот верно сказано, брат!

Дружинники-нурманы за спиной князя недовольно заворчали, но Игорь поднял ладонь, и ропот стих.

Среди воинов киевского князя нурманов было больше, чем варягов, но сам Игорь был природным варягом. Выступи он против своих, даже нурманы этого не поняли бы.

Поэтому киевский князь сбил пущенную Духаревым стрелу раздора.

– Ладно, – проворчал он. – Мне хватает воинов. Но воинам нужно золото, полочанин! Боги решили, что ты должен жить. Ты бился с Асмудом, и он пощадил тебя. Или ты станешь говорить, что победил?

– Нет, – признал Духарев, чем заслужил одобрительный взгляд Асмуда.

– Значит, ты должен сказать, где ты зарыл нашу дань, – сказал Игорь.

– Вашу? – усмехнулся Сергей. – Я не понимаю тебя, великий князь киевский! Я взял добычу на разбойниках. Это мое право, и добыча тоже моя. Твой воевода Свенельд поклялся, что не возьмет с нас даже десятой доли. А ты забрал все наше серебро, словно тот печенежский разбойник, с которым мы дрались, когда подошли твои воины!

– Замолчи, полочанин! – потерял терпение Скарпи. – Совсем ум потерял? Ты говоришь с великим князем, пес! Гриди! Ну-ка, заберите у него меч и врежьте ему как следует, чтоб знал свое место!

Дружинники не успели выполнить приказ. Духарев мгновенно

обнажил клинок.

– Возьми его сам, нурманская собака! – закричал он. – Что ты прячешься за чужими щитами, трус! Ты не муж! Где твоя прялка, Скарпи?

Ход Духарева был безошибочен. Если не хочешь драться сразу со всеми, брось вызов главарю. Если сейчас гридни прикончит Серегу, пятно оскорбления навсегда останется на нурмане. Дружинники Скарпи застыли.

Скарпи без лишней поспешности слез с седла, отстегнул щит...

– Назад, Скарпи! – гаркнул Игорь. – Я твой князь, и я сам командую своей дружиной! И пока ты служишь мне, я решаю, когда ты будешь драться! Асмуд!

– Убери меч! – велел Духареву боярин-варяг. – Быстро!

Сергей подчинился.

– Уведите их, – скомандовал князь. – Не далеко. Они мне скоро понадобятся.

Дружинники отвели варягов шагов на сто, сомкнулись вокруг плотно, щит к щиту, шлемы надвинуты, копья оцетинены. Не свои, а чужие.

Духарев не без злорадства заметил, что кое у кого доспех изрядно поизносился. Свенельдовы гридни экипированы получше, а ведь он не великий князь. Зато у нурмана Скарпи даже стремяна и те золоченые. И у варяга Асмуда, кстати, тоже.

Духарев поглядел на своих спутников. Устах с показным равнодушием глядел в небо, посвистывал. Дразнил княжких гридней, то выдвигая меч из ножен, то отправляя его обратно. Гридни нервничали. Этим варягам терять нечего. Вдруг захотят принять смерть в бою. Князь сказал: «Они мне понадобятся». Значит, убивать их нельзя. А попробуй с ними управиться, да еще не убивая. Проще медведя удержать, чем двух здоровенных варягов.

От таких мыслей поневоле станешь нервничать.

Все внимание охраны сосредоточилось на Сереге и Устахе. Хузарина в расчет не брали. Равно как и Элду, которую считали отроком. В общем, это было правильно. Колчан Машега пуст. Хузарская сабля была, по сути, вспомогательным оружием, хотя в конном бою Машег вполне мог потягаться даже с тем же Устахом. А вот на своих двоих да против строя тяжелой пехоты – никаких шансов. Элда же могла неплохо биться в поединке и в пешем строю. Но не одна же – против строя. Для такого нужна не только быстрота, но и сила. Рубануть тяжелым нурманским топором так, чтобы развалить щит и опрокинуть щитоносца, – это не для женской руки. И все же недооценивать Машега и Элду было ошибкой. И будь пред ним настоящие враги, Духарев непременно этим воспользовался бы.

А до настоящих врагов было не так уж далеко. Всего лишь за двадцать верст от них, подминая степные травы, катилось вперед пятитысячное войско великого хана Балы. Воины печенежского племени цур, предоставив старикам, детям и женщинам неспешно двигаться на запад, утром перешли мелкую речушку и двинулись на юг. К Сурожи, к Днепру, к богатым славянским поселениям. Они шли по чужим землям, но Бала точно знал, что Куркутэ ушел выколачивать дань из ромеев, да и хакан Игорь тоже наверняка ушел к ромеям, а значит, в Дикой Степи никто не сможет остановить Балы. Поэтому воины цур спустятся к Днепру, а затем поднимутся вверх по реке, откармливая коней сочными днепровскими травами и молодыми всходами славянских полей. Бала дойдет до самого Киева, выметет предместья, но брать город не станет ни штурмом, ни измором. Воины соберут добычу, пленников, повернут на север, прочешут железной щеткой копий славянские земли и погонят полон на восток. Хузары, ромеи, угры, арабы, все они охотно покупают славянских рабов. А киевский князь, когда вернется... Пусть попробует отыскать цур в Великой Степи!

Бала не знал, что дружина великого князя киевского стоит прямо у него на пути всего лишь в двадцати верстах. Малая дружина...

Глава сорок третья

«Нам нужно это золото!»

Совещание на высшем уровне кончилось, и Серега сотоварищи были вновь поставлены перед великим князем и его ближниками.

Говорить предоставили Скарпи. Ничего хорошего это не предвещало.

– Вижу: трое из вас – варяги, хотя кое-кого и варягом-то назвать стыдно! – заявил нурман и сплюнул под ноги Машегу.

Может, он рассчитывал, что хузарин обидится и бросит вызов? Тогда выбор оружия остался бы за Скарпи, а в пешем рукопашном бою худощавый невысокий хузарин в легкой броне не имел бы никаких шансов против громилы-нурмана. Но Машег улыбнулся. В жилах его предков уже не один век текла голубая кровь. Для него презрение нурмана было – как собачий брех.

– Великий князь киевский, ваш господин, желает, чтобы я учинил вам спрос, и я сделаю это с большой охотой. И начну с самого молодого, который даже и не варяг, верно? А остальные пусть поглядят и подумают о своем будущем.

Серега не успел ответить. Элда сдернула шлем, и две толстые косы упали ниже боевого пояса.

– Всем известно, что тебя хватает только на то, чтобы мучить женщин! – звонко крикнула она. – Твой отец Атли стоял на носу корабля рядом с моим отцом! Твоего деда Торгейра звали Убийцей Мужей. Там, в Валхалле, он будет рад услышать, что внука его именуют Убийцей Жен! Скальды сочинят вису о том, как Скарпи, сын Атли Большой Ноги, призвал на помощь воинов, чтобы справиться с Элдой, дочерью Эйвинда Белоголового!

Физиономию Скарпи надо было видеть! Наверное, так выглядит пес, ухвативший сочную мозговую кость... Оказавшуюся вырезанной из дерева.

– Элда? Ты? А где же твой муж, Халли? Почему ты не с ним?

– Халли мертв, – сухо ответила Элда.

Среди дружинников возникло некое шевеление.

Вероятно, Халли здесь знали. И Элду тоже.

– И кто его убил? – кривя рот, спросил Скарпи. – Эти варяги?

– Ты не родич мне, – спокойно ответила Элда. – Я не буду тебе отвечать.

– Так ответь своему князю, – негромко произнес Игорь.

Женщина взглянула на великого князя:

– Его убили печенеги.

– А Таган?

– Таган отбит. Они его отбили, – Элда показала на Духарева.

Князь окинул Сергея долгим оценивающим взглядом.

– Мне следует похвалить тебя, варяг Серегей, – сказал он. – Хотя я не стану этого делать. Но я сумею отблагодарить тебя. Если ты вернешь то, что мне принадлежит.

– У меня нет ничего твоего! – отрезал Духарев.

– Подойди ближе!

Сергей подошел.

Князь наклонился к нему.

– Варяг, нам нужно это золото! – медленно, внятно произнес Игорь, и Духарев неожиданно почувствовал, что это не алчность говорит, а нужда. – Верни его нам, варяг!

Это был уже не приказ – просьба. Если бы великий князь произнес эти слова раньше, до поединка, до угрозы... Впрочем, великий князь на то и великий князь. Он просто не способен просить о том, что полагает возможным взять силой.

Возможно, Сергей отдал бы золото. Возможно, он и сейчас уступил бы, если бы рядом с князем не было Локи-Скарпи.

– Кому – нам? – все же спросил Духарев.

– Мне, Киеву, Руси.

Сказано было негромко, но ближайшие дружинники услышали своего князя, и Духарев явно ощутил их одобрение. Потому что русь – это именно они. Не кривичи, древляне, поляне и прочий славянский люд, а всего лишь несколько десятков тысяч личных слуг и воинов Игоря. Даже не киевляне, а только чать и дружина великого киевского князя.

Слово было сказано, и князь ждал ответа, а Сергей глядел на него снизу вверх – и молчал.

Сергей молчал, но молчал он не потому, что не желал отвечать. Просто в сознании его все вдруг сложилось, как элементы мозаичной картинки, и со всей отчетливостью всплыли слова, прочитанные много лет назад... Зазвучали так четко, словно некий чтец произносил их вслух внутри Серegiной головы.

В год 6453 сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием, и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь и нам». И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и

прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв же дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь...

И увидел Сергей Смерть, огромным ящером нависшую и над князем, и над его боярами. И понял, что год 6453 от Сотворения Мира, о котором сказано в летописи, – этот. И понял Сергей, что не отдаст золота. И то, что он не отдаст ромейского золота Игорю, послужит той смерти, что висит над киевским князем. И не из мести или ненависти не отдаст он золота. Неприязнь, которую Сергей испытывал к Игорю, куда-то ушла. Было настоящее, и было будущее. И была великая держава, которая творила сама себя, и в этом творении поседевший в княжьих трудах сын Рюрика был уже не подспорьем, а помехой, старым колесом, из-за которого телега тащится в хвосте, замедляя ход каравана. А сам Духарев был всего лишь камнем, который вытолкнет втулку в колесе этой телеги. Чтобы на очередном ухабе втулка вылетела, и колесо, соскочив с оси, сломалось. Караван остановится, на ось насадят новое колесо, и все покатятся дальше. Быстрее.

Все это Сергей осознал почти мгновенно, и почти мгновенно это осознание вышло из него, оставив лишь тень-воспоминание. Но этого было достаточно.

– К чему тебе деньги, княже? – произнес Духарев незнакомым глухим голосом. – Разве мертвому нужны деньги?

Будто тень проскользнула над ними.

Сергей встрепенулся, его зрение снова обрело четкость. Тень ушла от него, но осталась на лице киевского князя.

– Что ты сказал? – мрачно, с угрозой произнес Асмуд, а Скарпи хищно оскалился и потянулся к мечу. Дружина тоже подалась вперед. Дай князь знак – и варяга изрубят на куски.

Но Игорь знака не дал. Он чувствовал, должен был чувствовать, что слова Свенельдова воина – не угроза. Много лет прошло с тех пор, как был убит Олег. Но Игорь не забыл, почему того звали Вещим. Не забыли, впрочем, и Скарпи с Асмудом. И тоже узнали тот самый голос. Но очень уж

им не хотелось верить...

– Ты что же – ведун? – напрямик спросил великий князь.

– Иногда, – последовал честный ответ.

– Если убить ведуна, пророчество не исполнится! – прошипел Скарпи, поглаживая рукоять меча.

– Вздор! – отмахнулся киевский князь. – Все мы умрем в свой срок. Я не боюсь смерти. Что еще ты видел, варяг? Говори!

– У тебя есть сын, – неторопливо, тем же особым, глухим голосом произнес Сергей. – Он станет великим воином... И слава будет его, и удача... До тех пор, пока будет рядом с ним, наставником, твой воевода Свенельд.

– Ха! – воскликнул Скарпи, сын Атли. – Слышу голос Свенельдова гридня!

Киевский князь упер в Духарева угрюмый взгляд. Но молчал. Думал. Долго. До тех пор, пока сквозь ряды воинов не протолкался запыленный разведчик.

– Степняки идут, батька! – выкрикнул он, и пронзительный голос его после долгой тишины резанул по ушам. – Степняки идут! Печенеги! Ой много!

– Это то, о чем ты сказал? – еще более темнея лицом, медленно произнес Игорь.

Духарев покачал головой, и великий князь неожиданно улыбнулся. Он участвовал во множестве битв и в каждой мог погибнуть. Все-таки приятно, когда тебе заранее известно, что выйдешь из сечи живым.

Глава сорок четвертая

Вызов

Дружина князя, привычно разобравшись по сотням, строилась к битве. Впереди – лучшие гридни, большей частью нурманы, в полных доспехах, с большими щитами. Пешие. За ними – тяжелая кавалерия, тоже в броне, с вытянутыми крепкими щитами, закрепленными на плече, с добрыми луками. Будь это не малая дружина, а полная – за опытными гриднями стояли бы воины не в стальной броне, а попроще, но тоже с луками. А будь это все киевское войско, то к нескольким тысячам дружинных прибавились бы десятки, а то и сотни тысяч простых воев, ополченцев. Часть – на селянских лошадках, часть – на своих двоих. Но в открытом поле от ополченцев проку немного. Печенежские стрелы били их, как град – молодые всходы.

На флангах войска русов вертелись на долгогривых лошадках союзные князю степняки. Было среди них и несколько десятков печенегов из племени гилеева, подданные Куркутэ, отпавшие от своего хана, поддавшиеся на посулы киевских бояр, а может, и не просто отпавшие, а соглядатаи, засланные Волком к временным союзникам. Но поскольку против русов нынче стояли не гилей, а другое племя, то и эти печенеги вряд ли переметнутся к врагу.

Серегу с друзьями оставили поблизости от князя. Им даже вернули коней. Игорь пожелал, чтобы ведун с товарищами был рядом. Конечно, за ними присматривали. Но по молчаливому соглашению все менее срочные проблемы были отложены на потом.

– К нам шли! – проворчал Асмуд, разглядывая тьмы всадников врага.

– Хорошо – встретились!

Скарпи явно был другого мнения, но на этот раз промолчал.

От массы степняков отделились два всадника. Оба скакали, демонстративно раскинув в стороны руки: мол, без оружия идем, мирно.

– Поди узнай, чего им надо! – велел Игорь сыну Атли.

Нурман сделал знак одному из своих: сопровождай. И поехал навстречу парламентарам.

Встретившись посреди поля, представители двух армий разговаривали недолго. Спустя время, достаточное, чтобы напоить коня, Скарпи с сопровождающим прискакали обратно.

– Это хан Бала, – сообщил Скарпи. – Идет к Днепру. Говорит, на их выпасах трава высохла, а в Приднепровье трава хорошая. Надо, мол, скот подкормить. Мирно, говорит, идем.

– Мирно, как же! – буркнул Асмуд. – Ни стад больших, ни возов. Одни конные воины.

– Ты напомнил, что это земля Куркутэ? – спросил Игорь.

– А как же!

– Что ответил посол?

– Ответил: Куркутэ и Бала – братья. Но Бала не станет бить русов за то, что они ходят по земле его брата Куркутэ. Он знает, что русы – данники Волка.

– Сын змеи, – процедил Игорь.

– Я не стал с ним спорить, – заметил Скарпи. – Они позволят нам уйти, хотя их и больше. Давай пропустим их, князь! И пошлем за подмогой. Они пограбят полян немного, невелика беда. Зато мы соберемся и ударим их всей силой!

– Нельзя так, батька! – вмешался Асмуд. – Мы с полян кормимся. Они нам дань за то платят, чтоб мы их обороняли!

– Они нам дань платят, потому что мы сильнее! – возразил Скарпи.

– Потеряем силу – и дани не будет! Давай их пропустим, батька! Мало нас!

– Нет! – отрезал Игорь. – Они нас на крепость проверяют. Решат, что слабы, – сами ударят. Иди, скажи им: пусть уходят. Или будем биться.

Скарпи ускакал.

На этот раз переговоры заняли большее время. Зато Скарпи прискакал, очень довольный.

– Печенегі предложили сначала витязям биться. Их и нашему. Я сказал: хорошо. Наш ихнего побьет.

– Ты так уверен?

– Я уверен! – самодовольно ответил нурман. – Мне право выбора дали. Я сказал: рукопашную. Без луков. А без лука печенег – тьфу!

– И они согласились? – спросил Асмуд.

– Согласились.

– Плохо!

– Наоборот, хорошо! Что ж тут плохого?

– А то они не знают, что мы в рукопашной сильнее!

– Может, и не знают. Это же гила! Мы с ними еще не бились.

– Довольно, – остановил бояр князь. – Что спорить? Поглядим, что они за витязя выставят.

Поглядели.

Поединщик на черном коне выехал из печенежских рядов, проехал ровно полпути между войсками и остановился.

Степняк был огромен. Даже если брать по нурманской мерке. А уж о печенегах и говорить нечего. Духарев даже представить не мог, что среди них встречаются такие громадины. Серега покосился на Скарпи. Атлисон, мрачный, глядел под копыта коня. Этого он не ожидал. Вдобавок к великаньим размерам, степной богатырь был еще и весь, от макушки до пяток, – в железе. Даже штаны, даже сапоги – в блестящей кольчужной сетке. Такая же сетка, свешиваясь со шлема, падала на стальную чешую панцыря. И конь печенега, черная громадина, тоже был прикрыт двумя длинными и широкими полотнищами плетеной стали. Он шел неторопливо, но ровно. Как будто и не нес на себе четверть тонны.

Выехав вперед, башнеподобный всадник остановился и опустил копье.

Вот тебе и «только рукопашный бой»! Поистине день был сегодня неудачен для хитроумного Скарпи!

– Кто готов с ним сразиться? – четко произнес князь.

Ответом ему было молчание.

В трех сотнях шагов от киевского князя, неподвижный, ждал гигант-печенег.

Но никто из гридней Игоря не рвался на смертный бой.

Молчание затягивалось.

– Похоже, это дело для меня, – без всякого удовольствия проворчал Асмуд и опустил шлем в боевое положение.

– Нет! – отрезал князь. – Не ты, Асмуд! Кто?

– Я! Я! – раздалось несколько голосов.

Пример боярина устыдил дружинников.

Но особого энтузиазма в голосах не слышалось.

Игорь поочередно оглядел вызвавшихся.

– Я ценю храбрость, – сухо произнес он. – Но нужна мне победа.

Машег негромко засмеялся. Князь повернул голову и неодобрительно поглядел на него.

Хузарин блеснул белыми зубами.

– Вели, княже, – и эта куча железа отправится обратно к кузнецу! – совершенно серьезно предложил он и погладил лук.

Среди гридней раздалась смешки, Элда одарила Машега восхищенным взглядом. Она не сомневалась, что хузарин отвечает за свои слова. Да в общем-то никто из тех, кто знал Машега, в этом не усомнился

бы.

Духареву показалось, что великий князь борется с искушением...

– Такое будет бесчестьем, – глухо проговорил Скарпи. – Мне ты не можешь сказать «нет», батька...

– Могу, – перебил князь. – Ты привык биться пешим. Асмуд лучше тебя. Но вы нужны мне. Оба. Я не знаю, на что способен этот печенежский богатырь. И не стану вами рисковать.

Великан печенег, устав ждать, выкрикнул что-то. Голос у него был под стать росту.

– Что он сказал? – спросил князь.

– Кричит, если мы боимся его копья, то он может проткнуть нас тем, что у него между ног, – любезно перевел Машег.

– Пес, – мрачно пробормотал Скарпи.

– Это мы – псы, – брезгливо процедил Асмуд, оглядывая ровный строй гридней. – Шавки!

Его взгляд остановился на Духареве, и Серегу будто что-то толкнуло.

– Князь! – громко произнес он. – Я думаю, ты не станешь особенно дорожить мной?

Глава сорок пятая

Поединок

– Ты? – Не похоже, что князь киевский был особенно удивлен. – Что ж, попробуй. Или твой дар уже поведал тебе, кто победит?

– Нет, – ответил Духарев. – Но надеюсь, что я, а не он.

И мягко послал Пепла вперед. Княжьи гридни расступились, пропуская...

– Стой! – рявкнул Асмуд.

Духарев остановился.

– Бронь у тебя знатная, – проворчал боярин. – И меч. А щит – дрянь. Возьми мой!

Скарпи презрительно сжал губы. Щит у Сереги был действительно так себе, но предложение имело еще и символический смысл: Асмуд берет Свенельдова варяга под свою защиту. Если после поединка будет кого защищать.

– Благодарю, боярин! – произнес Духарев, закидывая щит на спину.

– А копье свое мне дашь?

Асмуд молча кивнул, и отрок подал Сергею тяжелое копье с широким, отточенным по краям пером и железной оковкой по древку.

Такие редко использовали в сече: узкий наконечник пробивал доспехи куда эффективней. Зато при случае подобным копьем можно было орудовать, как японской нагинатой: и колоть, и рубить, и резать.

– Не тяжело? – спросил боярин.

– То, что нужно!

– Лучше бы тебе топор взять, – заметил Асмуд.

Духарев покачал головой. Он не очень жаловал топоры.

Движение колен – и Пепел вынес своего хозяина из строя гридней.

Гигант-печенег опять что-то заорал. Печенеги тоже его услышали: завyli, зауxали.

Духарев обернулся.

– Говорит: ты, рус, мог бы и помельче осла взять. Падать ниже! – перевел Машег.

– Он верно заметил, варяг, – сказал князь. – Конь у тебя легок. Может, возьмешь другого?

– Этого я сам учил, – возразил Сергей.

Он пустил Пепла рысью, попутно изучая место битвы. Иной раз

сусличья нора может стоять жизни. Нет, место было правильное. Ровное, с короткой, пожелтевшей уже щеткой травы.

В четверти версты растянулось степное конное воинство. На передовых посверкивали металлом доспехи.

Пепел нес Духарева ровной мерной рысью, постепенно набирая темп.

Серегин противник тоже стронулся с места, точно так же неторопливо наращивая скорость. Они были еще слишком далеко друг от друга и берегли силы коней.

Духарев оглянулся.

Киевлян было ощутимо меньше, чем печенегов. Но выглядели они грозно. Ровная шеренга тяжелой конницы, длинные щиты, острые шлемы с яркими султанами и флажками. В центре, за первой линией, подрагивали на слабом ветру стяги великого князя киевского, хакана тмутараканского и алое, собственное, знамя Игоря.

Печенег приближался. Он уже начал горячить своего огромного коня – тот взял галопом.

Духарев не спешил. Может, противник и рассчитывал закончить дело в первой же сшибке, но Серега на такое не надеялся.

От богатырского поединка зависело многое. Воины по обе стороны поля верили, что его результат определяется свыше. Если Серега будет убит, русы падут духом, а степняки, наоборот, воспрянут. А дух – это половина победы.

Копыта печенежского скакуна гулко били в плотную землю. Он уже разогнался на полную. Закованная в сталь живая башня стремительно надвигалась. Гигант пригнулся к гриве, плотно прижал к лошадиной шее опущенное копье, прикрылся щитом с длинным острым торчем.

Духарев опустил копье, перекинул щит в левую руку. В общем, сделал вид, что собирается встретить противника лоб в лоб. Пепел тоже пошел галопом, но далеко не в полную силу. Тем не менее всадники сближались, и сближались стремительно.

Раз, два, три!

Печенег заревел, привстал на стремянах, замахнулся огромным копьем, словно легким дротиком... Только в этот миг Серега осознал, насколько его враг громаден. На краткий миг степняк навис над почти двухметровым Духаревым, как медведь над оскалившимся волком...

Выкрик, движение колен – и великолепно обученный Пепел прыгнул в сторону не хуже серого волка.

Копье печенега впустую вспорол воздух. Духарев услышал рев, мощи которого мог бы позавидовать рассерженный тур... Но черный жеребец

уже унес гиганта-печенег прочь. Развернув коня, Серега увидел непомерной ширины спину в чешуйчатой стали. Блин! Какая мишень! Сейчас бы залудить бронебойной! С двадцати шагов! Практически в упор! Ей-богу, прошиб бы!

Печенег развернул коня, заорал что-то. Не понравилось ему «уклончивое» поведение соперника.

Вороной жеребец взрыл землю широкими копытами и опять ринулся в бой.

Черные ленты, украшающие заостренный шлем степняка, змеились на ветру. Хороший шлем, с личиной до рта, ниже – кольчужная сетка. У Сереги шлем проще, открытый, со стрелкой. Зато и видно лучше.

Ну, давай!

Духарев изо всех сил ударил Асмудовым щитом по древку печенегова копья, целя своим жалом степняку в голову.

Ха-а!

Пепел аж всхрапнул от мощи удара. Серега едва не вылетел из седла. Руку с копьем отнесло в сторону – степняк тоже принял удар на щит. Собственное копьё Сереги наверняка разлетелось бы от такого удара, но Асмудово – выдержало. Правда, никакого урона врагу не нанесло.

Разминулись. Сошлись снова. На этот раз Духарев ухитрился даже чиркнуть по печенегову шлему. Но это стоило ему щита. Копье степняка зацепило бронзовую оковку. Деревянная основа хрустнула. Расколотый щит вырвало из Серегой руки. Хорошо, хоть руку не оторвало.

Печенег зарычал. Решил: хана русу! Ладно, бычара!

Духарев развернулся и на этот раз погнал жеребца по-настоящему.

Ну, давай!

Всадники стремительно сближались.

В последний момент Духарев бросил Пепла влево. Но степняк уже знал этот приемчик, вынес копьё дальше – железко едва не срезало Пеплу ухо... – и опять вспорол воздух. Духарев, крепко зажав под мышкой собственное копьё, низко свесился с седла. Он не бил, но относительная скорость всадников достигла почти ста километров в час, и стальное перо Асмудова копья зацепило что-то... Серега успел услышать характерный звук рвущегося кольчужного полотна, черная масса пронеслась над Духаревым, он рывком поднялся, развернулся.

Есть!

Кольчуга на бедре печенег была разорвана, а по смазанному жиром чешуйчатому вальтрапу^[39] струилась алая змейка.

Но гигант, похоже, и не заметил раны. Развернул коня и ринулся в

новую атаку. Настойчивый, однако, бычара!

Надо признать, в начале поединка Духарев испытывал не то чтобы страх, но некую неуверенность. Слишком велик и бронирован противник. Теперь полегчало. Серега проделал в броне маленькую брешку. И выяснил, что подвижность дает ему некоторое преимущество. Его противник привык к другой технике. Более прямолинейной. Печенег привык, что, когда он скачет на врага, враг тоже скачет на него, а не шарахается в сторону.

А Серега шарахался, и шарахался довольно ловко. Спасибо старику Рёреху, выбравшему Духареву коня и вдолбившего в Серегину голову значение хорошей выездки.

На этот раз, увильнув от гиганта-степняка, Серега не стал ждать, пока тот развернется. Духарев помчался следом, без особого труда догнал печенега и ударил копьем в бок.

Панцырь выдержал, а массивный противник даже не покачнулся.

Черный жеребец заржал, резко осаженный всадником. Но развернуться к себе лицом Духарев печенегу не позволил. Управляя Пеплом одними коленями, Серега перехватил копье двумя руками, напал сбоку. Степняк не мог использовать щит, попытался прикрыться древком, но Духарев изловчился и ткнул печенега в лицо. Удар вышел несильный, да и кольчужная сетка частично смягчила его, тем не менее Серега врага достал.

Печенег взвыл, вздернул жеребца на дыбы. Духарев подал назад, уворачиваясь от молотящих по воздуху копыт...

В следующее мгновение невероятная сила рванула копье у него из руки. Не разожми Сергей пальцев – самого вырвало бы из седла.

Вот дьявол!

Печенег отшвырнул свое собственное копье и выхватил у Сереге из рук оружие Асмуда! Силища у степняка была – как у подъемного крана. И он уже праздновал победу! Повернулся к своим и заревел, потрясая отобранным копьем.

У Сереге оставался меч. Один меч – против полного боевого комплекта печенега. Конечно, и мечом можно прорубить печенегову броню. Если отобрать у степняка все остальное оружие, а самого крепко привязать к дереву...

Следующее движение Духарева вряд ли можно было назвать обдуманным. Скорее это был жест отчаяния. Одним движением Духарев бросил тело вверх, встал на седло и, оттолкнувшись, прыгнул на круп черного жеребца.

Если бы Серега промахнулся, это был бы абзац. Но Духарев сегодня

оказался невероятно удачливым. Вцепившись в шиш печенегова шлема, Серега сумел удержаться. В следующее мгновение он свободной рукой выдернул из голенища засапожник, вздернул подзор бармицы^[40] и полоснул кривым острым ножом по могучей шее.

Печенег взревел, сжал, как тисками, Серегино запястье, с нечеловеческой силой дернул, оторвал от себя варяга, едва не вывихнув ему руку.

Духарев ощутил, как взлетает в воздух (будто опять тур рогом поддел!), в следующее мгновение желтая травяная щетка метнулась навстречу, треснула по плечу, земля и небо раз десять поменялись местами – и Серега распростерся носом вниз, совершенно потеряв представление об окружающем мире...

Лошадиная морда пихнула в ушибленное плечо. Духарев взвыл – и пришел в себя. Вскочил так резко, что Пепел шарахнулся.

Должно быть, Серега совсем недолго пробыл в отрубе, поскольку черный печенегов конь, скакавший галопом к рядам степняков, все еще скакал. Но всадника на нем уже не было.

Гигант-печенег лежал шагах в ста от Духарева, солнце весело играло на железной броне.

Серега замер в каком-то ступоре, а черный конь врезался в ряды степняков, и орда поглотила его. И от этого малого толчка словно волна прошла по степному воинству. Тысячи всадников пришли в движение.

Серега вцепился в повод Пепла, готовый прыгнуть в седло...

Но остался на земле.

Темная масса всадников стронулась с места, покатилась... Но не к Сереге, а от него.

Печенеги уходили.

Глава сорок шестая

Парс

Треснувшись о землю, Серега здорово ушиб бедро. Поначалу не заметил, даже встал сам, на коня взобрался. А когда, подъехав к князю, стал спешиваться – упал. Ему тотчас помогли: подняли. Причем те же гридни-нурманы, что недавно глядели презрительно. Еще бы! Серега им всем честь спас. А может, и жизнь. Как бы все обернулось, если бы битва была.

И будто из сочувствия к Сереге, светлое небо потемнело, закапал дождик.

– Шатер ему! Лекаря! – распорядился князь.

– Да я ничего, нормально, – пробормотал Духарев, опираясь на плечи нурманов, поглядывая то на князя, то на оттесненных дружинниками друзей.

– Отдыхай, витязь, – уронил Игорь. – Завтра поговорим. Иди!

Серега не успел ничего сказать. Гридни приняли его на мускулистые руки, повели-понесли прочь. Духарев не сопротивлялся.

Поставили шатер, внутри натянули на раму парусину, кинули овчину сверху – вот и кровать. Роскошная по походным меркам. Серегу внесли, уложили, помогли разоблачиться. Чуть позже приволокли знакомые переметные сумы с серебром, сложили грудой. Мол, видишь, варяг, ничего киевский князь не присвоил! А ты?

Пришел лекарь. Громила семь на восемь с рожей палача, но руками на удивление мягкими. Помял, пощупал, смазал где требуется, напоил сладко-горьким отваром, сказал уважительно:

– Поспи, витязь. Кости у тебя целы. День-два – и снова в седло сядешь.

Ушел. Все ушли. Духарев слушал, как снаружи шумит воинский стан, как по-нурмански переговаривается у тонкой стенки шатра Серегина стража. Серега задремал...

И проснулся от легкого дуновения.

Входной полог шатра чуть приподнялся, и внутрь бесшумно проскользнул человек. Замер, привыкая к темноте. Сон слетел с Сереги вмиг. Меч лежал справа от кровати. Серега нашарил рукоять... Тело вялое, как опавший пенис, бедро ноет...

«Ну-ка ша!» – скомандовал Духарев изношенному организму, и организм перестал скулить. Почувствовала требуха, чем дело пахнет.

Кто это может быть? Ясно, что враг. Друг не вошел бы украдкой. Враг, которого пропустила стража. Кто? Убийца, посланный Скарпи? Очень похоже.

Неизвестный двигался неслышно: трава скрадывала звук.

«Как только подойдет – я ударю», – подумал Духарев. Он очень надеялся, что сумеет ударить достаточно быстро, чтобы опередить убийцу. Вряд ли Скарпи отрядил бы на такое дело кого попало. У нурманов это – в порядке вещей. Серега слышал сагу о нурманском парне, который как-то ночью пробрался в дом своего кровника, отыскал в абсолютной темноте врага, прирезал его и так же бесшумно смылся. «Подвиг», достойный ниндзя. Чтобы это оценить, надо видеть нурманский «длинный» дом, где люди лежат вповалку, а от трофейного барахла просто ступить некуда. Правда, очень возможно, что «ястребы лебединых дорог» так перепились пива, что скандинавский «ниндзя» шагнул прямо по спящим.

Все это прокрутилось в Серегиной памяти в те несколько секунд, пока убийца неторопливо преодолевал те три метра, что отделяли вход от опорного шеста, за которым стояло низкое Серегино ложе.

У шеста убийца остановился.

«Ну же, давай!» – мысленно торопил его Духарев.

А убийца взял и сел на землю. Увидел, что Серега не спит? Или решил выждать?

Духарев ждал в напряжении, чувствуя, как бесполезно утекает аварийный запас сил. А убийца все сидел. Сереге было не видно, как тот сидит. А это было важно. От позы зависела скорость внезапного броска...

Убийца глубоко вдохнул... Чуть слышно.

«Сейчас...» – подумал Сергей, сжимая повлажневшую рукоять.

– Ты не спишь, демон, – сказал убийца.

Серегины пальцы разжались, и слабость тут же тяжеленным зверем навалилась на него.

– Чтоходишь, как тать, черт тебя подери! – хрипло проговорил Духарев.

– Не хотел тебя будить, – отозвался парс. – Я забыл, что демоны не спят. Извини.

– Я не демон, – буркнул Духарев. – Что надо?

– Меня ваш князь послал, – ответил парс. – Я же еще и лекарем сказался.

– ...И чародеем, – проворчал Духарев.

– И чародеем, – легко согласился парс. – Князь велел тебя осмотреть, помочь, если получится...

– ...И заодно вызнать, куда я ромейское золото спрятал.
– Верно, – подтвердил парс и подсел к Сереге ближе.
– Ну и как, будешь признавать? – усмехнулся Духарев.
– Да мне ни к чему, – совсем тихо отозвался парс. – Я ведь с вами был, когда вы золото прятали.

Вот подонок!

– Места ты все равно не знаешь! – хрипло проговорил Духарев.
– Захочу – найду, – возразил парс. – Достаточно примерно знать. А найти... Видал, как воду лозой ищут? Так же и клады можно искать.

«Вот дьявол! Правильно парни уговаривали его прирезать! – подумал Духарев. – Может, еще не поздно?»

Рука, словно бы сама собой, опять нашарила меч...

– Не надо меня рубить, демон, – спокойно произнес парс. – Я ничего не сказал князю. И не скажу.

– Что тебе нужно? – голос Духарева дрогнул от сдерживаемого гнева.

Парс сидел рядом, смотрел сверху на лежащего Серегу. Видел он его лицо или нет – сказать было трудно.

– Я помню твои слова, демон, – сказал парс. – «Мертвым деньги не нужны». На вашем князе – печать Смерти. Не ты один ее видишь. Кому нужны мертвые покровители? Кому нужен враг-демон?

– Я не демон! – прорычал Духарев.

Парс засмеялся. Очень мелодично.

– Я смеюсь не над тобой, – пояснил он тут же. – Я смеюсь, потому что смех прогоняет страх. А я тебя очень боюсь... варяг.

И тут же, без всякой логики, попросил:

– Возьми меня к себе служить! Я мудр. И умею многое...

– Угу. Клады искать, например...

– Мне не нужны деньги, – возразил парс. – Я буду служить тебе не за плату.

– А за что? – Серега не верил в бескорыстие этого человека.

– Мне ведомо, а ты увидишь, – уклончиво ответил парс. – Я буду верен тебе... варяг.

– Допустим, – Серега еще колебался, но чаша весов склонялась в пользу парса. Он очень заинтересовал Духарева. – Допустим. Как, кстати, тебя зовут, парс?

– Артак!

Ответ последовал почти мгновенно, и так же мгновенно Серега понял, что парс соврал. Зачем, интересно?

– Если ты хочешь служить мне, – строго произнес он, – то должен

назвать мне свое настоящее имя.

– Да, господин, – пробормотал парс. – Я знаю, что тебя невозможно обмануть...

– Я жду, – напомнил Духарев.

– Я... Мое имя Валарш, – чуть слышно прошептал парс.

Сереге это ровным счетом ничего не говорило. Ничего, со временем выяснится, почему парс так не хотел называть свое настоящее имя. Что это – настоящее, Духарев не сомневался.

– Я буду звать тебя – Артак, – милостиво произнес он. – Ты мой слуга.

– Да, господин, – почтительно ответил парс. – Ты видишь.

– Да, – важно подтвердил Духарев, которого очень развлекала эта игра. – А теперь займись тем, для чего тебя прислали.

– Чем именно, господин?

– Ты же назвался лекарем – вот и лечи. Или тебе свет нужен?

– Зачем? – удивился парс. – Чтобы читать тело, мудрому свет не обязателен. Это же не рукопись.

Парс взял Серегино запястье, подержал...

– Ты силен, варяг, – сказал он. – Княжий костоправ поил тебя маком, но ты оказался сильнее отвара. Сердце у тебя – как у лошади. Я скажу князю, что ты не брал его золота.

– Лучше не говори ничего, – возразил Сергей. – Как думаешь, он нас отпустит?

– Ты ведь и сам знаешь, господин.

– Да. Он неплохой человек, Игорь, – Серега вздохнул. – Если бы он меньше слушал нурманов...

– Не обманывай себя, господин. Князь слушает того, кого хочет. Он плохой правитель, и ты это знаешь. Ты был бы лучшим.

– Почему ты так считаешь?

– Ты готов положить жизнь за своих, а он – нет. Потому он вынужден идти, куда они хотят.

У вас ведь воины сами выбирают себе вождя. Если они узнают, каков он, то уйдут к другому.

– А деньги?

– Вот именно, господин. Деньги укрепляют верность, но верность за деньги не купишь. Он отпустит тебя и твоих друзей, господин. Ты прославил себя и один принес ему победу.

Я шепнул кое-кому из воинов, что печенег убежали не потому, что ты победил, а потому, что победил ты. Завтра об этом будут говорить, и слава твоя вырастет. Видишь, я могу быть полезным, господин.

- Вижу, – согласился Духарев. – А теперь, можно, я немного посплю?
- Спи. Я побуду здесь до утра. Князь знает.

Глава сорок седьмая, в которой Духарев отказывается ехать с князем в Тмутаракань...

Войско стояло два дня. Ждали, пока вернутся разведчики, посланные следить за отступающей ордой. Вернувшиеся доложили: печенеги ушли на Дон, к своим кочевьям.

На второй день Серегу вызвали к Игорю. Скарпи с князем не было.

Из бояр – только Асмуд.

Князь расспрашивал о печенегах, которые пожгли городок. Серега сказал: те самые, от которых Духарева с друзьями выручили княжьи дружинники. Почему степняки привязались к варягам, объяснил так: обиделись за то, что побили их родичей в Тагане. Вранья тут не было, только умолчание. Еще Духарев рассказал о ромейской галере. И саму галеру описал так подробно, как мог, и толстого ромея, что на ней военачальником. Князь спросил про Халли. Серега худого о нурмане-командире говорить не стал. Похвалил воина. Расписал, как бился отважно, как стрелы ему добывал, как погиб, сражаясь один против дюжины. Не забыл сказать и об Элде.

Сразу после этого разговора в Таган был отправлен воинский отряд: поддержать беззащитный городок.

О золоте не было сказано ничего. И о будущем Игорь тоже не спрашивал. Может, ждал, что Серега сам об этом речь заведет? Но Духарев уже сказал все, что хотел. И даже больше.

После князя Серегой «завладел» Асмуд. Увел в свой шатер, угостил вином, расспрашивал про Рёреха.

Духарев с охотой рассказывал. Как встретились. Как Рёрех чуть его не пристрелил, но потом смиростивился и взялся делать из лоха воина...

– Напрасно ты от него ушел, – заметил Асмуд. – Рано. Но это судьба. Скажи, Серегей, что ты про князя сказал... Переиграть нельзя?

Духарев покачал головой.

– Жаль. Люблю я его. С малых лет вместе.

Асмуд печалился так искренне, что Серега все же дал совет:

– Пусть не ходит в Искоростень. Не вернется.

– Свенельд?

Духарев опять отрицательно качнул головой:

– Судьба. Отговоришь – может, и жив останется.

– А может, и нет?

– А может, и нет. Будущее не за ним, за сыном.

– Он же малой!

– Вырастет.

Поговорили еще немного, добились бурдючок.

– Мы в Тмутаракань пойдем, – сказал Асмуд. – Айда с нами!

– Спасибо, но нам в другую сторону. Если князь отпустит.

– Отпустит. Но лучше бы вам – с нами. – Добавил искусительно: –

Время будет – покажу, чего даже Рёрах не знал, чему у ромеев научился. И серебро ваше в сохранности будет, и сами целы. А то ведь, сам знаешь, в степи нынче беспокойно. Напоретесь опять на копченых – помощи уже не будет.

– Ничего, отобьемся! – легкомысленно заявил Духарев.

Вчетвером в степи ему казалось безопасней, чем под охраной княжьей дружины, но поблизости от Скарпи. Может, сейчас Игорь, помня о выигранном поединке, и не напоминает о золоте, но со временем Серегины заслуги могут и забыться, а вот у золота такое свойство, что о нем правители не забывают никогда.

На третий день войско стронулось в одну сторону, а Серега с друзьями – в другую.

Артак к ним не присоединился. Сказал тихонько, что найдет их в Киеве. Сейчас, мол, нельзя ему показывать, что служит Духареву.

Серега не возражал: найдет – хорошо, не найдет... Тоже хорошо. Не очень-то он Духареву симпатичен. Темный человек.

Глава сорок восьмая, в которой Серега горько жалеет о том, что отказался от предложения Асмуда

Три дня они шли по тракту без происшествий. А на четвертый вышли к Днепру. Верст на десять пониже устья реки Орель^[41]. Здесь степь уже не была сплошным травяным морем. Кое-где стояли островки-рощицы, а по ту сторону Орели темнела полоска настоящего леса. На левом, высоком берегу речки можно было разглядеть укрепленный городок, ставленный еще до Олега. Здесь кончалось Дикое Поле и начинались обжитые полянские земли. Конечно, и их время от времени захлестывала разбойная Степь. Но здесь можно было уже не опасаться внезапного набега. Народ между Орелью и Ворсклой^[42] обитал сторожкий. Чуть что – исчезал в схоронках, а на круглых макушках курганов вырастали дымные хвосты.

Варяги остановились на днепровской круче, отвесной скале, нависшей над синей водой. Слева и справа берег зарос камышом, а под скалой место чистое, глубокое. Над такими местами обычно ставили идолов, но на этом из человеческих следов – только черная плешь старого кострища.

На радостях, что дошли, решили встать, не дожидаясь вечера. Расседлали коней, выкупали, сами выкупались в теплой днепровской водичке. Машег с Элдой наловили рыбы. Ловили так: Машег, с берега, бил стрелой, а нурманка, ныряя, вытаскивала подбитую рыбину, добывая, если требовалось, ножом. Плавала она, как русалка, наблюдать за ней было – одно удовольствие. Но Серега решил: нехорошо глазеть на обнаженную женщину, если это женщина твоего друга, а своей под рукой нет. Мысли от этого возникают неправильные.

Поэтому Серега тоже занялся делом: набил перепелов на уху. По ухе мастером считался Устах. И заслуженно. Наелись так, что даже дышать трудно. Бездельничали, болтали о том о сем. Когда начало смеркаться, Машег с Элдой куда-то испарились. То есть понятно куда, и зачем – тоже понятно.

– Что ты решил? – спросил Устах. – Пойдешь к Свенельду?

– Пойду, – ответил Духарев. – После того, что было, врагов у меня в Киеве прибавится, но это уже не важно. Без Игоря я даже Скарпи не боюсь, а Игоревое время кончается. Этой осени он не переживет.

– Именно осени?

– Да.

Устах кивнул. Его друг – ведун. Раз он так говорит – значит, так и будет.

– А ты? – спросил Духарев. – Пойдешь со мной к Свенельду?

– Он меня не звал, – сказал Устах.

– Я зову!

– Коли так – пойду. Привык я к тебе, Серегей, – варяг усмехнулся, – заскучаю без тебя. А с тобой весело. То бежишь от кого, то с великим князем сvariшься. Ни дня без драки.

– Зато и прибыль, – резонно заметил Духарев.

– В этом ли дело? – Устах махнул рукой.

– А в чем?

Из темноты донесся голос Элды. Машег с нурманкой возвращались.

– А вот в них хотя бы, – сказал синеусый варяг. – Понравилась хузарину твоя женщина – ты и отдал.

– Машег – мой друг, а Элда – вовсе не моя женщина! – запротестовал Серега.

– Халли ее тебе поручил, сам же сказал! – возразил Устах. – По закону она твоя была. А ты отдал. Это, брат, истинно княжья повадка. Помнишь, как мы с тобой в лесу встретились? Как ты с Гораздом дрался, а потом я тебе бороду брил?

– Помню, конечно!

– Помнишь, как ты спросил: а голову?

– А ты сказал: «Пока так походишь!» Голову, мол, вожди бреют, – засмеялся Духарев.

– Верно, – кивнул Устах. – А теперь говорю: пора тебе голову брить.

– Только не сейчас, ладно?

Теперь засмеялся Устах:

– Голову тебе пусть Свенельд бреет! Я для того статью не вышел.

Машег и Элда, держась за руки, возникли из темноты, присели к костру. Так же держась за руки.

– Слышь, хузарин, что главное для вождя? – спросил Устах.

– Доблесть! – ни на секунду не задумавшись, ответил Машег.

– А ты, Элда, что скажешь?

Нурманка поглядела на Машега, словно спрашивала разрешения. Хузарин ей улыбнулся. Глаза у них были почти одинаковые – синие. Только у Элды немного светлей.

– Храбрость, слава – это для воина важно, – очень серьезно ответила

нурманка. – А для вождя главное – удача. У отца моего дальний родич есть, Грим Лысый, сын Кведульва. Он – великий воин. Сильней его, говорят, только сын его, Эгиль. Но поссорился Грим с конунгом Харальдом Прекрасноволосым, которого раньше Косматым звали. И покинул дом свой Грим и бежал в Исландию. Потому что, хоть и не уступает Грим конунгу храбростью, а силой даже и превосходит, но удача Харальда больше.

И опять поглядела на Машега: хорошо ли сказала?

Хузарин кивнул: хорошо. И Элда вспыхнула улыбкой.

– Все это правильно, – сказал Духарев. – Однако спать пора. Чья первая стража будет?

– А вот сейчас жребий потянем и узнаем, – ответил Устах, обрывая травинки.

Серее выпала последняя стража, перед рассветом. Уснул мгновенно, несмотря на лягушачий концерт.

Снилось опять прошлое. Где он тоже спал, но проснулся один, в незнакомой квартире. За окном уныло тиликала сигнализация. Сон ушел. Серега, не настоящий, из сна, встал с постели, зажег сигаретку, подошел к окну... услышал за спиной мягкие шаги, начал оборачиваться и упал...

Вокруг опять была теплая южная ночь. Лягушки умолкли, слышно было, как плещет в реке рыба... И еще мягкие шаги!

Серее будто бросило вверх, меч сам прыгнул в руку.

– В-ви-и-и-и! – пронзительно, как заяц, заверещал враг. И захлебнулся кровью.

И тут же появились еще...

Серее завертелся волчком, сбил петлю, достал еще одного...

Услышал, как Машег кричит: «Прыгай, прыгай!» Кинулся на звук, споткнулся обо что-то, покатился по траве, вскочил, увидел, как птицей метнулась с кручи светлая фигурка, услышал чей-то вопль, тонкий свист Машеговой сабли, звук прорубаемой плоти, еще один вопль. Впереди возник враг. Серее ударил – и в лицо ему полетел светлый ком. Серее отмахнулся, но ком оказался тряпкой, накрывшей руку с мечом. И тут же на шею упал аркан. Серее успел перехватить крученый из конского волоса канатик, но из-под ног рванулась земля, и Духарев полетел на спину, прямо на подброшенную сеть. Кто-то кинулся сверху, и Серее принял его на меч. Хлынула кровь. Рукоять вывернулась из руки. Серее потянулся к засапожнику, забыв, что босой, жесткие пальцы вцепились в Сереегину правую руку. С левой не ударить, левая – держала аркан: отпустишь –

задушит. Ноги спутаны сетью. Серега все же извернулся, достал коленом. Чужие пальцы соскользнули с окровавленной руки... Черный молот ударил из темноты в лоб – и Серега вырубился.

Очнулся с ноющей головой и вкусом рвоты во рту. Конечно, спутанный по рукам и ногам.

Поблизости горел костерок. У костерка, на корточках, сидел Албатан. Лицо его было замотано черной от крови тряпкой, но глаза так и сияли от удовольствия. Хан сделал знак, Серегу грубо ухватили за волосы, усадили. Было больно, зато Духарев теперь видел больше. Например, он увидел запеленутого, как мумия, Машега и спутанного арканом Устаха с заплывшим глазом и лицом, залитым кровью из разбитого виска.

«Связан, значит, жив», – утешил себя Духарев, огляделся в поисках Элды, не обнаружил нурманки, вспомнил метнувшуюся с обрыва фигурку и обрадовался. Ушла Элда!

Глаза хана злобно прищурились: варяг улыбается!

Албатан сделал знак: к Сереге подскочил степняк, разорвал на нем рубашку, ударил по губам.

Хан недовольно заворчал, взял короткую пику, сунул в огонь. Покопался за пазухой, извлек золотую монету, показал Духареву, сделал вопросительный жест.

– Не понимаю, – нагло заявил Серега. – Ты словами скажи!

Албатан зашипел. Один из степняков схватил Серегу за ухо.

– Золото! Где? – выкрикнул он по-славянски.

Воняло от него, как от старого козла.

– Иди заправь своей кобыле! – посоветовал ему Духарев.

Печенег выхватил нож, намереваясь отмахнуть Сереге ухо, но хан снова зашипел, и его воин с большой неохотой спрятал нож. Второй степняк отпустил Серегины волосы.

Пленников на время оставили в покое. Печенеги отошли подальше, переговаривались по-своему. Наконечник пики постепенно заливался красным. Было довольно легко догадаться о его предназначении.

– Ты как, Машег? – негромко спросил Духарев.

– «Пока неплохо», – падая, сказала мышка, которую нечаянно выронил ястреб.

Машег тихо засмеялся.

– Ловко они нас взяли, – сказал он. – Устах проворонил.

– Я, может, тоже проворонил бы, – отозвался Духарев. – Расслабились мы. Полянские земли. До Орели рукой подать. Леса! Что теперь делать будем, Машег?

– Что делать? Умирать. Медленно.

– Про золото будем молчать?

– А какая разница? Скажем – не скажем, все равно мучить будут. Так лучше уж их без поживы оставить. А то, может, и Элда моя подмогу приведет. Надейся, Серегей! Бог тебя любит.

– Слыхал я историю, – произнес Духарев. – Про иудея вроде тебя.

Раз он со скалы упал, да успел за край зацепиться. Висит, держится из последних сил. Молится: «Помоги, Господи! Жил я праведно, заповеди соблюдал, молился вовремя, жертвовал щедро! Помоги, Господи!»

И слышит Голос:

«Ладно, коли ты такой праведный, помогу, не бойся. Отпускай руки!»

– Выходит, он спасся, этот праведный, – совершенно серьезно заявил Машег. – Раз сумел об этом рассказать.

Духарев, изумленный хузарской трактовкой анекдота, даже не нашелся, что ответить.

А пика все калилась. Наконечник – точно такой же, каким варяги жгли печенег в Тагане.

Духарев попытался вспомнить: каково это было, когда он на глазах князя протыкал себе ножом руку? Мало, что не больно, так еще и рана заросла менее чем за сутки. Даже шрама не осталось. Может, и с каленым железом получится?

«Стыдно тебе трусить, Серега! – сказал он сам себе. – Вон, Машег не боится!»

Тут он был не прав. Хузарин боялся. Но одно дело – бояться, другое – выказать страх.

Печенеги поговорили. Албатан подсел к костру, вынул пику. Показал знаком: ты мне язык попортил, а я твой сейчас выжгу.

Серегу схватили, сунули в зубы железную ложку, развели челюсти. Жаркий красный лист наконечника приблизился к лицу. Серегу держали крепко. Духарев терпел. Не станет хан ему язык жечь, если хочет услышать, где золото спрятано. Но глаз – вполне может. Жалко глаз. Хотя мертвому глаза не нужны. Как и золото.

Пика отодвинулась. Ложку тоже убрали. Хан пристально глядел в лицо варягу: испугался, нет?

Сереге хотелось верить, что страха на его лице не видно. А что вспотел, так это от жара.

Быстрым, точным движением хан уколол Духарева в грудь. Боль ожгла до костей. Зашипел, сгорая, волос, зашипела, взошла и лопнула пузырьем кожа.

– А-а-а-ха-ха-ха! – зарычал Сергей, ухитрившись как-то превратить в подобие смеха первый животный вопль.

Хрен вам!

Веселая ярость накатила, заглушая боль. Нет, боль осталась. Такая же нестерпимая. Но это уже не имело значения. Главное: показать этой твари, что он – варяг! Варяг!

И смех его уже звучал не натужно, а искренне.

В глазах хана мелькнуло удивление...

Каленый наконечник уже остыл в живом мясе, но Албатан забыл его убрать. Он был в замешательстве. Это было, как если бы он взгромоздился на свою жену... И не обнаружил необходимого отверстия. Албатан столько раз жег людей железом, что, как ему казалось, знал об этом все. В этой схватке Албатан побеждал всегда. Проклятый славянин, лишивший хана возможности говорить, украл у него и радость мести. И радость победы тоже украл. Понятно, почему он не боялся: боль не трогала славянина. Но почему?

Албатан сунул пику обратно в костер, велел принести сумку. Его не поняли. Пришлось идти самому.

Кровь на деревянном теле бога обратилась в черную липкую пленку. Албатан сдвинул повязку, прижал бога к порванной щеке, попросил беззвучно: помоги.

Снова взял пику – наконечник уже нагрелся...

Серегу увидел, как печенег вытащил черного деревянного уродца, перемазанного какой-то дрянью, сдвинул в сторону повязку. На щеке хана обнаружился неровно заштопанный рубец. Албатан прижал уродца к воспалившейся ране. О санитарии хан явно не имел никакого понятия.

Губы хана зашевелились. Затем он бережно отложил уродца и вынул из костра пику.

Серегу озарило.

– Давай жги! – громко сказал он. – Ты нем! Твой бог тебя не слышит! А мой Бог сильнее твоего.

Печенег, понимавший по-славянски, перевел Серегины слова. Албатан ощерился, показав осколки зубов и распухшую сардельку языка. И ткнул Серегу раскаленным острием. Снова шипение, вонь, боль... Но на этот раз Серегу был готов и сумел защититься, отделить себя от боли.

– Твой бог тебя не слышит, хан! – крикнул Духарев и захохотал. – Или бог оглох, или ты онемел!

Албатану очень хотелось воткнуть пику прямо в сердце славянина, и, чтобы удержаться, он отшвырнул ее прочь. На миг стало совсем тихо, только костер потрескивал. И в этой тишине троюродный брат и старый соперник Албатана, тот самый, который собирался отрезать Сереге ухо, громко произнес:

– А ведь славянин прав: Албатан онемел, и бог его больше не слышит.

Албатан выпрямился, как отпущенная пружина. Шикнула выдернутая из ножен сабля, вспыхнул багрянец на дымчатом клинке, а поперек живота родича, сквозь стеганую, шитую бляшками куртку лег ровный чистый разрыв. Миг – и печенег страшно закричал, кровь хлынула из расходящейся раны.

Албатан махнул саблей – брызги полетели на пленников – бросил ее в ножны, подхватил с кошмы деревянного бога...

Больше он ничего не успел. Другой печенег, как близнец похожий на раненого, махнул рукой – узкий пояс змеей выпрыгнул из рукава, обвился вокруг Албанановой шеи. Печенег поймал его второй конец, перехватил накрест, потянул, упершись ногой в спину хана. Албатан захрипел, замахал руками. Зашитая рана на щеке разошлась, показав обломки зубов.

Остальные степняки, их осталось дюжины две, не больше, не вмешивались. Ждали, чья возьмет – того и удача. Взял душитель.

Ремешок скользнул обратно в рукав, а безжизненное тело Албатана осело на траву. Убийца отстегнул пояс хана, с дорогой синдской саблей, надел на себя, поверх собственного. Затем вырвал из пальцев мертвеца (так и не отпустил) деревянного бога, подошел к тому, кому Албатан вспорол живот, раздвинул края раны и запихнул в кровавое чрево. Раненый завопил совершенно невыносимо, содрогнулся и умер.

Печенеги довольно заворчали, сочли эту быструю смерть благоприятным знаком: бог взял жизнь.

Победитель поднес к лицу перепачканного кровью и слизью бога, пошептался с ним и изрек нечто.

Духарев глянул на Машега: хузарин был доволен.

– Что он сказал?

– Говорит: кумир велел ему ждать восхода. А с восходом увозить нас в степь. Говорит: там, на правильной земле, твой бог ослабеет.

– Угу, – пробормотал Духарев. – А чему ты радуешься?

– Неужели не видишь? Бог уже помогает нам! Нас не будут пытаться, пока не увезут. Да и увезут ли? Я буду молиться. И ты молись! Бог уже вмешался. Вмешается еще раз!

– Блажен кто верует, – пробормотал Духарев. – Почему бы Ему не вмешаться чуть пораньше?

Ожоги на груди болели нестерпимо.

Кочевники копались в сумках, делили серебро, препирались.

На пленников не обращали внимания. Серега поглядел на костер... Нет, пережечь ремни нереально. Руки сгорят раньше. А вот ноги... Можно попробовать. Вон уголек подходящий. Серега, будто невзначай, вытянул спутанные ремнями ноги, накрыл откатившийся уголек. Нормально получилось. Теперь – ждать.

Степняки поделили серебро. Половина залегла спать, остальные болтали по-своему. Один, проголодавшийся, понюхал котел с ухой. Не понравилось. Достал что-то из своей сумки, стал жрать. Еще один вдруг вскочил, выкрикнул что-то. Остальные на него зашикали, опасно поглядели на спящих товарищей.

– Что? – спросил Духарев.

– Хорошо, – ответил Машег. – Этот бычий глист вспомнил: у Албатана – два бурдюка с кумысом. Остальные говорят: чего кричишь? Два бурдюка на всех делить – ничего не останется.

Припаленный угольком сыромятный ремень ощутимо вонял. Но не больше, чем труп зарубленного Албатаном родича. И от самого Албатана тоже несло будь здоров. Вопреки известной поговорке, что, мол, труп мертвого врага всегда пахнет приятно. Вряд ли ноздри печенегов уловят и опознают вонь тлеющего ремешка.

Заворочался и застонал Устах.

– Я бы тоже кумыса выпил, – сказал Машег. – А еще лучше – вина.

– Знаешь, я бы и обычной водой удовлетворился, – заметил Духарев.

Двое печенегов вскочили, заспорили.

– Скоро светать начнет, – заметил Духарев. – Хорошо бы эти ублюдки перепились.

– Хорошо бы их после выпивки на развлечения не потянуло, – мрачно отозвался Машег, который, в отличие от Сереги, понимал базар печенегов.

– Это ты к чему?

– Знаешь, о чем они ругаются?

– Ну?

– Один говорит: кожу лучше сначала с ног сдирать, а второй утверждает, что со спины. Если пеплом присыпать, говорит, то крови меньше уходит.

– Понятно. Я бы их всех...

– Чш-ш-ш! – перебил Машег, прислушиваясь.
– Кони их забеспокоились, – сказал он после паузы.
– Ну и что?
– Это или зверь, или...
– Или?
– Или не зверь. Молись, Серегей, чтобы это был не зверь. И чтобы эти ничего не слышали.

Серега молился. От ремней, связывавших его ноги, поднимался заметный дымок. Печенег спорили...

Все изменилось внезапно. По обе стороны от лагеря одновременно появились люди. И бросились на степняков. Их было не так уж много, но печенегов застали врасплох.

Спорщики сразу прекратили дискуссию и схватились за оружие. Зазвенело железо. Топот, глухие выкрики, удары... Привычные звуки боя, в котором Серега, вопреки обыкновению, играл крайне пассивную роль. И это было грустно, потому что степняки, опомнившись, явно брали верх. Вот один из нападавших, подбитый, полетел через костер, рухнул прямо на Духарева, свалив его на траву. Вертанувшись туловищем, Серега спихнул его. Бородатый мужик, славянин. Мертвый.

Убивший его печенег перемахнул через костер: пасть раззявлена в вопле, сабля над головой...

Духарев не стал ждать – врезал степняку промеж кривых ног так, что тот даже вверх подлетел. Приземлился. Сабля до половины воткнулась в почву, сам степняк воткнулся мордой в землю, волчья шапка – в костер. Духарев стриганул ногами – есть! Свободен! Печенег выл, держась рукой за гузно. Но второй, сука такая, тянулся к сабле.

Серега сделал ему анестезию – пяткой по башке. Сел спиной к сабле, примерился... Молодец, копченый. В порядке клинок держит – острый. Два движения – и ремешки поехали.

Руки немного затекли – секундное дело. Машег? Хузарин уже повернулся спиной, подставляя скрученные кисти.

Есть контакт!

Духарев кинул ему печенежскую саблю. Дальше хузарин сам справится. Серега еще раньше заметил, где лежит его славный варяжский меч.

Вот он, голубчик!

Серега почувствовал себя хищной птицей, которая порушила тесную клетку и наконец расправила крылья... Он стал таким легким и быстрым, что, кажется, вот-вот взлетит. Быстрее и легче Сереги был только его меч.

Печенеги казались набитыми тряпьем куклами – такие вялые и медлительные. Но, получив клинком, прыскали кровью вполне реально. Вот так, твари! Это вам не шкуру с пленников драть! Это вам – полный кабздец!

Сергея даже запел от восторга!

Все как будто оцепенели. Застыли нападавшие – их осталось всего-то человек пять, закоченели печенеги. Почти все. До пары-тройки наконец доперло, что их мочат: кинулись к лошадям. Поздно пить боржом, мальчишки! Сергей в три прыжка догнал. Хлестнул мечом одного, второго... Третий повалился сам – ножка подкосилась. Не сама подкосилась. Элда-умница! В одной рубахе, босая, зато с секирой в руках.

Сергей развернулся, взлетел в три прыжка обратно на кручу... Только здесь уже все закончилось.

Здесь стояли Машег с окровавленной саблей, пятеро воев-славян, натуральных кривичей (надо же!) и живописная куча нашинкованных печенегов. Вот черт! Даже обидно!

Глава сорок девятая

Добры молодцы – кривские купцы

Подмогу привела все-таки Элда. Прыгнув с десятиметровой кручи, нурманка сразу поплыла вниз по течению и совсем скоро наткнулась на ставшие к берегу торговые лоды. Сборная купеческая флотилия, возвращавшаяся от болгар.

К сожалению, к вышедшей из реки женщине торговые люди отнеслись несерьезно, а вспыльчивая Элда, забыв, что пришла за помощью, тут же заехала кому-то по зубам. Зубы уцелели. Но симпатии к нурманке поубавились. Обижать ее, конечно, не стали: такое не в обычае, и прочь не погнажи. Но и разговаривать не захотели. Элда уж и извинялась, поправ гордость, и упрашивала, и награду обещала и... чего только не обещала. Но славянские купцы – народ гордый. Да и не верили ей. Может, и вовсе не человек она, а перекинувшаяся русалка? Заманивает честных людей...

– Ну глядите! – воскликнула отчаявшаяся нурманка. – Будет вам и от Свенельда, и от Роговолта князя!

Вот тогда один из купцов и не стерпел:

– Я, – сказал степенно, – Роговолту-князю верен! И ты, баба, зря не болтай!

– А раз верен, так помоги его дружинникам!

– Врешь, небось?

Элда поклялась, что говорит правду.

– Ладно, – сказал купец. – Пошли глянем. Далеко идти-т?

– Версты три! – обрадовалась Элда.

– Пошли!

Остальные загалдели протестующе, но кривич заявил:

– Я слово сказал!

По его знаку поднялись восьмеро воев.

– Это мало! – запротестовала Элда. – Не справимся.

– Это мои, – сказал купец. – Другим я не указ. Ничё, управимся. Самат с нами или как?

– С вами. Топор дай.

– Тебе зачем? – удивился купец. – Чего рубить будешь?

– Печенегов.

Все дружно загоготали, а когда притихли, приказчик, который получил по зубам, сказал:

– Ты дай ей топор, Осянник! Десница у ней подходящая.

Теперь толстый бородатый купец Осянник то (не без опаски) глядел на громадного босого варяга, то на дикую бабу, простоволосую, в чужой кровище, всхлипывающую на плече невысокого, но такого же злого в бою воина, то – на посеченных степняков. Глянув на мертвецов, он вспомнил, как начали печенегі брать верх, – и тут Осянника затрясло. Не думая, купец взял большой котел с вкусно пахнущей ухой и, прижав к себе закопченным боком, стал быстро сёрбать густое варево. Выел четверть – маленько полегчало.

Костер вспыхнул ярче.

– Как ушица? – Здоровенный варяг, уже в сапогах, рукоять меча шишкой торчит из-за левого уха, возвышался над Осянником, как вставший на дыбки мишка.

– А? Чего? – смутился купец.

– Спасибо тебе! – с чувством сказал варяг. – Спас!

– Да чего там, – еще больше смутился Осянник. – Свои ж. Как баба-т сказала: полоцкие, так я сразу... Не соврала баба?

– Не соврала. А я ведь тебя помню, купец.

– Встречались, что ли?

– На тракте, под Витебском. Две зимы тому назад. Я еще к тебе в охрану хотел наняться, да ты не взял. Вперед отправил, к торжсковскому Горазду.

– И что Горазд? Взял? – спросил Осянник.

Варяг засмеялся:

– Взял, взял!

Из спасителей насмерть побили двоих. Еще двое были ранены. Из печенегов не ушел ни один. Но некоторые были еще живы. По приказу Духарева их по-быстрому прирезали, хотя кое у кого было желание позабавиться с пленниками на их собственный лад. Трупы ободрали. Все ценное Серега отдал кривичам. Только саблю Албатана оставил себе Машег. На память. И еще потому, что сабля была хороша, а Машег, как и Серега, был обучен обоерукому бою. Сверх добычи Духарев добавил кривским от себя тридцать гривен – семьям убитых. Он бы и больше дал, но Осянник сказал: довольно. Храбрость купцов была достойна восхищения. Напасть на вдвое превосходящих числом матерых степняков – это поступок!

Расстались с рассветом. Трупы степняков оставили так. Вороны да волки приберут. Деревянного божка бросили в огонь – горел отлично!

Глава пятидесятая

Киев. Осень

Большая боевая лодья с синим парусом и длинноволосой летучей девой, простершей над форштевнем сильные крылья, проскользнула между широкими купеческими насадами, повинаясь умелой руке кормчего. Уронив вниз парус, лодья на остатках хода подошла к причалу и мягко прижалась крашеным бортом к набитым стружкой мешкам-кранцам. Двое отроков тут же соскочили на причал и закрепили концы. Широкие сходни упали на доски причала, едва не прибив зазевавшегося парнишку-холопа. Один из отроков успел выдернуть пацана и отвесить ему хорошего пинка. А по сходням, топоча копытами и звеня золотом узды, уже спускался серый боевой жеребец. Воин, что вел его за собой, был так высок, что его можно было бы принять за нурмана, если бы не гладко выбритый, бледный, не успевший как следует загореть череп с единственным клоком светлых волос в пядь длиной.

Спустившись, воин передал повод отроку, легко взбежал обратно, подхватил правой рукой небольшого росточка женщину, а левой – мальчонку годов двух, сбежал вниз по сходням, поставил женщину на доски, а мальчонку усадил в седло жеребца. Пацаненок крепко вцепился в луку и огляделся с большой важностью.

Следом за вождем начали высаживаться воины. Многие прыгали прямо с борта, словно в бою. Сводили коней, сносили вещи. Толпа любопытствующих глядела издали.

Иные спрашивали: «Это кто?»

Им отвечали: «Серегей, сотник Свенельдов!»

«Неужто тот самый?»

«Он, он!»

«А мальчонка – сын?»

«Сын, кажись. Женка – его!»

«Ой, махонька! А золота на ней сколь!»

– А ну разошлись, разошлись! – зычно выкрикнул безусый молодцеватый отрок. – Да в стороны, дурни! Потопчем же!

Конные гридни, попарно, не спеша двинулись наверх. Первым – сам сотник с сыном впереди седла, рядом с сотником – синеусый варяг в сдвинутом на затылок шлеме.

За всадниками – пешие, за пешими – тут же нанятые носильщики из

киевлян, приехавшая с варягами челядь. Замыкала колонну маленькая женщина на рослом белом, князю под стать, иноходце. В седле она сидела ловко, словно степнячка, властно покрикивала на носильщиков: что, мол, ползут, будто опарыши под дохлой козой? Носильщики отшучивались. У киевлян, известно, языки подвешены получше, чем у всяких там полочан да новгородцев.

Сергея с удовольствием наблюдал знакомую киевскую суету и многолюдье. Наслаждался теплом – в Полоцке уже прохладно.

– Ко мне поедет? – спросил он Устаха.

– Нет, – качнул головой Устах. – Я – с парнями. Присмотрю. Узнаю заодно, как твой парс Гололобу руку лечит. Ежели плохо – пришлю обоих к твоей Сладиславе. Пускай судит: лекарь этот парс или просто чародей темный.

– Присылай, – разрешил Сергей. – Можешь и так прислать. Гололобу я всегда рад, а Артак – челядин мой. Сам знаешь, я его при гриднице не потому оставил, что в моем доме ему места нет.

– Знаю. – Жеребец Устаха недовольно фыркнул, обогнув разлегшуюся посреди улицы свинью. Его всадник слегка наклонился и вытянул свинью плетью. Животина, взвизгнув, мигом очистила дорогу. – Ты к Свенельду когда пойдешь? – спросил Устах.

– Когда позовет. Ему, небось, доложат, что мы вернулись.

– Дело твое. Понятко!

– Я! – звонко отозвался молодой варяг.

– Возьмешь свой десяток – и с сотником.

– До встречи, Сергей!

– До встречи!

Устах махнул рукой, и дружина повернула на Подол. А сам сотник с десятком воинов, челядью и носильщиками поехал к Горе, обители киевской боярской знати, богачей и Власти.

Сергей теперь и сам числился хоть и не княжым, а воеводы Свенельда, но боярином. И дом у него был, Свенельдов дар, – на Горе, внутри стен. Рядом со Свенельдовым подворьем.

У внутренних ворот княжьи отроки, вместо того чтобы как положено спросить, кто да зачем, – молча салютовали сотнику. И даже старший стражи, нурман, приветствовал Сергея поднятой рукой. Сергей сдержанно кивнул – как равному. Ну, почти равному.

А у собственных ворот его уже ждали. Управляющий, привратник, ключница, конюшие... Чертова прорва народу! Вечные какие-то разборки.

И еще из Полоцка челяди навезли. Одно приятно: теперь это не его проблемы. Теперь здесь Слада.

«У нее не поворуют!» – подумал он не без гордости.

Сергеа придержал коня.

– Ну как, нравится?

– Очень! – Нежная улыбка на пухлых губках – только для него.

– Наличники и петухов новгородец резал! – похвастался Серега.

– Вижу! Очень красиво!

Еще бы не красиво! Три этажа, коньки на крыше, резьба на всем, даже на надворотной кровле, двор вымощен, сараи да конюшни выбелены. Тесновато немного, да ведь это – Гора. Тут с местом всегда проблемы.

Управляющий сунулся было: доложить. Духарев отмахнулся: потом, к ней – и показал на жену. Банька истоплена? Комнаты готовы? Коней – кормить, чистить. Дружинников – поселить в гостевых.

– Понятко, вы как? Трапеза сначала – или банька?

– Банька!

– Но после нас!

– Да ясно! Только вы, это, не очень долго... размывайтесь! – подмигнул Сладе.

– Болтун ты, Понятко! – сказала Серегина жена.

Понятке позволялось многое: друг. Почти младший брат. Хотя, если по годам, то молодой воин постарше красавицы-булгарки. Но старшинство – не только от возраста. А серебро Поняткино – у Сладиславы в распоряжении. Пока в бочонке, а весной в дело пойдет. Прибыль пополам. Убыток, ежели что, – тоже пополам. По-свойски.

Отдохнуть Сереге не дали. Едва лишь из бани вышли – гости. И какие гости! Горазд с Мышом!

За тот год, что не виделись, Горазд еще немного раздобрел. И седины прибавилось. А Мыш вымахал на голову выше сестры, в плечах раздался, костлявый, тощий, жилистый.

Брат!

Обнялись. Полюбовались друг другом.

– Вижу-вижу! Кто тебе голову брил? Свенельд?

– Он!

– Любо! Племяша покажи!

Сын сестры – это серьезно. По родовым законам брат матери – ближе отца.

– Успеешь, налюбуйешься!

– А правду говорят, что ты самого Асмуда побил?

– Врут!

– Жалко! А я, Серегей, ой ловок на мечах стал! Скажи, Горазд? Любого гридня сделаю! Я у ромеев учился! Показать?

– Успеешь!

– А правда, ты князю киевскому смерть предсказал?

– Слушай, Мыш, остановись! Успеем еще наговориться!

– Да ну тебя! И запомни, я нынче не Мыш, а Мышата!

– Кто-о?! – Серега расхохотался, а Мыш обиделся.

Выручил Горазд.

– Мышата – это я придумал! Не гоже такого тароватого купца мелким зверьком кликать!

– Что, такой толковый?

– Не сказать, какой толковый! Слов нет!

Мыш тут же надулся от гордости.

Но тут вовремя возник управляющий, шепнул что-то Сладе: сообразил, под кем ходить будет.

– К столу! – скомандовала Сладислава. – Яства стынут!

Глава пятьдесят первая

Сергей, Перунов Гром

Когда заморили червячка, Серега улучил момент, отозвал Горазда в сторонку:

– Утварь драгоценную поможешь продать?

– Ясно, помогу. Чья утварь-то?

– Больше ромейской работы. И... лучше ее продавать подальше отсюда.

– А поглядеть можно?

– Не сейчас. Сейчас она в земле схоронена.

– А-а-а... – Горазд поглядел, прищурясь. – Значит, правду говорят про ту... дань?

– Что говорят? Кто?

– Успокойся. Не народ. Так, меж своими слухи ходят. Я болтать не буду, ты знаешь.

– А что еще говорят?

Вместо ответа Горазд позвал:

– Мышата!

Серегин названный брат что-то очень серьезно толковал желтоголовому, как одуванчик, племяннику. Маленький Рад дядю слушал, но времени даром не терял: грыз медовый пряничек.

– Мышата, поведай, сынок, что слышал о герое нашем! – Горазд хлопнул Серегу по спине.

– Это можно, – степенно отозвался Мышата. – Только, брат, чур, уговор. Я те – слухи, ты мне – правда то иль брехня. По рукам?

– Ах ты торгаш хитрый! – Духарев сгреб Мыша в охапку.

– Пусти, медведь! – затрепыхался Мыш. – Ребры поломаешь!

– А будешь со мной рядиться? – грозно спросил Духарев.

– Не буду, не буду!

– Тогда живи, – Серега разжал объятья, Мыш отряхнулся, поправил одежду, вернул на место сдвинутую золотую гривну.

– Говорят: ты сын Олегов! – Мыш ухмыльнулся, показав редкие зубы.

– Чего?!

– Того! – Очень довольный Мыш подбоченился. – Говорят, родил тебя Олег тайно от полубовницы, девы небесной, и спрятал до времени, поручив тебя ведунам да чудищам лесным. И сидел ты в дупле дубовом

тридцать лет и три года, а нынче вышел.

– Что за бред? – изумился Духарев.

– Кому бред, а кому и сказка красная!

– И что, этому верят?

– На торгу народ к красному слову доверчив! – Мыш осклабился. – Я-то помню, какой ты дурачок был, когда мы встретились, но люди-то не знают и всякие басни плетут. Вона в Переяславле на торгу про тебя пели. – Мыш взял в руки невидимые гусли, затянул тенорком. – Повстречал князь наш Игорь-батюшка во поле войско несчислимое, печенежское. И вело то войско чудище страшное, само сплошь железное да на железном коне...

– Слушай, давай простыми словами, – попросил Духарев. – У меня от твоего пения уши болят.

– Можно и без пения, – согласился Мыш и продолжил: – ...И явился князю нашему витязь великий, именем Серегей, прозвищем Перунов Гром, и говорил, что один лишь он то чудище побить может. И велел князь боярину Асмуду проверить витязя – и побил тот Асмуда. Но пожалел, не стал жизни лишать. А потом выступил против чудища степного железного да схватил его да вырвал из седла и грянул оземь, так что лопнуло железо и вышел из чудища дух огненный. И бежали в ужасе печенеги, побросав богатства, прежде добытые. И забрал князь те богатства, говоря: мое это, по княжьему праву.

И сказал тогда Серегей-варяг, Перунов Гром слово заветное. И по слову тому кануло в землю сыру печенежское злато-серебро.

И рассердился было князь-батюшка, да утишил гнев. И рек так: «Иди ко мне, Серегей, Перунов Гром! Одесную будешь сидеть, из чаши моей пить!»

Но отвечал ему воин Перунов: «Не тебе, но сыну твоему служить буду, коли поставишь пестунами ему Свенельда, воеводу славного, да Асмуда-боярина».

И сказал князь: «Быть по сему, коли вернешь ты мне злато-серебро печенежское».

И рек тогда Серегей, Перунов Гром: «Почто тебе богатство печенежское, неисчислимое, княже? Дни твои исчислены. Мертвому злато – без нужды».

– Во как закручено! – не без восхищения произнес Духарев. – И кто же это, интересно, певцов тех надоумил?

Мыш с Гораздом переглянулись.

– Понимает дело! – одобрительно отметил Горазд.

– Угу! И не скажешь, что варяг!

– Ты на варягов бочку не кати! – огрызнулся Духарев. – Говори, что думаешь!

– А что тут думать! Песни те тебя славят да Свенельда. Ну ты хоть печенег убил, а Свенельд – что? Смекаешь?

– Угу. Ладно, увижу – спрошу.

Ну воевода! Ну хитрая лиса!

Свенельд знал все. И про золото – тоже. Духарев рискнул: доверился. Шила в мешке все равно не утаишь. Слишком многие знают об этом кладе. Вернется Игорь в Киев – что будет? Пойдет слух, что некий варяг золото у князя отнял – Игорь «потеряет лицо». Придется тогда князю брать Серегу в оборот.

«Ты не тревожься, – сказал Сереге Свенельд. – Ты теперь – мой. И послужил мне как никто. Вот и ты теперь положишься на меня. Плыви себе в Полоцк, привози своих. Я позабочусь. – И на прощанье напомнил: – Десятая доля – мне. По уговору. Не забыл?»

«Бери хоть половину!» – щедро пообещал Духарев.

«Десятую долю, – строго сказал Свенельд. – Мне лишку не надо, я не Игорь. Мне люди верные нужны. Такие, как ты. А злата еще добудем!»

С тем Серега уехал.

И теперь убедился: воевода Свенельд просто так языком не треплет, за базар отвечает четко.

Пока Серегу знакомили с новостями, за столом народ продолжал веселиться. Бочонок греческого пришелся как нельзя кстати. Серегины девки-челядинки, с молчаливого согласия хозяйки, мостились рядом с распоясавшимися дружинниками, звонкоголосый Понятко, опростав рог, затянул на пробу: «Как во славном граде Киеве...»

Отрок-вестник, которого надлежало встретить еще у ворот, стоял на пороге трапезной. Оглядывался, ища хозяина.

Духарев махнул ему рукой.

– Свенельд-воевода велит пожаловать к нему, – сказал отрок.

– Прямо сейчас? – спросил Духарев.

– Немедля.

– Еду, – коротко ответил Духарев.

Глава пятьдесят вторая

«Я ему говорил...»

– Я говорил ему, – рассказывал Асмуд. – Напомнил твои слова, Серегей. Но он только посмеялся: вот мы в Искоростене. И кто нам посмеет помешать? Князя их, Мала, в поруб посадил. Велел дружинникам ходить по дворам, вытрясать из ларей, а кто противиться станет – бить. Много собрали. Вы видели, что я привез. А ему все мало было. Говорит: надо дочиста подобрать, чтоб тебе, Свенельд, не досталось. А Скарпи его еще подзуживал. Я говорю: довольно! Беда будет! А он: ты уж говорил, Асмуд, что нам у древлян беда будет! А у нас полны возы. Вот поеду, еще такой беды наберу. А ты в Киев езжай, к Свенельду, князю древлянскому и уличскому, от Мала-князя, из поруба, привет передай!

И поехали.

А на другой день догнал нас вестник. Говорит: как мы уехали, городские Мала из поруба выпустили. И вышел Мал навстречу князю: уходи, говорит. Вымел уж все подчистую!

Игорь велел: опять его в поруб, но свои за Мала вступились, навалились кучей. Дружину – кого побили, кого повязали. Князя нашего тож. Спросили Мала: что делать? А тот и говорит: коли повадился волк к овцам, так не успокоится, пока всех не перережет. Так и этот. Если не уьем его, всех нас погубит.

И убили.

Асмуд вздохнул. Выглядел он неважно. Словно враз постарел лет на десять.

– Не убивайся ты, – сказала ему Ольга. – Судьбу не обойти. У мужа моего с древлянами с самого начала неладно было. Едва княжить стал – они уже в сторону от Киева тянули. Потому их под Свенельда и отдал. Вольно ему было со смертью играть! Не мальчик. Седьмой десяток разменял. Что делать будем, бояре?

– Я им покажу, как княжью кровь проливать! – скрипнул зубами Асмуд. – Только вели: завтра ж возьму дружину и древлян этих...

– погоди! – остановил его Свенельд. – Побить древлян – можно. Но торопиться – не следует.

– А чего ждать? Пока дружина разбежится?

– Пусть бегут, – спокойно ответил Свенельд. – Такие, кто бежит, когда бедой запахло, нам ни к чему.

– Кому это – нам? – сразу ошетинился Асмуд.

– Мне, – сказала Ольга. – И сыну моему, Святославу, которому ты – кормилец названный.

– Искоростень – град крепкий, – сказал Свенельд. – Под его стенами многих положим. Нехорошо это. Подождем. Вызнаем про планы их, что сможем. А древлян я знаю. Им страх праздно сидеть не даст. Они еще себя покажут: высунут свой лисий нос... А тут и мы!

– А ты, Серегей, что скажешь? – княгиня поглядела на Духарева. – Что скажешь, ведун?

Нет, мало она похожа на вдову, только что потерявшую любимого мужа.

– Скажу, что полюдье для народа вообще не очень хорошо, – заметил Духарев. – Лучше, когда каждый знает, сколько с него причитается, и уверен, что лишнего не возьмут. Хочется ли человеку наживать добро, если все равно отнимут.

– Я беру то, что требуется, – возразил Свенельд. – Мне лишнего не надо.

– Скажи это древлянам, – ответил Серега. – Ты взял, Игорь взял, и еще раз взял бы, если бы смог.

– Раз взял, значит, было что брать! – проворчал Свенельд.

– А если отдавать нечего? Что тогда остается? Убивать?

– Ты что же, за древлян вздумал заступаться? – с угрозой произнес Асмуд.

– Не о древлянах речь, – возразил Духарев. – Речь о Правде. Скажи мне, светлая княгиня, ты на своих землях тоже берешь сколько удастся?

– Вижу, к чему ты клонишь, – сказала Ольга. – Слова твои – верные, но я ведь не о том тебя спрашивала. Идти ли нам на древлян немедленно или выждать, как говорит Свенельд?

– Да, – сказал Духарев. – Воевода прав. – И, уже чувствуя, как снисходит на него божественная ясность, произнес четко: – Древляне себя покажут, княгиня. Да так, что даже ты удивишься!

Когда, вместе с Асмудом, – Свенельд остался в Вышгороде – возвращались в Киев, Асмуд сказал строго:

– Ты, Серегей, много больно о Правде печешься да о племенах всяких. Ты теперь не кривич, не варяг – ты теперь во первую голову стал – рус. И не забывай об этом.

– Да вообще-то я им родился, – пробормотал Духарев.

– Что ты сказал? – не расслышал боярин.

– Да это я так, себе. Все верно, Асмуд. Я не забуду.

Глава пятьдесят третья

Шуйца^[43] великого князя

Внизу, на торгу, шумели. Гора притихла. Киев ждал, как поступит княгиня. Болтали всякое. Слухи расползались по киевской земле и дальше. Убийство князя так или иначе задевало всех. В воздухе висела угроза. В народе по Игорю не плакали. Но все равно боялись перемен, боялись уобицы, степняков, ромеев... Земля без князя казалась голой. Дружина Игоря затворилась в Детинце, точила мечи. Их тоже не любили. Подыметя вече, вспомнит старые обиды... И задавит славных витязей, навалясь по сто на одного. Нехорошо было в Киеве. Потому что никто ничего толком не знал. Кроме самой княгини, сидевшей в своем городке Вышгороде, и больших бояр Асмуда и Свенельда. Да свежеиспеченного сотника Серёги Духарева.

Древляне объявились сами. Как и предполагалось.

На Серёгин двор прибежал посол: древлянская лодья пристала у Боричева. Свенельд зовет.

Духарев медлить не стал, велел седлать коней, кликнул с собой пару гридней: для почёта, не для охраны. В Киеве сотника Серёгея знали и даже, можно сказать, любили. Как всякого героя, о котором «официально» объявлено: Герой! Благо, и внешность у Духарева – подходящая: рост сажённый, плечищи – на двоих хватит, зубы ровные, на губах улыбка играет. Все правильно. Герой – он должен быть счастливым, иначе какой из него образец для подражания?

Серёга и был счастливым, какие могут быть сомнения?

Бережно обнял жену, поцеловал нежно:

– Люблю тебя, маленькая!

Сбежал с крыльца, легко вспрыгнул на тонконового вороного жеребца...

– Господин!

Артак.

– Господин! Будь осторожнее! Берегись!

Серёга только усмехнулся, тронул варяжские светлые усы.

– Пусть враги мои берегутся! – отозвался весело.

Гридни тоже заухмылялись, расправили плечи: как верно сотник сказал.

– Господин! – парс ухватился за стремя. – Послушай меня! Я вижу! Духарев согнал с лица улыбку, глянул сверху в темные блестящие глаза парса...

– Верю, – произнес он негромко. – Что?

– Не знаю, – тоже вполголоса проговорил Артак. – Зло тебя ищет. Я чую недоброе...

Сергея покосился на Сладу: жена все слышала – и тень страха легла на ее милое лицо.

– Я не боюсь зла, – четко произнес Сергей. – Но для тебя...

Через четверть часа он снова был в седле. Но на этот раз под ним был не легконогий вороной, а верный Пепел, а на плечах не ромейский бархат, а надежная сталь. Жарковато нынче в шлеме да в подкольчужнике, но можно потерпеть. Ради того, чтобы жена, ждущая его ребенка, не волновалась. А кто посмеет сказать, что Серега Духарев боится... Пусть скажет – а мы повеселимся.

Челядинцы отворили ворота, и сотник Сергей, сопровождаемый полным десятком дружинников, выехал на мощеную прямую улицу. По левую руку от сотника – Понятко. Цепкий взгляд, под рукой, в притороченном к седлу саадаке – хузарский лук с натянутой тетивой и тут же – разноцветные оперенья стрел. Звонкий тяжелый топот подков по мостовой, блеск солнца на гладкой стали. Походный строй, попарно, стремя в стремя, идеальная выучка, что у коней, что у всадников. Для стороннего наблюдателя – красота. Для того, кто понимает, предупреждение: «Даже и не думай! Сунешься – умрешь!»

Киевские улочки почти пусты. Все, кто празден, сбежали к пристани: древлян встречать. Молодцам-дружинникам даже обидно. Никто не восхищается, никто не жмет в страхе к заборам. Девки нет, даже и покрасоваться не перед кем...

Переняли их уже под самой стеной. Человек десять слаженно перемахнули через ограду и заступили путь. И еще столько же – позади.

Понятко выдернул лук... Но остановился. Поглядел на Духарева вопросительно.

Для полного десятка обученных бойцов разогнать пару дюжин разбойников – плевое дело. Но не этих.

Ощетинив копы, из дыр закрытых нурманских шлемов глядела смерть.

Справа – городская стена. Слева – подворье какого-то купеческого

братства. Окованные медью ворота, забор в две сажени. Чтобы спрыгнуть с такого в полной броне и на ногах устоять, немалый навык нужен.

Тринадцать – впереди, двенадцать – сзади. Щит к щиту, бороды, у кого светлая, у кого – рыжая, у кого – гуще позолота, у кого – доспехи ценнее, но – с первого взгляда видно: матерые, один к одному. Не поросята – вевери.

– Стой, – бросил Духарев, хотя его отряд уже и так остановился. Сказано на тот случай, если кто из лихих парней надумает кинуться в драку «поперед батьки».

– Ну! – Серега двинул Пепла на полкорпуса вперед. – Что нужно?

Калиточка в богатых воротах открылась, и на улицу шагнул еще один нурман. В полном доспехе, со щитом. И толстая золотая цепь – поверх панцыря. Старый знакомый.

– А я думал, боярин, что тебя древляне убили, – холодно проговорил Духарев. – Вместе с твоим князем.

– Не повезло тебе, варяг, – процедил Скарпи. – Я живой, как видишь.

– А я могу это исправить! – перебил Духарев, глядя на нурмана с высоты седла.

Он нисколько не сомневался в намерениях Скарпи. Ну молодец парс! Кабы поехал Серега всего с парой молодых ребят, пришлось бы им кисло. Хотя... все равно кисло. Нурманов раза в полтора побольше, и все сплошь битые волчары: по тому, как стоят, видно. Битые. У многих броня посечена, у одного вон на запястье – тряпка, черная от крови. Должно быть – из тех, кого древляне не дорезали.

– Ну! – повторил Духарев. – Чего ты хочешь, нурман? Скажи, не стесняйся!

– Ухожу я, – сказал Скарпи, поглаживая рукоять меча. – Ухожу из Киева. Хочу вот попрощаться с одним дерзким варягом. В прошлый-то раз и не поговорили толком...

«Что уходишь, это я верю, – подумал Духарев. – Тут тебе не жить. Без Игоря. Слишком многим ты насолил, жадный нурман. А мне что делать? На узкой улочке верхами не очень-то и побьешься. С таким противником. Да и больше их. С другой стороны, время играет на меня. Донесет кто нашим, что сотника Серегея нурманы переняли... Нет, на это надеяться нельзя. Ни Свенельду, ни Асмуду сейчас не до меня. У них – послы древлянские...

...Если ударить с маху, может, и удастся опрокинуть нурманский строй. А может, и не удастся. Нурманские копы – страшное оружие. Очень эффективное».

Не хотелось Сергею бежать. Стыдно. Даже если сам уйдет, дружину на

прорыве побьют всю. Варяг нурмана не слабее. Но их, варягов, только двое: Понятко да сам Серега. Остальные – молодые все. Против лучших бойцов Скарпи, в рукопашной... Эх, будь рядом хоть Устах!..

Прорываться нельзя – посекут. Биться? Тоже посекут.

Духарев взглянул на Скарпи.

Боярин убитого князя ждал. Не просто ждал – наслаждался. Мысли Серегины как с листа читал. Опытный, гад! Всё продумал, всё рассчитал. Время выбрал, место...

«Чаще бывает: не ты выбираешь битву, а она – тебя, – как будто въявь услышал Серега голос старого Рёреха. – Но место для битвы воин выбирает сам».

Скарпи – воин. И он выбрал. А для Сереги Духарева выбора не осталось, так? Топором в живот или сулицей в спину – это не выбор. Это иллюзия выбора.

Иллюзия – это когда видишь ненастоящее, а настоящего не видишь...

Скарпи ждал. Спокойный, обманчиво расслабленный.

Если есть иллюзия, значит, есть и то, что на самом деле. Что?

За Серегиной спиной напряженно ждали гридни. Так же им страшно, как ему сейчас?

Скарпи все продумал, но он тоже рисковал. В бою всякое может случиться... Хитрый, как лис, нурман Скарпи. Хитрый и жадный. В чем твоя выгода здесь? Почему тебе так нужно прикончить дерзкого варяга? Или это и впрямь дело не выгоды, а чести? Или твоя дружина перестала верить в твою удачу, и тебе срочно нужно восстановить авторитет, разделившись с тем, кто там, в Поле, плюнул тебе в лицо?

Тогда князь сказал «Нет!» – и ты повиновался. Честь и долг – неразделимы. Сейчас князя нет, и ты...

Ага! А вот это уже похоже на правду!

Серега поглядел на сомкнутый строй нурманов.

Как узнать, что творится в этих косматых головах под круглыми железными шлемами?

«Если я прав, – подумал Духарев, – то конфликт с вашим вожаком – это наше личное дело. Если покончить с оскорбителем – личное дело Скарпи, то привлекать дружину, чтобы восстановить личное достоинство... Ха! Смыть оскорбление кровью обидчика, пролитой чужими руками, – это по-ромейски, а не по-нурмански. Если это твоя личная честь, изволь и защищать ее лично, боярин Скарпи! И попробуй увильнуть! Что тогда скажут тебе твои гордые нурманы?»

Серега оживился. Конечно, еще не факт, что ему удастся завалить

Скарпи, но это уже шанс. Серьезный шанс... Черт! Слишком уж у Духарева все хорошо в последнее время. Когда все так хорошо, не хочется жизнью рисковать. А все-таки придется...

Скарпи ждал. За спиной Духарева фыркнул чей-то конь. Издалека, с пристани, доносился гул толпы. Со стороны перегородивших улочку нурманских шеренг – ни звука. Замерли – не шелохнутся. До времени.

«Какие воины! – не без зависти подумал Духарев. – Мне бы таких... Хотя чем мы хуже? По крайней мере – я!»

– Точно, – сказал Серега, перекинул ногу через спину Пепла и соскочил на землю.

– Не поговорили мы, Скарпи. Давай потолкуем. Если не станешь за чужие спины прятаться, как раньше прятался за слово своего князя!

Сергей отцепил от седла щит, надел на руку.

Молчание.

«Хитрый лис Скарпи! Ну скажи что-нибудь, отреагируй, выдай себя!»

– Неужели ты больше не боишься меня, нурман? – нагло осведомился Духарев. – Я ведь тот самый Серегей, который вашим ульфхеднарам голыми руками шеи сворачивает.

– Ты это девкам своим рассказывал бы, – спокойно произнес Скарпи.

– Они бы тебе верили, пес варяжский.

Боярин мертвого князя повернулся к Духареву спиной и двинулся к своим.

По ближнему строю нурманов прошло нечто. Не шевеление, некое незримое напряжение, предшествующее действию. Духарев понял, что его время заканчивается. Сейчас Скарпи станет в общий строй, и железные челюсти нурманских шеренг сомкнутся и перемелют...

– В девках ты точно разбираешься, – медленно проговорил Духарев в широкую спину Скарпи. – Должно, тебя древлянские девки крепко скалками угостили, если ты, своего князя бросив, сбежал позорно. А, боярин?

Скарпи остановился на полушаге. Сергей как будто увидел, как напряглись мышцы нурмана, как вздулись и окаменели под кольчужной бармицей мускулы могучей шеи...

– Ты извини, боярин, – с деланным сочувствием проговорил Серега. – Нету у меня скалки, чтоб тебя гонять. Что ж мне меч теперь марать о тебя... предателя.

Он не знал, что так у них было, в Искоростене древлянском. Но должно быть – было. Потому что Скарпи прыгнул, как бешеный пардус. Разворачиваясь уже на лету, на лету выдергивая меч. Так стремительно, что

даже предельно собранный Духарев еле успел отразить удар. Но все же успел и тут же сильным толчком щита отбросил нурмана назад.

– Ага! – удовлетворенно выдохнул Сергей. – Вижу: ты и впрямь хочешь со мной поговорить на мужском языке, Скарпи Атлисон! Я не против. Только ты и я. До самой смерти. Так, нурман?

– Так, – хрипло подтвердил Скарпи. – Ты и я. Поговорим. До самой смерти. Твоей смерти.

И мгновенно обуздал свой гнев, толкнувший его на первый, яростный, бросок.

Теперь оба неторопливо двигались, высматривая, выжидая, пока противник даст возможность нанести удар.

«Сумеешь ли ты достать врага – зависит от твоего врага, – снова вспомнился Сереге старый Рёрах. – А вот сумеет ли враг достать тебя – это уже от тебя зависит».

Мир перестал существовать для Духарева. Силуэты воинов, своих и чужих, окруживших поединщиков, потеряли четкость. Все, что осталось от большого мира, это сотня квадратных метров хорошо утоптанной земли и прикрывающийся поцарапанным щитом нурман в вороненом шлеме и пыльных кожаных штанах, заправленных в такие же пыльные сапоги. И невидимая упругая струна, натянутая между ними, соединившая их намертво, в одно целое, так что ни один из них не мог и полшага сделать отдельно от другого. Все чувства куда-то ушли, осталось только немного азарта и ощущение некоей великой игры, в которой они оба, нурман и варяг, равные партнеры, и которая невозможна без одного из них и неминуемо прервется, когда...

Более опытный игрок, Скарпи ухитрился-таки получить преимущество: развернул Духарева лицом к солнцу. Но, как часто бывает, противник нурмана сумел превратить оплошность в выигрыш. Кончик его меча поймал солнечный блик и послал его, безобидный солнечный «зайчик», прямо в овальную глазную прорезь нурманского шлема. Скарпи дернул головой, уклоняясь, а Серегин клинок прыгнул вперед и вниз, под нурманский щит, целя в ногу Скарпи. Но опыт есть опыт. Тридцать лет войны – и воин хоть с завязанными глазами угадает, откуда последует удар. Щит нурмана перехватил и отбросил меч варяга. Серега еле успел принять на собственный щит клинок Скарпи. Руку пронзила короткая боль. Отсеченный край щита, кусок дерева с медной оковкой, ударился о стену. И новый удар, тоже принятый Сергеем на содрогнувшийся щит. Еще удар... Духарев не успевал контратаковать. Скарпи полностью захватил инициативу. Его меч порхал в воздухе, как крыло бабочки, и сек так

быстро, словно топор плотника, прорубающего паз в опорном столбе. Но каждый молниеносный удар отзывался болью в руке и жалобным треском деревянной основы щита. Сергей тоже мог бы вот так, изящно и стремительно, когда не рука ведет меч, а меч увлекает за собой руку... Но для этого нужно было перехватить правило поединка. На долю секунды сбить серебристое крыло нурманова меча. Крохотный миг, десятая доля секунды... Но Скарпи не давал противнику этого мига. Закаленная сталь кромсала Серегин щит. Левая рука Духарева почти онемела. Еще один удар – щит рассыплется, и тогда...

Серега все-таки сделал попытку встречной атаки.

Скарпи легко, играючи, свел ее на нет, выиграв лишние полсекунды, – размахнулся, длинно, с доворотом... Превосходный нурманский клинок с шипением разорвал воздух, выходя на завершающий удар, после которого от щита его противника останется куча бесполезной щепы, и хорошо, если только от щита...

...Духарев уже чувствовал этот, последний, удар, неотвратимый и сокрушительный. Сергей ждал его и уже почти принял... Но в самый последний момент словно какая-то сила толкнула его вверх. Духарев подпрыгнул на добрый метр (это в полном доспехе!), воины, нурманы и славяне, дружно ахнули... когда меч Скарпи с яростным шипением пропорол воздух под ногами Духарева. Хитрый нурман и не собирался доламывать щит. Хитрый нурман! Он был куда более опытным бойцом, чем Серега. Более опытным и более умелым, но удача изменила ему.

Инерция собственного замаха развернула Скарпи боком к противнику. На какой-то миг Сергей словно завис в воздухе – потрясающее зрелище! – затем булатный клинок сам повернулся в Серегиной кисти на обратный хват, и Сергей ударил сверху, с прыжка, будто копьем – повыше золотой «змеи», в кольчужный ворот нурманского панцыря. Вложив в удар не только свою немалую силу, но и сотню с четвертью килограммов облаченного в железо падающего тела. Брызнули в стороны лопнувшие кольчужные кольца, хрустнула кость, всхлипнула живая плоть, распадаясь, разрываясь под напором стального жала в три пальца шириной...

Духарев приземлился на спружинившие ноги, круглый щит соскользнул с руки нурмана, прокатился по земле и упал, задребезжав металлом оковки.

Нурман и варяг стояли напротив друг друга, глаза в глаза. Пальцы Духарева – на запястье правой, оружейной руки Скарпи, а тот еще силился вырваться, ударить, хотя сердце его было разорвано надвое булатным варяжским клинком...

Светлые глаза нурмана подернулись дымкой. Он открыл рот, сиюсь что-то сказать, но вместо слов изо рта хлынула кровь, запятнав штаны и сапоги победителя.

Духарев аккуратно, почти бережно опустил обмякшее тело на землю, поднатужившись, вытянул из раны меч, обтер его, вернул в ножны и только после этого поднял глаза на закаменевшую шеренгу нурманов. И сразу, не колеблясь, свистом подозвал Пепла, взял повод и спокойно двинулся прямо на оцетинившиеся копы.

И стена расступилась. Сергей прошел между нурманами, ни на кого не глядя, неспешно, уверенно. И следом за ним вытек из западни весь десяток, один за другим, аккуратно объезжая мертвое тело, не отнимая ладоней от оружия... Но обошлось. Победа Духарева, его харизма стала щитом, который не просечь нурманской секире.

Потом, недели через две, большая часть этих нурманов придет к Духареву. Не с мезтью – проситься под его руку, в его сотню. Но это будет позже, а сейчас все, кто видел последний бой Скарпи, просто почувствовали: произошло нечто. Что-то изменилось в мире, который уже не будет прежним. Словно до всех наконец дошло: умер. Нет, не боярин Скарпи Атлисон, верная шуйца князя, а сам великий князь киевский Игорь, сын Рюрика. Умер. Что дальше?

Глава пятьдесят четвертая

Посольство

А дальше были древляне.

Когда Духарев с гриднями, растолкав люд, пробились поближе, между древлянской лодьей и народом уже стояли двумя цепями серьезные Свенельдовы гридни.

Устах тоже был тут. Заметил кровь на Серегиной одежде, спросил: «Откуда?»

– Потом, – бросил Духарев. – Где Свенельд?

– Да вон он! Этих встречает, – Устах сплюнул в пыль. – Моя б воля...

Но воля была не его. И древляне прибыли не абы какие. Полномочное посольство от князя Мала – к вдове князя Игоря. Человек двадцать. Важные, блин. Шапки в полметра, бляхи на грудях золотые – в полщита.

Разговаривал с ними Свенельд. Асмуд от такой чести попросил его избавить. Сказал: «Не удержусь. Порублю».

И точно, не удержался бы. Послы вели себя с невероятной наглостью. Со Свенельдом, киевским воеводой, о деле говорить отказались. Но дали понять, что не каются приплыли, а с деловым предложением. Но изложат его исключительно княгине. Ах, княгиня в Вышгороде? Ну так пусть пожалует в Киев. Недалек путь.

– Может, вас еще к княгине в терем на руках отнести? – с иронией спросил Свенельд.

– Можно и на руках, – с важностью отвечали послы. – А лучше прямо в лодье. И нас почтите, а пуще – князя нашего, прежде немалую обиду от вашего Игоря принявшего.

Серега слушал и никак не мог понять: всерьез это или шутка?

Оказалось, никакая не шутка. Но Свенельд держался железно: как будто так и должно быть.

– Можно и в лодье, – ответил он. – Только я сначала должен княгиню известить. Грамотку к ней дадите – с чем приехали? А уж она, слово даю, примет вас с тем почетом, какой вам подобает.

Тут глаза воеводы нехорошо сверкнули, но древляне этого не заметили.

Составили грамотку, вручили Свенельду. Главный посол воеводе даже подарок сделал: браслет золотой с птицами. Словно девке.

Воевода его потом Сереге сунул: жене отдашь.

У древлянской лодьи поставили стражу и поехали в Вышгород.

Грамотка оказалась знатная.

Никаких извинений и сожалений. «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил. И все ваши князья варяжские такие, а вот наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю. Так что иди, княгиня, замуж за князя нашего Мала, и станет он тебе мужем добрым, а Киеву судьей справедливым. Тут и распре нашей конец будет, и все станет ладом».

– Я этого Мала живьем в землю зарюю! – яростно бросил Асмуд. – Сватов прислать вздумал, собачий сын! Варяжские князья ему плохие! Совсем взбесились, собачьи дети! Они еще не знают, что такое варяги! Узнают!

– Хотелось бы и мне это знать, – медленно проговорила Ольга. – Только ли от глупости они такие наглые. Или за этим еще что-нибудь есть?

– Есть, – мрачно подтвердил Свенельд. – Мне сообщили: Мал этот ссылался уже с уграми. Посулил за помощь под их руку отойти. Да не только древлянскими, но и полянскими землями, и моими уличскими. К нему в Искоростень сейчас отовсюду недовольные нами идут. Большая сила там собирается.

– Говорил я: надо было сразу ударить! – в сердцах воскликнул Асмуд. – А вы – подождать! Вот и дождались!

– Не кричи, – строго одернула его княгиня. – Что угры ответили, Свенельд?

– Еще не знаю. Но буду знать. Ну что, поднимаем войско?

– Нет, – качнула головой Ольга. – Сначала сватов примем.

– Да... ты... всерьез ли это говоришь, матушка? – в один голос воскликнули Свенельд и Асмуд. Ольга стояла к ним спиной, и они не видели ее лица. А Серега видел. Сватам можно было только посочувствовать.

– Ты, воевода, вроде обещал, что их на лодье ко мне понесут, с почетом великим? – спросила княгиня.

– Это я к слову...

– А велика у них лодья?

– Да нет. На шесть весел.

– Вот и хорошо. Распорядись, чтоб так и было. Собери людей, сколько требуется. Почтим гостей дорогих. И у меня их почтим. Особо...

Смотреть, как несут древлянских послов, сбежалось пол-Киева. Так что в добровольных помощниках недостатка не было. Но понесли их не на

Гору, а на большой княгинин двор, располагавшийся за городскими стенами. Пронесли с почетом до ворот. У ворот же добровольцев от лодьи оттеснили княгинины люди. Лодью внесли во двор, и ворота, к немалому огорчению любопытных, затворились...

Лодья тихонько раскачивалась на плечах носильщиков. Словно по морю шла.

Древлянские послы, важно избоченясь, восседали на лавках. Во дворе, шеренгами, стояли дружинники.

Лодья замерла. На высоком крыльце появилась великая княгиня. Подняла руку, будто здороваясь... И уронила.

Сотни луженых глоток разом выкрикнули приветствие...

И прочная палуба, словно в шторм, полетела вниз, из-под ног древлян, в ужасе вцепившихся в борта.

Вопль их канул в реве воинов.

Так же, как хруст крепких корабельных досок.

Княгиня неторопливо подошла к глубокой яме, заглянула вниз.

– Что? – спросила. – Хороша ли для вас честь? Должно ли я величаю убийц князя моего? Сладко ли вам?

– Горько, княгиня, – ответили из ямы.

– То-то! – Ольга повернулась к своим, бросила коротко: – Засыпайте!

Тем же утром в Искоростень полетели гонцы из стольного града Киева.

Везли они грамоту от великой княгини старшине древлянской. Сказано было в грамоте: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди».

А в киевском Детинце оставшаяся без главы дружина Игоря приносила присягу его юному сыну Святославу.

У юного князя были лицо и рост мальчишки, но сложение и повадка мужа. А в седле он сидел так, словно конская спина была продолжением его собственного тела.

Пока Асмуд и Свенельд разбирались с дружиной, Серега с двумя десятками гридней оставался при князе.

– Ты – тот Серегей, который предсказал смерть моего отца? – спросил его мальчик.

– Да, – подтвердил Духарев.

– А мою смерть ты сможешь предсказать?

– Ты еще слишком юн, мой князь, чтобы думать о смерти, – снисходительно, как ребенку, ответил ему Сергей.

– Если древляне возьмут верх, они меня убьют, – спокойно ответил Святослав, и Духареву стало стыдно. Святослав был мальчишкой, но он был князем. И это было важнее того, сколько ему лет.

– Мы побьем их, – сказал Серега. – А ты вырастешь и прославишься.

– Я спросил: сможешь ли ты в назначенный час предсказать и мою смерть? – строго произнес мальчик.

– Если я скажу: да?

– Тогда я велю тебе всегда быть рядом со мной.

– Это честь, – сказал Духарев. – Но я хотел бы сражаться рядом с тобой и без этого.

– Так и будет, – выбритая головенка с одной-единственной светло-русой прядью величественно кивнула. – Что еще ты предсказал моему отцу?

– Еще то, что слава и удача будут с тобой, князь, пока рядом с тобой будет твой воевода Свенельд.

– А Асмуд?

– О нем я ничего не могу сказать. Только то, что он – лучший воин из тех, кого я знаю. Хотя ему уже немало лет.

– Свенельд будет рядом со мной, – сказал юный князь. – И Асмуд. И ты.

Глава пятьдесят пятая

«Князь уже начал...»

Древляне прислали новых послов. Лучших мужей со всей земли Древлянской. Как просила Ольга.

Княгиня встретила их по-княжески. Пригласила в баньку с дороги...

Из баньки дорогие гости не вышли. Пожар в баньке случился, а двери – беда какая! – оказались на запоре. Так и сгорели гости в одночасье.

А из Киева в Искоростень новое послание полетело:

«Вот уже иду к вам. Готовьте медов поболее в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю по нем тризну».

И, взявши с собой одних лишь отроков своих да еще сотни полторы гридней, княгиня бесстрашно отправилась на древлянскую землю.

И Асмуд, и Свенельд пытались ее отговорить, но без толку.

– Вы, главное, сами не опоздайте! – заявила Ольга и отбыла.

Две недели Серега дома почти и не бывал, ночевал в гриднице – слишком дел много было. Но последнюю ночь перед отправлением решил провести дома.

Дома, надо отметить, вполне обходились и без него. Челядь ходила по струнке, зато во дворе толклись какие-то оборванцы, прикармливаемые Сладой, по христианскому обычаю. Ближе к вечеру появлялись более почтенные гости: из киевских больших людей. Непременно – Горазд с Мышом.

Большим успехом пользовался Артак. Как предсказатель. У Слады он завоевал полное доверие и право целыми днями бездельничать, что официально называлось: «Артак предается размышлениям». Расходы на парса, впрочем, были невелики: ел он, как птичка.

Серегу дома встретили фанфарами, гвардейским построением и троекратным «Ура!» Однако торжественного мероприятия «Большой хозяин вернулся» не получилось. Духарев, уже наострившийся командовать, с ходу бросил Мышу:

– Ты сегодня за старшего! – подхватил Сладу и увлек ее в спальню, где они и провели вечер, ночь и даже ухитрились захватить кусочек следующего за ночью утра.

С рассветом бравый киевский сотник отбыл, прихватив с собой популярного парса (лекарь) и счастливого Мыша (набираться боевого

опыта).

Мыша, правда, ему отдавать не хотели, но Серега клятвенно обещал Сладе, что глаз с брата не спустит, да и остальные его ребята присмотрят, чтоб не побии новобранца. Мыш в это время скромно стоял в сторонке, но едва отъехали, тут же заявил, что сам с усам, и никакого присмотра ему не требуется.

– Так, – сказал Духарев. – Ты, парень, забудь, как мне перечить. Это я тебе дома брат был. А теперь я – твой сотник. Скажу «бей» – бьешь. Скажу «беги» – бежишь. Скажу: спусти портки и за задницу себя ущипни – спустишь и ущипнешь. Не нравится – шагом марш обратно. Ну?

– Не нравится, – буркнул Мыш. – Но обратно не поеду. Ты – сотник. Буду делать, что скажешь.

– Молча!

– Молча.

– Вот и хорошо. А теперь – в галоп. Опаздываем!

* * *

Киевское войско, верней, не просто киевское, а киевского князя Святослава Игоревича, разворачивалось по южному краю поля. По северному строились, подтягиваясь, древлянские полки. Были тут не только древляне, но и иные племена, хотя пришлых было намного меньше, чем могло быть. И угорский король обещанную помощь не подал. Не успел. За спиной у древлян стоял крепкий город Искоростень, в котором вполне можно было отсидеться, но разъяренные древляне не стали отсиживаться за стенами, вышли в открытое поле.

Коварный план Ольги сработал.

Увидав, что княгиня приехала на тризну всего лишь с малым войском, древляне расслабились.

Немного насторожило их отсутствие среди спутников Ольги их собственных послов, но княгиня успокоила тем, что, мол, едут послы с почетом вместе с киевскими лучшими людьми.

От радости, что все получается по-ихнему, древляне выкатили немерено и выпивки, и закуски. Наиболее достойных Ольга пригласила на тризну. «Наиболее достойных» оказалось под тысячу. Во главе с будущим женихом, князьком древлянским Малом. В этом скопище пирующих древлян княгиня осталась одна-одинешенька. Если не считать ее отроков,

прислуживавших на пиру... А когда древляне перепились настолько, что перестали соображать, княгиня скромно удалилась, отроки достали мечи и вместе с подоспевшими гриднями быстренько перерезали сотрапезников. Проблем у киевлян не возникло никаких, поскольку пировать на тризне полагается без оружия.

Вероятно, кого-то недорезали. Потому что утречком весь древлянский народ уже был в курсе происшедшего. В Искоростене стояли плач и ор, побежали гонцы в другие древлянские городки. Но разъяренные древляне не стали ждать, пока соберется вся их сила. Старейшины подняли дружину Мала (и поднимать особо не требовалось – ребята и так были очень сердиты), подняли ополчение и, не мешкая, устремились в погоню за коварной вдовой.

Не мешкая – это значит ближе к полудню. Смерть Мала лишила древлян единого командования, а дисциплиной ополченцы и так никогда не отличались. В общем, сборное воинство прошло верст десять – и получило весть, что к Искоростеню идет княжеское войско.

Движение застопорилось. Половина тут же закричала, что надо уходить за стены. Вторая требовала немедленной мести.

Орали до самого вечера. Притомились и решили, что утро вечера мудренее.

Утром древляне увидели русь.

И воспряли духом. Древлян было больше. Притом – существенно больше. И все время подтягивались новые силы. Киевляне же, которые могли ударить с ходу, почему-то выжидали. Это тоже было воспринято как признак слабости. Сборное войско воодушевилось. Только военные вожди отдельных родов продолжали пререкаться, деля командование. Главного так еще и не выбрали, когда увидели, что русы начинают выстраиваться для битвы...

Это Свенельд решил дать древлянам еще немного времени. Что, к врагу подходят подкрепления? Вот и замечательно.

– Я их знаю, – сказал воевода Святославу. – Чем больше их соберется, тем меньше у них будет порядку. Чем больше мы их разом прихлопнем, тем меньше потом придется выковыривать из-за стен.

Со Свенельдом не спорили. Древляне были – его. Он с ними и дрался, бывало, и дань с них собирал. В общем, выждали, сколько требовалось.

Сергея стоял во главе второй сотни первой тысячи, то есть слева от центра и совсем рядом с военачальниками: Святославом, Свенельдом,

Асмудом. Справа от Сереги восседал на коне Устах, слева – Понятко. За ним здоровяк Клёст держал личное Серегоино знамя: белый стяг с вышитым синим соколом. Сокола придумал Серега, а вышила Сладислава.

Дальше, глубоким четким строем – конные тысячи объединенных дружин. Еще дальше – обоз и возок княгини с охраной.

Пепел нетерпеливо перебирал ногами – чувствовал общее нетерпение. Серега ласково поглаживал спинку лука, косился на командиров. Командиры не торопились.

По ту сторону поля, во всю длину, вытянулась шеренга лучших всадников. За ними – ополчение, густая шевелящаяся щетина пик, редкие стяги, родовые знаки. От древлян шел грозный низкий гул. Но русов это не пугало.

Так же как и то, что на одного киевского дружинника приходилось чуть ли не по десятку противников.

Серега, впрочем, чуточку нервничал. Это была первая его по-настоящему крупная битва. Зато ощущать за собой слитную мощь сотен и тысяч (при том, что одна сотня – лично твоя) – это было кайфово!

Свенельд наклонился к Святославу, шепнул ему что-то.

Юный князь поднял сулицу, раскачал и изо всех сил метнул в сторону вражеского войска.

Сулица улетела недалеко, но никто из русов не счел это неудачей. Отличный бросок для столь юного воина!

Свенельд привстал на стремянах.

– Русь! – закричал он громовым голосом. – Князь уже начал – последуем за князем!

– Последуем за князем, братья! – туром заревел могучий Асмуд. – Русь!!! Перун!!!

– Перун! – подхваченный общим порывом, закричал Духарев, вскидывая лук. – Русь!

И пестрое облако стрел затмило солнце.

Князь

Часть первая

Рожденный побеждать

Глава первая

Великий князь киевский Святослав Игоревич

– Ничего нету, великий князь, – староста-улич, приземистый, рыжебородый, тяжелорукий, смотрел вниз, в растрескавшуюся серую землю. – Все как есть вымели.

– Кто вымел? Что ты болтаешь, мужик! – высокий юношеский голос сорвался, дав петуха. – Я, князь твой, приехал за данью! И ты дашь мне мое!

Серый в «яблоках» холеный красавец, боевой конь князя, почуяв настроение хозяина, пошел вперед, но был осажен железной рукой прирожденного всадника.

– Не дам, – глухо, по-прежнему не поднимая глаз, проговорил староста. – Нету ничего...

Неподалеку протяжно замычала корова.

– Вот врёт! – подал голос один из дружинных. – Скотина есть, и зерно, если поискать, найдется. Дозволь, княже?

– То забирать нельзя, – пробубнил староста.

– Не серди меня, мужик! – воскликнул князь. – На моей земле я решаю, что можно, что нельзя!

Загорелая, не по-юношески жилистая рука легла на рукоять длинной, слегка изогнутой сабли, еще полгода назад принадлежавшей печенежскому хану.

Староста в первый раз поднял голову, поглядел исподлобья.

– С одного бычка две шкуры не снимешь, великий князь, – сказал он. – И по Правде, и по обычаю. Можешь меня убить, но не будет тебе дани.

– Что ж... – пухлые губы князя тронула недобрая усмешка. – Сам напросился.

Серебристая молния вынырнула из ножен и...

...Сбитый с ног староста шлепнулся на землю, а сбивший его грудью гнедой конь, статью не уступающий княжескому, встал между князем и смердом.

– Не надо, княже! – Всадник гнедого, огромный, длинноусый, в высоком, сдвинутом на затылок шеломе спокойно встретил взгляд бешеных голубых глаз. – Не убивают свою корову, если чужой сдоил молоко. А вот вору десницу укоротить – это доброе дело! Так, княже?

Юный князь выдохнул. Сабля скользнула в ножны, словно змея в норку.

– Так, воевода, – нехотя вымолвил князь, смирив гнев. И с еще большим усилием выдавил: – Благодарю, что удержал... То – по Правде...

Воевода киевский Сергей, которого когда-то звали Сергеем Духаревым, видел, чего стоило юному князю обуздать свою ярость. Это чертовски трудное дело для юного воина – держать чувства в узде. Но именно это умение делает воина – князем. Этому учили Святослава наставники: Свенельд, Асмунд и он, Сергей Духарев, человек, рожденный в другой эпохе, но давно уже ставший своим – в этой. Великий князь киевский Святослав Игоревич оказался отменным учеником и обещал превзойти учителей... если переменчивая судьба не оборвет жизнь князя-воителя раньше...

Сбитый с ног староста лежал в пыли, закрыв глаза, – ждал смерти.

– Чиж! – обратился воевода к отроку, который обвинил старосту во лжи. – Подними его!

Дружинник прыгнул на землю, подскочил к старосте, занес ногу, намереваясь пнуть...

– Я сказал подними, а не ударь!

Рык воеводы мгновенно изменил намерения дружинника.

Чиж ухватил старосту за руку.

– Вставай, мужик! – сказал он почти ласково. – Вставай, не убьют тебя.

Сергей огляделся. Вообще-то так себе деревенька. Дюжины две дворов: крытые соломой избы, землянки... Сотни полторы поселян... Сейчас все попрятались: за тынами, в избах, в норах... А кое-кто вообще сбежал. Ясное дело: пришел князь за данью, а дани уж нет. Страшно. Но еще страшнее – если князь последнее отберет? Как тогда зиму пережить?

Отец Святослава так и поступил однажды. С древлянами. Решил содрать три шкуры с одного бычка... И потерял собственную.

«Кто же нас опередил?» – подумал Духарев.

– Кто? – спросил он старосту.

– Не-е ведам-м... – промычал тот. – Вои пришли, взяли...

Пенек деревенский. Для здешних, южных, все воины на одно лицо. И все – берут. С них, с отцов их, с дедов-прадедов. Стригут, как овец. Но овцы на то и овцы, чтобы их стричь.

– Одеты как?

– Ну-у... – староста глядел не в лицо воеводы: в полированное зеркало на груди. – Как вы, токо поплоче. На конях...

– Имена! Как они друг друга называли? Старшего как звали? Ну!

– Кажись... Погошем... – Староста поскреб затылок. – Или Тогошем...

– Тотошем? – раздался звонкий голос князя.

– Ага! – Староста обрадовался. – Точно, Тотошем его кликали!

– Угры^[44]! – пухлые губы киевского князя изогнулись по-волчьи. – Угры, Серегей.

– Давно?

– Как месяц в рост пошел.

Духарев прикинул: от новолуния прошло дней семь. Многовато.

Святослав выжидающе глядел на своего воеводу: что скажет?

А что сказать? С ними – большая сотня^[45] дружинных. Хватит, чтобы перехватить угров в поле, но слишком мало, чтобы биться на угорской земле. Успеют ли они перехватить? Семь дней все-таки... Или послать за подкреплением? В любом случае надо драться. Спускать такое нельзя.

– На конях, говоришь? – сказал Духарев старосте. – А что у вас взяли, тоже на коней выючили?

– Не-е! – староста мотнул кудлатой, серой от пыли головой. – Они повозки у нас взяли... Одну, две... – Староста зашевелил губами, считая... – Шесть повозок!

Сергей посмотрел на Святослава, князь тоже посмотрел на воеводу – и просиял. Повозки поселян – не кочевые кибитки. С повозками не разгонишься, колеса не те.

– Достанем? – беззвучно спросил князь.

– Достанем, – кивнул воевода.

Сколько приходило угров, никто не спросил. Как догонят, так и посчитают. Тем паче мертвых угров и считать проще.

Глава вторая

Дикое Поле

Степь, степь, степь. Дикое Поле...

Мелькнула вдали стайка кочевников. Удирают. Угры или печенег, издали толком не разберешь. Углядели пыль над дорогой (пыль в степи далеко видать), сунулись, увидели сверкающие брони да русские стяги – сыпанули прочь. Не те. У тех возы с добычей, седельные сумы

полнехоньки, а у этих только стрелы в саадаках.

– Э-эх! – с сожалением вздохнул юный князь, уже приподнявшийся на стременах и потянувшийся к луку. – Зайцы!

Он пронзительно засвистел, отзывая разъезд, погнавшийся было за степняками.

Коней беречь надо.

Сергей улыбнулся, погладил толстые усы – отличительный признак воина-варяга. Молодец, князь, понимает дело.

Однако ж и киевлян в степи уважают. А прежде не так было. Когда Серегин конь первый раз вошел в ковыльное море, никто из степняков русов да варягов в грош не ставил. И вполне заслуженно. Обычная северная оборонная тактика: спешиться, встать стеной, щитами прикрыться, копьями оцетиниться в степи – верная гибель. Завертится «карусель», завизжат степняки, защелкают луки... И конец. Степная стрела дырочку всегда найдет.

Теперь – другое. Теперь и варяги научились бить с седла не хуже копченых печенегов: любой из русской дружины за полтора шагов на скаку из трех стрел две в цель положит, а чужую стрелу на свой щит примет.

Зря угры повозки взяли. Кабы верхами убегали, могли еще затеряться, а так, по шляху, ни за что не уйдут.

Дружина шла три дня. Шла вчетверо быстрее, чем нагруженные добычей угры. Молодшая дружина. Ближние гридни юного князя. Самый старший почти вдвое моложе Сергея.

«Ты, Серегей, не за данью идешь, – говорил Духареву с глазу на глаз старший киевский воевода Свенельд. – Молодых в деле проверить. За князя – головой!»

Духарев только усмехался. Можно подумать, так предан Святославу князь-воевода. Можно подумать, не сам Свенельд определил, с какой части его, Свенельдовой, еще при отце Святослава Игоре мечом взятой, земли возьмет киевский князь положенную долю.

Свенельд тоже понимал, что Духарев – понимает. И это ему, понятное дело, не нравилось. Но говорил каждый раз одно и то же. Потому что должен был сказать. Игра у них такая: Свенельд делает вид, что интересы Святослава ему дороже своих, а Духарев делает вид, что верит.

А до Свенельда Сергея княгиня стращала. У княгини тоже свой интерес. Умная баба княгиня Ольга. Умная, жесткая, все земли, что под киевским князем, – в ее маленьком кулачке, в каждом городке – ее посадник. Но была б ее воля, сидел бы безвылазно юный князь у себя в

тереме, а еще лучше – в тереме самой Ольги, в Вышгороде. Княгиню тоже понять можно. Был у нее старший сын, сразу после брака рожденный. Чуть подрос – ушел княжить в Тмутаракани. Хаканом стал... Ан не сиделось ему на месте, двинул в поход: уплыл по дальнему Гирканскому морю. Там и сгинул.

Святослав – младшенький, поздний, единственный... Век бы от себя не отпускала. Но вот загвоздка: править великим княжеством Киевским Ольга предпочитает сама. А чем дальше от стольного града Киева его князь, тем больше власти у княгини-матери. Святослав же лет эдак с двенадцати всем дает понять, кому принадлежит по Правде стол киевский.

Единственный, кто пекся о молодом князе, не имея корыстных мотивов, – это пестун его, старый Асмуд Стемидович. Стемидыч Духарева пугал-поучал по-варяжски: береги, мол, князя, не то самолично пополам разрублю. Этот может. Хоть и старый, а все равно лучший воин меж варягов. А варяги, как известно, лучшие вои из всей Руси^[46]. Духарев, впрочем, тоже варяг. Но Асмуда ему не одолеть. Только не придется Стемидовичу рубить воеводу Серегея. Если не вернется Святослав из похода, то и Духарев не вернется. Рядом ляжет.

Но лучше вернуться. Домой. К жене любимой, (столько лет вместе, а все еще – любимой), детишкам, коим тоже без отца плохо. И так он, Сергей, больше времени в походах проводит, чем дома. Ну да это по здешним обычаям нормально. Младшие – с матерью, а при старшем, Артеме, которому уже десятый год, пестун – дед Рёрах.

Был Рёрах когда-то вождем варяжским, потом ведуном-отшельником, а теперь на киевском подворье у воеводы Серегея – на правах родича. Мог бы старый варяг Рёрах и на Белозеро вернуться, там у него настоящая родня, но предпочел Киев. «Тут у вас зима теплее, а моя мертвая нога холодов боится!» Мертвая – это та, вместо которой у Рёрах деревяшка. Мог бы Рёрах и у Асмуда жить: тот очень звал; мог бы – своим домом: золота у Рёрах – два сундука. Но предпочел подворье Духарева. Может, из-за Слады, которая почитает его, словно отца, а может, из-за парса Артака, кудесника-огнепоклонника, духаревского челядина, с которым Рёрах в большой дружбе.

– Скажи-ка мне, Серегей, отчего ты христианин? – это Святослав поравнялся с погрузившимся в думы воеводой. Поравнялся, но близко не подъехал: чтоб голову не задирать. Телосложение у князя отменное, богатырем будет, а вот ростом не очень-то высок. Может, еще подрастет...

– Был я в капище вашем, – продолжал Святослав. – Темно, душно, неживым пахнет. То ли – на Перуновом!

– Я Бога не по запаху выбирал, – проворчал Сергей.

Не первый раз уж князь до его веры докапывался.

– А по чему?

Сергей мог бы сказать: по родичам. Но родичам его еще предстояло родиться, а родичи Святославовы все как есть язычники.

– Сердцем.

– А-а-а... А говорят: тебя однажды на волоховых игрищах главным выбрали.

– Кто говорит? – осведомился Духарев.

– Асмуд. А ему твой челядник рассказал, Рёрах.

«Вот болтун старый...» – сердито подумал Духарев.

– Рёрах – не челядник мне, – заявил он вслух.

– А кто?

«Сэнсэй. Учитель». Так следовало ответить. Без Рёреха Духарев, скорее всего, в первый же год своего пребывания в этом суровом мире кормил бы опарышей.

– Учил он меня.

– Пестун, что ли?

– Вроде того, – не стал вдаваться в подробности Духарев.

Для юного князя Сергей всегда был воином, причем воином *славным*, отмеченным и уважением старших киевских людей, и в местном фольклоре. Рассказывать о неумехе, не знавшем, как натянуть тетиву, не стоило. Все равно не поверит князь. Решит: смеется над ним воевода Серегей.

А ведь именно тогда выбрали Духарева главным жрецом на волоховом празднике, предоставив почетное право лишить невинности юную кривичанку.

До сих пор вспоминать противно. Хотя тут у них понятия педофилии нет. Двенадцатилетних в жены берут. Вон княгиня первенца своего лет в четырнадцать родила. И неплохой муж получился: хакан тмутараканский. (Правда, потом удача от него отвернулась: погиб то ли на Кавказе, то ли под Дербентом). Нет, у славян да варягов с этим делом еще терпимо. У степняков – хузар да печенегов – куда хуже. Машег, вон, про ихнего хакана Йосыпа рассказывал: этот урод гарем себе завел из малолеток обоего пола. Машегу Сергей верил: тот был правильный хузарин, благородный воин. А хакан у них – полное говно. Окружил себя византийскими купчиками да исламскими наемниками, возомнил себя степным императором – и просрал державу. А какая страна была: от Каспия до Черного моря.

– Что-то угры в этот год расшалились... – сказал Сергей, желая

сменить тему. – Обнаглели хуже печенегов.

– Свенельд говорит: это потому что хузары ослабли, а вместо хузар нынче – печенеги, – серьезно ответил Святослав. – А печенеги сами пограбить любят еще побольше угров.

– Так и есть, – согласился Духарев.

Хотя угры всегда были парнями лихими. Еще недавно Европа от них стонала, но несколько лет назад германский король Оттон Первый уграм крепко наkostenял. И угры переключились на восточных соседей: Болгарию, Киев и, само собой, богатенькую Византию. С болгарями, впрочем, угры то дрались, то мирились и вместе щипали ромеев. С русами дело обстояло сложнее. Еще при Игоре Свенельд перехватил у угров целую кучу данников. Собственно, всех, кого стоило прибрать к рукам. Теперь задачей Киева было сохранить добытое. На другие мадьярские территории Киев не посягал. Смысла нет. Дешевле выйдет прирасти за счет разваливающегося Хузарского царства.

– Свенельд сказал: скоро время вятичей под себя брать, – будто читая мысли Сергея, сказал князь. – Хочет в будущем году ратью на них идти.

– Тоже правильно, – Духарев посмотрел на Святослава. Интересно, понимает ли тот, что если Свенельд примучит вятичей, то и львиная доля их богатств тоже пойдет Свенельду?

Когда-то князь-воевода Свенельд поднял варяга Сергея из десятников в сотники, а потом и воеводой сделал. Но то – прошлое. Теперь Свенельду сильные люди подле князя не нужны. И сильный князь тоже не нужен. Они с Ольгой уже поделили киевскую державу, расписали, кому что, насажали своих посадников да тиунов. Смердам, конечно, от этого облегчение. Оброк – это не то, что полюдье, когда князь берет сколько сочтет нужным. Оброк – это порядок. Только при таком раскладе не воины нужны, а мытари да стражники. То есть варяжскому сословию – прямой урон. А Духарев – варяг, вождь.

– А сам? – спросил он.

– Что – сам? – князь недоумённо посмотрел на него, даже коня чуть придержал, и их тут же начали догонять передовые дружинники. Сергей повернулся, махнул рукой сотнику: три корпуса назад. Этот разговор – не для чужих ушей. Подъехав к князу вплотную, едва не касаясь стремением стремени, наклонился, спросил:

– Сам на вятичей пойти не хочешь?

Святослав посмотрел на него снизу вверх, но не отъехал, сверкнул озорными глазами:

– Хочу!

– Так иди, – негромко произнес Духарев. – Ты – князь.

– Да, – васильковые глаза юноши сузились, он не мигая смотрел на своего воеводу. Их кони шли так слаженно-ровно, словно оба плыли в одной лодке. – Я – князь!

– Князь! Воевода! – крикнули сзади.

Оба за разговором не заметили, что левофланговый дозорный, въехавший на макушку ближнего кургана, стремглав полетел вниз.

Князь движением колен послал коня навстречу. Сергей приотстал, позволил передовым дружинникам обогнать себя. Конь под ним – заводной: боевого, собственноручно выученного и традиционно названного Пеплом (хоть и был он гнедым, а не мышастым) вел на поводу отрок. Но и заводного ни к чему изнурять. Все равно эти юниоры без него не начнут.

Глава третья

Княжья охота в Диком Поле

Угры! Через десять веков их будут звать венграми и считать европейцами. Но в веке десятом с расстояния в четыреста шагов они мало чем отличались от печенегов. Та же легкая конница. Если бы не возы, ушли бы они от руси за милую душу. Но вождь угорский, Тотош, добычу бросить не пожелал. Было с ним, на первый взгляд, копий полтора. Немногим более, чем в Святославовой ближней дружине. Были бы на месте угров пацинаки-печенеги, распихали бы по сумкам самое ценное и дали деру. Угры решили драться.

Возы остановились посреди тракта. С кургана, на котором бок о бок стояли Духарев, Святослав и еще с полсотни конников, угры – как на ладони. И возы славянские низкие, с малыми колесами, не для степи – для дороги, набитые под завязку и накрытые сверху холстиной – от пыли, тоже отлично видны. За такими телегами не особо спрячешься, разве что под повозки залезть, как угровы полоняники, что время от времени выглядывали из-за колес.

На самой макушке кургана лежал обточенный ветрами каменный идол с разверстой пастью и выпуклыми слепыми глазами. Кое-кто из молодых поглядывал на него с опаской, но княжий конь неуважительно переступил через божка. Поверженное божество его не беспокоило. Разные народы, разные боги... Но те мертвые, что в земле, всегда под живыми лежат – хоть ставь каменных богов, хоть не ставь. Потому-то варяги своих мертвых огню предают. Чтоб душа не под ногами у живых томила, а соколом – в

Ирий. Так что сколько земли над мертвецом не клади, а коль сейчас на кургане конная дружина русов стоит, так, значит, правит здесь не какой-то облупившийся, триста лет не кормленный божок, а Перун молниерукий. Кто-то против?

Угры были против. Они рассыпались по краям тракта, не зная точной численности киевлян (курган закрывал), а потому не торопясь нападать. Вместо этого угры послали двух всадников – обойти курган и прояснить положение.

Святослав вытянул из чехла загодя снаряженный лук, наложил стрелку, прицелился... Нет, далеко. Шагов триста. Молодшие, глядя на князя, тоже опустили луки. Негоже поперед батьки лезть, хоть у «батьки» подбородок пока что гладкий, как у девки.

Святослав поглядел на Духарева. Сергей усмехнулся, потянул из налуча свой лук. Вот поистине бесценная вещь. Второго такого в Киеве нет. Этакое чудо не купишь. Духарев тоже не покупал – Машег подарил. Машегов отец его с мертвого торкского хана снял, а где тот его добыл – и вовсе неведомо. Накладки на луке – из дивной узорчатой стали, «рога» – из кости неведомого зверя. Так упруг, что без тетивы так назад выгибается, что вызолоченные наверху почти касаются друг друга. Богатырский лук, одним словом. Для некрупного хузарина тяжеловат. А его другу-варягу – в самый раз. Согнул его Духарев, набросил петлю тетивы, наложил стрелу, выждал секунду, уравнивая дыхание, сливаясь со степью: с легким ветром, пахучими травами, теплой твердой землей. Раньше он мысленно прикидывал поправку: на ветер, на расстояние, на скок лошади, теперь – нет. Теперь он не рассчитывал – чувствовал.

Каменное кольцо на большом пальце зацепило тетиву, грудь развернулась плавно и быстро, руки разошлись могучим усилием, но пальцы придерживали хвостовик стрелы нежно и бережно.

Р-ра-аз! Единый вдох, крохотный миг затаенного дыхания... И звонкий щелчок тетивы о наруч. И пошла-пошла-пошла легкая дальнобойная стрелка, стремительно ввинчиваясь в воздух... Грудь медленно опустилась, выдохом провожая полет...

В двадцатом веке Сергей Духарев, наверное, побил бы все рекорды. Но в двадцатом веке и луков таких нет (тамошние спортивные в сравнении с этим – как фабричная скрипка в сравнении с инструментом Гварнери или Страдивари), да и стрелков таких тоже нет. Тут школа посуровой спортивной: проигравшие не домой отправляются, а сразу на тот свет.

Один из скачущих всадников споткнулся. Вернее, споткнулся и ткнулся грудью в землю конь, а всадник вылетел из седла, покатился по

траве, но тут же вскочил и бегом припустил к своим.

Молодые дружинники одобительно загомонили, но Духарев огорченно прищелкнул языком. Нет, до Машега ему далеко. У Машега бы в траве бился не конь, а всадник.

Второй угр тут же развернулся, догнал пешего, придержал коня, чтобы тот мог взобраться в седло... И вторая Серегина стрела достала его в спину. На излете. Видел бы угр – отбил. Но на спине глаз нет.

Сергей повернулся и подмигнул князю. Святослав засмеялся. Кому взять в битве первую кровь – это серьезно. Это не люди – боги решают. Во всяком случае в степи в это верят все. Молодая дружина: гридни, отроки (для многих это будет первая схватка) глядели на Духарева с обожанием. О воеводе Серегее пели былины. О нем говорили: ведун. Шептались: отец его – сам Олег Вещий. Впрочем, и о княгине Ольге говорили, будто она – Олегова дочь.

– Берем? – спросил Духарев, кивнув на взволнованных угров.

– Берем! – Святослав улыбнулся счастливо, выдернул из ножен левый меч, подбросил, поймал... – Ру-усь! – закричал звонко и яростно. – Бе-ей!

И полетел вниз с кургана. И следом за ним, широко рассыпаясь по степи, по Дикому Полю – его лучшая полусотня. А из-за кургана, с обеих сторон, словно крылья – остальная дружина.

Запели-загудели стрелы. Всадники кидали их на скаку вверх, не целясь, по три разом, чтобы упали они за три сотни шагов частым дождем – на головы уграм.

Те тоже не потерялись – через пару секунд угорские стрелы посыпались на русов.

Духареву досталась одна. Он отмахнул ее небрежным движением клинка. Сергей не стрелял. Не потому, что не умел, как эти молодые гридни, метать на с седла на скаку. Сергей спешил за Святославом.

Князь тоже не стрелял. Припав к светлой гриве коня, он мчался туда, где, прикрываясь щитами и выставив копья, стерегли возы с добычей полсотни доспешных угров.

Слева ударила стрела. Скачущий на Духарева угр метнул с тридцати шагов, но стрела только чиркнула по щиту. Угр раззявил в вопле рот, налетел, замахиваясь... Духарев подставил щит, кольнул из-под края длинным клинком. Десятки битв, сотни мелких стычек – они научили Сергея быть экономным. Короткий, незаметный, совсем неэффективный удар в уязвимое место – и все.

На Святослава наскочили сразу трое: еще бы – он на полсотни шагов опередил свою дружину. Один метнул аркан: увидал небось, что перед ним

совсем мальчишка, решил живьем взять. Святослав легко уклонился. Секунда – и кони сшиблись, захрапели. И одним угром стало меньше. Двое других насели на князя. Тот отбросил щит, выдернул из ножен второй меч...

Мимо промчался гридень. Даже не подумал вмешаться, уверенный, что его князь справится. Духарев тоже так думал, но битва – не поединок, потому, проносясь мимо, Сергей походя резнул по шее увлекшегося угра.

– Я сам! – закричал Святослав, но угр уже валился с седла.

Обогнавший Духарева гридень перехватил меч щитной рукой, освобождая правую для сулицы. Привстал на стременах, замахиваясь... И полетел назад, спиной вниз, в мягкую траву. Духарев, проносясь мимо, успел увидеть короткий черен стрелы, вошедшей чуть выше зеркала.

– Я, воевода, я! – раздался совсем близко вопль Святослава.

Князь догнал Духарева в самый последний момент, когда до соединенных щитов пеших угров осталась пара секунд бешеного галопа, а в правой руке Сергея уже был не меч, а сулица.

Банг! Выпущенный из пращи камень ударил Духарева по правому наплечнику. Угорский пращник, прятаясь за спиной бронных, пытался сбить бросок Сергея, но не вышло. Опережая коня на два прыжка, брошенная варяжской рукой сулица навывлет прошибла щит. Державшего щит пешего угра отбросило назад... вместе с соседом, чей щит тоже пробило навывлет сулицей Святослава.

Осаженный Пепел встал как вкопанный, а его хозяин (ноги – из стремян) оттолкнулся от седла, перемахнул через голову коня и приземлился прямо в образовавшуюся брешь. И в то же мгновение в двух шагах от воеводы ударили в землю ноги князя, почти на лету срубившего двух угров.

А вот Духарев потерял целое мгновение, восстанавливая равновесие, и затормозил, только сбив с ног подвернувшегося пращника. Похоже, скоро Сергею придется отказаться от таких прыжков: возраст не тот.

Первого опомнившегося угра Духарев встретил косым ударом сбоку. Тот успел пригнуться, меч Сергея прошел по шлему вскользь, но зацепился за трубку, в которую был вставлен роскошный султан из белых перьев. Вот она, цена щегольства! Подбородочный ремень лопнул (могло и шею свернуть), и шлем снесло, а под ним обнаружилась совсем юная физиономия мальчишки лет пятнадцати. Духарев его пожалел, не добил. Шлепнул плашмя клинком по макушке – пацан и свалился. В следующую секунду Духареву стало не до гуманизма: на него насели сразу с трех сторон. С четвертой был Святослав, рубивший так быстро, что клинки

казались прозрачными, словно стрекозиные крылья. У Духарева не было юношеской стремительности Святослава, зато у него был такой опыт, что позволял заранее предвидеть движения каждого противника и двигаться среди мелькания смертоносной стали, не размышляя, на автомате, как движется человек по дому, в котором прожил десяток лет, ничуть не беспокоясь о том, что может задеть стол или шкаф. Правда, биться в таком темпе он мог бы от силы минут двадцать, но большего не потребовалось. Подоспели остальные дружинники.

Пеших угров смяли в считанные минуты. Если в конном бою они могли вполне успешно противостоять руси, то на полсотни их пехотинцев хватило бы десятка варягов. Или восьми нурманов.

Сотня спешившихся дружинников управлялась играючи: бронную пехоту частью побили, частью повязали. Конные, те, кто уцелел, могли бы уйти, но почему-то не ушли.

Киевляне уже обдирали убитых и инспектировали содержимое возов, а угры (их осталось меньше полусотни) все еще вертелись поодаль, вне досягаемости стрел.

– Чего это они? – спросил Святослав воеводу. – Неужто добычу отбить надеются?

Духарев покачал головой:

– Не понимаю.

Однако очень скоро все выяснилось.

Глава четвертая, ***в которой решается судьба юного угорского княжича, а*** ***молодой князь Святослав вынужден напомнить, кто в Киеве*** ***главный***

Он был ровесником Святослава, а выглядел даже моложе. У киевского князя – сложение мужа: квадратное лицо, крепко сжатые челюсти и глаза воина. У этого – едва пробившиеся черные усики над пухловатой губой, а на челюсти – подживающий кровоподтек – след лопнувшего подбородочного ремешка. Неслабый был удар – рука у Духарева тяжелая. Юный угр старался глядеть надменно, но Духарев чувствовал его неуверенность, почти страх.

– Отец заплатит за меня любой выкуп! – сказано было по-печенежски.

Святослав и Духарев знали этот язык достаточно, чтобы понять. Ольга – нет. Для нее толмач перевел:

– Угорский княжич Тотош сказал: его отец заплатит, сколько ты скажешь... То есть, сколько велит наш князь! – быстренько поправился он, поймав яростный взгляд Святослава.

Н-да, попал угр как кур в ощип.

– Сколько же мы попросим у Такшоня, сына Левенте, за его сына? – Ольга смотрела не на сына, а на своих вышгородских бояр.

– Что же... – пробасил один из них. – За княжича изрядный выкуп положен. Никак не менее трех сотен гривен, а то и поболее.

– Поболе, поболе! – зарокотали вышгородские, Ольгины «лучшие мужи». – Такшоню ромеи дань платят...

– Уже не платят! – чуть резче, чем следовало, произнес Духарев.

Заслужил недовольный взгляд княгини и злобные взгляды ее «свиты». Плевать. Духарев терпеть не мог эту нарождающуюся породу заплывших салом полувельмож-получиновников, присосавшихся к оброкам и податям, выпрашивающих у Ольги земли смердов, чтобы превратить смердов в обельных холопов и насасываться еще больше. А защищать богатства этих паразитов должны мечи княжьей дружины. Поднявшиеся из самых жадных деревенских старост сначала в княжьи люди, потом – в тиуны, посадники, эти паразиты, по мнению Духарева, были хуже нурманов.

Святославу бормотание вышгородских бояр тоже не понравилось. Он симпатизировал угорскому княжичу. Можно сказать, они почти подружились, пока вместе ехали в Киев. Когда княжич дал клятву, что не попытается сбежать, ему развязали руки и позволили править конем самому. На стоянках Тотош ел из общего котла, и обиды ему никто не чинил, равно как и нескольким угорским воям, уцелевшим в стычке и решившим остаться со своим княжичем. Не без серьезной причины, конечно. Вернись они домой без Тотоша, его папаша мог их и укоротить. На длину головы. О князе-воеводе Такшоне говорили как о человеке суровом и даже жестоком. Но сын его был парнишка правильный. Духарев был уверен: окажись Тотош в молодой дружине Святослава и научись баить по-славянски, через год-два его от прочих гридней не отличить. Чернявых среди дружинников хватало, даже и посмуглее угра попадались.

Нет, не нравилось Святославу, что к парню, которого взяли в честном бою, тянутся мягкие, только на то и годные, что гривны считать, ладони вышгородских бояр.

– Уйми своих тиунов, мать! – звонко бросил Святослав. – Это мой терем! Здесь решаю я!

– Зря серчаешь, княже! – возразил один из вышгородских, молодой, но уже толстый, как бочка, боярин Шишка. Духарев знал, что Ольга его очень

ценит. Настолько, что намерена посадить наместником в Любеч. – Ты молодой ишшо, может, не ведаешь, что такие дела следует миром решать!

– Ах миром...

Святослав наклонился вперед, посмотрел на боярина пристально. Духарев напрягся, готовясь, если что – перехватить. Святослав вполне мог сейчас махнуть через крытый алым княжий стол и превратить одного целого боярина в две боярские полутушки, а это был бы перебор.

До боярина, похоже, доперло, что он сморозил не то. Доперло, что не по его уровню – великого князя поучать: можно и языка лишиться. Вместе с головой. Только что он гордо выступил из рядов своих «коллег», а теперь, наоборот, попытлся, попытался потеряться между другими, но группа бояр сама как-то так уплотнилась, что втиснуться обратно Шишка не сумел.

– Ах миром... Чиж! Люб!

– Княже! – встрепенулись оба названных гридня. Молодые, румяные, энергичные. Велит князь-батюшка порвать кого натрое – порвут и добавки попросят.

– Вижу я: перегрелся боярин Шишка в моей горнице, должно, жарко ему в соболях.

Очень точное замечание: все вышгородские мало что в сапогах верховых, с каблуками (хоть сами в основном не в седлах, а в возках с полстями передвигаются), так еще и в шапках высоченных да мехах дорогуших, словно не теплынь на дворе, а лютый мороз. Сплошные понты, одним словом. Рожи у всех распаренные, а у боярина Шишки щеки – красней кумача.

– Возьмите-ка его под локотки да выведите на свежий воздух, да полейте как следует водичкой колодезной!

Дружинники сорвались с места, ухватили боярина. Тот попытался рыпнуться, но куда там! Гридней спецом обучают, как с полоняниками управляться. Так что Шишка и вякнуть не успел, как его уже поволокли. За шкуру, как мешок, из горницы, вниз по ступенькам (ничё, в мехах не зашибется), наружу во двор...

– Прости, матушка, чуть не осерчал... – усмехнулся Святослав. Покопился на Духарева: видел ли воевода, как он гнев унял? – Должно, очень полезный *холоп* твой Шишка, коли ты ему по сей день язык не вырвала.

– Да, полезный, – сухо ответила княгиня.

Духарев видел, как борются в ней гордость государыни и гордость матери.

– А выкуп с княжича угорского пусть мой воевода Серегей возьмет, –

просто сказал Святослав. – Это ведь он княжича в полон взял.

– У нас не земли франков, где рыцари своеволят, – недовольно проговорила Ольга. – Твоя дружина, твой воевода, и пленник тоже твой, князь!

– Верно говоришь, мать! – весело отозвался Святослав. – Вот я и решил: пусть моему пленнику выкуп мой воевода назначит. То мои дружинные дела. А бояре твои пускай со смердов выкупы берут. А будут плохо брать, так ты скажи, я с них сам спрошу!

Снаружи раздался истошный вопль Шишки. Отношение боярина к водным процедурам оказалось резко негативным.

На Горé тесно. Тут стоят дома бояр, мужей из старшей дружины, купцов именитых и всех, кому чин и достаток позволяют жить за внутренней стеной, оббегающей самый важный из холмов стольного града Киева. Строения теснятся, подворья налезают друг на друга, надстраиваются, выпирают на улицы. По иным улицам и двум всадникам в ряд не проехать. Тут уж не многочисленными родами живут, как издревле установлено, а хозяйствами: хозяин, родные его, челядь...

Тесно на Горе. Даже у князя в Детинце – и то тесно. Год от года множатся сараи да клети, вылезают на мощный двор.

«Еще лет пять – и уж детских негде тренировать будет», – подумал Духарев, выходя на высокое крыльцо следом за напыщенными боярами княгини.

Вышел-то воевода следом, а коня княжьи отроки ему первому подвели. Подставили ладони, но Сергей взлетел в седло сам, не коснувшись высоко, по-степному, подтянутого стремени. И не медля послал коня к воротам. Те из младшей дружины, кому сегодня положено сопровождать воеводу, догонят, не замешкаются.

Так и вышло. Едва выехал Сергей за ворота, как двое верховых тут же обошли его и порысили вниз, опережая на десяток шагов. Двое спереди, двое сзади. Не для охраны. Это, вон, Свенельду-князю от татей да кровников беречься приходится, а воеводу Серегея его слава охраняет. На него даже нурман-берсерк не рискнет напасть: всем ведомо, что берсерков да ульфхеднаров^[47] гигант-воевода одним ударом кулака в Валхаллу катапультирует. А еще (то в Киеве тоже всем ведомо) на подворье у воеводы два страшных ведуна живут: варяг да парс. Варяг, говорят, каждое утро глаза живой кровью умывает, а парс еще страшнее – огнем. Так что отроки при воеводе – для почета. И чтоб всякие-якие у воеводиного коня под ногами не путались. Чтоб встречные-поперечные загодя вжимались в тыны

и заборы, снизу взирая на всадника в алом, отороченном лучшими соболями плаще, но с непокрытой, в отличие от многих важных бояр, светловолосой головой.

Убирались и вжимались, куда денешься. Но не злобились. В Киеве, что на Горе, что в Подоле, Духарева любили. Во-первых, известно было, что воевода Серегей никому зазря худого не сделает, нурманам всяким укорот даст; во-вторых, жена у него хоть и болгарка-христианка, зато лекарка. Пусть строга, а не жадна: многим в беде помогла. Но самое главное, воевода Серегей – герой. А героев в Киеве любили.

А у самого славного воеводы мысли были не очень приятные. После сегодняшнего инцидента княгиня на него явно обижена. А князь... Князь и впрямь еще слишком молод. Вот остались они сейчас с матерью вдвоем и до чего договорятся – неизвестно. Княгиня – та еще лиса. Мужем своим вертела, как хотела, хоть тот был намного старше и по жизни весьма искушен. А князь-воевода Свенельд хоть и самостоятелен без меры, а, считай, уже лет десять как ни одного важного решения не примет, с княгиней не посоветовавшись. А земли свои приращивает да обустривает по Ольгиному образцу. Если смотреть правде в глаза: Киевом и землями его обширными правила и правит княгиня. К ней сходятся все нити управления. К ней свозят оброки. На обустроенных ею поземельно погостах^[48] сидят ее тиуны да посадники. А для великого князя те же посадники, чтоб не скучал, ловища устраивают. Ведомо, что любит Святослав охотиться куда более, чем суд-расправу чинить, а уж тем более разбирать, кто сколько в княжью казну недодал и почему. Вот голову смахнуть неплательщику он может, это да. А что работник без головы – это уже не доход, а расход, князю понять трудно: молод он да горяч. Духарев и сам видел, что землеправитель из Святослава пока не очень. И склонности к этому делу у князя не было никакой. На уме одни битвы да ловитвы...

Духареву вспомнилось, как они прошлым летом поохотились в Тмутаракани. Славно поохотились, еще самую малость – и пришлось бы Киеву искать другого князя...

Глава пятая

Княжья охота на касожской границе

Туша дикой свиньи лежала поперек тропы. Едва всадники выехали на полянку, кто-то мелкий проворно сиганул в кусты.

– Вот она! – удовлетворенно сказал Понятко и спрыгнул на землю.

Святослав тоже спешил. И кое-кто из дружинников. Духарев остался в седле.

Свиная туша была относительно свежая, но все равно выглядела малоаппетитно. Внутренности из брюха выедены, в траве – ошметки кишок. Надо всем этим натюрмортом висела туча мух. В звериных следах Сергей так и не научился толком разбираться. В охотничьих забавах ему нравилась финальная часть: завалить зверя. В принципе, не важно какого, но чтобы побыстрее, без многочасового преследования по топям или буеракам.

А вот для киевского князя ловитвы – любимое хобби. Едва прослышит, что где-то появился особо крупный медведь или исключительно свирепый тур – стрелой летит. Быстрее, чем на врага. Об этом пристрастии князя знали. Так что куда бы ни приехал на полюдь великий князь киевский, ему непременно предлагали что-нибудь этакое. Вот и здесь, на границе Тмутаракани и касожских земель, – тоже.

«Рискованное мероприятие», – думал Духарев.

Не об охоте, разумеется. Он полагал, что пара гридней способна завалить любого зверя: хоть мишку, хоть тура, хоть вепря. А вот неполной дюжиной лезть на касожскую территорию – чистая авантюра. Думать-то думал, но протестовать не пытался. Святослав все равно поедет, и воевода, естественно, тоже.

Единственное, что он мог сделать, – предупредить сотников, чтобы, едва князь отъедет на десяток стрелищ, держали воев наготове, слушали рог. Охотничьи сигналы можно игнорировать, а вот если раздастся «К бою!» – спешить на зов, не жалея коней.

Вскоре после рассвета прискакал тмутараканский следопыт. Переговорил с Поняткой – тот кинулся к князю, и буквально тотчас поступила команда: «Выезжаем».

На ловитвы должны были отправиться князь и его ближние: Духарев, Понятко, Икмор и семь воинов по духаревскому выбору: пятеро гридней, известных своей самоотверженностью, и двое хузар – отменных стрелков. К этим семерым присоединились двое местных варягов, следопыт и псарь. Вполне приличная ватажка. Если касоги наскочат, есть шанс продержаться, пока подоспеет подмога. Но пока врагов, если не считать мириад назойливых мух, не наблюдалось.

Князь обнаружил что-то в траве.

– Сотник, поди сюда! – позвал он.

Они с Поняткой наклонились, изучая находку. К ним присоединился следопыт. Все трое необычайно оживились. Духарев подъехал ближе...

Тьфу, пакость! Большая куча дерьма.

– Матерый! – уверенно заявил один из варягов. – Эк сколько высрал!

– Ясно, матерый, коли он вторую в зубах унес! – отмахнулся князь. – Кучу он недавно навалил, свежая! Эй ты, собак давай!

Подвели двух псов. Псы энтузиазма хозяев не разделили. Даже к дохлой свинье отнеслись без обычного восторга. Единственным желанием ушастых следопытов было как можно быстрее покинуть полянку, причем в направлении, противоположном тому, которое привело бы к матерому автору кучи.

– Ледащие! – презрительно бросил Святослав. – Мои лайки вдвоем мишку берут.

– Так то мишка! – вступился за собак псарь. – А то зверь лютый. Погоди, княже, я их подниму!

С собаками была проведена «разъяснительная работа», и они крайне неохотно, но все-таки взяли след.

Духарев на охотничьи забавы внимания не обращал. Его беспокоили касоги.

Когда-то касоги ходили под хузарами, но в последние лет двадцать совершенно отбились от рук. Так Машег говорил. У Тмутаракани с касогами тоже были проблемы. Нет, не проблемы, а так, проблемки. Мелкие пограничные стычки: то отару угонят, то хутор пожгут. Наезды были обоюдные, но до настоящей драки дело не доходило. Посадник тмутараканский, еще при Игоре поставленный на место погибшего в кавказском походе старшего сына, был политик изрядный, со всеми старался ладить.

Мысли о касогах плавно перетекали в размышления о ситуации в Тмутаракани и ее окрестностях.

Тмутаракань – место богатейшее, вдобавок стратегически важное. Контроль над Боспором, выход в Черное море, ценный военный плацдарм и постоянная угроза византийским владениям в Крыму. По договору с Игорем, правда, Киев обязался эти владения не трогать, но Царьград тоже много чего обещал...

Впрочем, ромеи были тихими соседями, в отличие от печенегов, давивших со стороны степи, и касогов, подпиравших со стороны гор. Нынешний визит Святослава в Тмутаракань имел тайную цель: проверить, нельзя ли касогов взять под себя? Вчера Духарев и Святослав весь день обсуждали эту тему с наместником. Наместник связываться с касогами не рекомендовал: овчинка выделки не стоит. На горцах много не возьмешь, а вот их самих брать непросто. Правда, у Киева был отменный специалист по

«выделке» – воевода Свенельд. Этот даже с лесной свиньи умел два слоя щетины остричь. А насчет «брать непросто», так на то и дружина. Однако хорошую дружину надо хорошо кормить...

Духарев встрепнулся: один из хузар щелкнул языком, показал плетью. Не вперед, на поросший редким лесом склон, а правее, на заросший кустарником овражек.

– Что? – спросил Духарев.

– Птицы.

Сергей прищурился. Точно, встревожились пернатые. Засада?

Святослав, Понятко, местные варяги и, разумеется, псарь со следопытом обогнали Духарева и гридней шагов на пятьдесят и двигались аккуратно к подозрительному овражку. Надо полагать, именно туда вел след зверя. Но вполне могло оказаться, что следом воспользовались касоги, чтобы устроить засаду. Духарев был уверен, что у них в городке имеются информаторы. Если и псарь – их человек... Нет, это уже паранойя.

– Брони надеть, – негромко скомандовал он, одновременно сам вытаскивая из седельной сумки панцирь.

Облачившись, Сергей пустил коня вскачь, догоняя. Догоняя, но не обгоняя. Если в кустах и впрямь засел хищник, задравший свинку, то у князя на зубастого приоритет. Отчасти поэтому Духарев и не любил охотиться с теми, кто повыше его за столом сидит. Самое интересное им и достанется.

Между тем охотники остановились и спешили, не доехав до лощинки шагов триста. Изучали следы крови на траве и какие-то мелкие ошметки, густо облепленные насекомыми.

– Заморился, – сказал следопыт. – Отдыхал.

– На-конь! – коротко скомандовал Святослав, и охотники двинулись дальше.

Остановились у «входа» в овражек, густо заросший кустарником. Ветки его кое-где были заломаны.

– Собак держи! – скомандовал князь, спешиваясь.

«Все-таки зверь, – с облегчением подумал Духарев. – Будь здесь касожская засада – уже ударили бы».

Следопыт достал из сумки прихваченные именно на этот случай камни и принялся кидать их в овражек. Никакой реакции.

– Может, попить ушел? – предположил Понятко. – После жрачки он пить много любит.

– Не ушел, – напряженным голосом ответил следопыт. – Он не зря сюда свинью приволок: тут родник, я это место знаю. Может, собак

пустить?

– Не пойдут! – сказал псарь. – Лучше стрельнуть разок-другой. Слышь, хузар, стрельни!

– Я стрельну, – согласился хузарин. – Но стрелу ты сам будешь искать. А не найдешь, я из твоей пустой головы чашку сделаю – собак твоих поить.

Псарь опасливо отодвинулся и больше никаких предложений не делал.

– Я пойду! – решительно заявил Святослав, вытаскивая меч.

– Бронь вздень, княже! – сказал Духарев.

Убедившись, что в кустах нет засады, Сергей наконец заинтересовался, что за зверя они преследуют. Можно было спросить, но не хотелось ронять авторитет. И так, лютый зверь. Крупный хищник, способный унести в зубах свинью. Но не медведь.

Святослав мотнул было головой, но потом оглянулся, увидел, что его гридни – в доспехах, воевода – тоже бронный, и нехотя потянулся за панцирем. В шестнадцать лет очень не хочется показаться трусом, но наставники постоянно твердили юному князю: есть отвага, а есть неосторожность, бравада, которая для воина, особенно же для вождя – большой недостаток.

Один из спешившихся гридней помог князю закрепить доспех и вознамерился первым войти в заросли.

– Я сам! – воскликнул князь и, оттолкнув гридня, бросился вперед...

Зверь атаковал молча и стремительно. Кони прянули назад, псы с визгом отскочили, оба хузарина разрядили луки, но из-за шарахнувшихся коней стрелы ушли впустую. Святослава отшвырнуло назад, на гридня (счастье, что он не напоролся на его меч), а в следующий миг и сам гридень покатился по траве, как поддетый ногой мешок с шерстью.

Духарев упустил первые мгновения, пытаясь сладить с конем, поэтому он увидел только результат: двух сбитых с ног воинов и вопящего следопыта, на плече которого сомкнулись страшные клыки.

Один из варягов прыгнул с седла на спину зверю, но тот, опустив следопыта, извернулся, взмахом лапы вышиб пику из рук варяга, а его самого поймал на лету, как кошка – птицу, опрокинул, подмял...

Воздух вибрировал и рвался от низкого рева, вызывавшего предательскую слабость...

Стрела чиркнула по грязно-желтому меху. Другая воткнулась в землю: громадный зверь увернулся не хуже опытного воина. Вернее, намного лучше. Быстрее. Прыжок – клыки вонзились в ногу хузарина, а когти – в круп обезумевшего коня. Лошадь и всадник опрокинулись на землю, и тут леопарду не повезло: подвернулся под удар копыта. Второй хузарин

исхитрился: вогнал стрелу в сбитого с ног хищника. Леопард взревел так, что, казалось, вздрогнула сама земля. Его бросок был молниеносен, но конь хузарина уже сорвался и понесся прочь.

Прوماхнувшийся зверь крутнулся на месте и увидел целую кучу врагов: четверых гридней-варягов, спешившихся, со щитами, прикрывающих обеспамятевшего князя; Икмора, держащего рогатину с длинным широким железком; Духарева, тоже спешившегося, подхватившего чье-то копье...

– Ко мне, зверь! – закричал Икмор и метнул нож.

Леопарда нож не остановил. Икмор принял зверя на рогатину, но неудачно. Острие лишь скользнуло по пятнистой груди, ясеневое древко вывернулось из рук Икмора, сам он отпрыгнул, но споткнулся... Леопард не успел его подмять. Когда он, грязно-желтая размазанная тень, пронесся мимо Духарева, Сергей нанес удар. Целил он, правда, в шею, а попал в бок, ближе к крестцу, зато всадил качественно, от души: копье пробило броню мышц и ладони на две погрузилось в леопардово нутро. Человек после такой раны напрочь терял способность к нападению и обороне, а леопард вроде бы даже не понял, что ранен: тотчас кинулся на нового врага. Впрочем, проделанная в организме дыра малость поубавила зверю прыти, и этой малости хватило, чтобы Духарев успел выхватить меч и встретить зверя хлестом клинка... Двухногий от такого удара сразу стал бы одноногим, но хищнику меч даже кость не просек. Впрочем, пластины Серегиного панциря тоже выдержали удар когтей. Примерно как бронежилет выдерживает попадание пули: дырки нет, но ребра трещат, воздух из груди – долой, а в глазах черно. Сбитый с ног, он каким-то чудом ухитрился увернуться от клыков – только вонюю обдало...

...И тут охота закончилась. Выждавший момент Понятко вбил граненую (против панциря) стрелу точно в затылок зверя.

Духарев поднялся и посмотрел на «лютого зверя». Тело леопарда еще содрогалось, но он был уже мертв. Бронебойная стрела насквозь прошила его мозг.

Следующий взгляд – туда, где лежал Святослав. Нет, уже не лежал, вставал... Сам, без помощи гридней.

– Цел, княже?

– Цел! Эх, каков пардус! Лют!

– Был, – уточнил Духарев.

Пардусами называли живших в Киеве охотничьих гепардов: потомков котят, подаренных великим печенежским ханом великому князю Олегу после совместного похода на ромеев. Но это был пардус совсем другого

сорта. Леопард. Здоровенный, размером со снежного барса^[49], которых Духарев не единожды видел в зоопарке в *той* жизни. Сейчас, когда все закончилось, Сергей ощущал отвратительную слабость. Он очень ясно представлял, что мог бы умирать, истекая кровью, как тот варяг, что храбро прыгнул на зверя с седла. Как хузарин, которому леопард в клочья располосовал бедро. Или как несчастный следопыт... Впрочем, этот уже отмучился.

Святославу повезло: пардус просто сшиб его с ног. Предусмотрительно надетый панцирь защитил его от когтей, так же как через несколько мгновений уберег Духарева. Сергей не раз брал медведя и знал, с какой быстротой может двигаться зверь. Но в сравнении с этим хищником мишка казался сущим увальнем.

– Оставьте, – сказал Понятко гридням, возившимся с извлеченным из-под коня хузарином. – Не жилец.

С подобными ранами здесь боролись одним способом: отсекая порванную конечность и прижигая культю. Но здесь пришлось бы рубить ногу под самый пах. Бессмысленно. Несчастный уже потерял слишком много крови, продолжавшей вытекать из порванной артерии. Не жилец. Еще несколько минут, и он уйдет в свой иудейский Ирий. Надо будет проследить, чтобы его похоронили по хузарскому обычаю: зарыли в землю, а не сожгли. Впрочем, уцелевший соплеменник об этом наверняка позаботится. Вот он, уже возвращается: сумел, как и следовало ожидать, управиться с понесшей лошадью. И псарь вернулся с позорно трусившими собаками. Но кто знает: может, и новгородские лайки Духарева тоже поджали бы хвосты.

– Так это ж матка! – внезапно раздался Поняткин возглас, изучавшего свою добычу.

Свою, поскольку это его стрела убила пардуса, так что вряд ли кто-то станет оспаривать право Понятки на пятнистую шкуру и клыкастую голову. Во всяком случае не Духарев, которому выстрел гридня спас жизнь.

Святослав оживился:

– Матка? Ну-ка... О! Сосцы полные! Значит, и котята где-то тут! Эй, ты! – кликнул он псаря, мгновенно забыв и о погибших, и о том, что сам едва не отправился в Ирий. – Давай сюда своих пустолаек!

– Ить порвут собачек! – забеспокоился псарь.

– Молочные? – фыркнул Святослав. – Ну-ка...

И ухватив за ошейник ту псину, что оказалась поближе, поволок ее в заросли.

Духареву оставалось только надеяться, что там не окажется еще одной

взрослой зверюги.

Кустарник прочесывали часа полтора. Нашли троих котят, размером чуть побольше кошки. Всех троих посадили в кожаные седельные мешки к большому неудовольствию лошадей и псаря, который считал, что котят следует прикончить немедленно.

– Вот подрастут, они вам головы и скусят, – сулил он вполголоса.

Но Святослав к доводам разума был глух. Ему уже представлялись громадные пятнистые кошки, полнющие туров, как гепарды – проворных тарпанов.

Духарев тем временем помогал выучить на лошадей тех, кто уже никогда не будет охотиться.

В этой ловитве они потеряли двоих опытных гридней, одного тмутараканского варяга и следопыта, которого, впрочем, можно было не считать. Работа у него такая. Поохотились, однако! Если на них сейчас наедут касоги, совсем худо будет. А Святослав – счастлив. Ему только что чуть голову не откусили, на шлеме вмятины от клыков, наланитник погнут, щека в запекшейся крови, а физиономия сияет:

– Эх, воевода, так бы и в сече! Вот как я хочу воевать! Как этот пардус!

Духарев вздохнул: мечтатель! В реальной битве такого зверя мигом бы стрелами утыкали или на копья вздели.

Но князь имел в виду совсем другое:

– Упасть на ворогов, как этот пардус! Чтобы ведали враги, что я рядом, а я все одно налетал *вдруг*, внезапно и сокрушительно!

Он был еще совсем мальчишка, великий князь Святослав Игоревич. Вместо варяжских усов – белесый пушок на верхней губе. Но уже чувствовался в нем не просто воин – полководец!

С той охоты миновал год. Котята выжили, подросли, и уже стало ясно: приручить их можно, но для княжьей охоты они не годятся.

– Машег рассказывал: у него такой котя в детстве был, – сообщил Духареву Понятко. – Тоже ничего путного не вышло. Как подрос – челядника порвал. Машегов батька его купцам арренским продал. Для падишахова зверинца.

Нынче Понятко с сотней по приказу Свенельда ушел замирать каких-то тиверичей. Духареву его не хватало. Разъехались друзья-побратимы: Устах – в Полоцке у князя Роговолта воеводствует, Машег в своей Хузарии феодалит, Мыш на восток уплыл... А Духарев все так же при князе: воевода-наставник. Правда, еще у него дом есть. И семья: детишки, Слада,

дед Рёрах (тоже, считай, член семьи) и умница Артак, звездочет-парс... И еще слуги, челядники, закупы... Полон двор народа, управляться с которым – не легче, чем с княжьей дружиной (слава Богу, у него есть Слада, которая держит под контролем всю эту ораву); и еще чертова прорва каких-то деревенек, хуторов, городищ: купленных, дареных, полученных как воинская доля...

За эти годы Духарев оброс имуществом, как баран – шерстью. Но заботиться о собственности ему почти не приходилось. Недвижимостью управляла жена, деньги крутил Мыш-Мышата, давно превзошедший оборотистостью, предприимчивостью, капиталом своего наставника Горзда.

В целом расклад Духарева вполне устраивал. Главное, чтобы у него была возможность получать то, что ему требуется. Нужны новые доспехи? Нет проблем: иди на рынок и покупай, какие приглянулись. Нет на рынке – закажи своему холопу-кузнецу. А если приспичило обзавестись чем-то особенным, выдай заказ Мышу – и через пару-тройку месяцев получишь бронь хоть от самих синдских мастеров. Нужны кони? У воеводы Серегея одних только отборных, на зерне выкормленных – табун в тысячу голов. А захочется, к примеру, не на коне, а на верблюде проехаться, так будет и верблюдов. Стало Духареву тесно в своем подворье на Горе – взял два соседних. Тут, правда, одних денег мало оказалось, пришлось на соседей авторитетом воеводы слегка надавить. Зато теперь у Духарева хоромы лишь немногим Свенельдовым уступают. Другое дело, что власть имущим такое усиление воеводы очень не нравилось. А после сегодняшней истории с угорским княжичем Ольга небось на Духарева изрядно осерчала. И зачем ему этот княжич? А в самом деле – зачем?

Так, за воспоминаниями-размышлениями Духарев и приехал к своим воротам.

Его уже встречали. Один холоп-привратник с поклонами отворял тяжелую, с бронзовыми нашлапками створку, другой тащил с дороги хозяина ручного мишку, которого Духарев завел вместо пса. Мишка хозяина, конечно, не тронул бы, но кони нервничали.

А с крыльца уже катился кубарем пятилетний Всеслав, Славик, младшенький.

– Батька-а! А кто к нам приеха-ал!

– А кто?

Духарев глянул – и дурные думы тотчас развеяла нечаянная радость. Машег!

Глава шестая

Старый друг

Машег – из «белых» хузар. Воин в...надцатом поколении. Лет триста назад его семье принадлежали тысячи гектаров степи, бесчисленные табуны, заливные луга и пахотные земли в низовьях Волги, виноградники на берегах Терека... Но это было давно. Теперь почти все в Хузарии принадлежало торгашам: иудеям из Византии, мусульманам из арабской Испании...

А великий хакан хузарский Йосып предпочитал оборонять свои владения саблями исламских наемников и стрелами диких гузов. Вот и дооборонялся: от прежней славы Хузарии остался шиш, а потомок великого рода Машег вынужден служить варягу Свенельду.

Машегу повезло. Он добыл достаточно, чтобы выкупить у ростовщиков последние родовые земли на Волге-Итиле. На виноградники и на табуны с табунщиками тоже хватило.

И здесь, под Киевом, у Машега имелось кое-какое имущество. Свенельд подарил. Машег, впрочем, в долгу не остался. Не принято у него в роду в должниках ходить. Хоть у князя, хоть у хакана.

Благородный хузарин приехал не один. Привел целую дружину из родичей: пятьдесят сабель. Но в город их не повел. Тем более – на Гору. Машег, хузарин-варяг, бывший дружинник Свенельда, многим воям киевским хорошо знаком. Его-то пропустили беспрепятственно, но полусотне хузар на Горе делать нечего. Так что воинство Машегово устроилось в пригороде: поставили юрты на днепровском берегу повыше Подола, а Машег двинул к Сергею на подворье, прихватив с собой четвертую свою жену, «походную» и самую любимую – Элду.

Папаша Элды, Элвинд Белоголовый, вполне добропорядочный нурманский головорез, хирдман не из последних, вопреки всем правилам хорошего тона обучил дочку военному делу. За неимением сыновей.

Машегу воинственная Элда досталась после гибели ее мужа, воина-нурмана, с коим не очень-то ладила.

Но с хузарином Машегом она жила душа в душу. Научилась неделями не слезать с коня, бить из лука на две сотни шагов (совсем неплохо для женщины), а вот внешне, на взгляд Духарева, заметно подурнела: тело ее утратило приятную женскую округлость (хоть и родила она мужу двух сыновей), кожа потемнела и огрубела под ветрами и солнцем Дикого Поля.

Но Машег всего этого не замечал. Любил потому что.

Машег приехал к Духареву не просто погостить. Когда друзья утолили голод разнообразной снедью и осушили бурдючок привезенного хузарином замечательного вина, Духарев уже понял, что у друга случилось что-то нехорошее.

– Давай-ка, брат, выкладывай! – потребовал он.

– Да-а-а...

– Тайное что? Сладушка, гони всех из горницы...

– Не надо! – остановил Сладу Машег. – Ничего тайного. В дружину к себе возьмешь меня, воевода?

– Не понял?

– Что ж тут непонятного? – удивился хузарин. – Хочу к тебе в дружину. Не один, с родовичами моими. Вои знатные, за каждого поручиться могу. Возьмешь, воевода?

– Хочешь Святославу послужить? – обрадовался Духарев. – Добро! Это дело хорошее.

– Святославу присягать не буду! – отрезал Машег. – Только тебе!

– Мне? – изумился Духарев. – Как это мне? У меня своей дружины нет!

Теперь изумился Машег.

– Как это нет? Что за воевода без дружины?

– Я – княжий воевода, – пояснил Духарев. – И гридни у меня – княжьи. Зачем мне свои?

– Вот те раз! А как же ты порядок на своих землях поддерживаешь?

Сергей посмотрел на Сладу. Действительно, как?

Сладислава улыбнулась.

– Мы по Правде живем, – сказала она. – Серегей, бывает, судит, но редко. Нашим смердам и холопам Правды и Обычая довольно.

– А ежели кто ослушается?

– Накажем, – спокойно ответила Слада. – Я велю – община своих сама накажет. А чужие у нас не балуют. Бывает, с Поля набегут, но это уж – княжье дело.

– Вот! – усмехнулся Духарев. – Нет у меня никакой дружины. И не надо. Я – княжий воевода!

– Свенельд – тоже княжий! – возразил хузарин. – А дружина у него своя.

– Свенельд – сам князь, – напомнил Духарев. – А я – боярин-воевода.

Машег поднял выгоревшую бровь, посеченную надвое полоской шрама. Раньше, насколько помнил Духарев, этого шрама не было.

– Скарпи Атлисон, которого ты зарубил восемь лет назад, тоже был

боярин-воевода, однако ж дружину свою имел... Может, тебе денег жалко? – предположил Машег. – Так я тебе дам!

– Богатенький Буратино... – пробормотал Духарев.

Машег не понял.

– Есть у меня деньги, – сказал Сергей. – Сам знаешь...

И тут вспомнились сегодняшние слова княгини Ольги: «Твоя дружина, твой воевода, и пленник тоже твой...»

Может, и прав Машег. Есть у Духарева земли: и здесь, под Киевом, и в Полоцке, и уличей две деревеньки оброком ему кланяются. Могло и больше быть, да только ни к чему. Оборотистый Мыш-Мышата, шурин-побратим, на духаревском капитале за день больше наварит, чем улички Сергею за год наберут.

Элда Элвиндовна поднялась со скамьи, обошла длинный стол.

Была она в женском платье, надетом, скорее всего, из уважения к хозяйке. В этом наряде она чувствовала себя неловко, видно было: мужское ей привычнее. Духареву вдруг стало любопытно, как она смотрится в хузарском домашнем: ничего, кроме полупрозрачного шелка и украшений. Украшений на ней, впрочем, и сейчас было довольно.

– Возьми нас, Серегей!

Элда встала рядом, положила на Серегино плечо жесткую неженскую ладонь. На запястье – золотой браслетик с птичками. Знакомый браслетик... Духарев поднатужился, вспомнил: древлянский. Старейшины древлянские одарили им воеводу Свенельда за ласковые речи, коими он их к Ольге на подворье заманил. Где их и закопали. В землю. Живьем. Подарок богатый, но по местным меркам – порченный. Свенельд отдал браслетик Духареву: для Слады. Теперь вот Сладислава передарила его Элде. Духареву напоминание: не нравится его жене Элда-нурманка. Не забыла Сладушка, что муж покойный сию валькирию не Машегу завещал, а Сергею.

Духарев поймал взгляд жены... весьма неодобрительный. Конечно, госте она и слова не скажет...

– Посмотрим, – уклончиво ответил Духарев, выразив интонацией некоторое неодобрение. – Как твои сыновья, Машег?

Валькирия-Элда поняла. Убрала руку, вернулась на место, демонстративно прижалась к мужу: мол, никаких интимных претензий к хозяину дома, чисто по-дружески.

Машег улыбнулся. Красив благородный хузарин: тонкие черты лица, глаза синие, волосы светло-русые падают на широкие плечи из-под маленькой круглой шапочки, длинные «варяжские» усы – потемнее, с

рыжиной. Лицо загорелое, но подбородок и щеки – бледней. Видно, совсем недавно сбрил бороду. Росту Машег небольшого: вровень с Элдой, но не в росте дело. Может, и есть в Дикой Степи воин лучше него, да пока что они с Машегом не встретились. Так он сам говорит.

– Дети растут, – хузарин погладил жену по щеке. – Я их в Тмутаракани поселил.

– Где-где? – изумился Духарев.

– В Тмутаракани. Мне Свенельд землю подарил за Любечем, а я ее на тмутараканскую сменял.

– Все равно не понял. А твои приволжские поместья, родовые, чем плохи?

– Тем плохи, что с хаканом у меня размолвка вышла, – сообщил Машег. – Нет у меня более родовой земли. Только дареная осталась и купленная.

– Как это – размолвка?

– А так. Не полюбился я итильским торгашам. Настолько не полюбился, что приехал за мной от хакана хранитель закона, правоверный талдаш Шлом, сын Йогаана, с полусотней наемных воинов Магомета. Земли мои себе взять, а меня – в столицу. На расправу.

– И что? – спросил Духарев.

– Пропали земли мои, – вздохнул Машег. – Зато теперь у хакана – другой талдаш...

Глава седьмая, в которой повествуется о доброте и справедливости хузарского хакана

Были у Машега обширные поместья, были сады с прохладными водоемами под сенью цветущих деревьев. Было у него все, чем хвастают итильские богатеи и семендерские вельможи. Был и дом в столице, каменный дом с тенистым двором и прозрачной водой, бегущей между камешками.

Там Машег и жил, когда призвал его хакан. Должно быть, донесли Йосыпу, что разбогател Машег бар Маттах, и захотел повелитель Хузарии взглянуть, каким стал сын Маттаха. Понравится – возвысит. Поставит, к примеру, хузарской лучшей конницей командовать. А то, смешно сказать, начальником конницы у хакана – «византиец», который с пятидесяти шагов в дохлую собаку не попадет.

Но посмотрел на Машега хакан и не дал ему начальства над конницей.
– Уезжай, Машег, – посоветовал другу Рагух, тоже «белый» хузарин, но из менее знатного рода, чьих представителей не было в «черном списке» хакана. – Уезжай, пока худого не случилось.

Рагух служил сотником в итильской конной страже. Его новая жена была «византийкой», ее родня поддерживала зятя, и Рагуха ждала неплохая карьера. Хотя временами возникало у Рагуха сильное желание опробовать на новых родичах остроту сабли. Об этом Рагух тоже поведал другу. Машег его понимал. Но каждый сам выбирает судьбу.

А Машегу в столице делать нечего. Его род – от персидских иудеев, а в Итиле заправляют «византийцы». Великий хакан хочет жить, как византийский кесарь. А были времена, когда хакана выбирали такие, как Машег. И великий хакан об этом помнит. Потому и окружил себя воинами-магометанами.

Машег тоже не забыл, как дед нынешнего хакана отнял у деда Машега земли за «Саманными воротами»^[50] и отдал своему любимчику, византийскому торгашу. Родовая память – долгая.

В общем, испросил Машег у хакана разрешения покинуть столицу, и хакан позволил.

Уезжал из Итиля Машег с радостью. Душно ему было в пропахшем нечистотами городе, тесно на узеньких улочках, где между глиняными заборами не разъехаться двум повозкам.

В «царском городе», возведенном на острове и окруженном стенами повыше городских, нечистотами не воняло. Там журчали фонтаны и стояли настоящие дома, а не глиняные халупы. Не просто дома – дворцы. А краше и выше всех – дворец самого хакана. Хотя нет, не всех. Минареты мечети – выше.

Хорошо пахнет на острове: цветами и молодым вином. А все равно душно. И душнее всего во дворце, где за каждым словом – намек, а слава измеряется в деньгах и близости к уху святейшего хакана.

Машег тоже мог нашептывать в это ухо, и денег у него было теперь не меньше, чем у «византийцев». Мог, но брезговал. И не хотел, чтобы его дети воспитывались среди полуевнухов.

Уехал. И забыл о своем хакане. И надеялся, что хакан тоже забудет о нем. Зря надеялся.

Дурная весть застала Машега в степи. И принес ее Рагух. Сам. Такое никому не доверишь.

– Хакан послал за твоей головой! – сказал он, смочив пересохшее

горло чаем, поднесенным ему Элдой.

В белом шатре Машега они сидели втроем.

– Ему сказали, что ты злоумышляешь против него.

Машег погладил рыжеватую бороду:

– И он поверил?

– Когда очень хочешь во что-то поверить, непременно поверишь, – сказал Рагух. – Я узнал поздно. Двух коней загнал, но теперь у тебя есть день, чтобы забрать своих и уйти.

– А моя земля? – лицо Машега потемнело.

Элда смотрела на него с тревогой. Если муж сочтет, что задета его честь, он будет способен на самые опрометчивые действия.

– Твоя земля так и так достанется хакану, – сказал Рагух. – Без тебя или вместе с тобой. Не доставляй ему такого удовольствия, уходи! Уходи, Машег! Уходи к русам: они тебя примут!

Машег думал.

– А ты? – наконец спросил он. – Если узнают, что ты меня предупредил, тебе несдобровать.

– Я справлюсь, – ответил Рагух. – Машег, ты не раз спасал мою жизнь... («Ты тоже», – вставил Машег). Уходи! Забирай семью, табуны, все, что ценное... Магометане не догонят тебя в степи!

– Магометане? – встрепнулся Машег. – Хакан послал за мной не хузар, а магометан?

– Нам он не доверяет, – мрачно ответил Рагух. – Тем более в таком деле, как твое.

– И много магометан?

– Много. Три сотни.

– Ого! Триста арабов на одного хузарина!

– Я и говорю – много.

– Ты считаешь – это много? – настроение Машега явно поднялось. – Говоришь, у меня есть день.

– День – точно. Завтра после полудня они будут здесь.

– Значит, у меня есть не только день, но и ночь! А кто их ведет? Тоже магометанин?

– Нет. Это вторая плохая новость. Их ведет Шлом бар Йогаан.

Машег приподнял бровь:

– А не сын ли он того Йогаана, который высудил у моего отца итильские виноградники?

– Сын, – подтвердил Рагух. – Старший.

– Как хорошо! – Машег широко улыбнулся. – Триста магометан,

говоришь?

– Триста. Из личной стражи хакана. Каждый стоит троих воинов.

– Ты так считаешь?

– Я их видел в деле.

– А я нет, – усмехнулся Машег. – Было бы любопытно посмотреть.

– Ты что, собираешься с ними драться? – воскликнул Рагух.

– Собираюсь. Спасибо тебе! – Машег встал и обнял друга, но сразу отстранился. – А теперь уезжай! Я сам заарканю для тебя пару лучших коней. Поспеш!

Рагух поглядел на друга... и внезапно ударил его по плечу.

– Хочешь от меня избавиться? – засмеялся он. – Не выйдет! Я остаюсь.

– Ты что? – нахмурился Машег. – А твоя родня?

– Родня? Родители мои умерли давно. Мои братья мертвы, а первая жена умерла, пока мы с тобой служили русам. Один мой сын убит печенегами, второй воюет где-то в Сирии с византийским воеводой Цимисхием. А моя новая жена, благородная иудейка из почтенной семьи константинопольских шелкоторговцев... Она довольно приятна на ощупь. Такая пухленькая, белокожая... И очень хорошо воспитана: никогда не рыгает, не сморкается, не портит воздух... Зато непрерывно болтает. Наверное, чтобы не лопнуть от избытка газов. Нет, дружище, этого слишком мало удержать меня в Итиле. Ты – моя родня, Машег!

– Отлично! – Машег улыбнулся. – С тобой мы их точно побьем!

– Вы сошли с ума! – заявила Элда, с большим неодобрением слушавшая монолог Рагуха, особенно его высказывания касательно новой жены. – Вдвоем – против трех сотен! Зачем тебе вообще драться? Забирай все, и уходим!

– Молчи, женщина! – произнес Машег. – Ты не понимаешь, что такое честь!

– Зато я понимаю, что такое жизнь! Можешь сжечь усадьбу и сады с виноградником, если не хочешь оставлять их врагу!

– Вот! – Машег повернулся к Рагуху. – Сколько лет живет со мной, а так и осталась нурманкой. Не будем терять времени, друг. Триста магометан – это не так уж много, но все равно слишком много, чтобы мы справились с ними вдвоем!

Рагух немного ошибся. Посланцы хакана появились не после полудня, а ранним утром. Отбив непривычный к многодневной верховой езде зад о седло, «карающая рука хакана» Шлом бар Йогаан сменил седло на палубу. Выиграл полсутки и вдобавок рассчитывал нагрянуть внезапно. Но забыл,

насколько густо заросли тростником берега в низовьях Дона.

Внезапно не получилось. Высаживались в утренних сумерках, а к Машегову поместью вышли, когда солнце оторвалось от горизонта.

«Поместью...» «Карающая рука хакана» скривил полные губы. Это слово вызывало в его памяти великолепные византийские виллы: фонтаны, ажурные решетки, окруженные парками мраморные статуи (жаль, что Закон запрещает изображения людей, иначе бар Йогаан непременно привез бы дюжину-другую). Поместье! Большой хлев, вокруг которого дюжина хлевов поменьше. А сам «помещик», по слухам, предпочитает жить в юрте, как грязный пастух.

«Карающая рука хакана» был в отвратительном настроении. Через заросли его пронесли на доске, причем он дважды едва не свалился в воду. От берега пришлось ехать в какой-то арбе, на соломе. Вдобавок арба жутко воняла рыбой. К этой вонии примешивалась вонь, исходящая потными стражниками. Утонченное обоняние Шлома неимоверно страдало. Даже созерцание Машеговых угодий: плодородных садов, виноградников, ярко-зеленых лугов – не утешало, хотя Шлом уже знал, что все это достанется ему. Хакан обещал...

«Надо будет еще раз предупредить Али-Бея (так звали командира сопровождавших бар Йогаана воинов), что все это имущество отступника принадлежит хакану, – подумал Шлом. – Пусть даже и не думают о грабеже. Но можно отдать им Машеговых родственников. Не всех. Самых красивых я возьму себе. Каково будет этому наглецу умирать, зная, что его дети и жены станут моими соложниками! Будет обидно, если Машег все-таки успеет удрать. Но это вряд ли». По совету командира-мусульманина Шлом отправил две полусотни в обход усадьбы. Если Машег и его домочадцы попытаются улизнуть – попадут прямо к ним в руки.

Эта мысль несколько утешила хаканова посланца, и когда он въехал во двор опального хузарина, настроение его улучшилось.

Усадьба выглядела опустевшей. Ее обитатели попрятались или разбежались.

Воины-магометане разошлись между сараями и конюшнями, окружая дом.

Первая сотня выстроилась перед главными дверьми. Шлому помогли слезть с арбы.

Двери в дом были закрыты. Неужели этот глупец надеется, что жалкие стены его хлева могут остановить воинов хакана?

Двери открылись. Шлом облегченно вздохнул: Машег не убежал. Этого и следовало ожидать. Слишком горд и самоуверен, чтобы спастись

бегством.

Стражи хакана тут же окружили «карающую руку» плотным кольцом, защищая от возможного нападения. Правильно. С этого дурака станется: ещё бросится в бессмысленную атаку...

– Ты – Машег бар Маттах? – спросил командир магометан. Рожденный в Дамаске, он уже десять лет служил хакану.

– Я, – кратко ответил Машег. – Что вам нужно?

– Ты, – так же кратко ответил магометанин. – Величие и благословение земли, хакан Хузарии желает тебя видеть!

– Зачем?

– Ты спрашиваешь? – деланно удивился магометанин. – Желание твоего хакана – этого достаточно для тебя. Отдай свое оружие – оно тебе более не понадобится.

Командир стражников старался быть вежливым. Он очень хотел обойтись без драки. У Машега была слава храбреца и доблестного воина. Если придется брать его силой, могут пострадать воины Аллаха. Кроме того, хакан пообещал особую награду, если Машега привезут к нему живым, ведь Машег должен сознаться в совершенных преступлениях.

– Возьми! – Машег взмахнул руками, и обе его сабли покинули ножны.

Их острия глядели на магометан. Прикрытый облаченными в доспехи телами стражников Шлом сабель не видел.

– Что он с ним болтает... – недовольно пробормотал «рука хакана». – Три сотни против одного...

– Взять его! – закричал бар Йогаан. – Живо!

– Что за суслик там пищит? – осведомился Машег. – Кого ты привез ко мне, магометанин?

– Ну-ка пропустите!

Шлом протиснулся между стражниками. Это был день его торжества, и он хотел... Но перехотел, увидев оружие в руках Машега.

– Я – рука хакана! – закричал он через плечо стражника. – Ты, Машег, – государственный преступник! Немедленно сдавайся!

«Что за дурак! – подумал командир магометан. – Теперь нам не взять преступника живьем!»

– В чем меня обвиняют? – холодно спросил Машег.

Он стоял один против сотни воинов, но, похоже, нисколько не боялся.

– Тебе незачем об этом знать! – Шлом бар Йогаан привстал на цыпочки: стражник был высокий – Шломова макушка едва возвышалась над его наплечником.

– По Закону ты обязан сообщить мне суть обвинения, – сказал Машег.

- Закон тебя больше не касается!
- Уверен? – Машег усмехнулся. – Это твои слова или слова хакана?
- Я – «рука хакана»! – воскликнул Шлом. – Мои слова – его слова!

Брось оружие!

– Такой «рукой», как ты, я бы постыдился подтереться! – холодно произнес Машег. – В чем меня обвиняют, магометанин? – спросил он у командира наемников.

– Меня зовут Али-бей! – Командиру нравился этот хузарин. Али-бей уважал храбрецов. – Тебя обвиняют в заговоре против твоего господина, величия и благословения земли, хакана Хузарии! И еще в нарушении законов вашей веры.

Машег засмеялся:

– Мне нравится, что о нарушении Закона говоришь мне ты, магометанин!

Командир стражников пожал плечами:

– Ты можешь оправдаться, представ перед своим господином. Насчет твоей веры это его слова, не мои.

– Ты уверен, что моему другу дадут такую возможность?

Из дома на ступени вышел еще один человек. Али-бей его знал: Рагух, командир «белой» хузарской сотни.

Этот что еще здесь делает?

На мгновение у Али-бея мелькнула мысль: что если всадники Рагуха тоже здесь? Не потому ли так самоуверенно ведет себя Машег?

Но подумав, Али-бей эту мысль отбросил. Невозможно тайно увести из столицы сотню воинов. Да и не будут воины хакана драться с его личной охраной.

– Даю тебе последнюю возможность, Машег бар Маттах! – сурово произнес Али-бей. – Сдайся! И, клянусь, я не трону ни тебя, ни твою семью!

Прятавшийся за спинами наемников Шлом собрался возмутиться, но вовремя вспомнил, что Али-бей – магометанин, а для магометанина клятва, данная человеку другой веры, не стоит и четвертушки дирхема. Именно поэтому клятву верности хакану магометане давали в присутствии своего священнослужителя. Кроме того, Али-бей говорил только о себе. Ни бар Йогаан, ни стражники ни в чем не клялись.

– Я тоже даю тебе последнюю возможность, – жестко сказал Машег. – Убирайся с моей земли, и никто не тронет ни тебя, ни твоих людей. Даже этого суслика, – кивок в сторону Шлома.

– Что ж, я тебя предупредил... – сказал Али-бей. Некоторое время он

колебался: не достать ли саблю и не поучить ли неверного, как ею владеть. Но передумал.

– Пращники! – скомандовал он. – Бей!

Несколько тяжелых глиняных шаров с визгом пронесли по воздуху... Впустую. Машег и Рагух, слаженно отпрыгнув назад, скрылись в доме. Внутри что-то зазвенело...

И это было последнее, что услышал наемник хакана Хузарии Али-бей.

Стрела из легкого тростника вонзилась ему в глаз. Хотя и легок тростник, но наконечник оказался достаточно тяжел, чтобы пронзить глазницу и войти в мозг Али-бея.

А Машег и Рагух снова появились в дверях. На этот раз – с луками, из которых они метали сразу по три стрелы. Они почти не целились: с десятка шагов боевая хузарская стрела прошивает любой доспех.

Окружавшие Шлома бар Йогаана стражники пали одними из первых. Хитрый Шлом, хотя его и не задела, упал вместе с ними и лежал тихонько, обмирая от страха, очень надеясь, что триста магометан все-таки справятся с преступниками.

Они бы и справились, будь Машег и Рагух вдвоем. Но на соломенных крышах сараев и конюшен прятались Машеговы люди, съехавшиеся этой ночью защищать своего господина. Их тоже было немного, чуть больше сотни. Но на их стороне была внезапность. Почти сотня магометан погибла в первые же мгновения боя. Особенно скверно пришлось тем, кого послали окружать дом. Уцелевшие – опытные воины – сумели кое-как организовать оборону, но у них были только сабли и небольшие щиты. Они ведь не воевать собирались, а всего лишь арестовать преступника.

В конном строю, с настоящим оружием, они вмиг разметали бы по полю сотню хузар...

Один из уцелевших десятников дал команду штурмовать дом. Атаки не получилось. Штурмующие завязли в куче мертвых и раненных стрелами Машега и Рагуха. Кое-как пробившись к дому; одни принялись рубить саблями запертые двери, другие сунулись в окна... Навстречу полетели стрелы. С крыш тоже продолжали стрелять...

Другой десятник велел поджигать строения и сам бросился с факелом к ближайшему сараю. Не добежал. Идея была хорошая, но запоздалая. Последний десятник скомандовал отступление, и лучшие воины хакана, забросив на спины щиты, бросились наутек. Но убежали недалеко: пастухи Машега прямо с крыш попрыгали в седла...

Глава восьмая

Милость князя киевского

– Ну и что дальше? – спросил Духарев.

– Дальше? – Машег засмеялся. – Воины Магомета отправились к своим иблисам. Мои люди еще три дня вылавливали тех, кто сумел удрать. Почтенный Шлом бар Йогаан попытался меня обмануть: прикинулся покойником. Я сделал вид, что поверил, знаешь, я такой доверчивый... И велел зарыть его вместе с магометанами. Так что теперь он ловчит с отродьями Шеола. Я бы охотно отправил вслед за ним и хакана с его «византийцами», продавшими Бога за ромейское золото, и наемниками-арабами, коим цена – две тростниковые стрелы за штуку. А пока хакан – в Итиле, а я – здесь. Как у вас говорят, изгой, верно?

– Мой дом всегда открыт для тебя, Машег! – тепло произнес Духарев.

И задумался. В последнее время он привык мыслить политически. И знал, что в Хузарском Хаканате дела идут из рук вон. Прижали его со всех сторон, отрезали от ромеев и от Востока. Славянские племена ушли от хакана под руку Киева. Все, кроме вятичей, которые спрятались в своих дремучих лесах и вообще никому платить не собираются. Волжские булгары, вековые хузарские данники, не то что дань не платят, а внаглую разбойничают на хузарских землях, как печенеги в Приднепровье. Только в Приднепровье на печенегов укорот есть – великий князь киевский, а в Хузарии хакан лучших своих воинов под корень норovit извести. Но если Хузария падет, Киеву это может обернуться нехорошим: усилением тех же печенегов, к примеру. Будь в Итиле у власти нормальные люди, такие, как Машег, Духарев уговорил бы Святослава поддержать гибнущий Хаканат. Но правит в Хузарии сущее дерьмо, ростовщики, извращенцы...

Гость прервал размышления Духарева о геополитике и вернул его к политике меньшего масштаба.

– Я благодарен тебе за гостеприимство, друг мой! – торжественно произнес Машег, сын Маттаха. – Но ты так и не ответил на мой вопрос: берешь ли ты меня в свою дружину?

– Бери! – раздался скрипучий голос.

В дверях стоял Рёрах. При желании он мог передвигаться совершенно бесшумно. Как он ухитрялся это делать на своей деревяшке, для Духарева до сих пор оставалось загадкой. Прошло десять лет с тех пор, как голос Рёрах впервые проскрипел за спиной Сергея: «Поворотись-ка, паря, да погляди на меня...»

– Бери его, парень! Хоть я хузарян и не люблю, а этот годится!

– Так он не к Святославу в дружину просится, а ко мне, – уточнил Духарев.

– Слышал. Я кривой, а не глухой, – проворчал Рёрах и прошкандыбал к столу.

Слада услужливо подвинула ему табурет, собственноручно наполнила его миску овощной тюрей (зубов у старика почти не осталось) и поднесла серебряную кружечку меда: уважила, так сказать, мужнина сэнсэя.

Рёрах смочил усы медом, одобрительно фыркнул.

– Сколь ваших с тобой? – спросил он Машега.

– Полсотни и три.

– Такие ж, как ты?

– Таких, как я, нет! – усмехнулся хузарин.

Рёрах еще раз фыркнул. Скептически.

Элда, обидевшись за мужа, открыла было рот, но Рёрах ее перебил:

– Ты, девка, помолчи! Я твоего отца, покойника, постарше буду: знаю, что говорю.

Теперь фыркнула Элда, но Рёрах уже перестал обращать на нее внимание.

– А к нам чего опять прибежал? – спросил он Машега. – Деньги все stráтил или с хаканом своим козлобородым полаялся?

– С хаканом.

– Дурак твой хакан! Вот помню, когда я с хирдом ходил на...

На кого именно ходил с дружиной Рёрах, так и осталось неизвестным.

Снаружи раздался шум, у ворот заспорили. Видно, хотели зайти на подворье, да привратник не пускал.

Потом захрапели испуганно лошади: надо полагать, привратник подтянул мишку.

Духарев встал и вышел на балкончик. Глянул: гридни княжьи.

– Эй! – крикнул он сверху. – Случилось что?

Старший, десятник из младшей дружины, привстал на стременах:

– От князя к тебе, воевода! Вели впустить!

– Впусти! – велел Духарев привратнику. – И медведя убери! Я сейчас спущусь!

– Кто? – спросила Слада, когда Сергей вернулся в светлицу.

– Посылы от князя.

– С чем?

– Сейчас узнаю.

Ему и самому было интересно: что вдруг срочно потребовалось от

него Святославу. Что там ему мамаша наговорила...

Гридни въезжали в ворота. Много, не менее пятидесяти.

– Токо во дворе прибрал, – проворчал за спиной Духарева привезенный из Полоцка дворовой холоп. – Опять все «яблоками» засерут...

Духарев остановился на крыльце – вровень с всадником.

Десятник спешился, махнул своим. Гридни тут же разошлись, и Духарев увидел угорского княжича Тотоша, восседающего на мышастой кобылке.

– Забирай! – сказал десятник. – Батька сказал: коли пленник твой, так и кормить его тебе!

– Справедливо, – согласился Духарев. – Медку примешь?

– Токо если всем, – ответил десятник, но тут же смутился собственной наглости и добавил, словно извиняясь: – ...батька.

Духареву понравилось. В дружине командир не хозяин, а первый среди равных. А батька – князь. Тот, кому присягнули. Или кого уважают сильно. Духарева молодые уважали.

«Этого к себе переманю, – подумал Сергей. – Правильный боец».

Поднапрягся, вспоминая, как зовут молодого гридня. Какое-то имя смешное... Капш или Шапш... Гапш!

Духарев повернулся к ворчливому холопу:

– Бегом к хозяйке. Скажи: я велел выкатить во двор бочонок меда! Бегом, я сказал! А тебя, княжич, прошу в дом!

В этот момент Сергей принял решение: его собственной дружине – быть.

Глава девятая

Трувор, сын Ольбарда Красного

Как издревле гласит народная мудрость: «Сказать – быстро, сделать – существенно дольше».

Первым делом Духарев отправился к князю.

Святослава он нашел, разумеется, в Детинце. Юный князь оттачивал фехтовальное мастерство.

– А, Серегей! Давай, бери мечи, поборемся!

– погоди, княже, разговор серьезный есть, – не чинясь, объявил Духарев.

– Тогда пошли в горницу.

Святослав отдал учебные мечи одному отроку, взял рубаху у другого.

В доме смазливая девка (новая, раньше Духарев ее не видел) поднесла им по чашке ягодного сбитню. Князь одним духом осушил свою, похвалил:

– Хорош! Холодненький!

– Со льда, княже!

Девка от похвалы вся расцвела. На князя глядела, как на солнышко.

«Наверняка влюбилась», – подумал Духарев.

Неудивительно: Святослав – парень хоть куда. Вдобавок – князь. А девка совсем молоденькая.

– Ступай, – велел ей Святослав, а когда вышла, сообщил: – Матушка прислала. Была у ее ключницы десницей, теперь вот у меня ключницей будет. Милкой зовут.

«Что-то она слишком молода для первой помощницы княжеской управляющей», – подумал Духарев.

Но девка красивая, спору нет. Можно побиться об заклад, что очень скоро она окажется в княжеской постели.

Что ж, это нормально. Святослав взрослеет, мужает, и Ольга ищет новые пути для управления сыном. Хотя это способ – как раз старый.

– Ну! Говори, что хотел! – нетерпеливо произнес Святослав.

– Хочу, князь, дружину свою набрать, – сказал Духарев. – Не возражаешь?

– Как это – свою? – князь даже в лице переменился. – А я? Ты что же, уходишь от меня, Серегей? Я тебя чем-то обидел, воевода?

– Ну что ты, княже! – Духарев и так чувствовал себя неловко, а сейчас, видя, как опечалился Святослав, едва не отказался от своего намерения. – Ничем ты меня не обидел. И уходить от тебя я не хочу. Хочу только свою дружину набрать. Для своих надобностей. Кормить её сам буду, но если у тебя нужда возникнет, будет за тебя сражаться. Со мной. Я ведь твой воевода, верно?

– Верно! – Святослав сразу повеселел. – Коли так – поступай, как хочешь. А мне вот что скажи: что ты с угорским княжичем делать будешь?

– А что бы ты сделал?

Святослав погладил светлую прядь, свисающую с макушки.

– Свенельд говорит: надо его наказать примерно. Глаза выколоть или руки отрубить. Прочим уграм в урок: чтобы на наши земли более не зарились.

– Наказать... – Духарев усмехнулся. – Представь, князь: наехал ты, скажем, на угров – и в плен попал. А угры тебя так вот *примерно* наказали. Что дальше будет?

– На меч кинусь! – твердо ответил Святослав. – Увечным жить не стану.

– Во-первых, ты не прав, – сказал Духарев. – Даже без рук ты все равно – князь. Дружина – твои руки. А во-вторых, я не о том спрашивал. Как думаешь: будет Киеву урок, если тебя покалечат?

Святослав задумался, потом поглядел на Сергея очень внимательно:

– То у тебя надо спросить иль у Свенельда. Я, увечный, за себя отмстить не смогу.

– Как Свенельд поступит, не знаю, – сказал Духарев. – Но за себя могу точно сказать: я уграм такого не спущу. Хоть с печенегамы войду в союз, хоть с болгарами, а такой урок им преподам, что мало не покажется. И мать твою, уверен, такой обиды не стерпит. Так почему ты думаешь, что угорский князь поступит иначе, если мы покалечим его сына?

– Это не я думаю, это Свенельд советует! – возразил Святослав. – Я Тоттоша калечить не стану. Мы с ним из одного котла ели. И матушка говорит: руки ему рубить не надо, а надо выкуп взять. Да побыстрее. Может, и правда выкуп за него возьмем, как думаешь? Помнишь, той зимой, когда мы с тобой в Новгород ездили, послы германского правителя Оттона приезжали. Матушка говорила, хотели у нас воев конных нанять. Оттон с уграми воевал и сильно их побил. Значит, надобно у них выкуп взять, не мешкая, пока у них еще есть, чем платить. Так что пошли скорей к уграм надежного человека. Пусть договаривается.

– Оттон будет с другими уграми драться, – сказал Духарев.

Он в общих чертах представлял, что творится в Европе. Его названный братец Мышата активно сотрудничал с германским купечеством.

– А к уграм я никого посылать не буду, сам поеду. Вот наберу себе дружину малую – и поеду.

– А угры тебе худого не сделают? – беспокоился Святослав.

– Вряд ли. Княжич-то здесь останется.

– Добро. Делай, как знаешь, – Святослав встал. – А сейчас пойдем позвоним железом. А то, кроме тебя и Асмуда, никого не осталось, кто может меня побить.

Тут он Духареву польстил. Со Святославом Духарев бился практически на равных, да и то лишь благодаря опыту и значительному преимуществу в росте и физической силе.

Прошло три дня.

Духарев активно занимался созданием дружины. Набрал десятков пять. Просилось больше, но Духарев решил: сотни (это вместе с хузарами

Машега) ему пока хватит. Старшим над своими поставил Понятку. Ему же поручил заняться экипировкой. Нанял плотников строить на выселках городок. Пока его строят, парни могут пожить и под открытым небом. Лето все-таки. Хузарам – тем в шатрах еще и лучше.

А через три дня в Киев приплыли варяги.

Тридцать шесть природных варягов, чьи усы были выкрашены в синий цвет. У тех, у кого уже выросли усы.

Командовал прибывшими внучатый племянник Рёреха, носивший нехитрое варяжское имя Трувор. Отец прислал его в Киев наниматься на службу. Выяснилось, что старый ведун отправил родичам письмо: мол, грядут большие дела, хватит рубиться с нурманами за власть над тюленьим народом. Пора выходить на мировую арену.

Лодья с тридцатью шестью молодцами встала у пристани на Подоле, ее экипаж сошел на берег и отправился прямо в Детинец.

Князя там не оказалось, зато оказался Асмуд, тоже природный варяг. При виде такой перспективной молодежи старый воевода оживился и попытался с ходу завербовать вновь прибывших в младшую дружину князя. Трувор отказался, вежливо, но твердо: мол, отец велел ему найти дядьку Рёреха и сделать, как тот скажет. Знает ли Асмуд, где его найти?

Асмуд крикнул, но спорить не стал: во-первых, одноногий ведун был когда-то его вождем; во-вторых, для сына белозерского князя Ольбарда Красного наказ отца был безусловно приоритетным.

Так что кликнул Асмуд пару отроков, велел оседлать лошадку и повел земляков к Рёреху-ведуну. То есть на подворье княжьего воеводы Серегея.

Духарева в этот день там не было: отъехал вместе с Машегом отбирать из табуна коней для угорского похода. Но Рёрех был дома. Муштровал Серегиного старшенького, Артема.

Увидев, кого привел Асмуд, Рёрех муштру прекратил, наладил пацана к мамке с наказом, чтоб немедля накрывали столы для гостей. И накрывали не во флигеле, который варяг последний год делил с парсом, а тут, во дворе. Флигель для тридцати трех богатырей (трое остались сторожить лодью) тесноват будет.

Рёреха в Серегином доме почитали как отца, и на угощение не поскупились: одной только колбасы было четыре сорта.

Яства пошли впрок. Говорят, проголодавшийся нурман может в одиночку умять полупудовую хрюшку. Варяги, ясное дело, не так прожорливы, но тоже кушали хорошо, а пили еще лучше. Не удивительно – в такую жару. Пили, ели да поглядывали на дворовых девок с таким жадным интересом, что у девок от одних только этих взглядов слабели

коленки.

Неспешно расспросив о делах на родине (дела обстояли неплохо), Рёрах поинтересовался дальнейшими планами молодежи. Планы у молодежи были простые: служить ратную службу.

– В княжьей дружине будут служить! – заявил Асмуд, которого, само собой, тоже усадили за стол. – Я их, молодцев, в лучшие гридни выведу!

Молодцы закивали согласно: перспектива их устраивала.

– Ты помолчи пока! – оборвал Асмуда Рёрах.

Это для прочих киевлян Асмуд Стемидович был княжим пестуном, славным воеводой и третьим человеком в Киеве. Рёрах же знал Асмуда с отрочества, учил его правильному бою и прочей воинской науке. И жил сейчас на свете Асмуд, славный воевода, потому, что подарил ему жизнь старый одноногий и одноглазый ведун Рёрах. Хотя случилось это в те времена, когда Рёрах не был еще ни старым, ни ведуном, ни калеккой, а считался вождем лучшего варяжского хирда, но княжий пестун об этом отлично помнил, так что заткнулся и даже обидеться не посмел.

Духарев, когда ему после рассказывали об этом эпизоде, очень веселился.

– Ты помолчи пока! – велел Рёрах Асмуду. – А ты, – обратился он к Трувору, – говори, что те отец наказал.

– Наказал найти тебя, дядько, и делать, что ты велишь! – отчеканил сын Ольбарда Красного.

– Вот! – назидательно поднял палец старый ведун. – А ты, Асмуд, вперед батьки в сечу не лезь!

– Да куда ж им еще идти, как не в княжью дружину? – искренне удивился Асмуд.

– Воеводе Серегею послужат! – отрезал Рёрах. – К уграм с ним пойдут.

– Так Серегей же – княжий! – воскликнул Асмуд.

– То он – княжий, а эти будут – его! – отрезал Рёрах.

– Не может такого быть! – закричал Асмуд, вскакивая.

– Может! – тоже повысил голос Рёрах. – Воевода Свенельд тоже княжий, а дружина у него своя!

– Так то Свенельд!

– А то – по Правде! – рявкнул старый варяг. – По *нашей* Правде! Иль забыл?

Дубленое лицо Асмуда сморщилось, словно он какую-то дрянь надкусил.

В другой ситуации он сказал бы, что княжья Правда выше варяжской. Но за столом сидели не бояре киевские, а природные варяги,

для которых варяжская Правда сызмальства считалась высшим и единственным законом. Асмуд сам был таким, помнил. И помнил, что по варяжской Правде клятву приносил князю один лишь вождь – сразу за всю дружину. И дружина-хирд принадлежала вождю, а не князю. За каждого в отдельности воина князь спрашивал с вождя. Хотя присягать непосредственно князю Правда тоже не запрещала.

– Сядь, – сказал Рёрах. – Возьми вот, выпей. И угомонись. Я – ведун, я знаю, как лучше.

– Лучше – кому? – проворчал Асмуд, но чашу принял.

А Трувор, сын Ольбарда, лишний раз убедился в правоте отца. Асмуд – первый человек киевского князя, а дядька Рёрах, хоть и не в Детинце живет, а на чужом подворье, все равно выше.

Так и получилось, что вместо двух полусотен у Духарева под началом оказалось без малого полтораста человек. Не много. Он водил и тысячу. Но те были – княжки, а эти – его собственные. Только четырнадцатью десятками дело не ограничилось. Пока готовился поход, к Духареву шли люди. Слава у воеводы Сергея была немалая, служить ему многим казалось лестно. И выгодно. С удачливым вождем добыть можно немало.

В общем, каждый день доверенные Сергея – Понятко, Машег, Рёрах – приводили к нему одного-двоих воев со словами: «Этого надобно взять непременно». Духарев брал, полагая, что несколько человек ничего не изменят. Однако, когда его дружина удвоилась, Духарев решил прекратить набор. Наилучшим для этого способом было поскорее убраться из Киева.

Дружину свою (численность которой уже перевалила за три сотни) Духарев разбил на три части: хузар и прочих степняков отдал Машегу, гридней посерьезнее – Понятке, а отроков – Трувору. Тот хоть и молодой, а в заварушках бывал не единожды: с тринадцати лет в походы хаживал. А что степи не знает, так это поправимо. Духарев дал ему в помощники двух классных специалистов: хузарина Рагуха и гридня Бодая, бывшего Свенельдова десятника.

Князь уличский и древлянский воевода Свенельд появился в Киеве за день до отправления посольства. И немедля вызвал Духарева к себе. Сергей отправился с тяжелым сердцем. Ничего хорошего он от этой встречи не ждал.

Глава десятая

Человек из-за кромки

Духарев был в курсе, что Свенельд в свое время предпринял настоящий розыск, пытаясь вызнать, откуда взялся боярин-воевода Серегей со своим саженым ростом, нетрадиционным мышлением, рожей исконного кривича и чужеземным христианским вероисповеданием.

Свенельда можно понять: слухи о Духареве ходили всякие. Был и такой, что он – внебрачный сын самого Олега Вещего. Коли так, то вполне мог и киевского престола пожелать, а такой вариант ни Свенельда, ни Ольгу не устраивал категорически. Так что Свенельдов розыск с политической точки зрения был вполне обоснован. Но результат его был – шиш с маслом.

Появление Сергея в Малом Торжке десять лет назад было зафиксировано, благо засветился он там по полной программе: и кулаками помахал, и самого княжьего наместника Скольда за язык поймал и вынудил от собственного решения отступить. Но то, что говорили свидетели о торжковском «Серегее», плохо согласовывалось с тем, что видел сам Свенельд. Бывший Скольдов гридень Мороз утверждал, что чужак, объявившийся в Малом Торжке, не то что мечом – дубиной орудовать толком не мог.

Либо, посчитал Свенельд, Серегей ловко прикидывался увальнем, либо то был совсем другой Серегей, потому что *тот* ни за что не смог бы год спустя *зарубить* на смоленском торгу нурманского сотника славного Хайнара, брата еще более славного нурмана Виглафа, берсерка. Но если убийство Виглафа произошло где-то в лесу, и ходили об этом лишь всякие неверные слухи, то Хайнара Серегей прикончил на глазах у целой толпы свидетелей. Впрочем, как сражается воевода Серегей, Свенельд и сам видел. Любому ясно: такое мастерство не за год обретается. Еще знал Свенельд, что учил воеводу сам Рёрах. Но когда? И зачем, если Серегей тогда даже варягом не был. В варяги его посвятил Устах – это Свенельд тоже знал доподлинно.

В общем, чем больше сведений о Духареве набирал уличский и древлянский князь-воевода, тем более терялся в догадках. Будь его воля, забыл бы он о многочисленных заслугах Духарева и выставил сомнительного воеводу из Киева. Но даже всевластному Свенельду такое было не по силам. Его не поняла бы даже собственная дружина, в которой почти все старшие гридни с воеводой Серегеем приятельствовали. А уж юный князь точно не позволил бы отстранить от себя человека, который был ему наставником вровень с официальным пестуном Асмудом. Эх, с каким бы удовольствием откопал Свенельд что-нибудь конкретное о Серегиином происхождении. Но – тщетно. Никто, даже природный варяг

Устах, самый близкий друг Сергея, не знал, откуда взялся Духарев на Свенельдову голову.

Впрочем, были два человека, которым воевода рассказал о себе почти все: ученый парс Артак и старый варяжский вождь Рёрах.

Эти двое были люди незаурядные. Один – ведун, второй – ясновидец-предсказатель, то есть с потусторонними силами тоже, считай, запанибрата. К тому же оба и так знали, что Сергей, мягко говоря, нетутошний. И, более того, до сих пор существующий частично вне этого мира. Правда, с «технической» стороны точки зрения этих двух специалистов по магии на Духарева как потустороннее существо не совпадали. Рёрах, ставший ведуном после того, как оставил за кромкой пол-ноги, полагал, что Духарев пребывает большей частью в этом мире, но в *том* тоже оставил нечто конкретное, хоть и небольшое. Что именно, Рёрах не знал. Парс же, наоборот, утверждал, что лишь незначительная часть Сергея воплощена в этом мире. Артак с самого начала полагал Духарева могучей потусторонней сущностью, чуть ли не божеством, лишь ничтожная часть коего могла воплотиться в брентную человеческую оболочку.

Сергею было занятно наблюдать, как оба мудреца воспринимали его рассказы о будущем: не столько пытаюсь осознать сказанное, сколько вгоняя описываемые Духаревым вещи вроде вертолетов, видео и искусственных спутников в привычную систему мировоззрения. Первое время Духарев пытался с этим бороться: рисовал картинки, в меру своего скудного образования прояснял технические подробности... Без толку. Духарев был почти уверен: повисни у них над головами настоящая «вертушка», Ми-27, к примеру, так один мудрец увидит в ней помесь Слейпнира со Змеем Горынычем, а второй – какую-нибудь Птицу Гаруду или как там она у парсов называется.

Это было нормально. Так же нормально, как и то, что всякую сюрреалистическую нежить своего мира и варяг, и парс воспринимали хоть и с позиций разного магического образования, но вполне адекватно и реалистично. Так, историю с уродом, десять лет назад напавшим на Духарева со Сладой в ночь летнего солнцеворота (Сергея до сих пор в дрожь бросало от воспоминания), Рёрах и Артак заслушали вполне серьезно, уроду классифицировали (каждый по-своему), действия, предпринятые Духаревым, проанализировали и признали малоэффективными, но правильными. Правда, и тут между мудрецами не оказалось полного согласия: Рёрах считал, что Сергей шуганул нежить силой, шедшей к нему из-за кромки, а парс полагал, что Духарев напугал тварь демонстрацией своей истинной, «демонической» сущности. Ладно,

что в лоб, что по лбу, все равно одной и той же деревянной ложкой.

Как ни крути, а в одном эти специалисты по потусторонним делам были правы: десять прошедших лет не сделали Духарева стопроцентным человеком этого мира. И правильно чуял Свенельд: Духарев не такой, как все. Прошлого-будущее так и не отпустило Духарева от себя. Даже бодрствуя, Сергей время от времени воспринимал его контуры, проступавшие сквозь реальность этого мира. К такой мистике он уже привык, перестал бояться, что его засосет обратно в двадцать первый век. Он даже научился использовать это состояние, на опыте убедившись, что окружающая его реальность начинает дрожать и расплываться только тогда, когда ему предстоит сделать основополагающее решение или совершить нечто действительно значимое. Это было даже приятно: чувствовать себя *вещим*. И чем лучше помнился *тот* мир, тем полнее и острее воспринимался этот. Оставаясь человеком другого тысячелетия, Духарев умел понимать и ценить преимущества этого времени. Он любил родных и друзей, а родные и друзья любили его, даже не задумываясь о том, кто он и откуда. И Духарева ничуть не заботило, что его старший сын Артем никогда не сядет за руль и не сыграет в компьютерную игру, а его жена никогда не воспользуется французской парфюмерией... Последнее, впрочем, теоретически возможно. Франция в этом мире есть. И парфюмеры там тоже есть, надо полагать. Но вряд ли их продукция лучше тех сирийских притираний, которые привозит сестре Мыш.

Итак, будучи продуктом общества высоких технологий и низких целей, Духарев нисколько не парился от того, что его дети никогда этого общества не увидят. Но сам он, к сожалению, продолжал видеть его постоянно. Во сне. Да, черт возьми, Сергею постоянно снились сны из *той* жизни. Причем иные сны были такими яркими, что пока Сергей спал, сном казалась вся его варяжская жизнь. В снах этих Духарев тоже был очень авторитетным человеком, но каким-то порченным: жадным, злым, циничным. У него было брюхо больше, чем у боярина Шишки, ладони мягкие, как у женщины, а пальцы толстые, как у ромейского евнуха. В этих снах Духарев говорил по-русски, но как будто на другом языке, на людей смотрел, как на челядь, а когда говорил с теми, кто выше (а таких было немало), то выдавливал из себя улыбку, словно моллюска из раковины. Еще в снах все время был страх. Обычно страх прятался где-то за спиной, но время от времени касался ледяной лапкой виска или шеи, и тогда Духареву сразу хотелось выпить водки. И чем больше он пил, тем чаще приходил страх. Варяг Серегей ничего не боялся: ни нурманского клинка, ни печенежской стрелы, ни княжьего гнева. Его жизнь была великой

ценностью, пусть даже и принадлежала не многим: семье, князю, Киеву.

А *тот* Сергей Духарев, наоборот, жил исключительно для себя. И живя так, как ему хотелось, чувствовал, что очень многим он мешает жить так, как хочется им. Тот Духарев жил не в маленьком средневековом городе, а в самой Москве (Питер Сергею теперь почти не снился), в просторной квартире с тремя ванными. У него были и другие дома и даже особняк на Рублевском шоссе, почти такой же большой, как здешний дом на Горе. Но когда тому Духареву нужно было выйти из дому, первыми выходили суровые мужчины с бесцветными глазами. Они проверяли всё: улицу, машины, подходы. Только тогда, в окружении других мужчин, еще более крупных, чем он сам, Духарев выбирался на открытый воздух. И сразу же нырял в пахнувший ароматизаторами салон авто, а потом ехал куда-то. Навстречу новым проблемам.

В той жизни у Духарева было много поездок, но все они были одинаковыми; было много красивых женщин, но они тоже были одинаковыми, яркими и бесцветными одновременно. И, главное, там не было Слады.

– Сладушка моя сладкая! – Сергей нежно провел пальцами по белой коже между набухших молоком грудей.

Сладислава не взяла кормилицу, выкармливала дочку сама. Двух сыновей и двух дочерей родила она Духареву, но по-прежнему оставалась такой же стройной и юной. Или ему так казалось? Во всяком случае любил он ее по-прежнему и желал так же страстно, как и десять лет назад. У него были и другие женщины там, в походах, но нужна ему была только она. И не было у Сергея других жен и наложниц не потому, что он – христианин, а потому что не хотелось ему других жен. Наверное, он и христианином оставался только ради жены. Она стала самым дорогим подарком его новой жизни. Сладушка...

– Мне так хорошо, Сережа... – маленькая женщина потянулась к нему, уткнула головку куда-то под мышку. – Так хорошо...

Это была их последняя ночь. Завтра Духарев уезжал к уграм. Послом от Святослава. Угорский княжич Тотош оставался здесь, в доме воеводы. За ним присмотрят. Впрочем, Сергей и не ждал от него сюрпризов. Княжич поклялся, что не сделает попытки бежать. Духарев ему верил и предоставил полную свободу в пределах города. Тотош даже ездил со Святославом на охоту. Они были ровесники, но в этой паре Святослав был безусловно старшим. Пусть подружатся. Когда-нибудь угр вырастет и тоже станет князем. А друзья-князья – это не просто друзья, это союзники...

Духарев, расслабившись, отдавался ласкам жены. Он наслаждался ее близостью, чувствуя, как уходит усталость, как уходит тяжесть из тела и мыслей.

Сегодня у него был трудный день. Тяжелейший разговор со Свенельдом. Князь уличский и древлянский не хотел этого посольства. Казалось бы, мир с уграми в его интересах: всё самое лакомое он уже прибрал к рукам. И уличи под ним, и тиверцы – его данники. Может, причина в том, что смерды куда больше ценят своего князя, когда тот не просто опустошает их кладовые, а защищает смердов от разбойников-угров... Которым эти смерды ранее кланялись данью. Очень может быть, ведь бьется с уграми дружина Святослава, а погосты, на которые свозят дань, – Свенельдовы. По договору часть «прокорма» должна была отходить великому князю, но практичный Свенельд предоставлял Святославу брать этот «прокорм» самому, причем предлагал для отдачи исключительно пограничные территории.

Святослав не возражал. Ему нравилось драться, а не считать мешки с зерном и овечьи шкуры. А его мать... У матери-княгини со Свенельдом – давняя дружба. Злые языки поговаривали, что...

Впрочем, не так уж это важно. Важно, что Свенельд в трудное время княгиню поддержал. Далеко не факт, что без Свенельда Ольга смогла бы удержать единство киевской державы...

Но если задуманное Духаревым удастся, то княгиня точно будет на его стороне.

– Береги себя, Сережа... – шептала Слада, прижимаясь к мужу так знакомо и нежно, что сердце его наполнялось щемящей нежностью. – Береги себя, а я буду все ночи за тебя молиться...

«Бедная, – подумал он. – Как часто ты меня провожаешь...»

Большую часть времени воевода проводил в походах. Из любого он мог не вернуться. И Слада это знала. Тяжко большую часть своей жизни ждать возвращения любимого... И знать, что он может и не вернуться. Много ли женщин там, где родился Сергей, могут так ждать? Да, здесь это – норма. Здесь все жены воинов и правителей живут так. Но все равно чертовски тяжело... И Духареву не хотелось думать о том, что наступит время, когда его сыновья подрастут и тоже станут воинами... Впрочем, у Сергея был выход: он мог брать их с собой. Хотя отец угорского княжича тоже, наверное, брал сына в походы... Какое-то время. И Ольбард Красный. Так что это не поможет. Не будет сын вечно за отцово стремя цепляться. Только одно поможет им выжить: если станут настоящими воинами.

Такими, как он. Нет, лучше такими, как князь киевский Святослав.

Глава одиннадцатая,
в которой воевода киевский Сергей беседует с великим
воеводой мадьярским Такшонем, сыном Левенте

Угорского князя звали Такшонь, и был он внуком и сыном неких Арпада и Левенте. Предводителем союза венгерских племен Такшонь стал, унаследовав «должность» после смерти своего двоюродного брата Фаличи. Крепость Такшонь тоже унаследовал от брата, который, собственно, ее и построил.

Толмач назвал Такшоня хаканом. Ну да, хакан – это по-степному. Болгарского царя в степях тоже хаканом кличут. Сами угры-мадьяры во время официального приема называли вождя дьюлой, что, как уже знал Духарев, было поменьше, чем великий князь мадьяр. Но еще он знал, что именно к дьюле Такшоню подкатывались легаты германского императора Оттона, склоняя ввести на своих землях католицизм. Сулили, что император дарует Такшоню титул короля.

Это Сергею Мыш сообщил.

Такшонь королем стать хотел, но идти под власть императора, который недавно крепко накидал его соплеменникам, не рвался. Здесь, в горах, Такшонь чувствовал себя весьма уверенно. И крепость у него – будьте-нате. Немногим хуже хузарского Саркела. Хотя Саркел строили византийские зодчие, а этот мрачный замок, скорее всего, – европейцы.

А сами угры – типичные кочевники-воины. Хищники. С точки зрения Европы – дикари. С точки зрения Константинополя-Царьграда – варвары. Но Духарев гораздо охотнее имел бы дело с ними, а не с копчеными-печенегами.

Шли сюда от Киева легко. Двигались трактом, от колодца к колодцу, обгоняя редкие караваны и в локальные конфликты почти не ввязываясь. Посольство тоже не трогали. Накатить на три сотни дружинников могла только большая орда, но такой по дороге не попало, а отдельные разбойничьи шайки при виде русов быстренько поворачивали коней. Непривычные к степи молодые варяги изумлялись ее простору, называли степь «травяным морем». Духарев воспользовался случаем: преподавал им пару уроков «степной охоты», в которой стал мастером не хуже Машега. По его команде хузары с Понятковыми гриднями отследили и загнали, как

тарпанов, ватажку копченых. Кто сам сдался, убивать не стали: забрали коней, ободрали и в одних портках отпустили гулять. Гулять копченым было неблизко: до ближайшего колодца – под сотню стрелищ. Для непривычных к пешим перемещениям кочевников – изрядный кусок.

Трувору и его родичам было продемонстрировано стандартное степное оружие: кривая сабелька, пика, булава для ближнего боя и, главное, короткий, хитро изогнутый лук, из которого можно на скаку бить шагов на двести пятьдесят. Луки эти, конечно, уступали хузарским, но заметно превосходили варяжские. Трувор и его люди были воинами высокой квалификации, но их ратное искусство – северное, то есть с упором на пеший бой. Под Степь им придется переучиваться так же, как когда-то переучивался и Духарев.

Ничего, справятся.

Угры встретили посольство за Истром. Сергей, во избежание осложнений, заранее отправил на ту сторону гонца. Так что не успели русы вытряхнуть солому из бурдюков, на которых форсировали реку, как на горизонте показались всадники-угры. А через два дня посланцы увидели грозную крепость хакана Такшоня.

– Чего ты хочешь, рус? – спросил хакан-князь-дьюла Такшонь.

В холодной мрачной зале с пыльными гобеленами и несоразмерно высоким потолком их было только трое: Такшонь, Сергей и толмач.

Это Сергей потребовал разговора наедине. Мадьяр согласился. Был он мрачен. Впрочем, с чего ему быть веселым? Духарев уже знал, что Тотош двинул в рейд на уличские земли без батькина благословения. Удадь решил проявить. Вот и проявил.

– Чего ты хочешь, рус?

Духарев молчал.

За последние несколько лет он многожды дрался с уграми. За земли, за данников. Это были в большинстве даже не битвы, а мелкие стычки вроде той, в которой взяли сына дьюлы.

Духарев молчал.

Перед ним был повелитель. Потомок повелителей. И предок тоже. Потомки его племени выживут. Там, в будущем, нет ни жестоких печенегов, ни высокомерных хузар, ни хитроумных византийцев. А мадьяры – есть.

– Чего ты хочешь, рус? – снова перевел толмач.

У толмача была длинная тонкая шея, забавно изогнутая. Как у гуся.

– Чего я хочу...

Недавно угров в Европе крепко побили. Сначала Генрих Баварский наcostылял им в Северной Италии, а в прошлом году где-то под Аугсбургом и вовсе смешали с пылью вождей трех угорских племен. Хакана Такшоня там не было. А хоть бы и был... Европа, наконец, научилась противостоять страшной угорской коннице. Это факт, который вынудил угров переключиться с запада на восток и стать активными конкурентами Киева и печенежских орд в Большой степной игре.

В степи, на расстоянии полета стрелы, угры мало чем отличались от копченых, печенегов. Но вблизи...

– Я хочу, хакан Такшонь, чтобы между нами была дружба, – сказал Духарев.

– Ты от себя говоришь, воевода? – властный мадьяр растерялся.

Он умел видеть правду (иначе какой из него правитель) и видел, что громадный варяг не лжет.

– Великий князь киевский прислушивается к моим словам, – осторожно ответил Духарев.

– Великий князь киевский – мальчишка! – с легким пренебрежением отозвался мадьяр (толмач перевел: «Еще очень молод»). – Мальчишка! Такой же, как мой сын. Мы знаем, что киевской вотчиной правит княгиня Ольга совместно с князем Свенельдом. Не думаю, что Свенельд захочет этой дружбы.

– Во-первых, великий князь киевский уже достаточно взрослый, чтобы сам принимать решения, – сказал Духарев. – Во-вторых, у воеводы Свенельда более нет интересов на угорских землях.

– Еще бы! – фырнул мадьяр. – Он уже взял, что хотел!

– Да, – согласился Духарев. Не стоило оспаривать очевидное. Большинство персональных данников Свенельда когда-то платили уграм. – Ты хочешь вернуть потерянное?

– Хочу.

– Этого не будет, – спокойно ответил Духарев. – Ты сам знаешь. Все, что ты можешь, – посылать мелкие отряды, чтобы грабить киевские земли. А мы их будем перенимать и бить... Без толку расходуя силы, которые можно было бы применить с большим успехом и большей выгодой и для русов, и для вас, мадьяр. Почему бы тебе не обратить своих воев на другую цель?

Дьюла не ответил: ждал продолжения.

– Я знаю, – сказал Духарев, – что запад нынче закрыт для твоих походов.

– Ты неплохо осведомлен для руса, – недовольно проговорил мадьяр.

– Я умею разговаривать с чужеземными купцами.

На самом деле Сергей полагался не столько на чужеземных гостей, сколько на своих. Его названный брат, Мыш-Момчил из Радов Скопельских, был главным информатором Духарева.

– Византия? – полуутвердительно спросил Такшонь.

– И Византия тоже. Я слышал, ромеи больше не платят вам дань.

– Киеву они тоже не платят, – отозвался Такшонь. – Больше не платят. А мой брат уже не единожды силой брал то, что Константинополь отказался отдавать добровольно.

– Византия богата, – согласился Духарев. – Но ни вам, ни нам, ни печенегам не овладеть ее землями. А ведь совсем рядом с нами лежит богатство, которое может полностью принадлежать нам.

– Болгария? – попробовал угадать дьюла.

– Нет, – Духарев покачал головой. – Хузары.

– А-а-а... – интерес мадьяра сразу утратил остроту. – Это для вас – рядом. А между нами и ними земли двух печенежских ханов... И еще тех данников, которых отбил у меня ваш Свенельд.

«В том-то и дело, – подумал Духарев. – Потому-то мне и нужен ты, а не печенеги».

Печенеги встанут на хузарскую землю крепко, двумя ногами, а угры не смогут.

– Наша Тмутаракань, которую у вас называют Таматархой, тоже далеко от Киева, – сказал Духарев. – И тоже через земли печенегов... которые ранее были хузарскими.

– То верно, хузары теряют свои земли и силу, – согласился Такшонь. – Но у всякого народа бывают плохие времена. Быть может, они еще возродятся.

– Нет, – твердо произнес Духарев.

– Почему ты так думаешь, воевода?

– Я не думаю, – воевода киевский посмотрел в черные блестящие глаза воеводы мадьярского. – Я знаю.

Он действительно знал. Но для угры нужны были аргументы.

Такшонь скептически приподнял бровь.

– Ты видел природных хузар среди тех, кто приехал со мной? – спросил Духарев.

– Допустим.

– Это белые хузары! – подчеркнул Духарев. – В дружинах киевского князя и воеводы Свенельда немало белых хузар.

– Я не удивлен, – пожал плечами дьюла. – Белые хузары – воины.

– Вот именно. Потому Киев привечает их, дает им земли в удел. Земли, которые когда-то были хузарскими.

– Ну и что с того? – еще раз пожал плечами Такшонь. – Славяне тоже воюют за ромеев. Я слыхал, и у Оттона были ваши.

Духарев пожал плечами. Оттон побил угров. И, насколько известно Духареву, из угров же набрал легкую конницу.

– Наши вои сами выбирают себе повелителя, – сказал он. – Князь им не указчик. Наш князь – не хакан хузарский.

– Это так. Почему бы хузарам не повоевать за твоего князя? Да, я слыхал и более того: целые хузарские роды отрекаются от иудейской веры и уходят под власть печенежских ханов. Зато за хузарского хакана сражаются лучшие воины ислама. А сражаться они умеют, это я знаю не понаслышке, я сам с ними дрался!

– Они сражаются не за свою землю, а за золото хакана! – возразил Духарев. – А золото хакана когда-нибудь кончится. Но...

Он остановился.

– Что? – спросил весьма заинтересованный мадьяр.

– Почему бы нам не взять это золото до того, как его запас иссякнет?

– Даже если мы объединимся, Итиль нам не по зубам.

– Сейчас – нет, – согласился Духарев. – Но я готов поклясться: пройдет несколько лет – и это станет возможно. Если мы объединимся.

– А если нет?

– Если нет, хузары все равно падут. И богатства их достанутся печенегам. Но даже если я ошибаюсь насчет хузар, есть много других земель, которые могут... представлять для нас интерес. Вот я слыхал: ромеи платят булгарам ежегодную дань...

– Это не дань! – возразил Такшонь. – Это годовое содержание их принцессы, жены болгарского хакана.

– У ромеев так много императоров, что вполне может найтись еще парочка принцесс.

– Твой князь – язычник. Ромеи никогда не отдадут дочь императора за язычника!

– Что ж, – философски ответил Духарев. – Ты ведь христианин. А киевский князь, я уверен, согласится и на одно *содержание*. Принцессу ромеи могут оставить себе.

Такшонь улыбнулся, а Духарев продолжил, уже серьезно:

– Мое слово таково, хакан: я предлагаю тебе союз! И в знак крепости моих слов я готов возвратить тебе сына. Без всякого выкупа! Но и ты должен дать мне залог своего расположения...

– Какой? – осторожно спросил Такшонь.

– Ты должен отдать мне свою дочь!

– Тебе? – произнес с некоторым удивлением хакан угров. – Но ведь у тебя есть жена. И мне говорили, ты христианин, как и я, и не берешь в дом даже наложниц. Меня обманули?

– Нет, – качнул головой Сергей. – Все правильно. («Ага! Ты тоже навел обо мне справки».) Я беру твою дочь не для себя, владыка. Я беру ее для моего князя.

– А что скажет княгиня Ольга?

– Княгиня Ольга не станет возражать, если женой ее сына окажется христианка.

«Но главное, – подумал Духарев, – Ольга хочет мира. А дружба с уграми обеспечит нам здесь, на западе, надежный мир... И мы сможем смело двинуть на восток, на вятичей. А затем – на хузар. Свенельд тоже не будет противиться. Ему мало дани на уличах и тиверцах, земли которых он оттяпал у угров. Он хочет занять кусок и на востоке».

– А если не согласится сам князь? Недавно ты сказал: он уже достаточно взрослый, чтобы сам принимать решения. Что если ему не понравится моя дочь?

– Она ему понравится, – улыбнулся Духарев. – Твой сын сказал: его сестра почти так же красива, как моя жена.

Такшонь тоже улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Я согласен. Но ты, воевода Серегей, поклянешься мне нашим общим Богом и жизнью своей супруги, что моя дочь не потерпит в твоей стране обиды!

– Я клянусь! – торжественно произнес Духарев и поцеловал маленький золотой крестик, который он уже много лет носил на груди. Единственное, что осталось у него от *того* мира, кроме кое-каких знаний и снов.

– Я принимаю твою клятву! – не менее торжественно произнес Такшонь. – Моя дочь поедет с тобой в Киев. Уверен, что ты исполнишь свое обещание и пришлешь мне сына без всякого выкупа.

– Так и будет! – ответил Духарев.

В крайнем случае он сам заплатит за мальчишку. А в том, что дочь Такшоня понравится Святославу, он не сомневался. Парень не однажды высказывал свое восхищение Серегиней женой. А девчонка действительно похожа на Сладу. Духарев вчера сам в этом убедился.

– Союз? – он протянул руку мадьярскому воеводе.

– Союз! – рука дьюлы, такая же мозолистая клешня, как и его

собственная, протянулась навстречу.

– Союз! – с важностью перевел толмач.

Это было последнее слово, которое он произнес в своей жизни. Ладони воинов разъединились... И рука мадьярского воеводы смяла тощую шею толмача...

– Слишком важные слова, – на ломаном хузарском произнес Такшонь. – Знаешь ты, знаю я. Достаточно.

Через восемь дней посольство отправилось обратно. Духарев вез в Киев подарки от угорского дьюлы. Главным «подарком» была юная княжна – будущая жена киевского князя. Конечно, Сергей рисковал. Не подобало ему выбирать будущую киевскую княгиню. Но он полагал, что достаточно хорошо знает и Ольгу, и Святослава, чтобы рискнуть. Прецедент, впрочем, был. Саму Ольгу точно так же привез из Плескова воевода Олега Вещего. Правда, воевода заранее знал, кого следует привезти. Но кто такая была Ольга с формальной точки зрения? Да никто! Мать ее – ничем не примечательная дочь одного из плесковских старшин, а кто отец – вообще неизвестно. То есть ведомо... кому надо. Но официально – безотцовщина. А Духарев везет ее сыну природную княжну.

Разве что Свенельд останется недоволен. Вот если бы Духарев привез невесту его сыну, тогда другое дело! Перебьется. Лют, конечно, неплохой парнишка, но о невесте для него пусть позаботится папаша.

Глава двенадцатая

Предательство

Крепость угорского дьюлы давно потерялась вдаль. По мысли Духарева, их отряд уже давно должен был выехать на равнину, а узкая – две повозки не разойдутся – дорога все еще виляла по ущельям да перевалам. На такой дороге хорошо врага держать, а путешествовать лучше по тракту. Три сотни духаревской дружины растянулись на полкилометра. Сам воевода ехал в центре, вместе с юной княжной, а возглавлял колонну угорский боярин с типично печенежским именем Кухт.

Боярина Такшонь послал с княжной в Киев. Этот же боярин должен был на обратном пути сопровождать сына дьюлы. С Кухтом шли всадники, тоже около трех сотен. Разведку тоже вели они. Духарев не возражал: тут была угорская земля.

– Выйдем прямо к Дунаю, – пообещал Кухт. – Так безопаснее, чем на

равнине, где нас всяк издалека увидит. Мы ведь не налегке: княжну везем, приданое...

В принципе, он был прав, хотя Духарев помнил, что, переправившись через Дунай, они уже через два дня прибыли к Такшоню. Но и то верно, что сюда ехали налегке, большей частью без всякой дороги, иногда еле заметными тропами. Тоже не сами – вел старший отряда, высланного Такшоном навстречу посольству.

Но дело было в том, что тот проводник Духареву нравился, а боярин Кухт – нет. И общались они через толмача. По-русски Кухт не понимал, по-хузарски тоже. И еще он все время неприятно скалился: надо полагать, у него улыбка была такая, но Духареву казалось: Кухт толмачу одно говорит, а толмач Сергею – другое.

Между собой русы звали Кухта подханком.

Будь на то Серегина воля, он охотно отдал бы подханка своим дружинникам: допросить с пристрастием.

А вот девочка-княжна Сергею нравилась все больше. Тихая такая, глаза доверчивые. Чем-то она ему напомнила Рогнеду, меньшую дочку полоцкого князя Роговолта. Та, правда, совсем малышка. Прошлой зимой, когда Духарев был в Полоцке (по делам, и друга Устаха заодно навестить), крохотуля забралась Духареву на колени и глядела так, словно Сергей ей родной. Помнится, он тогда пожалел, что не взял с собой семью: его Данка Рогнеде – ровесница. Но Серегину дочь тихоней никто не назовет – сущая оторва.

На Духарева вдруг нахлынула грусть: всё он в походах да плаваньях. Со своими и месяца полного провести не получается.

Машегу вот хорошо! Его любимая всегда рядом.

Хузарин будто почувствовал: подтянулся поближе.

– Думы, Серегей? – спросил он по-хузарски.

– Есть немного, – ответил Духарев.

– Вот и мне тоже что-то не по себе.

– Что? – мгновенно насторожился Духарев.

– Я двоих отроков послал вперед пробежаться...

– Зачем? Там же угорские дозоры!

– То-то и оно, что угорские. А моим бы уже вернуться время, а нету.

– Может, этого спросить? – Духарев кивнул на угорского боярина.

Машег скептически поджал губы. Ему угр тоже не нравился. Но оснований для недоверия не было. Разве мог Такшонь дать в сопровождающие дочери ненадежного человека?

– Может, сказать нашим, чтобы брони вздели? – предложил Машег.

Духарев поглядел на небо. Нормальное небо, немножко пасмурное. До обеда еще стрелищ сорок проехать можно. Машег понял его взгляд неправильно:

– Хочешь по облакам судьбу прочесть? – спросил он серьезно.

Вот что значит репутация ведуна!

– Нашу судьбу в чужом небе не прочтешь, – отозвался воевода.

Но все же прислушался: что там интуиция говорит? Когда столько лет в походах, седалищное чутье обостряется невероятно. И не только седалищное.

«Что-то подханок наш слишком оживлен... – подумал Сергей. – Как будто ждет чего-то...»

Сразу вспомнилось, что на стоянках угры все время сторонились русов. Как будто получили команду не вступать с ними в контакты. Это было не похоже на поведение угров в крепости Такшоня. Когда выяснилось, что дьюла с киевским воеводой договорились по-хорошему, местные стали относиться к киевскому посольству с подчеркнутым дружелюбием.

– Добро, Машег, – согласился Духарев. – С Кухтой я перетолкую. А наши пусть взденут брони. Только незаметно.

– Можно и незаметно, – согласился Машег. – Вozy пылят, за пылью ничего не видно.

Духарев направился в авангард, к уграм.

Угорский боярин – красная шапка, красный кафтан, красные кисти на упряжи – осклабился во весь рот, словно близкого друга увидел.

Его ближние всадники посторонились, пропуская киевского воеводу.

– Что впереди? – спросил Духарев.

Толмач перетолмачил. Угр осклабился еще шире.

– Хан Кухт сказал: не беспокойся, рус! Хан позаботится о дочери Такшоня как о своей. Хан сказал: дочери дьюлы Такшоня, должно быть, скучно ехать с русами: даже поговорить не с кем. Веселей бы ей со своими ехать.

– Дочь дьюлы едет с нами, – отрезал Духарев. – И она не скучает: учит наш язык, чтобы беседовать со своим мужем без толмача. Я задал тебе вопрос: что впереди? Я хочу знать, хан, когда я увижу Дунай?

– Ты увидишь! – заверил хан. – Всё увидишь! Уже скоро! Завтра!

Духарев придержал коня, пропуская голову колонны. Ситуация ему не нравилась. Дороги он не знал. У него даже не было возможности контролировать общее направление: местность холмистая, дорога петляет, как пьяный заяц.

Юная княжна ехала в окружении русов. Верхом. Рядом, почти касаясь коленом ножки княжны, ехал Понятко.

Двадцатисемилетний красавец-варяг, сотник, любимец великого князя киевского, на взгляд Духарева, держался слишком близко от будущей великой княжны. И вел себя, по мнению воеводы, весьма легкомысленно. Любвеобильная душа Понятки взбуктовывалась при виде любой красивой женщины. Разве что с духаревской Сладиславой он вел себя пристойнее. Но тут особая статья.

Угорская княжна – тоже статья особая, но Понятко все одно заливался соловьем. В прямом смысле: щелкал и свистел, закладывая коленца не хуже пернатого певца. Княжна слушала благосклонно.

– Сотник! – немелодично рявкнул Духарев. – Ко мне!

Понятко мигом оборвал трель и поспешил к воеводе.

– Я ее князю везу, ты не забыл? – сурово произнес Сергей.

– Так я только повеселить ее хотел! – беззаботно отозвался Понятко. И тут же посерьезнел: – Случилось что, воевода?

– Может, и случилось. Машег пару отроков вперед послал – не вернулись.

– Давай я сам съезжу, – предложил Понятко. – Отстану, через вон тот взгорок переберусь и обгоню.

– Езжай, – согласился Духарев.

Понятко был отменным разведчиком, даже лучшим, чем хузары. Ложку изо рта у тебя вынет – не заметишь.

Понятко придержал коня, пропуская повозки, а Духарев поскакал вперед, догнал Трувора.

Рёрехов племянник ехал в первой тройке своей сотни. Слева – Рагух, справа – Бодай. Рагух и Бодай дискутировали, Трувор слушал. Тему для дискуссии ветераны выбрали весьма интересную: прикидывали, как и где можно расположить засаду, чтобы ударить по посольству. И сколько у врага должно быть воев, чтобы обеспечить гарантированную победу. Рагух считал, что при внезапном нападении можно найти местечко, где хватит и пары сотен хороших стрелков. Бодай с хузарином не соглашался. Мол, дружина у русов бронная, а колонна растянулась сильно. Так что при плотности один лучник на каждые два шага получится минимум четыре сотни. А иначе он, Рагух, непременно найдет местечко, где укрыться, и тогда...

– Трувор! – позвал Духарев. – Скажи своим молодцам, чтобы взяли под охрану княжну. Умрите, но она должна остаться живой.

– Накаркали! – воскликнул Бодай. – Кто нас полует? Копченые?

- Пока неясно, – честно ответил Духарев. – Чую, что-то неладно.
- А угры что?
- А уграм, гридь, у меня полной веры нет.
- Скверно, – вздохнул Бодай.

Как всякий опытный воин он терпеть не мог неопределенных ситуаций.

- Княжну Понятковы люди охраняют, – напомнил Трувор. – Их куда?
- Их – вперед. Пока Понятки нет, я сам их поведу.

Как ни высоко он ставил варяжскую молодежь, а все-таки в бою предпочитал более опытных киевских гридней.

Понятки все не было. Тревога Духарева усилилась. Он отправил Рагуха, немного разумеющего по-мадьярски, потолковать с уграми, прощупать обстановку.

Рагух вернулся ни с чем. Угорский сотник отнесся к хузарину довольно недружелюбно, а рядовые всадники, глядя на командира, тоже на контакт не пошли.

Духарев принял решение. Как только караван вышел на взгорок, с которого во все стороны было видно на пятьсот шагов, Сергей отдал своим команду: «Стой!»

Духаревские сотни дисциплинированно остановились. Угры продолжали двигаться. Они удалились почти на полкилометра, когда их вожаку наконец сообщили, что русы встали.

От подханка примчался посыл: что случилось?

Духарев отправил его без ответа.

Через десять минут примчался сам подханок Кухт. Рожа малиновая, глаза бешеные.

За это время сотни Духарева успели перестроиться. Внутри, вокруг княжны – спешившиеся варяги. Вторым кругом – гридни Понятковой сотни. А хузары Машега, напротив, рассеялись вокруг, держась небольшими группками по два-три всадника.

– Что такое, рус? Почему встали?! – выпучив глаза, закричал Кухт.

Толмач отстал, но сказанное было понятно и без толмача.

Духарев подал коня вперед, наехал на подханка, глянул на него сверху вниз.

- Захотелось, – процедил он.
- Я велю немедленно ехать! – закричал Кухт на плохом печенежском.
- А я велю стоять, – спокойно ответил Духарев.
- Я говорю – ты делаешь!

Духарев покачал головой.

– Я тебя заставлю! – брызжа слюной завопил подханок.

Плеть Духарева мелькнула в воздухе, и на физиономии угра образовался багровый рубец. Духареву давно хотелось это сделать, и он решил, что может не отказывать себе в такой малости. Хлестнул легонько. Ударь посильнее – до зубов бы угро щеку просек.

Подханок взвыл, схватился за саблю... И обнаружил, что гридни киевского воеводы как-то незаметно оттеснили его угров, и теперь вокруг Кухта одни враги.

Тут, как раз вовремя, в круг протиснулся толмач. Его пропустили.

– Ты посмел ударить меня! – по-мадьярски прошипел подханок.

– Ты меня оскорбил, – жестко произнес Духарев. – Никто не говорит мне: я тебя заставлю, даже мой князь. А ты – никто. Ты – навоз под копытами моего коня. Я позволил тебе быть моим проводником, но ты должен знать свое место, холоп угорского хакана!

– Я не холоп! – бешено закричал Кухт. – За такие слова жизнью отвечают!

– Ты сказал, – констатировал Духарев. – Мы слышали. Как будем биться: пеше или верхом?

Подханка словно ледяной водой окатило: сообразил, что киевский воевода его спровоцировал. Но деться некуда: угрозу все слышали, а за такие слова принято отвечать.

Русы подались в стороны, пропуская мадьярских всадников в круг. Те тоже слышали заявление командира. Воевода русов принял вызов. Теперь поединок между начальниками – их личное дело. Запретить его могли только те, кому дуэлянты присягали на верность. Но ни князя киевского, ни дьюлы угорского здесь не было.

– Конно, – буркнул подханок.

Сергей кивнул.

Вооружение у них было примерно одинаковое. У Духарева доспехи и оружие лучше, но не настолько, чтобы он получил явное преимущество.

– Биться будем там! – Кухт махнул рукой в сторону лежавшей справа от дороги пустоши, покрытой выгоревшей травой и мелкими кустиками.

Сразу за пустошью начиналась гряда холмов, но сама она идеально подходила для конной дуэли.

– Годится, – кивнул Сергей, и подханок тут же поскакал к дальнему краю пустоши.

За начальником, соблюдая дистанцию, порысили его ближние воины.

Духарев привстал на стремянах, огляделся: его гридни стояли как

надо. Где же, черт его дери, Понятко?

К воеводе подъехал Машег.

– Если ты хотел его убить, приказал бы мне, – укорил он. – Ты же воевода!

– Не жадничай, – улыбнулся Духарев. – Вот убьет меня, тогда и тебе достанется.

– Не шути так! – строго произнес Машег.

– Да ладно! Вот то, что Понятки все еще нет, меня действительно беспокоит.

– Да не волнуйся. Нет его, значит, далеко уехал.

– А твои отроки?

– Они живы.

– Вернулись? Что ж ты молчишь! – воскликнул Духарев.

– Нет, еще нет.

– Откуда ты тогда знаешь, что они живы?

– Я Бога спросил, – очень серьезно сказал Машег. – Бог ответил.

– Так прямо и сказал? – изумился Духарев.

– Серегей! – укоризненно произнес Машег. – Божье Слово сердцем слышат!

Духарев удержался, промолчал. Обижать Машега ему совсем не хотелось.

Они приближались к боевому рубежу. Примерно в трех сотнях шагов застыл крохотный одинокий всадник: хан Кухт.

– Отъезжай, – сказал он другу. – Еще ненароком стрелой заденет.

Машег пренебрежительно фыркнул, но отстал. Дуэль есть дуэль. Один на один.

Солнце стояло высоко. Пахло горячей травой и конским потом. В блеклом небе кружились черные птицы, обычные спутники воинов.

Духарев взял лук, расстегнул колчан, сдвинул его поудобнее, вытянул три бронебойные, с гранеными наконечниками. Одну – наложил, две – прижал мизинцем. Эх, ветерок неприятный, встречный. Хоть слабенький, но порывистый. Надо полагать, именно поэтому подханок решил занять дальнюю позицию.

Противник ждал. Духарев видел, что он тоже приготовился. Угры – отменные стрелки, надо быть начеку. Сергей легонько послал коня вперед. Пепел, настоящий боевой конь, чувствующий каждое движение-желание хозяина, взял коротким галопом. Именно так, как надо.

Духарев поднял лук...

Угр выстрелил первым. Метнул сразу три стрелы. Духарев – только

одну. Он не видел, куда она ушла. Попал бы – увидел. Угр тоже промахнулся. Три его стрелы прошли намного выше головы Духарева.

И тут хан развернулся и поскакал к холмам. Это что за фокусы?

Духарев еще удивлялся, но его колени уже послали коня в намет. Конь у Сергея был лучше, чем у Кухты, но Пеплу приходилось труднее: его всадник весил намного больше подханка.

Расстояние не сокращалось. Стрелять бессмысленно: только стрелы тратить.

Духарев промчался мимо секундантов угра, сбившихся в кучу. Видимо, поведение начальника их тоже озадачило. Но когда десятка три духаревских хузар поскакали за своим воеводой, угры тоже пустились вслед за подханком...

Кухт достиг склона холма – крутого, неровного и каменистого – и поехал тише. Если он хотел получить преимущество высоты, теперь самое время остановиться и закидать Духарева стрелами.

Но хан не остановился.

Пепел летел птицей. Дистанция между дуэлянтами быстро сокращалась. У начала склона Духарев придержал коня (его противник как раз достиг вершины) и выстрелил. Проклятый ветер увел стрелу, а хан исчез из поля зрения.

Духарев прыгнул на землю и бегом устремился вверх. Не хотелось изнурять коня. К тому же если Кухт решил подбить Духарева, когда тот перевалит через холм, угра ждет небольшой сюрприз. Сергей бежал, обученный Пепел рысил рядом, не отставая и не обгоняя.

Угр не ждал его с наложенной стрелой. За этим холмом поднимался следующий и Кухт въезжал на соседний склон... Уже слишком далеко для прицельного выстрела.

Духарев прыгнул в седло...

За спиной у него захрустел гравий. На лысый холм въехал Машег. Конь хузарина дышал ровно и мощно. И не скажешь, что вверх скакал.

– Стой!

– Стою! – Духарев повернулся к хузарину. – В чем дело?

– Заманивает, – быстро сказал Машег.

– Откуда знаешь?

– Так видно же! – и вдруг схватил Духарева за руку. – Туда гляди!

Духарев повернулся в указанном направлении, ожидая увидеть вражескую армию, но увидел одинокого всадника с заводной лошастью. Духарев прищурился...

Но тут раздался пронзительный свист. И по свисту Духарев сразу

признал Понятку, который привстал на стременах, махнул руками: стой!

– Там их сотен пять или около того, – рассказывал Понятко. – Твоих, Машег, отроков повязали, но не убили. Держат. Копченных с полсотни, остальные угры. Главный – тоже угр. Зовут Иглегчу...

– Иг Лехчу, – угрюмо поправил оставшийся с посольством мадьярский сотник и добавил что-то на смеси мадьярского и печенежского.

После бегства подханка угорская часть конвоя сократилась на две трети: двое других сотников сразу увели своих людей. Духарев не успел их остановить. Да и не смог бы, не применяя силы. То были воины из рода Кухта, который, как выяснилось, действительно на треть печенег. Дед его повздорил с лидером племени и откочевал к уграм.

– Иг – это по-ихнему вождь, – пояснил «полиглот» Рагух. – Глава рода.

– А как ты узнал про этого Легчу? – заинтересовался Трувор.

– Да просто. Копченого одного тихонечко уволок, – пояснил Понятко. – Поспрашивал маленько – и узнал.

Машег одобрительно кивнул. Когда-то он сам натаскивал Понятку на степную «охоту». И чувствовал законную гордость, когда молодой сотник по открытой местности «просто» подбирается к вражескому лагерю и «просто» берет языка, причем подбирает не угра (потому что по-угорски почти не говорит), а печенега.

– Ждут нас со вчерашнего. От нашего подханка к ним каждый день посылы бегали. Чего их хану надо, копченный не знает. И почему подханок решил нас сдать, тоже не знает.

– Я знаю, – сказал угорский сотник. – Дед Лехчу его деда в свой род принял.

Он еще что-то пытался объяснить, но у Духарева не было настроения вникать в игры мадьярских «босяков»^[51].

– Значит так, – сказал он. – Пока они там чухаются, мы отходим назад, к колодцу, и встаем в оборону. Переведи ему, Рагух, – Сергей кивнул на сотника-угра. – Скажи, пусть пошлет вестников к хакану Такшоню или кому поближе, он сам разберется.

Сотник выслушал. И сообщил, что вестники уже в пути. Только ранее, чем через неделю, помощи ждать не стоит, а за неделю Лехчу и его людей, и русов наверняка перебьет. Но драться все равно придется, потому что если они сдадутся, то их тоже прикончат: либо Лехчу, либо возмущенный их трусостью Такшонь. А отступить к колодцу они не успеют. До колодца три тысячи шагов, а у них повозки. Повозки катятся медленно, всадники Лехчу скажут быстро.

– Замечание принято, – кивнул Духарев. – Твоя задача – наладить отход. Приступай!

Сотник без лишних слов бросился выполнять приказ.

– Машег, бери своих и отправляйся навстречу этому Лехчу. Твоя задача, чтобы его всадники скакали не слишком быстро. Вперед!

– Ты остаешься! – притормозил Духарев Рагуха, нацелившегося за Машегом. – Ты мне нужен здесь. Потому что здесь, – он махнул рукой туда, где дорога сужалась, стиснутая двумя осыпями, – их будем ждать мы.

– Копченых много, Серегей! Хочешь драться? – с сомнением проговорил Понятко.

– Нет, братишка, драться мы не будем. Нет у меня желания подкормить вами этих славных птичек, – Духарев показал на ворон. – Если Иг Лехчу все-таки прибудет слишком быстро, мы вступим с ним в переговоры. Мне жутко интересно узнать, что ему надо.

В отличие от других, он видел приданое, выделенное папашей Такшонем дочери. Слишком мало, чтобы, плюнув на недвижимость, отправиться в далекие края. А отправиться придется, потому что дьюла такого безобразия не простит.

– А если мы не договоримся, – продолжал он, – то быстренько отступим назад. На свежих лошадях уйдем легко. А Трувор тем временем как раз наладит оборону. Рагух, скажи угру, что его люди могут отдохнуть, пока эта тень не переместится вот сюда.

Рагух перевел, сотник поглядел на отметку, сделанную на земле Духаревым, и заспорил.

Рагух засмеялся, выдал длинную реплику, похлопал угра по плечу. Угр с сомнением покачал головой, но отправился отдавать соответствующие распоряжения.

– Что ты ему сказал? – спросил Духарев.

– Сказал, что он не знает, что такое белые хузары моего друга Машега, а ты, воевода, очень осторожен. На самом деле у нас вдвое больше времени...

Глава тринадцатая

Предательство (продолжение)

Подханок был убит. Лично Машег вогнал ему стрелу в глаз с трехсот шагов. Меткость этого хузарина вызывала даже у его соплеменников суеверный страх. Магометане хакана Йосыпа на скаку выхватывали из

травы кончиком пики колечко с привязанной к нему белой ленточкой. Наконечник стрелы Машега находил это кольцо за двести метров. На таком расстоянии Духарев даже разглядеть это колечко не мог. Машег, правда, колечко видел. С такими глазами можно с балкона восьмого этажа читать лежащую на асфальте газету. Но дело было не только в зрении. Там, где Машег попадал в колечко (правда, только *своей* стрелой и из *своего* лука), Духарев не всегда попадал в ростовую мишень, хотя считался хорошим стрелком даже по степным меркам. Наверное, эта сверхъестественная меткость была наследственным качеством. Те дружинники-хузары, которые стреляли лучше других, были дальними родственниками Машега и тоже потомками воинов-степняков в...надцатом поколении. Всезнающий Артак рассказывал Духареву, что предки нынешних хузар с боем добыли себе место под степным солнцем чуть ли не у самих легендарных хунну, о воинственности и свирепости которых знал даже не шибко эрудированный в истории Духарев. По фильму «Аттила».

В общем, необходимости во втором «заслоне» не возникло. Машег пристрелил хана Кухта. Кухтовы обиженные родичи тут же бросились в погоню и напоролись на засаду из сотни затаившихся хузар. Полсотни преследователей тут же отправились вслед за своим ханом, а остальные – под защиту Иг Лехчу, вопя о несметных вражеских полчищах. Лехчу сделал поправку на испуг, предположил численность противника сотни в три-четыре и решил, что русы и оставшиеся с ними угры зашли ему во фланг. С подобающими осторожностями он вышел к месту засады, но обнаружил всего лишь несколько десятков трупов, из которых убийцы хозяйственно вырезали стрелы. Лехчу послал десяток легких всадников дальше... И живыми их больше не увидел. Увидев же их мертвыми, наконец вспомнил об осторожности, и следующие дозоры отправились на поиски не напрямик, а с учетом специфики местности. Лехчу же возвратился в свой лагерь... Где и обнаружил противника, всюю атаковавшего оставленную при кибитках охрану. Увидев войска Лехчу, противник поспешно отступил за холмы. Поскольку традиционная военная тактика степняков (и угров в том числе): напасть, затем отступить, увлекая преследователей туда, где ждет засада, Лехчу преследовать нападавших не стал. Он дождался возвращения дозорных (никого не обнаруживших) и двинулся трактом по направлению к горам, справедливо рассудив, что обоз, состоявший из обычных повозок, никуда с дороги не денется. Несколько километров, отделявших Лехчу от места, где покойный Кухт огреб плеткой по морде, оказались довольно трудными. Угров раз пять обстреляли (не нанеся существенного урона) и один раз закидали камнями (тоже не

причинив особого вреда).

Но когда эти километры наконец оказались пройденными, Лехчу не нашел ни обоза, ни русов. Выждав положенное время, Духарев покинул вторую линию обороны и отступил к колодцу.

Воины Лехчу появились там три часа спустя.

– Мне не нужен этот скарб, – перевел толмач. – Можешь забрать его себе, рус, или вернуть князю Такшоню, как пожелаешь. Мне нужна только девушка. Она мне так дорога, что я готов взять ее безо всякого приданого. Я ее люблю, а она любит меня. Отдай мне девушку – и езжай куда хочешь.

Духарев с некоторым удивлением поглядел на Лехчу. Он уже давно вышел из того возраста, когда верят в романтические истории о великой любви принцессы и ее избранника, коей всячески припятствует нехороший принцессин папашка. Кроме того, мордастый вислоносый Лехчу слабо соответствовал образу прекрасного избранника пятнадцатилетней девушки. Но, как говорится, любовь зла, и козлы этим пользуются.

А у данного «козла» имелся вдобавок весомый аргумент: полтысячи всадников. Впрочем, под началом Духарева было немногим меньше. Почти три сотни (включая угров Такшоня) – в лагере, и сотня хузар, державшихся в отдалении и готовых ударить врагу в спину, если тот решится штурмовать составленный из перевернутых повозок оборотнительный периметр.

Драться не хотелось. Угры Лехчу – не ополчение, волчары еще те. И стрел у них в достатке, и пики острые. Укрываться же за кибитками еще лучше, чем за возами. Если дело дойдет до драки, многие из духаревских гридней никогда не увидят Киева. Может, отдать ему девушку? Тем более если у них любовь... А Такшонь сам виноват. Это его воевода оказался предателем... Значит, ответственность за княжну с Духарева снимается. Да и зачем Святославу невеста, влюбленная в другого?

«Отдам», – решил он. Очень уж ему не хотелось, чтобы его... его дружинники погибли в какой-то бесславной стычке непонятно за что.

– У него в плену двое моих воев, – сказал Духарев. – Пусть вернет.

Толмач перевел. Лехчу ответил.

– Их отпустят, – сообщил толмач. – Ты согласен?

– Скажи своему хозяину: я должен подумать! – объявил Духарев.

Княжну устроили в самом центре лагеря, на коврике. Вокруг, оградив ее щитами, стояли варяги Трувора.

Духарев присел на корточки. Княжна смотрела на него доверчиво, с надеждой. Ни следа аристократического высокомерия не было в этой

девочке, а была готовность принять любую судьбу, уготованную ей старшими: отцом, который отдавал ее навсегда даже не в чужую семью, в чужую страну; воеводой, которого она впервые увидела неделю назад...

– Объясните ей: хан Кухт привел нас в засаду к Иг Лехчу, ее возлюбленному. Иг Лехчу хочет взять ее в жены, и войско у него сильнее, чем у нас. Если она согласна, я отдам ее Иг Лехчу.

Понятко и Рагух совместными усилиями довели сказанное до сознания сотника-угра, а тот, в свою очередь, мрачно изложил ситуацию девочке.

Глаза юной княжны наполнились слезами. Помедлив, она кивнула...

– Вот и хорошо, – сказал Духарев.

И остался на месте. Что-то было не так. Непохоже, чтобы девочка плакала от счастья. Скорее, наоборот. Может, она боится гнева отца... Или Лехчу соврал насчет любви?

– Спросите ее: действительно ли она любит Иг Лехчу и хочет за него замуж?

Девочка выслушала, прошептала несколько фраз.

– Она его не любит, – сообщил Понятко. – Она говорит: у Лехчу год назад умерла жена, и этой зимой он приезжал к её отцу свататься. Отец спросил ее, хочет ли она за Лехчу, она сказала «нет», и отец отправил Лехчу восвояси. Но отец, скорее всего, все равно отказал бы Лехчу, потому что тот им не ровня.

Тут подал голос угр-сотник. Суть его высказывания была такова: а) Лехчу уже взял жену, дочь печенежского хана; б) лично он, сотник, все равно будет драться с Лехчу, потому что пусть лучше его убьет Лехчу, чем Такшонь; в) княжну лучше зарезать, потому что Лехчу, скорее всего, попользуется ею, а затем отдаст ее ромеям как заложницу.

Духарев думал. Сотнику он доверял примерно так же, как Лехчу.

Снова заговорила княжна.

– Она говорит: Лехчу все равно возьмет ее. Она не хочет, чтобы нас убили. Еще просит не убивать ее.

– Скажи: никто ее убивать не собирается! – сердито бросил Духарев. – А насчет «все равно возьмет» это мы еще посмотрим!

Сергей поднялся, поглядел на своих воинов... Ну да, он может пожертвовать одной жизнью, чтобы сохранить многих.

Но ни хрена! Не станет он выкупать свою жизнь и жизни своих парней такой ценой. Они – воины. Драться и умирать – их профессия. Драться и умирать, защищая вот эту доверенную им девочку.

– Ну, что смотришь, сотник? – бросил он кривящему физиономию Понятке. – Не нравлюсь?

– Не по Правде это, воевода! Не по чести! – дерзко заявил сотник. – Нельзя ее отдавать! Вот и Трувор тебе скажет!

Трувор мрачно кивнул. Сопляки! «Не по чести!»

– А кто вам сказал, что я собираюсь ее отдавать? – осведомился Духарев. – Ну-ка... – Он оперся на плечо Понятки и вспрыгнул на борт перевернутого воза.

Лехчу ждал ответа. С ним рядом гарцевали человек двадцать. Остальные угры неорганизованной массой теснились шагах в сорока. Многие спешили. Чего бояться? Их ведь было раза в два больше, чем укрывшихся за возами дружинников Духарева.

Позади ослабившего бдительность войска Лехчу стояли кибитки.

Хузары Машега держались поодаль, стрелищах в полутора.

– Честь... – пробормотал он, глядя на просветлевшие физиономии своих сотников. – Есть вещи подороже чести... Сейчас я пойду и сообщу Лехчу неприятную новость. Рагух, Понятко, вы пойдете со мной. И подберите еще дюжину гридней, особенно искусных в рубке.

– Думаешь, он нападет на тебя, когда услышит отказ? – спросил Рагух. – Он не кажется мне настолько храбрым...

– Не он, – сказал Духарев. – Я. Я прикончу его. Вы не дадите его воям вмешаться. А твои парни, – сказал он Трувору, – как только я начну, должны выскочить из-за повозок, добежать до угров и рубить их в капусту. А сотнику угорскому растолкуйте, что он со своими должен поддержать вас стрелами. Тут близко, можно бить прицельно.

Рагух перевел сказанное сотнику-угру. Мрачный, как самурай перед харакири, сотник ожил. И с ходу засомневался: как это *пешие* варяги будут сражаться со всадниками? Невозможно это!

– Еще как возможно! – заверил Рагух. – Скоро сам увидишь!

Сотник хмыкнул, но тему закрыл. Эти удивительные русы... Все у них не так. Но храбрости им не занимать.

– Она не любит тебя! – заявил Духарев. – Ты солгал мне, *удворник*!

«Удворник» – так при нем обращались к своим смердам угры познатнее.

Иг Лехчу оскорбился, аж усы встопорщились. Он побагровел, схватился за саблю и открыл рот для подобающей тирады... Между Сергеем и Лехчу было метра три. Будь у Духарева в руках меч, угр действовал бы проворнее, но Сергей сознательно держал на виду пустые ладони, а Лехчу не учел, какие длинные руки у киевского воеводы. Лехчу еще набирал в грудь воздух, еще тянул из ножен саблю, а рука руса уже

полетела к нему. Угр даже не отшатнулся: не бывает рук трехметровой длины. Точно не бывает. Но ремешок кистеня, выскочившего из рукава руса, компенсировал недостающий метр.

Стальное ядрышко угодило угру повыше брови. Череп выдержал, но правый глаз выскочил из орбиты, а сам Лехчу завалился назад.

Секундное замешательство его охранников стоило им жизни. До пояса развалил человеческое тулово харалужный клинок Бодая, сразу двоих прошила пущенная в упор стрела Рагуха. По-волчьи надрывно взвыл Понятко, пугая угорских коней, ударил крест-накрест сразу по двум коричневым шеям, весь кровью забрызгался...

Ближников Лехчу посекали в считанные мгновения. И в эти же мгновения варяги Трувора перемахнули через повозки и с разбега, «клином», ударили в толпу воинов Лехчу. Те были настолько ошарашены нетрадиционной атакой пехоты, что замешкались и не успели ни встретить набегающих русов стрелами, ни толком построиться. Варяги врубались в эту толпу, на которую за несколько мгновений до этого сверху, навесом, упали сотни стрел. Те угры Лехчу, которые не были связаны боем, попытались отойти на дистанцию, удобную для легкой конницы, но наткнулись на собственные кибитки...

А тем временем подросли хузары, и слова еще не родившегося классика «смешались в кучу кони, люди...» стали вполне применимы к осиротевшему воинству племенного вождя Лехчу. Невозможно даже представить ситуацию, тактически менее удачную для легкой кавалерии.

Те угры, которым удалось вырваться на оперативный простор, даже не помышляли о реванше, а, припав к гривам коней, смело устремлялись наутек. Их никто не преследовал, так что примерно трети удалось уйти. Еще треть сдалась на милость победителя. Победитель был милостив: пленных по установленному Духаревым обычаю раздели до подштанников и отпустили. Иг Лехчу мог бы наблюдать это милосердие уцелевшим глазом (удар Духарева был не смертелен), но сохранивший верность Такшоню сотник-угр в сумятице боя улучил момент и перерезал Лехчу горло. Возможно, этого делать не стоило: трофеи победителей были невелики, а родичи наверняка заплатили бы за своего вождя приличный выкуп.

Тем не менее сотника никто не укорил. И разумеется, никто не укорил Духарева за то, как он «не по-рыцарски» набросился на Лехчу. Наоборот, все, включая юную княжну, смотрели на него с восхищением. И выпавший глаз Лехчу ему никогда не снился. Сергею вообще редко снились эпизоды из *этой* жизни...

Убитых русов (их было совсем немного) похоронили, раненых погрузили на возы и трофейные кибитки и двинулись дальше. Мертвых врагов закапывать не стали. Пусть этим занимаются соплеменники. Глядишь, и желания отомстить за разгром поубавится.

Схватка с Иг Лехчу была самым серьезным событием на обратном пути посольства. Больше Духарев не потерял ни одного человека, если не считать троих раненых, умерших по дороге.

В Киев они прибыли в конце сентября. Как раз к окончанию сбора урожая – традиционному времени свадеб. Конечно, это были простонародные традиции, киевская знать играла свадьбы, когда вздумается. Но то, что князь сочетался браком одновременно с сотнями своих данников, было воспринято как благоприятный знак.

Юную княжну в Киеве приняли доброжелательно. Князю она понравилась, матери его – тоже. И даже Свенельд, хмыкнув, одобрил выбор Духарева: союз с главным угорским князем сулил большие перспективы, чем продолжение вражды.

Как верно отметил Такшонь, всех лучших данников из числа уличей и тиверцев практичный князь-воевода уже подгрел под себя.

Угорского княжича отпустили домой. С подарками. Духарев тоже был обласкан и одарен и Святославом, и Ольгой. Но нашёлся в Киеве человек, которому дипломатическая акция Сергея принесла настоящее горе.

Глава четырнадцатая

Ключница

Из Детинца Духарев уехал пораньше. Слада просила заглянуть в оброчную деревеньку Камышовку, у старосты которой возникли кое-какие территориальные проблемы. По соседству с Камышовкой недавно поставил свои знамена боярин Шишка. Поставил и поставил. Земля княжья, кому хочет, тому и дарит. Но, по утверждению старосты, боярский тиун взял да и сдвинул знамена, отхватив кусок общинной земли.

В суть дела Духарев особо вникать не стал: на месте разберется. Камышовский староста наверняка мужик честный, ловкача ни Слада, ни община терпеть бы не стали. Теперь надо поглядеть на Шишкина тиуна: если жулик – надавать по сусалам, если порядочный – разобраться, кто и что напутал. Для солидности Духарев возьмет с собой десяток собственных гридней. Не впутывать же княжых в сугубо частное дело!

По пути встретились Духареву двое нурманских «гостей»: поприветствовали почтительно, уступили дорогу. Вот так-то, господа викинги! Прошло то время, когда вы могли безобразничать на нашей земле. Теперь с вами разговор простой: или вы с нами – против общего врага, или – проваливайте в свои фьёрды. А кому не нравится, можно и в Валхаллу наладить.

Впрочем, у него самого в дружине – десятка три природных скандинавов: нурманов и свеев. Причем половина – с бритыми подбородками и варяжскими усами.

Ближе к северу, в Плескове и Новгороде, нурманы, конечно, ведут себя понаглее. Но новгородцы живут по своему уставу: для торговых «гостей» – хлеб, соль, пиво и налоговые скидки. И каждый «конец»^[52] одеяло на себя тянет. Своеобразный город – Новгород. Своевольный. Не поймешь, то ли он под киевским князем, то ли сам по себе. То к нурманам подольстится, то к Роговолту полоцкому. И к ногтю новгородцев не прижать: во-первых, далеко, во-вторых, у княгини Ольги в Новгороде и Плескове – родня или типа того. Целые флотилии новгородские по Днепру мимо Киева беспошлинно идут. Братец Мышата постоянно ворчит, что от новгородцев ему сплошные убытки. Цены на русский товар сбивают.

А вот и дом родной! У ворот Духарев отпустил сопровождавших его отроков из княжьей дружины. Во дворе его ждали собственные гридни – варяги Трувора. И в ожидании, разумеется, бездельничали: приставали к челядинкам, спаивали мишку, который вот уже год как сидел на короткой цепи, поскольку заматерел, обнаглел и слушался только старого Рёреха, а всех остальных норовил подрать. Но медовуху любил до полной потери самоуважения.

Увидав воеводу, молодежь встрепенулась, но Духарев отмахнулся: погодите пока; спешил, бросил поводья подскочившему холопу, велел, чтобы ему поседлали Метель, белую кобылу-трехлетку.

Пока Духарев отдавал распоряжения, из дома, прикрывая лицо, выскользнула женщина. Она попыталась незаметно прошмыгнуть мимо гридней, но те тут же устроили потеху: взяли её в кружок. Рук, разумеется, никто не распускал, так, дурачились.

Бедняжка потыкалась туда-сюда, вскрикнула сердито и жалобно:

– Пропустите сейчас же!

Гридни загоготали: весело им.

– Эт-то что такое?! – в дверях, подбоченясь, стояла Сладислава.

Гриднев кружок мгновенно рассыпался. Женщина опрометью бросилась к воротам. Когда пробежала мимо Сергея, нечаянно споткнулась.

Духарев поймал ее за локоть; платок, которым она прикрывалась, сдвинулся, и Духарев увидел юное заплаканное личико... И сразу признал Милёну, ключницу Святослава.

Слада между тем выговаривала гридням:

– ...в последний раз предупреждаю! Особенно тебя, Велим! Еще раз увижу – всех за ворота! Озоровать на Подол идите, к девкам распоясанным!

Духарев внутренне веселился, наблюдая, как его маленькая жена строит здоровенных варягов, но самим варягам смешно не было. Они боялись язычка Сладиславы едва ли не больше, чем тяжелой десницы своего воеводы. Ну и уважали ее, конечно. Было, за что.

– Прости их, Сладушка, – вступился за своих гридней Духарев. – Они поняли.

И увлек жену в дом.

– Покушаешь, Сережа?

– Спасибо, родная, я у князя трапезничал. Ключница княжья к тебе зачем приходила?

Ласковая улыбка сбежала с ее лица.

– Узнал, значит, – ответила Слада, – то не мужское дело.

– Я так не думаю, – сказал Духарев. – Милёна не простая холопка. И когда она, зареванная, выбегает из моего дома, я должен знать причину. Все, что касается тебя, касается и меня.

– Ладно, – согласилась Сладислава. – Пойдем наверх, я тебе расскажу.

– Ты хочешь знать, кто виноват в том, что девка плакала? – строго спросила Слада.

– Хочу.

– Ты виноват!

– Поклеп! – мгновенно отреагировал Духарев. – Никогда ее не обижал! И ничего такого у нас не было.

Слада улыбнулась, но как-то нерадостно.

– Ой, не про то думаешь, муж мой грозный! Я и так знаю, что она – Святослава любовница, а не твоя. Об этом в Киеве только глухой не знает. Я сказала, что ты – причина ее горя. Потому что ты привез Святославу в жены княжну-мадьярку.

– Ну и что? – удивился Духарев. – Неужто эта дурочка думала, что князь возьмет в жены ее, холопку?

– Она его любит, – просто ответила Слада. – И, наверное, надеялась... Может, князь ей что-то обещал, может, княгиня...

– Может быть. Зачем она приходила к тебе?

– Плод вытравить, – сказала Слада. – Я ведь лекарка.

– И ты... что?

– Я сказала: нет. Она непраздна от князя, не ей одной решать, сохранить дитя или нет. И поздно уже. Плохое может случиться.

– А что княгиня? С ней она не говорила?

– Нет. Страшно ей, Сережа. И мне ее жалко. А как помочь, не знаю. Может, мне самой с княгиней поговорить? Примет она меня, как думаешь?

– Примет. Но говорить буду я. И не с княгиней, а со Святославом. А пока... – Он выглянул в окошко и крикнул: «Велим! Бегом сюда!»

Через десять секунд гридень стоял перед ним. Судя по выражению лица, ждал страшного разнosa.

– Поручение у меня к тебе, – сказал Духарев. – Большой важности. Раскаяние мигom исчезло. Парень тут же надулся от гордости.

– Запомнил девушку, которая только что отсюда выбежала?

– Лица не видал, но так узнаю.

– Это княжья ключница Милёна, – сказал Духарев. – Об этом – никому. И о том, что увидишь и сделаешь, – тоже никому.

– Перуном клянусь! – быстро ответил гридень.

– Хорошо. Ты найдешь ее и проследишь. Она тебя видеть не должна, ты ей покажешься только в одном случае: если она придет к повитухе или знахарке, или еще кому, кто... – Духарев замялся.

– Плод вытравить? – подсказал Велим.

Догадлив, однако.

– Именно. Если такое увидишь, возьмешь девку, только аккуратно, и доставишь сюда, вот к ней, – Духарев кивнул на Сладу. – Сделаешь?

– Не сомневайся, воевода!

– Десятнику скажешь: я тебе поручение дал, и все. Какое, не говори.

– Ясное дело!

– Ступай, не теряй времени!

Гридень стрелой вылетел из комнаты.

– Я прав? – спросил Духарев у Слады.

– Ты молодец! – она потянулась и поцеловала его в губы. – Ты всегда прав, мой желанный!

– А вот на это у нас сейчас времени нет! – вздохнул Духарев. – Надо обратно в Детинец ехать, с князем говорить.

– И что ты ему скажешь?

– Соображу по ходу дела. Я в этом ничего трудного не вижу. Захочет – оставит ее при себе наложницей. Девка красивая, толковая, исправная. От мадьярки по хозяйству пока толку немного будет: она ведь даже по-нашему

почти не говорит.

– На ложе это не так важно, – улыбнулась Слада. – И рожать тоже не мешает. В Камышовку ты сегодня не поедешь?

– Не знаю. Может, и успею.

– Хорошо, если успеешь. Тамошнему старосте одному с боярским тиуном не совладать.

– Не беспокойся. Я съезжу. Если тебе сказали правду, я этого Шишкина тиуна вниз головой в землю закопаю.

Святослава Духарев в Детинце не застал, князь уехал на ловитвы. По опыту Сергей знал: княжья охота может и на неделю затянуться. Значит, с разговором придется повременить. Может, и к лучшему. И Духарев отправился в Камышовку.

Глава пятнадцатая, ***в которой воевода Сергей чуть было не угодил в поруб***

– Этот лужок исконно нашего рода был, – степенно говорил староста, кряжистый дедок с белой бородой и бледной лысиной. Шапку дед снял из уважения к воеводе. – А там, под взгорком, земля раньше ничья была: кто хошь, тот и косит. Теперь вот княжья стала. Но ежели князю надобно, то мы не спорим...

– Еще бы ты спорил, смерд, – вполголоса проговорил кто-то из гридней.

– ...Мы миром так рассудили, – продолжал староста. – Коли князю надобно, мы согласные. Князь нас от полевиков бережет, верно говорю, родичи?

Родичи, дюжины три мужичков, приходящихся деду кто сыном, кто внуком, кто племянником, дружно закивали.

– А лужок этот наш, и всегда был наш, а знамено это вот не тут, а тама быть должно! А бог наш вона там был, под тем дубком, а его в ночах сюда переташшили.

«Знамено» – кривоватый шест с грязным лоскутом – торчало из земли непосредственно перед Духаревым.

«Богом» был пузатый деревянный урод в потеках и трещинах.

– Под тем дубком, говоришь? Ну-ка проверь! – быстро скомандовал Духарев ближнему гридню.

Тот лихо рванул с места, в секунду домчал до указанного дубка,

поглядел, свесившись с седла, – и назад.

– Не врет, воевода, – доложил он. – Ямка там присыпана и резаным дерном прикрыта.

– Ну-ну... – тихонько пробормотал Духарев. Картинка вырисовывалась. – За тиуном боярским послали, как я велел? – строго спросил он старосту.

– Малец к нему бегал, – ответил староста.

– Малец... – Духарев хмыкнул. – Малец. И где он?

– Малец-то?

– Тиун! – рявкнул Духарев.

– А тиун сказал, не придет, – сообщил староста. – Сказал, боярину его эта земля самой княгиней дана. Пушшай обиженные княгине челом бьют.

– Значит, княгине... – проговорил Духарев, медленно наливаясь гневом. – Десятник! Ну-ка живо его ко мне!

– Мигом, батька!

– Господин, погоди! – закричал староста.

– Что такое? – гневно сдвинул брови Духарев.

– Он, эта, не дастся! – сообщил староста. – При нем тоже вои, таки страхолюдны... – Староста сделал неопределенный жест. – А твои – молоденьки, дык, не побили б!

Взгляд воеводы, обращенный на старосту, помягчел: ай да дедок! О его варягах обеспокоился. «Молоденьки» – это он прав. Даже у десятника щеки гладкие. Эх, дедушка! Видел бы ты этих *молоденьких* в деле!

«Молоденькие» тоже развеселились, предвкушая потеху.

– Добро, дед! Молодец, что сказал! – похвалил Духарев. – И много их, этих страхолюдных?

– Да, может, с десятков.

– Понятно. Десятник, возьми двоих, и тиуна этого – сюда! Дед, дай кого-нибудь – пусть дорогу покажет. Десятник!

– Я, батька!

– Вы там полегче, без смертоубийства.

– А ежели нас бить начнут? – озаботился десятник. – Жалеть?

– Тогда рубите, – разрешил Духарев. – Виру я за вас заплачу!

– Добро! – Десятник сразу повеселел. – Ты, смерд, за стремя возмись! – велел он выделенному общиной проводнику. – За мной, братья! Мы мигом, батька!

Обернулись действительно быстро. Получаса не прошло.

Приехали легкой рысью, все трое, даже с прибытком: через холку десятникова коня был перекинут человек.

Еще один бежал за последним гриднем. Бегущий был тучен и немолод, но проворно перебирал ногами, потому что от шеи его тянулся к седлу гридня волосяной аркан.

«Понахватались степных повадок», – подумал Духарев.
Последним топал общинник-проводник.

Десятник лихо осадил коня перед Духаревым, спихнул «поклажу». Пленник кулем свалился под ноги духаревской Метели и яростно замычал. Рот его был заткнут тряпкой, руки и ноги связаны, а рожа слегка попорчена.

У десятника тоже была губа разбита. Оч-чень интересное повреждение для вооруженного человека.

– Драться полез, – сообщил десятник. – Пришлось успокоить. А это – тиун ихний, – он перехватил аркан и подтянул второго вперед.

Тиун с хрипом втягивал воздух, пучил налитые кровью глаза. Сразу видно, с физподготовкой у тиуна неважно.

– Покойников нет?

– Все, как ты велел, воевода! Да там их и было всего четверо. Трое мерян^[53] и этот. Меряне, как нас увидели, – сразу на жопки. А этот, здоровый, с секирой полез. Секиру я у него забрал, так он начал кулаками махать. Ну мы ему морду легонько поправили, чтоб уважение к варягам имел. Так, батька?

– Все верно. А что тиун?

– Кричал много, – усмехнулся десятник. – Но это сначала, а как мы коней рысью пустили, сразу орать перестал. Теперь только пыхтит.

– Развяжите их! – приказал Духарев.

Освобожденный от аркана тиун без сил осел на траву рядышком со своим защитником. У того глаз подбит, борода встрепана... Но что-то смутно знакомое...

– Как зовут? – спросил Духарев.

– Сычок... – мрачно пробормотал побитый.

– «Сычок, воевода!» – поправил его десятник, сопроводив поправку пинком.

– Сычок, воевода, – покорно повторил побитый.

– На кулачках дрался ловко, – заметил десятник.

– Так он новгородец, – сказал Сергей.

– Тогда понятно. Они на своем вече только и делают, что на кулачках дерутся!

Варяги захохотали.

Сычок стоял, понунив голову. Осознал, что косяк упорол.

– Что ж ты, Сычок, в Киев подался? – спросил Духарев. – А почему не домой, в Новгород?

– Дак это...

– А Чифаня где?

– Чифаня? – Сычок вскинул голову, изумленный. – Дак он же помер три лета тому! А ты...

– ...Воевода! – рявкнул десятник.

– ...воевода... – Сычок опять понурился.

– Со мной поедешь, Сычок, – распорядился Духарев и строго взглянул на тиуна. – А ты как, отдышался? Знаешь меня?

– Да.

– Что ж не пришел, когда я позвал?

– А ты мне не господин! – дерзко ответил тиун. – У меня свой боярин есть, а ты мне никто!

– Позволь, батька, поучу его маленько? – попросил десятник, поигрывая плеткой.

– Бей! – визгливо закричал тиун. – Сейчас твоя сила!

– А потом будет твоя? – усмехнулся Духарев.

– Будет и моя! Боярин мой самой княгине служит!

– Ишь ты! – удивился Духарев. – А я не знал! Это, значит, тебе княгиня приказала знамено сдвинуть!

– А вот у княгини и спроси! – нагло ответил тиун. – Она и рассудит, кто прав! И за то, что ты меня и человека моего побил, – тоже рассудит! Ты, воевода, ой как пожалеешь!

Духарев наклонился к тиуну, сказал ему негромко:

– Еще слово – и я тебе язык вырву, – потом приказал двум гридням: – Возьмите эту жердину и вкопайте во-он там, под тем пригорком. Сделаете – догоняйте. Мы в Вышгород поедем, – а десятнику велел: – Сычку – коня.

– А этому? – десятник кивнул на перетрусившего тиуна.

– Пешком добежит!

– Не добежит! – уверенно заявил десятник. – Хлипкий. До Вышгорода, считай, четверть поприща.

– Ладно, уговорил. Сычок! Дуй в свою деревеньку, приведи какого-нибудь одра!

– Батька, может, лучше кого из наших послать? – десятник с сомнением поглядел на новгородца.

– Не беспокойся, он не потеряется! – сказал Духарев.

Сычок благодарно закивал: понял, что суровый варяг на него не сердится. Он так и не признал в грозном киевском воеводе своего старого

партнера по рыночному тотализатору.

В Вышгород приехали ближе к вечеру. В сам городок воеводу с гриднями пропустили беспрепятственно, но позвала его княгиня не сразу. Пришлось подождать. А тем временем прибежал сам боярин Шишка. Должно быть, кто-то ему доложил, что Духарев приволок Шишкина тиуна.

Увидев своего человека в плачевном положении (связанный, с заткнутым, чтоб зря не болтал, ртом, тиун только и мог, что жалобно мычать и пучить глаза), Шишка с ходу принялся орать.

– Уймись, – посоветовал ему Духарев. – Пузцо от натуги лопнет.

– Немедля отпусти моего холопа!

– Ах это твой холоп... – протянул Духарев. – Значит, за его воровство мне с тебя следует спрашивать?

– Какое-такое воровство? Не было никакого воровства! – запальчиво закричал Шишка. – Ты сам...

Тут он сообразил, с кем говорит, и осекся.

– Я сам – кто? – вкрадчиво поинтересовался Духарев. – Ты договаривай.

Шишка договаривать не стал. Еще слово – и потянул бы его воевода на правож. А правож по-варяжски – это выйти на перекресток и драться. Шишке вовсе не хотелось, чтобы варяжский меч проделал в его упитанном теле несовместимое с жизнью отверстие.

Боярина выручил посыл от княгини. Ольга звала воеводу в горницу.

– Много воли забрал, воевода! – сердито бросила княгиня. – Боярам моим грозишь, людей ни за что бьешь! Ишь, указывать решил, как мне править надобно! Забыл, что сам ко мне пришел и моего суда ищешь?

– Да я могу и не искать, – сказал Духарев.

Препирались они с Шишкой уже часа два. Достало. Княгиня, сначала отнесшаяся к воеводе благосклонно, постепенно начала брать сторону своего боярина. Отчасти потому, что за эти два часа в терем набилась прорва народа – все Ольгины бояре, такие же хапуги, как пузан Шишка. Эти, не стесняясь, орали в защиту своего кореша. А Духарев был один. Даже гридни его остались снаружи, во дворе.

– Могу и не искать, – сказал Сергей. – Могу и сам рассудить. Кто думает, что я княжью землю защищать умею, а свою – нет, тот очень ошибается. Если ты, княгиня, не можешь умерить жадность своего боярина, я сделаю это сам! Но не обессудь, обойдусь как с пойманным разбойником.

– Ты никак грозишь мне, воевода?

– Предупреждаю. И не тебя, а вот этих... – он обвел взглядом столпившихся вокруг бояр.

– А не боишься, что я велю наказать тебя за дерзость?

Духарев усмехнулся и положил руку на оголовье меча. Он был один, а бояр – десятка три. Все, как и положено, при оружии. Но пожелай княгиня действительно его наказать, пришлось бы кликнуть стражу.

Ее ближники на такого, как Духарев, могли только тявкать издали. И в этом было серьезное отличие партии княгини от партии ее сына. И уж, конечно, Святослав не стал бы устраивать целый спектакль из-за паршивого лужка стоимостью в четверть гривны.

– Осмелишься обнажить меч в моем тереме? – поинтересовалась Ольга.

Духарев пожал плечами.

– А вот я сейчас велю тебя в цепи и в подпол.

– Может, проще сразу в землю закопать? – предложил Духарев.

Бояре возмущенно загалдели. Ольга в ниточку сжала губы. Не любила она, когда напоминали о подробностях ее мести древлянам.

Какое-то время она колебалась: не кликнуть ли стражу?

Духарев ее прекрасно понимал. В той экономической реформе, которую княгиня вот уже несколько лет проводила на подвластных Киеву землях, эта жадная толпа прихвостней в высоких шапках играла первостепенную роль. Не у Духарева пытался оттяпать Шишкин тиун пресловутый лужок, а у родовичей. С родовым укладом сейчас боролась княгиня. С порожденной им системой полюдья. Чтобы не князь с дружиной, странствуя по державе, брали что удастся, а тиуны и наместники через мытарей собирали положенное. Чтобы были это налоги, а не «прокорм». Как в Византии. Как в Булгарии. Как в цивилизованных странах.

Теоретически Духарев, порождение цивилизованной эпохи, должен был поддержать такое начинание... А практически – ну ее к лешему, такую цивилизацию, где заправляют бояре типа Шишки!

Духарев не боялся. Он нужен князю. В Киеве он – герой. Посади героя в поруб – такая буза поднимется... Героев надо сразу убивать. Но убивать его Ольга не станет. Убивать его политически неразумно.

В дверях появился Ольгин сотник. Его, кажется, звали Добрыней. Перекрикивать боярский галдеж не стал. Остановился, ожидая, пока княгиня обратит на него внимание. А когда она повелительно махнула рукой (всем молчать), доложил:

– Великий князь к вам, матушка!

Духарев улыбнулся. Всё. Теперь поруб точно отменяется.

Великий князь киевский Святослав вбежал в горницу буквально через минуту. Вместе с ним – запыленные борзые и пара гепардов, сотник Икмор, неизменный охотничий спутник князя, дюжина гридней.

– Семерых тарпанов заповелевал! – похвастался великий князь. – Двух тебе, мать, привез!

– Я конину не ем, ты же знаешь, – поджала губы княгиня.

– Дружинным своим отдай! – бросил Святослав и, заметив Духарева: – Воевода! Сказывали, ты меня искал? Или с матушкой уже все обговорили?

– Искал, – согласился Духарев. – А к княгине я пришел по другому делу. Думал, рассудит она меня...

– Почему она? – нахмурился Святослав. – Что за дело?

Духарев глянул на Ольгу: княгиня молчала. Бояре ее тоже примолкли. Хоть в Киеве, хоть в Вышгороде, а при великом князе «новгородское вече» они затевать не осмеливались. Эдак можно и схлопотать...

– Мелкое, – сказал Духарев. – Тиун вот этого боярина у моих оброчных лужок украл.

– Так возьми у него отступное – и дело с концом!

– Не хочет, – сказал Духарев. – И матушка-княгиня тиуна наказать не желает. А меня вот уже в поруб намеревались отправить.

– Вот как... – Князь повернулся к матери. – Правду мой воевода сказал?

– Неправда! Мой это луг! – запальчиво закричал Шишка.

У себя в Детинце Святослав за такое нарушение субординации с ходу велел бы гридням «поучить» горластого боярина, но здесь он был в гостях.

– Уйми своего боярина, мать!

– А ты уйми своего воеводу!

Святослав сжал кулаки, по-бычьему наклонил голову вперед...

– Княже! – быстро сказал Духарев. – Не надо. Я отдам этот лужок, не стоит того.

Святослав глянул на него бешено...

– Княже! Я тебя искал, – поспешно произнес Сергей. – Это срочно и важно.

– Говори, – процедил Святослав.

– Только тебе, – покачал головой Духарев. – Тебе... и княгине.

Вот так вот! Он сумел их заинтриговать и пресечь ссору, из которой ничего хорошего не вышло бы. Князь молод и любознателен, а Ольга хоть и княгиня, но женщина... Она какое-то время колебалась, но любопытство

пересилило.

– Значит, отдаешь лужок? – спросила княгиня.

Духарев махнул рукой: не в пешки играем!

– Все вон! – скомандовала Ольга, но потом уравнила расклад: – Сотник, останься.

Двое на двое.

Бояре (никто даже не вякнул) убрались из горницы, Святославовы гридни тоже вышли и собак увели. А вот гепардов забыли, но они людям докучать не стали, улеглись в уголке и принялись вылизываться.

– Говори! – потребовал Святослав.

– Милёна, – сказал Духарев, – твоя ключница?

– Моя, – сказал князь.

– Моя, – сказала княгиня.

Мать и сын переглянулись. Святослав улыбнулся. Княгиня тоже. Помирились, это хорошо. Но вообще-то веселого мало.

– Веселого мало, – сказал Духарев. – Она непраздна. Мы все знаем от кого, верно?

Святослав ухмыльнулся.

Судя по выражению лица княгини, она тоже не шибко удивилась.

– Коли сына родит, надо б ей деревеньку подарить на прокорм, – деловито сказала Ольга. – Это твой первенец будет!

– Она хочет плод вытравить, – сообщил Духарев.

Раз позиции сторон определились, можно говорить все как есть.

– Вот дурная! – воскликнул Святослав. – Зачем?

– Любит тебя, – сказал Духарев. – А ты, княже, на другой женился.

– Ну и что? – Он не понимал.

Ольга понимала, но у нее были свои приоритеты.

– Мой внук! Где она?!!

– Худого не будет, – заверил Духарев. – Я гридню своему велел, чтоб поберег ее втихую.

– А если она от твоего гридня уйдет? – воскликнула княгиня.

Святослав улыбнулся: решил, что матушка пошутила.

Духарев, впрочем, не думал, что это шутка.

– От моего гридня, княгиня, оружный нурман не уйдет, – сказал он. – За внука не бойся, а на девку не серчай. Знаешь ведь: при таких делах ум у них начисто отшибает.

– Знаю, – кивнула Ольга и вдруг уставилась на воеводу с подозрением:

– А вот откуда ты про Милку проведал? Может...

– Не может! – неуважительно перебил княгиню Духарев. – К жене

моей она пришла со своей бедой («Тоже мне – беда!» – фыркнула княгиня), от Сладиславы и узнал.

– Понятно. Сотник! Как Милка объявится – сразу ко мне. Тебя, воевода, тоже касается. А сейчас ступайте оба: мне с сыном потолковать надо.

Кому сын, а кому и великий князь. Духарев глянул на Святослава, тот кивнул: иди, мол.

Но прежде чем Духарев вышел, княгиня его окликнула:

– Постой, воевода! Чтоб ты знал: Шишка ту землю исполу у меня взял. Так что и лужок тот мой... Пусть тебе останется. А если выйдет так, что вы со Сладиславой мне внука уберегли, я тебе городок на Почайне отдам.

Духарев поблагодарил. Ольга, в сущности, неплохая тетка, только вот жизнь у нее непростая. Государство на ней нешуточное, а сын – воин. Погибнет, как ее первенец, никого у княгини не останется. Потому ее так крепко и зацепила беременность ключницы. Пусть челядницы дитя, а все же родная кровь. Других-то пока нет...

Знай княгиня, что будут у ее сына и другие внуки – от угорской княжны, может, и не стала бы так опекать сына рабыни.

Когда Духарев вышел из терема Ольги, ее сотник ухватил воеводу за рукав.

– Что тебе? – недовольно спросил Сергей.

Сотника этого он едва знал. Слыхал, что Добрыней зовут и что у Ольги он в большом доверии. Но в походах с ним никогда не бывал и в деле его не видел. Одно слово: княгинин человек.

– Я – твой должник, воевода! – сказал сотник и низко поклонился.

– С чего это вдруг?

– Милка... Она – сестра мне.

Спустя несколько дней во дворе княжьего терема Духарев встретил молодую княгиню. Юная мадьярка смотрела, как мечется по клетке подросший леопард. Тот самый, которого детенышем привезли из Тмутаракани. Для охотничьих нужд зверь оказался бесполезен, а для людей опасен: бросался на чужих, признавал только князя да псаря, что зверя кормил.

– Воевода! – окликнула княгиня Сергея. – Могу я тебя спросить?

По-русски она говорила с заметным акцентом, но уже довольно бегло.

– Конечно, моя госпожа!

– Понравились ли тебе подарки моего отца?

Интересный вопрос. Особенно если вспомнить, что с той поры, как получил Сергей дары угорского дьюлы, уже месяца два прошло.

– Цена им велика, но еще ценнее милость твоего батюшки, – дипломатично ответил Духарев. – Но ты ведь не это хотела спросить, княгиня?

– Да, не это. Не зря, воевода, говорят, что ты видишь дальше слов. Может, ты и вопрос мой знаешь? – она улыбнулась чуточку кокетливо.

– Может, и знаю. Но ты все же спроси.

– Эта девушка, бывшая ключница... Куда ее увезли?

– В Плесков, – сказал Духарев.

– Ей не сделают плохо?

«Уже сделали», – подумал Духарев, но вслух сказал:

– Нет. Она будет жить у плесковской родни княгини-матери. С ней поехал ее брат. Ее не обидят.

Духарев еще не знал, что через несколько лет, когда Святослав уйдет брать под себя вятичей, Ольга заберет у Милёны внука. Добрыня, впрочем, останется при мальчике. Дядькой-пестуном.

– Не хочу, чтоб ей было плохо, – сказала княгиня. – Она ведь любила... моего мужа, да?

– Да, – не стал спорить Духарев.

– Его трудно любить, – вздохнула юная княгиня. – Он как этот зверь, – она показала на леопарда. – Ему никто не нужен, только война.

– Он – великий князь, – сказал Духарев.

– Я понимаю, – княгиня еще раз вздохнула. – Мой отец такой же. Но я не хотела бы, чтоб такими выросли мои сыновья...

– Ты не жалеешь, госпожа, что я привез тебя сюда? – негромко спросил Духарев. – Не жалеешь, что Святослав стал твоим мужем?

– Нет! – Она улыбнулась. – Он красивый, сильный, храбрый и... Мне с ним хорошо, когда он со мной... Но он редко бывает со мной, воевода.

– Он – государь, – снова напомнил Духарев. – Тебе придется привыкнуть, моя госпожа.

– Я привыкну, – обещала княгиня. – Но я боюсь, что в своих походах мой муж забудет обо мне.

– Не забудет, – сказал Духарев. – Таких, как ты, не забывают.

Правда, в этот миг он думал не о ней, о своей Сладе. И искренне верил, что говорит правду.

Часть вторая

Прыжок пардуса

Глава первая

Вятский поход великого князя Святослава Игоревича.

Начало

Корабли шли по Оке.

Много кораблей. Столько еще не видели эти медвежьи берега. Почти полторы сотни боевых лодий под пестрыми парусами везли боевую дружину – четыре тысячи клинков. Следом тянулись насады, более сотни. Одни везли коней, другие – припас, но большинство – порожние. Эти – для дани.

Дремучи вятские леса. Дни и дни можно плыть, а вокруг будто все те же берега, все те же сосны. Но так кажется лишь необыкшему глазу, а для опытного лесовика у каждой излучины – свой облик. Опытных лесовиков среди русов хватало.

Открыто шли лодьи, неторопливо. В удобных местах русы непременно останавливались, высаживались, разводили костры, варили в больших котлах уху, кашу, мясную похлебку. Рыбы в Оке было столько, что не бреднем – руками ловили ее русы. И дичь брали тоже, считай, голыми руками. На что уж вотчина Святослава Киевского обильна и лесом и зверьем, а вятская непролазная глушь – богаче.

Хотя непролазна она только для хузар да печенегов, а для русов что лес, что поле – всё, считай, коренной ландшафт. Даже выходец из урбанистической культуры Серега Духарев, вернее, воевода киевский Серегей в этих буреломных чащобах чувствовал себя вполне уверенно.

И старший сын его Артем хоть и вырос в Приднепровье, где в основном степи и дубравы, а таких вот хвойных медвежьих углов почти нет, тоже в вятских лесах не заплутал бы.

Да он нигде не заплутал бы, надо признать. Выучку прошел посерьезней, чем отец. Лет с пяти гонял его одноногий дядька Рёрах, а последние годы с парнем занимался сам Ольбард Красный. Три года ходил под началом Духарева Ольбардов Трувор, так что с большим почетом принял Серегинаго первенца варяжский князь. Как собственного сына. То есть гонял Артема Ольбард нещадно, до полной потери ориентации. Зато в

свои пятнадцать паренё по праву носил золоченый пояс гридня, и потенциал выживания у него был повыше, чем у отца. А образование, по местным масштабам, считай, академическое. Мог и за кормилом лодьи стоять, и мечами обоеручь рубить, и зайца за сто шагов с седла в одну стрелу взять. Разбирался равно в судах, конях и даже верблюдах. Владел лекарским умением. Свободно болтал на всех здешних славянских диалектах, разумел по-нурмански и свейски, хузарским владел, по-печенежски говорил, как натуральный копченый, с греками-ромеями общался по-ромейски, с уграми – по-угорски. Мог даже изъясняться по-арабски и на фарси – Артак натаскал. А «кухонной» латыни Артема обучил дядька Мышата, активно торговавший с Европой. Торговать Артем тоже умел. Вернее, торговаться. Не так, конечно, как дядька, но когда вместе с отцом на рынок ходил, Сергей мог рта не открывать, только кошель развязывать по сыновней указке. В общем, таким сыном можно было гордиться – и Духарев гордился. Хотя, положив руку на сердце, признавал: его заслуга в воспитании первенца невелика. В Святослава он вложил вдесятеро больше, чем в родного сына. Но вот пришло время, когда отец и сын впервые идут вместе в большой поход.

Правда, это только считается, что вместе. На самом деле воевода плывет на княжеской лодье, а Артем, самый молодой гридень в десятке варяга Велима (да и во всей сотне Бодая), крадется звериными тропами в передовом дозоре. Большая сила плывет по реке Оке на виду у всех желающих. Но опережая ее, движется вдоль обеих берегов сила поменьше. Хитер князь киевский!

Но и вятичи хитры. До сих пор ни одного не поймали разведчики. Следы видели, а самих – нет.

– Хитры! – одобрительно заявил Свенельд. – Помню, мы с Игорем от волжских булгар этим путем шли. Тоже никого не видели. Машег, скажи, как ваш хакан с них дань берет? Волшбой их ищет, что ли?

– Йосып больше не мой хакан! – сказал хузарин. – Дразнишь меня, князь-воевода?

Свенельд ухмыльнулся. Машег служил Свенельдовым гриднем, еще когда князь-воевода был поджар, мускулист и синил усы, гордясь тем, что он из коренных варягов. Теперь у Свенельда могучее брюхо, и усы он более не синит, гордясь исключительно собственной личной славой. Но самодовольство не сделало князя-воеводу глупее. Из ближников киевского князя он по-прежнему самый хитроумный и опытный.

– Никакой волшбы, – заявил Машег. – И искать их нам не приходится –

сами из своих буреломов вылезают. Надо ж им меха на железо где-то менять. Вот у нас и меняли. А когда их кто подмять хотел, назывались хузарскими данниками. Мы не препятствовали. И лишнего не просили. Сам знаешь, князь-воевода, мы – степняки, нам в лесах воевать непривычно.

– А нам – в самый раз! – констатировал Свенельд. – Только где ж их, леших, искать?

– Найдем, – уверенно заявил Святослав. – Икмор обещал.

Воевода Икмор командовал «сухопутными» частями. Духарев еще в начале похода передал ему отборную сотню своих варягов, но сам не присоединился. Тяжеловат он стал для скрадывания.

– Серегей, сколько мы брошенных селений миновали? – спросил Святослав.

– Одиннадцать.

Найти покинувших дома вятичей они даже не пытались. Угли в очагах давно остыли. Следы сбежавших лесовиков – тоже. То есть поставь своим гридням князь задачу найти – нашли бы. Но времени потратили бы уйму. Сейчас Киеву не столько дань вятская нужна, сколько хоть какой-то с ними уговор. Хузария – вот истинная цель. Но когда поплывут домой тяжело нагруженные добычей насады (не те несколько десятков, что идут сейчас за боевыми лодьями, а много насадов), надобно, чтобы у лесовиков не закралась мысль пощипать русов.

Вятичами можно будет заняться, ободрав хузарский хаканат. Без спешки. Тот же Свенельд в таких делах – большой специалист. Пойдут его люди вызнанными тропами от поселка к поселку, от городища к городищу. Назначат оброки, обустроят погосты, поставят над вятичами вятческих же тиунов из обиженных, из честолубивых, из желающих выслужиться перед киевским князем. А самым сильным, храбрым и жадным откроется путь в княжьи отроки: из глухомани – в большой мир, к пригожим полонянкам и тяжелым витым гривнам из серебра, а то и из золота...

Но это после. Сейчас – первый контакт. А если он выйдет немирным – еще лучше. Пусть узнают лесовики, что такое русы в бою. Такой урок надолго запоминается.

– Одиннадцать... – Святослав потер загорелую шею. – Надо думать, драться они с нами не хотят. Что скажете, воеводы?

– Хатки их пожечь надо, – сказал Свенельд. – Может, обидятся?

– Мои вои три капища нашли, – сообщил Икмор. – Тоже оставленные. Я не тронул, но коли ихних богов пожечь – они, верно, обидятся. Вот я бы точно обиделся, если б кто Перуна тронул!

– А я думаю, жечь не стоит, – подал голос Духарев. – Особенно капища. Это ж будет обида смертная. А наша задача – легонько их проучить. И лучше, чтоб они сами на нас напали.

– Разбежался... – проворчал Свенельд.

– Ловушку надо им построить, – сказал Икмор. – Я вот что мыслю: надобно мне малой силой вперед поспешить. Обгоню вас на десяток поприщ, налечу внезапно – лесовики и вострепенуться не успеют!

Тут к князю сунулся отрок: поднес на пробу миску с похлебкой из общего котла.

Святослав достал ложку, пригубил, кивнул: годится.

– Посёрбаем, воеводы, – сказал он. – На сытый живот думается веселей.

К приему пищи князь, как всякий военный человек, относился серьезно. Если надо, мог неделями вяленой кониной питаться. Но нынче спешки не было, так что вся дружина ела горячее.

Три десятка варягов волчьей побейкой спешили по звериной тропе. Двигались не вперед, а назад. Эту поправку в план Икмора внес Духарев. Идея была проста. Вятичи, успокоенные тем, что флотилия русов их миновала, возвратятся домой... Тут-то их и прихватят внезапно налетевшие варяги.

Среди охотников был и Артем. Его взяли не столько за воинские умения (в Труворовой тысяче немало было таких, что управились бы с сыном воеводы одной рукой), сколько за навыки лекаря.

Вел охотников сам тысяцкий Трувор. Икмора не отпустил Святослав. Сказал: вечно ты вперед лезешь, воевода! Нечего!

Духарев подозревал: Святослав сам не прочь возглавить охотников.

В помощниках у Трувора – сотник Бодай. И десятник Артема Велим тоже среди охотников.

Пройдя за сутки два поприща, охотники поспали в укромном овражке, перекусили всухомятку, за ночь прошли еще поприще, под утро скрытно вышли к ближнему селению и увидели дымки. Вятичи оказались на удивление беспечны.

Боя не было. Возникшие из рассветных сумерек варяги вмиг повязали всех способных оказать сопротивление, быстро, даже не прибегая к каленому железу, выяснили, что требовалось, развели на берегу изрядный костер и дымом подали сигнал: дело сделано.

Глава вторая

Вятичи

Проверить полученные от пленников сведения отправились пятеро во главе с Велимом. Артем тоже напросился. Разведчики переоделись вятичами, взяли пару вятских легких челноков, оружие и доспехи завернули в шкуры и уложили на дно так, чтобы не достала вода.

Разведчики вошли в один из притоков Оки и двинулись вверх по течению. Проводника из местных с собой не взяли, сочли обузой.

Шли споро: рукам, привыкшим к тяжелым лодейным веслам, челночные «лопаточки» казались соломинками. Попутно проверяли глубину: пройдут ли лодьи?

Вечером того же дня миновали вятское селение. Местные жители покричали им с берега, но разведчики отмахнулись: мол, некогда. Прошло гладко.

К нужному месту вышли утром следующего дня. Промahnуться было невозможно: берег здесь был подчищен, на песке сушилось не меньше десятка больших лодок. Отсюда вятичи спускались вниз, к Оке, и везли свои товары на хузарские ярмарки. Отсюда же, по словам пленников, шла большая дорога к главному вятскому городищу.

Разведчики проплыли мимо селения (опять-таки не вызвав особого подозрения), пристали к берегу, спрятали челноки.

Свою задачу – убедиться, что «большая дорога» действительно существует, – разведчики выполнили. Дорогу эту большой могли назвать только дремучие лесовики, но для русов годилась и такая. Кони пройдут.

Дальше разведчики не пошли. Если есть дорога, значит, она куда-то ведет.

Вернулись тоже без происшествий, отчитались и удостоились особой похвалы Трувора – за отсутствие силовых контактов. Разведчики, которые оставляют за собой трупы местных жителей, – это уже не разведчики.

Лодьи Святослава подошли в тот же день. И в тот же день двинулись вверх по Оке.

Вошли в речку-приток, с попутным ветерком миновали первое вятское селение, вызвав паническое бегство (в первый раз русы появились внезапно), но когда добрались до следующего, большого, их уже ждали и осыпали стрелами.

Дружинники обрадовались: кончилась игра в прятки! Нет, не кончилась. Вятичи ограничились несколькими залпами, слегка попортили

щиты и борта лодий и удрали в лес. Высадившиеся русы вошли в пустое селение. Вычистить лари и закрома вятичи на сей раз не успели, так что ужинала Святославова дружина вятскими припасами.

Ночью удалые лесовики трижды пытались напасть на русов: два раза на городок, один раз – на лодьи. Сторожа легко справились с нападавшими: прикончили семерых. У русов потерь не было. Пара-тройка легкораненых.

Утром двинулись по «большой дороге». Впереди – пешие, за ними, неторопливо, – конная рать с князем во главе. По обе стороны дороги, опережая и прикрывая фланги, двигались дозоры. Они первыми наткнулись на засеку.

Засака была сделана основательно, в четыре с лишком сажени: стволы развернуты так, чтобы умело оструганные и заточенные ветки поваленных деревьев превратились в «ежи». Сорвешься со ствола – враз угодишь на такой вот колышек. И место выбрано хорошо: обочь дороги – сплошные буреломы. Еще разведчики заметили на деревьях засидки-помосты, на которых наверняка устроились лучники.

Перед препоной, шагов за пятьдесят, посреди дороги стоял мохнобородый лесовик-вятич с сосновой веткой в руке.

Передовые русы остановились в полустрелище. Если с засеки начнут стрелы метать – не страшно. На гриднях – добрые доспехи, большие щиты. Не на гулянку шли – воевать.

Конные встали дальше. Еще дальше обвисли в безветрии стяги князя и воевод. Среди прочих – духаревский синий сокол на белом поле. Под стягами – сам князь сотоварищи.

– Кто говорить будет? – спросил Святослав.

И посмотрел на Свенельда.

Но князь-воевода энтузиазма не выразил.

С годами осторожен стал варяг Свенельд. Мало ли чего можно ждать от этих лесовиков. Вдруг закидают стрелами?

– Я пойду! – воскликнул его сын Лют, проигнорировав неодобрительный взгляд отца.

– Я! – почти одновременно со Свенельдычем закричал Икмор.

Духарев помалкивал. Дождался, пока князь посмотрит на него, и тогда молча кивнул.

– Иди, Серегей, – сказал Святослав. – Ты – умен, удачлив, и опыта тебе не занимать. Иди!

Духарев покосился на Свенельда: все эти эпитеты были вполне применимы и к нему. Тот остался невозмутим.

– Ветку мне дайте какую-нибудь, – сказал Духарев.
Ему подали сосновую лапу.
– Что ему скажешь? – спросил князь.
– Там видно будет, – ответил Сергей. – Сначала его послушаю.
– Запомни: я не отступлю! – твердо произнес Святослав.
– Не тревожься, княже, не забуду. Дорогу мне! – и пустил Пепла сквозь строй гридней.

– Уходи прочь, рус! – закричал вятич, задирая кверху кудлатую пегую бороду. – Неча вам тут! Мы – хузарские данники!

Знакомая отмазка.

– Ты от кого говоришь? – осведомился Духарев. – От себя иль от старейшин своих?

– Я сам старейшина, и говорю от Старшего Круга! – заносчиво заявил вятич.

– Верю, – кивнул Духарев. – А скажи мне: много ль вы хузарам платите?

С коня он так и не слез, возвышался над парламентёром закованной в железо башней.

Тот запнулся, но сообразил:

– Десятину!^[54]

Духарев не стал уличать лесовика во лжи.

– Добро, – сказал он. – Пойдете под киевского князя, он с вас двенадцатую долю возьмет. А хузар мы от вашей дани отучим.

Люб у парламентёра пошел морщинами: ловко рус поймал его за язык.

– Все одно! – наконец родил вятич. – Хотите мимо нас по Оке идти – идите, не тронем. А в наши леса вам дороги нет!

– Значит не люб тебе великий князь киевский? – осведомился Духарев. – А ведь он дань с тебя меньшую просит (вятича слегка перекосило), и великое уважение роду вашему оказал – сам к вам пришел...

– Не люб! – буркнул парламентар.

– ...А люб вам хузарский хакан, – невозмутимо продолжал Духарев, – который сидит от вас за тысячи поприщ, с племенем вашим без толмача и слова сказать не может?

– Люб! – без промедления ответил лесовик.

– Что ж, – сказал Сергей. – Ты свое слово сказал. А теперь я скажу! Великий князь Киевский, хакан Тмутараканский Святослав Игоревич ежели куда идти решил – уже не свернет. Добром ли, силой, а дань ему платить вы будете...

– Не будем! – от возмущения лесовик аж подпрыгнул.

– ...Лучше, конечно, добром, – невозмутимо продолжал Духарев. Голос у него был зычный, натренированный, как и подобает голосу воеводы, поэтому слышали его и вятичи, укрывшиеся за засекой, и киевляне. – Добром, потому как не дело это – своих собственных данников бить. Но коли будете артачиться – придется вас поучить. И если кто думает, что эта куча дров, – Духарев пренебрежительно махнул рукой в сторону засеки, – остановит русскую дружину, то он просто дурачок. Князь Киевский каменные крепости брал (Тут Сергей соврал – не было еще такого. Но будет). Вот его слово: освободите путь, сопроводите нас с почетом к вашему городищу, поклонитесь Киеву – и будет он вам защитой и опорой, а дань с вас *меньшую* возьмет, чем хузары. Не то размечут вас вои великого князя, ворвутся в дома ваши и возьмут, что пожелают, по закону войны: богатства ваши возьмут, жен и дочерей ваших, а детей ваших, полоняников, погонят на невольничьи рынки. И пойдет русская рать по вашим землям железной бороной, повытащит всех вас, лесовиков, из самых дремучих берлог – и уж тогда такой данью обяжет вас киевский князь, какой пожелает.

– Врешь! – закричал переговорщик. – Не быть такому!

Но этот визгливый вопль выглядел совсем несолидно на фоне могучего гулко баса Сергея.

– Почему ж не быть? Мы – не хузары-полевики. Есть под киевским князем леса и погуще ваших, есть у нас следопыты-охотники. Нынче пришел к вам князь Киевский с *малой* дружиной, а пожелает: кликнет и большую. Воинов у князя больше, чем белок в ваших лесах. Иль не веришь мне?

Старейшина подавленно молчал. Но кто-то на засеке не выдержал: пустил стрелу. Духарев поймал ее рукой (невелик фокус: не на броню стрела, на белку), погрозил кулаком невидимому стрелку, сказал строго, будто ребёнку:

– Не балуй! – и снова к парламентёру повернулся. – Ладно, лесовик. Время тебе до полудня. Если до полудня люди ваши не начнут растаскивать этот хворост, начнем вас бить. А уж ежели начнем – не остановимся. Вои князя моего в бою, как медведи иль туры: от крови хмелеют – не удержать.

Развернул коня и неторопливо поехал к своим. А парламентар вятичский так и остался – с открытым ртом и задранным бородищем. И племя его за справной, надо признать, засекой тоже безмолствовало. Переваривали нарисованные Духаревым перспективы.

– Хорошо говорил! – похвалил Святослав.

Видно было: он горд своим воеводой.

Зато в глазах Свенельда сквозила зависть.

– Думаешь, они послушаются? – спросил князь.

Духарев пожал плечами.

– Я бы на пустую похвальбу не купился! – гордо заявил Икмор. – Кто пугает, тот слаб. Сильный сразу бьет!

– Точно! – подхватил Лют.

Святослав потер затылок.

– А ты что думаешь, Свенельд?

– Так мыслят воины, – нехотя произнес князь-воевода. – А скажи такое нашим смердам, они тотчас подожмут хвосты. Но лесовики – не воины. И не смерды. Они – что-то посередине. Может, испугаются, может, будут драться. А воевода Серегей все правильно сказал. И я бы не сказал лучше.

«Вот так, так...» – Духарев с удивлением поглядел на князя уличского. Неужели Свенельд наконец смирился с тем, что Сергей теперь не под ним, а напрямую под Святославом?

– Ждем, – решил великий князь. – Дружине – быть начеку, броней не снимать, дозорам – бдить, лучникам – готовить зажигательные стрелы. Хоть свежие стволы, зато смолистые – может, и займутся.

– Не стоит, княже, – возразил Свенельд. – От засеки весь лес загореться может.

– Верно, – согласился Святослав, – не надо зажигательных. Бить обычными. Но не ранее, чем они начнут.

Время шло. Киевское войско томилось в ожидании. Тяжкое время – ожидание перед сечей. В битве, там думать некогда, а тут, когда сам не знаешь, доживешь ли до вечера, иль хуже того – калекой останешься... И такое может случиться с каждым: от князя до самого юного отрока. Другое дело, что опытным гридням ожидание привычно, да и вера есть в удачу, которая хранила их во всех предыдущих битвах. Молодым – трудней.

– Страшно? – спросил Духарев сына.

– Не без того, – степенно ответил Артем.

Ростом он был отцу чуть повыше плеча, но держался с большим достоинством.

– Не бойся, – сказал Духарев. – Если в самое пекло не полезешь, целым будешь.

Артем сразу успокоился. Он, как и многие, верил в то, что батька – ведун. Но Сергей в данном случае не видел будущего. Он видел своего сына: в добром, под стать старшему гридню, доспехе, прошедшего

отменную выучку. Да это и не первая его драка. Успел парень побывать в дюжине стычек: и под Киевом, и у Ольбарда на «стажировке». Должен выжить. Тем более что вокруг него будут личные гридни Духарева: эти уж за сыном воеводы присмотрят.

Но все равно в сердце что-то такое екало. Сергей предпочел бы сам быть рядом с сыном, но нехорошо выйдет. Он – воевода...

Вятичи додумали в срок. Прав был Свенельд – не воины они и не смерды. Потому придумали нечто третье. То есть знай Духарев их обычаи лучше, сам бы догадался. А обычаи у лесовиков были такие: если повздорили два рода – неча всем людям драться и попусту кровь проливать. Пусть богатыри решают, чья возьмёт.

– Как биться будем? – оживился Икмор.

Он, Духарев и Свенельд пришли парламентарями.

– Пеше, конно? В полной зброе или только на мечях?

– Не-е-е! – вятские старейшины энергично замотали головами.

Крови не надо. Если кровь прольется – мира не будет. Бороться надо. Голыми руками.

– Это на кулачках? – Икмор сразу скис.

– И еще – камень бросать. Кто дальше, – заявили старейшины. – Так у нас по обычаю. И еще...

– Погодите! – вмешался Свенельд. – Померимся по вашему обычаю, но и по нашему тоже!

– На мечях нельзя! – сразу объявили старейшины.

– А на дубинках – можно?

Вятичи посоветовались, решили: нельзя. Тоже может кровь пролиться.

– А копье метать в цель? Можно?

– Это можно.

– А стрелы?

– Можно, можно! – старейшины даже заулыбались. Полагали, что их охотнички не худо стреляют. Есть перспектива для победы.

– Добро, – резюмировал князь-воевода. – Ваша возьмет – уйдем. Мы осилим – быть вам киевскими данниками. Все?

– Нет, не все! – возразили старейшины. – Меряться не одни лишь мужи бородатые должны, но и юнаки! И поклясться надобно богами и пращурами, что пока борьба пойдет, между нами и вами – мир!

– Поклянемся, – согласились русы. – И юнаков подберем.

На том и порешили.

Местом состязания избрали дорогу.

Русам предстояло выбрать своих «спортсменов».

– Бороться я буду! – решительно заявил Духарев.

Конечно, ему уже не двадцать пять, зато он в отличной физической форме и вдобавок (как чувствовал) в последние полгода перед походом регулярно тренировал рукопашку, используя в качестве спарринг-партнера Сычка.

Спорить с Духаревым не стали. Слава победителя берсерков все еще сохранялась за Сергеем.

– А копье метать я буду! – с ходу объявил Лют.

– Почему ты? – возмутился Икмор.

– Бросьте кости, – предложил Духарев, пока молодые воеводы не переругались.

Бросили. Выпало Люту.

– Тогда я – из лука! – потребовал Икмор.

Святослав покачал головой.

– Думаешь, я этих мохнобородых не перестреляю? – обиделся Икмор.

– Может, и перестреляешь. Но перестрелять мало. Надо так выстрелить, чтоб у них от изумления бороды дыбом встали. Стрелять будет Машег.

– Камень! – напомнил Свенельд.

Этот вид состязания энтузиазма не вызвал.

– У меня в дружине нурман есть, – сообщил Икмор. – Снорри зовут. Здоровый, как тур. Пусть он кидает.

– Отроки? – спросил Святослав.

– Стрелка можно из хузарских взять, – сказал Свенельд. – Пусть вот Машег из своих молодых выберет.

– Бороться мой Артем может, – сказал Духарев.

– Не мелок? – усомнился Святослав.

– Так он и бороться будет с таким же, – возразил Сергей. – А копьemetателя пусть Трувор подберет. У него из кровных варягов отроки...

– Почему всё твой? – возмутился Икмор. – Как будто из княжьих...

– А мои что, не княжьи? – сурово спросил Духарев.

– Уймись, Икмор! – строго сказал Святослав. – Все вы – мои. А коли обидно, можешь сам остальных отроков выбрать. Но гляди: опозорятся – с тебя спрошу!

Глава третья

Бескровная победа

– Главное, не подпускай его близко! – наставлял сына Сергей, натирая его туловище маслом. – Опережай, обходи, атакуй сзади...

– Не беспокойся, бать, – отмахнулся Артем. – Справлюсь я. Какой-то смерд...

– Цыть! – перебил Духарев. – Уважай противника. Ты не знаешь, что он умеет. Ты ничего о нем не знаешь. Ты его даже не видел.

Артем пренебрежительно фыркнул, но спорить с отцом не осмелился.

– Всё, пошел!

Духарев подтолкнул сына вперед, тот ловко протиснулся между гриднями на открытое место. Небольшой, худощавый, босой, в штанах, подвязанных пониже колен.

За его спиной – ровная стена красных русских щитов, в пятидесяти шагах – нестройная толпа лесовиков. Впрочем, большинство вятичей предпочли остаться за засекой и глядели сейчас на дорогу сверху.

– Эх! – вздохнул кто-то за спиной Духарева. – Сейчас бы разом стрельнуть...

– Я те стрельну! – проворчал Сергей.

Из толпы лесовиков тоже вышел парнишка. Чуток пониже Артема, но намного плотнее. Длиннорукий, с покатыми плечами борца. Тоже голый до пояса и тоже «промасленный». Дружинники вокруг Духарева тянулись вверх: шлемы стоящих впереди загораживали вид.

Артем легкой походкой двинулся навстречу противнику. У вятича шаг был тяжелее, двигался он неторопливо, по-медвежьи косолапя.

«Не дай Бог, малолетний берсерк!» – с беспокойством подумал Духарев.

Сошлись. Вятич проворно выбросил вперед длинные руки, намереваясь схватить Артема. Тот легко, словно танцуя, уклонился, обошел противника сбоку, ударил по ноге, выведя из равновесия, оказался у вятича за спиной и взял его «в замок», на удушающий.

Вятский парнишка бессмысленно завертел руками, потом сообразил: брыкнулся на спину, но Артем слегка его «довернул», и упали они боком.

Освободиться от удушения паренька явно никто не учил, поэтому он попусту дрыгал конечностями и извивался.

В толпе лесовиков недовольно загудели: наверняка у них было принято бороться по-другому. Но это их проблемы. Вятский вьюнош

продержался довольно долго, минуты две... Потом ослаб и характерно засучил ногами...

«Как бы не задушил», – беспокоился Духарев, но напрасно.

Едва противник дошел до кондиции, Артем его отпустил, пружинкой вскочил на ноги, высоко подпрыгнул...

Дружина отозвалась восторженным ревом.

– Хорошо сына учил, воевода! – раздалось рядом с Духаревым. Сергей оглянулся. Свенельд. Спешившись, князь-воевода стоял среди простых гридней и улыбался. – Хорошая победа! Такая, как нам нужна.

Следующими соревновались лучники. От метания камней молодежь избавили.

Русы выставили маленького рыжего хузарина, одного из многочисленных родичей Машега. Вятичи – такого же маленького лесовичка. И тоже рыжего. Неожданное сходство развеселило и вятичей, и русов.

На шесток – за сто шагов – повесили шкурку белки. Первым стрелял вятич. Попал. Хузарчонок тоже попал. Только не одной стрелой, а сразу тремя. Шкурка разлетелась ошметками.

Настал черед копьеметателей. Снова победил киевлянин. Правда, княжий отрок метал копье, а вятский – охотничью сулицу. Она – потяжелее.

Настала очередь мужей.

– Ты, батка, главное, близко его не подпускай! – озабоченно сказал Артем. – Опережай, обходи... – и ловко увернулся от подзатыльника.

Ну да, похоже, и манера борьбы, и сами борцы у лесовиков были под стандарт. Духареву достался такой же «медведь», только раза в три крупнее. И точно так же прямолинейно потянул к Сергею ручищи. Духарев перехватил одну, пошел на прием... Но у вятича оказался наготове сюрприз. Успел рубануть свободной рукой Духарева по бицепсу. Да так заехал неслабо, словно обухом топора. Рука с ходу онемела, а Сергей разозлился и вжбендил лесовику маваши по уху. Ох и сочно получилось: лесовик с ходу поплыл. Осталось добавить пяткой в солнечное сплетение – и процесс был закончен. Принимайте тушку.

Напоследок Духарев наклонился, глянул на руку лесовика и обнаружил, что ладонь его – сплошная мозоль, в сравнении с которой натруженные веслом и мечом руки Духарева – просто нежные дамские ладошки. А «ребро» ладони вятича – и вовсе как лошадиное копыто. Не мудрено, что так долбанул.

С камнеметанием русы опростоволосились. Икморов нурман Снорри с бешеным воплем зафигачил круглый валун аж на тридцать шагов. А

бородатый вятич, раскрутившись предварительно волчком, – в полтора раза дальше.

Зато копейное соревнование Икмор выиграл с блеском. Во-первых, он отказался метать в мишень.

– Так у нас только малые дети играют, – пренебрежительно заявил он. – Давай, в меня кидай. А я – в тебя!

Вятские «рефери» запротестовали. Мол, у нас так не делается. Еще убьют кого из вас ненароком.

– Ну *ваш* тогда пускай щит возьмет, – насмешливо сказал Икмор. – Я буду в щит метать. Цел будет, если от страха щит не уронит.

На том и порешили. От лесовиков вышел справный молодец в кольчуге, с дорогим поясом. Должно быть, из лучших местных бойцов. И копье у него тоже было боевое, не охотничье. Встали шагов за тридцать. Вятич еще шагов на пять отошел, разбежался, размахнулся вполне профессионально...

И копье оказалось в руке Икмора. Ничего удивительного. Княжских воев этому фокусу с молочных зубов учат. Сначала – с палками, потом – с тупыми копьями, а потом – и с настоящими. Забаву эту от скандинавов переняли. У морских разбойников традиция такая: сойтись кораблями и кидаться друг в друга всяким боевым железом. А поскольку железо в море – дефицит, приходится «посылочки» противника ловить и использовать. Ловить, естественно, руками, а не брюхом.

Так что Икмор «посылочку» поймал, дождался, пока его соперник возьмет щит, отошел еще шагов на двадцать – и метнул. С душой метнул, мастерски. Попал аккурат на две ладони повыше середины (чтоб руку вятичу не повредить). Копье продырявило щит и вылезло с той стороны как раз напротив горла лесовика.

Со стрельбой получилось еще забавнее. Вятичи опять повесили свою «белку» на шестке, на этот раз шагах в полтора роста. Вятский охотничек отстрелялся – сделал дырочку в нужном месте. А Машег... А Машег на стрельбу выехал верхом. И по сигналу развернул коня и полетел... прочь от контрольной линии (русы расступились, дав ему дорогу), а шагах в трехстах хузарин резко осадил коня, перевернулся в седле и выпустил стрелу. Попал, разумеется.

Лесовики загудели, как их сосны под ветром. Только погромче. Еще бы! Их лучникам не то что попасть, просто выстрелить на такое расстояние вряд ли по силам.

– А наш все-таки камень метнул дальше! – заявили старейшины.

– Дальше, – согласился Святослав. На этот раз он вел переговоры лично. – А все равно вам под руку мою идти.

– Как урядились, – вздохнули старейшины. Засеку их родичи уже старательно растаскивали. – Только нам бы долю поменьше...

– Я ведь и так меньше хузар беру, – напомнил Святослав.

– Дык, хузары... Они ить не каждый год... – пробормотали старейшины.

– Ладно, – смилостивился князь киевский. – Будете мне пятнадцатую долю отдавать. И еще – отроков своих.

– Это еще зачем? – сразу оцетинились старейшины. – Про то уговора не было!

– Затем, что будут в дружине моей. Научатся биться, как гридни мои. Видали моих гридней?

Старейшины гридней видали. И доспехи оценили, и гривны золотые, и особенно – мастерство воинское.

– Так наши, это, не смогут...

– Смогут! – заверил Святослав. – Корень у вас крепкий.

Старейшины переглянулись, польщенные.

– Будущей весной воевода мой Свенельд сам к вам придет, отберет из молодых ваших тех, кто к воинскому делу способен.

– Ну тогда мы согласны, – объявили старейшины.

Простодушные люди. Невдомек им, что князь воевода не только отроков отбирать придет, но и дороги для будущего полюдьа прокладывать. Да и отроки... Коли забирать из народа самых сильных и храбрых, останутся в нем только скромные да покладистые. Смерды.

Вассальный договор заключали, конечно, не на дороге – в городище. Хотя городище – это громко сказано. Частокол метра три высотой, а внутри несколько десятков грязных халуп. У старейшин халупы чуть побольше и немного почище.

Но попиروвали знатно. Дней на пятнадцать затянулось.

Потому что, пока пировали, от городища потянулись гонцы к другим родам. С приглашениями. И уже день на пятый стали прибывать посланцы от иных вятских колен – поглядеть на русов. А заодно прикинуть: не стоит ли, пока худого не вышло, добром под власть киевского князя пойти.

Надо сказать, киевляне тоже в долгу не остались: отдаривались. Особенно же много «подарков» осталось зреть в чревах местных красавиц. Как, должно быть, вятские парни обрадовались, когда русская рать снялась и отправилась в соседнее городище...

В общем, поход удался. Последнее славянское племя вошло в состав Киевского Великого княжества. Причем совершенно бескровно. И, главное, путь на Хузарский хаканат теперь был свободен. То был год 964 от Рождества Христова.

Глава четвертая

До́ма

Август Духарев провел дома. Бездельничал. Наслаждался жизнью, Сладой, вкусной домашней пищей. Играл с младшими. Старший дома почти не ночевал: гонял по степи с варягами, время от времени объявлялся – пропыленный, пропахший конским потом, с кабаньей или тарпаньей тушей, с грудой битой птицы, – бросал небрежно:

– Мать, вели, пусть там дичину приберут. И баньку протопить...

Волокушу втаскивали во двор. Ее тут же окружали детишки, трогали грозные кабаньи клыки, торчащие из навечно оскаленной пасти...

День парень отсыпался, еще пару дней отдыхал: бился с отцом на деревянных мечах, играл в шахматы (с легкой руки Артака все в доме, включая Сладу, пристрастились к этой игре), ночевал на сеновале с дворовыми девками (игнорируя неодобрение матери), ходил с отцом на торг. Тоже не столько за покупками, сколько для развлечения: лошадок посмотреть, воинскую зброю примерить, диковины всякие заморские пощупать. Еще послушать, что говорят, какие новости. Рынок на Подоле был в Киеве главным информационным центром.

А дня через три появлялся во дворе кто-нибудь из Труворовой молодежи, непременно отмечал свое почтение батьке воеводе, осведомлялся, не против ли тот, чтобы его сын...

Воевода был не против, и через полчаса Артем, полностью экипированный, на сытой, отдохнувшей лошадке, ведя на поводу такую же сытую и отдохнувшую заводную, выезжал со двора.

Духарева вольная жизнь сына вполне устраивала. Кроме того, он знал, что, когда с деревьев осыплются листья, ловитвы закончатся, и Артем возьмется за стило.

Не очень обременяла воеводу и дружина, чья численность ныне достигла шести сотен. Хузарские сотни и варяги, ставшие заправскими степняками, кочевали где-то в Приднепровской степи. Чуть больше хлопот было с сотней Понятки, вернее, с проходившей в ней обучение молодежью.

Зато Понятко, пользовавшийся полным доверием Слады, избавил Духарева от необходимости собирать дань с подвластных смердов. Владений теперь у Сергея было изрядно, окучивать их – дело трудоемкое и неинтересное.

Время от времени воеводу призывал к себе Святослав. Иногда – просто так, пообщаться. Иногда – на совет. Планировался будущий набег на Хузарский хаканат.

Дело было серьезное и сугубо секретное. При всем своем нынешнем упадке Хузария представляла собой весьма грозного противника, способного выставить не менее пятидесяти тысяч элитных воинов (половину из которых составляли наемники) и втрое больше ополченцев. Сам же Святослав, даже с поддержкой дружин подвластных ему князей и скандинавских викингов, мог рассчитывать на двадцать пять – тридцать тысяч профессиональных воинов. Ополченцев можно было набрать вчетверо больше, но даже если заняться этим сейчас и сейчас же организовать их подготовку, все равно средний киевский гридь порубил бы десяток таких новобранцев в считанные минуты.

Значит, следовало искать союзников. И тут вариант был единственный. Печенеги. А вот из печенегов следовало выбирать между большим ханом племени цур Балой и большим ханом племени цапон Куркутэ. В идеале было бы неплохо заключить союз с обоими, поскольку и тот и другой, узнав, что великий князь с дружиной в отлучке, вполне могли наехать на Киев.

Но, во-первых, цур и цапон друг с другом не очень-то ладили; во-вторых, печенегов в союзном войске должно быть вдвое меньше, чем русов. Иначе будут проблемы.

Куркутэ кочевал ближе к Днепру и вдобавок уже ходил в походы вместе с отцом Святослава. Зато Бала был моложе и активнее. И, вероятно, испытывал больше уважения к киевлянам. Именно потому, что *не ходил* в походы с Игорем.

В конце концов, этот вопрос решили отложить до следующей весны. Святослав намеревался вскорости отправиться на полюдьё – сквозь всю свою землю вплоть до Варяжского моря. Там он попутно займется вербовкой для будущего хузарского похода. Тем временем Свенельд приступит к формированию и подготовке ополчения. И начнет с вятичей, которые по договору обязаны дать Киеву не менее пяти тысяч новобранцев.

Духарев отбывал вместе со Святославом. У Сергея были неплохие связи на севере.

Срок отправления назначили на последний день августа-серпня.

Двор княжьего Детинца был практически пуст. Стража у ворот, несколько челядников да пара пацанят, ожесточенно колотящих друг друга маленькими деревянными мечами под присмотром пестунов. Один из пестунов – сотник Добрыня, другой – тоже сотник по имени Претич. А пацанята – сын угорской княжны Ярополк и сын ключницы Владимир. До пяти лет Владимир жил вместе с матерью и дядькой в подаренном Ольгой сельце где-то под Смоленском. Потом Святослав забрал сына в Киев. Дядька поехал с ним, а вот что случилось с ключницей, Духарев не знал. И не особо интересовался. Должно быть, замуж вышла. Баба красивая, а что была княжьей наложницей, так это не позор.

Святославовы сыновья мало походили друг на друга: Владимир пониже ростом, беловолосый, круглолицый, коренастенький. Ярополк – повыше, потоньше, голова темная, лицом – в мать-мадьярку. Вернее, в деда, дьюлу Такшоня.

– Не по чести! Неправильно! – вдруг закричал маленький Ярополк.

– А ты берегись, Ярко! Берегись! – звонко крикнул Владимир.

И налетел на единокровного брата с новой силой.

Пестуны не вмешивались, только усмехались в бороды. Оба – бородатые, не варяги.

На крыльцо, должно быть, на голос сына, вышла великая княгиня. За эти годы она прибавила росту, стала осанистее и еще красивее. Сейчас живот ее округлился: ждала ребенка.

Духарев поприветствовал ее с подобающей вежливостью. Княгиня улыбнулась ласково. Она не забыла, кто привез ее в Киев. Сергей знал, что великая княгиня в дружбе со Сладой и, когда он в походе, жена частенько навещает княжий терем.

– Смотри, как он вырос, воевода! – сказала княгиня, с любовью глядя на сына.

– Они оба выросли, – заметил Духарев.

– Оба? – княгиня не сразу поняла, что Сергей имеет в виду Владимира. – А... Маленький рабичич... Да, он тоже вырос.

Нет, не считала она первенца Святослава ровней своему сыну. Товарищ для игр – пожалуй. Но не ровня. Бастард и есть бастард.

Духарев подумал: может наступить время, когда выросшие братья схватятся уже не на деревянных, а на настоящих мечах. Впрочем, пока жив их отец, этого точно не случится.

Вспомнилось ему вдруг, что некий князь Владимир окрестил Русь. Может, этот? Хотя вряд ли. Вот Ярополк, тот мог бы: с младенчества

крещен.

– Когда уходите? – спросила княгиня.

Неужели муж ей не сказал? Впрочем, тут особой тайны нет.

– В последний день серпня.

– А-а-а... – княгиня сразу погрузилась.

Совсем недолго ей осталось побыть с мужем. Она его по-настоящему любила, но Святослав, даже когда бывал дома, уделял ей совсем немного времени. Не потому что излишне увлекался другими женщинами, а потому что – великий князь. Битвы, слава, расширение подвластных земель – вот его настоящая любовь.

У Сергея – не так. Когда он сидел дома, всегда старался побольше побыть со Сладой. Сладушкой...

Глава пятая, которая начинается с мирного пиршества в Новгороде, а заканчивается грабежом и убийствами

– А вот у нас в Новгороде и без князя порядок есть! – раздался хмельной голос старшины Плотницкого Конца. – А коли что не так, то... – старшина забонкал, подражая звону вечеревого колокола. – И всем миром!

Святослав не спорил, только усмехался. Видел он, как это – «всем миром». Собрались старшины да бояре, каждый со своей челядью, орали часа три, потом и вовсе передрались. Зато, отведя душу и вволю помесив друг друга кулаками и дубинками, успокоились, расслабились и действительно приняли конкретное решение: ежели пожелает кто с великим князем киевским на хузар идти – пущай идет. Хузарское княжество – богатое, и товаров в нем нужных много, и мастеров полезных – тоже. Нужны Новому Городу и товары, и искусные рабы-мастера. А коли возьмет под себя великий князь Хузарский хаканат – тоже не без пользы. Можно будет напрямую с арабами да персами торговать, без посредников. Вольный город Новгород. Особенно вольный – для тех, кто с тугой мошной.

По случаю благополучного решения городская старшина закатила пир. Собралось человек триста: князьки гридни, лучшие люди новгородские. «Лучшие люди», за исключением пары-тройки престарелых богатеев, нажрались до свинячьего визга. Уже и подраться успели, и помириться. Князь со своими сидел наособицу, усмехался благожелательно. Ел немного, пива-мёды лишь пригублял. Новгородский наместник непрестанно шептал

ему на ухо: рассказывал, кто есть кто, чем славен, чем слаб. Наместник был немолодой, но толковый, Ольгой ставленный, хитрец и дипломат. Другому с этой буйно-корыстной вольницей не ужиться. Вдобавок покойный князь Игорь, вечно нуждавшийся в средствах, распустил новгородцев поблажками да потачками. Хорошо ещё, что в Полоцке сидел решительный и строгий Роговолт. В Новгороде его на дух не переносили, но побаивались. Полоцкий князь умел больно бить по загребушим ручонкам.

Духарев остановился у Сычковой родни. Хотел посмотреть на город не с высоты княжьего терема, а изнутри. Поселился сам, без охраны и даже без Артема (тот остался с дружиной), только Сычка, естественно, оставил при себе.

Родня у Сычка оказалась небедная: несколько дворов, три кузницы, огнищ^[55] в округе – немерено. При Сычке его род таким богатым не был. За последние лет десять поднялся на торговле с мерянами да северными дикарями.

Духареву почет был оказан по высшей новгородской мерке. Поселили в новеньком доме, приставили трех челядников, девку дали для постели. Даже трапезы ему отдельные устраивали, исключительно с наиболее почтенными родовичами.

Сычок, бывший при Сергее чем-то вроде денщика и оруженосца одновременно, раздувался от гордости неимоверно. Еще бы! *Тот самый воевода Сергей*, о котором и песни пели, и сказки рассказывали. Давнишний поединок Духарева с печенежским богатырем за истекшие годы оброс невероятными подробностями. К этой байке приросли и другие истории: о том, как воевода голыми руками покрошил целый хирд нурманских берсерков; о том, как воевода будущую киевскую княжну из пасти зверя огнедышащего вырвал и князю своему привез... Короче, враньё на вранье, и большая часть этих баек не имела к Духареву ни малейшего касательства. Многочисленные скальды-баяны великой земли всласть пофантазировали, желая повеселить публику.

Едва ли не в первый же день во двор, где квартировал Духарев, заявился местный чемпион по мордобою. Пожелал вызвать славного киевского воеводу на поединок. При этом молодецки раскидал хозяйскую челядь, пытавшуюся ему помешать.

Духарев вышел, оглядел хулигана. Тот ростом ему почти не уступал и настроен был очень агрессивно, но когда увидел в руке у воеводы меч, петушиный запал новгородца угас.

– Вон! – холодно произнес Духарев. – Еще увижу – зарублю, как свинью.

Вообще жизнь у Сычковой родни Сергею очень скоро наскучила. У ворот вечно толпились зеваки. Ни на торг нормально сходить, ни по двору пройти.

Поэтому когда к нему прискакал посол из Детинца, он с удовольствием покинул гостеприимный кров, разрешив Сычку пожить пока со своими.

В терем его позвал не князь. Святослав с сотней дружинников отправился инспектировать Плесков. Прискакал гонец от старшего сына Ольбарда Красного. Сам Ольбард еще не вернулся из морского похода, но сын его, старший брат Трувора, прознавший о родовичах, прибывших в Новгород, послал спросить: не отпустит ли великий князь Трувора сотоварищи хоть ненадолго в родные края? Сетовал: сам бы приехал, да не на кого вотчину оставить.

– Можно? – с надеждой спросил Трувор.

Духарев поглядел на наместника: тот пожал плечами. В отсутствие Святослава воевода Серегей был над дружиной старший.

– Добро, – согласился воевода. – Бери своих родовичей – и езжай. Срок тебе – до новой луны.

– А можно, батька, я твоего Артема возьму?

– Бери, – разрешил Духарев. – Нет, погоди...

«А самому-то мне что в Новгороде сидеть? Штаны протирать да жрать за счет старшины? Этак можно брюхо наесть почище, чем у Ольгиных бояр!»

– Я тоже с вами поеду! – заявил он.

«Поеду. Заодно выясню, может, кто из соседей-скандинавов желает за Святослава повоевать».

– Как, примет меня твой брат? – спросил Сергей своего сотника.

Трувор расцвел:

– Еще как примет, батька! Не пожалеешь!

Оставшуюся дружину Духарев доверил сотнику Гримми.

Поехали вдвенадцатером: Духарев с сыном, Трувор и девять варягов из Ольбардова рода. Все, что были в Новгороде. Заводных не взяли, только пару выючных. Здесь – не Дикое Поле, на лесных тропах не разгонишься.

Духарев с удовольствием вдыхал знакомый запах. Ехали они туда, где много веков спустя встанет над болотами родной город Сергея. Этот лес, конечно, много гуще и чище, но знакомый с детства дух все равно чувствуется. Или Сергею кажется?

Варяги тоже расслабились: почти родные места. Сняли брони, шлемы,

приторочили к седлам.

К вечеру второго дня подняли лося-двухлетка. Первый выстрел отдали Артему – как младшему. Парень не сплеховал: подкрался и вогнал сохатому стрелу меж ребер точно в сердце.

Зверя погрузили на волокушу и протащили еще четверть поприща. Лагерем стали, когда вышли к реке. Река была широкая, но не Нева и не Волхов. Впрочем, без разницы.

Было светло: север все-таки. Варяги набили стрелами рыбки, пару уток. Не потому что мяса мало, а для разнообразия. Сварганили супчик, накидав туда травок с корешками, да еще ячменя – для наваристости. Лосятину жарили на живом огне. Кроме языка. Этот сварили и, густо посыпав солью, поднесли воеводе. Артем как главный добытчик получил печенку.

После двухдневной прогулки по лесу простая жаренка и немудреная ущица показались вкуснее, чем новгородские яства.

Покушали. Устроились на бережку так, чтобы ветром хоть часть комариков сдувало.

А вот поспать толком не удалось. В начале второй стражи дозорный растолкал Духарева:

– Воевода, проснись, воевода! Чуешь?

Сергей принял. В воздухе ощутимо пахло паленым. И не костром – лесные дровишки пахнут не так. Так пахнет, когда горит человеческое жилище.

– Буди всех, – велел Духарев.

Он сбегал к реке. Здесь дымом тянуло сильнее. Сергей прислушался: над водой звук идет лучше. Кажется, расслышал что-то.

Рядом зашуршал песок. Трувор. Он тоже прислушался...

– Кричат, – сказал он. – Там, – варяг махнул рукой вниз по течению. – Что скажешь, воевода?

– Вздеть брони и на-конь!

Трувор кивнул. Он не ожидал другого ответа.

– Водой пойдем? – спросил Трувор. – Тут берег гладкий.

Духарев молча вскочил в седло, пустил коня рысью по мелководью, на ходу натягивая панцирь. Было довольно светло. Полнолуние.

Минут через пять уже и Духарев различил отчаянные вопли.

Не сговариваясь, варяги прибавили ходу. Теперь их кони шли ровным коротким галопом, разбрызгивая темную речную воду. Река отвернула влево, и русам открылся небольшой заливчик, где, въехав носом на песчаный берег, стоял... драккар!

На мгновение Духарев замешкался: их всего двенадцать, тогда как на

таком корабле может уместиться больше сотни викингов. А викинги – это лучшие воины Севера, ничуть не уступающие варягам.

Пока Сергей думал, его сын вылетел вперед. Визгнула стрела – и один из скандинавов, оставленных присматривать за кораблем, повалился через борт и плюхнулся в воду.

Тотчас с полдюжины стрел порхнули с тугих степных луков – и еще двое выбыли из игры. Зато четвертый успел взреветь влюбленным оленем, предупреждая своих, прежде чем граненый наконечник навывлет пробил ему шею.

Деревня горела. Тут и там мелькали люди. Кто-то что-то тащил. Отчаянно кричали женщины и дети. Иногда крик срывался в нечеловеческий звериный визг.

Да, припозднились варяги. Но лучше поздно, чем никогда. Основное нурманское веселье – насиловать, резать, жечь – в самом разгаре.

– Вскачь! – закричал Духарев, сдергивая со спины лук. – Конно! Стрелами! В рубку не лезть!

Конечно, тут не было места для настоящей степной карусели. Тесновато. И все-таки...

Духарев бросил коня между горящих изб. Вылетевший навстречу скандинав широко замахнулся секирой... и опрокинулся со стрелой в груди. Вот так вот! Никакая бронь не выдержит стрелы из настоящего хузарского лука, посланной в упор.

Бум! Еще один северный разбойник отправился в Валхаллу. Следующему, выскочившему из избы прямо под выстрел, стрела вошла точно в глаз. Духарев развернулся в седле, пытаясь углядеть, как там Артем... Но увидел двух викингов, бегущих за воеводой. Крутые парни очень быстро перебирали ногами. Верно, надеялись обогнать лошадь. Две стрелы, одновременно сорвавшиеся с тетивы Духарева, лишили их этой надежды. И жизнью заодно.

Ага, вот еще один! Духарев заметил его вовремя. Как раз, когда тот занес копьё...

– Стой! – Сергей голосом осадил коня.

Копье ширкнуло аккурат перед мордой коня...

В этот момент откуда-то сбоку выскочил еще один нурман и безжалостно рубанул бедное животное по задним ногам.

Конь с жалобным воплем повалился на землю. В падении Духарев потерял лук и щит. Но меч был при нем, и набежавшего врага, уже чувявшего легкую добычу, он встретил, как подобает: косым ударом сверху вниз. Викинг заорал. Естественная реакция для человека, оставшегося без

ноги.

Духарев пинком вышиб и поймал левой рукой на лету его меч (эх, не судьба разбойничку попировать с Одином: без железки в руке помрет) и угостил железом второго северянина сразу с двух сторон. Тот прикрылся, но струсил. Подался назад, завопил, скликая своих.

Набежали сразу трое. Впереди громила с секирой и нетрадиционным для нурманов рогатым шлемом. Должно быть, в одном из южных походов добыл. Громила, хрипя и подвывая, накинулся на Духарева, давя здоровенным щитом и размахивая секирой со скоростью вентилятора. Причем каждый взмах был нацелен на конкретное повреждение организма. Духарев изловчился трижды достать его мечом, но громила не замечал ран. Берсерк, не иначе. К счастью, его товарищи тоже старались держаться подальше от пляшущей секиры, чтобы ненароком не угодить под раздачу.

Закончилось все неожиданно. За спинами викингов мелькнула серая тень, простучали копыта, звонко щелкнула тетива – и из бородачи громилы вынырнул красный клювик наконечника стрелы.

Такую рану даже берсерку и ульфхеднару игнорировать не под силу. Двое его приятелей опрометчиво развернулись в стрелку, но тот уже умчался, а вот Духарев был рядом. И еще двумя викингами стало меньше.

Наконец Сергей получил краткую передышку и попытался сориентироваться.

Он находился у одной из крайних изб. Вокруг валялись тела викингов, которых он положил, и нескольких мёртвых крестьян – мужчин и женщин. Позади избы пылало пламя, слева, шагах в пятидесяти, темнел лес. Справа – несколько изб. Дальше – опять горело. Там звенело железо и трещало пламя, дым щипал глаза. В двадцати шагах бился и ржал покалеченный конь Сергея.

Кто-то вдруг завыл по-варяжски, волком. Духарев встrepенулcя. Бросился к бьющемуся на земле коню, кольнул его мечом в горло («Прости, брат!»), подхватил колчан («Эх, стрел маловато!»), лук (меч – в ножны), и бегом – туда, где драка.

Мимо вихрем пролетел всадник. Духарев отпрянул, но всадник его узнал: «Я свой, батька!» – и нырнул прямо в клубы дыма.

Вокруг прыгали длинные тени. Бой распался на множество стычек. Обогнув горящую избу, Духарев наткнулся на трех викингов, прижавших кого-то к тыну и, похоже, намеревавшихся брать живьем. Мимо Духарева, на подмогу северянам, пробежал четвертый. На Сергея он внимания не обратил. Шлем и панцирь у Духарева – типично скандинавские. Да и рост соответствующий. В общем, принял Духарева предок мирных норвежских

рыболовов за своего – и поймал стрелу под лопатку.

Духарев черпнул из колчана еще три и спокойно, словно в соломенные мишени, одну за другой отправил их в спины северных разбойничков. Особенно не прицеливался. Знал: ни один панцирь – ни даже панцирь с кольчугой, ни даже его собственная отменнейшая бронь – не выдержит полутонного удара граненого наконечника. Викинги попадали, и за ними обнаружился десятник Велим, немного помятый, но не побежденный.

– Батька, сзади!!!

Духарев отпрыгнул, одновременно разворачиваясь в прыжке, роняя лук и выхватывая меч. Следующий выпад он встретил основанием клинка, и тут же ответил сам – с двух рук, мощно. Его противник на миг опешил, обнаружив, что от первого же удара варяга его щит развалился пополам. Новый удар оставил викинга без меча. А заодно и без правой руки. Добить разбойничка Духарев не успел. Сбоку прилетело копье. Духарев перехватил его левой рукой, хекнул и метнул копье в черный силуэт его бывшего хозяина. Звук попадания не услышал.

– Батька, я тут! – закричал Велим. Он уже был при мече и щите. – Вон, батька, бегут!

Духарев бросил меч в ножны, подобрал лук.

Сочно защелкала тетива. Викинги тоже умели уворачиваться от стрел и отшибать их клинками, но духаревские летели вдвое быстрее, чем привычные скандинавам. Мелькание теней и пламени тоже изрядно мешало... Словом, бежали к ним пятеро, а добежали только двое. Этих Велим не подпустил к своему воеводе. Бились викинги отменно. Один бы Велим не продержался и нескольких минут, но за его спиной был Духарев, который сшиб одного викинга стрелой, а другого – уже мечом, потому что стрелы кончились.

– Колчан твой где? – крикнул он Велиму.

Тот мотнул головой:

– При седле остался!

Духарев бросился к убитым, выдернул пару стрел, больше не успел. И выстрелить не успел. На него накнулись сразу трое. Одного оттянул на себя Велим, но два оставшихся – здоровенных, с закопченными мордами скандинава – тоже немало. Тем более Сергей уже подустал. Второго меча у него не было – он подобрал чей-то щит. Викинги работали слаженной парой: один, длиннорукий, активно махал секирой, норовя излохматить щит, второй, с мечом, вертелся сбоку, искал варяжской оплошки.

Но оплошал викинг с секирой. Духарев искусно подставился: дал ему вогнать секиру в верхний край щита, слегка довернул – и викинг, потеряв

равновесие, пропустил колющий удар под мышку. Меч вошел легко – и увяз.

Духарев еле успел увернуться от второго разбойника. К счастью, секира нурмана застряла в щите и досталась Духареву. Сергей отпрыгнул назад и встретил врага ударом в голову. Тот пригнулся, но топор все-таки задел шлем: ремешок лопнул, и шлем слетел с головы скандинава. Викинг должен был быть оглушен... Вернее, этого ожидал Духарев. И едва не расстался с жизнью. Ответный удар викинга был молниеносен. Лишь в самый последний момент Сергей успел уйти, изогнувшись под совершенно немыслимым углом, но меч викинга все равно чиркнул его по лбу, и кровь залила правый глаз. Меч снова взлетел, Духарев вскинул секиру, как бы парируя, но враг был хитер и не купился – поднял щит. Вот сейчас он отведет удар топора, а сам одновременно ударит понизу, со стороны залитого кровью глаза. Духарев рассмеялся: он видел все намерения противника. Секира описала кривую, целя викингу в ногу, тот, естественно, среагировал: уронил щит вниз, спасая голень... А Духарев могучим рывком увел оружие вверх, по дуге. У него аж в плече хрупнуло от усилия. Краткий миг: маска ярости на закопченной роже викинга сменилась маской ужаса. Враг не почувствовал ожидаемого удара в щит, успел понять, что ошибся... В следующий миг секира снесла ему верхнюю половину черепа.

Викинг еще падал, а Духарев уже развернулся на звон железа, увидел спину еще одного скандинава, в таком же рогатом шлеме, как и у поймавшего стрелу в шею берсерка. Не раздумывая, Сергей метнул секиру, и «рогатый» упал.

– Велим, цел?

– Вроде того.

С руки десятника капала кровь, но рана была, сразу видно, пустяковая. Если нурманское железо достаёт по-настоящему, кровь не капает, а хлещет.

– Кажись, мы победили, батька? Звону-то не слышать?

И точно: вопли, бабий плач, треск огня... Но характерных звуков боя не было.

– Или нас, – неоптимистично предположил Духарев.

Велим сверкнул белыми зубами и вдруг выпустил волчий вой. Тотчас отозвались трое или четверо «волков». А буквально через секунду из темноты вырвался всадник, осадил в шаге от Духарева, сорвал шлем... Сергей узнал коня раньше, чем увидел замурзанное, счастливое лицо сына.

– Видел, батя, ты видел? Как я того, рогатого, а?!

Выходит, это Артем его выручил! Ну, молодец!

Подошли Трувор и еще двое. Все – пешие.

– Собирайте наших, – сказал Духарев. – Я сейчас.

Он выдернул из спины викинга секиру и побрел к бережку. Устал, однако. Чай, не мальчик, пятый десяток пошел.

Сергей наклонился, черпнул шлемом прохладную воду, окунул голову...

Тень драконьей головы косо падала на песок.

Духарев положил шлем, вскарабкался на борт драккара, отпихнул мертвого викинга, поднатужился, снял со штыря «дракона» и швырнул вниз. Вот так-то лучше.

Сергей спрыгнул на песок и пошел к своим – помогать.

Потеряли они четверых. Еще трое были ранены. Погибли все лошади, за исключением Артёмовой. Викингов уложили сорок шесть человек, включая корабельную охрану. Это оказались не нурманы, а свеи. Впрочем, разница невелика. Духарев понимал, что ему с варягами здорово повезло, что успели побить стрелами две трети противников, пока те расчухались и спешили нападавших.

Больше всех завалил Духарев: десятка полтора. Правда, ни у кого из варягов не было такого мощного лука. Шестерых прикончил Артем. Исключительно стрелами. Он единственный не дал себя спешить. Это было замечательно, потому что в рукопашной со свеями Артем бы не устоял. Викинги были матерые, в отменных бронях... Какого черта им понадобилось в заброшенной деревушке?

Это, впрочем, тоже выяснилось. Деревушка оказалась новгородским погостом. Так что, кроме мирного населения тут квартировали тиун и несколько воев. Свеи порубили их так же просто, как обычных смердов. От всего поселка уцелели только несколько женщин и десяток детей, успевших убежать в лес. Остальных, включая малолеток, свеи перебили. Скорее всего, и этих нашли бы и зарезали, чтобы не оставлять свидетелей. Один из раненых викингов, которого допросили перед тем, как милосердно перерезать горло, заявил, что хирд шел в Новгород наниматься на службу Святославу. Но акулья скандинавская порода взяла свое: свеи прослышали о погосте и решили поживиться. Не окажись Духарев со своими поблизости, пришли бы свеи в Новгород как ни в чем не бывало, а меха, бобровую струю и прочие ценные вещи, взятые на погосте, с прибылью продали бы на киевском торгу.

Теперь вся добыча досталась варягам. Это радовало. А вот свеев было жалко. Не по-человечески, а из военных соображений. Крепкий свейский хирд был бы не лишним в будущем походе.

Коней тоже жалко, хорошие были кони. Зато варягам достался отличный драккар на двенадцать пар весел, способный к морскому плаванию. Отменный драккар, почти новый, можно сказать, только обкатанный. Все это Духареву сообщил Трувор, разбиравшийся в кораблях не хуже, чем хузарин – в лошадях, а кыпчак – в верблюдах. Правда, команда у них для такого красавца была маловата, грести могли только трое: Сергей, Трувор и еще один варяг. Артем постоянно находился при раненых, а Велим, раненный легко, но неудачно – в левую ладонь, тоже на вёсла сесть не мог: одной рукой много не наворочаешь. Его пристроили у кормила. Впрочем, Трувор уверял, что вниз по течению да еще с попутным ветром он и один сможет довести драккар до ближайшего варяжского форпоста. А там у них будет столько рук, сколько понадобится.

Приготовленную для новгородцев дань он тоже прибрал. Духарев узнал об этом, только когда они отплыли. Но это было по Правде: отбитая у разбойников добыча исконно принадлежала тем, кто ее отбил. На море ли, на суше – какая разница? Духарев еще слегка беспокоился об уцелевших местных: как они выживут без мужиков, но решил, что это не его проблемы. Припасов смердам хватит три зимы пережить, из четырнадцати изб сгорело только пять. Короче, выживут. И вообще вскоре сюда приедут новгородские мытари, пусть они и разбираются со своими данниками. От щедрот Духарев оставил им Артемова коня. Конь хоть и хорош, но не боевой, обычный. Артем не возражал. Ему достались изрядные трофеи: брони и оружие побитых им викингов. И четырнадцатая доля с добычи: три доли Духареву как воеводе и по одной – каждому из варягов, включая мертвых. Впрочем, Артем в любом случае не стал бы спорить. Он был не жаден, да и к поселянкам, оставшимся без мужской опоры, испытывал сострадание. Тех двоих девушек, которых в свое время отобрали swei, предлагал даже взять с собой. Дескать, они и с ранеными помогут. Духарев, однако, не разрешил. Так что с собой варяги взяли только своих, мертвых. Обмазали медом, зашили плотно в шкуры и уложили на дно драккара. Можно было их предать огню и в поселке, но Трувор попросил взять тела с собой. Сергей согласился: его родичи, ему виднее. А вот со swei поступили неуважительно. Ободрали и уложили грудой в ближайшем лесочке. Пусть у лесных хищников будет маленький праздник.

Через два дня (быстрее, чем верхом) они пересекли условную границу новгородской пятины, и на следующее утро по правому берегу началась земля, подвластная Ольбарду Красному. Белозерье. Там их уже ждали: свейский драккар – заметная штукавина. Там же они приняли на борт еще десяток гребцов: охотников и попутчиков, которым надобно было попасть в

княжий град. К этому времени уже было ясно, что все трое раненых выживут. Главная заслуга в этом принадлежала, безусловно, Артему. Духарев был горд. Спасать жизни, по его мнению, было более высокое деяние, чем отнимать. Славно, что его сын перенял у матери это искусство.

Глава шестая

Стемид, сын Ольбарда, белозерский княжич

Старший сын Ольбарда Красного Стемид на младшего, Трувора, был совсем не похож, а похож он был на типичного скандинава. Рыжий, курносый, широкий, весь в веснушках. Впрочем, среди природных варягов таких было немало. Это северное славянское племя последние сто лет не только дралось с викингами за право ходить по пенным дорогам Северного моря, но и роднилось с ними. Общность суровой жизни сделала их похожими на скандинавов не только внешностью, но и обычаями. Даже именами. Правда, варягам было полегче: за ними – Белозерье, богатый лесной край, и прямая дорога через южные земли киевского князя к ромеям. Или к хузарам. Варягов везде пропускали беспрепятственно. Они жили по Правде и никогда не грабили тех, кто слабее... Ну, почти никогда. По крайней мере во владениях киевских князей, с которыми у князя белозерского было давнее Уложение, подкрепленное вдобавок кровным родством: не было у руси князей-неварягов. Хотя ныне варяги были уже не столько родом-племенем, сколько воинским братством, все равно лучшими в нем были те, чьи усы были выкрашены синим.

Синими были длиннющие усы княжича Стемида. И чуб, свисавший на ухо с бритого черепа.

– Ага! – воскликнул он вместо приветствия. – Знакомый кораблик! Неужто Олли-ярла драккар? А где же он сам?

– Поищи в рундуках! – закричал Трувор. – Где-то там лежит панцирь этой черепахи!

Младший княжич прыгнул на дощатый причал и обнялся с братом.

– Неужто Олли-Рогатый на вас наскочил?

– Нет. Погост он грабил, а тут мы...

– Наш погост? – Стемид нахмурился.

– Нет, новгородский. После, брат, расскажу. Я ведь не один приехал, с воеводой.

– О-о-о!

Стемиду редко приходилось задирать голову, чтобы посмотреть в глаза

собеседнику. Теперь пришлось.

– Вот, батька, – сказал Трувор. – Братец мой старший! А это, братец, большой киевский воевода Серегей!

Стемид поклонился вежливо, но в глазах его прыгали веселые искры.

– И верно, большой! – сказал он. – А слава твоя – еще больше! Я...

Тут что-то мелькнуло мимо головы Сергея и врезалось бы Стемиду в лоб, не поймай тот брошенный предмет на лету.

– Ты спрашивал об Олли? – закричал с носа драккара Артем. – Это его шлем! Это я его убил, Стемид!

– Гм... – Стемид сделал вид, что внимательно изучает шлем. – А может быть, ты его просто нашел, парень?

Сопровождавшие княжича варяги захохотали, но Артем не обиделся. Он больше года ходил в отроках у Ольбарда и был в Беловодье своим. Ему были рады.

– Вы, должно, устали с дороги? – спохватился Стемид. – Воевода, окажи честь, будь моим гостем!

– Благодарю, княжич! Надеюсь, ты приглашаешь не только меня?

Стемид сначала нахмурился, потом сообразил: воевода шутит.

– Ну, может, еще этого малорослого делателя вдов! – он хлопнул по плечу вставшего рядом с отцом Артема. – Остальные, смотри, уже разбежались.

Действительно, из всей ватаги остались только Трувор, Артем и сам Духарев.

Трувор наклонился к уху брата, прошептал что-то. Тот помрачнел, глянул еще раз на драккара, сказал Трувору:

– Сам распорядись, они – твои, – повернулся в Духареву. – Пойдем, воевода, в терем. Самое время помыться с дороги. Потом поздно будет.

– Почему? – удивился Сергей.

Неужели есть какой-то неизвестный ему варяжский обычай?

– Так зима скоро! – развел руками Стемид. – Вода замерзнет!

Артем хихикнул.

Уже поднявшись на крутой берег, к воротам белозерского городища, Духарев обернулся и увидел, как с драккара снимают защитные мешки.

Глава седьмая

Тризна

Дом князя белозерского Ольбарда был хорош. Высокий, крепкий, с башенкой, откуда открывался вид не только на варяжский городок, но и на все подступы – от опушки до противоположного берега озера. Сам же городок был небольшим: несколько десятков дворов, огражденных двойным частоколом.

По рассказам Рёреха Духарев знал, что на морских берегах варяги строятся не так. Возводят «длинные дома» – огромные полуземлянки на скандинавский манер. Иначе не уберечься от пронизывающих зимних ветров. Но здесь, под защитой леса, это не обязательно.

В Белозерье Духарев был впервые, хотя с Ольбардом Красным встречался уже дважды. Ольбард ему нравился. Вероятно, и он пришелся по душе варяжскому князю, коли тот согласился принять в обучение Артема. Тем более пестуном Артема был Рёрех, а Рёрех, как ни крути, Ольбарду – дядя. Не будь Рёрех так страшно покалечен, может, сам стал бы белозерским князем прежде Ольбарда. Так что авторитет у Рёреха в Белозерье – огромный. И первый вопрос Стемида был о нем.

– Здоров, – успокоил Духарев. – Еще нас переживет.

Потом последовали вопросы по делу. Очень Стемида интересовало, почему великий князь киевский на сей раз прибыл в Новгород лично?

Духарев объяснил. Здесь можно и нужно было говорить без утайки.

– Могу к соседям послать, – предложил Стемид. – Пусть известят, что Киеву воины нужны. Платить как будете?

– Не обидим. И добыча будет огромная, пусть твои вестники так и скажут. Только пусть не говорят, на кого пойдем. От вас ведь к хузарам отдельная дорожка лежит, мимо Киева...

– Волжский путь ныне неудобен, – покачал головой Стемид. – Озоруют на нем много, гости торговые сейчас все больше по Днепру идут. Хотя и там, слышал, тоже беспокойно?

Духарев кивнул.

– Вот о том и речь, – сказал он. – Взять под себя хузарские земли, приструнить копченых – и ходить безбоязненно хоть в Царьград, хоть к парсам.

– Замыслы великие, – задумчиво проговорил Стемид. – Да хватит ли силушки у вашего князя?

– У нашего князя – хватит! – твердо ответил Духарев.

И Трувор поддержал. Воины Святослава верили в своего батьку.

Приятно спать на сухом и чистом, в тепле и под крышей. И никто не толкнет в плечо: вставай, твое время караулить!

Но разбудил Духарева не рассвет – солнце здесь, считай, и не заходило, – а сын.

– Батя, Трувор просит. Пойдем?

После вчерашнего голове было тяжело. Не надо было «зимнее»^[56] пиво на обычное класть.

Артем свистнул: появилась босоногая девка с полотенцем, кувшином и тазиком.

– Убери! – Духарев недовольно отпихнул тазик, как был, в исподнем, прошлепал вниз, во двор, к колодцу, показал сыну на бадейку рядом: – Наливай!

Опрокинул. Ах-ха! Ледяная водичка! Сразу полегчало.

– Еще!

Артем споро гонял вверх-вниз колодезную цепь.

После третьей стало совсем хорошо. Сергей отобрал у сына кожаное ведро, напился, огляделся. Дворовые Стемида деликатно не обращали на него внимания.

– Пойду оденусь, – сказал он сыну. – А ты организуй чего-нибудь перекусить.

– Кушать нельзя, батя!

Духарев посмотрел на сына... Не ели они обычно перед Причастием, но тут, в Белозерье, христианского священника быть не могло. Значит, какой-нибудь языческий обряд... Артем опустил глаза. На шее Сергея висел старенький крестик – последняя вещица, оставшаяся от *той* жизни. На шее его сына – тоже крестик. Намного богаче: царьградская работа, весь в самоцветах... Дядька Мышата подарил.

Но несмотря на усилия матери, варяжская Правда была парню ближе, чем христианская Истина.

– Ладно, погоди, я сейчас, – Духарев взбежал наверх, быстро переоделся. Бронь надевать не стал, только меч прицепил.

Артем ждал у ворот с запасной лошастью. Хотел спешиться, поддержать отцу стремя. Духарев не дал.

– Что я, калека? – проворчал он и махом прыгнул в седло.

У берега озера стоял плот. На плоту штабелями – дрова. На дровах – мертвые тела. Погибшие в схватке со свеями варяги. Тут же на берегу стояли белозерские ратники: сотни две, все, кто был сейчас в городе. Шагах в пятидесяти – женщины и дети. Поодаль, под присмотром пары воев, сидели на траве несколько мужчин и женщин потрепанного вида. Сергей отметил, что женщины все довольно молоды, а почти все пленники-

мужчины ранены. Некоторые – явно тяжело.

– Трувор с Велимом ночью на нашем драккаре к морю бегали. Там изгой свейские с позапрошлого лета живут... – негромко пояснил Артем.

Едва Духарев спешился, к нему поспешил Трувор.

– Батька! Почтим Перуна Громорукого!

– Перун! Слава! – рявкнули белозерцы.

Духарев медленно двинулся к пленникам. Он знал, что нужно сделать. Стемид и Трувор были княжичами, хозяевами на этой земле, кровными родичами погибшим. Но Духарев – воевода, батька. Именно в его ладони вкладывали свои руки погибшие. Именно ему отдали свои мечи. Сергею претило бессмысленное убийство, но отказаться было нельзя.

Он неторопливо подошел к пленникам. Четверо мужчин, может, воинов, но скорее простых землепашцев, бондов. Трое сидели на земле, повесив головы. Только один (Духарев про себя назвал его Злым) не смирился, глядел яростно. Этот точно не бонд.

– Откуда они взялись? – негромко спросил Духарев.

– С конунгом повздорили. Их ярла конунг убил, а эти убежали. Отец отдал им исполы залив за Китовым мысом. Дозволил жить.

– Ольбард позволил, а вы...

Трувор шевельнул плечами, кивнул головой на погребальную пирамиду: дескать, есть вещи поважнее отцова позволения.

– Олли-Рогатый у них неделю стоял, – сказал он, будто извиняясь. – Двое ихних с ним были.

В общем, понятно. Увидев знакомый драккар, «беженцы» решили, что это Олли вернулся. Варяжский набег застал их врасплох.

Духарев вынул меч из ножен. Свечи встrepенулись. Злой оскалился, женщины заплакали. Их тоже было четверо, причем две явно не свейского племени, мелкие, чернявые. Наверняка рабыни.

– Подержи, – Духарев передал клинок сыну. – Вы! – бросил он свеем по-нурмански. – Биться будете, или так зарезать?

Злой аж вскинулся.

– Дай мне меч, варяг, и я тебя убью! – закричал он.

– Дайте ему меч, – мрачно сказал Духарев. – И всем остальным – тоже.

А мне – два.

Через несколько минут пленники были развязаны. Им выдали оружие. Сергею дали пару прямых варяжских мечей: свой он в таком деле поганить не хотел.

Бонды приняли оружие привычно, но без энтузиазма. Настоящих ран они, похоже, не получили, просто были сильно избиты. Они не хотели

драться, они уже примирились со смертью. А вот Злой, ухватив оружие, сразу воспрял. Голова его была в крови, но рана не выглядела тяжелой.

Духарев оглянулся. Варяги уже образовали круг. Глаза у них горели в предвкушении зрелища...

«Не будет вам зрелища», – подумал Духарев.

– Перун!!! – грохнули сотни глоток.

– Оди-ин! – заорал Злой (Духарев угадал по губам, звук утонул в реве варягов) и устремился на Сергея.

На свое – кожаная куртка со стальными пластинами, на Духареве – только шерстяная рубашка. Не важно. Сергей легко сбил клинок свея, привычно коленул в левую подмышку, выдернул клинок и оказался как раз между трех бондов. Никакой это не поединок, обычное убийство. Три удара – и все. Только это и мог сделать для них Духарев – сразу насмерть.

Они еще падали, когда Сергей стряхнул кровь с мечей и перевернул их рукоятями вперед.

– Тебе, Перун! – четко произнес он.

Круг варягов слитно выдохнул и рявкнул с некоторым запозданием:

– Тебе!!! Перун!!!

– С женами – сам, – сказал он Трувору. – У меня зарок не убивать женщин.

– Благодарю, что почтил, воевода, – негромко произнес Трувор.

Он-то знал, что Сергей – христианин и старается избегать подобных дел.

Младший сын Ольбарда принял мечи. Теперь остальная часть языческой церемонии была на нем. Вождь – главный жрец своей дружины, ведь именно к вождю в первую очередь прислушиваются боги. Он может уступить право общения с потусторонним миром лучшему из своих воинов, но первую кровь должен пролить он.

Сергей видел множество варяжских тризн. Эта ничем не отличалась от остальных. Разве только тем, что едва разгорелся погребальный костер, из толпы выскочила девушка, ударила себя ножом в грудь и упала в огонь. Ее пронзительный крик вспугнул даже привычных шуму варяжских ворон. Варяги одобрительно заворчали: чтобы не услышать такой вопль, бог должен быть совсем глухим. Покойным обеспечено достойное место в Ирии.

Глава восьмая

Ярл Эвил Оттарсон

На свейский драккар поставили новую носовую фигуру – морского коня. Теперь драккар так и назывался «Морской конь».

Стемид дал Духареву старого кормчего, знавшего берега Северного моря, как бобр – свою хатку. Кроме Трувора и гридней, прибывших с ним из Киева, с Сергеем поплыли сорок четыре варяга, изъявивших готовность присоединиться к будущему походу. Перед отправлением они вручили свои судьбы Духареву: присягнули ему на верность.

По морю они плыли девять дней. Погода была отличная, особенно днем. Ночью холодало, и по утрам варяги счищали с рукоятей весел ледяную корочку. Но до настоящих морозов было еще далеко.

Иногда кормчий направлял драккар к берегу – набрать пресной воды и набить свежего мяса. В основном, птиц: гусей, уток, лебедей.

Несколько раз им попадались селения полудиких аборигенов. Эти при виде драккара сразу бросались наутек. На восьмой день миновали длинный скандинавский дом. Там отреагировали иначе: на берег, потрясая оружием, высыпало несколько десятков мужчин. То ли приветствовали, то ли предупреждали.

На десятый день добрались до места.

Это был фьорд: длинный узкий залив, прорезавший скалистый берег и завершавшийся тихой уютной гаванью. Здесь никто не пугался и не угрожал. Может, потому что на песок были вытащены аж четыре драккара, каждый из которых был больше, чем трофей Духарева.

Когда киль «Морского коня» прошуршал по песку, на берегу появилась делегация: пегобородый викинг весьма властного вида, за ним – толпа в полсотни матерых головорезов-нурманов.

– Я – Эвил, сын Оттара ярл Хаслфьерда.

– Сергей, воевода киевский.

– Не тот ли ты Серегей, что убил Скарпи Атлисона?

– Тот, – Духарев напрягся, а нурман ослабил.

– Жаль! Сам его убить хотел. Кровник он мой. Сбежал к вам от суда конунга.

– Ну извини, – сказал Духарев. – Может, в дом пригласишь, Эвил Оттарсон?

– Да я сам тут гость! – развел руками ярл. – А хозяин – вон он! Эй, Гуннар, иди сюда, принимай гостей!

Гуннар, тоже типичный норман, подошел к гостям и с достоинством

пригласил разделить кров и пищу. Но вид у него при этом был кислый.

Молодцы Духарева попрыгали на песок. Кое-кто по-нурмански обменивался приветствиями с викингами. Не раз пересекались дорожки скандинавов и варягов-славян. На море (часто – сталью о сталь); на мирных торгах в Белозерье, в Скирингсалле, в Хольмгарде-Новгороде.

– Знакомый драккар! – прищурился вдруг ярл Эвил. – Не Олли-Рогатого «Ёрмундганд»?

– Был, – ответил Духарев. – Теперь его имя «Морской конь».

– Давно ли?

– Пол-луны минуло.

– И чем же куплен сей пахарь пенных полей?

– Кровью, – мрачно ответил Духарев.

– Уверен, эта история достойна висы! – сказал ярл. – Ты расскажешь ее, когда мы омочим усы в пиве гостеприимного Гуннара!

Историю рассказывал не Духарев, а Трувор. Большинство присутствующих были нурманы, а сын Ольбарда владел нурманским, как своим родным.

Расписал красочно, со всеми положенными поэтизмами, акцентируя внимание на том, что грабеж на земле киевского князя дорого встанет даже тем, кто намерен этому князю служить. Но нурманы обратили внимание на другое:

– Сколько, говоришь, вас было? – переспросил ярл Эвил.

– Двенадцать. Осталось восемь. Четверо ушли в мир вечной славы.

– А сколько, ты сказал, было хирдманов Олли?

– Четыре десятка и еще шесть.

Нурманы загомонили. Похоже, не поверили. Но оспаривать никто не стал.

В длинный дом викингов набилось под сотню (еще столько же пьянствовало снаружи). И еще полсотни варягов. Вонь стояла – не продохнуть. Духареву кусок в горло не лез.

– Выйдем, ярл, прогуляемся, – предложил он, наклонившись к Эвилу.

Тот кивнул.

Предводители вышли, оставив своих воинов пировать.

Пара нурманов с волчьими шкурами на плечах сунулись было за ярлом, но тот знаком велел им остаться. Варяг не взял своих телохранителей, нурман – тоже.

– Сколько будет платить князь Святослав за каждый меч? – напрямик спросил Эвил.

- Четверть золотой гривны за два меча.
- Мало! Ромейский кесарь платит втрое больше.
- Еще доля в добыче.
- А велика ли будет добыча?

Духарев усмехнулся:

- Мало не покажется.
- Х-м-м... Слава твоего князя тоже велика, но одной славы мало. На

кого идем?

- Все узнаешь в свой черед, ярл.
- Думаешь, если я узнаю, то приду и возьму сам? – осклабился Эвил.
- Вряд ли.
- Тогда шепни. Только мне. Одином клянусь, никто не узнает!
- Одином? – Духарев хмыкнул. Один – отец лжи.
- Честью! Честью ярла Эвила!
- Ладно, – согласился Духарев. – Только тебе. Хузарский хаканат.
- О-о-о-о!
- Неужто испугался?
- Никогда! – отрезал Эвил. – Значит, треть гривны за два меча?
- Я сказал, четверть.
- А если я уйду? – ярл остановился.

Они уже поднялись довольно высоко. Внизу, метрах в пятидесяти под ними, плескалось между утесами море. Ярл остановился на самом краю скалы, глядел, покачиваясь, на чаек.

- К ромеям?
- Домой. В Халсфьерд.
- Лучше – в Исландию, – посоветовал Духарев. – Там конунг тебя не достанет.

- Так ты знаешь? – удивился Эвил.
- О твоей ссоре с конунгом? Конечно.

Ярл отошел от края скалы и сбежал по тропинке вниз, на крохотную лужайку. На лужайке паслись три козы, еще с десятков ощипывали скудную травку на склоне. За козами присматривал мальчишка-трель, больше похожий на дикого зверька, чем на человека.

Ярл дождался, пока Сергей спустится вниз.

– Хорошо, – сказал он. – Пусть будет четверть за два. И десять долей – мне.

– Пусть будет так, – согласился Духарев. – Если ты приведешь с собой не меньше пяти сотен хирдманов.

- А если больше?

– По две доли за каждую сотню.
– Я приведу тысячу! – Эвил Оттарсон сразу повеселел. – По рукам, воевода Серегей! А сейчас пошли пить Гуннариво пиво.
– Похоже, этот Гуннар не слишком мне рад, – заметил Духарев.
– Пусть это тебя не беспокоит. Я решил встретиться с тобой здесь, и мы встретились. Гуннар присягнул конунгу. У конунга много кораблей и еще больше воинов. Но все они – далеко. А мой хирд – здесь. Я сказал Гуннару: или ты сам будешь гостеприимным хозяином этого фьорда, или я. Как ты думаешь, что он выбрал?

В Белозерье Духарев вернулся через восемь дней. Всю дорогу их драккар сопровождал попутный ветер, грозивший вот-вот перейти в шторм. И шторм таки разразился, но когда они уже вошли в устье Двины.

Варяги глядели на Духарева с почтением, полагали, что это его удачливость организовала погоду.

Артем ходил с задранной кверху носом. Рубиться да стрелять всякий может, а вот удачливость – свойство, присущее исключительно вождям. И многие полагали его наследственным.

В Белозерье Духарева ждал сюрприз – сам великий князь киевский Святослав!

– Здрав будь, Серегей! – Князь по-братски обнял воеводу. – Слышал о твоих подвигах!

– Да какие подвиги, – отмахнулся Сергей. – Побили ватажку разбойников.

– Ты только в Новгороде так не скажи, воевода, – строго произнес князь. – Мне их старшина уже подала жалобу: дескать, разграбил твой воевода наш погост.

– Мы все взяли по праву, – возразил Сергей. – Если за что и могу повиниться тебе, княже, так лишь за то, что побил тех, кто к тебе на службу плыл.

– Откуда знаешь?

– Стемид сказал.

– Да-а... – Святослав явно огорчился. – Думаешь, добрые вои были бы? Вы-то их побили двенадцатером.

– Мы их врасплох застали, – сказал Духарев. – Да и не знали, что к тебе идут. Хотя знали бы – все равно побили, – признался он. – А ты, княже, зачем приехал? Услыхал о моих переговорах с нурманами?

– С нурманами ты и сам получше меня договоришься, – отмахнулся князь. – Меня вот его братец зазвал, – Святослав кивнул на Трувора, все это

время державшегося позади воеводы. – Такую охоту мне обещал, какой, сказывает, даже в чудесном Синде не бывает...

Глава девятая, ***в которой Духарев воочию наблюдает ископаемое чудовище***

Деревья заметно мельчали. Местами в чаще образовывались проплешины, покрытые серебристой от инея травой.

– След в след, княже... – шепотом напомнил Стемид. – Топь.

Духареву он этого не говорил: знал, что тот чует болото не хуже него.

На «дивную» охоту они отправились всемером: сам князь, Стемид, Трувор, Икмор, Сергей и Артем. Вел их маленький плосколицый человечек – исконный обитатель этих мест. Один из белозерских данников.

Шли пешком, конному тут не пройти. Да и пешему, если не знать тайных тропок, тоже. Весь скарб тащили на себе. Все, включая князя. Главным грузом были шкуры для шатра и оружие. Шатер был нужен. Это там, на юге, в начале октября можно спать, прикрывшись попонкой. Здесь же и днем температура болталась около нуля, а ночью было совсем холодно. Причем последние два дня плосколицый абориген огня разжигать не разрешал, говорил: «Земляной морж дым далеко чует – уйдет».

Одно хорошо: холод утомил гнус.

Темнело рано. Идти в потемках сейчас было нельзя. Когда все подмерзнет и выпадет снег – другое дело. Семеро варягов сидели вокруг костерка (а в последние ночи – и без огня, согреваясь только редкими глотками «зимнего» пива). Сидели, слушали лес, беседовали неторопливо. Не как вожди, как люди. Стемид рассказывал о своих белозерских делах, о северных походах. Духарев – о юге: о Хузарии, Византии. В основном, с чужих слов. Сам он не был ни в Итиле, ни в Царьграде-Константинополе, но информацию собирал очень тщательно. С помощью Мыша, побывавшего и в Европе, и в Самарканде, со слов Артака и других чужеземцев он понемногу собирал в уме карту этого мира. Хотя католическая Европа ему была не очень интересна. Там слишком много резались за власть. Мусульманский мир казался Сергею намного культурнее, особенно арабы. Кто поверит, что спустя десять веков все будет наоборот? Еще он рассказывал об империи Син, откуда везли драгоценный шелк. Конечно, шелк теперь производили не только в Китае, но и на родине Артака, в Персии, но все равно китайский был лучше. К сведениям, полученным от купцов и гостей, Духарев прибавлял остатки знаний

выходца из двадцатого века. Он ведь почти ничего не забыл из того прошлого. Из-за снов ли, или из-за того, что мозг его был предназначен для хранения куда больших объемов информации, чем поставлял этот удивительный, но сравнительно скудный на новости век...

Лучше всех слушали двое: Артем и Святослав. Слушали по-разному. Артем губкой впитывал новые знания, а Святослав тут же обдумывал, сортировал по степени важности. Будучи повелителем изрядных пространств, князь тем не менее понимал, что в масштабах великих империй его вотчина выглядит довольно скромной. Святослав не был невеждой. Надеясь склонить сына к христианству, Ольга приглашала ученых людей из самого Царьграда. Но ее сына мало интересовали жития святых с чужеземными греческими именами. Вот истории войн – другое дело: Александр Македонский, Юлий Цезарь. Но он еще в тринадцать лет заявил некоему ромею-книжнику, что побил бы знаменитую македонскую фалангу одной лишь своей малой дружиной. Впрочем, абсолютно цивилизный ученый ромей наверняка что-то напутал в македонской тактике.

Плосколиций следопыт не подвел. Незадолго до полудня они увидели следы. Круглые вмятины более метра в диаметре. Вмятин было много. Среди огромных следов встречались отпечатки поменьше, но и те раза этак в два побольше медвежьих. Но не слишком глубокие. Потом обнаружили широкие борозды. Мох и дерн содраны, кривоватая березка рядом выглядела так, будто некий великан почистил ею зубы.

– Земляной морж кушал, – сообщил абориген.

Он, похоже, трусил. Старался держаться позади группы.

Святослав оживился. Попытался выяснить, как выглядит «земляной морж». Насколько велик?

Абориген сообщил: очень велик. Больше кита.

Трувор со Стемидом помалкивали, только посмеивались.

Икмор попытался вслух прикинуть размеры «моржа», исходя из размеров следа. Действительно, не меньше кита. И как такого убить? Сразу ведь не убьешь. А если «морж» в драку полезет, тогда что?

Аборигена прорвало. Полезет, непременно полезет. Даже если просто увидит, все равно на людей побежит. И не спрятаться от него никак, потому что нигде не спрятаться. Все чует и слышит «земляной морж». Любое дерево с корнями выдерет, а человека очень не любит. И шкура у него – ни мечом, ни копьем не пробить. А на шкуре – толстая щетина, от которой любое железо отскочит. Только огня боится «земляной морж». Самое время сейчас костер запалить. Учует «морж» дым – и уйдет.

Тут Стемид взял аборигена за сальную гриву, слегка встряхнул, и тот заткнулся.

– Правду он сказал? – спросил Святослав. – Или врет?

Стемид пожал плечами.

– Дальше идем, князь, или остановимся?

Святослав фыркнул: глупый вопрос.

И они пошли дальше. Единственное, что утешало Сергея, – невозмутимость сыновей Ольбарда. Не стали бы они вести князя с воеводами на верную смерть. Хотя кто знает... Может, они хотели просто *показать* киевскому князю удивительного зверя? В таком случае они здорово ошиблись. Святослав наверняка не удержится и попытается завалить это чудовище. И всем им придёт хана. Или обойдется. После десяти лет непрерывных локальных войн Духарев стал фаталистом. А варяги были такими от рождения. Скорее всего, единственным трезвомыслящим в их команде был плосколицый абориген. Но его мнение не учитывалось.

Зверь, вернее, звери, потому что их было минимум трое, кушали хорошо. Поэтому вскоре охотники наткнулись на подходящих размеров кучу дерьма. Духареву вспомнилась картинка из давным-давно виденного «Парка Юрского периода». Эта горка была поменьше, чем оставленная тамошним динозавром, но тоже внушала крайнее почтение. Куча источала вонь и тепло: звери были поблизости.

Охотники увидели их издалека. Две огромные мохнатые туши цвета прелых листьев неторопливо двигались между хлипких деревьев. Когда люди подобрались поближе, то заметили и третьего – детеныша.

Духарев почувствовал некоторое облегчение: это были всего лишь мамонты. Отлично звучит, да? Всего лишь мамонты. И не такие уж большие, как можно было предположить по отпечаткам. Нет, Сергея они не впечатлили. Зато Святослав и Икмор пришли в восторг.

– Какие клыки! – восхищенно проговорил Икмор. – Может, это вепры боги, Стемид?

– Нет! – мотнул головой Святослав. – Вишь, носы у них – как у элѣфантусов!

Святослав живых слонов никогда не видел, но они для киевлян не были такой уж диковиной. Даже в зверинцах Царьграда было несколько этих животных. Правда, их давно уже не использовали как военную силу.

– А похожи на кабанов, – прошептал Икмор.

Да, сходство имелось. Только такого «кабана» сотня сулиц не остановит.

– Их и правда меч не берет? – спросил Святослав.

– Если мертвый – разрубить можно. Живого – нет. Шкура толстая, под шкурой – жир, а на шкуре – щетина. Нос у них понежней, да только они его берегут.

– А как же вы их бьете? – спросил Святослав.

– А мы их не бьем, – ответил Стемид. – Эти, – пренебрежительный кивок в сторону аборигена, отставшего на полсотни шагов, – раньше били. Пугали огнем и загоняли в ямы с кольями. Дед моего деда запретил им убивать этих зверей. Их совсем мало осталось. А раньше много было. Ты, должно, видел в Новгороде на торгу такие клыки?

– Видел, – подтвердил князь. – Пилёные. Я думал: бивни китовые. Бегают они быстро?

– На хорошей лошади уйти можно, – сказал Стемид. – Но не здесь. Здесь от них никто не убежит: им ведь ни болото, ни лесок не препона.

– Как же такие громадины по болоту ходят? – изумился Икмор. – Не иначе волшба!

– Может, и волшба, – согласился Стемид. – В самую зыбь они, конечно, не побегут, но где мы пройдем, там и они.

– Хочу поближе подойти, – сказал Святослав.

Поближе подобрался впятером: Трувор остался присмотреть за аборигеном. Духарев с удовольствием оставил бы и Артема, но приказать не рискнул, обидится парень смертельно.

Вблизи мамонты выглядели внушительнее. Детеныш старался держаться между родителей. Размером с матерого тура, рядом со старшими он казался маленьким.

– Стрелами побить, – почти беззвучно, одними губами произнес Икмор. – В глаза. А потом подобраться и колоть в ноги. Перешибить жилу...

Святослав покачал головой. Он с восхищением глядел на гигантов. На то, как плавно они двигались, как легко несли невероятную тяжесть громадных бивней...

Долго смотрел. Духарев даже начал опасаться: ветер переменится – и попадут они, как кур в ощип. Если и впрямь мамонты не любят людей... Наверняка не любят. За что им нас любить?

Святослав не боялся. Ах, как ему хотелось схватиться с этими чудовищами! Какая слава – победить такого! Привезти такую голову в Киев...

Не привезти. Даже один клычище всемером не утащить. Какие красавцы!

Святослав привстал, рука потянулась к налучу... И остановилась.

Он еще некоторое время глядел на чудесных зверей, потом показал знаком: уходим.

И они ушли.

– Знаешь, почему я их пощадил? – спросил он Духарева позже, когда они остались наедине.

– Пожалел?

Святослав покачал головой.

– Сейчас я – пардус! – сказал он. – Я прыгаю и рву. Но пройдет время, и все изменится. Через два года Хузарский хаканат станет моим. Еще через год я возьму под свою руку всех его данников, а через пять лет вся земля от черных волжских булгар до булгар дунайских будет моей, и все народы, какие есть на ней, присягнут мне. И тогда я буду слишком велик, чтобы прыгать. Тогда я стану грозным и могучим. Я велю поймать и привезти мне этих зверей. И не пардуса, а такого зверя вышьют на моем знамени, потому что нигде, ни в одном царстве нет ему подобных, ведь даже бивни элефантов кажутся оленьими рожками рядом с его клыками!

Глава десятая

О голодных печенегах

– Мои волчата хотят есть, – сказал великий хан. – Они всегда голодны, и если их плохо кормить, хакан Святослав, они тебя сожрут!

На великом хане Куркутэ – тяжелый халат, щедро простеганный золотой канителью. Плешивую голову покрывает диадема ромейской работы, серые косицы висят из-под нее, а жиденские усы – желтые и слипшиеся. Великий хан стар и тучен: четверо внуков сажают его на коня. Всего же внуков у него больше полусотни, а сын – только один остался. Было больше, но одних убили враги, других велел удавить сам Куркутэ. За то, что не пожелали ждать, пока Великое Небо само призовет великого хана к себе.

– Я знал твоего отца, – сказал великий хан. – Твой отец – он был мне как сын.

Святослав промолчал. В выгребной яме он видел такого дедушку.

– Ко мне человек приезжал, – сообщил Куркутэ. – От хузарского хакана. Богатырей моих на службу звал.

– Что ж ты ему отказал? – спросил Святослав.

Великий хан покопался за пазухой, поймал блоху, оглядел внимательно, потом сунул в рот.

– А я не отказал, – сообщил Куркутэ. – Я сказал: подумаю.

– Думай, – сказал Святослав, поднимаясь с ковра. – А мне думать некогда. Пошли, воевода!

– Эй, погоди! – великий хан встрепнулся. – Так нельзя. Вы – гости мои. Разве хорошо, когда гости уходят так поспешно?

Святослав развернулся всем телом, стремительно. Телохранители Куркутэ даже за сабли схватились. Дурачье! Хотел бы киевский князь убить хана, уже убил бы.

– Хочешь мой совет, великий хан?

– Совет друга никогда не бывает лишним, – дипломатично ответил Куркутэ.

– Продашь твоих богатырей хакану Йосыпу – возьми золото вперед.

И покинул ханскую юрту. Духарев задержался, развел руками: мол, надо было, как мы договорились, что же ты?

Пожадничал Куркутэ. Или подкинул ему кто-то золота, чтобы не поддержал русов. Или и то и другое плюс надежда пограбить киевские земли, когда Святослав уйдет.

Князь взлетел на коня. Ближняя дружина (остальные ждали за границами ханской стоянки) окружила его. Русы галопом промчались между юрт и кибиток, всполошив собак и прочую стойбищную живность.

– Зря время потратили, – сердито бросил Святослав Сергею.

– Мы с ханом обо всем договорились, – сказал Духарев. – Не знаю, почему он взбрыкнул.

– Копченый и есть копченый!

Князь придержал коня. Они въезжали в свой лагерь, наскоро разбитый поблизости от печенежского. Здесь было почище, чем в стойбище, и пахло едой, а не дерьмом. У русов не было привычки гадить, где приспичило.

– Икмор! – зычно выкрикнул Святослав. – Ты где?

– Здесь, княже! – командир малой княжьей дружины поднялся и помахал ложкой. – Сюда, княже, поснедай с нами!

Князь подъехал к гридням, сидевшим кружком у большого котла, спешил. Дружинники подвинулись, очистив место князю и Сергею. Перед ними тут же поставили большую миску с кашей: разваренной пшеницей, бараниной, горохом и всякими приправами.

Князь достал из-за голенища ложку и не чинясь приступил к еде. Духарев последовал его примеру. Они с полудня сидели у Куркутэ, но ничего, кроме кумыса, великий хан им не предложил.

– Ну как? – спросил Икмор.

– Никак, – вместо князя ответил Духарев.

Он был расстроен. Куркутэ – его тема. Он две недели таскался с печенегами по степи, раздал кучу подарков «доверенным лицам», подхватил вшей, выслушал тонну жалоб и поучений от престарелого «Волка», добился согласия принять предложение киевского князя. Большой хан поставил только одно условие: пусть Святослав приедет сам. Святослав приехал... И получил отлуп.

– Не кручинься, воевода, – сказал князь. – Знаю, ты сделал все, что можно. Никто не сделал бы больше. А потом... Он ведь не сказал «нет».

– Старый пердун... – проворчал Духарев. – Лживое копченое жабье дерьмо!

Дружинники засмеялись. Кто-то сунул воеводе обернутую войлоком флягу с прохладным тмутараканским вином. Настоящий нектар после того перебродившего кефира, которым их потчевал Куркутэ.

– Когда уходим? – спросил Икмор.

– Как дружина поест, так и седлаемся.

Икмор поглядел туда, где в нескольких стрелищах серели печенежские юрты.

– А может...

Русская дружина – полторы тысячи копий. В стойбище – впятеро больше воинов. Но если ударить внезапно...

– Нет! – отрезал великий князь. – Мы его гости. И еще: у Куркутэ под рукой самое малое тридцать тысяч сабель. Как думаешь, где остальные?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Икмор.

– Вот и я не знаю, – задумчиво произнес Святослав.

Куркутэ всеми своими богами поклялся, что в его кочевьях Святославу ничто не угрожает.

Богов печенеги уважали. Но какое искушение – прикончить беспокойного киевского князя!

Нет, не рискнет.

Степное солнце прошло три четверти дневного пути, когда русское войско тронулось в обратный путь. На дорожку от Куркутэ поступил подарок: три сотни овец. Пусть кушают русы в дороге свежую баранинку и не думают худого о великом хане народа цапон. Правда, отара бежит намного медленнее, чем ходит по Дикому Полю Святославова дружина. Не хочет ли великий хан своим щедрым подарком придержать русов?

Святослав решил проблему просто: овечек велел связать и погрузить

на запасных коней.

Печенежские «богатыри» нагнали их только через два дня.

Лава смуглокожих всадников в черных мохнатых шапках пронеслась по обе стороны войска русов, сминая неподкованными копытами лошадей сочную весеннюю траву. Киевляне же продолжали двигаться по дороге прежней экономной рысью, не поторапливая лошадей, лишь сомкнувшись поплотнее, так, чтобы в случае внезапной атаки принять степняков как надо. Люди уже вздели брони. Разведчики еще вчера доложили, что на «хвосте» русов – степная конница числом никак не меньше пяти тысяч сабель.

Святослав не испугался. Уйти в степи от копченых можно, но трудно. Да и не любил Святослав от врага бегать, страх показывать. С печенегами только так и можно. Они как степные волки. Пока чуют силу и видят перед собой тяжелые туры рога, только зубами лязгают да уши прижимают. А покажешь спину – враз бросятся, вцепятся в пах, в горло, порвут жилы, выпустят кишки. Убежать нельзя, устоять можно. Нет в кочевниках настоящей твердости. Такая крепость только от своей земли идет или от веры настоящей.

Промчались степные всадники с визгом и гиканьем, весело проскакали: аж земля дрожала. И пропали в травах. Сотен пять только осталось на шляхе. Дорогу не закрыли: поехали впереди, стрелищах в двух, не обгоняя и не опережая. А уж от этих отделилась совсем маленькая группа, с дюжину, не более; приотсталла, поравнялась с передовыми русов.

– Хочу с хаканом вашим говорить, – по-славянски объявил ее предводитель, молодцеватый печенег на красавце-жеребце.

– А кто ты такой, чтоб наш князь тебя слушал? – спросили его.

– Я – Кутэй, любимый внук великого Куркутэ! Хан над сотней сотен богатырей цапон! Скажи мое имя своему воеводе Серегею, он знает.

Передовой сотник придержал коня, пропуская своих, подождал, пока поравняется с ним голова основной колонны, где над щитами ближних гридней играло на ветру, повыше знамен воеводских – знамя с грозно ощерившимся пардусом – княжье.

– Знаешь его? – спросил Святослав. – Или врет?

– Не врет, – ответил Духарев. – Еще бы мне его не знать: я ему подарков заслал без малого на сотню золотых ромейских солидов^[57]. Клинок подарил из лучшего «дамаска». Он мне всеми своими черными богами поклялся, что Куркутэ даст тебе всадников.

– Добро, – согласился князь. – Веди его сюда, сотник.

Телохранителей «любимого внука» внутрь строя не пропустили. Хан не настаивал. Держался храбрецом. В отличие от прочих печенегов, напоминавших внешне своих уродцев-божков, хан Кутэй был красив даже по славянским меркам. Красив и молод. В этом году увидел свою двадцатую весну. Но за его спиной уже было несколько успешных набегов. Подаренная Духаревым сабля висела на золоченом поясе.

– Здрав будь, хакан Святослав!

– И тебе того же, хан цапонский!

– Что так быстро ушел, хакан? На деда моего обиделся? Так ты на него не обижайся! – Кутэй белозубо осклабился. – Много у него славы, больше не надо. Много у него мудрости, но очень велик народ цапон, потому расточается вся мудрость великого хана в великих думах. Большой хан – большие дела, хакан. А для малых дел, таких, как твое, не нужна мудрость великого хана. Для малых дел довольно ума меньшего хана. Не с ним, со мной тебе нужно говорить, хакан!

«Вот наглец! – подумал Духарев. – Провоцирует. И не боится, гаденьш. Небось, донесли ему, что Куркутэ князя Игоря своим сыном назвал – и Святослав стерпел».

Великий князь к провокации отнесся правильно.

– Верно говоришь, – согласился он. – Не стоило мне отвлекать великого хана от великих дум такой безделицей, как десять-пятнадцать тысяч всадников. Забыл я, что стар твой дед, да и обычаи ваши знаю плохо. У вас, верно, иначе, а у нас принято, что всеми дружинами, большими и малыми, князь водительствоует. Так что коли ты, *малый* хан Кутэй, привел этих воинов, чтобы служить мне, я к твоим малым делам снизойду и с тобой говорить буду.

Отбрил.

– Нет, хакан Святослав, я не буду тебе служить, – заявил Кутэй.

– Тогда и говорить не о чем.

– Погоди, хакан. Какой ты быстрый! Разве так великие мужи говорят?

– Я так говорю! – отрезал Святослав. – А бью еще быстрее. Можешь спросить у своих родичей, которых я прошлой зимой у городища на Ворскле перенял. Тебе расскажут... те двое, которых я пощадил.

– Гила и цапон – не родичи! – возмутился Кутэй.

– Извини, хан. Я же сказал: в ваших обычаях разбираюсь плохо. Знаю только, кто мне друг, а кто враг. Врагов, которые в землях моих безобразят, бью. Друзей, тех, кто славу со мной ищет и богатства добывает, привечаю.

Святослав, разумеется, прекрасно знал и имена всех больших печенежских орд, и территории их кочевий, и даже их взаимоотношения.

Кто этого не знает, тому нечего делать в Диком Поле. И Кутэй, разумеется, знал, что Святослав знает...

То ли потому что хан был молод, то ли потому что понял: обычная для степняков двусмысленная речь – не лучший вариант общения с великим князем киевским, но он решил говорить напрямик, так прямо, что прямее некуда.

– Служить тебе не буду, – еще раз повторил он. – Но союз с таким великим воином, как ты, хакан Святослав, мне люб. Скажи, что дашь мне за мою дружбу?

– Ты сказал моему сотнику: за тобой десять тысяч сабель, – уточнил князь киевский. – Это так?

– Десять и еще пять! – гордо заявил Кутэй.

Святослав и Духарев переглянулись. Пятнадцать тысяч всадников – это половина всех боеспособных мужчин цапон. Ни один малый хан не может располагать таким войском без санкции хана большого. Значит, дедушка Куркутэ дал добро на участие цапон в хузарском походе.

– Мы, варяги, не меряем дружбу в золоте! – высокомерно заявил Святослав. – Но чтобы дружба не иссякла, когда придет время делить золото, мы заранее договариваемся о доле каждого. Приезжай в начале нового месяца в Улич, к моему князю-воеводе Свенельду. Поговорите об этом. Великой тебе славы, хан Кутэй!

– Погоди, хакан Святослав! – воскликнул печенег. – Я не хочу одной лишь доли в добыче! Я хочу...

– Ах да! – перебил его Святослав. – Я позабыл, друг мой Кутэй! Твой дед говорил мне, что его волчата всегда голодны. Он подарил мне овец, и я думал, великий хан пошутил. Но теперь я вижу, что он сказал правду. Не бойся, хан. Тебе и твоим воинам не придется голодать. Я дам вам немного золота заранее, в счет будущей добычи. Но об этом ты тоже поговоришь с моим князем-воеводой. Приезжай в начале нового месяца, хан! Мои дозоры тебя не тронут.

– Как думаешь, приедет? – спросил Святослав Сергея, когда печенежские тысячи умчались в степь. – Я накормил его не слишком горькой похлебкой?

– Приедет! – уверенно ответил Духарев. – Когда копченый хочет золота, ему плевать, горчит ли суп. Ему чудится золотой блеск в каждой капле жира на его поверхности. Главное – вовремя дать ему по зубам, когда он слишком широко разинет пасть.

– В этом можешь не сомневаться, воевода, – усмехнулся великий

князь. – Ты знаешь, я умею выбивать волчьи зубы.

Глава одиннадцатая

О голодных хузарах

Огромная варяжская флотилия шла по великой реке. Потом эту реку назовут Волгой, но это будет намного позже. Сейчас ее называли Итиль. Так же, как столицу Хузарского хаканата. По Итилю лежал великий торговый путь из северных и западных стран – к востоку и югу. И он был подревней, чем проложенный по Днепру-Борисфену путь из варяг в греки.

Варяжская флотилия шла по древнему пути к морю, которое арабы именуют Хузарским, а сами хузары – Гирканским; которое лет через двести назовут на Руси Хвалынским, еще позже – Каспийским. Вдоль его берегов лежала дорога в дальние восточные земли: в Персию и Иран, в Дербент, Мерв и Самарканд, в город мира Багдад, в таинственный Синд-Индию и еще более таинственный Сун-Китай. Отсюда можно было добраться до Сирии, минуя земли ромеев, и даже в Африку, если приспичит.

Но у варяжской флотилии были задачи попроще: сделать так, чтобы этот гладкий путь перестал быть исключительно хузарским.

И море – тоже. По крайней мере, так думали о цели варягов все, кто жил на берегах Гиркана, а также в низовьях Итиля-Волги.

Хакану Йосыпу было прекрасно известно, что киевский князь Святослав собирает великую рать, причем не только из своих данников, но с привлечением множества опасных и могучих союзников: скандинавов, угров, печенегов. Даже «белые» хузары были в дружине Святослава, потомки тех вольнолюбивых и воинственных кочевников, которые много веков назад покорили эти земли... Хакан Хузарии, предпочитавший покупать верность за золото, куда больше доверял наемникамарабам, чем воинам-единоверцам. Хузары, признававшие его власть, получили силу и земли не от хакана, а по наследству от дедов-прадедов. Они наивно полагали, что отнять у них эту землю не может даже хакан. Что ж, Йосып доказал им, что это не так. Доказал, что в его царстве он один жалует и отнимает. Один Бог над людьми – и хакан тоже должен быть один. Таков порядок земной и небесный.

К сожалению, многие успели удрать. Которые посветлее – к киевскому князю. Которые почернее – к печенегам. Но земли их остались. И налоги, получаемые с этих земель, идут теперь хакану и тем, кто ему по-настоящему предан. Все, чем обильна хузарская земля, – тучные пашни,

воды, богатые рыбой, заливные луга, степные просторы, сады и виноградники, – все это стекается теперь к хакану и превращается в золото, очень нужное хакану в нынешние тяжелые времена, когда столь прискорбно уменьшились доходы от торговли и торговых пошлин.

Уменьшились из-за всех этих печенегов, русов, черных болгар... Это они зарятся на богатства хакана, грабят его данников, грабят без удержу чужих и хузарских купцов, не потрудившихся нанять должной охраны. С этими разбойниками трудно сладить не только наемникам из племени дикарей-гузов, но даже великолепным исламским воинам из личной гвардии хакана. Вот почему Йосыпу так нужно золото. То самое, на которое можно запросто нанять храбрецов-магометан: арабов, туркмен, турок, не кичащихся благородством, зато беспрекословно выполняющих приказы. А если хакану что-то нужно, то разве не должны его подданные дать повелителю необходимое? И разве не вправе он сурово наказывать тех, кто не желает помочь владыке, что денно и нощно печется о землях избранного Богом народа? Разве не отступники от истинной веры те, кто цепляется за свои жалкие земли и привилегии, когда Господь устами первого из Своих избранных, великого хакана Хузарии, велит им повиноваться? Так пусть познают на себе тяжесть Божьего гнева, имя которому – хакан Йосып!

Тверда власть повелителя хузар. И все ведомо ему. Ведомо, и что задумал киевский князь. Может, пришло время посчитаться с варягами за все обиды? За отнятых данников-славян, за потерянные земли Тмутаракани, за все.

Глупцом был предшественник Йосыпа, полагавший варягов полезными союзниками против печенегов и за мзду пропускавший их флотилии грабить южных и восточных соседей – соперников хаканата. Кочевые орды приходят и уходят, а варяги не уйдут никогда. И ухватив что-то, уже не отпустят. Особенно раздражало хузарского хакана то, что именно киевский князь укрывает у себя самых подлых изменников-хузар. Пришло время наказать зарвавшегося варяга.

В эту зиму хузарский хакан тоже не сидел сложа руки. Он покупал союзников, умножал стражу и собирал ополчение. Он выжал из своей земли и своих подданных все, что мог. Выжал – и превратил в золото. И на это золото купил будущую победу. Этим летом он сокрушит варягов, возьмет их земли, отнимет их богатства и вернет Хузарии ее исконных данников. И снова поползут к порогу его дворца ничтожные славянские князьки, а их белокожие юные дочери с лонами нежней маковых лепестков станут украшениями гарема хакана.

Немалую силу накопил хакан Йосып и всю ее собрал у стен своей

столицы. Этой весной женщины будут возделывать хузарские сады, поля и виноградники; этой весной подростки и старики погонят в степи хузарские стада, потому что каждая пара рук, способных держать копье и метать стрелы, нужна избранному Богом хакану хузар. Этой весной сам хакан нарушит старинный обычай и не отправится со своими приближенными, наложницами, слугами и наемниками в летнее кочевье: из столицы – по берегу Гирканского моря до реки Вдшан, или еще дальше, туда, где горная Уг-ру^[58] впадает в Гирканское море, к полуденной границе Хузарии, в Семендер. Этим летом не пойдет хакан Йосып из Семендера степями, где пасутся бесчисленные стада и табуны, где у каждого, самого крохотного, озерца или источника стоит хузарская юрта, к могучей реке Бузан^[59], где подпирает небо несокрушимая каменная твердыня Саркел, чьи стены сложены искусными в зодчестве византийцами, чтобы хранить сокровищницу хузарских царей. Нет, не увидит хакан этим летом своей белостенной крепости (так думал он, ибо не мог прорицать будущего, хоть и называли Йосыпа всеведущим лстивые языки), и не пойдет от Саркела великое кочевье дальше, на Полночь, а потом, завершая круг в сотню фарсахов^[60], к Восходу, туда, где река Итиль склоняется к Гирканскому морю^[61], и не спустится берегом этой могучей реки вниз, к своей прекрасной столице, где царит над зеленью и синевой дворец великих хаканов Хузарии. Нет, этой весной хакан останется в своем дворце, на своем острове, вместе со своим могучим войском, чтобы хорошенько проучить обнаглевшего киевского князя.

О варяжской флотилии хакан узнал даже раньше, чем она выплыла из-под сени дремучих вятских лесов. Хакан ждал ее именно оттуда. Он был прекрасно осведомлен о походе киевского князя на вятичей и ничуть не сомневался в том, для чего понадобилось Святославу примучить лесовиков. Налететь внезапно, ограбить – и скрыться с добычей. Вот что задумал киевский князь.

Только один раз обеспокоился хакан: когда узнал, что задержались варяги в устье Оки. Но вскоре беспокоиться перестал. Донесли ему, что спустилась по Шексне в Итиль еще одна флотилия, поменьше. То были корабли викингов – боевые драккары и более тяжелые кнорры, на которых возили товары скандинавские купцы. На сей раз кнорры шли без товаров, налегке. Видно, большую добычу рассчитывали взять викинги в Итиле. Таковую, что не увезти на боевых драккарах. О том, что Святослав позвал с собой в набег свирепых викингов, хузарскому хакану тоже было известно.

Еще знал хакан, что здоровяки-скандинавы – плохие рабы, но отличные телохранители, поэтому северян охотно покупают и арабский халиф, и византийский император. Вся Европа трепетала перед грозными воинами-викингами, но хакан Йосып их совсем не боялся. Чтобы управиться с тяжелой скандинавской пехотой, ему не понадобятся даже великолепные арабы. Хватит одного ополчения из черных хузар. В степи тяжелая пехота беспомощна перед конными лучниками.

Тем временем не ведающие о своей скорой гибели варяги соединились с викингами и поплыли вниз по Итилю, к землям черных болгар. Еще недавно черные болгары тоже были данниками Хузарского хаканата. Но тоже обнаглели и превратились из покорных овец в нахальных шакалов.

«Будет неплохо, – думал хакан Йосып, – если Святослав сначала пограбит болгар. Против варягов болгарам не устоять, и хорошая трепка будет им полезным уроком».

А когда воины хакана разобьют Святослава, то взятая на булгарах добыча тоже достанется Йосыпу.

К сожалению, флотилия прошла мимо болгарских берегов. Значит, через десять-двенадцать дней воинство Святослава достигнет устья великой реки, и с балкона своего дворца хакан увидит корабли русов. Чем скорее это произойдет, тем лучше, потому что велика армия хакана. И прожорлива под стать своей величине. Особенно многотысячное ополчение. Недавно хакан повелел уменьшить долю продовольствия, отпускаемую белым и черным хузарам. Подданные должны сами кормить своего хакана, а не наоборот. Но долю наемников уменьшать нельзя, поэтому хакану приходилось опустошать собственные кладовые и амбары.

Счастье еще, что Итиль изобилует рыбой в любое время года, так что никто, даже черные хузары-ополченцы, не помрут с голоду. И кони их тоже. Это стремительным аргамакам и арабским скакунам нужно зерно, а неприхотливые хузарские лошадки вполне могут обойтись травой.

Повелитель хузар не ошибся в расчетах. Флотилия киевского князя появилась на одиннадцатый день.

С балкона своего великолепного дворца хакан мог видеть и плывущие по Итилю корабли.

И свое несметное войско, выстроившееся на правом берегу реки и на стенах, окружающих вытянувшийся вдоль правого берега остров, в центре которого утопал в садах дворец хакана.

Кораблей было действительно великое множество. Сотни, нет тысячи!

Лодьи русов под полосатыми парусами, скандинавские драккары с хищными зверьми на носах, неуклюжие в сравнении с узкими боевыми кораблями насады и прочие торговые суда. Этих было еще больше, чем боевых. И, судя по осадке, почти все они были пусты. Что ж, дерево, из которого они построены, пригодится хузарскому хакану.

У Йосыпа было превосходное зрение. Он видел сверху вывешенные на борта красные щиты русов и темные щиты викингов. Видел шлемы воинов-гребцов и знамена на мачтах. Он даже узнал в одном из знамен личный стяг киевского князя. Посчитав корабли и мысленно умножив их число на число воинов, коих могли вместить такие корабли, Йосып получил впечатляющее число почти в три десятка тысяч. Он не испугался. У него одних наемников было не меньше. А вот то, что ни на лодьях, ни в насадах не было лошадей, его почти развеселило. Неужто Святослав думает, что хакан Йосып спрячется за стенами Итиля и киевский князь сможет одолеть его одной пехотой? Но Итиль – не могучая крепость. Стены его не слишком крепки и высоки. Они даже не из камня сложены, а из обожженной глины. Такие стены не так трудно разбить, если у тебя есть тяжелые осадные машины, которые умеют делать ромеи. Но не стены хранят столицу Хузариин, а воины ее хакана. Великая битва будет не у стен Итиля, она будет в поле.

Или, может, варяги рассчитывают высадиться на его остров? В таком случае они втройне глупцы. С трех сторон окружают остров обширные отмели, а по единственному проходу даже узкие лодьи русов смогут пройти только поодиночке. Остальным придется высаживать воинов в стрелище от берега, и когда эти воины побредут к острову по грудь в воде, стрелки на стенах будут бить их, как уток. А метательные машины станут бросать в корабли русов тяжелые глиняные шары.

Те, кто все-таки сумеет добраться до берега, умрут под стенами, потому что без лестниц, без таранов и стенобитных орудий даже невысокие стены из обожженного кирпича так же неприступны, как сложенные из камня могучие стены Саркела.

Правда, Святослав способен напасть на Дворцовый город и с правого берега. Там русло глубже, и вдобавок русы могут попытаться захватить мост, переброшенный с острова на берег. Но в этом случае они окажутся между двух огней: стрелы полетят в них и с высокого берега реки, и со стены, защищающей остров. А если киевский князь окажется совсем глуп, и корабли его набьются в протоку, то уже не глиняные шары полетят в них, а горшки, начиненные горючим зельем. Нет, если варяжский князь поумнее барана, он не полезет на остров. Он высадится на правом берегу (на левом

стоят только юрты бедноты) и попытается напасть на столицу с суши. Тут его и встретит хузарская конница. Пусть только русы высадутся на берег – и вся мощь армии Йосыпа обрушится на них. Пусть только высадутся...

Хакан Йосып смотрел с высокого (выше только башни минарета) балкона своего великолепного дворца, как плывет по его реке пестрая флотилия Святослава. Множество кораблей...

«Словно опавшие осенние листья», – возвышенно подумал хакан.

Мысли воинов его разноплеменного войска были более прозаичны. Они тоже видели корабли русов, видели, как много этих кораблей, и знали, что не только русам придется умереть в грядущей битве. Это понимали и сытые арабские наемники, и голодные хузары-пастухи. Правда, наемники знали, что их очередь умирать придет последней, а пастухи ничуть не сомневались, что их первыми бросят на прямые северные мечи. Впрочем, собственная многочисленность придавала храбрости и первым, и последним. А также то обстоятельство, что все они будут сражаться конно с пешими русами. Пешему всадника не догнать, даже если под седлом у всадника не кровный арабский скакун, а большеголовая степная лошадка.

Так всё хузарское войско в единстве со своим богоизбранным повелителем с неотрывным вниманием глядело на плывущие русские корабли...

И в какой-то момент несметное это войско, одновременно со своим мудрым хаканом, вдруг осознало, что битвы не будет. Лодьи киевского князя миновали Дворцовый город, не свернув. Они продолжали идти прямо, по стрелю, растянувшись почти на десятую долю фарсаха. И так и прошли. Мимо.

Покраснели от гнева красивые глаза хузарского хакана, когда он понял, что русы бегут. Что не высадутся храбрые варяги и их не менее храбрые союзники на итильский берег, где ждет их неминуемая гибель. Побелели унизанные перстнями тонкие пальцы Йосыпа, стиснувшие кедровые перильца. Но никто из ближних не был сокрушен тяжестью гнева повелителя. Сам хакан повелел войску выстроиться на берегу, чтобы немедля обрушить стрелы на высаживающихся русов.

Никак не думал Йосып, что прославленный своей безумной храбростью Святослав струсит. А киевский князь испугался и сделал вид, что вовсе не Итиль является целью его набега. Что ж, не первый раз проплывают мимо хузарской столицы жаждущие добычи варяги. Пусть плывут. А если захотят высадиться еще ниже, в дельте, где множество мелких протоков с густыми зарослями камыша и чакана... Что ж, тогда гнев

Йосыпа настигнет их там.

Только они не высадутся. Они поплывут дальше, к Гирканскому морю. Хакан пошлет гонцов, чтобы предупредить приморских жителей о разбойничьей флотилии. Пусть отогонят подальше от берега стада и табуны, пусть одна только голая степь с пожухлой от солнца травой да редкие брошенные селения видятся с моря варягам. Хотя вряд ли станут русы размениваться на мелкие хузарские стойбища. Скорее, они доплывут до устья Уг-ру и, возможно, попытаются напасть на Семендер. Но там их уже будут ждать и встретят как подобает. У семендерского кендер-хана будет время подготовиться к встрече. А если русы проплывут мимо и захотят высадиться поближе к великой персидской стене, тогда их не тронут. Пускай высаживаются, пускай идут, куда пожелают. Может статься, что сгинет киевский князь где-нибудь там, в арабских или хорасанских землях. А может, поплывет обратно на кораблях, осевших под тяжестью награбленного, но ослабевший от жестоких битв. И тогда перекроет ему дорогу хузарское войско и добыет. А добычу оставит себе.

Так уже было однажды, и ничего не сделал хакану Йосыпу за побитых варягов тогдашний киевский князь Игорь. Теперь же Йосып одной добычей не удовольствуется. Наймет новых воинов: печенегов, угров, арабов – и сам придет под стены Киева.

Так мечтал хакан Йосып в тенистом саду своего великолепного дворца под журчание струй и трели певчих птиц с подрезанными крыльями.

Сразу после прохождения флотилии русов он приказал выслать гонцов и распустить ополчение. Десятки тысяч оголодавших хузар, оторванных от своих полей, садов и пастбищ, отправились по домам, проклиная своего повелителя за бесцельно потраченное время и томясь мыслями о том, что, быть может, в это самое мгновение страшные русы грабят их дома, защищать которые хакан не посчитал нужным. Они знали и то, что по осени, точно так же, как и в минувшем году, придут к ним Йосыповы сборщики и потребуют цареву долю. И наплевать будет мытарям, что бесценное для земледельца время посевной хозяин или арендатор надела провел под стенами столицы.

К большому сожалению хакана, наемников нельзя было распустить так же просто, как ополчение. Они останутся в столице, и Йосыпу по-прежнему придется их кормить.

Ничего, лето пройдет, а осенью и они пригодятся – ободрать Святослава, если повезет. Если же не повезет, наемники помогут выколотить подати из упрямых подданных Йосыпа.

А пока хакан отправил очередное письмо в иудейскую общину Дамаска с просьбой о займе. Расплатиться пообещал осенью, из дани многочисленных народов, подвластных Хузарскому хаканату. Бóльшая часть этих народов уже давно не приносила хакану даже медного дирхема. Но в Дамаске об этом могли и не знать.

* * *

– Скажи, Сергей, разве не прекрасна моя родина? – сказал Машег. Глаза благородного хузарина увлажнились. – Воистину наша река прекрасней священного Иордана! Разве нет?

– Да, дружище, здесь очень красиво! – ответил Духарев.

Он не лукавил. Когда могучее русло Итиля-Волги изогнулось, устремляясь к Гирканскому морю, по обоим берегам его лежала степь. Живая степь, с густыми травами, мелкими речушками и маленькими озерцами во впадинах между холмов. Иногда с кораблей русы успевали увидеть пастухов, поспешно отгоняющих стада подальше от берега, или даже небольшие рыбацьи селения, прятавшиеся в тени ветел.

Вдоль правого высокого берега шел караванный путь. Временами он уходил в сторону, огибая возвышенность, затем снова возвращался к берегу. Дважды русы видели караваны: цепочку верблюдов, несколько десятков всадников... Заприметив проплывающие лодьи, караваны останавливались, выжидая: вдруг русы захотят высадиться на берег? Тогда придется развернуть верблюдов и улепетывать в степь. Но купцы не очень-то опасались. Поступь верлюда только кажется медлительной. Человеку придется очень быстро бежать, чтобы не отстать от величавого гиганта.

В общем, приволжская степь была населена даже гуще, чем приднепровская. Но когда русло реки разделилось надвое и началась некочевая Хузария, Сергей понял, почему Машег считает свою родину прекрасней киевских лугов и дубрав.

Сначала повлажнел воздух, в лощинах появились деревья, а вдоль берегов – густотравные луга. Потом вдруг, словно по волшебству, оба берега оделись зеленью садов, на склонах холмов появились виноградники, юрты встали рядом с белыми аккуратными домиками. Воздух сделался терпким и душистым одновременно. Действительно, земля обетованная. Впрочем, обитателей ее наверняка предупредили о приближении грозных русов. Селения опустели. Лишь иногда вблизи берегов попадались маленькие рыбацьи лодочки, стоящие на каменных якорях. Их хозяева

полагали себя слишком незначительными, чтобы привлечь внимание русов. И верно, взять с них было нечего. Разве что улов отобрать. Только зачем? Брось в воду крючок с наживкой, досчитай до ста – и вытащишь рыбку фунтов десять весом. А то и осетреша с руку длиной.

Но по-настоящему оценить красоту Хазарии может только тот, кто увидел ее столицу: по-восточному изящные башни дворца на фоне пронзительно синего неба, минареты, серебристые ивы над берегом и уходящие за горизонт сады. Сады, сады, среди которых совершенно теряются войлочные юрты и невзрачные хижины из камыша и глины.

* * *

Киевский воевода Сергей Духарев стоял у мачты флагмана русской флотилии. Над его головой развевался «пардус» великого князя Святослава. Рядом с воеводой стоял Машег. Прищурившись, хузарин что-то высматривал на балконах и башенках дворца. Скорее всего, самого хакана, своего кровного врага. Наверняка Йосып где-то там. Смотрит сейчас на русский флот, прикидывает... Но до дворца было слишком далеко даже для Машеговой стрелы. И расстояние все увеличивалось: на скамьях мерно взмахивали веслами варяги духаревской дружины. Тридцать шесть человек. Вполне достаточно, чтобы лодья, ведущая на буксире высокобортный насад, даже без помощи ветра скользила вниз по течению со скоростью идущего человека.

Сквозь прорези шлема Духарев видел отблески солнца на шлемах воинов, расположившихся на итильских стенах. Стены эти казались совсем невысокими, но Духарев знал и об отмелях, и о том, как метко стреляют хузарские воины.

Войска хакана были не только на стенах. Вдоль всего правого берега выстроились всадники. У большинства не было сверкающих доспехов, но их луки могли выбросить столько стрел, что затмилось бы щедрое волжское солнце. Пожелай русы высадиться – и через полчаса от пятнадцатитысячного войска не осталось бы и половины.

Наверное, хакан Йосып очень желал, чтобы русы высадились. Но у русов были другие планы. Духарев улыбался.

Первая стадия военной кампании, разработанной восемь месяцев назад в Белозерье, выполнена безупречно. Если все пойдет так же хорошо...

Тут Духарев оборвал мысль и постучал по мачте. Не будем забегать

вперед. И все-таки он многое отдал бы за то, чтобы узнать, как сейчас обстоят дела у великого князя...

Глава двенадцатая

О голодных русах

Пока лодьи, водительствоваемые Духаревым, плыли по Оке меж лохматых вятских сосен, огромное войско печенегов вышло к Боспору Киммерийскому и стало у границы ромейской Таврики. Обитатели крымского нома Византийской империи всполошились не на шутку.

На следующий день к лагерю прискакало посольство во главе с сыном херсонского протевона^[62] Калокиром.

Старейшинам нома доложили о пацинаках и встретили посла тоже пацинаки, всадники цапон из орды великого хана Куркутэ.

Калокир не удивился. Он еще в ранней молодости имел дело с этим племенем. Он входил в состав посольства, ведшего переговоры с отцом нынешнего князя тавроскифов Игорем и его союзником Куркутэ. Калокир не сомневался, что пацинаки пришли «за подарками». Коли так, они их получают. Но взамен крымские ромеи попросят о какой-нибудь услуге. Может пограбить неудобных Константинополю язычников. Или набежать на тех, кто перебивает торговлю херсонским купцам. Обычное дело. Потому, когда вели Калокира меж конических войлочных юрт, сын протевона готовился к встрече с пацинакским ханом.

Посольство провели через весь огромный лагерь, мимо сотен шатров и десятков тысяч воинов. Еще раньше послы увидели несметные табуны степных лошадок, пасущиеся неподалеку. При виде этакой силы Калокир даже подумал: не натравить ли степняков на Тмутаракань? А что, неплохая идея. И конкурентов прижать, и князя тавроскифов Сфендислава (так называли Святослава в Константинополе) кровно обидеть. Причем обида будет не на Византию, а на пацинаков Куркутэ.

Калокир еще обдумывал эту мысль, когда пацинаки привели посольство к громадному шатру, не украшенному ни знаменем, ни бунчуком.

Кучку ромеев запустили внутрь... И изумленный Калокир увидел не пацинакского хана, а хорошо знакомого ему по парсунам^[63] молодого князя Сфендислава.

О да, при необходимости великий князь киевский мог спать на голой земле, положив голову на седло и укрывшись попонкой. Но когда надо

было произвести впечатление, он и это умел.

Шатер князя, способный вместить пару сотен человек, был выстлан отменными персидскими коврами. «Задником» служил огромный гобелен европейской работы, присланный Святославу в подарок дьюлой Такшоном. Гобелен был захвачен уграми лет сто назад, но краски его не потускнели. На гобелене храбрые рыцари Карла Великого секли на бастурму каких-то мавров. Под гобеленом разместились воеводы и ближние бояре великого князя в полном парадном вооружении.

Сын протевона херсонского Калокир удивился, увидев столько тавроскифов, вернее русов, как их теперь чаще называли. Пацинак в шатре оказался один, молодой, еще моложе Сфендислава и чертовски красивый. Золота на нем было так много, что хватило бы набить небольшой сундучок. А вот оружие и у пацинака, и у русов, тоже увешанных золотом и самоцветами от сапог до шапок, было не парадное, а боевое.

В отличие от своих ближников Святослав был одет весьма скромно: в белые портки да красные сапожки. Единственное украшение – серьга в ухе. Послам представилась редкая возможность полюбоваться мускулистым торсом князя-воина и затейливыми татуировками, украшавшими его руки. Наилучшей, безусловно, было изображение оскалившегося пардуса на правом плече князя.

– Говорите, – коротко бросил Святослав.

– О великий князь киевский, хакан тмутараканский, несравненный воитель Святослав, сын Игоря! – провозгласил Калокир. – Позволишь ли вручить тебе скромные дары, присланные почтенными людьми града Херсона?

На языке русов Калокир говорил с акцентом, но, в отличие от прочих ромеев, имя Святослава и его отца выговорил чисто, не ломая их на византийский лад – «Сфендислав» и «Ингорь».

Князь кивнул, и ромеи выложили на ковер кучку богато инкрустированного, но бесполезного в деле оружия.

Дары и впрямь были скромными. Великий князь нахмурил брови. По знаку Святослава один из ближников небрежно сгреб эту кучку к стенке шатра.

Посланцы-ромеи несколько струхнули. Но их старший держался молодцом. Сразу видно: воин, а не приставка к чернильнице.

– Позволено ли нам узнать, с какой целью собрал ты столь многочисленное войско и привел его сюда?

– Разве это не моя земля? – спросил Святослав.

Вообще-то здесь была печенежская степь. Святославова Тмутаракань

располагалась дальше, по другую сторону Боспора Киммерийского. Но кто же станет спорить в такой ситуации...

– Конечно, конечно! – поспешил согласиться ромей. – Но неужели ты, великий князь, да продлятся твои дни вечно, предполагаешь, что столь могучее войско необходимо для защиты границы с землями неизменно дружественного тебе кесаря Никифора? Мы, мирные обитатели Таврики, добрые соседи твоим подданным в Тмутаракани, пребываем в недоумении. Разве забыл ты, что между отцом твоим и кесарем был подписан договор о дружбе и союзе?

– Я – не мой отец, – холодно произнес Святослав. – И кесарь далеко. Кроме того, мой отец подписывал договор с совсем другим кесарем. Говоришь, вы в недоумении? Я дал бы вам пять дней, чтобы это недоумение разрешить, но, думаю, мои воины оголодают раньше. Ступай, ромей, расскажи своему отцу, что ты видел и слышал!

Не зря херсонских послов провели через весь военный лагерь, позволив ромеям сполна «насладиться» зрелищем могучего войска на отдыхе и предположить, что может случиться с крымскими колониями Константинополя, если киевский князь «Сфендислав» и его воины – русы и пачинаки – останутся «голодными».

На следующий день с греческой стороны потянулись в лагерь подводы со снедью. Первый намек ромеями был понят правильно. Второй – тоже.

Ровно через пять дней Калокир приехал опять. На этот раз его дары нельзя было назвать скромными. Правда, денег привезли маловато, зато драгоценной утвари, шелков, пряностей и прочего ценного товара оказалось достаточно, чтобы с лихвой покрыть выплаченный печенежскому хану Кутэю аванс. Ромейские богатеи рассудили здраво: лучше отдать толику, чем потерять все. Пока дождались бы подмоги из метрополии, тридцатитысячное войско русов и печенегов стерло бы в порошок гарнизоны крымского нома. Да и не факт, что император Никифор Фока рискнул бы отправить сюда армию, достаточную для разгрома русов. Так что поделились.

Вот и славно! Громить Таврику тоже не в интересах Святослава. Во-первых, это значит серьезно рассориться с Царьградом и повредить торговле. Во-вторых, зачем резать корову, которая исправно дает молоко?

Киевский князь и так получил, что хотел: провиант для будущего похода, компенсацию за переданное Кутэю золото и уверенность в том, что, пока он сражается на востоке, присмирившие ромеи не рискнут обижать его тмутараканцев. Еще он намекнул херсонесцам: не стоит болтать, что в

пятнадцатитысячной печенежской орде «прячется» примерно столько же русов. Намек был понят. Разумеется, кто-нибудь из послов непременно проговорится, но пройдет не меньше десяти дней, пока эти сведения покинут пределы Крыма и поползут дальше. Святослав же намеревался двигаться быстрее слухов и был вполне доволен результатом этого этапа своей военной кампании. Поэтому, когда Калокир попросил у сиятельного киевского владыки личной аудиенции, князь ему не отказал.

О чем толковали великий князь киевский и ромейский дипломат, осталось тайной.

На следующий день соединенное войско свернуло лагерь и, к немалому облегчению обитателей Таврики, покатилося дальше.

Выкуп, полученный у ромеев-крымчан, Святослав оставил в Тмутаракани. В этом походе русы собирались «торговать» только своими клинками.

Глава тринадцатая

Падение Семендера

Русская флотилия шла на юг вдоль хузарского берега Гирканского моря. Погода благоприятствовала. Морская вода изобиловала рыбой. С водой, мясом и фруктами тоже не было проблем. Большая часть побережья в это время года была голой и пустынной. Сухая, черная, потрескавшаяся земля. Сухая, но не мертвая. Машег сказал, что ранней весной здесь самая лучшая трава в степи, а зимой хузарские пастухи пригоняют сюда свои отары. Осенью, после дождей, здешние пустоши снова становятся зелеными, и осенняя трава сохраняется под неглубоким снегом до самой весны.

А еще вдоль берега пролегал торговый путь на восток: в Арран^[64], в Персию... Превосходная дорога с караван-сараями и облицованными каменной плиткой колодцами через каждые два – два с половиной фарсаха. А там, где с водой было получше, степь превращалась в сад.

Жили здесь в основном язычники, потомки, перемешавшихся между собой десятков племен и народов. Но попадались также мусульмане, иудеи, поклоняющиеся Ахурамазде... И все они свято чтит законы гостеприимства... не распространявшиеся, впрочем, на воинов-чужеземцев. К счастью, вместе с духаревскими нурманами и русами плыли хузары, знавшие эти берега, как свои пять пальцев. По совету Машега

русы, высаживаясь на берег, зла не творили и даже расплачивались за продукты. Цены падали по мере удаления от хузарской столицы, в окрестностях которой сборщики хакана вымели все до последнего зернышка.

Результат мирной политики не заставил себя ждать. Слухи бежали быстрее гонцов хакана, и известие о приближении флотилии зверообразных и кровожадных русов больше не вызывало паники у хузарских земледельцев. Теперь, завидев разноцветные паруса, они не бросались в степь, увозя и унося все что можно, а спокойно ждали, не высадутся ли страхолюдные русы на берег. Если те высаживались, местные тут же выносили из кладовок щедрые дары южной природы. Шкворчали на вертелах барашки, булькало вино, приманивали мух липкие восточные сладости. Даже скорым на расправу викингам смягчили нрав эта щедрая земля и теплое, как материнские руки, море. Тем более что за снесь расплачивались не они, а киевский воевода.

И все было замечательно, пока флотилия не оказалась в двух днях пути от цели. Высадившись на берег в месте, указанном Машегом, русы обнаружили брошенные дома, пустые амбары и овины.

Причина этого опустошения стала ясна, когда корабли достигли устья Терека-Уг-ру.

Семендер горел. Он горел уже несколько дней. Горел город, горели сады и виноградники в долине до самого моря. Поля были изгажены и вытоптаны, повсюду валялись раздувшиеся на жаре, гниющие трупы людей и животных. Трупы несла в море и кипящая мутная вода Уг-ру.

Лица духаревских хузар окаменели. Русы – что киевляне, что северяне – глядели на происходящее неодобрительно. Они уже вкусили щедрости этой земли: варяги, кривичи, поляне и прочие люди славянских, мерянских и иных племен, объединенных волей великих князей киевских. Князей, которые предпочитали подчинять, а не уничтожать.

Только скандинавы, водительствоемые ярлом Халсфьерда Эвиллом Оттарсоном, безмятежно взирали на трупы и пепелища. Они и не такое видывали... и проделывали.

В гавани пожаров не было. Тут стояли торговые суда. Довольно много судов. Капитаны некоторых, увидев флотилию русов, попытались дать деру, но не успели. Развернувшиеся в линию боевые лоды и драккары перекрыли им пути к отступлению. Удрать, впрочем, пытались немногие, большинство осталось у пирсов. В порту шла активная торговля. Арабские, арранские, самаркандские, персидские купцы за бесценок приобретали

военную добычу. А продавали ее печенеги.

Духареву стоило огромного труда удержать своих хузар, вознамерившихся перебить первых же встретившихся копченых. К тому же русы и скандинавы были готовы поддержать разъяренных хузар. Русы никогда печенегов не жаловали. У нурманов и свеев Оттарсона никаких претензий к копченым не было, зато присвоить чужую добычу – это они всегда пожалуйста. Возможно, Духарев не стал бы удерживать своих воинов, если бы не узнал в степняках, самозабвенно отдавшихся грабежу, родовичей Куркутэ. Печенегов-цапон.

Варяги Духарева взяли под микитки парочку копченых и приволокли к воеводе.

– Где Кутэй? – строго спросил Духарев.

– Мы покажем, покажем! – залопотали притрухавшие степняки. – Не тронь нас, великий богатырь, мы твоему хакану служим!

Печенегов в совокупности было не меньше, чем русов, но русы представляли собой войско, а копченые – неорганизованную толпу мародеров.

– Коня! – потребовал воевода.

Ему подали коня: его гридни по древнейшему в этом мире праву сильного уже успели реквизиловать полсотни степных лошадок.

– А-а-а, воевода Серегей! Ты опоздал, цапон уже всё сделали!

Так приветствовал Духарева внук «Волка» – Куркутэ – хан Кутэй.

Сергей охотно сказал бы ему пару ласковых... в другой ситуации. Сейчас учить красавца-печенега уже не имело смысла. Да и красавцем он уже не был, молодой хан. Вокруг него кадил и суетился шаман-лекарь, но Духарев только один раз втянул носом наполнившую юрту вонь и сразу понял: Кутэй умирает.

– Ищешь своего хакана? – прошептал Кутэй. – Он в четверти дня пути отсюда. Мои покажут дорогу.

Духарев кивнул:

– Прощай, хан!

– Прощай, воевода Серегей... А-а-а... Сабля, что ты мне подарил... Она хороша. Я возьму ее... с собой.

Духарев вышел из юрты, и воздух, насыщенный гарью и вонью, показался ему свежим.

– Артем, – сказал он сыну, – бери свой десяток и скачи в гавань. Скажи Понятке, пусть поднимает тысячу, забирает всех лошадей, каких увидит, – и ко мне. Мы идем к великому князю. Старший без меня – Трувор.

Копченых пока не трогать. Да! Хузарские сотни – тоже ко мне. Не хочу оставлять их тут. – Духарев подумал немного и добавил: – Еще скажи Трувору: гостей торговых тоже не обижать, купле-продаже не препятствовать, но корабли из гавани не выпускать, а ежели какие кормчие станут настаивать, обойтись по восточному обычаю.

– Это как? – спросил Артем.

– Палками по пяткам. Все понял?

Сын кивнул, свистнул своим, ударил коня каблуками и полетел к гавани. Отроки его десятка поскакали следом, не обращая внимания на снующих вокруг печенегов.

Копченые, впрочем, тоже не обращали внимания на русов. Их интересовало только одно: где и чем еще можно пожить? Только у ханской юрты наблюдался некоторый порядок: около десятка мрачных цапон сторожили покой умирающего хана. Наверняка это были его близкие родственники.

Духарев отвел своих подальше, к подножию невысокого холма, уселся в тени и стал ждать.

Понятко со своей тысячей и пятью сотнями хузар Машега появился примерно через час. Все – конные. Трое – с легкими ранениями: кое-кому из печенегов хватило храбрости (или глупости) противиться совершаемой именем Святослава реквизиции «транспортных средств». Духарев хотел отправить раненых обратно, но Артем, оказавший раненым первую помощь, заверил, что парни вполне могут оставаться в строю.

Послали за обещанным Кутэем проводником, а когда тот прибыл, немедленно отправились в путь.

Духареву, как и всем русам, не терпелось узнать, что же такое случилось. В глубине души Сергей боялся увидеть своего князя в том же состоянии, что и Кутэя.

Зря боялся. Святослав был в добром здравии, хотя и несколько мрачен. Впрочем, появление воеводы несколько приподняло настроение великого князя.

Воины Святослава расположились четвертью поприща выше по течению Терека. Судя по роскошной траве и плотности почвы, здесь сравнительно недавно стояла вода. По словам Машега, это было в порядке вещей. Наводнения в этих землях не редкость, особенно ближе к устью. Иной раз вода заливают степь на несколько фарсахов. И хоть слой воды невелик, максимум коню по брюхо, но земля раскисает, ни пройти, ни

проехать. Посему строятся здесь исключительно на холмах. Там же и хоронят. Но хузарам такое привычно: схожие паводки бывают и на Итиле, и на Бузане... Везде. Неудобно, зато естественная ирригация. Идеальный вариант, особенно для скотоводов.

Издали лагерь русов выглядел точь-в-точь как бивак копченых. Множество войлочных юрт, кибитки... Даже разъезды на подходах и пастухи, приглядывающие за лошадьми, – в одежде и мохнатых шапках печенегов-цапон.

Разумеется, это были не цапон – переодетые Святославовы вои.

Шатер Святослава был воистину ханским, но пустовал. Князь уехал по каким-то важным делам.

В отсутствие великого князя старшим в лагере был воевода Икмор. И он уже выехал навстречу Сергею. Если бы не варяжские усищи, Икмор был бы вылитым печенежским ханом не из последних. А загорел почти как копченый – дочерна.

– Сергей! Дошли!

– Как видишь! – усмехнулся Духарев.

Они с Икмором обнялись. Потом Икмор обнялся с Поняткой и Машегом. Переодетые печенегами киевляне сияли улыбками. Гривны Духарева уже смешались с ними. Здесь все знали всех и были друг другу рады.

– Остальные твои где? – спросил Икмор.

– Там, – Духарев махнул в сторону Семендера. – При кораблях.

– И как там?

– А сам как думаешь, воевода? – Сергей сразу перестал улыбаться. – Скажи, зачем надо было все жечь?

– Думаешь, батяня этого хотел? – тоже нахмурился Икмор. – Пошли-ка в тень, воевода! Перекусим с дороги да и поговорим.

...Сначала все было хорошо. С херсонскими ромеями прошло как по маслу. Получив даже больше того, на что рассчитывал, Святослав из Тмутаракани двинулся на Северный Кавказ, как снег на голову упал на ясов и касогов^[65], обязал ошеломленных горцев данью и после трудного, но зато стремительного перехода точно так же внезапно возник у юго-восточной границы Хузарии.

И тут произошла накладка. Святослав поручил захват Семендера печенегам Кутэя. Этим киевский князь надеялся убить сразу двух зайцев: скрыть присутствие русов и отчасти обескровить нахальных союзников. Семендер был неслабой крепостью с очень выгодным стратегическим

положением. Штурмовать такой город без осадных машин – дело не из легких.

Но всё пошло не так, как планировалось князем. Внезапно налетевшие печенеги захватили хузарскую крепость врасплох и взяли ее практически без потерь. Но во время штурма случилась беда: был смертельно ранен хан Кутэй, единственный, кто был способен держать копченых в узде.

Печенежская орда мгновенно стала неуправляемой. Результат Духарев видел. Исправлять что-то было уже поздно, и Святослав отдал Семендер и его окрестности на поток и разграбление. Хотя грабить в этом восточном городе было почти нечего. Все ценное ежегодно вывозилось отсюда в Итиль.

Дальнейших планов князя Икмор не знал. О них Святослав рассказал Духареву сам, когда незадолго до темноты вернулся в свой лагерь.

– Кутэй скоро умрет. Ему осталось дня два, не больше, – сказал великий князь, прекрасно осведомленный о том, что происходит в долине. – Когда он умрет, я стреножу копченых. Здесь хорошее место: богатая земля, смирные смерды. И восточные товары, кроме тех, что плывут морем, провозят здесь. А когда мои лодьи будут свободно плавать в Гирканском море... Что ты качаешь головой, Машег?

– Гирканское море – не Понт и не Сурож^[66], – сказал хузарин. – Это суровое море.

– Не суровой Варяжского! – отрезал Святослав. – Оно будет моим. И эта земля – тоже. Ты говорил, где-то здесь были земли твоих предков, которые хакан отнял у тебя?

– Были, – мрачно ответил Машег.

– Я верну их твоему роду. Вы будете править здесь под моей рукой и, клянусь гневом Перуна, я буду добрее к твоим хузарам, чем ваш хакан. Скоро хан Кутэй умрет, и тогда я приду в долину и приструню копченых.

– Поэтому ты и напустил на Семендер цапон, великий князь? – еще мрачнее поинтересовался Машег. – Чтобы после показать хузарам свою доброту?

– Да! – последовал твердый ответ. – Но я не хотел того, что получилось. Я не убиваю своих смердов и не жгу своих городов.

– Ты так уверен, хакан киевский, что Семендер станет твоим городом? – скривил губы Машег. – Хакан Йосып все еще хакан Хузарии.

– Считаю, что он уже мертв!

– Когда он будет мертв, – с нажимом на слово «будет» произнес Машег, – найдется множество желающих овладеть «саманными воротами».

– Ты дашь им отпор, хузарин Машег! – заявил Святослав. – Я знаю

тебя и знаю, что ты справишься. А за твоих родичей, убитых копчеными, – прости.

Машег покачал головой:

– Здесь нет моих родичей, княже. Давно уже нет. Только «черные» и «византийцы». Но хорошие деревья растут долго. И я не люблю, когда жгут сады.

Святослав нахмурился:

– Скажи мне, Машег, ты кто – хузарин или варяг?

– Варяг. И хузарин.

Машег бестрепетно глядел в синие глаза князя. Ему было ведомо, как страшен гнев Святослава. Но потомок маздакитов – персов и иудеев, когда-то сбежавших от расправы шаха и взявших под себя эти земли, – если и боялся, то лишь беды для своих близких. А киевский князь – не хакан Йосып. Если княжий гнев падет на Машега, родных его гнев не затронет. А за себя Машег не боялся.

Но Святослав не рассердился.

– Добро, – кивнул он. – Хузарин-варяг – это мне и нужно. Но довольно об этом. Серегей, расскажи-ка мне, что ты видел в Итиле...

Глава четырнадцатая, в которой происходят похороны хана Кутэя и другие, более важные, события

Следующим утром из долины прискакал гонец: хан Кутэй умер.

– Снимаемся, – распорядился Святослав.

Когда русы спустились в долину, родичи Кутэя уже все подготовили к погребению. На высоком холме насыпали курган, где будут похоронены останки; сложили костер, на котором сгорит брненное тело Кутэя, чтобы душа его поскорей улетела к Великому Небу. Кроме мертвого хана на штабеле облитых маслом бревнышек покоились две его удушенные наложницы, любимый конь с перерезанным горлом и живой шаман, не сумевший удержать душу Кутэя в брнном мире.

В последний путь внука Куркутэ провожало совсем немного печенегов: сотни четыре. Остальных не прельстила даже возможность последующего халявного угощения. Последние два дня и так были для войска Кутэя непрерывным праздником. Впрочем, все значимые печенежские лидеры на погребальной церемонии присутствовали.

Войско русов, пеших и конных, встало вокруг холма. Наверх поднялся

только Святослав с воеводами, ближними боярами и малой дружиной. Духарева среди них не было. Пока великий князь будет пировать, Сергею придется поработать.

Старший из родичей Кутэя велеречиво поблагодарил Святослава за оказанную честь и тотчас велел зажигать костер.

Вспыхнуло масло, затрещали бревна, завопил шаман, предупреждая духов о приближении души славного воина...

Когда дрова прогорели, останки хана были собраны и перенесены в могилу. За это время свободные от церемонии родичи организовали поминальную трапезу. Князя и воевод усадили на почетное место, старшую дружину – чуть пониже. Рабы из пленных семендерцев, потея, таскали жареных барашков, кувшины и корчаги с вином и сброженными молокопродуктами, столь ценимыми степняками.

Родичи помоложе затеяли потешную борьбу, чтоб увидела душа хана: не ослаб род. Есть еще богатыри, что не уронят славы...

В разгар пира старший из родичей Кутэя, родной брат его матери, придвинулся к Святославу и сказал:

– Слышал я, великий хакан киевский обещал Кутэю золото. Кутэй умер, и по нашему закону его золото принадлежит мне.

– Мы поговорим об этом позже, – ответил Святослав.

– Когда?

Великий князь посмотрел на печенега. Так посмотрел, что копченый быстренько опустил глаза и счел за лучшее не торопить события.

А пока воеводы русов вместе в предводителями печенегов отдавали последнюю дань уважения погибшему хану, гридни Святослава совместно с нурманами и прочими союзниками под руководством княжьего воеводы Серегея наводили порядок в семендерской долине. Для меньших печенежских воинов праздник жизни в этот день закончился. Организованные и троекратно превосходящие числом воины Святослава сгоняли степняков к опаленным городским стенам. Спящих поднимали пинками, артачившихся приводили к повиновению силой. Разоружать никого не разоружали и денег не отнимали, зато спешили всех, а пеший степняк – это уже не воин, а недоразумение. Похмельные от вина и крови, осоловевшие, отяжелевшие от непрерывной жратвы и неумеренных плотских утех, копченые не смели сопротивляться. Недавние грозные победители, они моментально утратили спесь и с опаской поглядывали на здоровенных нурманов, которым было поручено проследить, чтобы

завоеватели Семендера не разбежались.

Разобравшись с печенегами и выделив тысячу гридней для поддержания порядка, Духарев распорядился собрать сотен шесть-семь сохранивших трудоспособность местных жителей, передал их Рагуху и велел убрать территорию: пожары погасить, трупы похоронить и т. п. Сам же вместе с Машегом поехал в гавань.

От Семендера до морской гавани час езды. По пути Духареву встретился «косяк» печенегов. Сопровождала их Стемидова сотня. Копченых было сотни две, все – при оружии и очень недовольные. Но ехали мирно. Стемид – во главе, беседуя с копчеными по-печенежски. За эти годы почти все варяги научились кое-как изъясняться по-хузарски и по-печенежски. Простые гридни – на уровне военного словаря: «Кто такие?», «Кто ваш хан?», «Оружие на землю!» Командиры говорили получше: необходимость заставляла. Стемиду повезло, в его подчинении оказался сын Духарева, болтавший на всех степных языках. Другой командир, имея такого толмача, расслабился бы. Но Стемид был не таков. Он хотел сам. И преуспел. Сейчас его лингвистические познания вновь пригодились. Молодой варяжский сотник непринужденно беседовал с такими же молодыми печенежскими «полевыми командирами», а рядовые степняки, хоть и были в большинстве из других родов, мрачно тащились следом, не смея протестовать.

Причину их недовольства Духарев узнал немедленно. Азиатские «гости» отказались скупать хабар. А причиной отказа были русы, заблокировавшие выход из гавани. В этой ситуации купцы брали только самое ценное, а шелк вообще меняли исключительно на золото.

Поначалу купцы пытались протестовать, сообщил Стемид. Но Трувор определил самого горластого, выдал ему, как было велено, по пяткам и сообщил прочим, что это – акт гуманизма, совершенный исключительно по доброте воеводы Серегея. А исконно варяжский метод прекращения дискуссии – железом по загривку.

Купцы, как выяснилось, об этом методе были наслышаны: варяжские лоды появились в Гирканском море полвека назад (при попустительстве хузар, которым, естественно, была обещана доля) и для начала разграбили Абаскун. Позже прочность варяжского железа узнали Гилян, Ширван и иные мусульманские земли. Правда, хузарские хаканы и тогда показали себя полным говном. Например, Беньяху, двоюродный дедушка ныне правящего Йосыпа, не удовольствовавшись «процентом», спустил на потрепанную в битвах варяжскую армию своих гвардейцев. Потом, правда,

ему пришлось выкручиваться перед Олегом Вещим, отдариваться и все валить на собственных гвардейцев-мусульман, которые, дескать, самостийно вступились за поруганную честь единоверцев и с целью освобождения полона. Вранье было отъявленное: хаканская гвардия всегда отличалась отменной дисциплиной, а «освобожденных» девушек после видели у ромейских работарговцев. Но Олегу пришлось сделать вид, что он поверил. Ему нужен был союз с хузарами против копченых и против хитроумных ромеев, которых Олег регулярно выставлял на деньги и которым это, само собой, не нравилось. Правда, хакан Беняху нуждался в союзнике еще острее, потому вынужден был вернуть бо́льшую часть отнятой добычи и от себя прибавить. Но для последних хузарских хаканов это было типично: сожрать, что удастся, причем немедленно, а если врежут сапогом в брюхо, сожранное отрыгнуть. Духареву такое казалось глупостью, но вот его названный брат Мышата заявил, что подобный подход – хапнуть, а потом возратить с процентами – вполне рентабелен. Что-то вроде выгодного кредита. Возвращать-то приходилось не сразу, а через год-два, когда прижмут. А за два года, сидя на таком месте, как восточный караванный путь, можно украденное не то что удвоить – удесятерить. Сергей Мышу верил, но все равно считал, что честь и доверие – подороже золота.

Впрочем, коварство хузарских лидеров не отбило варягам охоты полевать на гирканских берегах. Уж такие места богатые...

Короче говоря, знакомство восточных соседей хузар с варяжским железом состоялось достаточно давно, и желающих нарваться на неприятность не было. Скандалисты приутихли. Удрать тоже никто не пытался. Лодьи и драккары полностью заблокировали гавань. Но предусмотрительный Трувор решил, что этого мало, и отправил на каждое судно крупнее рыбацкого баркаса варягов-караульщиков. Впрочем, торговые гости были уверены, что убивать их не станут. Кому бы в итоге не достался Семендер, его правители не станут резать корову, которая доится золотом. Не менее девяти десятых прибыли от торговых операций оседало в казне государей, через земли которых пролегали торговые пути с востока на запад. Нет, убивать купцов не будут. Облегчат кошельки – это да. Вопрос – насколько?

– Половина! – объявил купцам Машег, которому Духарев поручил вести переговоры, когда они приехали в гавань. – Половина того, что у вас в трюмах, останется здесь. Это доля князя, которую незаконно присвоили его наемники-печенеги.

– А наше золото? – по-арабски выкрикнул кто-то из купцов. – За эту

половину мы платили полновестными динарами!

– Как тебя зовут? – спросил Машег тоже по-арабски.

– Али, сын Саида из Ширвана!

– Из Ширвана? Не смей меня! Откуда в Ширване возьмутся полновесные динары?

Вокруг купца загоготали. Но тут вперед протиснулся некий купчик с бородкой и пейсами.

– А ведь я тебя знаю! – заявил он. – Видел тебя при дворе хакана Йосыпа. Ты ведь Машег бар Маттах?

– Точно! – подтвердил хузарин.

– Значит, ты предал своего хакана! Ты предал Бога! Можно ли тебе верить?

Синие глаза Машега сверкнули, рука легла на эфес сабли... Но он сдержался.

– Едва не забыл, что брехливую шавку учат не сталью, а плеткой, – процедил он, подавая коня вперед и снимая с пояса треххвостую «волчью» плеть, утяжеленную свинцовыми бусинами.

Купчик, смекнув, чем пахнет, попытался юркнуть обратно в толпу, но его не пустили.

– Э-э-э... М-м-э-э... Б-э-э... – заблеял он. – Б-благородный М-машег б-бар М-маттах, я вовсе не то хотел сказать...

– Но ты уже сказал! – рявкнул Машег. – А теперь слушай. Все слушайте! Хакан Йосып – проклятие белых хузар. Тварь, пожравшая мою землю и славу моей земли! Потому мой хакан ныне – великий князь Святослав! Он пришел взять эту землю, и Йосып, спрятавшийся за щитами потомков Исава, как суслик в норе, скоро запищит в его когтях. Но радуйтесь, торговые гости! Ибо теперь откроются вам пути во все концы Святославовых владений: от Варяжского моря до Понта.

– За половинную долю... Экая радость... – совсем тихо проворчал купец «из Ширвана».

Но Машег услышал.

– Ты глухой? – спросил он. – Тебе сказано: половина – это утаенная копчеными доля хакана Святослава! Если ты, называющий себя ширванцем, захочешь плыть мимо Итиля, отдашь двенадцатую долю. Или плати десятую и плыви хоть к нурманам. Уже без всяких пошлин. Только дождись, пока Святослав выкинет из Итиля Йосыпа и его охвостье.

– Если выкинет... – прошептал «ширванец», но на этот раз совсем тихо.

– А Булгар? – спросил кто-то. – Булгар ведь тоже захочет своей доли!

– Мало ли кто что захочет, – усмехнулся Машег. – Если остановишься торговать, заплатишь местные сборы. Но княжий сбор будет один – от Семендера до Белозера! Один для всех. Это понятно?

Купцы заговорили: кто одобрительно, кто выражая сомнение... Намек был прозрачный. Взяв под себя Итиль, киевский хакан на этом не остановится. Следующим номером станет волжская Булгария. Тогда великая река будет принадлежать Святославу целиком.

– И как скоро это случится? Как скоро?

Вопрос был задан на языке торков. Сергей этот язык знал плохо. Зато он обратил внимание на то, что спросивший постарался остаться незамеченным. Тем не менее Духарев его засек: смуглый бородач в зеленой чалме. Явно не торк. Арранец?

– Скажи ему, Машег, пусть приходит в начале осени, – по-русски сказал Духарев. – Скажи ему: в ближайший месяц у моего хакана есть дела на реке Бузан. Итилем он займется позже.

– Нельзя ему такое говорить! – тоже по-русски возразил Машег. – Это может быть шпион Йосыпа. Давай я его лучше убью!

– Проклятье, Машег, я, по-твоему, дурак? – бесстрастным голосом произнес Духарев. – Скажи ему дословно: в ближайший месяц у хакана Святослава есть важные дела на реке Бузан. И не дай тебе Бог причинить вред этому зеленоголовому, ибо я очень надеюсь, что мои слова действительно достигнут ушей Йосыпа...

Глава пятнадцатая, ***в которой князь Святослав вдохновляет печенегов на великий поход***

– Храбрые богатыри цапон! Ваш хан умер! Кто из вас готов доставить эту скорбную весть большому хану Куркутэ?

«Храбрые богатыри», тысяч двенадцать печенегов, сгрудившихся на пологом склоне, энтузиазма не выказали. Добровольцев не было. Ни среди малых ханов, ни среди простых всадников. Все знали: принесшему черную весть могут и голову снести.

– Я это сделаю! – с явной неохотой объявил наконец дядя Кутэя.

Он и его родичи расположились в первых рядах, лишь немного ниже красных щитов Святославовых гридней.

– Ты – храбрый человек! – констатировал великий князь киевский.

Его конь нервно перебирал ногами, словно чувствуя воодушевление

всадника. Но Духарев был уверен: Святослав сознательно горячит коня. На самом деле князь волнуется не больше, чем деревянный зверь на носу духаревского драккара.

– Ты – храбрый человек! – могучий голос Святослава стекал к печенегам сверху, с вершины холма. – Мне нужен храбрый человек для великого дела! Потому я хочу, чтобы именно ты возглавил храброе войско цапон! А того, кто отвезет скорбную весть Куркутэ, ты выберешь сам!

Печенеги заволновались. Святослав вернул им коней, кроме тех, что были предназначены для приплывшего с Духаревым войска. И вроде как вернул свободу. Но потребовал отдать половину семендерской добычи. Один малый род попытался послушаться, и в результате родовичи потеряли все, кроме жизней. Обошлись с ними так, как обычно поступали с копчеными, изловленными на киевских землях, но не успевшими покуролесить: выгнали в степь в одних портках. Надо отметить, что, даже пешие, печенеги припустили довольно быстро. Два десятка безоружных копченых очень хорошо представляли, что с ними будет, если они попадутся в руки недобитых семендерских хузар. Это поучительное зрелище сделало остальных степняков куда более покладистыми, но дисциплина по-прежнему оставляла желать лучшего. Цапон готовы были ходить под рукой Кутэя, любимого внука большого хана, но дядя Кутэя – совсем другое дело. Крови «Волка» не было в его жилах. Обычный хан из не слишком выдающегося рода. Даже поддержанный киевским князем, он вряд ли будет принят большинством печенегов в качестве абсолютного лидера.

– Не шумите, богатыри цапон! – мощный голос киевского князя перекрыл ворчание нескольких тысяч глоток. – Богатство и слава ждут вас! Семендер пал пред вашей доблестью! Но Семендер – жалкая кучка лачуг за саманным забором! Скоро вы разрушите стены, за которыми спрятаны настоящие сокровища!

– Итиль! – завопил кто-то.

– Итиль! Итиль! – заорали печенеги.

Святослав дал им пару минут – откричаться, потом вскинул руку, призывая к молчанию.

– Нет, не Итиль! – объявил он. – В Итиле – сильное войско хакана Йосыпа! Пятьдесят тысяч отборных воинов, тридцать тысяч белых хузар! Сто тысяч лучников!

Откровенная дезинформация, но кто ее оспорит? Его слова сбили воинственность копченых сильнее, чем внезапный понос.

Святослав дал печенегам прочувствовать услышанное, потом

продолжил:

– Нет, не Итиль! Саркел!

Его слова не вызвали энтузиазма. Белая крепость на Дону-Бузане была построена византийцами, причем построена на совесть. Многие из присутствующих видели ее стены, кое-кто и внутри побывал – в качестве торгового гостя.

– Неужели вы испуганы, богатыри цапон? – воскликнул киевский князь. – Неужели три сотни лохматых гузов, спрятавшихся за кучей камней, напугали вас? Или, может, вы боитесь, что на помощь гузам поспешит сам хузарский хакан со всем своим войском? Не бойтесь! Этого не будет! Я сам выступлю против хакана Йосыпа! Я свяжу его силы! Я заставлю его остаться у стен своей столицы! А тем временем вы, храбрые богатыри цапон, возьмете Саркел и все, что хранится за его стенами! Но помните: половинная доля добытого принадлежит мне и моей дружине! Таков наш уговор! Согласны ли вы?

Печенеги завопили. Конечно, они согласны. Три сотни гузов – пустяк! Саркел падет! И все, что хранится за этими стенами (а хранится там немало), достанется цапон.

Но если храбрый киевский хакан полагает, что получит свою долю, то он просто глупец. Цапон не будут ждать, пока он сбросит с хвоста Йосыпа и прибежит к развалинам Саркела за своей долей. От Саркела до кочевий цапон намного ближе, чем от Саркела до Итиля. Если хузарский хакан не прикончит киевского, последнему все равно не видать сокровищ Саркела.

Так думал каждый печенег, и от этих мыслей таяла горечь утраты половины семендерской добычи.

Печенежское войско снялось с места после полудня. Возглавил его дядя Кутэя. Вместе с печенегами ушел воевода Лют с полутысячей дружинников. Сын князя-воеводы Свенельда был у цапон в авторитете.

– Не дай им разбежаться раньше времени! – наставлял воеводу Святослав. – И дядьку Кутэева поддержи: его многие не любят.

– А если они все-таки возьмут Саркел, что тогда? – спросил Лют.

Духарев и Икмор засмеялись. Святослав тоже улыбнулся.

– Ты видел Саркел, – сказал он. – Пусть копченые осадят его. Можешь даже помочь им сделать стенобитные машины, всё равно им Саркел не взять. Пусть сидят под стенами. Половина копченых наверняка разбежится после первых неудач, так постарайся, чтобы хоть тысяч пять осталось. Но самое главное – ваш путь к Саркелу. Вам не следует торопиться, и вы должны выглядеть как *очень большое* войско!

– Не сомневайся, батько, – заверил Лют. – Это же копченые! У них даже и с сильным ханом порядку немного, а с таким, как этот дядька... – сын Свенельда презрительно фыркнул. – Растянутся на целое поприще и будут гоняться за каждой овечьей отарой. Одно слово – орда! – Лют презрительно сплюнул. – Не сомневайся, батько, весть о нашем походе придет в Итиль раньше, чем мы увидим Бузан-реку!

Так оно и вышло.

**Глава шестнадцатая,
в которой хакан Йосып снова собирает ополчение, а князь
Святослав играет в шахматы**

Семендер понемногу оживал. Те, кому повезло и чьи лачуги уцелели (таких было немного), возвращались к родным очагам. Менее везучие (но все-таки везучие, потому что живы) ставили юрты, разгребали пепелища... Русов они не боялись: русы, по официальной версии, прогнали жестоких печенегов. Более того, киевский хакан, объявивший, что берет Семендер под свою руку, на два года освободил его жителей от дани. В краткой, но выразительной речи, переводимой сразу на три языка, Святослав заявил, что сожалеет об учиненном печенегами разбое и более такого не допустит. Скоро князь возьмет под себя всю Хузарию, и на ее земле воцарится мир. Вот он уже и гонца отправил к хакану Йосыпу с кратким сообщением: «Я иду!» Точного направления Святослав не уточнил, но ведь ни для кого не было секретом, куда именно киевский князь отправился «воцарять мир». Можно было также не сомневаться: для Саркела, в отличие от Семендера, появление захватчиков не станет неожиданностью.

Итак, все конное войско Святослава отправилось к берегам Бузана. Остались только те, кто приплыл по морю. Сейчас они загружали на корабли экспроприированную у печенегов и купцов добычу. Это тоже видели все: и разноплеменные купцы, и возвратившиеся к родным пепелищам жители долины. Руководили погрузкой варяги и нурманы. Всего их осталось в Семендере около трех тысяч. Распоряжался ими воевода киевский Серегей. Сам князь ушел вместе с печенегами. Такова была официальная версия. Именно в такой редакции ее и доложили разъяренному Йосыпу.

Семендер разорен. Святослав с печенегами идут на Саркел.

Просевшие под тяжестью награбленного (награбленного не где-нибудь в Аррене или Ширване – у хузар!) корабли русов движутся по Гирканскому морю на север. Неужели надеются проскочить мимо Итиля?

«Хрен они у меня проскочат!» – так вкратце можно было резюмировать пространный монолог Йосыпа. «Хрен они у меня проскочат! И вместо Саркела им тоже хрен!»

Хакан хузарский вновь спешно созвал ополчение. Вооружил горожан, назначил наместника и оставил ему на всякий случай еще тысячу наемников-туркмен. Для трёх тысяч варягов и нурман, сопровождающих корабли, этого хватит. Как только русы высадутся на берег, тут им и конец, а в том, что русы высадутся, Йосып не сомневался. Они всегда останавливались после морского плавания: либо в дельте, либо в окрестностях Итиля. Это понятно: Гирканское море – не Сурожское. Характер у него капризный. Ходить по нему – тяжкий труд. В общем, тысячи туркмен и ополчения хватит: и Итиль защитят, и усталых русов накажут. Сам же Йосып с гвардией, наемниками и прочим войском двинется к Саркелу и обрушится на обсевших город русов и печенегов. В победе Йосып не сомневался: на его стороне Бог и безусловное численное превосходство. Для начала, пока подойдет основное войско, хузарский хакан отправил к Саркелу пять тысяч легкой конницы, чтобы осложнить жизнь осаждающим и заодно показать защитникам крепости, что хакан о них не забыл.

Саркел отдавать нельзя. Там под надежной охраной лежит неприкосновенный золотой запас хузарских хаканов. Именно для его защиты и возвели эту крепость.

Сделав необходимые распоряжения, хакан еще раз оценил ситуацию и счел, что все идет не так уж плохо.

Киевский князь Святослав, коего в Диком Поле называли Пардусом, тоже полагал, что все идет неплохо. Его конное войско проделало ровно полпути по направлению к Дону-Бузану, затем развернулось и двинулось на северо-восток, к берегу Гирканского моря.

Дорога поначалу была трудная: по выжженной безводной земле, где в эту пору не живет никто, кроме змей да ящериц. Через два дня киевляне вышли на большой караванный путь, и ехать стало намного приятнее. Русы шли, не скрываясь, но очень быстро, одвуконь. Быстрее могли ехать только особые гонцы, менявшие лошадей через каждый фаранг пути. Верный способ напасть внезапно – опередить весть о своем появлении. С этой же целью нурманы, высадившись, например, на землях франков, вырезали

подчистую всех, кого видели.

Русы поступали менее кровожадно: попросту забирали всех лошадей. Конные даже на день опередили «моряков», и когда флотилия прибыла к оговоренному месту, тридцать тысяч всадников Святослава уже ее ждали.

– Я пойду с вами! – заявил Святослав.

Возражения своих воевод он отмел. Пойду – и точка. Киевский князь всегда норовил занять самое опасное место, а поскольку он был главный, то как он хотел, так обычно и происходило.

Впрочем, особого риска не было. Место для высадки, выбранное Машегом, было идеальное: полуостров, с одной стороны которого – заводь, заросшая высоким камышом, с другой – глубокая протока, очень удобная для стоянки. Вдобавок полуостров располагался в личных (практически ненаселенных) охотничьих угодьях хакана... И всего лишь в паре часов быстрой езды от предместий Итиля.

Флотилия русов подошла к полуострову на закате. Когда наместнику в Итиле донесли об этом (весть принес один из Машеговых хузар, переодевшийся простолюдином), наступила ночь.

– Мы нападём на них в рассветных сумерках! – потирая ладони, объявил наместник. – Мы их уничтожим!

В эту ночь в итильском гарнизоне никто не спал. Таков был приказ наместника: как следует подготовиться к бою с русами. Проигнорировал его только командир наемников-туркмен.

– Мои воины будут спать, – заявил туркменбаши наместнику. – Они всегда готовы к бою. Главное, чтобы твои пахари не путались у них под ногами!

По правде говоря, земледельцев среди ополчения было немного: в основном всадники-пастухи и пехота из итильских мастеровых. Первые могли бы неплохо показать себя в степи в качестве легкой конницы, вторые – принести немалую пользу на городских стенах. Для внезапной атаки в условиях пересеченной местности и те и другие не годились. К тому же, как любые набранные второпях части, хузарские ополченцы не имели никакого опыта совместных действий. И, самое главное, не испытывали ни малейшего желания воевать. Вести этот сброд в бой можно было только в одном случае: если сзади его будут «подпирать» настоящие воины. Чтобы страх перед теми, кто за спиной, был сильнее страха перед врагом. Это азы, понятные любому десятнику. Но наместник хакана Йосыпа никогда не служил десятником. Наместник (его звали Ламх, и он приходился

троюродным племянником четвертой жены покойного хакана Беньяху) был неглупым человеком, отлично разбирался в верблюдах, ценах на шелк и мог с первого взгляда определить, какой ежегодный налог способен платить владелец виноградника. Пригодность его к работе полководца примерно соответствовала пригодности верблюда к работе овчарки. Но наместник Ламх полагал, что человек, способный договориться с византийскими таможенниками, способен справиться и с ролью полководца. В целом наместник был прав. Просто ему катастрофически не хватало опыта.

Сотник Велим присел на корточки у костра. Глянул мельком на кусочки осетриного шашлыка, сглотнул слюну. У него с заката во рту ни крошки не было.

– Бери, ешь, – разрешил Святослав.

Сотник качнул головой, поглядел на своего старшего, воеводу Серегея, потом на варяга-хузарина Машега. Воевода, казалось, дремал. Лицо Машега было непроницаемо.

– Они подходят, – сказал Велим. – Сотен тридцать пеших и вдвое больше всадников. Прут, как кабаны, – за пять стрелищ слышно. И шумят, как свиньи на случке. Ударим, княже?

– Ешь, гридь, – велел Святослав. – Когда надо, тогда и ударим.

Велим достал нож, отмахнул кусок лепешки, положил на него пару кусков осетрины. Этого хватит: перед боем нажираться – последнее дело.

– Все, как ты и говорил, Машег, – сказал Святослав. – Смерды. Лишь бы они не запутались в собственных ногах. Или не заблудились: в ваших протоках даже выдра может заплутать.

– У них хорошие проводники, – бесстрастно произнес Машег. – И помни, княже: есть еще туркмены.

– Их слишком мало. Это будет не битва – резня.

– Они – твои будущие подданные, великий князь, – сказал Машег. – А Итиль скоро станет твоим городом.

– Я помню, – холодно ответил князь. Взгляд его синих глаз встретился со взглядом таких же синих глаз хузарина. – Не бойся, варяг! Я не обойдусь с Итилем, как с Семендером.

Грозный взгляд князя Машега не испугал. Он вообще был слегка отмороженный, этот хузарин-варяг. Иногда Духареву казалось даже, что не слегка, а совсем...

– Гр-рм! – откашлялся Сергей. – Время у нас есть, княже. Сыграем?

– Давай, – согласился Святослав. – Отрок, фигуры! Что ставим?

– Любая вещь, что мне глянется во дворце хакана, – моя!

– Ха! Годится! А я... – Святослав помедлил, глядя, как отрок расставляет шахматы. – А я... Если я выиграю, то больше никогда не услышу от тебя: «Ты неправ, княже!»

– Солидная ставка... – проворчал Духарев.

Обычно из трех партий две выигрывал князь.

– Принимаешь? – Святослав протянул ему два кулака.

– Да! – Сергей хлопнул по правому, князь разжал кулак: на ладони лежал золотой копьеносец.

Право первого хода принадлежало Духареву.

Спустя полтора часа они еще играли. Костер погас, но небо уже порозовело и розовым окрасились верхушки деревьев соседней рощи и топы корабельных мачт – рукотворного леса, выросшего у берега там, где не росли камыши.

– Долго идут... – проворчал Духарев.

– Ждут, пока мы закончим! – князь усмехнулся, сверкнул белыми ровными зубами. – Ты ходи, воевода! Нам бы успеть, пока солнце не встало...

Вокруг, завернувшись в плащи и попоны, спали гридни. Восемь сотен. В основном нурманы. Этим все по барабану: бой – не бой... Правда, спали они в бронях.

– Шах! – сказал Духарев.

Глава семнадцатая, ***в которой русы одерживают еще одну победу, а Машег бар*** ***Маттах получает новый статус***

Хузарский разведчик, которого взяли, чтобы провести войско наместника через лабиринт протоков, глядел сквозь стебли на мирную картину лагеря русов. Он видел спящих, видел трех часовых, сидевших на корточках у темных кустов. Еще одного он разглядел в кроне ивы. И двоих воинов – одного высокого, другого пониже – склонивших головы у погасшего костра, он тоже видел. До них было шагов пятьдесят. На таком расстоянии разведчик сбил бы пару взлетающих уток. Но разведчик не собирался стрелять. Он перевел взгляд на множество скопившихся у полуострова кораблей. У самого берега нашлось место для нескольких десятков. Остальные стояли дальше, ошвартованные борт к борту. Разведчик представил, сколько на них добычи... потом снова поглядел на

спящих русов. Скоро они все будут мертвы. Они – мертвы, а он, разведчик, – богат. Если останется жив.

«Я выживу», – прошептал хузарин и тихонько попятился назад.

В двадцати шагах от него сын воеводы Сергея Артем опустил лук. Он знал, что разведчик не станет стрелять, но тем не менее...

– Мат! – объявил Духарев.

– Эх-х... Добрая вышла игра. Не надо было мне башни разменивать! – Святослав с удовольствием потянулся, подвигал плечами, разминаясь, вытянул ноги.

Он играл лучше Сергея, но слишком любил атаковать. Как, впрочем, и в жизни.

В камышах закричала выпь.

– Сынка твоего голос... – сказал князь. – Артема. Плохое ты ему имя дал, воевода.

– Это почему же? – возмутился Сергей.

Имя сыну они выбирали вдвоем со Сладой...

– Не подходит ему.

– А какое подходит?

– Какое?... Я б его Всеславом назвал.

– Это княжье имя, – заметил Духарев.

– Так он и будет князем! – уверенно заявил Святослав. – Коли получится, как я задумал, под моей рукой много князей будет! И сын твой среди них – не из последних. Вот хотя бы вятичей ему отдам. Хочешь?

«Это ты сейчас так говоришь, – подумал Сергей. – Пока свои сыновья не подросли...»

А вслух сказал:

– Тебе решать. Я...

– Чу! Идут! – перебил его Святослав. – Слышишь?

– А то! – Духарев поглядел на взлетевших над зарослями птиц, пихнул спящего сотника: – Просыпайся. Ты был прав, парень. Шуму от них, как от свиней...

Полуостров, на котором устроились русы, серпом отходил от берега и протяженностью был шагов триста. Его покрывала густая сочная травка. В паводок полуостров превращался в остров и почти полностью скрывался под водой, только «гребешок» оставался. Стоячий мелкий заливчик между полуостровом и берегом зарос камышом, но с того места, где находился наместник Ламх, полуостров просматривался почти целиком: видны были

и спящие русы, и их корабли, занявшие почти половину ширины протоки – одного из множества рукавов, на которые разделялся Итиль.

У перешейка лежал заливной луг, за ним – длинный холм, поросший лесом. Вдоль склона холма, понизу, шла широкая тропа, по которой войско наместника Ламха и подошло к лагерю русов.

Сейчас наместник, прикрываемый щитами телохранителей-гузов, глядел на этот лагерь. От гузов воняло, как от козлов. Ополченцы, впрочем, воняли еще сильнее. К тому же они сопели, кашляли, чесались... За спиной наместника то и дело слышалось приглушенное шипение их командиров, требовавших тишины. Это была пехота. Конницу наместник оставил в хвосте колонны.

Русы спали. Их застали врасплох. Но если сейчас бросить на них пехоту – вот эту, потную, ленивую, сопящую... Пока она добежит до лагеря, русы успеют проснуться и взяться за мечи. А пользоваться мечами они умеют. Наместнику вспомнились рассказы времен хакана Беньяху, когда хакан отдал попросивших пристанища варягов своим гвардейцам-мусульманам. Тех было десять тысяч, русов – вдвое меньше, и многие из них были ранены. Но половина русов все равно сумела добраться до кораблей и уйти. Причем уйти вместе с добычей.

Вот чего опасался наместник! Половина русов встанет стеной, а вторая погрузится на корабли и уйдет. Вместе с награбленным в Семендере. За такое Йосып наместнику собственноручно голову отрежет.

За спиной Ламха раздался приглушенный топот, потом мягкий, чуть слышный удар оземь.

Туркмен-баши. Наместник скосил глаза и увидел, что копыта туркменского коня обмотаны войлоком.

– Спят, – прошептал наместник.

– Сам вижу, – неуважительно ответил туркмен-баши.

«Дикарь», – подумал наместник.

Наемник нахмурил брови.

– Что-то их мало... – пробормотал он.

– Вот и хорошо, – сказал наместник.

– Кораблей много, а русов мало... Может, часть на кораблях осталась?

Эта идея наместнику совсем не понравилась.

– Надо ударить внезапно, – прошептал он. – Тогда они не успеют...

– Внезапно? – туркмен-баши презрительно усмехнулся. – Это ты о своих пахарях, которые о собственные копыта спотыкаются? Я говорил тебе, пусть мои воины идут первыми!

Ламху ответить было нечего. Да и что теперь говорить: пехота

загородила всю дорогу.

– Ладно, – сказал туркмен-баши. – С той стороны холма – тоже тропа. Мы объедем вокруг и ударим с тыла. А ты стой тут и жди.

Наместник опять вынужден был подавить раздражение и смолчать. А что ему еще оставалось? Только то, что сказал наемник: стоять и ждать...

– Почему они медлят? – спросил Стемид, приподнимаясь на локте. – Почему они не нападают, воевода? Ждут, пока совсем рассветет?

– Откуда я знаю! – раздраженно ответил Духарев. – Может, заметили... лишнее?

– Пускай стоят, – сказал Святослав. – Главное, чтоб обратно не побежали. Скоро мы узнаем, чего они ждут.

Наместник упустил миг, когда появились туркмены. Только что их не было – и вдруг вся тысяча выплеснулась на луг и дальше, на полуостров. Дозорные русов закричали. Поздно! Взгляд наместника успел выхватить из конной лавы золоченый шлем туркмен-баши, его вскинутую руку со сверкающим кончаром...

Тут наместник вспомнил, что он – полководец.

– А-а-а! – завопил он. – Вперед! Бей!

– Бей! – подхватили командиры, и разномастное войско, выставив копыта, бросилось следом за туркменами.

Атака была стремительна и внезапна. Множество всадников возникли, словно из воздуха, совсем не оттуда, откуда их ждали.

Духарев увидел туркмен через миг после криков дозорных. Он успел вскочить и протяжно выкрикнуть:

– Гридни! По со-отням! Стройсь!!!

С секундным опозданием по-нурмански то же прокричал Эвил, но видно было, что ни варяги, ни нурманы уже не успевают соединиться в строю...

Только Святослав остался спокоен. Он видел (в бою он всегда видел больше других), что туркмены не успеют обрушиться на нурманов. Как бы ни были стремительны их кони, а стрелы все равно быстрее.

Залп спрятавшихся в камышах лучников накрыл авангард туркмен. Рухнул под копыта мчащейся конницы пронзенный двумя стрелами туркмен-баши, так и не выпустив из десницы меч-кончар. Вместе с ним вышибло из седел не меньше полусотни лихих туркмен. Следующий залп, еще один – и атака захлебнулась. Страшно ржали бьющиеся на земле

лошади, истошно кричали раненые... Десятка три всадников сумели проскочить сквозь смертоносный град и схватились с нурманами. Но то была уже не волна, сметающая все, а жалкие брызги. До Святослава и его воеводы не долетел ни один туркмен. Пешие скандинавы посекали их в считанные мгновения. Даже вне строя викинги были лучшими рубаками своего времени.

Тем временем пехота наместника Ламха, подбадривая себя воплями и почти не спотыкаясь, добежала до места действия, то есть до арьергарда наемной конницы... Как раз в тот момент, когда туркмены, сообразив, что к чему, разворачивали коней для поспешной ретирады. Обнаружив на своем пути толпу «пахарей», туркмены, не задумываясь, пустили в ход оружие и, возможно, сумели бы прорубить себе дорогу к спасению, но из леса без лишней спешки выехали хузары Машега и гриди Понятковой тысячи...

Наместника Ламха увлек наступательный порыв его пехоты. Пыхтя, он бежал вместе со всеми (прикрываемый, впрочем, верными гузами) и вместе со всеми вляпался в дерьмо. Причем оказался как раз на пути удирающих туркмен, топчущих и рубящих...

От собственных наемников наместника защитили гузы, принявшие на щиты удары прямых туркменских мечей. Но Ламха это не спасло. Упала откуда-то «слепая» стрела – и не стало наместника Ламха, богатого и важного, известного каждому серьезному купцу от Константинополя до Самарканда. Не стало Ламха, троюродного племянника четвертой жены самого хакана Беньяху, а войско его...

Конное ополчение из «черных» хузар, пастухов-скотоводов, русы перенять не успели. Дернули «черные» так, что только дерн в стороны полетел.

С остальными – проще...

– Я – Машег бар Маттах! Кто бросит оружие и поднимет пустые руки, останется жив!

Три раза пришлось Машегу, надрывая горло, выкрикнуть эти слова, чтобы его услышали.

Хорошие слова, сказанные на очень хорошем хузарском языке.

Ополченцы, как только услышали, сразу побросали копья.

Туркмены некоторое время колебались. Но деться им было некуда. Сзади уже выстроился нурманский боевой «клин» – никак не меньше тысячи. Вышли из камыша княжьи отроки, встали с луками за строем варягов Трувора. Этих – еще больше, чем нурманов. А с другой стороны, за

побросавшими оружие ополченцами – конные стрелки с луками наготове. Тоже не менее тысячи.

Туркмены – храбрецы. Но даже храбрецам не хочется умереть глупо.

– Ладно получилось! – резюмировал Святослав, глядя как несколько сотен ополченцев (остальных отпустили) роют могилы для убитых.

Пленным туркменам (от тысячи осталась едва ли половина) предложили выбор: пешком и без оружия отправляться куда глаза глядят, или верхом и с честью – на службу хакана Святослава. Большинство предпочло второй вариант. Очень обидно возвращаться домой без оружия и с пустым кошельком. Да и как возвращаться? Осталось бы оружие, нанялись бы охранниками к купцам, а так...

Туркмен отдали под начало Машега. Так Духарев посоветовал, и Святослав согласился. Теперь под командованием Серегиного друга оказалось больше тысячи клинков. И еще посоветовал Духарев: пусть, мол, идет Машег под собственным стягом, не как лучший гридень киевского воеводы, а как *союзник*.

Святослав подумал и согласился.

– Всё, брат, отпускай бороду! – сказал другу Сергей. – Ты теперь снова станешь благородным хузарином-иудеем!

– Я всегда был им и есть! – сердито ответил Машег. – Думай, что говоришь! А бороду я отпускать не буду. Борода Элде не нравится.

На этом их беседа прервалась. Прискакал посыл от Икмора.

Икмор взял Итиль.

Глава восемнадцатая

Итиль – столица Хузарии

Когда войско Святослава подошло к хузарской столице, выяснилось, что Икмор взять-то ее взял, но не совсем. «Царский город» – крепость на острове с дворцом хакана – Икмор проворонил. Причем из-за сущей случайности: он принял удиравших от Святослава пастухов-ополченцев за войско Йосыпа. Пока Икмор разворачивал дружину навстречу врагу, оставшиеся в городе итильские вельможи вместе с личными охранниками и городской стражей успели эвакуироваться на остров.

Пастухи-ополченцы, обнаружив перед собой не спасительные итильские стены, а все те же красные щиты киевлян, развернули лошадок и усаkali. Но к этому времени мост между островом и берегом уже пылал, а

на стенах «царского города» городская и дворцовая стражи спешно готовились к обороне.

Штурмовать дворцовый комплекс нахрапом Икмор не стал. Посадил на стены напротив сгоревшего моста своих лучников (чтоб по ту сторону протоки не скучали) и занялся наведением порядка в захваченном городе.

Столица Итиля была огромна. И хотя большая часть ее населения прозябала в нищете, а главные богатства Итиля хранились во дворце хакана, в самом городе тоже было чем поживиться. Купеческие подворья представителей нескольких десятков стран (в том числе и киевское), особняки богатеев, склады, хранилища...

Получивший от Святослава строгое указание без толку не жечь и не резать, воевода Икмор указание выполнил. Силой взяли только «городки» византийцев и хорасанцев, которым хватило глупости запереть ворота. Остальных так, пощипали немного. Свои, киевские, подсказали: у кого, где и сколько. Простой люд не били, но все равно многие были в трауре: большая часть пеших ополченцев, погибших на полуострове, была из столицы. Впрочем, на русов семьи погибших обиды не держали, ругали в основном наместника.

Заняв Итиль, войско получило пару дней на отдых. Вино – рекой, еда – от пуза, девки – пока не надоест. Оттягивались за все время похода, за Семендер (тогда князь не дал своим повеселиться), за суровые воинские будни на месяцы вперед...

Духарев устроился на киевском подворье. Его принимали и ублажали с превеликим усердием. Причем не как славного княжьего воеводу, а как брата самого Мышаты Радовича.

Артема, когда тот, уже изрядно набравшийся со своими, решил ближе к полуночи провести отца, тоже встретили по-княжьи. У парня глаза разбежались: не знал, какую из девочек в постель уложить. Решил проблему по-варяжски: уволок сразу троих.

А Духареву предложили черноокуую персиянку с плотным животиком и большим мягким ртом. Но насладиться ею Сергей не успел. Та реальность внезапно обрушилась на него...

...Рыжая девчонка топлес вертелась вокруг врезанной прямо в стеклянный стол стальной штанги, изгибалась, вытягивала поочередно длинные тонкие ноги. Серебряные высоченные каблуки, словно стилеты, целились в глаза. Она наклонялась, глядела между циркулем расставленных ног на Сергея, потряхивала грудками.

Рядом сопел какой-то мужик, лысый, с тройным подбородком, чавкал,

пожирая что-то жареное, булькал пивом. На стриптизершу – ноль внимания.

Духарев залпом проглотил вино, поставил бокал (услужливый холуй тут же его наполнил), рванул на горле галстук, ослабляя узел.

Девчонка изогнулась кошкой, соски заскользили по зеркальной поверхности стола.

Духарев привстал. Массивное неповоротливое тело слушалось с трудом. Может, от выпитого, может, само по себе. Привстал, потянулся, поймал девчонку за туфельку. Туфелька слетела, но ножку Духарев удержал. Девчонка пискнула, скорее от неожиданности, чем протестуя. Духарев смахнул тарелку и бокал (попутно снес и посуду лысого), распластал девчонку на столе, зубами сорвал трусики.

Девчонка забилась всерьез, заверещала.

– Лежать! – рыкнул Духарев, одной рукой припечатывая ее к столу, а другой растягивая ремень. Растягивать было неудобно, мешало брюхо...

– Сергей Иванович! Сергей Иванович! – заворковал над ухом голосок.

Метрдотель.

– Сергей Иванович, не здесь! Позвольте проводить вас в кабинет, там удобнее и люди...

– Люди?

Духарев повернулся, оглядел зал. Люди... Свиньи! Жрут, срут, трахаются... Свиньи все! Нет, не все... Вот нормальные мужики... А-а-а! Да это же его охрана!

– Убрать! – рявкнул Духарев. – Убрать всех на хер! На хер! Всех! Быстро!

Проклятый ремень наконец поддался. Девчонка перестала визжать, глядела блестящими перепуганными глазами...

...перепуганными глазами. Между стен еще метался отзвук его рыка. Персиянка отпрянула в угол: толстые черные косы с вплетенными красными лентами, голая, розово-глянцевая плоть...

И в следующую секунду – дверь с треском на пол, в проеме – Артем – без штанов, но с мечом.

– Батька!!!

Персиянка заверещала придавленным зверьком.

– Спокойно, Темка! – хриплым, севшим голосом произнес Духарев. – Это я так... Приснилось нехорошее...

– А-а-а... – убедившись, что с отцом все в порядке, парень мгновенно расслабился, бросил меч на подушки, легонько пнул персиянку, бросил ей

по-хузарски: – Заткнись, дурочка!

За спиной его уже теснились обитатели дома. Кто одет, кто не очень, но все с оружием. Спасать прибежали...

– Все путем! Сон дурной привиделся! – пояснил еще раз Духарев.

Народ рассосался. Кроме Артема, который все еще с сомнением глядел на отца. Парень знал: на батьку временами накатывает. Потому как ведун. Тяжкое это дело – через Кромку шастать. Тяжкое... и уважаемое. Что бы там мамка не говорила.

Будучи верующим христианином и даже получив кое-какое теологическое образование, Артем всю свою короткую жизнь провел среди язычников-варягов. Он никогда не посмел бы сказать, что отца одолевают бесы. И посмей при нем кто-то такое сказать, Артем бы ему сталью глотку заткнул.

– А ты быстрый, сынок, – похвалил Духарев. – Здорово я орал?

Артем улыбнулся:

– Как тур! Нет, как зубр!

– Так я и подумал. Ладно, сынок, иди, отдыхай, я в порядке.

Артем кивнул и вышел, не забыв прихватить меч, поднять выбитую дверь и прикрыть ею проем.

Духарев откинулся на подушки, поманил пальцем персияночку:

– Иди сюда!

Девчонка вытерла личико, подползла на четвереньках.

– Ударил я тебя, больно сделал?

Персияночка энергично замотала головой.

– Не бойся, – сказал Духарев. – Ублажишь меня как следует – не обижу.

– Я... я плохо умею, господин. Я... Меня только месяц как почтенный Егуда купцу Бороте отдал. А Борота, он старый уже. Хотел меня в Киев отправить, брату в подарок...

Духарев фыркнул. Можно было и догадаться, что ему девственницу подсунут. Почтят, так сказать. Должен был раньше сообразить, не в первый раз такое. Самому надо было выбирать... По здешним обычаям, девственница – это особый почет. И никакой деликатности в обращении с ней не требовалось. Чувства и ощущения девушки, тем более рабыни, никого не волновали. Но Духарев так не умел.

...В бассейне, вровень с покатым полом, плескалась прозрачная вода. Духарев взял с подноса стопарик виски, проглотил, отлакировал, хлебнув из деревянной кружки мутноватое нефiltroванное пиво. Подплывшая

сзади девка обхватила его руками и ногами, поцеловала в ухо.

– Отхлынь, – недовольно буркнул Духарев, стряхнул девку и неуклюже, словно тюлень, полез из бассейна.

В парной сидели двое мужчин примерно духаревского возраста, но помельче. Один – загорелый, другой – бледный и волосатый.

– А-а-а... Иваныч! Ну как шалава?

– Шалава и есть. Подвинься! – проворчал Духарев, взбираясь на полку. В парной сразу стало тесно.

– А тебе генерал звонил, – доложил загорелый.

– Который?

– Летчик. Загоруйченко. Просил перезвонить. Будешь?

– Чего ему надо?

– Ну ты даешь, Иваныч! – засмеялся загорелый. – Денег хочет. За АНы.

– А АНы где?

– Говорит, в следующем месяце. Что-то там у них со списанием...

– Пусть он мне мозги не трахает! – злобно процедил Духарев. – Хватит с него аванса.

– Я ему так и сказал.

– А он что?

– Хочет с тобой перетереть.

– Я ему перетру!..в жопу!

Париться расхотелось. Духарев слез с полка. Вышел из парной. Глянул мимоходом в зеркало, скривился: щеки как у мастифа, глаз не видать, зато брюхо...

Загоруйченко, сука! Отстрелить его, что ли? А что толку? Потом с другим мудаком мудохаться. Вот жизнь, бля! Как генеральские погоны: ни одного просвета! Жениться, что ли?

Когда Духарев проснулся, персияночка уже испарилась. В комнате гулял теплый ветерок: дом был построен по уму, с учетом местной жары.

Дружинный отрок принес кадушку с водой. Духарев глянул на себя в серебряное зеркало. Остался доволен: суров и силен. Вспомнился тот, из сна. Неужели и его лицо может превратиться в такую свиную ряху? Не дай Бог...

Завтракали во дворе. Серегины гридни сели за стол, как дома – в одних рубахах. Духарев хотел было сделать втык, но заметил часовых у ворот и стрелка-сигнальщика на крыше. Учítывая, что киевское подворье по сути –

маленькая крепость, меры безопасности можно было считать удовлетворительными.

Сергей поинтересовался, где Велим. Ему ответили, что сотник уже позавтракал и поехал к князю за новостями. И Артем с ним.

Все правильно. Если воевода спит, а служба идет, значит, хороший воевода.

Духареву отвели почетное место – под старой грушей.

Есть не хотелось. Так, каши посёрбал, персиком закусил, поглядел, как гридни уплетают за обе щеки, порадовался. Из своей охранной Велимовой сотни за все время похода Духарев не потерял ни одного бойца. Паратройка легкораненых – и всё.

По небу плыли облака, прозрачные, как кисея. Никакой надежды на пасмурный день: жарища будет еще та.

В такую погоду хорошо в прохладной речке нежиться, а крепости брать – ой тяжко. Но придется.

Святослав избрал для размещения штаба самую большую в Итиле мечеть. На религиозные чувства итильцев ему было плевать. Он бы мог и одну из синагог занять, и христианскую церковь. Но мечеть понравилась больше: хорошее здание, прохладное. И обзор с минаретов отличный: «царский» город на острове – как на ладони.

– У нас с тобой девять дней, чтобы взять эту крепость, – сказал Святослав воеводе.

– Почему именно девять?

– Йосып сейчас на полпути к Саркелу. Через два дня он узнает, что я в Итиле. Еще день потребуется ему, чтобы развернуть войско и двинуться сюда. Пойдет он так быстро, как только сможет, и будет здесь через семь дней.

– Получается десять.

– Больше. Если хузарский хакан не полный дурак, он встанет лагерем, не доходя до Итиля. Даст своим воям отдохнуть после перехода: шесть дней по здешней степи летом – это, воевода, не легче, чем весной по грязюке из Полоцка в Новгород топать.

– Согласен. И ты, конечно, не станешь его ждать за городскими стенами.

– Не стану, – князь пропустил между пальцами тонкий ус.

– У Йосыпа не меньше пятидесяти тысяч, – напомнил Духарев. – А нас – двадцать пять. Может, лучше остаться за стенами?

– Я – пардус, а не лиса, чтобы в норе прятаться! – отрезал князь. А у

тебя, воевода, девять дней, чтобы взять этот красивый остров. И учти, что половину ромейских машин, которые мы привезли с собой, я у тебя через семь дней заберу.

– Зачем? – удивился Духарев. – Какая от них польза в степи?

Святослав хитро прищурился:

– Увидишь!

Глава девятнадцатая

Осадные бои местного значения

Чем-то это напоминало вариант скандинавской дуэли, когда дуэлянтам соединяли короткой веревкой левые руки. Две стены примерно одинаковой высоты и прочности друг против друга. Между ними – рукав Итиля метров пятьдесят шириной. Пустяковая дистанция даже для лучника, не говоря уже о стенобитных машинах. У русов было преимущество в численности, у приспешников хакана – в огневой мощи. Именно огневой. С острова на город обрушились десятки горшков с горючей начинкой. Пришлось срочно организовать пожарные команды из местных жителей.

К вечеру запас огненного зелья у «островитян» иссяк. Поджечь город или сколько-нибудь существенно напакостить им не удалось.

Теперь можно было перейти к более активным действиям, но Духарев решил отложить штурм еще на денек. Выше по течению под руководством ярла Эвила две тысячи хузар строили плоты для плавучего моста.

С заходом солнца «островитяне» перестали стрелять. Русы их примеру не последовали. Через пролив по-прежнему летели снаряды и стрелы. А ровно в полночь во всю мощь заработали две тяжелые баллисты. Быстро пристрелявшись, баллистеры сосредоточили огонь на двух участках стены. Пара часов интенсивной обработки – и кирпичная кладка посыпалась. Тут уж «островитяне» не выдержали: на места предполагаемого расположения баллист пал настоящий град камней, приправленный дюжиной-другой огненных снарядов.

Обслуга орудий была готова к такой атаке: загодя припасли и крепкие щиты, и мокрые воловьши шкуры. Град иссяк, и машины заработали вновь. Часам к пяти, незадолго до рассвета, один из участков стены превратился в кучу кирпичных обломков, а другой просел и наклонился, отчего в стене образовалась щель почти двухметровой ширины. Этого было достаточно. Тотчас к Эвилу помчался гонец с приказом от воеводы: пора!

Темнота не помешала нурманам сделать все как надо. Десятки

скрепленных цепями плотов вошли в протоку и остановились, зацепившись за сваи сожженного моста. Разумеется, на плавучий мост тут же полетели камни и последние горшки с горячим маслом, но эффект был минимальный. Десяток-другой расколотых бревен и немного вонючего дыма. А в ответ – сотни снарядов и тысячи стрел. Русы наконец ударили в полную силу. Ошеломленные, измученные бессонной ночью «островитяне» на какое-то время прекратили всякую стрельбу... И на плавучий мост хлынули русы и нурманы.

Надо отдать должное защитникам «царского» острова – бились они отважно. Сверху на нападающих сыпались стрелы, в пробитых брешах насмерть встали бронные дворцовые стражники-арабы. Понятно было, что остров им не удержать, но они собирались дорого продать свое поражение...

Однако Духарев приготовил «островитянам» еще один сюрприз. Битва у проломов была в самом разгаре, когда внутри крепости раздались пронзительные вопли, а еще через пару минут на спины защитников обрушились варяжские мечи.

Пока внимание «островитян» сосредоточилось на западном берегу, к восточному подплыли варяги Трувора, тихонечко перебрались через стену, вырезали малочисленных защитников и проникли в дворцовый комплекс.

Когда первые солнечные лучи озарили башни и минареты, «царский» остров был взят. Лишь во дворце хакана укрылись несколько сотен хузар и их наемников. На что они рассчитывали, непонятно. Может, на помощь хакана Йосыпа?

А тем временем многотысячное войско наследного повелителя хузар двигалось по степи от излучины Дона-Бузана к Волге. За войском оставалась широкая полоса съеденной и вытопанной травы, выпитые досуха колодцы. Огромная масса людей под раскаленным небом совершала самый тяжелый переход. Когда войско выйдет к Волге, станет легче. Сначала Йосып решил выиграть пару суток и двигаться не вдоль рек, а через степь, напрямик. Его отговорили. Два сэкономленных дня могли стоить ему трети войска.

Хакан был разгневан. Варяжский князь Святослав перехитрил его: сговорился с печенегами, выманил из столицы...

Но теперь главное – не дать русам убежать. Пускай пожгут город (хакану сообщили, что «царский» остров Святославу взять не удалось), пусть разграбят окрестности – ничего. Все отстроится заново, женщины нарожают хакану новых подданных... и среди них наверняка окажется

много маленьких варягов. Это тоже хорошо: варяжская кровь – сильная. Своих отцов варяжата не увидят. Пленные варяги слишком строптивы, из них не воспитаешь хороших рабов. Их можно продать ромеям, те охотно покупают северных варваров, чтобы приковать к скамьям своих дроммонов: северяне – отменные гребцы.

Хакан приложился к фляге с прохладным молодым вином. Он предпочел бы хрустальную чашу, но пить из чаши в кибитке невозможно. Это всаднику степь кажется ровной, колеса же отсчитывают каждый бугорок. Хакан передал флягу слуге, чтобы тот поместил ее в лед. Лед для нужд хакана везли в отдельной повозке. Под толстым белым войлоком лед таял медленно.

В кибитке было прохладно: хакан не любил жару. Кроме повелителя, внутри слуга и наложница, искусная в пении. Вокруг кибитки – стража. Никто не смеет тревожить хакана. Никто и не тревожил.

Быстро двигалось хузарское войско. Опытные военачальники вели его по хорошо известному пути ежегодного царского кочевья. В войске – только конные. Десять тысяч отборных наемников-мусульман, десять тысяч своих хузар и еще тысяч пятнадцать разноплеменных. У каждого всадника – по заводному коню, а то и по два: бессчетны степные табуны. Лучшие воины, впрочем, едут именно на заводных. Боевых коней – «арабов», аргамаков – берегут. Могучее войско у хакана Йосыпа: половина – в стальной броне. Варяги тоже неплохие воины, но им не устоять... Нет, не устоять. Йосып втопчет их в землю, а потом пойдет к Саркелу и накажет печенегов. С Саркелом можно не спешить: без русов Саркел печенегам не по зубам, степняки не умеют брать крепости.

Завтра войско выйдет к хузарской реке Итилю. До столицы, носящей то же имя, останется семь фарсахов – двухдневный переход. Завтра хакан пошлет туда лазутчиков: узнать, устоял ли дворец? А главное, не оставили ли русы столицу? Вряд ли они ушли. Князь Святослав – гордец. Только гордец мог послать врагу предупреждение: «Иду на вас!» Правда, Йосып не понял, решил, что Святослав хочет взять Саркел, а не Итиль.

Если Святослав еще не ушел из Итиля, значит, он намерен драться.

Завтра войско выйдет на плодородные земли речной долины. Послезавтра Йосып даст воинам отдых, а через два дня двинется к своей захваченной столице и попытается выманить Святослава в поле. Стены Итиля не слишком крепкие, но всадникам Йосыпа нужен простор...

– Я возьму это... всё, можно? – Духарев вопросительно посмотрел на князя.

Да, он выиграл в шахматы право взять во дворце хакана вещь, которая ему приглянется, однако можно ли считать вещь царскую библиотеку?

Святослав равнодушно оглядел свитки, фолианты и прочую средневековую рукописную продукцию и кивнул: забирай.

Нет, князь не был невеждой, не знающим письменности и не ведающим стоимости рукописной книги, но за четыре дня его отсутствия воевода Серегей взял «царский» остров и вручил своему князю практически не поврежденный дворец хакана вместе с сокровищницей (правда, почти пустой), восточными диковинами и всякими иудейскими достопримечательностями. С точки зрения князя, все эти пергаменты и папирусы были не дороже полупудового ночного горшка из червонного золота, обнаруженного в царской опочивальне. Но у воеводы Серегея всегда были странности. Князь относился к ним снисходительно, потому что любил и ценил своего воеводу. В данном случае великий князь посчитал вознаграждение слишком малым и восстановил справедливость, одарив сына воеводы броней из личной оружейной хузарского хакана. Как ни велика была доблесть юного гридня Артема, но такого подарка он явно не заслужил. Полная броня настоящей синдской работы, прекрасная видом и превосходной крепости. Такую должно носить князю, а не семнадцатилетнему дружиннику. Но кована броня была не на широченные плечи великого князя, а собственные сыновья Святослава еще не скоро дорастут до такого доспеха.

Артем был в восторге. Духарев, который понимал, кому именно сделан подарок, выразил князю искреннюю благодарность. Впрочем, князь тоже внакладе не остался: рейтинг его среди молодых гридней взлетел под небеса. Каждый молодец мысленно примерил синдский доспех и решил, что непременно заслужит такой же. Правильно. Пусть дружина видит, что батяня для своих храбрецов ничего не жалеет. Пусть каждый имеет свой жирный кусок от взятого клинком. Тогда войско будет кормить князя, а не князь – войско. При Святославовом отце, Игоре, было наоборот. Не зря его гридни ворчали: дескать, у Свенельда-воеводы все по высшему разряду прикинуты, а мы, считай, в обносках... Одни ворчали, другие уходили к Свенельду. Чем кончилось – известно. Святослав – другой. И его дружина за батюку кого хочешь порвет. Хоть вдвое у Йосыпа воев против киевлян, хоть вчетверо. Один лишь пардус на княжьем знамени десяти тысяч стоит!

В общем, не прогадал Святослав, сверх меры одарив сына воеводы.

Но если бы князь знал, что свитки из библиотеки хакана – сокровище дороже сотни таких доспехов...

Но в то время об этом не знал даже Духарев. В то время у них были

дела поважнее. Разведка донесла: армия Йосыпа вышла к реке и ускоренным маршем движется к столице.

Глава двадцатая

Тайная встреча

– Как хорошо они стоят, Машег, – пробормотал Понятко. – Каждое племя – отдельно, а ваши – и вовсе наособицу.

Двое тысяцких, два старых друга – хузарин Машег и киевлянин Понятко – глядели на то, как устраиваются на ночлег Йосыповы воины. Обоим вроде бы уже не по чину ходить в разведку, но пошли. И духаревский Артем с ними. Вчера, с согласия Трувора и, разумеется, отца, Понятко взял парня из охранной сотни воеводы в свою тысячу. И с ходу возвысил: отдал парню дозорную полусотню. Вот с этой полусотней в качестве прикрытия тысяцкие отправились в рискованный рейд к лагерю противника. Риск для этих двоих – дело привычное. Оба, считай, лет с десяти со смертью в догонялки играют. До сего дня выигрывали. Кроме того, было у них дело, которое подчиненным не перепоручить.

Посмотреть друзьям на вражеский лагерь тоже любопытно. Но они не увидели ничего, что не описали бы еще раньше Машеговы лазутчики. Переодевшись местными селянами, хузары духаревской дружины бродили по Йосыпову лагерю, как по своему винограднику. Для наемников хакана хузары-смерды – все на одно лицо. Высокомерный араб, надменный туркмен, свирепый гуз, кровожадный торк – любой из купленных на хузарское золото чужеземных воинов глядит на хузарского селянина как на овцу. Прикидывает: сразу на хаш пустить или пусть еще погуляет? Не княжье это дело – овец различать.

Хорошее место выбрали военачальники Йосыпа для лагеря. На просторном лугу, между пологих холмов, кудрявящихся виноградниками. Вдоволь воды, сочная трава. Комаров многовато, но это дело привычное. В дельте от них вообще спасу нет.

А повыше, на гребне длинного холма, комаров нет. Ветром сдувает. Щекочет ноздри поднимающийся снизу запах дыма и жарёнки. Приятный запах. Это поначалу. Сутки пройдут – и засмердит лагерь, как положено месту, где обитает множество людей, привыкших есть много и с аппетитом. Этот тоже завоняет. Но если все выйдет так, как задумал великий князь киевский, смрад будет совсем другой.

– Много их, – сказал Машег, поглаживая изящную бархатистую морду

своего «араба».

– Много, – согласился Понятко. И усмехнулся: – На всех хватит.

Снизу раздался шорох. Оба мгновенно обернулись... И расслабились, узнав всадника.

Обмотанные тряпками копыта ступали очень тихо. Всадник остановился, конь поймал губами виноградную гроздь...

– Они здесь, – сказал Артем. – За кладбищем. Семеро. Вокруг – чисто.

Все семеро были хузарами. «Белыми» хузарами на службе хакана Йосыпа. Таких осталось немного, все – в малых чинах, не выше сотника. Не доверял хакан своим соплеменникам. Сомневался в их преданности. Досомневался...

– Шолом, – негромко произнес Машег.

– Шолом, Машег бар Маттах, – сказал старший из хузар, невысокий, скуластый, длиннобородый. – Мы пришли, что скажешь?

От хузар пахло конским потом, железом и кожей. Артем смотрел на них сверху, с седла, и видел, что они все еще напряжены, хотя и не так, как раньше. Артем их понимал. Они предполагали, что эта встреча может оказаться ловушкой приспешников Йосыпа.

– Я пришел от хакана Святослава. Он зовет вас служить ему. Что скажете?

– Хакан Йосып – истинной веры. А Святослав – необрезанный, – сказал старший. – Божье ли дело – служить идолопоклоннику?

Остальные одобрительно заворчали.

– Да, – согласился Машег. – Святослав – необрезанный, не то, что Йосып. Но в этом ли дело? Под чью команду отдал вас хакан, избранные? Как его имя?

– Иегуда бар Шеов, – ответил хузарин. – Но он ничего не понимает в войне. Командует хузарскими тысячами Абдалла Черный из Дамаска. Тот, что был сотником у Аббаса. Знаешь его?

Машег покачал головой.

– Этот Абдалла – мусульманин? – спросил он.

– Да, из поклонников Мухаммада.

– Значит, обрезанный. Понимаю вас. Лучше ходить под рукой обрезанного, чем покориться идолопоклоннику.

– Смеешься над нами? – нахмурился хузарин.

– Смеюсь. Я очень громко смеялся, когда истинно верующий Йосып прислал своих стражников-мусульман, чтобы убить меня и моих родичей. Слышали мой смех в столице?

– Слышали, – хузарин чуть заметно улыбнулся. – Многие слышали твой смех, Машег бар Маттах. Но не всем было весело. И все же ответь, чем идолопоклонник Святослав лучше нашего хакана? Что будет с Хузарией, если хакан киевский одолеет хакана Йосыпа? Не отвернется ли от нас Господь?

– Пути Господни людям неведомы, – сказал Машег. – А на твой первый вопрос отвечу: Йосып со своими ростовщиками-«византийцами» отнял у меня земли моих предков. Я тогда ушел служить Киеву и был вознагражден достаточно, чтобы выкупить вотчину. А когда я это сделал, Йосып снова пожелал моей жизни и моего имущества. И я вновь ушел к русам. Теперь я пришел, чтобы взыскать долг. Чтобы наказать тех, кто сосет кровь и выедаёт мозг «белых» хузар. Вот слова хакана Святослава: Хузария будет платить ему дань. Половину от того, что берет с вас Йосып. Земли Хузарии будут открыты для караванов. Подданные Киева беспошлинно пойдут по нашим дорогам, а доля с восточных товаров станет княжьей. И всякий, кто пожелает торговать с Киевом и иными городами русов, тоже сможет беспошлинно ходить по нашим дорогам. Зато за хузарами останутся их земли, их воды, их пастбища. А если нужна будет Хузарии защита от врагов, Святослав с русью оборонит ее.

Посланцы оживились. Предложения Киева пришлись им по вкусу, особенно двойное уменьшение налогов. А дань с торговых караванов так и так проходила мимо них, оседая в сундуках хакана и его окружения.

– Я передам слова киевского хакана нашим братьям, Машег бар Маттах! – с достоинством произнес старший из посланцев. – Завтра в это же время и на этом же месте ты узнаешь ответ.

– Завтра в это время там, – Машег махнул рукой в сторону лагеря Йосыпа, – будут хоронить мертвецов. Будете ли вы среди тех, кого похоронят, или среди тех, кто будет хоронить, вы должны решить сейчас.

Повисло напряженное молчание. Потом старший из посланцев спросил:

– Значит ли это, что...

– Да, – кивнул Машег. – Значит.

Посланцы отошли в сторону – посоветоваться.

– Слышь, Машег, а что толку, если они согласятся? – спросил Понятко. – Они ж послы, как они могут решать за всех?

– Эти – могут, – вполголоса ответил Машег. – Они знают меня, а я знаю их. Здесь старшие воины семи самых знатных родов.

– И они не побоялись прийти лично? – восхитился Понятко.

– У нас не принято посылать на смерть младших, – надменно произнес

Машег. А потом усмехнулся и добавил: – Ты ведь тоже приехал сам, а не прислал взамен себя отрока.

– Но с нами – полусотня охраны!

– С ними, думаю, не меньше.

– Где?! Ты их видишь?

Машег покачал головой.

– Артемовых гридней я тоже не вижу, – сказал он. – Но это не значит, что их нет.

Посланцы закончили совещание и подошли к киевским тысяцким.

– Будет ли хакан Святослав жить в Итиле? – спросил старший.

– *Бывать* в Итиле он будет, – ответил Машег. – Жить – нет. У хакана Святослава много подвластных земель. А станет еще больше. Намного больше. Хузария – малая часть его будущего царства.

– Все в руках Божьих, – философски ответил старший посланник. – Скажи, если хакан Йосып умрет, кто станет голосом Святослава в Итиле?

– Я.

Старший кивнул.

– Мы не станем биться с хаканом Святославом, Машег бар Маттах, – сказал он. – Но за него мы тоже биться не станем. Устраивает ли киевского хакана такой ответ?

– Да.

На большее Машег и не рассчитывал.

– Экие хитрецы! – сказал Понятко, когда они ехали обратно. – Хотят ни нашим, ни вашим.

– Пускай хотят, что им хочется. А драться им все же придется! – Машег засмеялся.

– О чем ты? Кто заставит их сражаться, если они не хотят?

– Йосып! Неужели ты думаешь, что он будет спокойно смотреть, как половина его войска уклоняется от участия в битве? Он повелит своим наемникам пиками погнать их в бой, это его обычная тактика! Хузары идут под стрелы первыми, а наемники – следом.

– Хм-м-м... Я об этом не подумал.

– Они – тоже, – Машег снова засмеялся.

– Чему ты радуешься? – возмутился Понятко. – Если их погонят в бой, нам придется с ними биться! Значит, все зря!

– Так было бы, – согласился Машег. – В обычной битве. Но здесь этого не будет. Или ты забыл, что задумал князь?

Глава двадцать первая

Ночная битва

Хузары свое обещание выполнили. Их разъезды словно бы не видели подступающих к долине русов. Без этой их «слепоты» план Святослава не прошел бы так гладко. Да, князь совершенно точно предугадал, как поведет себя хузарский хакан. И точно угадал место, где Йосып станет лагерем, давая отдых своему войску. Впрочем, последнее мог бы предсказать любой мало-мальски опытный воевода: долина, выбранная хаканом, являлась наиболее удобным местом для бивака тридцатитысячной армии на расстоянии поприща от столицы. Да, Святослав все рассчитал точно, и установленные два дня назад на холмах тщательно замаскированные орудия были наведены, куда надо. Наведены, пристреляны и снабжены соответствующим боезапасом. Занимался этим бывший Свенельдов, а ныне Серегин старший гридень Бодай. Ему же поручалось во время «Ч» взять на себя командование орудийными расчетами и управление «огнем». А чтобы никто не оповестил Йосыпа о сюрпризе, всех местных мужчин из самой долины и на полфарсаха от нее увезли и поселили в военном лагере русов. Забрали только мужчин: женщин и детей оставили. А чтоб покинутые семьи не скучали, в дома «интернированных» поселили сотни полторы Машеговых хузар.

Итак, орудия разместили заранее, но скрытно подвести к лагерю несколько десятков тысяч воинов при наличии нормально организованной стражи – невозможно. Йосып же не был настолько беспечен, чтобы начисто исключить возможность внезапного нападения. Хакан Хузарии не доверял своим подданным. Не доверял настолько, что охрану его царственной персоны несли исключительно чужеземцы. А вот охрану лагеря он возложил на хузарские части. И кони хузарские паслись не у реки, а ближе к холмам. Захотят русы напасть на лагерь хакана – первыми на их пути хузары окажутся. Пока будут воины Святослава прорубаться сквозь хузар, элитные части Йосыпа успеют подготовиться: вздеть брони, построиться в боевой порядок...

Началось!

Грохнули баллисты, и первые снаряды с огненной начинкой, выпущенные на пределе дальности, накрыли расположение торков. Ух, как там стало светло!

– Как блохи на жарке! – точно охарактеризовал ситуацию Икмор. –

Молодец Бодай!

– Точно кладет, – согласился Святослав. – Я гляжу, воевода, первых богатырей ты под свою руку забрал!

– Не всех! – возразил Духарев. – Сам я – тоже не из последних, а вот под твоей рукой хожу.

Тем временем Бодай перенес «огонь» на соседний «курень». Теперь «зажигательные» сыпались туда, а расположение торков «полировали» обычными камешками. Урон от обстрела был невелик. Эффект главным образом психологический. Но зато какой!

– Ударим, батька? – с жадным нетерпением проговорил Икмор.

– Погоди, – осадил Святослав. И добавил с досадой: – Эх, до хаканских шатров камнями не достать!

– Железом достанем! Ну, батька! Можно-о?

– Шлем! Пику! – отрывисто бросил Святослав.

Отрок тут же подал требуемое.

– Княже, ты хоть в самую драку не лезь, ладно? – попросил Духарев. – Тебе ж сечей править! Найдется, кому врагов рубить!

Князь фыркнул, надвинул на лицо варяжский, с прорезями, шлем.

– Нурманам знак подать не забудь! – велел он. – Икмор! Подыма-ай!

Свистнул пронзительно и поскакал с холма. За ним черными птицами полетели гридни из малой дружины, а у подножия холма, опережая князя, вылетели из-за рощицы Машеговы хузары. И сразу закричали по-своему: «Расступись! Расступись!», чтобы бывшие хузары Йосыпа сгоряча не встретили русов стрелами.

Но те блюли договор – пропустили. И Машега, и малую киевскую дружину, и всю конницу русов.

На холмах остались лишь Духарев с варягами Трувора да Бодай с расчетами орудий, продолжавших утужить лагерь противника.

Духарев видел, как хузары Машега ворвались в ближайший наемнический (гузов) лагерь и, вопя по-хузарски, закидали вражеских воев стрелами.

Духарев с легкостью представлял, что там сейчас творится. Сонные растерявшиеся гузы, услышав хузарский боевой клич и лоя град стрел, наверняка решили, что их предали союзники, соседи по лагерю. Гузы – хорошие воины и с легкой хузарской конницей воевать привычны. Построиться, прикрыть щитами своих лучников...

И тут на них лавиной обрушилась латная кавалерия русов! Лязг, хруст, пронзительные вопли...

И стальная волна, разметав ошметки недавно еще крепкого войска,

катится дальше. И где-то там, в этой волне – Артем...

– Велим! Сигнал! – зычно скомандовал Духарев.

Горящий факел ткнулся в кучу облитого маслом хвороста. Бешеное пламя взметнулось на два человеческих роста – и упало, сбитое наброшенной воловьей шкурой.

– Р-р-аз!

Дымящуюся шкуру сдернули (пламя опять прыгнуло вверх), облили водой и снова бросили на хворост.

– Два-а!

Новый прыжок пламени.

– Тр-ри!

Где-то на реке наблюдатель Эвила увидел три вспышки и дал знать вождю. А может, сам ярл Эвил Оттарсон углядел знак, по которому спрятавшиеся в темноте драккары мгновенно ожили, растопырились веслами и понеслись к берегу.

Духарев, конечно, ничего этого не видел: темно и далеко. Но он знал, что ярл не оплошает. Викинги – великие искусники в таких делах. Ночь им не помеха, а помощник.

Внизу кипела битва. Теперь уже по всему вражьему лагерю пылало множество огней. Некоторые – особенно яркие. Это огонь перекинулся на шатры.

Духареву остро захотелось туда, вниз. Рубить, колоть, рвать горло боевым кличем...

– Батька! – окликнул воеводу Трувор. – Глянь туда!

– Что?

Духарев знал, что в указанном направлении проходит между холмов караванный путь. Там обосновались пятнадцать сотен воев под началом Люба, тысяцкого из старших княжьих гридней. Им велено было стоять крепко и брать в копья всех, кто попытается уйти дорогой.

– Там вроде бы уходят, батька. Быстро уходят, должно быть, конные.

– Ах ты!..

Любовы – *пешие*!

Духарев додумывал мысль уже на ходу.

– Коня мне! Велим, вы с Бодаем – здесь, за старших! Трувор! Бери всех! За мной!

Духарев скакал, не разбирая дороги, уповая лишь на то, что конь под

ним не споткнется и не оступится. За ним, разбрасывая копытами комья земли, мчалась тысяча Трувора.

Сергей помнил, что здесь, с западной стороны холма, то ли луг, то ли поле. Одним словом, ровно. Так и было. Правда, почва оказалась рыхлой, неудобной для быстрой скачки, но это было лучше, чем ломиться через превратившийся в поле боя лагерь.

«Ус-пей! Ус-пей! – выдыхал Сергей в ухо Пепла, рассекающего грудью теплую южную ночь. – Ус-пей...»

Длинный холм закончился внезапно. Духарев увидел купу деревьев, сбоку – какой-то дом, обогнул его слева... и оказался на дороге. Прямо перед всадником в светлом, хорошо заметном в темноте доспехе.

Духарев не успел удивиться. Всадник – тоже. Пика Сергея ударила его в бок и смахнула наземь. Пепел врезался грудью в круп коня, отбросил его, взвился на дыбы, молотя копытами. Попал! Громкий, болезненный вопль. Еще один, на этот раз – яростный (кажется, по-арабски). Слева прилетело что-то острое. Духарев рефлекторно подставил щит. Справа полыхнул серебряный просверк, и Сергей попытался поймать его железком пики. Сабля срезала железко, но до Серегоиной головы не дотянулась.

Дзинь! Духарев успел, закрутившись в узел, принять щитом второй удар (кромку щита срезало, как бритвой), выдернуть собственный меч, из-под края щита достать лихого рубака, пригнуться к гриве, уклоняясь от еще одной смерти, сообразить, что оказался один в гуще врагов... Правда, всего лишь на несколько секунд, а затем гуща проредилась, и темнота мгновенно наполнилась звоном, ревом, воплями, ржанием, которые вдруг перекрыл рвущий уши и стесняющий сердца волчий вой: варяги вступили в битву.

Сеча была страшная. Как потом оказалось, Труворова лучшая тысяча схватилась с двумя тысячами Йосыповой гвардии, оставленной прикрывать отступление хакана. Если бы не внезапность атаки, варягам пришлось бы еще тяжелее. Им пришлось драться с отборной латной конницей, вдобавок вдвое превосходящей численно. Впрочем, численное превосходство почти не имело значения: варяги держались плотной группой, а арабы Йосыпа растянулись, перекрывая выход из долины, и из-за темноты не сразу поняли, с какой стороны их взяли в мясорубку.

Все кончилось, когда из долины подоспели на помощь дружинники Икмора и почти одновременно с ними – нурманы Эвила...

К рассвету стало ясно, что враг разгромлен. Только одних пленников взяли тысячи две. Нейтральные же хузары выразили полную готовность принять власть Святослава. Более того, несколько тысяч их

присоединилось к киевскому войску. Остальных (совет Машега) Святослав отпустил по домам. Добыча тоже была взята немалая, едва ли не бóльшая, чем в Итиле. Лишь один факт омрачал блестящую победу: хакан Йосып сумел уйти. Он попросту удрал с большей частью своей гвардии, бросив на произвол судьбы остальное войско. Может, ему доложили о том, что его хузары передались на сторону противника. Может, сработал инстинкт самосохранения. А может, сами гвардейцы решили унести ноги, пока до них не добрались русы.

В общем, когда нурманы ворвались в ставку хакана, там уже не было никого, кроме сотни-другой слуг, нескольких десятков брошенных девок (среди них – три «походные» наложницы Йосыпа) да кучи разного дорогостоящего барахла.

Около восьми тысяч Йосыповых гвардейцев быстренько снялись с места, в считанные минуты уничтожили заслонные сотни Люба, оставили прикрытие из двух тысяч для задержки возможной погони и унеслись прочь вместе со своим хаканом.

Так что даже поспей Духарев раньше, он не смог бы их остановить – с одной-то тысячей против восьми. Паршивец-хакан все равно бы удрал.

И никто в этом не виноват. Кому могло прийти в голову, что Йосып бросится наутек, *даже не попытавшись* дать русам отпор.

– Пускай бежит, раз он такой проворный, – сказал Святослав. – Мы все равно его достанем.

Глава двадцать вторая

Саркел

Степь высохла и потрескалась. Серая земля, покрытая высохшей мертвой травой, – словно огромный череп с остатками волос. Так было весь день. Но ранним утром, проснувшись прежде солнца и выйдя искупаться в теплой донской воде, Духарев увидел, что вся земля усеяна синими и красными цветами. Миллионы цветов. А ведь ночью не было дождя. Никакой влаги, кроме капелек росы.

– Красиво, – сказал Артем, который тоже проснулся, выбрался из шатра и встал рядом с отцом. – Солнце взойдет – они закроются.

– Они что, выросли за одну ночь?

– Нет. Разве ты вчера их не видел?

Сергей покачал головой.

– Это потому что ты в войске идешь, – сказал сын. – Где передовая

тысяча пройдет, там одна пыль остается.

Лагерь просыпался быстро. Надо успеть пройти побольше, пока солнце не раскалит воздух и землю.

Сотни грядней, верхами и так, уже плескались в теплой донской воде, удивительно чистой и прозрачной для конца августа.

– К табуну? – спросил Артем.

Смуглый, черноволосый, он больше походил на мать, чем на отца, и крепостью телосложения тоже намного уступал Сергею. В одежде он казался стройным, как девушка. В одежде не видно, какие у парня мускулы.

Духарев с хрустом потянулся. Он еще не решил: окунуться сначала самому или сразу вместе с Пеплом.

– Бегом? – предложил сын.

– Давай.

И они помчались через лагерь, огибая редкие шатры, перепрыгивая через спящих, уклоняясь от верховых.

Молодой грядень, Артемов дружок еще по «отроческой» дружине, пустил коня наперерез и попытался ухватить парня за чуб.

Артем легко увернулся и так треснул коня по крупу, что тот заржал и взвился на дыбы. Грядень, конечно, не свалился, но удержать коня не сумел, и конь едва не приложил копытом дружинника, разжигавшего костерок.

Дружинник отшатнулся:

– Карась безрукий твой папаша! – закричал он.

Кони духаревской дружины паслись у заросшей камышом заводи под присмотром нескольких отроков.

Табунок тысяч на пять голов. Большая часть – некрупные степные лошади, печенежские и хузарские, заводные и вьючные. Этим подкормят и выкупают пастухи. Но боевых коней, если могут, обихаживают сами хозяева.

Артемов жеребец должен был пастись вместе с лошадьми его тысячи, но вчера вечером они с отцом вместе прокатились по степи, и Артем сдал скакуна отцовским пастухам.

Шагах в двадцати от табуна они остановились.

– Ну, чей первый прибежит? – задорно бросил Артем.

– Давай, – согласился Духарев.

Сын посвистел тихонько.

Отец – тоже, но по-другому и погромче.

Ближние лошади встрепнулись, посмотрели на людей, потом снова опустили головы.

Первым прибежал Пепел. Заржал негромко, ткнулся мокрыми губами в лицо. Духарев пошарил в кармане (по местной моде в портах карманов не полагалось, но Сергею шили по особому заказу), достал яблоко.

Артем свистнул еще раз. Он был раздосадован: и конь его опоздал – вот только бежит! И яблока у него нет.

– Ай-я-а! – закричал он, побежал навстречу, запрыгнул на бегу и, не дожидаясь отца, помчался мимо камышей к свободной воде.

Сергей с улыбкой смотрел ему вслед. Мальчишка! Хоть и командует полусотней... таких же безбашенных сорвиголов.

– Айда купаться, – сказал он Пеплу и легко побежал по влажноватой траве.

Жеребец потрусил за ним, не обгоняя и не отставая.

Гонцов Люта дозоры Святослава увидели вскоре после полудня, когда войско русов уже устроило привал, пережидая самое жаркое время.

Гонцов было двое, у каждого – по паре утомленных заводных.

По пути они вспугнули тарпанов, отдыхавших в редкой тени невысоких деревьев. Дикие лошадки, завидев людей, вскочили и помчались прочь.

Кто-то из дозорных не удержался, пустил стрелу. Попал. Покатилась по пыльной траве молоденькая кобылка. Дозорный вопросительно глянул на старшего, тот кивнул: свежее мясо не помешает. А то все рыба да рыба.

Гонцы на удачливого стрелка даже не глянули. Устали.

Пока их вели к князю, они успели поделиться с дружинниками дурными вестями: печенеги оплошали, пропустили хакана с его воями к Саркелу.

Гонцы поносили копченых худыми словами: трусили «богатыри»-цапон. Увидели серебро арабских броней, решили, что вся хузарская рать движется на них, и дали деру. Гридней же Люта было слишком мало, чтоб удержать несколько тысяч латной конницы. Так что хузары не только осаждающих разогнали, но и осадные машины пожгли.

– Пускай! – беспечно махнул рукой Святослав. – Зато теперь все лисы в одной норе собрались. Значит, на целых десять дней опередил нас Йосып. Молодец!

Неудивительно, что опередил. Во всех кочевьях, которые попадались по дороге, стражи хакана забирали лошадей. Считай, два раза в день на свежих пересаживались, а боевые «арабы» и аргамаки бежали налегке. Впрочем, и русы своих боевых коней не изнуряли, ехали на заводных. Приотстали, конечно, но не страшно. Прав князь: никуда хакан из своей

Белой крепости не денется. А пять с лишком тысяч наемников – это пять тысяч ртов.

Может, когда-то давно Белая крепость и была белой, но теперь ее стены стали грязно-бурого цвета. Впрочем, от этого крепость не казалась менее грозной. На фоне примитивных укреплений Итиля и Семендера Саркел выглядел как воин в полном боевом в сравнении с каким-нибудь пермяком-охотником. Могучие стены, тяжело нависающие башни с узкими бойницами, железные ворота, ров, соединенный с рекой (крепость была построена на полуострове), подъемный мост. Саманные домики – этакий шедевр византийской военной архитектуры. Должно быть, немало отстегнули хузарские хаканы ромейским строителям.

Печенегам на эти стены влезть – что суслику Дон переплыть. Но поначалу они пытались. Надеялись на численное превосходство: гарнизон крепости – сотен пять, причем большинство – гузы, с которыми копченые довольно успешно резались. Наскочили, забросали стрелами, полезли наверх по наспех сколоченным лестницам...

Штурм обошелся копченым почти в тысячу покойников. Немногочисленные русы в этой глупости не участвовали. Они занялись делом – изготовлением осадных машин.

Так и развлекались: копченые грабили окрестности, болтались под стенами, постреливая в защитников (скорее из удали, чем осмысленно). Защитники отстреливались со стен, но на вылазки не отваживались. Прошло три недели, а потом русы подтянули к крепости первые свежесколоченные осадные орудия и принялись методично долбить камнями ворота.

Воротам эти камни оказались что слону дробина. Тогда Лют велел перенести огонь на стены. Ущерб вышел незначительный. Защитники в ответ разбили пару русских камнеметалок собственными орудиями.

Печенеги тем временем дограбили окрестности, заскучали и стали потихоньку отбывать к родным кочевьям.

Ко времени появления хакана с гвардией, «богатырей»-цапон под крепостью осталось тысяч семь. И еще Лют со своей полутысячей. По мнению Люта, их было вполне достаточно, чтобы поиграть с хаканом в веселую игру «кто кого». Но копченые дали деру, едва завидев впереди сверкание кольчуг исламских наемников. Те, в свою очередь, преследовать печенегов не стали, даже не из осторожности перед обычной степной тактикой заманивания, а потому что тяжелой коннице гоняться за легкой бессмысленно. Пожгли Лютовы машины и вошли в крепость.

То есть формально осада все еще продолжалась, но теперь ворота крепости были большей частью открыты, и из них время от времени выезжали всадники и шугали все еще болтавшихся поблизости копченых. Еще Йосып разослал гонцов, приказывая своим подданным в очередной раз подниматься на защиту своего хакана. Большая часть гонцов была перехвачена, письма Люту прочли. Были они грозные, но вряд ли пробудили бы в подданных воинственный пыл. Есть у некоторых правителей такой обычай: сначала ободрать свой народ как липку, а потом взывать к патриотизму. Иногда, конечно, это срабатывает, но не в данном случае.

Не пришло под стены Саркела грозное хузарское ополчение.

Пришел князь Святослав.

– Основательный город! – с уважением сказал Икмор, глядя на многосаженные стены. – Ромеи ладили, не иначе.

– Вот и хорошо, что ромеи, – одобрил Святослав.

– Что ж тут хорошего? – удивился воевода.

– А поучимся, как такие стены ломать, – сказал великий князь киевский. – Нам это умение скоро пригодится.

Но обучаться ломать стены самостоятельно Святослав не собирался. Для этого дела он, как оказалось, пригласил опытных инструкторов. Через три дня Духарев отправился их встречать.

То были ромейские инженеры из Херсона. Дальновидный киевский князь еще до похода на Кавказ договорился насчет специалистов с Калокиром и хорошие деньги за них посулил. Сын херсонского протевона не обманул, и к условленному сроку километрах в трех от Саркела ошвартовался корабль, на котором прибыли византийские военные инженеры со всей необходимой снастью: инструментами и железом. Древесины в этой местности было довольно.

Треть русских дружинников превратилась в лесорубов и плотников. Дело привычное, любой из них – хоть варяг, хоть полянин, хоть кривич – плотницкому делу наследственно обучен. Однако работа эта потребовала времени, и подготовка к штурму закончилась лишь в середине сентября. Все это время хакан со своими гвардейцами отсиживался в крепости, и простым жителям Саркела приходилось регулярно просверливать в поясах новые дырочки: с продовольствием у осаждённых дела обстояли неважно. Но хакан и его гвардейцы кушали хорошо. Для них запасов хватало. Да и конинки они привезли немало. Конина – она калорийная. Заводных съели в первую очередь (все равно кормить нечем), но боевых в котел не

спускали... пока. Кончится в городе зерно, придется и этих – на колбасу. Воины, предчувствуя такой вариант, заранее начинали роптать. Для араба боевой конь больше, чем жена. Друг. Как же можно: друга – в котел?!

Ситуацию в крепости русы более или менее представляли, дозорные каждую ночь таскали перебежчиков. Гузы за мзду спускали их со стены на веревках. Правда, среди невинных беглецов попадались гонцы хакана, так что приходилось эту публику «фильтровать». Икмор предложил развешивать гонцов на видных местах, чтобы подорвать боевой дух осажденных, но Духарев воспротивился. Пока посланцы Йосыпа попростому лезут через стены, отлавливать их легко и приятно. Особенно приятно быть в курсе всех событий внутри города-крепости. А если хакан узнает, что его голуби прямо в суп летят, может что-нибудь позаковыристее придумать.

Глава двадцать третья

Осада

Собранные под руководством ромеев стенобитные машины отличались от тех, что делали сами русы, не только размерами и мощностью. В них чувствовалась *технология*. Каждый скреп, каждая кожаная растяжка – на своем месте. Если катапульты русов метали пудовые булдыганы с точностью плюс-минус пять сажений, то три ромейские стенобитки, пристрелявшись, клали снаряды в полутораметровое «пятно». Каждые пятнадцать-двадцать минут с ложки взвивался камень и с треском впиливался в кладку. Поначалу казалось – стене по фиг. Светлое пятно да немного каменной крошки – вот и весь результат. Но уже к вечеру стенобитки выгрызли в кладке заметную щербину.

Кроме стенобиток ромеи собрали и другие штуковины. Например, «черепаху»: что-то вроде длинной избы на колесах со спрятанным внутри тараном – подвешенным на цепях древесным стволом с железной «бараньей головой». «Изба» эта вмещала до пятисот человек, была втрое длинней, чем ширина рва, могла выдержать удар сброшенного со стены пудового камня и защитить от горячей смолы, масла и прочих «гостинцев», которыми защитники могли потчевать осаждающих. Еще были три складные осадные башни. С помощью сотни лошадей они могли подниматься на высоту крепостных стен, выталкивая вперед и вверх тридцатиметровую перемычку-коридор, из которой, по замыслу инженеров, воины могли прыгать прямо на головы защитников.

В общем, много разных диковин произвела на свет ромейская конструкторская мысль за тысячелетия непрерывных военных игр. Русы творчество ромеев оценили, но, посоветовавшись, решили пока ограничиться стенобитками. Ибо инженеры честно предупредили: из трех башен хорошо если одна устоит. А какая не устоит, убьет и искалечит всех, кто окажется внутри или поблизости. Аналогичную характеристику получили и другие машины ближнего действия. В процессе их использования не менее половины атакующих гибнет. Это нормально... для ромеев. Но Святослав не собирался отправлять в Ирий половину своей дружины. Русы – не ромеи. Поэтому князь велел пока ограничиться стенобитками, но использовать их на полную катушку круглые сутки.

Так что с наступлением темноты расчеты орудий не отправились на покой, а продолжали свою монотонную работу. Стенобитки грохотали всю ночь, и весь следующий день, и вторую ночь. Грохот мешал русам спать, но осажденным наверняка спалось еще хуже. А на третий день кладка дала трещину. Небольшую и поверхностную, но озаботившую защитников настолько, что с наступлением темноты они впервые с момента появления под стенами Святослава решились на вылазку.

– Они непременно вылезут, – сказал киевский князь уже после первой ночи долбежки. – Может, завтра, может, через два дня.

Духарев в этом сомневался. Стена, по его мнению, могла еще долго держать удары. Впрочем, его мнение по этому вопросу было не столь авторитетно, как мнение специалистов. Но специалисты-ромеи точку зрения воеводы разделяли.

– Они вылезут! – отменил возражения великий князь. – Самое большее – через два дня. И мы должны их встретить.

Пункт первый любого устава: «Командир всегда прав». Пункт второй: «Если тебе кажется, что командир не прав – смотри пункт первый».

И Сергей занялся организацией встречи.

Вокруг крепости лежала «мертвая полоса» шириной порядка двухсот метров. Пустая, если не считать разлагающихся трупов защитников крепости. Своих киевляне первой же ночью вытащили и похоронили по-человечески.

На границе «мертвой полосы», вне досягаемости лучников, перемещались разъезды легкой конницы, главным образом печенегов и хузар Машега. Время от времени в них летели стрелы или, совсем уж редко, отрабатывала крепостная баллиста.

Основной лагерь русов располагался примерно в полукилометре от

крепости, вне досягаемости крепостных орудий. Камнеметалки осаждающих (более дальнобойные) располагались примерно на таком же расстоянии от стены и почти в километре от лагеря. При них в три смены работали баллистики и охрана: в основном варяги, овладевавшие хитростями ромейского осадного искусства. Старшим над ними был Бодай.

Если осажденные решатся на вылазку, то ударить они могут как на лагерь, так и на оружейные позиции. Будь на их месте Духарев, он нанес бы два удара: основной – по орудиям и отвлекающий – по лагерю. Начал бы он с отвлекающего, условно-внезапного. Вывести из крепости сколько-нибудь значительное войско – это минуты две, не меньше. Проскакать полкилометра в темноте – еще две минуты. За это время оповещенные дозорными русы успеют проснуться, вздеть брони и встретить врага. Встретить пешими, ведь кони пасутся отдельно.

Дальше возникает два варианта. Если киевляне не успеют выстроиться в боевой порядок, латная конница Йосыпа ворвется в лагерь и будет бесчинствовать до тех пор, пока не перебьет всех, либо пока не встретит организованное сопротивление. Если русы успеют создать строй, магометане хузарского хакана вряд ли рискнут ввязаться в серьезную драку: их слишком мало. Покрутятся около лагеря, сдерживая противника, пока вторая группа будет громить осадные машины, а затем организованно отступят к крепости. Пехота за ними не поспеет, а легкая конница печенегов не сможет остановить.

Другое дело, если русы будут готовы к встрече. Но держать войско в готовности *каждую* ночь утомительно. «Два дня», – сказал Святослав, но Духарев полагал, что одной интуиции князя недостаточно. Он приказал удвоить патрули и немедленно докладывать ему о любых мелочах. Сам он в ближайшие ночи спать не собирался (отоспаться можно и днем) и договорился с Икмором, чтобы тот каждую ночь держал наготове три тысячи всадников. Кроме того, Духарев утроил охрану при орудиях и выдал расчетам соответствующие указания.

Ближе к вечеру Сергей сообщил о проделанной работе князю, но Святославу, как выяснилось, было недостаточно отбить вылазку и задать противнику трепку. Князь хотел большего.

Для начала он потребовал к себе двух беженцев, пойманных прошлой ночью. Одного, купчика из «черных» волжских булгар, стражники спустили со стены за бочонок вина. Другой, натуральный хузарин, был еще шустрее: как-то ухитрился слезть сам, причем прямо в реку, где и был отловлен головорезами Эвила. Викинги поразвлеклись с ним немного (выбили пару зубов и переломали пальцы на левой руке), затем

переправили его Духареву. Тот заподозрил в нем лазутчика и отдал Велиму для проверки. Скоро хузарин пожалел, что не остался у нурманов.

Зато выяснилось, что беглец не лазутчик, а всего лишь мелкий тюремный надзиратель.

Поочередно представ перед князем киевским, беглецы поведали, что народ в городе – в глубокой депрессии. Жрать нечего, непрерывный грохот дробящих стену камней мешает людям спать и порождает самые мрачные мысли. Многие даже рискуют высказывать их вслух, хотя за такое сажают в ямы, где заключенным вообще нечего есть, разве что крыс или друг друга. Если бы не пять тысяч Йосыповых гвардейцев, в Саркеле давно уже вспыхнул бы бунт. Гвардейцы, впрочем, тоже недовольны. Днем они шарят по домам якобы в поисках бунтовщиков, а на самом деле грабят и насильничают. Хакану на это наплевать. Он с самыми доверенными стражниками заперся в цитадели и, по слухам, непрерывно пирует и предается разврату с юнцами и юницами. А горожане (в том числе и оба беглеца), будь на то их воля, немедленно открыли бы ворота храброму хакану русов.

Святослав склонен был этому верить, Духарев – не очень: пленные явно говорили лишь то, что хотелось бы услышать князю.

Впрочем, пока в городе на каждого мужчину репродуктивного возраста приходится пара воинов-наемников, настроениями горожан имеет смысл пренебречь. Иное дело – мнение наёмников. Ритмичное «бум-бум», которое играло трио камнеталок на крепостной стене, мешало спать не только гражданскому населению. Бывший тюремщик слышал, как дворцовые стражники говорили, что сам хакан не может спать под эту мелодию. А если сам хакан...

– Я так и знал! – уверенно заявил князь киевский. – Он сделает вылазку! Две ночи, может, вытерпит, но три – вряд ли!

Будь на месте Йосыпа Духарев, он сидел бы в крепости, пока хватит провианта, то есть месяцев шесть, как минимум. Терять Йосыпу нечего. Даже если Святослав согласится сохранить ему жизнь, хаканом Йосыпу не быть. Казну его выгребут, зарубежный кредит доверия исчерпан, а народ Йосыпа ненавидит. Сидеть и не рыпаться. Ведь за шесть месяцев многое может измениться. Например, обнадеженные отсутствием великого князя печенеги налезут на Киев и вынудят русов отступить. Или ромеи, традиционно препятствующие усилению любого из своих соседей, натравят на Святослава угров, болгар или еще кого-нибудь. Или примученные древляне-сиверцы-уличи восстанут...

Сидеть бы хакану за стенами и ждать...

Но Святослав, родившийся, чтобы стать великим князем, лучше разбирался в психологии урожденного повелителя, чем некогда рядовой гражданин России Сергей Духарев.

До самого заката Святослав с Сергеем прикидывали и отметали варианты, и только когда солнце уже почти скрылось за горизонтом, в шатер князя потянулись срочно призванные воеводы и тысяцкие...

Глава двадцать четвертая

Победа

Луна спряталась. Звезды засияли еще ярче, но их света было явно недостаточно, чтобы рассеять тьму. Но все равно небо чуть светлее, чем темная громада крепости.

Духарев сидел на седле и слушал ночь. Больше всего шумели баллисты, но Сергей слышал и коней, пасущихся неподалеку, и мягкую поступь пеших варягов своей охраны, обходящих стоянку. Ему даже казалось, что он слышит какой-то шум с той стороны, где притаились в темноте гридни Икмора, но это, скорее всего, была иллюзия. Несколько тысяч воинов обязательно создают какой-то шум, но не такой, чтобы его можно было уловить за полкилометра да еще вычленить из прочих ночных звуков. Все-таки это воины в засаде, а не смерды на посиделках.

Стук копыт. Всадник со стороны крепости. Галопом. Шагах в тридцати стук умолк: всадника переняли варяги. Потом звук возобновился, но уже не галопом, а крупной рысью. Перед Духаревым в темноте прорисовался силуэт. Гонец, посланный сдавшим дежурство командиром третьей ночной стражи. Сергей приказал дозорным у крепости немедленно докладывать ему обо всех происшествиях. А если ничего не происходило, об этом условились докладывать при смене.

– Никого! – лаконично сообщил гонец Духареву.

– Отдыхай, – разрешил воевода.

Пошло время четвертой стражи, последней. Если в ближайшие два часа воины хакана не устроят вылазку, то придется ждать следующей ночи.

Но, скорее всего, не придется. Впервые за все время осады ночью *ничего не происходило*. Ни одного беглеца, ни одной пущенной со стен стрелы...

Последняя стража. Самая трудная. И засадным тоже тяжело. Несколько часов в неподвижности и ожидании. Многие, особенно те, кто помоложе, утратили бдительность, расслабились. Ночь на исходе, скорее

всего, ничего не произойдет...

– Велим, – негромко позвал Духарев. – Пошли людей в лагерь, к князю, еще к Икмору и к Бодаевым нурманам. Пусть передадут: скоро!

– Это точно, батька? – оживился Велим.

– Делай, что сказано! Живо! – рыкнул Духарев.

Сотник тут же исчез. Через полминуты воевода слушал удаляющийся перестук копыт. Побежали вестники.

Духарев встал, потянулся, тихонько свистнул, подзывая коня, подтянул подпругу. Пепел фыркнул ему в ухо. Веселый, сытый, овса ему с вечера не жалели.

Снова стук копыт... прервавшийся – и через мгновение возобновившийся.

– Шум, воевода! – возбужденно выдохнул гонец. – Пряма за воротами. Неужели началось?

– Жди! – велел Духарев.

Если началось, значит, сейчас прилетит еще один вестник.

И точно. Топот копыт, всхрап осаженного коня.

– Выходят, воевода! Они выходят! Наших порезали!

– Не ори! – оборвал гонца Духарев. – Велим! Все на-конь! Отходим! Началось.

Первыми со стен Саркела соскользнули разведчики. Дозорные русов их заметили и, как велено было, бесшумно отступили подальше. Но один из разъездов лопухнулся и заметил пластунов только тогда, когда те ухватили под уздцы их лошадей. Дозорные ничего не успели, даже закричать. На каждого накинлось по трое. Стремительно, бесшумно. Прирезали раньше, чем стащили с коней. Мастера. Другие дозорные видели гибель товарищей, но не вмешались. Приказ.

Трое пластунов сели в седла русов, надели шлемы и плащи убитых.

Еще через некоторое время подъемный мост начал медленно опускаться. Тихо, без скрипа. На его механизм не пожалели масла. Не успел мост лечь поперек рва, как столь же бесшумно начали расходиться створки ворот, а затем из крепости потекли всадники. Тоже очень тихо: копыта коней были обернуты тряпками. Всадников было много, очень много...

Духарев вместе с охранной сотней Велима отъехал вправо, туда, где стояли хузары Машега.

– Видишь их? – спросил Сергей.

- Я не сова, – ответил Машег. – Но я их слышу. Подтянемся ближе?
- погоди! Главное – не спугнуть.
- Все еще думаешь, они разделятся? – спросил Машег.
- Скоро узнаем.

Разделятся воины Йосыпа или нет – не так уж важно. Главное – отрезать их от крепости. Но если они разделятся, будет проще...

«...Сто сорок шесть, сто сорок семь, сто сорок восемь...» – мысленно отсчитывал Духарев. Где-то там, во тьме, гвардия Йосыпа удаляется от своей крепости. Передовые, рассыпавшись, высматривают в темноте дозорных киевского князя. Увидят, свистнет стрела, упадет аркан – и нет человека. Всем дозорным твердо наказано не шуметь. Увидишь врага – уходи. Умри, но не закричи. Хочется верить, что часовые успели попрятаться. А если кто-то не успел... Жаль, но и его смерть послужит общему делу, а душа храбреца отправится в Ирий, Валхаллу, туда, где ее ждут грозные племенные боги и славные предки.

«...Сто девяносто восемь, сто девяносто девять, двести...»

Сейчас войско Йосыпа должно разделиться: часть двинется к лагерю, часть – к холму, на котором неутомимо гремят баллисты. Разделится или нет? Об этом Духарев узнает через полторы минуты. Столько времени потребуется наемникам Йосыпа, чтобы добраться до холма.

До лагеря – ближе...

«...Двести тридцать два, двести тридцать три...»

– Сейчас услышим, – сказал Машег. – Сейчас они пойдут!

Вряд ли он считал в уме. Просто чувствовал: конница хакана вот-вот выйдет на дистанцию прямого удара. Еще двести или триста шагов – опустятся пики, наклонятся всадники, тысячи каблуков и шпор ударят в бока лошадей. И полетит на врага, стремительно разгоняясь, сокрушительная волна.

Вой, визг, тяжкий топот, сотрясающий землю!

Латная конница *пошла!*

Мало что видит в прорези шлема пригнувшийся к гриве всадник. Редкие сполохи костров, конические шатры. Он слышит топот копыт, чувствует близость соратников. Он готовится бить. Сокрушить любого, кто встанет на пути. Поднять на острие, сбить, опрокинуть, стоптать. А потом гнать, гнать, настигая, чиркая на скаку саблей по шее, по затылку, одного, другого, третьего...

Но на сей раз передовые латники не успели ничего. Стремясь нанести внезапный удар, обрушиться из темноты, как смерч, они мчались, не разбирая дороги, не видя ничего, кроме подсвеченных кострами шатров.

Рев, грохот и вопли были отчетливо слышны в добром километре от лагеря. Первые ряды латников с ходу налетели на ловушку из сколоченных древесных стволов с торчащими вверх заостренными обрубками сучьев. Такие штуки удобно прятать в густой траве. Густой травы вокруг лагеря русов не было, но в темноте это не имело значения. Десятки всадников вылетели из седел, множество отменных арабских скакунов переломало ноги...

Конную лаву это не остановило. Гвардейцы Йосыпа не зря получали свое золото. В задних рядах воины взялись за луки. Поток всадников разделился, огибая ловушку и придерживая коней: вдруг такие же ловушки расставлены вокруг всего лагеря русов?

И тут перед ними возникла стена красных русских щитов. А из-за них, навесом, посыпались стрелы.

– Ты был прав, – спокойно сказал Машег, когда шум еще одной битвы донесся со стороны оружийного холма. – Они разделились. Сейчас они побегут обратно и побегут быстро. Так что и нам стоит поспешить.

– Согласен, – ответил Духарев.

– Вперед! – крикнул Машег по-хузарски и придержал коня, пропуская своих воинов.

Нынче его дело – командовать, а не скакать очертя голову впереди всех.

Машег выждал некоторое время, потом отпустил поводья, и конь унес его вперед.

Духарев же еще некоторое время придерживал Пепла, порывавшегося нести хозяина в битву. Мимо катились хузарские сотни. Собственные гридни Сергея за ними не пошли, выстроились вокруг воеводы, который в этом бою собирался воевать не мечом, а головой.

Страшное дело – ночная сеча. И в обычном-то бою в гуще не разберешь, что почем. Рубишь, если чужой, если свой – пособишь. А то глядь – уж чужих вокруг нет. Все свои. Значит, перемогли врага. А если напротив, все чужие, тогда худо.

Как бой вести – это дело воевод. Простому вою со своего места мало что видно. Но если воин опытный, он печенкой чувствует, когда подналечь, а когда вспять поворачивать.

Наемники Йосыпа, их командиры-баши, десятники, сотники, тысяцкие – опытной не бывает. У каждого за спиной не одна дюжина боев. Только накатились разок на щетину русских копий, сразу поняли: этих не сдвинуть. С фланга не обойти. Поди разбери, где тут фронт, а где фланг. А

старшие уже поняли: их ждали. Может, выдал кто? Ясно, выдал! Ждали их русы. Ждали!

В таких переделках все решают мгновения. Опытный воевода мгновенно сообразил бы и скомандовал отступление. Но на беду Йосыповых гвардейцев, воинов безусловно опытных и умелых, командовал ими не воин, а царедворец, безусловно преданный хакану, но совсем беспомощный в ратном деле. Был при нем советчик, поседевший в боях побочный сын шемаханского паши. Но тот повел второй отряд, главный, и целью его было уничтожение метательных машин. Растерявшийся царедворец (Святослав не доверил бы ему даже десятка ополченцев) упустил миг, когда следовало скомандовать отступление. А в следующую секунду кто-то из наемников истошно выкрикнул самый разрушительный для любого войска лозунг: «Нас предали!»

И отборное войско в считанные мгновения превратилось в толпу.

Эта толпа устремилась обратно к крепости. И была перехвачена на полпути гриднями Икмора. Из мясорубки вырвалось не больше трети наемников. Они помчались к спасительному мосту...

А на мосту уже вовсю кипел бой между сотней наемников, пытающейся отстоять ворота, и многократно превосходящими числом русами. С надвратных башен, не разбирая, метали стрелы в самую гущу схватки. Снизу в бойницы башен тоже били стрелы.

Оступавшие наемники налетели на атакующих мост русов. Кого-то смяли, кто-то упал в ров... Но остальные перестроились, уперлись и отбили беспорядочный наскок. Подоспевшая Икморова дружина разметала остатки Йосыповой гвардии.

А тем временем воины Святослава под покровом темноты подвели к стенам хитрые ромейские машины. Заскрипели, поворачиваясь, гигантские барабаны, потянулись вверх и вперед сколоченные из толстых досок коридоры, лязгнули о камень стальные крюки, зацепились, заскрипели, принимая многотонную тяжесть... И посыпались на стены ловкие, свирепые, сокрушающие все и всех нурманы. На совете Эвил выпросил у князя киевского честь первым взойти на стены.

Их встретили гузы, коренастые, кривоногие, в кожаных доспехах и волчьих шапках. В отличие от печенегов, никудышных пехотинцев, гузы умели драться и на своих двоих. Но только не с нурманами. Викинги резали их, как овец. Так же, как их родичи резали франков в далекой Европе. Как резали пермяков, мерь, кривичей... Пока варяги, сплотив разрозненные славянские племена, не отбили у «волков соленых дорог» охоту безнаказанно шарить по землям киевских князей. Но драться

нурманы не разучились. И менее алчными тоже не стали. Заняли стену, порубили оборонявшихся и тут же бросились в город – грабить!

Саркел фактически уже был взят. В ворота потоком вливалась киевская конница. И сверху на нее не падали камни и не лилась смола: и стены, и обе надвратные башни уже были захвачены. Вскоре русы захватили оставшиеся четыре башни, очистили стены и взяли под контроль весь город, кроме цитадели. Там спрятался с остатками своей стражи Йосып. Хакан хузарский держался до последнего – за свою жизнь и свое богатство. Здесь, в подвалах цитадели, хранился золотой запас хузарских владык.

Саркел беспорядочно грабили три дня. Святослав отдал город войску «на поток». По варяжскому обычаю. Духарев пытался протестовать, напирая на стратегическое значение крепости. Но Святослав отмахнулся: мол, крепость рушить никто не будет, а в остальном, как говаривали ромеи, «горе побежденным». И никто из воевод Серегиного гуманизма не поддержал. Даже Машег.

– Странно мне, воевода, что ты из-за *чужих* против *нашей* Правды идешь, – сказал он Духареву.

– А ты и за своих не вступился! – упрекнул Сергей.

– Моих тут нет! – отрезал Машег. – Саркел – не хузарская крепость.

– А чья же? – изумился Духарев.

– Хузарских хаканов, – сказал Машег с таким видом, будто все объяснил.

Цитадель они взяли через пять дней. Обошлась она дружине втрое дороже, чем стены Саркела. А богатств оттуда взяли вчетверо больше, чем в Итиле и Семендере вместе взятых. Хакан Йосып, клянчивший золото у всех соседей, лежал брюхом на груди драгоценностей, как сказочный дракон. Так же и умер: издох на сокровищах, приняв яд.

Все участники хузарского похода в одночасье стали богачами. Даже печенеги, которых, правда, осталось тысячи полторы, не больше, и те не ворчали, что их обделили добычей.

А на обратном пути Святослав захватил и выпотрошил город Булгар, столицу волжских черных булгар, данников Хузарии. Не столько из корыстных, сколько из политических соображений. Во-первых, показать, кто теперь на Волге главный авторитет; во-вторых, чтобы расхотелось черным булгарам после русов на Хузарию напасть. После хорошей трепки у них такое желание возникнет минимум через полгода. А за полгода Машег, оставленный в Итиле наместником, успеет собрать армию,

достаточную для того, чтобы дать булгарам отпор. На первых порах Машегу должно хватить тех хузар, с которыми он воевал за Святослава, и сборной тысячи русов, оставленной ему киевским князем. В степи от этих кривичей-полян-вятичей особой пользы не будет, но как городская стража они даже лучше гузов, которых нанимал Йосып.

Часть третья

Посол великого князя

Глава первая, *в которой мадьярский дьюла Такшонь требует гарантий*

Впервые Сергей побывал в этой комнате восемь лет назад. С тех пор здесь ничего не изменилось, разве что пыли на гобеленах стало побольше. А вот дьюла Такшонь постарел: лицо как печеное яблоко, волосы белые. Власть быстро старит, если не для себя живешь, а для державы.

Такшонь постарел, а сын его возмужал. Когда Духарев видел его в последний раз, Тотош был юношей, не старше Артема. Теперь перед Сергеем муж. Вождь.

Сидели втроем: дьюла, сын его и Сергей. Без толмача. Духарев кое-как понимал по-угорски. Если что не понимал, так Тотош подсказывал. Молодой княжич на языке русов говорил даже лучше, чем его сестра, княгиня киевская.

– На ромеев я сам ходил, – сказал Тотош. – Дважды. И снова пойду. Через болгарские земли.

– Как это? – удивился Сергей. – А что кесарь болгарский? У него же с Константинополем договор!

– Да кто его спросит, этого святошу! – засмеялся Тотош. – Не пропустил бы – я б его самого ощипал. В поле его рать против моих мадьяр – ничто.

– А на стенах?

– А зачем нам на стены лезть? Нам и того, что снаружи, хватит!

– А нам – нет! – сказал Духарев.

– А вам, варягам, сколько ни дай – все мало, – проворчал Такшонь.

Даже породнившись со Святославом, он все еще не мог простить русам отнятых уличей. Но парсуны внуков своих – Ярополка и Олега – держал в покоях на видном месте.

– Значит, Святослав хочет на ромеев идти? – спросил Тотош.

– Есть такая мысль, – кивнул Духарев.

– Мало вас ромеи на море огнем жгли, – проворчал Такшонь.

– Жгли, – согласился Духарев. – Поэтому морем мы не пойдем, а пойдем, как сын твой хочет, через горные перевалы. Нужно только, чтобы

кесарь Петр нам союзником стал. Как думаешь, станет?

– Может, и станет, – отозвался Такшонь. – Вы с ним на одном языке говорите. Ты, воевода, сам на болгарке женат. И сын твой с лица – истинный болгарин, на тебя вовсе не похож.

Хитрит дьюла. Что-то ему не нравится в предложении русов. Что – непонятно. Очевидно ведь, что вместе с киевским князем угры могут взять несоизмеримо большую добычу, чем в одиночку. Тотош это понимает. А Такшонь... Тоже должен понимать, чай, не дурак. Так в чем же дело? Опасается печенегов, которые могут наехать на него в отсутствие войска?

– Печенеги вот тоже с нами пойдут, – сказал он.

– Цапон? – спросил Тотош.

– Нет, гила. У цапон сейчас большого хана нет. Куркутэ умер, не указав наследника, так они друг с другом за власть режутся.

– Наследником Куркутэ своего внука Кутэя назначил, – сказал дьюла. – Кутэй с вами на хузар ходил – и не вернулся.

«Он что, боится, что Тотоша убьют в походе?» – подумал Духарев.

Причина для опасений у старика была. Тотош – единственный сын. Если погибнет, земли дьюлы Такшоня теоретически должен унаследовать Святослав, муж его дочери. Но только теоретически. Дьюла не великий князь, а старший воевода. Это звание не наследуется. С другой стороны, у Такшоня личных данников побольше, чем у Свенельда или Роговолта Полоцкого. Так что стать наследником дьюлы – заманчиво. Духарев не мог бы поклясться, что у Святослава не возникало подобной мысли. Киевский князь, «аки пардус», действовал внезапно и стремительно. Послав Духарева предлагать уграм и болгарам союз против ромеев, он главой союза видел не царя Петра и уж точно не дьюлу Такшоня. Только себя. Главнокомандующий могучего войска, он станет главой всех придунайских земель. Погибнет Тотош, останется дьюла Такшонь без прямого наследника, кто тогда помешает Святославу прийти сюда с войском и объявить внука Такшоня и своего сына Ярополка новым угорским властелином? И кто помешает Святославу править именем сына, как правил в Киеве Олег именем Игоря?..

Черт, как все запущено! Духарев почесал стриженный затылок. Поклясться, что Святослав ни при каких условиях не сделает из мадьяр своих данников? Может, старый Такшонь и поверит Сергею. Но Святослава клятва воеводы никак не свяжет. И придется Духареву в случае конфликта, чтобы сохранить честь, выступить против собственного князя. Вот уж чего он делать ни в коем случае не станет!

Но угры-союзники Киеву нужны позарез!

– Кутэй... – задумчиво произнес Духарев. – Я видел его перед смертью. То был настоящий воин. Он очень пригодился бы нам в будущих битвах.

– Зато теперь цапон долго еще не смогут угрожать Киеву, – заметил Такшонь.

Ага! Вот оно!

Сергей некоторое время молча смотрел на главного мадьярского воеводу. Так долго, что его сын, не выдержав, пошевелился в своем прикрытом медвежьей шкурой кресле, звякнул золотым браслетом. Тогда Духарев расправил плечи, выпрямился, усмехнулся надменно.

– Угрожать? – процедил он. – Ты шутишь, дьюла? Даже сам Куркутэ не мог угрожать Киеву, потому что волк не может угрожать пардусу. Разве что кусок мяса украдет.

Старый дьюла невольно подался назад. Он давно знал воеводу. Но сейчас перед ним сидел не просто воевода Серегей, а *посол великого князя киевского*!

– Ты ошибаешься, если думаешь, что Киев предпочтет волку стаю шакалов, – отчеканивая каждое слово, произнес Сергей.

– Плохо, когда у правителя много наследников!

Это сказал Тотош, желая разрядить напряжение, возникшее между отцом и киевским воеводой. Княжич и наследник дьюлы не обладал изощренной хитростью отца. Он был воин, а не политик. Ему в голову не могло прийти, что Сергей, в чьем доме он жил, и Святослав, с которым он охотился на туров и пил из одной чаши, могут желать его смерти.

– Плохо, когда у правителя много наследников! – сказал Тотош с улыбкой.

Пошутил, блин!

– Еще хуже, когда наследника нет, – сурово заявил его отец.

– А я думаю, когда у правителя много сыновей – это хорошо! – возразил Духарев.

– Не всегда, – качнул головой дьюла. – Это может быть плохо, если правитель заранее не определит уделы своим детям.

– Я передам твой совет великому князю, – кивнул Духарев.

Старый хитрюга тоже искал выход. Он не мог сказать «нет» своему зятю. Разорвать союз с победителем хузар чревато большими неприятностями. Прошлым летом к Такшоню тайно приезжали византийцы. Предлагали пятьдесят кентинариев – больше, чем Тотош добыл во время набега на Фракию, – за нападение на Киев.

«Твои внуки никогда не унаследуют Киев, – говорили посланцы. – Всё

получит его первенец, сын киевлянки. Святослав воспитывает бастарда как законного сына. Дядька его, Добрыня, – знатный боярин и воевода. А кто заступится за твоих внуков?

Святослав сейчас воюет с хузарами, – говорили посланцы. – Киев слаб. Ты возьмешь его, разобьешь дружину своего давнего недруга Свенельда и станешь править именем внуков».

Византийцы убралась несолоно хлебавши. Но их слова запали в сознание дьюлы. Действительно, почему Святослав равно привечает и законных сыновей, и ублюдка рабыни? Пардус не только свиреп, он хитер и коварен...

– Сын мой, – угорский князь обратился к Тотошу, – прикажи подать нам вина. А лучше спустись сам в погреба да выбери без спешки такое, чтоб воеводе Серегею на всю жизнь запомнилось.

Княжич молча поднялся и вышел, никак не выразив недовольства тем, что папаша его выставил.

– Великое и опасное дело задумал твой князь, воевода, – сказал дьюла, когда они остались вдвоем. – В таком деле всякое может случиться. Не сочти за труд передать ему мой совет. Хорошо, когда много сыновей, но плохо, когда у них на всех одна вотчина. Десять лет нет среди мадьяр никого выше меня. Но сын у меня – единственный, – Такшонь вздохнул. – Должно быть, не очень угоден я Богу. Может, зря я тогда прогнал легатов Константина^[67]. Случись что с Тотошем, и власть отойдет Гезе, моему племяннику. Ты, воевода, однажды вернул мне сына! О тебе говорят: ты видишь будущее. Это так?

– Бывает, вижу, – не стал спорить Духарев. – Редко.

– Скажи мне, воевода, наследует ли мне Тотош?

– Не знаю, – Сергей покачал головой. – Мой дар мне не подвластен.

Такшонь встал, обошел свой трон и снял со стены распятие.

– Тогда поклянись, что сделаешь все, чтобы отвести беду от моего сына! – потребовал дьюла, протягивая изукрашенное самоцветами распятие Духареву. – Поклянись!

Сергей поглядел на католический крест, покачал головой.

– Я православный, – сказал он, доставая из-за пазухи свой собственный маленький крестик. – Клянусь, что сделаю все возможное, чтобы убереечь твоего сына от беды! – Сергей коснулся креста губами и бережно спрятал его обратно.

Восемь лет назад Духарев тоже клялся и целовал крест. Такшонь знает, что Сергей сдержит слово. Кроме того, дьюла Сергею обязан. Не только за Тотоша, но и за дочь.

– Я бы сделал это и без клятв, дьюла, – сказал Духарев. – Мне нравится твой сын.

– Я рад этому, воевода! – взгляд угорского князя потеплел. – Твой сын мне тоже по нраву. И потому еще один совет: когда поедешь к булгарам, не говори о том, что его мать – болгарка.

Духарев пристально посмотрел на дьюлу: что ты такое узнал, старик?

– Что... – начал он.

И умолк. Потому что увидел над мадьярским князем ту же черную тень, что видел когда-то над киевским князем Игорем.

Время дьюлы Такшоня прошло. Но это еще не значит, что княжич погибнет в походе Святослава.

«По крайней мере я постараюсь, чтобы этого не случилось, – подумал Духарев. – И передам Святославу просьбу старика».

О том, почему следует скрыть, что Артем – наполовину болгарин, Сергей так и не спросил.

Глава вторая, ***в которой Духарев знакомится с «премьер-министром»*** ***Булгарского царства***

Угры шли по степи, рассыпавшись широко и вольготно. Издали они до крайности напоминали печенегов, вблизи – нет. Одежка другая, лица хоть и загорелые, но вполне европейские. У типичного копченого такая физиономия, будто ему мамка в детстве на личико жернов уронила. Впрочем, и те и другие – равно разбойники.

– Что нахмурился, воевода? – спросил Тотош. – Гляди, как вокруг хорошо!

Впрямь хорошо. Утро. Не жарко еще. По левую руку – Дунай (его здесь называют Истром), по правую – пологие холмы. Сначала они шли по северному берегу, но два дня назад переправились. Дунай не слишком широк, если сравнить с Днепром или Волгой, но быстр и полноводен. Плотов не строили, переправлялись вплавь, обычным степным способом. Брали шкуру бычьей, шили мешок, туго набивали соломой, завязывали. Сверху смазывали жиром. Швы – особенно тщательно. Такой поплавок несет довольно приличный груз. Таким способом в хорошую погоду можно хоть целую армию десантировать. Но только в том случае, если ее на берегу не ждут решительные парни с оружием. Угров не ждали. Впрочем, здесь, на болгарской территории, конники Тотоша и не

безобразничали. Булгарским боярам (болярам, как их тут звали) Тотош преподносил скромные дары. Те, в свою очередь, снабжали угорское войско провиантом. Жили тут оседло, землепашцев не отличить от полянских смердов. У боляр – дружины, численность которых определялась финансовыми возможностями. Войско Тотоша прошло бы через такую дружину, не заметив. Правда, были еще крепости. Много крепостей, небольших, но качественных. Построенных еще теми римлянами. И дорога, что шла вдоль берега, тоже староримская, качественная. Но степняки предпочитали ехать не по дороге, а рядом. Кони у большинства неподкованы, на камнях ноги собьют.

– Что задумался, воевода?

– Да вот, прикидываю, что тут будет через тысячу лет...

Тотош присвистнул.

– Эк ты замахнулся! – произнес он с уважением. – И что будет?

– Да всякое, – уклонился от ответа Духарев. – Что это там впереди?

– Людишки какие-то... И много. Ну-ка, сбегай, узнай! – велел княжич одному из ближних.

Угр хлестнул лошадку и умчался.

«Может, зря без дозоров идем...» – подумал Духарев.

Тотош утверждал, что на булгарской земле никаких сюрпризов ждать не надо, и Сергей поверил. Может, напрасно?

Сам первый советник царя Петра Сурсувул, знатнейший из боляр, первое лицо в официальной политике Преславы, изволил пригласить воеводу Серегея и княжича Тотоша в гости.

Всадники, которые выехали навстречу уграм и посольству русов, были почетным эскортом, долженствующим сопровождать гостей в замок болярина.

– Поедем? – спросил Духарев Тотоша.

– Поедем, – ответил княжич. – Не рискнет он нам худого сделать. Но воев я с собой возьму. Так надежнее.

Духарев кивнул. Сурсувул – не только десница булгарского царя, но и лидер булгарской провизантийской партии. Любит, значит, византийские денежки.

А может, и не в деньгах дело. Ведь хитроумные ромеи производили финансовую подпитку не только провизантийской партии, но и ее главных противников.

Духарев доподлинно знал, что Константинополь финансировал бунт сербского владыки Чеслава. А Чеслав, в свою очередь, был выдвигенцем

лютого ненавистника ромеев Симеона^[68], отца ныне правящего царя. В результате нынешней константинопольской политики Сербия практически отделилась от Болгарии. Это еще можно понять: всякое ослабление Болгарии выгодно Византии. Но зачем было ромеям поддерживать младших сыновей Симеона в их выступлениях против старшего брата, абсолютно лояльного империи?

Разобраться в хитросплетениях византийской политики Духареву было не под силу. Проще разрубить эту паутину ударом меча.

– Остаешься за старшего, – сообщил Сергей сыну. – Велима с первым десятком я беру с собой.

– Не мало? – озаботился Артем.

– Хватит. Я ведь не сам еду, а с Тотошем.

Артем кивнул и больше вопросов не задавал.

Сергей знал, что парень справится. Он здорово возмужал после хузарского похода. Женить пора. Так вот и станет Слада бабушкой в тридцать шесть лет. Впрочем, здесь это нормально.

Просторный зал с витражами на окнах напомнил Духареву церковь. Из той жизни. Здесь ему такие роскошные церкви еще не попадались. Для этого надо было съездить в Византию, а из Византии воевода киевский мог и не вернуться. Впрочем, Сергей и в Киеве видел множество драгоценных ромейских вещей и мог уверенно сказать, что замок-дворец лидера проконстантинопольской партии и первого советника кесаря Петра обставлен с воистину византийской роскошью. Главным же сокровищем были, безусловно, изукрашенные самоцветами серебряно-золотые павлины на возвышениях напротив дверей. Стоило гостям ступить под высокие своды, как внутри павлинов зашкрипело, зажужжало, обе механические птицы задрали головы, замахали крыльями и издали скрежещущий звук, весьма напоминающий противные голоса их живых прототипов.

Сурсувул внимательно наблюдал за своими гостями: поразит ли их это такое диво?

Тотош отреагировал ожидаемо: замер, открывши рот, созерцая сверкающее чудо.

Духарев скептически усмехнулся:

– Скажи своим холопам, боярин, такие машинки надобно маслицем изнутри умащать, не то сломаются.

Лицо болгарского вельможи вытянулось, а Тотош закрыл рот и с уважением покосился на своего спутника.

– Не знал, что тебе знакома механика, достославный воевода, –

Сурсувул справился с изумлением. – Мне сказали, ты воин и твое искусство – владеть мечом. Меня обманули?

– Ничуть. С мечом я тоже умею управляться. Но стены мечом не разобьешь, боярин. Стены разбивают машинами. Чтобы взять такую крепость, как Саркел... Ты слышал о ней? (Боярин кивнул: конечно!)... нужны машины не менее сложные, чем твои блестящие игрушки. Хотя камешки на этих птичках, признаю, отменные. Синдские, да?

– Мне прислали их из Константинополя, – сухо сказал Сурсувул.

Из Константинополя боярину прислали не только драгоценных птичек, но также много других полезных вещей. Например, кубки, из которых уважаемые гости пили вино на устроенном в их честь пиру. Вино, впрочем, было местное.

Кроме Сурсувула в этом празднике живота участвовали человек десять знатных болгар с супругами и близкими родственниками, дюжина собак и прорва разряженных слуг, коим, несомненно, достались обильные объедки.

О деле за столом не говорили. Произносили здравицы: кесарю Петру, супруге его (по слухам, тяжело больной), дьюле Такшоню, его сыну Тотошу, его зятю – великому князю Святославу, воеводе Серегею, и, разумеется, хозяину, славному боярину Сурсувулу. Помимо тостов слух пирующих услаждала музыка, а в качестве зрелища предлагались мимы-акробаты.

Покушамши, болгарская знать разбрелась кто куда, а Духарева с Тотошем хозяин пригласил для приватной беседы: выяснить, с чем пожаловали.

Сурсувул был трезв. На пиру он выпил от силы стакана два сушняка. Духарев принял немногим больше. Только Тотош не ограничил своих возлияний, но организм у него был молодой, печенька крепкая, так что ясности мысли и он не утратил. Почти.

Говорили без толмача. Булгарский диалект «славянского языка» Духареву был понятен. Сурсувул, в свою очередь, прекрасно понимал диалект, на котором изъяснялся Сергей и который довольно неплохо знал Тотош.

– Хочу с воями своими через ваши перевалы во Фракию пройти! – заявил прямолинейный угорский княжич. – А потом – обратно. Десятая доля взятого – ваша!

– У кесаря моего с кесарем константинопольским – вечный мир, – напомнил Сурсувул.

Тотош помрачнел:

– Значит, не пропустите?

Сурсувул развел руками:

– Отцу твоему, почтенному дьюле, ведомо, насколько расположены мы к мадьярам. Но пойти против нашего уложения с Константинополем тоже нельзя. Кесарь мой Петр, от слова отступив, и честь потеряет, и Божье покровительство.

– Ну коли так... – с угрозой начал Тотош, но Духарев его остановил.

– Ты не так понял славного княжича Тотоша, – вмешался Сергей в разговор. – Разве он зовет вас воевать с ромеями? Княжич, разве ты хочешь, чтобы воины Петра присоединились к твоему войску?

Тотош пробормотал нечто, подразумевающее «на хрен они мне нужны».

– Вот видишь, почтенный болярин, в просьбе Тотоша нет ничего, ущемляющего честь кесаря Петра. Вы в дружбе с Константинополем? Замечательно! Но ведь с угорскими племенами вы тоже в дружбе, разве не так?

Сурсувул подумал, почесал затылок, поглядел на раскрасневшегося княжича...

«Какие вопросы! – было написано на бородатой физиономии угра. – Не пустите к ромеям, пощупаем вас!»

Политика кесаря Петра (которую правильней было бы назвать политикой Сурсувула) заключалась в минимизации конфликтов. В настоящий момент ромеи были далеко, а угры – рядышком. Скажи Сурсувул «нет», и храбрый княжич, вернувшись к своему войску, вполне способен будет заняться грабежом его, Сурсувуловых, владений. А то и сразу начнет грабить, с той тысячей, что сейчас выпасает коней на луговинах около замка. Разбойники – они и есть разбойники. С другой стороны, и ромеи в последнее время стали вести себя неуважительно. Присылают Сурсувулу повеления, словно он не первый болгарский болярин, приближенное лицо супруга порфирородной ромейской кесаревны Марии, а мелкий чиновник. Нынешний император Никифор Фока – простой вояка, грубый, жадный, агрессивный, не скрывающий своего нежелания платить булгарам «за дружбу». Забыли, забыли ромеи, как бил их папаша Петра Симеон. Может, пора напомнить Константинополю, что спокойствие во Фракии целиком зависит от благорасположения булгар к империи? А благорасположение булгар к империи – от него, болярина Сурсувула?

Хотелось бы... Но боязно. Да и кесарь может воспротивиться. Была бы его жена-ромейка здорова, точно бы воспротивился, поскольку слушался

слабовольный кесарь только жену и Сурсувула. Причем жену – охотнее. Нет, ссориться с ромеями совсем не хочется. Тем более сыновья Петра, Борис и Роман, живут в Константинополе. Когда в Булгарии поднялась смута, в Преславе рассудили: так будет удобнее. Но если отношения Петра и Никифора испортятся, тогда почетные гости, правнуки императора Романа I Лакапина, могут превратиться в заложников...

– У кесаря Петра нет вражды с дьюлой Такшоном, – осторожно ответил Сурсувул.

– Стало быть, вы – друзья, – резюмировал Духарев. – И ромеи тоже ваши друзья. Разве в договоре между Булгарией и Византией указано, что Булгария не должна пропускать одних своих друзей к другим?

Сладилось. Лидер византийской партии впитал в себя самую суть византийской политики: хитроумие, изворотливость, двуличность и безусловный приоритет личных интересов.

Войско угров не только беспрепятственно пройдет по территории Булгарии, но также будет снабжаться провиантом и фуражом. А за это двенадцатая доля добытого во Фракии отойдет болгарскому кесарю. И двадцатая доля – болярину Сурсувулу.

Что же касается посла киевского князя, воеводы Серегея, то ему предлагается ехать в Преславу и ждать, пока Сурсувул организует ему прием у кесаря. Для проживания послу будет выделен особнячок со всем необходимым и денежное содержание.

Можно было не сомневаться, что Сурсувул немедленно сообщит византийцам о киевском дипломате и попытается извлечь из ситуации максимальную выгоду. А византийцы... Надо полагать, попытаются посла отравить. Это у них стандартный прием. Стандартный, но эффективный. Могут еще использовать «сладкую ловушку» – подсунуть послу очаровательную девушку, которая ночью его прирежет. Ну, с девушкой у них вряд ли прокатит, а вот отравы придется поберечься.

Глава третья, в которой Духарев так и не удостоивается аудиенции болгарского кесаря, но зато встречает брата

Столица Булгарии располагалась на равнине, что не очень выгодно с точки зрения обороны. Но стены у Преславы были крепкие, а за ними имелись еще одни, окружавшие царский дворец. Эти были даже покрепче

городских. Очевидно, собственная безопасность заботила болгарских кесарей больше, чем безопасность подданных. Разглядывая эти стены, Духарев от нечего делать размышлял, насколько связаны между собой крепость власти и крепость стен, отделяющих власть от народа.

У Киева стены были попроще. А у князьего Детинца вместо стен – и вовсе бревенчатый частокол. Говорили в Киеве и Преславе, считай, на одном языке – славянском. Но разница между культурами племен одного корня была весьма значительная. Впрочем, по здешним понятиям, общность языковая – не повод для дружбы. Да и сходство между русами и булгарами только языком и ограничивалось. Здесь, на Дунае, все пропиталось Римом. И Вторым – нынешней Византией, и Первым. Здесь, вдоль Дуная, стояли стандартные римские крепости, связанные старыми, но превосходно сохранившимися дорогами. Здесь кланялись Христу и писали на пергаменте. В Киеве же приносили жертвы языческим богам и резали значки на бересте. Или рубили на камне. А дороги... Дороги и через тысячу лет останутся в России – без разницы, Великой, Малой или Белой – слабым местом. Все разное, кроме языка. Тем не менее Духареву очень хотелось договориться с кесарем Петром. Он изначально был расположен к булгарам – из-за Славы. А вот Святослав никаких симпатий к булгарам не питал. Может, не забыл, что во времена княжения его отца кесарь Петр сыграл на стороне ромеев, а может, в силу обычной установки повелителя, гласившей: дружи с тем, кто полезней.

Сергею вспомнился разговор со Святославом, состоявшийся вскоре после их возвращения в Киев.

* * *

...Они стояли вдвоем на Перуновом холме. Вчерашняя кровь на губах идола еще не успела почернеть.

«Золотые усищи и кровь. Вот оно, воплощение войны», – подумал Духарев.

О чем думал Святослав, сказать было трудно. Великий князь в белой рубахе, без брони, с одним только мечом, стоял перед полуторасаженным истуканом, гордо задрал подбородок с такими же пшенично-золотыми (он давно уж перестал их синить) усами. И губы у князя тоже были яркие, красные. Не от крови, конечно, от молодости.

Вчера, когда творили благодарственные обряды, Сергея тут не было. Ни Сергея, ни его сына, хотя традиция и право требовали их присутствия

среди старшей дружины.

Артема не пустила мать, а Духарев сам не пошел. Велел взять на торгу семерых мужчин-рабов и передать жрецам с соответствующим денежным подарком. Откупился.

Но сегодня князь сам прислал за Духаревым и попросил (именно так, не велел, а попросил) сопровождать ему в прогулке, которая и привела их сюда, на Перунов холм.

Прошлой ночью здесь побывало множество людей. Кровь была не только на губах идола, вся земля пропиталась ею. И запах был соответствующий – пахло кровью и дымом. Очень подходящий запах для обители бога войны.

– Не принимаешь ты Перуна, воевода, – негромко произнес Святослав. Князь смотрел уже не на идола, на Сергея.

Духарев промолчал.

– Может, и хорошо, что ты христианин, – сказал Святослав. – Говорить тебе придется тоже с христианами. Я хочу, воевода, чтобы ты поехал в Булгарию – Дунайскую Булгарию – и предложил её кесарю военный союз.

– Против ромеев?

– Да.

– Как скажешь, – Духарев вздохнул.

Он очень рассчитывал провести этот месяц с семьей. А в конце сентября отправиться с князем в Смоленск, потом в Полоцк. Повидать Устаха, Роговолта, Гудыма...

Святослав как будто угадал его мысли.

– Не сейчас, воевода, – сказал он. – Сейчас ты мне нужен здесь.

– Весной?

– Нет. Весной ты поедешь к касогам и ясам. Наберешь охотников служить в моем войске. У тебя это хорошо получается.

– Может, лучше к вятичам?

– К вятичам Свенельд пойдет. Ты слишком добр, а с вятичами суровость нужна. Зато для ясов с касогами ты – в самый раз, тем более что в моей дружине, которая их побила, тебя не было.

Духарев подумал немного, потом предложил:

– Совет, княже. Не надо ждать весны. Пошли им вестника. Пусть предложит охотникам переселиться сюда.

– Куда – сюда? – нахмурился князь.

– Сюда, в Приднепровье. На рубеж. Дай им земли на том берегу Днепра. Пусть встанут между Киевом и Степью.

– Неглупо, – признал Святослав. – Но поедут ли? Из родных мест, от

могил предков...

– А ты им денег пообещай, женщин. И от всякой дани освободи лет на пять. Пусть их данью будет только служба ратная. Всем народом они, конечно, не переселятся, да нам все и ни к чему. Придут на твой зов самые лихие – это вдвойне хорошо.

– Почему – вдвойне?

– Потому что именно такие станут роптать против твоей власти и других будоражить. А здесь они будут под присмотром, да и корней у них тут нет, так что хочешь не хочешь, а станут тебя держаться.

Святослав потер лоб, пощипал ус...

– Умно, – признал он. – Ты мудр, воевода.

– Это не я придумал, – отвел похвалу Духарев. – Так еще древние ромеи поступали.

Хотя честно сказать, на эту мысль его натолкнуло воспоминание о казаках.

– Вот я и говорю, мудр, – сказал Святослав, для которого ум без знания был не мудростью, а хитростью. – И с булгарами у тебя тоже хорошо получится.

– Не уверен, – покачал головой Сергей. – Насколько я знаю, у Петра с ромеями старинная дружба. Да и трусоват он. Наверняка откажется.

– А коли откажется... – Святослав усмехнулся. – Так это, воевода, еще и лучше!

* * *

Духарев жил в столице Булгарского царства третью неделю, и это время Преслава уже успела ему порядком надоесть, а симпатии к булгарам поубавились. Столичная общественность посла не замечала. Надо полагать, потому что его «не замечал» кесарь Петр. Обещанное Сурсувулом содержание прислали. Его как раз хватило бы на сено для коней. На ячмень уже не осталось бы. Духарев возмущаться не стал: чай, не нищие. Но сделал отметочку в памяти: при случае взыскать должок.

Это были мелочи. Нагадить русскому послу по-крупному пока не пытались. Но Духарев не расслаблялся и дружину держал настороже. Дом охраняли круглосуточно, в шесть смен. На ночь спускали собак. Оставленных при особняке слуг Духарев проверил лично. Трех самых подозрительных выгнал. Выгнал бы всех (наверняка каждый был доносчиком), но не гридням же чистить нужники.

В город выходили минимум вдесятером. Сам Духарев дом покидал редко. Обычно старшими шли Велим или Артем. Продукты закупали сами, на рынке, у разных торговцев. По воскресеньям Духарев устраивал для дружины маленький праздник: с вином и девками, чтобы парни, застоявшись, не отправились искать развлечений самостоятельно. Сам Сергей в веселухе не участвовал, а Артема со Стемидом предупредил о возможных диверсиях. Смотреть, мол, в оба, чтоб не сыпанула какая гулящая девка яду в братину.

Так и жили: сторожко, но скучно. А на семнадцатый день их пребывания в Преславе все изменилось.

– Там тебя спрашивают, батька! – доложил дежурный гридень.

– Кто?

– Болярин какой-то местный. Ва-ажный!

– Ну коли важный, так я сам выйду, – сказал Духарев.

Он опоясался, накинул бархатное, шитое золотом корзно^[69], спустился по лестнице.

Внизу, во дворе, стояли болгары. Человек двадцать. Не чернь, сразу видно: одежда богатая, все при оружии. Серегины гридни расположились вокруг. Вроде бы хаотично, но опытный глаз сразу определил бы: гости под контролем. Можно также не сомневаться, что из дома за болгарами наблюдает пара-тройка стрелков.

Один из болгар, повыше и потолще других, что-то энергично толковал спутникам. Те слушали. Нет, скорее внимали.

«Верно, это и есть тот самый важный болярин», – подумал Сергей.

И тут болярин обернулся...

– Мыш! – воскликнул изумленный Духарев. – Что ты тут... Откуда ты взялся?

– Вот! – подняв палец, важно произнес Мышата-Момчил, оборачиваясь к своей свите. – И это мой названный брат! И это муж моей любимой сестренки! И это вместо того, чтобы обнять родича!

– А ну иди сюда, родич! – Духарев в три шага преодолел разделявшее их расстояние и сгреб братца в охапку.

Надо сказать, будь у Сергея руки покороче, эта задача стала бы невыполнимой: за те два года, что они не виделись, Сладин братец прибавил полпуда как минимум.

– Эк ты разъелся! – пробормотал Духарев, тиская Мыша, которого Мышом уж и язык не повернулся бы назвать. – Чисто бобер!

– Бобер! – Мышата хмыкнул. – Уважил, нечего сказать! Хорошо хоть

не барсук!

Но он тоже был рад.

– Ну, пошли наверх! – заявил он. – Поглядим, в какие хоромы тебя кесарь Петр поселил. Коли бедны окажутся, так я тебя к себе заберу.

– Куда – к себе? – удивился Духарев.

– В свой дом. А хочешь, в замок поедem. Тебя по чину удобней в замке принимать.

– Какой еще замок? – совершенно растерялся Духарев.

– Да мой же! – воскликнул Мышата. – А хочешь я его тебе подарю? – тут же загорелся он. – О! Давай я тебе замок, а ты мне городок под Любечем отпишешь? По рукам?

– Да иди ты к бесам! – отмахнулся Духарев. – На кой мне здешний замок? А городок я тебе и так отдам!

– Ты-то, может, и отдашь, да сестра ни в жисть не согласится, – вздохнул Мыш. – А про замок ты зря! Ты ж его не видел еще! Ну, пошли, пошли! Что ты меня на пороге держишь!

Мыш решительно двинулся в дом.

– Э-э-э... А спутники твои? – Духарев не рискнул назвать спутников брата неуважительным словом «челядь».

– Подождут, – равнодушно ответил Мыш. – Мелкие людишки. Не думай о них.

И остановился. По лестнице спускался Артем. Парня тоже заинтересовало, что это за важный болярин изволил их навестить.

– А эт-то кто таков? – воскликнул Мышата. – Неужто...

– Ну ты, дядька Момчил, и толстый стал! – закричал Артем, махом слетев с лестницы и обнимая дядю. – Ох и толстый! А меня не узнал, да? Видал, бать? Не узнал меня дядька! Богатый буду!

– Ты и так не бедный, – проворчал Мышата, отстраняя племянника и поворачивая его так и этак. – Возмужал! Настоящий гридь!

– Выше бери! – хвастливо заявил Артем. – Старший гридь я!

– У батьки, что ли?

– Ныне у батьки! – Артем ничуть не смутился. – Я, дядька Момчил, княжью полусотню на хузар водил!

Мышата покосился на Сергея, спросил:

– Врет небось?

– Да нет, – с деланным равнодушием ответил Духарев. – Не врет.

– Вот оно как! – Момчил поглядел на племянника с уважением. И вдруг быстро сказал что-то на латыни.

Духарев не понял, а вот Артем тут же парировал длинной латинской

фразой.

– Не забыл, значит! – удовлетворенно сказал Мышата. – А ты его, случаем, еще не женил?

– Не успел, – усмехнулся Духарев.

– Так давай его женим! – воскликнул Мышата. – Есть у меня на примете одна красавица. Себе хотел... Да что там! Для родного племянша – не пожалею! Хочешь жениться, племянш?

– Да хоть на троих разом! – засмеялся Артем. – Только мамке не говори! Ты откуда взялся, дядька?

– Вас дожидался! Сказали мне верные люди, что из Киева к Петру посольство идет. А кого же еще мог послать Святослав, кроме твоего батьки?

– А что сразу не появился? – спросил Духарев.

– Так я ж не в Преславе был – в Дристоре. Пока с делами разобрался, пока сюда ехал... Прямо скажу, особо не торопился. Знал, что кесарь тебя не скоро примет.

– Почему так думаешь?

– Так ясно же! Петр, он только кажется, что простоват. А уж Сурсувул – та-акой хитрован! Ты небось приехал союз против Византии предлагать?

– А что, это так заметно? – спросил Духарев с неудовольствием.

– А ты как думал? Приехал в компании угров, которые тут же отправились грабить Фракию! Ясно, что Сурсувул тебя перенял и будет держать, пока с Константинополем все до конца не выяснит. А уж там либо пустит тебя к кесарю Петру, либо отправит несолоно хлебавши. Да ты, наверное, и сам все понимаешь...

– Понимаю, – признал Духарев. – Значит, ты тоже полагаешь, что нашему союзу с Петром не бывать?

– Ну почему ж не бывать? – возразил Мышата. – Кесарю и Сурсувулу на руку поугробить императора Никифора союзом с русами. И угров они на Фракию не зря напустили. Им деньги нужны. А где их взять, если собственные боляре подати платить не желают? Только в Византии!

– Что, у Петра так плохо с деньгами? – спросил Духарев.

«Может, поэтому и содержание нам такое скудное присылают?»

– Плохо было лет десять назад, – ответил Мышата. – Нынче уже не плохо, а совсем скверно. Когда с собственными братьями дерешься, на такой войне не разбогатеешь. А тут еще Петр затеял войско свое на ромейский манер переиначить. Это, брат, сам знаешь, больших денег стоит. Так что беден нынче преславский двор. Можно сказать, нищ. Но не во всей Булгарии так. В Скопле, к примеру, где род нашего батюшки исконно

правит, даже смерды по два раза в неделю мясо кушают. Можем туда съездить. Хочешь на отчину поглядеть, Артем?

– Моя родина – Киев! – возразил юноша.

И поглядел на отца: правильно ли сказал?

Духарев кивнул, а Мышата рассмеялся.

– А почему не Белозеро, варяг?

Артем снова глянул на отца: помоги!

И впрямь, тут непросто разобраться.

– Потому что дом наш там, на киевской Горе, – сказал Духарев. И добавил: – Пока там. Значит, по-твоему, примет нас Петр еще нескоро.

– Можешь не сомневаться. Пока гонцы до Константинополя доскачут, пока Никифор решит, как поступить... А то я слышал, он с войском в Сирию собирался. Тогда и вовсе нескоро Сурсувул ответ получит. Так что живи и веселись, брат! Булгария – отменная страна для свободных и богатых мужей.

– Да он нас, дядька Момчил, даже в город по одному не выпускает! – пожаловался Артем.

– Да что ты говоришь! – изумился Мышата. – Почему?

– Потому что знаю ромеев! – отрезал Духарев. – И на что они способны – тоже знаю.

– Да ты никак думаешь, что тебя убить захотят? – догадался Мышата. – Глупости! В Преславе без позволения Сурсувула точно не убьют. А Сурсувулу это ни к чему. Вот если Никифор отсыплет ему мешок золота за твою голову, тогда другое дело. Но это вряд ли. Не нужна ромеям твоя голова. Вот голова Святослава – другое дело. А ты – всего лишь посол.

У Духарева на свой счет было другое мнение, но спорить он не стал.

– Есть хочешь? – спросил он.

– Хочу, – ответил Мышата. – Только обедать будем у меня. У меня повар отменный, а у тебя, небось, какой-нибудь гридень куховарит.

И опять Духарев не стал спорить. Названный брат попал в самую точку.

В этот день затворничество киевского посла кончилось.

А через два дня он даже покинул болгарскую столицу. Причем поездка эта была никак не связана с его посольской миссией.

Глава четвертая,
в которой Духарев вынужден напомнить своему названному брату, кто из них старший

Ехали хорошей мощеной дорогой. Вокруг – сады. Без всякой ограды и охраны, если не считать собак, время от времени выбегавших к дороге, чтобы обгавкать кавалькаду.

Конь Духарева псов игнорировал, хотя иные песики были с теленка размером. Кобыла Мышаты нервничала. Она вообще была нервная, молодая, ровной рысью бежать не хотела, все время норовила обогнать духаревского жеребца. Зато – красивая.

А насчет псов Духарев заметил: на дорогу они не выбегали, брехали с обочины. Причем сопровождали всадников до определенного места, а затем внезапно теряли интерес к путешественникам и трусили по своим делам.

Потому Духарев песиков не шугал и гридням своим велел их не трогать: собачки при исполнении.

Пока ехали, Мышата поведал Сергею о той, к кому они направлялись.

– Ее дед был болярином кесаря Симеона, – рассказывал братец. – Отец сначала служил Петру, но потом переметнулся к его брату и был казнен. Все земли мятежника отошли кесарю, девчонке остался лишь дом в Преславе, кстати, по соседству с моим, и еще поместье под городом. И того не было бы, кабы мать ее не состояла в родстве с Сурсувулом. Дом и поместье – ее приданое.

– Мать жива? – спросил Сергей.

Мыш покачал головой:

– Померла. Не то давно выдала бы дочку замуж. Слыхано ли такое: двадцать третья весна боярышне, а она всё в девках.

– Так она, выходит, на пять лет старше Артема? – нахмурился Духарев. – Ты что, Мыш, в своем уме?

– Ну и что с того! – фыркнул Мышата. – Зато красавица! И в родстве со всей болгарской знатью.

– Что же к ней никто не сватался?

– Сватались, еще как! Женихи – толпами! Сватались почище, чем к этой... как ее... Ну, у которой муженек двадцать лет по морям странствовал... Про которого Артемкин ритор рассказывал... Как ее звали-то... – Лоб Мышаты собрался складками, отражая интенсивную работу мозга.

– Пенелопа, – сказал Духарев.

– Точно! Вишь, брат, старею, – сокрушенно произнес Мышата. – Простое имя вспомнить не могу.

– Не прибедняйся, – усмехнулся Сергей, знавший, что под черепной коробкой названного братца умещается больше торговых цифирей, чем в

самой толстой здешней книге. – А с чего ты взял, что девушка не откажет нам?

– С того, что управляющий ее, Пчелко, ссуду взял. Под залог межицких земель. Это поместье ихнее, – пояснил Мыш. – На год взял. Ныне срок расплачиваться, а отдать ему нечем. Это я точно знаю, потому что Пчелко этот ко мне пришел. Он сам из Скопле, отца моего знал, и вроде как даже в родстве с нами дальнем. Думал, я помогу.

– А ты?

– Помог, конечно! – Мышата даже удивился. – Я ж тебе сказал, что боярышню для себя присматривал. Но для родного племяша – не пожалею! Не беспокойся, брат, нам не откажут! Это в Киеве батя наш изгоем был. А здесь Радов Скопельских уважают. У нас с тобой родичей – что грибов после дождя. Одного я понять не могу, зачем батька к русам подался? Сколько у людишек не спрашивал – не знают. Сказывали, был в ближниках у кесаря Симеона, а как тот помер, сразу уехал. Почему – не ведают, а кто ведал, тех уж нет. Из симеоновских витязей ныне ни одного не осталось... Слушай! – внезапно встрепенулся Мыш. – А может, ты узнаешь?

Конь Духарева недовольно фыркнул. Не любил, когда кричали над ухом.

– Интересно – как?

– Так ты ж ведун!

– Извини, брат, я по заказу не могу, – огорчил его Сергей.

– Жаль!

– Да я тебе и без ведовства скажу, – усмехнулся Духарев. – Да ты сам уже и ответил.

– Это как?

– Да так! Сам же сказал: из симеоновских витязей ныне ни одного не осталось.

– А-а-а... – протянул Мыш и тут же встрепенулся: – Глянь, Серегей! Вон за тем ручьем начинается Межицкое господарство. Его земли великодушный... – тут он хмыкнул, – ...кесарь Петр оставил покойной матушке нашей красавицы. Вон за той рощицей – взгорок, его отсель не видно, так там раньше Межицкий замок стоял. Когда Петр с братьями воевал, батька боярышни нашей в нем заперся и месяц осаду держал. Потом сдался, только Петр его все равно казнил, а замок повелел разрушить. Так что там одни развалины. А теперь туда глянь: видишь домик? Прежде там управляющие межицкие жили, а теперь он – господский.

Духарев прищурился:

– Ничего себе домик, – сказал он. – Симпатичный. А как зовут девушку?

– Крестили Еленой, а так Людомилой кличут. Эй, Рябчик! – крикнул он одному из своих челядников. – Ну-ка, бегом туда. Возвести хозяевам, что Мышата Радович и воевода киевский Серегей в гости жалуют!

Духарев хмыкнул.

Надо же! «Возвести!»

Впрочем, может так и надо. Мыш здешние обычаи лучше знает. Надо бы его к посольству привлечь: форсировать переговоры. Надоело уж в этой Преславе париться. Домой пора.

Сергей не знал, что скоро всё изменится, и пребывание в Преславе перестанет быть ему в тягость.

Рядом с Духаревым госпожа межицкая Людомила казалась небольшой, но в действительности ростом была высока. Может, даже повыше Артема. Стройная длинная шея облита голубым бархатом. Голова казалась слишком крупной из-за уложенной кругом толстой светлой косы, прикрытой кисейным шарфом и увенчанной махонькой серебряной диадемой. На диадеме поблескивали цветные камешки. На госпоже межицкой была длинная просторная туника с широченными рукавами, отделанными вышивкой и канителью. Под туникой – синяя рубашка с узкими рукавами, прихваченными шнурками у запястий. А поверх туники – красный плащ с зеленой подкладкой, отороченный мехом бобра. Впрочем, насчет бобра Духарев мог и ошибаться.

За всеми этими драпировками разобрать, какова у девушки фигура, было сложновато, но двигалась боярышня плавно и величаво, словно в торжественном танце.

– Приветствую тебя, воевода киевский! – произнесла хозяйка, качнув головкой.

– Здрава будь, боярышня! – Духарев с достоинством поклонился.

– Привет и тебе, Момчил Радов! Принять тебя в этом доме – честь для меня!

– Лицезреть твою красоту – вот истинная честь! – куртуазно отозвался Мышата.

Духарев почувствовал легкий укол ревности. С чего бы?

– Прошу вас, благородные гости! – Шажок в сторону и приглашающий жест. – Входите!

Первым вошел Мыш. Духарев за ним. Проходя мимо хозяйки, на миг задержался ступенькой ниже, заглянул в глаза...

Она не потупилась, даже не мигнула. Встретила таким же откровенно-изучающим взглядом. Серые ее глазки в обрамлении вычерненных ресниц блестели, нет, сверкали ярче драгоценностей на скромной диадеме.

«Однако... – подумал Духарев. – Чертовски привлекательная девчонка!»

Пустые слова, примитивные.

Она его зацепила, крепко зацепила. Сергей это чувствовал. Что-то такое плеснуло из чарующих серых глаз... пьянящее.

«Нехорошо, – подумал Сергей, вступая в прохладный сумрак старого дома из пронизанного солнцем южного дня. – Я ведь на смотрины приехал, невесту для сына выбрать...»

Но это шло от головы, а не от сердца. На самом деле он уже точно знал: невестой Артема этой болгарке не бывать.

После получасовых обменов любезностями и опорожнения полуведерного кувшинчика с морсом (вина гостям не предложили) Мышата приступил к делу.

– Вот, изволь взглянуть: парсуна сына воеводы Сергея и моего племянника. Приехал в Преславу вместе с отцом... – Мыш протянул через стол руку с новеньким эмалевым медальоном.

«Когда он только успел», – подумал Сергей.

– Красивый мальчик, – сказала болгарка. – Хотя на отца совсем не похож...

И снова дерзкий взгляд, обращенный к Сергею.

Духарев промолчал. За все это время он не произнес и десятка слов. Зато Мыш болтал за двоих.

– Мальчик! – воскликнул он в притворном возмущении. – Да это воин, каких поискать! Благородный, храбрый, образованный! Вырастет – не уступит доблестью самому кесарю Симеону!

– Правда? – Людомила еще раз взглянула на парсуну. – Может быть. Он даже немного похож на него, на Симеона. Так, Пчелко?

Она передала медальон управляющему.

– Похож, – согласился тот.

Но согласился не сразу, вроде бы даже как-то неохотно.

Управляющий Духареву нравился. Старый вояка чем-то напоминал Асмуда. Хотя Асмуд никогда не стал бы заискивать перед купцом. А Пчелко явно старался угодить Мышате.

– Похож, – и уточнил: – только не на того Симеона, коего я знал, а на тот портрет, что висел когда-то в синей галерее дворца. Там, где Симеон еще до женитьбы.

– И где нынче этот портрет? – поинтересовался Духарев.

Забавно слышать, что твой сын похож на болгарского кесаря, некогда изрядно перепугавшего высокомерных византийцев.

Пчелко пожал плечами:

– Кесарь Петр повелел его убрать. Сам он не очень похож на отца.

– Ну то их семейные дела, – махнул рукой Мышата, хлебнул из простенького серебряного кубка и вытер ладонью губы. – А мы ведь, госпожа Людомила, к тебе тоже с семейным делом пожаловали. Догадываешься, с каким?

Хозяйка покачала головой, чуть-чуть нахмурила бровки.

Мышата недовольно глянул на Пчелко, тот вздохнул и опустил глаза.

– Говори уж, Момчил Радович, – сказала девушка. – Что у вас за дело?

Смотрела она при этом на Сергея.

– По обычаю не с тобой, прекрасная боярышня, мне о том деле говорить следует, а со старшим в роду, – с достоинством произнес Мышата-Момчил. – Но Богу было угодно призвать к себе отца твоего и матушку, а троюродному дядьке твоему, болярину Сурсувулу, обремененному делами государственными, я докучать не посмел...

– Ты не юли! – оборвала его девушка. – Руки моей просить приехал?

– Видишь, угадала! – засмеялся Мышата.

– И кто жених, уже не ты ли, Момчил Радович?

«Ой, поднесут нам дыньку... Или что тут у них приносят, когда сватам от ворот поворот дают?» – подумал Духарев.

Впрочем, он еще раньше знал, что боярышня откажет.

– Не я, – мотнул головой Мышата. – Племяш мой, воеводы Серегея сынок. Ну как, согласна?

Людомила взяла парсуну, повертела в руках.

– А что ж он сам не приехал? Испугался?

– Я на него посольство оставил, – подал голос Духарев.

Вступился за сына.

– По нашему обычаю невесту сыну старшие выбирают, – с важностью изрек Мышата.

– И тебе, воевода, жену старшие выбрали? – спросила Духарева хозяйка Межича.

– Нет, вообще-то... я сам, – пробормотал Духарев, бросив сердитый взгляд на Мыша: с какой это стати он Артема неразумным телком выставляет?

– А еще я слыхала, отец твой, Момчил Радович, тоже своей волей жену себе взял...

Тут управляющий Пчелко допустил, на взгляд Духарева, фамильярность: дотронулся до руки своей госпожи. Людомила осеклась.

– О матушке моей я немного знаю, – строго сказал Мышата. – Потому как померла она, меня родивши. Но не о том речь. Скажи нам, госпожа межицкая, пойдешь ли ты за племянника моего Артема?

– Нет, не пойду, – качнула головой девушка.

– Ты не торопись с ответом, – неприятным голосом произнес Мышата. – С умными людьми посоветуйся... – Он многозначительно посмотрел на управляющего. – Времена нынче трудные. Иной раз без помощи никак не обойтись.

– Уж не намекаешь ли ты, Момчил Радович, на те деньги, что ты моему управляющему дал? – холодно произнесла Людомила.

– А если и так?

– Не так! – голос девушки зазвенел, набирая силу. – Неужели ты думаешь, что можешь купить *меня*?

«Самое время вмешаться», – подумал Духарев.

– Не сердись, госпожа Людомила! – произнес он, опередив гневную реплику Мышаты. – Момчил пошутил!

– Я не какой-нибудь... – возмущенно начал Мыш, но Духарев врезал ему локтем в бок, и его названный брат заткнулся.

– Пошутил, пошутил! И не очень удачно. Благодарю за угощение.

Он встал.

– Неужели вы так скоро покидаете мой дом, воевода Серегей? – последние слова боярышня произнесла мягко, подчеркивая, что не по обычаю говорит, а искренне.

– Сожалею, но нас ждут в Преславе, – Духарев тоже, как умел, смягчил свой «командный» голос. – Надеюсь, мы еще увидимся, госпожа Людомила?

– Возможно... – девушка неожиданно улыбнулась. – На следующей неделе я как раз собираюсь в Преславу. Если воевода не в обиде за сегодняшнее...

– Ничуть! – ответил Сергей, покосился на хмурого Мыша. – Мы с братом надеемся, что и ты не в обиде на нас?

– Ничуть! – мелодично произнесла девушка. – До свиданья, Момчил Радович, до свиданья, воевода. Пчелко, проводи гостей!

– Ну она у меня узнает! – прошипел Мыш, едва они покинули Межич. – Я ее по миру пуцую!

– Не стоит, – сказал Сергей.

– Еще как стоит! Эта нищая девка отказала мне в доме, который сохранила благодаря моим деньгам! Ну ничего! Она еще узнает, как мне перечить! Ничтожество! Отказалась от такого родства, когда во всей Бугарии у нее ни одного заступника, кроме этого вруна Пчелко!

– А Сурсувул?

– Плевать на нее Сурсувулу! Нет, я ее проучу! Так проучу...

– Только посмей! – негромко, но грозно произнес Духарев.

– Что? – Мыш развернулся в седле, глянул свирепо снизу вверх на Духарева. – Что ты сказал?!

– Я сказал: не смей ее обижать! – рыкнул Сергей, подавая коня вправо и нависая над Мышатай.

Ближние гридни, встрепенувшиеся было, когда их батька повысил голос, синхронно придержали коней. Пусть родичи сами разбираются. Не ровен час угодишь под горячую руку.

– Не кричи на меня! Ты мне не указ!

– Еще какой указ! – гаркнул Духарев. Непривычная к ратному голосу кобыла шарахнулась, но Сергей поймал ее за узду, сжал повод в здоровенном кулаке. – Может, ты забыл, кто из нас старший, братишка? Так я тебе напому!

Почтенный купец Момчил Радович не привык, чтобы ему перечили. Но глянул на внушительный загорелый кулак названного брата, на его покрасневшее от гнева лицо... и счел за лучшее тоже сдать назад.

– Ладно, ладно, не сердчай! Я ж хочу, как лучше! Это ж не только меня – весь наш род оскорбили!

– Наш род... – проворчал Духарев, успокаиваясь. – В *нашем* роду покуда старший – я! И я решаю, когда наш род оскорбили, а когда – нет. И напому, коли ты забыл: Артем, которому отказала эта девушка – мой сын, а не твой!

– Ну и что с того? – буркнул Мышата. – Вон у язычников брат матери племяннику поближе, чем отец. Возьми, к примеру, того же Добрыню, дядьку Владимира...

– Я не язычник! – отрезал Духарев. – И ты тоже. А девушка права: нехорошо это, когда жених с невестой в глаза друг друга не видели. Приедет в Преславу, позовем ее в гости. Или сами наведаемся, вместе с Артемом. А там посмотрим.

– Пожалуй... – не стал спорить Мышата.

– И не вздумай больше о деньгах заикаться, которые ты ее управляющему дал!

– Да какие это деньги! – махнул рукой Мышата. – Так, горсточка...

Но видно было: денег ему жалко.

«Одно слово – купец, – подумал Духарев. – Но – брат. Родня. Интересно, на что намекала Людомила, когда вспомнила папашу Слады и Мыша? Не иначе накуролесил здесь их батюшка. И в Киев к Олегу перебрался неспроста».

Раньше Духарев полагал, что батька Слады покинул Булгарию, опасаясь преследований нового кесаря из-за своей близости с Симеоном. Но сейчас Сергей знал, что Петр ближников отца поначалу особенно не притеснял. Это уж потом, после мятежей младших братьев, Петр принялся плющить оппозицию. Его же ныне покойный тесть сбежал намного раньше...

«А замуж за Артема эта девочка точно не пойдет, – подумал Духарев. – И за Мыша – тоже. Интересно, а за меня пошла бы?»

– Что, Пчелко, скажешь, напрасно я им отказала? – спросила хозяйка, глядя на удаляющихся всадников.

– Может, и напрасно... – старый воин, тоже провожавший взглядом пылящую по дороге кавалькаду, повернулся к хозяйке. – А может, и нет.

– Да ну? – с иронией проговорила Людомила. – Не ты ли мне этого толстого Момчила уже полгода как нахваливаешь!

– Больше не буду, – негромко произнес Пчелко.

– А не скажешь ли, почему?

Управляющий не ответил. Повернулся и вошел в дом. Но отвязаться ему не удалось. Людомила последовала за ним.

– Говори, Пчелко! – сердито воскликнула она.

Старый воин поглядел на нее с сомнением. Кабы не знала Людомила, что нет у нее человека вернее, так, пожалуй, разгневалась бы. А так – огорчилась и немного обиделась.

– Что я не так сделала?

– Лучше бы нам от них подальше держаться, – сказал Пчелко. – А деньги я перезайму и отдам.

– Тебе не понравился варяжский воевода, да?

– Да нет, – Пчелко потер плечо: болит, паршивое, должно, дождь будет. – Воевода мне понравился (лицо девушки просветлело), не в воеводе дело. Хотя и в нем тоже...

– Пчелко, довольно! – Людомила подошла к старому воину, взяла посеченную шрамами руку. – Довольно загадок! Что случилось?

– Да пока ничего, госпожа, – качнул седой головой Пчелко. – Пока ничего. Плохо только, что ты про сына воеводы сказала.

– Что плохого – быть похожим на кесаря Симеона? – удивилась девушка. – Разве это преступление? Да ведь он и вправду похож!

– Вот то-то и оно, что похож. Боюсь я, не только ты это увидишь. Лучше бы он на отца своего был похож. Или на дядю.

– Ну уж – на дядю! – фыркнула Людомила. – Воевода, верно, пригож, а Момчил этот... На него глянешь – не поверишь, что из хорошего рода. Неужели и отец его был таков? Скажи, Пчелко, ты ведь его знал?

– Я ему служил, – негромко ответил старый воин. – И продолжал бы служить, если бы...

– Если бы – что?

Пчелко помедлил с ответом, но все же ответил:

– Если бы он не велел мне остаться. Нет, госпожа, боярин Рад не был похож на простолюдина.

– А на кесаря Симеона?

И опять Пчелко ответил не сразу:

– Нет, не похож. К сожалению.

– Не понимаю тебя... – разочарованно проговорила Людомила. – То хорошо, что похож, то плохо, что не похож. Ну-ка, Пчелко, говори!

– А ты не знаешь? – старый воин пристально посмотрел на боярышню. – А что тогда твои слова о женитьбе Рада Скопельского?

– Да не знаю я ничего! – сердито сказала Людомила. – Слыхала только, как мама однажды сказала: мол, такой-то боярин жену взял, родных ее не спросивши, а потому будет с ним, как с Радом из Скопле. Ну-ка, что это за история такая?

– То не моя история, – Пчелко освободил руку. – И лучше об этом не говорить. И с воеводой этим более не встречаться. Прости, госпожа, надо мне на конюшню.

Он двинулся к двери, словно забыв, для чего заходил в дом.

Людомила вздохнула. Нет, не скажет. Сейчас точно не скажет.

– А с воеводой этим мы еще непременно встретимся, Пчелко, – прошептала она. – Ты не знаешь, а я знаю. Я ведь его во сне видала...

Но Пчелко ее шепота не услышал.

Глава пятая, в которой престарелый болгарский кесарь наконец дает аудиенцию киевскому послу

Кесарь Петр наконец изволил принять посла князя киевского.

Незадолго до этого Мыш шепнул Духареву, что жене кесаря совсем поплохело. Может, в этом причина? А может, вести из Константинополя пришли, и Сурсувул со своим господином сумели политически определиться?

Приняли Духарева не в тронном зале и не в «посольском». Кулуарно. В комнатухе, которую впору было назвать кельей, а не дворцовым покоем. Впоследствии Духарев узнал, что кесарь болгарский спал здесь, когда на него накатывала особая набожность. С ранних лет Петр слыл весьма ревностным христианином. Набожность, впрочем, не помешала ему через два года после восшествия на престол жестоко расправиться с младшими братьями, когда те вздумали спихнуть его с трона.

По слухам, отец Петра Симеон был мужчина хоть куда. Сынок – пожиже. Не зря его прозвали Коротким: невысокий, сутуловатый, в блеклой одежде, он более походил на монаха, чем на государя. Сурсувул рядом с ним смотрелся истинным богатырем. Впрочем, внешний вид кесаря можно было списать на преклонный возраст и вредные для здоровья обязанности государя.

После того как произошел обмен традиционными любезностями и гридни Духарева вручили кесарю дары Святослава (исключительно оружие, причем только хузарское; правда, хорошее), Сергей приступил к цели своей миссии.

– Мой князь поручил мне, Ваше Величество... – начал Духарев.

– После, – остановил его кесарь. – Расскажи мне о хузарском хакане, воевода. Как он умер?

– Он принял яд, Ваше Величество, – сказал Духарев.

Вопрос его удивил. Вспомнилось скрюченное тело в обгаженной парче, присыпанное золотыми монетами из разбитого ларя. Всюду порубленные стражники, а у этого сабля так и осталась в ножнах. Посиневшее распухшее лицо, черный язык. Мочки ушей порваны – видно, кто-то из победителей польстился на серьги... Живым Духарев Йосыпа не видел, но ему говорили, что хакан хузарский был красавец. Правда, с годами сдал. Оплыл, обрюзг, облысел.

«Жил, как свинья, умер, как крыса», – заметил тогда Машег.

– Храбрец! – сказал кесарь болгарский. – Предпочел смерть позору.

Духарев промолчал.

– Скажи мне, воевода, если бы Йосып сдался, твой князь пощадил бы его?

Духарев пожал плечами:

– Может быть.

Змею, у которой вырвали ядовитые зубы, можно не убивать. Но лучше держать на виду, не то оглянуться не успеешь, как зубы вновь отрастут. Впрочем, *такую* змею Духарев придушил бы собственными руками: иным наложницам в гареме хакана не исполнилось и семи лет.

– Он молод, твой князь, молодости свойственно милосердие, – заметил кесарь. – Молод, но уже успел многое совершить...

«Это еще только начало», – подумал Духарев.

– Я слышал, его называют пардусом?

– Это так.

– В Константинополе обеспокоены его успехами.

– У них есть основания для беспокойства, – заметил Духарев. – Они чувствуют нашу силу.

– Силу русов?

– Не только. Многие народы пойдут за моим князем.

– На ромеев?

– Возможно.

– А ведомо ли тебе, что в жилах моих сыновей – кровь византийских императоров?

– Ведомо, – кивнул Духарев. – И считаю, что Ваше Величество не менее храбры, чем хузарский хакан.

– Почему же? – коротышка кесарь даже не заметил иронии.

– Вы позволяете своим сыновьям, в жилах которых течёт кровь императоров, жить при дворе правителя, в котором этой крови нет ни капли.

– Пока я жив, им не причинят вреда. А если я умру, Константинополь поможет им удержать престол Булгарии, – кесарь повысил голос. – Сорок лет я правлю Булгарией! Сорок лет как между нами мир!^[70] Союз кесаря Византии и кесаря Булгарии нерушим! Так и передай своему князю!

Он покосился на Сурсувула.

Болярин одобрительно кивнул.

– Непременно передам, – Духарев почтительно поклонился. – Но хотелось бы напомнить, Ваше Величество, что только в Булгарии правитель неизменен сорок лет. В Византии же кесарей меняют намного чаще.

Петр нахмурил седые брови: похвала это или дерзкий намек? Он снова оглянулся на Сурсувула, но болярин ничем ему не помог. Ах, как не хватало Петру жены! Внучка императора Романа обладала изощренным византийским умом и мгновенно угадывала подоплеку сказанного.

Но кесаревна Мария лежала на смертном одре и с трудом узнавала даже собственного мужа.

Кесарь вздохнул. Ему вдруг стало все безразлично. Он устал.

Пауза затянулась. Болярин Сурсувул негромко кашлянул. Петр встрепенулся.

– Я друг кесарю Византии, кто бы он ни был, – сказал владыка болгарский. – Но князю русов я тоже не враг. И в знак моего к нему расположения приглашаю тебя и твоего сына... Ты ведь приехал с сыном, верно?

Духарев кивнул.

– ...приглашаю вас скромно отобедать со мной.

– Благодарю за честь! – поклонился Сергей.

И, отпущенный вялым жестом царской кисти, удалился.

Глава шестая

Пир

– Нет уж, батя, ты выпей! – потребовал Артем. – Сам говорил, надобно яда опасаться. Теперь не отнекивайся!

Духарев с отвращением поглядел на варево, понюхал...

– Ты уверен, что туда твой конь не помочился? – спросил он с подозрением.

– Уверен, уверен, – нетерпеливо бросил Артем. – Пей, батя! Тебе еще одеваться надо.

Сам он уже вырядился по здешней моде. Пестрый, как попугай. Канитель, кружева, кольца, на физиономии румяна какие-то... Кинжальчик на поясе – таким только колбасу и резать. На самом поясе и то больше металла, чем в этом клинке. Такой же фазаний наряд ждал Духарева. Черт! И ничего не поделаешь: надо, значит надо. И с оружием на пир к кесарю не положено. Предупредили. Фу, дрянь какая! Духарев еще раз понюхал...

– Вина мне налей! – потребовал он. – И румяна с морды сотри!

– Но, батя...

– Сотри, сказано! – бешено рявкнул Духарев и единым духом проглотил «профилактику».

Его аж передернуло. Сергей быстренько, пока обратно не выскочило, закинул следом бокал красного.

Артем с сочувствием глядел на него.

– Знал бы ты, какая это гадость! – проворчал Духарев.

– Знаю, – сказал сын. – Я тоже выпил.

– Гхм... да, – Духарев несколько смутился. – Ладно, пойду одеваться.

С этими застежками-шнурками пока разберешься...

– Там челядники дядькины, они тебя оденут, – сказал Артем.

– Уже легче. А румяна с лица все равно сотри!

– Сотру, батя, успокойся! – Артём засмеялся.

«Надо же, – подумал Духарев. – Глядит на меня и думает, небось, что я – пережиток варварского прошлого. Это я-то!»

Расторопные Мышовы рабы мигом напялили на него придворные тряпки. Все, кроме длинного платья, с точки зрения защиты совершенно бесполезного, но весом тянувшего на хорошую кольчугу, столько на нем было драгметаллов. Будь его воля, Духарев вместо этих дурацких тряпок двойной панцирь надел бы. И все-таки кое-какой сюрприз он приготовил. Выгнав слуг, он открыл оружейный ларь и достал тонкую синдскую саблю в бархатных, шитых черным жемчугом ножнах. Без малейшего усилия согнул вокруг талии, защелкнул пряжку. Ничего себе поясok получился, симпатичный. Против брони он, конечно, не потянет, но башку смахнет, как не фиг делать. Сергей подвесил к поясу-клинку «столовый» ножик. Эх, чует его ретивое: будут у него на кесарском празднике проблемы. Но не пойти нельзя. Этак не только трусом прослыть можно, но и престарелого кесаря обидеть.

Сергей накинуд на плечи алое бархатное корзно, скрепил рубиновой пряжкой, глянул на себя в серебряное зеркало. Смотрится неплохо. Но с точки зрения обороноспособности... М-да. Ладно. Живы будем – не помрем!

Возок, окруженный молодцеватыми гриднями, въехал в ворота, дребезжа и подсакивая на брусчатке, и покатылся по двору, уже сплошь заставленному крытыми и открытыми экипажами болгарской знати.

– Скромно отобедать... – проворчал Духарев, выбираясь из тесного возка и отпихивая челядника, вознамерившегося поддержать его под локоток. – Я...

И замер на полуслове, увидав, как из соседнего экипажа, элегантно опершись на руку слуги, спустилась Людомила межицкая.

Она тоже заметила его, но не смутилась, а улыбнулась приветливо, качнула головкой.

Духарев поклонился.

– Кто это, батя? – спросил Артем.

– Сейчас я тебя познакомлю, – пообещал Духарев, но выполнить обещание не успел.

Их уже окружила расфуфыренная челядь и с подобающими церемониями повлекла прочь. Духарев только и успел, что оглянуться на своих гридней. Увидев, что их тоже не забыли, он успокоился и последовал за дворцовыми «попугайчиками». Высокий рост позволил ему также убедиться, что госпожа Людомила следует в том же направлении. Правда, не с такой пышной свитой, как у Духарева.

Войдя под мрачноватые своды, отец с сыном протопали по галереям и лестницам, пока не добрались до большого, освещенного сотнями свечей зала, в котором было полно болгарской знати. Наметанным глазом Духарев определил: даже этот парадный зал по сути – часть крепости. Стены толстенные, окошки узенькие, прорезанные аккуратно под лучника. Поэтому-то и потребовалось в солнечный день свечки жечь.

Публика здешняя Духареву была незнакома, но многие поглядывали на него с любопытством. Духарев сразу привлек общее внимание. Даже те, кто никогда не слышал о киевском после, не могли не споткнуться взглядом о двухметрового богатыря с толстыми усищами, свисающими на ладонь ниже массивного подбородка.

Артем на фоне отца почти потерялся.

Все болгарские аристократы, даже мужики, были основательно задрапированы в разноцветные хламиды. Широоченные рукава, подолы до пола... Из-под таких портьер ножом пырнуть – милое дело.

Сергей притормозил, поджидая Людомилу.

– Госпожа Людомила, позволь представить тебе моего сына Артема!

Артем поклонился и пробормотал что-то подобающее, но не похоже, что госпожа межицкая его всерьёз заинтересовала. Через полминуты он углядел в толпе кого-то знакомого и исчез, оставив отца с болгарской красавицей наедине (если это слово применимо к двум людям, окруженным толпой глазееущих на них бездельников). Духарева толпа раздражала, а вот Людомила, похоже, ничего не имела против того, чтобы оказаться в центре внимания.

– Артем – твой родной сын, воевода? – спросила она. – Он совсем на тебя не похож.

– Он похож на мать, – сказал Духарев. – Она – болгарка.

– Я догадалась. Момчил Радович ее брат, да?

– Младший. Но внешнее сходство между ними невелико.

– Такое случается. Скажи, воевода, там у вас все такие... большие?

– Не все, но многие. Особенно среди нурманов и свеев.

– Я их видела. В страже кесаревны Марии было два воина с Севера. Но ты на них не похож, воевода.

– А на кого я похож?

– На гота.

– На кого? – удивился Духарев.

– На гота. Их цари когда-то завоевали западный Рим. Тот, где теперь престол Верховного понтифика западной Христовой церкви. Расскажи мне о своих богах, воевода! – девушка оживилась. – Правда, вы приносите им человеческие жертвы?

– Я – христианин, – сказал Сергей. – Но христиан у нас немного. А жертвы, да, приносят. Пленников и рабов.

– А девственниц?

– Девственность, – уточнил Духарев и помрачнел.

Никогда ему не забыть тот эпизод на Волоховом капище.

– Прости, – спохватилась боярышня. – Тебе, верно, неприятно говорить об этом. Ведь ты живешь среди диких язычников. Хотя наш батюшка говорит, язычники намного лучше, чем еретики-богумилы.

– Это еще кто такие? – спросил Духарев.

– Я же говорю, еретики. Проповедуют всякую мерзость, кланяются козлу, совокупаются в грязи, как свиньи! – губки Людомилы брезгливо искривились. – Столько их расплодилось в последние годы! К нам тоже их проповедники приходили...

– И что?

– Пчелко двоих зарубил, а третий сбежал. Наш священник потом говорил: зарубить еретика – это не грех, а подвиг. За такой подвиг любой грех отпустится, потому что еретик не тела, а души убивает. Хорошо, если так. Пчелко добрый, но грехов у него много. Он ведь воин, как и ты. А ты многих людей убил, воевода?

– Многих, – ответил Сергей. – Но почти все, кого я убил, хотели убить меня. Только я оказался быстрее, – усмехнулся он.

– Жаль, что ты христианин! – вздохнула девушка.

– Почему? – изумился Духарев.

– Был бы язычник – крестился бы, и отпустились тебе прежние грехи.

А так не увидать тебе рая.

– Не факт! – сказал Духарев. – Большинство тех, кого я убил, останься они в живых, кучу народа порешили бы.

– На все воля Божья, – вздохнула Людомила.

При этом округлые грудки ее так соблазнительно колыхнулись под серым тонким шелком, что Духарев сглотнул.

«Я ее хочу, – констатировал он. – Причем не просто хочу, а *очень* хочу!»

Схватить ее в охапку, целовать это нежное личико, губки, глаза... Содрать к чертям все эти шелка и парчу, опрокинуть на прохладные льняные простыни или на мягкую пахучую траву, ласкать и любить – нежно, страстно, бесконечно...

Должно быть, девушка почувствовала его мысли, потому что щечки и шейка ее слегка порозовели, и ручка в белой перчатке легла поверх платья, словно желая прикрыть волнующиеся перси.

Духареву очень хотелось взять эту маленькую ручку... Но вокруг было множество зевак, а Сергей понятия не имел о здешних правилах приличия и требованиях этикета. Не хотелось бы показаться варваром или, хуже того, погубить репутацию этой очаровательной девушки...

– Его Величество повелитель всея Булгарии Божией милостью кесарь Петр Симеонович! – проревел глашатай.

Окружающие мгновенно утратили к Духареву интерес, повернулись, вытянули шеи... Духареву тянуться не было нужды. Поверх голов он отлично видел, как взошел на помост маленький седой человечек в тяжелой короне, с посохом в руке. Длинный широкий шарф из золотой парчи, «приправленной» самоцветами, волочился за ним по полу...

На сей раз это был *кесарь*. Духарев мгновенно ощутил то, чего не почувствовал во время первой аудиенции. Харизму. Мощь. Власть.

Ничего особенного не было ни в тронном зале, ни в самом троне. Минуту назад это был просто зал и просто высокое кресло, не более. Видел Духарев залы побольше, а троны повыше. Трудно сказать, в чем тут была фишка. Скорее всего, в самом Петре. На трон опустился не просто невысокий пожилой мужчина, а Монарх. Так бывает, когда свет падает на драгоценный камень, и ты видишь, что это не просто маленький кусочек минерала, а изумруд.

По залу прокатилась волна, в считанные минуты упорядочившая толпу. Те, что поплоче, подались назад, познатнее – выдвинулись вперед. Духарев остался на месте. Он был вне местной табели о рангах.

Кесарь поприветствовал подданных. Заверил, что скоро все будут кушать. Затем к трону выпихнули какого-то боярина. Кесарь устроил боярину показательный разнос. В чем провинился бедняга, Духарев так и не понял, поскольку Петр говорил совсем тихо, а боярин – невразумительно: вопил, каялся, валялся по полу. Не помогло. Кесарь вынес вердикт (присутствующие поддержали его порицающими преступника возгласами), боярина прихватила стража и куда-то уволокла. Надо полагать, не на веселую пирушку.

Следующим номером, как выяснилось, был Духарев. Его, конечно,

никто не хватал и не волок. Пригласили чин чином, подвели торжественно. По дороге Сергей отыскал взглядом сына, жестом подозвал. К трону кесаря они подошли вдвоем. Вблизи волшебное ощущение Власти пропало. Кесарь снова превратился в пожилого усталого человека. Ну и ладно. Так оно и проще.

Духарев был представлен публике. Глашатай зычно перечислял: «... великого князя киевского, хакана таматханского, князя вятского, улицкого, браминского... хакана хузарского... Святослава Игоревича полномочный посол воевода Серегей Иоаннович!» Скромненько так, по-домашнему...

– Позволь представить, великий государь, моего старшего сына Артема, – произнес Духарев с подобающим почтением, когда смолк вызванный его представлением ритуальный гул.

Артем в отменной придворной манере (не иначе как Мыш научил) пал на колено, склонил голову и замер.

– Поднимись, – разрешил кесарь благосклонно.

Артем легко поднялся, вскинул голову...

На мгновение сморщенная, как печеная репа, физиономия кесаря отразила некие человеческие чувства: смесь удивления, испуга и гнева. Только на мгновение. В следующий миг лицо кесаря снова стало постным, невыразительным.

Духарев напрягся, положил руку на пряжку сабли-пояса.

«Если что – возьму царька в заложники!» – подумал он.

Артем лучезарно улыбался. Он ничего не заметил.

– Это твой родной сын? – ровным, невыразительным голосом осведомился кесарь.

– Да, – сухо ответил Духарев.

– Он на тебя не похож.

«Можно подумать, у всех остальных дети – вылитый папаша!» – раздраженно подумал Сергей, но вслух сказал:

– Да, Ваше Величество. Он похож на свою мать.

– Она – русинка?

– Нет, Ваше Величество. Она болгарка.

– Кто она?

И тут, с досадным опозданием, припомнилась Духареву рекомендация дьюлы Такшоя.

«Не говори, что мать твоего сына – болгарка», – посоветовал Сергею верховный вождь мадьяр.

Но слово не воробей...

– Когда я встретил её, она была лекаркой в кривичском селении Малый

Торжок, – сказал Духарев.

– Где это? – спросил кесарь.

– Полоцкое княжество. К северу от Киева.

– В Полоцке князь Роговолт сидит, – проявил эрудицию кесарь. – Твоего Святослава данник.

Еще минута – и он утратил бы к Артему интерес, но тут вмешался Сурсувул:

– Она хорошего рода. Ее отец – Рад из Скопле. Брат ее Момчил тебе меха и воск поставляет.

На сей раз на лице Петра ничего не отразилось, но Духарев увидел, как побелели пальцы кесаря, сжавшие посох.

– Рад из Скопле, – прошептал Петр.

И добавил по-гречески: – Я полагал, он умер...

«Надо будет спросить у Артема, что он сказал», – подумал Духарев.

Внезапно кесарь улыбнулся довольно ненатурально, стянул с пальца перстень:

– Прими, юнак, – сказал он. – Я знал твоего деда.

Сурсувул взял перстень у кесаря, передал Артему.

– Живи вечно! – поблагодарил тот с низким поклоном.

Толпа придворных поддержала его заздравным хором.

На этом официальная часть закончилась, и публику пригласили перекусить. Кесарь на обеде отсутствовал, но это никого не огорчило. Скорее, наоборот.

Духарев занял почётное место пятью позициями ниже пустующего трона. Артем расположился справа от него, а слева Сергей придержал место для межицкой боярышни. Вообще-то тут должен был сидеть какой-то болгарский господарь, но Духарев взял его аккуратно за плечико и очень вежливо попросил уступить место даме. Господарь поглядел на кончик варяжского уса, покачивающийся на уровне его глаз, побледнел, вспотел, быстро закивал и исчез.

Кушали при царском дворе по-простому. Главным столовым прибором были руки и хорошо заточенные ножи. Духарев развлекал даму светской беседой, не забывая, впрочем, выхватывать с блюд лучшие куски, чему немало способствовала длина его рук. Краем глаза приглядывал за Артемом. Тот к красотке Людомиле оказался равнодушен. Может, она просто была не в его вкусе. К девушкам Духарев-младший относился довольно-таки прагматично: выбирал исключительно по внешности и, как

правило, – на одну ночь. И не для разговоров. На этом пиру Артем предпочел в качестве собеседника средних лет болярина, черного, мохномордого, большого любителя соколиной охоты. В Киеве это развлечение как раз вошло в моду, и мохномордый оказался для Артема ценным источником информации. Через некоторое время к их беседе присоединились еще несколько гостей, а на Сергея обращали все меньше и меньше внимания. Примелькался.

Сергей предоставил сыну развлекаться самостоятельно, а сам вплотную занялся белокурой соседкой. Их кубки то и дело звенели, соприкасаясь. Щеки Людомилы порозовели, глаза сияли... Духарев знал, что значит это сияние, понимал, что ведет себя неправильно: Людмила – не теремная девушка на одну ночь, не игрушка-наложница, а знатная боярышня... Но их обоих уже понесло, не остановить. Алые от вина губки притягивали Сергея с neodолимой силой. Он пил кубок за кубком, хмелея не от вина, а от близости этих сияющих глаз. Он забыл, что является послом великого князя, что от него сейчас зависят судьбы тысяч людей...

– ...А этот рог я хочу преподнести сыну нашего славного гостя воеводы Серегея болярина Артему! – пробился сквозь шум и опьянение зычный голос Сурсувула.

Духарев среагировал на знакомые имена, глянул на первого преславского болярина.

Тот держал в руке здоровенный бычий рог, литра на три, не меньше, и протягивал его Артему через стол.

Артем потянулся, но не достал. Стол был шириной метра четыре. Рог двинулся по кругу, из рук в руки, со всей торжественностью и почтением. Никто из гостей не был настолько пьян, чтобы приложиться к вину, чье назначение определил сам Сурсувул.

Духарев поглядел на сына. Артемка был весел и радостно тянулся к рогу.

«Эта доза его завалит», – подумал Духарев, потянулся и ловко перехватил рог. Почти что из руки сына вынул.

– После батьки! – строго сказал он и приложился.

Вино оказалось неожиданно сладким. Духарев влил в себя почти все. Когда он передавал рог сыну, там оставалось на доньшке.

Артем не обиделся, допил, помахал рогом Сурсувулу. Тот показал пальцем на пустующий трон: дескать, не от себя дарю, от кесаря.

Духарев еще успел увидеть этот жест, и тут все вокруг поплыло и закружилось.

«Забористое винцо», – подумал Сергей, почувствовал какой-то

странный холод внутри и провалился в тишину.

Глава седьмая, в которой воевода Духарев едва не отправляется за Кромку

...Волосатые пальцы гендиректора нервно скребли стол.

«Что он так дергается? – подумал Духарев. – Решение утверждено, все бумаги подписаны. Теперь-то чего мандражировать? Разрулили бы по понятиям – сохранил бы кой-какой капиталец. Не захотел – сам виноват. Вот и сдал всё, кроме штиблет и костюмчика».

Словно угадав его мысли, гендиректор, нет, теперь уже бывший гендиректор, спрятал руки, сунув их под стол.

– Ну чё, Николаич, коньячку на посошок? – предложил Духарев.

Он был в отличном настроении.

– Не хочу я вашего коньяка! – взвизгнул бывший гендиректор.

– Дело твое, – Духарев с удовольствием потянулся. – А я – приму. Митька, налей моего фирменного, от лишнего веса! – велел он охраннику. Подмигнул бывшему гендиректору: – Знаешь анекдот, Николаич: «Бойтесь потолок – выпейте коньяку. Коньяк снижает чувство страха».

И захохотал.

Его собеседник не засмеялся. Лицо его перекопилось.

– Гад ты, Сергей Иванович!

– Расслабься, Лев Николаич! – Духарев не обиделся. Он никогда не обижался на побежденных. – Что ты рожу скорчил, будто хреном подавился. Сам виноват, что просрал холдинг. Нечего было в арбитраж соваться!

– Но я же прав! – закричал бывший гендиректор.

– Не-е, Николаич, прав ты только в одном, – назидательно произнес Духарев. – Что от коньяка отказался. Тебе теперь надо к водке «Кристалл» привыкать. Ты теперь...

Дальнейшее произошло быстро. В руке бывшего гендиректора появился маленький пистолетик.

– Не смей, придурок! – закричал Духарев, понимая, что не успеет даже выбраться из-за стола.

Охранник обернулся на крик... не раздумывая, метнул бутылку...

Бывший гендиректор пригнулся, бутылка разнесла напольную вазу, и тут гендиректор начал стрелять. Первый раз он промазал. Потом охранник прыгнул, заслоня собой хозяина, принял на себя две пули, но

четвертая и пятая Духарева достали. Одна прошила мякоть предплечья, вторая – серьезнее, вошла под левую ключицу. Шестого выстрела не последовало: в распахнувшуюся дверь влетел еще один охранник, снес стрелка массой, выкрутил руку, приплюснул к столешнице...

– По-любому тебе не жить, Дух! – прохрипел бывший гендиректор. – По-любому...

– Задавлю, сука! – Сергей Иванович начал подниматься... И тут левая рука его внезапно онемела, холод потек от нее под грудину, и свет начал гаснуть...

Духарев еще успел услышать сквозь вату чей-то крик, а затем погрузился в тишину и темноту.

Прикосновение было очень нежное, очень теплое, но как бы издалека. Ни рук, ни ног Сергей не чувствовал. Только шеей и спиной – мягкое, живое, дышащее... И тоже как будто издалека: сначала – непонятный, неразборчивый шепот, потом – тихое, тихое пение...

Так было здесь, а там – иначе.

Там он был распластан на столе, и железный насос гнал через его легкие холодный мертвый кислород, чужая кровь струилась по жилам, и чужие руки в мертвой резине ковырялись у него внутри, выковыривая из-под сердца крохотную, меньше фаланги мизинца, в который раз оплошавшую смерть.

Туда – не хотелось...

Духарев очнулся, с трудом разлепил глаза. В глазах плавала муть, но он все-таки разглядел рядом на подушке светлую женскую головку. А чуть позже ощутил легкую руку на груди и более тяжелую, приятно горячую ногу поперек живота.

Сотни раз Духарев просыпался именно так: рядом с женщиной, даже во сне не желавшей его отпускать. Но сейчас всё было неправильно. Никогда после ночи любви, даже после самой жестокой попойки, Сергей не чувствовал себя так хреново.

«Я же чуть не помер там, – вспомнил он свой сон. – В меня стреляли...»

Духарев хотел протереть глаза, шевельнул рукой... Но рука была – словно снулая рыба.

Сбоку раздался негромкий возглас. Духарев увидел лицо Артема.

– Батя! – проговорил сын с непривычной нежностью. – Батя! Слава Богу!

Женщина проснулась, убрала ногу с живота, привстала, приложила ладонь к его лбу...

– Ты...

Духарев хотел спросить: «Ты кто?», но тут сам вспомнил.

– Молчи... – сказала женщина, коснувшись рукой его губ. – Молчи, воевода...

– Сергей... Меня зовут Сергей... – прошептал он, с трудом шевеля пересохшим языком.

– Сергей. Молчи. – Влажная губка прижалась к губам.

– Дай ему сладкого молока, – сказал Артем. – Только немного. Я пойду, скажу всем, что батька очнулся.

– П-погоди... – прошептал Духарев.

– Молчи, батя, молчи! – Сын наклонился и тоже погладил его по щеке. – Ты не тревожься! Теперь всё будет хорошо!

Мягкая ладонь легла Духареву на затылок, приподняла голову. Внутри черепа толкнулась боль, но скоро ушла, словно втянулась в женскую ладошку. Край чаши коснулся губ. Теплая сладкая жидкость потекла в пересохшее горло... Через несколько мгновений глаза сами закрылись. Сергей уснул.

– В том вине был яд, – рассказывал Артем. – Я выпил совсем чуть, справился. Да и противоядие помогло. А ты был совсем плох. Захолодел весь. Грелки с горячим песком уже не помогали. Если бы не Людомила, ты бы, наверное, умер. Она два дня и три ночи лежала в твоей постели, согревала тебя, не давала уйти...

– Теперь по Правде ты должен взять ее в жены! – сказал Мыш.

Он улыбался, но Духарев видел: брат все еще тревожится. Не верит, что Сергей не уйдет за Кромку. Сам-то Духарев уже точно знал, что выкарабкался. К ногам вернулась чувствительность, руки окрепли достаточно, чтобы держать чашу с настоем, кусок льда в животе и груди растаял. Нутро, правда, болело, но это уже была нормальная, живая боль...

– Где она? – спросил Духарев.

– Уехала, – сказал Мышата. – Сразу, как только стало ясно, что ты выживешь. Не сердись на нее! Если Сурсувул узнает, что она все это время была с нами, худое может случиться.

– Надо было забрать ее с собой, – сказал Сергей.

– Мы ее звали, – сказал Мыш. – Она не захотела. Не беспокойся, я дал Пчелко довольно денег, чтобы они могли бежать, если возникнет нужда. У кесаря Петра в Булгарии мало по-настоящему верных людей. За золото

можно купить всё: жизнь, свободу...

– Где мы сейчас? – спросил Духарев. – В Преславе?

– Шутишь? Оставаться в столице после того как Сурсувул пытался тебя отравить по поручению кесаря?

– Думаешь, это он? – усомнился Духарев. – Рог прошел через десяток рук. Любой мог сыпануть яд...

– Такова официальная версия, – по-ромейски произнес Мышата и усмехнулся. – Они даже отравителя нашли, какого-то боярина из Коровиц. Он уже признался. И причину указал: мол, брат его с хузарами торговал, а наш князь хузарского кесаря побил. Вот он за Йосыпа и обиделся.

– Бред какой-то...

– Вот-вот... А ты говоришь: остаться в Преславе.

– А где мы сейчас?

– В Скопле. Тут тебя тишком никто не зарежет. И дом никто не подожжет. Но сразу, как управишься, двинем домой. Я сам с вами пойду. А то с вами воев маловато: натравит на вас кесарь каких-нибудь степняков...

– А ты, значит, нас защитишь, брат Мышата? – теперь уже Духарев усмехнулся, представив, как тучный братец храбро разгоняет врагов, перед которыми оплошала Серегина личная дружина.

– Ты не скалься, воевода, не скалься! – произнес Мыш. – Меня все набольшие ханы по имени знают. Я их золото в товары обращаю. Вот тех же угров взять: я не только к дьюле Такшоню вхож, как ты, а со всеми ихними князьями, включая Геза, лично знаком. Ежели какой подханок мою кровь возьмет, большой хан ему голову открутит. А захочет если тот же Сурсувул на тебя тишком какого-нибудь боярина натравить, так я, считай, в Булгарии каждого заметного господаря по имени зову. А ты хоть и посол великого князя киевского, да кто его здесь знает?

– Скоро узнают! – посулил Духарев. – Очень скоро! А сейчас, Артем, бери стило и бумагу, будем кесарю Петру письмо писать.

– Эй! – воскликнул Мыш. – Полегче, брат! Может, лучше из Киева ему написать? Оскорбится кесарь – даже я не смогу тебя уберечь!

– А с чего ты взял, что я хочу его оскорбить? – спросил Духарев. – Нет, брат, я намерен написать кесарю, что зла на него не держу и повезу в Киев не обиду, а исключительно его дары и заверения в дружбе, кои он мне дал и на личной аудиенции, и на открытом приеме.

– Так ты ему спустишь, что он пытался тебя отравить? – возмутился Артем. – Я не буду...

– Будешь, сынок, – спокойно произнес Духарев. – Напишешь всё, что я скажу. И не спорь! А должок мы с него возьмем... В свое время.

«Сторицей возьмем, – добавил он мысленно. – Но сначала нам надо вернуться домой, и дядька твой, как всегда, прав: дружина у нас для настоящей войны маловата. А война будет, это я обещаю. Я помню, сынок, что чаша эта была не мне преподнесена, а тебе. Себя я еще мог бы им простить, но тебя – навряд ли. А еще мне очень хотелось бы узнать, за каким хреном понадобилось тебя травить, причем так грубо и поспешно? Возможно, ответ на этот вопрос знает дьюла Такшонь... Но вряд ли скажет. Ладно, выясним в свое время и это. Сам Сурсувул и поведает, когда мои варяги его железом припекут...»

На следующий день из Преславы прискакал гонец. Вернее, целая компания гонцов, причем не мелкой шушеры, а солидных знатных мужей. Привезли виру – два фунта золотом. Пять гривен по киевскому счету. И личное письмо от кесаря Петра, написанное по-византийски, то бишь – по-гречески. С извинениями и сообщением, что виновный наказан со всей строгостью – четвертован. Делегацию сопровождала тысяча латных конников. Для солидности. И для того, чтобы показать послу болгарскую тяжелую кавалерию, экипированную на манер византийских катафрактов. А может, на тот случай, если посла не устроит размер виры...

Посланцев кесаря заверили, что посол обиды не держит, вира его вполне устраивает... Словом, мир, дружба, жвачка, как говаривали во времена духаревской юности.

Катафрактов Духарев тоже оценил по достоинству. Этих запросто стрелами не закидаешь. И союзники такие против ромеев были бы очень кстати. А вот законы здешние определенно следует переработать. Пять гривен за попытку отравления княжьего посла на царском пиру... Да в Киеве за простого тиуна и то большую виру дают...

Глава восьмая

Киев

– Повод? Не нужен мне никакой повод! – князь встал и прошелся по горнице.

За последний год он еще больше раздался в плечах, заматерел и отяжелел, но ступал мягко, беззвучно. Даже половицы под ним не скрипели.

– Он хотел тебя отравить, – сказал Святослав, останавливаясь напротив воеводы. – Одного этого достаточно, чтобы я превратил его в

пададь!

– Мы не можем быть уверены, что это он, – возразил Духарев. – Кесарь лично принес мне извинения и выплатил виру.

– Он выплатил виру тебе, – холодно произнес князь. – К тому же такую виру, что за простого гридня мало будет. Но ты – мой посол! И мне он ничего не заплатил!

– Хочешь, чтобы я с тобой поделился? – осведомился Сергей.

Глаза великого князя сверкнули. Но ответил он не сразу. Прошелся еще раз, потом уселся в свое «княжье» кресло и только тогда произнес негромко и недобро:

– Не шути так, воевода. Не забывай, с кем говоришь.

Духарев не ответил. Он молча смотрел на князя. Кресло, в котором сидел Святослав, стояло на возвышении, поэтому лица их были вровень.

«Ничего удивительного, – подумал Духарев. – Когда у тебя столько власти, хочется быть не князем над вольной дружиной, а полновластным кесарем».

– Ты можешь приказать мне сражаться, княже, – спокойно сказал Сергей. – Но запретить мне шутить не можешь. Я – варяг, а не холоп. Я говорю, что хочу. Если тебя это оскорбляет, верни мне мою клятву, и мы расстанемся.

– К марам твою гордость! – проворчал Святослав.

Гнев его остыл. Духарев был ему нужен. Возможно, не только как воевода, но и как друг. Это ромейский император не может позволить себе иметь друзей – у него могут быть только подданные.

– К марам твою гордость! Говори, что хочешь, – разрешил Святослав. И тут же скорректировал: – ...Но только когда мы вдвоем! И оставь себе эту виру. Свою я возьму сам. – И уже другим тоном добавил: – Я смогу, как думаешь?

– Думаю, нет, – сказал Духарев.

– Почему? – нахмурился князь. – Кесарь Петр стар и слаб. Бояре его не любят. Мне говорили, едва мои лодыи появятся на Дунае, Булгария восстанет.

– Глупости! – возразил Сергей. – Те, кто действительно хотел восстать, уже осуществили свое желание. И Петр разделал их под орех. Да, в Булгарии им недовольны, потому что он выжимает из своих подданных всё, что может. Еще и от ромеев получает, вернее, получал изрядную дань. И тратит эти деньги на войско. Я видел его тяжелую конницу. Она производит сильное впечатление.

– Если Петр так силен, то почему пропустил через свои земли угров? –

спросил Святослав.

– А почему бы ему их не пропустить? – усмехнулся Сергей. – Тотош отправился грабить. Не пропусти его Петр, он вполне мог бы обчистить окраины Булгарии. А так он выпотрошил ромейскую Фракию, да еще долю Петру отдал. Ромеи, конечно, остались недовольны, но это их проблемы. За своими перевалами Петр практически неуязвим.

– Но мы-то пойдем не через перевалы! – заявил Святослав. – Мы пойдем водой.

– Вот именно! Это значит, у нас почти не будет конницы.

– Как не будет? А угорская? Такшонь – наш союзник!

– Не совсем.

– То есть как не совсем? – возмутился Святослав. – Я женат на его дочери! Ты сам привез ее ко мне! Такшонь *должен* стать моим союзником! Его внук унаследует мою вотчину!

– Вот в этом дьюла и сомневается, – заметил Духарев.

– Почему? – нахмурился князь.

– Потому что ты, княже, – тут Духарев на всякий случай понизил голос, чтобы, не дай Бог, не услышали отроки по ту сторону дверей. – ... Твой первенец Владимир живет в твоём тереме и воспитывается наравне с внуками дьюлы.

– Он – мой сын, – возразил Святослав, тоже вполголоса. – И он растёт настоящим воином. Не худшим, чем Ярополк и Олег!

– Вот этого-то дьюла и опасается.

– Чего он хочет? – напрямик спросил князь.

– Хочет, чтобы ты определил, кому из твоих сыновей где княжить.

– Что еще?

– Еще он опасается, что ты метишь в его наследники.

– Но его родной сын Тотош пока что жив!

– Вот именно, пока! Если Тотош пойдет с тобой – и не вернется...

– ...то я как муж дочери дьюлы наследую его земли. Так и будет, можешь не сомневаться! Это мое право, если Тотоша не станет.

– Вот именно. Ты заинтересован в том, чтобы Тотоша не стало.

– Ты думаешь, я убью брата своей жены, чтобы завладеть его землями? – воскликнул Святослав. – Что ты несешь, воевода?

– Так думает дьюла. Я как раз думаю иначе. Потому поклялся Такшоню, что сделаю все, чтобы Тотош остался жив. И я это сделаю, княже! Потому что Тотош – твой брат и мой друг. Потому что Такшонь – не великий князь мадьярский, а всего лишь верховный вождь. И второй после него не Тотош, а мадьярский князь Геза. Тотош может унаследовать отцу –

с твоей помощью. Но только он, а не ты. Если Тотош погибнет, мы потеряем союзников и будем вынуждены снова с ними драться, как это было во времена твоего отрочества. Я поклялся, и я сдержу клятву!

– Пусть будет так, – согласился Святослав. – А о том, какие земли я отдам в княжение Ярополку и Олегу, я объявлю весной.

– Ярополку, Олегу и Владимиру, – уточнил Духарев.

– Владимиру? Какое дело дьюле до Владимира?

– Дьюле – никакого. Но он – твой сын. Первенец. И обещает вырасти настоящим воином, ты сам сказал.

– Вот и будет биться в дружине Ярополка. Или свою соберет...

– ...и пойдет добывать свой удел у братьев, – закончил Сергей. – В нем твоя кровь, княже! Он не удовольствуется опивками. Дай ему свой стол, чтобы он не чувствовал себя обойденным... и отошли из Киева. Тогда Такшонь твой!

– Совет неплох, – согласился Святослав. – Но кто захочет взять в князя рабичича?

– А вот об этом надо подумать.

– Ладно, думай. А сейчас скажи: с уграми мы возьмем Булгарию?

– С уграми и печенегами – можем, – сказал Духарев. – Если не вмешаются ромеи. А они вмешаются наверняка.

Святослав задумался, подергал ус... И вдруг воскликнул:

– Калокир!

– Что – Калокир? – спросил Духарев.

Он слышал это имя, но сам с сыном херсонского протевона никогда не встречался.

– Калокир! Вот кто мне поможет!

– Уверен? – Духарев мало общался с ромеями, но твердо знал: верить им нельзя. – Я-то его не знаю...

– Узнаешь, – сказал князь, хитро прижмурившись. – Со временем. А теперь расскажи-ка мне, за что тебя все-таки пытались отравить в Преславе...

– За что? – Духарев дернул себя за ус, вздохнул. – И этого я не ведаю, княже. Но узнаю непременно.

Глава девятая

Нежданные гости

Сладислава вышивала мужу рубаху. Сама вышивала. Отдай швеям – те

вместо красивого узора своих языческих оберегов нашьют. А это – грех. Сережа ворчит, мол, полон дом челядинок, а ты сама с иглой сидишь. Но Слада знала: мужу приятней ту рубаху носить, которую она сама украсила. А руками Сладислава работать любила. Еще больше любила, когда муж рядом. Когда, к примеру, играют Сережа с Артемом в «фигуры», а она вышивает или корешки целебные перетирает в ступке. И разговор идет между ними простой и неспешный. Как бы ни о чем...

Сейчас мужа рядом не было. С утра друга своего встречать поехал, Устаха. И детей с собой взял, Артема и Данку. Он бы и младшего прихватил, но тот теперь в «детских» князя. Попроси Сережа, Асмуд бы мальчика отпустил, но муж не попросит. Никаких поблажек сыну воеводы – так он говорит. Сережа вообще хотел Славку в Белозеро отправить, но Сладислава вопреотивилась. В Киеве выучат не хуже, а тут она хоть видеть его будет... иногда.

Сережа тогда уступил. А сейчас, после Булгарии, может, и не послушал бы ее. Что-то переменялось в нем после возвращения. Как будто крысенок пробежал между ним и женой. Сладислава знала, что мужа в Булгарии пытались отравить. Кое-что ей поведали. Но не поведали, узнал ли муж ее тайну. Муж и сын о болгарских приключениях говорили неохотно, больше отмалчивались, а расспрашивать их настойчиво Слада сочла неправильным. Тревожно ей было. Может, следовало сразу рассказать Сереже обо всем? Но тогда пришлось бы и Момчилу все рассказать. А теперь поздно... Если же Сережа сам все узнал там, в Булгарии, можно притвориться, что Сладислава о том ведать не ведала. Только очень ей врать не хотелось. Никогда она мужу не врала. Но ведь это не только ее тайна...

Печальные мысли Слады нарушил Сычок:

– К вам гости, матушка!

– Кто?

– Не назвались. Но по всему видать, княжьи. Брони богатые. Батюшку воеводу спрашивают.

– Велим где? – спросила Слада.

– С батюшкой воеводой уехавши. Не пущать?

Слада задумалась.

Но не пускать в дом гостей, пусть и нежданных, – нехорошо. С другой стороны, принимать самой мужниных гостей, воинов – тоже нехорошо. Рёреха позвать? Тоже не ладно.

– Скажи им, Сычок, что воеводы дома нет, – сказала Сладислава. – Вернется к закату. Ежели готовы ждать, пусть ждут во дворе.

– Ага, – Сычок кивнул лохматой головой, шагнул к двери, но остановился.

– Хорошо ли во дворе, матушка? Гости важные...

Сладислава отложила шитье:

– Впускай гостей во двор. Я сама их на крыльце встречу.

Гостей Сладислава узнала сразу. И порадовалась, что не отослала их прочь, не взглянув.

Двое: мужчина и мальчик. На обоих брони. На мальчике – чужеземной работы, возможно, арабской, на взрослом – тоже добрый панцирь, но попроще, кованный здесь, в Киеве. Вблизи Сладислава даже могла бы определить, кто из трех киевских бронных мастеров его ковал.

А вот лошадь лучше у старшего: широкий в крупе боевой хузарский жеребец-пятилетка. Мерин младшего косился на цепного мишку, сидевшего у забора, по-собачьи вывалив длинный язык, косился и всхрапывал. Конь старшего и ухом не вел. Вышколен. Для боя и для охоты.

В оружии и лошадях жена воеводы разбиралась не хуже мужа. Почти двадцать лет замужем за воином. Выучилась.

Гости спешили. Старший, кряжистый муж со светло-рыжей бородой, снял шлем, поклонился:

– Здрава будь, хозяйка! Мир дому твоему!

– Мир и тебе, Добрыня, – наклонила голову Сладислава. – Мужа моего нет, но, думаю, скоро вернется. Подождешь?

– Подожду, – степенно ответил Добрыня. – Знаком ли тебе племянник мой и пестун Владимир?

Сладислава покачала головой.

Конечно, она знала этого мальчика. Но решила не портить Добрыне игру.

– Мой отец – великий князь Святослав! – громко объявил мальчишка и покосился на дядьку: не рассердился ли?

– А я – Сладислава, жена воеводы Серегея.

– Воевода Серегей – великой славы муж! – с важностью, по-взрослому ответил мальчик. – Но мой отец – больше! Никого нет славнее его!

– Твой отец – великий князь, – сказала Слада. – Но, может, выросши, ты превзойдешь его!

Мальчишка гордо задрал подбородок.

– Пожалуйте в дом, – сказала Слада. – Не пристало таким, как вы, во дворе ждать. Лушкарь, Хмель, примите коней у сотника и княжича!

– Воеводу Серегея нам и во дворе ждать не зазорно, – степенно

произнес Добрыня (племянник удивленно взглянул на него). – Но коли приглашаешь в дом, мы рады.

И, по-прежнему держа шлем в руке, шагнул к крыльцу.

Владимир, глядя на него, тоже снял шлем, пригладил светлые вихры. Но перед тем, как войти, быстро обернулся и показал медведю язык.

Первой в дом вбежала дочка.

– Мамка! Мамка! А мы... – она осеклась, увидев гостей, тут же опомнилась, вытянулась стрункой: – Здравствуйте!

– Здравствуйте, здравствуйте! – привычно наклонясь, чтобы не задеть шлемом притолоку, в дом вошел Духарев.

Добрыня встал, пихнул племянника, и тот тоже вскочил.

– Здрав будь, воевода! Прости, что незванными...

– Оставь! – Сергей снял шлем, сунул дочке. – Оботри его, Данка, и повесь, где всегда. Рад тебе, сотник! По делу пришел или так, провести?

– Можно сказать, и по делу... Да ведь тебе, воевода, с дороги перекусить, горло промочить надо. Мы подождем.

– Говори уж! – потребовал Духарев.

– Ну ладно, – согласился Добрыня. – Хочу правду узнать. Знаю, воевода, ты врать не будешь. Слухи ходят: хочет великий князь моего племянника из Киева услать. Вроде бы отец княгини этого требует. Так ли это?

– И да и нет, – сказал Духарев. – Вранье, что дьюла мадьярский может у нашего князя что-то *требовать*. А правда то, что из Киева княжичу Владимиру придется уехать. Почему так, это, Добрыня, разговор долгий, а я и верно проголодался. Так что подавай, Сладушка, на стол. Поседаем и поговорим.

– А где ж Устах? – негромко спросила Слада.

– К князю поехал бересту Роговолтову отдать. Может, там, в Детинце, и заночует. А утром – к нам.

Перед трапезой Духарев произнес краткую молитву. Скорее для Слады, чем для Бога. Гости отделили малую толику своим богам. Ели в молчании. Заинтересованный Владимир вертел круглой светловолосой головой, разглядывая убранство горницы. Посмотреть было на что. Свет масляных ламп отражался на множестве драгоценных вещей, добытых хозяином в бою, подаренных друзьями и союзниками, привезенных издалека родичами. Восточные ковры и западные гобелены соседствовали друг с другом и с охотничьими трофеями так же естественно, как длиннорогая голова тура из приднепровских степей – со шкурой белого

медведя, промысленного в полночном краю. А две стены из четырех были увешаны оружием, да так плотно, что из-под него почти не было видно коврового ворса...

– ...посему придется твоему племяннику уехать, – поймал Владимир окончание фразы и сразу встопорщился.

– Никуда я не поеду! Я – княжич! Никто не вправе мне приказывать!

– Цыть! – прикрикнул на мальчика дядька. – Нишкни, отрок, когда мужи говорят!

Владимир закрыл рот и даже слегка втянул голову в плечи. Княжич-то он княжич, а рука у дядьки Добрыни тяжелая.

Духарев с улыбкой наблюдал за мальчишкой. Ему смутно помнилось, что пацана ждет великое будущее. И имя у него хорошее: Влади-мир.

– Уехать, – повторил он. – Но не сейчас, весной. Вопрос: кем он поедет? Приживалой или владыкой? Роговолт полоцкий будет против. Белозерский князь – тоже. Но новгородцев можно купить. Я попытаюсь все устроить, хотя это обойдется недешево.

– Не знаю, хватит ли моих гривен... – произнес Добрыня. – Я ведь уже давно не хожу в походы, а земли своей у нас совсем мало.

– Гривен хватит, – сказал Духарев. – Будет мало, я добавлю. Пустое! – отмел он попытку Добрыни запротестовать. – Когда-нибудь сочтемся. К примеру, дашь моему брату право десятилетней беспошлинной торговли на земле княжьего городка. Не о гривнах разговор, Добрыня, о будущем. Что еще тебя смущает?

– Сами новгородцы, – сказал Добрыня. – Скандальный народец. Нету в них верности.

– Это как поставишь, – возразил Духарев. – Привратника моего видел?

– Которого? С клыками или без?

Владимир хихикнул.

– Без. Так вот он – новгородец. Я его у тиуна одного забрал. У тиуна этого шесть стражников было. Пятеро, как моих варягов увидели, сразу наутек пустились, а этот в драку полез.

– И что? – заинтересовался Добрыня.

– Да ничего. Намяли ему бока. Правда, и он моему десятнику губу разбил.

– Варягу?

– Варягу. Так что думай. А надумаешь – дай мне знать.

– Думать тут нечего, воевода, – сказал Добрыня. – Дело делать надо.

– Добро. Делай. А я вот через две седмицы в Полоцк отправлюсь. Могу твоего княжича взять, если захочет. Что, Владимир, поедешь со мной

в Полоцк?

– Я с батькой на полюдье поеду! – задрал княжич курносый полянский нос.

– Этой зимой батька твой на полюдье не поедет, – сказал Духарев. – Не до того ему. Но не хочешь – дело твое.

– Хочу! – быстро сказал княжич. Оглянулся на дядьку: как он, не против?

Добрыня кивнул, одобряя.

– Вот и хорошо, – сказал Духарев. – Поучу тебя бою варяжскому, обоеручному. Хочешь?

– Хочу. Чтобы как батька?

– Это уж как стараться будешь, – сказал Сергей.

– Я буду стараться! – воскликнул парнишка. – Я на мечях...

– Цыть, отрок! – добродушно перебил его Добрыня и встал: – Благодарствую, хозяйка, за угощение! А тебя, воевода, уж и не знаю, как благодарить!

– Живы будем – сочтемся! – сказал Духарев.

– ...Хочу, чтоб ты запомнил, Владимир, этим людям – воеводе и его жене – ты жизнью обязан! – внушал Добрыня племяннику, когда, распрощавшись с хозяином, они ехали в Детинец. – Кабы не они, не было б тебя на свете.

– Да слышал я, слышал уж, – недовольно бурчал мальчик. – Сколько можно одно и то же толочь, дядька!

– Сколько нужно! – рявкнул Добрыня. – Замолкни и слушай! Внимательно слушай, ежели хочешь князем быть, а не ходить в gridнях у братьев!

– Тю! Да я их обоих запросто! Хоть на мечях, хоть...

Добрыня потянулся и треснул племянника по шлему.

– Помолчи, сказано! О том, что сегодня в доме воеводы слышал, – никому! Даже батьке! Сболтнешь – не быть тебе князем! А сделаем, как воевода сказал, может, и впрямь славой ты отца превзойдешь, как Сладислава тебе посулила.

Некоторое время дядька и племянник ехали молча, потом Владимир сказал:

– А она красивая, воеводина жена...

– Зачем ты ему помогаешь, Сергей? – спросила Сладислава. – Он же рабичич. Никто его здесь в Киеве не привечает, даже княгиня Ольга.

Ярополк и Олег крещены, а этот – маленький язычник...

– В жизни всякое бывает, – сказал Духарев. – Бывает, язычник становится христианином, а бывают христиане хуже язычников. Хочу тебя спросить...

Но спросить он ничего не успел. В горницу, широко улыбаясь, вошел Устах.

Глава десятая

Старые друзья и новые планы

– Хозяюшка! – воскликнул Устах, раскрывая объятия. – Сладиславушка! – обнимая ее, прикладываясь щекой к щеке. – Здравствуй! Ах, как похорошела!

– Да ну тебя, Устах! – Слада самую малость порозовела. – Как твои?

– Здоровы, хвала богам! Тебе кланяются! А вы никак почивать собираетесь? Меня, что ли, не ждали?

– Не ждали, – Слада укоризненно поглядела на мужа. – Серегей сказал: ты у князя заночуешь.

– Намеревался, – ответил Устах. – Но князей много, вот и у меня ныне – свой, а вы у меня одни! Да и то сказать, разве есть здесь кто храбрей твоего мужа или краше тебя, Сладиславушка!

– Лстец! – засмеялась Слада. – Кушать будешь?

– Сыт. У князя поужинал. А меда чарку выпью.

– Мед у себя в Полоцке пить будешь! – вмешался Духарев. – Вели, Сладушка, принести кувшинчик угорского, из тех, что мне дьюла Такшонь в позапрошлом году прислал.

Кувшин принесли, обтерли, распечатали. К этому времени к ним присоединился и Артем. Он же и разливал.

Первая чарка – гостю. Но, вопреки обычаю, Артем первой плеснул матери. Слада пригубила, подержала вино во рту, затем кивнула: можно.

– Ну как, не скисло? – поинтересовался Устах, не без удивления наблюдавший за происходящим.

Слада покачала головой.

Артем наполнил чарку Устаха.

Духарев пристально поглядел на жену. Она спокойно выдержала его взгляд. Скиснуть вино не могло. И яда в нем, по мнению Сергея, тоже быть не могло: Духарев не зря велел принести *позапрошлогднее*. Что за демонстрации?

– За Правду! – произнес он, поднимая свою чарку.

– За Правду! – Устах плеснул толику в сторону очага, хотя знал, что домашних богов в этом доме не привечают.

– Что тебе Святослав говорил? – спросил Духарев. – Или это тайна?

– Не от вас, – ответил тысяцкий полоцкого князя. – Ваш князь, как ты помнишь, опять звал Роговолта присоединиться к его войску.

– И Роговолт опять отказался?

– Опять, – кивнул Устах. – Ты же знаешь Роговолта. Он старшинство Киева признает, но в своей вотчине он сам себе великий князь. Пойти в войско Святослава, стать князь-воеводой киевским, как ваш Свенельд, ему зазорно.

– Но рано или поздно это случится, – заметил Духарев.

– Как знать. Недавно к нам Ольбард белозерский приезжал. Хотел Рогнеду за Трувора сговорить.

– И что же?

Трувор хоть и был вторым сыном Ольбарда Красного, но давно уже обитал в Киеве и имел на Горе свое подворье, неподалеку от духаревского. Правда, жил в основном не там, а в воинском городке, вместе с гриднями. Теперь, когда Машег наместничал в Хузарии, а Понятко служил воеводой-тысяцким у великого князя, Трувор стал правой рукой Духарева и был в его дружине первым после батьки. И варягов под ним было вчетверо больше, чем в дружине отца. А над ним – только сам воевода да еще Святослав. И все-таки он – воевода, а не князь. Княжение в Белозерье отойдет к старшему брату. Нет, Трувор Рогнеде – не ровня.

– Роговолт отказал?

– Ответил: за старшего, за Стемида, отдам. Но только водимой^[71] женой. А у Стемида, ты знаешь, жена есть, да не простая варяжка, а дочка самого ярла Харальда. И Роговолту это ведомо. Так что, по сути, отказал. А мне было велено намекнуть, что ежели захочет Святослав Рогнеду за Ярополка взять...

– Ярополк – мальчишка!

– Роговолт готов подождать.

– Роговолт – да. А Рогнеда?

– Подождет и она. Ей и в Полоцке неплохо. Хотя девка растет гордая. Князь, ты знаешь, в ней души не чает. Потакает во всем. Зато красавица будет! Может, ее за твоего Артема посватать, коли Святослав откажет? Что скажешь? Я бы пособил...

– Я невесту у Трувора отбивать не стану! – решительно заявил Артем.

– Помолчи! – оборвал его Духарев. – А тебе, Устах, спасибо за

предложение. Но пусть сначала Святослав откажет, тогда и говорить будем. Скажи лучше, понимает ли Роговолт, что Полоцку с Киевом не тягаться? Даже на пару с Белозерским князем. Это ведь не с новгородцами огнища делить. Да и новгородцы, коли начнет Роговолт спорить с Киевом, в стороне не останутся. У них к вам давняя нелюбовь. Ты знаешь, я Роговолта высоко ставлю, хорошего от него видел много и дурного ему не хочу. Если он отказался участвовать в будущем походе, Святослав ему не простит. Неужели Роговолт этого не понимает?

– Понимает, – кивнул Устах. – Сам он не пойдет. Но то – Роговолд. А вот мне, к примеру, воеводой у Святослава быть не зазорно, а почетно.

«Ну и ну, – подумал Духарев. – Неужто Устах хочет от Роговолта уйти?»

– Роговолт сам не пойдет, – сказал Устах. – Но дружину даст. И дружину эту поведу я.

В тот вечер Духарев так и не поговорил с женой о болгарских событиях. Отложил на следующий день. Вернее, на следующую ночь...

Глава одиннадцатая, в которой Духарев узнает кое-что весьма интересное о происхождении своей жены

– ...Глупый! – сказала Слада. – А то я не знаю о тех девках, что тебе постель греют в походах? А то я не помню, скольким молодухам ты в Торжке юбки задира! Ужель ты думаешь, что я стану тебя ревновать к девушке, которая тебя спасла?

– Так то девки... – промямлил Духарев. – А то... боярышня!

Они лежали в постели, в полумраке, разгоняемом лишь трепещущим огоньком изложницы. Сергей рассказал жене о случившемся в Преславе. Не утаил ничего...

Но оказалось, что жене и так известно практически все, включая и то, что некая болгарская боярышня три ночи провела в его постели. Нашлись рассказчики и без Духарева. Видно, кто-то из дружинников поделился информацией с женой, а та, в свою очередь...

Впрочем, не важно. Самой пикантной, с точки зрения Духарева, части этой истории Слада не придавала особого значения.

– То местечко, до которого вы, мужи, лакомы, что у боярыни, что у челядинки... – Слада засмеялась. – Да ты ведь даже и не приглубил ее,

Сережа! Жалеешь небось?

– Слушай, неужели тебе все равно? – Сергей даже немного обиделся.

– Раньше было не все равно, – ответила Слада. – А теперь привыкла.

Сколько лет живу среди язычников...

– Но ты-то терпишь...

– Так мне никто, кроме тебя, и не нужен, – просто сказала Слада. – И я благодарна тебе, Сережа, за то, что здесь, дома, ты только со мной.

– Так и мне не нужен никто, кроме тебя, Сладушка! – Сергей обнял ее, притянул поближе. – А сейчас я задам тебе вопрос, на который ты можешь не отвечать. Но я очень хотел бы, чтоб ты ответила. Я ведь не всю правду рассказал тебе о том, что было в Бургарии.

Духарев почувствовал, как она мгновенно напряглась.

– А что там было?

– Это ведь не меня хотели отравить на том пиру, Сладушка. Не меня, Артема.

Женщина тихонько ахнула.

– И я очень хочу, родная моя, знать, почему его хотели отравить. Ты знаешь?

Слада молчала. Прижалась головкой к груди мужа, дышала часто-часто... Но молчала.

«Она что-то знает, – подумал Сергей. – Что?»

– Расскажи мне, милая, – попросил он. – Что бы это ни было: позор, бесчестье, преступление – я все равно должен знать. Иначе я не смогу защитить нашего сына...

Сладислава отстранилась от него, приподнялась на локотке. Решилась.

– Хорошо, – сказала она. – Я расскажу. Но поклянись, что никому... Нет, не клянись! Выслушай, а потом сам решай, как тебе хранить эту тайну... Момчил и я... Мы не брат и сестра.

Ей требовалось немалое мужество, чтобы наконец сказать мужу то, что она скрывала так долго.

– Вернее, мы не родные брат и сестра. У нас разные матери. На матери Момчила отец женился уже здесь, в Киеве... А моя... Она болгарка. Ее имя Богуслава, и она...

Слада запнулась, но лишь на мгновение. Сколько лет она хранила эту тайну. От всех: от брата, от мужа...

– Богуслава, моя мама, – дочь кесаря Симеона! – на одном дыхании произнесла Слада.

Ну вот и все.

– Да... – только и мог сказать Духарев. – Да... Теперь мне кое-что

понятно...

И рассказал жене о предупреждении Такшоня. И о словах Людомилы, что Артем, дескать, очень похож на кесаря Симеона.

Слада прикусила губу. Сколько лет она хранила эту тайну... И чуть не погубила собственного сына.

Но откуда она могла знать об этом сходстве. Она ведь его не видела, своего деда Симеона...

Сергей угадал ее состояние, снова обнял, прижал к себе...

– Всё, милая, всё обошлось! Не казни себя!

– ...Они любили друг друга, мама и отец, – говорила Слада. – Но было им счастья – одиннадцать месяцев. Венчались они тайно, сразу после смерти Симеона. Дед, может, и разрешил бы дочери выйти замуж за любимого, своего ближника, но Петр – никогда. Венчались и покинули Булгарию. Петру в первые годы царствования было некогда их искать. После искали. Может, сам Петр, может, ромеи... Но мама умерла через две седмицы после моего рождения. Об этом в Киеве все знали. Отец распустил слух, что, мол, я тоже умерла. После женился на моей кормилице. Момчил – ее сын. Кормилицы... Она умерла уже в Полоцке, от поветрия. Отец нас отослал в Торжок, а сам остался с ней, заболел и тоже умер. Так вот мы с Мышом и осиротели. А потом появился ты...

– М-да... До чего ж замысловатая штука – жизнь, – пробормотал Духарев. – Выходит, я уже два десятка лет женат на болгарской кесаревне. Может, стоит потребовать себе болгарский престол?

– Тебе – нет, – очень серьезно ответила Слада. – А Артем – может. Если не станет Петра и его сыновей...

– ...или вместе с ним не придут пятьдесят тысяч гридней киевского князя, – продолжил Духарев. – Еще жив кое-кто из тех, кто воочию видел кесаря Симеона и подтвердит, что правнук – вылитый Симеон. Если я скажу князю...

– Пожалуйста, Сережа, не говори ничего Святославу! – взмолилась Слада.

– Но почему? Он действительно *может* добыть Артему престол!

– Сережа, если Святослав возьмет престол Булгарии, он сам его и займет. Но даже если и он решит сделать Артема соправителем, я все равно этого не хочу! Не хочу, чтобы Артем стал таким, как его дядя Петр. Не хочу, чтобы мои дети убивали друг друга ради кесарской мантии!

– Ну почему сразу – «убивали»? – возразил Духарев. – Можно же иначе. Мирно...

– Можно. Когда на землях мир, а не война.

– Ну не знаю...

Духареву, который мысленно уже видел своего сына в тронном зале преславского дворца, трудно было отказаться от этой мысли. Но Слада, конечно, права. Если бы Артем добыл власть сам – другое дело. Но получив ее от Святослава, он вряд ли сможет удержать ее без мечей русов. И будет он не наследником прадеда, а ставленником завоевателя.

– Хорошо, – кивнул Духарев. – Я ничего не скажу князю... Пока. Но если он сам узнает...

– От кого? От Такшоня? От кесаря Петра? Зачем им рассказывать? А другим Святослав попросту не поверит. Ты ведь его знаешь...

– Знаю, – кивнул Духарев.

Олег и Игорь даже и не помышляли о том, чтобы захватить столицу Византии. Они ходили на ромеев, чтобы взять добычу и выговорить своим купцам лучшие условия для торговли. Святослав же видел себя не у врат Царьграда, а внутри его стен.

Он ничего не сказал князю. И Артему тоже. Решил: скажет, когда они двинутся на Булгарию. Тогда скажет непременно, потому что ни он, ни Слада не имеют права решать за сына. Артем сам выберет свою судьбу. Пожелает сразиться за наследство – Сергей его поддержит. Нет – на «нет» и суда нет. Хотя какой это был бы козырь для Святослава – иметь под рукой кровного потомка Симеона-воителя!

Впрочем, чем больше Духарев об этом думал, тем более склонялся к мысли, что Слада все-таки права. В шахматной партии, которая называется «жизнь», стоит пешке внезапно превратиться в фигуру, как на нее тут же обрушивается лавина ударов. Взять хотя бы Машега. Казалось бы, вся Хузария должна радоваться, узнав, что вместо алчного и жестокого Йосыпа ею теперь управляет не просто наместник Святослава, а благородный и справедливый потомок древнего хузарского рода. Как бы не так! Несколько месяцев не прошло – и хаканат вскипел, словно перегретый котел. Половина родовитых хузар посчитала себя глубоко оскорбленной тем, что Хузария оказалась под властью язычника Святослава. Половина оставшихся решила, что ее вожди могут управлять ничуть не хуже равного им Машега. Так что кратковременная идиллия сменилась очередной усобицей. Знающие люди предполагали, что дровишки в костер, на котором бурлил хузарский котел, подбрасывают византийцы, арабы и все, кто желает откусить от такого лакомого куска, как Хузария.

Машега, конечно, слопать не так просто. Опираясь главным образом

на своих родовичей, он прижал к ногтю наиболее опасных оппонентов. Но смута не утихла. Все шло к тому, что в наиболее важных хузарских крепостях придется расположить гарнизоны русов... К чему это приведет, неизвестно. Известно лишь то, что лучший воин степи оказался весьма слабым политиком. Святославу уже не раз намекали, что его надо бы заменить кем-нибудь более подходящим... Но великий князь киевский смещать Машега пока не собирался. Отправил в Итиль Свенельда. Князь-воеводу бывший его дружинник, а ныне наместник Хузарии уважал. Вдвоем они кое-как урегулировали большую часть конфликтов. А тут, как нельзя кстати, набежали торки, которых Машег героически втоптал в степную пыль... Но все равно вопрос оставался открытым. Даже Духарев понимал: новым хаканом Хузарии Машегу не быть. Даже под патронатом Святослава. Не годится он на эту роль.

Точно так же и Артем, даже если все сложится для него отменно, может оказаться не пригоден для роли кесаря...

Две недели спустя Духарев, как и планировалось, отправился в Полоцк – вместе с Устахом и юным княжичем Владимиром. Предложение исходило от Духарева. Святослав не возражал: Сергей поделился с ним кое-какими планами. Разумеется, с Владимиром поехал и его дядька Добрыня.

В Полоцке юный княжич впервые увидел Рогнеду, тоже юную – лишь на несколько лет старше Владимира, – но уже красавицу. Увидел и запомнил. Княжна же лишь мельком взглянула на Святославова ублюдка от какой-то холопки. У ее отца (да и у братьев тоже) было немало детишек, рожденных от челяди. Но никто не считал их княжичами. Мальчики, рожденные от теремных девок, могли стать «детскими», будущими дружинниками. Таким полагала Рогнеда и этого мальчишку, которого зачем-то привез с собой дядька Серегей. Так думала Рогнеда. А какие мысли рождались в голове княжича Владимира, которому определили место в нижнем конце стола, вместе с гриднями, слева от дядьки Добрыни, сказать трудно. Но возможно, именно тогда было положено начало всем братоубийственным войнам, которые веками будут истощать Русь.

А вот в Новгороде, традиционном сопернике Полоцка, княжича с Добрыней приняли иначе – с почетом. В Новом Граде были иные обычаи. И принимали здесь не *друзей* князя полоцкого, а посланников великого князя киевского.

Новгородский наместник в последнее время часто болел, следовало подыскать ему замену, и Ольга уже нашла опытного боярина из своих

ближников. Но тщеславные новгородцы воспротивились. Они не хотели наместника – они хотели князя! Не далекого – в Киеве, а собственного князя, как в прежние времена. Пусть этот князь будет под рукой Киева, но сидеть он будет в Новгороде. «А не то, – грозились новгородцы, – мы себе сами князя найдем! Хоть бы и нурмана, но своего! Чтоб отстаивал нас перед прочими!»

Под «прочими» подразумевался в первую очередь Роговолт.

Поскольку от этих новгородцев можно было ожидать всего, в том числе и приглашения «на стол» какого-нибудь нурманского ярла, к их просьбе-требованию в Киеве отнеслись со всей серьезностью. Но отправлять на север Ярополка и Олега киевский князь не собирался. Ярополк, наследник, должен сидеть подле отца, а Олег слишком мал. Его можно посадить где-нибудь поблизости, под присмотром княгини Ольги, но не в далеком Новгороде. Владимир тоже пока еще мальчишка, но меч в руке держит крепко. И при нем – Добрыня, муж опытный и надежный. Таким образом можно было убить сразу двух зайцев: удовлетворить спесь новгородцев и с почетом убрать из Киева сына ключницы, к которому Святослав был расположен не меньше, чем к сыновьям законной жены. Новгород – не Киев. Даже не Смоленск. Но зато будет там Владимир князем, а не бастардом.

«Ни Ярополк, ни Олег княжить к вам не пойдут, – сказано было новгородцам. – Хотите князя от семени Рюрикова – просите Владимира!»

На том и порешили: по весне приедет к Святославу посольство от новгородской старшины – просить на княжение Владимира. Великий князь не откажет, а сам Владимир уже согласен.

«Стану князем – возьму за себя Рогнедку!» – с ходу объявил он дядьке.

«Сначала подрасти, – посоветовал племяннику Добрыня. – Хорошо ли, когда жених невесте макушкой до подбородка еле достает?»

«Я подрасту, – пообещал княжич. – И Рогнедку возьму. И Полоцк – тоже. А князя полоцкого ниже тебя посажу! Вот!»

«Так и будет», – сказал Добрыня, потрепав племянника по светлomu затылку.

Духарев при этом разговоре не присутствовал. Иначе непременно задумался бы...

Когда Сергей вернулся в Киев, князя в Киеве не было. Зато присутствовал старший сын херсонского протевона Калокир. Вернее, патрикий Калокир. Кесарь ромеев Никифор возвел молодого крымского политика в патрицианское достоинство и прислал в Киев. Послом к

великому князю тавроскифов. С деловым предложением, сути которого никто не знал, даже княгиня, у которой Калокир бывал не единожды.

Прибыл посол империи на боевом корабле, размерами вдвое превосходящем духаревского «Морского коня». Надо полагать, ромей немало попотели на волоках. Еще Сергей знал, что знаменитых машин «огненного боя» на корабле нет. Опасаются византийцы за свою монополию на производство огнеметов. И правильно опасаются. Попадись такая штукавина Духареву, он бы ее мигом развинтил и исследовал. В компании хорошего кузнеца и мудрого парса. Спец по местным технологиям (кузнец) плюс местная наука (Артак) плюс менталитет выходца из техногенной эпохи почти наверняка раскололи бы этот орешек. И византийскому морскому превосходству настал бы конец.

Жить на корабле ромей не стал. Перебрался со своими людьми на византийское подворье. А корабль вытащили на берег и «законсервировали». Вывод очевиден: ромей намеревался непременно дожждаться возвращения Святослава. Ну что ж, флаг ему в руки и свисток в зубы. Раньше середины марта-березня великий князь не вернется.

Глава двенадцатая, ***в которой Духарев лично знакомится с полномочным послом императора Византии патриkiem Калокиром***

Духарев сидел в Детинце «дежурным» воеводой. Обычно в отсутствие князя в Детинце заправлял Асмуд, но Асмуд уехал по каким-то личным делам, передав «дежурство» Духареву.

Вообще-то старший по Детинцу одновременно являлся и наместником великого князя, то есть высшей властью в Киеве. Но Духарев знал, что решать городские проблемы ему не придется. С такими вопросами киевляне обращаются в Вышгород, к Ольге. К князю идут только в критических случаях. Ну и, конечно, по воинским делам. Так что обязанности воеводы ограничивались опекой оставшейся в Детинце дружины, а это было нехлоотно, поскольку большая часть дружины тоже ушла вместе с князем. Остались в основном «детские» и отроки. У них – свои опекуны.

Одним из «детских» был младший сынок Духарева Славка.

Сейчас он внизу, во дворе, тренировался вместе с другими будущими гриднями. А Духарев занимался домашними делами: изучал роспись товаров, прибывших с последним караваном из Тмутаракани. Роспись

делал кто-то из Мышовых приказчиков, но в правом углу стояла печатка Слады, подтверждавшая: все указанное – в наличии. Сергею оставалось выбрать то, что потребно для нужд его дружины, а всем прочим распорядится жена.

Дверь скрипнула. Сергей поднял взгляд.

– Воевода, там этот, большой ромей пришел, – сказал потревоживший Духарева отрок.

«Большой» ромей – это наверняка Калокир.

– Ко мне? Ждет?

– Не-а... Так пришел, поглядеть, чего тут.

Поглядеть... М-да. Патрикий империи, который пришел в Детинец «поглядеть, чего тут», – это звучит забавно. Что ж, пускай поглядит. А Духарев поглядит на него.

Сергей встал и подошел к узкому окну горницы. Двор сверху был – как на ладони. И патрикий был там.

До сегодняшнего дня у Сергея не было возможности пообщаться с ромейским патрикием Калокиром. В отсутствие сына посольство принимала княгиня у себя в Вышгороде. За Духаревым не посылала, сам же он инициативу не проявлял. Вокруг Ольги вечно терлись какие-то пришлые ромеи. Даже не столько вокруг Ольги, сколько вокруг ее духовника, ромейского попа, присланного из Константинополя просвещать язычников-русов. Духарев с ним пообщался (через толмача, ромей порусски говорил плохо), на второй минуте разговора понял, что перед ним не столько проповедник Слова Божия, сколько ромейский шпион, и быстренько знакомство свернул. Помимо попа-шпиона в Киеве постоянно жили два православных священника-булгарина. Они-то в основном и окормляли немногочисленную киевскую общину. Ромей пытался перетянуть одеяло на себя, но тщетно. Даже поддержка княгини не помогала. Правда, именно он крестил княжичей Ярополка и Олега. Крестить-то крестил, но от их воспитания был Святославом отстранен. К самому факту крещения великий князь отнесся как истинный многобожец: лишний небесный покровитель детишкам не помешает. А вот насчет воспитания – это строго! Княжичи – будущие воины, и воспитывать их должны воины. А жрец пусть воспитывает жрецов.

В общем, агента влияния из константинопольского попа не получилось, но киевских ромеев он держал в строгости и периодически вызывал на исповедь, а поскольку жил в Вышгороде, то и ромеи туда таскались регулярно.

А в терем к великому князю до сей поры не хаживали.

И вот теперь ромейский посол ни с того ни с сего появился в Детинец, причем явился «без чинов», всего лишь с полудюжиной челядников.

Духарев поманил пальцем отрока:

– Что он привратнику сказал?

Княжий двор – не гридница, доступ не запрещен. Тем более что у патрикия официальное разрешение княгини гулять, где вздумается. Но спросить, что нужно гостю, привратник обязан.

– Сказал – поглядеть, – ответил отрок и нахмурился: привратник – из его десятка, а отроки из одного десятка, считай, родичи. – Зря пустил, воевода?

– Да нет, все путем.

Вообще-то Сергей мог бы Калокира и выставить. Мол, нечего ромею делать в княжьем дворе, тем более в отсутствие князя. Мог бы. Но не станет. Хитрый грек ничего не делает просто так.

Из окошка на втором этаже Духарев смотрел на Калокира. Тот был одет в подаренную княгиней соболью шубу. И шапка на нем тоже была соболья. Вырядился явно не по погоде: морозец от силы градусов пять, а то и меньше. Мерзнет южанин? Или насмотрелся в Вышгороде на Ольгиных ближников, что цепляют на себя шубы даже в жару – для пущего авторитета. Мытари, блин, государыни! Только и умеют, что считать добытое настоящими воинами добро, назначать оброки да приворовывать где только удастся.

Духарев смотрел на Калокира, а Калокир тоже смотрел. На упражняющихся отроков.

Серегин Славка стоял в паре с парнем года на два старше. Ростом он партнеру не уступал. В отличие от старшего брата пошел в отца: крупный, белобрысый, скуластый. Даже челюсть точно так же выпячивал, когда сердился.

Калокир наблюдал. Этот ромей знал, с какого конца братья за меч. Вот он что-то велел одному из своих, и тот подошел к гридню, школившему молодёжь. Слуга поговорил с гриднем (это был Гримми, из нурманов), тот кивнул. Ромей вернулся к своему начальнику, и тот одним движением скинул соболий прикид. Под соболями посланник императора ромеев оказался значительно компактнее: невысок, худощав. Выпуклый лоб с залысинами (на макушке тоже лысина, сверху она была отлично видна), горбатый нос, черная бородка.

Гримми сделал знак одному из отроков, тот шагнул вперед, остальные подались назад, образуя круг.

Патрикий вступил в круг, вытянул из ножен меч. Клинок меча был

темного металла, наверняка дорогой. Патрикий крутанул его «бабочкой», легко, словно танцуя, перешагнул влево-вправо. Одного взгляда Духареву было достаточно, чтобы признать в ромее мастера.

Сергей насторожился. У отрока меч деревянный, завернут в кожу, а острие вдобавок обмотано тряпкой, как и положено при потешных и учебных поединках. Неужели Гримми разрешил ромею биться боевым оружием? Это надо прекратить!

Духарев зря усомнился в дружиннике. Гримми было поручено опекать молодежь, а если уж Асмуд доверил такую работу нурману, а не варягу, значит, нурман свое дело знал.

Гримми крикнул, повелительно махнул рукой. Ромей вроде заартачился, но княжий гридень настаивал, и партикий, пожав плечами, протянул ему меч. При этом Калокир сказал что-то обидное, потому что его спутники издевательски захохотали. Но Гримми остался невозмутим. Меч ромея тщательно обмотали, защитив и лезвия, и острие.

Гримми махнул рукой – и отрок, не потеряв ни мгновения, ринулся на ромея. Патрикий скользнул навстречу, с уклоном, оказался за спиной отрока и довольно сильно шлепнул его мечом по задку.

Все, кроме отрока и Гримми, засмеялись. Отрок развернулся, снова бросился в атаку – с тем же результатом. Третьего раза Гримми ему не дал: схватил за руку.

Калокир опять что-то сказал. Гримми кивнул. На этот раз против патрикия выступили сразу трое. Но Духареву уже было все ясно. Он сдвинул грузило, и береста с описью свернулась в рулон.

Честь русов следовало защитить. Как назло, в Детинце никого, кроме младших. Да еще Гримми. Но Гримми против ромея не потянет. В технике ромея чувствовалась *школа*, причем школа византийская, пожалуй, лучшая из известных Духареву. Разумеется, качественному единоборству обучали не всех ромейских воинов, это ни к чему. Строевой бой совсем иной. Но аристократия византийская была весьма горазда помахать клинками. Тоже понятно: в стране, где редко какой владыка умирает своей смертью, знати всё время приходится собственноручно обороняться от подосланных убийц. Хочешь жить – умей вертеться. В данном случае – с боевым железом.

Асмуд, который, было дело, служил в гвардейцах императора Константина, рассказывал случай. Послали их брать какого-то патрикия, то ли не заплатившего кому надо, то ли, наоборот, заплатившего кому не следовало. Асмуд, еще один наемник, из данов, и десяток константинопольских «полицаев» с офицером во главе. Асмуда с даном

придали группе захвата не в качестве средства усиления, а для императорского «пригляду». Чтобы, значит, преступник «полицаям» денежкой глаза не отвел.

И точно: первым делом поднятый с постели патрикий попытался откупиться. А когда понял, что откупиться не удастся, схватил меч со стены и начал им орудовать. Да так ловко, что и в одной ночной рубашонке вмиг положил трех dospешных стражников, сильно попортил офицера, дану-наемнику просек десницу, Асмуда едва не убил (кольчуга спасла), а сам удрал.

Вот тогда-то будущий княжий пестун византийскими приемчиками заинтересовался всерьез. Он отыскал мастера и за немалое вознаграждение взял дюжины три уроков. Византийское фехтование весьма органично легло на варяжскую школу, и, вернувшись домой, Асмуд стал первым мечом княжких русов. Правда, до воеводы и княжьего пестуна он поднялся не столько из-за своего фехтовального мастерства, сколько потому, что был природным варягом и ближником Игоря.

Так или иначе, а кое-что из византийских премудростей Асмуд преподавал не только юному князю, но и Духареву.

Духарев опоясался, спустился вниз и вышел из терема. Постоял, посмотрел, как Калокир гоняет по двору отроков. Ну-ну...

Духарев вложил персты в рот и оглушительно свистнул, приведя в панику ворон и взбудоражив византийских лошадок. Люди же замерли, включая и ловкого в рубке ромейского патрикия.

– Это кто ж тут моих детских забирает? – поинтересовался он с усмешкой, когда вороны перестали орать, а лошадки успокоились. – Ужель гостюшка наш почетный, посланник самого императора Никифора, сын протевона херсонского, сам благородный патрикий Калокир?

Отроки расступились, пропуская Духарева. Ромей поклонился:

– Польщен, что славный воевода Серегей, бесстрашный посрамитель хузар и печенегов, знает обо мне!

По-русски патрикий говорил свободно, но с южным тмутаараканским акцентом. Не мудрено. Вырос Калокир в крымском городе Херсоне.

– Не держи на меня обиды, что побил твоих воев, – он кивнул на пристыженных отроков. – Их командир позволил...

– Ты изрядно польстил мальчикам, благородный Калокир, назвав их воями, – с той же добродушной улыбкой промолвил Духарев. – Пока что они – всего лишь детские. Воями, гриднями им еще предстоит стать. Ты поучил их, патрикий, за то тебе спасибо. А не соблаговолишь ли поразмяться со мной, а то засиделся я...

– Почту за честь! – быстро ответил патрикий. Глаза его блеснули. Какое искушение: проверить на прочность славного воеводу! – Выбор оружия – за тобой! – благородно разрешил патрикий.

– Учебные мечи, пожалуй, – сказал Духарев.

Не дай Бог попортить организм византийского посла!

– Брони принести? – спросил Гримми.

– Я не буду, – отказался патрикий.

Сергей тоже качнул головой. Ему подали пару деревянных мечей. Духарев прошелся легким шажком, разминая кисти и радуясь, что обут не в верховые сапожки с каблуками, а в удобные пешие.

Небольшой сюрприз для Калокира: тот небось не ожидал, что противник – обоерукий.

– Но ты можешь вооружиться по своему выбору, как принято у тебя на родине, – разрешил Духарев.

– Благодарю, воевода, – патрикий принял от Гримми учебный меч, взял у одного из своих небольшой, легкий, почти церемониальный щит. Вряд ли он выбрал бы такую фиговину, если бы они бились настоящими мечами, но ромей полагал, что удар деревяшки такая изукрашенная миска выдержит.

«Ну я тебя сейчас разочарую!» – подумал Духарев.

Он покосился на молодежь. Молодежь вела себя чинно, но глазенки так и горели. Духарев отыскал взглядом сына, подмигнул.

– Начнем? – спросил ромей.

– Пожалуй, – кивнул Духарев и, разогреваясь, завертел веерами оба меча.

Калокир разминаться не стал, Калокир прыгнул. То есть это потом Сергей понял, что Калокир прыгнул. В тот момент Духареву показалось, что ромей, стоявший шагах в семи-восьми, внезапно возник слева, перехватил щитком раскручивающийся Серёгин меч и всадил свой клинок Духареву между ребер. Окажись клинок настоящим, Духарев был бы мертв: удар был нацелен точно в сердце. Но меч был деревянный, а на Духареве – гладкая кожаная куртка, надетая поверх вязаной шерстяной рубахи. Так что он даже успел провернуться, отреагировав на контакт чутьем рукопашника, пустить удар вскользь и на развороте треснуть ромея правым мечом по затылку.

Калокир рухнул на колени и ткнулся бы лицом в мостовую, если бы Духарев не успел ухватить его за шиворот.

Черные курчавые волосы на затылке ромея окрасились алым.

«Не дай Бог я ему череп проломил!» – испугался Духарев.

– Воды! Быстро! Славка! За матерью бегом!

Придерживая беспамятного ромея, он очень осторожно ощупал его затылок. Черт! Кровь хлещет... Не понять...

Прибежал отрок с водой.

– Сюда лей! – скомандовал Духарев.

Блин, холодная! А может, и лучше, что холодная... Все равно ни хрена не разобрать. Волосы у ромея на затылке густющие, как баранья шерсть... Тут Духарев заметил, что руки у него дрожат, а сердце колотится вдвое быстрее, чем во время поединка. Он еще не понял, но уже предчувствовал, чем может обернуться убийство ромейского посла прямо в княжьем Детинце.

«Спокойно! – скомандовал он сам себе. – Может, все обойдется. И не хрен из себя лекаря изображать, подождем специалиста».

– А ну разойдись! – рявкнул он на столпившихся вокруг, перемешавшихся с ромеями отроков, поднял ромея на руки, лицом вниз. – Голову ему придержите! Аккуратно, бестолочь!

И понес патрикия в терем.

Опытный Гримми уже всё приготовил: сдвинул лавки около печи, постелил сверху медвежьей шкуру. Духарев очень аккуратно опустил ромея животом на лавку так, чтобы голова оставалась за краем. Голову лучше придерживать руками. Гримми подал пузырь со льдом. Лед готовили заранее, на случай нередких в процессе обучения травм. Пузырь приложили к затылку ромея. Гримми принес еще одну шкуру, и Сергей накрыл ею Калокира. Всё. Теперь – ждать...

Ждать пришлось недолго. Загремели во дворе подкованные копыта, и в горницу вбежала Слада. Следом за ней, с лекарской сумкой в руках, важный, как жрец Перуна в канун солнцеворота, – Славка.

– Чем? – спросила Слада, опускаясь на колени около ромея.

Все, что она успела узнать от сына, – батька зашиб ромейского посла, может, и до смерти...

– Учебным мечом.

Повинуясь ее жесту, Духарев снял с затылка пузырь. Вроде унимается кровь? Или кажется?

– Как тебя угораздило?

Тонкие умелые пальчики Слады погрузились в слипшуюся от крови шевелюру.

– Поединок у нас был... – пробормотал Духарев. – Потешный... Ну что там?

– Потешный... Потешились славно! Хоть бы шлемы надели,

потешники! Славка, ножницы!

Получив требуемое, она быстро и ловко принялась выстригать кровавый колтун.

– Ну что? – снова спросил Духарев. – Кость цела, нет?

– Цела, – не прекращая работы, ответила Слада. – Кожу ты ему просек. Духарев вздохнул с облегчением.

– Раньше срока не радуйся! – «обнадежила» его жена. – От твоего удара можно и с целым черепом помереть! Славка, нить!

Сын подал ей серебряный кувшинчик, в котором, загодя замоченная в специальном настое, хранилась игла с уже вдетой в нее ниткой из овечьего сухожилия.

– Сережа, держи ему голову, а вы – плечи, чтоб не дернулся...

Она уже почти зашила рану, когда в горнице появился весьма озабоченный лекарь с ромейского подворья. Увидев Сладу, вмешиваться не стал, присел на лавку. В Киеве, кроме Слады, было еще десятка два лекарей разной степени подготовленности. Из хирургов выше Серegiной жены почитались только двое волохов, но у этих методы лечения были скорее магические, чем медицинские. Если понадобится их помощь, Слада скажет.

Слада аккуратно подрезала нитки, смочила тряпицу темно-коричневой, остро пахнущей жидкостью, приложила её к затылку ромея. Раненый наконец подал признаки жизни: глухо застонал, шевельнулся.

– Терпи, терпи... – ласково проговорила Слада по-ромейски и добавила по-русски: – Приподнимите его! – и снова по-ромейски обратилась к Калокиру: – Видишь меня, патрикий?

– В-вижу... Спаси Бог... – глаза ромея слегка косили, но Духарева он разглядел: – Эк ты меня... воевода... Крепко приложил...

– Прости, – покаянно произнес Духарев. – Не удержал руки...

– Помолчите оба! – строго приказала Слада. Она ощупывала шею Калокира. – Не больно так?

– Х-хорошо, крас-савиц-ца...

Ромейский лекарь встал и подошел поближе.

– Хребет цел, – сказала ему Слада. – Забирайте своего патрикия.

– Может, лучше его пока здесь оставить? – озаботился Духарев. – Пускай отлежится, а то не ровен час...

– Ничего ему не будет! – отрезала Слада. – Посадите его!

– Отп-пустите м-меня, я с-сам! – потребовал Калокир.

Раньше он не заикался.

Патрикия отпустили, он действительно сел сам.

– К-коня к к-крыльцу м-мне...

Но тут его вырвало.

– Не коня, а носилки, – сказала Слада. – И еще седмицу я тебе, патрикий, садиться в седло не рекомендую.

– П-пустое... – обтирая рот, пробормотал Калокир. – С-со м-мной так уже б-бывало!

– Тем более! – Слада многозначительно поглядела на ромейского лекаря.

Тот быстро закивал: мол, правильно русинка говорит!

– П-приходи ко мне, п-прекрасная целительница... – пригласил Калокир, похоже, не слишком смущенный своим прискорбным положением. – Я т-тебя одарю!

– Непременно, – ответила Слада.

– Вместе придем, – уточнил Духарев, который полагал, что удар по затылку – недостаточный повод, чтобы позволить ромею приударить за Сладой.

Калокир обратил на него взгляд немного косящих глаз, видимо, что-то сообразил...

– Д-да, воевода. Вместе. Буду рад!

Он встал, зацепившись за плечо одного из своих слуг, и довольно бодро заковылял к выходу.

Однако во дворе его все же уложили на носилки.

Глава тринадцатая

Золото патрикия Калокира

Три дня спустя Сергей со Сладой навестили зашибленного посла. Впрочем, к этому времени Калокир уже вполне оправился и сейчас занимался бизнесом: выторговывал у новгородского купца оптовую скидку на куньи и собольи меха. Рядился патрикий империи профессионально, не хуже купца. Новгородец уже раза три намеревался покинуть подворье, но каждый раз Калокир набрасывал грошик, и торг возобновлялся.

При появлении воеводы патрикий с видимым огорчением торг прекратил, назвал приемлемую сумму и отсчитал, сколько положено. Новгородец, проходя мимо Духарева, скинул шапку и низко поклонился. Сергей небрежно кивнул. Купца он не помнил.

На ромейском подворье Сергея и Сладу знали: среди киевской элиты, даже после крещения Ольги, было не так уж много христиан. Старший тут

же сунулся приветствовать воеводу и его супругу, но Калокир с ходу показал, кто тут главный: иди, мол, распорядись насчет стола, а с гостями я сам поздороваюсь.

Поздоровались. На сей раз без всякой игривости по отношению к Сладиславе.

Чинно зашли в дом, где расторопные ромейские рабы уже накрыли перекусить-выпить. Воеводе с супругой отвели почетное место – под иконостасом.

Духарев охотно отказался бы от угощения (не дай Бог опять отравят), но увидел, что вино ему и патрикию наливают из одной емкости, а рыбку печеную (пятница, пост) кладут из одного блюда, – и решил рискнуть. Вино у ромеев было хорошее, а повар – так себе.

Говорил в основном Калокир. Рассказывал византийские сплетни. Воспевал империю, победоносные военные кампании императора Никифора, самого Никифора: дескать, такой могучий и храбрый муж, что самолично выходит на единоборство перед битвой, а однажды с такой силой ширнул копьем вражеского богатыря, что нанизал его на копье вместе с панцирем, словно повар – куренка на вертел. Еще говорил Калокир о громадных трофеях, несметных, непрерывно множась богатствах Византии. Мягко говоря, привирал. А вернее, врал, как сивый мерин. Из своих источников Духарев знал, что финансовые дела в Византии не ахти.

Император Никифор Фока, бесспорно, неплохой вояка. В прежние времена Никифор, тогда еще «простой» стратиг-автократор, на пару со своим братом Львом неплохо поратоборствовал в Малой Азии. Настолько неплохо, что, с точки зрения Константинополя, приобрёл слишком большой авторитет. Посему правящий в ту пору кесарь Роман пожелал избавиться от слишком удачливого полководца. Но в замысле своем не преуспел. Малоазийские военачальники Иоанн Цимисхий и Роман Куркуас, которым через евнуха было поручено убрать стратига-автократора Никифора в обмен на посты доместиков Востока и Запада, убивать своего старшего соратника не стали, а напротив, сообщили ему, что он «заказан». И тут (как нельзя кстати) правящий кесарь сам возьми да и помри. Причем весьма подозрительной смертью. А Никифор Фока, воин и герой, объявил себя императором, двинулся на Константинополь и без проблем взойшел на трон в Золотой палате. Для соблюдения же династической преемственности взял в жены красавицу Феофано, жену покойного императора. Феофано, женщина потрясающей красоты и изощренного коварства, пробившаяся наверх именно благодаря этим качествам, была примерно таких же царских

кровей, как духаревская кобыла. Ходили слухи, что именно она отравила своего предыдущего мужа. Еще говорили, что на этот брак Никифора подвигло не столько «императорское достоинство» Феофано, сколько ее изумительные внешние данные.

Став кесарем, Никифор тут же доказал, что хороший полководец может быть отвратительным правителем. Он повысил жалование солдатам (не позаботившись об источниках финансирования), а когда закончились деньги, добытые удачными походами, испортил налоговую машину финансовыми экспериментами. Затем, чтобы собрать необходимую сумму, затеял военную кампанию (тут он был специалистом) и успешно повоевал на Крите. Тем не менее, как уже отмечено выше, финансовые дела империи оставляли желать лучшего.

Впрочем, дифирамбы Второму Риму Духарев выслушал молча. Все это были пустые слова. Сергей ждал, что патрикий выскажется по делу: не для того же Калокир притащился давеча в Детинец, чтобы по башке схлопотать.

Но Калокир так ничего конкретного и не сообщил. Разве что попытался вывести у Сергея, зачем тот посещал Булгарию.

Духарев ответил уклончиво. Он не знал, какую информацию слил ромеям Сурсувул. Калокир скрытность воеводы воспринял как должное. Подарил Сладе икону в золотом окладе, а Духарева осчастливил парсуной Никифора в подобающем обрамлении. Судя по этому портрету, кесарю Никифору было лет шестнадцать, а ручки его были такие, что ими просто поднять боевое копьё и то проблематично, не то что панцирь насквозь пробить.

Еще Калокир пригласил воеводу заходить в гости: и здесь, и в Херсоне, и в Константинополе, если славный воевода наведается туда. Намекнул, что у императора Никифора он, Калокир, в большом почете, а дом в столице у него такой, что княжий терем на Горе в сравнении с ним – просто сарай. Унизил русов, собака ромейская, но так ловко унизил, что за язык не притянешь. Политик, блин! Нет, мало ему Духарев врезал!

Вспомнив об этом, Духарев порадовался. Все-таки повезло ему изрядно. Не ожидал ромей, что «воткнувшийся» между ребер «клинок» может так легко соскользнуть. А от удара по затылку у патрикия и вовсе все перемешалось. Пусть гадает теперь, как воевода его «сделал».

Возвратясь домой, Духарев не обнаружил при воротах Сычка. На въезде во двор отирался младший конюх. Маленький поганец, вместо того чтобы как положено нести караульную службу, развлекался, дразня

медведя: показывал ему тыкву с медом, а потом прятал тыкву под подол рубахи. Медведь урчал, танцевал, истекал слюнями, словом, всячески выражал готовность опохмелиться. «Шоу», с гоготом и комментариями, наблюдали трое балбесов-отроков из духаревской дружины. Эти, правда, заметили въезжавшего во двор воеводу и мгновенно ретировались. А сопляк-конюх так увлекся, что появление хозяина профуфунькал.

Хлоп! Серегина плетъ смачно перетянула юмориста по заднице.

Сопляк взвизгнул и выронил тыкву, покотившуюся, расплескивая мед, по булыжникам к уже не чаявшему такого счастья мишке.

– Сычок где? – рявкнул Духарев.

– Он, это, меня попросил... – испуганный конюх принял повод Сладиной кобылки.

– Сычок! – гаркнул Духарев.

Привратник тут же появился из-за баньки и порысил к хозяину.

– Ты где болтаешься?!

– Да вот родич зашел, беседовали вот... – всем своим видом Сычок выражал покаяние.

Получалось плохо.

Обрадованный тем, что про него забыли, конюх, потирая задницу, увел хозяйкину лошадь в стойло. Духаревский Пепел двинулся к конюшне самостоятельно.

– Да разве ж кто чужой к тебе, воевода, войти посмеет? – оправдывался Сычок, закладывая ворота.

Из-за баньки появился еще один персонаж – купчина, встреченный Духаревым на ромейском подворье. С удивлением воззрился на матерого мишку, поднявшегося на задние лапы и присосавшегося к тыкке с медом. Морда у купца была красная. То ли от легкого морозца, то ли от «беседы».

– Что ж ты с ромеями торгуешь? – строго спросил Духарев. – Своих, что ли, нет? Или нравится мыто платить?

По заведенным Ольгой правилам на все товары, продаваемые в Киеве чужеземцам, был введен специальный налог, вроде выездной пошрины. Мера неглупая, позволявшая киевским торговым гостям хоть как-то конкурировать с чужеземцами на зарубежных рынках, где подданных Святослава норовили задавить пошлинами. Киев был заинтересован в том, чтобы его купцы торговали за рубежом, и правила торговли оставались едва ли не главной темой международных договоров.

– Да вот, говорили, что ромей много золота привез... – пробормотал смущенный купец. – Думал, выгодней будет... Токо он жадный, ромей-то...

– Или про золото наврала, – предположил Духарев.

– Не-е-е! – замотал головой купец. – На Подоле сказывали, много золота ромей привез. Народ врать-то не станет...

Тезис был спорный, но вступать в дискуссию с пьяненьким купчиком воеводе было не по рангу. Тем более что ромей и впрямь мог привезти золотишко. Если это так, значит, у него к Святославу есть «конкретное предложение». Предложение военного характера, поскольку гражданские дела он давно решил бы с княгиней.

Хорошо ли это? Трудно сказать. Возможно, в Царьграде проведали, что Святослав намеревается поддержать империю за вымя, и решили упредить набег, бросив хищнику кусок мяса. Может, и так. Сравнивая Византийскую империю и Киевское княжество, Духарев не обольщался. Второй Рим был могучим государством, многократно превосходящим и Хузарский хаканат, и печенежские орды, и варяжскую Русь вместе взятые. Все эти народы, кружившие у границ великой империи, были подобны волкам, сопровождающим тысячное стадо туров. Иногда хищникам удавалось ухватить теленка или захромавшую корову, и тогда между ними начиналась свирепая грызня за лучший кусок. Но для стада это были восполнимые потери. Если же какой-нибудь слишком обнаглевший волчара позволял себе хапнуть лишнего, то в следующий момент он обнаруживал в опасной близости длинные туры рога и поспешно ретировался. Византия была таким стадом. Ее фемы-провинции постоянно подвергались набегам варваров. И набег угров на Фракию для Константинополя был примерно тем же, чем какое-нибудь разграбленное сельцо – для Киева.

И все-таки империя была уязвима, как было бы уязвимо стадо рыжих степных туров, если бы его вожаки, забыв обо всем, непрерывно дрались за власть. Будучи в сотни раз сильнее Киева, Царьград не мог сокрушить его. В этом не было смысла. Это для Киева война с империей была доходной операцией. Для империи же разгром мелкого княжества сулил большие расходы и никаких барышей. Торговать было выгодней. И Царьград торговал. Продавал и покупал все, включая безопасность своих окраин. Так что Калокир вполне мог привезти золото. И если золота будет достаточно, то Святослав может изменить свои планы.

В общем, вариантов много, и какой из них истинный, Духарев мог только догадываться.

С Калокиром он больше не общался. Ни к чему. Приедет Святослав – и Сергей все узнает.

Но вышло так, что кое-что Духарев узнал до возвращения князя.

Пришли вести от Мыша. Полученные с некоторым опозданием, они не

стали менее интересными. Мыш сообщал, что тот самый сорокалетний мир между Булгарией и ромеями, которым хвастался кесарь Петр, нарушен. И нарушили его ромеи...

Глава четырнадцатая

Политические игры патрикия Калокира

– Открою великому князю: император Никифор очень недоволен мисянским кесарем Петром, – сказал Калокир.

– Думаю, кесарь Петр тоже недоволен императором, – заметил Святослав. – Ведь после смерти его жены ромеи перестали платить ему дань.

– Это была не дань! – быстро уточнил патрикий. – Это было содержание, ежегодно выплачиваемое багрянородной кесаревне Марии, внучке императора Романа.

– Пусть так, – согласился Святослав. – Но Петр Короткий мало похож на своего отца Симеона. Чем же он так досадил твоему кесарю? Неужели болгары... мисяне, как вы их называете, вновь нападают на ваши земли?

И Святослав, и его воевода знали: кесарь Никифор Фока сам нацелился напасть на Булгарию. Сначала нахамил болгарским послам^[72], прибывшим за данью, потом двинул армию к горам, захватил несколько мелких пограничных крепостей и наглухо застрял перед Гимейскими горами^[73], не решившись сунуться в ущелья, где бесполезна знаменитая ромейская кавалерия – катафракты, но зато очень удобно скатывать на головы пришельцам увесистые каменюки.

Разумеется, знал об этом фиаско и патрикий Калокир.

– Мисяне не ходят на наши земли, – сказал он. – Но они пропускают через свои земли угров, чтобы те грабили наши фемы, а потом делились с ними добычей. Кесарь Никифор потребовал от Петра, чтобы тот не позволял уграм ходить через перевалы, но кесарь болгар требованием пренебрег и должен быть наказан. Я привез тебе золото, пятнадцать кентинариев, в надежде, что ты, храбрый и непобедимый великий князь киевский, пойдешь и накажешь непослушных мисян!

«Этого и следовало ожидать, – подумал Духарев. – Ромеи пронюхали о наших переговорах с этим хлюпиком Петром и решили опередить события».

Но пятнадцать кентинариев – это слишком мало.

– Сколько? – прищурился князь. – Сколько, ты сказал?

– Пятнадцать кентинариев, – спокойно ответил Калокир.

– Ты шутишь? – строго спросил Святослав. – За пятнадцать кентинариев^[74] ты хочешь нанять войско, способное завоевать Булгарию? Воевода, какое годовое жалование положено ромеями одному нашему наемнику?

– По уложению Константина Багрянородного – тридцать номисм, – мгновенно ответил Духарев. Он неплохо подготовился к разговору. – Пятнадцать кентинариев составят годовую плату трех тысяч шестисот наемников.

– Ты полагаешь, этого хватит? – тяжелый взгляд Святослава уперся в патрикия.

Три с половиной тысячи русов могут создать булгарам серьезные проблемы, но им не под силу завоевать Булгарию. Святослав схватится с Петром (разумеется, после этого о союзе русов и болгар можно забыть), оба увязнут в драке... А затем придут ромеи, прогонят русов и установят в Булгарии удобный Византии порядок. Типичная имперская политика. Они что, русов совсем за дураков держат?

– Мисяне нынче не очень сильны, – сказал посланец кесаря. – Но для того, чтобы твоя, великий князь, победа была легкой, я бы посоветовал тебе ополчить не три с половиной тысячи, а вдесятеро больше.

– На пятнадцать кентинариев?

– Великий князь, по уложению, составленному твоим отцом и нашим императором, великий князь киевский *обязан* помогать Константинополю военной силой, – напомнил патрикий. – Рим свою часть договора выполняет.

– К марам этот договор! – отрезал Святослав. – Я – не мой отец! Я не подписываю жалких договоров, чтобы избежать битвы! Я бьюсь и побеждаю!

– Императору Никифору известно, сколь велика слава киевского князя! – льстиво произнес патрикий. – Император Никифор прислал эти деньги не как плату наемникам, а как дружеский подарок!

– Отлично! – кивнул Святослав. – Подарок я принимаю. А где плата?

Калокир помедлил, внимательно осмотрел комнату, особо – закрытые двери.

– Позволь мне говорить начистоту, великий князь, – произнес он, понизив голос.

– Говори!

– Воевода Серегей, не сочти за труд: взгляни, не подслушивает ли кто под дверьми? – попросил Калокир.

– По ту сторону дверей – отроки князя, – сказал Духарев. – Не беспокойся, патрикий!

– То, что я скажу, может стоить мне жизни, если об этом узнают, – пробормотал Калокир.

– Говори, ромей! – велел Святослав. – В моем тереме чужих ушей нет!

– Хорошо, – патрикий еще более понизил голос. – Скажи мне, великий князь, победитель множества племен, доволен ли ты добытым? Не хочешь ли присоединить к своим владениям еще и земли мисян?

– Это предлагает мне кесарь Никифор? – прищурился Святослав.

– Нет, это предлагаю тебе я, – ответил патрикий. – Ты знаешь, как взошел на престол кесарь Никифор Фока?

– Слыхал кое-что... – ответил князь.

В Киеве пристально следили за тем, что происходит у главного торгового партнера и вероятного противника номер один.

– Слыхал кое-что... Кажется, вашего императора Романа отравили? Так же, как и его отца Константина? А нынешний кесарь был у них стратигом-воеводой, верно?

– У любого патрикия империи больше прав на престол, чем у него, – сказал Калокир.

– Когда ты приезжал в мой лагерь, ты, кажется, еще не был патрикием? – заметил князь.

Калокир смутился, но князь махнул рукой: продолжай.

– В Константинополе многие недовольны Никифором, – сказал Калокир. – Такие, как Никифор, губят империю. Знаешь, по каким ценам его брат продает украденный из государственных житниц хлеб?

– Меня это не интересует, – отрезал Святослав. – Чего хочешь ты?

– Заключить с тобой сделку, – напрямик объявил Калокир. – Я помогу тебе овладеть Мисией, а ты поможешь мне получить трон империи. Пятнадцать кентинариев, которые я привез, песчинка в той горе золота, которую ты получишь, когда я надену порфиру. Но эти пятнадцать кентинариев – знак того, что ты нападаешь на мисян по желанию Константинополя, а не по собственному произволу.

– Хорошо, я возьму это золото, – кивнул Святослав. – Но, кроме золота, ты приведешь мне весной дружину ромейских всадников. Пусть не только Царьград, но и кесарь Петр знает, что я – союзник ромеев.

Калокир подумал немного, потом спросил:

– Если я приведу этих воинов, ты поможешь мне надеть порфиру?

– Приведи воинов, – сказал князь. – И мы поговорим об этом в Преславе. А теперь ступай.

Трудно сказать, насколько такой ответ удовлетворил Калокира. Патрикий был опытным царедворцем: ничего не отразилось на его лице. Поклонившись, он покинул горницу.

– Он лжет, – сказал Духарев, когда ромей вышел. – Он – человек Никифора. Никифор возвысил его. Калокир привез пятнадцать кентинариев, посулил тысячу и полагает, что купил тебя с потрохами. Я почти уверен: точно такой же ромейский пройдоха сейчас обрабатывает кесаря Петра, обещая ему поддержку империи против нас.

– Не ты ли говорил мне, что ромейский кесарь Никифор недавно ходил на болгар? – осведомился князь. – А сейчас говоришь о союзе Царьграда и Преславы...

– Ходил – это громко сказано! – фыркнул Духарев. – Велел отхлестать по щекам болгарских послов, явившихся за данью, а потом прошел вдоль границы да пожег несколько болгарских крепостей – вот и весь поход. Наказал за то, что пропустили во Фракию угров, показал силу, не более. В горы даже не сунулся. И не собирался, потому что в это время Калокир уже плыл к нам со своими пятнадцатью кентинариями. А байки патрикия о том, что он метит на трон кесарей, – пустая болтовня. Когда Никифор посягнул на трон, он был доместиком схол, главным воеводой на востоке империи. Прославленный полководец, за которым стояло победоносное войско. А кто такой Калокир? Сын херсонского старосты, полагающий, будто власть добывают хитрой болтовней!

– Он – ромей, – произнес князь. – Конечно, он лжив, как все ромеи. Если он посягает на место Никифора – это хорошо. Любая свара между ромеями нам на руку. Если же он лгал мне, то на сей раз ромейский кесарь перехитрил сам себя. Я возьму ромейское золото, ромейских воев, а поступлю так, как намеревался. Мне нужны болгары, чтобы воевать с ромеями. И я получу своих болгар. А раз Петр слишком труслив, чтобы стать моим союзником, значит, я сам стану болгарским кесарем!

«Я правильно сделал, что не стал рассказывать ему о происхождении Артема», – подумал Духарев.

А Святослав между тем продолжал:

– ... А если моим союзником хочет стать ромей Калокир, пусть докажет, что он того достоин. Если докажет, я сделаю его своим наместником в Царьграде, как сделал наместником в Хузарии твоего друга Машега.

Духареву очень хотелось напомнить князю поговорку насчет шкуры неубитого мишки, но он воздержался. Святослав не шутил. Он действительно всерьез допускал, что может овладеть Византией. Духарев

не мог не восхититься такой потрясающей самоуверенностью.

Глава пятнадцатая

Игры патрикия Калокира (продолжение)

Через три дня Духарев и Калокир встретились у ворот Детинца. Спешились, поклонились друг другу. Обменялись вежливо-настороженными приветствиями. Патрикий, хоть и принадлежал к совсем другой культуре, чем варяги и прочие славяне, легко находил с ними общий язык. Сказывалась жизнь в Херсоне – по соседству с Тмутараканью. Калокир умел подстраиваться под обычаи русов, да так ловко, что, оставаясь ромеем, казался почти своим. Но с Духаревым эта игра не проходила, поскольку тот изначально был чужаком и до сих пор смотрел на лихое древнерусское общество чуток со стороны. Сергей видел игру Калокира, но чувствовал, что ромей не разделяет презрительного отношения своих соплеменников к «тавроскифам». Да, он считает славян варварами. Но видно, что его привлекает дикая красота «варварства». Не исключено, что патрикий предпочитает «примитивную» хитрость варягов утонченному интриганству «цивилизованных» византийских царедворцев. Духарев мог такое понять. Сам такой. Но не следовало забывать, что, симпатизируя «варварам», Калокир тем не менее оставался ромеем. Многие именитые киевляне успели побывать в Византии: Свенельд, Ольга... Ходили войной, возили товары, приезжали с дипломатическими миссиями или (как Асмуд) служили наемниками.

Духарев ни разу не был в Восточно-Римской империи, но тем не менее понимал ее лучше, чем кто бы то ни было из окружения Святослава. Он чувствовал сходство между собой и Калокиром. И Калокир, безусловно, тоже угадывал в варяге Сереге это сходство. И наверняка ломал голову, в чем тут прикол. Разумеется, патрикий слышал всякие фантастические истории о воеводе, вплоть до легенд о его родстве с Олегом Вещим. Правды ромей, конечно, не подозревал. Об истинном происхождении Духарева знали только Рёрах и парс, больше никто. Озадаченный патрикий, с одной стороны, пытался осторожно сблизиться с воеводой, с другой – опасался слишком сблизиться со столь загадочным человеком, как Духарев.

Вот и сейчас они вошли во двор Детинца вроде бы вместе, но строго соблюдая дистанцию.

А на подворье было весело.

Великий князь Святослав решил поразмяться. Без брони, в простой

льняной рубахе, подпоясанной шнурком, с двумя учебными мечами он лихо «водил» пятерых гридней. Гридни (тоже не из последних рубак) со смешанным вооружением (копье, меч, щит – все учебное, разумеется), в легких кожаных доспехах умело и слаженно атаковали, но князь все равно был проворнее. Сухой стук, сопровождающий удар по дубленой коже, раздавался каждые две-три секунды. А вот гридням достать князя пока что не удавалось.

Святослав увидел Духарева, обрадовался:

– Здрав будь, воевода! Присоединяйся!

И тут же пырнул мечом в бок зазевавшегося гридня. Кольнул – и сразу «добавил» по шее. Легонько, почти нежно.

Духарев отрицательно покачал головой.

– А можно мне? – спросил Калокир.

Он наблюдал за Святославом не больше минуты, но (Духарев был в этом уверен) успел «измерить» и «взвесить» технику великого князя. И сделать соответствующие выводы.

– Можно! – охотно разрешил Святослав.

– Один на один!

– Зброю вниз! – скомандовал князь, останавливая поединок. – Ты что ж, единоборствовать со мной хочешь? – осведомился он у Калокира.

– Коли соблаговолишь снизойти до своего ничтожного слуги – буду счастлив! – патрикий поклонился так низко, что даже коснулся рукой земли.

– Снизойду! – «соблаговолил» Святослав, которого предложение ромея привело в прекрасное расположение духа.

Несомненно, он тоже слышал о фехтовальном мастерстве патрикия и был не прочь проверить эффективность ромейской школы.

Патрикий сбросил плащ на руки слуги, снял с пояса ножны, сам пояс слегка ослабил.

– Можно? – патрикий взял у одного из гридней шест-«копье», у другого – прямой буковый меч с обмотанной ремнем рукоятью.

Святослав ждал, опустив мечи, расслабленно-внимательный. Лоб князя был перехвачен платком, повлажневшим от пота, но Святослав не выглядел утомленным.

Калокир сделал шаг вперед. Еще один... Святослав не шевельнулся. Духарев ждал от ромея стремительного броска, но Калокир не торопился. Он подкрадывался по-кошачьи. Сократил дистанцию еще на ступню, еще на полступни...

Может, ромей переступил невидимую черту, может, князю просто

надоело ждать...

Выпад Святослава был молниеносен и безупречен. Правый меч ударил снизу, на уровне колен, левый упал сверху, наискось...

Калокир отбил оба удара. Шестом. Его меч ударил вразрез... Не достал. Святослав отвел его обратным движением левого меча, и тут же выбросил деревянный клинок вперед, превратив защиту в атаку... Отраженную коротким вращением шеста.

Стук встречающихся клинков напоминал топот коня, рысющего по деревянной мостовой, только был раза в два чаще. И продолжал ускоряться. Невозможно было уследить за вязью молниеносных ударов. Духарев по собственному опыту знал, что зрение всегда запаздывает. Будущая атака предугадывается по повороту головы, движению бедра, а еще чаще – интуитивно, на инстинкте, животным чутьем тела. Но стилевые различия варяжской и византийской школ были заметны очень хорошо. Ромей двигался экономней, лаконичней, предпочитая силе гибкость. Он фехтовал.

Святослав рубился. Его удары были мощнее, размашистее, длиннее. Он двигался и шире, и активнее: то отступая, то прыжком сокращая дистанцию, сменяя противника...

Калокир уклонялся, уступал... но не отступал. Возможно, он ждал, что взятый темп атаки утомит киевского князя, строил на этом свой план поединка. В какой-то момент Духарев увидел: ромей проигрывает. Он устал. Шерстяная туника на его спине потемнела от влаги, пот заливал ему глаза... А Святослав был неустойчивым. Ромей явно уступал в выносливости киевскому князю, способному выдержать несколько часов настоящей сечи.

И Калокир тоже это осознал. Понимая, что отдает поединок, он решил выложиться в одной неистовой атаке... Святослав выдержал этот последний натиск... И легонько коснулся клинком шеи патрикия. Ну да, когда опыт и мастерство поединщиков примерно одинаковы, неизменно побеждает выносливость. Это факт столь же очевиден, как и то, что опыт и мастерство существенно экономят силы.

«Меня бы он сделал, – подумал о ромее Духарев. – В таком вот потешном поединке – наверняка. А в бою – не факт».

В тесноте битвы, в настоящих доспехах, которые можно вскрыть лишь по-настоящему мощным ударом, Калокиру с его техникой пришлось бы целиться исключительно в уязвимые места... А варяжский удар сплеча если и не просечет панцирь, все равно мало не покажется.

Хотя случись им с Калокиром схватиться в настоящей сече, скорее всего, биться они будут верхом. А сойдись они в чистом поле... Духарев достал бы ромея стрелой шагов за сто. Ну за пятьдесят, чтоб наверняка.

– Любо, патрикий! – воскликнул Святослав, отбрасывая меч и обнимая тяжело дышащего, разочарованного Калокира. – Славный ты поединщик! Ох, славный!

– Так уж и славный, – пробормотал патрикий. – Второй раз меня на твоём дворе побили. Сначала воевода твой, теперь ты. – И добавил с почти мальчишеской запальчивостью: – А ведь у нас, в Херсоне, равных мне нет!

– Ну так и у нас, в Киеве, равных тебе немного, – утешил ромея Святослав. – Давненько я так славно не единоборствовал! Пестуны мои, Серегей да Асмуд, биться со мной более не хотят. Должно, боятся, что я их побью!

Великий князь подмигнул Духареву.

– Боятся, как же... – проворчал Калокир. – Воевода Серегей меня с первого удара приложил. Тебе, должно быть, рассказывали.

Духарев скромно промолчал. Знал: своей победой он обязан полусекундной растерянности ромея от того, что отменно поставленный удар не достиг цели.

Коли по правде, случись такое в настоящем бою – тут бы недооценившему ромея Духареву и конец. Под мышкой панциря нет, только кольчуга. Тупое деревянное острие скользнуло по коже. Боевое жало не соскользнуло бы: прошило бы кольчужные кольца и вошло между ребер – прямо в сердце.

Но развеивать миф о собственном великом мастерстве и успокаивать ромея Духарев не стал.

Патрикий, впрочем, утешился сам. Увидел, что потешным поединком завоевал расположение князя, – и сразу повеселел.

С тех пор они со Святославом бились не единожды. В фехтовании неизменно побеждал великий князь. Но политически несомненно выигрывал Калокир. Хитрец-ромей влез-таки в доверие к Святославу, причем настолько, что перед отбытием патрикия в Таврику посол византийского кесаря и великий князь киевский побратались.

Неизвестно, что думал христианин патрикий, свершая сие языческое действо. Может, считал, что обретает таким образом власть над великим князем. Коли так, то его ждет сюрприз. Не шибко разбиравшийся в «варварских» ритуалах патрикий так и не узнал, что старшим из побратимов стал не он, а Святослав. Согласно же Правде, если старшему надлежит заботиться о младшем, то младшему положено подчиняться старшему. Впрочем, расстались они очень тепло. Калокир мог быть доволен. Поручение кесаря исполнено: киевский князь взял деньги и готов

напасть на Булгарию. Более того, патрикий завязал личные отношения с великим князем, что наверняка многократно повышало его политический вес в дипломатических кругах Константинополя. Правда, вряд ли настолько, чтобы сделать Калокира реальным претендентом на верховную власть, но вполне достаточно, чтобы теперь он был уже не пешкой, а *фигурой*. Хитрый патрикий Калокир... Он ведь и впрямь может привести Святославу ромейских воинов. В херсонском номе тоже есть катафракты. Немного, сотни три-четыре, но тут Святослав прав: важен сам факт присутствия ромейских воинов в киевском войске. Никто не станет разбираться – из тагмов^[75] ли ромейская кавалерия, или из фемных войск^[76].

Но с ромеями или без них, а болгарскому походу – быть. Со всех подвластных Святославу земель к Киеву стекались воины: опытные гридни из дружины Роговолта и молодые безусые вятичи, ополченцы-уличи и новгородские охотники. Шли привлеченные славой и будущей добычей хузары, ясы, касоги, гузы и прочие ныне подданные Киеву племена. Готовились присоединиться союзники: нурманы, печенеги и угры. Уже намечены были пути и назначены места сборов. Первым воеводой Святослав определил Свенельда. Духарев получит под начало тяжелую пехоту: варягов и скандинавов. Его личная дружина тоже переседет с седел на гребные скамьи драккаров и лодий, которые сначала поплывут по Днепру, потом по морю, а затем войдут в устье Дуная. А многотысячная конница двинет сушей... Весело будет! Булгарии нипочем не устоять!

Так говорили в Киеве. Но Сергей знал и другое. Кесарь Петр времени даром не терял, срочно наращивал численность конницы, обязал своих бояр воинской повинностью, спешно обновлял и обустроивал римские крепости вдоль Дуная. У Петра был серьезный козырь. Он крепко стоял на своей земле, тогда как русам предстояло высаживаться на берег: с кораблей, вплавь или бродом форсируя многоводный Дунай. В любом случае им придется начинать из очень невыгодной позиции, когда даже трехкратного превосходства может оказаться недостаточно. Но все равно походу – быть. Алчность и жажда славы сильнее осторожности и рассудительности.

Духарев, впрочем, не жаждал ни славы, ни добычи. Все это у него уже было. И власти ему тоже хватало. Но он соединил свою судьбу с судьбой Святослава, а великий князь киевский сейчас был более всего похож на изготовившегося к прыжку пардуса. Его не удержать. Да и не стал бы Сергей удерживать князя. Кое-кто в Булгарии Духареву изрядно задолжал.

Надо взыскать. С процентами.

А кое-кому он сам должен... И мысли об *этом* долге волновали Сергея куда больше, чем перспектива высадки на враждебный берег.

Эпилог

Три месяца спустя

Ромейские корабли появились на второй день.

– Калокир? – полуутвердительно спросил Святослав, глядя на ползущих по синеве черных жучков с белыми крылышками. Самый меньший из кораблей был впятеро больше самой большой лодьи русов. Но издали ромейские суда казались совсем крохотными. Их было четырнадцать.

– Он, батька, больше некому, – ответил Икмор. – Посылать к Свенельду?

– Посылай, – кивнул князь и оглянулся на свой лагерь.

Там уже возникло привычное шевеление: дружинники проворно, но без суеты седлали коней, надевали брони. И получаса не пройдет, как дружина будет готова выстроиться в боевой порядок позади своего князя. Можно и быстрее, намного быстрее, но – ни к чему.

Икмор знаком подозвал сотника, шепнул ему пару слов. Тот развернулся и поскакал к своей сотне. А через минуту двое отроков сорвались с места и помчались вдоль берега.

Святослав смотрел на море. Он был неподвижен, словно врос в седло. И конь его тоже застыл, словно изваянный из светлого камня. Только серебряные бубенцы на узде мелодично позвякивали на ветру.

Все ромейские корабли, включая дроммоны, шли под парусами. Но боевых дроммонов в приближающейся флотилии было только два. Остальные – транспортники. Ветер был попутный, но прошло, наверное, не меньше полутора часов, пока ромейская эскадра достигла лагеря русов. К этому времени походный лагерь русов был уже свернут, а дружина выстроилась в длинную линию шагах в ста от берега. Три тысячи всадников, отборное войско, лучшее: кони ячменём выкормлены, брони горят...

Ромейские корабли к берегу не подошли: мелко. Встали поодаль, примерно в полутора стрелищах. Святослав прикинул: на каждом может поместиться до сотни пеших или дюжины три катафрактов. А кораблей всего двенадцать. Не так уж много, но и эти сгодятся. Тем более что для

первого удара лучше катафрактов не бывает.

С дроммона побольше спустили лодку. В ней – Калокир (кто же еще!) и десяток воинов.

– Приветствие тебе, великий князь! Как видишь, я свое слово сдержал! – еще издали закричал патрикий.

Нос лодки заскреб по камням, Калокир ловко соскочил на берег. Святослав тоже спешил, приказал коню: «Стой», и двинулся навстречу.

Обнялись.

– Четыреста копий! – патрикий показал на корабли. – Любо?

– Добро, – кивнул князь. – А мои витязи разве не хороши?

– Хороши, – согласился Калокир.

Губы его шевельнулись. Видно, считал, сколь велика дружина. Посчитал – и огорчился. Невелика.

– Ужель думаешь, с такой ратью мы одолеем Петра? – уже без улыбки спросил он.

– Ясно, одолеем! – усмехнулся Святослав. – Да ты не торопись, Калокир, постой немного, погляди, как просторна земля моя, как широк мой Днепр...

«Борисфен, – мысленно поправил его ромей. – И он еще не твой и, скорее всего, никогда не будет твоим, потому что ты не послушал меня и привел ровно столько воинов, сколько можно нанять за пятнадцать кентинариев...».

– Думаешь, зря привез мне золото, патрикий? – угадал его мысли Святослав. – Иль вид не нравится?

Калокир промолчал.

– А пойдем-ка на взгорок, – предложил великий князь. – Оттуда – красивей.

Они поднялись и встали рядом: молодой киевский князь, уже успевший стяжать великую славу и преумножить наследство, и не такой уж молодой ромей из Херсона, добившийся намного меньшего, но мечтавший даже не о великом – о величайшем.

Так стояли они, может, полчаса, может, чуть больше, а потом из-за острова, делившего широкое полотно днепровского устья, появилась первая лодья. Вернее – драккар. Знамя на мачте не разглядеть – далеко еще, но Святослав и так знал, что это «Морской конь» воеводы Серегея. А за воеводиным драккаром – варяжская снечка, и еще одна, и еще...

Патрикий прищурился. Он считал, считал... Несколько раз сбился со счета. А потом земля под ногами легонько задрожала, и Калокир увидел тысячеголовое чудовище печенежской конницы.

– Нравится? – спросил Святослав. – Мог ли твой император надеяться, что каких-то пятнадцать кентинариев поднимут такую рать? Знал бы, небось, дал бы побольше, а?

Калокир перестал считать, повернулся к киевскому князю.

– Если бы император Никифор мог предположить, какое войско пойдет на Мисию за эти пятнадцать кентинариев, я думаю, он не прислал бы тебе и солида, – ровным голосом произнес патрикий.

– И он был бы прав, – сказал великий князь.

А лодьи все шли и шли...

notes

СНОСКИ

Edgar Allan Poe. Annabel Lee.

Перевод А. Оленича Гнененко.

Вой – воин не княжьей дружины, ополченец или купеческий охранник.

4

Головной убор замужней женщины.

«Партизаны» – отслужившие, призванные на военные сборы (совр. жаргон).

Шуйца – левая рука.

Ки-ай – мощный крик, выплеск силы, который сопровождает удар.

Крица – слиток «сырого» железа, выплавленный из «болотной» руды по технологии описываемого времени.

Торч – шип в центре щита, иногда заостренный.

Рапа – соляной раствор высокой концентрации.

Умбон – железная накладка в центре деревянного щита. У древнерусских круглых щитов умбоны обычно полушаровые или сфероконические.

Горшком.

Замковый камень – центральный камень, которым замыкают арку.

Стрелище – расстояние прицельного выстрела из лука, обычно – 200 м.

Даром – от слова «дар», подарок.

Право на титул хакана давало Тмутараканское княжение, хотя князь тмутараканский именовался просто князем, а не великим князем, как тот, кто держал стол в Киеве.

Ульфхеднар – волк-оборотень.

Древнеславянское понятие «скот» включало не только домашних животных, но и любое имущество, богатство.

Печенеги.

Вено – «подарок» жениха родителям невесты.

Куркутэ по-печенежски – волк.

Приток Днепра.

О происхождении слова «печенег» у историков нет единого мнения. Византийцы называли их пацинаками и пацинакитами. Арабы использовали слово «баджнак». Версия происхождения слова «печенег»(беченег) от имени легендарного вождя Вече представляется вполне вероятной. Есть достаточно примеров, когда степной род получал имя по имени своего первого вождя. Вернее, первого вождя правящего рода, потому что, строго говоря, печенеги были не единым родом, а скорее объединением племен тюркского происхождения. Возможно, не только тюрков, угров и других.

Некоторые данные свидетельствуют, что печенеги-язычники исповедовали не обычный в те времена анимистический культ, а некий вариант «экспортированной» из Тибета черной религии «бон».

Берсерк – оборотень-медведь.

Светильник.

Игра слов: нурман – норвежец, свейн – швед.

Продук – часть крыши над очагом в избе, которую топят по-черному. В теплую погоду сдвигается, чтобы дым уходил вверх, а не стелился по потолку.

Здесь и далее слово «панцырь» – в традиционной орфографии.

Бритая голова с оставленным на макушке «оселедцем» – варяжский знак вождя.

Чумак – солевоз. Правда, более вероятно, что само слово возникло позже X века.

Дневной переход.

Кама – шаман.

Здесь под словом «доска» подразумевается стальная пластина.

Здесь «изгой» означает чужой, наемник.

«Человек» – обращение к холопу.

В «Повести временных лет» говорится только об одном сыне Игоря – Святославе. Но на основании некоторых сохранившихся документов можно предположить, что у Игоря был еще один сын, Олег, княживший в Тмутаракани и убитый во время военного похода в Азербайджан в 944 году.

Средневековая европейская формула, определяющая, что если А является синьором Б, а В является синьором В, то это не значит, что А автоматически становится синьором В.

Броня, прикрывающая бок коня.

Край кольчужной сетки, защищавшей шею и ту часть головы, которую не прикрывал собственно шлем.

Приток Днепра.

Приток Днепра.

Левая рука.

Угры – венгры.

От ста двадцати до ста пятидесяти человек.

Напомню, что русь, а еще точнее «княжья русь» – это пока еще не народ, а воины и сторонники киевского князя. По крайней мере, такой вывод можно сделать на основании весьма немногочисленных источников.

Берсерк – оборотень-медведь, ульфхеднар – оборотень-волк. Так, по крайней мере, можно предположить, исходя из литературных источников.

Здесь под погостом понимается не кладбище (как в наше время), а место, куда свозят дань.

Не нужно считать этого зверя праздным вымыслом автора. Через полтора века после описываемых в романе событий черниговский князь Владимир Мономах напишет в своем «Поучении»: «...конь диких своима руками связаль есмь въ пущах 10 и 20 живых конь, а кроме того же по ровни ездя ималь есмь своима руками те же кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома боль. Вепрь ми на бедре мечь оттялъ, медведь ми у олена подьклада укусилъ, лютый зверь скочиль ко мне на бедра и конь со мною поверже...» (...своими руками связал в пущах 10 и 20 живых коней, и в степи ездя тоже руками ловил диких коней. Тур дважды валил вместе с конем, олень меня бодал, лоси – один меня топтал, а другой рогами бил, вепрь сорвал мне меч с бедра, медведь укусил меня за колено, лютый зверь вскочил мне на бедро и повалил вместе с конем...). Иные историки переводят лютого зверя как «рысь», но даже если отбросить тот факт, что рысь крайне редко нападает на человека, и ничуть не умаляя «боевых» достоинств этого хищника, нельзя отрицать тот очевидный, в прямом смысле этого слова, факт, что рысь – довольно-таки небольшой зверь. Завалить таким зверем наездника и коня, причем коня отлично обученного (иного у князя быть не могло) и наездника весьма искусного и опытного, теоретически возможно разве что запулив бедным животным в князя из катапульты. Учитывая, что сам Мономах пишет о том, что зверь прыгнул на него самостоятельно, рысь, даже сиганувшая с приличной высоты (хотя за этими животными суицидальных наклонностей пока не замечено), должна была весить под сотню килограммов, что попросту невозможно. Другое дело – леопард. Тем более что слово «пардус» упоминается в исторических документах неоднократно, правда, историкам так и не удалось установить толком, какой конкретно хищник подразумевается под этим словом: гепард, леопард, барс или даже лев. Впрочем, я не исключаю, что под лютым зверем Мономах мог подразумевать и тигра.

Есть более или менее обоснованное предположение, что хазарский город Семендер был крепостью, сложенной из саманного кирпича, отсюда и название – Саманные ворота. Остатки такого городища найдены близ одной из стариц Терека. Правда, точных доказательств, что это именно Семендер, нет. На основании имеющихся документов достаточно сложно определить точное местоположение одного из важнейших хазарских городов. Можно с уверенностью утверждать только одно: такой город существовал.

Boseg, представители венгерской военной аристократии.

Новгород тех времен делился на полуавтономные районы-«концы», управляемые выборными старостами.

Т. е. представителей народности меря.

В летописи, составленной значительно позднее описываемых событий, написано: «по щелягу от рала», но мне, да простят меня историки, это кажется сомнительным. Учитывая ландшафтные характеристики вятских земель того периода и то, что большинство вятичей были не пахарями, а охотниками, данный налог выглядит, мягко говоря, странным.

Огнище – земля, на которой лес выжжен под пашню. Отсюда – «огнищанин», т. е. землевладелец.

«Зимнее» пиво – напиток, получаемый вымораживанием из обычного пива воды. Таким образом можно было получать продукт значительной крепости.

Почти килограмм в золотом эквиваленте.

Терек.

Бузан – Дон. Наше «Дон» предположительно аланского происхождения, означающее «река».

Фарсах (фарсанг) – переменная (так же, как и русское поприще, означающее расстояние, соответствующее суточному переходу) мера длины. Очень разумный и практичный подход к расстояниям. Понятно, что «сто километров» по плоской степи, по болотам, горным перевалам или дремучим лесам – это очень разные «сто километров». В данном случае, исходя из реальной географии той территории, что некогда принадлежала Хузарии, можно предположить средний в данной местности фарсах соответствующим примерно десяти километрам. По крайней мере именно эту величину называет Л. Н. Гумилев в своих ранних трудах, то есть в то время, когда он еще был в большей степени талантливый ученый, чем блестящим фантастом-популяризатором.

Там ныне наличествует Волго-Донский канал.

Херсонский протевон – нечто вроде «председателя совета старейшин» Херсона, главного города крымского нома.

Парсуна – портрет.

Азербайджан.

Осетин и черкесов.

Черное и Азовское моря.

Такшонь был готов «католизировать» Венгрию, но потребовал от императора Оттона, чтобы присланный в Венгрию епископ и весь епископат подчинялись не императору, а непосредственно Риму, а Оттона, естественно, такой вариант не устраивал. Поэтому Такшонь так и не стал первым венгерским королем.

Болгарский царь Симеон (правил с 919 по 927 гг.) воспитывался в Константинополе, был вынужден принять монашество, но в итоге сбежал на родину, взошел на болгарский престол и изрядно попортил византийцам кровь. Бил их беспощадно. Ему предлагали огромный выкуп за прекращение военных действий, но Симеон отказался. Надо полагать, во время своего «почетного» пленения он немало натерпелся от византийцев. А может, действительно полагал, что способен завоевать Второй Рим. Все к этому и шло, но Симеон внезапно умер, а его сын Петр Короткий был вылеплен из другого теста.

Плaщ.

Мирный договор между Болгарией и Византией был подписан в 927 году.

Водимой, т. е. главной.

Если верить византийскому хронисту Льву Диакону, то речь василевса Никифора была следующей: «Горе ромеям, если они, силой оружия обратившие в бегство всех неприятелей, должны, как рабы, платить подати грязному и во всех иных отношениях низкому скифскому племени! Неужели я, самодержавный государь ромеев, покорюсь нищему, грязному племени и буду платить ему дань?» Он тут же приказал отхлестать послов по щекам и сказал им: «Идите к своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу, и передайте ему: великий и могучий государь ромеев в скором времени придет в твою страну и сполна отдаст тебе дань, чтобы ты, трижды раб от рождения, научился именовать повелителей ромеев своими господами, а не требовал с них податей, как с невольников». Отчего Никифор так взъелся на болгар – вопрос сложный. Даже Диакон полагает поведение василевса, мягко говоря, странным. Возможно, Никифору нужен был предлог для разрыва отношений.

Балканы.

В одном кентинарии порядка тридцати килограммов золота.

Гвардия императора и столичные войска.

Гарнизоны провинций.